UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324489 4

LR 8346 B

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

Кн. 11-14.

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 11.

БѢГЛЫЙ КОРОЛЬ

494569 / 7.7.49

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
Kn. 11-14

Mordovtsev, Daniil Lukich
"Полное Собраніе историческихъ романо[въ]
Кн. 11-14.
(Polnoe Sobranie Istoricheskikh Romanov ...)
pt. 11-14
494369
7.7.49

БѢГЛЫЙ КОРОЛЬ.

Историческая повѣсть изъ временъ царствованія императрицы Екатерины II.

I. Въ Камчаткѣ—альпійская роза.

Это было въ Камчаткѣ, въ Большерѣцкомъ острогѣ.

Зима приближалась къ концу, и безконечныя сѣверныя ночи, хотя и значительно укоротились, однако, все еще были томительно долги.

Въ одну изъ такихъ ночей, уже близко къ полуночи, въ просторной деревянной избѣ, съ широкими нарами, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Сальная свѣча, поставленная на столѣ, слабо освѣщала ихъ пасмурныя лица.

— Странный ты человѣкъ, Батуринъ,—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ у стола, плотный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ сильной просѣдью въ черныхъ волосахъ, обращаясь къ бѣлому, какъ лунь, старику, съ блестящими, какъ у юноши, черными глазами.

— Чѣмъ же я страненъ?—спросилъ старикъ.

— Да какъ же! Говоришь, что здѣсь жизнь—раздолье.

— Конечно, государь мой, раздолье. Не забудь, кто мы. А вотъ ходимъ безъ цѣпей, дышемъ не спертымъ воздухомъ подземныхъ казематовъ, а воздухомъ полей, лѣсовъ...

— И тундръ,—перебилъ его первый.

— И подлинно,—вмѣшался въ ихъ разговоръ третій, болѣе молодой мужчина съ сѣрыми, грустными глазами,—у нашего воеводы живемъ, какъ у Христа за пазухой.

— Ахъ, государи мои!—покачалъ головою первый, сѣдой,

какъ лунь, старикъ, котораго называли Батуринымъ.—Видно, что вы новички въ этой шкурѣ.

— Хороши новички!—перебили его собесѣдники:—Скоро, кажется, сгніемъ здѣсь отъ цынги.

— Эхъ!—махнулъ рукой старикъ.—А вы попробовали бы моего! Ровно двадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскомъ казематѣ, въ одиночномъ заключеніи, вѣдь это, государи мои, семь тысячъ триста дней играть въ молчанку.

— Семь тысячъ триста дней! Это ужасно!—согласились собесѣдники.

— Да, государи мои, ужасно,—продолжалъ старикъ.—Удивляюсь, какъ я не разучился говорить! И еще что, государи мои: каждый часъ ждешь, что вотъ-вотъ звякнетъ ключъ въ дверяхъ, а тамъ... Я, знаете, государи мои, отъ тоски считалъ тамъ дни и часы. И знаете, сколько часовъ насчиталъ? Четыреста тридцать восемь тысячъ!

— Капиталецъ!—протянули сѣрые, грустные глаза.—И вы счетъ вели?

— Велъ-съ, что жъ было дѣлать! Какъ только кончался день, я и ставлю крестъ на стѣнѣ, похерилъ одинъ день! Такихъ херовъ я и нацарапалъ семь тысячъ триста съ хвостикомъ.

— Это високосы, въ хвостъ?—улыбнулись сѣрые глаза.

— Високосы, точно. А часы, государи мои, я считалъ особо. Какъ звякнетъ колоколъ на башенныхъ часахъ и гулко отдастся у меня въ сердцѣ, я черточку на стѣнѣ провожу. Всѣ стѣны каземата исчертилъ.

— Ну, лѣтопись. Дневничекъ занятный!—снова улыбнулись грустные, сѣрые глаза.

— Да-съ, государи мои, вотъ я такъ все и чертилъ. А потомъ начну считать да снова пересчитывать, такъ день и пройдетъ.

Онъ задумался, машинально перебирая пряди своихъ серебристыхъ волосъ.

— Такъ-съ, — тоже задумчиво сказали грустные, сѣрые глаза,—это ты, братъ, помѣчалъ на стѣнахъ дни и часы, а годы сама природа отмѣчала мѣломъ вотъ на этихъ волосахъ, что серебромъ отдаютъ.

Тотъ плотный мужчина, что первый заговорилъ со старикомъ, всталъ и быстро зашагалъ по избѣ.

— Это ужасно!—сказалъ онъ, какъ бы про себя,—семь

тысячъ триста крестовъ, четыреста тридцать восемь тысячъ черточекъ! Да я-бъ не вынесъ этого, я голову разможжилъ бы объ стѣну и мозгомъ бездольной головы моей забрызгалъ бы и эти кресты, и черточки.

— Н-ну,—отозвались сѣрые глаза,—Батуринъ былъ умнѣе насъ.

— Не умнѣе,—возразилъ старикъ,—а жить хотѣлось мнѣ, думать и любить! Смѣшно сказать, любить въ одиночномъ заключеніи! А я любилъ, государи мои.

— Въ казематѣ-то?

— Въ казематѣ, государи мои.

— Кого же это?

— А паука-съ.

— Какъ паука?

— Такъ просто-съ, паука. Представьте себѣ, государи мои,— старикъ всталъ и оперся руками на столъ,—завелся надъ моею койкой, въ углу, паучокъ, свилъ себѣ тенетцы тонкія, ну, и бѣгаетъ по нитямъ своимъ, а то сидитъ и глядитъ на меня. Мнѣ казалось, что онъ понимаетъ меня и охотно, какъ другъ, раздѣляетъ со мною мою неволю. И удивительное дѣло, скажу я вамъ: онъ также, бывало, какъ и я, вздрагивалъ на своихъ тенетцахъ, когда, бывало, ударитъ колоколъ на башенныхъ часахъ, либо звякнетъ запоръ и замокъ у нашей двери, онъ тотчасъ же прятался въ углу. И представьте себѣ, до чего доводитъ одиночество: я такъ привязался къ моему паучку, что, когда мнѣ объявлена была милость, вмѣсто каземата ссылка, сюда въ Большерѣцкій острогъ, мнѣ жаль стало моего паучка: съ кѣмъ-то ты, думаю, останешься, мой другъ?

Онъ помолчалъ. Молчали и остальные его собесѣдники. Было тихо въ избѣ, только за печкою трещалъ сверчокъ, да за окномъ уныло гудѣлъ вѣтеръ.

— Такъ-то, государи мои,—снова продолжалъ старикъ, садясь на прежнее мѣсто,—а здѣсь что? Здѣсь раздолье! Здѣсь вотъ я васъ вижу, съ вами бесѣдую; здѣсь я хожу вольно по этому пустынному острогу, по тундрамъ, вижу небо, горы, а по пути сюда такъ и пѣніе птицъ слышалъ... А вотъ чудно, государи мои: никакой птицѣ я такъ не обрадовался, какъ сорокѣ, когда въ первый разъ увидѣлъ ее въ дорогѣ послѣ двадцатилѣт-

няго шлиссельбургскаго сидѣнья. А ты, Хрущовъ, что молчишь? Все тоскуешь, небось?

Слова эти относились къ четвертому собесѣднику, который сидѣлъ въ сторонѣ у окна и не принималъ участія въ разговорѣ. Это былъ стройный блондинъ, съ тонкими чертами лица и черными глазами.

— Что, тоскуешь, другъ?—повторилъ старикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, котораго назвали Хрущовымъ,— не тоскую, а слушаю, какъ подъ окномъ вольный вѣтеръ плачетъ.

— Эхъ, ты, поэтъ!—отозвались сѣрые глаза. — О чемъ тамъ вѣтру плакать? Развѣ онъ ссыльный, какъ мы съ тобой? Онъ у нашего идола Нилова не подъ командой: ему вольно летѣть, куда угодно, хоть въ Питеръ.

— Питеръ! — съ горечью повторилъ, какъ бы про себя, тотъ, котораго назвали Хрущовымъ.—Ахъ, какъ живо помню я этотъ Питеръ и этотъ хмурый день, когда меня, да брата Алексѣя, да Гурьевыхъ трехъ братьевъ, въ тяжелыхъ кандалахъ, привели на мѣсто казни. Сколько народу, войска! И стали читать... Помню я даже слова этого чтенія: я думалъ, что это были послѣднія слова, которыя суждено мнѣ было услышать на землѣ... «За богомерзкое и толь злодѣйское дѣло, какъ изблеванье хулы величества, по всѣмъ законамъ, Петра Хрущова да Гурьева Семена, яко главныхъ въ томъ дѣлѣ зачинщиковъ, четвертовать и голову отсѣчь, а Гурьевымъ, Ивану и Петру, тожъ головы отсѣчь»... И глухо глухо тамъ, гдѣ-то, подъ нами, барабанъ стучитъ... И жду я, безумецъ, жду, вотъ шевельнется масса, вотъ послышатся голоса изъ толпы: «Зачѣмъ казнить? Они за законнаго государя да за насъ стояли»... Нѣтъ, все молчитъ кругомъ, одинъ барабанъ говоритъ... Вѣтерокъ повѣялъ мнѣ прямо въ лицо и бросилъ на лицо прядь моихъ волосъ, и я вспомнилъ, какъ эту прядь когда-то ласкала милая рука, а теперь эту прядь схватитъ рука палача, чтобъ вмѣстѣ съ головой сбросить внизъ, къ ногамъ толпы... А около меня все читаютъ: «повелѣваемъ мечъ, намъ Богомъ данный и, по словамъ Его, не безъ ума носимый нами, удержать въ ножнахъ и, жизнь оставя имъ, послать въ Камчатку на вѣчное житье»... И вотъ я здѣсь! Семь лѣтъ гнію средь этихъ тундръ, въ снѣгахъ, семь долгихъ лѣтъ все думаю о томъ, что вѣчно закрыто для меня!

— Эхъ, поэтъ, поэтъ!—вздохнули сѣрые глаза.—Все-то изукраситъ цвѣтами краснорѣчія, даже тоску свою.

— А что не видать Гурьева? — оглянулся Хрущовъ на остальныхъ.

— Да онъ все дома сидитъ, рѣдко къ намъ ходитъ,—отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Онъ что-то дичится насъ,—замѣтилъ другой.

— Давно не былъ и Беніовскій,—вставилъ третій.

— Онъ рисуетъ карту Камчатки и Курильскихъ острововъ,—пояснилъ первый.

— Зачѣмъ она ему?

— На случай, пригодится.

— А можетъ быть, для своей ученицы.

— Для Аѳанасіи Григорьевны?

— Да... Онъ, кажется, къ ней тово.

— Да и она тоже... А славная дѣвочка! И какъ такой роскошный цвѣтокъ распустился на снѣгахъ Камчатки, среди проклятой тундры?

— Альпійская роза: она и на снѣгу растетъ.

Въ сѣняхъ избы послышались чьи-то шаги.

— Кто-то идетъ! Ужъ не онъ ли?

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась высокая, стройная фигура мужчины лѣтъ за сорокъ, съ смѣлымъ взглядомъ продолговатыхъ, точно у сфинкса, и, какъ у сфинкса, почти не мигающихъ глазъ.

— Ба-ба! Легокъ на поминѣ!

II. «Не во вредъ Россіи».

Вошедшій былъ знаменитый въ прошломъ вѣкѣ энтузіастъ, баронъ Морицъ Анадаръ Беніовскій.

Беніовскій считался венгерцемъ, но онъ скорѣе былъ полякъ и по рожденію, и воспитанію, и по своимъ политическимъ симпатіямъ. Вмѣстѣ съ польскими конфедератами Пулавскимъ, Огинскимъ и Пацемъ, онъ сражался противъ русскихъ войскъ, которыми и былъ взятъ въ плѣнъ, а въ 1769 году сосланъ былъ въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ.

Здѣсь онъ сошелся съ другими ссыльными русскими, съ которыми мы уже отчасти познакомились въ предыдущей главѣ.

Серебристоголовый старикъ, говорившій о своемъ двадцатилѣтнемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, былъ Батуринъ Яковъ. До ссылки онъ состоялъ въ артиллеріи, въ чинѣ полковника, и за покушеніе, въ 1743 году, возвести на престолъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскій казематъ, гдѣ, дѣйствительно, и высидѣлъ въ одиночномъ заключеніи двадцать лѣтъ. Затѣмъ, въ 1769 году, одиночное заключеніе было замѣнено для него вѣчною ссылкою въ Камчатку же, въ Большерѣцкій острогъ.

Другой, плотный мужчина, съ сильной просѣдью, былъ Степановъ, Ипполитъ, нѣкогда капитанъ арміи, а теперь тоже арестантъ Большерѣцкаго острога. Это былъ, повидимому, очень мощный и энергичный человѣкъ, съ силой буйвола.

Сѣрые, грустные глаза принадлежали его молодому другу, Панову, товарищу по ссылкѣ. Пановъ былъ душею и любимцемъ этого небольшого кружка ссыльныхъ, и хотя онъ постоянно шутилъ и острилъ, развлекая товарищей въ минуты тоски по родинѣ и вызывая улыбки на ихъ хмурыя лица, но глаза его при этомъ постоянно оставались задумчивыми и грустными. Оттого шутки его отдавали какою-то скрытою грустью, и веселость казалась напускною.

Тотъ, кого онъ называлъ «поэтомъ», былъ Петръ Хрущовъ, нѣкогда поручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, а съ 1762 года—арестантъ Большерѣцкаго острога. Петръ Хрущовъ былъ главою извѣстнаго заговора, которымъ, такъ сказать, открылось царствованіе императрицы Екатерины II. Это была натура нервная до болѣзненности, а потому подчасъ безсильная обуздать свое пылкое, тоже до болѣзненности, воображеніе.

— Что вы такіе мрачные, друзья мои?—спросилъ Беніовскій, садясь около Батурина.

— Да вотъ все Хрущовъ смущаетъ,—отвѣчалъ Пановъ, кивая головой по направленію къ Хрущову.

— Чѣмъ же это?

— Да все поэзіей, такое несетъ, что уши вянутъ; говоритъ, что слушаетъ, какъ вѣтеръ плачетъ, а чего ему плакать? То самъ съ вѣтромъ разговариваетъ, и будто бы вѣтеръ говоритъ ему: «ахъ, братъ, Хрущовъ, какъ усталъ я носиться вокругъ земного шара». А кто его, дурака, гонитъ? Пролеталъ я, говоритъ, будто бы Америкой и Тихимъ океаномъ, и вездѣ-то, гово-

ритъ, все Хрущовы хнычутъ. Хотѣлось бы мнѣ, говоритъ, въ Россію полетѣть (и кто мѣшаетъ?), посмотрѣть, что «тамъ». А Хрущовъ и говоритъ вѣтру: «лети, братецъ, да поклонись родной сторонкѣ, скажи, какъ мы здѣсь изнываемъ по волѣ». А я и говорю: да ты не очень-то подбивай вѣтеръ, а то и его, дурака, постегаютъ да сюда же сошлютъ подъ команду Нилову, шутить-то тамъ и вѣтру не позволятъ. Вонъ, на что галки— птицы!—а и галокъ сотъ пять сослали, говорятъ, въ Пелымь за то, что, глупыя, глазѣли надъ дворцомъ, когда тамъ изволилъ почивать свѣтлѣйшій герцогъ Биронъ.

Беніовскій загадочно улыбнулся.

— Bene, bene!—сказалъ онъ весело.—Si non e vero ben' trovato, похоже на истину: у васъ на святой Руси все возможно.

Хрущовъ всталъ съ нервнымъ подергиваніемъ губъ.

— Не говорите такъ, панъ Беніовскій! — горячо сказалъ онъ.—Вы не то полякъ, не то венгерецъ, вы не поймете насъ.

— Дѣйствительно, я васъ не понимаю,—пожалъ плечами ссыльный конфедератъ.—Вы бы стыдились любить такую родину, какъ ваша.

— А вы свою!—горячился Хрущовъ.—Да у васъ и родины-то нѣтъ... За кого жъ вы бились? За пановъ? За Пулавскихъ да Огинскихъ? Имъ вы продали свой мечъ и свою кровь!

Вскочилъ, въ свою очередь, и Беніовскій.

— Ложь!—сказалъ онъ, поблѣднѣвъ.—Я ничего не продавалъ! Я бился за вульность, рувность, неподлеглость и буду биться за нихъ вездѣ, на кого бъ не надѣли цѣпи рабства, будь то въ Польшѣ, въ Камчаткѣ ли, все равно!

— И за пелымскихъ галокъ?—вставилъ Пановъ.

— Я рыцарь!—продолжалъ, не слушая его, Беніовскій.— Только я рыцарь новаго покроя и ношу цвѣта моей прекрасной дамы и буду вездѣ за ея честь сражаться въ Польшѣ ли, бокъ-о-бокъ съ Огинскимъ и Пулавскимъ, въ Камчаткѣ ли, рядомъ съ вами...

— И съ Ниловымъ?—не утерпѣлъ Пановъ.

Но Беніовскій не слушалъ его.

— Только этой дамѣ я и посвятилъ и кровь мою, и мечъ.

— А позвольте узнать имя вашей прекрасной дамы?— спросилъ Пановъ

— Свобода!

— А!—протянулъ Пановъ.—Мы съ этой милой дамой незнакомы... Она и вамъ, злодѣйка, измѣнила...

— О, нѣтъ! — горячо, но загадочно возразилъ конфедератъ.—Она лишь прячется стыдливо отъ грубой силы русскихъ... А хотите, я васъ представлю ей?

— О, да!—отвѣчалъ Степановъ.—Мы всѣ васъ объ этомъ просимъ.

— Только не я!—возразилъ Хрущовъ.—Я не желаю в а ш е й дамы, господинъ баронъ. Я лучше буду жить съ моей бѣдной дамой, съ разбитой надеждой. И я когда-то мечталъ, и я надѣялся... Но видите ли?.. Тотъ гренадеръ, который клялся мнѣ за согласіе всего своего полка, этотъ самый гренадеръ, когда намъ съ Гурьевыми читали указъ о смертной казни, глядя на насъ, преспокойно ковырялъ въ носу.

— Жаль мнѣ васъ, Хрущовъ,—сочувственно сказалъ Беніовскій.—И мнѣ понятны муки разбитыхъ надеждъ. Памятны мнѣ тяжелыя мгновенія изъ прежней жизни: шли мы съ Пулавскимъ противъ русскихъ; въ свой отрядъ мы всю душу вложили; они клялись стоять, хотя бы ихъ живыми зарывали въ землю... И какъ горячо я цѣловалъ ихъ, плакалъ съ ними! А они меня и Пулавскаго, словно краденые сапоги за кварту горѣлки, отдали герръ фонъ-Бринку. И вотъ я здѣсь, а Пулавскій въ Казани.

— А галки галдятъ въ Пелыми,—не унимался Пановъ.

— Правда, другъ,—улыбнулся Степановъ,—вѣдь ты вмѣстѣ съ галками сосланъ въ Пелымъ, а въ Камчатку попалъ ошибкой.

— Правда и то!—согласился Пановъ.—Вѣдь мы съ тобой вмѣстѣ каркали, когда императрица въ Москву наказъ прислала и велѣла намъ уложеніе сочинять, помнишь? Ты каркалъ ворономъ, а я только галченкомъ.

— Помню, помню!—отозвался тотъ.—Да не въ этомъ, другъ мой, дѣло.

Беніовскій прервалъ ихъ разговоръ. Онъ, видимо, хотѣлъ сказать что-то особенное, потому что лицо его выражало нетерпѣніе и твердую рѣшимость.

— Оставьте, господа, безполезные разговоры,—сказалъ онъ какъ будто съ раздраженіемъ въ голосѣ,—довольно, мы вели здѣсь пустыхъ бесѣдъ, довольно и безполезно плакались, какъ бабы, на свою участь. Надо дѣло дѣлать. Гдѣ остальные наши

товарищи по острогу? Винбладъ, Мейдеръ, Гурьевъ, Гурчениновъ?

— Зачѣмъ вамъ они?—спросилъ Батуринъ.

— Дѣло есть,—былъ отвѣтъ.

— Какое дѣло?

— Сейчасъ скажу!

— Да на Гурьева плоха надежда для дѣла, — замѣтилъ Батуринъ.

— А что?—спросилъ конфедератъ.

— Не надеженъ онъ, удаляется... А Гурчениновъ безполезенъ для бесѣды. На что годится человѣкъ, у котораго вырѣзали языкъ?

— Ахъ, да! Скажите, пожалуйста, за что его у бѣднаго вырѣзали?—спросилъ Беніовскій.—Я до сихъ поръ этого не знаю.

— Да за то,—сказалъ Пановъ загадочно,—за что сослали Овидія.

— Полно тебѣ болтать!—перебилъ его Батуринъ.—Гурчениновъ былъ камеръ-лакеемъ управительницы Анны Іоанновны въ 1742 году, косвенно участвовалъ въ заговорѣ противъ Елизаветы Петровны, то есть, онъ просто смолчалъ тамъ, гдѣ отъ него требовали отвѣта, и вотъ для того, чтобъ ужъ онъ никогда не говорилъ, ему на плахѣ и совсѣмъ вырѣзали языкъ.

— Остроумно!—улыбнулся конфедератъ.—Это будетъ почище Овидія... Впрочемъ,—прибавилъ Беніовскій,—такой человѣкъ всего болѣе пригодится въ нашемъ дѣлѣ.

— Своимъ краснорѣчіемъ?—спросилъ Пановъ лукаво.

— Именно краснорѣчіемъ! — горячо отвѣтилъ конфедератъ.—Краснорѣчивъ фактъ для народа... Слушайте же!

Онъ выпрямился, оглядѣлся, потомъ взялъ со стола свѣчу и вышелъ въ сѣни. Тамъ онъ осмотрѣлъ всѣ углы, заперъ сѣни и воротился въ избу.

— Друзья и товарищи моего печальнаго плѣна!—началъ онъ торжественно дрогнувшимъ голосомъ.—Я пришелъ къ вамъ съ великимъ дѣломъ. Клянетесь ли вы мнѣ, что то, что я сообщу вамъ сейчасъ, останется тайною между нами? Клянетесь ли?

— Если только не во вредъ Россіи,—возразилъ Хрущовъ.

— Не во вредъ,—спокойно отвѣчалъ конфедератъ.—Клянетесь ли?

— Я клянусь!—сказалъ Батуринъ.

— Клянусь и я!—повторилъ за нимъ, поднимая правую руку, Пановъ.

— И я! И я!—повторили Степановъ и Хрущовъ.

— Но,—прибавилъ медленно Батуринъ, какъ старѣйшій,—мы можемъ и не принять того, что вы намъ предложите?

— Это ваша воля,—отвѣчалъ конфедератъ,—но я убѣжденъ глубоко, что вы примете. Слушайте же! Я все вамъ открою.

III. За Павла Перваго

— Я давно лелѣю въ душѣ великій планъ,—началъ Беніовскій торжественно, и немигающіе глаза его, казалось, остеклѣли и похолодѣли.—Мое сердце, какъ, надѣюсь, и ваше, жадно проситъ воли, а съ волею и счастья. Душѣ такъ обидно томиться въ этомъ склепѣ, въ этой снѣжной могилѣ, гдѣ только дикій воронъ крячетъ, да по ночамъ стонетъ филинъ надъ забытыми могилами погибшихъ здѣсь вдали отъ родины. Насъ всѣхъ ждетъ эта могила: мы присланы сюда на вѣчное житье, на вѣчное! Развѣ мысль ваша не ищетъ живого дѣла, руки—работы, только не каторжной? А насъ окопали снѣгами, обвели холоднымъ, безпредѣльнымъ моремъ, какъ души умершихъ эллиновъ обводили мрачнымъ Стиксомъ. Но то, вѣдь, были тѣни мертвыхъ, а мы, мы живые! Мы жизни просимъ, свободы! И я все это дамъ вамъ, дамъ, клянусь Всемогущимъ Богомъ!

Онъ остановился, тяжело дыша. Всѣ сидѣли, потупивъ головы.

— Я дамъ вамъ все, все!—продолжалъ конфедератъ.—Какъ сказочная птица, помчу я всѣхъ васъ на могучихъ крыльяхъ. Изъ могилы—не мертвыхъ, а живыхъ васъ, сильныхъ, я выну и, какъ евангельскій демонъ Христу, покажу всѣ царствія міра, сказочныя царства: Японію, Китай, Офиръ библейскій. Я покажу вамъ край, гдѣ пальмы зрѣютъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ, гдѣ воздухъ нѣгой дышетъ, гдѣ нѣтъ ни тундръ, ни тюремъ, ни цѣпей! Обѣихъ Индій страны покажу вамъ, Великаго Могола царства, Цейлонъ роскошный и Мадагаскаръ, я родину вамъ негровъ покажу, страны, гдѣ львы гуляютъ на свободѣ, и зрѣютъ лопасти банана! А тамъ, все дальше, дальше понесу васъ!

Батуринъ безнадежно махнулъ рукой, еще ниже опустивъ свою серебряную голову.

— Эхъ! Это сонъ несбыточный, но сладкій сонъ!—тихо сказалъ онъ, поднимая блѣдное лицо и глядя въ глаза конфедерату.—Зачѣмъ вы демономъ сюда явились, чтобъ нашъ покой могильный нарушать? Зачѣмъ, когда мы жаждой умираемъ въ степи безводной, вы намъ показали моря воды живой, чтобъ агонію нашу, муки смерти увеличить!

Беніовскій ничего не отвѣчалъ. Какъ ловкій ораторъ, привыкшій говорить на сеймахъ, онъ ждалъ перваго эффекта своей рѣчи.

Пановъ съ жестомъ отчаянія подошелъ къ конфедерату.

— Беніовскій! Демонъ! Вы точно демонъ!—задыхаясь, говорилъ онъ.—Зачѣмъ мой смѣхъ и шутку вы убили? Мнѣ плакать хочется!

— Извините,—сказалъ, въ свою очередь, Хрущовъ,—все это только польское краснорѣчіе. Зачѣмъ мнѣ льва и лопасти банановъ? Вы дайте мнѣ Россію, край мой милый и далекій! Дайте поглядѣть мнѣ на русскія избушки, на бѣленькія хатки Украйны, на степи и поля! А то бананы, тамаринды!

Конфедератъ былъ, видимо, задѣтъ за живое словами Хрущова... «польское краснорѣчіе, лопасти банановъ!..»

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ кармана карту и разложилъ ее на столѣ. Собесѣдники окружили столъ.

— Вотъ, какимъ путемъ я поведу васъ къ русскимъ избушкамъ и къ бѣленькимъ хаткамъ Украйны,—серьезно сказалъ конфедератъ, обращаясь къ Хрущову,—сначала Камчатскимъ моремъ, потомъ вдоль Курильскихъ острововъ до Японіи, вотъ этимъ курсомъ, нанесеннымъ мною на карту. Оттуда Корейскимъ проливомъ мы выйдемъ къ Китаю... Дальше, слѣдите за моимъ пальцемъ, Формоза, Кантонъ, Макао, Сайгонъ, Сингапуръ, Суматра. Далѣе мы огибаемъ Африку, а оттуда къ Европѣ путь направимъ... А тамъ, кресты родимыхъ колоколенъ, поля родныя, рѣчь родная, и милыя, старыя лица, которыя насъ дѣтьми любили и ласкали: тамъ и русскія избушки, и бѣленькія хатки Украйны.

— Богатая фантазія! — грустно покачалъ сѣдой головою Батуринъ.—Но мы не дѣти, чтобъ вѣрить сказкамъ. Откуда вы, нашъ чародѣй, возьмете коверъ-самолетъ, чтобъ на коврѣ этомъ, черезъ морскія бездны, пронести насъ по воздуху вокругъ земного шара, подобно тому, какъ ангелъ переноситъ души умер-

шихъ отъ ложа смерти въ незримый край новой жизни? Сказки! Сказки, мой другъ!

— Иллюзіи!—грустно повторилъ и Степановъ.

— Фантазіи, баронъ, фантазіи!—насмѣшливо махнулъ и Пановъ.—Вы только доказываете этимъ вѣрность пословицы, что у всякаго барона своя фантазія.

— Нѣтъ, не фантазія!—гордо выпрямился конфедератъ.—Садитесь и слушайте дальше.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, обдумывая то, что намѣренъ былъ сказать. Глаза его снова сдѣлались холодны и неподвижны!

— Такъ слушайте-жъ!—началъ онъ, останавливаясь посреди комнаты.—Камчатка, гдѣ мы живемъ теперь и ждемъ безвременной и безславной могилы, какъ вамъ извѣстно, почти безлюдный край, а Большерѣцкъ—ничтожный городишко, въ которомъ всего тридцать пять маленькихъ избушекъ. Гарнизонъ большерѣцкій вы также знаете, всего полсотни казаковъ, и притомъ хромыхъ, кривыхъ, слѣпыхъ и безоружныхъ. Вся казна—у Нилова, у коменданта: мы возьмемъ ее. Пушки, порохъ, свинецъ, гранаты, картечь, ружья—все это у насъ подъ руками, и стоитъ только руку протянуть, чтобъ взять. Провіанту у насъ порядочный запасъ, надолго хватитъ. Мы овладѣемъ острогомъ безъ всякихъ усилій и на каланчѣ разовьемъ государственное знамя съ именемъ Павелъ Первый!

Батуринъ прервалъ эту рѣчь знакомъ нетерпѣнія.

— Какъ вамъ не стыдно, баронъ, играть нашими чувствами!—съ горечью сказалъ онъ.—Что-жъ, вы думаете отдѣлить Камчатку отъ Россіи? Довольно того, что и Польши-то вы не смогли отдѣлить отъ Россіи!

— Нѣтъ! — горячо возразилъ конфедератъ. — Не того я хочу. Съ большерѣцкой каланчи мы знамя Павла Перваго перенесемъ на стѣны Петропавловской крѣпости.

— Какимъ это образомъ?

— Вы не дали мнѣ досказать, — холодно отвѣтилъ Беніовскій.

— Виноватъ, государь мой, погорячился... Мои лѣта...—и Батуринъ махнулъ рукой.

Конфедератъ опять прошелся по комнатѣ, какъ бы припоминая что-то.

— Да!—остановился онъ, какъ вкопанный.—Еще тогда, когда мы плыли изъ Охотска вотъ съ ними (онъ указалъ на Степанова и на Панова), прошлымъ лѣтомъ, на гальотѣ, когда насъ въ Большерѣцкъ ссылали, а васъ на особомъ суднѣ отправляли, во мнѣ созрѣлъ ужс замыселъ спасти себя и васъ. Въ открытомъ морѣ ночью стражу заманить въ каюты, въ открытомъ морѣ стража такъ безпечна, и, люки заклепавъ, принять команду надъ гальотомъ и направить путь нашъ къ югу, къ владѣніямъ испанскимъ. Но тогда, вѣдь, время было неудобно, лѣто къ осени сближалось, а на гальотѣ было мало и орудій, и провіанту, а равно боевыхъ запасовъ и команды: намъ пришлось бы голодомъ томиться въ невѣдомыхъ моряхъ, безъ картъ, безъ инструментовъ и, въ концѣ концовъ, мы попали бы въ руки пиратовъ. Теперь не то!—онъ понизилъ голосъ до шопота.—Теперь у насъ будетъ прочный военный гальотъ, пушки, порохъ, всѣ боевые припасы, ружья, провіантъ и казна... У насъ команды до ста человѣкъ, у насъ морскія карты, инструменты! У насъ и флагъ, и прапоръ царскій! А на прапорѣ мы имя императора поставимъ. Отъ имени царя насъ примутъ въ Іеддо, какъ представителей Россіи. На моряхъ и въ гаваняхъ будетъ развиваться россійскій флагъ, и флагъ тотъ будутъ созерцать и берега Китая, и обѣихъ Индій, колоніи испанцевъ и французовъ, и берега Европы будутъ видѣть нашъ полосатый флагъ и прапоръ царскій! Проснитесь же! Весна ужъ недалеко: съ разливомъ рѣкъ должны мы выйти въ море!

Рѣчь смѣлаго конфедерата произвела ошеломляющее впечатлѣніе.

— О, сонъ отрадный!—какъ бы стоналъ Батуринъ.

— Сонъ! Но, Боже, какъ сладокъ этотъ сонъ,—съ тоскою произнесъ Степановъ.

— А мнѣ такъ плакать хочется отъ несбыточнаго счастья, а слезы мнѣ шутить ужъ не даютъ... Но это только сонъ!—безнадежно опустилъ голову Пановъ.

— Не сонъ! — возразилъ Беніовскій. — Проснитесь же! Весна стучится въ двери!

— Ахъ, не весна, стучатся слезы въ горло, глаза мнѣ застилаютъ!—махнулъ рукой Пановъ.—Видите, я плачу.

Онъ, дѣйствительно, плакалъ.

Беніовскій видѣлъ, что произведенное имъ впечатлѣніе было

очень сильно, и, боясь скораго отрезвленія своихъ слушателей, продолжалъ говорить:

— За нами пойдутъ Винбладъ, Мейдеръ, Гурчениновъ, Чулошниковъ, Бочаровъ, Чуринъ, Рюминъ да Уфтюжиновъ—мой ученикъ: онъ за меня пойдетъ въ огонь и въ воду... Гурьевъ...

— Гурьевъ не надеженъ,—тихо сказалъ Хрущовъ.

— А команда?—спросилъ Батуринъ.

— Съ посадскими и казаками до ста человѣкъ, и все это народъ надежный: они чего-то ждутъ, а я, какъ порохъ на огонь, не разъ уже бросалъ въ народъ имя Павла и «зеленую грамоту».

— Какую «зеленую грамоту»?

— Объ этомъ послѣ, послѣ!

— А гальотъ?—спросилъ Батуринъ.

— Гальотъ готовъ, хотя не для насъ,—отвѣчалъ загадочно конфедератъ, — но онъ нашъ! Это вѣрнѣе смерти, за гальотъ я ручаюсь.

Сѣдая голова Батурина тряслась отъ волненія, когда онъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ, бормоча словно въ забытьи:

— Полны соблазна демонскія рѣчи... Горячимъ пламенемъ онѣ льются въ душу, и это пламя течетъ по старымъ жиламъ, я снова молодъ! Сѣдой мой волосъ снова почернѣлъ, я снова чую въ себѣ силу, какъ въ тотъ день, когда шелъ со шпагою на цѣлый полкъ, и на престолѣ видѣлъ ужъ Петра, теперь же Павла!

— И вы увидите его тамъ!—настойчиво подтвердилъ конфедератъ.

— И родину увидимъ? Родныя кровли?

— Все, все увидите, только клянитесь, поклянитесь именемъ Отца и Сына и Святого Духа! Клянитесь потерянною вами свободой и честью, головами клянитесь итти со мной!

Батуринъ поднялъ руку. На глазахъ его сверкали слезы.

— Клянусь!—сказалъ онъ сильнымъ голосомъ.—Клянусь сѣдой головой и честью!.. Клянусь двадцатилѣтней неволей!.. Клянусь землею и небомъ и тѣмъ, что подъ землею и на небѣ, клянусь итти въ огонь и въ воду, на жизнь и смерть!

Словно безумные вторили ему въ одинъ голосъ и Степановъ, и Пановъ, и Хрущовъ:

— Клянусь и я!.. Клянусь!.. Клянусь!..

Беніовскій горячо всѣхъ обнялъ и вынулъ изъ кармана какія-то бумаги.

— Теперь, друзья, обсудимъ наше предпріятіе, — сказалъ онъ, перебирая бумаги.

Но въ это время что-то постучалось подъ окномъ, и онъ мгновенно умолкъ. Стукъ повторился отчетливѣе.

— Кто тамъ?—спросилъ Беніовскій

— Вѣстовой!—послышался отвѣтъ.

— Чего тебѣ?

— Барона командиръ спрашиваютъ.

— Кто спрашиваетъ меня?

— Командиръ, ваше благородіе!

— А гдѣ онъ?

— Дома былъ, у себя.

— Пьянъ?

— Есть, кубыть, маленько.

— Такъ скажи, что скоро буду.

— Семинутъ приказано, ваше благородіе.

Беніовскій значительно переглянулся съ товарищами.

— Хорошо, иду! До свиданья, товарищи! До завтра!

И онъ ушелъ, оставивъ всѣхъ въ глубокомъ волненіи и точно онѣмѣвшими.

IV. На родину—безъ меня!

И надъ Камчаткой, наконецъ, ходитъ весеннее солнце. Оно смело и снѣжные сугробы вокругъ Большерѣцка, и бѣлый иней смело съ тощихъ группъ искривленнаго березняка, и жалкую зелень вызвало изъ непривѣтливыхъ тундръ. Но только рѣка еще не вскрылась отъ льда, хотя посинѣла уже и мѣстами вздулась.

Изъ-за пригорка виднѣется колокольня церкви Большерѣцкаго острога. Берегомъ рѣчки идетъ казакъ съ тенетами за плечами и тянетъ заунывную пѣсню.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Али участь моя горькая,
На роду ли мнѣ написано,
Али на дѣлѣ досталося,
Что со младости до старости,
До сѣдова бѣла волоса
Во весь вѣкъ мнѣ горе мыкати
Что до самой гробовой доски.

И казакъ скрывается за возвышеніемъ. Изъ-за березняка показываются двѣ фигуры—не то казаки, не то матросы.

— Ее, слышь, мать-ту, прочатъ въ монастырь,—говоритъ первый, высокій рыжій мужикъ.

— За што такъ?—спрашиваетъ другой, низенькій съ простодушнымъ взглядомъ.

— За што, знамо, за родителя да ради спасенья молиться.

— А нешто и они въ грѣхѣ, то-ись?

— Каковъ случай... Не ровенъ часъ, а лукавый, чу, силенъ... Она-жъ тово...

— Поди ты, на! А онъ-то?

— А онъ себѣ знай, ну, и тово.

— Ишь ты! Вотъ дѣла!

— А то какъ же! Всяко бываетъ.

— Ну, и что жъ, паря?

— Ну, и тово, по боку.

— А сынъ-то какъ же?.. А?

— Ну, сынъ, знамо: ты незамай, слышь, онъ отецъ мой былъ...

— Ишь ты куда! Та-та-та-та!

— Нда, каковъ ни-на-есть отецъ, а все-жъ...

— И точно, отецъ, сказать бы, родитель

— Ну, причта та и вышла, а вотъ и къ намъ.

— А мы-то што-жъ, паря?

— Штобы мы, значитъ, за сво.

— На кой песъ?

— На кой! Бейпакъ сказывалъ, зелену, чу, грамоту привезъ за печатью, да за сво рукой.

— Ой-ли, за ево рукой!.. И зелена?.. Къ кому жъ-она?

— А къ Кесарю, баитъ: нашъ-то жениться задумалъ, дакъ у Кесаря дочь сватать хочетъ.

— А Кесарь что-жъ?

— Какъ што! Онъ на насъ пойдетъ, коль мы зятю ево по дадимъ присяги.

— Вонъ оно куда гнетъ! А кто-жъ зять-ту?

— Да нашъ-то! Али не смекнулъ?

— Кубыть, теперь мекаю... Она тово, а онъ тово, ну, мекаю... Ишь ты!

Беседующіе также скрылись за возвышеньемъ, изъ-за котораго высился крестъ большерѣцкой колокольни.

День обѣщалъ быть тихимъ и теплымъ. Въ голубомъ небѣ заливались жаворонки, для которыхъ и угрюмыя тундры Камчатки были такъ же милы, какъ и привольныя степи далекой родины Беніовскаго.

Это онъ выходитъ изъ-за пригорка и въ глубокомъ раздумьи останавливается на берегу рѣки. За послѣднее время онъ какъ-будто похудѣлъ, но зато въ лицѣ его и въ глазахъ замѣтно было болѣе мягкости, теплоты.

Онъ думалъ о своемъ дѣлѣ, о далекой родинѣ, о разбитыхъ надеждахъ молодости. Пѣсня казака, которую онъ слышалъ, нагнала на него щемящую тоску. Казалось, что пѣсня эта, ея трогательная, грустная мелодія, и слова, полныя безнадежнаго отчаянія, какъ долгое эхо, стояли въ его сердцѣ, и онъ невольно становился этимъ эхомъ...

На роду ли мнѣ написано,
Или на дѣлѣ досталося,
Что со младости до старости.
До сѣдова бѣла волоса...

Онъ невольно, какъ-то машинально захватилъ за ухомъ прядь своихъ длинныхъ вьющихся волосъ и притянулъ къ глазамъ. Въ длинной пряди черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ блестѣли серебряныя нити. Онъ грустно покачалъ головой: «да вотъ онъ, сѣдой бѣлый волосъ, да и не одинъ»...

Машинально онъ опустился на камень, торчавшій надъ пологимъ берегомъ рѣки. Невеселыя мысли тѣснились ему въ голову. Неужели къ этимъ угрюмымъ тундрамъ рвалось его сердце, когда онъ бросилъ свою родину, мать, родную кровлю, табуны отцовскихъ коней и все, все милое и привычное, когда, въ послѣдній разъ поцѣловавъ дорогую, низко наклоненную, всю въ слезахъ, золотистую головку Ванды, пошелъ искать боевыхъ подвиговъ, рыцарской славы бокъ-о-бокъ съ Пулавскимъ и Огинскимъ. Чѣмъ-то невыразимо прекраснымъ и дорогимъ казались ему теперь его родныя Угры, гдѣ его юное воображеніе ласкали и знойныя степи, и темныя рощи, и звонкіе горные ручьи, и синева небесъ глубокихъ. И вмѣсто всего этого, Камчатка, холодное море, полярные льды. Здѣсь, на безотрадномъ концѣ вселен-

ной, ему суждено томиться теперь въ неволѣ, довольствоваться этой чахлой природой и небомъ, такимъ же печальнымъ, жалкимъ, безпривѣтнымъ. Ему казалось, что кругомъ все тоскуетъ, какъ и онъ, все по жизни поетъ, и небо тоскуетъ, и лѣсъ такой же чахлый, какъ трава и люди, и чахлое, какъ этотъ березнякъ, солнце, чахлое и злое, какъ чахлы тутъ и злы люди, и холодное, какъ цѣпи, которыя онъ когда-то носилъ здѣсь на своихъ ногахъ. Мрачно настроенному воображенію его представлялось, что тутъ все тоскуетъ, все тутъ въ цѣпяхъ, все въ вѣчной ссылкѣ: и небо, и люди, и тундры, и солнце, все въ ссылкѣ, отъ всего тутъ отвернулось лицо Создателя, и стала ссыльной тутъ, опальной вся природа, точно преступникъ предъ всемогущимъ и милостивымъ Богомъ!

Онъ глянулъ на рѣку, потомъ на солнце. Рѣка, казалось, и не думала вскрываться; такъ все лѣто и не вскроется! Солнце не въ силахъ растопить ледъ своими жалкими лучами, не порветъ эти ледяные запоры, и воды рѣки не потекутъ свободно въ море, чтобъ унести съ собою невольниковъ и ихъ тоску.

Онъ готовъ былъ броситься на землю и плакать, плакать, какъ онъ это дѣлалъ ребенкомъ; но нечаянно взглядъ его упалъ на медленно двигавшуюся отъ Большерѣцка, по берегу рѣки, женскую фигуру. Онъ тотчасъ же узналъ эту задумчиво наклоненную голову. То была Аѳанасія, молоденькая дочка капитана Нилова, большерѣцкаго воеводы и главнаго начальника Камчатки, ученица Беніовскаго.

— Бѣдное дитя!—подумалъ онъ, любуясь ея стройною походкой.—Ребенокъ милый! Нѣжный цвѣточекъ, распустившійся подъ этимъ непривѣтливымъ солнцемъ, цвѣтокъ, которымъ гордилось бы по праву и наше жаркое солнце, и наше голубое небо; и вотъ онъ выросъ на жалкихъ тундрахъ, среди природы, отъ которой отвернулось лицо Создателя и Бога, выросъ затѣмъ, чтобы завянуть, не извѣдавъ счастья. Бѣдное дитя! Большое горе ждетъ тебя, и въ этомъ горѣ я буду повиненъ: я дамъ тебѣ это горе, бѣдное дитя, а самъ я унесу съ собою болѣе глубокія страданія и горе большей глубины, чѣмъ то, которое тебѣ я дамъ...

Дѣвушка увидѣла его и въ нерѣшимости остановилась. Беніовскій всталъ съ камня и подошелъ къ ней.

Это была еще очень молоденькая дѣвушка, лѣтъ пятнадцати-

шестнадцати, но вполнѣ сложившаяся. Высокенькая и стройная, съ мягко округленными плечами и бюстомъ, съ бѣлымъ личикомъ, какъ первый зимній снѣгъ Камчатки, и съ немножко вздернутымъ кверху носикомъ и съ роскошною пепельнаго цвѣта косою, заплетенною въ два толстыхъ жгута, Аѳанасія дѣйствительно напоминала альпійскую розу въ снѣгахъ Камчатки.

— Здравствуйте, Фанни,—ласково сказалъ Беніовскій, протягивая Аѳанасіи руку.

— Здравствуйте, баронъ,—отвѣчала дѣвушка, и лицо ея покрылось нѣжнымъ, едва замѣтнымъ румянцемъ,—вы зачѣмъ здѣсь?

— А вы какъ попали сюда и притомъ такъ далеко отъ дома?—въ свою очередь спросилъ конфедератъ.—Вы не боитесь?

— Чего же мнѣ бояться? Я здѣсь всегда одна гуляю лѣтомъ, меня всѣ знаютъ.

— Но теперь еще не лѣто,—какимъ-то глухимъ голосомъ произнесъ Беніовскій.

— Лѣто скоро придетъ,—отвѣчала дѣвушка,—я каждый годъ хожу сюда въ апрѣлѣ или маѣ, чтобъ любоваться, какъ рѣка вскрывается отъ льда.

При послѣднихъ словахъ Беніовскій вздрогнулъ и замѣтно поблѣднѣлъ.

— А вы все грустите?—участливо поглядѣла на него дѣвушка.

— Да... Вы знаете, милая дѣвочка, что вотъ уже третій годъ мнѣ гложетъ сердце тоска по родинѣ,—тихо отвѣчалъ конфедератъ, не смѣя взглянуть въ довѣрчивые глаза своей собесѣдницы.

— Ахъ, зачѣмъ тосковать!—горячо заговорила послѣдняя.—Васъ всѣ здѣсь полюбили! Папа со всѣми ссыльными изъ благородныхъ ласковъ, а васъ онъ особенно любитъ и уважаетъ за то еще, что вы меня и брата моего учите. А вотъ и лѣто скоро придетъ, лѣтомъ такъ хорошо здѣсь! Мы будемъ гулять, рвать цвѣты, кататься на лодкѣ, рыбу удить!

Она вся зардѣлась, говоря это. Ей припомнилось прошлое лѣто, катанья въ лодкѣ вечерами при лунѣ, когда она первый разъ въ жизни испытала сладостное ощущеніе, и это тревожное, но томительно сладкое чувство вызывала почему-то близость Бе-

ніовскаго, его голосъ, его неразгаданные глаза, ощущеніе его сильной, горячей руки...

— Бѣдный ребенокъ!—съ нѣжностью въ голосѣ произнесъ конфедератъ.—Вы здѣсь выросли, среди грустныхъ картинъ, какъ нѣжный цвѣточекъ на тундрахъ. Здѣсь ваша родина, и все здѣсь вамъ родное. А моей родины вы не знаете, милое дитя! Моя родина далеко, о! какъ далеко, милая Фанни! И какъ она не похожа на вашу родину! Тамъ и солнце привѣтливѣе и жарче, чѣмъ у васъ въ Камчаткѣ; тамъ и зелень зеленѣе и цвѣтнѣе, тамъ и птичья пѣсня звонче, небо голубѣе! Самъ Богъ тамъ ласковѣе смотритъ на свое созданье, на милую природу, на людей. Тамъ и люди любить умѣютъ жарче!

Какъ очарованная слушала его дѣвушка, и чудной музыкой звучалъ для нея его голосъ. Но при послѣднихъ словахъ она смѣло подняла поблѣднѣвшее отъ волненія личико.

— Жарче!—сказала она горячо.—Нѣтъ, не жарче!.. И здѣсь умѣютъ любить... У васъ жаркое солнце, а у насъ и подъ снѣгомъ клокочетъ лава нашихъ сопокъ, и изъ-подъ льда бѣгутъ ключи живой воды.

Теперь она вся раскраснѣлась. Это былъ уже не ребенокъ, а женщина, изъ души которой разомъ вылилась страсть, какъ тѣ ключи живой воды, о которыхъ она упомянула.

— Я вѣрю, бѣдный другъ мой!—ласково сказалъ конфедератъ.

— Бѣдный!.. Кто бѣдный?—горячо возразила дѣвушка.—Я не бѣдна, не бѣдна, когда меня такъ... цѣнитъ умнѣйшій изъ людей и меня, камчатскую дикарку, называетъ своимъ другомъ.

— Да, другъ мой!—нѣжно заговорилъ конфедератъ.—Васъ, доброе дитя, самъ Богъ послалъ въ этотъ суровый край взамѣнъ жаркаго солнца и голубого неба, чтобы вы для насъ, бѣдныхъ невольниковъ, замѣнили собой и жаркое солнце, и голубое небо... Да, я вѣрю, доброе, хорошее дитя, что лицо Создателя не совсѣмъ отвернулось отъ этихъ угрюмыхъ мѣстъ. Вы, милая Фанни...

Онъ не договорилъ. Аѳанасія, закрывъ лицо руками, тихо, но страстно шептала: «Боже мой! Боже мой!»

— Что съ вами, бѣдное дитя?—тревожно спросилъ Беніовскій.

Аѳанасія не отвѣчала, но видно было, что все тѣло ея вздрагивало отъ рыданій.

Беніовскій растерялся отъ неожиданности. Онъ не думалъ, что дѣло зашло уже такъ далеко.

— Другъ мой! О чемъ вы плачете? Скажите!—Беніовскій хотѣлъ отнять руки отъ лица плачущей дѣвушки: онъ все еще думаетъ относиться къ ней, какъ къ ребенку, потому что зналъ ее съ двѣнадцатилѣтняго возраста: — Фанни! Дѣвочка! Ученица моя хорошая! Откройте же ваше личико, откройте! Пусть оно солнцемъ юга глянетъ на этотъ чахлый березнякъ и на меня, печальнаго, какъ этотъ край печаленъ! Откройте личико, ребенокъ свѣтлый! Взгляните на меня!

Дѣвушка взглянула на него сквозь слезы, хотѣла улыбнуться, но не могла, и опять уткнулась лицомъ въ ладони, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти.

— Мнѣ жаль васъ, бѣдный, бѣдный!—всхлипывала она,—поймите, мнѣ васъ жаль! Ахъ, зачѣмъ! Скажите, кто этотъ злой, что сослалъ васъ!.. Кто васъ ко мнѣ... кто мнѣ васъ... показалъ! Зачѣмъ я васъ однихъ... Ахъ, уйдите!

Она сама хотѣла уйти, но Беніовскій удержалъ ее за руку. Онъ былъ очень блѣденъ:

— Постойте! Фанни... ангелъ мой!—задыхался онъ.—Богъ мой!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Уходите, уходите!

Афанасія на мгновеніе остановилась было, но потомъ съ воплемъ въ голосѣ быстро проговорила:

— А на родину бѣгите!.. Безъ меня!.. Я не могу, я...

И она, закрывъ лицо руками, быстро пошла назадъ.

V. Зеленая грамота.

Беніовскій рванулся-было за дѣвушкой, но потомъ остановился въ раздумьи.

— Она догадывается... Чуткимъ сердцемъ женщины угадала... Женщина въ ней проснулась...

Онъ понялъ весь трагизмъ своего положенія, но въ немъ, прежде всего, шевельнулся эгоизмъ ссыльнаго, боязнь, страхъ за свою тайну...

— Нѣтъ, она не выдастъ... Она сказала: на родину бѣгите безъ меня... Но она не сказала—бѣжите, а бѣгите, она посы-

лаетъ меня на родину, гонитъ меня... А сама? Развѣ не любитъ она меня? Но она сказала: безъ меня! Но какъ сказала? Съ горечью, съ тоской? Или...

Передъ нимъ разомъ встала неразрѣшимая дилемма. Онъ понялъ, что дѣвушка его полюбила со всею беззавѣтностью первой страсти, и что она готова на все. Но такъ ли? «Безъ меня»— она сказала. А развѣ онъ самъ можетъ ее бросить здѣсь въ этихъ тундрахъ? Въ немъ ощутилась борьба двухъ силъ. Она? Съ нею остаться здѣсь? Но съ нею—ссылка, Камчатка, тундры, этотъ чахлый березнякъ, и это небо, это солнце и вѣчная неволя. А тамъ свобода, жизнь, но безъ нея! Душа , все существо его свободы проситъ, а сердце счастья. А безъ свободы развѣ есть счастье? А свобода безъ счастья?

— О, проклятая дилемма!—невольно вырвалось у него.

А между тѣмъ изъ-за березняка неслась знакомая пѣсня:

Что со младости до старости
До сѣдова бѣла волоса...

— А! Да замолчи ты, дьяволъ, со своею пѣсней! Всю душу вымоталъ!

Но пѣсня не умолкла, и пока конфедератъ сидѣлъ въ мучительномъ раздумьѣ, до него продолжали отчетливо доноситься и голосъ пѣсни, и ея слова:

Прикажи скорѣй казнить!
Не прикажешь ты меня скорѣй казнить
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты вонъ выпустить,
Напишу я вскорѣ грамотку,
Не перомъ я, не чернилами—
Я своими горючими слезами
Ко товарищамъ на тихій Донъ...

— Нѣтъ, я казни не хочу!—срываясь съ камня, тряхнулъ посеребренными кудрями конфедератъ.—Я жить хочу и буду жить!

Онъ направился къ березняку, на голосъ волновавшей его пѣсни.

— Какой это чортъ тамъ потѣшается? Охота пѣть такія пѣсни, которыя способны душу перемучить! А голосъ знакомый.

У березняка, на берегу рѣки, онъ увидѣлъ двѣ фигуры, изъ

которыхъ въ одной тотчасъ узналъ своего ученика, поповича, сына большерѣцкаго священника, Илью Уфтюжанинова. Это былъ коренастый юноша лѣтъ девятнадцати, очень живой и способный малый, боготворившій своего учителя. Онъ-то и пѣлъ хватающую за душу пѣсню.

Около него сидѣлъ, глубоко сгорбившись, сѣдой старикъ, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами. Въ послѣднемъ Беніовскій узналъ Гурченинова, того самаго, у котораго еще въ 1742 году вырѣзали языкъ на плахѣ. По щекамъ старика катились слезы.

И Уфтюжаниновъ, и Гурчениновъ узнали конфедерата и встали при его приближеніи.

— Я не зналъ,—сказалъ послѣдній,—что ты такъ хорошо поешь, Илюша.

— Да это я вотъ для Андрея Павлыча,—отвѣчалъ юноша.

Старикъ улыбался и утиралъ слезы. Говорить безъ языка онъ не могъ, тридцать лѣтъ ужъ не было у него языка, и только съ большимъ трудомъ, и то привыкнувъ, можно было разобрать нѣкорыя, съ большимъ усиліемъ произносимыя имъ слова.

— Вотъ... вспоминая... Донъ... тихій Донъ... старину,—силился сказать несчастный.

— А вы съ Дону родомъ?—участливо спросилъ Беніовскій.

— Съ Дону... потомъ... во дворцѣ... вонъ!—онъ открылъ страшный ротъ, гдѣ въ глубинѣ болтался пенекъ языка.

— Знаю, знаю!

— Проситъ, чтобъ я пѣлъ ему,—пояснилъ поповичъ, — а самъ сидитъ и плачетъ.

— Да... плачу... сладко...

— А, можетъ быть, мы еще и Донъ увидимъ,—многозначительно сказалъ конфедератъ.

Старикъ не то съ радостью, не то съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Мы затѣмъ и пришли сюда, — тоже многозначительно произнесъ поповичъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Беніовскій.

— Да вотъ все ждемъ, не начнетъ ли рѣка вскрываться.

— А-а!—протянулъ конфедератъ и задумался.

— Проходили тутъ съ охоты, березнякомъ шли, Андреяновъ

и Потоловъ,—заговорилъ таинственно поповичъ,—и разговаривали.

— Ну?—очнулся Беніовскій.

— А насъ имъ не видно было.

— О чемъ же они говорили?

— О зеленой грамотѣ... Андреяновъ—онъ ловкій, пройда... И про кесаря говорилъ, и на женитьбу на кесаревой дочери намекалъ...

— Вѣрятъ, значитъ, зеленой грамотѣ?

— Какъ не вѣрить-то! И на базарѣ слухи ужъ прошли про льготы... Ко мнѣ ужъ и Лемзаковъ подходилъ, такая лиса!

— Кто этотъ Лемзаковъ?—спросилъ Беніовскій.

— Сержантъ у Нилова, такъ на ушкѣ у воеводы и виситъ.

— Что-жъ, и онъ о зеленой грамотѣ спрашивалъ?

— О ней... Такъ я ему и говорю: на базарѣ слышалъ; а базаръ не ротокъ, не накинешь платокъ: кто что слышитъ, то и болтаетъ, а особливо этотъ дикарь—камчадалы.

Беніовскій все болѣе и болѣе убѣждался, что зерно смуты, брошенное его ловкою рукою, упало на благодарную почву.

«Базаръ заговорилъ»,—подумалъ онъ съ радостной тревогой и, простившись съ Гурчениновымъ и Уфтюжаниновымъ, направился въ острогъ, чтобъ еще разъ условиться съ товарищами о томъ, какъ имъ дѣйствовать, когда наступитъ начало конца.

— А если придется пожертвовать отцомъ Фанни?—шевельнулось у него на совѣсти.—Что дѣлать! Когда горитъ костелъ, сгораютъ и свѣчи...

VI. Усыпленіе подозрѣнія.

Что же дѣлало въ это время начальство Большерѣцка—Ниловъ, отецъ дѣвушки, о которомъ сейчасъ думалъ Беніовскій?

Воевода Ниловъ жилъ въ небольшомъ деревянномъ домѣ, имѣвшемъ четыре жилыхъ комнаты. Нилова въ настоящее время не было, онъ занятъ былъ въ канцеляріи, а въ домѣ находилась только его хорошенькая дочка Фаня, какъ называлъ ее самъ отецъ. Мать ея давно умерла, и дѣвочка воспитывалась сначала на рукахъ старой няни, потомъ первоначальнымъ образованіемъ ея занимался отецъ, а съ двѣнадцати-тринадцатилѣт-

пяго возраста дальнѣйшимъ образованіемъ Фанни занялся Беніовскій, умѣвшій вполнѣ завоевать довѣріе Нилова.

Да и неудивительно. Венгерско-польскій конфедератъ былъ человѣкъ очень ловкій, вѣжливый, обходительный, притомъ же Ниловъ смотрѣлъ на него не какъ на государственнаго преступника, а какъ на военноплѣннаго, взятаго въ полонъ въ честномъ бою, съ оружіемъ съ рукахъ. Это не то, что тѣ—Батуринъ, Хрущовъ, Степановъ, Пановъ, Гурченинов, это «варнаки», бунтовщики; они бунтовали противъ своего правительства и достойны были смертной казни за свою продерзость, «за изблеваніе хулы величества». А Беніовскій совсѣмъ другого поля ягода. Ниловъ поэтому и пригласилъ его давать уроки сыну его Васѣ и дочкѣ Фанѣ.

Фаня воротилась съ сегодняшней прогулки очень взволнованная и очень грустная. Она сѣла было за работу, за пяльцы; но работа не вязалась: игла постоянно выскользала изъ руки дѣвушки, или же рука эта, занесенная надъ шитьемъ, чтобы продолжать узоръ, такъ оставалась въ воздухѣ, не дотрогиваясь до узора.

Дѣвушка думала о томъ краѣ далекомъ, о которомъ тосковалъ Морицъ. Въ умѣ своемъ Фаня не иначе называла Беніовскаго, какъ Морицъ, и даже—«мой Морицъ».

Гдѣ-то тамъ, за Польшей, этотъ край, дальше Польши. Карпатскія горы тамъ, о которыхъ Морицъ такъ часто упоминалъ. Къ Дунаю туда—гораздо дальше Россіи, о которой она, родившаяся и выросшая въ Камчаткѣ, имѣла очень смутное представленіе.

Хорошо, должно быть, въ этомъ чудномъ краю, гдѣ почти нѣтъ ни зимы, ни снѣговъ. Недаромъ такъ тоскуетъ объ этомъ краѣ Морицъ. Вѣчно онъ скучный, вѣчно задумчивый. Случается такъ, что сидитъ съ нею за урокомъ, она отвѣчаетъ ему, а онъ и не слушаетъ, а все думаетъ, все думаетъ о чемъ-то, какъ будто бы онъ позабылъ что-либо и все хочетъ вспомнить, да никакъ не вспомнитъ, бѣдный. И какъ дѣвушкѣ жаль его становится въ это время! Такъ бы и хотѣлось сказать, чтобъ онъ не вспоминалъ того, что позабылъ. Такъ нѣтъ, все думаетъ. А то какъ будто онъ ждетъ чего, потерялъ что-то очень дорогое, и все ищетъ-ищетъ, а найти не можетъ.

Фаня что-то вспомнила, и все лицо ея залилось краской, по

это не была краска стыда: въ глазахъ свѣтилось глубокое счастье... Онъ сказалъ ей сегодня: «Ангелъ мой! Богъ мой!..» Вотъ отчего она теперь вся зардѣлась. Она давно ждала этого, ждала и боялась. А теперь онъ сказалъ самъ. Она ужъ теперь для него не «дѣвочка» только, не «ребенокъ»... Сердце ея трепетало такъ, что она схватилась за него рукой.

Но онъ задумалъ уходить, бѣжать... Какъ! И отъ нея бѣжать? Ее покинуть? Она угадала это недавно и сама не знаетъ почему, но угадала: въ глазахъ его, должно быть, прочла.

И краска ея щекъ смѣнилась блѣдностью. Любитъ ли онъ ее? Если она для него «ангелъ», «Богъ», то какъ же онъ бѣжитъ отъ нея? О, еслибъ ее сослали хоть на Курильскіе острова, на Аляску, хоть бы въ кромѣшный адъ; еслибъ отняли у нея родину, да не Камчатку, а Италію, о которой онъ ей разсказывалъ когда-то; еслибъ отняли у нея и голубое небо, и жаркое солнце, и зелень лѣса, все, все отняли, но еслибъ оставили его съ ней, она бы все забыла для него, всю природу, небо, землю! Еслибъ онъ сказалъ ей: «Фанни! Забудь все и останься только со мною», она бы все забыла и осталась съ нимъ. А онъ—бѣжитъ отъ нея! Баронъ Морицъ Анадаръ Беніовскій бросаетъ свою дикарку!

Дѣвушка заплакала. Ее охватила такая тоска, что хоть утопиться, такъ впору. Бурный приливъ счастья слишкомъ быстро смѣнился такимъ же бурнымъ приливомъ отчаянія...

Слезы такъ и лились на пяльцы, на шитье... Она отодвинула пяльцы и, чтобъ унять слезы, взяла лежавшую на нихъ книгу. Это былъ одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ «Трудолюбивый Муравей» или «Мѣшанина».

— Онъ такъ любитъ читать.

И раскрывъ маленькую книжку журнала, Аѳанасія стала читать вслухъ, чтобъ отвлечься хоть механически отъ охватившей ее тоски.

— Первая епистола:

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лутчше, какъ они, другъ друга разумѣемъ,
И помощію словъ пространна языка
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока,
Описываемъ все, и чувствіе, и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мелки части:
Пріявъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца

Изображеніемъ вселяемся въ сердца.
То, что постигнемъ мы, другъ сообщаемъ
И въ письмахъ то своихъ потомкамъ оставляемъ.
Но не такіе такъ полезны языки,
Какими говорятъ мордва и вотяки;
Возьмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у грековъ:
Какой у римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говорятъ Италія и Римъ,
Каковъ въ текущій вѣкъ прекрасенъ сталъ французской,
Иль, наконецъ сказать, каковъ способенъ русской.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго на немъ числа писцовъ...

— Ахъ, какъ это скучно.

Аѳанасія закрыла книгу и подошла къ окну. Въ это время въ сѣняхъ раздался сердитый голосъ Нилова, и вскорѣ самъ онъ показался въ дверяхъ.

— Головорѣзы! Вотъ навязали на шею этихъ варнаковъ!

Это говорилъ Ниловъ. Большерѣцкій воевода представлялъ изъ себя типъ стараго служаки еще елизаветинскихъ временъ. Красное, бритое, довольно обрюзглое лицо, свѣтлоголубые глаза на выкатѣ, которые постоянно стараются быть строгими, грозными и не могутъ. Брюшко, мясистыя руки съ короткими пальцами, рыхлый подбородокъ, форменая косичка на затылкѣ, пухлыя щеки—все изобличало въ немъ добряка, котораго заставляютъ быть «недреманнымъ окомъ» надъ ссыльными, а ему пріятнѣе было бы сладко дремать въ халатѣ послѣ сытнаго обѣда съ запеканкой.

— Ужъ и головорѣзы!—сердился онъ.—Черти! Да я имъ покажу!

— Ты что, папочка? Кто себя такъ разстроилъ?—не безъ тревоги спросила Аѳанасія, подходя къ отцу.

— Кто же больше, какъ не они, все эти фармазоны!—ворчалъ добрякъ.

— Какіе, папа, фармазоны?

— Да вонъ, твой-то соколъ.

Дѣвушка смутилась. Ужъ не случилось ли чего-нибудь серьезнаго?

— Какой, папа, соколъ?—съ испугомъ спросила она.

— Да учителишка твой, баронъ этотъ, да паршивый шведъ.

— Это Винбладъ?

— Да всѣ они, и Винбладъ, и Хрущовъ, и Степановъ, и эта

старая собака Батуринъ, ишь, старый хрычъ! Туда же!.. И баронишка!

— Беніовскій, папа?

— Ну, да онъ! Вѣдь, онъ всегда главный зачинщикъ, а тѣ за нимъ! Какъ овцы за козломъ.

— Что жъ онъ сдѣлалъ?—вся блѣдная, спросила дѣвушка, ухватившись за пяльцы.

— Уфъ!.. Усталъ!—Ниловъ опустился на диванъ.—Я давно замѣчаю, что у нихъ тамъ что-то неладно. Тайны какія-то завелись у нихъ да сходки по ночамъ у этого стараго чорта Батурина. Я думалъ, тягу дать хотятъ, велѣлъ, подъ рукою, смотрѣть за ними построже, недреманно. А тамъ слышу, ужъ и базаръ заговорилъ: царевичъ въ ходъ пошелъ, о немъ болтаютъ, о великомъ князѣ-то... Я ухо на гвоздикъ, прислушиваюсь себѣ. А тутъ и матросы, и казаки какъ-то сторонятся, шепчутся... Что за притча! Вдругъ, на! Зеленая грамота пошла въ ходъ!

— Какая зеленая грамота, папочка?—нѣсколько успокоившись, спросила Фаня.

— Самъ не знаю, а болтаютъ: «зелена грамота!».

— Отъ кого?

— Не знаю, говорю тебѣ!

— А у кого, папа?

— У него! У сокола.

— У барона?—У Аѳанасіи опять ноги подкашиваются.

— Ну, да, да! Я—обыскъ: ничего нѣтъ! Ну, думаю, пустяки, бабьи рѣчи. А вчера, смотрю, ужъ и Гурьева прибили.

— За что, папочка?

— Ну, извѣстно, въ шайку къ нимъ нейдетъ, парень смирный, покаялся въ своемъ окаянствѣ. Я велѣлъ къ нимъ караулъ поставить. И что жъ бы ты думала? Прогнали караулъ: «не хотимъ-ста! Мы дворяне-де!» Дамъ я имъ дворянъ! Я ихъ, дружковъ, въ бараній рогъ согну. Пусть не забываютъ, что они ссыльные, варнаки, и я могу ихъ кошками драть, какъ простыхъ матросовъ. Я такъ ихъ отпорю, что небу будетъ жарко.

Пылъ его началъ, однако, проходить, и Аѳанасія это замѣтила.

— Папочка милый! Успокойся!—ласкалась она къ нему.

— То-то, успокойся? Какой тутъ покой! Просто фармазоны!

— Ну, ну, мой хорошій,—продолжала ласкаться дѣвушка.—

Отдохни немножко... Ты, бѣдненькій, усталъ... Да не сердись, голубчикъ, тебѣ это вредно...

— То-то, вредно! А имъ не вредно будетъ, какъ спины то вспишу? Ужъ этотъ мнѣ баронъ! Вотъ тутъ сидитъ (указываетъ на шею). И человѣкъ бы, сказать, хорошій и знающій, образованный, тебя вонъ съ братишкой даромъ учитъ, а ужъ заноза!.. У!

— Нѣтъ, папочка, онъ добрый и умный такой...

Старикъ разнѣжился отъ ласкъ дочери и сталъ гладить ея пепельную головку.

— Ужъ ты у меня! Умный! Тебѣ, я чаю, все сказки разсказываетъ, исторіи всякія, ну, тебѣ и любо. Ты у меня плутовка, любишь сказки, хлѣбомъ тебя не корми, а онъ, пожалуй, и про Польшу тамъ, и про Италію лихія болѣсти плететъ, ужъ знаю! Слыхалъ! Неаполь, да Венеція...

— Какой ты добрый, папочка! Мой хорошій!

— То-то, добрый! Вели-ка лучше дать мнѣ закусить, усталъ я съ этими фармазонами!

— Сейчасъ, сейчасъ, папочка, я принесу запеканки,—радостно отвѣтила Аѳанасія и, поцѣловавъ пухлую щеку отца, выпорхнула въ другую комнату.

VII. Запеканка.

— Запеканка, это дѣло, — пробормоталъ Ниловъ, съ любовью глядя вслѣдъ дочери,—ахъ ты, кошечка моя! Уфъ! Вотъ и унялось маленько сердце, отходчивый я больно, да ужъ и дѣвченка моя хоть кого маслитъ... А только въ другой разъ я имъ не спущу, фармазонамъ!

Въ передней послышалось шарканье ногъ.

— Кто тамъ?—окликнулъ Ниловъ.

— Сержантъ, ваше благородіе!—былъ отвѣтъ.

— А! Лемзаковъ?

— Такъ точно, ваше благородіе... Фу, ты пропасть.

— Ты что тамъ возишься?

— Шашка зацѣпилась, ваше благородіе. Ахъ ты, окаянная!

Въ дверяхъ стоялъ навытяжку, но сильно пошатываясь, старый казакъ, съ рѣдкою сѣдоватою бородкою и съ узенькими, какъ у калмыка, глазами. Это и былъ сержантъ Лемзаковъ.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!—пріосанился сержантъ.

— Ладно. Куда ходилъ?

— По секрету, ваше благородіе.

— По какому секрету?

— Прислушиваться, ваше... ваше благородіе, въ оба, значитъ...

— Ну, что жъ тамъ?

— Дикаря много, ваше благородіе, на рѣчкѣ... камчадалы.

— Ну?

— Все благополучно, ваше благородіе.

— Да ты, скотина, пьянъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Зачѣмъ же ты лѣзешь ко мнѣ?

— По секрету, ваше благородіе.

— Ну, и говори.

— Водку все жретъ, ваше благородіе.

— Кто?

— Дикарь эстотъ.

— А ссыльныхъ видѣлъ?

— Видѣлъ, ваше благородіе.

— Спокойно все? Не шумятъ?

— На что шумѣть, ваше благородіе! Шумѣть не станутъ даромъ, а не пущаютъ только караула... Знамо, бары... Можетъ, и вправду у нихъ зелена грамота.

— Какая зеленая грамота, болванъ? — привскочилъ воевода.—Ты что тамъ бредишь?

— Зелена, слышь,—обиженно оправдывался сержантъ,—а бредить мнѣ на что же? Я маковой росинки не видалъ, ни синь-похора, а не то, что водки; гдѣ жъ мнѣ, ваше благородіе, бредить? Я бредить не люблю, на то начальство... А что зелена грамота, такъ може и впрямь зелена, кто ее видѣлъ? Царевичъ, слышь, зеленымъ зельемъ пишетъ, на то царевичъ онъ... А что этотъ поповичъ...

— Какой поповичъ?—заинтересовался воевода.

— А отца Никифора сынъ, Устюжанинъ.

— Ну! Такъ что жъ поповичъ?

— А ничего, ваше благородіе... Онъ мнѣ четверть поста-

вилъ, ваше благородіе... только я не пилъ, лопни глаза—утроба... ни сипь пороха... А что жъ мнѣ бредить, ни въ жисть.

— Такъ что же поповичъ?

— Уменъ, ваше благородіе, у, умница... Ужъ такого, говоритъ, воеводы, какъ нашъ Григорій Петровичъ Ниловъ, это про васъ, ваше благородіе, такого, говоритъ, воеводы и во всей Россіи нѣтъ.

— Ну, будетъ тебѣ врать!—остановилъ его Ниловъ.

— На что мнѣ врать, ваше благородіе! — обидѣлся сержантъ.—На эстомъ же мѣстѣ провалиться... А что я по секрету, это истинно... Матушку-царицу, вишь, въ монастырь.

— Это поповичъ говоритъ?—спросилъ быстро Ниловъ.

— Нѣ-нѣ! Ваше благородіе... А это люди врутъ... Врать-то можно, для-ча не врать... А чтобъ я пьянъ былъ, этого ни-ни! Ни Боже мой!

— Довольно!—сердито проговорилъ воевода.—Поди, проспись!.. А то я!..

Сержантъ неловко повернулся къ двери и, путаясь съ шашкой, договорилъ свое:

— Зелена, ишь ты притча! Зелена грамота, а може синя, а може красна... А мнѣ что же брехать-ту... Коли тово, дакъ и въ монастырь, шалишь!..

— Да и пьянъ же ты, мерзавецъ! — махнулъ рукой воевода.—Ну, ужо я все это разберу по ниткѣ... зеленая грамота, царевичъ, монастырь... А что же запеканка?

VIII. Совершилось!

Прошло нѣсколько недѣль.

Весна и въ Камчаткѣ вступила въ свои права. Куда сугробы снѣгу исчезли! Горные ручьи давно сбѣжали. На тундрахъ показалась свѣжая зелень, а по ней запестрѣли и цвѣты. Чахлый березнякъ одѣлся нѣжною листвой. Чекавка, на которую Беніовскій возлагалъ столько надеждъ, прошла и уже совсѣмъ очистилась отъ льдинъ.

И на воеводскомъ дворѣ показалась зеленая травка.

Но Аѳанасію не радуетъ весна. Ея Морицъ сталъ еще загадочнѣе, хотя глаза сдѣлались нѣжнѣе, ласковѣе, голосъ задумчивѣе. Все это время онъ былъ очень озабоченъ чѣмъ-то. Видно было, что онъ хотѣлъ ей что-то сказать, но не рѣшался, и

только долго-долго и какъ-то грустно глядѣлъ ей въ глаза, когда вчера зачѣмъ-то приходилъ къ отцу и засталъ ее за пяльцами. Она ему вышивала подушку. Но, кажется, онъ не дождется ея работы. Онъ, безъ сомнѣнія, задумалъ бѣжать. Но неужели онъ даже не простится съ нею?

А тутъ этотъ Гурьевъ ведетъ себя какъ-то странно. Аѳанасія давно замѣтила, что онъ украдкой засматривается на нее и все вздыхаетъ. Женскимъ чутьемъ она его скорѣе разгадала, этого, чѣмъ Морица. Она ясно видѣла, что Гурьевъ ревнуетъ ее къ Морицу и ненавидитъ послѣдняго. Но сердце дѣвушки не лежало къ этому тайному вздыхателю. Притомъ же она узнала, что изъ ненависти къ Беніовскому онъ наушничаетъ на него отцу. А такіе поступки казались дѣвушкѣ отвратительными.

Ночь на исходѣ, но Аѳанасіи что-то не спится. Она заснула съ вечера, а послѣ третьихъ пѣтуховъ проснулась и теперь не можетъ заснуть.

А если бы онъ взялъ ее съ собой? О, она пошла бы за нимъ хоть на край свѣта! Жаль ей отца, но у него останется Вася, братъ, а у Морица никого здѣсь нѣтъ на свѣтѣ, ни одной родной души. Вонъ онъ какъ посѣдѣлъ, а ему еще далеко нѣтъ пятидесяти; а вонъ отцу ея и за шестьдесятъ, а у него нѣтъ ни одного сѣдого волоса. Не радостно жилось бѣдненькому Морицу. Какъ бы она утѣшала его, еслибъ могла! Она бы разгладила всѣ хмурки на его миломъ лицѣ, она бы такъ ласкала его славную голову, что не давала бы ей никогда грустить и тосковать по далекой родинѣ. Она бы и туда съ нимъ пошла, подъ то далекое, голубое небо, къ тѣмъ звонкимъ горнымъ ручьямъ его милыхъ Карпатъ.

Она чувствовала, что краска заливала ея лицо при одной мысли о томъ, какъ онъ будетъ ее ласкать, какъ скажетъ ей—ей одной, чтобъ никто, никто не слыхалъ, даже ночь, чтобъ не слыхала: «ангелъ мой! Богъ! Ты моя!..»

Ей стало жарко въ постели. Она сбросила съ себя одѣяло и перекинула черезъ плечи на грудь свои тяжелыя косы, прислушиваясь къ какому-то отдаленному шуму.

— Это вѣтеръ или рѣка шумитъ?—подумала она.

Свѣтало уже. Въ окна ея спальни, переплетенныя желѣзными рѣшетками, сквозь кисейныя занавѣски алѣла утренняя заря.

Вдругъ послышался крикъ филина, она невольно вздрогнула: такъ поздно, почти на зарѣ, кричитъ филинъ. Крикъ повторился въ другой сторонѣ, но очень близко.

Въ это время что-то треснуло и съ грохотомъ упало. Тамъ, на дворѣ, или въ самомъ домѣ, послышались голоса, крики...

Аѳанасія услыхала голосъ отца. Онъ кого-то зоветъ. Другіе голоса покрываютъ его голосъ. Дѣвушка быстро вскочила съ постели и, наскоро набросивъ на себя блузу и надѣвъ туфли, побѣжала въ переднія комнаты, гдѣ слышались крики. Она ничего не помнила, что дѣлала: ей только хотѣлось видѣть отца, узнать, что съ нимъ...

Она вбѣжала въ залу. Сквозь выломанныя окна и дверь въ комнату врывался утренній свѣтъ и освѣщалъ лежавшую на полу какую-то бѣлую, окровавленную массу.

Несчастная сразу все узнала. На полу, въ одномъ бѣльѣ, окрашенномъ во многихъ мѣстахъ кровью, лежалъ ея отецъ...

Съ нечеловѣческимъ крикомъ бѣдная дѣвушка бросилась на трупъ...

Въ то же мгновеніе она услыхала знакомый голосъ, отъ котораго вся вздрогнула.

— Гдѣ воевода?—тревожно говорилъ этотъ голосъ.

Это былъ голосъ Беніовскаго, который показался въ дверяхъ съ саблею наголо.

— Мерзавцы! Они убили его!—со всею силою негодованія крикнулъ онъ и упалъ на колѣни передъ трупомъ.—Іезусъ-Марія!.. Что они надѣлали!.. О, бѣдное дитя!

Вслѣдъ за Беніовскимъ въ комнату вошли Батуринъ, Хрущовъ, Степановъ, Пановъ и остановились съ испугомъ передъ потрясающей картиной.

— Убитъ несчастный!.. Бѣдный Ниловъ!

— Кто убилъ его? Гдѣ тотъ негодяй?

— Вѣроятно, онъ защищался несчастный,—съ грустью замѣтилъ Батуринъ,—вонъ и сабля его на полу валяется.

— Но его не велѣно было убивать,—сказалъ Хрущовъ,—его приказано было только арестовать.

Беніовскій поднялся съ колѣнъ, блѣдный взволнованный.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—шепталъ онъ, не смѣя, однако,

прикоснуться къ Аѳанасіи и не замѣчая, что она лежала въ обморокѣ.—Аѳанасія Григорьевна! Бѣдное дитя! Пощадите себя!

— Она умерла!—съ испугомъ вскричалъ Батуринъ, нагибаясь къ дѣвушкѣ.

— Іезусъ! Еще этого не доставало!—схватилъ себя за голову Беніовскій и бросился къ лежавшей безъ чувствъ Аѳанасіи.

Ставъ на колѣни, онъ бережно прикоснулся къ плечу дѣвушки, которая лежала ничкомъ на груди мертваго отца, Беніовскій приложился ухомъ къ спинѣ Аѳанасіи.

— Domine! Sancta Maria!—вскричалъ онъ радостно. — Она жива! Она дышетъ!.. Она въ обморокѣ.

И онъ бережно, какъ малаго ребенка, приподнялъ дѣвушку. И голова ея, и косы свѣсились. Одна коса была въ крови.

— На ней, на косѣ, кровь,—съ испугомъ замѣтилъ Хрущовъ.

— Это не ея кровь,—тихо отвѣчалъ конфедератъ, взявъ дѣвушку на руки.—Ее надо отнести въ спальную, позовите нянюшку!—сказалъ онъ.

И Беніовскій осторожно понесъ Аѳанасію въ ея опочивальню.

— А тѣло велите убрать сію же минуту,—обернувшись назадъ, шепотомъ сказалъ онъ,—чтобъ она его не видѣла, какъ придетъ въ себя. Яковъ Петровичъ,—тихо позвалъ онъ Батурина,—идите за мной... Я вамъ поручаю, бѣдную дѣвочку; я прошу васъ, не отходите отъ нея, берегите ее.

Между тѣмъ, на церковной колокольнѣ раздался набатный звонъ. Беніовскій заранѣе распорядился набатомъ извѣстить народъ о совершенномъ заговорщиками переворотѣ, чтобъ тотчасъ же и привести всѣхъ къ присягѣ на вѣрность императору Павлу Петровичу. Юный поповичъ Уфтюжаниновъ въ точности исполнилъ приказъ своего учителя и кумира и теперь усердно звонилъ на колокольнѣ, тогда какъ отецъ его, священникъ большерѣцкой церкви, въ полномъ облаченіи ожидалъ въ церкви новыхъ подданныхъ новаго императора.

— Мы сейчасъ же пойдемъ въ церковь,—тихо сказалъ Беніовскій, унося безчувственную Аѳанасію въ ея опочивальню,— а вы, Яковъ Петровичъ, пока побудьте около дѣвочки, вы и послѣ успѣете присягнуть.

Сѣдая голова Батурина молча наклонилась въ знакъ согласія.

— Папа! Папа!—послышался за дверью жалобный крикъ Аѳанасіи.

Къ несчастной воротилось сознаніе.

IX. Ссыльные—хозяева.

Когда Беніовскій, оставивъ рыдающую Аѳанасію на попеченіи Батурина и нянюшки, вышелъ изъ дома воеводы и когда онъ, а съ нимъ Хрущовъ, Степановъ и Пановъ, приблизились къ церкви, то они увидѣли, что къ церковному крыльцу уже столпилось все населеніе Большерѣцка—казаки, матросы, посадскіе и много камчадаловъ, а на верхнихъ ступенькахъ крыльца стоитъ безъ шапки старый Гурчениновъ и, широко раскрывъ свой беззубый ротъ, тычетъ туда пальцемъ, указывая зрителямъ на пенекъ торчавшаго въ глубинѣ раскрытой пасти вырѣзаннаго до-чиста языка. Изъ этой страшной пасти глухо вырывались какіе-то страшные звуки, не то мычаніе, не то невнятныя, но страшныя, какъ вопли отчаянія, слова...

— Вырѣзали... до корня... злодѣи... за вѣрность мою престолу...

Это было что-то ужасное, вся эта высокая фигура старика, сѣдыя пряди волосъ, развивавшіяся отъ вѣтра, глухіе вопли изъ гортани и разверстая пасть, все это было страшно до отвращенія.

Площадь, казалось, стонала при видѣ этого ужаснаго зрѣлища. Ни Беніовскій, ни другіе его товарищи-заговорщики не ожидали такого потрясающаго эффекта отъ этой нѣмой проповѣди оратора безъ языка.

Между тѣмъ, рядомъ съ этимъ страшнымъ ораторомъ стоялъ на томъ же крыльцѣ молодой поповичъ Уфтюжаниновъ и громкимъ голосомъ пояснялъ народу смыслъ ужасной проповѣди оратора съ вырѣзаннымъ языкомъ.

— Смотрите, православные! — кричалъ онъ во всѣ стороны.—Это мучители вырѣзали языкъ за вѣрность престолу! Тридцать лѣтъ безъ языка!.. Таковы они тираны, Пилаты римскіе! Сидятъ тамъ въ Питерѣ и мучатъ православныхъ, у кого вырѣзываютъ языкъ, у кого отрѣзаютъ носъ и уши, а то и всю голову, жгутъ на кострахъ цѣлыми скитами и поселками, можетъ слышали, православные!

— Слыхали! Слыхали!—пронесся рокотъ по площади.

— А теперь новый государь, императоръ Павелъ Петровичъ, не позволитъ злодѣямъ дѣлать этого, и мы должны присягнуть ему, батюшкѣ, и служить ему вѣрой и правдой,—ораторствовалъ поповичъ хриплымъ отъ усилія голосомъ.

А старый Гурчениновъ все мычалъ, какъ звѣрь, размахивая длинными руками и показывая на свою отвратительную, разинутую пасть.

— Смотрите! Смотрите, православные!—снова вопилъ поповичъ.

Когда Беніовскій и его товарищи по перевороту подошли къ церкви, всѣ стоявшіе на площади сняли шапки. Беніовскій и его свита отвѣтили тѣмъ же на нѣмое привѣтствіе толпы.

— За нами, въ церковь, православные!—обратился первый изъ нихъ къ народу, поднявшись на крыльцо.—Идите присягать новому государю, императору Павлу Петровичу! За нами!

Принявъ присягу, заговорщики тотчасъ же вышли изъ церкви, приказавъ находившимся тамъ матросамъ и казакамъ, по принятіи присяги, тотчасъ же итти во всѣ мѣста, гдѣ поставлены съ утра караулы: у воеводской канцеляріи, у гауптвахты и у заречной избы, перемѣнить часовыхъ, поставить новые караулы изъ приведенныхъ уже къ присягѣ, а смѣненныхъ, не присягавшихъ еще часовыхъ, тотчасъ же послать въ церковь къ присягѣ.

Заговорщики направились къ воеводской канцеляріи.

— А гдѣ сержантъ Лемзаковъ?—спросилъ Беніовскій у часового, стоявшаго у дверей канцеляріи.

— На абвахтѣ, ваше благородіе!—отвѣчалъ часовой, дѣлая на караулъ.

— А тѣло измѣнника еще не убрано?

— Не могу знать, ваше благородіе, какого измѣнника?

— А бывшаго воеводы Григорія Нилова, не убрано?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе! Въ сѣнцахъ лежитъ.

— Хорошо, молодецъ.

— Ради стараться, ваше благородіе!

Заговорщики вошли въ канцелярію. Беніовскій сѣлъ на воеводское мѣсто, а прочіе размѣстились вокругъ присутственнаго стола.

У двери присутственной комнаты въ качествѣ вахтера стоялъ навытяжку Андреяновъ, «за матроса казакъ», какъ онъ значился по документамъ, тотъ самый рыжій, высокій казакъ, ко-

торый нѣсколько недѣль тому назадъ, проходя берегомъ рѣки, толковалъ своему товарищу, неуклюжему и безтолковому Потолову, «о зеленой грамотѣ» и о томъ, «что царевичъ сватается за кесарскую дочь».

Взглядъ Беніовскаго, едва онъ сѣлъ на воеводское мѣсто, упалъ на портретъ императрицы Екатерины Алексѣевны, висѣвшій на стѣнѣ, какъ разъ противъ кресла воеводы. Беніовскому показалось, что императрица выходитъ изъ рамы, отдѣляется отъ полотна и съ улыбкою не то презрѣнія, не то негодованія приближается къ столу, глядя въ упоръ въ глаза конфедерата. Онъ невольно вздрогнулъ и хотя сразу понялъ, что это болѣзненно настроенное воображеніе говоритъ въ немъ, нервы, однако, ему разомъ страшно стало.

— Убрать этотъ портретъ!—торопливо сказалъ онъ Андреянову.

— Куда прикажете, ваше благородіе?—спросилъ послѣдній.

— Куда хочешь, хоть въ сѣни къ Нилову, къ ея вѣрному слугѣ...

— Слушаю-съ...

— А мы слуги его императорскаго величества государя Павла Петровича, — какъ бы оправдывался заговорщикъ въ своемъ рѣзкомъ поведеніи.

На столѣ канцеляріи лежали дѣла, бумаги, журналы, казначейскія книги, реестры. У стѣны, подъ портретомъ императрицы, стоялъ большой желѣзный кованный сундукъ. Едва Андреяновъ успѣлъ снять со стѣны портретъ, какъ Беніовскій, вынувъ изъ кармана своего камзола ключъ, всталъ, чтобы отпереть сундукъ.

— Надо провѣрить казенныя деньги,—сказалъ онъ, щелкая замкомъ,—все ли въ порядкѣ у Нилова.

— Онъ былъ честный человѣкъ,—замѣтилъ Пановъ, разбирая на столѣ бумаги.

— Я знаю... но все же казна прежде всего,—отвѣчалъ конфедератъ.

— А мнѣ кажется, баронъ, — мягко возразилъ Пановъ,— прежде всего надо похоронить бѣднаго Нилова... Пощадимъ чувства его несчастной сиротки... Вѣдь, что будетъ съ нею, если она вновь увидитъ его въ томъ положеніи, въ какомъ мы его бро-

сили: онъ страшно обезображенъ, вся лѣвая рука изрѣзана, лицо пробито насквозь; его надо немедленно похоронить!

— Правда, правда,—согласился Беніовскій,—мы его велимъ похоронить по церковному обряду, хотя безъ церемоній. Вѣдь, согласитесь, въ глазахъ народа...

— И нашихъ,—горько улыбнулся Пановъ.

— Да, и нашихъ,—согласился Беніовскій,—онъ измѣнникъ, противникъ царской воли.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Пановъ.

— Андреяновъ, — сказалъ Беніовскій вахтеру, возвратившемуся въ это время въ присутственную комнату,—пошли...

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Тѣло измѣнника все тамъ же валяется, въ сѣняхъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, въ сѣнцахъ!

— Такъ пошли Потолова сейчасъ въ острожный цейхаузъ, тамъ есть запасные гробы: пусть велитъ принести одинъ гробъ въ церковную сторожку, а потомъ пускай возьмутъ тѣло воеводы и отнесутъ туда же, въ сторожку, и положатъ въ гробъ. Да чтобъ, когда будутъ нести воеводу, такъ чтобъ накрыли его рогожкой. Понялъ?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Хорошо, распорядись же живо! Да чтобъ впередъ послалъ нѣсколько человѣкъ выкопать могилу за церковью, тамъ, гдѣ похоронена бывшая жена воеводы. Пусть спросятъ у батюшки, онъ покажетъ это мѣсто. Да пускай отъ моего имени скажетъ отцу Никифору, что, какъ только приведетъ всѣхъ вѣрныхъ къ присягѣ, точасъ бы похоронилъ Нилова.

Беніовскій остановился и поглядѣлъ на Панова, но какъ-то вопросительно.

— Кажется, ничего не забылъ?

— А въ чемъ его похоронятъ?—спросилъ Хрущовъ, отрываясь отъ бумагъ.—Онъ тамъ лежитъ въ одномъ бѣльѣ, хорошо ли такъ?

— Что дѣлать!—передернулъ плечами конфедератъ.—Если взять его мундиръ изъ воеводскаго дома, то какъ бы не узнала объ этомъ его бѣдная дочь.

— Хорошо,—сказалъ Хрущовъ рѣшительно,—такъ я пойду самъ распоряжусь его похоронами,—я не потревожу Аѳана-

сіи Григорьевны, она ничего не будетъ знать: я зайду какъ бы для того, чтобы справиться объ ея здоровьѣ.

— Да, да!—подтвердилъ Пановъ.—Такъ будетъ лучше.

Беніовскій согласился и сталъ вынимать изъ сундука мѣшки съ казенными деньгами, приказывая Андреянову переносить ихъ на присутственный столъ.

— А вы, господа, тѣмъ временемъ потрудитесь пересчитать деньги, чтобъ потомъ наличность свѣрить съ казначейскими книгами.

Въ это время въ канцелярію вошелъ высокій, въ одеждѣ мѣщанина, человѣкъ уже не молодыхъ лѣтъ съ кинжаломъ и пистолетомъ за поясомъ. За нимъ два казака внесли по мѣшку съ чѣмъ-то и опустили мѣшки на полъ. Тотъ, что былъ съ кинжаломъ и пистолетомъ, перекрестился на образъ, висѣвшій въ переднемъ углу, встряхнулъ волосами и поклонился присутствовавшимъ.

— А, это ты, Чулошниковъ,—сказалъ Беніовскій, кивнувъ головой вошедшимъ.

Чулошниковъ былъ приказчикомъ купца Холодилова, забравшаго въ руки всю торговлю Камчатки и безсовѣстно эксплоатировавшаго ея населеніе. Въ настоящее время онъ былъ въ Охотскѣ.

— Съ чѣмъ пришелъ?—спросилъ Беніовскій Чулошникова.

— Съ казной, ваша милость,—отвѣчалъ тотъ,—это ларешныя деньги: ваша милость приказали взять ихъ отъ ларешнаго.

— А кто ларешнымъ?

— Казакъ Никита Чорный, ваша милость. Только онъ денегъ не давалъ, упирался, ларешную избу на крюкъ заперъ и въ окно въ солдатъ и казаковъ стрѣлялъ изъ ружья. Такъ мы дверь выломали и его маленько попужали стрѣльбой же.

— Что жъ, убили или ранили?

— Нѣтъ, ваша милость, все обошлось благополучно, отобрали казну.

— А самъ онъ гдѣ?

— Его господинъ Винбладъ на обвахту отослалъ.

— Хорошо, братецъ, спасибо, а теперь можешь итти. Только ты намъ еще понадобишься.

— Слушаю-съ, ваша милость.

— И ты, Андреяновъ, можешь уйти: намъ пока ты не нуженъ, а тебѣ надо отдохнуть, ты всю ночь не спалъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе! Счастливо оставаться.

X. «Не надѣнетъ!»

Когда Беніовскій, Степановъ и Пановъ остались одни, они долго, не говоря ни слова, занимались счетомъ денегъ въ мѣшкахъ и провѣркою книгъ.

Когда же все было кончено, и мѣшки съ деньгами уложены были въ сундукъ, Беніовскій обратился къ Степанову, который разсматривалъ инвентарныя книги канцеляріи:

— Ну что, Ипполитъ Ивановичъ, каковы наши боевыя средства?

— Не велики, — отвѣчалъ Степановъ, — три пушки, одна мортира. Зато ружей, картечи, пороху, свинцу и пуль, а равно шпагъ достаточное количество.

— Но не забудьте,—прибавилъ Беніовскій,—нашъ гальотъ хорошо вооруженъ: на немъ хорошія пушки.

— Тѣмъ для насъ лучше,—замѣтилъ Пановъ:—мы должны помнить, что имѣемъ дѣло съ цѣлой Россіей.

— Ну!—возразилъ конфедератъ.—Пока только съ одной Камчаткой; но во всякомъ случаѣ намъ терять времени нельзя: сейчасъ же надо готовить паромы для перевозки на гальотъ пушекъ, запасовъ провіанту и всего экипажа, какой пойдетъ съ нами въ море; не забудьте, народная молва всегда летаетъ на соколиныхъ крыльяхъ.

— Нѣтъ, баронъ, на сорочьихъ хвостахъ,—улыбнулся Пановъ,—у насъ говорятъ о молвѣ, о вѣстяхъ: сорока на хвостѣ принесла.

— Все равно и сорока летитъ довольно быстро,—возразилъ Беніовскій,—море молвы не остановитъ, и ваша сорока быстро очутится въ Охотскѣ. А тогда все поднимется на насъ.

— Да подниматься-то нечему, — замѣтилъ Пановъ, — въ Охотскѣ силы военныя не ахти какія.

— Но и наши не громадны. Во всякомъ случаѣ, надо торопиться, хотя гавань и недалеко... А тамъ, какъ только мы поднимемъ паруса на гальотѣ и выйдемъ въ открытое море, пусть ловятъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ!

Беніовскій опустился на кресло и, наклонившись надъ бумагами, положилъ голову на руки.

— Голова какъ будто въ огнѣ, — нервно проговорилъ онъ какъ бы самъ съ собою,—такія острыя разнородныя ощущенія! И въ головѣ, и въ сердцѣ! Кажется, каждый волосъ живетъ, и сердце приливовъ крови не вмѣщаетъ въ себя, тѣсно и сердцу, и тѣлу.

— Не удивительно!—замѣтилъ Степановъ. — Вѣдь, мы порвали связи съ цѣлымъ міромъ.

— Зачѣмъ! — возразилъ конфедератъ, поднимая голову.— Мы только стоимъ теперь на рубежѣ двухъ жизней: за нами мракъ, смерть, хуже смерти и къ прежней жизни нѣтъ ужъ намъ возврата, какъ и Нилову, а впереди насъ тоже мракъ и тайна, но этотъ таинственный мракъ мы сами должны освѣтить, во что бы то ни стало; сами мы должны искать разгадку той тайны, что впереди, какъ бы разгадку бытія за гробомъ...

— Такъ, такъ,—задумчиво возразилъ Степановъ,—но теперь намъ надо привести въ извѣстность нашу команду и составить списки.

— Это мы сдѣлаемъ тотчасъ же,—отвѣтилъ Беніовскій,— какъ только всѣхъ приведутъ къ присягѣ, мы сейчасъ сдѣлаемъ перекличку; охотники—этимъ особый счетъ и особая вѣра имъ съ нашей стороны, а кого неволей залучимъ въ нашъ экипажъ...

— О! Это особь статья,—замѣтилъ Пановъ, отодвигая отъ себя счетныя книги и счеты.

— А! Панъ Адольфъ! Мамъ гоноръ...

Привѣтствіе это относилось къ бѣлокурому стройному субъекту въ польскомъ кунтушѣ. Это былъ одинъ изъ семи главныхъ заговорщиковъ—Адольфъ Винбладъ. Онъ былъ родомъ шведъ, но долго жилъ въ Польшѣ, служилъ ей вмѣстѣ съ конфедератами, и, взятый въ плѣнъ русскими, вмѣстѣ съ Беніовскимъ, Батуринымъ, Степановымъ и Пановымъ сосланъ былъ тоже въ Большерѣцкъ.

— Гдѣ панъ былъ?—спросилъ вошедшаго Беніовскій.

— Осматривалъ караулы, пане, и потомъ водворялъ на гауптвахтѣ ларешнаго, Никиту Черпаго,—отвѣчалъ пришедшій.

— Въ порядкѣ караулы?

— Все въ порядкѣ, только, мнѣ сдается, на гауптвахтѣ тѣсно двоихъ бы арестантовъ можно и выпустить.

— Кого именно!

— Измайлова да Зябликова. Это тѣ, что подслушали насъ, когда мы въ послѣдній разъ совѣщались, и хотѣли еще вчера донести на насъ Нилову, но онъ уже спалъ.

— Помню, помню.

— Хоть они и здрайцы, измѣнники, однако, имъ можно простить,—продолжалъ Винбладъ,—они теперь раскаялись и будутъ намъ вѣрно служить.

— А присягу дали?—спросилъ Беніовскій.

— Нѣтъ еще, вѣдь, они съ вечера ужъ подъ карауломъ были.

Винбладъ и Беніовскій взглянули на товарищей.

— Я думаю ихъ можно отпустить,—сказалъ послѣдній,—помилованный врагъ часто дѣлается лучшимъ другомъ.

— Да и сила теперь на нашей сторонѣ,—добавилъ первый.—Нилову уже выкопали могилу.

— А панъ развѣ видѣлъ?—спросилъ Беніовскій.

— Видѣлъ, и самого Нилова видѣлъ: при мнѣ его одѣвали и клали въ гробъ.

— Кто одѣвалъ?

— Казаки и Хрущовъ.

— Въ мундирѣ его положили?

— Въ мундирѣ... Тяжело мнѣ было глядѣть на него. Мнѣ казалось, что онъ исподлобья глядитъ на меня лѣвымъ незакрытымъ глазомъ и какъ будто говоритъ: «Теперь ужъ я не буду спускать вамъ, фармазоны!.. Берегитесь!..» Онъ и въ гробу какъ будто думаетъ про себя: «Что-то, что-то скажутъ тамъ, какъ узнаютъ, что тутъ у насъ произошло?»

— А дочери его не видѣлъ панъ?

— Нѣтъ. Но Хрущовъ говоритъ, что она и не знаетъ о похоронахъ отца.

— Такъ Хрущовъ ее видѣлъ?

— Видѣлъ... Плачетъ, бѣдная, говоритъ, и все про пана спрашивала.

— Про меня?—Беніовскій вздрогнулъ, спрашивая это.

— Да, про пана: она боится за пана, не убили ли и его во время бунта. Ей Батуринъ объяснилъ, что отца ея убили ка-

заки, которые были имъ недовольны за то, что онъ не позволялъ имъ обижать туземцевъ.

Беніовскій всталъ и тревожно заходилъ по присутствію, часто прикладывая руку къ головѣ.

— Теперь не время толковать о слезахъ дѣвочки и объ ея мертвомъ отцѣ, — заговорилъ онъ, какъ бы опомнившись,—надо кончать начатое нами дѣло.

— Легко сказать кончать!—заговорилъ въ свою очередь Степановъ. — Мы начали тѣмъ, что свергли здѣсь законную власть и теперь прячемъ ее въ могилу. Отлично! Она изъ гроба не встанетъ ужъ. Мы возвели на русскій тронъ новаго императора. Но что скажетъ здравствующая императрица? Ее нельзя, какъ Нилова, спрятать, хотя бы въ монастырь. Мы заставили народъ присягнуть Павлу Петровичу. Положимъ, рано или поздно, онъ долженъ бы былъ присягнуть ему. Но какъ мы оправдаемъ свой поступокъ передъ императрицей и сенатомъ, пока на русскомъ престолѣ не возсѣдаетъ Павелъ? О! Коронуйся онъ завтра, мы бы первые, можетъ быть, были взысканы его милостями, потому что мы первые ему присягнули, не боясь смерти. Даже и въ лучшемъ случаѣ: что скажемъ мы сенату? Кто далъ намъ право начать кровавую расправу? Наше дѣло онъ бунтомъ назоветъ, а насъ крамольниками. Во всякомъ случаѣ, намъ уже нѣтъ возврата въ Россію, а это ужасно!

— Нѣтъ!—горячо возразилъ Беніовскій.—Мы и возвратъ себѣ обезпечимъ.

— Чѣмъ это, государь мой?

— Мы пошлемъ въ сенатъ съ курьеромъ донесеніе. Мы обвинимъ воеводу и начальника Камчатки въ измѣнѣ отечеству. Мы скажемъ, что онъ притѣснялъ народъ, грабилъ страну, убилъ всѣ казенные промыслы, продалъ весь край Холодилову и его баскакамъ, всю Камчатку, купцовъ, посадскихъ, казаковъ, камчадаловъ, всѣхъ закабалилъ Холодилову. Народъ роипталъ, жаловался намъ, просилъ защиты. Мы и порѣшили арестовать измѣнника на время, чтобъ спасти весь край отъ разоренья. Но пьянство, а не мы, погубило воеводу: онъ скончался отъ удара. Тогда меня народъ поставилъ воеводой.

— Все это хорошо, баронъ,—замѣтилъ Пановъ,—но чѣмъ мы объяснимъ нашу присягу новому императору?

— Смертью императрицы,—отвѣчалъ Беніовскій.

— Какъ смертью?

— Скажемъ, что по всей Камчаткѣ прошелъ слухъ о ея смерти, а какъ сюда манифестъ не скоро дойдетъ, мы и присягнули законному наслѣднику престола... Впрочемъ, что я!—сказалъ онъ съ рѣшительнымъ жестомъ.—Я не русскій подданный! Я не присягалъ вашей императрицѣ! Я самъ воевалъ съ войсками Екатерины! Да что объ этомъ думать! Пока курьеръ будетъ везти наше донесеніе сенату, мы будемъ далеко въ морѣ, будемъ охранять честь русскаго народа, честь царскаго прапора и имя государя. А тамъ, что будетъ! Рубиконъ за нами!

— Такъ, баронъ, за нами, — согласился Степановъ, — но Римъ не передъ нами!

— Да,—подтвердилъ и Пановъ,—и Римъ за нами, и весь міръ—мы изгнанники.

— Сто дьяблувъ!—энергически взмахнулъ длинными волосами Беніовскій.—Возврата нѣтъ намъ въ прошлое: кто разъ разбилъ цѣпи, въ другой разъ волей не надѣнетъ.

— Не надѣнетъ!—раздался сзади громовой голосъ.

Всѣ невольно оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Батуринъ. Сѣдые длинные волосы его, казалось, ореоломъ окружали энергическое лицо старика. Что-то величественное было въ его осанкѣ.

— Не надѣнетъ! — повторилъ онъ. — Нѣтъ, въ Шлиссельбургъ меня ужъ не заманятъ! Морскіе вѣтры, лучше, пусть размычутъ сѣдые волосы мои, чѣмъ въ неволю отдать на поруганіе эти сѣдины, да! Пускай меня, умершаго, бросаютъ въ безбрежномъ морѣ за бортъ, какъ собаку, въ добычу хищнымъ рыбамъ, лишь не врагамъ моимъ на посмѣяніе! И мертвый я носиться буду въ морѣ на свободѣ, безъ цѣпей: мою свободу пусть охраняютъ бездны океана!

Слова старика воодушевили всѣхъ. Неподвижные глаза Беніовскаго сверкнули. Винбладъ горячо пожалъ руку Батурина.

— Хвала вамъ! Хвала сѣдинамъ вашимъ! И я охотой не надѣну цѣпи снова. Когда умру я въ морѣ, пусть и меня бросаютъ за бортъ въ бездну. Лучше сдѣлаться жертвою акулы, чѣмъ гнить живымъ въ Камчаткѣ!

XI. «Вездѣ быдло!».

Шумъ и неясный говоръ на площади передъ воеводской канцеляріей привлекли общее вниманіе. Первымъ выглянулъ въ окно Степановъ. Тамъ двигалась толпа. Впереди, размахивая руками, шелъ Гурчениновъ.

— Народъ сюда идетъ,—сказалъ Степановъ,—должно быть, кончилась присяга.

— Да, да,—замѣтилъ и Пановъ,—вонъ Гурчениновъ въ роли предводителя, и юный Уфтюжаниновъ шныряетъ въ толпѣ, бѣдовый поповичъ!

Къ окну подошелъ и Беніовскій.

— Да, это они идутъ отъ присяги. Надо имъ показать прапоръ!

Винбладъ взялъ стоявшее въ углу знамя и подалъ его Беніовскому. Послѣдній отворилъ окно. Гулъ голосовъ сдѣлался еще громче, особенно когда Беніовскій показалъ въ окно цвѣтное и блестящее золотомъ, широкое полотнище прапора. Съ толпою подошли къ окну Хрущовъ, Гурчениновъ, Чулошниковъ и Уфтюжаниновъ.

— Присяга всѣми принята,—сказалъ Хрущовъ, приблизившись къ самому окну и отдавая честь знамени,—Ниловъ похороненъ.

Къ окну приблизились Чулошниковъ и Уфтюжаниновъ.

— Надъ Ниловымъ прикажете поставить крестъ? — спросилъ первый.—Али бросить такъ, потому какъ онъ измѣнникъ?

— Нѣтъ, крестъ поставьте,—отвѣчалъ Беніовскій,—послѣ него остались дочь и сынъ.

— Слушаю-съ.

— А тебя, мой достойный ученикъ,—обратился Беніовскій къ Уфтюжанинову,—благодарю за усердіе и ревность: изъ тебя выйдетъ бравый вояка.

Между тѣмъ изъ толпы раздавались отдѣльные голоса:

— Гдѣ самъ онъ? Пущай бы самъ вышелъ.

— Грамоту зелену подавай! Царски знаки показывай!

Беніовскій выше поднялъ знамя и потрясалъ имъ въ воздухѣ.

— Вотъ царскій знакъ! Ему вы должны служить вѣрой и правдой.

— Ура! Ура!.. Сымай шапки!.. Шапки долой!

Головы обнажились. Иные крестились на знамя.

— А гдѣ жъ зелена грамота?—слышались голоса.—Зелену грамоту подай.

Беніовскій подошелъ къ столу, передавъ знамя Батурину, отперъ ключикомъ стоявшую на столѣ шкатулку и, вынувъ изъ нея большой зеленый бархатный пакетъ, снова воротился къ окну.

— Вотъ зеленая грамота, православные! — сказалъ онъ громко, показывая пакетъ.—Тутъ знаки царскіе, и рука царская!

— Рука царска, слышь ты, царска рука вона!—пошелъ гулъ по толпѣ.

— Покажь руку царску! Вычитай зелену грамоту!

— Вычти грамоту!.. Покажь руку!—гудѣли голоса.

— Тутъ нельзя читать, не мѣсто!—нашелся Беніовскій.—Ее читать надо въ церкви!

— Въ церкви, слышь, вычитаютъ зелену грамоту!.. Въ церкви!

Беніовскій продолжалъ махать въ воздухѣ зеленымъ пакетомъ.

— Гляди! Гляди-тко! И впрямь зелена!

— Ишь ты диво! А царски знаки гдѣ? Царска рука? Гдѣ, братцы?

— Тамотка! Тамъ! Что ты? Вотъ тѣ Христосъ!

— А Холодилова долой, братцы?

— Вѣстимо, долой! Вонъ и Чулошниковъ съ нами!

— Ай да грамотка зелена!

Винбладъ, спрятавшись за простѣнкомъ, тихо смѣялся.

— Вездѣ такое же безсмысленное быдло... Зелена грамота! Вотъ быдло!

XII. Въ Тихомъ океанѣ

Вотъ уже болѣе мѣсяца гальотъ «Святой Петръ» носится по водамъ Тихаго океана.

На гальотѣ находятся наши большерѣцкіе знакомые—Беніовскій, Батуринъ, Хрущовъ, Степановъ, Пановъ, Винбладъ, Гурчениновъ, молодой Уфтюжаниновъ и еще одна личность, съ которой мы еще, кажется, не познакомились. Это—Магнусъ

Мейдеръ, который прежде жилъ въ Петербургѣ, въ должности «адмиралтейскаго лекаря», а потомъ посланъ былъ въ Большерѣцкъ. Мейдеръ также принималъ непосредственное участіе въ большерѣцкомъ бунтѣ Беніовскаго и потому бѣжалъ изъ Камчатки, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, на гальотѣ «Святой Петръ».

Находилась на гальотѣ и интересная бѣглянка, которая, однако, не принимала участія ни въ заговорѣ Беніовскаго, ни въ бунтѣ. Это—Аѳанасія Григорьевна Нилова. Оставшись круглою сиротою послѣ трагической смерти отца, потому что во время бунта исчезъ и ея единственный братъ, который, какъ не безъ основанія полагали, испуганный погромомъ бѣжалъ ночью же изъ Большерѣцка въ тундры и, вѣроятно, погибъ тамъ съ голоду или былъ растерзанъ дикими звѣрями вмѣстѣ съ другими, бѣжавшими въ ту же роковую ночь, дѣвушка не видѣла другого исхода, какъ бросить навсегда ту мѣстность, которая, кромѣ ужасовъ и невозвратныхъ потерь, ничего не могла ей напомнить, и бѣжать вмѣстѣ съ Беніовскимъ и его товарищами по заключеніямъ. При томъ же Аѳанасія любила своего Морица первою молодою любовью, охватившею все ея существо, овладѣвшею ея душой, всѣми ея помыслами и надеждами только что начинавшей распускаться молодой жизни. Безъ него — что у нея оставалось въ Камчаткѣ? Только двѣ родныхъ могилы, да третья неизвѣстная. Кромѣ Камчатки и собственно Большерѣцкаго острога, она ничего не видѣла. Она не знала даже, что такое Сибирь, а еще меньше знала Россію. Она даже въ воображеніи не могла себѣ ее ясно представить. Она скорѣе могла живо вызвать въ своемъ воображеніи Венгрію съ ея горами и степями, Польшу съ ея вольностью и блестящимъ панствомъ, Италію съ ея дивнымъ небомъ и бирюзовымъ моремъ: со всѣмъ этимъ ее познакомилъ Беніовскій, когда она была еще тринадцати-четырнадцатилѣтнею дѣвочкою-дикаркою. Но Россіи она не знала и не могла любить. Что же могло удержать ее въ Камчаткѣ? Съ Беніовскимъ, съ его побѣгомъ для нея исчезло съ горизонта ея солнце: она не могла даже представить себѣ всего ужаса того одиночества, какое ожидало ее на самомъ концѣ и притомъ на самомъ пустынномъ концѣ цивилизованнаго міра, гдѣ уже начинался безбрежный холодный океанъ. И дѣвушка пошла за своимъ солнышкомъ. Старая няня, Пахомовна или,

вѣрнѣе, Пахонина, какъ называла ее прежде маленькая Фаня, Пахонина, выростившая барышню-сиротку на своихъ рукахъ, конечно, не могла разстаться съ нею и также промѣняла Камчатку на гальотъ «Святой Петръ».

Экипажъ гальота состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ матросовъ и казаковъ, въ томъ числѣ уже знакомые намъ Андреяновъ и Потоловъ, а также Измайловъ и Зябликовъ, покаявшіеся въ своемъ предательствѣ, хотя не удавшемся, и прощенные Беніовскимъ, затѣмъ Софроновъ, камчадалъ Паранчинъ съ женою. Жена Андреянова также не хотѣла разлучиться съ своимъ мужемъ и покинула Камчатку для скитальческой жизни. Нѣкоторые матросы были тоже съ женами.

Вообще крутобокій «Святой Петръ» представлялъ собой цѣлую пловучую русскую колонію, хотя главою и полновластнымъ диктаторомъ ея, въ качествѣ капитана гальота, былъ Беніовскій, человѣкъ, ни по своему рожденію, ни по духу, ни по симпатіямъ не принадлежащій къ русской національности.

Бѣглецы давно уже проплыли Курильскій архипелагъ и уже находились у одного небольшого острова изъ группы острововъ Японіи. Немало они испытали невзгодъ за время своего скитанія по океану: то ихъ трепали бури и штормы, то приводили въ отчаяніе мертвые штили, когда южное солнце такъ пекло, что некуда было спрятаться, а дубовую палубу гальота накаляло такъ, что ходить по ней было горячо ногамъ.

Вчера ночью гальотъ кинулъ якорь у береговъ одного небольшого лѣсистаго острова, названіе котораго не было показано на большой морской картѣ, имѣвшейся на гальотѣ.

Южная ночь была роскошна, и Аѳанасія вмѣстѣ съ Беніовскимъ и двумя бѣглецами долго сидѣли на палубѣ, любуясь туманными, какими-то волшебными, подъ луннымъ освѣщеніемъ, очертаніями и берегами зеленаго острова. Всѣ сидѣли молча, задумчиво, можетъ быть, потому, что къ грустной задумчивости и воспоминаніямъ побуждали ихъ слова пѣсни, которую матросы пѣли на другомъ концѣ гальота.

Запѣвалой въ хорѣ былъ молодой Уфтюжаниновъ. Онъ затянулъ заунывнымъ голосомъ особенно любимую матросами пѣсню:

Сторона-ль, моя сторонушка,
Сторона-ль моя незнакомая!

Матросы подхватили дальше, и волшебная южная ночь въ незнакомой сторонѣ и на невѣдомомъ морѣ огласилась за душу хватающею мелодіею:

Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не добрый-де конь меня завелъ,
Завела меня, доброво молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая;
Да хмѣлинушка кабацкая.

Никто не замѣтилъ, однако, въ темнотѣ ночи, какъ подъ эту грустную, хотя молодецкую пѣсню, Аѳанасія тихо плакала: она сидѣла спиною къ освѣщавшей ея стройную фигуру лунѣ. Слезы, впрочемъ, не разъ уже, никѣмъ, однако, не замѣчаемыя, туманили ея прелестныя дѣтски-невинные глаза. Только старая Пахонина о чемъ-то догадывалась и тяжело вздыхала, молясь каждый вечеръ особенно усердно за свою любимицу.

Сегодня утро выдалось такое же тихое, какъ и прошедшая ночь.

Солнце живописно освѣщало роскошныя рощи и каменистые берега незнакомаго острова. Неизвѣстныя, невиданныя деревья росли то въ видѣ пальмъ, то раскидывались шатрами. Изъ лѣсу неслись голоса незнакомыхъ породъ птицъ, да и тѣ, которыя летали у берега, были не тѣ, которыхъ Аѳанасіи доводилось видѣть въ Камчаткѣ. Только знакомый, жалобный крикъ чаекъ, которыя кружились около гальота или садились на гладкой, какъ зеркало, поверхности океана, напоминали ей далекій, давно покинутый сѣверъ.

Матросы съ ранняго утра отправлялись въ шлюпкѣ на островъ, чтобъ сдѣлать для корабля достаточный запасъ свѣжей прѣсной воды, такъ какъ ровно противъ того мѣста, гдѣ «Святой Петръ» бросилъ якорь, въ океанъ изливалась маленькая, въ видѣ гремучаго ручья, горная рѣченка,—и уже привезли на гальотъ не одинъ боченокъ драгоцѣнной въ океанскихъ плаваніяхъ влаги.

При видѣ прелестнаго острова и его роскошной зелени Аѳанасіи очень захотѣлось побывать на берегу, почувствовать подъ собою землю, дотронуться хоть до зелени деревьевъ, походить и посидѣть на травѣ, полюбоваться на цвѣты. Вѣдь, ноги ея такъ давно не касались земли, глаза не видѣли и руки не осязали ни деревьевъ, ни зелени.

Хрущовъ предупредилъ, угадалъ ея желаніе. Недаромъ Пановъ называлъ его поэтомъ и фантазеромъ. Въ его душѣ, дѣйствительно, тлѣла поэтическая искра, и мечтательность легла основнымъ элементомъ въ его внутренній міръ. Недаромъ онъ когда-то, еще юношей, серьезно мечталъ осчастливить Россію, внеся элементъ мира и свободы въ ея общественную жизнь, и за эту мечту угодилъ въ Камчатку, благо пылкую голову его не признали нужнымъ отрубить на плахѣ.

— Не поѣхать ли намъ, Аѳанасія Григорьевна, на берегъ?— заговорилъ онъ, замѣтивъ грустный взоръ дѣвушки, устремленный на островъ.

— Я сама только что объ этомъ думала,—отвѣчала Аѳанасія, оживляясь.

— Что-жъ вы не сказали объ этомъ раньше?

— Да я не рѣшалась: Морицъ Іосифовичъ занятъ, дневникъ, кажется, пишетъ.

— О, мы его сейчасъ вытащимъ изъ берлоги,—улыбнулся Хрущовъ и пошелъ въ каюту капитана.

Къ Аѳанасіи подошелъ Пановъ.

— Каково утро-то!—сказалъ онъ, раскланиваясь.—Въ воздухѣ столько разлито поэзіи, что даже Гурчениновъ, кажется, заговорилъ стихами.

— Бѣдный онъ!—серьезно сказала дѣвушка.—Каково это, почти всю жизнь провести безъ языка.

— Э, Аѳанасія Григорьевна! — улыбнулся Пановъ. — Что ему! Вотъ еслибъ у меня, у болтуна, языкъ отрѣзали, я бы повѣсился. Ну, сами посудите: какъ же это всю жизнь не болтать! А какъ вы находите, что красивѣе: ваша Камчатка или вотъ эта штучка?—сказалъ онъ, указывая на поэтическій островъ.

— Но только онъ, кажется, безлюдный, — замѣтила Аѳанасія.

— Да-съ, барышня, безлюденъ. Хорошо еще, что о немъ не провѣдалъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, а то-бъ сейчасъ заселилъ его поэтами.

— Кто это Шешковскій?—спросила Аѳанасія.

— Да есть тамъ у насъ, барышня, въ Питерѣ вѣтрогонъ такой, что какъ только кто замечтается, такъ онъ его сейчасъ, фюить! На какой-нибудь поэтическій полуостровъ, вродѣ Камчатки, любоваться природой, и притомъ такой добрякъ этотъ

милостивецъ, что всегда дастъ возможность поэтамъ кататься на казенный счетъ. Такой добрякъ!

— О комъ это вы?—спросилъ Беніовскій, подходя вмѣстѣ съ Батуринымъ и Хрущовымъ къ Аѳанасіи и ея собесѣднику

— Да это я говорю барышнѣ о нашемъ отцѣ и благодѣтелѣ, Степанѣ Ивановичѣ Шешковскомъ,—отвѣчалъ Пановъ.

— Да, да! Милѣйшій человѣкъ!—засмѣялся конфедератъ.— Онъ, видите ли, отправляя меня въ Камчатку, потиралъ руки отъ радости и говорилъ: «Ахъ, мой добрый другъ! Какъ я радъ за васъ, что вамъ именно назначена Камчатка, какая тамъ величественная природа, какія поэтическія мѣста! Вспомните меня, мой другъ, когда будете любоваться всѣми этими прелестями!» И я вспоминалъ его: добрѣйшей души человѣкъ! Такъ ты, Фанни,—обратился онъ къ дѣвушкѣ,—хотѣла бы съѣздить на островъ?

— Да, Морицъ,—отвѣчала Аѳанасія.

— Отлично!—согласился Беніовскій.—Мы всѣ туда отправимся: вѣроятно, тамъ отличная охота.

— Наичудесно, государи мои!—обрадовался Пановъ.—Настрѣляемъ тамъ дичи, всякаго звѣря, насолимъ въ прокъ, наичудесная штука будетъ!

XIII. Измѣна.

Скоро съ гальота спущены были на воду двѣ шлюпки. Въ одной изъ нихъ помѣстились Беніовскій, Аѳанасія, Батуринъ, Винбладъ и Уфтюжаниновъ, въ другой—Хрущовъ, Степановъ, Пановъ и Магнусъ Мейдеръ. На гальотѣ остался только Гурчениновъ съ прислугою.

Черезъ нѣсколько минутъ шлюпки пристали къ острову. Такъ какъ воды океана, несмотря на зеркальную поверхность послѣдняго, далеко, хотя плавно, забѣгали на отлогій берегъ и также плавно съ математическою, кажется, правильностью отступали назадъ, и лодки сильно качало у берега, то Аѳанасію Беніовскій вынесъ изъ шлюпки на рукахъ и, при крикахъ «ура» со стороны Панова и Уфтюжанинова, торжественно поставилъ ее на землю.

— Ура!—радовался Пановъ.—Пусть Аѳанасія Григорьевна будетъ царицею этого прелестнаго острова.

Мысль Панова всѣмъ понравилась, и Беніовскій первымъ преклонилъ колѣна предъ юною царицею.

— Ваше величество! — торжественно сказалъ онъ. — Позвольте повергнуть къ стопамъ вашимъ мои вѣрноподданническія чувства.

Аѳанасія улыбалась и краснѣла.

— Да здравствуетъ Аѳанасія Первая, божію милостію императрица океанская!—воскликнулъ Пановъ, тоже припадая на одно колѣно.

— Ура! — повторили другіе! — Да здравствуетъ Аѳанасія Первая!

— Ваше величество!—сказалъ Беніовскій, вынимая изъ ноженъ свою шпагу и подавая ее Аѳанасіи.—Вы прикосновеніемъ шпаги къ плечу должны посвятить меня и другихъ вашихъ благородныхъ слугъ въ рыцари.

— Да! Да!—подхватили прочіе.

Улыбаясь и продолжая краснѣть, дѣвушка сдѣлала то, что отъ нея требовали. Каждый поочередно подходилъ къ ней, преклонялъ колѣно, и импровизированная царица всѣхъ посвятила въ рыцари.

Между тѣмъ молодой Уфтюжаниновъ успѣлъ тутъ же, поблизости, нарвать роскошныхъ тропическихъ цвѣтовъ и сплесть изъ нихъ вѣнокъ.

— Молодецъ мой ученикъ!—воскликнулъ Беніовскій, увидѣвъ вѣнокъ въ рукахъ Уфтюжанинова.—Надо вѣнчать нашу царицу!

И вѣнокъ былъ, дѣйствительно, возложенъ на прелестную головку дѣвушки. Она казалась какимъ-то видѣніемъ на берегу неизвѣстнаго острова, передъ безграничною далью океана.

— Пусть этотъ островъ будетъ «островомъ Аѳанасіи»,— провозгласилъ старикъ Батуринъ.

— Правда! Правда! Ура!—согласились прочіе.

— Виватъ,—сказалъ Беніовскій,—именемъ Аѳанасіи я и на своей картѣ отмѣчу этотъ островъ.

— Наичудесно!—воскликнулъ Пановъ.

Они недолго, однако, забавлялись своей выдумкой и скоро направились вглубь острова искать звѣрей и птицъ.

— Вы, молодежь, идите стрѣлять, а мы, старость и юность,

будемъ цвѣточки рвать, — сказалъ Батуринъ, глядя на Аѳанасію,—не такъ ли, барышня?

— Благодарю васъ, Яковъ Петровичъ,—согласилась дѣвушка,—я охотно останусь съ вами.

— А меня, старика, не примите въ свою компанію?—обратился Хрущовъ къ Аѳанасіи.—Я не охотникъ убивать невинныхъ птичекъ и звѣрей.

— Какой же вы старикъ?—замѣтилъ Батуринъ.—Вы мнѣ въ сыновья годитесь.

— Я старъ душою,—отвѣчалъ Хрущовъ.

— Ну, ладно, оставайтесь,—согласился старикъ,—у васъ же, кстати, ружье: не ровенъ часъ, на насъ нападутъ звѣри или дикіе люди.

— Въ самомъ дѣлѣ,—подтвердила Аѳанасія,—оставайтесь съ нами, Петръ Алексѣевичъ, съ вами не такъ страшно.

— Такъ вы намъ головой ручаетесь за безопасность нашей всемилостивѣйшей государыни,—церемонно поклонился Беніовскій,—до свиданія.

Оставшись съ Батуринымъ и Хрущовымъ, Аѳанасія также прошла съ ними нѣсколько вглубь острова.

Никогда не видала она такой богатой растительности, такихъ очаровательныхъ цвѣтовъ, и все это было совсѣмъ не похоже на то, что она видѣла прежде, и эти гигантскія деревья, и эти невѣдомые цвѣты. Атмосфера тропическаго юга такъ и охватила ее, и ей казалось, что она бродитъ въ сказочномъ мірѣ. По деревьямъ порхали никогда не виданныя ею прежде птицы такихъ яркихъ цвѣтовъ, какихъ она и не предполагала въ царствѣ пернатыхъ, зная только нѣкоторыхъ птицъ Камчатки.

— Мнѣ даже жаль рвать эти прекрасные цвѣты,—говорила она, очарованная всѣмъ видимымъ.

— Отчего же? — успокаивалъ ее Хрущовъ. — Ихъ такъ много здѣсь.

— Да зачѣмъ они мнѣ?

— Ахъ, милая барышня,—въ свою очередь, говорилъ Батуринъ,—вы бы этими цвѣтами свою каютку украсили, какъ бы хорошо было!

— И вправду,—согласилась дѣвушка,—я и вашу каютъкомпанію украшу цвѣтами, и букетъ для нашего капитана сдѣлаю.

— Наичудесно! Какъ говоритъ Пановъ.

Между тѣмъ изъ-за лѣсу, изъ разныхъ мѣстъ, уже доносились выстрѣлы.

— Должно быть, охота знатная,—замѣтилъ Батуринъ.

— Какъ не быть охотѣ! Вонъ сколько птицъ!

Вдругъ Аѳанасія вскрикнула, разроняла цвѣты, которыхъ набрала уже цѣлую охапку, и, блѣдная вся, бросилась къ Батурину.

— Что вы, милая барышня?—встревожился онъ.—Чего вы испугались?

— Вонъ тамъ, на деревѣ, у того куста...

Дѣвушка вся дрожала.

— Что же тамъ, не змѣя ли?

— Змѣя... огромная... пестрая...

— Петръ Алексѣевичъ!—закричалъ Батуринъ.—Скорѣй бѣгите сюда!

— Что тамъ?—отозвался Хрущовъ изъ-за зелени.

— Да идите же! Давайте ружье!

Хрущовъ прибѣжалъ. Испуганная дѣвушка показала ему на дерево.

— Вонъ, смотрите, смотрите!

Вокругъ дерева, дѣйствительно, обвивалась громадная, изжелто-коричневая змѣя. Длинная, узкая голова ея съ маленькими блестящими глазами была обращена именно туда, гдѣ стояла Аѳанасія съ Батуринымъ. Изъ пасти чудовища высовывался и дрожалъ въ воздухѣ черный языкъ, въ видѣ раздвоенной стрѣлы.

Хрущовъ приложился, прицѣлился, и мгновенно раздался выстрѣлъ. Когда дымокъ разсѣялся, присутствующіе увидѣли, что разможженная голова змѣи какъ-то свисла съ дерева, и кольца ея длиннаго остраго тѣла, обвившія дерево, конвульсивно сжимались и тотчасъ же опускались ниже и ниже.

— Убита!—облегченно вздохнулъ Хрущовъ.

— Но она еще жива,—шопотомъ сказала Аѳанасія.

— Ничего милая барышня, не бойтесь теперь: она уже безопасна,—успокаивалъ ее Батуринъ.

— А другія? Вѣдь, она, вѣрно, не одна тутъ... Пойдемте отсюда... Тутъ страшно...

Аѳанасія взяла подъ руку Батурина и, со страхомъ оглядываясь по сторонамъ, потащила его и Хрущова къ берегу.

— Хорошо, что вы остались съ нами,—говорила она Хрущову,—а то что бы мы стали дѣлать безъ ружья?

— Да ничего,—отвѣчалъ послѣдній,—она бы васъ не тронула.

Въ то время, когда они подходили къ берегу, на кораблѣ раздался звонъ вахтеннаго колокола; но это былъ не простой звонъ, а какой-то тревожный, точно онъ звалъ кого-то на помощь. Между звономъ кто-то кричалъ въ рупоръ, но что кричали, словъ нельзя было разобрать, такъ какъ за выдающимися изъ моря рифами корабль не могъ близко подойти къ острову и бросилъ якорь на далекомъ разстояніи.

— Что бы это значило?—удивился Батуринъ.—На гальотѣ какъ будто тревога.

— Но съ чего? Кому угрожаетъ опасность?—недоумѣвалъ и Хрущовъ.

— Развѣ замѣтили въ морѣ пирата?

— Но тамъ, кругомъ, ничего не видно.

— А можетъ быть, матросскіе глаза лучше нашихъ.

Колоколъ продолжалъ звонить съ прежнею тревогой, и рупоръ не умолкалъ.

— Не бунтъ ли между матросами?—замѣтилъ Батуринъ.— Это иногда случается на морѣ.

Аѳанасія стояла блѣдная и трепещущая. Напрасно она напрягала зрѣніе, чтобы разглядѣть, что происходило на гальотѣ: она видѣла на немъ только какое-то движеніе.

— Боже мой!—ломала она руки.—Хоть бы Морицъ скорѣе пришелъ.

Беніовскій не заставилъ себя ждать: обвѣшанный разнообразною дичью, онъ показался надъ обрывомъ, а вскорѣ къ нему присоединились другіе охотники.

— Морицъ! Морицъ!—кричала ему Аѳанасія.—Что тамъ дѣлается?

— Въ шлюпки! Скорѣе въ шлюпки!—отвѣчалъ Беніовскій.

Черезъ нѣсколько минутъ шлюпки быстро неслись къ гальоту.

XIV. На необитаемомъ островѣ.

Когда шлюпки находились уже не въ далекомъ разстояніи отъ корабля, и когда пересталъ звонить колоколъ, то можно было явственно разслышать, что на гальотѣ какъ будто бы что-то рубили или выбивали что-то тяжелыми ударами.

— Что за тревога на кораблѣ? — закричалъ Беніовскій, складывая ладони въ видѣ рупора.

— Измѣна, капитанъ!—отвѣчалъ рупоръ.

Стукъ на гальотѣ прекратился.

— Кто измѣнники?—спросилъ Беніовскій.

— Измайловъ и Зябликовъ,—отвѣчали въ рупоръ.

— О, я такъ и догадывался!—замѣтилъ Беніовскій.—Эти волки всегда были для меня подозрительны. Хорошо же, до ста дьяблувъ! Я имъ покажу.

Вотъ что произошло на кораблѣ, когда Беніовскій и Аѳанасія съ прочими отъѣхали на островъ.

Рыжій Андреяновъ, очень преданный Беніовскому, и жена его, Анна, толстая добруха, души не чаявшая въ «барышнѣ», т. е. Аѳанасіи, давно стали замѣчать, что у нихъ на гальотѣ что-то неладно. Особенно подозрительными казались прежніе доносчики Нилова—Измайловъ и Зябликовъ. Они иногда шептались между собою, обмѣнивались какими-то знаками, и вообще съ этой стороны, какъ выражался Андреяновъ, «было что-то нездорово». Замѣтно было, что къ нимъ ввязался также камчадалъ Паранчинъ, который плавалъ на китоловныхъ судахъ и очень хорошо зналъ западную часть океана, въ особенности же всю линію Курильскихъ острововъ и все Азіатское восточное побережье до самой Кореи и далѣе. Какъ знатокъ моря, онъ взятъ былъ Беніовскимъ на эмигрантскій корабль. Андреяновъ, притворяясь ни о чемъ не догадывающимся, зорко, шагъ за шагомъ, слѣдилъ за этими подозрительными личностями. Но что они задумывали, онъ никакъ не могъ разгадать, какъ ни ломалъ голову. Отъ времени до времени онъ замѣчалъ, что и казакъ Сафроновъ, лѣнивый малый, съ огромною серьгою въ ухѣ, тоже какъ будто держитъ ихъ руку.

Но сегодня все открылось. Сказавъ Беніовскому, что ему что-то нездоровится, Андреяновъ забрался въ трюмъ и спрятался

тамъ за ящиками. Онъ это сдѣлалъ въ то время, когда Измайловъ, Зябликовъ, Паранчинъ, Сафроновъ и другіе матросы утромъ отплыли на островъ запасаться водой, и, слѣдовательно, никто не замѣтилъ, какъ онъ опускался въ трюмъ. Когда Измайловъ и другіе воротились съ острова и спустили бочки съ водой въ трюмъ, чтобъ наливать воду въ баки, Андреяновъ и подслушалъ ихъ разговоръ. Измайловъ съ досадою сказалъ своимъ товарищамъ, что «подлецъ Потоловъ» мѣшалъ ему тамъ открыться товарищамъ, и что у нихъ съ Зябликовымъ, Паранчинымъ и Сафроновымъ давно созрѣлъ такой планъ: такъ какъ теперь всѣ «господа» съѣхали на островъ охотиться, то никто имъ, Измайлову съ товарищами, не мѣшалъ теперь обрубить якорь, поднять паруса и плыть домой, въ Камчатку. «А господа пущай, какъ крысы, подохнутъ на острову».

Всѣ согласились на предложеніе Измайлова и хотѣли тотчасъ же привести его въ исполненіе.

Но Андреяновъ предупредилъ ихъ. Ужомъ проползъ онъ между ящиками и боченками и, никѣмъ не замѣченный, очутился на палубѣ. Въ одно мгновеніе онъ шепнулъ Потолову и другимъ матросамъ, не причастнымъ къ заговору Измайлова, какая ожидаетъ ихъ опасность, если гальотомъ завладѣютъ заговорщики, и тѣ моментально захлопнули дверь трюма, навалили на нее канатовъ и ящиковъ и ударили тревогу.

Заговорщики очутились въ западнѣ. Всѣ скрѣпленія на кораблѣ и въ трюмѣ были прочныя, желѣзныя, и какъ ни старались попавшіе въ ловушку измѣнники выбить двери трюма, они ничего не могли сдѣлать.

Когда Беніовскій, войдя на корабль, узналъ обо всемъ этомъ, то пришелъ въ такую ярость, что тотчасъ же хотѣлъ перестрѣлять всѣхъ заговорщиковъ, какъ собакъ, или же повѣсить на реяхъ. Дѣйствительно, извѣстіе, которое сообщилъ ему Андреяновъ, было ужасное: заговоръ на кораблѣ, въ открытомъ морѣ, заговоръ, такъ сказать, въ своей собственной семьѣ, что же можетъ быть страшнѣе! На кого же положиться? На сушѣ еще можно спастись, уйти отъ заговорщиковъ, на сушѣ можно искать помощи, убѣжища; но въ морѣ, на кораблѣ? Оттого нигдѣ такъ не строга дисциплина, какъ на морѣ, и оттого въ морѣ, въ океанѣ капитанъ корабля дѣлается самовластнымъ властелиномъ надъ жизнью и смертью всѣхъ своихъ пассажировъ: въ морѣ онъ—

диктаторъ своего пловучаго государства. Разъ уже онъ помиловалъ измѣнниковъ, когда они хотѣли было донести покойному Нилову о его собственномъ заговорѣ. Онъ даже выразилъ тогда такую мысль: помилованный врагъ часто дѣлается лучшимъ другомъ. И вотъ что вышло!

Беніовскій былъ страшенъ въ своей ярости. Красивое лицо его какъ бы окаменѣло, а глаза его, всегда холодные и глубокіе, какъ глаза фанатика, теперь свѣтились фосфорическимъ блескомъ, какъ вспыхнувшіе гнѣвомъ въ темнотѣ глаза кошки.

Аѳанасія, сама блѣдная и вдвойнѣ перепуганная, сначала тамъ, на островѣ, видомъ чудовищной змѣи, потомъ здѣсь этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, робко приблизилась къ своему бывшему учителю и просила его успокоиться. Но онъ почти не слыхалъ ея тихой мольбы.

Она подошла къ Батурину, задумчиво опустившему свою сѣдую голову, и взяла его за руку.

— Яковъ Петровичъ, вы старше всѣхъ здѣсь, опытнѣе,— тихо сказала она, — придумайте, какъ поступить съ несчастными?

— Я одно могу сказать, милая барышня,—также тихо отвѣчалъ старикъ, — сами согласитесь, что на кораблѣ ужъ ихъ нельзя оставить на свободѣ: ихъ надо приковать. Такимъ образомъ они уже перестанутъ быть матросами, а сдѣлаются для гальота только лишними ртами. А мы должны дорожить своими запасами: океанъ та же пустыня.

— Да, вы правы,—грустно согласилась дѣвушка,—какъ же быть?

— Примѣнить къ нимъ то, что они замышляли для насъ

— Какъ же такъ? Я не понимаю!

— Высадить ихъ на этотъ островъ, пусть живутъ себѣ.

— А чѣмъ же они будутъ питаться?

— Тамъ много птицъ и звѣря. Можно даже оставить имъ одно или два ружья съ порохомъ и пулями: повѣрьте, они не умрутъ съ голоду.

— А змѣи тамъ?

Батуринъ только махнулъ рукой.

Когда первая ярость нѣсколько улеглась въ душѣ Беніовскаго, онъ допустилъ уговорить себя—сейчасъ же составить

военный совѣтъ и общими усиліями придумать наказаніе для измѣнниковъ.

На совѣтѣ было принято мнѣніе Батурина. Только Беніовскій, по праву капитана, сдѣлалъ небольшую поправку или добавку къ принятому рѣшенію: всѣхъ измѣнниковъ, передъ высадкою на островъ, жестоко наказать кошками.

Экзекуція тотчасъ же была приведена въ исполненіе.

Заключенныхъ въ трюмѣ выпускали оттуда по одиночкѣ, объявивъ имъ предварительно рѣшеніе совѣта.

Первымъ вышелъ на палубу Измайловъ. Онъ не просилъ прощенія и вообще не говорилъ ни слова. Лицо его выражало упрямую рѣшимость.

Подали кошки... Аѳанасія убѣжала въ свою каюту и спрятала голову въ подушки.

Но зачѣмъ изображать возмутительныя картины прошлаго? Исторія не должна ихъ забывать: въ исторіи онѣ не должны стираться, какъ клейма позоровъ, пережитыхъ жалкими людьми. Но мы во всякомъ наказаніи видимъ только нѣчто оскорбительное, деморализующее, но отнюдь не поучительное. Напротивъ! О, напротивъ!

Немного погодя двѣ шлюпки отошли отъ гальота «Святой Петръ». Въ каждой шлюпкѣ лежало человѣкъ по пяти связанныхъ. Въ каждой шлюпкѣ было также по одной бабѣ: то были жены Измайлова и Паранчина. Ихъ положено было высадить на берегъ вмѣстѣ съ мужьями.

Когда шлюпки пристали къ острову, и связанныхъ изгнанниковъ матросы перетаскали на берегъ, бабы тотчасъ же стали ихъ развязывать.

Шлюпки оттолкнулись отъ берега.

— Прощайте, земляки!—крикнулъ съ одной шлюпки Андреяновъ.—Счастливо оставаться! Увидите своихъ, кланяйтесь нашимъ!

— Смотрите только, изъ-за бабьятины не передеритесь!—захохоталъ Потоловъ.

Съ берега послышались ругательства.

Аѳанасія стояла на палубѣ гальота и печально смотрѣла на островъ. Она видѣла издали, какъ вставшіе на ноги изгнанники поднимали къ небу кулаки и грозили плавно качавшемуся на синевѣ океана кораблю.

— Вотъ вашъ островъ теперь уже не безлюдный,—съ улыбкой замѣтилъ Хрущовъ, подходя къ Аѳанасіи.

— Бѣдные!—прошептала дѣвушка.

— Чѣмъ бѣдные?—подхватилъ, тоже подходя Пановъ.— Наичудесно заживутъ себѣ. Вѣдь, островокъ-то настоящій рай; только въ настоящемъ раю была всего одна Ева, а тамъ у нихъ двѣ.

— Евы-то и соблазнили нашихъ Адамовъ, — засмѣялся Беніовскій.

— Какъ?—спросилъ Пановъ.

— Да такъ, Евы: я досконально узналъ, что все это бабы заварили; бабы соскучились по Камчаткѣ и подбили своихъ мужей къ измѣнѣ. Жаль, что я не велѣлъ пошлепать ихъ кошками.

— Ну, ихъ можно было и котятами, помягче,—сострилъ Пановъ.

Вдругъ съ острова явственно донеслись голоса развеселой, всѣмъ знакомой пѣсни:

Ахъ, Иванушка на печкѣ лежитъ,
А Ульянушка на печку глядитъ,—
Какъ пришла ли ея мать,
И учала ее ломать:
Учала ее ломать,
Только косточки гремятъ,
Всѣ суставы говорятъ...

Видно было, что на берегу плясали.

— Ну, совершенно дикіе люди, звѣри!—махнулъ рукою Беніовскій.—Мало я ихъ поролъ...

XV. Въ Японіи.

Въ тотъ же день гальотъ «Святой Петръ», пользуясь небольшимъ попутнымъ вѣтромъ, снялся съ якоря и, поднявъ паруса, пустился въ дальнѣйшій путь.

Долго на берегу покинутаго острова виднѣлись очертанія выброшенныхъ туда заговорщиковъ гальота; но потомъ очертанія эти становились все менѣе и менѣе явственны и, наконецъ, совсѣмъ задернулись синеватою дымкою дали, хотя самъ

островокъ продолжалъ еще темнѣть на далекомъ горизонтѣ океана.

Скоро и эта темная точка скрылась подъ водою.

«Святой Петръ» держалъ курсъ по направленію къ югу. Томительно было однообразіе океана, но при попутномъ вѣтрѣ, когда шумѣли паруса и реи, все-таки чувствовалась жизнь среди мертваго однообразія безбрежной синей влаги; когда же наставалъ мертвый штиль, и опускались паруса, какъ безжизненное тѣло, душа чувствовала такую отчужденность отъ всего міра, такое одиночество, что становилось страшно, и мысль близка была къ отчаянію.

Такое душевное состояніе болѣе всѣхъ испытывала Аѳанасія. Вырванная роковыми событіями, какъ нѣжный цвѣтокъ, изъ почвы, на которой она выросла; потерявъ въ одну ночь, и притомъ при такихъ потрясающихъ обстоятельствахъ, все, что она считала въ своей жизни своимъ, близкимъ, роднымъ; поглощенная роковымъ чувствомъ, которое увлекло ее, какъ вихрь, какъ ураганъ, не давъ ей опомниться и притти даже къ неизбѣжному заключенію, что для нея нѣтъ выхода никуда, что для нея ничего не осталось въ мірѣ, бѣдная игрушка судьбы, случая, кровавыхъ столкновеній, въ средину которыхъ ее втолкнула эта же судьба, какъ щепку въ бурный потокъ, дѣвушка, конечно, должна была сильнѣе, жгучѣе, острѣе всѣхъ чувствовать то, что въ эти послѣдніе мѣсяцы проходило по ея душѣ.

Въ то же время она всею полнотою сердца, всѣмъ существомъ своимъ переживала то, тотъ жгучій и страшный и обаятельно сладкій періодъ молодой жизни, когда она узнала то, о чемъ только смутно догадывалась. Она любима, она нашла то, что не всякой дѣвушкѣ суждено найти въ жизни.

Неудивительно, что она жила за это время удесятеренными мѣрами жизни, удесятереннымъ чувствомъ: и чувствомъ блаженства, и чувствомъ страданія.

Прошло немало дней съ тѣхъ поръ, какъ корабль ихъ покинулъ невѣдомый островъ, оставившій въ душѣ Аѳанасіи тяжелыя воспоминанія. Но земли все не было видно. Наконецъ, однимъ жаркимъ утромъ, когда чайки особенно назойливо кричали надъ моремъ и поминутно садились на полосу воды, оставляемую быстро идущимъ кораблемъ, и когда на реи тальота прилетали иногда неизвѣстныя птицы Винбладъ, какъ истый потомокъ

скандинавскихъ пиратовъ, обладавшій прекраснымъ зрѣніемъ, радостно воскликнулъ.

— Ура! Земля! Къ зюдъ-зюдъ-весту видны очертанія земли.

— Это, должно быть, островъ Кіусіу,—не безъ волненія въ голосѣ замѣтилъ Беніовскій,—островъ Нипонъ, вѣроятно, остался много лѣвѣе.

Стали держать курсъ на зюдъ-зюдъ-вестъ. Чѣмъ выше поднималось солнце и сгоняло съ моря остатки предутренняго тумана, тѣмъ яснѣе вырѣзывались на горизонтѣ очертанія земли. Уже явственно можно было отличить темную зелень лѣса отъ сѣрыхъ, голыхъ горъ. Скоро въ зрительную трубу можно было разсмотрѣть на землѣ признаки населенности: это уже не былъ необитаемый островъ.

Но, какъ на зло, вѣтеръ, послѣдніе дни дувшій попутно, по мѣрѣ приближенія къ землѣ сталъ мѣняться и надувать паруса въ противную сторону. Кораблю, вслѣдствіе этого, приходилось то лавировать, то ложиться въ дрейфъ. Это очень замедляло движеніе. Какъ бы то ни было, къ полудню гальотъ такъ успѣлъ приблизиться къ землѣ, что уже простымъ глазамъ можно было явственно различать селенія на берегу моря. Но и самыя селенія, и постройки ихъ казались какими-то странными, невиданными: какія-то вычурныя башенки, точно слѣпленыя изъ картонной бумаги, такія легкія и фигурныя, вѣроятно, то были храмы, кумирни,—думала Аѳанасія, стоя у борта рядомъ съ своей няней Пахомовной, которая неустанно продолжала вязать нитяные чулочки для своей любимицы. — «Это не въ Камчаткѣ,—говорила она:—тутъ вонъ какая жарынь, надо и чулочки тоненькіе носить».

А земля подходила все ближе и ближе. На полугорѣ, не далеко отъ высокаго мыса, которымъ какъ бы замыкался входъ въ бухту, раскинулся довольно большой городъ. Въ бухтѣ видны мачты кораблей и множество мелкихъ судовъ. Въ городѣ и въ гавани замѣтно оживленіе, отчетливо видны человѣческія фигуры, какіе-то странные экипажи, носилки съ сидящими въ нихъ людьми.

Ясно было, что это Японія.

— Но, вѣдь, японцы не пускаютъ къ себѣ европейцевъ,— сказалъ Батуринъ Беніовскому, когда гальотъ приблизился къ самому входу въ бухту и намѣревался бросить якорь.

— Я потому и не ввожу корабль въ бухту,—отвѣчалъ Беніовскій, приказавъ выкинуть на гальотѣ русскій флагъ,—а тамъ посмотримъ... Во всякомъ случаѣ, намъ нужно опять запастись провизіей и водой.

Скоро якорь съ шумомъ и звономъ упалъ въ море.

— Прикажите, Яковъ Петровичъ, салютовать городу по силѣ регламента морского,—обратился Беніовскій къ Батурину, какъ бывшему артиллерійскому полковнику.

Батуринъ направился къ орудіямъ.

Скоро бухта огласилась пушечнымъ выстрѣломъ, затѣмъ грянулъ второй выстрѣлъ, третій...

— Нѣтъ отвѣтнаго салюта,—недовольнымъ голосомъ произнесъ Беніовскій.—Дикари! Океанскія обезьяны!

Но едва растаялъ въ воздухѣ дымъ отъ послѣдняго салютаціоннаго выстрѣла, какъ гальотъ почти моментально былъ окруженъ цѣлою флотиліею маленькихъ, длинноносыхъ, какъ кулики, японскихъ лодокъ съ зеленью, фруктами, хлѣбомъ, всевозможными плодами. На лодкахъ привѣтливо кривлялись, улыбались и кланялись въ странныхъ одѣяніяхъ люди, предлагая все, что у нихъ было въ лодкахъ. Они усердно кричали, старались перебить другъ друга: но ни одного слова изъ того, что они выкрикивали, никто на гальотѣ не понялъ, что вызвало среди экипажа гальота взрывы хохота и всевозможныхъ остротъ.

— Эй, ты, чортова перешница! Почемъ огурцы?—кричалъ одинъ.

— Кидай сюды твои яблоки, обезьянье рыло! — острилъ другой.

— Эй, вы, хвостатые дьяволы! Зачѣмъ у дѣвокъ косы пообрѣзали?

Хвостатые люди, со своей стороны, добродушно смѣялись и цѣплялись то за руль, то за якорную цѣпь гальота.

Ясно было, что никакихъ враждебныхъ дѣйствій отъ этого добродушнаго народа нельзя было ожидать, и потому Беніовскій самъ рѣшился поѣхать въ городъ, чтобы развѣдать, такъ ли дружелюбно будутъ приняты русскіе путешественники японскими властями, какъ принялъ японскій народъ, хотя сильно сомнѣвался въ этомъ.

— Почему же?—спрашивалъ его Батуринъ.—По видимости,

японцы доброжелательны къ намъ, видите, какъ подружились съ матросами нашими...

— Ха-ха-ха,—засмѣялся Пановъ,—вонъ даже воздушные поцѣлуи посылаютъ нашимъ молодцамъ.

— А ваши молодцы, смотрите, на ихъ любезности отвѣчаютъ кукишами, хотя тоже добродушно,—замѣтилъ Беніовскій, улыбаясь.—Но не въ томъ дѣло. Японцы—народъ, я увѣренъ, приняли бы насъ, какъ братьевъ; но правительство ихъ, власти японскія, врядъ ли. Развѣ вы не знаете, что японцы, собственно правительство Японіи, не допускаютъ въ свою страну иноземцевъ? Народъ-то во всѣхъ странахъ добръ и мягокъ, онъ считаетъ всякаго пришельца братомъ, гостемъ, и не возбуждай соперничающія правительства одинъ народъ противъ другого, на землѣ давно воцарилось бы всемірное братство. Это святая истина. Изъ-за чего бы, напримѣръ, вамъ, русскимъ, ненавидѣть насъ, поляковъ? Нѣтъ ни причины, ни повода. А какъ задумали-было наши Сигизмунды да Владиславы снять Мономахову шапку съ головъ вашихъ Ивановъ да Борисовъ, ну, ваши Иваны да Борисы и стали науськивать васъ на насъ, да вотъ и доуськались до того, что, пожалуй, раздѣлятъ нашу бѣдную Польшу и вмѣсто нашего Станислава или Житимонта дадутъ намъ «двухъ Матренъ да Луку съ Петромъ», какъ говоритъ ваша русская пословица. Тоже и въ Японіи... А народъ что! Народъ вонъ уже обнимается съ нашими матросиками!

Дѣйствительно, нѣкоторые изъ японцевъ успѣли по якорной цѣпи взобраться на гальотъ и уже цѣловались съ матросами, а послѣдніе то дружески трепали гостей по плечу, то дергали ихъ за штаны и куртки и заливались дружнымъ хохотомъ.

— Ай-да штаны! Сала мала-джинь-чхи-ачхи! — старались они поддѣлываться подъ говоръ японцевъ.

— Хамала-шабала-дзень-стрень-брень мои гуселки!... Ха-ха!

Беніовскій приказалъ спустить на воду одну шлюпку и, взявъ Андреянова и Потолова въ качествѣ гребцовъ, вмѣстѣ съ Батуринымъ отправился въ гавань, къ городу.

XVI. Отбитое нападеніе.

Въ это время матросы, желая еще болѣе очаровать глазѣвшихъ на нихъ японцевъ, стали въ кружокъ и затянули свою лю-

бимую пѣсню, такъ соотвѣтствовавшую ихъ душевному настроенію:

Сторона-ль моя, сторонушка,
Сторона-ль моя, незнакомая!

Японцы слушали невиданныхъ гостей, словно очарованные. Но особое одушевленіе проявили пѣвцы, когда приходилось выливать изъ души заключительныя строфы пѣсни:

Породила меня матушка
Во безчастный день, во пятницу,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Что подъ вишенкой, подъ зеленою,
Что подъ яблонькой, подъ кудрявою.
Пеленала-де меня матушка
Во свивальничекъ алой бархатной,
Одѣвала меня матушка
Одѣяльцемъ соболинымъ,
Берегла меня матушка
И отъ вѣтру, и отъ вихоря.
Что отъ часта мелка дожжичка:—
Только не спасла меня матушка
Что отъ службы государевой,
Отъ чуждедальней сторонушки...

Пѣсня разливалась по водѣ стройно, величаво. Все изъ города повалило на берегъ слушать неслыханную мелодію. Бухта и гавань еще болѣе запестрѣли яликами съ туземцами.

— Эхъ, ребята!—сказалъ, подходя къ пѣвцамъ, Пановъ,—Эдакъ вы своей пѣсней заставите хныкать всѣхъ этихъ черномазыхъ. Вы бы хватали что-нибудь веселенькое, залихвацкое!

— И то правда, ваше благородіе,—согласились матросики.

— А, ну-ко, запѣвало, заводи (это къ Уфтюжанинову).

— Да какую вамъ, братцы?

— А хуть про суздальцовъ, володимерцовъ.

Тогда Уфтюжаниновъ, выступивъ на середину палубы и взявшись въ-боки, сталъ притопывать и приговаривать:

Ахъ, вы, суздальцы, володимерцы,
Что горазды плясать, что скакать,
И скакать и плясать съ колокольчиками...

Его подхватилъ хоръ, и залихватская пѣсня продолжалась словами:

Съ колокольчиками, съ болобольчиками!
Ахъ и станемъ говорить, выговаривати,
Черно на бѣло выворачивати:
Ахъ медъ поспѣлъ, медъ сычоный,
Ахъ я была молодка да молоденька,
А мужъ-атъ мой онуча неношеная...

Этого показалось мало: два матроса пошли въ присядку. Стуча каблуками, одинъ выговаривалъ:

Какъ у Карпова двора
Да окатана гора!

другой, семеня ногами, отвѣчалъ ему:

Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь!

А первый на это второму:

Стала тутъ изба ходить,
За собой гостей водить!

Второй не оставался въ долгу и снова сѣменилъ и приговаривалъ:

Хвостъ вытащилъ—носъ увязъ.
Носъ вытащилъ—хвостъ увязъ!

— Это мы,—лукаво подмигнулъ Пановъ Степанову,—хвостъ вытащили, а носъ увязили.

Въ самый разгаръ воодушевленія матросиковъ—съ одной стороны, и невыразимаго изумленія японцевъ—съ другой, со стороны гавани показалась шлюпка, которая отвозила въ городъ Беніовскаго и Батурина. Теперь они возвращались на гальотъ.

— Чѣмъ-то порадуютъ насъ наши послы?—сказалъ Степановъ, указывая на шлюпку.

Шлюпка подошла къ гальоту. На палубѣ пѣсня разомъ оборвалась. По лицу капитана матросы сразу догадались, что онъ не въ духѣ.

— Что жъ вы перестали, ребята? — крикнулъ Беніовскій, взбираясь на палубу гальота по брошенной къ шлюпкѣ лѣстницѣ.

Матросы снова затянули, но уже другую:

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити,
Не наполнишь ты сине море слезами...

— Ну, что, какъ?—спросилъ Степановъ Беніовскаго.

— Да такъ, какъ я предполагалъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Не пускаютъ?

— Конечно, боятся: когда мы подъѣзжали къ берегу, намъ оттуда стали дѣлать угрожающіе жесты. А потомъ на берегу появились и драконы.

— Какіе драконы?

— Разумѣется рисованные: они, галганы, всѣхъ иностранцевъ пугаютъ нарисованными на огромныхъ полотнищахъ драконами и всякими чудовищами, думаютъ попугать.

— Какъ же намъ быть?—спросилъ Пановъ.—И мы должны испугаться?

— Должны,—былъ отвѣтъ,—иначе намъ не дадутъ запастись ни провизіей, ни водой.

— Ну, такъ и чортъ съ ними и съ ихъ драконами!—обругался Пановъ.—Была бы провизія и вода.

Дѣйствительно, Беніовскій тотчасъ распорядился закупкою провизіи изъ лодокъ, окружавшихъ гальотъ, а матросы, подружившись съ новыми своими пріятелями, японцами, легко имъ растолковали, что для корабля нуженъ запасъ свѣжей воды, и японцы, какъ приморскіе жители, скоро поняли, въ чемъ дѣло: одни продавали провизію, а другіе тотчасъ же отправились въ городъ за водой, и скоро гальотъ готовъ былъ вновь пуститься въ путь.

Вскорѣ, однако, обнаружились и враждебныя дѣйствія со стороны японскихъ властей. Изъ гавани вышло нѣсколько большихъ лодокъ, наполненныхъ вооруженными людьми. По всѣмъ признакамъ можно было предположить, что это были японскіе солдаты. Прежнія лодочки, окружавшія гальотъ и вступавшія въ торговыя сношенія съ экипажемъ русскаго корабля, увидѣвъ угрожающую демонстрацію со стороны городскихъ властей, словно ласточки разлетѣлись отъ гальота и поспѣшили укрыться въ гавани; а вышедшія изъ гавани лодки, напротивъ, стали обходить гальотъ, стараясь, повидимому, отрѣзать ему отступленіе

— Насъ, кажется, хотятъ застукать, какъ рыбу въ вершѣ,—замѣтилъ Батуринъ, глядя на эволюцію японскихъ лодокъ.

— На то похоже,—замѣтилъ и Беніовскій,—но мы пре-

рвемъ эту гнилую вершу. Вы, Яковъ Петровичъ, распорядитесь пушками, чтобы по первому моему сигналу открыть огонь по этимъ мерзавцамъ, и панъ Адольфъ (онъ обратился къ подошедшему въ это время Винбладу) распорядится тотчасъ же поднятіемъ якоря и парусовъ: кстати же и вѣтеръ намъ благопріятствуетъ.

На гальотѣ все разомъ пришло въ движеніе: якорь вынутъ изъ воды, паруса распущены, и пушкари стояли на своихъ мѣстахъ съ зажженными фитилями.

Беніовскій махнулъ платкомъ.

— Разъ-два-три... пли!—раздалась команда.

Пушки грянули, гальотъ дрогнулъ всѣмъ корпусомъ и быстро пошелъ прямо на японскія лодки. Тѣ, какъ испуганныя черепахи неуклюже замахали веслами и поспѣшно удалились съ пути, по которому величественно, подъ всѣми парусами, шелъ русскій корабль.

XVII. У острова Формозы.

Вѣтеръ благопріятствовалъ нашимъ бѣглецамъ. Много дней они все плыли къ югу. Солнце все болѣе и болѣе поднималось къ зениту и такъ жгло въ теченіе дня, что почти невозможно было оставаться на палубѣ, а между тѣмъ въ каютахъ было такъ душно, что воздуху не хватало для дыханія. На палубѣ, въ тѣни тента, можно было оставаться только потому, что здѣсь нѣсколько охлаждалъ адскую жару постоянно дувшій съ сѣвера вѣтерокъ.

Зато ночи были божественны. Почью только и оживало все общество нашихъ невольныхъ путешественниковъ, размѣщаясь по палубѣ, какъ кому было удобнѣе.

Вотъ и теперь они всѣ на палубѣ. По вычисленіямъ Беніовскаго и Винблада, корабль ихъ не сегодня-завтра долженъ уже встать на тропическую линію Рака, и не сегодня-завтра на горизонтѣ долженъ будетъ показаться островъ Формоза.

— Формоза, да, вѣдь, это что-нибудь наичуднѣйшее,—обратился Пановъ къ Аѳанасіи, задумчиво глядѣвшей на безконечную даль океана, окутанную мракомъ тропической ночи,—не правда ли, Аѳанасія Григорьевна?

— Почему же вы такъ полагаете?—очнулась она изъ задумчивости.

— Да потому, что по-латыни formosus, formosa—это нѣчто пречудесное.

— Можетъ быть... Но я, все равно, буду очень рада землѣ, я ее такъ давно не видала.

— А въ Японіи?

— Да, вѣдь, тамъ мы ее только издали видѣли.

— И то правда... Эй, Хрущовъ!—обратился онъ къ послѣднему, сидѣвшему нѣсколько въ сторонѣ.—Что, стихи, небось, сочиняешь?

— Нѣтъ, считаю твоихъ пелымскихъ галокъ, — отвѣчалъ Хрущовъ.

— Какія это пелымскія галки?—полюбопытствовала Аѳанасія.

— О! Это цѣлая исторія, барышня!—засмѣялся Пановъ.—Это дѣло было еще при Биронѣ... Слыхали вы про этого сокола?

— Какъ же, Морицъ Іосифовичъ о немъ много разсказывалъ.

— Наичудесно, барышня, —продолжалъ Пановъ, — такъ этотъ самый Биронъ такъ любилъ ссылать въ Сибирь добрыхъ людей, что, когда людей не хватало, онъ сталъ ссылать галокъ.

— Вы все шутите,—улыбнулась дѣвушка.

— Нѣтъ, барышня, не шучу, это очень серьезная исторія однажды галки такъ галдѣли надъ дворцомъ, что мѣшали спать Бирону... Свѣтлѣйшій обозлился, велѣлъ всѣхъ бунтовщицъ переловить и сослать въ Пелымъ.

— Ну, Пановъ, ты повторяешься съ своими остротами,—замѣтилъ Хрущовъ,—это скучно. А поглядите, Аѳанасія Григорьевна,—обратился онъ къ Ниловой,—видите вы эти прекрасныя звѣзды, которыя въ видѣ креста такъ ослѣпительно блистаютъ надъ океаномъ?

— Да!—отвѣчала дѣвушка.—Я и давно замѣтила, что за прелестныя звѣзды. Да и вообще здѣсь всѣ звѣзды удивительно прекрасны, не то, что у насъ въ Камчаткѣ!

— Воздухъ здѣсь не тотъ Аѳанасія Григорьевна, да и ночи тропическія не похожи на наши сѣверныя, оттого и звѣзды здѣсь очаровательно горятъ. Я когда-то порядочно зналъ звѣздное небо, мечталъ быть астрономомъ, и вотъ, въ продолженіе всего

нашего безконечнаго пути отъ Камчатки, я постоянно наблюдалъ за звѣзднымъ небомъ: съ каждымъ градусомъ, что мы подвигались къ югу, наши сѣверныя созвѣздія опускались все ниже и ниже, а южный горизонтъ небеснаго свода все болѣе и болѣе, казалось, расширялся; и по мѣрѣ того, какъ исчезали за сѣвернымъ горизонтомъ или опускались ниже наши милые, мои старые знакомцы—Арктуръ, Лира съ блестящею Вегою, Орелъ съ Атаиромъ, Лебедь съ Денебомъ, Персей съ Головою Медузы, Альдебаранъ и Плеяды,—все выше и величественнѣе поднимались Оріонъ и Сиріусъ, Антаресъ и Офіухунъ, и вотъ этотъ поразительный по красотѣ и величію крестъ! Онъ и называется созвѣздіемъ Южнаго Креста.

— Онъ, дѣйствительно, поражаетъ,—согласилась Аѳанасія, не отрывая глазъ отъ поразительной картины южнаго звѣзднаго неба.

— А оглянитесь назадъ!—сказалъ Хрущовъ.

Всѣ невольно оглянулись. Но и къ сѣверу небо сверкало яркими, хотя не такими величественными, какъ Оріонъ съ Сиріусомъ и Южный Крестъ, созвѣздіями.

— Взгляните на полярную звѣзду,—продолжалъ Хрущовъ.

— Я ее не знаю, я ни одной звѣзды не знаю,—смущенно проговорила Аѳанасія.

— Вотъ она, маленькая такая,—указалъ Хрущовъ,—почти надъ самою поверхностью океана; такъ, кажется, и погрузится въ море... А за-то въ Камчаткѣ какъ высоко стояла она надъ горизонтомъ!

— А въ Петербургѣ еще выше,—замѣтилъ Пановъ,—выше Петропавловскаго шпица, выше даже Гурченинова (Гурчениновъ былъ, дѣйствительно, выше всѣхъ ростомъ).

— Въ твоей шуткѣ есть, однако, доля правды,—сказалъ Хрущовъ,—вѣдь Петербургъ сѣвернѣе Большерѣцка.

— Ну, ужъ это ты вздоръ говоришь, господинъ астрономъ,—не соглашался Пановъ.

— Не вздоръ, мой милый, а правду, — настаивалъ Хрущовъ,—Большерѣцкъ лежитъ подъ пятьдесятъ вторымъ эдакъ съ половиной градусомъ сѣверной широты, а Петербургъ почти подъ шестидесятымъ.

— Не можетъ быть! — отозвался Беніовскій, выходя изъ каюты, гдѣ онъ работалъ.

— Вѣрно, вѣрно, баронъ!—утверждалъ Хрущовъ,—Посмотрите на ландкарту!

— Вотъ никогда бы не повѣрилъ. А мнѣ казалось, что проклятый Большерѣцкъ почти у сѣвернаго полюса.

— Смотрите, смотрите!—раздался вдругъ голосъ Винблада, стоявшаго на вахтѣ.—Луна выходитъ не изъ океана.

— Какъ не изъ океана?—удивились всѣ.

— Да, да, не изъ воды... Тамъ земля, это островъ.

— Это Формоза!—радостно воскликнулъ Беніовскій.

— Урра! Земля! Формоза! Insula formosa!—кричалъ Пановъ.

— Мои вычисленія, значитъ, не обманули,—продолжалъ Беніовскій,—пане Адольфе!—крикнулъ онъ Винбладу.

— Цо, пане баронъ?—отозвался послѣдній.

— Мы должны остановить ходъ гальота, лечь въ дрейфъ на ночь: если близко земля, то подъ водой могутъ быть и рифы, и мели, и шхеры.

— Правда, правда!

Послѣдовала команда, и гальотъ задрейфовали.

Когда на утро Аѳанасія вышла изъ своей каюты, глазамъ ея представился волшебный край. Она какъ бы не вѣрила, что это была дѣйствительность, а не сказочный міръ.

Гальотъ стоялъ почти у самаго берега, и потому все видно было, вся развертывавшаяся передъ нею дивная панорама. Никогда не виданныя ею такой величины и формы деревья, тюльпановыя рощи, всѣ какъ-бы обсыпанныя яркими пунцовыми цвѣтами, огромные, съ гигантскими листьями, стволы банановъ, отягченныхъ плодами въ видѣ зеленыхъ исполинскихъ звѣздъ, гигантскія пальмы съ вѣерообразными вершинами, и надъ всѣмъ этимъ такое голубое, такое роскошное небо, что пораженная всею этою роскошью природы дѣвушка, выросшая среди мховъ, лишаевъ и болотъ, казалось, оцѣпенѣла отъ изумленія и восторга. Слухъ ея поражали крики летавшихъ по деревьямъ попугаевъ красныхъ, зеленыхъ и всевозможныхъ цвѣтовъ и окрасокъ другихъ птицъ этого райскаго мѣста, начиная отъ едва замѣтныхъ глазу колибри и кончая голубыми инсепараблями, названія которыхъ она, конечно, не знала. По вѣтвямъ лазили, кривлялись и кричали обезьяны; въ воздухѣ сверкали и переливались

всѣми цвѣтами радуги стаи бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, и весь этотъ воздухъ былъ напоенъ араматомъ.

Это былъ настоящій Эдемъ, тотъ Эдемъ, о которомъ она задумывалась ребенкомъ...

— Что, милая Фанни, нравится?

Аѳанасія вздрогнула отъ неожиданности. Она не слыхала, вся отдавшись созерцанію дивной картины, какъ сзади подошелъ къ ней Беніовскій и любовался очарованіемъ дѣвушки.

— Ахъ, это вы, Морицъ!

— Нравится? Да?

— О, Морицъ! Я ничего подобнаго и во снѣ не видала.

— Сны, милое дитя, отраженіе дѣйствительности—видѣннаго и слышаннаго, а ты, кромѣ Большерѣцка, ничего не видѣла... А я покажу тебѣ еще и не такіе волшебные края.

— Гдѣ же? И долго мы еще будемъ въ морѣ?

Къ нимъ подошелъ Батуринъ. Старческое лицо его, казалось, свѣтилось дѣтскою радостною улыбкою. Онъ по привычкѣ ерошилъ свою длинную, бѣлую какъ кудель, бороду

— Съ добрымъ утромъ, государи мои!—поклонился онъ Аѳанасіи—Ужъ и истинно доброе утро! Сколько ни живу я на свѣтѣ, а ничего подобнаго не видалъ; и ужъ я-ли чего не видалъ! И Францію, и Швейцарію, и Италію...

— А Ладожское озеро и забыли?—вмѣшался Пановъ, подходя къ нимъ.

— Ахъ ты, скоморохъ!—добродушно улыбнулся старикъ.— И Ладожское видалъ...

— И въ паука, виноватъ, въ прекрасную паучку влюблены были, почтеннѣйшій Яковъ Петровичъ... Онъ вамъ еще не разсказывалъ этой исторіи, Аѳанасія Григорьевна?—обратился шутникъ къ Ниловой.

Та съ улыбкой посмотрѣла на него.—«Ужъ вы вѣчно выдумываете»...

— Убей меня выборгскимъ кренделемъ! Лопни глаза и утроба Шешковскаго, коли я выдумываю, барышня: самъ Яковъ Петровичъ намъ на духу покаялся, «влюбленъ, говоритъ, былъ въ прекрасную паучку, когда въ Шлюшинѣ въ терему сидѣлъ»... Ей-Богу-съ! А что до красоты этихъ мѣстъ, такъ у насъ въ Лужскомъ уѣздѣ много того пріятнѣе-съ.

— Полно, мельница!—махнулъ рукой Батуринъ.

— Да молоть-то нечѣмъ,—засмѣялся Пановъ, — вода вся вышла... Въ самомъ дѣлѣ,—обратился онъ къ Беніовскому,— нашъ запасъ воды на исходѣ, да и та уже протухла. Прикажете, господинъ капитанъ, водой запастись? Я живой рукой съ молодцами оборудую.

— А гдѣ брать воду?—спросилъ Беніовскій.

— Молодцы говорятъ, что тамъ, влѣво, за тѣмъ зеленымъ мыскомъ, видѣли устье какой-то рѣчонки. Я самъ съ ними поѣду, страхъ, какъ хочется попасть скорѣй на этотъ райскій островъ.

— Да только вы поосторожнѣе,—замѣтилъ Беніовскій,—можетъ быть, тутъ гдѣ по близости засѣли туземцы и высматриваютъ насъ.

— Пустяки-съ!—весело сказалъ Пановъ.—Берегъ, кажется, пустынный. А вамъ,—обратился онъ къ Афанасіи,—я нарву цвѣточковъ, да попугая и обезьяну поймаю: все же будетъ вамъ чѣмъ забавляться въ нашемъ монастырѣ. До свиданія!

И онъ пошелъ распорядиться насчетъ шлюпки и боченковъ для воды.

XVIII. Смерть Панова.

Черезъ нѣсколько минутъ шлюпка была спущена на воду. Кромѣ Панова, въ нее сѣли юнги Поповъ и Лонгиновъ, которымъ тоже скорѣй хотѣлось на берегъ, и два матроса.

Пановъ казался очень веселымъ, оживленнымъ.

— Какого попугая, барышня, привезти вамъ, зеленаго, сѣраго или бѣлаго съ краснымъ?—крикнулъ онъ изъ шлюпки.

Сѣвъ у руля, онъ вдругъ затянулъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Его поддержали матросы, а матросы на гальотѣ хоромъ подхватили, и разлилася по водѣ поволжская пѣсня, гдѣ же, въ Тихомъ океанѣ, у острова Формозы!

Афанасія, Батуринъ, Степановъ, Хрущовъ и всѣ, всѣ, въ какомъ-то скорѣе грустнымъ, чѣмъ радостномъ умиленіи, слушали эту пѣсню тутъ, въ невѣдомыхъ моряхъ, за тридевять земель отъ далекой родины. Афанасіи казалось, что океанъ слушаетъ эту пѣсню, а удивленныя птицы и обезьяны на островѣ замолчали и также прислушиваются.

Гурчениновъ, сидя на спирали каната, утиралъ катившіяся по щекамъ слезы.

— Я только теперь узналъ и полюбилъ русскаго человѣка, — задумчиво проговорилъ Беніовскій.

— Онъ стоитъ любви,—съ чувствомъ замѣтилъ Хрущовъ.

— Да, — продолжалъ Беніовскій, — въ немъ беззавѣтная удаль, и что-бы съ нимъ ни было, онъ не падаетъ духомъ и поетъ. Оттого я и люблю, когда мои матросы поютъ, это укрѣпляетъ ихъ духъ...

Шлюпка, между тѣмъ, скрылась за зеленымъ мысомъ, осѣненнымъ роскошными букетами зонтикообразныхъ пальмъ, и скоро пристала къ берегу въ небольшомъ затонѣ рѣчного устья, поросшемъ у краевъ высокою травою, за которою безобразно торчали косматые кактусы и гигантскіе арумы.

Не выходя, однако, на берегъ изъ шлюпки, Пановъ нагнулся и зачерпнулъ горстью воды.

— Нѣтъ, братцы, надо взять повыше, — сказалъ онъ, отвѣдавъ воду; — кажись, вода маленько солоновата. Отваливай.

Шлюпку отпихнули веслами и багромъ отъ берега и поплыли выше, по узкой, довольно быстрой рѣкѣ, окаймленной кактусами и бананами. Надъ головами смѣльчаковъ неистово кричали попугаи. Обезьяны съ сердитымъ ворчаніемъ испуганно перебѣгали на самыя вершины деревьевъ.

Какъ околдованный, глядѣлъ на все это Пановъ и его спутники. Столько жизни въ каждомъ деревѣ, въ каждой вѣткѣ! Но людей не видно въ этомъ раю: люди забрались куда-то далеко на сѣверъ, за эти голубые моря и океаны, вдаль отъ этого крика попугаевъ и обезьянъ, отъ всего этого блеска, отъ подавляющей роскоши природы...

Но если бы Пановъ и его спутники могли заглянуть за эти почти сплошныя заросли кактусовъ и гигантскихъ папоротниковъ, проникнуть взоромъ за эти исполинскіе стволы пальмъ и банановъ, то они увидѣли-бы нѣчто необыкновенное и не такъ-бы безпечно созерцали эту чудную природу тропиковъ. Они увидѣли-бы, какъ какія-то человѣческія тѣни неслышно, словно страшные призраки, по мѣрѣ движенія шлюпки, перебѣгали отъ одного ствола пальмы къ другому, отъ банана къ банану. Они увидѣли-бы, что эти тѣни, почти голыя, съ бронзовымъ цвѣтомъ тѣла, разрисованныя странными фигурами, съ длинными черными волосами, съ искрящимися глазами; что головы ихъ и

бедра украшены яркими перьями, а въ рукахъ у нихъ тонкія, какъ иглы, и длинныя копья...

— Сюда, ребята, къ этому бережечку, — сказалъ Пановъ, направляя шлюпку къ берегу.

— Вода знатная, ваше благородіе, — замѣтилъ младшій юнга, Лонгиновъ, зачерпнувъ воды шляпой и отвѣдывая ее.

Шлюпка ткнулась носомъ въ берегъ и остановилась.

— Наливайте, ребята воду, а я пройдусь немножко, посмотрю, — сказалъ Пановъ.

Онъ вскинулъ ружье на плечо, выпрыгнулъ изъ шлюпки и скрылся въ густой зелени. Слышно было, какъ онъ тихо напѣвалъ:

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити:
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго слова...

Онъ шелъ, съ трудомъ раздвигая вѣтви невѣдомыхъ ему растеній и глядя, какъ на вѣтвяхъ исполинскаго тамаринда качалось цѣлое семейство обезьянъ...

Мысль его мгновенно перенеслась за десятки тысячъ верстъ, за эти необозримыя пучины океана, за снѣговыя горы Азіи, за безконечныя пустыни и равнины, на бѣдную природой, но милую его сердцу родину, въ небольшую деревеньку подъ Лугою... Песчаные, покрытые рѣдкимъ ельникомъ и березникомъ холмы, зеленыя упирающіяся въ топкія болота лужайки, беззвучно текущій межъ корнями старыхъ сосенъ ручеекъ, заросшій кувшинчиками и водяными лиліями прудъ, въ которомъ когда-то маленькій Костя удилъ рыбу, и на вершинѣ старой сосны каркающая ворона, какъ это давно было и какъ это далеко теперь!.. Сѣрое, пасмурное небо, по которому вѣтеръ гонитъ тяжелыя, точно свинцовыя тучи, звякающій подъ дугой коренника валдайскій колокольчикъ, старый Игнатъ на козлахъ, помахивающій кнутомъ на лошадей, везущихъ маленькаго Костю въ Питеръ, въ училище... Зеркальныя окна магазиновъ на Невскомъ, отражающія въ себѣ его новенькій съ иголочки офицерскій камзолъ, и несущаяся по Невскому раззолоченная коляска, поворотившая къ дворцу и забрызгавшая грязью весь чистенькій камзольчикъ юнаго офицерика Панова... А тамъ, казематъ, Сибирь, Камчатка...

Онъ поднялъ глаза къ этому бирюзовому небу, которое казалось еще голубѣе сквозь гигантскіе, перистые листья пальмъ...

— Милая, далекая Луга!—беззвучно прошепталъ онъ.

Вдругъ что-то со свистомъ промелькнуло въ воздухѣ, и два тонкихъ, какъ иглы, копья вонзились въ его грудь... Съ нечеловѣческимъ крикомъ онъ вскинулъ кверху руками и навзничь опрокинулся въ густую листву папоротника.

— Батюшки! Да это никакъ Константинъ Андреичъ!

— Онъ и есть... Кому-жъ больше... Господи! — всполошились матросы и юнги.

Схвативъ ружья, они бросились на крикъ. Поповъ выстрѣлилъ на воздухъ...

— Чтобъ наши услыхали... може чего, не дай Богъ...

Скоро ихъ глазамъ представилась страшная картина. Въ зелени папоротниковъ, навзничь, раскинувъ широко руки, лежалъ Пановъ. Изъ груди его торчали два тонкихъ копья, одно угодило прямо въ сердце...

— Батюшки!.. Его убили!..

— Заряжай ружье! Злодѣи близко... може и насъ.

Лонгиновъ и юнги стали на колѣни у распростертаго трупа. Пановъ былъ мертвъ.

Кругомъ тихо, только въ густой листвѣ и на вершинахъ деревьевъ слышны были крики попугаевъ, и рычанье обезьянъ. Гдѣ же убійцы? Кто они? Ни звука, ни шороха...

Матросы и юнги бережно подняли мертваго товарища и понесли къ шлюпкѣ.

Крикъ и выстрѣлъ услышаны были на гальотѣ и вызвали тревогу. Беніовскій немедленно велѣлъ спустить на воду остальныя двѣ шлюпки, приказавъ матросамъ захватить съ собою ружья, палаши и топоры, и вмѣстѣ съ Степановымъ, Хрущовымъ, Винбладомъ и Мейдеромъ, размѣстившимися въ обѣихъ шлюпкахъ, на всѣхъ веслахъ полетѣлъ съ своимъ маленькимъ десантомъ за зеленый мысъ, откуда послышались подозрительный крикъ и выстрѣлъ.

Не успѣли эти шлюпки войти въ устье рѣки, какъ навстрѣчу имъ неслась третья — та, которая должна была запасаться водой.

— Что случилось?—крикнулъ Беніовскій издали.

— Несчастіе, ваше благородіе! — былъ отвѣтъ.

— Что такое?—у Беніовскаго дрогнулъ голосъ. Всѣ ждали отвѣта.

— Константина Андреича убили, — отвѣчалъ одинъ изъ матросовъ.

— Кто?.. Какъ?..

— И сами не знаемъ, въ лѣсу кто-то.

Шлюпки сблизились. Въ той, что плыла изъ рѣки, на днѣ ея лежалъ Пановъ. Изъ груди его торчали два копья.

Беніовскій и Мейдеръ вскочили въ эту шлюпку. Послѣдній, какъ врачъ, тотчасъ же нагнулся къ убитому, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ-ли хоть признаковъ жизни въ несчастномъ, но почти тотчасъ же поднялся и печально развелъ руками.

Убитъ наповалъ, прямо въ сердце.

Всѣ сняли шляпы и набожно перекрестились. Мейдеръ съ трудомъ выдернулъ изъ трупа копья.

— Копья, должно быть, отравлены, — сказалъ онъ, разсматривая ихъ зазубренныя острія съ узенькими проколами для яду; — отравлены, это ясно.

Всѣ сосредоточенно, съ глубокой жалостью, глядѣли на блѣдное, спокойное лицо мертвеца. Черныя пряди волосъ свѣсились ему на высокій лобъ и оттѣняли это спокойное, какое-то задумчивое чело. Сѣрые, всегда задумчивые и грустные, несмотря на видимую веселость глаза, были закрыты, но вѣки съ длинными рѣсницами, казалось, вздрагивали подъ лучами тропическаго солнца, уже поднявшагося довольно высоко надъ вершинами пальмъ.

— Бѣдный!—прошепталъ Хрущовъ, глядя въ лицо покойнику. — А давно-ли онъ шутилъ, дурачился?

— Обѣщалъ Аѳанасіи Григорьевнѣ поймать попугая и обезьяну,—такъ же тихо проговорилъ Степановъ.

Шлюпки, не удерживаемыя веслами, тихо плыли по теченію. Изъ лѣсу попрежнему неслись нестройные голоса птицъ. Всѣ стояли въ какомъ-то оцѣпененіи, такъ неожиданна была эта смерть!

— Надо наказать убійцъ!—прервалъ общее молчаніе Беніовскій.—Это малайцы, это ихъ дѣло. Надо сдѣлать облаву въ этомъ лѣсу. За весла, ребята! Къ тому мѣсту, гдѣ его убили.

Шлюпки направились вверхъ по рѣкѣ.

— Чтобъ ружья были на готовѣ!—приказалъ Беніовскій.—

Они, мерзавцы, непремѣнно изъ-за деревьевъ наблюдаютъ за нами.

Скоро маленькая флотилія пристала къ тому мѣсту, гдѣ покойный Пановъ выходилъ на берегъ. При шлюпкахъ оставили по одному матросу, а всѣ остальные пошли на поиски, раздѣлившись на три партіи.

Но какъ найти дикаря въ его родныхъ, дѣвственныхъ, ему одному извѣстныхъ лѣсахъ? Засѣвъ въ какое-нибудь древесное дупло или спрятавшись въ листьяхъ банановъ, арумовъ, онъ такъ же безопасенъ въ своемъ убѣжище, какъ бѣлка въ дуплѣ стараго кедра.

Поиски оказались безполезными: убійцы Панова точно сквозь землю провалились.

XIX. «Житейское море!..»

Черезъ часъ маленькая флотилія возвратилась къ гальоту съ тѣломъ Панова, прикрытымъ плащемъ Беніовскаго. Оставшіеся на гальотѣ—Аѳанасія, Батуринъ, Гурчениновъ, нянюшка Пахомовна и жены матросовъ ожидали возвращенія шлюпокъ съ нетерпѣніемъ и тревогою.

— Что случилось тамъ? — каждый задавалъ себѣ этотъ вопросъ и не могъ на него отвѣтить.

Но вотъ шлюпки у самаго борта. Въ одной шлюпкѣ лежитъ что-то, прикрытое плащемъ. Матросы осторожно поднимаютъ это что-то и несутъ по трапу. Ясно, что несутъ человѣка. Но кого? Больного, раненаго или мертваго?

Кого? Аѳанасія тотчасъ же догадалась, и сердце ея болѣзненно заныло. Она видѣла тамъ, внизу, Беніовскаго, Степанова, Хрущова, Винблада, Мейдера: нѣтъ одного Панова! Это его несутъ.

Вотъ его вынесли на палубу.

— Матушки! Владычица! Да никакъ это Константинъ Андреичъ!—всплеснула руками сердобольная нянюшка. — Господи! Что съ нимъ?

— Убитъ,—былъ короткій отвѣтъ.

— Кто его убилъ?

— Нихто не видалъ, должно, дикари.

На палубу входитъ Беніовскій и прочіе его спутники.

— Неужели убитъ? — вся блѣдная и дрожащая спрашиваетъ Аѳанасія.

— Да, милая Фанни.

— Кто убилъ его?

— Конечно, туземцы, малайцы.

Дѣвушка заплакала. Плакали и другія женщины. Гурченинповъ, ставъ на колѣни, снялъ плащъ съ лица покойника. Мертвое лицо оставалось все такимъ же спокойнымъ, задумчивымъ. Тѣни его рѣсницъ, казалось, дрожали словно не у мертваго, а уснувшаго. Руки уже сложены были на груди.

Гурчениновъ безмолвно прикоснулся губами ко лбу покойника. Лобъ, несмотря на зной тропическаго солнца, былъ уже холоденъ, какъ мраморъ.

И Аѳанасія стала на колѣни и глядѣла сквозь слезы въ лицо мертвеца.

— Бѣдный! Бѣдный! А давно ли съ шуткой обѣщалъ мнѣ достать попугая, обезьяну, нарвать цвѣтовъ?

Она тихо приложилась трепещущими губами къ рукѣ мервеца. Рука была холодна, какъ и лобъ. Съ берега неслась вся тоже нестройная, но гармоническая мелодія жизни тропиковъ; но тутъ была уже смерть. На одной реѣ сидѣла ласточка и весело щебетала.

Глядя заплаканными глазами въ лицо мертвеца, Аѳанасія вспоминала самый горькій моментъ въ ея молодой жизни. Такъ же лежало распростертое на полу, какъ это на палубѣ, мертвое тѣло. Вмѣсто яркаго тропическаго солнца то лицо освѣщалъ блѣдный отсвѣтъ утренней зари. Но она не цѣловала холодной руки того мертвеца, онъ весь былъ еще теплый, да она и не помнитъ почти ничего изъ того ужаснаго момента. Помнитъ, какъ она пришла въ себя на рукахъ у Морица, уносившаго ее отъ мертвеца. Но зачѣмъ онъ не далъ ей проститься съ нимъ? Она не видала, какъ его и похоронили. Не лучше ли это? Морицъ говорилъ, что лучше, легче. Видѣть дорогое, которое теряешь, которое отнимаютъ у тебя, переживать этотъ процессъ потери несравненно мучительнѣе, чѣмъ узнать, что все уже кончено, узнать, не видѣвши.

А этотъ лежитъ такъ спокойно, задумчиво, точно прислушивается къ тому, что щебечетъ ласточка на тонкой реѣ гальота.

Не шутить ему больше, не смѣяться. Еще сегодня ночью эти,

теперь закрытые, глаза смотрѣли вмѣстѣ съ ея глазами на созвѣздія Оріона и Южнаго Креста. Мысль его загадывала впередъ, улетала далеко за эти синія моря...

— Полно, милая Фанни,—тронулъ ее за плечо Беніовскій,—встань, ангелочекъ мой, не воротишь того, что случилось.

Дѣвушка поднялась съ колѣнъ и отошла въ сторону.

— Надо его сейчасъ же похоронить,—сказалъ Беніовскій Батурину,—видъ мертвеца удручающе дѣйствуетъ на экипажъ.

— Да, надо хоронить, но не на берегу же.

— Нѣтъ, конечно: тамъ дикари могутъ вырыть его трупъ для поруганія.

— Въ океанъ спустимъ его,—замѣтилъ Хрущовъ,—океанъ это братская могила моряковъ.

Матросы вынесли на палубу столъ и положили на столъ мертвеца. Нянюшка положила ему образокъ на грудь, перекрестила и приложилась къ образу. Около стола сталъ Уфтюжаниновъ и, привыкши читать надъ покойниками, сталъ читать наизусть: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»...

Однообразное заунывное чтеніе поражало слухъ такимъ надрывающимъ душу диссонансомъ, въ виду этого безбрежнаго океана и этой подавляющей роскоши тропической природы, среди которой звучали и трепетали могучія мелодіи бьющей ключомъ жизни, что казалось, было бы менѣе тоскливо на душѣ, если бъ это чтеніе псалмовъ слышалось не здѣсь, среди этой торжествующей природы, подъ яркими, отвѣсными лучами тропическаго солнца, а гдѣ-нибудь въ бѣдной хижинѣ, подъ пасмурнымъ небомъ сѣвера, подъ шумъ падающаго съ этого хмураго неба осенняго дождя.

Въ то время, когда Уфтюжаниновъ читалъ, въ сторонѣ, подъ навѣсомъ парусиннаго тента, Аѳанасія и нянюшка шили саванъ для покойника—широкій мѣшокъ изъ грубаго холста, а Андреяновъ съ Потоловымъ обшивали рогожкою пушечное чугунное ядро, которое должно быть привязано къ ногамъ покойника при опусканіи его въ океанъ.

Когда все для совершенія печальнаго обряда было кончено, экипажъ сталъ прощаться съ покойникомъ. Первымъ подошелъ Беніовскій.

— Прощай, дорогой товарищъ! — сказалъ онъ торжественно.—Тебѣ не суждено было воспользоваться плодами на-

шего труднаго дѣла. Ты палъ на пути къ славѣ, которая ожидаетъ насъ. Въ тебѣ мы потеряли душу, веселость нашего доблестнаго экипажа. Но если духъ твой витаетъ надъ нами, освобожденный отъ узъ земныхъ и земныхъ печалей, онъ долженъ радоваться, что умеръ ты не въ цѣпяхъ, не въ неволѣ, а на полной свободѣ, и ляжетъ твое тѣло не въ холодную землю неволи, а въ синія пучины свободнаго, какъ твой духъ, океана. Вѣчная память погибшему за свободу!

— Вѣчная память!—подхватилъ Уфтюжаниновъ, и хоръ всего экипажа огласилъ грустнымъ погребальнымъ напѣвомъ и тихія воды океана и берегъ роскошного, но рокового острова.

Женщины рыдали. Между тѣмъ, по распоряженію Батурина, пушкари медленными залпами отдавали послѣднюю честь рано потерянному товарищу.

Болѣе всѣхъ плакалъ Степановъ, съ которымъ покойный и взятъ былъ вмѣстѣ, и вмѣстѣ отправленъ въ ссылку.

Когда всѣ простились съ покойникомъ, Андреяновъ и Потоловъ надѣли на него саванъ и завязали выше головы. Тогда весь экипажъ, построившись вдоль палубы въ два ряда, сталъ подъ ружье. Несли тѣло къ борту гальота Беніовскій, Батуринъ, Степановъ и Хрущовъ.

Стоя подъ ружьемъ и управляемые Уфтюжаниновымъ матросы пѣли:

«Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею»...

Дружный залпъ огласилъ воздухъ, когда тѣло Панова съ глухимъ плескомъ погрузилось въ океанъ.

XX. Мечты о коронѣ.

Послѣ неудачнаго посѣщенія острова Формозы, гальотъ «Святой Петръ» еще нѣсколько мѣсяцевъ бороздилъ поверхность тропическихъ морей. Заходилъ онъ и въ китайскія владѣнія, именно въ Макао, былъ и на Цейлонѣ, въ Индѣйскомъ океанѣ, пересѣкъ линію экватора, гдѣ отъ жару едва не взбунтовались матросы, и только благодаря находчивости и энергіи Беніовскаго все обошлось благополучно.

Только на Аѳанасію это безконечное мыканье по невѣдомымъ океанамъ, подъ палящими лучами экваторіальнаго солнца,

пачало производить гибельное дѣйствіе. Она, видимо, похудѣла, и прелестные глаза ея стали еще больше. Да и нравственное состояніе ея было мучительно, хоть Беніовскій и сулилъ ей впереди какой-то волшебный рай; но гдѣ этотъ рай, и когда они достигнутъ его—она не знала. Чаще и чаще мысль ея улетала далеко па сѣверъ, и дивная природа такихъ острововъ, какъ Формоза и Цейлонъ, только не надолго приковывала къ себѣ ея глаза и сердце. Все это ей казалось чужимъ, какими-то станціями по пути къ чему-то, ей невѣдомому. Гдѣ же конецъ? Гдѣ отдохнетъ утомленная мысль, болѣзненно настроенное воображеніе?

Не здѣсь ли?

Въ тихую лунную почь, не имѣя силы оставаться въ душной каютѣ, она вышла на палубу. Гальотъ стоялъ на якорѣ въ виду какой-то земли. По палубѣ въ глубокой задумчивости тихо бродилъ Беніовскій, по временамъ останавливаясь и какъ бы разговаривая самъ съ собою.

— Гдѣ мы теперь, Морицъ?—тихо подошла къ нему дѣвушка.

— Это Мадагаскаръ, милая Фанни,—отвѣчалъ Беніовскій.

Свѣтъ полной луны падалъ на лицо дѣвушки, и это невозможно похудѣвшее и поблѣднѣвшее личико съ пепельными волосами, серебримыми луннымъ свѣтомъ, казалось, принадлежало какому-то видѣнію, неземному существу.

Беніовскій глядѣлъ на нее, и ему казалась она чѣмъ-то вродѣ чуднаго видѣнія не отъ міра сего.

«Такія не живутъ», промелькнуло у него въ умѣ, и ему невыразимо стало жаль бѣдной дѣвочки. Онъ вспомнилъ, что, постоянно занятый своими думами о будущемъ, своими таинственными планами, которыхъ не довѣрялъ никому, даже своему другу Винбладу, онъ мало думалъ о лишенной имъ семьи и родины дѣвушкѣ; онъ больше думалъ о себѣ, только о себѣ!

Онъ положилъ руку на голову Аѳанасіи и сталъ ее нѣжно гладить.

— Ты скучаешь, мое дитя?—тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Морицъ, я, вѣдь, съ тобой,—также тихо отвѣчала дѣвушка.

— Но ты худѣешь, дитя мое.

— Это, вѣроятно, отъ непривычки къ морю, къ южному зною.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и продолжалъ гладить ея серебримые луной волосы. Но и въ это время онъ думалъ о своемъ дѣлѣ, хотя дѣвушка и не могла чувствовать, что ласки его машинальныя, что мысль его не съ нею.

— Ты что думаешь дѣлать на Мадагаскарѣ? — спросила Аѳанасія, взглянувъ на его задумчивое лицо.

— На Мадагаскарѣ, дитя?

Онъ какъ бы очнулся отъ сна и перестадъ гладить волосы дѣвушки. Та вопросительно глядѣла на него и, повидимому, ждала отвѣта.

— Я еще самъ не знаю, — отвѣчалъ онъ, — надо оглядѣться, Фанни... Это не Формоза, но все-же надо принять предосторожности. Тебѣ не свѣжо, однако, дѣвочка моя?

— Нѣтъ, Морицъ.

Беніовскій взялъ ея руки. Руки были холодны.

— Я боюсь, дитя мое, какъ бы ты не простудилась,—заботливо сказалъ Беніовскій.—Эти тропическія ночи очень предательскія, долго ли лихорадку схватить?

— А Мейдеръ на что?—улыбнулась дѣвушка.—Онъ лѣкарь, онъ вылѣчитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣвочка, иди въ каюту.

Изъ двери каюты послышался заспанный голосъ Пахомовны.

— Ты чего, полуношница, не спишь? Прогоните ее, баринъ. Вонъ что выдумала!

— Мнѣ въ каютѣ жарко было, Пахонина,—шутя, извинялась дѣвушка .

— То-то, Пахонина! Заразъ лисицей прикинется, вотъ какъ и махонькой, такой же лисой свою Пахонину за носъ водила,—ворчала нянюшка.

— Право же, жарко, няня.

— А руки холодныя?—перебилъ ее Беніовскій, опять взявъ руки дѣвушки.—Нечего спорить съ няней, маршъ въ каюту!

Аѳанасія повиновалась и, подставивъ свой мраморный лобъ для поцѣлуя, пошла въ свою уютненькую, какъ гнѣздышко ремеза, опочивальню.

А Беніовскій опять продолжалъ ходить по палубѣ. Въ головѣ его все болѣе и болѣе выяснялся и созрѣвалъ планъ его будущихъ дѣйствій. Прежніе его планы не имѣли подъ собой ни-

какой реальной почвы. Это скорѣе были бродячія фантазіи счастливо вырвавшагося на свободу ссыльнаго, хотя у него и былъ въ распоряженіи военный корабль и хорошо преданный экипажъ. Но что сдѣлаешь съ однимъ гальотомъ и горстью людей въ открытомъ океанѣ? Нужна страна, нужно имѣть въ виду государство, которое дало бы его планамъ реальную почву. Правда, въ его умѣ давно намѣчено было это государство. Недаромъ, въ качествѣ конфедерата, онъ бокъ-о-бокъ съ французскими волонтерами шелъ противъ москалей.

«O! Przekleta Moskwa!»—мысленно повторялъ онъ иногда.

А Дюмурье? Не безъ согласія же короля онъ пошелъ на помощь конфедератамъ?

А недавно у острова Сокоторы онъ, Беніовскій, счастливымъ образомъ выручилъ изъ неизбѣжной было аваріи одинъ французскій корабль, который изъ Портъ-Луи шелъ въ Индію, и сошелся съ капитаномъ этого корабля, любезнымъ monsiuer Chauquet. Мосье Шокэ много интереснаго разсказалъ ему о современныхъ событіяхъ во Франціи и во всей Европѣ, о чемъ до Камчатки не доходило даже слуховъ, и воображеніе Беніовскаго разыгралось. Мосье Шокэ далъ ему также порядочную пачку газетъ, въ которыхъ, по прочтеніи ихъ, быть можетъ, въ десятый разъ, самъ не нуждался и изъ этихъ газетъ онъ узналъ много такого, о чемъ ему и не снилось.

Въ Черногоріи появилась какая-то таинственная личность, которая называетъ себя русскимъ императоромъ Петромъ третьимъ, спасшимся отъ смерти и явившимся къ своимъ единовѣрцамъ, черногорцамъ. Черногорцы признали въ немъ русскаго императора и подъ его предводительствомъ разбиваютъ турецкія арміи, венеціанскія эскадры на-голову. Надѣются, что онъ скоро пойдетъ на Россію и ссадитъ съ престола свою супругу, Екатерину Алексѣевну.

Беніовскій думалъ, что такое событіе неизбѣжно льетъ воду на колеса его мельницы, на колеса его фортуны.

Беніовскій былъ сынъ своего вѣка, а XVIII- вѣкъ былъ какимъ-то особеннымъ вѣкомъ въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ столѣтій. Это былъ вѣкъ приключеній по преимуществу, когда ловкіе авантюристы дѣлали чудеса, чуть не покоряли царства, а люди, обладающіе пылкимъ воображеніемъ, дѣлали чудеса. Беніовскій былъ, кромѣ всего этого, полякъ и большой энтузіастъ,

и нервная атмосфера сангвиническаго XVIII-го вѣка была какъ разъ его стихіею.

Въ самомъ дѣлѣ, чего не видѣлъ и чего не продѣлалъ XVIII вѣкъ хотя бы за вторую половину? Это былъ вѣкъ масонства и всѣхъ его странныхъ таинственностей. Это былъ вѣкъ великой революціи, выдвинувшей на сцену Наполеона I, величайшаго авантюриста и проходимца, какихъ не видѣлъ міръ со времени своего сотворенія.

А эта мелкота, драпирующаяся мантіями величія! Какой-то словакъ, которому на родинѣ, быть можетъ, суждено бы было ходить по улицамъ съ деревянными дудочками и жестянками для ловли мышей и взбиванья яичныхъ желтковъ и кричать— «яя бити, мыши ловити», — такой словакъ драпируется русскою, императорскою мантіею, идетъ въ горы къ черногорцамъ, выдаетъ себя за русскаго царя Петра III-го и вгоняетъ въ тревогу три самыя могущественныя тогда державы: Турцію, Россію и Венеціанскую республику. О немъ трубятъ всѣ газеты, о немъ пишутся книги, издаются его портреты.

Какой-то шарлатанъ, графъ Каліостро, дурачитъ все, что только считалось самымъ просвѣщеннымъ въ своемъ вѣкѣ, издѣвается въ глаза и надъ коронованными и не коронованными владыками земли, и, разиня ротъ, всѣ ему рукоплещутъ. Другой шарлатанъ — графъ, проходимецъ Сенъ-Жерменъ, также превращаетъ всю высокопоставленную Европу въ балаганъ и полновластно господствуетъ надъ умами, призванными править міромъ.

Кавалеръ Дэонъ до сихъ поръ задаетъ работу историкамъ, любителямъ пикантныхъ исторіекъ, а не настоящей трезвой и строгой исторіи, и они продолжаютъ ломать голову надъ вопросомъ: не переодѣтая-ли дѣвка былъ этотъ графъ Дэонъ, или онъ былъ разомъ и кавалеръ, и дѣвка?

Княжна Тараканова и княжна Владимірская... А эти сколько испортили крови коронованнымъ особамъ! Сколько сановниковъ они свели съ ума своею таинственностью! Чего стоили государству ихъ таинственныя претензіи! И все это таинственно, таинственно, какъ кривлянія новопосвящаемыхъ въ масонскія таинства.

А эти землепроходы—братцы, графы Зановичи, Марко и Аннибалъ, братцы-славяне, изъ которыхъ младшій былъ іезуи-

томъ! Они втирались въ дружбу къ такимъ тузамъ ума и таланта, какъ Вольтеръ, Дидро, Даламберъ, Мармонтель, и надували ихъ, а потомъ, какъ отчаянные шулера, возбудили негодованіе всей Венеціи до того, что ихъ венеціанская прокуратура приговорила къ казни чрезъ повѣшеніе, а они улизнули изъ тюрьмы, и вмѣсто нихъ Венеція повѣсила на площади Марка изображеніе этихъ проходимцевъ, которые чуть не довели до войны изъ-за нихъ Голландію съ Венеціей, а потомъ очутились у насъ, въ Шкловѣ, у авантюриста же Зорича, и стали дѣлать фальшивую монету, пока не попали въ крѣпость!

А Изанъ-бей, племянникъ падишаха, бродяга, игрокъ, пріятель мерзавцевъ Зановичей и Зорича, развѣ не претендовалъ онъ на тронъ? А кончилъ шуллерствомъ.

А мужикъ Богомоловъ, мечтающій о русскомъ престолѣ? А оружейникъ и слесарь Хапинъ, драпирующійся величіемъ и именемъ Петра III! А солдатъ Кремневъ, предвосхищающій идею Пугачева! А этотъ самый Пугачевъ, Емельянъ Ивановичъ, отхватившій половину Россіи у законной императрицы?

Удивительный вѣкъ! А поглядите съ другого конца: Потемкинъ тутъ, Костюшко тамъ—и все это грандіозно, блестяще! Метеоры на русскомъ, американскомъ и иныхъ горизонтахъ.

Чѣмъ хуже ихъ баронъ Морицъ Анадаръ Беніовскій? Чѣмъ онъ хуже Костюшки? Почему его красивой головѣ не мечтать о коронѣ? И онъ мечталъ, ходя ночью въ раздумьи по палубѣ гальота «Святой Петръ» въ виду береговъ Мадагаскара.

XXI. Король безъ штановъ.

Своими сообщеніями мосье Шокэ поднялъ цѣлую бурю надеждъ въ пылкой душѣ Беніовскаго, и онъ обдумывалъ дальнѣйшіе ходы своей игры.

На Мадагаскарѣ давно живетъ французскій миссіонеръ, патеръ Леонъ Сандо, святая личность, уважаемая даже дикими гавасами за его человѣколюбивыя отношенія къ островитянамъ. Самъ вождь гавасовъ, молодой Радама, относится съ почтеніемъ къ патеру Сандо, который вылѣчилъ мать Радамы отъ тяжкой болѣзни.

Теперь патеръ Сандо, чувствуя приближеніе смерти, сталъ тосковать о своей прекрасной Франціи, которую онъ оставилъ

пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и поселился среди дикихъ гавасовъ. Но какъ попасть во Францію съ острова Мадагаскара? Гдѣ тотъ корабль, который бы доставилъ его во Францію? Корабль, которымъ командовалъ капитанъ Шокэ, долго еще не увидитъ береговъ милой отчизны. Изъ Индіи путь его лежитъ въ Тихій океанъ къ берегамъ Китая.

Чего же лучше! Патеръ Сандо можетъ отправиться на родину вмѣстѣ съ мосье Беніовскимъ на гальотѣ «Святой Петръ». Такъ думалъ мосье Шокэ, и эта мысль, это сорвавшееся съ развязнаго языка мосье Шокэ слово, это-то слово и подняло въ душѣ Беніовскаго бурю надеждъ.

Онъ возьметъ съ собой патера. Онъ имѣетъ къ почтенному миссіонеру рекомендательное письмо отъ мосье Шокэ. А тамъ... но этихъ думъ Беніовскій не желалъ бы повѣрить даже своей подушкѣ...

Луна поднялась уже очень высоко и отбрасывала отъ гальота темную тѣнь на ближайшую поверхность океана, которая по временамъ вспыхивала фосфорическимъ блескомъ. На вахтѣ слабо мигалъ и покачивался фонарь, мимо котораго какъ бы автоматически двигался темный силуэтъ часового, сверкая гранями штыка подъ меланхолическими какими-то лучами мѣсяца.

Въ ночной тиши раздался звонъ корабельнаго колокола и отзвукъ его прокатился по морю. Это была смѣна вахты.

Беніовскій подошелъ къ часовому.

— Кто на вахтѣ?—окликнулъ онъ.

— Я, ваше благородіе, Андреяновъ,—былъ отвѣтъ.

Къ часовому подошелъ другой матросъ съ ружьемъ.

— Кто смѣняетъ вахту?—окликнулъ снова Беніовскій.

— Я, ваше благородіе, Уфтюжаниновъ.

— А!.. Молодецъ... А какой пароль?—спросилъ Беніовскій.

Уфтюжаниновъ приблизился къ нему и чуть слышно шепнулъ на ухо: «Аѳанасія».

— Хорошо. А лозунгъ?

Уфтюжаниновъ снова шепнулъ: «императоръ Павелъ».

— Можешь смѣнить, пароль и лозунгъ знаешь.

— Есть!—и Уфтюжаниновъ брякнулъ прикладомъ ружья.

Провѣривъ вахту Беніовскій ушелъ въ свою каюту.

Утромъ на главной мачтѣ гальота взвился русскій флагъ. На берегу, осѣненномъ группами пальмъ, виднѣлись странныя

постройки, то въ видѣ бѣлыхъ кубическихъ мазанокъ съ куполообразными крышами, то въ видѣ шалашей, покрытыхъ громадными, высохшими отъ солнца листьями. У самаго берега толпились темнокожіе люди, ничѣмъ почти неприкрытые. Вмѣсто одежды, на шеѣ у нихъ блестѣли грубыя ожерелья изъ морскихъ раковинъ, а на поясѣ, спереди, висѣли какія-то лохмотья, прикрывавшія то, что дикари, въ силу присущей имъ свѣтскости и скромности, считали необходимымъ укрывать отъ постороннихъ взоровъ. Костюмъ женщинъ былъ такого же легкаго покроя: красавицы были одѣты—только лучами жаркаго тропическаго солнца, за то врожденное всему прекрасному полу кокетство заставляло ихъ украшать головы какими-то повязками, уши—громадными кольцами а кисти рукъ—грубыми браслетами.

Иные изъ дикарей торопливо садились въ стоявшія у берега длинныя лодки, отплывали отъ берега, но къ гальоту, повидимому, приблизиться не рѣшались.

Палуба гальота была покрыта его немногочисленнымъ экипажемъ и пассажирами. Беніовскій, Батуринъ, Хрущовъ, Степановъ, Винбладъ и Мейдеръ одѣты были въ офицерское платье, которое они взяли изъ большерѣцкаго вещевого склада аммуниціи. Матросы также были одѣты въ морскую форму и стояли подъ ружьемъ.

Скоро отъ берега отчалила довольно большая двѣнадцативесельная лодка, въ которой среди темнокожихъ гребцовъ возвышалась полуевропейская фигура въ широкополой шляпѣ изъ тонкаго тростника и въ одѣяніи французскаго матроса поднимала надъ головою нѣчто вродѣ краснаго флага.

При видѣ этого флага, на гальотѣ выкинули бѣлое знамя съ вышитою золотою мищурою надписью: «императоръ Павелъ Первый».

— Эти дикари, какъ видно, не безъ дипломатическаго такта,—съ улыбкою замѣтилъ Батуринъ.

— Какъ же! И флагъ у нихъ, — отозвался Степановъ.— Только дипломаты-то эти голенькіе

— Чистота души,—едва замѣтно улыбнулся Беніовскій.

— Да, но они могутъ скушать насъ при этой чистотѣ души, какъ скушали когда-то Кука,—пожалъ плечами Винбладъ.

— О!.. Тѣ не здѣшнимъ чета, тѣ полинезійцы,—проговорилъ Мейдеръ.

Лодка, между тѣмъ, была у самаго борта гальота. Съ послѣдняго спустили трапъ. Беніовскій съ палубы дѣлалъ любезные знаки голымъ дипломатамъ, а Батуринъ спустился внизъ по трапу, чтобы почетно встрѣтить дорогихъ гостей.

Онъ молча приложилъ руку къ сердцу и знакомъ пригласилъ посланцевъ на гальотъ.

Первымъ вошелъ загорѣлый субъектъ въ широкополой шляпѣ изъ циновки. За нимъ шесть голыхъ спутниковъ, съ длинными тонкими копьями въ рукахъ.

Загорѣлый субъектъ любезно снялъ шляпу и раскланялся самымъ элегантнымъ образомъ.

— Осмѣливаюсь спросить,—заговорилъ странный субъектъ на чистѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ,—кого мой непобѣдимый повелитель, король Радама, имѣетъ честь принимать въ своихъ владѣніяхъ?

— Посольство его императорскаго величества, государя Павла Петровича, царя и обладателя всея Россіи,—торжественно отвѣчалъ Беніовскій.—Когда мы можемъ получить аудіенцію у его величества, непобѣдимаго обладателя Мадагаскара, и вручить его величеству вѣрительную грамоту нашего повелителя?

— Я доложу его величеству,—отвѣчалъ загорѣлый субъектъ, — я увѣренъ, мой повелитель будетъ счастливъ видѣть пословъ повелителя сѣвера.

Беніовскій и прочіе офицеры поклонились.

— Будемъ ждать приказаній его мадагаскарскаго величества,—пояснилъ первый.

— Я не замедлю возвратиться съ отвѣтомъ, — шаркнулъ ножкой странный посолъ Радамы.

Онъ раскланялся съ балетной граціозностью. По знаку Беніовскаго, матросы гальота отдали честь посланцу короля, и онъ спустился въ свою лодку.

— Надо готовиться къ аудіенціи, — съ лукавой улыбкой сказалъ Беніовскій, провожая глазами удалявшуюся лодку.

— А гдѣ же мы возьмемъ вѣрительную грамоту?—серьезно спросилъ Батуринъ.

— Хе!—пожалъ плечами интриганъ-конфедератъ.—Голому королю, я увѣренъ, можно написать на клочкѣ бумаги «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ!» и онъ приметъ это за императорскую грамоту, а этотъ шутъ гороховый, вѣроятно, французскій парикма-

херъ, причесывающій грязныя головы женъ короля, такихъ же голыхъ, какъ и онъ самъ, конечно не понимаетъ ничего по-русски.

— Конечно!—засмѣялся Степановъ. — Напишемъ въ грамотѣ «Здравствуй, милая, хорошая моя», и баста.

— Но у меня есть настоящая грамота,—загадочно сказалъ Беніовскій.

— Какая? — спросилъ Хрущовъ.

— Грамота русскаго императора къ королю Мадагаскара,—отвѣчалъ Беніовскій.

Всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

— Не удивляйтесь,—серьезно сказалъ конфедератъ.

— Развѣ «зеленая грамота»?—улыбнулся Батуринъ.—Та, что въ Большерѣцкомъ шуму надѣлала? Но здѣсь не Камчатка.

— Да и грамота у меня не зеленая,—отвѣчалъ Беніовскій.—Пойдемте въ каюту, я вамъ покажу ее, благо надо готовиться къ аудіенціи у его величества безъ штановъ.

Всѣ пошли къ каютѣ капитана.

— Вы должны знать, господа,—началъ Беніовскій,—что, когда мы овладѣли Большерѣцкомъ, я забралъ всѣ дѣла тамошней воеводской канцеляріи, на всякій случай. Дѣлъ было немного, особенно стоющихъ вниманія. Но, между прочимъ, одно дѣло обратило мое вниманіе. Это—о командированіи еще императоромъ Петромъ 1-мъ Беринга для проѣзда изъ Камчатки сухимъ путемъ въ Америку. Тогда думали, что на сѣверѣ Камчатка сходится съ Америкою. Берингъ предпринялъ эту экспедицію моремъ, изъ Камчатки, и именно изъ Большерѣцка. Это-то дѣло я и нашелъ въ воеводской канцеляріи. Вотъ оно,—продолжалъ Беніовскій, когда офицеры вошли въ его каюту.

Дѣло лежало у него на столѣ. Онъ перелистовалъ нѣсколько столбцовъ и остановился на одномъ.

— Вотъ это инструкція, данная Петромъ Берингу: «изъ Камчатки ѣхать на ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на нордъ, и по чаянію, понеже оной конца не знаютъ, кажется, что та земля—часть Америки и для того искать, гдѣ оная сошлась съ Америкою».

— Это любопытно!—заинтересовались всѣ.

— Значитъ, о Беринговомъ проливѣ тогда и не подозрѣвали.

— Конечно. Берингъ и открылъ его, оттого онъ и названъ

его именемъ. Такъ вотъ въ этомъ-то дѣлѣ—продолжалъ Беніовскій,—и есть то, о чемъ я вамъ говорю.

— Это грамота-то мадагаскарскому королю?

— Именно. Дѣло было такъ: Петръ I, отправляя, въ 1723 году, Беринга на сѣверъ открывать сухопутный проѣздъ въ Америку, въ то же время задумалъ отправить, изъ Большерѣцка же, другую экспедицію, только не на нордъ, а на зюйдъ, именно въ Мадагаскаръ. Эта послѣдняя экспедиція поручена была Петромъ вице-адмиралу Вильстеру, которому и вручена была грамота для представленія мадагаскарскому королю.

Беніовскій бережно развернулъ свитокъ, приложенный къ дѣлу и тамъ оказался большой, изъ красной, золотомъ тисненной кожи пакетъ.

— Вотъ она!—сказалъ онъ, раскрывая пакетъ.

Въ пакетѣ дѣйствительно была грамота на пергаментѣ, богато расписанная красками и золотомъ съ большою красною печатью на шелковомъ шнуркѣ.

Всѣ съ любопытствомъ разсматривали драгоцѣнный историческій документъ.

— Но, вѣдь, это грамота Петра,—замѣтилъ Батуринъ:—а мы изображаемъ пословъ Павла.

— Теперь это и есть грамота Павла,—улыбнулся Беніовскій.

— Какъ такъ?

— Читайте.

Батуринъ началъ читать: «Божіею милостію, мы, Павелъ Первый»...

— Какъ же это?—изумился онъ.

— Просто. Я измѣнилъ только три буквы, и грамота стала Павлова,—пояснилъ Беніовскій.

— А!—и Батуринъ продолжалъ читать:—«Павелъ Первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая. Высокопочтенному королю и владѣтелю славнаго острова Мадагаскарскаго наше поздравленіе. Понеже мы заблагоразсудили для нѣкоторыхъ дѣлъ отправить къ вамъ нашего вице-адмирала Беніовскаго съ нѣкоторыми офицерами, того ради васъ просимъ, дабы оныхъ склонно къ себѣ допустить, свободное пребываніе дать и въ томъ, что они именемъ нашимъ вамъ предлагать будутъ, полную и совершенную вѣру дать и съ такимъ склоннымъ отвѣтомъ ихъ къ намъ паки отпустить изволили,

каковаго мы отъ васъ уповаемъ и пребываемъ вашимъ пріятелемъ. Павелъ Первый» *).

— Хорошъ пріятель! — засмѣялся Степановъ. — Безъ штановъ!

— А все же его величество, хотя и голос,—улыбнулся Хрущовъ.

— Но какъ же эта грамота попала сюда? — спросилъ Батуринъ.

— Вмѣстѣ съ дѣломъ,—отвѣчалъ Беніовскій,—по написаніи этой грамоты и отправкѣ Вильстера въ Большерѣцкъ, Петръ Первый вскорѣ, какъ извѣстно, умеръ, а въ одно время съ нимъ умеръ въ Большерѣцкѣ и Вильстеръ, простудившись дорогой гдѣ-то въ Сибири, и такимъ образомъ, за смертью императора Петра и Вильстера, экспедиція разстроилась, и скоро о ней и совсѣмъ забыли, какъ забыты были многія предначертанія геніальнаго царя, когда въ Россіи, при его преемникахъ, начались придворныя смуты.

— Понятно, понятно,—согласился Батуринъ.

— Такъ вотъ эту-то грамоту мы и поднесемъ мадагаскарскому безштанному величеству,—продолжалъ Беніовскій,—да въ подарокъ предложимъ вотъ эту саблю.

Онъ указалъ на висѣвшую на стѣнѣ саблю въ красивой оправѣ.

— Это Нилова?—спросилъ Батуринъ.

— Нѣтъ, это и есть сабля Вильстера, пожалованная ему царемъ Петромъ; а ихъ величествамъ, прекраснымъ женамъ короля, ихъ у него, навѣрное, порядочный табунокъ...

— Косякъ,—перебилъ его Степановъ.

— Ну, косякъ,—согласился Беніовскій,—такъ этимъ красавицамъ безъ юбочекъ мы презентуемъ вотъ эти брильянты.

Беніовскій досталъ изъ-подъ койки рѣзной ящикъ въ футлярѣ. Въ ящикѣ блестѣла масса яркихъ бусъ всевозможныхъ цвѣтовъ и стекляруса.

— Все это я закупилъ въ Коломбо, на Цейлонѣ,— пояснилъ Беніовскій,—я зналъ, съ кѣмъ намъ придется имѣть дѣло...

*) Грамота эта не вымышлена нами, а она—историческій фактъ, подтверждаемый документами (см. «Очеркъ морской русской исторіи Ѳ. Веселаго», стр. 396 и послѣд.).

Все копѣечная дрянь, эти бусы, а я увѣренъ, что ихъ голенькія величества передерутся изъ-за этой дряни.

— Однако, вы человѣкъ предусмотрительный,—замѣтилъ Батуринъ.

— Нельзя же,—отвѣчалъ конфедератъ, и въ неподвижныхъ глазахъ его блеснулъ огонекъ, смыслъ котораго никому не былъ понятенъ. Огонька этого не понимала даже Афанасія, когда замѣчала его въ глазахъ своего идола, иногда даже во время самыхъ его, рѣдкихъ, правда, но очень горячихъ и подчасъ бурныхъ ласкъ.

Въ дверяхъ каюты показался Уфтюжаниновъ.

— Ты что?—спросилъ Беніовскій.

— Лодка, ваше благородіе, опять ѣдетъ сюда,—отвѣчалъ поповичъ-матросъ,—энтотъ вонъ кургузый, что давѣ былъ.

XXII. Пріемъ пословъ.

Чтобы придать болѣе торжественности своему представленію къ высочайшему двору его голаго величества, Беніовскій приказалъ матросамъ своего гальота съѣхать на берегъ и выстроиться въ двѣ линіи подъ ружьемъ.

Матросы, предводительствуемые Андреяновымъ, исполнили этотъ приказъ, чѣмъ и произвели на туземцевъ, толпившихся на берегу, внушительное впечатлѣніе: всѣ они отодвинулись на почтительное разстояніе и смотрѣли на русскихъ съ дѣтскимъ любопытствомъ и страхомъ.

Затѣмъ съ гальота съѣхали на берегъ Беніовскій, Батуринъ, Степановъ, Хрущовъ и Мейдеръ, и только Винбладъ остался на гальотѣ, чтобы, по составленной наскоро программѣ церемоніи, дѣлать соотвѣтственныя распоряженія на кораблѣ, на которомъ оставались пушкари при своихъ орудіяхъ.

Когда Беніовскій вступилъ изъ шлюпки на землю, держа на головѣ красный пакетъ съ поддѣльною грамотою, съ гальота привѣтствовали это троекратнымъ пушечнымъ выстрѣломъ. За Беніовскимъ вышелъ на берегъ Батуринъ, держа надъ головою саблю покойнаго Вильстера, предназначенную въ подарокъ дикому королю. За Батуринымъ шелъ Степановъ, неся на головѣ ящикъ съ бусами и стеклярусомъ.

Едва мнимые послы очутились на берегу между двухъ линій

своихъ матросовъ, какъ къ нимъ подошелъ тотъ странный субъектъ въ шлемѣ изъ циновокъ, что былъ уже па гальотѣ и изображалъ изъ себя, повидимому, оберъ-церемоніймейстера двора его мадагаскарскаго величества. Онъ по-прежнему любезно расшаркался и пригласилъ мнимыхъ пословъ слѣдовать за собой. Когда они двинулись въ путь, съ корабля опять раздались пушечные выстрѣлы.

— А вы, ребята, оставайтесь здѣсь,—сказалъ Беніовскій, проходя между двухъ линій матросовъ.—Въ случаѣ чего, я дамъ знакъ свисткомъ, и тогда вы бѣгите къ намъ. Поняли молодцы?

— Поняли, ваше благородіе!—гаркнули матросики.

— Смотрите же!

— Рады стараться, ваше благородіе!

Продолжая свой путь въ сопровожденіи страннаго оберъ-церемоніймейстера и сопутствуемые толпою туземцевъ всѣхъ половъ и возрастовъ, мнимые послы достигли полукруглой площади, осѣненной высокими пальмами, подъ которыми ютились, разбросанныя въ безпорядкѣ, то кубическія мазанки съ куполообразными крышами, то тростниковые шалаши. Впереди группы наибольшихъ мазанокъ, подъ тѣнью пальмовой рощи, на разостланныхъ циновкахъ, окруженный съ тыла и боковъ голыми воинами съ копьями, возсѣдалъ самъ Радама со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ. Штатъ этотъ составляли его голенькія, чернотѣлыя жены, а голые сановники стояли по бокамъ нѣсколько поодаль. Его величество былъ голъ, какъ соколъ, съ однимъ пояскомъ и талисманомъ на извѣстномъ мѣстѣ и металлическими браслетами на рукахъ и на ногахъ. Зато на курчавой головѣ его величества, вмѣсто короны надѣта была набекрень треугольная шляпа, обшитая галунами. Рядомъ съ нимъ сидѣла старая полная женщина. Это была королева мать, ея величество Ранавало, одѣтая по послѣдней модѣ: на шеѣ—ожерелье, на рукахъ и на ногахъ—браслеты и на бедрахъ скромная драпировочка.

Такъ же были одѣты и всѣ придворныя дамы, между которыми виднѣлись очень миловидныя дѣвочки, едва переступившія десятилѣтній возрастъ, но уже удостоившіяся чести быть супругами короля и раздѣлять его тростниковое, покрытое шкурою льва ложе.

Радама былъ еще очень молодъ, но мужественныя черты его изобличали въ немъ суроваго воина.

Мнимые послы приблизились и стали въ рядъ. Любопытство дикарей, при видѣ краснаго пакета, блестящей сабли и рѣзного ящика, было возбуждено до крайности.

Беніовскій первымъ подошелъ къ королю и приложивъ лѣвую руку къ сердцу, правою подалъ Радамѣ пакетъ. Радама раскрылъ пакетъ, предварительно потеревъ его носомъ въ знакъ почтенія и привѣта, и вынулъ оттуда грамоту. Пестрота красокъ и буквъ на пергаментѣ, повидимому, произвела пріятное впечатлѣніе на дикаря, и особенно заняла его большая, на шнуркѣ, красная печать, которую онъ тотчасъ же и приложилъ къ своей черной груди: вѣроятно, соображая, что какъ было бы красиво, если бъ эта отличная штучка висѣла у него на груди, какъ ожерелье. Приложившись грамотѣ и къ печати носомъ дикарь подалъ пергаментъ стоявшему тутъ же знакомому уже намъ странному субъекту. Этотъ послѣдній, взявъ грамоту и видя, что она написана на непонятномъ для него языкѣ, обратился къ Беніовскому:

— Мосье!—сказалъ онъ по-французски.—Я не понимаю языка этой бумаги.

— Она писана по-русски,—отвѣчалъ Беніовскій.

— Такъ потрудитесь перевести ее на мой языкъ, а я передамъ ея содержаніе его величеству.

Беніовскій переводилъ медленно, слово за словомъ, и французъ передавалъ содержаніе Радамѣ. Этотъ послѣдній въ знакъ удовольствія кивалъ головой и повторялъ какое-то слово.

Тогда французъ, по окончаніи передачи содержанія грамоты, поднесъ ее къ лицу Радамы и показалъ на мнимую подпись императора Павла. Радама почтительно приложился носомъ къ подписи и подалъ грамоту своей матери. Та такъ же привѣтствовала ее приложеніемъ къ своему мясистому носу, обнюхала ее и печать, и положила на циновку рядомъ съ краснымъ пакетомъ.

У молоденькихъ женъ Радамы видимо разгорѣлись глаза при созерцаніи издали интересной штучки, но онѣ не смѣли подойти къ ней.

Тогда къ Радамѣ приблизился Батуринъ и почтительно вручилъ ему саблю. Теперь у этого дикаря при видѣ блестящей сабли разгорѣлись радостью глаза, и онъ горячо, страстно обню-

халъ ее и долго любовался красивой оправой ея и блестящимъ клинкомъ. Потомъ онъ быстро всталъ съ циновки и гордо прицѣпилъ къ своему бедру драгоцѣнный подарокъ.

Настала очередь выступить впередъ Степанову съ его бусовыми драгоцѣнностями.

— Доложите его величеству, что это подарки для почтенной королевы-матери и для прекрасныхъ его супругъ,—пояснилъ Беніовскій французу.

— Благодарю, мосье,—отвѣчалъ послѣдній и передалъ Радамѣ и Ранавало слова Беніовскаго.

Лица женщинъ просіяли, глаза заискрились, и онѣ едва сидѣли на мѣстѣ.

Степановъ подошелъ и, раскрывъ ящикъ поставилъ его передъ Ранавало. Крикъ восторга вырвался изъ груди дикарки. Прочія красавицы повскакали съ мѣстъ, забывая всякій придворный этикетъ, и бросились къ ящику. Тутъ уже никто не могъ ихъ удержать. Онѣ жадно хватали изъ ящика связки блестящихъ бусъ, смѣялись отъ восторга, разсматривали ихъ, надѣвали на шею, снова снимали, завидуя одна другой и примѣряя къ себѣ то ту, то другую связку. Онѣ были несказанно милы въ своей дикой, совсѣмъ дѣтской наивности. Ничего подобнаго онѣ не видали. Вѣдь, эти ожерелья не изъ раковинъ, не изъ жемчуга, который такъ надоѣлъ имъ. Жемчугъ, что! Что въ немъ красиваго! Бѣлый, какъ морская пѣна, и только! А что имъ въ морской пѣнѣ!.. Что въ жемчугахъ! А эти драгоцѣнности—и красныя, и синія и зеленыя, и пестрыя! Сколько въ нихъ красоты, блеску!

Жемчугомъ сверкаютъ бѣлыя зубы красавицъ, никогда въ жизни не были онѣ такъ веселы, счастливы, эти чернотѣлыя дѣти!

Тогда Радама заговорилъ что-то съ французомъ. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Его величество проситъ васъ садиться,—пояснилъ французъ слова Радамы.

Всѣ усѣлись на циновки, какъ кто умѣлъ.

Дикарь опять заговорилъ съ своимъ переводчикомъ.

— Его величество желаетъ почтить васъ военной пляской,—перевелъ этотъ послѣдній.

— Благодарите его величество, мы рады видѣть военную пляску,—отвѣчалъ Беніовскій.

Тогда, по знаку Радамы, приблизились стоявшіе въ сторонѣ его сановники и воины, и подъ дикіе звуки тамтама началась неистовая пляска. Было что-то бѣшеное и страшное въ этомъ кривляньи черныхъ голыхъ людей, вооруженныхъ длинными копьями. По движеніямъ ихъ можно было видѣть, что они то преслѣдуютъ непріятеля, то наносятъ ему удары, повергаютъ на землю, то съ звѣрскою радостью въ глазахъ убиваютъ его. Это было адское зрѣлище, иллюстрируемое притомъ адскою музыкою и демонстрируемое звѣрскими выкриками.

Самъ Радама въ восторгѣ. Глаза его, въ сущности добрые, свѣтятся теперь огонькомъ звѣрства. Онъ по временамъ брякаетъ своей новой саблей, вынимаетъ ее изъ ноженъ и неистово машетъ въ воздухѣ.

Миловидныя личики женъ короля также измѣнились сообразно общему настроенію: онѣ глазъ не могутъ отвести отъ своихъ прекрасныхъ кавалеровъ, танцующихъ танецъ смерти. Нѣкоторыя изъ нихъ отъ восторга плещутъ руками.

Наконецъ, Радама кричитъ что-то стоящимъ сзади воинамъ съ копьями. Тѣ удаляются и черезъ нѣсколько минутъ приводятъ связаннаго человѣка. Это такой же туземецъ, какъ и всѣ прочіе, только татуированъ нѣсколько иначе.

— Это плѣнный,—пояснилъ французъ,—онъ изъ другого племени и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Плѣннаго становятъ передъ королемъ. При видѣ врага звѣрь просыпается въ Радамѣ. Онъ говоритъ что-то французу.

— Его величество хочетъ испробовать достоинство сабли, подаренной ему его величествомъ царемъ,—поясняетъ этотъ послѣдній.

Не успѣли наши послы глазомъ мигнуть, какъ Радама махнулъ въ воздухѣ саблей. Клинокъ сверкнулъ, и голова плѣннаго упала къ ногамъ торжествующаго короля, страшно вращая зрачками. Изъ упавшаго трупа кровь хлынула ручьемъ.

Беніовскій и его спутники въ ужасѣ вскочили на ноги.

— Какой негодяй!—невольно вырвалось у Хрущова.

Радама торжествовалъ. Онъ махалъ надъ головою окровавленнымъ клинкомъ и что-то бормоталъ скороговоркою.

— Его величество въ восторгѣ отъ прекраснаго подарка его величества царя,—переводилъ его восторгъ французъ.

— А чортъ бы его взялъ съ его восторгомъ, подлеца!—не вытерпѣлъ Батуринъ, содрогаясь при видѣ отвратительной картины.

— Боже! Какіе звѣри!—шепталъ Хрущовъ.

— А мы не то же дѣлаемъ на войнѣ?—пожалъ плечами Беніовскій.—Хуже! И вы тоже дѣлали и будете дѣлать. На то мечи и сабли.

Дикій танецъ, однако, кончился. Сановники и воины, тяжело дыша, опять стали полукругомъ.

— Его величество приглашаетъ васъ къ своему столу,—обратился французъ къ нашимъ посламъ.

— Благодарите его величество за честь, — отвѣчалъ Беніовскій.

— Его величество желаетъ угостить васъ жаркимъ вотъ изъ этого убитаго.

— Какъ!.. Мясомъ этого несчастнаго?

— Да, мосье, тѣломъ врага.

— Но мы не людоѣды...

— Его величеству пріятно будетъ угостить васъ, это его любимое блюдо.

— Но, повторяю, мы не каннибалы.

— Его величество говоритъ, что самое вкусное блюдо, это тѣло убитаго врага.

Мнимымъ посламъ съ трудомъ удалось выпутаться изъ этого щекотливаго положенія.

Когда они возвращались къ своему гальоту, навстрѣчу имъ попался какой-то старикъ, повидимому, не туземецъ. Онъ былъ очень старъ. На головѣ у него была широкополая тростниковая шляпа, а въ рукахъ онъ держалъ четки съ распятіемъ.

Беніовскій догадался, что это былъ патеръ Леонъ Сандо. Онъ подошелъ къ старику.

— Не ревере́ндиссимусъ ли патеръ Леонъ, котораго я имѣю честь привѣтствовать?—любезно поклонился Беніовскій.

— Да, мосье: я патеръ Леонъ Сандо, служитель святой католической церкви и миссіонеръ острова Мадагаскара,—отвѣчалъ старикъ.—А съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Беніовскій назвалъ себя и своихъ товарищей.

— Я имѣю къ вамъ, реверендиссиме патеръ, посланіе отъ капитана Шокэ,—сказалъ первый.—Я слышалъ, что вы желаете возвратиться во Францію. Въ такомъ случаѣ, нашъ гальотъ къ вашимъ услугамъ.

— О!—радостно поднялъ къ небу увлажненные слезами глаза старикъ.—Благодарю тебя, Господи!

XXIII. Пожаръ на морѣ.

Нѣсколько недѣль простоялъ «Святой Петръ» у береговъ Мадагаскара, запасаясь всевозможною провизіею для своего далекаго плаванія, и здѣсь-то въ головѣ Беніовскаго окончательно созрѣлъ его грандіозный планъ. Но онъ по-прежнему продолжалъ хранить его въ тайнѣ.

Онъ часто сходилъ на островъ и изучалъ какъ его топографію, такъ и привычки дикихъ туземцевъ. Въ этихъ экскурсіяхъ его сопровождалъ мосье Пикэ, главный оберъ-церемоніймейстеръ короля Радамы и его придворный парикмахеръ. Онъ былъ когда-то куафферомъ въ Парижѣ, собственно гарсономъ въ одной парикмахерской и, поссорившись съ хозиномъ, поступилъ въ матросы на корабль, отходившій въ Индію. На кораблѣ онъ, должно быть, проворовался, хотя увѣрялъ, что «не «поладилъ съ негодяемъ-капитаномъ», и потребовалъ, чтобъ его высадили на Мадагаскарѣ. Корабль былъ купеческій, и его высадили. Сначала дикари хотѣли съѣсть мосье Пикэ, но патеръ Леонъ заступился за соотечественника, и ему даровали жизнь. Впослѣдствіи онъ вошелъ въ милость у королевы-матери, и теперь онъ «первое лицо при дворѣ его мадагаскарскаго величества, непобѣдимаго Радамы» и «какъ сыръ въ маслѣ катается».

Прочіе офицеры гальота также часто охотились на островѣ, а матросы совсѣмъ подружились съ дикарями, научивъ ихъ дѣлать дудочки изъ тростника и играть на нихъ. Маленькіе подарки, подносимые дикарямъ: то гвоздь, то мѣдная пуговица, окончательно сблизили ихъ.

Одна Аѳанасія стыдилась своихъ голыхъ гостей и никакъ не могла къ нимъ привыкнуть. Зато она очень привязалась къ старому прелату, и старикъ самъ въ ней души не чаялъ. «Мое дитя, мое дорогое дитя, милая Атанази», эти слова не сходили съ его старческихъ устъ. Аѳанасія порядочно говорила по французски,

и потому патеру легко было съ пей объясняться. Онъ постоянно разсказывалъ ей то о своей «chere pays la France», то о жизни своей между дикарями Мадагаскара, между которыми онъ многихъ обратилъ уже въ христіанство. Онъ жалѣлъ только объ одномъ, что безъ него они опять станутъ язычниками и забудутъ истиннаго Бога. Онъ-бы навѣрно обратилъ въ христіанство и самаго Радаму, если-бъ только его не путало въ божественной религіи то, что онъ долженъ былъ-бы отказаться отъ всѣхъ своихъ женъ и оставить при себѣ только одну, старшую и первую, которую онъ раньше другихъ приблизилъ къ себѣ. Но зато разсказы старика о далекой Франціи были полны такой задушевности и теплоты, что и Аѳанасіи она представлялась очаровательною страною.

При этихъ бесѣдахъ всегда присутствовала няня Пахомовна, съ неизмѣннымъ чулкомъ въ рукахъ, и тоже полюбила старика, хоть онъ былъ и «не русской вѣры».

Наконецъ, когда Беніовскій ближе познакомился съ береговою полосою острова и отчасти съ внутреннею частью Мадагаскара и его обитателями, рѣшено было пуститься въ дальнѣйшій путь.

Прощальная аудіенція была такъ-же торжественна, какъ и первая, хотя уже безъ воинскихъ танцевъ и безъ пробы достоинства русской сабли на шеѣ плѣннаго врага. На прощанье Беніовскій подарилъ королю красный шелковый фуляръ, которымъ дикарь тотчасъ-же и обвязалъ свои бедра, а королевѣ-матери презентовалъ зеленый, уже подержанный вуаль Аѳанасіи, которымъ старая кокетка и украсила свою жирную шею, завязавъ его подъ подбородкомъ очень изящнымъ бантомъ, при видѣ котораго Степановъ чуть не лопнулъ отъ сдерживаемаго съ трудомъ смѣха. Каждая изъ молодыхъ красавицъ получила по парѣ блестящихъ, тоже копѣечной цѣны сережекъ.

Съ своей стороны король богато одарилъ пословъ. Онъ слышалъ отъ мосье Пикэ, что европейцы очень цѣнятъ слоновую кость, и велѣлъ натаскать ся цѣлыя груды: этимъ дорогимъ подаркомъ и нагрузили часть трюма гальота.

Когда корабль снялся съ якоря, пушечными выстрѣлами сдѣланъ былъ послѣдній салютъ. Самъ Радама, весь его дворъ, жены, сановники и воины стояли на берегу и смотрѣли на уходившій корабль. Мосье Пикэ усердно махалъ съ берега своею

циновочною шляпою, а патеръ Леонъ, стоя на палубѣ, крестообразно осѣнялъ своимъ распятіемъ островъ, тогда какъ слезы тихо, тихо катились по его морщинистому лицу.

— Вѣдь, пятьдесятъ лѣтъ, пятьдесятъ лѣтъ протекло подъ этимъ небомъ моей жизни! — шепталъ онъ набожно. — Oh, mon Dieu!

Аѳанасія съ глубокимъ сочувствіемъ глядѣла на старика, и на глазахъ ея тоже показались слезы.

Долго еще видны были берега покинутаго острова, пока, наконецъ, онъ совсѣмъ не скрылся за подернутымъ дымкою дали горизонтомъ океана.

Гальотъ держалъ курсъ на юго-западъ, къ мысу Доброй Надежды, чтобы, обогнувъ южную оконечность Африки, выйти въ великій западный океанъ.

Снова началась обычная, однообразная морская жизнь. Дни, казалось, тянулись цѣлую вѣчность.

Беніовскій, чтобы не скучать отъ бездѣйствія, кромѣ писанія своего дневника, выдумалъ себѣ новое занятіе. Онъ, казалось, очень привязался къ старому миссіонеру и сталъ съ нимъ, изъ любознательности изучать языкъ обитателей Мадагаскара.

Но умыселъ другой тутъ былъ... Онъ входилъ въ его планы...

Ловкій конфедератъ очень прилежно учился незнакомому языку. Разспрашивая у старика названія всевозможныхъ обиходныхъ предметовъ, онъ все это заносилъ въ особую тетрадь и заучивалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заставлялъ старика составлять фразы обиходнаго разговора, и все это тоже записывалъ и заучивалъ. Успѣхи новаго ученика были необыкновенно быстры, и старикъ удивлялся способностямъ и прилежанію, съ какимъ относился къ этому дѣлу «monsieur le baron».

Скоро они стали немного объясняться на неблагозвучномъ языкѣ Радамы.

Между тѣмъ, няня Пахомовна съ тайной тревогой замѣчала, что ея любимица барышня постоянно худѣетъ. Куда дѣвались ея аппетитъ и сонъ! Все болѣе и болѣе она становилась задумчивою, грустною. Спроситъ бывало ее Пахомовна — «что съ тобою, мое золото червонное?» — и получитъ ласковый, съ улыбкой, но какой-то за сердце хватающій отвѣтъ: «ничего, няня милая».

«Таетъ какъ свѣчка», грустно покачивала головой Пахо-

мовна, и обращалась къ лѣкарю, къ Мейдеру: «что съ моей барышней? — «Ничего, нянюшка», отвѣчалъ тотъ: — «возрастъ такой хрупкій; но у ней ничего нѣтъ такого, какъ бы сказать, органическаго порока... молодость, скоро повеселѣетъ, ежели»... Но онъ никогда не договаривалъ.

Аѳанасія, не желая отстать отъ Беніовскаго, также училась у патера языку обитателей Мадагаскара, и обладая замѣчательной памятью, усвоила этотъ языкъ еще быстрѣе, чѣмъ Беніовскій, чѣмъ приводила своего стараго учителя просто въ умиленіе. — «О, мое дитя, мое дорогое дитя! — повторялъ онъ восторженно. Но и онъ не могъ не видѣть, что его обожаемая любимица таетъ день ото дня.—«Вы слишкомъ много учитесь, дитя мое!»— иногда говорилъ онъ: — «ваша милая головка утомляется отъ этого варварскаго языка». — «Нѣтъ, mon cher papa» (она стала называть его этимъ дорогимъ для нея именемъ): — «мнѣ безъ занятій было бы скучнѣе».

Время между тѣмъ шло. Выдерживая и бури, и мертвые штили, гальотъ давно миновалъ уже мысъ Доброй Надежды, гдѣ онъ запасался водой и освѣжалъ провизію. Вмѣсто юга и юго-запада, наши бѣглецы держали теперь путь отчасти на сѣверъ, ко вторичному пересѣченію линіи экватора. Съ каждымъ днемъ температура воздуха опять стала повышаться, зной становился все убійственнѣе, штили повторяться чаще, и если-бъ не окачиванье водой по нѣскольку разъ въ сутки, то едва-ли самый крѣпкій организмъ могъ-бы выдержать это пекло. Экваторіальный зной губительно дѣйствовалъ и на организмъ Аѳанасіи. Она почти ничего не ѣла и худѣла съ каждымъ днемъ. Ни Пахомовна, ни Анна, жена Андреянова, не отходили отъ нея. Добрый патеръ и утромъ, и вечеромъ молился объ ея здоровьѣ и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ около нея, безмолвный, грустный или старался развлечь ее свѣтлыми перспективами недалекаго будущаго.

— Скоро дитя мое, мы минуемъ линію экватора, эту адскую полосу земного шара, а тамъ все ближе и ближе будемъ двигаться къ милой Франціи.

Дѣвушка молча слушала, улыбаясь слабою, дѣтскою улыбкою.

Одинъ Беніовскій, повидимому, не замѣчалъ роковой перемѣны въ своей маленькой Фанни, а если и замѣчалъ, то ста-

рался не показывать этого. Въ глубинѣ своей души онъ не могъ не сознавать, что все, что случилось прежде и могло случиться послѣ, все это дѣло его рукъ: онъ слишкомъ много взялъ на себя, не подумавъ о возможныхъ и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ. Какъ ни всецѣло владѣлъ его душою эгоизмъ, однако, трудно ему было отогнать отъ себя сознаніе, что бѣдная невинная дѣвушка, благодаря его эгоизму, потерявъ отца и родину, очутилась выброшенною изъ своего гнѣзда, не будучи совсѣмъ приготовленною къ жизни. Какъ было ему раньше не подумать, что это должно неизбѣжно случиться.

Одно неожиданное обстоятельство сильно подѣйствовало на впечатлительную душу Аѳанасіи и окончательно надломило ея хрупкій и нѣжный организмъ.

Была темная штилевая ночь. Гальотъ, застигнутый мертвымъ штилемъ, казалось, спалъ на поверхности океана, повинуясь только тихому сѣверному теченію океанской стихіи. Небо искрилось такими дивными звѣздами южнаго полушарія, о коихъ сѣверъ и понятія не имѣетъ. Южный Крестъ стоялъ надъ океаномъ въ величавой красѣ. Поверхность океана вспыхивала иногда фосфорическими огоньками. Аѳанасія сидѣла на палубѣ, вдыхая усталою грудью живительную прохладу тропической ночи послѣ знойнаго, мучительнаго дня. Рядомъ съ нею, перебирая четки, тихо шепталъ молитву старый патеръ, а по другую сторону дѣвушки сидѣлъ Хрущовъ, созерцая звѣздное небо, которое всегда дѣйствовало на него чарующимъ образомъ.

Вдругъ Аѳанасія увидѣла на горизонтѣ свѣтящуюся точку, какъ бы выходящую изъ океана. Но эта не была звѣзда, не тотъ свѣтъ: но это и не луна, свѣтлая точка выходила изъ воды на сѣверозападной линіи горизонта. Точка увеличивалась все болѣе и болѣе, поднимаясь отъ воды и расширяясь. Свѣтлое пятно становилось все болѣе и болѣе багровымъ. Дѣвушкѣ стало что-то страшно.

—Что это такое, Петръ Алексѣевичъ?—спросила она испуганно.

— Что Аѳанасія Григорьевна?—какъ бы очнулся тотъ.

— Вонъ, тамъ, точно зарево, что это?

— Зарево и есть! Помилуй Богъ!—тревожно проговорилъ Хрущовъ.

— Что же, пожаръ?

— Непремѣнно пожаръ!

— Да развѣ близко земля?

— Нѣтъ, Аѳанасія Григорьевна, пожаръ на морѣ: тѣмъ онъ и страшенъ.

— Развѣ корабль горитъ?

Зарево замѣчено было и матросами, и другими офицерами. Огонь разростался все сильнѣе и сильнѣе. Къ небу взвивались огненные языки сквозь клубы дыма. Виднѣлся даже громадный остовъ корабля, изъ люковъ котораго вырывались и исчезали въ дыму огненныя струи.

Все столпилось на палубѣ гальота къ сторонѣ видимаго пожара. Встревоженный Беніовскій, выбѣжавшій изъ каюты, гдѣ онъ работалъ, глядѣлъ на пожаръ въ зрительную трубу.

— Корабль погибаетъ... онъ весь въ пламени... нѣтъ спасенья!—торопливо проговорилъ онъ.

— Боже мой!.. На немъ люди!—съ ужасомъ говорила Аѳанасія.—Развѣ нельзя спасти?.. Не поздно?

— Слишкомъ далеко, милая Фанни, а теперь, видишь, штиль: мы не можемъ подать ему помощи,—успокаивалъ ее Беніовскій.

Дѣвушка ломала руки. Старый прелатъ безпомощно топтался на мѣстѣ, повторяя «Oh, mon Dieu! Quel horreur!.. Oh, mon Dieu!» *).

— Надо, однако, попытаться спасти!—блѣдный отъ волненія проговорилъ Хрущовъ.

— Да! Да, милый Петръ Алексѣевичъ!—умоляла его Аѳанасія.

— Надо спѣшить со шлюпками,—продолжалъ Хрущовъ.—Я ѣду!

— И я съ вами!—прибѣжалъ Уфтюжаниновъ.

— Я также,—сказалъ Мейдеръ.—Можетъ, тамъ нужна лекарская помощь.

— Да, да, ради Бога!—волновалась Аѳанасія.

— Пару шлюпокъ на воду! — скомандовалъ Беніовскій.— Двѣ перемѣны гребцовъ!

Моментально шлюпки очутились на водѣ. Матросы держали весла. Едва Хрущовъ, Мейдеръ и Уфтюжаниновъ вскочили въ

*) О, Боже! Какой ужасъ! О, Боже!

шлюпки, весла сверкнули, какъ крылья, и шлюпки понеслись по направленію къ зареву, извлекая изъ океана фосфорическія искры.

XXIV. Спасеніе Хуана.

Недолго, однако, шлюпки были видимы съ гальота. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ скрылись изъ глазъ. Видно было только, какъ на горѣвшемъ кораблѣ свирѣпствовало пламя.

Долго смотрѣли съ гальота на роковое пламя: это было слишкомъ страшное видѣніе, чтобъ можно было оторваться отъ него.

Между тѣмъ время тянулось мучительно долго: то было время тревожнаго ожиданія, которое минуты превращаетъ въ часы, часы растягиваетъ до безконечности. Часовыя стклянки опорожнялись отъ песку, вахты смѣнялись, вахтенный колоколъ звонилъ уже не одинъ разъ.

И вдругъ страшное видѣніе исчезло! Пламя погасло! Но погасло ли оно? Вѣрнѣе всего, что оно вмѣстѣ съ остатками догоравшаго корабля захлебнулось въ пучинѣ океана.

Теперь началось новое ожиданіе, ожиданіе возврата шлюпокъ. Съ чѣмъ-то воротятся великодушные смѣльчаки? Спасли ли они погибавшихъ?— Подоспѣли ли во-время? Не бросились ли несчастные, въ порывѣ ужаса и отчаянія, не бросились ли они съ погибшаго корабля въ море, на такую же вѣрную смерть, чтобы избѣжать ужаснаго пламени?

Вотъ что написано было на блѣдномъ личикѣ Аѳанасія, когда она стояла неподвижно на палубѣ, устремивъ взоръ въ безпросвѣтную даль. И нянюшка, и старый патеръ, и Беніовскій упрашивали ее итти въ каюту лечь, успокоиться, забыться сномъ; она продолжала стоять и смотрѣть въ даль, повторяя иногда какъ бы машинально: «бѣдные! бѣдные!»

Но вотъ въ темнотѣ послышался плескъ веселъ.

— Слышите?—тревожно заговорила Аѳанасія.—Не наши ли возвращаются?

— Кто ѣдетъ?—прокричалъ въ рупоръ Беніовскій.

— Свои!—послышался откликъ изъ темноты.

— Благополучно ли?

— Нѣтъ! Опоздали!—былъ отвѣтъ.

— Господи!—всплеснула руками Аѳанасія.—Неужели всѣ погибли?

Шлюпки скоро пристали къ гальоту. Вотъ что сообщили Хрущовъ и Мейдеръ. Горѣвшій корабль былъ очень далеко. Все время, когда шлюпки спѣшили къ нему на помощь, страшное зарево освѣщало ихъ путь. Корабль, повидимому, былъ громадной величины. Горѣло, какъ можно догадываться, изнутри, изъ трюма, гдѣ, должно быть, и начался пожаръ. Когда шлюпки приближались къ нему, то весь его верхъ объятъ былъ пламенемъ, и только гигантскій кузовъ его, ближе къ водѣ, еще былъ цѣлъ, но весь массивъ корабля уже сильно накренился къ кормовой части, видимо, погружаясь въ океанъ. Ясно, что вода уже ворвалась внутрь, и именно отъ кормы. Казалось, гигантъ трепеталъ, все болѣе и болѣе, погружаясь въ море. Еще нѣсколько мгновеній, и онъ исчезъ подъ водою, какъ бы взмахнувъ въ послѣдній разъ надъ поверхностью океана исполинскимъ, гигантскимъ горящимъ факеломъ. И вдругъ насталъ страшный, абсолютный мракъ.

— Волосы стали дыбомъ у меня на головѣ,—пояснилъ Хрущовъ.

Аѳанасія болѣзненно простонала. Старый прелатъ поднялъ руки къ небу, какъ бы призывая Божіе милосердіе на тѣхъ, для которыхъ уже все было кончено.

— Но не можетъ же быть, чтобы погибли всѣ!—съ силою проговорилъ Беніовскій.—Вѣдь, на кораблѣ же были шлюпки, корабль горѣлъ медленно, долго, пассажиры и экипажъ имѣли время сойти въ шлюпки и спастись, хоть не всѣ: конечно, отъ страха и въ борьбѣ за обладаніе шлюпками многіе погибли въ морѣ, безъ этого нельзя: опасность на морѣ, когда погибаетъ корабль, обезумливаетъ людей, но кто-нибудь да спасся.

— Можетъ быть,—сказалъ Хрущовъ,—но мы ничего не видѣли.

— Мы кричали,—пояснилъ Мейдеръ;—но голоса наши потерялись въ пространствѣ, и къ намъ не донеслось ни откуда ни звука: мертвая тишина.

— Это удивительно!—продолжалъ Беніовскій.—Должны же остаться шлюпки! Шлюпки никогда не погибаютъ: это пробки, которыя всегда всплывутъ наверхъ.

— Можетъ быть, онѣ и всплыли, но мы ихъ не видали,— грустно замѣтилъ Хрущовъ.

— Ну, можетъ днемъ это удастся,—замѣтилъ Батуринъ,—къ утру же, кажется, готовится попутный вѣтеръ.

И утро, дѣйствительно, оказалось благопріятнымъ для путешественниковъ. Еще до полнаго разсвѣта, паруса гальота въ состояніи были дѣйствовать, и «Святой Петръ» продолжалъ свое плаваніе.

Нѣкоторое время ничего не видно было на поверхности океана, но потомъ на этой поверхности стали попадаться иногда обуглившіеся куски дерева.

— Я вижу перегорѣвшіе остатки погибшаго корабля,—замѣтилъ Хрущовъ, все время напряженно смотрѣвшій на море.

— А вонъ обгорѣвшій конецъ каната,—указалъ Уфтюжаниновъ.

— А тамъ!.. Тамъ что?—взволнованно заговорила Аѳанасія, почти не сходившая съ палубы.

— Гдѣ?.. Что?—послышались возгласы.

— Вонъ... Тамъ, далеко, какая-то точка маячитъ.

— Да, да!.. Тамъ есть что-то, это какой-то предметъ.

— Можетъ быть, шлюпка.

Беніовскій въ зрительную трубу подтвердилъ, что виденъ какой-то предметъ, но едва ли это шлюпка.

Таинственный предметъ обозначался все явственнѣе и явственнѣе. Скоро можно было разсмотрѣть, что это была, повидимому, опрокинувшаяся шлюпка.

— Шлюпка и есть,—подтвердилъ Уфтюжаниновъ.

— Только вверхъ килемъ,—замѣтилъ Беніовскій.

— Значитъ, люди потонули?—со страхомъ спросила Аѳанасія.

— По всей вѣроятности.

Шлюпка все ближе и ближе. Теперь несомнѣнно, что она носится по морю вверхъ килемъ.

— Но на ней что-то видно,—снова замѣтилъ Уфтюжаниновъ.

— Что-то движется, точно,—подтвердилъ Беніовскій.

Скоро все объяснилось. Когда гальотъ приблизился нѣсколько къ опрокинутой шлюпкѣ, то глазамъ всѣхъ представилось печальное зрѣлище. Казалось, что на шаткой, изогнутой поверхности киля, лежалъ окоченѣвшій трупъ. Но это не былъ трупъ: въ немъ по временамъ замѣчались конвульсивныя движенія. На

крикъ съ гальота, то, что лежало на килѣ шлюпки, вздрогнуло, казалось, всѣми членами.

— Это живой человѣкъ!—крикнулъ Хрущовъ.

— Спасите его, спасите!—молила Аѳанасія.

— Шлюпку на воду! Живѣй!

Въ одно мгновеніе шлюпка была на водѣ, а въ ней Уфтюжаниновъ, Хрущовъ и Андреяновъ. Еще мгновеніе, и шлюпка у цѣли... Но то, что лежало на килѣ внизъ лицомъ, сдѣлало конвульсивное движеніе, сорвалось съ неустойчивой поверхности и скатилось въ воду.

— Боже! Онъ погибъ!—отчаянно крикнула Аѳанасія и безъ чувствъ упала на руки няни и Батурина.

Но въ это мгновеніе быстрымъ движеніемъ багра Уфтюжаниновъ зацѣпилъ за платье упавшаго въ воду человѣка, и онъ былъ подтянутъ къ шлюпкѣ. Тотчасъ его зацѣпили другимъ багромъ, приподняли надъ водою и втащили въ шлюпку.

Спасенный потерялъ сознаніе. Мейдеръ, приводившій въ чувство Аѳанасію, оставилъ ее на попеченіи няни, Батурина и Беніовскаго, приказавъ имъ давать ей нюхать спиртъ, а самъ тотчасъ же занялся вытащеннымъ изъ воды человѣкомъ. Ему терли виски, руки, животъ. Мейдеръ насильно влилъ ему въ ротъ нѣсколько большихъ глотковъ рому и снова велѣлъ оттирать, чтобы вызвать реакцію въ окоченѣвшемъ организмѣ.

— Утонулъ?—было первое слово, которое произнесла Аѳанасія, открывъ глаза.

— Нѣтъ, спасенъ, вонъ онъ,—торопливо успокоилъ ее Беніовскій.—Побереги себя, дитя мое!

Мало-по-малу къ спасенному начала возвращаться жизнь. Это былъ загорѣлый, давно небритый, широкоплечій и приземистый субъектъ, съ рыжими съ просѣдью волосами и бакенбардами, въ старомъ костюмѣ испанскаго матроса. Скоро онъ окончательно пришелъ въ сознаніе, и новая, хорошая порція рому окончательно, такъ сказать, вытрезвила его.

Спасенный, дѣйствительно, оказался испанскимъ матросомъ. Много лѣтъ скитаясь на своемъ кораблѣ по всѣмъ морямъ и океанамъ, заходя въ порты всѣхъ странъ, онъ нѣсколько наметался въ разныхъ языкахъ и зналъ порядочно по-итальянски и по-французски.

Отъ него узнали слѣдующее. Корабль ихъ—одинъ изъ боль-

шихъ въ Испаніи, по имени «Саламандра» нѣсколько недѣль тому назадъ отошелъ отъ западныхъ береговъ Африки, возвращаясь съ острова Кубы съ разными грузами и направляясь въ Испанію, къ городу Кадиксу. На кораблѣ было нѣсколько сотъ пассажировъ, возвращавшихся въ Европу какъ съ Кубы, такъ и съ другихъ островов и колоній, потому что корабль ихъ считался почтово-пассажирскимъ. Плаваніе ихъ было благополучно до вчерашняго вечера. Но вчера замѣтили въ трюмѣ огонь, который, повидимому, давно тамъ тлѣлъ и охватилъ много тюковъ, легко воспламеняющихся. Огонь сталъ распространяться до того быстро, что потушить его не было никакой возможности. Пассажирами овладѣла паника. Капитанъ, прежде всего, распорядился посадить въ шлюпки женщинъ и дѣтей. Хуану (такъ звали спасеннаго испанца) и другимъ его товарищамъ пришлось принять въ свою шлюпку именно этихъ трусливыхъ и безпокойныхъ пассажировъ,—женщинъ и дѣтей. Но въ испугѣ женщины бросались, не соображаясь съ тѣмъ, сколько она подниметъ, и шлюпка была переполнена. Когда они отъѣхали отъ горѣвшаго корабля на значительное разстояніе, корабль весь объяло пламенемъ. Это привело въ такой ужасъ женщинъ, онѣ до того стали метаться въ шлюпкѣ, что она зачерпнула однимъ бортомъ воды; испуганныя женщины рванулись къ другому борту шлюпки, накренили ее, вода ворвалась въ шлюпку, и все было кончено! Шлюпка погрузилась въ океанъ. Началась послѣдняя борьба утопающихъ, борьба со смертью, борьба другъ съ другомъ, всѣ цѣплялись одинъ за другого, и всѣ пошли ко дну, увлекши за собою и матросовъ. Всѣ погибли. Хуанъ спасся только тѣмъ, что успѣлъ ухватиться за бортъ вынырнувшей изъ воды шлюпки, но утопавшія женщины едва и его не увлекли за собою, цѣпляясь ему за шею, за руки, за ноги. Но и эти долго не удержались, всѣ пошли ко дну.

Что сталось съ другими пассажирами и шлюпками, Хуанъ не зналъ.

XXV. Смерть и похороны Аѳанасіи.

Нашъ гальотъ находится уже у береговъ Мадеры. Экваторіальное небо и его знойное солнце остались далеко позади. И здѣсь небо такое же голубое и солнце тоже жаркое, но въ послѣд-

немъ есть уже что-то ласкающее, мягкое. Зелень острова такая роскошная освѣжающая.

Вотъ вотъ уже скоро и Европа. Но почему то на гальотѣ не слышно прежняго оживленія, ни пѣсенъ, ни шумныхъ разговоровъ.

Беніовскій, Степановъ и Винбладъ отплыли на берегъ для какихъ то надобностей, а на гальотѣ остались только Батуринъ и Хрущовъ. Первый изъ нихъ смотритъ какимъ-то болѣзненнымъ, точно надломленнымъ, да и Хрущовъ много измѣнился за послѣднее время, точно онъ вынесъ тяжкую болѣзнь. Ни Мейдера, ни стараго патера что-то не видно.

— Должно быть, ей хуже,—какъ бы про себя произнесъ Батуринъ, грустно качая сѣдою головой.

— Да, бѣдная дѣвочка,—такъ же грустно говорилъ и Хрущовъ,—и за чьи грѣхи суждена ей такая доля?

— За наши... Чѣмъ она, бѣдненькая, виновата, что ей суждено было родиться въ снѣгахъ Камчатки? За что ей суждено было, притомъ, родиться отъ такого лица, которое поставлено было стражемъ надъ преступниками?

— Да, рокъ безжалостный!—горько махнулъ рукою Хрущовъ.

— Такъ, такъ... Да она-то за что пострадала.

— За то, что мы—на словѣ мы Хрущовъ сдѣлалъ удареніе—мы захотѣли свободы.

— Да, а ея отецъ стоялъ у насъ на дорогѣ.

— Отецъ!—съ горечью сказалъ Хрущовъ.—А она-то?

— Она имѣла несчастье быть его дочерью.

Въ это время на палубѣ показался Мейдеръ. Онъ вышелъ изъ каютнаго отдѣленія.

— Вы отъ нея, Мейдеръ?—тревожно спросилъ Хрущовъ.

— Отъ нея,—отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, что, какъ, не лучше ей?

— Нѣтъ... Я думаю, что ее придется намъ похоронить здѣсь, на этомъ островѣ.

Хрущовъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Да ради Бога, что съ ней?—спросилъ онъ.

— Ничего! Но вотъ подите же, таетъ, какъ свѣчка, и кажется, уже догорѣла.

Свѣчка, дѣйствительно, скоро догорѣла и погасла.

Черезъ нѣсколько дней на столѣ, поставленномъ на палубѣ гальота, вся въ цвѣтахъ и въ зелени, лежала мертвая Аѳанасія. Роскошная дѣвственная коса ея была расчесана и двумя пышными пепельнаго цвѣта пасмами шла черезъ плечо и лежала вдоль ея прекраснаго стана по обѣ стороны. Она лежала какъ живая, только съ болѣе сосредоточенною, хотя все еще дѣтскою задумчивостью на бѣломъ, какъ каррарскій мраморъ, челѣ. Ее одѣли въ бѣлое платьице—«подвѣнечное», какъ говорила одѣвавшая ее съ рыданіями няня. Прелестное личико ея, казалось, совсѣмъ не тронуто было смертью; только оно казалось еще нѣжнѣе. Тѣмъ ярче выступалъ миловидный обликъ умершей и вся ея необыкновенно стройная фигура, что смертное ложе дѣвушки было засыпано цвѣтами, а сама она казалась блѣдною лиліею среди розъ, фіалокъ, анемоновъ и пальмовыхъ вѣтвей, перемѣшанныхъ съ миртами и лаврами. Къ дѣвственной груди ея была приколота вѣтка флеръ-д'оранжа, какъ символъ чистоты и невинности.

Какъ и тамъ, далеко у острова Формозы, когда экипажъ гальота безъ священника отпѣвалъ убитаго малайцами Панова, здѣсь у изголовья Аѳанасіи стоялъ Уфтюжаниновъ и раздирающимъ душу униссономъ читалъ «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ». Но теперь рыданія то и дѣло прерывали его чтеніе.

У ногъ Аѳанасіи стоялъ на колѣняхъ старый прелатъ. Старческое лицо его выдавало глубокое состраданіе, смѣшанное какъ бы съ тихою и такою же глубокою радостью. Онъ вѣрилъ, что безгрѣшная душа чистой дѣвочки находится теперь у престола Предвѣчнаго и вкушаетъ невѣдомое людямъ блаженство. Полные слезъ глаза его были обращены туда, къ ясному небу, гдѣ... онъ вѣрилъ!

Няпюшка стояла тутъ же, безъ словъ, безъ причитаній. Горе задавило ее, уничтожило. То, чѣмъ она жила, то, что давало цѣну ея старой жизни, что привязывало ее къ землѣ, этотъ нѣжный цвѣточекъ, выросшій, казалось, и расцвѣтшій на ея груди, у нея въ душѣ, завялъ, превративъ для нея весь свѣтъ въ пустыню. Для кого же ей жить?.. Куда, за кѣмъ ей итти? А она шла за нею, только за нею, и ея нѣтъ!.. Она ушла!

Батуринъ стоялъ глубоко задумчивымъ, низко склонивъ свою сѣдую голову. По временамъ онъ поднималъ глаза на умершую,

и въ умиленномъ жалостью взорѣ его не трудно было прочесть то, надъ чѣмъ теперь задумывалась его сѣдая голова: «скоро, скоро и я также буду лежать, но не въ цвѣтахъ, какъ эта невинная бѣлая лилія, бѣдное, бѣдное дитя!»

Хрущовъ горько плакалъ, такъ плакалъ, какъ не плакала бы, кажется, родная мать. Тайну его горя никто не зналъ, и онъ никому не выдалъ этой тайны, даже той, которой эта тайна принадлежала. Онъ любилъ Аѳанасію. Онъ полюбилъ ее давно, еще въ Камчаткѣ. Видѣть ее только, только видѣть, и то уже было для него счастьемъ. Но онъ скоро понялъ, что дѣвочка уже сама любила, только не его, и онъ схоронилъ въ душѣ свою тайну. Вотъ почему теперь плакалъ онъ такъ безутѣшно.

Кругомъ видна была скорбь. Никогда матросы въ церкви не молились съ такою теплотою и горемъ, какъ теперь, подъ тихое чтеніе «Блаженъ мужъ»... Кто этотъ «блаженъ мужъ», они не знали; но эти непонятныя для нихъ слова звучали такою печальною музыкою, что хоть съ борта да въ воду, такъ и топору!

Беніовскій не плакалъ, но въ душѣ у него было болѣе мрачно, чѣмъ у всѣхъ, кто оплакивалъ покойницу. Какъ убійца, хотя и невольный, онъ не могъ плакать надъ своею жертвой, и ему казалось, что этотъ приговоръ онъ читаетъ въ глазахъ у всѣхъ.

Нѣжный вѣтерокъ тихо шевелилъ шелковистыми волосами умершей и ея длинными рѣсницами, и казалось, что вотъ-вотъ она ихъ подниметъ и обрадуетъ всѣхъ своимъ яснымъ, кроткимъ взоромъ. Надъ моремъ, вокругъ гальота, вились въ воздухѣ чайки и жалостно кричали, какъ бы внимая однообразному, скорбному чтенію надъ умершей. Хрущову эти крики морскихъ птицъ напоминали давно забытую картину, которая когда-то такъ глубоко запала въ его душу. Накапунѣ того дня, когда онъ долженъ былъ совершать задуманное имъ и его соучастниками дѣло, онъ проходилъ по Невскому и случайно остановился у витрины одного магазина эстамповъ. Въ окнѣ была выставлена картина съ подписью: «Геро и Леандеръ». Хрущовъ сталъ вглядываться въ изображенное на полотнѣ. Бурное море, какъ бы вдавленное въ рамки скалистыхъ береговъ,—это Босфоръ. На востокѣ, за скалистымъ берегомъ, занимается заря. Розовый отсвѣтъ ея падаетъ на сѣдые гребни волнъ, которыя треплютъ разметавшееся на ихъ пѣнистой поверхности мертвое тѣло прекраснаго мужчины. Надъ

тѣломъ вьются морскія чайки, и Хрущеву казалось, что онъ слышитъ, какъ эти чайки оглашаютъ воздухъ жалобными криками. На томъ скалистомъ берегу, за которымъ занималась заря, у самой воды, на камнѣ, обрызгиваемомъ морскою пѣною, стоитъ дѣвушка и въ отчаяніи ломаетъ руки, съ невыразимой тоской глядя на прибиваемый волнами къ берегу трупъ ея возлюбленнаго, который плылъ на свиданіе къ ней и утонулъ.

И теперь также жалобно кричатъ чайки, но теперь картина не та, и плачетъ онъ самъ, когда-то съ грустью глядѣвшій на ту картину, на другую.

Эту картину общей скорби дополняло еще одно лицо, которое едва-ли кто замѣтилъ. За колѣнопреклоненнымъ, съ обращенными къ небу полными слезъ глазами прелатомъ стоялъ на колѣняхъ Хуанъ. По жесткому лицу его тихо катились слезы: въ этомъ общемъ семейномъ горѣ старый испанецъ чувствовалъ себя еще болѣе чужимъ и одинокимъ.

Въ это время съ берега воротились на корабль Винбладъ и Мейдеръ съ двумя матросами и сказали, что могила готова. Аѳанасію рѣшились похоронить вопреки общепринятому морскому обычаю—въ открытомъ морѣ, далеко отъ земли, опускать умершихъ въ ту стихію, во владѣніяхъ, которой умершій покончилъ свое земное странствіе: жаль было такое прекрасное тѣло, все усыпанное цвѣтами, зашивать въ мѣшокъ и бросать въ море. Для Аѳанасіи вырыли могилу на островѣ на живописномъ возвышеніи. Этимъ печальнымъ дѣломъ распоряжались Винбладъ и Мейдеръ.

Теперь они пріѣхали сказать, что все готово для принятія тѣла покойной.

Начались трогательныя, раздирающія душу прощанья. Всѣ плакали. Хрущевъ долго-долго глядѣлъ въ прекрасное лицо усопшей, какъ бы желая навѣки сохранить въ памяти милый образъ. Потомъ онъ поцѣловалъ ея холодную руку.

Одинъ Беніовскій не плакалъ.

Матросы раньше высадились на берегъ и построились въ двѣ линіи. Когда гробъ, весь покрытый цвѣтами, вынесли изъ шлюпки на берегъ и несли между рядами матросовъ, они, въ знакъ печали, преклонили ружья. Съ гальота медленно разда-

вались пушечные выстрѣлы, послѣднее печальное привѣтствіе усопшей.

Когда принесшіе гробъ: Беніовскій, Батуринъ, Степановъ и Хрущевъ, заглянули въ глубину могилы, они увидѣли, что дно послѣдняго упокоенія бѣдной дѣвочки на четверть усыпано цвѣтами.

Гробъ скоро былъ опущенъ въ могилу подъ благословеніе тихо плакавшаго прелата. Нянюшка порывалась было броситься за гробомъ туда же, но ее удержали.

Патеръ первый бросилъ на гробъ горсть земли, но вслѣдъ за землей туда посыпались цвѣты и наполнили могилу до половины. Затѣмъ уже всѣ бросили землю.

Насыпь надъ могилой сдѣлана была очень высокая, и матросы обложили ее дерномъ.

На огромномъ крестѣ, сдѣланномъ матросами изъ толстаго пальмоваго ствола, было написано:

«Здѣсь покоится тѣло дочери бывшаго воеводы Большерѣцкаго острога и начальника Камчатки Григорія Нилова, дѣвицы Аѳанасіи, скончавшейся у береговъ острова Мадеры 6-го сентября 1771 года, на 16 году жизни.

Прими съ миромъ ея чистую душу, Господи!»

Вѣроятно, теперь ни отъ этого креста, ни отъ самой могилы Аѳанасіи не осталось и слѣда.

XXVI. Письмо Хрущева къ сестрѣ.

Франція. Портъ-Луи.
20 мая 1772.

«Милая, дорогая, незабвенная Наташечка! Въ послѣднемъ письмѣ я уже описалъ тебѣ наши похожденія и бѣдствія, начиная отъ Камчатки и вплоть до отплытія съ острова Мадеры, гдѣ мы похоронили бѣдненькую Аѳанасію. Ахъ, Ната, что это было за существо! Истинно, что-то неземное, не отъ міра сего, идеальное. Она и покинула эту горькую юдоль плача, чистый прахъ ея покоится въ прелестномъ краю, въ виду безбрежнаго океана, подъ сѣнію высокихъ пальмъ.

Да что говорить объ этомъ! Только сердце растравлять, а оно и безъ того у меня все изболѣлось: живого, кажется, мѣстечка не осталось.

Тамъ же, на Мадерѣ, мы разстались съ Степановымъ. Онъ давно подозрѣвалъ нашего молодца, пана Беніовскаго, въ неискренности и эгоизмѣ; но со времени болѣзни бѣдненькой Фанни, когда жестокость и безсердечность этого человѣка проявились еще болѣе, когда онъ не хотѣлъ утѣшить бѣдную дѣвочку хотя бы теплымъ задушевнымъ словомъ, между тѣмъ, какъ она, кажется, только имъ и дышала, Степановъ окончательно отшатнулся отъ него, и смерть нашей общей любимицы порвала послѣдніе узы, еще привязывавшіе его къ нашему гальоту и къ его начальнику. Въ виду Мадеры Степановъ распростился съ гальотомъ и пересѣлъ на одинъ греческій корабль, который направлялся въ Мессину, а оттуда въ Таганрогъ съ грузомъ лимоновъ, апельсиновъ и съ винами съ острова Мадеры.

Отъ Мадеры мы направились къ западнымъ берегамъ Испаніи, чтобъ добраться до Франціи. Хотя намъ могъ бы предстоять и болѣе близкій путь во Францію черезъ Гибралтарскій проливъ, но мы опасались, какъ бы насъ тамъ не захватили въ плѣнъ, если бъ узнали, кто мы такіе. Франція же втайнѣ помогаетъ польскимъ конфедератамъ въ войнѣ съ Россіею, а потому Беніовскій и разсчитывалъ, что во Франціи насъ примутъ дружественно.

Въ океанѣ, у западныхъ береговъ Испаніи, мы потеряли еще одного товарища изъ нашей небольшой семьи бѣглецовъ. Старикъ Батуринъ давно уже началъ чувствовать ослабленіе силъ. Да и неудивительно! Въ такія лѣта, послѣ двадцатилѣтняго томленія въ шлиссельбургскомъ казематѣ, въ одиночномъ заключеніи, и такое, почти кругосвѣтное плаваніе, съ морскими бурями и тревогами! А бѣднякъ все надѣялся увидѣть Россію, хотя на денекъ на два, и тамъ умереть. Такъ нѣтъ, не суждено ему было дожить до этого утѣшенія. Ахъ, другъ мой, Ната! Ты не знаешь, что значитъ тоска по родинѣ, когда она для тебя потеряна навсегда, и ты не имѣешь права воротиться къ роднымъ, съ дѣтства знакомымъ полямъ!

Да, я заговорилъ тебѣ о нашемъ бѣдномъ Батуринѣ. Какъ трогательны были послѣдніе дни его жизни! Уже послѣ печальныхъ похоронъ бѣдненькой Аѳанасіи онъ началъ чувствовать, что жизнь его угасаетъ, и еще мучительнѣе проснулась въ немъ жажда увидѣть родную страну. Когда онъ былъ еще въ силахъ бродить и сидѣть, то постоянно, бывало, видишь его сѣдую, какъ лунь, голову, на палубѣ. Знойный южный вѣтерокъ, бывало,

играетъ его длинными сѣдыми космами, а онъ сидитъ на палубѣ, и взоръ его, все болѣе и болѣе потухающій, постоянно обращенъ на сѣверъ. И дни, и ночи такъ сидѣлъ онъ. По ночамъ, бывало, одна вахта смѣняетъ другую подъ знакомый звонъ вахтеннаго колокола, а онъ сидитъ безъ движенія, и сѣдая голова, какъ компасъ, все гнется къ сѣверу, глаза его все ищутъ Полурную звѣзду. Иногда подсядешь къ нему изъ участія, думаешь развлечь, а онъ все свое: вонъ тамъ наша Россія, вонъ эти звѣздочки и тамъ видны, и Полярная звѣзда, что, бывало, свѣтила надъ Шлиссельбургскою крѣпостью, ахъ, то было счастливое время, когда я тамъ сидѣлъ, то была молодость, здоровье, родина, милый сѣверъ! И при поворотахъ корабля, голова его все гнулась на сѣверъ. Во время штиля, бывало, когда матросамъ мало работы, онъ, бывало, проситъ ихъ пѣть про «лучинушку», и они поютъ. А ужъ самая любимая для него пѣсня была «Сторона-ль моя, сторонушка, сторона ль моя, незнакомая!» Эту особенно хорошо запѣвалъ Уфтюжаниновъ, поповичъ, о которомъ я писалъ тебѣ въ первомъ письмѣ. И нерѣдко я видѣлъ, какъ подъ эту пѣсню слезы выкатывались изъ глазъ старика и разбивались о черныя, просмоленныя доски палубы, точно крупныя жемчужины. Особенно же тяжело и трогательно было видѣть старика, когда онъ окончательно сознаъ, что у него не хватитъ силъ дождаться возврата въ Россію, что умереть ему придется въ морѣ. Онъ самъ выбралъ для своего мѣшка-савана холстъ, выбралъ старое негодное ядро, которое должно быть привязаннымъ къ его ногамъ, и клалъ этотъ саванъ и ядро у своего изголовья, не разъ повторяя мнѣ въ старческой заботливости: «вотъ, дружокъ мой, послѣдній мой походный мундиръ, а это ядро, мой кавалерственный орденъ: когда я умру, ты самъ зашей меня въ этотъ мундиръ и орденъ прицѣпи къ ногамъ мнѣ, да не вели снимать съ меня старыхъ моихъ сапогъ, можетъ, на подошвахъ ихъ осталось хоть нѣсколько крупинокъ родной землицы, хоть бы даже камчатской, изъ Большерѣцка».

Такъ-то, Наточка, онъ самъ напутствовалъ себя къ смерти. Недолго, впрочемъ, и ждать пришлось. На широтѣ Кадикса, во время мертваго штиля, мы и опустили его въ море со всѣми воинскими почестями. А черезъ нѣсколько дней пришли въ устье Гвадалквивира, а тамъ въ гавани Санъ-Лукаръ де Баррамеда высадили на берегъ своего Хуана, который, при всей его видимой

черствости, радостно припалъ къ родной землѣ, и цѣловалъ ее съ горячими слезами. Вѣдь, шутка сказать, мой другъ: не спаси мы его, пришлось бы ему тогда, когда горѣлъ ихъ корабль «Саламандра» (вотъ насмѣшка судьбы! несгораемая Саламандра—она-то и погибла въ пламени!), пришлось бы ему подъ тропиками измѣрить глубину океана.

Здѣсь уже, въ Портъ-Луи, мы лишились еще одного товарища, по изгнанію. Это—Гурчениновъ, тотъ о которомъ я писалъ тебѣ прежде, что у него языкъ былъ вырѣзанъ. Этотъ хворалъ недолго. Да онъ и старше всѣхъ насъ былъ. Вообрази, дорогая, ему вырѣзали языкъ еще въ 1742 году, а ужъ онъ и тогда былъ не молодъ, и вотъ онъ находился въ ссылкѣ до 1771 года, почти тридцать лѣтъ. При исполненіи нашего замысла въ Большерѣцкѣ, Гурчениновъ намъ очень помогъ своимъ безъязычіемъ: показывалъ казакамъ и матросамъ на пенекъ торчавшаго во рту языка и полумычаніемъ объяснялъ, какъ съ нимъ жестоко поступили въ Петербургѣ; онъ этимъ привлекъ народъ на нашу сторону. Даже дикари на Мадагаскарѣ приходили въ ужасъ, когда видѣли стараго, сѣдого человѣка съ вырѣзаннымъ языкомъ, хотя сами охотно ѣдятъ людей и очень лакомы до человѣческихъ языковъ и мозговъ. Такъ этотъ Гурчаниновъ, милая Ната, передъ смертью, въ горячечномъ бреду, все жаловался (мы могли, хотя съ трудомъ, разбирать его невнятныя слова—полумычанье какое-то), такъ онъ все жаловался на то, что у него языкъ вырѣзали, что безъ языка на томъ свѣтѣ ему нечѣмъ будетъ пожаловаться Господу Богу на своихъ палачей. Слушать это, Ната, было ужасно, и намъ стало легче, когда онъ отдалъ душу Богу.

Теперь, какъ видишь, мы во Франціи, въ Портъ-Луи. Что будетъ съ нами дальше, никто этого не знаетъ, даже самъ Беніовскій, я думаю. Носится онъ съ какими-то великими планами и увѣряетъ насъ, что мы скоро будемъ и богаты, и славны, и свободны. Всю зиму онъ рыскалъ то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ. Въ Парижѣ представлялся королю и высшимъ сановникамъ, а въ Лондонѣ имѣлъ свиданіе съ Франклиномъ. Безспорно, онъ затѣваетъ что-то большое, очень ловкій интриганъ! Его именемъ наполнены теперь всѣ газеты. Въ русскихъ газетахъ ты, конечно, читала о нашихъ похожденіяхъ въ Большерѣцкѣ, о «Большерѣцкомъ бунтѣ», какъ его называютъ, и о смерти Нилова, и о взятіи гальота «Святой Петръ», и о нашемъ бѣгствѣ моремъ.

Но въ здѣшнихъ газетахъ событію этому приданы грандіозные размѣры. Повѣствуютъ о томъ, какъ мы взяли приступомъ Большерѣцкъ, чуть ли не первоклассную крѣпость, какъ дрались съ правительственными войсками и убили самого воеводу. Потомъ разсказываются наши похожденія среди океана, сначала на Курильскихъ островахъ, въ Японіи, на Формозѣ, въ Макао, въ Китаѣ и, наконецъ, на Мадагаскарѣ. Конечно, все это пишется со словъ самого же Беніовскаго, онъ на это мастеръ, и его прославляютъ, какъ героя, чуть ли не великаго человѣка. Зато и бѣдной Россіи достается отъ здѣшнихъ газетъ: и варварская то она страна, и вся то Сибирь ея заселена ссыльными (да оно, впрочемъ, и правда). Хотя я и самъ изъ числа этихъ ссыльныхъ, хотя и не могу похвалиться, чтобы святая Русь баловала меня, однако, когда видишь, что другіе ее бранятъ и унижаютъ, досадно и больно становится.

Ахъ, Ната, Ната! Что-то будетъ, что-то ждетъ меня впереди? А такая тоска по милой родинѣ, что хоть въ петлю, такъ въ пору! Если такъ будетъ продолжаться, то я, кажется, явлюсь домою съ повинною, что будетъ, то и будетъ! А если опять сошлютъ въ Большерѣцкъ? Если на всю жизнь засадятъ въ крѣпость, въ одиночку? Ужасно!

Ахъ, хоть бы скорѣй пріѣзжалъ Беніовскій!

А что-то теперь у насъ, въ милой Хрущовкѣ? Я думаю, весна въ полномъ разгарѣ: нашъ садъ уже отцвѣлъ, въ рощѣ неугомонно кричатъ грачи; у тебя подъ окномъ свищетъ иволга; кукушка сулитъ тебѣ неисчислимые годы жизни; подъ пѣніе соловьевъ ты засыпаешь и просыпаешься; въ старой ветлѣ, въ дуплѣ, снова потатуйка кладетъ яйца и однообразно постукиваетъ отъ утра до вечера. Что отецъ и старая няня?

Не смѣю сказать тебѣ до свиданья. Ахъ, Ната, Ната! Твой Pierre».

XXVII. Таинствeная принцесса.

Въ концѣ мая 1772 года Беніовскій, наконецъ, возвратился въ Портъ-Луи.

Это былъ ужс совсѣмъ другой Беніовскій. И прежде въ его характерѣ, въ поведеніи, въ самой наружности проглядывало что-то самоувѣренное, подчасъ доходившее до высокомѣрія и за-

посчивости. Теперь къ этому прибавилось что-то властное, какая-то спокойная увѣренность въ своихъ силахъ, въ своемъ призваніи. Это было спокойствіе фанатика.

Онъ пріѣхалъ изъ Парижа, какъ какой-нибудь сановникъ, въ богатомъ экипажѣ и, повидимому, съ туго-набитымъ кошелькомъ. Въ тотъ же день онъ заплатилъ всѣ долги по отелю, въ которомъ проживали камчатскіе бѣглецы.

Вечеромъ, сидя на балконѣ отеля, выходившемъ прямо на гавань, въ которой среди другихъ кораблей и морскихъ судовъ стоялъ на якорѣ и гальотъ «Святой Петръ», Беніовскій заговорилъ опредѣленнѣе о своихъ планахъ.

— Теперь, господа, я могу окончательно поздравить васъ съ предстоящимъ походомъ,—сказалъ онъ своимъ товарищамъ.

— Съ какимъ походомъ, баронъ?—спросилъ Хрущовъ.

— Съ морскимъ,—неопредѣленно отвѣчалъ Беніовскій,—его величество назначаетъ меня начальникомъ эскадры, отправляемой въ военную экспедицію.

И Хрущовъ, и Винбладъ, и Мейдеръ посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Куда и зачѣмъ?—спросилъ Винбладъ.

— Въ Индійскій и Тихій океаны,—неопредѣленно отвѣчалъ конфедератъ.

— Опять туда!.. Назадъ!.. — невольно воскликнулъ Хрущовъ.

— Не назадъ, а впередъ,—было отвѣтомъ.

— Кто же насъ посылаетъ?—спросилъ Хрущовъ.

— Я сказалъ: его величество, король французовъ.

— А развѣ мы его подданные?—удивился Мейдеръ, до того времени молча курившій сигару.

— А чьи же мы?—озадачилъ его Беніовскій.

— Какъ чьи, баронъ! Мы присягали императору Павлу Петровичу.

— Э!—небрежно махнулъ въ воздухѣ рукою Беніовскій,—То были школьныя проказы, а теперь начинается дѣло.

— Но мы ничего не понимаемъ!—съ видимымъ неудовольствіемъ возразилъ Винбладъ.—Въ послѣднее время панъ сталъ держать себя какъ-то странно: хранилъ отъ насъ какую-то тайну.

— То и была тайна, пане Винбладъ, — спокойно отвѣчалъ Беніовскій.

— Отъ насъ-то, баронъ?—удивился Хрущовъ

— Даже отъ себя самого, не только отъ васъ, — былъ отвѣтъ.

— Почему же?.. Какая тайна?

— Тайна политическая, господа, государственная, но теперь я могу смѣло открыть мои карты, мои козыри, конечно, только передъ вами, друзья мои... Надѣюсь, здѣсь никто не услышитъ насъ, я хочу сказать: никто не пойметъ русскаго языка.

— Конечно, кому же насъ подслушивать?

Беніовскій медленно вынулъ сигару, не торопясь закурилъ ее, оглянулся кругомъ и началъ:

— Вы знаете, господа, что съ тѣхъ поръ, какъ мы во Франціи, я не сидѣлъ, сложа руки. Я былъ неоднократно и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Я изслѣдовалъ политическую почву и нашелъ, что здѣсь, во Франціи, она прочнѣе, чѣмъ въ Англіи: тамъ она довольно зыбка, я это понялъ изъ намековъ Франклина, съ которымъ имѣлъ продолжительныя бесѣды. Въ Англіи начинается серьезный разладъ съ ея американскими колоніями, и Франклинъ, кажется, правъ, говоря, что старая Англія должна будетъ проститься съ Америкой. Другое дѣло тутъ, во Франціи. Пользуясь замѣшательствомъ гордаго Альбіона, французы охотно готовы подставить ему ножку и уязвить его въ Ахиллесову пятку, въ колоніяхъ дальняго Востока. Этой стрѣлой, которая должна поразить пятку Ахиллеса, буду я, то есть, мы, друзья мои.

— Какъ же это, баронъ?—съ прежнимъ недоумѣніемъ спросилъ Хрущовъ.

— Это сложная исторія,—задумчиво глядя на дымъ своей сигары, продолжалъ Беніовскій, какъ бы не слыша вопроса Хрущова.—Вы знаете, что Франція тайно помогаетъ конфедератамъ въ войнѣ съ Россіею. Храбрый генералъ Дюмурье, это было то копье, которое Франція бросила въ войска Екатерины II-ой. Копье сдѣлало свое дѣло, но не довело его до конца. Теперь мы, тайно, будемъ готовить этотъ конецъ. Россію ввязали въ войну съ Турціей, это поляки навязали Россіи одно ядро на одну ногу. Мы привяжемъ ей другое, на другую. Въ Парижѣ я нашелъ моихъ соотечественниковъ, князя Казиміра Радзивилла, милѣйшаго «panie kochanku». Вы знаете, что это едва-ли не богатѣйшій вельможа во всей Европѣ. Въ Парижѣ я нашелъ

и княгиню Сангушко, очень вліятельную особу при французскомъ дворѣ, наконецъ, графъ Огинскій, нашъ посланникъ при томъ же дворѣ. Я имъ открылъ мои планы. Они довели ихъ до свѣдѣнія его величества, короля Людовика XV, и его величество пожелалъ меня лично видѣть. Я представился, доложилъ ему мой планъ, и вотъ въ нашемъ распоряженіи цѣлая французская эскадра: на-дняхъ она прибудетъ въ Портъ- Луи.

— Но въ чемъ же заключается планъ пана?—съ прежнимъ нетерпѣніемъ спросилъ Винбладъ.—Мы ничего не знаемъ.

— Сейчасъ, пусть панъ не волнуется, — спокойно отвѣчалъ Беніовскій.—Я все изложу передъ вами господа. Мы давно не были въ Россіи, и потому не знали, что тамъ дѣлается. А здѣсь все знаютъ, и это все дѣлаетъ исполненіе моихъ плановъ возможнымъ. Тронъ императрицы всероссійской начинаетъ колебаться. Подозрѣваютъ, что императоръ Петръ Третій, котораго десять лѣтъ считали умершимъ, живъ, и тѣнь его начинаетъ появляться то тамъ, то тамъ. Первый разъ она явилась въ Черногоріи, и черногорцы признали въ ней Третьяго Петра. Хотя его и называютъ какимъ-то Стефано Пикколо—Степаномъ Малымъ, но это не помѣшало ему разбивать турецкія арміи и флоты Венеціанской республики и навести такой страхъ на русскую императрицу, что она отправила въ Черногорію посольство съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ во главѣ, съ цѣлью обличить мнимаго Петра Третьяго; однако, черногорцы такъ приняли это посольство, что Долгорукій едва спасся бѣгствомъ. Теперь эта тѣнь господствуетъ почти надъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, народы котораго видятъ въ таинственной личности Пикколо всеславянскаго императора. Я самъ читалъ объ этомъ въ здѣшнихъ газетахъ. Потомъ въ Воронежѣ явилась другая тѣнь съ именемъ того-же Петра Третьяго, и хотя этого претендента на русскій тронъ, говорятъ, схватили, однако онъ вскорѣ появился въ третьемъ мѣстѣ—въ Царицынѣ, и его руку приняло и волжское, и донское войско. Можетъ быть, это и самозванцы; но согласитесь, господа, что дыму не бываетъ безъ огня, и этотъ дымъ, видимо, стелется надъ Россіей и надъ южнымъ славянствомъ и очень ѣстъ глаза россійской императрицы.

— Но я не понимаю, баронъ, какое отношеніе все это имѣетъ къ нашему дѣлу?—замѣтилъ Хрущовъ.

— Очень, очень большое отношеніе! — отвѣчалъ съ жи-

востью Беніовскій.—Но выслушайте меня дальше. Однимъ словомъ, въ русскомъ царствѣ что-то неладно. Теперь обстоятельства слагаются такъ, что мы, недавно бывшіе арестантами у Нилова и у русской царицы, скоро будемъ какъ вамъ сказать? господами Россіи, то есть—я, баронъ Беніовскій, вы, господинъ Хрущовъ, и вы, панъ Винбладъ, и вы, наконецъ, господинъ Мейдеръ, мы скоро будемъ распорядителями россійскаго трона.

— Что-то странное приходится намъ слушать, — пожалъ плечами Хрущовъ.—Не польскія-ли это мечтанія? Вы, поляки, очень увлекающаяся нація.

— Нѣтъ, не польскія мечтанія!—горячо возразилъ Беніовскій.—Выслушайте меня до конца. Я сказалъ, и не я, а Франклинъ, что Англіи теперь приходится думать о своей шкурѣ. Россіи—тоже. Мы съ французскою эскадрою и десантомъ выходимъ въ море. У насъ два пути, даже три: одинъ—через Средиземное море и Дарданеллы, въ союзѣ съ турецкимъ флотомъ, парализовать ноги Россіи: Чернымъ и Азовскимъ морями достигнуть устьевъ Дона, и вмѣстѣ съ донскими и волжскими казаками, къ намъ присоединятся и яицкіе, которые давно оказались непокорными русскому правительству, вмѣстѣ съ казаками итти на Русь и сажать на россійскій престолъ того, кто будетъ нашимъ союзникомъ, вѣрнѣе, нашимъ слугою, хотя-бы это былъ Стефанъ Пикколо. Второй путь—Атлантическимъ, Индѣйскимъ и Тихимъ океанами достигнуть восточныхъ окраинъ Россіи—Камчатки, Сибири, и уже оттуда предписывать условія Петербургу через Парижъ и Варшаву... Понятно?

— Понятно,—грустно отвѣчалъ Хрущовъ:—но это не болѣе какъ блестящая фантазія.

Въ это время подъ балкономъ отеля простучали колеса громоздкаго экипажа, и у подъѣзда остановилась богатая карета, на золотомъ гербѣ которой ярко вырисовывался профиль двуглаваго орла. Сидѣвшій на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, лакей въ богатой ливреѣ соскочилъ съ козелъ, почтительно подошелъ къ окну кареты и вытянулся въ струнку. Каретное окно опустилось, и оттуда выглянуло необыкновенно миловидное женское личико, отдавая какія-то приказанія лакею.

Черезъ минуту ливрейный франтъ стоялъ въ почтительной позѣ въ дверяхъ, ведущихъ на балконъ, гдѣ сидѣли Беніовскій, Хрущовъ, Винбладъ и Мейдеръ.

— Monsieur le baron Beniowsky? *)

— Я,—отвѣчалъ конфедератъ.

— Son altesse serenissime, madame la princesse Elisabethe de Wolodimir **), —проситъ господина барона на пару словъ.

— Сейчасъ, доложите ея высочеству.

Беніовскій заторопился, и, не простившись съ своими товарищами, моментально сбѣжалъ къ стоявшей у подъѣзда каретѣ. Дверка кареты отворилась, оттуда снова выглянуло то-же миловидное женское личико, озаренное улыбкой, и показало рукой на переднее сидѣнье.

Беніовскій съ глубокимъ поклономъ вошелъ въ карету, и громоздкій экипажъ помчался вдоль набережной.

Какъ громомъ пораженные, остались на балконѣ Хрущовъ, Винбладъ и Мейдеръ.

— Ея высочество... serenissime?

— Принцесса Елизавета?.. Это что такое?..

XXVIII. Великій планъ.

Поздно вечеромъ воротился Беніовскій. Его таинственная поѣздка съ какою-то принцессою Елизаветою, которую величаютъ «ея высочествомъ», «son altesse serenissime», и притомъ принцессою Владимірскою, привелъ всѣхъ въ недоумѣніе. Сюрпризъ на сюрпризѣ! То сношенія съ Франклиномъ, великимъ гражданиномъ Англіи, то аудіенціи у короля Людовика XV, то походъ во главѣ цѣлой французской эскадры въ Индійскій и Тихій океаны для завоеванія англійскихъ колоній, и вдругъ какая-то принцесса Елизавета Владимірская, да еще и «ея высочество»! Это нѣчто изъ «Тысячи и одной ночи», особенно если принять во вниманіе похожденія нашихъ молодцовъ въ Камчаткѣ, въ Японіи, на островѣ Формозѣ, на Мадагаскарѣ.

— Что же будетъ еще дальше? Зачѣмъ эта княжна Елизавета съ царственнымъ титуломъ? Кто она, откуда? И какія отношенія можетъ она имѣть къ Беніовскому, а Беніовскій къ ней?

Хрущовъ, Мейдеръ и Винбладъ, сидя въ комнатѣ отеля, въ Портъ-Луи, тихо разговаривали о превратностяхъ своей скиталь-

*) Господинъ баронъ Беніовскій?

**) Ея высочество княжна Елисавета Владимірская.

ческой жизни, когда къ нимъ вошелъ Беніовскій. Онъ казался возбужденнымъ болѣе обыкновеннаго. Стальной взглядъ его искрился холоднымъ огнемъ. Что всѣхъ поразило въ немъ, кромѣ этого холоднаго огня его глазъ, это блескъ на груди какого-то креста, какого они на немъ никогда не видѣли. Это былъ какой-то невѣдомый для нихъ орденъ. Откуда онъ? Что за орденъ?

— Господа!—сказалъ вошедшій торжественно.—Наше дѣло принимаетъ грандіозные размѣры: скоро, очень скоро лицо Европы будетъ измѣнено, и на ландкартахъ которыя появятся въ школахъ черезъ нѣсколько лѣтъ, ученики будутъ поражены новыми границами государствъ и не будутъ знать, гдѣ начало и конецъ Россіи, гдѣ начало и конецъ Польши.

Тѣ, къ кому относились эти слова, слушали оратора молча, съ видимымъ недовѣріемъ. Они давно знали его склонность къ преувеличеніямъ и необузданность его фантазіи. Онъ былъ скорѣе поэтъ политическихъ иллюзій, чѣмъ трезвый политикъ, скорѣе пылкій энтузіастъ, чѣмъ холодный фанатикъ.

Хрущовъ даже улыбнулся. «Настоящій полякъ!—подумалъ онъ.—Въ самомъ умномъ изъ нихъ сидитъ ребенокъ».

— Что же случилось въ эти нѣсколько часовъ, пока мы васъ не видѣли, баронъ?—спросилъ Хрущювъ.

— Случилось нѣчто необычайное, невѣроятное, и вы все это сейчасъ узнаете,—отвѣчалъ энтузіастъ.

— А что означаетъ этотъ орденъ на груди у пана?—спросилъ Винбладъ.

— И это скоро узнаетъ панъ Адольфъ,—былъ отвѣтъ.

Беніовскій сѣлъ въ покойное кресло и закурилъ сигару.

— Я вамъ не успѣлъ сообщить, господа,—началъ онъ,—что въ Парижѣ я былъ представленъ графомъ Огинскимъ, посломъ королевства польскаго и княжества литовскаго, ея высочеству, добавлю: императорскому высочеству, законной и прямой наслѣдницѣ всероссійскаго престола.

— Какъ!—изумился Хрущовъ. — Великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, супругѣ великаго князя Павла Петровича, котораго мы такъ торжественно возвели въ Большерѣцкѣ на всероссійской престолъ?—добавилъ онъ съ горькой ироніей.

— О, нѣтъ!—небрежно отвѣчалъ Беніовскій,—Марія Ѳеодоровна—только супруга того, кого считаютъ наслѣдникомъ престола по императрицѣ Екатеринѣ II; но меня представили на-

стоящей, поймите, настоящей, законной наслѣдницѣ, у которой императрица Екатерина случайно, какъ бы деликатнѣе выразиться? ошибкой утащила тронъ изъ-подъ сидѣнья, и такъ же ошибкой ея шляпку, называемую короной, надѣла на свою голову.

Слушатели, видимо, не могли взять въ толкъ того, что говорилъ имъ, играя словами, неисправимый фантазеръ. Какая «чужая корона»? У кого утащили изъ-подъ сидѣнія тронъ?

Хрущовъ только пожалъ плечами.

— Кто жъ она такая?—спросилъ Мейдеръ.

— Вы ее видѣли,—загадачно отвѣчалъ Беніовскій.

— Когда? Гдѣ?

—Здѣсь, часа три тому назадъ.

— Эта красавица, что подъѣзжала къ нашему отелю въ каретѣ, съ двуглавымъ орломъ въ гербѣ? Такъ это она?

— Да, вы имѣли счастье видѣть наслѣдницу россійскаго престола; родную внучку Петра Великаго.

— Внучку Петра Великаго? Отъ кого же?

— Отъ императрицы Елизаветы Петровны.

— Какъ!—вмѣшался Винбладъ,—Да, вѣдь, Елизавета Петровна не была даже замужемъ!

— Это ничего не значитъ,—замѣтилъ было Беніовскій; но его прервалъ Хрущовъ.

— Нѣтъ, не говорите этого,—сказалъ онъ серьезно,—императрица Елизавета Петровна была замужемъ за графомъ Разумовскимъ и отъ него имѣла дочь, принцессу Августу, но гдѣ она и жива ли, это едва ли кому извѣстно.

— Она здравствуетъ,—торжественно сказалъ Беніовскій — и вы ее сами видѣли сегодня.

— Но гдѣ доказательства, что это именно принцесса Августа, а не самозванка?—возразилъ Хрущовъ.

— О, доказательствъ много,—отвѣчалъ Беніовскій—вотъ одно изъ нихъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ письменному столу, отперъ его ключикомъ, висѣвшимъ у него на цѣпочкѣ часовъ, и вынулъ оттуда небольшую шкатулку, только-что привезенную имъ изъ Парижа. Посредствомъ какого-то секретнаго механизма онъ открылъ шкатулку и вынулъ изъ нея пакетъ изъ голубого бархата. Въ пакетѣ оказалось письмо.

— Читайте,—сказалъ онъ поднося письмо къ Хрущову,—читайте адресъ.

Хрущовъ прочелъ : «A son altesse imperiale serenissime, madame la princesse Elisabethe des Toutes les Russies» *).

— Понимаете? Всероссійской...

— Понимаю. Что жъ изъ этого? Кому это адресовано и кто пишетъ?—настаивалъ Хрущовъ.

Беніовскій вскрылъ письмо, оно не было запечатано. На бланкѣ письма оказался гербъ князей Радзивилловъ. Подъ гербомъ текстъ письма, писаннаго тоже по-французски.

И Мейдеръ, и Винбладъ подошли и съ любопытствомъ стали разсматривать письмо.

Хрущовъ читалъ вслухъ (по-французски): «Я смотрю на предпріятіе вашего высочества, какъ на чудо Провидѣнія, которое бдитъ надъ нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь васъ, такую великую героиню. Его величество, король французовъ, вполнѣ увѣренъ, что ваше высочество со славою выполните вашъ великій планъ».

— Подпись князя Радзивилла,—пояснилъ Беніовскій.

Изумленіе было общее. Даже Хрущовъ смотрѣлъ такимъ смущеннымъ.

— Откуда же это письмо?—спросилъ онъ.

— Князь Радзивиллъ лично вручилъ мнѣ его для доставленія ея высочеству, государынѣ цесаревнѣ,—былъ отвѣтъ.

— Это принцессѣ Елизаветѣ?

— Именно ей, цесаревнѣ.

— А гдѣ же дѣвалась принцесса Августа?

— Она и есть принцесса Августа,—улыбнулся Беніовскій.

— Странно!—пожалъ плечами Ѳома невѣрующій — Хрущовъ.

— Ничего нѣтъ страннаго,—продолжалъ улыбаться Беніовскій,—она же есть и la sultane Aline, ея величество, султанша Алина, Али-Эмете, madame la princesse-d'Azow, принцесса азовская.

— Часъ отъ часу не легче!—воскликнулъ Хрущовъ.

— Зачѣмъ же столько именъ и титуловъ?—спросилъ Мейдеръ.

— Это все инкогнито ея высочества,—пояснилъ Беніовскій.

---

*) Ея высочеству принцессѣ Елизаветѣ Всея Россіи.

— Чудеса въ рѣшетѣ!—не унимался невѣрующій Ѳома.

— Чудеса,—согласился и Беніовскій,—только еще не всѣ. Видите вотъ этотъ крестъ у меня на груди?—онъ указалъ на орденъ, блестѣвшій какъ звѣздочка.

— Это еще что такое? Откуда?—спрашивали всѣ.

— Это «крестъ Азіатскаго ордена»,—былъ отвѣтъ.

Беніовскій досталъ изъ бокового кармана своего камзола небольшой пергаментный свертокъ и показалъ своимъ товарищамъ. Это была грамота на «орденъ Азіатскаго креста», пожалованный барону Морицу-Іосифу-Анадару Беніовскому.

— La croix de l'ordre asiatique, fondé par notre majesté la sultane Aline *),—прочелъ Винбладъ.

— За что же она его пожаловала?—спросилъ Хрущовъ, терявшій голову въ этой путаницѣ.

— За предстоящую мнѣ миссію—водруженіе креста среди народовъ Азіи и Африки,—былъ отвѣтъ.

— Но почему она называется также и принцессою Владимірскою?—не унимался Хрущовъ.

— Это тоже ея инкогнито,—отвѣчалъ Беніовскій,—мало того, ее называютъ въ Россіи княжною Таракановою.

— Почему же Таракановою?

— Просто по московской глупости, по деревянности языка московитовъ,—улыбнулся Беніовскій. — Какъ вамъ извѣстно (продолжалъ онъ серьезно), ея высочество родилась отъ графа Разумовскаго, въ семействѣ котораго она и воспитывалась съ дѣтства. Воспитательницей ея была нѣкая госпожа Дараганъ, извѣстная въ Россіи фамилія. Чтобы скрыть истинное происхожденіе маленькой принцессы, ее выдавали за дочку этой самой госпожи Дараганъ. Ваши же милые московиты,—обратился онъ опять съ улыбкой къ Хрущову,—имѣютъ дурное обыкновеніе коверкать иностранныя слова и имена: такъ извѣстная англійская фамилія Гамильтона на русской службѣ передѣлалась въ фамилію Хомутовыхъ: оно, знаете, понятнѣе, роднѣе—отъ хомута. По этой московской привычкѣ и госпожу Дараганъ превратили въ Тараканову, все же пріятнѣе для московскаго слуха: тараканъ—любимое домашнее животное московитовъ.

---

*) Крестъ азіатскаго ордена, основаннаго нашимъ величествомъ султаншею Алиною.

Винбладъ и Мейдеръ засмѣялись, а Хрущовъ только насупился.

— О какомъ это великомъ предпріятіи пишетъ ей Радзивиллъ?—спросилъ онъ, немного помолчавъ. — Оно извѣстно вамъ?

— Извѣстно, потому что я, вашъ покорнѣйшій слуга, творецъ этого великаго плана,—отвѣчалъ Беніовскій съ легкимъ поклономъ.

— Это не тайна для насъ?

— Для васъ, мои друзья, не тайна, потому что я надѣюсь имѣть въ васъ лучшихъ сподвижниковъ въ приведеніи этого плана въ исполненіе. Труднѣйшее нами уже сдѣлано безъ всякой посторонней помощи: кто изъ Камчатки, изъ острога, завоевалъ Францію и Польшу, я говорю иносказательно, тотъ съ такими союзниками, какъ Франція и Польша, завоюетъ полміра. И мы это сдѣлаемъ, друзья мои.

Хотя Хрущовъ на этотъ разъ ничего не сказалъ, но Беніовскій у него въ глазахъ прочелъ недовѣріе и нахмурился.

— Вы не одобряете, кажется, моего плана, Петръ Алексѣевичъ?—обратился онъ къ молчавшему Хрущову, и въ голосѣ его прозвучала нота задѣтаго самолюбія.

— Я не могу ни одобрить, ни не одобрить его, потому что не знаю вашего плана,—былъ отвѣтъ.

— Хорошо же,—сказалъ Беніовскій,—я сообщу его вамъ вкратцѣ. Вотъ онъ: Франція высылаетъ вспомогательный корпусъ въ Польшу для подкрѣпленія конфедератовъ: ея императорское высочество вмѣстѣ съ княземъ Радзивилломъ отправляется въ Константинополь для заключенія союза съ блистательною Портою противъ той особы, которая похитила ея тронъ...

— Это противъ императрицы Екатерины Второй?—перебилъ его Хрущовъ.

— Да, именно, противъ той особы, которая запрятала насъ въ Большерѣцкій острогъ.

— Ну, и что жъ дальше?

— Изъ Константинополя цесаревна Елизавета отправляется съ манифестомъ къ русской арміи, которая теперь въ Турціи, и предъявитъ свои права на всероссійскій престолъ.

— Предъявить-то можно, отчего не предъявить? Да только...

Беніовскій вскочилъ, какъ ужаленный. Недокуренная сигара его покатилась на полъ къ ногамъ Хрущова.

— И вы думаете, что надо быть пророкомъ,—вскричалъ онъ—чтобы предсказать, за кого станетъ русская армія, за внучку ли Петра Великаго или...

Онъ не договорилъ и нагнулся за своей сигарой.

— А мы-то тутъ причемъ же?—спросилъ Хрущовъ, вставая.

— Мы съ французской эскадрой пересѣкаемъ океаны и являемся въ Камчаткѣ.

— Опять? Это зачѣмъ же? Въ острогъ снова попасть? Для этого не надо пересѣкать океаны: стоитъ только явиться на первый русскій пограничный форпостъ, и мы въ острогѣ,—съ какимъ-то раздраженіемъ выговорилъ Хрущовъ.

Послѣ смерти Аѳанасіи, которую онъ втайнѣ любилъ, и которая сама погибла оттого, что любила Беніовскаго и не перенесла выпавшихъ на ея долю страшныхъ испытаній, Хрущовъ въ душѣ проклиналъ, какъ онъ думалъ, убійцу бѣдной Фани.

Въ то время кто-то постучался въ дверь.

— Войдите!—откликнулся Беніовскій.

Вошелъ Уфтюжаниновъ. Онъ казался сильно взволнованнымъ.

— А, это ты, Уфтюжаниновъ. Что тебѣ?—спросилъ Беніовскій.

— У насъ, господинъ капитанъ, на гальотѣ неладно,—отвѣчалъ Уфтюжаниновъ.

— Что такое?

— Экипажъ бунтуетъ, господинъ капитанъ!

XXIX. Бунтъ.

На гальотѣ дѣйствительно было не ладно.

Матросы, соскучившись безконечной стоянкой въ Портъ-Луи, давно втайнѣ роптали на своего командира. Въ Камчаткѣ, во время низверженія и убійства воеводы Нилова, и когда готовились отплыть въ океанъ, имъ сулили золотыя горы; вмѣсто того, имъ предстояли только скитанья по невѣдомымъ морямъ и океанамъ, а иногда и голоданье.Это бы еще ничего, на то они и шли въ море: назвался грибомъ, полѣзай въ кузовъ. Но за этимъ кузовомъ имъ мерещилась вдали родная сторона, покой, доволь-

ство и великія милости отъ начальства. И вдругъ оказывается, что родной стороной ихъ только поманили.

Недаромъ пройдоха Чулошниковъ, бывшій компанейскій приказчикъ купца Холодилова, бросившій своего хозяина и Камчатку тоже ради этихъ сулимыхъ впереди золотыхъ горъ, недаромъ этотъ жохъ намекалъ, что не видать имъ Россіи, какъ своихъ ушей, что «польскій панъ» заведетъ ихъ туда, куда воронъ и костей не заноситъ. А тутъ еще стали поговаривать, что имъ придется опять ломать присягу и цѣловать крестъ французскому королю, это ужъ послѣднее дѣло.

Поповичъ Уфтюжаниновъ, наиболѣе всѣхъ оставшійся преданнымъ своему учителю и полубогу, Беніовскому, недаромъ замѣчалъ, что Чулошниковъ все чаще и чаще сталъ шептаться съ старой Пахомовной, нянею безвременно погибшей Аѳанасіи. Послѣ смерти своей любимицы старуха иначе не думала о Беніовскомъ, какъ объ «аспидѣ», о змѣѣ-горынычѣ, высосавшемъ всю кровь изъ сердца ея «золотой барышни», и только и помышляла о возвратѣ въ Россію, чтобъ тамъ поступить въ монастырь и до конца жизни молиться о чистой душенькѣ своего «херувимчика». Казалось бы, что до Россіи уже только рукой подать; вѣдь, цѣлый годъ мыкались по морямъ и океанамъ; были и въ такихъ моряхъ, гдѣ въ полдень солнышко ходитъ не по полуденной сторонѣ, а по полунощной, и мѣсяцъ встаетъ и садится не тамъ, гдѣ бы ему слѣдовало, какъ у людей. И вдругъ Чулошниковъ намекаетъ, что придется, поди, опять плыть туда, гдѣ солнышко изъ океана выходитъ.

Чулошниковъ и задумалъ вотъ что: подговоривъ недовольныхъ матросовъ и воспользовавшись темною почью и попутнымъ вѣтромъ, тайно отъ Беніовскаго и прочихъ офицеровъ сняться съ якоря и плыть прямо въ Россію съ повинными головами.

Но замыслы Чулошникова не могли укрыться отъ зоркихъ глазъ поповича, притомъ же глуповатый увалень Потоловъ нечаянно проболтался, что «и безъ зеленой грамоты они-де найдутъ себѣ мѣсто».

Однако, извѣстіе, принесенное Уфтюжаниновымъ, не очень взволновало Беніовскаго. Что ему горсть его экипажа, когда въ его распоряженіи скоро будетъ цѣлая эскадра, хорошо вооруженная и съ самыми опытными французскими матросами! Недовольныхъ москалей онъ просто вышвырнетъ за бортъ гальота, оставитъ ихъ въ Портъ-Луи: пусть идутъ, куда хотятъ.

Явившись тотчасъ на гальотъ вмѣстѣ съ своими офицерами Беніовскій прошелъ прямо въ свою каюту и приказалъ всему экипажу собраться на палубѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ къ матросамъ. Ночь была тихая, лѣтняя. Полная луна, освѣщая встревоженныя и угрюмыя лица матросовъ, бросала фантастическія тѣни на палубу и на море, откуда-то доносился глухой, невнятный говоръ рупора. Беніовскій остановился такъ, что загорѣлое лицо его заливалъ лунный свѣтъ, а висѣвшій на груди его крестъ таинственнаго «Азіатскаго ордена» искрился холоднымъ огнемъ.

— Здравствуйте, ребята!—сказалъ онъ глухо.

— Здравія желаемъ,—послышались нѣсколько голосовъ.

Это были голоса Уфтюжанинова, Андреянова и Потолова. Другіе упорно молчали, потупивъ глаза.

— На дняхъ мы должны снаряжаться въ дальнюю экспедицію,—продолжалъ Беніовскій, возвысивъ голосъ. — Его величество, всемилостивѣйшій Людовикъ XV, король французовъ, отдаетъ подъ мою команду сильную и хорошо вооруженную эскадру. Насъ ожидаютъ славные подвиги.

Онъ остановился.

— Рады стараться!—выкрикнулъ Уфтюжаниновъ.

За нимъ тоже повторили Андреяновъ и Потоловъ. Прочіе матросы молчали.

Чулошниковъ, стоявшій фланговымъ, ближе къ мачтѣ, замѣтно вздрогнулъ. Изъ-за мачты, освѣщенное луной, глядѣло на него блѣдное лицо старухи. Сѣдые волосы ея выбивались изъ подъ головного платка и свѣтились фосфорическимъ блескомъ. Она дѣлала Чулошникову какіе-то знаки.

— Ваше благородіе!—вдругъ заговорилъ Чулошниковъ глухимъ голосомъ, точно ему давили горло.—А куда мы пойдемъ отселѣ?

Беніовскій повернулся прямо къ нему и гордо поднялъ голову.

— Какъ куда? Куда я укажу!

Блѣдное лицо старухи опять выглянуло изъ-за мачты.

— Ваше благородіе! — еще глуше заговорилъ Чулошниковъ.—Когда мы въ Камчаткѣ чинили то дѣйство надъ воеводою и прочими, вы намъ говорили, что мы моремъ-океаномъ дой-

демъ до Питера; а теперича вы хотите опять вести насъ невѣдомо куда. Воля ваша, мы не согласны.

— Кто мы?—спокойно спросилъ Беніовскій.

— Мы всѣ, ваше благородіе,—отвѣчалъ Чулошниковъ.

— Всѣ мы! Всѣ!—повторили другіе матросы.

Блѣдное лицо, старухи, выглянувшее изъ-за мачты, озарилось радостной улыбкой. Хрущовъ, стоявшій недалеко отъ Беніовскаго, потупилъ глаза.

Беніовскій поднялъ голову еще выше и сдѣлалъ шагъ къ Уфтюжанинову.

— И ты, мой Брутъ!—воскликнулъ онъ театрально.

— Я не Брутъ, мой Цезарь!—отвѣчалъ поповичъ, выступая впередъ:—Если бы какой злодѣй направилъ ударъ на моего Цезаря, я бы тотъ ударъ принялъ на свою грудь, или поразилъ бы злодѣя!

— Спасибо, мой юный герой!—съ чувствомъ произнесъ Беніовскій.—Такъ ты отъ меня не отречешься?

— Никогда, мой Цезарь!

— И я за нимъ, ваше благородіе!—выступилъ впередъ Андреяновъ.

— Спасибо!

— И я, ваше благородіе!—брякнулъ Потоловъ.

Между матросами послышался сдержанный смѣхъ.

— Хорошо, ребята, завтра же я васъ отпущу на всѣ четыре стороны,—произнесъ Беніовскій.—Спасибо за прежнюю службу!

— Рады стараться, ваше благородіе!—весело вскричала команда.

Далекій рупоръ, казалось, вторилъ этому веселому отклику.

Когда Беніовскій, Хрущовъ, Винбладъ и Мейдеръ возвращались въ свой отель, съ гальота слышалась дружная, заунывная мелодія, и голосъ Чулошникова особенно явственно выносилъ знакомыя грустныя слова:

Сторона-ль моя, сторонушка,
Сторона-ль моя, незнакомая!

XXX. Второе письмо Хрущова къ сестрѣ.

Франція. Портъ-Луи.
12 іюня 1772.

«Кому повѣмъ печаль мою? Кого призову съ рыданіемъ!»

Тебѣ, моя доргая Наташа, все повѣдаю! Тебя, моя незабвенная, призову съ рыданіемъ.

Кажется, моя участь должна скоро рѣшиться: рѣшаетъ ее судьба неизбѣжная.

Беніовскій, наконецъ, воротился изъ Парижа. Если онъ не преувеличиваетъ и не самообольщается, передъ нимъ открывается широкая дорога для великихъ подвиговъ, для славы, величія, но которая можетъ привести его и къ трагическому концу.

Король Людовикъ XV отдаетъ въ его распоряженіе цѣлую эскадру для завоеванія колоній въ Индѣйскомъ и Тихомъ океанахъ. Цѣль этихъ экспедицій—ослабить колоніальныя силы Англіи и усилить въ колоніяхъ владычество Франціи.

Кромѣ того, здѣсь творится что-то необычайное. Появилась какая-то таинственная личность, которую называютъ дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны, и которая будто бы намѣрена возвратить себѣ всероссійскій тронъ, похищенный якобы у нея Екатериною II.

О, Наташа! Ты знаешь, за то имя и меня взводили на плаху; это имя и меня послало въ камчатскія тундры. Благодаря этому имени, я мыкаюсь теперь по бѣлу свѣту. Это имя отняло у меня мою родину, мою первую и послѣднюю любовь.

И я бы пошелъ за таинственною личностью; но я ожидаю, что она навлечетъ на Россію страшныя бѣдствія. Она вступаетъ въ союзъ съ Польшею и Турціею и ведетъ на Россію три державы.

Ну, да что объ этомъ, дорогая Наточка!—Я не о политикѣ хочу говорить съ тобою. Меня грызетъ мысль о томъ, что мнѣ дѣлать съ собою, куда нести свою горемычную голову? Я все потерялъ, все—и родину, и родныхъ, и все что любилъ. Я подобно тому «Марку проклятому», что толокся по пеклу съ мертвою головою своей жертвы въ торбѣ за плечами, такъ я толкусь по бѣлу свѣту съ своею торбою, только въ этой торбѣ моя собственная загубленная голова и моя безысходная тоска. Куда дѣваться съ этою

ношею? Говорятъ, тоску разсѣять можно. Разсѣять! Точно это зерна. Да, именно зерна, зерна злого, ядовитаго сѣмени. Разъ это проклятое сѣмя завелось въ душѣ, оно отравитъ всю жизнь. Помнишь, когда ты была еще маленькой дѣвочкой, но уже понимавшей меня своимъ чуткимъ сердчишкомъ, а я уже былъ поручикомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка и уже носился съ своею проклятою торбою за плечами, какъ носится дурень съ писаною торбою, ты нерѣдко бывало спрашивала меня: «Петя! Ты что задумалъ?» А я задумалъ такое, что довело меня до плахи, а потомъ занесло въ камчатскія тундры, мыкало по океанамъ, подъ солнцемъ тропиковъ и экватора, и еще будетъ мыкать, какъ щепку въ морѣ. Бѣдная Фаня! Еще когда она была жива, міръ не казался мнѣ пустынею: она замѣняла мнѣ весь міръ. Странное, непостижимое это чувство—любовь. Это такая святыня, такое сокровище человѣческой души, что кто обрящетъ это сокровище, міръ весь обрящетъ, всю вселенную вмѣститъ въ своемъ сердцѣ. Когда мы носились по невѣдомымъ океанамъ, когда полуденное солнце бросало мою тѣнь не на сѣверъ, какъ это всегда у насъ бываетъ, а къ югу, когда надъ головой моей носились невѣдомыя птицы, а по ночамъ горѣли надо мной никогда невиданныя созвѣздія, и когда я былъ такъ далеко отъ родной земли, что даже мыслью въ нее перенестись было страшно, я не спрашивалъ себя, гдѣ я и попаду ли опять въ край родной: я только одно зналъ, что Фаня близко, и вся вселенная была со мною.

А теперь? Теперь одно осталось у меня: увидѣть родныя мѣста, гдѣ протекло мое золотое дѣтство, увидѣть и обнять тебя. Но какъ пробраться туда, чтобы не очутиться въ еще горшей неволѣ? Вѣдь въ ссылкѣ я совершилъ вторичное, еще болѣе тяжкое преступленіе. За это меня ожидаетъ, безспорно, смертная казнь. Одно для меня спасеніе—восшествіе на престолъ наслѣдника цесаревича. Вѣдь, его именемъ мы произвели переворотъ въ Камчаткѣ, отъ его имени сносились съ мадагаскарскимъ царемъ Радамою, пріобрѣли въ немъ союзника Россіи. Не моя вина, если Беніовскій будетъ теперь дѣйствовать именемъ Франціи и въ пользу Людовика XV-го, а не Павла Петровича: я пребываю вѣрноподданнымъ послѣдняго. Мнѣ одно остается—пробраться въ Россію и, скрываясь гдѣ-либо у васъ подъ крылышкомъ, ожидать всемилостивѣйшаго манифеста. Беніовскаго я оставляю:

послѣ смерти бѣдной Фанни—онъ ея убійца, я не могу дышать съ нимъ однимъ воздухомъ. Да и всѣ наши, кажется, покидаютъ его — Мейдеръ, Винбладъ, Чулошниковъ, даже старая няня нашей дорогой покойницы, незабвенной Фани. Съ нимъ останется только поповичъ Уфтюжаниновъ, слѣпая жертва увлеченія, да матросы Андреяновъ и Потоловъ, послѣдній по глупости: онъ все ждетъ какой-то «зеленой грамоты». Къ удивленію, съ Андреяновымъ остается и его жена, добродушная Анна. У нея свои аргументы: «кто жъ ево, сердечново (это мужа-то), обшивать, обмывать будетъ на чужой сторонѣ?» И для нея, вѣроятно, въ ея «сердечномъ» вмѣщается вся вселенная. Каждому свое— suum cuiquae...

А что наши березки, которыя мы посадили съ тобой передъ отправленіемъ моимъ въ полкъ? Выросли, не погибли, и которая изъ нихъ переросла, твоя или моя?

Если будешь писать мнѣ, Натуся, и высылать деньги, то адресуй такъ: France. Port-Louis, Hôtel de marins. A m-r Adolphe Vinblad.

Обнимаю тебя горячо, горячо. Твой старый дружище Петя.»

XXXI. Тѣнь Банко.

Въ гавани Портъ-Луи обращаетъ на себѣ всеобщее вниманіе великолѣпный фрегатъ дальняго плаванія «Tonnerre», вооруженный. Надъ нимъ, тихо вздымаемый лѣтнимъ утреннимъ вѣтеркомъ, полощется въ воздухѣ французскій флагъ. На палубѣ видны французскіе матросы.

Войдемъ въ каютъ-компанію. Это довольно просторная комната, вся изъ краснаго дерева, узорно отороченнаго блестящею бронзой. По серединѣ длинный столъ, окаймленный обитыми бархатомъ сидѣньями съ подвижными спинками. Надъ столомъ, во всю его длину, спускается съ потолка гигантскій цвѣтной вѣеръ, который качается при малѣйшемъ движеніи фрегата и навѣваетъ прохладу на сидящихъ за столомъ. На столѣ разложены морскія ландкарты и бумаги.

За столомъ, на капитанскомъ мѣстѣ, сидитъ Беніовскій. На немъ мундиръ французскаго контръ-адмирала, а на груди—орденъ Азіатскаго креста. По бокамъ его сидятъ Винбладъ и Мейдеръ. Хрущовъ—у противоположнаго конца стола. За нимъ на табуретѣ, у стѣнки, Уфтюжаниновъ, тоже въ мундирѣ фран-

цузскаго моряка. У дверей каютъ-кампаніи стоятъ на часахъ Андреяновъ и Потоловъ. Они тоже въ одеждѣ французскихъ матросовъ.

— Его величество,—говоритъ Беніовскій, водя указательнымъ пальцемъ по разложенной на столѣ ландкартѣ,—раздѣляя мое мнѣніе, полагаетъ, что намъ удобнѣе и выгоднѣе будетъ занять Мадагаскаръ. Это одна изъ самыхъ важныхъ станцій по пути къ восточнымъ владѣніямъ европейскихъ государствъ. Мадагаскаръ долженъ сдѣлаться базисомъ нашихъ дѣйствій на дальнемъ Востокѣ. Мы этимъ подсѣкаемъ крылья англичанамъ на мысѣ Доброй Надежды. Когда въ Шербургѣ будетъ готова моя эскадра, мы тотчасъ выйдемъ въ море.

Онъ глянулъ на Хрущова, который, казалось, не слушалъ его. Зато глаза Потолова упорно слѣдили за указательнымъ пальцемъ Беніовскаго, словно бы изъ подъ него должна была выскочить таинственная —«зеленая грамота», которою чудакъ доселѣ бредилъ.

— Мои планы близки къ исполненію—продолжалъ Беніовскій, котораго Уфтюжаниновъ, казалось, пожиралъ глазами.— Горе московской державѣ! У меня съ нею личные счеты, и я сведу ихъ скоро, очень скоро! Она третировала меня не какъ свободнаго воина, взятаго въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, а какъ своего измѣнника, какъ вора! Я ей не измѣнялъ. я честно сражался за свою отчизну, и она скоро услышитъ мой голосъ. и голосъ моихъ орудій, которыми я буду громить Россію на дальнемъ Востокѣ, гдѣ томятся по острогамъ мои и ваши братья.

— Но, баронъ,—съ горькою ироніей замѣтилъ Хрущовъ,— у Россіи тоже громокъ голосъ, и голоса россійскихъ орудій тоже очень громки. Не довелось бы намъ здѣсь, въ Портъ-Луи, услышать, какъ широки горла у русскихъ пушекъ.

Беніовскій презрительно улыбнулся.

— Не бойтесь,—возразилъ онъ Хрущову,—не услышимъ: Москва охрипла, и ея орудія гриппъ схватили, промочивъ ноги на Дунаѣ. Понимаете?

— Извините, баронъ, я не понимаю вашихъ иносказаній.

— Это не иносказанія, а горькая правда: знаете, что Русь теперь слаба, вся расшатана.

— Почему же именно теперь?—спросилъ Хрущовъ.

— А потому, что Россію рвутъ на части и турецкіе, и польскіе, и даже русскіе зубы.

— Ну,—небрежно замѣтилъ Хрущовъ,—она эти зубы разомъ всѣмъ повыбьетъ солдатскими прикладами.

— Не говорите этого, мой другъ,—снисходительно улыбнулся Беніовскій,—я вижу, что вы ничего не знаете и, повидимому, не читаете газетъ.

— Я имъ не вѣрю, баронъ.

— Напрасно. Войска Мустафы уже переходятъ Балканы, идутъ въ гости къ москалямъ.

— Милости просимъ; москали ихъ сумѣютъ угостить.

— Сухарями?

—Да, чугунными.

— Ну, это еще вопросъ, а что турецкій флотъ уже пѣнитъ волны Чернаго моря, это уже не вопросъ.

— Какой это флотъ?—спросилъ Хрущовъ съ улыбкой.—Ужъ не тотъ ли самый, что графъ Алексѣй Орловъ спалилъ при Чесмѣ, какъ стогъ сухой соломы?

— Нѣтъ, не тотъ, а другой; русскій же флотъ, который могъ бы съ нимъ потягаться, занимается въ Адріатическомъ морѣ ловлею одной птицы очень высокаго полета.

— Это что за птица? Я не понимаю, любезный баронъ, вашихъ аллегорій,—хладнокровно замѣтилъ Хрущовъ.

— Что за птица?—съ улыбкой спросилъ Беніовскій. — Птицу эту называютъ Петромъ Третьимъ.

Хрущовъ пожалъ плечами.

— Французскія и польскія сказки! — улыбнулся и Хрущовъ.—Холодную, мертвую руку императора Петра Ѳеодоровича я самъ цѣловалъ ровно десять лѣтъ тому назадъ.

— Вы могли ее цѣловать, мой милый,—возразилъ Беніовскій,—но та рука, которая держитъ теперь Черногорію, не холодна и не мертва, и ее-то напрасно силятся схватить и графъ Алексѣй Орловъ, и князь Долгоруковъ.

Хрущовъ понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— О, вы говорите о томъ проходимцѣ, котораго черногорцы называютъ Степаномъ Малымъ, а итальянцы—Стефаномъ-Пикколо!.. Я читалъ о немъ; онъ Россіи не страшенъ, — говоритъ Хрущовъ.

— Не страшенъ? А зачѣмъ же ваша императрица держитъ около Черногоріи весь свой флотъ, когда онъ ей нужнѣе въ Черномъ морѣ? Ясно, что она больше опасается маленькаго Степана,

чѣмъ большого турецкаго флота. Да, наконецъ, недаромъ на Руси такія волненія: тотъ императоръ, котораго мертвую руку вы цѣловали, всталъ, кажется, изъ могилы, и, какъ тѣнь Банко, появляется, то тутъ, то тамъ. Вамъ, кажется, неизвѣстно, что, кромѣ Черногоріи, тѣнь вашего Банко недавно явилась въ Царицынѣ. Вы этого не знали?

— Не зналъ,—удивленно отвѣчалъ Хрущовъ.

— И не знаете, вѣроятно, что другая тѣнь Банко явилась въ Воронежѣ?

— Тоже не знаю,—пожалъ плечами Хрущовъ.—Что же это за тѣни?

— Царицынскаго Банко называютъ самозванцемъ Богомоловымъ... Нѣтъ сомнѣнія, что и принцессу Елизавету назовутъ самозванкой.

— Можетъ быть, и, можетъ быть, не ошибутся.

При этихъ словахъ Беніовскій выпрямился, глаза его сверкнули холодной сталью. Но онъ сдержалъ себя.

— Но, однако,—сказалъ онъ спокойно,—почему-нибудь да появляются тѣни Банко; безъ огня дыму не бываетъ. Отчего разомъ встаютъ эти тѣни и въ Черногоріи, и въ какомъ-то глухомъ городишкѣ Царицынѣ? Кто онѣ? Ужъ одно появленіе этихъ тѣней что-нибудь да значитъ? Кто поручится, что не явится еще болѣе грозная тѣнь?

Хрущовъ молчалъ. Слова Беніовскаго разбередили его рану, которую онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ. Тѣни Банко почему-то напоминали ему иную, милую тѣнь: онъ сегодня видѣлъ ее во снѣ, но не какъ тѣнь, а милую, добрую, ласковую, съ ласковымъ дѣтскимъ взглядомъ. Онъ видѣлъ во снѣ ту маленькую Фаню, которую полюбилъ еще въ Камчаткѣ, когда ей было четырнадцать лѣтъ. И въ душѣ его шевельнулось теперь ѣдкое чувство укора этому человѣку, съ холоднымъ взглядомъ, человѣку, который такъ скоро забылъ ее въ чаду честолюбиваго опьяненія.

Винбладъ и Мейдеръ тоже молчали.

— Такъ васъ не прельщаетъ перспектива будущихъ славныхъ подвиговъ моей эскадры?—снова обратился Беніовскій къ Хрущову послѣ непродолжительнаго молчанія.

— А противъ кого будутъ эти подвиги, баронъ?— спросилъ послѣдній.

— Противъ той стороны, которая лишила и васъ, и меня

свободы, которая надругалась надъ моими священными правами, правами военно-плѣннаго, которая посягаетъ на еще болѣе священныя вольности моей отчизны и на неприкосновенность ея границъ!—торжественно произнесъ конфедератъ, какъ по писанному.

— Противъ Россіи!—воскликнулъ Хрущовъ. — Это я-то? Поднять руку на свою родину! Нѣтъ, я скорѣе отрублю эту руку по самое плечо.

— Но, вѣдь, на родинѣ васъ ждетъ плаха!

— Я знаю.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Не знаю. Можетъ быть, утоплюсь... Тогда позвольте броситься въ море съ вашего прекраснаго фрегата.

Тогда Беніовскій обратился къ Винбладу.

— А панъ Адольфъ?—спросилъ онъ.—Вы также меня покидаете?

— Да,—отвѣчалъ панъ Адольфъ,—прежде для васъ я родину покинулъ, теперь для родины я васъ покидаю. Наши пути расходятся.

— А вы?—обратился, наконецъ, Беніовскій къ Мейдеру.— И вы тоже?

— И я, баронъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Но, вѣдь, вы нѣмецъ, а не русскій.

— Нѣтъ, баронъ, я русскій. Россія сама признала меня своимъ сыномъ. Кому же, какъ не матери моей, знать, сынъ я ей или нѣтъ. И я ей вѣрю.

Беніовскій всталъ и прошелся по каютъ-кампаніи. Потоловъ слѣдилъ за нимъ глазами, точно онъ былъ его арестантъ, и если его спустить съ глазъ, то онъ унесетъ «зелену грамоту».

Скоро Беніовскій остановился. Онъ былъ, видимо, взволнованъ, когда началъ говорить, принявъ позу оратора, голосъ его слегка дрожалъ.

— Два года,—произнесъ онъ взволнованно,—насъ съ вами судьба носила по всѣмъ концамъ земного шара. Бурно прошли эти два года. Отъ снѣговъ камчатскихъ, черезъ сѣдыя волны океановъ Индійскаго и Тихаго, черезъ волны безчисленныхъ морей планеты нашей, черезъ тропики и черезъ экваторъ знойный, кто васъ провелъ сюда, вотъ въ эту гавань? Какъ Моисей водилъ народъ избранный въ пустыняхъ аравійскихъ, такъ и я водилъ

васъ по лицу земного шара. Но не привелъ, пророкъ ветхозавѣтный, своихъ людей къ землѣ обѣтованной, то было суждено другимъ исполнить, а я провелъ васъ по пустынямъ моря къ землѣ обѣтованной: та земля свобода! Такъ зачѣмъ пророка своего вы покидаете, чтобъ во Египетъ васъ продали и подъ ярмо неволи вложили ваши шеи!

Немного помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Ну, такъ знайте: весь шаръ земной наполнитъ громкой славой знакомое вамъ имя! Имя то—Морицъ-Анадаръ, баронъ Беніовскій! Но блескъ той славы не падетъ на васъ, какъ отблескъ солнца отъ воды зеркальной; вы не раздѣлите со мной той славы, какъ раздѣляли вы со мной изгнаніе, камчатскій холодъ, африканскій зной и голодъ безконечныхъ переѣздовъ по океанамъ безконечнымъ. Прощайте-жъ! Я васъ не увижу больше; вы же услышите мое имя...

Онъ замолчалъ. По щекамъ Уфтюжанинова катились крупныя слезы.

XXXII. Раковина Ядвиги.

Прошло тринадцать лѣтъ. Мы опять на Мадагаскарѣ.

Кто-бы узналъ въ этомъ, уже не молодомъ мужчинѣ съ сильною просѣдью на вискахъ и въ длинной косматой бородѣ—Уфтюжанинова, который, тринадцать лѣтъ назадъ, въ Портъ-Луи, въ каютъ-кампаніи фрегата «Tonnerre», слушая восторженную рѣчь Беніовскаго, плакалъ отъ умиленія юношескими слезами? А между тѣмъ это былъ онъ, поповичъ изъ Камчатки, большерѣцкаго попа сынъ, на Мадагаскарѣ. Тѣ же живые, какъ бы нѣсколько раскосоватые глаза, тотъ же нѣсколько якутскій, сибирскій широкій носъ, тѣ же выдающіяся скулы, тѣ же длинныя руки съ длинными тонкими, какъ у женщины, пальцами. Только на худомъ, сумрачномъ лицѣ его лежитъ несмываемый загаръ тропическаго солнца.

Уфтюжаниновъ сидитъ на пологомъ береговомъ уступѣ и задумчиво глядитъ на синюю безбрежную равнину разстилающагося передъ нимъ океана. Склоняющееся за островомъ къ закату солнце бросаетъ длинныя тѣни отъ зонтикообразныхъ пальмъ и широколистыхъ банановъ.

На головѣ Уфтюжанинова бѣлый войлочный индійскій шлемъ, съ обмотанною вокругъ него бѣлою чадрою. Бѣлая парусинная

куртка и такія же панталоны, убранныя въ высокіе сапоги. У ногъ его ружье и ягдашъ.

Онъ закрываетъ лицо руками и какъ будто плачетъ.

Нѣтъ, глаза сухи. Руки его какъ-то судорожно сжались на колѣняхъ.

— Ахъ, какая тоска грызетъ меня сегодня!

Онъ говоритъ въ слухъ, точно бредитъ.

— Да, тяжело, ахъ, какъ тяжело бываетъ порой думать, что уже нѣтъ выхода изъ этой жизни изъ этого заколдованнаго края! О, моя родина, мое далекое, пасмурное небо! Не видать ужъ мнѣ тебя никогда, никогда! Вырось я на тундрахъ моей пасмурной, милой Камчатки, подъ суровымъ небомъ, среди бѣлыхъ снѣжныхъ сугробовъ. Какое было мое дѣтство? Тюрьмой, ссылкой, печалью вѣяло вокругъ меня съ колыбели. А мнѣ посулили жаркое небо юга, дивную зелень банановъ, красоту гордыхъ пальмъ. Вотъ онѣ (онъ оглянулся на окружающую его роскошную растительность). А гдѣ мои родные берега? Гдѣ мои тундры? О, какъ далеко ты, моя грустная родина. Я почти ребенкомъ ушелъ за нимъ, столько обаянія было въ его словахъ. И онъ былъ правъ: я видѣлъ то, что не всякому суждено видѣть въ жизни. А все тоска гложетъ меня, въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ доглодала меня, какъ въ пѣснѣ поется, «до сѣдова бѣла волоса». Что же тянетъ меня отъ этой роскоши, отъ этого дивнаго юга, изъ этого эдема земного къ холодному бѣдному сѣверу? Или мать тамъ плачетъ моя, вечерней порой вспоминая о безъ вѣсти пропавшемъ сынѣ? Или бѣдный старикъ отецъ съ тоской и плачемъ поминаетъ меня на эктеніи, когда молится о страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ и, быть можетъ, рыдаетъ горько, когда вынимаетъ изъ просфоры частицу за упокой моей души?

Онъ горько качаетъ головой, прислушиваясь къ жалобному крику чаекъ.

— О чемъ же тосковать? О прошломъ? Да, о прошломъ. А что было мое прошлое? Жалкій поповичъ въ большерѣцкомъ острогѣ, и вся жизнь въ острогѣ, среди тундръ, снѣговъ и ссыльныхъ. А здѣсь я приближенный короля, его любимецъ, царедворецъ... Фу, какая высота! Бѣглый поповичъ—царедворецъ... Да, царедворецъ у такого же бѣглаго царя, какъ и самъ... Поповичъ изъ Камчатки—царедворецъ! Отряды дикихъ гавасовъ подъ моимъ начальствомъ: поповичъ изъ большерѣцкаго острога—

военачальникъ дикихъ ордъ! Король Мадагаскара меня ласкаетъ, лелѣетъ, а я тоскую: тамъ, въ жалкой Камчаткѣ, къ старушкѣ попадьѣ хотѣлось бы приласкаться, у нея на груди выплакать бы горькія слезы царедворца, да стараго попа провѣдать, сказать ему: «батюшка, не вынимай изъ просфоры частицу за упокой души твоего бѣднаго сына; лучше молись, чтобы тоска не грызла могучаго царедворца, не тянуло бы его на далекій сѣверъ».

Вдругъ онъ оглянулся. Ему послышался шорохъ за зеленью ближайшихъ банановъ, и показалось, какъ будто бы кто тамъ плакалъ. Онъ взялъ ружье и поднялся на ноги.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ по-гавасски. Въ тринадцать лѣтъ онъ хорошо изучилъ языкъ гавасовъ.

Отвѣта не послѣдовало, но шорохъ опять повторился.

— Я спрашиваю, кто тамъ?

Опять нѣтъ отвѣта. Онъ двинулся къ зелени, держа ружье на готовѣ, и съ изумленіемъ отступилъ назадъ.

— Это вы, панна Ядвига! — воскликнулъ онъ по-русски. Изъ-за зелени показалась женская головка подъ широкой соломенной шляпой съ голубыми лентами. Почти дѣтское личико казалось заплаканнымъ. Заплаканными глядѣли и большіе сѣрые съ длиннымъ разрѣзомъ, какъ у египтянки, глаза.

— Панна Ядвига, что вы здѣсь дѣлаете? — еще болѣе изумился Уфтюжаниновъ, замѣтивъ заплаканное личико и глаза той, которую онъ назвалъ панною Ядвигою.

Дѣвушка не отвѣчала, только закрыла лицо руками. Плечи ея вздрагивали и сквозь тонкіе, длинные пальцы проступали слезы.

— Панна Ядвига, вы плачете?

Дѣвушка еще пуще расплакалась

— Боже мой! Что съ вами! Невѣста короля — плачетъ! Развѣ вы испугались чего-нибудь?

— Нѣтъ, — едва слышно прошептала плачущая дѣвушка.

— Что же съ вами? О чемъ?

Слезы полились сквозь тонкіе пальцы неудержимымъ потокомъ.

Уфтюжаниновъ растерялся. Онъ не зналъ, что и подумать. Ему стало страшно.

— Да ради Бога! Что же съ вами? Развѣ что случилось во дворцѣ?

— Нѣтъ... ничего, — всхлипывала плачущая.

— Что-же такое? Говорите, ради Господа!

— Вы... вы сами... — и опять слезы.

— Да что-же дорогая панна? Я-то тутъ при чемъ?

— Вы... вы плакали... я видѣла... Мнѣ...

Рыданіе еще сильнѣй! Наконецъ, дѣвушка, какъ это дѣлаютъ расплакавшіяся дѣти, съ плачемъ выкрикнула:

— Мнѣ... мнѣ жаль васъ!

Уфтюжаниновъ былъ пораженъ и не сразу нашелся, что сказать.

— Меня жаль? Почему-же?

— Вы плакали, — продолжала дѣвушка, — я видѣла. Я давно видѣла, что вы тоскуете, но о чемъ, я не знала. Я не смѣла спросить васъ. Но сегодня я нечаянно. Я собирала вонъ тамъ раковины на берегу моря, а вы тутъ сидѣли, закрывали лицо руками, плакали...

— Я не плакалъ, дорогая панна Ядвига.

— Нѣтъ, плакали, я видѣла... Мнѣ жаль васъ стало... Вы тоскуете по вашей Камчаткѣ, я давно это видѣла, только не знала, а теперь знаю...

Она опять заплакала.

— Ради Бога! Перестаньте!—Уфтюжаниновъ бережно отнималъ ея руки отъ лица.

— Я буду просить Морица,—продолжала дѣвушка плакать.

— О чемъ, дорогая панна?

— Отпустить васъ въ Камчатку... Тамъ ваша мама, я слышала... Я буду просить Морица... И у меня нѣтъ мамы, она умерла въ Кіевѣ...

Она продолжала плакать и говорить совершенно по-дѣтски:

— Буду просить Морица, онъ для меня все сдѣлаетъ, онъ меня любитъ...

— Но я не хочу въ Камчатку, я не покину Мадагаскара,— заговорилъ Уфтюжаниновъ.

Дѣвушка отняла руки отъ лица и разомъ просвѣтлѣла.

— Да? Вы не покинете Мадагаскара? — заговорила она быстро. — Не оставите насъ однихъ? Морицъ васъ такъ любитъ. И я... Мнѣ такъ жаль васъ...

— Благодарю васъ, дорогая панна. Вы такъ добры, я не стою вашихъ слезъ.

— Да ужъ онѣ высохли, — наивно сказала дѣвушка, вынимая изъ кармана очень причудливую раковину.—Посмотрите, какая прелесть.

— Да, точно звѣзда. Зачѣмъ вамъ она?

— Я Морицу подарю ее.

Уфтюжаниновъ невольно улыбнулся, съ любовью глядя на прелестную дѣвочку.

— Вы чему улыбаетесь? — спросила она.

— Да вотъ тому, что вы его величеству, королю Мадагаскара, хотите подарить раковину.

— Почему-же? Что тутъ смѣшного?

— Да вѣдь его величество не ребенокъ, чтобъ забавляться раковинами.

— А я развѣ ребенокъ? — надула губки панна Ядвига.

— Конечно ребенокъ.

— Нну-ужъ! Мнѣ шестнадцатый годъ.

— Да, лѣта почтенныя.

Дѣвушка невольно разсмѣялась, сверкнувъ мелкими и бѣлыми, какъ у мышки, зубами.

— Такъ вы не уѣдете въ Камчатку? — спросила она серьезно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я надѣюсь быть шаферомъ на вашей свадьбѣ.

— Ахъ, да, пожалуйста! Я васъ прошу, — весело заговорила будущая королева.

— А когда свадьба? — спросилъ Уфтюжаниновъ.

— На будущей недѣлѣ, когда будетъ готово подвѣнечное платье: Морицъ такъ торопится со свадьбой.

— А вы очень любите вашего жениха? — любуясь наивностью этого ребенка, спросилъ Уфтюжаниновъ.

— Ахъ, очень, очень люблю! Когда онъ говоритъ со мной, я заслушиваюсь его, а когда ласкаетъ, я, кажется, готова умереть отъ счастья.

«Совсѣмъ ребенокъ,—невольно думалось Уфтюжанинову,—а, вѣдь, нашему королю подъ шестьдесятъ. Бѣдная дѣвочка еще ничего не понимаетъ».

Невдалекѣ изъ-за берегового уступа показались два путника. Судя по одеждѣ, это были не туземцы; послѣдніе, впрочемъ, и не показывались вблизи помѣщеній, занимаемыхъ Бе-

ніовскимъ и его приближенными, помѣщеній, отличавшихся отъ туземныхъ мазанковыхъ хижинъ европейской архитектуры; туземцы питали суевѣрный страхъ къ этому мѣсту, будучи увѣрены, что оно заколдовано, и этотъ суевѣрный страхъ европейцы съ умысломъ въ нихъ поддерживали.

— Вонъ кто-то идетъ сюда, — сказалъ Уфтюжаниновъ. — Вамъ пора-бы во дворецъ, а то ваша статсъ-дама побранитъ васъ за то, что вы ходите одна, безъ фрейлинъ.

— Такъ до свиданья, мой шаферъ! — весело сказала дѣвушка и побѣжала домой.

Уфтюжаниновъ грустно проводилъ ее глазами.

— Какое милое прелестное дитя! Плакала обо мнѣ, меня жаль... Чудное дитя! И совсѣмъ почти не полька, въ Кіевѣ воспитывалась.

XXXIII. Роковое извѣстіе.

Въ путникахъ Уфтюжаниновъ узналъ своихъ земляковъ. То были неразлучные Андреяновъ и Потоловъ, которыхъ Беніовскій называлъ двумя Аяксами.

Они оба также очень постарѣли, въ особенности Андреяновъ, хотя Потоловъ оставался все тѣмъ-же идеалистомъ. Онъ продолжалъ вѣрить въ существованіе таинственной «зеленой грамоты», отъ которой должно послѣдовать для него всякое благополучіе. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что всѣ они воротятся «домой, назадъ, въ Россію». Все, что онъ ни видѣлъ, онъ считалъ временнымъ, не стоющимъ особеннаго вниманія. Съ туземцами, благодаря своей покладистости, онъ сошелся скоро и теперь уже бойко болталъ по-гавасски. Онъ даже женился на молоденькой гаваскѣ, и хотя она была черна, какъ голенище, однако, онъ любилъ ее и любилъ повторять старой Аннѣ, женѣ Андреянова, что «хоша у его Акульки рожа овечья, да душа человѣчья». Онъ ее выкрестилъ, съ благословенія католическаго миссіонера, отца Жозефа, научилъ креститься «какъ слѣдъ» и даже преподалъ ей нѣкоторое духовное образованіе: научилъ ее единственной молитвѣ, которою самъ зналъ въ совершенствѣ,—именно: «Отче нашъ, и здѣси, и на небеси». Съ однимъ онъ только не могъ помириться на Мадагаскарѣ. именно съ тѣмъ, что солнце тамъ хо-

дить не такъ, «какъ слѣдъ», да скучалъ еще о русскомъ квасѣ, удивляясь, какъ это гавасы при такой жарищѣ могутъ жить безъ холоднаго квасу. А что родичи его жены да и сама «Акулька», при случаѣ, не прочь поѣсть человѣчинки, такъ онъ и на это смотрѣлъ съ философской точки зрѣнія «таковъ у нихъ законъ».

Оба пріятеля, Андреяновъ и Потоловъ, одѣты были въ парусинныя капральскія блузы, а головы ихъ прикрывались отъ тропическаго солнца тростниковыми бѣлыми шляпами.

Приближаясь къ Уфтюжанинову, они отдали ему честь по-военному.

— Здравствуйте, здравствуйте, земляки, — дружески привѣтствовалъ ихъ послѣдній.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — былъ дружный отвѣтъ.

— Откуда Богъ несетъ?

— Съ ученія, ваше превосходительство! Голыхъ солдатъ воинскимъ артикуламъ обучали, новичковъ.

— Что-жъ, хорошо идетъ дѣло?

— Дѣло ладится, ваше превосходительство. Хоша армія и голенькая у насъ, и босая, а копьемъ метать мастера, и ружей не нужно, — отвѣчалъ Андреяновъ.

— Только, ваше превосходительство, правой ноги отъ лѣвой отличить не умѣютъ, — пояснялъ Потоловъ.

— Ничего, это, вѣдь, новобранцы попривыкнутъ, — замѣтилъ Уфтюжаниновъ.

— Да и старые, ваше превосходительство, ошибаются на маршѣ: нѣтъ-нѣтъ, да и выкинетъ не ту ногу.

— А иной разъ, ваше превосходительство, скомандуешь «налѣво кругомъ», такъ лбами, либо затылками стукаются другъ объ дружку. А на копьяхъ собаку съѣли.

Уфтюжаниновъ перемѣнилъ разговоръ. О томъ, что дикіе туземцы во фронтѣ постоянно путаютъ правое плечо съ лѣвымъ, онъ уже слышалъ сотни и тысячи разъ, да и самъ давно присмотрѣлся къ этому, когда въ первые годы самъ обучалъ гавасовъ строиться въ ряды и маршировать.

— А что твоя Акулина? — съ улыбкой спросилъ онъ Потолова.

— Покорнѣйше благодарствуемъ, ваше превосходительство!—осклабился послѣдній;—Ничего себѣ бабенка.

— А что-жъ ты не похвастаешься передъ ихъ превосходительствомъ семейной радостью? — коварно покосился на него Андреяновъ.

— Какою-же это семейною радостью? — спросилъ Уфтюжаниновъ.

Потоловъ замялся.

— Говори же, братецъ.

— Да что, ваше превосходительство,—смущенно произнесъ Потоловъ, — моя Акулька привела мнѣ такого чернаго дьявоненка, что страхъ.

— Что-жъ! Весь въ родителя, — подтрунивалъ Андреяновъ.

— И отлично! — засмѣялся Уфтюжаниновъ, — Хорошій капралъ будетъ.

Андреяновъ вдругъ сдѣлался серьезенъ. Онъ, видимо, хотѣлъ что-то сообщить «генералу», да не зналъ какъ, и переминался. Уфтюжаниновъ замѣтилъ это.

— Ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ, Андреяновъ? — спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ тотъ.

— Что-же? Говори, коли дѣло.

— Да вотъ эѳіопы наши неладное болтаютъ.

— Что-же именно?

— Да бытта, ваше превосходительство, французъ гадитъ: опамедни, сказываютъ, французскій фрегатъ присталъ въ тому берегу съ десантомъ, и съ тамошнимъ ихнимъ царькомъ, что тады наша сторона ему въ зашей наклала, бытта снюхался, и хотятъ бытта на насъ войной иттить. Такое эѳіопы болтаютъ, ваше превосходительство, а они врать не станутъ.

— Боятся, что побьютъ и поѣдятъ ихъ, и женъ ихнихъ, и дѣтей; давно, сказываютъ, человѣчины не жрали, наголодались, — пояснилъ Потоловъ.

Вѣсти эти были не изъ шуточныхъ. Гавасы всегда были хорошіе лазутчики, и такъ какъ разныя племена ихъ, предводительствуемыя разными царьками, постоянно враждовали между собою, то и слѣдили другъ за другомъ очень усердно. Вѣсти были правдоподобны, тѣмъ болѣе, что, когда Беніовскій съ помощью французской эскадры завоевалъ часть Мадагаскара, оттѣснивъ

короля Радаму съ нѣсколькими преданными ему племенами гавасовъ на другую сторону острова, и когда впослѣдствіи ловкій конфедератъ, прослывъ между покоренными имъ дикарями за сверхестественное существо, которое изгоняло изъ больныхъ злого духа (Беніовскій удачно лечилъ гавасовъ отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней, обусловливаемыхъ климатомъ и самою жизнью дикарей), — провозгласилъ себя верховнымъ судьей и королемъ Мадагаскара, генералъ Пуавръ, губернаторъ Иль-де-Франса, завидуя славѣ Беніовскаго, возбудилъ противъ него французскаго короля Людовика XVI, какъ противъ измѣнника, отложившагося отъ Франціи и самовольно возложившаго на себя корону Мадагаскара.

— А какъ великъ десантъ, не слыхали? — спросилъ Уфтюжаниновъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Не слышно, ваше превосходительство, а постараемся развѣдать черезъ нашихъ лазутчиковъ,—отвѣчалъ Андреяновъ.

— Да сказываютъ, — добавилъ Потоловъ, — бытта ихнему королю Радамѣ штаны привезли, красныя, а онъ ихъ надѣть не умѣетъ, все безъ портокъ и доселева ходитъ только и слава одежи — фартучишко махонькій; а што мы ему въ тѣ поры подарили одежи, всю износилъ.

Но Уфтюжаниновъ его не слушалъ. Онъ обратился къ Андреянову.

— Сегодня-же въ ночь разослать вездѣ лазутчиковъ, да самыхъ опытныхъ и осторожныхъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Да чтобъ развѣдали, какъ великъ десантъ, есть-ли на фрегатѣ легкія полевыя орудія и не присланы-ли для войска Радамы ружья и боевые припасы, — приказывалъ Уфтюжаниновъ.

Андреяновъ отвѣчалъ, что все будетъ исполнено въ точности.

Отдавъ приказанія, Уфтюжаниновъ поспѣшилъ во дворецъ.

XXXIV. Орденъ Азіатскаго креста.

Зданіе, которое называлось дворцомъ мадагаскарскаго короля Морица 1-го, состояло изъ каменныхъ и частью глинобитныхъ невысокихъ построекъ, въ одинъ этажъ, съ узкми окнами, задрапированными отъ солнца тростниковыми циновками.

Крыши построекъ были плоскія, какъ вообще на Востокѣ и въ жаркихъ странахъ. На иныхъ постройкахъ крыши были въ видѣ удлиненныхъ куполовъ, напоминавшихъ огромные муравейники или жилища феллаховъ, зулусовъ и гавасовъ. Стройныя пальмы, сикоморы, тамаринды и бананы, а также гигантскіе арумы осѣняли эти очень скромныя для королевскаго дворца зданія и придавали имъ живописный видъ.

Дворецъ былъ обнесенъ каменною оградою, на которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ чернѣли дула пушекъ. У воротъ, ведущихъ въ ограду, стояли часовые изъ туземцевъ, съ ружьями, и тутъ-же на землѣ сидѣло нѣсколько гавасовъ съ копьями. Это былъ дворцовый караулъ.

Король находился въ своихъ покояхъ. Войдемъ туда.

Довольно просторная комната съ бѣлыми стѣнами, на которыхъ развѣшано было оружіе, устланная циновками и освѣщенная длинными прорѣзами въ стѣнахъ и въ потолкѣ, составляла кабинетъ короля. Меблированъ кабинетъ былъ по-европейски и довольно роскошно для страны людоѣдовъ: письменный столъ, канделябры, бронза на столѣ, нѣсколько креселъ, качалка, два оттомана — все это какъ-то не гармонировало съ видомъ голыхъ, босоногихъ часовыхъ, оберегавшихъ королевскій дворецъ.

У письменнаго стола сидитъ Беніовскій — король Мадагаскара. Кто бы узналъ Беніовскаго въ этомъ сѣдомъ, какъ лунь, старикѣ! Но это онъ: та же гордая, спокойная посадка бѣлой, какъ серебро, головы; тотъ же ясный, стальной взглядъ почти не мигающихъ глазъ, тотъ же свѣжій голосъ, совсѣмъ молодой, когда онъ говоритъ. Только длинная бѣлая борода да бронзовый загаръ лица почти безъ морщинъ обличаютъ и долгіе, долгіе годы, пролетѣвшіе надъ этой гордой, красивой головой, и долгую жизнь подъ тропическимъ солнцемъ, превратившимъ въ бронзу бѣлый цвѣтъ его не старѣющаго лица.

Беніовскій сидитъ въ полъ-оборота и съ улыбкой смотритъ на стоящую передъ нимъ въ смущеніи панну Ядвигу. На столѣ лежитъ знакомая уже намъ раковина.

— Очень, очень оригинальная раковина, — говоритъ онъ, продолжая улыбаться.

— Такъ она нравится вашему величеству? — съ нескрываемой радостью спрашиваетъ дѣвушка.

— Очень нравится, милая Ядвися, — отвѣчаетъ Беніовскій.

— А Уфтюжаниновъ смѣялся, — съ смущеніемъ замѣтила Ядвися.

— Надъ чѣмъ, дорогая папа?

— Когда я показала ему раковину и сказала, что подарю ее вашему величеству, онъ засмѣялся и сказалъ: «неужели его величество такой ребенокъ, что его могутъ забавлять раковины?»

— Ахъ, нѣтъ, милая Ядвися, — продолжалъ улыбаться Беніовскій, любуясь смущеніемъ дѣвушки,—Уфтюжаниновъ очень ошибается: эта раковина мнѣ чрезвычайно нравится, и я благодарю тебя за этотъ милый подарокъ, — и Беніовскій поцѣловалъ у смущенной дѣвушки руку.

— Я такъ рада, ваше величество... Я пойду скажу...

Она не договорила, и, вся раскраснѣвшаяся, выбѣжала изъ кабинета.

— Какой очаровательный ребенокъ! — сказалъ Беніовскій, смотря ей вслѣдъ и обратясь къ сидѣвшему на оттоманѣ пожилому мужчинѣ съ длинными сѣдыми усами.

— А я могу прибавить, ваше величество, что у моей Ядвиги прекрасное сердце, — сказалъ господинъ съ сѣдыми усами, почтительно кланяясь Беніовскому.

Это былъ отецъ панны Ядвиги, панъ Стемпковскій. Сильно скомпрометированный передъ русскимъ правительствомъ послѣ присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи, гдѣ у него находилось имѣніе, которое у него и было конфисковано, онъ дискредитировалъ себя чѣмъ-то (о чемъ онъ умалчивалъ) и при дворѣ короля Станислава-Августа. Стемпковскій, уже вдовецъ, съ единственною дочерью, панною Ядвигою, эмигрировалъ во Францію. Тамъ онъ узналъ о подвигахъ Беніовскаго на Мадагаскарѣ и рѣшился ѣхать на службу къ мадагаскарскому королю, съ которымъ онъ познакомился когда-то еще въ рядахъ конфедератовъ. Хорошенькая пятнадцатилѣтняя Ядвига понравилась Беніовскому, и теперь панъ Стемпковскій надѣялся породниться на дняхъ съ его величествомъ, королемъ Морицемъ I. Ядвига уже оффиціально объявлена была невѣстою короля.

Въ кабинетѣ находился еще одинъ господинъ, сидѣвшій въ креслѣ по другую сторону стола. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ небольшою черною бородкою, въ золотыхъ очкахъ, загорѣлый не менѣе Беніовскаго. Англичанинъ родомъ и путеше-

ственникъ по призванію, онъ нѣсколько лѣтъ пробылъ въ Америкѣ, путешествовалъ по Россіи, присутствовалъ въ Москвѣ при казни Пугачева, неоднократно бывалъ въ Петербургѣ, затѣмъ путешествовалъ по Египту, былъ на мысѣ Доброй Надежды и, по пути въ Индію и на Цейлонъ, высадился на Мадагаскарѣ, когда англійскій корабль, на которомъ онъ плылъ въ Индію, приставалъ къ этому острову,чтобы занастись водой и топливомъ. Кромѣ англійскаго языка, онъ зналъ нѣсколько другихъ европейскихъ и порядочно говорилъ по-русски.

— Извините, мистеръ Кентъ, — обратился къ нему Беніовскій, когда хорошенькая Ядвига вышла изъ кабинета,—такъ вы говорите, что она кончила трагически?

— Да, сэръ, такъ мнѣ передавали въ Петербургѣ, — отвѣчалъ тотъ, котораго называли мистеромъ Кентомъ.

— Когда же это было?—спросилъ Беніовскій съ участіемъ.

— Да помнится, въ 75-мъ году, ровно десять лѣтъ назадъ... Именно въ 1775 году; я теперь вспомнилъ: въ годъ казни Пугачева, — отвѣчалъ мистеръ Кентъ.

— Какимъ же образомъ она погибла?

— Говорятъ, что во время наводненія, когда сильно поднялась въ Невѣ вода, она утонула въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ Петропавловской крѣпости.

— Какъ?! Въ крѣпости!—невольно воскликнулъ Беніовскій. — Но какъ она туда попала?

— Ее взяли обманомъ и выдали русскому правительству,— спокойно отвѣчалъ Кентъ.

— Бѣдная! Какое предательство! Кто же взялъ ее?

— Это дѣло графа Алексѣя Орлова.

Беніовскій быстро всталъ и торопливыми шагами началъ ходить по кабинету.

— Но этого не было, кажется, въ газетахъ, — какъ бы про себя разсуждалъ онъ. — Бѣдная! Бѣдная! А что за красавица была! Я имѣлъ счастіе знать ее лично. Это была обаятельная личность! А у злодѣя достало духу обмануть и погубить ее! Какъ же это могло случиться? — спросилъ онъ мистера Кента, остановившись посреди кабинета. — Вѣдь, у нея были такіе могущественные союзники, французскіе короли Людовикъ XV и Людовикъ XVI, наконецъ, князь Радзивиллъ.

— Но я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству, что ее взяли обманомъ,—невозмутимо замѣтилъ мистеръ Кентъ.

— Гдѣ же ее взяли?—спросилъ Беніовскій.

— Въ Ливорно, въ Италіи. Тамъ стоялъ тогда русскій флотъ, которымъ командовалъ графъ Алексѣй Орловъ, совершенно незаслуженно получившій титулъ Чесменскаго,—какъ бы въ скобкахъ пояснилъ мистеръ Кентъ;—турецкій флотъ при Чесмѣ сожженъ былъ не графомъ Орловымъ, а нашими англійскими брандерами. Когда русскій флотъ крейсировалъ въ Адріатическомъ и Средиземномъ моряхъ, юная претендентка освѣдомилась, будто-бы графы Орловы впали въ немилость при русскомъ дворѣ, и потому она довѣрчиво обратилась къ Алексѣю Орлову за совѣтомъ, прося его опубликовать ея манифестъ во флотѣ. Орловъ показалъ видъ, что вѣритъ законности ея притязаній, если не на всю Россію, то на южную ея половину, вмѣстѣ съ Кавказомъ. Онъ притворился ея союзникомъ, потомъ безумно въ нее влюбленнымъ. Она повѣрила его страсти, особенно когда онъ предложилъ ей руку и сердце.

— Фу! Какая низость! — не вытерпѣлъ Беніовскій. — Ну, и что-же?

— Бѣдная жертва повѣрила ему и отдалась...

— Но какъ-же онъ могъ ее похитить? — спросилъ Беніовскій.

— Онъ заманилъ ее на одинъ изъ кораблей своего флота подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Ливорно нѣтъ русской церкви, а на кораблѣ есть. Она и повѣрила.

— И тамъ ее арестовали?

— Да. Но мало того: одинъ грекъ, полковникъ де-Рибасъ, находившійся при русскомъ флотѣ, нарядившись въ священническія ризы, продѣлалъ на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ» обрядъ бракосочетанія Орлова съ довѣрчивой претенденткой.

— Это возмутительно! — воскликнулъ Беніовскій, прослушавъ эту печальную исторію. — И что-же дальше?

— Дальше — извѣстный конецъ въ подобныхъ случаяхъ,— сказалъ Кентъ, глядя на потолокъ,—ее привезли моремъ, тайно, въ Петербургъ, засадили въ Алексѣевскій равелинъ, а тамъ она и утонула *).

---

*) Теперь документально извѣстно, что она умерла въ крѣпости отъ чахотки.

Беніовскій молча открылъ письменный столъ и выпулъ оттуда небольшой футляръ. Открывъ его, онъ бережно вытащилъ оттуда красивый орденъ на зеленой лентѣ.

— Вотъ ея орденъ Азіатскаго креста, — сказалъ онъ, цѣлуя красивую игрушку, — она лично возложила на меня этотъ орденъ.

Мистеръ Кентъ и панъ Стемпковскій подошли и стали съ любопытствомъ разсматривать геральдическую рѣдкость.

— Very good, Very good! — бормоталъ мистеръ Кентъ.

Въ кабинетъ вошелъ Уфтюжаниновъ.

XXXV. Король Лиръ и шутъ.

При входѣ Уфтюжанинова, лицо котораго выдавало озабоченность, панъ Стемпковскій и мистеръ Кентъ встали и откланялись.

Беніовскій и Уфтюжаниновъ остались вдвоемъ.

— По лицу твоему вижу, что ты съ серьезными вѣстями,— сказалъ первый.

— Вы угадали, ваше величество: вѣсти дѣйствительно серьезныя, — отвѣчалъ Уфтюжаниновъ.

— Что-же такое? Что случилось?

— Сейчасъ, ваше величество, мнѣ донесено, что къ королю Радамѣ прислано вспомоществованіе.

— Отъ кого? — спросилъ озабоченно Беніовскій.

— Ваше величество, вѣроятно, сами изволите догадаться. Я полагаю...

— Понимаю! Отъ кого ты узналъ?

— Мнѣ донесъ Андреяновъ, а онъ узналъ отъ туземцевъ, отъ солдатъ вашего величества: ихъ лазутчики уже провѣдали объ этомъ.

— А въ чемъ состоитъ вспомоществованіе?

— Пока мнѣ извѣстно, ваше величество, только то, что прибылъ фрегатъ съ десантомъ, а какъ велики силы десанта, его вооруженіе и другія подробности, мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ, я уже распорядился разослать вездѣ опытнѣйшихъ лазутчиковъ и на утро надѣюсь доложить обо всемъ обстоятельнѣе.

— Благодарю; я полагаюсь на твою преданность и распорядительность.

Уфтюжаниновъ поклонился. Глаза его невольно упали на лежавшую на столѣ причудливую раковину. Ему разомъ вспомнилась недавняя сцена у берега океана, слезы Ядвиги, ея невинная болтовня, которая заронила въ сердце поповича-генерала какія-то, доселѣ имъ неиспытанныя, сладостныя и тревожныя ощущенія. Вѣдь, онъ въ своей жизни еще не видалъ женщинъ. Въ Камчаткѣ онъ былъ еще почти ребенокъ. Вся послѣдующая затѣмъ жизнь его протекла въ скитаніяхъ по океанамъ, то на одномъ дикомъ островѣ. Здѣсь онъ не видалъ тоже женщинъ. Дикія обитательницы Мадагаскара настолько-же казались ему женщинами, насколько женщиной могла быть горилла. А этотъ прекрасный ребенокъ-дѣвочка, которую онъ иногда видѣлъ, казалась ему существомъ идеальнымъ, неземнымъ, не отъ міра сего. И вдругъ она замѣтила его, думала о немъ, жалѣла, плакала такъ горько, по-дѣтски искренно, и даже сказала, что...

Мечты его были прерваны голосомъ Беніовскаго.

— Опять война! — говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою.— Опять боевая тревога. А я думалъ было, что нашелъ, наконецъ, свое счастье, котораго не зналъ всю жизнь.

Онъ глянулъ на раковину. И Уфтюжаниновъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Поздно, очень поздно улыбнулось мнѣ мое личное счастье «до сѣдова волоса» оно не являлось мнѣ—и вдругъ...

И въ сердцѣ Уфтюжанинова шевелилась та же мысль—«до сѣдова волоса», и онъ невольно продолжалъ глядѣть на раковину, которая была свидѣтельницей ея слезъ объ немъ, ея...

— Да, — продолжалъ разговаривать самъ съ собою Беніовскій (къ этому пріучаетъ одиночество), —мой злѣйшій врагъ опять нарушаетъ мое спокойствіе, хочетъ отнять то, что я только-что нашелъ, мое личное счастье.

«Его счастіе! — думалось въ это время Уфтюжанинову; — а мое?»

Раковина, казалось, говорила ему: «нѣтъ, твое, твое».

— Онъ не желалъ моей дружбы, моего союза, — говорилъ Беніовскій, какъ будто-бы около него никого не было, — онъ все добро, которое я сдѣлалъ моему народу, хотѣлъ бы приписать себѣ. Ему мозолитъ глаза и сердце моя шапка — шапка, за которую иногда льются потоки крови.. Вотъ она, моя шапка!

Онъ указалъ рукою на столъ. Тамъ, подъ стекляннымъ кол-

пакомъ, блестѣла золотая корона, которая сдѣлана была для него въ Лондонѣ, въ послѣднюю его поѣздку въ Англію, когда онъ, видя коварство противъ себя генерала Пуавра, искалъ для Мадагаскара протектората геніальнаго Франклина.

Уфтюжаниновъ тоже глянулъ на корону, а потомъ на раковину, и въ душѣ его зашевелилась безумная мысль: онъ бы эту раковину, именно эту, предпочелъ коронѣ!

И онъ почти не слушалъ, что говорилъ Беніовскій.

— Пускай, — говорилъ онъ, — тотъ камень, что въ меня онъ хочетъ бросить, полетитъ обратно и угодитъ въ его-же завистливое сердце. Помнишь, — обратился онъ къ Уфтюжанинову, — когда французскій король послалъ меня сюда во главѣ сильной эскадры, онъ, Пуавръ, тогда-же началъ строить противъ меня ковы. Ему хотѣлось быть здѣсь самовластнымъ, а я сталъ ему поперекъ дороги: не ему, а мнѣ король приказалъ сдѣлать Мадагаскаръ французскою колоніей. И я сдѣлалъ это! Ты свидѣтель, что, когда я побѣдилъ и оттѣснилъ отсюда дикаго и кровожаднаго деспота, короля Радаму, и весь отдался заботамъ о благосостояніи туземцевъ, лѣчилъ больныхъ, кормилъ голодныхъ, улаживалъ ихъ племенныя распри, мирилъ враждующія семьи, они полюбили меня, увѣровали чуть-ли не въ мою божественность и охотно признали надъ собою мою власть. Мои миссіонеры учили ихъ истинамъ христіанской религіи... И вотъ начало неутолимой зависти Пуавра и охлажденія ко мнѣ моихъ покровителей, французовъ!

Уфтюжаниновъ не слышалъ его. Онъ давно все это зналъ. Его рука невольно потянулась къ столу, и онъ какъ бы машинально взялъ раковину. Она была для него теперь такъ дорога, какъ ничто въ мірѣ: она ее держала въ своихъ рукахъ, она—то дивное видѣніе — и плакала, объ немъ плакала! Раковина казалась ему теперь чѣмъ-то живымъ, частицею ея души. Онъ вспомнилъ, что читалъ гдѣ-то, что такъ дороги, какъ ему эта раковина, для влюбленнаго письма его милой, ея почеркъ, слѣдъ ея ноги.

— Ты, кажется, самъ готовъ играть этой раковиной, а еще смѣялся надъ невинною дѣвочкой? — вдругъ услышалъ онъ голосъ Беніовскаго.

Уфтюжаниновъ вздрогнулъ и почувствовалъ, что блѣднѣетъ.

«Значитъ, она все сказала ему», какъ молнія, поразила его мысль.

— Нѣтъ, ваше величество, я вдумываюсь въ ваши слова и въ положеніе дѣлъ,—пробормоталъ онъ, какъ пойманный школьникъ, кладя на столъ предательскую раковину.

Но Беніовскій ничего не замѣтилъ.

— Да, положеніе дѣлъ такое, что слѣдуетъ въ него вдуматься, — сказалъ Беніовскій, медленно отчеканивая слова.— Ты знаешь мою жизнь; она для тебя не тайна. Настойчиво, неуклонно шелъ я къ завѣтнымъ цѣлямъ; люди меня не могли понять... Пускай. Я ихъ не виню. Наконецъ, цѣли моей жизни осуществились, и сознаніе этого служитъ для меня глубокимъ утѣшеніемъ; хотя жизнь моя пройдена...

Глаза его нечаянно упали на раковину.

— Нѣтъ! Не пройдена еще! — вдругъ рѣзко перебилъ онъ самъ себя,—хотя мнѣ есть на что оглянуться. Я не говорю о далекомъ прошломъ, о Камчаткѣ, о моей далекой отчизнѣ. Теперь моя отчизна здѣсь — и отчизна, и колыбель моего рода — будущихъ владыкъ Мадагаскара. Я основалъ династію царства Морицидовъ. Меня вспомнятъ потомки. Я много сдѣлалъ для моего народа. Кто провелъ оросительные каналы на этомъ дикомъ островѣ? Кто устроилъ пути сообщенія, водворилъ порядокъ, законность? Я—Морицъ-Іосифъ-Анадаръ баронъ Беніовскій, первый король Мадагаскара моей династіи. Такъ вотъ что гложетъ всѣмъ завистливыя сердца: я, Беніовскій, жалкій плѣнникъ москалей, а потомъ бѣглый колодникъ, я владѣю царствомъ Мадагаскарскимъ! Бѣглый король! Вотъ что думаютъ они. Они не подозрѣвали, что на головѣ арестанта, хоть уже сѣдой, блеснетъ королевская корона. Такъ знайте же: вотъ она!

Беніовскій судорожно взялъ со стола корону и надѣлъ себѣ на голову.

— Вотъ она! Смотрите!

Уфтюжанинову казалось, что онъ видитъ передъ собой сумасшедшаго, и ему стало страшно.

— Вамъ не сорвать ее съ моей головы, развѣ съ головою вмѣстѣ!

«Король Лиръ! Король Лиръ!—со страхомъ думалось Уфтюжанинову: такимъ онъ видѣлъ на сценѣ въ Лондонѣ короля Лира, эти сѣдые волосы, горящіе глаза...

— А я—шутъ его... Да мы оба шуты... Арестантъ и поповичъ изъ Камчатки, владыки Мадагаскара!»

— Немедленно отдать приказы по командамъ, — повелительно сказалъ король-арестантъ, не снимая короны съ головы,—чтобъ все было готово къ утру! Иди, распорядись!

— Слушаю, ваше величество,—покорно сказалъ Уфтюжаниновъ и вышелъ, бросивъ прощальный взглядъ на магическую для него раковину.

XXXVI. Страшная ночь.

Беніовскій остался одинъ. Наступила быстро тропическая ночь. Въ распахнутую драпировку дверей лилось ароматическое дыханіе этой дивной ночи. Изъ-за драпировки неясно вырисовывался темный профиль часового, поставленнаго тамъ Уфтюжаниновымъ, который почему-то опасался за своего короля.

Въ широкую прорѣзь потолка глядѣло созвѣздіе Южнаго Креста. Беніовскій увидѣлъ его и вспомнилъ ту ночь, когда они, пятнадцать лѣтъ назадъ, бѣдные бѣглецы, подплывали на своемъ камчатскомъ галіотѣ къ острову Формозѣ, гдѣ погибъ Пановъ. Онъ вспомнилъ все: какъ живое встало передъ нимъ блѣдное личико Аѳанасіи...

Тихо, неслышными шагами вошелъ слуга туземецъ, зажегъ канделябры на письменномъ столѣ и такъ же тихо, не поворачиваясь къ королю спиной, скрылся за внутренней драпировкой.

— Фанни, бѣдное дитя! Какъ далеко отъ своей холодной родины успокоилась ты вѣчнымъ сномъ, вся въ цвѣтахъ, и сама, какъ чистая лилія.

Онъ помолчалъ, забывъ про корону, которая при свѣтѣ огней придавала ему видъ чего то фантастическаго и продолжалъ тихо ходить по кабинету.

— Неужели я начинаю стариться, дряхлѣть? Ужели и мозгъ мой, и тѣло, что такъ неустанно вели меня къ завѣтнымъ цѣлямъ и никогда устали не знали, теперь начинаютъ утомляться?

Въ глаза ему бросилась знакомая раковина. Онъ выпрямился во весь ростъ.

— Нѣтъ! Я не старѣюсь, нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ же такъ часто воскресаютъ теперь передо мною эти тѣни прошлаго, картины, сцены, лица, въ калейдоскопѣ которыхъ слагалась вся жизнь

моя? Ужели-же это старость? Ужели это я начинаю прошлымъ жить, глядѣть въ обломки разбитаго зеркала? Вонъ далекая родина моя, горы, темные лѣса, и звонкіе ручьи Карпатъ. А тамъ снѣга Сибири и тундры Камчатки холодной, и милый образъ Фанни, и мертвое лицо Панова въ виду роскошныхъ береговъ Формозы. А впереди что? Какъ туда заглянуть? Какъ проникнуть за эту дымку будущаго? Тамъ нѣтъ даже осколковъ разбитаго зеркала. Тамъ, за этой дымкой виднѣется, быть можетъ, холмъ взрытой земли, а за этимъ холмомъ чернѣется та удлиненная яма, откуда вынули тотъ зеленый холмъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Лучше эта раковина!

Онъ беретъ раковину и задумывается, онъ уже не видитъ ее, онъ снова въ прошломъ.

— Да, точно Лотова жена, обращаюсь назадъ, оглядываюсь на пожираемый огнемъ Содомъ... О, мой Содомъ, о молодость моя! Въ цѣльномъ зеркалѣ я вижу родину мою, я вижу горы милыя, вижу голубое небо сѣвера, землю, по которой я бѣгалъ маленькими ногами, ходить учился. Вотъ хмурыя Карпаты глядятъ мнѣ въ дѣтское лицо, а дальше Польша, знамена, пушки, огни Коломыи, а тамъ лѣса, огни костровъ, Пулавскіе, Огинскій... Я слышу рокотъ барабановъ, грохотъ пушекъ, стоны раненыхъ... А вотъ звуки русской пѣсни, какъ щемитъ отъ этихъ звуковъ мое сердце!

Прислушивается. Слышится только равномѣрный прибой океана.

— Гдѣ я? Это Кіевъ, я въ плѣну... Далекій, пасмурный Петербургъ съ сѣрымъ сводомъ неба и мрачные казематы... А это что? Подъ бѣлымъ саваномъ Сибири — великая могила мощныхъ духомъ и несчастныхъ — и тотъ саванъ стелется далеко, далеко, до самой Камчатки... И вотъ я тамъ въ узкой темной могилѣ, гдѣ и мертвому лежать тѣсно. Тамъ все тоскуетъ, все по жизни плачетъ, тоскуетъ небо свинцовое, и лѣсъ такой же чахлый, какъ трава и люди, негрѣющее, какъ льдины, солнце, и такое-же холодное и злое-злое, какъ тѣ люди-тюремщики, и какъ цѣпи, холодное,—все тамъ тоскуетъ, все тамъ въ цѣпяхъ, все въ вѣчной ссылкѣ... О, да! Отъ этой страны ужасной лицо Создателя и Бога отвернулось... Что со мной?!

Въ ужасѣ хватаетъ себя за голову.

— Это что!.. А!.. Корона—вѣнецъ мученика... Я опять въ

Камчаткѣ: я это вижу, чувствую, сознаю, и говорю тѣ же злыя рѣчи, что тогда, давно когда-то говорилъ.

Опять прислушивается къ равномѣрному, но могучему рокоту океана.

— Я слышу шопотъ чей-то, чувствую, какъ волосы на головѣ становятся живыми, и каждый волосъ что-то шепчетъ... Нѣтъ, я голосъ слышу, и зоветъ меня этотъ голосъ...

Въ ужасѣ останавливается.

— Да, это она зоветъ, она, а! «Морицъ! Морицъ! Иди ко мнѣ!» Это голосъ Фанни...

Прислушивается, вытянувъ шею. Изъ-за драпировки сверкаютъ глаза часового, какъ глаза кошки во муракѣ.

— Это Фанни, она плачетъ: «зачѣмъ отца убилъ? Зачѣмъ меня засыпалъ цвѣтами и землею?.. А я такъ любила тебя»...

Хлопаетъ въ ладоши.

— Эй! Кто тамъ? Гдѣ часовые?

Сверкая сталью ружейнаго ствола, изъ-за дверной драпировки выступаетъ часовой.

— Ваше величество!

— А! Это ты! Спасибо! — машетъ рукой:—Иди, не надо!

Онъ страшенъ въ своемъ странномъ головномъ уборѣ ночью, одинъ, съ безумнымъ взглядомъ. Но появленіе часового заставило его нѣсколько опомниться. Часовой уходитъ.

— Что это со мной? У меня жаръ, я начинаю, кажется, бредить? На меня нападаетъ ужасъ? Да! Стыдно, стыдно, Беніовскій! Гдѣ твоя отвага, когда ты поднялъ на ноги Большерѣцкъ, Камчатку и, какъ безконечною нитью громаднаго клубка, ты рейсами своего гальота обмоталъ весь шаръ земной, океанъ изборроздилъ и не боялся привидѣній.

Садится къ столу и опять задумывается. Затѣмъ опять говоритъ какъ въ бреду:

— Вотъ Батуринъ киваетъ мнѣ сѣдою головой, укоряетъ меня... А развѣ лучше было съ паукомъ бесѣдовать въ казематѣ? Что на сѣверъ меня опять зовешь жалкій мертвецъ? Нилова хочешь показать мнѣ? Не я убилъ его, не я! А вотъ и Ниловъ, и Пановъ.

Вскакиваетъ и громко кричитъ:

— Зачѣмъ вы пришли меня тревожить? Кто изъ гробовъ васъ вызвалъ, чтобъ вы пришли тревожить мой королевскій по-

кой? Я—король! Ниловъ, vade retro! Батуринъ! Пановъ! Прочь въ свои могилы! Я часового позову! Эй, часовой!

Хлопаетъ въ ладоши. Опять появляется часовой.

— Ваше величество!

— А! Это ты? Я звалъ тебя?

— Звали, ваше величество.

Изъ-за внутренней драпировки показываются Ядвига и панъ Стемпковскій. Увидѣвъ Беніовскаго въ коронѣ, они останавливаются въ изумленіи. Онъ ихъ не видитъ.

— Ваше величество! Что съ вами? Вы больны?—испуганно говоритъ панъ Стемпковскій.

Ядвига бросается къ нему:

— Ваше величество! Морицъ, милый!

— А! Ядвига дорогая! Я испугалъ тебя? Милое дитя!

Ядвига бросается къ нему на шею.

— Ты весь въ огнѣ, мой Морицъ! Папа! Онъ боленъ—король занемогъ.

Панъ Стемпковскій бережно уводитъ его во внутренніе покои. Ядвига плачетъ, идя вслѣдъ за ними.

XXXVII. Развязка.

Прошло нѣсколько дней.

Огненный шаръ солнца медленно выплываетъ изъ пурпурной глади океана и золотитъ зонтикообразныя верхушки пальмъ и гигантскія лопасти арумовъ, осѣняющія скромный дворецъ мадагаскарскаго короля.

На плоской кровлѣ этого дворца виднѣются три человѣческія фигуры.

— Ахъ, папа, какъ страшно! Езусъ-Марія! — слышится робкій шопотъ.

— Не бойся мой, апюлэкъ! Ты знаешь, наши силы превосходятъ силы враговъ нашихъ.

— А все, татуню, страшно, я вся дрожу.

Это говоритъ панна Ядвига съ отцомъ. Третья около нихъ фигура — молчаливый мистеръ Кентъ. Онъ смотритъ въ небольшую зрительную трубу, но не видитъ того, что желалъ-бы видѣть.

Но они всѣ трое слышатъ, что дѣлается тамъ, куда направ-

лена зрительная труба Кента. Это слышатъ и часовые изъ туземцевъ, стоящіе у входа во дворецъ и тревожно прислушивающіеся къ тому, что такъ пугаетъ юную панну Ядвигу.

Изъ-за рощи пальмъ и банановъ доносится гулъ и лопотанье ружейной перестрѣлки. Гулъ то приближается, то удаляется и па время какъ-бы умолкаетъ.

Отъ того мѣста, гдѣ слышится ружейная перестрѣлка, быстро скачетъ всадникъ по направленію ко дворцу. Онъ ближе и ближе все. Во всадникѣ узнаютъ стараго капрала Потолова. У воротъ дворца онъ осаживаетъ своего взмыленнаго коня.

— Ура! — кричитъ онъ,—наша взяла!

Часовые радостно хлопаютъ въ ладоши и тоже что-то кричатъ.

Потоловъ замѣчаетъ тѣхъ, что на кровлѣ дворца, и вытягивается на сѣдлѣ, дѣлая рукой честь.

— Его величество король прислалъ меня къ вамъ, барышня, сказать, чтобъ вы не изволили бояться!—кричитъ онъ хриплымъ голосомъ.—Наша взяла!

Дѣвушка съ радостными слезами бросается на колѣни и поднимаетъ руку къ небу.

— Разбитъ непріятель?—съ дрожью въ голосѣ спрашиваетъ панъ Стемпковскій.

— На-голову разбитъ, ваше благородіе, — отвѣчаетъ Потоловъ.

— О, нѣхъ бэндзэ Христусъ-Езусъ похвальоны!—радостно восклицаетъ отецъ Ядвиги.

Потоловъ поворачиваетъ коня и скачетъ обратно.

Съ мѣста битвы изрѣдка доносятся отдѣльные, разрозненные выстрѣлы. Они все рѣже и рѣже.

— О! Скорѣй-бы пріѣзжалъ Морицъ!—слышится нетерпѣливый, радостный голосъ Ядвиги.

— Потерпи, мой аніолэкъ, — успокаиваетъ ее отецъ, — король скоро пріѣдетъ, нельзя-же моя крошка: вѣдь, они, вѣроятно, преслѣдуютъ врага.

— Зачѣмъ-же, татуня, когда тѣ бѣжали?

— А какъ-же, моя пташка: надо кончить. Теперь, мой аніолэкъ, — перебилъ себя Стемпковскій, — теперь уже ничто не

помѣшаетъ королю вести тебя къ вѣнцу... Ахъ, ты, моя маленькая королева! Ваше величество! Королева Ядвига первая!

— Нѣтъ, папа, я уже буду королева Ядвига Вторая: первая была за Ягелломъ, а я буду за Морицемъ, я вторая.

— Правда, правда, мой аніолэкъ.

Молчаливый мистеръ Кентъ продолжаетъ смотрѣть въ свою зрительную трубу. Онъ что-то замѣчаетъ въ отдаленіи.

— Кого-то несутъ на носилкахъ, — говоритъ онъ, какъ бы про себя.

— Ахъ, Боже мой! Должно-быть, раненаго... Бѣдный! Кто онъ? — испуганно говоритъ панна Ядвига. — Вы не видите, мистеръ Кентъ?

— Нѣтъ, миссъ, не вижу.

— Ужъ не пана-ли Илью, генерала? — загадываетъ вслухъ панъ Стемпковскій. — Онъ такой храбрый.

— Это панъ Уфтюжанъ, папа? — дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ дѣвушка.

— Не знаю, мой аніолэкъ, но простого воина не понесутъ ко дворцу.

Дѣвушка стремительно спускается по внутренней лѣстницѣ внизъ, къ выходу изъ дворца. За нею слѣдуютъ панъ Стемпковскій и мистеръ Кентъ. Они выходятъ изъ воротъ и спѣшатъ догнать бѣгущую молодую дѣвушку.

Движущаяся навстрѣчу имъ процессія все ближе и ближе. Ядвига уже тамъ.

Воздухъ огласился вдругъ болѣзненнымъ, нечеловѣческимъ крикомъ дѣвушки. Видно было, какъ она, всплеснувъ руками, у самыхъ носилокъ грохнулась оземь.

Ночь. Въ знакомомъ намъ уже кабинетѣ, на письменномъ столѣ Беніовскаго, выдвинутомъ на середину комнаты и покрытомъ бѣлою простынею, лежитъ покойникъ. Смуглое лицо его, окаймленное прядями сѣдыхъ волосъ, отчетливо отдѣляется отъ бѣлаго фона подушки. Длинная бѣлая борода, нѣсколько раздвоенная книзу, и кроткое выраженіе лица, съ глубокою, неразгаданною думою на челѣ, заставляетъ припомнить кроткій ликъ мученика, какой можно видѣть на старинныхъ иконахъ. Какъбы въ довершеніе подобной иллюзіи, на головѣ мертвеца—золотой вѣнецъ.

Это лежитъ король Мадагаскара въ коронѣ..

Въ головахъ у него свѣчи. Какъ и недавно еще, такъ и теперь, въ широкую прорѣзь потолка глядитъ дивное созвѣздіе Южнаго Креста. Въ открытыя окна льетъ южная ночь свое ароматное дыханіе.

Близъ изголовья покойника стоитъ Уфтюжаниновъ и тихо, мучительно протяжно читаетъ псалтырь. Онъ читаетъ его наизусть, вѣдь онъ поповичъ, хотя теперь и генералъ на службѣ у его величества, мадагаскарскаго короля Морица Перваго.

Вотъ онъ—его величество, въ коронѣ, хотя и безъ порфиры...

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ,— слышится надрывающее душу чтеніе.

Не въ первый разъ ему читать по покойникѣ: и надъ Пановымъ читалъ онъ въ виду Формозы, и надъ Аѳанасіею въ виду Мадеры, и надъ Батуринымъ, Гурчениновымъ, всѣхъ отчиталъ! Послѣдняго отчитываетъ...

Онъ задумался, глядя въ лицо мертвеца. Не свою собственную жизнь переживалъ онъ въ эти горькія минуты, а его, вотъ этого, чье мертвое лицо такъ кротко глядитъ изъ-подъ золотой короны, его полную треволненій жизнь. На этомъ лицѣ покоились когда-то съ любовью дѣтскіе заплаканныя глазки Ванды съ золотистой головкой. Это лицо и эти глаза, всегда загадочные, теперь на-вѣки закрытые, цѣловала бѣдная Аѳанасія. На этомъ лицѣ, теперь застывшемъ, и въ этихъ глазахъ, теперь закрытыхъ, читала свое свѣтлое будущее бѣдненькая Ядвига. Теперь она наплакавшись, уснула гдѣ-то тамъ. Онъ одинъ, поповичъ изъ Камчатки, не можетъ уснуть. Да, онъ одинъ теперь остался на свѣтѣ.

А гдѣ Хрущовъ, Мейдеръ, Винбладъ и другіе? Онъ не знаетъ, что тогда-же, много лѣтъ назадъ, они всѣ прямо изъ Портъ-Луи, добравшись кое-какъ моремъ до Кронштадта и Петербурга, всѣ очутились опять въ казематахъ...

Одинъ поповичъ на свободѣ. И вотъ онъ стоитъ надъ своимъ мертвымъ королемъ и учителемъ...

Слезы тихо катились по его лицу...

— Что-же я теперь!—съ тоскою схватился онъ за голову.— Куда я дѣнусь, я, поповичъ изъ Камчатки, бѣглый царедворецъ, бѣглаго короля? О, мой край родной, далекій!..

— Матушка! Матушка! — шепталъ онъ, ломая руки. —

Слышишь-ли ты меня? Отецъ мой! Помяни меня въ твоихъ молитвахъ! Помолись за меня!.. Господи! Куда-же я дѣнусь, куда! Гдѣ утоплю тоску мою? Въ океанѣ...

Вдругъ онъ невольно вздрогнулъ. Изъ-за внутренней портьеры, словно привидѣніе, вся въ бѣломъ быстро показалась Ядвига и съ плачемъ бросилась къ нему на шею...

— Мой панъ! Мой милый панъ! — шептала дѣвушка. — Я не хочу чтобъ вы умирали, не хочу! Живите, живите ради себя, ради меня! Я... я люблю васъ, люблю!

Уфтюжаниновъ съ невыразимой нѣжностью прижалъ плачущее личико дѣвушки къ своей груди и цѣловалъ ея раскосматившуюся головку.

— О, мое дитя! Мое сокровище! Радость моя! Я буду жить, буду! — шепталъ онъ.

И жизнь побѣдила, побѣдила всемогущая любовь...

Конецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 12.

В

НАШЪ ОДИССЕЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 12

НАШЪ ОДИССЕЙ.

Историческая повѣсть.

I. Бѣгство изъ плѣна.

Это было въ послѣднiй годъ прошлаго столѣтiя.

Въ бурную, дождливую лѣтнюю ночь, въ Марсели, когда весь городъ спалъ, и даже часовой на башнѣ замка, обхвативъ руками ружье и прислонясь спиной къ стѣнѣ подъ навѣсомъ широкаго каменнаго крыльца, то тыкался носомъ въ колѣни, то вскидывалъ назадъ сонную голову въ тяжеломъ киверѣ, въ это самое время, подъ этою самою башнею, къ морскому берегу торопливо и осторожно прокрадывались какiя-то тѣни.

Если бы часовой не спалъ, и если бы порывы горнаго вѣтра съ дождемъ не заглушали шаговъ пробиравшихся къ морю тѣней, то онъ услыхалъ бы осторожный, взволнованный говоръ этихъ тѣней, и говоръ на незнакомомъ ему языкѣ.

Говорили по-русски.

— Я, ваше благородiе, и ковшикъ захватилъ.

— Зачѣмъ онъ тебѣ?

— А водицы придется испить въ морѣ, ваше благородiе.

— Что ты! Да развѣ морскую воду можно пить?

— А какъ же, ваше благородiе?

— Да она горькая и соленая: ее и скотина не пьетъ.

— Какъ же мы-то, ваше благородiе? Что же мы будемъ пить въ морѣ? У меня и семинуту въ горлѣ пересохло.

— Да онъ все припасъ: и харчей положилъ, и боченокъ воды въ лодку вкатилъ.

— Ну, слава Богу, ваше благородiе. Хоша они и собаки, а вотъ нашелся же добрый человѣкъ.

Таинственныя тѣни были уже у самаго моря. Если бы часовой не спалъ, то, при свѣтѣ на мгновенье выглянувшей изъ-за тучъ луны, онъ различилъ бы, что на берегу моря копошилось тѣней двадцать, а то и всѣ тридцать.

Тамъ, въ затишьи гранитной набережной, чернѣлась большая рыбацкая лодка, и въ нее-то торопливо усаживались таинственные люди. Послѣднiй изъ нихъ, отвязавъ лодку отъ желѣзнаго кольца набережной, самъ быстро вскочилъ въ нее, сѣлъ у руля, и лодка съ помощью восьми веселъ, словно огромная черная птица, заныряла въ волнахъ, то вскакивая на гребень валовъ, то исчезая за ними. Сѣверный вѣтеръ все болѣе и болѣе уносилъ ее отъ берега.

Впереди ничего не было, кромѣ непрогляднаго мрака бурной южной ночи, да слышенъ былъ шумъ моря, а позади, уже на довольно далекомъ разстоянiи, кое-гдѣ мерцали огоньки: то Марсель глядѣла на удалявшуюся лодку и, казалось, недружелюбно слѣдила за таинственными бѣглецами.

Это и были бѣглецы, взятые въ плѣнъ французами 10-го сентября 1799 года въ битвѣ при Цюрихѣ и заключенные въ марсельскiй замокъ.

Случай помогъ имъ бѣжать изъ плѣна. Но куда бѣжать? На французской землѣ ихъ поймаютъ. Оставалось только море, и этому бурному морю бѣглецы ввѣрили свою жизнь.

Бѣглецы усердно работали на веслахъ, и когда одни гребцы уставали, ихъ тотчасъ же замѣняли другiе, и ревнивые огоньки, слѣдившiе за ними съ берега, какъ глаза враговъ, съ каждымъ часомъ мигали все слабѣе и слабѣе, и только одинъ громадный глазъ, необыкновенно ярко мигавшiй, казалось, кричалъ бѣглецамъ въ шумѣ вѣтра и моря: «я все вижу! Отъ меня не уйдете!»

Этотъ страшный глазъ былъ — рефлекторъ маяка.

— Ваше благородiе! А до нашего моря еще далече?—прервалъ общее молчанiе голосъ того, что позаботился захватить съ собой ковшикъ.

— До какого, до нашего? — спросилъ тотъ, что сидѣлъ у руля.

— Да наше море, ваше благородiе, что въ Астрахани.

— Какой ты, братецъ Петровъ, дуракъ,—былъ отвѣтъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородiе!

И опять ничего не слышно, кромѣ шума моря.

Такъ прошла вся ночь. Къ утру облака куда-то угнало вѣтромъ, и небо очистилось. Безпредѣльность и угрюмость моря стала явственнѣе: и прямо, куда неслась жалкая лодка, и вправо, и влѣво, — ничего кромѣ воды и неба. Только тамъ, откуда бѣжала лодка, у самаго горизонта выползали изъ моря прибрежныя горы, да чуть-чуть бѣлѣлись какія-то зданія. То была Марсель.

Вскорѣ на востокѣ показалась розовая полоса, которая разгоралась все болѣе и болѣе, и когда багровое солнце медленно выплыло изъ моря, то и послѣдняя узкая линія земли, вмѣстѣ съ Марселью, погрузилась въ море.

Солнце освѣтило усталыя и угрюмыя лица пловцовъ.

У руля сидѣлъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ. Въ давно небритой бородѣ и на курчавой головѣ, черныхъ, какъ вороново крыло, уже извивались серебряныя нити сѣдины. Смуглое, мужественное лицо изобличало его родину: это былъ чистый кавказскій типъ—типъ горца. Черные глаза его теплились необыкновеннымъ добродушіемъ.

Тотъ, что утащилъ изъ крѣпости ковшикъ для морской воды, былъ чистѣйшій типъ русака изъ среднихъ или сѣверныхъ губерній: съ нѣсколько вздернутымъ носомъ, какимъ-то расплывающимся профилемъ, точно скудная русская природа не осилила додѣлать ему профиль, выточить его. Это былъ рослый и широкоплечій дѣтина, рыжеватый, весь въ веснушкахъ, съ густою гривою нечесанныхъ никогда волосъ и съ дѣтски-невиннымъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ.

— А что, ваше благородіе,—обратился онъ къ сидѣвшему у руля,—мы, кажись, маху дали.

— Какъ маху дали—встрепенулся тотъ.

— Да, кажись, бытто не туда попали.

— Почему не туда?

— Да какъ-же-съ, ваше благородіе! Вѣдь мы скоро объ небо стукнемся. Не лучше ли намъ держать назадъ, ваше благородіе? Тутъ дальше ходу нѣту.

— Что ты мелешь? Рехнулся, что-ли, со страху?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе! Я не трусъ. У меня Ягорій, да только собаки французы его отняли, какъ меня въ страженіи пришибло.

— Правда, я самъ знаю, что ты храбрый и умный сол-

дать,—согласился сидѣвшій у руля; — а теперь вотъ вздоръ мелешь.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Извольте сами посмотрѣть: конецъ свѣта — рукой подать; скоро объ небо стукнемся.

Добрякъ никогда не бывалъ въ открытомъ морѣ, и теперь опускавшійся, казалось, въ воду горизонтъ онъ принялъ за конецъ свѣта.

Сидѣвшій у руля оглянулся назадъ и, не видя за собой даже отдаленныхъ признаковъ земли, перекрестился.

— Слава Богу! — сказалъ онъ, крестясь. — Вотъ мы и на волѣ.

— Слава Богу!—повторили и другіе.

— Хвала Богу и громовнику Иліи!—отозвались третьи.

— Ну, а теперь, братцы, пора и передохнуть немножко, и ѣдой подкрѣпиться,—продолжалъ сидѣвшій у руля, — а тамъ подумаемъ, куда намъ дальше плыть. Положите весла, братцы,—обратился онъ къ гребцамъ,—пускай немножко посохнутъ.

Казалось, онъ былъ главою этой таинственной группы бѣглецовъ. Гребцы вынули весла изъ воды и положили къ сторонѣ.

— Кто изъ васъ, братцы, умѣетъ править лодкой?—спросилъ рулевой.

— Я, господине, я!—отозвалось нѣсколько голосовъ.—Море наша майка.

— Ну, такъ который-нибудь возьмите руль.

Къ рулю подошелъ горбоносый и смуглый молодецъ, по типу напоминавшій черногорца или иллирійца. Онъ взялъ руль и умѣлою рукою сталъ править лодку прямо на полдень. А тотъ, который прежде сидѣлъ у руля, и котораго называли «господиномъ» и «ваше благородіе», открылъ небольшую дверцу въ носовой части палубы и вынулъ оттуда мѣшокъ съ провизіей. Развязавъ мѣшокъ, онъ сталъ вынимать оттуда небольшіе продолговатые хлѣбцы и раздавать своей командѣ.

— Дня на три хватитъ, — сказалъ онъ, приподнимая мѣшокъ одною рукой,—а тамъ, какъ Богу будетъ угодно: можетъ, и пристанемъ къ какой-нибудь землѣ.

— Только бы, ваше благородіе, не къ собакамъ-французамъ,—проворчалъ рыжеватый, уписывая свою порцію хлѣба.—

А хлѣбъ-отъ у собакъ важный, не чета нашимъ сухарямъ съ хрустомъ да съ плѣсенью.

— Такъ-то такъ, братъ Петровъ, — задумчиво отвѣчалъ «господинъ»,—хлѣбъ хорошій, бѣлый, а все же вотъ мы отъ французскаго бѣлаго хлѣба бѣжимъ къ черному русскому сухарю съ плѣсенью.

— Оно точно, ваше благородіе...

Хотя отъ ночной бури не осталось и слѣда, однако, съ сѣвера продолжалъ дуть ровный вѣтеръ, и лодку качало порядочно. На общемъ совѣтѣ порѣшили поднять парусъ, чтобъ и качки избѣжать, и силы гребцовъ сберегать на всякій случай, на случай полнаго штиля.

— Кто умѣетъ управлять парусомъ? — спросилъ «господинъ».

— Я, господине, умѣвамъ правити, — отозвался горбоносый,—я бio рыбаремъ у своmъ землѣ.

Дѣйствительно, горбоносый взялъ парусъ въ свое управленіе; парусъ надулся, и лодка помчалась быстро по волнамъ, силою ровнаго хода уменьшая силу качки.

Такъ плыли бѣглецы цѣлый день. Съ ранняго утра надъ лодкою вились чайки, оглашая воздухъ жалобнымъ крикомъ; то онѣ спускались на море, то снова поднимались въ воздухъ; но по мѣрѣ удаленія пловцовъ въ открытое море надъ ихъ головами все рѣже раздавались птичьи голоса, а, наконецъ, къ полдню и совсѣмъ умолкли. Море сдѣлалось еще угрюмѣе, словно мертвая пустыня. Только иногда изъ воды показывались темныя спины дельфиновъ и снова погружались въ море.

— Владычица! Что это такое! — испуганно прошепталъ рыжеволосый, когда въ первый разъ у самой лодки вынырнуло невѣдомое для него чудовище и съ какимъ-то сапомъ кувыркнулось въ море.

— А то, брате, морска свинья,—отвѣчалъ горбоносый.

День уже клонился къ вечеру, а земли нигдѣ и признаковъ не было видно. Жутко становилось одинокимъ пловцамъ. Куда мчалась ихъ жалкая лодочка? Что ее ожидаетъ тамъ, за этимъ таинственнымъ рубежомъ, за горизонтомъ? Этого никто не зналъ.

Скоро на море опустилась ночь. Луна еще не всходила, и хотя въ небѣ мерцали звѣзды, и небо было величаво прекрасно,

но тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе казалось море, и тѣмъ страшнѣе его невѣдомая глубина.

Въ теченіе дня управленіе парусомъ нѣсколько разъ переходило отъ горбоносаго къ «господину» и отъ него обратно къ горбоносому. Въ теченіе дня они и спали по очереди, чтобъ сберечь силы и бодрость на ночь. Теперь же, ночью, лодкою правилъ одинъ горбоносый, а всѣ остальные спали, сбившись въ одну кучу около мачты, чтобы согрѣвать другъ друга, такъ какъ ночь была холодная.

Ночь тянулась безъ конца. Впереди, изъ мрачной бездны, медленно выплылъ кровавый дискъ луны. Отъ него безконечною полосою потянулись по морю такіе же кровавые блики, которые скоро превратились въ широкую серебристую ленту. По сторонамъ море стало еще мрачнѣе. Чтобы не дремать, горбоносый завелъ тихую, заунывную пѣсню. Ему вспомнилась далекая родина. Гдѣ она? Въ которой сторонѣ? Онъ и самъ этого не зналъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ вершины родныхъ горъ, когда французская канонерка застигла ихъ въ родномъ морѣ, во время забрасыванія въ него сѣтей, и отвезла въ полонъ, въ далекую сторону. И на его родную хижину смотритъ этотъ мѣсяцъ... А что жена? Что дѣти? Живы ли?

А ровный вѣтеръ все надуваетъ парусъ и мчитъ лодку невѣдомо куда.

II. Ужасное море

Второй разъ солнце выплываетъ изъ моря, и на этотъ разъ оно еще багровѣе, чѣмъ было вчера.

Это уже второй день бѣгства, но признаковъ близости земли все не видать. Однообразіе и пустынность моря подавляющія. Сколько жалкая лодка ни мчалась впередъ, а все казалось, что горизонтъ убѣгалъ отъ нея, не открывая глазамъ бѣглецовъ ничего, кромѣ этой томящей душу безбрежности, и попрежнему лодка не выходила изъ центра этого заколдованнаго круга.

Лица бѣглецовъ становились все унылѣе и сумрачнѣе. Къ довершенію всего, къ вечеру второго дня вѣтеръ усилился такъ, что парусъ едва выдерживалъ, и лодка летѣла, какъ пущенная изъ лука стрѣла. На пловцовъ, изъ которыхъ большинство никогда не бывало на морѣ, напалъ страхъ. Они боялись, что вѣт-

ромъ опрокинетъ лодку, и просили, со слезами умоляли убрать парусъ.

Парусъ былъ убранъ, и гребцы сѣли за весла. Но отъ этого качка еще болѣе усилилась, весла выбивало изъ рукъ, и лодку заливало волнами. Гибель казалась неизбѣжною. Несчастные пловцы напрасно поднимали руки къ небу.

Но двое или трое изъ нихъ настояли вновь поднять парусъ, и дѣйствительно, подъ парусомъ лодка хотя и полетѣла опять съ поразительной быстротой, но качка уменьшилась, и лодку не заливало водой.

Къ ночи вѣтеръ упалъ, и пловцы считали себя спасенными; но земли все не было видно. Наступила вторая мучительная ночь. Луна взошла еще позднѣе. Лодка продолжала плыть все по тому же направленію. Пловцамъ казалось, что они проплыли уже тысячи верстъ, а конца морю все не было.

Въ третій разъ солнце выплыло изъ моря, наступилъ третій день плаванія. Отчаяніе и ужасъ бѣглецовъ увеличились, когда утромъ, раздѣляя провизію, они замѣтили, что ея недостанетъ и на день. Боченокъ съ водой тоже издавалъ уже звукъ пустой посудины. Пришлось дѣлить хлѣбъ и воду на ничтожныя порціи, которыя не утоляли голодъ, а только раздражали его.

И этотъ мучительный день прошелъ, а земли не было. Снова наступила ночь. Голодные и отчаянные, всѣ скучились около мачты въ повалку: авось хоть сонъ дастъ успокоеніе или пошлетъ смерть. Но въ душѣ каждаго таилась надежда: утро дастъ имъ утѣшеніе; восходящее солнце освѣтитъ спасительный берегъ.

Но солнце поднялось все надъ тѣмъ же безбрежнымъ моремъ! Это былъ уже четвертый день блужданія по заколдованной, грозной стихіи. Не оставалось уже ни крошки хлѣба, ни капли воды. Впереди стояла голодная смерть съ ея ужасными муками. Это сознавалъ каждый.

— Смотрите! Смотрите! Вонъ, что-то бѣлѣется! — послышался радостный голосъ.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Вонъ впереди, въ лѣвой сторонѣ.

— Да, да... не парусъ ли?

— Да то чайки, не парусъ.

— И то слава Богу, земля близко.

Радостныя, безсвязныя восклицанія, казалось, наполнили всю атмосферу, окружавшую злополучныхъ пловцовъ.

На горизонтѣ, дѣйствительно, бѣлѣлось что-то. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось явственнѣе, что это былъ парусъ. Онъ, казалось, выросталъ прямо изъ воды, все увеличиваясь, но такъ медленно, что, казалось, стоялъ на одномъ мѣстѣ. Надежда придала силы несчастнымъ скитальцамъ, и они съ небывалой энергіей принялись работать на веслахъ, несмотря на то, что попутный вѣтеръ хорошо надувалъ парусъ.

Съ каждой минутой становилось явственнѣе, что навстрѣчу, нѣсколько наперерѣзъ, идетъ корабль. Скоро отчетливо вырисовалось на горизонтѣ, что корабль идетъ подъ всѣми парусами. Видны были не только паруса, но даже весь остовъ громаднаго линейнаго корабля.

Но видитъ ли онъ жалкую лодку?

Вотъ онъ становится на линіи, на самомъ курсѣ лодки. Вотъ онъ переходитъ эту линію, подвигаясь правѣе, къ западу.

Съ лодки начинаютъ кричать. Всѣ голоса сливаются въ одинъ отчаянный крикъ, въ какой-то вопль. Но можетъ ли быть слышенъ этотъ вопль на кораблѣ за шумомъ парусовъ, за свистомъ рей и снастей, за плескомъ и шипѣньемъ волнъ, разсѣкаемыхъ грудью великана?

А корабль все подвигается западнѣе и западнѣе. Вотъ онъ начинаетъ удаляться.

Ни крики, ни вопли не помогаютъ. Съ лодки начинаютъ махать, чѣмъ попало. Но и это безполезно. Корабль забираетъ все дальше и дальше.

— Мати Божа! Рятуй насъ!

— О! Куку мене! Куку мене!—раздаются разноязычные вопли.

— Батюшки, уходитъ! Никола чудотворецъ!

Корабль, дѣйствительно, уходилъ, не замѣтивъ мелкой лодки. Отчаяніе овладѣло пловцами. Они хотѣли силою вырвать парусъ изъ рукъ горбоносаго и догонять корабль на веслахъ. Горбоносый не давалъ. Началась борьба, которая чуть не стоила всѣмъ жизни. Лодка накренилась на бокъ, зачерпнула бортомъ и чуть не пошла ко дну. Это образумило несчастныхъ. Болѣе опытные изъ нихъ и разсудительные убѣдили остальныхъ, что за кораблемъ гнаться безполезно, что онъ летитъ какъ птица, а что если

они будутъ продолжать плыть туда, откуда шелъ корабль, то ясно, что тамъ они найдутъ землю и свое спасеніе.

Скоро отъ корабля осталась только свѣтлая точка.

Еще болѣе глубокое уныніе овладѣло несчастными, когда лодка, оставшись снова одинокою въ безбрежномъ морѣ, продолжала свой прежній курсъ.

Прошелъ и четвертый день, а земли все не было. Голодъ все болѣе и болѣе вступалъ въ свои права.

Наступила пятая ночь, мрачнѣе всѣхъ предыдущихъ. Несчастные опять скучились около мачты, но теперь уже каждаго изъ нихъ терзалъ другой, тайный страхъ. Они начали бояться другъ друга; болѣе слабый сторонился отъ болѣе сильнаго. Это уже было чувство чисто звѣрское, боязнь болѣе сильнаго звѣря. А что какъ голодный сосѣдъ задушитъ тебя соннаго и станетъ пожирать твое тѣло? И каждый въ душѣ сознавалъ, что и самъ онъ способенъ на это.

Мучительна была эта ночь, мучительнѣе всѣхъ прежнихъ, потому что не принесла никому даже сна. Едва кто задремывалъ, какъ невидимый голосъ будилъ его ужасными словами: «не спи— задушатъ». Но и эта ночь прошла.

Насталъ пятый день. Солнце ничего не принесло, кромѣ ужаса. Кругомъ—то же море, то же безжалостное небо. На лицахъ несчастныхъ отражалось уже что-то особенное, нечеловѣческое, дѣйствительно, звѣриное. Злоба была написана на этихъ лицахъ, видимо сосредоточиваясь на одномъ лицѣ, на томъ, кого называли «господиномъ»: онъ подбилъ всѣхъ бѣжать изъ марсельской тюрьмы. Въ этотъ пятый день бѣдствія случился эпизодъ, который могъ кончиться трагически для всѣхъ, но въ концѣ концовъ хотя на нѣкоторое время далъ если не удовлетвореніе пожиравшему всѣхъ голоду, то, по крайней мѣрѣ, пищу разгоряченному воображенію голодающихъ.

Въ числѣ находившихся въ лодкѣ бѣглецовъ былъ одинъ австрійскій плѣнный солдатъ, хохликъ изъ Галичины. Это былъ тихій, молчаливый субъектъ, всегда державшійся нѣсколько въ сторонѣ. И здѣсь онъ, повидимому, избѣгалъ своихъ товарищей по несчастью. Всѣ угрюмо молчали. Вдругъ рыжеватый дѣтина, который сначала боялся, что ихъ лодка скоро «объ небо стукнется», какъ звѣрь, съ рычаніемъ бросился на хохлика и началъ душить его за горло.

— А, чортовъ хохолъ! Ты жуешь, у тебя есть, что жрать, а мы подыхаемъ!

— Ой! Ой!—стоналъ придавленный за горло галичанинъ.—Ратуйте!

Онъ, дѣйствительно, что-то жевалъ.

— Покажь, что у тебя во рту.

Всѣ столпились около борющихся, возбужденные, злобные, и моментально должна была завязаться общая свалка, если бы не вступился тотъ, котораго называли «господиномъ».

— Петровъ! Что ты дѣлаешь!—закричалъ онъ.—Пусти его!

— Онъ что-то жретъ, ваше благородіе.

— Пусти его! Или я тебѣ весломъ голову размозжу!

Петровъ неохотно повиновался. Его жертва поднялась со дна лодки, блѣдная, дрожащая.

— Ты что жевалъ?—спросилъ его «господинъ».

— Шкуратокъ... постолы,—былъ робкій отвѣтъ.

И дрожащими пальцами онъ вынулъ изо-рта какую-то коричневую массу, сильно пережеванную, и показалъ ее всѣмъ. Это былъ кусокъ кожи, нѣчто въ родѣ обгрызка сыромятнаго ремня. Оказалось, что, убѣгая ночью вмѣстѣ съ товарищами, онъ сунулъ себѣ за пазуху сохранившіяся у него послѣ плѣна кожаныя изъ сыромятной кожи «постолы», въ которыхъ онъ привыкъ ходить у себя на родинѣ, въ горной Галичинѣ, будучи пастухомъ. Кожу этой-то обуви, еще почти новенькой, онъ и жевалъ, стараясь хоть этимъ обмануть пожиравшій его внутренности голодъ.

— Ишь, чортовъ хохолъ!—проворчалъ Петровъ.—Надо ихъ, ваше благородіе, подуванить на всю артель.

И постолы тотчасъ же были разрѣзаны на мелкіе кусочки и розданы всѣмъ находившимся въ лодкѣ. Несчастные люди принялись жевать эту ужасную пищу: все же имъ казалось, что они ѣдятъ!

Наступила шестая ночь. И эту ночь никто не спалъ. Хотя у каждаго оставалась еще въ душѣ личная боязнь за себя, та боязнь, которая всѣмъ имъ закралась въ душу въ предыдущую ночь, что вотъ-вотъ озвѣрѣвшій отъ голоду сосѣдъ задушитъ тебя соннаго и станетъ пожирать, однако, теперь уже у каждаго явственно слагалось убѣжденіе, что для спасенія всѣхъ надо пожертвовать однимъ, что другого выхода нѣтъ, что или всѣ они неизбѣжно передушатъ другъ друга, кто кого осилитъ, и съѣдятъ

задушенныхъ, или, чтобъ избѣжать этого худшаго, надо начать съ одного. Но съ кого? Кто укажетъ на того, кто долженъ сдѣлаться жертвою для всѣхъ. Эти вопросы вставали въ душѣ у каждаго, но отвѣта на нихъ никто не находилъ. Кто на нихъ отвѣтитъ? Кто рѣшитъ? Одинъ отвѣтъ грызъ душу каждаго: рѣшить долженъ жребій. Но это-то и страшно было высказать. Жребій—слѣпое, безсмысленное орудіе. Это понималъ каждый. «А если мнѣ выпадетъ этотъ жребій?» думалось всѣмъ имъ въ одно и то же время. И всѣ они глубоко сознавали, что каждый изъ нихъ думаетъ именно объ этомъ. Когда солнце шестого дня глянуло имъ въ очи, каждый изъ нихъ прочелъ это въ глазахъ у всѣхъ.

«И этотъ о томъ же думаетъ, и этотъ, и этотъ—всѣ!»

Развѣ ждать, пока одинъ умретъ съ голоду и съ перваго мертваго начинать? Но ждать нельзя. Въ ожиданіи могутъ всѣ помереть.

Потомъ мысли каждаго обратились къ тому состоянію, въ какомъ они находились въ утро пятаго дня. Всѣ мысли и всѣ глаза устремились на одного. «Зачѣмъ жребій, когда вотъ онъ одинъ во всемъ виноватъ! Съ него и надо начинать; подкрасться, накинуться, задушить, и провизія готова».

— О, Боже! Слышите?—вдругъ раздался голосъ того, чья участь была рѣшена въ душѣ каждаго.—Слышите, братцы?

— Что, что такое!

— Голосъ чайки! Я слышу...

— И я слышу, ваше благородіе.

— Вонъ она, я вижу... Вонъ, вонъ бѣлѣетъ.

— Една, друга, млого (по-сербски «много»), млого чайки.

— Молитесь, братцы, земля близко, мы спасены.

Всѣ упали на колѣни. Это была горячая молитва. По щекамъ у всѣхъ текли слезы, и вмѣсто тупого, звѣринаго выраженія на лицахъ, затеплилось умиленіе въ глазахъ, въ каждой чертѣ.

— За весла, братцы! Тамъ земля.

— За весла! Видите, море гладкое, какъ зеркало.

Изнуренные, ослабѣвшіе, теперь они снова почувствовали въ себѣ силу, и въ бирюзовую поверхность моря стройно опускались весла и также стройно поднимались, роняя брилліантовыя капли въ бирюзовое море.

Чайки кружились надъ лодкою и жалобно кричали, но теперь крикъ ихъ казался крикомъ привѣта, радости, спасенія.

Пловцы мужественно встрѣтили седьмую ночь. Но едва солнце погрузилось въ море, и насталъ мракъ южной ночи, прежнія муки снова воскресли, и въ душу прокрадывался холодъ смерти. Что всего болѣе привело ихъ въ отчаяніе, это то, что чайки, неизвѣстно куда, исчезли.

«Нѣтъ чаекъ—потеряли землю», сверлило у каждаго на сердцѣ.

И опять мысль каждаго возвращалась къ тому ужасному рѣшенію, которое всѣмъ казалось неизбѣжнымъ.

— Али опять, ваше благородіе, сбились?—тихо, съ какою-то тоскою въ голосѣ спросилъ Петровъ.

— Какъ сбились?

— Да землю-то потеряли опять, кажись.

— Почему ты думаешь?

— Да чайки-то, ваше благородіе, пропали.

— Напротивъ, на ночь онѣ улетѣли къ своимъ гнѣздамъ. Утромъ мы увидимъ ихъ опять, да и землю увидимъ.

— Дай-то, Господи!

Настало утро, седьмое утро рокового плаванья. Чайки, дѣйствительно, снова показались. Показалось солнце, но уже не прямо изъ моря, а изъ какой-то длинной, туманной полосы.

— Земля! Земля!—раздался радостный крикъ у руля.

Туманная полоса была земля. Скоро на горизонтѣ вырисовались какія-то высокія, стройныя деревья съ зонтичными вершинами. То были пальмы.

III. Въ Алжирѣ

Разсказанное въ предыдущихъ главахъ—не вымыселъ. Разсказъ опирается на историческомъ событіи, записанномъ около 80 лѣтъ тому назадъ морскимъ офицеромъ, извѣстнымъ Владиміромъ Броневскимъ, въ его интересной книгѣ «Записки морского офицера, въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ вице-адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ», книгѣ, ставшей въ настоящее время библіографическою рѣдкостью.

Во второй части своихъ «Записокъ», говоря о томъ, какъ

русская эскадра, крейсируя въ Средиземномъ морѣ, въ 1806 году, 27-го ноября, пристала къ порту Каліари въ Сардиніи, авторъ приводитъ въ своей книгѣ «Приключеніе плѣннаго русскаго офицера.

«Лишь только положили якорь у стѣнъ Каліари—говоритъ Броневскій—какъ нѣкто бѣдно одѣтый, истомленный, пріѣхалъ съ берега и, взошедъ на шканцы, съ радостнымъ взоромъ перекрестился и дурнымъ русскимъ выговоромъ сказалъ: «Слава Богу! Кончились, наконецъ, мои несчастія». Послѣ сего онъ спросилъ о капитанѣ и подалъ ему бумагу. Министръ нашъ (въ Сардиніи) предлагалъ оною явившагося изъ плѣна санктпетербургскаго драгунскаго полка поручика Степана Яшимова принять на фрегатъ, для доставленія его къ адмиралу. Я ввелъ его въ каютъ-кампанію и представилъ бывшимъ тамъ офицерамъ. Будучи родомъ изъ Кизляра, онъ почти забылъ и съ большою трудностью объяснялся по-русски, мѣшая слова турецкія, французскія и итальянскія. Мы старались его обласкать и въ первый же день общими силами снабдили его всѣмъ нужнымъ. Яшимовъ скоро ознакомился съ нами и съ новымъ родомъ своей жизни; въ короткое время отличною остротою ума и веселымъ расположеніемъ духа заслужилъ онъ отъ всѣхъ любовь и почтеніе. Служа при главной квартирѣ князя Рѣпнина, Потемкина, и бывъ покровительствуемъ гр. Орловымъ, онъ хотя и не имѣлъ порядочнаго воспитанія, но особенный навыкъ въ обхожденіи дѣлалъ его весьма пріятнымъ въ бесѣдахъ. Продолжительное несчастіе не помрачало его любезности, и опытъ 50-лѣтняго старика привлекалъ къ нему общее уваженіе. Приключенія его въ теченіе семи лѣтъ, которыя разсказывалъ онъ намъ со всею откровенностью, хотя имѣютъ нѣчто въ своемъ родѣ необыкновенное, но, судя по характеру его, оныя, конечно, не выдуманы имъ, и потому я предлагаю ихъ въ томъ видѣ, какъ слышалъ отъ него» (ч. II, стр. 186—187).

Далѣе Броновскій сообщаетъ, что «Яшимовъ служилъ въ первую конфедерацкую войну, въ обѣ турецкія и послѣднюю польскую, наконецъ, 10-го сентября 1799 г. подъ Цирихомъ, получа двѣ раны, взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ въ Марсель. Не стану,—продолжаетъ онъ,—повторять того, что онъ претерпѣлъ на дорогѣ; кто по несчастію былъ въ рукахъ французовъ, тотъ знаетъ, какъ они обращаются съ плѣнными. Генералъ Д...

(кого Броневскій разумѣетъ—я не знаю) прибылъ въ Марсель для пополненія своего польскаго легіона русскими солдатами. Для сего не давали имъ положенной порціи хлѣба, изъ казармъ или, лучше, изъ тюрьмы, никуда не выпускали. Убѣждая, угрожая, обѣщая и благовиднымъ способомъ муча и томя голодомъ, принуждали, какъ благодѣяніе, принимать службу. Непокорныхъ же продавали, какъ невольниковъ, въ Испанію. Не щадили даже офицеровъ. Яшимову также предложено было поступить въ польскій легіонъ. Онъ нашелъ случай видѣть генерала Д..., жаловался на дурные поступки, смѣло сказалъ ему правду и, будучи огорченъ отвѣтомъ генерала, назвалъ его измѣнникомъ отечества, былъ брошенъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ. Не ожидая слѣдствій своего неблагоразумія и неумѣстной горячности, Яшимовъ рѣшился бѣжать. Предлагаетъ бывшимъ въ одной съ нимъ тюрьмѣ 30-ти австрійскимъ солдатамъ, въ томъ числѣ былъ одинъ русскій, и всѣ съ радостью соглашаются. Яшимовъ успѣлъ убѣдить тюремнаго стража, который изъ единаго состраданія не только далъ имъ способъ къ побѣгу, но въ пристани приготовилъ имъ лодку, и несчастные въ полночь, при проливномъ дождѣ, на рыбачьей лодкѣ, сами не зная куда, пускаются въ море» (тамъ же, стр. 187—188).

Отсюда и начинается наше повѣствованіе.

Мы оставили бѣглецовъ въ виду показавшейся на горизонтѣ низменной полосы земли и высокихъ, невиданныхъ ими прежде деревьевъ.

Хотя земля казалась близко, но надо было употребить еще нѣсколько томительныхъ часовъ, чтобы добраться до берега. Чѣмъ далѣе двигалась лодка, тѣмъ большая неизвѣстность окутывала смущенныя мысли бѣглецовъ. Какая это земля? Почему она не похожа на все, что они видѣли прежде? Какія это деревья?

На послѣдній вопросъ, и только на послѣдній, могъ отвѣчать одинъ Яшимовъ: это былъ тотъ, котораго называли «господиномъ» и «ваше благородіе». Онъ видѣлъ эти деревья на рисункахъ, въ книгахъ, въ описаніяхъ путешествій.

— Это пальмы,—отвѣчалъ онъ на вопросы своихъ товарищей по заключенію.

— Пальмы! Ишь ты, въ первой вижу, ваше благородіе,— удивился Петровъ.

— Да, пальмы,—повторилъ Яшимовъ.—А ты ѣдалъ когда-нибудь финики?—обратился онъ къ Петрову.

— Финики? Какъ же, ваше благородіе, ѣдалъ; и финики ѣдалъ, и рожки, и изюмъ, и коломенскую пастилу ѣдалъ.

Яшимовъ невольно улыбнулся, услыхавъ сопоставленіе фиников съ коломенской пастилой.

— Ну, такъ вотъ на этихъ самыхъ деревьяхъ, на пальмахъ, и растутъ финики,—сказалъ онъ.

— А какая-жъ это будетъ земля, ваше благородіе, что финики родитъ?—спросилъ словоохотливый солдатикъ.—У насъ вонъ на Дону арбузы, а тутъ вонъ финики.

— Думаю,—отвѣчалъ Яшимовъ, — что земля эта, должно быть, Африка.

— Африка? Мудреная земелька, ваше благородіе. А чья она будетъ?

— Не знаю.

— Православная, примѣромъ, будетъ, али нѣмецкая?

На этотъ вопросъ Яшимовъ отвѣта не далъ. Вниманіе всѣхъ привлечено было тѣмъ, что они видѣли. А теперь они явственно видѣли, что на берегу что-то бѣлѣется, точно стѣны и башни. По мѣрѣ движенія лодки бѣглецамъ все отчетливѣе представлялись, дѣйствительно, и стѣны, и башни. Еще ближе—и стали видны дома, такіе странные, какъ будто бы безъ крышъ и безъ оконъ.

На высокой башнѣ, это уже явственно видно, развѣвается красное, точно кровавое, знамя. Видно даже на этомъ кровавомъ полотнищѣ изображеніе руки, держащей обнаженный мечъ.

— О, я вѣмъ, господине, въ какву страну долѣзлисмо,—съ изумленіемъ сказалъ горбоносый.

Онъ былъ изъ иллирійскихъ славянъ и взятъ французами въ плѣнъ на морѣ, на рыбной ловлѣ. Звали его Васою Петковичемъ.

— Какая же это страна, Васа?—спросилъ Яшимовъ.

— Варварія, господине, — отвѣчалъ Васа, — корсерска страна; таки цервени барьякъ съ рукомъ и ятаганомъ я гледао у корсеровъ.

Не радостно было это извѣстіе: несчастные бѣглецы видѣли, что изъ одной бѣды они попали въ другую—отъ французовъ къ африканскимъ корсарамъ. Но городъ былъ такъ близко, а передъ

пожиравшимъ ихъ голодомъ даже смерть была не страшна, если она и ждала ихъ въ этомъ городѣ.

Нервно, торопливо гребли несчастные. Вотъ, вотъ земля. Видно, какъ бѣлая морская пѣна набѣгаетъ на песчаный берегъ. У воды играютъ голые ребятишки. Видны даже ихъ лица, такія смуглыя, почти черныя.

Еще ближе, и ребятишки, испуганные видомъ незнакомцевъ съ бѣлыми лицами, съ такими лицами, какія они видѣли только у привозимыхъ изъ-за моря невольниковъ, съ крикомъ побѣжали къ городскимъ воротамъ.

Лодка ткнулась въ пологій берегъ. Первымъ выскочилъ на берегъ Петровъ и, размашисто перекрестясь, бросился цѣловать землю.

— Кормилица! Мать сыра земля!—бормоталъ онъ, глотая слезы.—Вотъ ужъ не чаялъ...

Прочіе бѣглецы, выбравшись на берегъ, тоже припадали къ землѣ лицами и поливали ее радостными слезами.

Вдругъ въ городскихъ воротахъ показались люди, вооруженные саблями, кинжалами и пистолетами, съ темно-бронзовымъ цвѣтомъ кожи, бородатые, съ чалмами на головахъ. Они, видимо, спѣшили къ нашимъ бѣглецамъ. Завидѣвъ ихъ, Яшимовъ сказалъ:

— Не бойтесь, братцы, я буду съ ними говорить: я знаю и по-турецки, и по-арабски.

Люди въ чалмахъ приближались.

— На колѣни становитесь, братцы,—скомандовалъ Яшимовъ,—одну руку къ сердцу, другую ко лбу.

Всѣ стали на колѣни и сдѣлали то, что имъ было приказано.

— Ля-илляхъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ! — громко воскликнулъ Яшимовъ.

— Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ!—отвѣчали ему люди въ чалмахъ.—Кто вы и откуда?

— Мы бѣдные невольники,—отвѣчалъ Яшимовъ (разговоръ шелъ на арабскомъ языкѣ),—мы семь дней блуждали по морю и три дня ничего не ѣли. Мы думали, что помремъ съ голоду, но Аллахъ по своему милосердію отвратилъ отъ насъ смерть.

— Хвала Аллаху! Въ немъ прибѣжище смертнаго,—сказали люди въ чалмахъ.

— И пророку его хвала!—прибавили другіе.— кого же вы были въ неволѣ?

— У французовъ, у Наполеона,—былъ отвѣтъ.

— У Наполеона! Да низринетъ его Аллахъ въ пучину бѣдствій!

— Аллахъ керимъ!—говорили другіе. — Аллахъ послалъ намъ странниковъ, хвала Аллаху! Въ коранѣ сказано: правовѣрный, прими странника въ домъ свой, не спрашивай, кто онъ, но прежде всего накорми его, и если его томитъ жажда, то утоли его жажду холодною водою. А наши гости три дня не ѣли.

— Мы помираемъ съ голоду,—подтвердилъ Яшимовъ.

— Идите же за нами,—повторили люди въ чалмахъ,—наши домы—ваши домы. Да будетъ благословенъ этотъ день. Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ!

IV. Искушеніе.

Прошло пять лѣтъ.

Ночь на алжирскомъ берегу Средиземнаго моря. Темна африканская ночь, но всплывшій гдѣ-то далеко, надъ Сахарою, мѣсяцъ серебритъ сверкающую фосфорическимъ свѣтомъ морскую пѣну, медленными приливами набѣгающую на песчаный берегъ Африки. Меланхолическій свѣтъ этого мѣсяца льется и на мачты, и на реи колыхающагося у берега корабля, и на длинный, тонкій стволъ ружья стоящаго у шканцевъ часового араба въ красной фескѣ, и на зубчатыя стѣны крѣпостной башни, и на тихо повисшее надъ башнею кроваваго цвѣта знамя съ рукою, вооруженною мечемъ.

Въ узкое окошечко башни виднѣется огонекъ.

Башня стоитъ у небольшого залива, недалеко отъ Алжира. Это—лучшая гавань алжирскихъ корсаровъ, куда они заводятъ взятые въ плѣнъ корабли.

Въ среднемъ этажѣ башни довольно просторная комната, стѣны которой всѣ обвѣшаны оружіемъ. У стѣнъ—низкіе турецкіе диваны. Полъ устланъ циновками изъ пальмовыхъ листьевъ. На невысокомъ столѣ, покрытомъ персидскою богатою шалью, канделябръ о трехъ свѣчахъ освѣщаетъ разбросанныя бумаги.

На одномъ изъ дивановъ полулежитъ мужчина съ сильной просѣдью въ красивой черной бородѣ и медленно, задумчиво втягиваетъ и такъ же задумчиво выпускаетъ изъ-подъ посѣдѣлыхъ усовъ тонкія струйки дыма тихо шипящаго наргиле. Голова его обвязана громадною бѣлою чалмою. Одѣяніе на немъ—одѣяніе алжирскаго корсара: широкія шальвары, остроконечныя, съ загнутыми носками, красныя сафьянныя, шитыя золотомъ, ичиги, куртка съ золотыми позументами, а за широкимъ зеленымъ поясомъ сверкаютъ дорогою оправою кинжалы и пистолеты.

Противъ него, на подушкѣ, брошенной на циновку, поджавъ по-восточному ноги, сидитъ тоже немолодой мужчина, тоже, повидимому, корсаръ, хотя проще одѣтый, но съ русой, рыжеватой бородой.

— Ну, что, ваше благородіе?—говоритъ этотъ послѣдній на чистомъ тульскомъ или костромскомъ россійскомъ нарѣчіи.

— Ахъ, Петровъ! Какъ не надоѣстъ тебѣ называть меня вашимъ благородіемъ! — прерываетъ его курящая наргиле чалма.—Вѣдь ты давно знаешь, что я для тебя другъ и товарищъ.

— Простите, Степанъ Симонычъ,—улыбалась феска,—привычка.

— Да, правда,—вздохнула чалма,—вонъ мы и къ Африкѣ привыкли.

— Да, точно,—вздохнула и феска.

— А что-то теперь у насъ на Руси подѣлывается? Ухъ, какъ далеко она!

— Гдѣ не далеко: и воронъ костей русскихъ не занесетъ сюда.

— А вонъ насъ занесла неволя.

Феска оглянулась кругомъ и ближе пододвинулась къ дивану.

— Ну, что,—тихо спросила она,—прочли энти бумаги?—феска указала на столъ.

— Прочелъ.

— Кто жъ они будутъ?

— Да нашъ братъ, христіане.

— А съ какихъ мѣстовъ?

— Изъ Далмаціи, тамошніе славяне.

Феска придвинулась еще ближе. Ясно было, что она собиралась поговорить о чемъ-то тайно.

— Вотъ что, Степанъ Симопычъ,—начала она почти шепотомъ,—нонче утромъ я былъ па базарѣ въ Алжирѣ, такъ тамъ сказывали, что вечоръ пришла въ Алжиръ одна здѣшняя шебека, а ходила она въ море, какъ водится, на разбой. Такъ сказываютъ, что шебека самую малость не попалась нашимъ въ полонъ.

— Какъ нашимъ?—удивился Яшимовъ (это былъ онъ въ чалмѣ).

— Московъ, говорятъ, гнался за ними,—пояснилъ Петровъ.

— Откуда же тутъ взялись русскіе?—еще болѣе удивился первый.

— Да сказываютъ, ваше благородіе, что русскіе корабли все море заполонили,—отвѣчалъ послѣдній,—русскіе да аглицкіе, все это супротивъ Наполеона и турокъ. Дакъ знаете, что я вамъ скажу. Вотъ мы теперь здѣсь, въ этой бусурманской землѣ, и въ холѣ, и въ роскоши. Вы вотъ и до чиновъ ужъ дошли, и самъ дей васъ жалуетъ, чаушемъ сдѣлалъ, комендантомъ крѣпости. А все, поди, чай, по родной землѣ скучаете. Шутка: шестой годъ маемся.

— Да, Петровъ, самъ ты знаешь, что я тоскую по Россіи,—со вздохомъ сказалъ Яшимовъ.

— Вижу, вижу, Степанъ Симонычъ, — продолжалъ Петровъ,—кажись, чего бы намъ скучать? У меня вонъ и семья есть, хоша она, жена моя, и бусурманка, а любитъ меня, да и дѣтишки у меня есть. Въ достаткѣ живу и эти самые финики ѣмъ, и хлѣбъ здѣшній, и кофей, и баранины, сколько въ душу влѣзетъ. А все, нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнится родная деревня. Иной разъ во снѣ ее, матушку деревню, увидишь, такъ весь день ходишь самъ не свой. Вотъ и у васъ тоже молодая жена, не законная, правда, подъ вѣнцомъ не была, какъ и моя тоже, а все же она, какъ есть, жена.

— Такъ что-жъ?—перебилъ его Яшимовъ.

— Да то, Степанъ Симонычъ, что родная сторона вамъ дороже жены.

— И то правда. Что жъ изъ этого?

— Да то, что теперича случай есть уйти намъ отселѣ домой.

— Какой случай?—еще болѣе удивился Яшимовъ.

— А бригантина христіанская, что нонѣ пригнали наши разбойники?

— Какой же въ ней толкъ? — спросилъ Яшимовъ, недоумѣвая.

— Вотъ что, ваше благородіе,—еще понизилъ голосъ Петровъ,—я все обдумалъ. Вы говорите, что взятые на бригантинѣ люди наши, православные?

— Да, православные,—былъ отвѣтъ.

— И сидятъ они здѣсь подъ вашимъ ключемъ.

— Точно, подъ моимъ.

— Такъ вотъ что, ваше благородіе,—рѣшительно сказалъ Петровъ,—попрощаемся съ нашими женами, пущай ихъ живутъ на здоровье. А мы выберемъ ночку потемнѣй, да выпустимъ изъ-подъ замка нашихъ полоняниковъ, да съ ними, на ихъ бригантинѣ, и махнемъ домой.

Мысль эта, видимо, поразила Яшимова. Онъ даже приподнялся съ дивана. Но по лицу его замѣтно было, что въ немъ происходила борьба.

Въ это время за дверью послышался шорохъ, и въ комнату вошла закутанная съ ногъ до головы женщина. Это была жена Яшимова. При видѣ ея Петровъ всталъ и почтительно приложилъ руку къ сердцу.

V. Прощаніе съ Фатьмой.

Снова ночь на алжирскомъ берегу. Попрежнему, во мракѣ ночи, неясно рисуется темный силуэтъ башни, а надъ нею треплется въ воздухѣ алжирское кровавое знамя; но цвѣта его нельзя различить. Попрежнему у берега виднѣется темный остовъ корабля. Это—далматинская бригантина, недавно захваченная въ морѣ алжирскими корсарами.

Въ одномъ изъ узенькихъ окошекъ башни попрежнему мигаетъ огонекъ, но только ярусомъ выше. Луна еще не всходила.

Комната, изъ которой выходитъ къ морю свѣтъ огонька, это спальня жены Яшимова. Комната также вся уставлена диванами, но только на стѣнахъ, завѣшенныхъ богатыми коврами, не видать оружія. Зато есть зеркала въ бронзовой оправѣ и столики, уставленные флаконами для духовъ и разными принад-

лежностями женской уборной. Матовый свѣтъ разливаетъ по комнатѣ лампа подъ розовымъ абажуромъ.

У одной стѣны—богатая кровать съ балдахиномъ и кисейными занавѣсками. На кровати, на продолговатыхъ бѣлыхъ подушкахъ, покоится прелестная женская головка. Полуприкрытая розовымъ одѣяломъ, спускается съ кровати маленькая смуглая ручка съ розовыми ногтями.

Молодая женщина спитъ. Слышно ея ровное дыханіе.

У изголовья на колѣняхъ стоитъ Яшимовъ и съ любовью, но грустно, глядитъ на спящую.

Вдругъ за окномъ въ ночномъ воздухѣ пронесся тихій, протяжный крикъ ночной птицы. Яшимовъ вздрогнулъ и перекрестился. Крикъ птицы снова прорѣзалъ сонный воздухъ. Яшимовъ съ тревогой оглянулся. Правая его рука поднялась, и онъ съ выраженіемъ глубокой нѣжности на лицѣ перекрестилъ спящую женщину.

Въ душѣ его происходила борьба, въ этотъ моментъ болѣе сильная, чѣмъ тогда, когда въ первый разъ Петровъ подалъ ему мысль бѣжать изъ Алжира на взятой въ плѣнъ корсарами далматинской бригантинѣ. Теперь, стоя на колѣняхъ передъ дорогимъ ему существомъ, онъ, подобно умирающему, переживалъ всю свою жизнь: далекое, милое и туманное, какъ сонъ, дѣтство у подножія величественныхъ горъ Кавказа, походы и воинскія тревоги въ зрѣломъ возрастѣ. Жилъ ли онъ тогда для себя, жилъ ли сердцемъ? Нѣтъ, онъ не жилъ. Онъ никогда не зналъ ласкъ женщины, близкаго, дорогого существа. А тамъ—плѣнъ, бѣгство, ужасные семь дней мыканья по морю. Только тутъ, въ Алжирѣ, среди пиратовъ, онъ почувствовалъ всю сладость и нѣгу жизни, все очарованіе любви и ласкъ любимаго существа.

Эту милую Фатьму, одну изъ первыхъ красавицъ гарема, дей подарилъ ему въ жены. Но любитъ ли она его такъ, какъ онъ полюбилъ ее? Правда, она его ласкаетъ; при малѣйшемъ съ его стороны порывѣ нѣжности, она отдается ему вся; она скучаетъ и плачетъ, когда его не видитъ. Но не любовь ли это рабыни къ своему господину? Она и называетъ его господиномъ даже въ порывѣ самыхъ страстныхъ ласкъ.

Какъ оторвать отъ сердца и бросить это дорогое существо, нѣжное, наивное, какъ ребенокъ? Но онъ осилитъ себя, оторветъ

съ кровью большую половину своей души. Онъ будетъ тосковать по ней, онъ это знаетъ. А она? Если она, брошенная такъ предательски, будетъ страдать по немъ? За что же онъ ей дастъ эти муки?

И онъ снова крестилъ эту милую головку.

«Пусть чистыя небесныя силы хранятъ ее, хоть она и не моей вѣры. Будь счастлива, дорогое дитя. Забудь меня. Я не стою твоихъ слезъ, я бросаю тебя для моей далекой родины».

— Саибъ, саибъ,—шептали розовыя губки спящей.

Онъ готовъ былъ броситься и расцѣловать этого прелестнаго ребенка-женщину; но онъ вспомнилъ, что на немъ лежитъ нравственный долгъ—спасти десять плѣнныхъ далматинцевъ, взятыхъ пиратами вмѣстѣ съ захваченною ими бригантиною.

— Саибъ, саибъ...

Въ это мгновеніе въ воздухѣ въ третій разъ пронесся крикъ ночной птицы. Это былъ условный знакъ. Яшимовъ, закрывъ лицо руками, всталъ и, не оглядываясь, быстро удалился.

VI. Смерть товарища.

Когда Яшимовъ сошелъ къ берегу, тамъ уже стояла лодка, готовая отчалить, а въ ней—выведенные Петровымъ изъ тюрьмы девять плѣнныхъ далматинцевъ со шкиперомъ бригантины и неразлучный спутникъ и другъ Яшимова—Петровъ.

Яшимовъ вошелъ въ лодку, и она тихо поплыла къ бригантинѣ. Надо было торопиться, потому что приближалось утро. Бѣглецы безъ всякаго шума взошли на бригантину и, къ счастью, нашли поставленнаго на ней часового, молодого алжирца, спящимъ на свернутомъ спиралью канатѣ. Ему тотчасъ же зажали ротъ, связали руки и ноги и, словно мѣшокъ, снесли внизъ, въ трюмъ и тамъ заперли.

Все это было продѣлано молча и необыкновенно быстро.

Но пока успѣли обрубить якорь и поднять паруса, на берегу поднялась тревога. При утреннемъ, только что занимающемся свѣтѣ алжирцы увидѣли, что на бригантинѣ творится что-то необыкновенное, и потому, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, чтобы поднять на ноги небольшой гарнизонъ крѣпости, комендантомъ которой былъ Яшимовъ, быстро спустили на воду двѣ лодки и съ крикомъ: «Аллахъ! Аллахъ!» понеслись къ бригантинѣ.

Съ берега дулъ слабый вѣтеръ, и бригантина двигалась тихо. Алжирскія лодки настигали ее. Вотъ онѣ подъ бортомъ. Какъ ловкіе пираты, алжирцы необыкновенно быстро сцѣпились съ бригантиной и полѣзли на абордажъ.

Яшимовъ почти въ упоръ выстрѣлилъ въ алжирца, который первымъ вскочилъ на бригантину. Съ пробитымъ черепомъ, молодой пиратъ свалился въ море.

— Бей! Коли! Руби ихъ, окаянныхъ!—кричалъ Петровъ, бѣшено махая саблей.

— Алла! Алла!—лѣзли на бортъ пираты.

Нѣкоторые изъ нихъ были отбиты и попадали въ воду. Яшимовъ почувствовалъ, что ему точно что обожгло ногу.

— О! Куку мене!—закричали вдругъ далматинцы и бросились къ другому борту бригантины, словно испуганныя овцы.

Было, впрочемъ, чего испугаться. Въ пылу схватки ни Яшимовъ, ни Петровъ не замѣтили, что отъ берега отчаливаетъ разомъ нѣсколько лодокъ, полныхъ пиратами. Противъ такой силы, конечно, бригантинѣ нельзя было устоять.

Въ эту минуту Яшимовъ увидѣлъ, что отъ лѣваго борта бригантины убѣгаетъ подъ парусомъ баркасъ. Это спасались бѣгствомъ далматинцы.

— За мной, Петровъ! Въ яликъ!—крикнулъ Яшимовъ.

— О-охъ!—простоналъ Петровъ, слѣдуя за нимъ.

Не успѣли алжирскія лодки сдѣлать и половину разстоянія, отдѣлявшаго бригантину отъ берега, какъ легкій яликъ съ Яшимовымъ и Петровымъ уже мчался подъ парусомъ въ открытое море. Алжирцы, увидѣвъ это и догадавшись, что бѣглецы совсѣмъ бросили бригантину, уже не стали ихъ преслѣдовать, какъ потому, что за легкимъ яликомъ подъ парусомъ имъ было не угоняться въ открытомъ морѣ, такъ и потому болѣе, что бригантина все-таки оставалась ихъ добычею попрежнему.

Избавившись отъ погони, Яшимовъ только теперь, при восходѣ солнца, замѣтилъ, что съ его товарищемъ творится что-то неладное. Петровъ лежалъ на днѣ ялика навзничь. Лицо его было мертвенно блѣдно.

— Что съ тобою?—испуганно проговорилъ Яшимовъ.

— Умираю, ваше благородіе...

— Какъ! Ты раненъ?

— Да... вотъ...—И Петровъ показалъ рукою на грудь.

— Ты раненъ въ грудь? — не своимъ голосомъ спросилъ Яшимовъ, подходя къ товарищу.

— Да... Мустафа...

— Господи!

— Кланяйтесь... родной... землицѣ... и помолитесь... съ бусурманкою жилъ...

Жгучая боль проникла въ душу Яшимова отъ этихъ словъ умирающаго.

«Бусурманка — Фатьма... Никогда, никогда ужъ не видѣть ее».

Но онъ тотчасъ же опомнился. Передъ его глазами умиралъ его другъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, которыхъ вѣки, какъ и губы, судорожно вздрагивали...

Лицо умирающаго вытянулось, стало какъ бы восковымъ, а остеклѣлые глаза неподвижно устремлены были въ пространство.. Петрова не стало. Яшимовъ стоялъ на колѣняхъ и молился.

Предаваться горю было, однако, некогда, да и не безопасно. Алжирцы могли одуматься и, оснастивъ свои лодки парусами, погнаться за измѣнникомъ, бывшимъ ихъ начальникомъ и чаусомъ, столь недостойно ихъ обманувшимъ.

Оставивъ трупъ товарища лежать въ томъ положеніи, въ какомъ застигла его смерть, Яшимовъ направилъ свою лодку въ открытое море и отплылъ на такое разстояніе отъ алжирскаго берега, что его едва было видно.

Тогда уже, когда онъ увидѣлъ себя въ полной, по крайней мѣрѣ относительно, безопасности, онъ рѣшился отдать послѣдній христіанскій долгъ товарищу, такъ безвременно погибшему. Онъ снова сталъ на колѣни и долго молился, стараясь не глядѣть въ лицо умершему, котораго открытые глаза, казалось, выражали безмолвный укоръ небу.

Умирающихъ на морѣ обыкновенно и хоронятъ въ морѣ, зашиваютъ въ мѣшокъ или въ парусину, привязываютъ къ ногамъ пушечное ядро или иную тяжесть и спускаютъ за бортъ. Предстояло то же сдѣлать и съ тѣломъ Петрова, но у Яшимова не было ни мѣшка, ни парусины и никакой тяжести, даже камня, и потому онъ, поцѣловавъ мертвеца въ лобъ, перекрестилъ въ послѣдній разъ и, съ трудомъ приподнявъ со дна лодки, осторожно спустилъ въ море книзу ногами.

Тяжело и страшно стало Яшимову даже оглянуться на то

мѣсто, гдѣ мертвецъ исчезъ подъ водою, и онъ, приспособивъ парусъ, направилъ лодку на востокъ, вдоль африканскаго берега.

VII. Въ гостяхъ у пирата.

Теперь только, когда Яшимовъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ въ безбрежномъ морѣ, на мелкомъ яликѣ и безъ малѣйшаго запаса пищи, только теперь онъ задумался надъ своимъ положеніемъ, которое казалось безвыходнымъ.

Что ему предпринять? Куда направить утлую лодчонку? Гдѣ искать спасенія? Не въ Алжиръ же возвращаться, хотя тамъ ждало его покинутое имъ дорогое существо. А переплыть Средиземное море на крошечномъ яликѣ безъ пищи и воды, объ этомъ было бы безуміемъ и думать.

Онъ рѣшился добраться до Туниса. Цѣлый день его яликъ съ надутымъ попутнымъ вѣтеркомъ парусомъ скользилъ по волнамъ на востокъ, вдоль алжирскаго берега. Весь день онъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Душу его удручали тяжелыя думы и горесть о погибшемъ другѣ, и тоска по покинутомъ дорогомъ существѣ, которое теперь стало ему еще дороже, и неизвѣстность будущаго. Раньше, когда они съ Петровымъ рѣшились бѣжать изъ Алжира на далматинской бригантинѣ, у него была надежда когда-нибудь добраться до родной земли. Для нея онъ оторвалъ отъ своего сердца самое дорогое, что онъ имѣлъ въ жизни—любовь и ласки любимой женщины; тогда за синими морями, далеко-далеко, воображенію его рисовалась милая Россія. А теперь все это потеряно имъ—и любовь, и счастье, и надежда.

Лѣвая нога его ныла отъ боли. Въ отчаянный моментъ схватки съ алжирцами, на бортѣ бригантины, алжирская пуля пронзила ему навылетъ лѣвую ногу выше колѣна, не задѣвъ, впрочемъ, кости, и хотя онъ наскоро перевязалъ ее, но перевязка сдѣлана была такъ дурно, что рана воспалилась, и боль была невыносима.

Но вотъ прошелъ этотъ мучительный день, солнце погрузилось въ море, и вскорѣ насталъ мракъ. Теперь можно было пристать къ берегу, и бѣглецъ направилъ свою лодку въ небольшой заливъ, осѣненный букетами пальмъ, которыя онъ замѣтилъ на горизонтѣ при закатѣ солнца, отразившаго послѣдніе лучи на зонтичныхъ вершинахъ африканскихъ великановъ растительнаго

царства. Изъ-за пальмъ и небольшого возвышенія, надъ которымъ эти деревья господствовали, вился къ небу синій дымокъ. Значитъ, жилье недалеко. Но это алжирское жилье. Бѣглецу изъ Алжира приходилось придумывать, за кого себя выдать и чѣмъ объяснить свое появленіе здѣсь, на берегу моря.

Но безвыходность и смерть, глянувшая въ очи, изобрѣтательнѣе самой нужды.

Едва Яшимовъ, уже во мракѣ, присталъ къ берегу и вышелъ изъ ялика, какъ тотчасъ же сталъ нагружать спасшую его лодку камнями-валунами, которыми усѣянъ былъ морской берегъ. Когда яликъ нагруженъ былъ такъ, что едва держался на водѣ, Яшимовъ, войдя въ воду, оттолкнулъ его и, держась руками за оба его передніе борты, сталъ отталкивать дальше и дальше отъ берега. Саженяхъ въ 20 или 30-ти отъ берега онъ остановился, накренилъ яликъ нѣсколько на бокъ, такъ что въ него залилась вода, накренилъ на другой бокъ—и яликъ моментально пошелъ ко дну. Даже верхушки мачты не осталось на поверхности.

— Прощай, другъ,—тихо сказалъ Яшимовъ, — ты меня спасъ, а я тебя утопилъ.

Потомъ онъ поплылъ обратно къ берегу. Вода ручьями текла съ него, когда онъ очутился на землѣ. Море тихо плескалось на низменный берегъ. Онъ обернулся. Невдалекѣ вырисовывались стройные силуэты пальмъ.

— Господи, помоги!—набожно перекрестился бѣглецъ и пошелъ по направленію къ пальмамъ. Здѣсь берегъ нѣсколько возвышался, и когда Яшимовъ поровнялся съ пальмами, впереди, невдалекѣ, блеснулъ огонекъ. На огонекъ и пошелъ онъ

Скоро онъ различилъ въ темнотѣ низенькую стѣну и очертанія арабской хижины. Изъ ея маленькаго оконца выходилъ свѣтъ. Это и былъ замѣченный имъ раньше огонекъ.

Подойдя къ открытымъ дверямъ хижины и увидѣвъ въ ней присутствіе людей, Яшимовъ произнесъ подобающее случаю арабское привѣтствіе. Изъ хижины ему отвѣчали тѣмъ же и пригласили войти.

Яшимовъ вошелъ. Въ довольно просторной квадратной комнатѣ, на низкомъ диванѣ, покрытомъ кошмою изъ верблюжьей шерсти, сидѣлъ старикъ. Около него лежали пальмовыя вѣтви и до половины сплетенная изъ нихъ корзина. На циновкѣ, у ногъ

старика, сидѣли дѣти—мальчикъ и дѣвочка, которымъ, вѣроятно, не было и десяти лѣтъ. На низкомъ очагѣ горѣлъ огонь.

При входѣ Яшимова мальчикъ и дѣвочка вскочили и удивленно смотрѣли на него.

— Кого Аллахъ прислалъ въ мой шатеръ?—спросилъ старикъ.

— Саиба, дѣдъ,—отвѣчали разомъ дѣти,—онъ мокрый.

— Саиба! Мокрый саибъ?—удивился старикъ и поднялся на ноги.—Развѣ Аллахъ послалъ дождь жаждущей землѣ?

Съ знаками восточнаго привѣта Яшимовъ приблизился къ старику, который оказался слѣпымъ. Старикъ протянулъ одну руку пришельцу, а другую положилъ ему на плечо.

— Да, мой гость мокрый,—сказалъ онъ,—а я и слѣпъ, и глухъ, не слыхалъ, какъ Аллахъ поилъ жаждущую землю изъ небеснаго фонтана.

— Нѣтъ, ага,—отвѣчалъ Яшимовъ,—Аллахъ не открывалъ сегодня небесныхъ фонтановъ: я вымокъ въ морской водѣ.

— Какъ же саибъ попалъ въ море?—спросилъ старикъ.

— По волѣ Аллаха, который спасъ меня отъ рукъ невѣрныхъ, да будетъ благословенно имя его!—отвѣчалъ Яшимовъ, стараясь говорить витіеватою рѣчью.

— А развѣ гяуры близко?—встрепенулся старикъ.

— Нѣтъ, ага, они теперь далеко, хвала Аллаху! Я сейчасъ все разскажу.

— Хорошо, саибъ,—успокоился старикъ, — только пусть саибъ сейчасъ раздѣнется и просушитъ у моего очага свою одежду. А ты, Халиль, подай саибу мой лучшій плащъ,—обратился онъ къ мальчику, который, равно какъ и дѣвочка, не спускалъ глазъ съ пришельца.

— Аллахъ да наградитъ тебѣ!—съ чувствомъ сказалъ Яшимовъ.—А ты, малютка, выйди на минутку: женщинѣ не подобаетъ видѣть голое тѣло мужчины.

Дѣвочка сверкнула бѣлыми, какъ кипень, зубками, улыбнулась и юркнула за дверь, которая, какъ предполагалъ Яшимовъ, вела на женскую половину.

Пришелецъ тотчасъ же раздѣлся, развѣсилъ мокрое платье у очага и облачился въ бѣлый, широкій бедуинъ, перевязавъ предварительно свою рану.

— Саибъ раненъ,—сказалъ мальчикъ, глядя на ногу пришельца.

— Раненъ?—переспросилъ старикъ.

— Да, пулею въ ногу,—отвѣчалъ Яшимовъ,—но пуля гяура не повредила кости.

— Хвала Аллаху!—оживленно заговорилъ старикъ.—Все же это рана, ее надо залечить. Халиль!—обратился онъ къ мальчику.—Поди къ матери, пусть она дастъ тебѣ заживной пластырь для раны саиба.

Мальчикъ юркнулъ на женскую половину, а старикъ усадилъ своего гостя на верблюжью кошму и сѣлъ противъ него на циновку, поджавъ подъ себя традиціонно ноги. Скоро возвратился мальчикъ и принесъ кусокъ зеленой липкой массы. Яшимовъ зналъ уже свойство и употребленіе этого африканскаго пластыря, приготовляемаго изъ листьевъ алоэ и какой-то ароматной смолы, и наложилъ его на рану и на всю воспаленную часть ноги.

— Теперь, Халиль, подай саибу и мнѣ наргиле,—приказалъ старикъ.

Мальчикъ быстро исполнилъ приказаніе дѣда.

VIII. Отводъ глазъ слѣпца.

— Я—чаушъ яснаблистательнаго дея алжирскаго, да хранитъ его Аллахъ и да пошлетъ ему столько лѣтъ, сколько въ его стадахъ коней и кобылицъ,—началъ Яшимовъ, потягивая дымъ изъ хрипящаго наргиле.—Третьяго дня его яснаблистательность изволилъ приказать мнѣ отправиться съ секретнымъ порученіемъ къ его яснасвѣтлости бею тунисскому на особо снаряженной и вооруженной шебекѣ. Первый день нашего плаванія, хвала Аллаху, былъ благополученъ, хотя противные вѣтры и замедляли ходъ шебеки. Но ночью Аллахъ отвратилъ отъ насъ лицо свое...

— Да будетъ благословенно имя его!—набожно вздохнулъ старикъ.—Онъ самъ знаетъ, куда вести правовѣрныхъ.

— Аллахъ керимъ!—съ притворной набожностью воскликнулъ Яшимовъ.—Ночью напалъ на насъ инглизъ.

— Инглизъ! Проклятая собака!—не вытерпѣлъ старикъ.—Пусть Аллахъ пальцемъ помѣшаетъ мозги инглиза и ослѣпитъ очи его!

— Аллахъ акберъ!—повторилъ Яшимовъ въ тонъ старику.

При этомъ онъ замѣтилъ, что наверху стѣны, за которою находилось женское отдѣленіе, осторожно чья-то рука приподняла занавѣску, и въ отверстіе блеснуло нѣсколько глазъ. Яшимовъ догадался, что это выглядывали оттуда женщины, и продолжалъ свой разсказъ.

— Инглизы атаковали мою шебеку на огромномъ стопушечномъ линейномъ кораблѣ, и хотя мы и храбрые алжирцы, отважно сцѣпившись на абордажъ, отчаянно защищались и многихъ гяуровъ убили...

— Хвала Аллаху!—не вытерпѣлъ старикъ.

— Хотя,—продолжалъ Яшимовъ,—у гяуровъ былъ убитъ самъ ихъ капуданъ-паша...

— Капуданъ-паша! — вскочилъ старикъ, страшно ворочая слѣпыми глазами.—Хвала Аллаху и его пророку! Да наградятъ они лучшими гуріями того правовѣрнаго, который убилъ капудана-пашу. Кто убилъ его, саибъ?—спросилъ старикъ.

— Мнѣ помогъ Аллахъ это сдѣлать, — скромно отвѣчалъ Яшимовъ.

— Тебѣ, саибъ? Дай же поцѣловать ту руку, которая отправила въ адъ проклятую душу гяура.

И старикъ, взявъ руку Яшимова, поцѣловалъ ее. Его примѣру послѣдовалъ и маленькій Халиль. Вслѣдъ затѣмъ изъ женской половины прибѣжала дѣвочка, а за нею вошла сгорбленная старуха, и обѣ поцѣловали руку у своего интереснаго гостя.

— Тогда,—продолжалъ Яшимовъ,—на нашу шебеку гяуры ударили другимъ линейнымъ кораблемъ. Я былъ раненъ въ ногу пулею навылетъ. Нѣкоторые изъ моей команды были убиты, другіе ранены, въ томъ числѣ и я, и взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ шебекою.

Старикъ горестно покачалъ головой.

— Ля илляхъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!— какъ бы про себя пробормоталъ онъ.

Дѣти не сводили глазъ съ разсказчика; старуха возилась у очага, перевѣшивая на другой бокъ сушившееся у огня платье Яшимова, а нѣсколько прелестныхъ глазъ продолжали сверкать изъ-за занавѣски женской половины.

— Всю ночь и слѣдующій день насъ, плѣнныхъ, держали въ тюрьмѣ,—продолжалъ Яшимовъ. — Но въ тюрьмѣ было такъ

душно, что за день нѣкоторые изъ моей команды, раненые, умерли...

— Да наградитъ ихъ Аллахъ прекраснѣйшими гуріями въ своемъ раю,—пробормоталъ старикъ.

— Я тоже притворился умирающимъ, и меня къ вечеру вынесли на палубу. Я увидѣлъ, что инглизъ держитъ путь на востокъ: или къ Тунису или къ египетскимъ берегамъ. Корабли гяуровъ шли вдоль алжирскихъ береговъ и я видѣлъ, что земля не далеко. Когда же совсѣмъ стемнѣло, я бросился съ борта прямо въ море. Я хорошо плаваю и могу долго пробыть подъ водою. Я такъ и сдѣлалъ. Погрузившись въ море, я старался, подъ водою, уплыть подальше, и когда я вынырнулъ на поверхность, корабли были уже далеко впереди. Гяуры, конечно, подумали, что я утонулъ. Но Аллахъ сохранилъ мою жизнь.

— Хвала Аллаху!

— Потомъ я поплылъ къ берегу,—продолжалъ Яшимовъ.— Я издали видѣлъ ваши прекрасныя пальмы и огонекъ. Этотъ огонекъ и привелъ меня въ домъ твой, почтенный ага.

— Это не былъ огонекъ моего очага,—серьезно сказалъ старикъ,—то былъ глазъ Аллаха.

— Хвала Аллаху и его пророку!—съ своей стороны воскликнулъ Яшимовъ.

Между тѣмъ платье его высохло, и онъ снова одѣлся. Тогда въ эту комнату, гдѣ они сидѣли, изъ женскаго отдѣленія вышли двѣ молодыя женщины съ подносами, на которыхъ лежали куски жареной баранины, овечій сыръ, хлѣбъ, поджареный рисъ, свѣжіе финики и зеленые, длинные рожки банановъ. Поставивъ передъ гостемъ подносы, женщины также поцѣловали у него руку и молча удалились на свою половину.

Съ жадностью голоднаго волка Яшимовъ накинулся на вкусныя кушанья, хотя и старался сдерживать проявленія мучившаго его голода. Лучшіе кусочки онъ предлагалъ вертѣвшимся около него мальчику и дѣвочкѣ, а когда далъ имъ по серебряной монетѣ, то восторгу ихъ не было конца. И изъ-за занавѣски прекрасные глаза смотрѣли на него еще съ большей благосклонностью.

IX. Красавица Хамсинъ.

Хотя на нынѣшній день обстоятельства и счастливо сложились для нашего бѣглеца, однако, завтра же они могли измѣниться къ худшему, и даже непремѣнно должны измѣниться. Теперь уже, конечно, вѣсть объ измѣнѣ и бѣгствѣ одного изъ приближенныхъ къ дею чаушей достигла Алжира. Можетъ быть, уже сегодня отправлены гонцы во всѣ стороны для поимки измѣнника. Завтра же утромъ гонцы могутъ явиться сюда, и тогда бѣжавшему чаушу не избѣжать казни.

Во что бы то ни стало, надо скорѣе бѣжать отсюда, и, конечно, въ Тунисъ, въ Алжирѣ оставаться невозможно.

Но какъ бѣжать? Какой найти предлогъ? Завтра-же все селеніе, въ которомъ онъ теперь скрылся на ночь и гдѣ онъ нашелъ такой радушный пріемъ, завтра же все селеніе сойдется посмотрѣть на такое важное лицо, какъ чаушъ, довѣренное лицо яснублистательнаго дея.

Въ ночь онъ обдумывалъ свое критическое положеніе и только къ утру уснулъ, потому что пришелъ, наконецъ, къ наиболѣе, какъ ему казалось, подходящему рѣшенію. Надо купить хорошую лошадь и, подъ предлогомъ скорѣйшаго исполненія тайнаго порученія дея, скакать въ Тунисъ.

Чуть свѣтъ онъ уже на ногахъ. Но и старикъ уже сидѣлъ на циновкѣ и говорилъ молитву, покачиваясь и кланяясь на востокъ. Яшимовъ долженъ былъ послѣдовать его примѣру и тоже сталъ молиться.

По окончаніи моленія и обычныхъ восточныхъ привѣтствій, старикъ заговорилъ о предметѣ, который особенно безпокоилъ бѣглеца.

— Саибъ долженъ успокоить яснoблистательнаго дея,—сказалъ онъ.

— Чѣмъ успокоить, почтенный ага?—спросилъ Яшимовъ не безъ внутренней дрожи.

— А вѣстью, что, благодаря милости Аллаха, саибъ избѣжалъ рукъ гяуровъ! Пусть саибъ пошлетъ въ Алжиръ гонца съ этой вѣстью.

— О, нѣтъ, почтенный ага, — изворачивался нашъ бѣглецъ,—гонецъ только можетъ обезпокоить яснoблистательнаго дея.

— Почему же такъ думаетъ саибъ?

— А потому, почтеннѣйшій ага, что теперь ему ничего неизвѣстно о гибели шебеки, а когда онъ узнаетъ объ этомъ, то это доставитъ его великому сердцу тревогу. А когда я лично, по исполненіи возложеннаго на меня порученія, предстану передъ его свѣтлыя очи и все объясню, тогда Аллахъ ниспошлетъ въ его сердце спокойствіе.

— Такъ,—согласился старикъ,—какъ же саибъ исполнитъ это порученіе?

— Я сейчасъ долженъ ѣхать въ Тунисъ и потому сейчасъ же долженъ достать здѣсь лучшаго скакуна, на которомъ бы я могъ скорѣе достигнуть Туниса.

— Лучшая кобылица степей Алжира будетъ сейчасъ приведена саибу.

— А бѣгъ у нея хорошій?

— Она быстрѣе вѣтра пустыни.

Но тутъ Яшимовъ вспомнилъ, что у него нѣтъ ни кинжала, ни сабли, ни пистолетовъ и никакого другого оружія, кромѣ трехграннаго стилета, который онъ вынулъ изъ груди погибшаго товарища. Надобно было подумать и объ оружіи, и онъ тотчасъ же заговорилъ объ этомъ съ своимъ хозяиномъ.

— Но мнѣ, почтенный ага, не одинъ конь нуженъ,—сказалъ онъ.

— Что же еще нужно его милости саибу?—спросилъ старикъ.

— Гяуры отобрали у меня оружіе,—отвѣчалъ Яшимовъ,—Я долженъ для предстоящаго пути вооружиться съ головы до ногъ. Мало ли что можетъ случиться дорогой

— Саибъ дѣло говоритъ, надо хорошенько вооружиться,—сказалъ старикъ.—Хотя всемогущій Аллахъ и лишилъ меня зрѣнія, да и пора: я слишкомъ долго созерцалъ красоты его творенія, однако, онъ не отнялъ у меня оружія. Саибъ самъ можетъ видѣть его на стѣнѣ.

Дѣйствительно, Яшимовъ давно уже поглядывалъ на прекрасное вооруженіе, въ красивой симметріи развѣшанное на стѣнѣ.

— Я дарю мое вооруженіе благородному саибу,—продолжалъ старикъ,—для слѣпца оно безполезно, и защитить меня могутъ мои сыновья.

— Много Аллахъ послалъ сыновей почтенному агѣ?—спросилъ Яшимовъ.

— Шесть молодцовъ.

— Гдѣ же они теперь?

— Въ морѣ, на благородномъ промыслѣ.

«На грабежѣ», подумалъ Яшимовъ, «странствуютъ».

Но надо было торопиться.

— Чѣмъ же я отблагодарю почтеннаго агу за такой дорогой подарокъ?—спросилъ онъ.

— Доброй памятью о старикѣ и его гостепріимствѣ,—отвѣчалъ тотъ.

Яшимовъ горячо пожалъ руку великодушному хозяину.

— А гдѣ я долженъ искать кобылицу, о которой говорилъ благородный ага?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ саибъ услышитъ топотъ ея копытъ у дверей моего дома. Халиль!—крикнулъ старикъ.

На зовъ его изъ женской половины сейчасъ же прибѣжалъ вчерашній востроглазый арабченокъ, скаля бѣлые зубы.

— Бѣги, внучекъ, сейчасъ къ Абдулъ-Ибрагиму, — обратился къ нему старикъ,—пускай ведетъ сюда кобылицу Хамсинъ, осѣдланную лучшимъ сѣдломъ, да скорѣй!

Мальчикъ стрѣлой вылетѣлъ за дверь.

— Она горяча, какъ хамсинъ, и быстра, какъ хамсинъ *)—сказалъ старикъ,—оттого Хамсиномъ ее и назвали.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, послышался топотъ лошадиныхъ копытъ, и въ открытую дверь показалась голова и роскошная грива бѣлой, какъ горный снѣгъ, красавицы.

X. Лицомъ къ лицу со львомъ пустыни.

Заря только что занимается. Величественно и прекрасно африканское утро, утро пустыни. Солнце еще не выкатилось изъ-за горизонта, но восточная окраина неба уже золотится.

Въ этой холмистой песчаной пустынѣ, кое-гдѣ какъ бы вкрапленной безобразными кустами гигантскихъ кактусовъ да одинокими букетами пальмъ, виднѣется единственное живое су-

*) Африканскій знойный вѣтеръ—«самумъ» или «хамсинъ».

щество, одинокій всадникъ на бѣломъ конѣ. Это, повидимому, бедуинъ, хорошо вооруженный и, по всей вѣроятности, отправляющійся въ далекій путь. Кромѣ длиннаго тонкаго копья, двустволки, перекинутой за спину, и кинжаловъ съ пистолетами, торчащихъ за широкимъ пестрымъ поясомъ, у путника черезъ сѣдло перевѣсились переметныя, ярко-пестрыя сумы и кожаный бурдюкъ съ водою. Бедуинъ держитъ путь на востокъ.

Бедуинъ этотъ былъ Яшимовъ. Онъ ѣхалъ въ глубокой задумчивости. Вдругъ ему послышались какъ бы слабые, отдаленные раскаты грома. Онъ съ удивленіемъ началъ прислушиваться и осматриваться кругомъ. Откуда бы быть грому? На утреннемъ небѣ ни облачка, да африканское небо и не часто видитъ этихъ воздушныхъ странниковъ. Слабые раскаты повторялись... Что бы это было?

Тутъ только онъ замѣтилъ, что Хамсинъ насторожила уши и вся дрожитъ. Громовые раскаты послышались снова, и теперь онъ различаетъ, что это не раскаты грома, а очень знакомые всѣмъ африканцамъ звуки. На зарѣ они особенно внушительны.

То было рыканье льва, царя этой угрюмой пустыни. Живя пять лѣтъ въ Африкѣ, Яшимовъ успѣлъ хорошо прислушаться къ этой страшной музыкѣ пустыни и не разъ лично имѣлъ дѣло съ хвостатымъ и гривастымъ пѣвцомъ Африки.

Но гдѣ онъ? Куда направляетъ свой путь? Въ это время онъ обыкновенно ходитъ на водопой и ревомъ своимъ привѣтствуетъ восходящее солнце. Этотъ ревъ очень хорошо знаютъ всѣ звѣри Африки и едва заслышатъ его, тотчасъ со страхомъ убѣгаютъ прятаться. И одинъ ли онъ теперь идетъ на водопой, или со львицей? Если не одинъ, то это было-бы ужасно.

Едва Яшимовъ подумалъ это, какъ вдали, на песчаномъ холмѣ, ясно вырисовался силуэтъ льва. Голова чудовища съ громадною гривою обращена были къ солнцу.

Еще разъ послышалось рыканье; левъ повернулъ голову и, казалось, вздрогнулъ. Безъ сомнѣнія, онъ увидѣлъ добычу. Видно было, какъ онъ замахалъ хвостомъ. И лошадь увидала его и испуганно захрапѣла. Теперь она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Пока путникъ успѣлъ приблизиться къ кактусамъ, левъ сдѣлалъ два громадныхъ прыжка. Яшимовъ понялъ, что спастись невозможно и надо защищаться. Онъ зналъ ухватки страшнаго

звѣря, зналъ и его плохую сообразительность: царь звѣрей порядкомъ-таки глуповатъ. На эту глупость всегда и разсчитываетъ охотникъ.

Подъѣхавъ къ пальмѣ, онъ слѣзъ съ лошади, которая продолжала дрожать, и желѣзною цѣпью привязалъ ее къ стволу пальмы, по ту сторону ствола, противоположную тому мѣсту, откуда могъ приблизиться левъ. Лошадь испуганно рвалась и билась; но желѣзная цѣпь держала ее. Самъ-же Яшимовъ тотчасъ засѣлъ за кустъ кактуса, вынулъ изъ ноженъ кинжалы, приготовилъ пистолеты, и, осмотрѣвъ курки пистолетовъ и двустволки, дуло послѣдней просунулъ сквозь кустъ, въ отверстіе между колючими листьями кактуса. Въ это отверстіе ему хорошо видно было звѣря.

Теперь левъ, уже совсѣмъ недалеко, ползъ на брюхѣ съ ужимками кошки, подкрадывающейся къ воробью или къ голубю. Звѣрь воображалъ, что добыча не видитъ его и подкрадывался. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ сдѣлаетъ свой страшный прыжокъ прямо на добычу.

У Яшимова болѣзненно сжалось сердце, когда онъ слѣдилъ за этими движеніями ужасной кошки. Онъ слѣдилъ за движеніемъ ея мускуловъ и положеніемъ ногъ. Вотъ-вотъ ужасная кошка начинаетъ какъ-бы сжиматься, выпячивать спину, подбирать ноги. Лицо звѣря подергивается конвульсіями... Вотъ-вотъ...

Грянулъ выстрѣлъ, и страшное животное сдѣлало этотъ ожидаемый прыжокъ, но не сюда, не на добычу, а вверхъ, и опрокинулось. Въ одно мгновеніе оно поднимается и дѣлаетъ новый прыжокъ; но на полетѣ его встрѣчаетъ новая пуля, прямо въ лобъ, и страшное животное падаетъ на землю, конвульсивно корчась и окрашивая песокъ пустыни кровью.

Яшимовъ выскакиваетъ изъ своей засады и въ затылокъ льва, у самой гривы, всаживаетъ огромный кинжалъ по самую рукоятку.

Тутъ только Яшимовъ замѣтилъ, что убитое имъ чудовище необычайныхъ размѣровъ. И теперь только онъ почувствовалъ, что его бьетъ лихорадка.

Онъ упалъ на колѣни и, закрывъ лицо руками, молился безъ словъ.

XI. Въ Тунисѣ—на невольничьемъ рынкѣ.

На четвертый день послѣ утомительнаго переѣзда по пустынѣ и по рѣдкимъ оазисамъ съ селеніями, передъ нашимъ путникомъ, въ синей дали, стали отчетливо вычерчиваться на горизонтѣ стройныя иглы минаретовъ, куполы мечетей и домовъ и бѣлыя стѣны, осѣненныя кое-гдѣ пальмами: то былъ Тунисъ.

Яшимовъ выѣхалъ теперь на большую караванную дорогу, гдѣ уже было больше движенія. Попадались и одинокіе путники, пѣшіе и конные; по сторонамъ дороги паслись стада овецъ и верблюдовъ; караваны верблюдовъ, глухо звеня колокольчиками, тянулись то къ Тунису, то отъ Туниса. Влѣво, за песчаными холмами, разстилалось голубое море, которое и пугало своею безбрежностью, и невольно приковывало къ себѣ взоръ: тамъ, за этимъ бирюзовымъ моремъ и за этою синею далью, постоянно витали грустныя думы нашего путника.

За этими думами онъ и не замѣтилъ, какъ очутился у самыхъ воротъ города. Одѣтый въ костюмъ, въ какомъ ходили всѣ побережные жители Алжира и Туниса, Яшимовъ свободно въѣхалъ въ городъ. Городъ былъ для него незнакомъ, но ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ Африки, и Яшимовъ, хорошо ознакомившійся съ городами Востока по Алжиру, скоро добрался до центра этого шумнаго африканскаго муравейника, до базара. Тутъ онъ легко отыскалъ «ханъ», нѣчто вродѣ постоялаго двора, и остановился въ немъ.

Четырехдневное путешествіе верхомъ, часто подъ палящимъ солнцемъ, порядкомъ истомило его, а отсутствіе горячей пищи и питанье въ пути почти однимъ вареннымъ рисомъ да финиками довели его до того, что онъ очень отощалъ. Отощала немало и его бѣлоснѣжная красавица Хамсинъ. Лошадь тотчасъ-же поставили въ прохладную конюшню, гдѣ не было мухъ, и задали ей корму, послѣ хорошей выводки по двору. Яшимовъ-же заказалъ себѣ рисовую съ кайенскимъ незрѣлымъ перцемъ и съ молоденькими креветками похлебку и хорошій шашлыкъ.

Подкрѣпившись и отдохнувъ, онъ сталъ обдумывать свое положеніе. Что ожидаетъ его въ Тунисѣ? Что онъ будетъ тутъ дѣлать? О поступленіи на службу къ дею, подобно тому, какъ онъ служилъ въ Алжирѣ, онъ и думать не хотѣлъ. Если тамъ, достигнувъ въ пять лѣтъ почти положенія вельможи-начальника

одной изъ крѣпостей Алжира, онъ бросилъ все, даже прелестную и любимую жену, и очертя голову пустился въ море, въ невѣдомый путь, то здѣсь онъ зачахнетъ съ тоски по родинѣ. Надо, во что бы то ни стало, найти средство бѣжать и отсюда. Но какъ, на чемъ бѣжать? Онъ долго объ этомъ думалъ и остановился на единственномъ разумномъ рѣшеніи. Надо почаще навѣдываться на тукисской пристани о приходящихъ въ городъ корабляхъ, конечно, иностранныхъ. На первый-же христіанскій корабль, который броситъ якорь въ тунисской гавани, онъ наймется матросомъ. Онъ даже готовъ былъ поступить въ матросы безъ всякаго жалованья, работать за троихъ, лишь бы перебраться черезъ это море и ступить на землю въ какой-либо христіанской странѣ, хотя-бы даже во Франціи, изъ которой онъ бѣжалъ пять лѣтъ назадъ.

И Яшимовъ каждое утро сталъ отправляться на пристань и бродилъ тамъ до сумерекъ. Каждый день въ гавань приходили корабли и уходили изъ нея; но все это были корабли африканскихъ странъ: египетскіе, тунисскіе, сирійскіе и алжирскіе съ кроваво-краснымъ флагомъ и съ бѣлою рукою, держащею мечъ. Много было корсарскихъ кораблей, которые возвращались съ моря съ пиратскою добычею и нерѣдко съ плѣнными христіанами и христіанками. Были тутъ и плѣнные греки, и итальянцы, и французы, и несчастные славяне. Этихъ полонянниковъ и полонянокъ выводили на невольничій рынокъ, который былъ какъразъ противъ «хана», въ которомъ остановился Яшимовъ, и продавали ихъ торговцамъ невольниками изъ Египта, Нубіи, Дарфура, Кордофона, Марокко и даже далекой Абиссиніи. Часто Яшимову приходилось слышать на рынкѣ раздирающій душу плачъ женщинъ и дѣвушекъ, дѣтей и матерей, разлучаемыхъ съ дѣтьми.

Разъ какъ-то, проходя невольничьимъ рынкомъ, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что услыхалъ на немъ. Среди женскаго и дѣтскаго плача онъ явственно разслышалъ, какъ чей-то женскій голосъ въ отчаяніи выкрикнулъ: «Господи! Сжалься-же надъ нами!»

Точно ожгли его эти слова. Въ Тунисѣ, и вдругъ русская рѣчь!

Яшимовъ опрометью бросился къ тому мѣсту, откуда послышался этотъ отчаянный возгласъ. Сцена, на которую онъ тамъ

наткнулся, была обыкновенная сцена, которыя на невольничьихъ рынкахъ повторялись въ каждый базарный день. Въ разныхъ мѣстахъ площади, подъ полотняными навѣсами, а то и прямо на солнцѣ, рядомъ съ лежащими на землѣ и пережевывающими жвачку верблюдами, сидѣли группами выведенные на продажу невольники — полоняники и полонянки. Около нихъ толпились праздные, любопытствующіе зрители, словно около продаваемыхъ овецъ, и разсматривали этотъ своеобразный товаръ; тутъ-же, съ серьезными, сосредоточенными лицами, похаживали и внимательно приглядывались къ этому товару торговцы невольниками. Иной ощупывалъ мускулы приземистаго, загорѣлаго итальянца въ красномъ колпакѣ—упруги-ли эти мускулы, хороши-ли будутъ въ работѣ; иной лѣзъ другому въ ротъ, словно продаваемой на ярмаркѣ лошади, — всѣ-ли зубы цѣлы; третій взвѣшивалъ на ладони тяжесть косы у молоденькой полонянки и, не смотря на ея слезы, грубыми своими лапищами пробовалъ упругость ея молодыхъ персей; тамъ раздѣтые догола мальчикъ и дѣвочка, закрывая отъ стыда лица, старались спрятать ихъ въ подолѣ матери-полонянки. Тутъ били по рукамъ— сошлись, значитъ, въ цѣнѣ, и живой товаръ передавался съ рукъ на руки.

Подъ однимъ изъ навѣсовъ Яшимову представилась такая сцена. Совсѣмъ голенькій мальчикъ, лѣтъ восьми или девяти, закрывъ лицо руками, горько плакалъ, а около него стоялъ черномазый бедуинъ въ своемъ бѣломъ бурнусѣ и оригинальной головной повязкѣ со шнурами, и гладя плачущаго мальчика грубою ладонью по бѣлокурой курчавой головкѣ, съ нѣжностью, на которую только способна была его разбойничья рожа, совалъ ему въ ротъ огромный кусокъ рахатъ-лукума. А тутъ-же рядомъ, на циновкѣ, опрокинувшись головкой на подушку, лежала прелестная молодая дѣвушка, но лежала, повидимому, не по своей волѣ: ее бережно держали за плечи низенькій старикъ въ чалмѣ и молодой, но коренастый арабъ, въ одѣяніи пирата; одною рукою онъ держалъ ее за плечо, а другою, съ выраженіемъ нѣжности и ласковости на лицѣ, гладилъ закрывшую руками заплаканное личико дѣвушку по головѣ и приговаривалъ, конечно, по-арабски: «не плачь, красавица, не плачь, звѣзда сѣвера, она тебѣ ничего не сдѣлаетъ, не бойся». Тутъ только Яшимовъ замѣтилъ что какая-то отвратительная старуха что-то дѣлала ру-

ками подъ платьемъ дѣвушки и одобрительно, скаредно улыбалась державшимъ ее злодѣямъ, утвердительно кивая головой, въ то время когда бѣдная жертва ея таинственныхъ манипуляцій, метаясь на подушкѣ, молилась въ страшномъ отчаяніи: «О, Господи! Да сжалься-же!»

Мгновенно Яшимовъ схватился было за кинжалъ, но такъже мгновенно опомнился.

Окончивъ свое дѣло, старуха поднялась, а руки, державшія дѣвушку за плечи, пустили ее. Она теперь тихо, беззвучно плакала. Яшимовъ въ глубокомъ волненіи подошелъ къ ней.

— Здравствуйте, сударыня, — сказалъ онъ по-русски. — Господь да хранитъ васъ.

Глубокое изумленіе выразилось на лицѣ дѣвушки. Мальчикъ тоже пересталъ плакать и съ удивленіемъ глядѣлъ на незнакомца. Разинули рты отъ изумленія и тотъ, что былъ въ одеждѣ пирата (продавецъ), и старичекъ въ чалмѣ (покупатель), и отвратительная старуха (экспертъ), и тотъ разбойникъ, что держалъ въ рукѣ кусокъ рахатъ-лукума.

— Вы русская?—спросилъ Яшимовъ дѣвушку.

— Русская,—былъ чуть слышный отвѣтъ.

— Гдѣ-же васъ эти разбойники взяли въ плѣнъ?

— На островѣ Корѳу, — отвѣчала болѣе смѣло дѣвушка, вставая.

— На Корѳу! Какъ же вы туда попали?

— Мой папа тамъ консуломъ. Мы играли съ братомъ на берегу моря, вдали отъ нашей дачи, насъ и захватили корсары. А вы тоже были русскій?

— Я и теперь, сударыня, русскій, офицеръ русской службы.

— Такъ вы тоже въ плѣну?

— Нѣтъ, милое дитя, я бѣжалъ сюда изъ Марсели, я былъ въ плѣну у французовъ, и вотъ уже пять лѣтъ въ Африкѣ, тоскую по Россіи, не знаю, какъ и попаду въ нее.

— О!—бросилась къ нему дѣвушка.—Возьмите и насъ съ собою! Выкупите насъ! Папа вдвое, втрое отдастъ вамъ за насъ.

Изумленіе тунисцевъ, продавца и покупателя, возрастало по мѣрѣ того, какъ Яшимовъ продолжалъ разговаривать съ плѣнною дѣвушкою. По костюму и даже по облику они видѣли въ незнакомцѣ своего человѣка, только говорящаго на незнакомомъ

для нихъ языкѣ; но когда они увидѣли, какъ бросилась къ нему дѣвушка и какъ ея маленькій братъ сталъ цѣловать у незнакомца руку, они сообразили, что это какой-нибудь важный паша изъ Московъ, и что онъ, вѣроятно, много отсыпетъ за хорошенькую плѣнницу. Продавецъ-пиратъ торжествовалъ, особенно когда Яшимовъ обратился къ нему съ вопросомъ: какую цѣну онъ проситъ за эту дѣвушку и за ея брата?

Пиратъ заломилъ неслыханную цѣну. Яшимовъ видѣлъ, что безполезно было-бы торговаться, такъ какъ еслибъ жадный продавецъ даже вдвое и втрое сбавилъ противъ запроса, то и тогда онъ не могъ-бы заплатить, и онъ грустно опустилъ голову, не смѣя даже взглянуть въ лицо тѣмъ, которые отъ него ждали спасенія.

— Что-же? Нельзя выкупить? Не продаетъ?—спросила несчастная.

— Бѣдная вы моя! — отвѣтилъ Яшимовъ. — Онъ запросилъ за васъ такую цѣну, что еслибъ я и себя продалъ вмѣстѣ со всѣмъ, что у меня есть, то и тогда не достало-бы.

— Боже мой! Боже мой!—ломала руки дѣвушка.

— Утѣшьтесь, дитя мое!—успокаивалъ ее Яшимовъ, самъ сознавая въ душѣ, какъ безполезно было это успокоеніе.—Скажите, по крайней мѣрѣ, фамилію вашего батюшки: если, Богъ дастъ, я вырвусь изъ этой проклятой земли, то первымъ долгомъ я сочту побывать на островѣ Корѳу и сказать вашему батюшкѣ, гдѣ вы и что съ вами, чтобы онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, что вы живы. А тогда, повѣрьте, онъ употребитъ всѣ усилія, всю свою власть, чтобы освободить васъ изъ плѣна. Вѣрьте, дорогое дитя, что русское правительство вмѣшается въ это дѣло, и адмиралъ Сенявинъ, который теперь крейсируетъ съ русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ...

— Онъ былъ въ Корѳу въ то время, какъ насъ взяли въ плѣнъ,—сказала дѣвушка, въ которой слова Яшимова пробуждали надежду.

— Вотъ видите,—продолжалъ Яшимовъ.—Сенявинъ, узнавъ, гдѣ вы, немедленно отправитъ сюда эскадру, чтобы требовать вашей выдачи, и въ случаѣ сопротивленія прикажетъ бомбардировать Тунисъ. Вѣрьте мнѣ, дитя мое.

Но самъ онъ не вѣрилъ тому, въ чемъ старался увѣрить дѣвушку.

— Когда-же вы ѣдете домой? — нѣсколько успокоенная, спросила дѣвушка.

— Да какъ только придетъ въ Тунисъ какой-нибудь христіанскій корабль. Какъ-же фамилія вашего батюшки?

— Азаровъ, Николай Ивановичъ.

— Хорошо, я буду помнить... Не приходите только въ отчаяніе, бѣдное дитя, ждите.

Но въ душѣ онъ сознавалъ всю неосновательность того, о чемъ говорилъ. Развѣ плѣнная дѣвушка останется въ Тунисѣ? Кто поручится, что этотъ безжалостный покупатель не завезетъ ее въ Марокко, чтобъ продать въ гаремъ марокскому султану, или въ Каиръ, въ Дамаскъ? Богъ знаетъ, что ожидаетъ дѣвушку и ея брата-ребенка, который теперь, тоже нѣсколько успокоившись, ѣлъ рахатъ-лукумъ и съ довѣріемъ смотрѣлъ въ глаза Яшимова.

Не рѣшаясь присутствовать при концѣ возмутительной сцены продажи несчастной дѣвушки и ея брата, Яшимовъ сталъ съ ними прощаться.

— Куда-же вы?—встрепенулась дѣвушка.

— На пристань, искать христіанскій корабль.

— Какъ же васъ зовутъ? Мы будемъ молиться за васъ.

— Моя фамилія Яшимовъ, Степанъ Симоновичъ. Господь да хранитъ васъ!

Онъ торопливо удалился. Дѣвушка крикнула ему вслѣдъ:

— А моего хозяина зовутъ Абдъ-эль-Нубаръ! Помните это!

И она снова залилась слезами.

«Хозяинъ!» болью прозвучало въ ушахъ Яшимова это слово. Дочь консула, такая прелестная, можетъ быть, никогда не знавшая горя, беззаботная, счастливая еще такъ недавно, и вдругъ ея уста должны произносить это ужасное слово: «хозяинъ!» Нѣтъ, еще горше: онъ не хозяинъ, а господинъ ея, неограниченный владѣлецъ, который можетъ продать ее, какъ послѣднюю собаку...

И онъ торопливо затерся въ толпѣ.

XII. На тунисскомъ корсарѣ.

Но христіанскій корабль все не появлялся въ тунисской гавани. Да и какой христіанскій корабль понесетъ къ пиратамъ?

Дни проходили за днями, а Яшимовъ все напрасно поглядывалъ на море, напрасно ждалъ спасительнаго корабля. Скоро у него вышли всѣ деньги, оставшіяся отъ сбереженій въ Алжирѣ. Приходилось продавать красавицу Хамсинъ, и онъ ее продалъ тамъ-же, на невольничьемъ рынкѣ, гдѣ тогда продавали русскую дѣвушку и ея маленькаго брата. Теперь уже ихъ больше не выводили на рынокъ: должно быть, продали. Но куда? Встрѣтившаяся ему на рынкѣ та отвратительная старуха, что присутствовала тогда при торгѣ, на вопросъ Яшимова, куда продали русскую дѣвушку и ея брата, отвѣчала, скаредно осклабившись:

— Мальчика въ Египетъ, а красавицу увезли къ султану, въ Тетуанъ: тамъ хорошо ей будетъ; тамъ въ гаремѣ красавицы жемчужный пловъ ѣдятъ, а шашлыкъ имъ дѣлаютъ изъ молодыхъ страусовъ.

Скоро и тѣ деньги, которыя были выручены отъ продажи коня, были прожиты Яшимовымъ, и онъ долженъ былъ питаться отъ поденной работы. Выходилъ онъ каждое утро на пристань и тамъ нанимался на какой-нибудь корабль—таскать бревна, привозимыя изъ другихъ странъ для безлѣснаго Туниса, тюки хлопчатой бумаги, желѣзо, камень. Эта непривычная работа подъ палящими лучами африканскаго солнца такъ истощила его, такъ разбила всѣ его члены, что онъ поневолѣ долженъ былъ искать другой, болѣе легкой работы.

Но какая-же другая работа могла отыскаться въ Тунисѣ, кромѣ пиратства? И Яшимовъ поступилъ въ пираты, потому что въ это время снаряжалась въ море военная шебека о 16-ти пушкахъ для корсарской экспедиціи, и въ числѣ знакомыхъ пиратовъ, поступившихъ на шебеку, былъ и Абдъ-эль-Нубаръ, бывшій владѣлецъ дѣвицы Азаровой и ея маленькаго брата.

Тяжело было Яшимову рѣшиться вступить на эту дорогу, сознательно стать морскимъ разбойникомъ, съ единственною и исключительною цѣлью или профессіею—грабить и убивать христіанъ выслѣживать въ морѣ христіанскіе корабли и, послѣ кровавыхъ схватокъ, уводить въ плѣнъ. Но что-же ему дѣлать? При этомъ, впрочемъ, его поддерживала тайная надежда; авось, въ то время когда ихъ шебека пристанетъ къ берегу какой-нибудь христіанской страны, чтобы ограбить какую-нибудь деревеньку или захватить въ плѣнъ ея обывателей, авось ему удастся ускользнуть незамѣченнымъ и остаться на берегу христіанской земли. Эта

мысль оживила его, придала бодрости его упавшей энергіи. Все же не въ этой проклятой Африкѣ! Состоя пиратомъ на шебекѣ, въ случаѣ даже непосредственной схватки съ христіанскимъ кораблемъ или же въ случаѣ нападенія на христіанское поселеніе, онъ всегда можетъ уклониться если не отъ участія въ нападеніи, то во всякомъ случаѣ отъ прямого убійства. Наконецъ, можетъ, какъ ему казалось, представиться такой случай, когда жертва пиратскаго насилія охотнѣе предпочтетъ смерть, чѣмъ плѣнъ и позоръ или постыдную жизнь въ гаремѣ какого-нибудь дикаго сластолюбца. И при этомъ ему невольно вспомнилась Азарова, которая даже не догадывалась о всей глубинѣ ожидавшаго ее позора: невинная дѣвушка боялась только неизвѣстности и плакала о папѣ и мамѣ.

Наконецъ, шебека вышла въ море.

Одинъ день смѣнялся другимъ, а пиратское судно все скиталось по морю, не находя добычи. Пираты догадывались, почему море казалось теперь такимъ пустыннымъ, мертвымъ—хоть бы одно христіанское судно! Разбойники знали, что у береговъ Франціи, Италіи, Далмаціи и въ греческомъ Архипелагѣ крейсируютъ двѣ грозныя христіанскія флотиліи, англійская и русская. Имъ хорошо было извѣстно, что значитъ тягаться съ такими великанами, какъ линейные корабли, вооруженные могучими пушками или съ юркими канонерками, безпрестанно шныряющими по морю. Они очень хорошо помнили, какъ еще недавно двѣ пиратскія шебеки настигнуты были недалеко отъ береговъ Сициліи англійскимъ кораблемъ, и въ нѣсколько минутъ одна шебека, вся пробитая ядрами, пошла ко дну вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, а другая, благодаря только быстротѣ своего хода, за что и называлась «Вихремъ», успѣла ускользнуть.

И шебека «Тимса», что значитъ «крокодилъ», на которой находился теперь Яшимовъ, не разъ видѣла на горизонтѣ бѣлые паруса, но подъ этими парусами ясно обрисовывались исполинскіе профили линейныхъ кораблей, и шебека спѣшила спасаться бѣгствомъ къ берегамъ Африки.

Какъ-то разъ вечеромъ шебека бросила якорь въ виду какой-то неизвѣстной Яшимову земли. Что это не была Африка, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, такъ какъ солнце садилось не въ море, а за горами, заслонявшими собою горизонтъ. Но былъ ли это мате-

рикъ Европы, или же какой-нибудь островъ въ Средиземномъ морѣ, онъ не зналъ.

При видѣ покрытыхъ зеленью береговъ и живописныхъ холмовъ, при видѣ всего этого чарующаго ландшафта земли, которой Яшимовъ не видѣлъ уже болѣе мѣсяца—вода, одна вода кругомъ да небо, и ничего болѣе—при видѣ этой земли, совсѣмъ не похожей на берега Африки, у Яшимова въ сердцѣ заговорила безумная радость. Такъ вотъ, наконецъ, то, о чемъ онъ столько лѣтъ тосковалъ, что, казалось, на вѣки было закрыто для него! И такъ близко, такъ заманчиво близко!

Въ эту ночь Яшимову пришлось стоять на часахъ въ первую вахту.

Днемъ была буря. Не разъ шебекѣ приходилось вступать въ бой съ грозными тифонами. Экипажу приходилось много работать, и теперь, когда наступила ночь, утомленные пираты заснули мертвымъ сномъ.

Немедля ни минуты, Яшимовъ спустилъ съ шебеки веревочную лѣстницу, какъ кошка, перебрался при помощи этой лѣстницы къ ялику, подвѣшенному недалеко отъ воды, тихо спустилъ его по блоку на воду и въ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ шебеки. По мѣрѣ того, какъ утопалъ во мракѣ черный остовъ корсара, очертанія земли становились явственнѣе.

И вотъ онъ у берега. Онъ слышитъ, какъ прибрежныя волны, сверкая фосфорическими искрами пѣны, шепчутся съ береговыми гальками, то выбрасывая ихъ на берегъ, то увлекая въ море.

Еще взмахъ веселъ, и яликъ врѣзался въ берегъ, шурша гальками и валунами. Яшимовъ прыгаетъ. Ноги его ощущаютъ подъ собою европейскую землю!

Онъ быстро удаляется отъ моря, стараясь даже не оглядываться. Изъ-за береговаго уступа въ глаза ему мелькнулъ огонекъ. И здѣсь, какъ тамъ, въ Африкѣ, онъ идетъ на огонекъ.. Но здѣсь онъ не видитъ пальмъ, какъ видѣлъ тамъ. Тутъ какія-то другія деревья, невысокія, но съ кудрявыми вершинами.

Огонекъ все ближе и ближе. Залаяла собака. Но этотъ лай не останавливалъ путника, онъ приближается къ хижинѣ, увитой темной зеленью. Собака бросается на него, онъ защищается прикладомъ ружья.

Огонекъ замигалъ, скрылся и показался въ дверяхъ.

— Кто тутъ? — послышался женскій голосъ. Яшимовъ узналъ итальянскую рѣчь, къ которой слухъ его нѣсколько привыкъ во время итальянскаго похода Суворова, въ войскѣ котораго служилъ и Яшимовъ.

— Buona sera!—отвѣчалъ онъ, приближаясь къ двери и выходя на огонь.—Я христіанинъ.

— Езусъ-Марія! — испуганно вскрикнула женщина, отступая.

Ее поразилъ страшный видъ пришельца. Она не разъ видѣла корсаровъ, грабившихъ берега ея родины, и теперь въ пришельцѣ она узнала корсара.

— Корсары! Корсары!—отчаянно закричала она.

На крикъ ея выбѣжали изъ хижины мужчины въ красныхъ колпакахъ и съ ружьями и пистолетами въ рукахъ.

— Я не корсаръ,—говорилъ Яшимовъ, дѣлая крестное знаменіе и бросая на землю ружье, пистолеты и кинжалы,—я христіанинъ, я русскій офицеръ, я былъ въ плѣну у корсаровъ и теперь убѣжалъ отъ нихъ. Misericordia! Misericordia!—поднялъ онъ руки къ небу.

Люди въ красныхъ колпакахъ, повидимому, успокоились.

— А скажите, добрые люди, гдѣ я? Какая это земля?

— Корсика.

Яшимовъ бросился на колѣни.

— Господи! Нынѣ отпущаеши, Владыко...

Онъ не могъ продолжать, слезы душили его.

XIII. Улиссъ у Калипсо.

Черезъ нѣсколько дней мы уже видимъ нашего Одиссея въ крѣпости Бонифачіо.

Корсиканскіе рыбаки, къ которымъ онъ попалъ послѣ побѣга съ корсарской шебеки, на другой же день отправили пришельца къ коменданту этой крѣпости, такъ какъ деревня ихъ находилась недалеко отъ Бонифачіо.

Комендантъ крѣпости, маленькій сѣдой французъ, узнавъ, что онъ русскій офицеръ и притомъ бывшій когда-то врагомъ Франціи, сражаясь противъ нея въ рядахъ русскихъ войскъ, принялъ мнимаго корсара не особенно любезно.

— Eh bien, monsieur, vous etes, nom de Dieu un Ulysse. *).

Яшимовъ ничего не отвѣчалъ. Онъ, надо сказать правду, не зналъ совсѣмъ, кто такой былъ этотъ Улиссъ.

— Чего же вы хотите?—спросилъ комендантъ, довольный своей остротой.

— Я прошу васъ, гоподинъ комендантъ, отпустить меня въ Россію,—отвѣчалъ Яшимовъ.

— О!—улыбнулся веселый французъ.—Вы знаете, мосье Улиссъ, куда вы попали?

— Я на Корсикѣ, господинъ комендантъ,—былъ отвѣтъ.

— О, нѣтъ! Мосье Улиссъ находится на островѣ madame Калипсо.

Яшимова поразило это.

— А мнѣ сказали, что это Корсика,—бормоталъ онъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Развѣ мосье Улиссъ не знаетъ мадамъ Калипсо?

— Не знаю, господинъ комендантъ.

— О! Въ такомъ случаѣ я васъ представлю ей... Вы читали «Телемака»? Вѣдь русскіе офицеры всѣ знаютъ «Телемака».

— А я, господинъ комендантъ, не знаю: я не учился въ шляхетскомъ корпусѣ.

— Жаль, а то бы вы знали мадамъ Калипсо. Впрочемъ, я вамъ скажу: мадамъ Калипсо ни за что не хотѣла отпускать отъ себя мосье Улиссъ. Не отпущу и я васъ, мосье Улиссъ. Вы мой плѣнникъ.

Яшимовъ грустно опустилъ голову. Опять плѣнъ, опять неволя!

— Но вы не безпокойтесь, мосье Улиссъ, я не посажу васъ въ тюрьму,—успокоивалъ его французъ.—Я беру васъ въ мой гарнизонъ солдатомъ.

— Но вѣдь я офицеръ, господинъ комендантъ,—возразилъ Яшимовъ.

— Я вѣрю вамъ, мосье,—въ свою очередь возразилъ французъ.—Но вѣдь и Улиссъ былъ царь острова Итаки, а потомъ, знаете, что съ нимъ было?

— Не знаю, господинъ комендантъ.

*) Прекрасно, сударь; вы, поистинѣ, Улиссъ.

— Царь Улиссъ свиней пасъ. Поняли?

— Понялъ, — пожалъ плечами Яшимовъ, которому горько было слушать насмѣшки болтливаго француза.

— Ну, такъ я васъ дѣлаю не свинопасомъ, а солдатомъ... Я самъ, мосье, солдатъ, и горжусь этимъ званіемъ!—пѣтушился сѣденькій болтунъ.

Въ тотъ же день съ Яшимова сняли одѣяніе корсара и нарядили въ мундиръ французскаго солдата.

Опять для него потянулись дни неволи.

XIV. Вѣсти о Фатьмѣ.

Яшимовъ былъ опредѣленъ матросомъ въ флотскій экипажъ, исключительно предназначенный для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ, которые, несмотря на крейсировавшія у европейскихъ береговъ Средиземнаго моря англійскія и русскія эскадры, нерѣдко на своихъ легкокрылыхъ шебекахъ налетали на Сардинію и Корсику изъ своихъ разбойничьихъ гнѣздъ, изъ Туниса и Алжира, и опустошали берега этихъ острововъ.

Казалось, что судьба злостно, разсчитанно, съ послѣдовательною жестокостью преслѣдовала его, словно Немезида древнихъ злополучнаго Ореста. Онъ убѣгалъ отъ ненавистной Африки, а она сама, казалось, гналась за нимъ. Онъ ненавидѣлъ море, на которомъ извѣдалъ столько горя и лишеній, а море само шло ему навстрѣчу, съ его бурями и тифонами. Онъ цѣною глубокихъ страданій добылъ себѣ свободу отъ пиратовъ, а теперь съ ними только и имѣлъ дѣло.

Все лѣто небольшая корсиканская флотилія крейсировала у береговъ острова, и не проходило недѣли, чтобы ей не случалось вступать въ бой съ алжирскими и тунисскими корсарами

Однажды флотиліи этой удалось окружить одну небольшую алжирскую шебеку. Видя, что уйти ей нельзя, она на всѣхъ парусахъ помчалась на самую неповоротливую корсиканскую бригантину, на которой находился Яшимовъ, и, очутившись у нея подъ правымъ бортомъ, вцѣпилась въ него своими красными баграми и присосалась къ бригантинѣ, словно огромный октоподъ къ бревну. Въ одно мгновеніе пираты, какъ кошки, бросились на абордажъ, и на палубѣ бригантины завязалась отчаянная рукопашная. Между тѣмъ съ другого своего борта и съ кормо-

вой части шебека сыпала картечью по другимъ судамъ обступившей ее со всѣхъ сторонъ корсиканской флотиліи. Но силы были не равны. Корсиканскія пушки скоро сбили у шебеки мачту, перебили реи, подѣлали громадныя пробоины въ надводной и подводной части корсара. Между тѣмъ матросы корсиканской бригантины успѣли поперерубить всѣ багры пиратовъ, прикрѣплявшіе шебеку къ правому борту бригантины, и корсаръ быстро погружался въ море.

Отчаянные разбойники знали, что въ плѣну ихъ ожидаетъ жестокая казнь, и потому не просили пощады и не искали спасенія, но вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ погружались въ море, окрашенное ихъ собственною и корсиканскою кровью.

— Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ!—кричали фанатики, погружаясь въ воду и поднимая руки къ небу.

Одного пирата, ближе всѣхъ стоявшаго у борта погибавшей шебеки, корсиканскій матросъ успѣлъ зацѣпить багромъ за куртку и вытащилъ его изъ моря на бортъ бригантины. Фанатикъ извивался, какъ рыба на крючкѣ, и силился своею кривою саблею перерубить багоръ. Но это ему не удалось, и его, какъ акулу, втащили на палубу. Но такъ какъ онъ все силился вырваться и прыгнуть въ море, то его связали и прикрѣпили къ мачтѣ, но такъ, чтобы онъ могъ сидѣть.

Яшимовъ подошелъ къ нему и отступилъ съ испугомъ.

— Абу-Талебъ!—прошепталъ онъ.

Пиратъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, и черные глаза его сверкнули.

— Саибъ-эль-Яшимъ!—пробормоталъ онъ.

Они узнали другъ друга. Плѣнный пиратъ, котораго Яшимовъ назвалъ Абу-Талебомъ, служилъ въ гарнизонѣ той небольшой крѣпостцы въ Алжиріи, комендантомъ которой, около года тому назадъ, былъ этотъ самый Яшимовъ или, какъ его тамъ величали, чаушъ Саибъ-эль-Яшимъ. Яшимовъ, слѣдовательно, былъ его прямымъ начальникомъ. Послѣ его бѣгства вмѣстѣ съ далматинскими славянами, Яшимова считали погибшимъ въ морѣ, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ побѣга трупъ неразлучнаго спутника и друга эль-Яшима, Петрова, прибило волнами къ берегу, недалеко отъ той же крѣпостцы, а бѣжавшіе далматинцы, послѣ нѣсколькихъ дней плаванія по морю на утлой лодчонкѣ, измученные и умирающіе съ голоду, снова

пристали къ берегамъ Алжиріи и были алжирцами снова взяты въ плѣнъ.

И вдругъ этотъ погибшій «саибъ-эль-Яшимъ» на корсиканской бригантинѣ!

Съ глубокимъ волненіемъ глядѣлъ Яшимовъ на этого плѣннаго разбойника. Еслибъ онъ попытался дать отчетъ въ своихъ чувствахъ, то понялъ бы, что при видѣ знакомаго лица въ душу его закралось радостное чувство. Въ этотъ моментъ все прежнее было забыто. И пять лѣтъ подневольной жизни гдѣ-то на краю свѣта, въ разбойничьемъ гнѣздѣ, и тоска по родинѣ, лишенія и страданія этого послѣдняго года, все заслонилось какимъ-то свѣтлымъ образомъ, какъ будто бы этотъ милый образъ отражался теперь на этомъ черномъ разбойничьемъ лицѣ. Сначала это было какъ бы несознанное ощущеніе; но оно скоро стало сознательнымъ.

«Онъ видѣлъ ее, онъ можетъ сказать что-нибудь о ней».

— Али-Абу-Талебъ!—повторилъ Яшимовъ дрожащимъ голосомъ.—Ля илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!

Пиратъ молчалъ, дико озираясь по сторонамъ.

— Не бойся меня, Абу-Талебъ,—продолжалъ Яшимовъ,—я постараюсь дать тебѣ возможность бѣжать.

Ихъ окружили другіе матросы и съ любопытствомъ прислушивались къ незнакомой имъ рѣчи Яшимова.

— Развѣ этотъ разбойникъ тоже русскій? — спрашивали они.

— Должно быть, русскій.

— Синьоръ Джакома (такъ итальянцы передѣлали по-своему Яшимова), вы говорите съ нимъ по-русски?

— Нѣтъ, синьоры, я говорю съ нимъ по-алжирски: вѣдь я пять лѣтъ жилъ въ Алжирѣ,—отвѣчалъ Яшимовъ.

— А, per Bacco! Мнѣ бы поскорѣе хотѣлось видѣть его повѣшеннымъ.

— Да, интересно посмотрѣть, какъ эта акула будетъ плясать въ воздухѣ.

— Жаль, что другихъ не выудили изъ воды: былъ бы у насъ хорошій карнавалъ.

Но Яшимовъ не обращалъ вниманія на эту болтовню матросовъ. Ему хотѣлось поговорить съ плѣннымъ пиратомъ.

— Потерпи, Абу-Талебъ,—сказалъ онъ,—Аллахъ поможетъ намъ.

Пиратъ молчалъ.

— Ты давно изъ эль-Кяфиръ?—спросилъ Яшимовъ.

— Три раза мѣсяцъ золотилъ рога свои, какъ я не видалъ эль-Кяфиръ,—отвѣчалъ, наконецъ, плѣнный, тронутый тѣмъ, что ему помянули его родину.

— А дѣти твои здоровы?—снова спросилъ Яшимовъ.

При воспоминаніи о дѣтяхъ лицо разбойника отуманилось.

— Были здоровы,—сказалъ онъ,—а теперь не знаю.

— Не печалься, Абу-Талебъ,—утѣшалъ его Яшимовъ,—ты ихъ увидишь... А что было послѣ того, какъ я ушелъ изъ эль-Кяфира?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Сначала саиба искали, а потомъ порѣшили, что его акула съѣла,—отвѣчалъ пиратъ.—Какъ же саибъ попалъ сюда?

— Изъ эль-Кяфиръ я перебрался въ Тунисъ и тамъ поступилъ на корсаръ,—сказалъ Яшимовъ.—Но проклятые гяуры-инглизъ потопили нашу шебеку, а меня взяли въ плѣнъ,—поддѣлывался онъ подъ симпатіи пирата.

— И не повѣсили?

— Какъ видишь.

— И ты надѣешься бѣжать?

— Я бѣгу и вмѣстѣ съ тобой.

Какъ ни былъ хитеръ африканскій шакалъ, но и у него надежда вырваться изъ плѣна помутила природную проницательность.

— А что сталось съ моей Фатьмой послѣ меня?—спросилъ, наконецъ, Яшимовъ.

Этотъ вопросъ онъ первымъ желалъ задать пирату, но не рѣшался.

— Съ Фатьмой?—переспросилъ пиратъ.—О, Фатьма глупая баба!

— Почему же?—удивился и встревожился Яшимовъ.

— Дура все плакала и не понимала своего счастья,—отвѣчалъ Абу-Талебъ.

— Какого счастья?

— Не хотѣла воротиться въ гаремъ его ясноблистательности: да хранитъ его Аллахъ!

— Почему же, почему не хотѣла?

— Все ждала саиба.

— Меня?

— Да, саиба, такая глупая. А когда ей сказали, что саиба акула съѣла, она, дура, взяла да и утопилась въ морѣ.

— Утопилась! — Смертная блѣдность покрыла загорѣлыя щеки Яшимова.—О, Боже!—воскликнулъ онъ по-русски.—Бѣдное дитя!

Но онъ пересилилъ себя и продолжалъ спрашивать далѣе.

— А нашли ея тѣло?

— Нашли! Я ее вытащилъ живехонькую.

— Такъ она не утонула?

— Пробковое дерево вода не беретъ, это саибъ самъ знаетъ,—былъ отвѣтъ,—море не принимаетъ бабъ, баба нечистое животное.

— Гдѣ жъ она теперь?

— У матери. Я хотѣлъ взять ее къ себѣ въ жены, такъ и ко мнѣ не пошла. Совсѣмъ глупая дѣвчонка!

У Яшимова отлегло на душѣ: эта душа ликовала оттого, что по немъ тосковала бѣдная дѣвочка, которую онъ самъ же бросилъ.

XV. Изъ Корсики въ Сардинію.

Цѣлый годъ Яшимовъ оставался на Корсикѣ все въ томъ же положеніи матроса, и всякій разъ, когда ему приходилось встрѣчаться съ комендантомъ Бонифачіо, болтливый старикъ не упускалъ случая, хотя добродушно, бросить въ плѣннаго русскаго стрѣлу остроумія.

— Ah, bonjour, monsieur Ulysse! *). Что подѣлываетъ мадамъ Калипсо? Помните: «Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse...» **).

Но скоро на бѣднаго Одиссея нагрянула новая бѣда. Можетъ быть, читатель не забылъ, что когда Яшимовъ находился въ плѣну въ Марсели, туда прибылъ генералъ, имени котораго Броневскій почему-то не обнаружилъ, назвавъ фамилію генерала начальною буквою Д... Прибылъ онъ въ Марсель для вербовки русскихъ плѣнныхъ въ свой польскій легіонъ, и когда онъ хотѣлъ

*) Здравствуйте, господинъ Улиссъ.

**) Калипсо не могла утѣшиться послѣ отъѣзда Улисса.

принудить Яшимова поступить въ этотъ легіонъ, то Степанъ Симоновичъ назвалъ генерала измѣнникомъ, за что и попалъ подъ военный судъ и въ острогъ. Изъ этого острога онъ и бѣжалъ, а черезъ семь дней очутился въ Алжирѣ.

Этотъ польскій генералъ Д... явился теперь и въ Бонифачіо, чтобы снова охотой и неволей вербовать солдатъ въ свой польскій легіонъ. Яшимову грозила неминучая бѣда. Комендантъ крѣпости, болтливый французъ,—въ этомъ Степанъ Симоновичъ былъ увѣренъ,—непремѣнно скажетъ генералу Д..., что у него подъ командою имѣется плѣнный русскій офицеръ, мосье Улиссъ, и тогда генералъ пожелаетъ его видѣть, а увидавъ, узнаетъ, что это тотъ самый грубіянъ, который еще въ Марсели, шесть лѣтъ или болѣе назадъ, въ глаза обозвалъ его измѣнникомъ.

Что оставалось дѣлать Яшимову? Опять бѣжать!

Недолго думая, Яшимовъ покупаетъ себѣ одѣяніе итальянскаго рыбака и ночью пробирается къ той деревенькѣ, гдѣ, болѣе года тому назадъ, онъ вышелъ на берегъ послѣ побѣга съ тунисской шебеки.

Но дорогой его беретъ раздумье. Въ этой деревенькѣ онъ можетъ быть узнанъ и выданъ. Тогда онъ, оставляя въ сторонѣ эту деревню, идетъ дальше и къ утру достигаетъ другого рыбацкаго поселенія. Одинъ изъ рыбаковъ, развѣшивавшихъ свои сѣти для просушки, взялся за небольшую плату перевезти его въ своей лодкѣ на ту сторону узкаго пролива, отдѣляющаго Корсику отъ Сардиніи.

Дорогою старый рыбакъ разговорился и хвастался тѣмъ, что въ молодости онъ былъ въ Римѣ и видѣлъ папу, а въ послѣдніе годы часто ѣздилъ съ рыбою въ Аяччіо и продавалъ рыбу матери Наполеона, который теперь сталъ императоромъ и «завоевалъ весь свѣтъ».

— Ну, не весь еще,—возражалъ Яшимовъ.

— Такъ скоро весь завоюетъ,—утверждалъ старикъ.

Онъ разсказывалъ о скупости матери Наполеона, которая торговалась съ нимъ изъ-за какой-нибудь сотни сардинокъ, «какъ послѣдняя прачка», и «часто обсчитывала».

— Выйдешь отъ нея, а на ладони не хватаетъ либо сольдо, либо двухъ-трехъ чентезими. А самъ молодой синьоръ Буонапарте такимъ смотрѣлъ заморышемъ, что будь онъ простой рыбакъ, его бы и въ солдаты не взяли, а развѣ взяли бы только

козъ пасти. А теперь вонъ онъ какой: говорятъ, королямъ руки не подаетъ.

Въ это время Яшимовъ замѣтилъ, что впереди что-то особенно бурлила и пѣнилась вода.

— Что это такое?—спросилъ онъ своего Харона.

Тотъ долго приглядывался, а потомъ и говоритъ:

— Либо дельфины на сардинку охотятся, либо ремора съ акулой сражается.

— А что это за ремора?—спросилъ Яшимовъ.

— Это такая рыба, которая всѣхъ рыбъ побѣждаетъ.

— Что жъ, развѣ она очень велика?

— Нѣтъ, не велика, не больше одного метра длины, да ужъ очень у нея на затылкѣ зубья страшные. Какъ настигнетъ она акулу, такъ та мечется-мечется, пока не обезсилитъ совсѣмъ, и потомъ выплываетъ вверхъ брюхомъ. Тутъ ее и бери, какъ дохлую корову. А ремора такъ впивается въ нее, что ужъ не можетъ оторваться, и сама попадаетъ къ намъ на веревку. Говорятъ, она такъ сильна, что можетъ на ходу остановить лодку; но она этого не дѣлаетъ. На что ей наша лодка?

Вдругъ на поверхность моря всплыло громадное тѣло, въ нѣсколько саженъ длины и необыкновенной толщины.

— Ба-ба! Такъ и есть!—радостно воскликнулъ старикъ.— Это мое счастье.

— Что такое?—спросилъ Яшимовъ.—Это акула?

— Она, она, per Bacco! Да и ремора на ней.

Морское чудовище конвульсивно билось и пѣнило море, а на немъ извивалась змѣей другая, маленькая рыба, не длиннѣе большой стерляди. Это и была ремора, погубившая и акулу, и себя.

Старый рыбакъ направилъ лодку къ самому чудовищу и сталъ колоть его желѣзнымъ остріемъ своего багра.

— Не даромъ я видѣлъ сегодня во снѣ Мадонну и святого Джюзеппе,—бормоталъ онъ, нанося удары акулѣ и ея маленькому, но смертельному врагу.

Черезъ полчаса они подплывали къ зеленому берегу Сардиніи, волоча за собою по водѣ богатую добычу.

XVI. Гибель корсара.

И вотъ герой нашъ въ Сардиніи.

Но что онъ будетъ дѣлать здѣсь? Чѣмъ будетъ кормиться? На Корсикѣ, всего вѣроятнѣе, ждала его висѣлица, или болѣе благородная смерть—отъ двѣнадцати пуль корсиканскихъ матросовъ. Ему не простили бы тамъ ни его побѣга изъ марсельской тюрьмы и увода съ собою около тридцати человѣкъ другихъ плѣнныхъ, ни дерзости его противъ генерала Д... Здѣсь же что ожидало его? Жалкое, нищенское существованіе бродяги. Онъ не зналъ никакого ремесла, отъ котораго могъ бы кормиться. Рыбаки не приняли бы его въ свою артель, потому что онъ не могъ внести въ общій инвентарь артели ни своихъ рыболовныхъ сѣтей, ни своей лодки.

Трудъ поденщика онъ испробовалъ уже въ Тунисѣ и убѣдился, что не для него эта египетская работа: слишкомъ жидки мускулы у него для таскания бревенъ и камней, слишкомъ хрупки кости.

Приходилось снова итти въ солдаты. Но надо выдумывать и исторію своего внезапнаго появленія въ Сардиніи. Не съ неба же свалился, не акула же принесла его въ своей пасти къ берегамъ этого цвѣтущаго острова.

И герой нашъ является къ начальнику мѣстной береговой команды. Командиръ отряда, молодой, сильно загорѣлый капитанъ, услыхавъ отъ пришедшаго къ нему въ гостиную рыбака незнакомца, что онъ русскій офицеръ, принялъ его вѣжливо и попросилъ садиться.

— Но какъ же вы попали въ Сардинію, г. офицеръ, откуда?—спросилъ онъ.

Яшимовъ подробно разсказалъ всѣ свои приключенія.

— А какъ же вы попали на корсаръ,—спросилъ капитанъ.

— Я просто нанялся на шебеку «Тимса».

— А, «Тимса»!весело сказалъ капитанъ.—Я знаю эту разбойницу: я не разъ гонялся за ней; но она необыкновенно увертлива, хотя и называется «Крокодиломъ-Тимса». Какъ же и когда вамъ удалось бѣжать?

— Третьяго дня,—сочинялъ Яшимовъ.

— Какъ! Она, бестія, здѣсь? — вскочилъ сангвиническій итальянецъ.

— Нѣтъ, господинъ капитанъ, третьяго дня вечеромъ, пользуясь темнотой, она бросила якорь недалеко отъ Бонифачіо. Въ эту ночь, на первую вахту, я былъ часовымъ, и когда всѣ на шебекѣ уснули, я отвязалъ яликъ и скоро достигъ берега Корсики.

— Въ одеждѣ пирата?

— Да, господинъ капитанъ.

— И васъ не убили?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ: рыбаки, въ хижину которыхъ я попалъ, узнавъ, кто я, приняли меня радушно и помогли мнѣ найти костюмъ рыбака, въ которомъ я и имѣю честь вамъ представиться.

Яшимовъ всталъ и церемонно, по военному, вытянулся.

— Очень радъ, господинъ офицеръ. Но почему вы не остались въ Бонифачіо?

— Вамъ извѣстно, господинъ капитанъ, что Россія находится теперь въ войнѣ съ Наполеономъ, а Корсика принадлежитъ Франціи...

— Понимаю, понимаю,—перебилъ его капитанъ,—тамъ вы попали бы въ военноплѣнные. Чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Я прошу васъ, господинъ капитанъ, принять меня въ вашу команду съ чиномъ офицера.

— Я очень радъ,—отвѣтилъ капитанъ,—принять васъ подъ свою команду, но на предоставленіе вамъ чина офицера въ сардинской арміи я, къ сожалѣнію, не имѣю права.

И нашего Одиссея зачисляютъ въ сардинскій флотъ—матросомъ.

Капитанъ, сангвиническій синьоръ Векки, повѣрилъ словамъ Яшимова, что тунисская шебека «Тимса», эта bestia, какъ онъ называлъ ее, которая уже нѣсколько лѣтъ безпокоила прибрежное населеніе Сардиніи и Корсики и всегда ускользала отъ итальянскихъ крейсеровъ, что эта bestia опять появилась у самаго пролива, отдѣляющаго Сардинію отъ Корсики. Не видавъ «Тимсы» никогда и не зная ея примѣтъ, а слыша только отъ рыбаковъ, что она будто бы похожа на крокодила, синьоръ Векки радъ былъ случаю, столкнувшему его съ русскимъ офицеромъ, который лично находился на этомъ легендарномъ корсарѣ и знаетъ его примѣты, а потому и можетъ способствовать поймать этого неуловимаго разбойника.

Въ тотъ же день, переодѣвъ Степана Симоновича изъ рыбака въ матроса, синьоръ Векки снарядилъ свою флотилію, и, взявъ съ собою Яшимова на свою канонерку, а другія суда и лодки разославъ на поиски за «бестіей», испортившей ему столько крови, къ вечеру самъ пустился на поиски.

Передъ заходомъ солнца къ канонеркѣ подошла одна лодка, бывшая на поискахъ, и находившійся на ней старый боцманъ доложилъ, что къ сторонѣ пролива они замѣтили подозрительный корабль, но только подъ русскимъ флагомъ.

— А какой конструкціи?—спросилъ Яшимовъ.

— Корпусъ длинный, съ острымъ носомъ,—пояснилъ боцманъ.

— А на носу ничего не замѣтно?—снова спросилъ Степанъ Симоновичъ.

— Замѣтно что-то длинное, какъ будто голова огромной ящерицы.

— О, это и есть «Тимса»!—обрадовался Яшимовъ.

Онъ самъ не думалъ, что его выдумка окажется правдой. Говоря капитану, что онъ бѣжалъ съ тунисскаго корсара только третьяго дня, онъ сознательно лгалъ, ибо бѣжалъ съ него не третьяго дня, а еще въ прошломъ году. И вдругъ его ложь подтверждается!

— Да, господинъ капитанъ, это непремѣнно должна быть «Тимса»,—обратился онъ къ синьору Векки, почтительно прикладывая пальцы къ шляпѣ съ широкими полями,—этотъ корсаръ потому и называется «Тимсой», что у него на носу огромная голова крокодила: «Тимса» по-арабски и значитъ «крокодилъ».

— О, maladetta bestia! — радостно воскликнулъ синьоръ Векки.—Теперь она отъ меня не уйдетъ.

Тотчасъ же на мачтѣ взвился сигналъ «къ сбору», и небольшая флотилія начала стягиваться къ канонеркѣ.

Когда всѣ суда были въ сборѣ, капитанъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ предстоявшей облавѣ на нильскаго крокодила, распредѣливъ суда такъ, чтобы корсаръ никуда не могъ проскользнуть, и чтобы, въ случаѣ его нападенія на болѣе слабое мѣсто, прочія суда спѣшили на выручку атакуемаго. Хотя наступила уже ночь, однако, капитанъ приказалъ огни на судахъ замаскировать.

Теперь маленькая флотія раздѣлилась и двинулась въ обходъ

крейсера, а капитанская канонерка, вмѣстѣ съ двумя вооруженными пушками катерами, двинулась прямо по тому направленію, гдѣ долженъ былъ, по показанію боцмана, дрейфовать тунисскій корсаръ.

Движеніе совершалось въ необыкновенной тишинѣ. Черезъ полчаса съ канонерки стали замѣчать впереди какую-то темную массу, плавно и чуть-чуть замѣтно качавшуюся на поверхности моря. Это и была «Тимса». Днемъ, прикрывшись русскимъ флагомъ, она дерзко лавировала у входа въ проливъ между Корсикой и Сардиніей, а на ночь легла въ дрейфъ, чтобы сторожить добычу, которая могла бы показаться изъ пролива.

Вдругъ въ ночномъ мракѣ блеснулъ огонекъ, и въ то же мгновеніе грянула пушка, отъ которой, казалось, вздрогнулъ сонный воздухъ. За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, третій. Корсаръ, повидимому, не ожидалъ такого дерзкаго нападенія и сталъ отвѣчать на канонаду нападающихъ только тогда, когда получилъ нѣсколько пробоинъ въ подводной части и сталъ наполняться водой. Къ довершенію его бѣдствія, нападающій противникъ былъ не таковъ, котораго можно было бы принять на абордажъ—самое могучее средство, къ которому всегда прибѣгаютъ пираты въ борьбѣ съ большими кораблями.

А тутъ обсыпала его ядрами какая-то мелочь, которой и не видать въ темнотѣ. Ядра корсара перелетали черезъ головы нападающихъ, которые подошли подъ самый бортъ «Тимсы» и поражали ее въ упоръ.

Пробитая во многихъ мѣстахъ, шебека быстро погружалась въ море.

Послышалось отчаянное «Алла!», и пираты, какъ кошки, съ борта шебеки стали прыгать прямо на палубу канонерки.

— На абордажъ! На абордажъ!—кричали они на своемъ разбойничьемъ языкѣ (Яшимовъ понималъ его) и падали прямо на палаши сардинскихъ матросовъ.

Матросы ихъ прикалывали и сбрасывали въ море, а нѣсколькихъ человѣкъ успѣли перевязать.

Когда маленькая флотилія синьора Векки, скучившаяся около «Тимсы», по сигналу, озарилась огнемъ, то огни эти освѣтили ужасную картину: «Тимса», какъ бы въ послѣдній разъ захлебнувшись, скрылась подъ водою.

И вдругъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ мертвой тишины, по-

слѣдовавшей за катастрофой, раздались слова никому непонятной рѣчи:

— Абдъ-эль Нубаръ! Ты ли это?

За этими словами послышалось какое-то гортанное рычанье, а потомъ опять слова невѣдомой рѣчи:

— Бѣдный Абдъ-эль Нубаръ! А все это Аллахъ послалъ тебѣ за ту русскую дѣвушку и ея брата, которыхъ ты безжалостно продалъ въ неволю.

И снова рычанье.

Всѣ обернулись на невѣдомую рѣчь и рычанье и увидѣли, что непонятныя слова говоритъ никому неизвѣстный матросъ, только сегодня приведенный капитаномъ на канонерку, и говоритъ ихъ, обращаясь къ привязанному у мачты пирату, который въ безсильной злобѣ порывался броситься на говорившаго, но его не пускали веревки.

— Evviva vittoria! Evviva! — радостно воскликнулъ капитанъ.

— Evviva! Evviva!—подхватила вся флотилія.

XVII. Наконецъ-то среди русскихъ.

Побѣда, такъ легко одержанная надъ грознымъ корсаромъ маленькою флотиліею синьора Векки, благодаря указаніямъ Степана Симоновича, сдѣлала то, что одинъ изъ счастливцевъ былъ вознесенъ на высоту почестей, другой извлеченъ изъ омута бѣдствій.

Когда вѣсть о погибели грозной «Тимсы» дошла до столицы Сардиніи, до Кальяри, король тотчасъ же назначилъ капитана Векки на высшій постъ по морской службѣ, съ переводомъ всей его команды въ Кальяри. Вмѣстѣ съ капитаномъ, конечно, былъ переведенъ въ Кальяри и Яшимовъ.

Здѣсь онъ узналъ, что тутъ находится русскій министръ-резидентъ Лизакевичъ, который могъ возстановить потерянныя нашимъ героемъ во время его невольныхъ скитаній по бѣлу свѣту (потерянныя, впрочемъ, только фактически, но не de jure) гражданскія права.

Съ разрѣшенія синьора Векки, Степанъ Симоновичъ явился къ Лизакевичу въ формѣ сардинскаго матроса и просилъ доложить министру, что у его превосходительства проситъ аудіенціи русскій офицеръ. Лизакевичъ ничѣмъ не былъ занятъ въ это

время и тотчасъ же вышелъ въ пріемную. Увидѣвъ вмѣсто офицера какого-то сардинскаго матроса, министръ остановился въ недоумѣніи.

Лизакевичъ могъ ожидать встрѣтить у себя въ пріемной русскаго офицера; въ этомъ не было для него никакой неожиданности, такъ какъ въ гавани Кальяри стоялъ въ это время русскій фрегатъ «Венусъ», одинъ изъ фрегатовъ эскадры адмирала Сенявина. «Венусъ» былъ командированъ Сенявинымъ съ острова Корфу въ Сицилію и Сардинію за порохомъ и 27-го ноября 1806 г. бросилъ якорь въ Кальяри.

— Мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть русскій офицеръ,—заговорилъ Лизакевичъ по-итальянски, съ недоумѣніемъ глядя на Яшимова.

— Я и имѣю честь быть офицеромъ русской службы, ваше превосходительство,—отвѣчалъ этотъ послѣдній по-русски, но видимо несвободно.

— Офицеръ русской службы?—съ неменьшимъ недоумѣніемъ произнесъ министръ.—Почему же вы въ такой униформѣ, государь мой? (Лизакевичъ тоже говорилъ теперь по-русски).

— Я, ваше превосходительство, семь лѣтъ былъ въ плѣну и только благодаря случаю и милости Божіей попалъ въ Сардинію, гдѣ меня и зачислили во флотъ матросомъ.

— Какъ же ваша фамилія, государь мой?—спросилъ министръ.

— Яшимовъ, ваше превосходительство, Степанъ Симоновъ.

— Яшимовъ! Господинъ Яшимовъ! Да не вы ли состояли при главной квартирѣ князя Потемкина-Таврическаго?

— Я, ваше превосходительство.

— Такъ я васъ зналъ! Ахъ, какъ вы измѣнились! Боже мой, какъ я радъ!

И Лизакевичъ горячо обнималъ человѣка, котораго давно считалъ погибшимъ.

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ же вы были? Разскажите! Пойдемте въ кабинетъ,—волновался министръ.—Вотъ истинно воскресшій изъ гроба!

И они вошли въ кабинетъ, окна котораго выходили на море и на гавань.

— Садитесь, да вотъ сюда, поудобнѣе... Боже мой! Боже мой! Сколько сѣдины! Не хотите ли сигару? Кофе? Да, да! Кофе! Эй, Пьетро! Пожалуйста, кофе, да поскорѣй! Ну-ну,

говорите же... Ахъ, Боже мой! Гдѣ же состояли вы послѣ смерти Потемкина?

— Я дѣлалъ съ Суворовымъ итальянскую кампанію, потомъ бралъ Чортовъ мостъ, и съ Массеной мѣрялись въ Швейцаріи, да тамъ же, подъ Цюрихомъ, я былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ,

Подали кофе, и Яшимовъ началъ свою Одиссею.

— Ахъ, Боже мой!—часто прерывалъ его Лизакевичъ.— А! И янычаромъ у алжирскаго дея были! Въ фескѣ, въ чалмѣ! И дѣвочку бросили! Ахъ, Боже мой! И Алжиръ, и Тунисъ, и эта бѣдненькая крошка Азарова... Ахъ, подлецы! Такъ Абдъ-эль-Нубаръ попался?

— Попался, ваше превосходительство.

— Ахъ, негодяй! И такую дѣвочку, благородныхъ родителей, и бѣднаго мальчика, вотъ негодяй! Давно бы пора разорить это разбойничье гнѣздо... Вѣдь, представьте себѣ, государь мой, даже подъ стѣнами Кальяри появляются эти дерзкіе канальи! А особенно эта «Тимса»... Молодецъ, право, этотъ Векки, доканалъ таки «Тимсу»... Я видѣлъ его на аудіенціи у его величества, пресимпатичная рожица, и еще такой молодой... Такъ вы еще не были на «Венусѣ»?

— Не былъ, ваше превосходительство. Я только вчера узналъ, что здѣсь есть русскій министръ, и вотъ сегодня же и явился къ вашему превосходительству, — сказалъ Яшимовъ, вставая.

— Нѣтъ, нѣтъ, куда же вы, государь мой?—заторопился министръ.—Я васъ не пущу, вы у меня завтракаете, а потомъ я васъ на «Венусъ». Вонъ посмотрите, какая красавица наша «Венусъ»!

И Лизакевичъ показалъ на гавань. Тамъ, въ сторонѣ отъ другихъ кораблей, на красивомъ фрегатѣ полоскался въ воздухѣ русскій флагъ.

XVIII. Безутѣшная мать.

Яшимовъ, какъ взошелъ на фрегатъ «Венусъ», такъ ужъ и не сходилъ съ него. Капитанъ и офицеры фрегата очень полюбили его послѣ того, какъ, сидя вечеромъ въ каютъ-компаніи, онъ разсказалъ имъ о своихъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту. Имъ казалось, что они слушаютъ одну изъ восточныхъ сказокъ: отъ его разсказа, дѣйствительно, вѣяло глубокимъ Востокомъ.

Кончивъ порученіе, фрегатъ держалъ путь къ острову Короу, гдѣ въ то время находилась наша главная квартира.

Степанъ Симоновичъ душой стремился къ этому острову. Онъ зналъ, что тамъ оплакиваютъ тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ онъ видѣлъ на невольничьемъ рынкѣ въ Тунисѣ. Ему хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь утѣшить несчастныхъ родителей, хоть сказать имъ, что онъ видѣлъ ихъ дѣтей живыми, что говорилъ съ ними и привезъ отъ нихъ поклонъ изъ далекой неволи.

Яшимову на другой день по прибытіи въ Короу указали виллу Азаровыхъ на берегу моря.

Подходя къ виллѣ, онъ увидѣлъ на верандѣ, подъ тѣнью навѣса, немолодую даму въ глубокомъ траурѣ. На колѣняхъ у нея лежала раскрытая книга, но она, повидимому, забыла о книгѣ: глаза ея грустно глядѣли на разстилавшееся передъ нею голубое море.

— Это сама Азарова,—тихо сказалъ Яшимову его спутникъ, молодой морякъ.

Это былъ Владиміръ Броневскій, будущій авторъ «Записокъ морского офицера». Броневскій служилъ на «Венусѣ», и со времени поступленія на этотъ фрегатъ Яшимова они очень подружились.

— Я не знаю, какъ и сообщить ей печальную вѣсть,—также тихо сказалъ Степанъ Симоновичъ,—сердце обливается кровью.

— Вѣрю, мой другъ, но лучше ей знать, что ея дѣти живы, хоть въ неволѣ, чѣмъ думать, что ихъ давно пожрали акулы: она увѣрена, что барышня и мальчикъ, любившіе лазать по скаламъ, гдѣ гнѣзда чаекъ, сорвались въ море и утонули.

По каменнымъ ступенькамъ они взошли на веранду.

— Здравствуйте, почтеннѣйшая Марія Николаевна!—издали сказалъ Броневскій, кланяясь дамѣ.

— Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ,—отвѣчала дама, вставая навстрѣчу гостямъ,—я видѣла вчера, какъ входилъ въ гавань вашъ фрегатъ, и подумала о васъ.

— Благодарю васъ. А вотъ позвольте представить вамъ моего друга, Степана Симоновича Яшимова.

— Очень рада, очень рада, прошу садиться. Благополучно ли плавали?

— Плавали не всегда благополучно,—улыбнулся Броневскій,—но, слава Богу, благополучно возвратились. А вы все грустите, добрѣйшая Марія Николаевна?

— Какъ же не грустить, государь мой? Сами знаете, какъ велико мое несчастье.

— Но оно меньше, чѣмъ вы думаете,—загадочно сказалъ Броневскій.

— Какъ меньше? Какое же горе для матери можетъ быть ужаснѣе, какъ потеря любимыхъ дѣтей?

— Но они не совсѣмъ потеряны...

— Какъ не совсѣмъ? Пора ужъ убѣдиться, что ихъ нѣтъ на свѣтѣ... второй годъ.

И Азарова приложила платокъ къ глазамъ.

— Ваши дѣти живы, сударыня, благодарите Бога!—съ чувствомъ сказалъ Броневскій.

— Что вы сказали? — испуганно вскочила Азарова. — Живы?.. Мои дѣти живы?

— Живы, сударыня, и вотъ Степанъ Симоновичъ привезъ вамъ поклонъ отъ нихъ.

— Боже мой!—Она пошатнулась, но Броневскій поддержалъ ее.

— Успокойтесь, ради Бога.

— Успокойтесь, сударыня, — робко проговорилъ и Яшимовъ,—я видѣлъ вашихъ дѣтей.

— Господи Боже!—Несчастная женщина бросилась къ нему и схватила его за руки.—Говорите, гдѣ они! Боже мой! Они живы!

— Ради Бога успокойтесь! Я все разскажу вамъ.

Яшимовъ осторожно подвелъ ее къ плетеной кушеткѣ и усадилъ. Слезы полились изъ глазъ бѣдной матери.

— Благодарю Тебя, Господи!—тихо сказала она и перекрестилась.—Гдѣ же вы ихъ видѣли?

— Къ сожалѣнію, очень далеко, — съ грустью отвѣчалъ Яшимовъ.—Въ Тунисѣ.

Азарова, повидимому, не могла сообразить того, что ей говорили. Глаза ея выражали и недоумѣніе, и испугъ.

— Боже мой! Какъ же они туда попали?

— Ихъ украли тунисскіе пираты.

— Но какъ?.. Гдѣ?.. Боже мой!.. Украли!

— Да, сударыня, ваша дочка сама мнѣ это говорила: она сказала, что съ братомъ они играли или лазили на берегу моря, вечеромъ, недалеко отъ вашей виллы, и пираты неожиданно напали на нихъ и увезли на свой корсаръ.

— О, Боже, Боже! Теперь я понимаю!—плакала несчастная мать.—Вечеромъ, послѣ заката солнца, Юля и Петя отправлялись обыкновенно вонъ туда,—(Азарова указала на скалистый берегъ),—гдѣ чайки кладутъ яйца. Послѣ заката солнца чайки сидятъ на гнѣздахъ, и вотъ Юля и Петя и отправлялись туда смотрѣть на чаекъ, а иногда и ловить ихъ на гнѣздахъ... Ахъ, Боже, Боже!.. Въ это время, значитъ, ихъ и украли.

— Вѣроятно. Такъ мнѣ и м-ль Julie говорила.

— Что же они тамъ дѣлаютъ? Скажите, какъ же вы ихъ тамъ видѣли, гдѣ?

Яшимовъ разсказалъ.

— Что же съ ними будетъ? Господи! — плакалась несчастная, ломая руки.—Что они съ ними сдѣлаютъ?

— Вѣрьте, сударыня, что съ ними обращаются хорошо, ласково, это въ ихъ разсчетахъ, я это знаю по опыту, я у этихъ варваровъ прожилъ болѣе пяти лѣтъ. Я знаю, какъ они обращаются съ плѣнными женщинами и съ дѣтьми: «это, говорятъ они, дорогой жемчугъ, съ нимъ надо обращаться бережно, лелѣять его, а то дорогія жемчужины потускнѣютъ». Вѣрьте мнѣ, сударыня.

— Но Юлю навѣрное продадутъ въ гаремъ,—говорила Азарова, утирая глаза.

— Вѣроятно. Но и этого не бойтесь, сударыня, я знаю, могу васъ увѣрить, ее не тронутъ,—успокаивалъ ее Степанъ Симоновичъ.—Когда я былъ въ Алжирѣ, я заслужилъ довѣріе дея, и онъ подарилъ мнѣ дѣвушку изъ своего гарема, въ жены мнѣ, и, повѣрьте, сударыня, извините, Фатьма была...

Азарова, казалось, не слушала его.

— Я утѣшилъ Юлію Васильевну и вашего мальчика,—продолжалъ Симоновичъ,—я сказалъ имъ, что вы ихъ выкупите... Выкупить всегда можно...

И Азарова поспѣшно побѣжала въ комнаты, крича: Василій Петровичъ! Василій Петровичъ!

XIX. Россійскій Геркулесъ.

Грустные возвратились наши друзья отъ Азаровыхъ на свой фрегатъ. Степанъ Симоновичъ, однако, утѣшалъ себя тѣмъ, что принесъ родителямъ вѣсточку о ихъ дѣтяхъ, и хоть вѣсточка

эта была горькая, но все же отраднѣе знать, что дѣти живы, хотя и въ неволѣ, чѣмъ думать, что ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ.

На фрегатѣ они застали, между прочимъ, знаменитаго «россійскаго Геркулеса», какъ тогда называли извѣстнаго силача Лукина, Дмитрія Александровича, который состоялъ въ чинѣ капитана 1-го ранга и командовалъ однимъ изъ линейныхъ кораблей эскадры Сенявина.

Это былъ невысокій, но плотный мужчина, дѣйствительно, съ геркулесовскими плечами, необыкновенно добродушнымъ лицомъ и мягкими, ласковыми глазами. Глядя въ глаза этого необыкновеннаго человѣка, можно было съ увѣренностью сказать, что онъ «и мухи не обидитъ».

Лукинъ пріѣхалъ на фрегатъ «Венусъ» съ радостной вѣстью.

— Господа, капитанъ и офицеры!—началъ онъ, здороваясь съ капитаномъ «Венуса» и офицерами.

— Браво!—перебилъ его Броневскій.—Ты начинаешь, какъ Петръ Великій: «господа сенатъ!»

— Да, господа, капитанъ и офицеры!—повторилъ Лукинъ, добродушно улыбаясь своею мягкою улыбкой. — Или, лучше, господа «Венусъ»! Я принесъ вамъ радостную вѣсть. Полученъ приказъ: «присутствіемъ россійскаго флота въ Архипелагѣ лишить Константинополь подвоза съѣстныхъ припасовъ съ моря!»

— Ура!—какъ одинъ воскликнули всѣ офицеры.

— Урра!—повторили матросы.

— На-дняхъ же идемъ запирать форточку, въ которую дышетъ Стамбулъ, запирать Дарданеллы.

— Урра! Урра!—гремѣло по всему фрегату.

— И драться на-кулачки съ турецкимъ флотомъ,—продолжалъ Лукинъ.

— Не дай Богъ кому попасть подъ твой кулакъ,—замѣтилъ ему Броневскій.

— Ты говоришь серьезно? — спросилъ Лукина капитанъ «Венуса».

— Конечно. Сейчасъ отъ Дмитрія Николаевича, при мнѣ и приказъ вскрывалъ. Сегодня же будетъ объявлено по всей эскадрѣ,—отвѣчалъ Лукинъ.

Яшимовъ только вчера познакомился съ Лукинымъ и съ перваго же взгляда полюбилъ его. Столько доброты и простодушія было на лицѣ у этого богатыря, что Степану Симоновичу ни-

какъ не хотѣлось вѣрить, чтобы у этого добряка было столько силы, какъ о томъ онъ слышалъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Объ этой силѣ разсказывали чудеса. Скучающіе англичане нарочно изъ Лондона пріѣзжали на Корсу, чтобы взглянуть на Лукина и тѣмъ хоть на нѣсколько часовъ разогнать свой сплинъ.

И Лукинъ былъ, дѣйствительно, необыкновенный добрякъ. Онъ никогда не сердился на самыя несдержанныя выходки товарищей.

Въ своихъ «Запискахъ» Броневскій говоритъ о немъ: «Дмитрій Александровичъ Лукинъ всегда былъ отличный морской офицеръ; храбрый, дѣятельный и искусный воинъ, притомъ благородный, ласковый, строго справедливый и всѣми подчиненными любимый и уважаемый. При удивительной тѣлесной силѣ онъ былъ кротокъ и терпѣливъ: даже будучи разсерженъ, онъ никогда не давалъ воли рукамъ своимъ. Опыты силы его производили изумленіе; трудно, однакожъ, было заставить его что-либо сдѣлать; только въ веселый часъ и то въ кругу коротко знакомыхъ иногда показывалъ оные. Напримѣръ: съ легкимъ напряженіемъ силъ ломалъ онъ подковы, могъ держать пудовыя ядра полчаса въ распростертыхъ рукахъ; шканечную пушку въ 87 пудовъ со станкомъ одной рукой подымалъ на-отвѣсъ; однимъ пальцемъ вдавливалъ гвоздь въ корабельную стѣну. При такой необычайной силѣ былъ еще ловокъ и проворенъ; бѣда тому, съ кѣмъ бы онъ вздумалъ вступить въ рукопашный бой. Подвиги его въ семъ родѣ, съ прибавленіемъ разсказываемые, прославили его наиболѣе въ Англіи; тамъ съ великимъ стараніемъ искали его знакомства; и въ Россіи кто не зналъ капитана Лукина? Словомъ, имя его извѣстно было во всѣхъ европейскихъ флотахъ, и рѣдко кто не слыхалъ какого-нибудь любопытнаго о немъ анекдота.

На радостяхъ капитанъ «Венуса» приказалъ подать шампанскаго.

— Откуда оно у васъ?—удивился Лукинъ.

— Прямо изъ Шампаньи,—улыбнулся Броневскій.

— Призъ взяли, — пояснилъ капитанъ, — партія шампанскаго предназначалась для генерала Бертье, а мы перехватили судно, слѣдовавшее подъ австрійскимъ флагомъ, и вотъ у насъ шампанское. Я и адмиралу презентовалъ нѣсколько ящиковъ

— Хорошъ гусь!—укоризненно покачалъ головой Лукинъ.— Сенявину такъ нѣсколько ящиковъ, а Лукину—шишъ.

— Да я и тебя награжу, дружище,—сказалъ Развозовъ, капитанъ «Венуса»,—бери, сколько потащишь; мы цѣлое судно захватили.

Подали шампанское.

— Штопоръ!—скомандовалъ капитанъ.

— Зачѣмъ?—возразилъ Лукинъ и вынулъ изъ принесеннаго служителями ящика и бутылку.—Стаканы приготовить!

Стаканы разставили на подносѣ. Тогда Лукинъ взялъ двумя пальцами бутылку за горлышко и, придерживая ее лѣвою рукою, правою, двумя пальцами, отломилъ засмоленную головку бутылки вмѣстѣ съ пробкою, какъ будто бы она была восковая. Пробка полетѣла за бортъ. Шампанское полилось въ стаканы!

— Фу ты, дьяволъ!—не утерпѣлъ Развозовъ.—Вмѣсто штопора пальцы!

— Ай да Митя!—обнялъ богатыря Броневскій.—Видите, господинъ янычаръ, то бишь саибъ-эль-Яшимъ, господинъ чаушъ алжирскаго дея?—обратился онъ къ Яшимову.

— Вижу и изумляюсь!—отвѣчалъ этотъ послѣдній.

Онъ, дѣйствительно, первый разъ въ жизни видѣлъ подобное проявленіе физической силы у человѣка.

То же было и со второй бутылкой, и съ третьей. Воодушевленіе офицеровъ росло по мѣрѣ того, какъ Лукинъ бросалъ за бортъ пустыя бутылки. Всѣ обнимались, цѣловались. Но болѣе всѣхъ бушевалъ на радостяхъ Броневскій и все приставалъ къ Лукину.

— Митя! Сознайся, другъ, вѣдь у тебя тутъ тово...—И Броневскій указалъ на голову.

— Можетъ и тово,—отшучивался богатырь.

— Нѣтъ, ты ужъ сознайся, другъ Геркулесъ,—приставалъ Броневскій,—природа подшутила надъ тобой, вѣдь да?

— Ахъ, отстань, дурачокъ!

— Ну, Митя, другъ! Не сердись.

— Да онъ никогда въ жизни не сердился, я знаю его такимъ съ самаго корпуса,—замѣтилъ Развозовъ.

— Ну, такъ я хочу его хоть разъ въ жизни разсердить,—не унимался Броневскій,—только чуръ не драться,—обратился онъ къ Лукину.

— Съ такой-то пигилицей слону драться!—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Слону!—настаивалъ Броневскій.—Про этого слона еще въ корпусѣ сочинили:

Надъ Лукинымъ природа подшутила:
Слоновью силушку дала,
И человѣчій мозгъ слоновьимъ подмѣнила,
Да и слоновій-то потомъ отобрала.

Дѣло было къ вечеру. Офицеры кутили на палубѣ и сидѣли на складныхъ табуреткахъ у гротъ-мачты. Декламируя стихи, Броневскій подошелъ къ Лукину и пальцемъ постучалъ объ его лобъ.

— Пустенько, Митя?

— Пустенько, Володя, — отвѣчалъ богатырь добродушнымъ голосомъ.

Но не успѣли пирующіе опомниться, какъ что-то мелькнуло въ воздухѣ. Вслѣдъ затѣмъ раздался взрывъ хохота.

— Браво, браво, Лукинъ!

— Браво, Броневскій!

Оказалось, что едва послѣдній и Лукинъ сказали «пустенько», какъ въ воздухѣ мелькнули сапоги задиры Броневскаго, и онъ, перелетѣвъ черезъ головы офицеровъ, дрыгая въ воздухѣ ногами, растянулся на натянутой надъ вахтою парусинной тентѣ. Это забросилъ его туда Лукинъ, во мгновеніе ока, не причинивъ ему ни малѣйшаго ушиба.

— Прощайте, господа...—всталъ Лукинъ, чтобы уходить.—Прощай, Володя!—крикнулъ онъ Броневскому, барахтавшемуся на высокой тентѣ и ворчавшему:—Ахъ, ты чортъ! Ахъ, ты медвѣдь! Уродина!

Всѣ смѣялись, пожимая Лукину руку.

— А что-жъ шампанское?—обратился послѣдній къ Развозову.—Вели тащить сюда ящики. Сколько подыму, столько и унесу.

Принесли два огромныхъ ящика, окованныхъ желѣзными прутьями, со скобами на крышкахъ, для удобства подъема ихъ блокомъ при погрузкѣ. Подъ каждымъ ящикомъ было по четыре матроса, да и тѣ съ трудомъ передвигали ноги.

— Ставь сюда,—командовалъ Лукинъ.

Поставили. Богатырь подошелъ, взялъ правою рукою за желѣзную скобу крышки и поднялъ ящикъ, взялъ лѣвою рукою другой и тоже поднялъ.

— Шлюпку!—крикнулъ онъ и направился къ трапу.

— Стой, окаянный! Пропадешь, сорвешься въ море!—останавливалъ его Развозовъ.

— Прочь! Не мѣшай! Мое шампанское!

Яшимовъ только развелъ руками.

XX. Бой въ Дарданелахъ.

Утро 10-мая 1807 года. Русская эскадра стоитъ у острова Тенедоса, а противъ нея, ближе къ Дарданеламъ, турецкій флотъ.

Мертвая тишина царитъ среди флотилій, стоящихъ другъ противъ друга враговъ. Только вѣтеръ отъ нордъ-оста шумитъ въ снастяхъ и реяхъ.

Вѣтеръ этотъ былъ благопріятенъ для турокъ, но они почему-то не рѣшались атаковать русскихъ.

— Проклятый вѣтеръ! — проворчалъ сквозь зубы Развозовъ.—Чего они ждутъ?

— Дуракамъ счастье, да они не умѣютъ его взять, болваны!—сердито проговорилъ и Броневскій.—Будутъ ждать, пока вѣтеръ подуетъ къ намъ въ руку.

— Идутъ, идутъ!—послышались голоса.

— Это брандеры! Берегитесь!

На адмиральскомъ кораблѣ взвился сигналъ: «Венусу» вступить подъ паруса».

«Венусъ» исполнилъ команду. Боковой вѣтеръ надувалъ паруса.

— Есть! Есть! Есть!—отвѣчали на команду.

— Это не брандеры!—послышались вновь голоса.—Флаги австрійскіе!

И, дѣйствительно, оказалось, что это были австрійскіе корабли, которые и были пропущены русскою эскадрою для слѣдованія въ Тріестъ.

Опять началось томительное ожиданіе. Русскому флоту судьба не посылала ни малѣйшаго вѣтерка, а турецкіе корабли при попутномъ стояли словно въ мертвомъ штилѣ.

Прошло еще два часа.

Вдругъ на адмиральскомъ кораблѣ раздался выстрѣлъ.

— Слава тебѣ, Господи!

— Сигналъ! Сняться съ якоря! — гремитъ рупоръ Развозова.

Казалось, что во всей русской флотиліи произошло нѣчто сверхъестественное. Яшимовъ, въ первый разъ присутствовавшій при началѣ правильнаго морского сраженія цѣлыми эскадрами, стоялъ, пораженный изумленіемъ передъ торжественностью момента. Ему казалось, что гигантскіе, высокіе, какъ дворцы, двухъ и трехъэтажные корабли превратились въ какихъ-то исполинскихъ чудовищъ, которыя расправляли множество крыльевъ, готовясь летѣть. Громадные паруса невидимою силою поднимались къ мачтамъ, къ реямъ, и гиганты вздрагивали и неслись впередъ. Море кипѣло.

Яшимову казалось, что турецкая эскадра, на которой ни одинъ парусъ не былъ поднятъ, грозно ждетъ врага, чтобы встрѣтить его убійственнымъ огнемъ. Но вскорѣ и на ней взлетѣли паруса, и вся турецкая флотилія понеслась къ Дарданеламъ, подъ прикрытіе своихъ крѣпостей, грозныя и мрачныя башни которыхъ высились у входа въ проливъ—и на европейскомъ, и на азіатскомъ берегу.

Вдругъ онъ увидѣлъ, что на адмиральскомъ кораблѣ взвился новый командный сигналъ.

— Несть всѣ паруса и напасть на непріятеля каждому по способности!—перевелъ этотъ нѣмой сигналъ на человѣческій языкъ звучный рупоръ Развозова.

Особенно сильное впечатлѣніе производили эти нѣмые командные сигналы, которые отъ времени до времени развертывались невидимою силою на стеньгѣ корабля «Твердый».

Вслѣдъ за сигналомъ корабли полетѣли еще быстрѣе. Тѣмъ быстрѣе убѣгали къ проливу турецкіе корабли. Одинъ изъ нихъ отклонился въ сторону, влѣво, и вдругъ на стеньгѣ адмиральскаго корабля развернулся новый сигналъ: «Венусу» атаковать отдѣлившійся корабль».

Послѣдовала команда, и «Венусъ», весь вздрогнувъ, полетѣлъ за турецкимъ бѣглецомъ при шумѣ всѣхъ распущенныхъ парусовъ и свистѣ вѣтра въ реяхъ.

Вскорѣ бѣглецъ былъ настигнутъ, «Венусъ» открылъ огонь,

и бой закипѣлъ по всей линіи. Грохотали пушки, клубы дыма застилали корабли, паруса и небо. «Селафаилъ», «Ретвизанъ», «Рафаилъ» и «Сильный», врѣзавшись въ турецкую флотилію, поражали ее съ обоихъ бортовъ. «Селафаилъ» догналъ стопушечный корабль капудана-паши, далъ ему залпъ въ корму, и когда тотъ, пораженный этою неожиданностью, сталъ переходить на правый галсъ, чтобъ скрыться отъ убійственнаго огня, «Селафаилъ» черезъ фордевиндъ опередилъ его и снова напалъ съ кормы. «Уріилъ» такъ быстро пролетѣлъ мимо турецкаго вице-адмиральскаго корабля и такъ близко, что своимъ такелажемъ сломалъ у него утлегарь.

Корабль «Твердый», адмиральскій, устремился на турецкій адмиральскій корабль и, врѣзавшись между «Сейдъ-Али» и «Бекиръ-Беемъ», поражалъ и того, и другого съ обоихъ бортовъ. Когда тотъ и другой, пробитые ядрами, съ истрепанными въ клочья парусами, заволакиваемые дымомъ, скрылись изъ глазъ Яшимова, онъ увидѣлъ, какъ Сенявинъ, сдѣлавъ поворотъ, атаковалъ капудана-пашу такъ близко, что корабли чуть не сцѣплялись реями. Капуданъ-паша не выдержалъ молодецкой атаки адмирала и на всѣхъ парусахъ устремился въ проливъ, подъ свои крѣпости и пушки. За нимъ помчалась вся остальная турецрецкая флотилія. Бѣгство было полное. Но русская эскадра гналась по пятамъ: ободряемые успѣхомъ, наши корабли, которые теперь казались Яшимову положительно живыми исполинами, то спускаясь, то приводя, то убирая, то прибавляя парусовъ, поражали бѣглецовъ вдоль всей линіи.

Среди залповъ орудій слышались иногда взрывы «ура»!, ревъ рупоровъ, крики команды и отчаянные вопли поражаемыхъ.

Наступила ночь. Флоты смѣшались во мракѣ, въ самомъ узкомъ проходѣ пролива. Обѣ крѣпости открыли канонаду, въ темнотѣ поражая мраморными и гранитными ядрами и враговъ, и друзей. Зрѣлище было ужасное, адское, со всѣхъ сторонъ брызгали огненные фонтаны, на мгновенье освѣщая только ближайшіе предметы—паруса, мачты, части бортовъ, закопченныя лица матросовъ, флаги, реи—и снова мракъ, и снова огненные снопы, снова залпы, крики и стоны.

Звонкіе рупоры разнесли по флотиліи новую команду Сенявина:

— Поднять на мачтахъ по три фонаря!

Огненныя точки засвѣтились на вершинахъ мачтъ. Оглушительное «ура» пронеслось по флотиліи.

Но и турки подняли фонари на своихъ мачтахъ, и тогда снова все смѣшалось: свои били своихъ, гранитныя и мраморныя ядра съ турецкихъ крѣпостей сыпались на ихъ же корабли.

Вдругъ на адмиральскомъ кораблѣ потухли фонари. Яшимовъ первый замѣтилъ это, потому что «Венусъ» сражался на одной линіи съ «Твердымъ»

— Что случилось?

— Убитъ! Убитъ! Ядромъ голову размозжило!

— Боже! Кто убитъ?

Битва кончилась, но никто не зналъ, гдѣ адмиралъ. Адмиральскій корабль словно въ воду канулъ. Тревога охватила всю эскадру. Съ корабля на корабль рупоры разносили страшный вопросъ:

— Гдѣ адмиралъ? Не видѣли ли адмиральскій корабль?

— Не видѣли! Нигдѣ нѣтъ!

Начало свѣтать. На блѣднѣющей съ востока полосѣ неба, надъ кораблемъ «Сильнымъ», медленно, печально поднялся наполовину съ флагштока брейдъ-вымпелъ.

— Боже! Смотрите: сигналъ на «Сильномъ»...—весь блѣдный прошепталъ Броневскій.

— Капитанъ-командоръ убитъ! Игнатьева не стало!—пронеслась печальная вѣсть по эскадрѣ.

Но еще болѣе страшная вѣсть скоро огласила флотилію. Первый замѣтилъ несчастіе Броневскій, потому что онъ обязанъ былъ наблюдать за сигналами.

— Адмиральскій корабль! Адмиральскій корабль выходитъ изъ пролива!—проговорилъ онъ, и еще болѣе прежняго поблѣднѣлъ.—Но на стеньгѣ нѣтъ флага... Степанъ Симоновичъ! У васъ зрѣніе хорошее, видите вы флагъ адмирала?

— Не вижу,—смущенно проговорилъ Яшимовъ.

Капитанъ Развозовъ, вахтенный лейтенантъ, всѣ офицеры смотрѣли въ зрительныя трубы, смущенные, съ дрожащими руками, блѣдные, боясь высказать тревожную мысль.

— Неужели убитъ? Отчего нѣтъ флага?

Матросы повысыпали на шканцы. Всѣ глаза были устремлены туда, къ адмиральскому кораблю. Нѣтъ флага!

«Венусъ» поспѣшилъ къ адмиральскому кораблю. Вотъ онъ

уже у самаго борта «Твердаго». Надо, по правиламъ, рапортовать; но капитанъ фрегата не рапортуетъ. Вмѣсто того, Развозовъ спрашиваетъ:

— Здоровъ ли адмиралъ?

— Слава Богу!—отвѣчаютъ съ «Твердаго».

Но на фрегатѣ не вѣрятъ. Тогда въ галлереѣ показывается самъ Сенявинъ.

Никогда еще такой могучій взрывъ радости не встрѣчалъ любимаго адмирала.

— Урра! Урра!—гремѣло въ воздухѣ.

Адмиралъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить, но радостные крики матросовъ, какъ перекатная волна, неслись со всей эскадры, заглушая его голосъ.

Сенявинъ опять сдѣлалъ знакъ. Но «ура» гремитъ и гремитъ, какъ вода въ прорванной плотинѣ.

Адмиралъ улыбнулся, поклонился и ушелъ. «Ура» не смолкало.

XXI. Бой у Аѳона.

По свидѣтельству Броневскаго (Записки Ш, 65), дарданельская битва стоила туркамъ трехъ кораблей и до 2.000 человѣкъ убитыми.

«Капитанъ-паша, Сейдъ-Али,—говоритъ Броневскій,—удавилъ вице-адмирала и двухъ капитановъ на кораблѣ своемъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ сраженія, онъ принялъ вице-адмирала очень ласково, но лишь вышелъ онъ изъ каюты, въ мигъ былъ задавленъ. Поступокъ сей покажется сначала слишкомъ жестокимъ; но входя въ причины, оный не есть таковъ, и напротивъ,—въ немъ заключается доброе намѣреніе. Турки думаютъ иначе о исполненіи смертныхъ приговоровъ и, говорятъ, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать въ ожиданіи опредѣленной казни. Въ Турціи не объявляютъ преступникамъ о рѣшеніи ихъ судьбы, и, выводя его изъ тюрьмы на казнь, обыкновенно объявляютъ милость, прощеніе султана, а какъ многіе въ самомъ дѣлѣ получаютъ оныя, то осужденный, вмѣсто страха, конечно, мучительнѣйшаго самой смерти, надѣется, радуется, и вдругъ, безъ торжественнаго шествія на эшафотъ, безъ грознаго приготовленія, нечаянно умерщвляется, и

необходимая смерть, опредѣленная закономъ, тѣмъ самымъ по возможности облегчается».

Хотя Яшимовъ не принадлежалъ къ составу экипажа фрегата «Венусъ», однако, въ сраженіи у Дарданѐлъ принималъ непосредственное участіе: то онъ помогалъ артиллеристамъ, подавая имъ снаряды и порохъ, то вмѣстѣ съ матросами поднималъ и опускалъ паруса, то помогалъ Броневскому въ передачѣ сигналовъ и распоряженій команды.

Болѣе дѣятельное участіе принималъ онъ въ послѣдовавшей черезъ нѣсколько недѣль битвѣ въ виду аѳонскихъ монастырей, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ самъ капуданъ-паша, Сейдъ-Али, съ его адмиральскимъ кораблемъ о 120 пушкахъ «Мессуда» или «Величество падишаха».

Было чудное лѣтнее утро, когда «Венусъ», посланный съ вечера на рекогносцировку, остановился противъ Аѳона въ ожиданіи, не покажутся ли со стороны острова Лемноса или Имбро турецкіе развѣдочные корабли. Весь массивъ горы рисовался необыкновенно отчетливо. Съ «Венуса» еще не видно было солнца, но первые лучи его уже золотили вершину горы, гдѣ когда-то высился, весь изъ мраморныхъ колоннъ и портиковъ, дивный храмъ Аполлона, а теперь въ лучахъ восходящаго солнца блестятъ главы и кресты другого храма, храма другихъ вѣрованій. Съ каждой секундой линія свѣта спускалась отъ вершины все ниже и ниже, освѣщая бѣлыя стѣны монастырей, куполы, кресты, сверкавшіе на солнцѣ растопленнымъ и лучезарно брызжущимъ золотомъ. Вся гора представляла исполинскій амфитеатръ съ бѣлыми террасами, которыя въ совокупности составляли какъ бы одну дивную, гигантскую лѣстницу, ведущую на небеса. Неудивительно, что поэтическіе греки временъ Гомера на вершинѣ этой горы воображали видѣть небо, а на немъ—лучезарнаго Аполлона. Неудивительно также, что гора эта грознымъ видомъ своимъ пугала дикаря Ксеркса, который хотѣлъ прорыть ее, чтобы не мимо чудной горы, увѣнчанной храмомъ греческаго бога, вести свои дикія полчища на поэтическую Элладу.

— Ахъ, какъ я понимаю художественный порывъ Александра Македонскаго, который хотѣлъ всю эту гору превратить въ исполинскую, невиданную міромъ статую, въ видѣ всадника на конѣ, на каждой рукѣ котораго, на ладоняхъ въ нѣсколько квадратныхъ верстъ въ объемѣ, выстроить по городу. Такого

колоссальнаго замысла не могло бы вмѣстить въ головѣ и воображеніе Сезострисовъ египетскихъ, — говорилъ Броневскій, задумчиво созерцая величественную панораму.

— А помнишь, — замѣтилъ капитанъ фрегата, Развозовъ, худой и длинный съ просѣдью брюнетъ,—помнишь, когда въ прошломъ году, во время солнцестоянія, мы бросили якорь у острова Лемноса?

— Еще бы! Тогда за Аѳономъ заходило солнце, и тѣнь отъ вершины Аѳона упала прямо на носъ милѣйшаго Кузьмы Иваныча.

Кузьма Ивановичъ былъ совсѣмъ молоденькій морякъ съ необыкновенно длиннымъ носомъ.

— А сколько будетъ верстъ?—спросилъ Яшимовъ.

— Носу Кузьмы Иваныча?—засмѣялся Броневскій.

— Нѣтъ, отъ Аѳона до Лемноса.

— А столько же, сколько отъ носа Кузьмы Иваныча до Аѳона.

Всѣ засмѣялись, въ томъ числѣ и привыкшій къ не всегда удачнымъ остротамъ Броневскаго Кузьма Ивановичъ.

— Сто верстъ отъ моего носа или отъ Лемноса до Аѳона,— сказалъ онъ, подражая Броневскому.

— Корабли! Корабли!—раздался сверху, съ вахты, звонкій голосъ вахтеннаго лейтенанта.

То показалась изъ-за Лемноса, у мыса Ликодіи, голова турецкой флотиліи. Едва «Венусъ» направилъ свой бѣгъ къ русской эскадрѣ, чтобъ донести Сенявину о появленіи турецкаго флота, какъ съ адмиральскаго корабля тоже былъ замѣченъ непріятель, и немедленно данъ былъ сигналъ: «начать бой!»

Вѣтеръ былъ попутный, и наши корабли понеслись на непріятельскій флотъ попарно: «Рафаилъ» съ «Сильнымъ», «Селафаилъ» съ «Уріиломъ», «Мощный» съ «Ярославомъ». Неслись они въ грозномъ безмолвіи, не дѣлая ни одного выстрѣла.

Турецкій флотъ построился въ линію и тотчасъ же открылъ убійственный огонь. Его ядра градомъ сыпались на нападающихъ, обивали и рѣшетили ихъ паруса, пробивали борты и реи. Но русскіе не отвѣчали, и только уже на разстояніи пистолетнаго выстрѣла послѣдовалъ громъ пальбы со стороны нападающихъ. Русскіе корабли врѣзались въ самую линію турецкаго флота и поражали непріятеля и съ праваго, и съ лѣваго бортовъ.

«Рафаилъ», разбивъ въ клочья всѣ паруса на кораблѣ капуданъ-бея, перебивъ всѣ реи,—такъ что величественный «Седель-Бахръ» или «Оплотъ Морской» торчалъ въ облакахъ дыма, словно остовъ мертвеца, съ голыми деревьями вмѣсто мачтъ и снастей,—самъ исчезъ въ этихъ облакахъ.

«Скорый» и «Мощный» съ «Венусомъ», врѣзавшись между трехъ турецкихъ флагмановъ, громили ихъ обоими бортами. Сенявинъ, стоя на вахтѣ «Твердаго», обсыпалъ жестокимъ огнемъ гигантскій стодвадцатипушечный корабль самого капудана-паши.

Съ флагмана «Анкай-Бахре» («Величества моря») шальное ядро пролетѣло мимо Яшимова и подкосило стараго артиллериста, наводившаго пушку. Яшимовъ замѣнилъ упавшаго.

Вдругъ послышался съ сосѣдняго корабля чей-то отчаянный крикъ:

— Батюшки! Капитана убили!

— Лукинъ, Лукинъ убитъ!—подхватили другіе голоса.— Ядромъ голову раздробило!

Прикрывшись дымомъ своихъ выстрѣловъ, адмиральскій корабль капудана-паши, поражаемый съ «Венуса» и «Мощнаго», обратился, наконецъ, въ бѣгство, стараясь пристать къ Аѳону. За адмиральскимъ побѣгомъ послѣдовало полное бѣгство всего турецкаго флота.

Держался только одинъ непріятельскій флагманъ—это корабль капуданъ-бея, «Седель-Бахръ», хотя и представлялъ изъ себя лишь остовъ, такъ онъ былъ избитъ. Но когда «Селафаилъ», подойдя къ нему подъ самый бортъ, готовился или взорвать, или потопить его своими залпами, съ покрытой трупами палубы «Седель-Бахра» послышались вопли о пощадѣ.

— Аманъ! Аманъ!

Съ «Селафаила» тотчасъ же явился офицеръ, чтобы взять адмиральскій флагъ у плѣннаго корабля. По трупамъ и по лужамъ крови его провели къ адмиралу, къ Бекиръ-Бею.

— Я отдамъ флагъ только самому адмиралу!—гордо отвѣчалъ старикъ лейтенанту Титову на предложеніе отдать флагъ.

Три раза Титовъ уходилъ и три раза напрасно возвращался за флагомъ.

— За что русскіе такъ на меня разсердились, что всѣ били только мой корабль?—спросилъ, наконецъ, капуданъ-бей.

— За то, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Титовъ,—что вы лучше и храбрѣе всѣхъ дрались.

Отвѣтъ этотъ такъ понравился старику, что онъ улыбнулся, погладилъ свою серебристую бороду и любезно подалъ флагъ.

XXII. Въ виду развалинъ Трои.

Несмотря, однако, на двукратное пораженіе турецкаго флота, въ тылу русской эскадры оставалось нѣчто, что безпокоило Сенявина, и что острякъ Броневскій называлъ «умнымъ зубомъ падишаха».

— Одинъ этотъ зубъ только и оставался во рту у его султанскаго величества,—говорилъ онъ, разгуливая съ Яшимовымъ по палубѣ «Венуса»,—вырвемъ этотъ зубъ, тогда полѣзай прямо въ ротъ его султанскому величеству: не укуситъ.

Этотъ «умный зубъ» султана была крѣпость на островѣ Тенедосѣ, въ которой сидѣлъ турецкій гарнизонъ, и которая была главнымъ ключемъ въ воротахъ Дарданелъ.

Сенявинъ сдѣлалъ распоряженіе о взятіи этой крѣпости. Онъ отрядилъ къ ней часть своей эскадры, именно: корабли «Ретвизанъ» и «Рафаилъ», и фрегатъ «Венусъ» съ нашими друзьями.

Увѣнчанный куполами храмовъ Аѳонъ бросалъ отъ себя гигантскую тѣнь на востокъ, по направленію къ Лемносу и Тенедосу, когда три поименованные корабля приблизились къ послѣднему острову съ той стороны, которая обращена была къ троянскому берегу.

Съ грустной задумчивостью глядѣли на этотъ берегъ наши друзья ,сидя на шканцахъ «Венуса». Только вчера они похоронили своего Геркулеса, капитана Дмитрія Александровича Лукина. Никто такъ не смѣялся надъ нимъ, конечно, добродушно, при жизни, какъ Броневскій, и никто такъ горько, какъ онъ, не плакалъ, цѣлуя могучія, но холодныя, какъ мраморъ, руки мертваго русскаго богатыря. Раздробленная ядромъ голова мертвеца была густо обмотана чернымъ флеромъ, отъ котораго ярко отдѣлялся лавровый вѣнокъ героя, возложенный на раздробленную голову Сенявинымъ подъ траурные, глухіе, словно могильные, залпы всей русской эскадры и подъ печальный перебой барабановъ. Строгія, задумчивыя лица матросовъ выражали глубокую скорбь.

Траурною дымкою, казалось, подернутъ былъ теперь печальный берегъ, на которомъ стояла когда-то Троя. Съ «Венуса» его было хорошо видно. Жалкія, обезображенныя части городскихъ воротъ, такія же жалкія, осиротѣлыя колонны и груды камней— вотъ все, что осталось отъ безсмертнаго Иліона. Да и это не городъ Пріама, погибшій въ пламени, не его печальные остатки— ихъ давно, тысячи лѣтъ назадъ, вѣтромъ разнесло. Осталось только мѣсто, гдѣ стоялъ Иліонъ, его мѣсто, его горизонтъ, на которомъ виднѣется отуманенная Ида, его небо, съ котораго взирали равнодушные боги на обреченный въ жертву запустѣнія городъ, его Скамандръ, поившій когда-то своими холодными струями героевъ, утомленныхъ битвою. Вонъ и теперь его воды изливаются въ его море—въ море Иліона, но воды Скамандра пьютъ не герои Иліона, а турецкіе солдаты, двадцатитысячный корпусъ которыхъ раскинулся на берегу троянскаго моря, укрывая его бѣлыми и пестрыми шатрами. Остались цѣлы три кургана, что насыпаны были надъ могилами Ахиллеса, Патрокла и Аякса; они печально глядятъ на проходящіе мимо нихъ вѣка и тысячелѣтія: для нихъ эти вѣка—одинъ день, мимолетный мигъ вѣчности.

Такъ съ грустью думалъ Броневскій, указывая своему другу на троянскій берегъ.

— А здѣсь, на Тенедосѣ,—продолжалъ онъ,—было сборное мѣсто грековъ, осаждавшихъ Трою. Здѣсь бродилъ старецъ Несторъ, и хитрый Одиссей здѣсь обдумывалъ планъ коварнаго обмана осажденныхъ. Здѣсь звонко стучали топоры и визжали пилы, гремѣли молоты, изготовляя деревяннаго коня, погубившаго градъ Пріама. Какъ грустно все это! Такъ и кажется, что надъ тѣмъ печальнымъ берегомъ все еще витаютъ безутѣшныя тѣни Гекубы и Андромахи и слышится пророческій плачъ Кассандры о предопредѣленной безжалостными богами гибели ея родного города.

Они перешли къ другому борту. Передъ ихъ глазами какъ бы прямо изъ волнъ голубого моря выходили мрачныя стѣны крѣпости. Зубцы стѣнъ, зіяющія отверстія бойницъ, угловатые изломы стѣнъ и башни, и надъ самою грозною изъ нихъ треплющееся въ воздухѣ тяжелое знамя съ полумѣсяцемъ на яркомъ полотнищѣ, все это невольно приковывало взоръ. Нѣсколько лѣвѣе виднѣлись бѣлыя террасы домовъ: городъ, отдѣленный отъ

крѣпости рвомъ и площадкою у самыхъ крѣпостныхъ воротъ. Правѣе, за крѣпостью, высилась крутая гора съ болтающимся на вершинѣ ея воздушнымъ телеграфомъ. Вотъ задумчивыя группы темныхъ, грустныхъ кипарисовъ, которые, кажется, шепчутся, грустно шепчутся надъ могилами правовѣрныхъ.

Ночью подошли и другіе корабли эскадры.

Необыкновенно тихая была ночь. Слышно было даже, какъ въ городѣ и въ крѣпости лаяли собаки.

Настала полночь. Въ крѣпости и въ городѣ запѣли пѣтухи. Имъ откликнулся фрегатный пѣтухъ, Петька съ «Венуса», изъ своего курятника, и вызвалъ дружный смѣхъ готовившихся назавтра въ бою матросовъ.

— Ну, братъ, Петька, маху далъ, это не наши, а турецки пѣтухи.

— Что-жъ что турецки! Онъ свою службу знаетъ, завсегда на вахтѣ.

— Да и за турецкими курами онъ не плохъ; самъ я видѣлъ...

За приготовленіями къ бою незамѣтно прошла ночь. Стала блѣднѣть восточная окраина неба, тамъ за троянскимъ берегомъ, за могильными холмами Патрокла и Ахиллеса. Шатры турецкаго лагеря на томъ же берегу вырисовывались все яснѣе и яснѣе. И Тенедосъ скоро выступилъ изъ туманной мглы. Крѣпостныя стѣны, башни, бойницы, цитадель и яркое полотнище султанскаго на ней флага, все это разомъ бросилось въ глаза Яшимову и Броненскому, когда утромъ они вышли изъ каютъ на палубу. Видны даже были на берегу, около города и крѣпости, темныя точки турецкихъ пикетовъ.

XXIII. Встрѣча съ Фатьмой.

Съ разсвѣтомъ «Венусъ», «Мощный» и «Корсаръ» продвинулись ближе къ острову и открыли огонь по турецкимъ береговымъ пикетамъ. Ядра падали такъ мѣтко, что когда разсѣялся пороховой дымъ, то оказалось, что берегъ весь очищенъ отъ пикетовъ.

Въ отвѣтъ на русскую канонаду, въ свою очередь, заговорила крѣпость. Ближе всѣхъ кораблей къ берегу стоялъ «Рафаилъ», и на него направила огонь крѣпостная артиллерія. То тамъ, то здѣсь вспыхивалъ бѣлый дымокъ, и вслѣдъ затѣмъ гре-

мѣлъ ударъ, повторяемый гулкимъ эхомъ горъ, и въ море, не долетая до корабля, падало чугунное или мраморное ядро, развыпая бѣлыя брызги.

Всякій разъ, когда ядро падало въ море, не достигая цѣли, матросы смѣялись.

— Душа коротенька! Не доплюнулъ.

— Это, братъ, не рахатъ-лукумъ жрать.

Съ «Рафаила» же дѣйствовали такъ удачно, что рѣдкое ядро не наносило урона непріятелю.

— Что! Скусно? Попробуй еще!—острили артиллеристы.

— Чихапула! Ай-да-ну! Въ самую центру!

Между тѣмъ къ берегу двигались на веслахъ катеры съ десантомъ. Плавно и мѣрно взвивались надъ водою тонкія лопасти веселъ и дружно пѣнили бирюзовое море. На одномъ изъ катеровъ виднѣлось строгое, задумчивое лицо Яшимова.

Нѣсколько легкихъ шлюпокъ съ албанцами и греками-идріотами, подплывъ къ самому берегу, быстро сбили своими мѣткими выстрѣлами передовые турецкіе посты и тѣмъ очистили мѣсто для высадки регулярныхъ войскъ, которыя быстро вышли на берегъ, такъ же быстро выстроились въ двѣ стройныя колонны и подъ мѣрный бой барабановъ двинулись впередъ. Одна колонна изъ 900 человѣкъ козловскаго полка, подъ командою полковника Подейскаго, съ четырьмя полевыми орудіями, пошла влѣво горами.

Къ этой колоннѣ присоединился и нашъ Степанъ Симоновичъ, у котораго на душѣ сегодня было особенно мрачно. Но онъ не боялся смерти. Столько разъ она глядѣла ему въ лицо, и онъ сталъ смѣло глядѣть въ ея очи. «Что жъ, если убьютъ? По крайней мѣрѣ на виду у своихъ. Умереть такъ, какъ умеръ тотъ незабвенный герой съ добрыми, дѣтскими глазами и мощными мускулами, славная, завидная смерть. И для чего жить? Для кого?» Его почему-то и на родину больше не тянуло.

Вторая колонна изъ 600 рядовыхъ 2-го морского полка, подъ командою полковника Буаселя, тоже съ четырьмя пушками и шестью фальконетами, двинулась вправо, по морскому берегу.

При первой колоннѣ находился контръ-адмиралъ Грейгъ, при второй самъ Сенявинъ, который и распоряжался всѣми ея движеніями.

Впереди колоннъ наступали албанскіе стрѣлки, идріоты и

охотники изъ регулярныхъ войскъ и матросовъ. Къ охотникамъ примкнулъ и Яшимовъ.

Маіоръ Гедеоновъ, отряженный отъ первой колонны, повелъ стрѣлковъ и охотниковъ въ гору, на которой укрывались турки. Въ числѣ первыхъ съ крикомъ «ура!» взошелъ на гору Яшимовъ.

— Урра!—перекатилось по всему отряду, и поражаемые мѣткими ударами турки бѣжали.

Въ то же время колонна Буаселя, достигнувъ шанцевъ, атаковала засѣвшихъ тамъ турокъ своими стрѣлками, между тѣмъ какъ легкія орудія, управляемыя морскими офицерами, въ томъ числѣ и Броневскимъ, отважно подвезены были на картечный выстрѣлъ и градомъ чугуна осыпали непріятеля. Колонна Подейскаго, заглушая громовымъ «ура» грохотъ канонады съ крѣпости, на штыкахъ врывалась уже въ предмѣстье, въ то время, когда вторая колонна, ударивъ штурмомъ на ретраншементъ, взяла его послѣ жестокаго боя, вырвавъ изъ рукъ ошеломленнаго врага пять знаменъ.

Оставивъ городъ, турки кинулись въ крѣпость, но на мосту черезъ ровъ и на площади у самыхъ воротъ крѣпости ихъ встрѣтили залпы подоспѣвшихъ орудій, и поражаемые съ тыла штыками, несчастные, неуспѣвшіе добѣжать до крѣпости, съ криками отчаянія кидались въ ровъ.

Оставшіеся въ городѣ турки защищались въ домахъ.

— Братцы! Тутъ хорошенькая турчаночка!—послышался возгласъ изъ одного дома.

Яшимовъ бросился на этотъ возгласъ, боясь, чтобы солдаты не сдѣлали насилія надъ беззащитною женщиной.

Вся закутанная покрываломъ, какая-то женщина уткнулась въ уголъ турецкаго дивана и, повидимому, прятала ребенка, который плакалъ подъ покрываломъ, а два солдатика, весело заливаясь, силились стащить съ нея это покрывало.

— Да покажись, молодка, мы тебя не съѣдимъ.

— Якши, якши, красавица... да ты не бойся.

— Братцы, что вы дѣлаете!

Солдатики смущенно отступили. Передъ ними стоялъ незнакомый офицеръ.

— Мы ничево, ваше благородіе, мы ее не трогали.

— Мы, ваше благородіе, пошутили.

Совсѣмъ растерянные, они всѣ пятились къ двери и, наконецъ, исчезли.

Женщина, дрожа всѣмъ тѣломъ, продолжала жаться въ уголъ дивана. Яшимовъ заговорилъ съ ней по-турецки, успокаивая ее.

По мѣрѣ того какъ Степанъ Симоновичъ говорилъ, женщина осторожно поворачивала къ нему лицо, все закрытое покрываломъ. Потомъ часть покрывала раздвинулась на лицѣ настолько, чтобы оставить щель для глазъ.

— Не бойся же; пойдемъ со мной, я дамъ тебѣ защиту,— продолжалъ Яшимовъ.

Вдругъ съ головы турчанки спало покрывало, и она, всплеснувъ руками, бросилась къ ногамъ Степана Симоновича.

— Мой господинъ! Мой повелитель!—заговорила она порусски, хотя съ восточнымъ акцентомъ.

Съ изумленіемъ и испугомъ Яшимовъ отступилъ назадъ. Передъ нимъ на колѣняхъ стояла его маленькая Фатьма и ломала руки.

— Мой господинъ! Мой женихъ! Мой Степа!

— Фатьма! Ты ли это!

— Я, я! Твоя Фатьма...

Яшимовъ поднялъ ее съ полу и одной рукой придержалъ за талью, такъ дрожала она. Бѣдная женщина съ рыданьемъ прильнула губами къ его рукѣ.

— Какъ ты попала сюда, бѣдная?—съ глубокимъ волненіемъ спросилъ Степанъ Симоновичъ.

— Онъ купилъ меня у матери,—всхлипывала несчастная.

— Кто онъ?

— Мой мужъ.

Ребенокъ съ дивана протягивалъ къ ней ручонки.

— Это твой?—глухо спросилъ Яшимовъ.

— Мой.

XXIV. Она рѣшилась.

«Непріятель заключился въ крѣпость—говоритъ въ своихъ «Запискахъ» Броневскій:—по оной немедленно открыли пальбу изъ полевыхъ орудій и изъ малой крѣпостцы. Сраженіе симъ кончилось, но перестрѣлка съ крѣпости и въ предмѣстіи еще про-

должалась. Турки въ домахъ защищались упорно; греки же, съ семействами своими скрывшіеся въ своей части города, съ довѣренностью вышли и отведены въ безопасное мѣсто. Скоро и турки потребовали пощады, и имъ не отказано было въ возможной помощи. Для гречанокъ поставлены были палатки и караулъ, дабы не допускать до нихъ любопытныхъ. Три турчанки, попавшія въ плѣнъ (въ томъ числѣ и Фатьма), отвезены на адмиральскій корабль, и сіе вниманіе, какъ увидимъ впослѣдствіи, принудило турокъ скорѣе сдаться».

Дѣло было такъ.

По занятіи города Тенедоса русскими войсками и по заключеніи турокъ въ крѣпость, Сенявинъ, желая избѣгнуть напраснаго кровопролитія и продолжительной осады, приказалъ предложить плѣннымъ туркамъ отнести его письмо къ командиру крѣпости; но всѣ они отказались: ихъ тамъ убили бы за то, что они отдались живыми въ плѣнъ. Кромѣ того, они объявили, что гарнизонъ крѣпости на коранѣ поклялся защищаться до послѣдней крайности.

Когда вѣсть эта дошла до плѣнныхъ турчанокъ, Фатьма рѣшилась пожертвовать собою и отнести письмо въ крѣпость. Она знала, что пойдетъ на вѣрную смерть, такъ какъ всякую женщину, попавшую въ плѣнъ къ гяурамъ, турки считаютъ обезчещенною и оскверненною и безъ жалости убиваютъ. Фатьма знала это и все-таки рѣшилась.

Принявъ такое рѣшеніе, она просила доложить объ этомъ адмиралу и только позволить ей раньше повидаться съ «ея господиномъ, для котораго она теперь раба и невольница», потому что онъ взялъ ее въ плѣнъ.

Сенявинъ приказалъ позвать Яшимова. Тотъ явился. Фатьма, почтительно поцѣловавъ его руку, сказала:

— Позволь мнѣ, мой повелитель, умереть за добрыхъ русскихъ.

— Зачѣмъ?—удивился Степанъ Симоновичъ.

— Ты меня не убилъ, какъ я того заслужила, такъ пусть меня убьютъ наши: я обѣщала вашему непобѣдимому гази-капудану-пашѣ отнести его письмо въ крѣпость.

Испугъ и горесть отразились на лицѣ Степана Симоновича при этихъ словахъ.

— Отпусти меня, господинъ,—снова цѣлуя руки его, сказала молодая женщина,—я нечистая, я заслужила смерть.

Яшимовъ зналъ восточные предразсудки и глубокую непоколебимость въ нихъ восточной женщины: предназначенная въ жены одному, она отдалась, хотя невольно, другому, своему теперешнему мужу, и потому первый ея повелитель долженъ былъ, по ея понятіямъ, убить ее какъ нечистое животное.

— Хорошо,—сказалъ дрогнувшимъ голосомъ Яшимовъ,—только я самъ научу тебя, что сказать гази-капудану.

И онъ сталъ учить ее, сказавъ предварительно по-арабски: «повторяй за мной и хорошенько запомни каждое мое слово».

— Слушаю, господинъ.

Еще въ Алжирѣ, чтобы не позабыть родной рѣчи, Яшимовъ въ теченіе года училъ свою «Фату» по-русски, и понятливая, какъ вся арабская раса, дѣвочка быстро усвоила себѣ обиходную рѣчь.

— Говори,—началъ онъ, садясь на складной табуретъ,—великодушный христіанинъ...

— Великодушный христіанинъ,—повторила Фатьма, качая на рукахъ ребенка.

Сама еще ребенокъ, она казалась дѣвочкою, играющею въ куклы.

— Милостивое твое покровительство и призрѣніе къ твоимъ невольницамъ. ими не ожидаемое...—продолжалъ Степанъ Симоновичъ подбирать вычурныя фразы, а Фатьма за нимъ повторяла.

Когда рѣчь была кончена, Степанъ Симоновичъ началъ ее снова и повторилъ до конца. Фатьма ее заучивала, и уже за третьимъ разомъ сказала ее почти всю.

Затѣмъ она снова начала повторять и, наконецъ, совсѣмъ запомнила.

Яшимовъ подошелъ къ ней, задумчиво и грустно посмотрѣлъ въ ея дѣтски-наивные глазки, погладилъ черную, съ вьющимися волосами головку.

— Совсѣмъ ребенокъ!—шепталъ онъ со слезами на глазахъ.—Ты ни въ чемъ передо мной неповинна.

Фатьма, придерживая одной рукою ребенка, бросилась на полъ каюты и припала губами къ сапогамъ Яшимова. Онъ поднялъ съ полу этого ребенка-женщину, горячо, много разъ поцѣловалъ ее и перекрестилъ.

XXV. Подвигъ Фатьмы

Сенявинъ принялъ Фатьму на палубѣ адмиральскаго корабля, въ торжественной обстановкѣ. При аудіенціи присутствовали не только всѣ офицеры корабля «Твердый», но нѣкоторые и съ другихъ кораблей эскадры.

Фатьма, закутанная покрываломъ съ головы до ногъ, подошла къ адмиралу, держа ребенка на рукахъ; потомъ, опустившись на колѣни, поцѣловала у Сенявина руку и нагнула голову ребенка, чтобъ и онъ своими розовыми губками прикоснулся къ этой рукѣ. Сенявинъ съ улыбкой погладилъ курчавую головку мальчика, котораго, видимо, заняли «игрушки» на груди важнаго старика.

Фатьма встала и, не открывая покрывала, совершенно по школьному отбарабанила серебристымъ голоскомъ:

— Великодушный христіанинъ! Милостивое твое покровительство, призрѣніе къ твоимъ невольницамъ, ими неожидаемое, побудило меня предложить тебѣ мою услугу. Я берусь...

На этомъ словѣ она запнулась; Яшимовъ подсказалъ ей.

— Я берусь отнести письмо твое къ пашѣ,—снова затараторила она,—хочу убѣдить непреклонныхъ нашихъ мужей, что мы во врагахъ нашли друзей, какихъ едва ли имѣемъ между правовѣрными. Знаю, что пріемлю на себя слишкомъ трудную обязанность; знаю, что едва ли повѣрятъ моему свидѣтельству о поступкахъ твоихъ, великій начальникъ христіанъ, но... но...

Она опять запнулась. Добродушная усмѣшка скользнула по губамъ адмирала, а Броневскій скорчилъ самую ехидную гримасу, переглянувшись съ Развозовымъ.

— Но,—продолжала Фатьма,—но не колеблюсь; сими предположеніями моими надѣюсь по крайней мѣрѣ ослабить несправедливое предубѣжденіе противу васъ, и въ знакъ благодарности, въ возмездіе милостей твоихъ къ плѣннымъ, обрекаю себя за всѣхъ прочихъ на вѣрную смерть!

Она выпалила все это, ни разу не передохнувъ, а потомъ, вѣроятно, боясь забыть конецъ своей сантиментальной рѣчи, сочиненной сантиментальнымъ же Степаномъ Симоновичемъ, она снова стала на колѣни и, положивъ своего прелестнаго малютку къ ногамъ Сенявина, отмахала, какъ попугай:

— Оставляю тебѣ дитя мое залогомъ, драгоцѣннѣйшимъ для матери. Если Богу угодно лишить меня жизни въ сей день, будь ему отцомъ, наставникомъ и покровителемъ, научи его твоей вѣрѣ, да возможетъ онъ подражать тебѣ и быть достойнымъ твоихъ попеченій!

Она встала и хотѣла тотчасъ же итти, но ребенокъ потянулся къ ней и заплакалъ. Тогда Сенявинъ взялъ его къ себѣ на колѣни и скоро развлекъ своими блестящими аксельбантами.

На минуту въ немъ явилась нерѣшимость. Старику стало жаль этой дѣвочки-матери. Онъ зналъ восточные обычаи, зналъ, что турки всѣхъ попавшихъ въ плѣнъ женщинъ считаютъ обезчещенными и обыкновенно убиваютъ, и въ немъ теперь проснулась жалость и къ этому ребенку-матери, и къ ея крошкѣ.

Адмиралъ въ нерѣшимости взглянулъ на офицеровъ. Яшимовъ стоялъ блѣдный, Броневскій смотрѣлъ на него жалостливо, Развозовъ хмурился.

— Лучше, ваше превосходительство, пожертвовать одною жизнью, чѣмъ многими,—сказалъ онъ тихо.

Сенявинъ подалъ Фатьмѣ роковое посланіе. Она быстро схватила его и, не взглянувъ на ребенка, изъ боязни уступить материнскому чувству, торопливо пошла къ трапу. Тамъ уже ждала ее шлюпка съ матросами.

Увидавъ, что мать уходитъ, ребенокъ снова расплакался, протягивая къ ней ручонки; но она не оглянулась.

Такъ какъ во все это время съ прочихъ кораблей продолжалась канонада по крѣпости, то Сенявинъ приказалъ прекратить пальбу и велѣлъ дать знать, посредствомъ трубы, осажденнымъ, что желаетъ вступить съ ними въ переговоры; но изъ крѣпости ничего не отвѣчали и продолжали стрѣлять.

Шлюпка съ Фатьмой отчалила отъ корабля.

— Вы прежде знали эту женщину?—обратился Сенявинъ къ Яшимову, стоявшему въ грустной задумчивости.

— Такъ точно, ваше превосходительство, еще въ Алжирѣ: ее подарилъ мнѣ дей въ знакъ милости.

— Какъ же она попала на Тенедосъ?

— Когда я бѣжалъ изъ Алжира, ее купили у матери, купилъ настоящій ея мужъ, находящійся въ Тенедосѣ.

— И это вы ее научили по-русски?

— Я, ваше превосходительство.

Шлюпка между тѣмъ достигла берега. Видно было, какъ развѣвалось въ воздухѣ бѣлое покрывало Фатьмы, когда она поднималась къ шанцамъ, а потомъ вступила на площадь.

— Ахъ, негодяи!—вырвалось у Броневскаго.—Они стрѣляютъ въ нее!

Дѣйствительно, съ ближайшаго къ ней бастіона сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, къ счастью, неудачныхъ. Но маленькая героиня не струсила. Она подняла вверхъ письмо и, махая имъ въ воздухѣ, смѣло шла къ крѣпостнымъ воротамъ. Ворота отворились, и маленькая фигурка Фатьмы исчезла въ нихъ.

XXVI. Она побѣдила.

На эскадрѣ водворилась тишина. Канонада смолкла. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ оригинальнаго посольства.

Крѣпость не показывала никакихъ признаковъ жизни: тамъ было тихо, какъ въ могилѣ.

Сенявинъ начиналъ уже сильно раскаиваться, что послалъ бѣдную женщину на вѣрную смерть. Ребенокъ между тѣмъ, не видя матери, плакалъ, и сѣдому адмиралу приходилось съ нимъ няньчиться. Наконецъ, его отослали къ двумъ плѣннымъ турчанкамъ, которыя находились въ особой каютѣ.

Яшимовъ переживалъ жестокія мученія. Въ его душѣ образовались два теченія, взаимно противоположныя. Тамъ, въ Алжирѣ, въ ночь своего побѣга, когда онъ стоялъ на колѣняхъ у постели своей милой спящей дѣвочки, въ душѣ его почувствовалось могучее движеніе уйти изъ постылой неволи, все бросить, бросить даже это милое дитя и плыть за это постылое море—туда, домой. И пока Тунисъ и Алжиръ не остались у него за спиной, какъ минутный сонъ, какъ страшный кошмаръ, это движеніе продолжало господствовать въ душѣ. Но едва онъ очутился на палубѣ русскаго судна, едва къ нему воротилась увѣренность, что онъ не въ неволѣ, какъ въ его душѣ возникло теченіе обратное; туда опять въ неволю, къ ней. Теченіе это стало возникать еще раньше, именно тогда, когда взятый у береговъ Корсики пиратъ Абу-Талебъ сказалъ, какъ послѣ исчезновенія Яшимова изъ Алжира Фатьма убивалась по немъ, день и ночь плакала и даже хотѣла покончить съ собой. По-

томъ сила этого движенія росла и росла, такъ что уже здѣсь, въ Архипелагѣ, Степанъ Симоновичъ, по свидѣтельству Броневскаго, «искалъ смерти». И вотъ, это прежнее счастье вновь найдено и вновь потеряно уже навсегда.

— Идетъ! Идетъ! — раздался вдругъ радостный возгласъ Броневскаго.

— Да, ворота отворили. Это она!—подхватили другіе голоса.

— Слава Богу!—облегченно вздохнулъ Сенявинъ.

Дѣйствительно, ворота крѣпости отворились, и оттуда вышла группа турокъ, среди которыхъ бѣлѣла фигура Фатьмы. Въ воротахъ, рядомъ съ Фатьмой, стоялъ самъ паша Тенедоса, комендантъ крѣпости. Турки, видимо, спорили о чемъ-то, обнажали сабли, а паша что-то горячо говорилъ имъ.

— Вѣрно убить хотятъ, негодяи!

— Да, но паша, кажется, не даетъ.

Скоро Фатьма отдѣлилась отъ группы и быстро пошла къ берегу. За нею слѣдовалъ пожилой турокъ въ зеленой чалмѣ. Они сѣли въ ожидавшую Фатьму шлюпку съ адмиральскаго корабля и отчалили отъ берега.

— Принесите мнѣ ея сына,—сказалъ Сенявинъ окружавшимъ его.

Ребенка принесли, и Сенявинъ, взявъ его на руки, подошелъ къ борту корабля и показывая на приближавшуюся шлюпку, говорилъ:

— Мама, мама; смотри, мама ѣдетъ.

Ребенокъ узналъ мать и протягивалъ къ ней ручонки. Фатьма быстро взбѣжала по трапу на палубу и, рыдая, упала на колѣни передъ Сенявинымъ. Адмиралъ подалъ ей ребенка.

«Разставаясь съ нимъ (съ сыномъ)—говоритъ по этому поводу Броневскій—когда шла къ смерти, она не плакала; но теперь, свершивъ свой подвигъ, чувства материей горячности замѣнили въ душѣ ея всѣ другія; стоя на колѣняхъ, она рыдала, занималась однимъ сыномъ, коему расточая ласки, до того забылась, что сбросила съ себя покрывало и, казалось, никого вокругъ себя не замѣчала».

Въ крѣпости посольство Фатьмы произвело эффектъ. Когда комендантъ прочелъ принесенное ею письмо, и она разсказала ему о томъ, какое уваженіе оказалъ Сенявинъ къ ихъ обычаямъ, то, тронутый великодушіемъ врага-христіанина, онъ собралъ

военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать къ адмиралу довѣренное лицо съ извѣщеніемъ, что крѣпость сдается на волю побѣдителя, оказавшаго почтеніе женщинамъ правовѣрныхъ. Онъ самъ проводилъ Фатьму до воротъ. Его солдаты, увидавъ, что плѣнницу, по ихъ мнѣнію обезчещенную, не убили, а еще съ почтеніемъ опять отправляютъ къ невѣрнымъ, съ криками негодованія выскочили за ворота, чтобы схватить и тутъ же убить ее.

— Смерть нечистой женщинѣ!—кричали они.

Но комендантъ удержалъ ихъ.

Когда сопровождавшая Фатьму изъ крѣпости зеленая чалма взошла на палубу адмиральскаго корабля и увидѣла, что самъ адмиралъ подаетъ плѣнницѣ ея ребенка, чалма растерялась отъ неожиданности. Но, сразу уразумѣвъ весь трагизмъ того, что она увидѣла, чалма съ знаками глубочайшаго почтеніе приблизилась къ Сенявину и, приложивъ руку къ сердцу, сказала:

— Благодарю пророка, что лично узнаю твое великодушіе. Ты писалъ, что желаешь отпустить насъ съ имуществомъ домой. Мы признаемъ себя побѣжденными и великодушіемъ, и силою твоею, и не можемъ требовать отъ тебя болѣе того, что ты предложилъ намъ. Утверди условія однимъ твоимъ словомъ, и крѣпость твоя!

Зеленая чалма снова низко и почтительно склонилась.

— Я утверждаю мои условія моимъ честнымъ словомъ,— сказалъ Сенявинъ, подавая руку изумленному и очарованному чалмоносцу.

И тотчасъ же адмиралъ приказалъ изготовить закрытыя шлюпки для перевоза на троянскій берегъ съ Тенедоса и съ адмиральскаго корабля всѣхъ турчанокъ, какъ находящихся на кораблѣ (Фатьма и двѣ другія, взятыя въ плѣнъ), такъ и укрывшихся въ крѣпости.

Это послѣднее распоряженіе Сенявина привело зеленую чалму въ совершенное умиленіе. Онъ билъ себя въ грудь и поднималъ руки, восклицая: «Аллахъ-керимъ! Аллахъ-акберъ!» Затѣмъ онъ обратился къ Сенявину:

— Великодушный гази! Зная твои права какъ побѣдителя и зная, что не легко отказаться отъ столькихъ прекрасныхъ женщинъ (онъ взглянулъ на Фатьму, возившуюся съ своимъ ребенкомъ какъ съ куклой), я не смѣлъ ходатайствовать о ихъ осво-

бождепіи; но ты самъ ихъ возвращаешь намъ; повѣрь, что мы сумѣемъ оцѣнить твое великодушіе и постараемся дѣломъ доказать тебѣ нашу благодарность.

Когда шлюпки были готовы, Сенявинъ вынесъ изъ адмиральской каюты богатое ожерелье и, подавая его Фатьмѣ, сказалъ:

— Возьми это, добрая женщина, на память о русскихъ. Если мы и причинили много вреда вашему городу, то мы это дѣлали не своею волею: мы исполняли свой долгъ. Воспитывай и ты своего сына въ правилахъ долга,—заключилъ онъ, погладивъ ребенка по головѣ.

Фатьма цѣловала у старика руку, но едва ли многое поняла изъ его рѣчи.

Но идя къ трапу, она припала горячими губами къ рукѣ Яшимова и горько заплакала; это были слезы восточной женщины, слезы невольницы, не имѣющей права даже любить, ибо у пея одно только право—принадлежать тому, кого она считаетъ своимъ повелителемъ. И тамъ, на родинѣ, она была раба. хоть и любила добраго русскаго господина, раба она и здѣсь. Но Степанъ Симоновичъ не смѣлъ даже поцѣловать ея руку, это было не въ обычаяхъ Востока. Онъ только украдкой пожалъ ее.

Шлюпка съ плѣнницами и съ зеленой чалмой быстро удалялась отъ корабля. Яшимовъ тоскливо провожалъ ее глазами. Одинъ только Броневскій замѣтилъ, какъ изъ этихъ глазъ выкатились двѣ чуть замѣтныя слезинки.

Вдругъ отъ борта удалявшейся шлюпки отдѣлилось что-то бѣлое, словно огромная чайка съ распластанными крыльями, и ринулось въ море камнемъ. Оттуда послышались крики испуга.

— Что это? Кто-то бросился въ море?

— Фатьма бросилась въ море! Бѣдная!

Въ тотъ же мигъ у лѣваго борта адмиральскаго корабля мелькнуло что-то темное и послышался плескъ.

— Человѣкъ упалъ въ море!—вскрикнулъ кто-то.

— Яшимовъ бросился... Шлюпку! Шлюпку!—отчаянно кричалъ Броневскій.

У самаго корабля всплыла черная голова Степана Симоновича. Онъ плылъ къ той шлюпкѣ, которая увозила плѣнницъ.

Но силы, видимо, ему измѣняли: прыгнувъ съ корабля, съ значительной высоты, онъ разшибся объ воду. Онъ двигался все медленнѣе и медленнѣе. Онъ уже совсѣмъ исчезалъ подъ водой. Но въ это время багоръ спасательной шлюпки зацѣпилъ его за платье, и Яшимовъ былъ втащенъ въ шлюпку. Онъ былъ безъ чувствъ.

Фатьма утонула.

Но этимъ не кончились бѣды и скитанья нашего злополучнаго Одиссея.

По заключеніи Тильзитскаго мира съ Франціею, эскадра Сенявина должна была возвратиться въ Петербургъ. Но едва она, а вмѣстѣ съ нею и нашъ Одиссей, вышла въ Атлантическій океанъ и выдержала ужаснѣйшій штормъ, какъ узнали, что Англія объявила Россіи войну, и ея флотъ ищетъ эскадру Сенявина, чтобы или взять ее въ плѣнъ, или истребить. Тогда эскадрѣ пришлось прятаться въ Лиссабонскомъ портѣ.

Яшимовъ былъ снова въ плѣну, хотя у своихъ и среди друзей. Жизнь ему окончательно опостылѣла, и онъ снова искалъ смерти. Но гдѣ ее найдешь? Не въ дулѣ же своего собственнаго пистолета, это было бы малодушіемъ. Такую смерть онъ нашелъ бы и въ Африкѣ, притомъ менѣе постыдную, хотя бы въ когтяхъ у того льва, котораго, въ пустынѣ, онъ поджидалъ за кустомъ кактуса, подъ гигантскою пальмой.

Когда слухи о войнѣ съ Англіей подтвердились, «Венусъ» изъ Лиссабона командированъ былъ обратно въ Средиземное море для отысканія тамъ эскадры капитанъ-командора Баратынскаго, а равно для извѣщенія его о томъ, куда ему итти для соединенія съ главнымъ флотомъ. «Венусъ» долженъ былъ зайти также и въ Палермо къ русскому резиденту и въ Корфу съ разными порученіями.

Отправился съ «Венусомъ» и нашъ Одиссей. Былъ онъ и въ Гибралтарѣ, у береговъ Сардиніи и Корсики, гдѣ когда-то имѣлъ дѣла съ своими алжирскими и тунисскими сослуживцами, съ пиратами Абдъ-эль-Нубаромъ и Абу-Талебомъ. Былъ и въ Палермо, гдѣ англичане застукали-таки «Венусъ», который едва не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ нашимъ Одиссеемъ.

Вотъ что мы находимъ у Броневскаго о послѣднихъ дняхъ нашего несчастнаго героя:

«Онъ во все время оставался на нашемъ фрегатѣ, терпѣлъ

съ нами равную участь; изъ Лиссабона былъ съ нами въ Палермѣ и, наконецъ, изъ Тріеста отправился сухимъ путемъ въ Россію. Въ Лембергѣ, когда колоннѣ должно было выходить, Яшимова не нашли на его квартирѣ; искали по всему городу, и не было никакого о немъ слуха. Хозяинъ дома сказывалъ, что онъ ночевалъ у него одну ночь, на другой день утромъ просилъ какъ можно скорѣе исправить его пистолеты, и въ полдень, получа оные, болѣе не возвращался. Въ городѣ же носился слухъ, что одинъ русскій офицеръ въ трактирѣ поссорился съ двумя польскими уланскими офицерами, пріѣхавшими въ отпускъ изъ Варшавы. И такъ весьма вѣроятно, что несчастный Яшимовъ убитъ на поединкѣ.

«Въ недальнемъ разстояніи отъ Радзивилова, въ селеніи Колки, квартировалъ с.-петербургскій драгунскій полкъ. Я, любопытствуя знать, точно ли онъ служилъ въ семъ полку, нашелъ одного рейтара, который очень его помнилъ и служилъ пять лѣтъ въ его эскадронѣ».

ЖЕРТВЫ ВУЛКАНА.

(Историческій романъ изъ послѣднихъ дней жизни Помпеи).

Вмѣсто предисловія.

Посѣтивъ два раза—въ 1883 и въ позапрошломъ 1889 г.— Помпею, этотъ удивительный остатокъ античнаго міра, словно живымъ вышедшій изъ своей исторической могилы послѣ того, какъ онъ оставался въ ней заживо погребеннымъ почти восемнадцать столѣтій, явившійся во всей полнотѣ его домогильной жизни:—съ форумами, обставленными рядами колоннадъ и статуй, съ храмами, въ которыхъ пребывали на своихъ мѣстахъ жертвенники и античные боги, съ театрами и аренами, въ которыхъ оставались какъ бы со вчерашняго дня нетронутыми входные билеты и скелеты львовъ, ждавшихъ боя съ гладіаторами, дома, полные всего домашняго обихода, съ посудой, мебелью, съѣстными припасами, хлѣбами, консервами, съ дѣтскими игрушками, даже съ духами и притираньями для погребенныхъ вмѣстѣ съ ними красавицъ античнаго міра, улицы съ слѣдами колесъ на мостовыхъ, стѣны съ нестертыми еще объявленіями о театральныхъ представленіяхъ и зрѣлищахъ, посѣтивъ, повторяю, два раза это чудо древности, я всякій разъ испытывалъ глубокое очарованіе при видѣ всего этого, и мысль моя невольно переносилась за двѣ тысячи лѣтъ къ той, полной поэзіи и сверкающей всѣми красками античной жизни, которая теперь сама явилась свидѣтельствовать о себѣ. Это неотразимое обаяніе исчезнувшей съ лица земли, отдаленной отъ насъ ты-

сячелѣтіями, жизни всякій разъ вызывало во мнѣ настойчивое желаніе воспроизвести картины этой дивной жизни хотя бы въ слабыхъ, блѣдныхъ очеркахъ, хотя бы неясные силуэты людей того далекаго историческаго прошлаго съ ихъ человѣческими страстями, радостями и печалями.

Скромную попытку того, что я хотѣлъ бы создать моими слабыми силами, я и представляю на судъ читателей.

I

Обширный портъ Помпеи, яркимъ лѣтнимъ утромъ 79 года нашей эры, представлялъ великолѣпное, оживленное зрѣлище. На бирюзовой, гладкой, какъ зеркало, поверхности его почти сплошною массою толпились корабли, пришедшіе сюда со всего извѣстнаго тогда свѣта—изъ Испаніи, Египта, Палестины, Сиріи и даже изъ гиперборейской Пропонтиды—изъ Пантикапеи, Херсонеса таврическаго, Меотиды и отъ таинственныхъ береговъ Скиѳіи, изъ такихъ странъ, которыя воображеніе древнихъ населяло антропофагами, мирмидонами и одноглазыми циклопами. Сквозь цѣлый лѣсъ мачтъ и флаговъ глядѣло на эту картину голубое море, окаймленное дивною рамкою береговъ съ цвѣтущими городами Мизеномъ, Баіями, Путеоли, Неаполемъ, Ретиною, портомъ Геркулеса и Стабіями. На заднемъ планѣ картины высились двѣ горы, Сомма и Везувій, которыя, какъ молчаливые стражи, своимъ массивнымъ тѣломъ защищали этотъ райскій уголокъ земли отъ суроваго дуновенія сѣверныхъ вѣтровъ.

Картина была, дѣйствительно, дивная, вполнѣ отвѣчавшая самому названію всей этой мѣстности—Счастливой Кампаніи.

Но детали этой картины представляли не одно счастье. Кромѣ богатыхъ восточныхъ товаровъ и всевозможныхъ предметовъ роскоши, пришедшіе сюда со всѣхъ странъ корабли привезли съ собою множество и иного рода товара; товара живого, говорившаго на всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ римскому міру языкахъ. Это были невольники, закупаемые работорговцами на всѣхъ невольничьихъ рынкахъ Африки, по всѣмъ берегамъ Средиземнаго, Евксинскаго и Меотійскаго морей и перепродаваемые во всѣ города Италіи, всюду, гдѣ рабы были такою же необходимостью, какъ рабочій скотъ и вьючныя животныя.

Сюда-то, на помпейскую пристань, у самыхъ стѣнъ города

и былъ выгруженъ этотъ живой товаръ. Невольники и невольницы, старые и молодые, подростки и дѣти цѣлыми безпорядочными группами стояли или лежали на особо сколоченныхъ изъ досокъ возвышеніяхъ, чтобъ покупатели могли ихъ видѣть, а чтобъ могли въ то же время оцѣнить ихъ «статьи» мускулистость и силу мужчинъ, стройность и красоту женщинъ—всѣ невольники приводились на рынокъ голыми, и только женщинамъ позволено было нѣсколько прикрыть свою наготу, да и то лишь до осмотра товара.

Среди группъ этихъ несчастныхъ расхаживали съ бичами въ рукахъ ихъ владѣльцы-торговцы, и чтобъ придать своему товару болѣе оживленія, хлестали по обнаженнымъ плечамъ и спинамъ бичами то одну, то другую жертву, если видѣли на лицахъ ихъ уныніе или недостаточно живости.

Тутъ же массами толкались покупщики изъ Помпеи, Стабій и другихъ сосѣднихъ городовъ, а равно мѣстные поселяне и рыбаки, пришедшіе поглазѣть на заморскій живой товаръ, на чудеса Востока, на кривляющихся обезьянъ, на болтливыхъ и крикливыхъ попугаевъ и другихъ невиданныхъ птицъ и звѣрей Африки.

Въ утреннемъ воздухѣ надъ всей этой колыхающеюся рыночной толпой стоялъ стонъ отъ громкихъ выкриковъ и зазываній продавцовъ, отъ нестройнаго гула и говора толпы, отъ стоновъ и плача живого товара, подбодряемаго сыромятными бичами.

— Благородные граждане Помпеи!—выкрикивалъ длинный, черномазый сициліецъ-продавецъ.—Купите бородатаго скиѳа: онъ силенъ, какъ вепрь, и хорошій наѣздникъ. Изъ него выйдетъ или отличный гладіаторъ, или ловкій автомедонъ на ристалищахъ.

Праздная толпа надвигалась къ сторонѣ бородатаго скиѳа и любовалась его желѣзными мускулами, а бѣдный скиѳъ угрюмо смотрѣлъ куда-то вдаль, за Везувій, туда, гдѣ далеко-далеко разстилались его родныя степи съ высокими курганами.

— А вотъ чернокожій нубіецъ, благородные помпеяне!—махалъ бичемъ продавецъ надъ курчавою головой негра.—Онъ гибокъ и увертливъ, какъ тигръ его родины, а быстротою своихъ ногъ помѣряется со страусомъ. Купите, не жалѣйте сестерцій:

онъ можетъ служить прекрасною каріатидою изъ чернаго лаконійскаго мрамора.

И черное блестящее тѣло негра дѣйствительно напоминало мраморную чудной работы каріатиду изъ Лаконіи; только грустные глаза говорили, что это не статуя.

— О, не срывайте съ меня покрывала! — слышался женскій полудѣтскій плачъ. — Великая Изида! Защити, укрой меня, о!

Прочь, нахалы!—послышался чей-то могучій голосъ.— Не смѣйте обнажать бѣдную дѣвочку.

Толпа дрогнула и подалась назадъ отъ возвышенія, на которомъ находилась группа женщинъ-невольницъ и между ними прелестная дѣвушка, почти ребенокъ, съ золотистою косой, съ профилемъ сфинкса и прекрасными, продолговатыми, какъ у сфинкса, глазами. Съ нея-то и сдернули было покрывало какіе-то молодые нахалы въ новенькихъ тогахъ. Могучій же окрикъ, отъ котораго они оробѣли и попятились, принадлежалъ тучному, высокому мужчинѣ съ огромною лысиной и рѣдкими остатками сѣдыхъ волосъ у висковъ и на затылкѣ. За нимъ шли четыре воина въ одеждѣ римскихъ матросовъ съ короткими мечами у бедеръ, а рядомъ съ нимъ курчавый молодой человѣкъ съ свиткомъ папируса въ рукѣ и тростью.

Тучный мужчина, передъ которымъ всѣ почтительно разступились, и богатая тога котораго изобличала римскаго сановника, подошелъ къ золотокосой дѣвушкѣ, смущенно и со слезами на глазахъ старавшейся прикрыть краснымъ шерстянымъ лоскутомъ свои полуобнаженныя, почти не сформировавшіяся еще части тѣла.

— Откуда ты, бѣдное дитя?—спросилъ онъ ласково.

Дѣвушка молчала, нервно теребя свое покрывало.

— Изъ Египта, благородный господинъ,—подобострастно отвѣчалъ за нее продавецъ, пряча за спиною свой хлыстъ.

— А умѣетъ она говорить по-римски?—продолжалъ спрашивать тучный вельможа.—Когда наглецы, — онъ оглянулъ толпу,—сорвали съ нея покрывало, то мнѣ послышалось, что она призывала великую Изиду на языкѣ египтянъ.

— Благородный господинъ правъ, — почтительно отвѣчалъ продавецъ,—моя прекрасная невольница предпочитаетъ языкъ своей родины; но она отлично знаетъ и римскій, и эллинскій

языки. Кратилла!—строго обратился онъ къ юной невольницѣ.— Отчего ты не отвѣчала, когда съ тобой заговорилъ благородный римлянинъ? Слышишь?—И онъ показалъ ей хлыстъ.

— Не смѣй ее трогать!—остановилъ его гордымъ жестомъ римлянинъ.—Я самъ поговорю съ ней.—Потомъ, обращаясь къ юной невольницѣ, онъ спросилъ ее съ отеческой нѣжностью:

— Такъ тебя зовутъ Кратиллой, бѣдное дитя?

— Да, господинъ,—тихо отвѣчала дѣвушка,—мое имя Кратилла.

— Это имя греческое, а ты сама египтянка?

— Я только родилась и выросла въ Мемфисѣ, но мои родители греки.

— Какъ же ты, бѣдное дитя, сдѣлалась невольницей?— спросилъ римлянинъ съ глубокимъ участіемъ.

Дѣвушка заплакала. Крупныя слезы, какъ жемчужины, текли изъ ея глазъ, но она не смѣла даже утирать ихъ, боясь неловкимъ движеніемъ обнаружить свою наготу.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—тихо шепталъ римлянинъ, тронутый глубокою скорбью юной невольницы.

Въ это время ея продавецъ, суетливо бросившись въ ближайшую палатку, вынесъ оттуда широкій цвѣтной плащъ и накрылъ имъ голыя плечи плачущей дѣвушки.

— Я ее купилъ, благородный господинъ, купилъ на законномъ основаніи, — торопливо бормоталъ онъ, укутывая свою жертву.—Клянусь Нептуномъ и его могучимъ трезубцемъ, я ея не похищалъ, а купилъ на морѣ въ виду острова Крита.

— Ба-ба-ба! Великій навмархъ и славный испытатель природы!—раздался сзади чей-то голосъ. — Какой шаловливый фавнъ превратилъ великаго ученаго въ служителя Венеры?

Это говорилъ, повелительно отстраняя отъ себя толпу, высокій пожилой гражданинъ въ богатой тогѣ, ведя подъ руку молодую дѣвушку, черная головка которой украшена была бѣлою и желтою розами.

— А, почтенный Маркъ Аррій и прекрасная Мальвія! Да покровительствуютъ вамъ вѣчные боги,—отозвался тотъ, котораго назвали великимъ навмархомъ и испытателемъ природы, оборачиваясь къ пришедшимъ и здороваясь съ ними.

Сопровождавшій его молодой человѣкъ съ свиткомъ папируса въ рукѣ также привѣтствовалъ пришедшихъ. При взглядѣ

на дѣвушку съ розами въ волосахъ черные глаза его сверкнули внутреннимъ огнемъ, но, повидимому, огнемъ мгновенно вспыхнувшей досады.

— Такъ великій навмархъ созерцаетъ красоту юныхъ невольницъ?—продолжалъ въ шутливомъ тонѣ тотъ, котораго назвали Маркомъ Арріемъ.—Что жъ, испытатель природы, помоему, долженъ изучать не одни растенія, цвѣты, камни и животныхъ, но и прекраснѣйшихъ изъ этихъ послѣднихъ—хорошенькихъ невольницъ вродѣ вотъ этой рыженькой Венеры.

— Но это не Венера, почтенный Аррій,—возразилъ тучный римлянинъ,—это еще чистая, невинная Психея.

— Ахъ, какая хорошенькая!—сорвалось съ языка той дѣвушки, которую назвали Мальвіей.—Какіе волоса, какіе глаза, точно у Анадіомены Апеллеса. Отецъ, милый!—обратилась она къ Марку Аррію.—Ты непремѣнно долженъ купить ее мнѣ. У меня будетъ самая красивая рабыня во всей Помпеѣ, какъ мнѣ будутъ завидовать наши матроны и дѣвицы! Купи, милый!

— А можетъ великій навмархъ уже приторговалъ ее для себя, для натуральныхъ коллекцій?—продолжалъ въ прежнемъ шутливомъ тонѣ Маркъ Аррій.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтенный господинъ!—возразилъ продавецъ.—Благородный навмархъ не спрашивалъ даже о цѣнѣ невольницы.

— Правда, — отвѣчалъ тотъ, котораго называли навмархомъ.—Я пріѣхалъ изъ Мизена съ цѣлью посмотрѣть, не привезли ли пришедшіе съ Востока корабли какихъ-либо новыхъ экземпляровъ птицъ или звѣрей, которыхъ мнѣ не приходилось еще изучать.

— И наткнулся на этотъ рыженькій экземпляръ?—продолжалъ шутить Маркъ Аррій.

— Да... Меня возмутили нахалы, какіе-то публичные скоморохи или пѣвцы, которые сорвали съ нея покрывало, а потомъ я заинтересовался судьбою этого бѣднаго ребенка.

— Но она ужъ не ребенокъ, благородный навмархъ,—вмѣшался продавецъ,—она ужъ взрослая совсѣмъ, ей четырнадцать лѣтъ, а египетскія дѣвушки развиваются...

— Хорошо, хорошо, оставь!—остановилъ его римлянинъ.

Юная невольница уже не плакала. Задрапированная по самое горло яркимъ плащемъ, она сама вся похожа была на яркій

цвѣтокъ. Глаза ея робко, но уже безъ ужаса украдкой поглядывали то на этого добраго лысаго толстяка, котораго она сразу полюбила за его великодушіе, за его ласковый голосъ, за его кроткіе глаза, то на этого высокаго насмѣшника, сразу оттолкнувшаго ее своими грубыми шутками, то на красавицу-дочь, то на молчаливаго юношу со свиткомъ папируса. Она сейчасъ же поняла, что въ жизни ея совершается новый переворотъ, къ лучшему: по крайней мѣрѣ, ее не будутъ больше хлестать этимъ ужаснымъ бичомъ... А кто знаетъ?.. Она рабыня... Какъ ей хотѣлось, чтобъ она досталась этому доброму толстяку съ кроткими глазами!.. Она боялась красавицы съ розами въ волосахъ: хоть бы искра сожалѣнія или участія къ бѣдной невольницѣ блеснула въ ея гордыхъ, самоувѣренныхъ глазахъ... Она будетъ гордиться, хвастаться своей рабыней... Нѣтъ, лучше бы къ доброму толстяку съ кроткими глазами...

А эти кроткіе глаза участливо смотрятъ на нее.

— Разскажи же, бѣдное дитя, какъ ты попала въ неволю?— спросилъ, наконецъ, добрый толстякъ.—И гдѣ твои родители? Можетъ быть, намъ удастся возвратить тебя имъ.

Дѣтская радость мгновенно освѣтила нѣжное личико дѣвушки.

— О, великая Изида, если бъ это чудо совершилось!—воскликнула она, сжимая руки.—Но я не знаю, гдѣ мой отецъ и моя мать. Отецъ мой скульпторъ съ острова Книда, и всѣ его предки были скульпторами. Первый нашъ родоначальникъ былъ ученикомъ великаго Праксителя, отъ него и перешло въ нашъ родъ искусство ваянія. Лѣтъ двадцать назадъ, отецъ мой съ острова Книда переселился въ Египетъ, чтобы научить египтянъ искусству ваянія по греческимъ образцамъ, потому что египетская скульптура груба...

— Правда, милое дитя,—подтвердилъ и навмархъ, — египетскіе боги и статуи ихъ царей далеки отъ истины, отъ природы. Ну?

— Отецъ мой и основалъ въ Мемфисѣ школу ваянія,—продолжала дѣвушка,—и двадцать лѣтъ работалъ тамъ. Въ Мемфисѣ и я родилась, тамъ и училась я у жрецовъ при храмѣ Изиды, которые и научили меня римскому языку. Дома же мы говорили на родномъ языкѣ, а по-египетски я научилась говорить съ дѣтства отъ нянюшки египтянки. Въ послѣднее время

отецъ и мать стосковались по родинѣ и рѣшили съѣздить туда, да кромѣ того отцу хотѣлось сдѣлать для себя копію съ знаменитой статуи Афродиты Праксителя, которая находится въ ся храмѣ на островѣ Книдѣ. Но на морѣ на нашъ корабль напали финикійскіе пираты, всѣхъ взяли въ плѣнъ и распродали въ рабство на разныхъ невольничьихъ рынкахъ. Въ Тирѣ, на рынкѣ, меня купилъ мой прежпій владѣлецъ, торговавшій неграми, а у него около острова Крита перекупилъ меня и вонъ того пубійца настоящій нашъ владѣлецъ. Куда продали отца и мать, я не знаю... О, мама, моя мама! О, великая Изида!..

Дѣвушка, ломая руки, опять залилась слезами.

— Утѣшься, бѣдное дитя! — успокаивалъ ее добрый толстякъ.—Мы постараемся разыскать твоихъ родителей, у насъ для этого не мало средствъ. Я пошлю запросы на всѣ невольничьи рынки Средиземнаго моря отъ лица римскаго сената, въ силу предоставленной мнѣ божественнымъ цезаремъ власти, и тогда посмотримъ, кто ослушается повелѣнія, надъ которымъ начертаны будутъ священыя буквы: S. P. Q. R!—заключилъ онъ торжественно.

При этихъ словахъ многіе на площади обнажили головы.

— Это Плиній, великій начальникъ всего римскаго флота,— послышался шопотъ въ толпѣ,—великій ученый мужъ.

— А этотъ высокій Маркъ Аррій Діомедъ, вольноотпущенникъ божественной Юліи Ливіи Друзиллы, супруги божественнаго Августа, онъ же и магистръ пригорода Помпеи, Августусъ Феликсъ.

— А это его красавица дочь, Мальвія.

— А тотъ юноша со сверткомъ племянникъ Плинія.

II.

Дѣйствительно, это были: добрый толстякъ — знаменитый Плиній, впослѣдствіи названный Старшимъ, въ отличіе отъ своего не менѣе знаменитаго впослѣдствіи племянника—Плинія же, названнаго Младшимъ. Плиній Старшій въ это время начальствовалъ надъ римскимъ флотомъ, зимовавшимъ въ портѣ Мизена.

Маркъ Аррій Діомедъ, кромѣ своего оффиціальнаго положенія, былъ извѣстенъ въ Помпеѣ своею роскошною подгороднею

виллою, расположенною близъ дороги, ведущей изъ Помпеи въ Геркуланумъ.

Когда юная невольница, Кратилла, послѣ своего разсказа снова предалась отчаянію, начался формальный торгъ. Она все надѣялась, что ее купитъ добрый толстякъ, къ которому она охотно бы бросилась на шею и умолила не отдавать ея никому; но стыдъ мѣшалъ этому естественному порыву. Между тѣмъ Мальвія такъ и повисла на шеѣ у отца: «купи мнѣ ее, милый мой, хорошій!»

Діомедъ души не чаялъ въ своей любимицѣ и, понятно, ни въ чемъ не могъ отказать ей. А продавецъ, между тѣмъ, не переставалъ расхваливать свой товаръ:

— Посмотри, господинъ: это не простая рабыня, а настоящая весталка... Великій навмархъ правъ, назвавъ ее Психеей: посмотрите, какія дѣвственныя формы, какая округлость бюста, какія нѣжныя очертанія торса, какія руки, ноги!

И торгъ состоялся тотчасъ же. Съ нѣмымъ укоромъ бѣдная дѣвушка посмотрѣла на Плинія, но тотъ со свойственной ученому мужу разсѣянностью ничего этого не замѣтилъ. Его интересовалъ теперь бородатый атлетъ скиѳъ, представлявшій собою фигуру Юпитера олимпійскаго, только безъ орла и скипетра, но съ выкрашенными бѣлою краской ногами. Плиній засмотрѣлся на этого обитателя гиперборейскихъ степей, гдѣ когда-то изнывалъ великій изгнанникъ Овидій. Ему захотѣлось пріобрѣсти этого задумчиваго гиганта и сдѣлать изъ него не гладіатора, какъ предлагалъ продавецъ, а отличнаго матроса.

— А гдѣ ты пріобрѣлъ этого скиѳа?—спросилъ Плиній продавца.

— Въ Босфорѣ киммерійскомъ, благородный господинъ, въ городѣ Пантикапеѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— А почему ты знаешь, что онъ скиѳъ?

— Такъ называли его пантикапейскіе греки, у которыхъ я купилъ его.

— А самъ онъ на какомъ языкѣ говоритъ?

— Ни на какомъ, господинъ; онъ только ворчитъ, какъ собака, или рычитъ. Только одно слово я у него и разбираю: это, когда на морѣ случится буря съ громомъ и молніею, такъ онъ поднимаетъ къ небу руки и рычитъ: Перуне, Перуне. Должно быть, это у нихъ богъ, вродѣ нашего Юпитера громовержца.

Плиній на минуту задумался, а потомъ спросилъ о цѣнѣ невольника. Цѣна оказалась подходящею, и онъ купилъ скиѳа. Тутъ же на него надѣли грубую рубаху, не достигавшую до колѣнъ, а юную Кратиллу увели въ палатку, гдѣ она и одѣлась въ свое греческое одѣяніе, значительно поношенное.

Кратиллу тотчасъ же увели въ Помпею чрезъ Порта Марина, а Плиній со своею покупкою, съ племянникомъ и матросами направился отъ невольничьяго рынка къ той части порта, гдѣ выставлены были на продажу рѣдкія птицы, привезенныя изъ Азіи и Африки, обезьяны и звѣри въ клѣткахъ. Пока онъ обходилъ клѣтки съ птицами и звѣрями, юный Плиній, по его приказанію, купилъ у торговца хлѣба и тушу баранины, чтобъ накормить скиѳа. Бѣдный гигантъ оказался страшно голоднымъ и съ жадностью накинулся на предложенное ему угощеніе. Затѣмъ, увидавъ каменный бассейнъ, наполненный водою, онъ припалъ къ нему рядомъ съ пившими воду ослами и сталъ жадно утолять мучившую его жажду.

— Онъ пьетъ, какъ лошадь, не отрываясь, — замѣтилъ одинъ матросъ.

— Да, побылъ бы ты въ его шкурѣ, такъ и изъ помойной ямы сталъ бы глохтить не лучше свиньи, — замѣтилъ на это другой, пожилой матросъ.

Между тѣмъ Плиній купилъ себѣ пару страусовыхъ яицъ и ихневмона, этого злѣйшаго врага страусовъ, пожирающаго ихъ яйца, и едва направился было къ берегу, гдѣ дожидалась его лодка, на которой онъ пріѣхалъ изъ Мизена, какъ невольно остановился въ радостномъ изумленіи.

— Вѣчные боги! Кого я вижу? Это ты Агриппа? Откуда?— спрашивалъ онъ, не зная, съ чего начать.—Какъ! Неужели это ты? Такой старикъ?

— Я, я, мой другъ! Парки, видимо, торопятся допрясть до конца нитку моей жизни,—отвѣчалъ новоприбывшій слабымъ голосомъ.

Онъ былъ худъ и блѣденъ, несмотря на сильный загаръ. Широкая тога болталась на его плечахъ, какъ на вѣшалкѣ.

— Какіе добрые боги привели тебя къ намъ?—участливо допрашивалъ Плиній, обнимая друга.

— Харонъ давно киваетъ мнѣ весломъ, приглашая въ свой челнокъ,—загадочно отвѣчалъ новоприбывшій,—но я пришелъ

просить покровительства великаго Сераписа, не поможетъ ли онъ мнѣ?

— И хорошо сдѣлалъ,—серьезно сказалъ Плиній,—и я прошлымъ лѣтомъ лѣчился въ храмѣ Сераписа, и милостивый богъ уменьшилъ мою одышку. Такъ ты прямо изъ Испаніи?

— Да, мой другъ, только заѣзжалъ въ Римъ поклониться новому цезарю, божественному Титу.

— А что новаго въ Римѣ?

— За болѣзнью, признаюсь, я никого почти не видалъ; навѣстилъ только стараго друга, Тацита... О! Какъ онъ бичуетъ въ своихъ «Анналахъ» постыдный Римъ и его гражданъ, хоть и оговаривается, что пишетъ свой великій трудъ sine ira et studio... Узнавъ, что я ѣду къ тебѣ, онъ велѣлъ горячо обнять тебя: Плиній, говоритъ, наша гордость...

— О! Славный старикъ слишкомъ милостивъ ко мнѣ, — скромно возразилъ великій ученый.—Но какъ тебѣ понравились наши мѣста? Ты здѣсь въ первый разъ?

— Въ первый, мой другъ, и нигдѣ ничего подобнаго не видалъ: это настоящій Элизіумъ на землѣ.

— Правда, мой милый Агриппа: недаромъ и безсмертный Виргилій здѣсь именно помѣстилъ и Элизіумъ, и Аидъ, и ты все это увидишь своими глазами. Именно здѣсь,—Плиній торжественно окинулъ взоромъ всю дивную панораму неаполитанскаго побережья,—на этомъ таинственномъ клочкѣ земли всемогущіе боги, которыхъ я созерцаю въ творческой и разрушительной силѣ природы, даютъ смертнымъ и то, что можетъ дать самаго блаженнаго Элизіумъ, и то, что самаго ужаснаго можетъ дать Аидъ. Я давно стараюсь проникнуть въ тайники природы, которая неохотно открываетъ смертнымъ свои тайны. Въ послѣднее время я замѣчаю, что здѣсь происходитъ какая-то усиленная подземная работа, точно Вулканъ готовитъ что-то ужасное смертнымъ, отъ чего вся земля колеблется въ основаніи. Недавно, вонъ тамъ, около Путеоли, я всходилъ на гору, которая называется forum Vulcani: тамъ, въ нѣдрахъ этой горы, совершается что-то таинственно ужасное, изъ разщелинъ скалъ исходитъ удушающій сѣрный дымъ, это дымъ Аида. Когда я топнулъ ногой, то мнѣ послышалось, что изъ-подъ земли раздались какіе-то глухіе стоны: это были стоны тѣней умершихъ, заключенныхъ въ мрачномъ царствѣ Аида.

— И ты, мужъ науки, вѣришь этимъ баснямъ, занесеннымъ къ намъ изъ Греціи?—перебилъ Плинія его другъ.

— Вѣрю, потому что и я, и ты, мы не что иное, какъ щепоть той же земли, въ которую я топнулъ ногой, и она со стономъ отозвалась на мой призывъ.

Въ это время они подошли къ берегу, гдѣ ихъ ожидали двѣ лодки: одна, на которой приплылъ изъ Мизена Плиній, и другая, привезшая въ Помпею друга Плинія, Агриппу.

— Такъ ты теперь изъ Мизена прибылъ сюда?—спросилъ его Плиній.

— Да. Я нашелъ тамъ только почтенную матрону, твою сестру, и она сказала мнѣ, что ты съ племянникомъ отправился въ Помпею, я и поспѣшилъ къ тебѣ навстрѣчу, чтобъ обнять стараго друга.

— Благодарю. Дружба, какъ и любовь, это высшій даръ боговъ: любовь все созидаетъ въ мірѣ, а дружба сохраняетъ созданное отъ разрушенія. Сколько, однако, лѣтъ мы не видѣлись?

— Да около тридцати, даже больше, съ того самаго момента, когда мы въ послѣдній разъ встрѣтились съ тобой у посинѣвшаго трупа задушеннаго Тиберія. И, однако,—прибавилъ Агриппа съ грустною улыбкой, взглянувъ на своего друга,—наша дружба не спасла насъ отъ разрушенія: безжалостный Хроносъ унесъ съ твоей нѣкогда курчавой головы всѣ волосы, а мою черную голову всю обсыпалъ инеемъ сѣдины, да и ноги отнялъ, грудь разбилъ...

Онъ удушливо закашлялся...

— Вотъ... И Тацитъ кашляетъ надъ своими «Анналами»...

Друзья сѣли въ ожидавшую ихъ лодку. Въ ней же помѣстились Плиній Младшій, новопріобрѣтенный скиѳъ и четыре матроса съ кормчимъ. Лодка отчалила, а за нею и другая, привезшая Агриппу, въ которой остались два прибывшіе съ нимъ рыбака, старикъ-отецъ и молодой загорѣлый малый—сынъ.

Лодка плавно скользила по бирюзовой поверхности моря, пересѣкая Неаполитанскій заливъ по направленію къ заливу Баіи. Друзья молчали, занятые каждый своими мыслями. Изъ головы Плинія не выходило грустное, задумчивое личико Кратиллы. Зачѣмъ онъ уступилъ ее Діомеду? Зачѣмъ не избавилъ ее отъ рабства? Хорошо ли будутъ тамъ съ нею обращаться? Она, такое нѣжное, хрупкое существо, она не предназначена для раб-

ства. Но, можетъ быть, ему удастся возвратить бѣдную дѣвочку ея родителямъ.

Скиѳъ, между тѣмъ, сидѣвшій на днѣ лодки, позади переднихъ гребцовъ, всталъ и, положивъ свои мускулистыя руки на ихъ весла, что-то проворчалъ, знаками показывая, что хочетъ грести. Матросы съ улыбкой смотрѣли на нег

— Ты, варваръ, хочешь попробовать?—спросилъ одинъ изъ нихъ.—Да умѣешь ли ты работать веслами?

Плиній замѣтилъ эту сцену и тоже улыбнулся.

— Уступите ему весла,—сказалъ онъ матросамъ.—Дикарь не хочетъ сидѣть, сложа руки.

Матросы повиновались. Скиѳъ сѣлъ на ихъ мѣсто, поплевалъ себѣ въ ладони, взялъ весла и началъ грести. Всѣ сразу замѣтили, что весла попали въ опытныя руки. Онъ такъ ловко, глубоко и легко забиралъ ими воду, что лодка полетѣла, какъ птица, и далеко оставила за собою лодку Агриппы.

— Клянусь Нептуномъ! Этотъ варваръ врожденный морякъ!—воскликнулъ Плиній.—Смотрите, какое умѣнье, какая ловкость! И метрическая правильность взмаха и удара... Удивляюсь только, гдѣ онъ въ своихъ степяхъ могъ такъ освоиться съ моремъ.

А между тѣмъ варваръ самъ вспоминалъ, гдѣ онъ освоился съ моремъ. Тамъ, далеко, далеко, на берегу такого же голубого моря, хотя его и называли Чернымъ... Тамъ, въ той странѣ, которую греки называли Тавроскиѳіею, онъ безпечнымъ ребенкомъ, маленькимъ дикаремъ, бѣгалъ по песчаному берегу своего родного моря, пока не выросъ и не превратился въ большого дикаря... А тамъ и онъ пѣнилъ свое море на своей маленькой лодкѣ, душегубкѣ, пока не захватили его въ морѣ греческіе пираты и не продали въ рабство въ Пантикапеѣ... И вотъ онъ здѣсь, въ незнакомой сторонѣ...

И чтобы задавить душевную муку, тоску по женѣ и маленькимъ дѣтямъ, онъ еще съ большею силою налегалъ на весла, и лодка летѣла все быстрѣй.

— Вонъ тамъ, надъ тѣмъ берегомъ, покоится прахъ безсмертнаго Виргилія,—говорилъ между тѣмъ Плиній, показывая на выдающійся въ море мысъ.

Скоро они миновали Путеоли и мостъ, построенный по повелѣнію Калигулы для соединенія этого города съ Баіями, гдѣ

предавались безумному разгулу позорные владыки развратнаго Рима. Длинная линія этого моста Калигулы, чудовищнаго сооруженія, какъ все было чудовищно, что ни совершали римляне, издали казалась темною безконечною нитью, а за этой полосой сверкалъ на солнцѣ своею темною бирюзой чудный заливъ Баіи, живописные берега котораго пестрѣли причудливыми виллами знатнѣйшихъ вельможъ Рима.

— Тамъ и вилла Цицерона,—указалъ рукою Плиній

Вдругъ со стороны моря при совершенно, повидимому, безоблачномъ небѣ налетѣлъ шквалъ. Лодка задрожала, накренилась и полетѣла еще быстрѣй. Море моментально покрылось рябью и словно все затрепетало, какъ исполинскій сосудъ, которымъ колыхнула, повидимому, невидимая могучая рука.

— Старикъ Нептунъ сердится,—какъ-то загадочно сказалъ Плиній.—Кормчій! Зорче наблюдай! Держи прямо въ лицо вѣтру.

Но лицо вѣтра уже трудно было уловить: онъ точно самъ заметался, испуганный окрикомъ страшнаго бога морей. Изъ-за острова Питеузы подвигалось что-то темное, какая-то живая масса съ бѣлыми трепещущими окраинами. Изъ морской ряби уже выскакивали какія-то чудовища съ бѣлыми гривами, и море ревѣло. Сѣрыя чудовища превращались въ громадные пѣнистые валы, которые, казалось, обгоняли другъ друга, стараясь поглотить свою добычу, жалкую лодку. Ее то вскидывало на эти косматые гребни, то бросало въ бездну.

Но спасительный берегъ уже близко, вотъ скоро-скоро молъ, а за нимъ и бухта.

Но вдругъ налетаетъ шквалъ съ другой стороны. Лодка опрокинулась, и все исчезло подъ водою.

III.

Когда Діомедъ и его красавица-дочь вмѣстѣ съ юной рабыней вступили въ городъ черезъ Порта Марина, ихъ слухъ пораженъ былъ какими-то необычайными раскатами грома. Они невольно остановились.

— Что это?—съ изумленіемъ воскликнулъ Діомедъ.—Клянусь Юпитеромъ! Это громъ на безоблачномъ небѣ...

Раскаты грома повторилось еще съ большею силой: казалось, что стѣны города дрогнули.

— Вѣчные боги!—съ испугомъ прошептала Мальвія.

Но въ это время раздался сзади нихъ, за городскими воротами, такой оглушительный ревъ, что всѣ сразу поняли, въ чемъ дѣло.

— А, клянусь Марсомъ! Это праздникъ для Помпеи,—радостно сказалъ Діомедъ, останавливаясь у крытаго перистиля Базилики.

— Это ревутъ львы,—обрадовалась и Мальвія,—давно Помпея не слыхала этой прелестной музыки.

— Да, я и забылъ, что мнѣ вчера говорилъ нашъ благородный эдилъ...

— Панса?—перебила отца Мальвія съ замѣтнымъ смущеніемъ.

— Клянусь Юпитеромъ! Ты точно глупая дѣвочка,—пожалъ плечами Діомедъ,—ты точно не знаешь, что у насъ одинъ эдилъ, это Панса.

— Что жъ онъ вчера говорилъ тебѣ?—заторопилась дѣвушка.—Ахъ, отецъ! А ты даже не сказалъ мнѣ, что видѣлся вчера съ нимъ.

— Ну, что жъ! Мало ли съ кѣмъ я вчера видѣлся.

Львы опять возобновили свой ужасный концертъ. Ревъ ихъ, дѣйствительно, похожій на раскаты грома, приближался все болѣе и болѣе къ тому мѣсту, гдѣ остановились наши путники. Навстрѣчу имъ торопливо бѣжали со всѣхъ сторонъ ребятишки и взрослые, заслышавъ рыканіе обитателей пустынь.

— Ну, отецъ, что жъ тебѣ сказалъ Панса? — спросила Мальвія.

— Онъ сказалъ, что ожидаетъ изъ Александріи партію львовъ. Городъ давно скучаетъ безъ обычныхъ зрѣлищъ. Панса говоритъ, что онъ не можетъ показаться на форумѣ безъ того, чтобъ толпа не кричала ему: «Благородный эдилъ! Мы требуемъ зрѣлищъ!» Онъ даже боится, какъ бы бунта не было изъ-за этого. Ну, а теперь чернь успокоится.

Въ это самое время изъ-за пилястръ портика, ведущаго изъ Базилики къ форуму, показалась стройная фигура пожилого мужчины въ богатой туникѣ, драпированной легкою тогой.

— А! Вотъ онъ и самъ! — воскликнулъ Діомедъ, идя навстрѣчу эдилу.—Клянусь Парками, онѣ не только перестали

прясть нитку жизни благороднаго эдила, напротивъ, Парки ее раскручиваютъ назадъ: ты все молодѣешь, благородный Панса!

Эдилу Помпеи было далеко за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ замѣчательно сохранился: въ лицѣ, въ движеніяхъ его, во всей фигурѣ было столько подвижности и молодой энергіи, что любой помпейскій юноша-патрицій, истощенный невоздержностью и кутежами, охотно взялъ бы себѣ его лѣта вмѣстѣ съ его жизненной энергіей.

При видѣ его лицо Мальвіи перекрылось легкимъ румянцемъ.

— А, прекрасная Мальвія!—сказалъ эдилъ, подходя къ дѣвушкѣ.—Клянусь Венерой, сама Флора посыпаетъ твои нѣжныя ланиты розами.

— Я боюсь, благородный Панса, ты этими словами возбудишь гнѣвъ богини любви,—кокетливо отвѣчала дѣвушка.

— Скорѣе зависть къ прелестямъ смертной,—любезничалъ эдилъ.—А вотъ и мои африканскіе кліенты,—сказалъ онъ, указывая по направленію къ Порта Марина.

Оттуда медленно двигался странный кортежъ. На высокой двухколесной бидѣ, запряженной двумя сильными мулами, стояла огромная желѣзная клѣтка, прикрѣпленная къ бидѣ такими же желѣзными цѣпями, и сквозь рѣшетку клѣтки виднѣлась массивная фигура громаднаго льва, который нетерпѣливо билъ хвостомъ по желѣзнымъ прутьямъ своей прозрачной темницы. Рядомъ съ нимъ шелъ черный нубіецъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ. Это былъ вожатый львовъ и, въ случаѣ нужды, ихъ усмиритель. За первою бидою слѣдовала вторая... Въ ея желѣзной клѣткѣ безпокойно двигались два чудовища нѣсколько меньше, чѣмъ первое: это были левъ и львица. За ними еще и еще клѣтки съ такими же страшными парочками.

Вдругъ передовое чудовище издало страшный ревъ. Его подхватили другія пары, и начался ужасающій концертъ, отъ котораго толпа бросилась въ разсыпную. Тогда вожатый нубіецъ обернулся къ зачинщику и что-то сказалъ ему на своемъ языкѣ. Левъ пересталъ ревѣть и покорно легъ, тяжело дыша своею огромною пастью, словно изъ раскаленной печи. Концертъ смолкъ.

— О, какія страшныя чудовища! — вздрогнула Мальвія,

прижимаясь къ отцу.—Кого же будутъ травить ими?—спросила она эдила.

— Я еще и самъ не знаю, прекрасная дочь Аррія,—отвѣчалъ Панса,—пока еще нѣтъ такого преступника, котораго сенатъ осудилъ бы на растерзаніе.

— А гладіаторы на что?—возразила нѣжная помпеянка

— Это какъ они захотятъ,—отвѣчалъ эдилъ.—Но едва ли найдется такой, который охотно пошелъ бы на вѣрную смерть.

— А рабы? Ихъ можно травить: они наша собственность,—настаивала сердобольная дѣвица.

— Ахъ, ты, цикада!—засмѣялся отецъ.—Клянусь Плутономъ! Какой же дуракъ захочетъ даромъ потерять раба, за котораго онъ заплатилъ чистыми сестерціями? Да если бы и захотѣлъ, то законъ не позволитъ.

— Ахъ, какой жестокій законъ!—вскричала очаровательная красавица.

— Да,—вздохнулъ эдилъ,—миновали уже добрыя старыя времена, когда рабы были нашей неотъемлемой собственностью, какъ баранъ или курица. Да, обидно.

— О, добрыя старыя времена, когда я для стола моей августѣйшей повелительницы, божественной Ливіи Друзиллы, да веселится она въ садахъ Элизіума! откармливалъ въ ея садкахъ муренъ тѣломъ негодныхъ рабовъ и рабынь; эти добрыя старыя времена отошли навсегда,—вздохнулъ жалостно и Діомедъ.

— Но утѣшься, прекрасная Мальвія,—успокаивалъ огорченную дѣвушку сердобольный эдилъ,—у меня имѣются на примѣтѣ хорошіе экземпляры на закуску моимъ африканскимъ кліентамъ.

— Кто же такіе?—обрадовалась Мальвія.

— О, прекрасная дочь Аррія, это пока секретъ государственной важности,—уклончиво отвѣчалъ эдилъ.

Кортежъ со львами, между тѣмъ, послѣдовалъ далѣе по направленію къ амфитеатру, который находился въ другомъ концѣ города, между Порта Нуцера и Порта Сарно. Толпа любопытныхъ, разгоняемая центуріономъ и воинами, двинулась за кортежемъ.

— А это же что за златокудрая нимфа у васъ?—спросилъ эдилъ, замѣтивъ Кратиллу, которая стояла позади своей хорошенькой госпожи и нервно куталась въ складки своего плаща.

— Это моя новая рабыня,—весело отвѣчала Мальвія,—гречанка изъ Египта.

— Какой прелестный ребенокъ! — невольно воскликнулъ эдилъ, любуясь юной рабыней.—Клянусь Марсомъ! Это настоящая Психея Праксителя.

Кратилла при этихъ словахъ вздрогнула, а дочь Діомеда досадливо закусила губки.

— Однако, мнѣ пора по дѣламъ,—сказалъ эдилъ, прощаясь съ Діомедомъ и его дочерью,—надѣюсь, благородный Аррій, ты не забылъ обѣщанія ужинать у меня завтра вмѣстѣ съ моими друзьями. Надѣюсь, что и прекрасная Мальвія сдѣлаетъ мнѣ честь откушать у меня соловьиныхъ языковъ и верблюжьихъ пятокъ. Я сегодня получилъ большую партію этого товара изъ Пафлагоніи, отлично замороженъ во льду. И хотя я не могу похвастаться такими винами, какія хранятся въ подвалахъ моего друга, Аррія Діомеда, но думаю, что найдется и у меня что-либо подходящее и достойное такихъ дорогихъ гостей, какъ мой другъ Аррій, его прекрасная супруга, благородная Ливія, и прелестная соперница богини, имени которой, изъ боязни ея ревности, я не назову. Вашихъ сыновей я не смѣю приглашать: они слишкомъ строгіе философы и презираютъ званые обѣды!

— О! Они у меня большіе стоики,—замѣтилъ Діомедъ; а дочь его опять расцвѣла, когда ее назвали «соперницей богини».

Простившись съ эдиломъ, они повернули влѣво, на форумъ. Эта длинная, четырехугольная площадь была необыкновенно красива. По сторонамъ ея шли портики колоннадами въ дорическомъ стилѣ. Между колоннадами возвышались гранитные и мраморные пьедесталы съ бѣлѣвшими на нихъ статуями изъ паросскаго и каррарскаго мраморовъ. Особенно прекрасны были статуи Цицерона, Квинта Саллюстія и Куста Паты.

Проходя мимо статуи послѣдняго, дочь Діомеда остановилась.

— Посмотри, отецъ: онъ совершенно живой,—сказала она съ торжествующей улыбкой.

— И, кажется, дѣлаетъ тебѣ глазки,—засмѣялся Діомедъ. Дѣвушка покраснѣла отъ удовлетвореннаго тщеславія

— Вѣрно, ты желала бы, чтобъ и твоя статуя украшала этотъ форумъ?—лукаво замѣтилъ отецъ.

— Кто этого не желалъ бы?—потупилась дѣвушка.

— Но, клянусь Минервой, для этого надо быть похожей на Евмахію жрицу.

— А чѣмъ же она достойнѣе меня?—самоувѣренно спросила Мальвія.—Кажется, моя красота...

— Не въ красотѣ, дочь моя, дѣло, а въ поступкахъ, въ дѣяніяхъ.

По лѣвую сторону форума возвышался прекрасный храмъ Венеры, обнесенный съ четырехъ сторонъ портиками, которые покоились на 48 колоннахъ дорическаго ордена. Въ глубинѣ храма виднѣлись прекрасныя статуи Венеры и Гермафродита съ прелестнымъ женскимъ бюстомъ.

Въ этомъ мѣстѣ форумъ былъ особенно оживленъ. Между колоннами мелькали почтенные патриціи въ длинныхъ тогахъ и бойкіе, болтливые адвокаты, спѣшившіе въ Базилику, гдѣ происходило въ этотъ часъ публичное отправленіе правосудія. Тутъ же, около магазиновъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, а равно около столиковъ мѣнялъ толкались иностранцы—греки, египтяне, испанцы, сирійцы, левантійцы и матросы съ кораблей, прибывшихъ въ Помпею со всѣхъ странъ свѣта. Гулъ на форумѣ стоялъ невообразимый.

Подъ портиками виднѣлись массы цвѣтовъ и гирляндъ какъ для поднесенія всевозможнымъ богамъ, большимъ любителямъ, по мнѣнію римлянъ, цвѣтовъ, такъ и для увѣнчанія цвѣтами гостей на званыхъ обѣдахъ. Кое-гдѣ видны были важныя фигуры сенаторовъ, направлявшихся въ храмъ Юпитера, высившійся въ концѣ форума, ближе къ тріумфальной аркѣ, замыкавшей форумъ со стороны воротъ Геркуланума. Тамъ же сверкала на солнцѣ бронзовая конная статуя Августа съ лавровымъ вѣнкомъ на характерной головѣ, напоминающей другую такую же характерную голову человѣка, давшаго начало новаго цезаризма уже въ нашемъ вѣкѣ. У подножія ея стояла небольшая группа очень просто одѣтыхъ людей, темный костюмъ которыхъ такъ рѣзко отличался отъ яркихъ цвѣтовъ одѣянія прочихъ помпеянцевъ и римлянъ. Эти люди съ строгими лицами и нѣсколько таинственнымъ видомъ какъ-то непріязненно поглядывали на бронзоваго всадника и на виднѣвшіяся въ портикахъ сосѣднихъ храмовъ мраморныя и бронзовыя изображенія боговъ.

Когда Діомедъ съ дочерью приблизился къ храму Венеры, Мальвія, повидимому, что-то вспомнивъ, остановилась. Суевѣр-

пая, какъ всѣ обитатели античнаго міра, помпеянка испугалась, что, быть можетъ, Венера и въ самомъ дѣлѣ разгнѣвана словами эдила, будто нѣкая богиня завидуетъ ея красотѣ, и рѣшилась умилостивить чѣмъ-нибудь гнѣвное и мстительное божество.

— Отецъ, — сказала она, — подожди меня на минутку, я пойду принесу жертву богинѣ.

И она, войдя въ храмъ Венеры и приблизившись къ статуѣ богини, набожно опустилась на колѣни, сложивъ на груди руки. Потомъ она встала, вынула изъ волосъ двѣ розы, украшавшія ея голову и уже нѣсколько завядшія, и положила ихъ къ подножію статуи.

— Вотъ что, отецъ, — сказала она, возвращаясь къ Діомеду,—намъ еще нельзя итти домой, мы должны сейчасъ же зайти въ мастерскую скульптора Краніи. Онъ сказалъ, что сегодня уже будетъ готова прекрасная мраморная статуэтка, которую я заказала ему.

— Это какая статуэтка?—спросилъ отецъ.

— Копія съ великолѣпной статуи умирающаго гладіатора, которая привезена изъ Пергама и находится теперь въ императорскомъ дворцѣ въ Римѣ,—отвѣчала дѣвушка.—Развѣ ты не видѣлъ у Пансы ея прелестной копіи?

— Не помню... Когда жъ ты заказала ее?

— Давно ужъ. Теперь она готова.

— Ахъ ты, цикада! Да ты просто хочешь разорить меня твоими прихотями.

— Ахъ, скряга! Стыдись,—слегка ударила отца по плечу избалованная дѣвушка.

Они повернули назадъ, пересѣкли наискосокъ форумъ и, не доходя до новаго изящнаго зданія Хальцидики, построенной на свои средства жрицею Евмахіею, остановились у столика, заваленнаго цвѣтами и гирляндами. Мальвія выбрала себѣ роскошныя розы—бѣлую и желтую, какія она сейчасъ только принесла въ даръ Венерѣ, бросила въ корзинку цвѣточницы серебряную монетку и велѣла Кратиллѣ вдѣть эти розы ей въ волоса.

Новая рабыня дрожащими пальцами исполнила приказаніе госпожи, но не такъ скоро, какъ той хотѣлось.

— Ахъ, какая ты неловкая! — проворчала требовательная красавица.

Они скоро поровнялись съ Хальцидикой. Зданіе это, подобно

храму Венеры, составляло также продолговатый четырехугольникъ, въ видѣ базилики, съ внутренней красивой галлереей и перистилемъ, покоившимся на 48 колоннахъ изъ паросскаго мрамора. Колонны были изящной работы. Изъ-за нихъ выглядывала прелестная статуя самой Евмахіи, воздвигнутая ей сословіемъ помпейскихъ суконщиковъ *).

Не успѣли Діомедъ и Мальвія сдѣлать нѣсколько шаговъ въ тѣни портиковъ Хальцидики, какъ навстрѣчу имъ попалась сама Евмахія. Это была уже немолодая женщина, но все еще сохранившая красоту и очарованіе молодости. На ней было длинное жреческое одѣяніе, граціозно драпировавшее ея стройную фигуру: она сама была вся въ бѣломъ и казалась мраморной статуей чудной работы.

— Привѣтъ благородной служительницѣ безсмертныхъ боговъ!—почтительно остановился передъ ней Діомедъ.

— Боги да хранятъ почтеннаго Аррія и его прелестную дочь!—съ своей стороны привѣтствовала жрица.—А это прекрасное дитя?—остановила она взглядъ на Кратиллѣ.

— Это моя новая рабыня,—поспѣшила отвѣтить Мальвія.

Жрица посмотрѣла на нее загадочнымъ взглядомъ и тотчасъ же прибавила:

— Я тороплюсь въ храмъ. Меня ожидаютъ безсмертные боги.

И, тихо склонивъ голову, она пошла дальше.

IV.

Миновавъ форумъ, наши путники повернули влѣво, въ улицу Амфитеатра. Тамъ было особенно оживленное движеніе, потому что одни шли взглянуть на привезенныхъ изъ Египта львовъ, а другіе уже возвращались къ форуму, проводивъ львовъ.

Навстрѣчу нашимъ путникамъ шли тѣ двое молодыхъ людей, которыхъ мы уже видѣли въ гавани, и которыхъ Плиній обозвалъ нахалами за то, что они сорвали покрывало съ Кратиллы. Молодые люди весело болтали. Увидавъ Діомеда съ дочерью и съ ними юную невольницу, съ которой они поступили такъ безце-

*) Эта прекрасная статуя Евмахіи находится теперь въ неаполитанскомъ народномъ музеѣ, и на подножіи ея до сихъ поръ сохранилась надпись: «Eumachiae L. F. Sacerd. publ. fullones».

ремонно, повѣсы сначала смутились было немного, вспомнивъ окрикъ на нихъ Плинія, но потомъ скоро оправились и развязно привѣтствовали отца и дочь. Кратилла же при видѣ своихъ оскорбителей смущенно потупилась и плотнѣе закуталась въ свой плащъ.

— А! Это вы, безпечальные сибариты?—улыбнулся имъ Діомедъ.—Куда держите путь? Клянусь всемогущимъ Діонисомъ, вы къ нему спѣшите.

— О, нѣтъ, благородный Аррій, мы поспѣшаемъ къ храму Марса, благодарить бога войны и крови за ниспосланную Помпеѣ милость,—отвѣчалъ старшій изъ нихъ.

— Милость? Какую?—спросилъ Діомедъ.

— Сейчасъ привезли изъ Египта прекрасныхъ львовъ для нашего амфитеатра: значитъ, мы скоро увидимъ кровь на аренѣ.

— Но вѣдь некого пока травить,—замѣтилъ младшій сибаритъ.

— Будетъ кого,—загадочно сказала Мальвія,—мнѣ говорилъ самъ эдилъ.

— Кого же?—оживились молодые повѣсы. . . .

— Это пока государственная тайна,—еще болѣе загадочно отвѣчала дѣвушка.

— Ахъ, да, мы сейчасъ встрѣтили твоихъ братьевъ, прекрасная Мальвія,—сказалъ старшій изъ сибаритовъ.—Они шли съ какимъ-то страннымъ старикомъ: почти въ рубищѣ, босой, съ длиннымъ посохомъ, на концѣ котораго, вмѣсто набалдашника, какой-то крестъ. И когда мы сказали, что привезли львовъ для зрѣлищъ, твои братья какъ-то презрительно пожали плечами, а когда я выразилъ имъ удивленіе, Квинтъ сказалъ, обращаясь къ старику: «Это—знаменіе свыше». Какое знаменіе? Вообще, благородный Аррій, твои сыновья, по возвращеніи изъ Рима, стали неузнаваемы.

— О! Это все философія: они и отъ меня теперь удаляются,—презрительно замѣтила Мальвія.

— Да, да, философія, стоицизмъ: это они начитались Сенеки да Ювенала,—подтвердилъ и отецъ.—Вы вонъ сибариты, а они у меня стоики, вы читаете только Овидія «Ars amandi», а они у меня ой-ой какіе философы!

— Какъ идутъ эти розы къ прелестной головкѣ Мальвіи!— сказалъ старшій изъ молодыхъ сибаритовъ, котораго звали Флаккомъ и который претендовалъ на родство съ Гораціемъ.

— Прекрасной дочери Аррія Діомеда все идетъ,—подтвердилъ его другъ, Маркъ Туллій.—Вы, вѣроятно, идете любоваться львами?

— Нѣтъ, мы ужъ ихъ видѣли, — отвѣчала Мальвія. — Мы идемъ въ студію скульптора взять заказаннаго мною у него умирающаго гладіатора.

— О!—радостно воскликнулъ Маркъ Туллій.—Мы скоро увидимъ настоящихъ умирающихъ гладіаторовъ.

— Да, да!—весело согласилась Мальвія.—А интересно будетъ сравнить, вѣрно ли скульпторъ выразилъ въ мраморѣ агонію смерти.

— О, да! Мы это увидимъ скоро на аренѣ, — замѣтилъ Флаккъ.

И беззаботные повѣсы двинулись къ форуму.

Скоро Діомедъ и его спутницы поравнялись съ храмомъ Изиды. И этотъ храмъ, какъ и прочіе, весь состоялъ изъ портиковъ и колоннадъ. Главный портикъ, поддерживаемый шестью коринѳскими колоннами, велъ къ алтарю богини, которая формой своей напоминала другія божества Египта, но только отличалась болѣе тонкой работой. Лицо ея казалось суровымъ и далеко не гармонировало съ находившимися тамъ же другими божествами— Венерой, Амуромъ, Бахусомъ и Пріапомъ. Канделябры этого храма имѣли форму лотосовъ—цвѣтка, какъ извѣстно, посвященнаго Изидѣ. На стѣнахъ висѣли систры, употреблявшіеся жрецами музыкальные инструменты вродѣ трещетокъ. Тутъ же были изображенія ибиса и гиппопотама. Стѣнныя фрески изображали жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ бритыми головами.

Около самаго храма помѣщался небольшой кіоскъ, въ которомъ продавались цвѣты. Мальвія подошла къ кіоску.

— Есть у тебя цвѣты лотоса?—спросила она молоденькую красавицу, помѣщавшуюся въ кіоскѣ.

— Есть, благородная госпожа,—отвѣчала цвѣточница.

— А хорошіе, свѣжіе?

— Только что распустившіеся бутоны, которыхъ еще и зефиры не лобзали,—былъ отвѣтъ.

— Дай мнѣ три цвѣтка.

Продавщица достала изъ-подъ кіоска глиняную, наполненную водой, вазу. Изъ воды глядѣли, словно улыбаясь, блѣдные цвѣтки Изиды. Продавщица вынула изъ воды три только что распустившіеся бутона, на нѣжныхъ листочкахъ которыхъ, казалось, трепетали слезы, и подала ихъ дочери Діомеда. Дѣвушка взяла цвѣты, бросила на кіоскъ монету и поднялась на мраморныя ступеньки храма. За нею робко послѣдовала ея рабыня. Мальвія приблизилась къ изображенію Изиды и, припавъ на колѣни, положила къ ногамъ богини цвѣты лотоса.

Когда дочь Діомеда поднялась съ колѣнъ и немного отступила отъ статуи Изиды, Кратилла робко приблизилась къ богинѣ и упала на колѣни, припавъ лицомъ къ подножію божества. По щекамъ юной рабыни текли слезы, падая на подножіе богини.

— О, великая матерь вселенной!—тихо шептала дѣвушка.— Я ничего не могу принести тебѣ въ даръ... Видишь, у меня ничего нѣтъ, только вотъ эти горькія слезы... Прими ихъ, великая Изида, матерь всего сущаго, и возврати мнѣ ихъ, ихъ, которые дали мнѣ жизнь.

Она быстро встала и послѣдовала за своими господами.

Скоро они повернули на улицу Стабій, на углу которой помѣщались мастерская скульптора и магазинъ. При входѣ въ магазинъ, на невысокомъ пьедесталѣ покоилась прелестная группа умирающаго гладіатора. Мраморъ, казалось, дышалъ, а лицо истекающаго кровью воина выражало такія душевныя муки и такую кротость, покорность судьбѣ, что нельзя было безъ глубокаго чувства сожалѣнія смотрѣть на этотъ оживотворенный кусокъ мрамора.

Кратилла, выросшая въ скульптурной студіи своего отца, при видѣ всѣхъ сокровищъ рѣзца, наполнявшихъ магазинъ, пришла въ глубокое волненіе. На глазахъ ея блистали слезы. Но вдругъ, наклонившись ближе къ умирающему гладіатору, она слабо вскрикнула и прижалась губами къ мраморной рукѣ, на которую опирался умирающій.

— Что ты, безумная!—вскричала дочь Діомеда.—Ты разобьешь ее.

— О, мой отецъ! Мой отецъ!—шептала Кратилла, цѣлуя мраморъ.—Гдѣ онъ? Гдѣ мой отецъ? Онъ здѣсь?—бросилась

она къ хозяину мастерской. — Покажи мнѣ его! О, не скрывай его!

Діомедъ и Мальвія съ изумленіемъ смотрѣли на эту непонятную сцену. Они подумали уже, что горе помутило разсудокъ юной рабыни; но Кратилла продолжала умолять, чтобъ ей показали отца.

— Это онъ дѣлалъ умирающаго гладіатора! Это его рѣзецъ, его!—говорила она, снова припадая къ прелестной мраморной группѣ.—Я знаю его руку, его работу! Да вотъ и имя его: Zeno fecit.

— Да, это, дѣйствительно, дѣлалъ Зено, грекъ изъ Египта,—подтвердилъ хозяинъ.

— Это мой отецъ!—почти вскричала юная рабыня Діомеда.

— Можетъ быть,—согласился хозяинъ-скульпторъ.

— Гдѣ жъ онъ? Гдѣ онъ, о, великая Изида!—ломала руки юная гречанка.

— Не знаю,—отвѣчалъ скульпторъ,—вотъ уже третью зарницу Геліосъ смотрѣлъ въ мою студію изъ-за горъ Кампаньи, какъ исчезъ Зено.

— Клянусь Палладой! Я ничего не понимаю,—вмѣшался, наконецъ, Діомедъ.—Разскажи мнѣ толкомъ, почтенный Руфусъ, что это за Зено, и какой тутъ отецъ, и какое отношеніе между этимъ проклятымъ отцомъ и вотъ этимъ умирающимъ гладіаторомъ?

— Я самъ не понимаю, благородный Аррій, въ чемъ тутъ дѣло,—сказалъ скульпторъ.—Но выслушай меня. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я купилъ раба, привезеннаго съ прочими на кораблѣ изъ Финикіи. Раба этого звали Зено, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ себя называлъ. Оказалось, что мой рабъ—замѣчательный скульпторъ, унаслѣдовавшій школу великаго Праксителя.

— Такъ это мой отецъ, вѣчные боги!—сказала, вся дрожа отъ волненія, Кратилла.

— Не перебивай!—топнула на нее своею изящною ножкой дочь Діомеда.

— Зено говорилъ,—продолжалъ скульпторъ,—что онъ грекъ съ острова Книда, но прожилъ въ Египтѣ лѣтъ двадцать, гдѣ основалъ скульптурную мастерскую и школу ваянія.

— Это онъ! Это онъ!—шептала Кратилла.

— Прошлой весной,—продолжалъ скульпторъ,—онъ съ женой и дочкой...

— Это мама и я,—шептала Кратилла.

— ...отправились на кораблѣ изъ Александріи на родину, но въ открытомъ морѣ на нихъ напали пираты, взяли въ плѣнъ и распродали на разныхъ невольничьихъ рынкахъ; однимъ словомъ, его разлучили съ женой и дочерью. Его изъ Финикіи вмѣстѣ съ другими невольниками привезли въ Помпею, и я купилъ его на рынкѣ за довольно сходную цѣну, такъ какъ ни для какой другой работы, кромѣ скульптурной, онъ не былъ годенъ. Убѣдившись скоро въ его замѣчательномъ искусствѣ, я поручалъ ему самыя чистыя работы, и вотъ его искусный рѣзецъ изваялъ этого умирающаго гладіатора съ отличной, привезенной мною изъ Рима, копіи геніальнаго пергамскаго оригинала. Но вотъ, дня три тому назадъ, окончивъ гладіатора, онъ исчезъ, и сколько я ни искалъ его, даже утруждалъ претора, эдила и всѣхъ центуріоновъ, все напрасно! Точно онъ въ воду канулъ. И признаюсь, благородный Аррій, мнѣ не жаль заплаченныхъ за него сестерцій, а мнѣ жаль его золотыхъ рукъ, его дивнаго рѣзца,—заключилъ скульпторъ, съ любовью гладя прелестныя формы мраморнаго гладіатора.

Кратилла слушала его съ пожирающимъ вниманіемъ.

— О, мой отецъ, мой дорогой отецъ!—шептала она, закрывъ лицо руками.—А гдѣ же мама, мама моя?

— Жаль, очень жаль, почтенный Руфусъ,—проговорилъ, наконецъ, Діомедъ:—но быть можетъ, онъ еще вернется.

— Проголодается и воротится,—подтвердила Мальвія.—Однако, намъ пора домой, я проголодалась. Только кто же понесетъ гладіатора?

— Я понесу,—поспѣшила отвѣтить Кратилла.

— Но онъ тяжелъ,—замѣтилъ скульпторъ.

— Ничего, я сильная,—сказала юная гречанка, осторожно приподнимая драгоцѣнную ношу.

— Смотри не разбей,—предостерегала ее Мальвія:—она дороже тебя самой.

— О! Я не разобью произведенія моего отца!—гордо отвѣчала дочь Зено, прикрывая голову полой плаща и осторожно ставя на голову свою ношу.

Скульпторъ помогъ ей въ этомъ. Но видно было, что мраморъ

давилъ бѣдную дѣвочку; однако, энтузіастка не хотѣла отказаться отъ своего намѣренія, хотя все лицо ея покраснѣло отъ напряженія.

Діомедъ расплатился съ скульпторомъ. Но въ этотъ моментъ дочь его воскликнула:

— Курцій! Квинтъ! Куда вы?

Это ея братья проходили мимо мастерской.

— А! Это ты, Мальвія!—недовольнымъ голосомъ сказалъ Квинтъ.—И отецъ тутъ... А это что?—спросилъ онъ, указывая на Кратиллу, повидимому, изнемогавшую подъ тяжестью мрамора.

— Это я купила себѣ умирающаго гладіатора, а это моя новая рабыня!—гордо отвѣчала Мальвія.

— Сестра! Да ты безумная!—съ негодованіемъ воскликнулъ старшій сынъ Діомеда.—Этотъ мраморъ раздавитъ бѣдную дѣвочку!

— Она сама этого хотѣла,—капризно отвѣчала Мальвія.

— Сама! Стыдись, жестокое существо!—продолжалъ негодовать Квинтъ.—Бѣдное дитя!—нѣжно обратился онъ къ Кратиллѣ.—Дай я понесу это, ты упадешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый господинъ,—лепетала Кратилла, вся пунцовая,—это работа моего отца, я понесу.

— Нѣтъ, милая дѣвочка, я не позволю тебѣ этого,—настойчиво сказалъ Квинтъ,—ты еще совсѣмъ ребенокъ.

И онъ насильно, но деликатно снялъ съ головы Кратиллы мраморнаго гладіатора и мощными руками перенесъ его на свою курчавую голову.

Діомедъ только рукой махнулъ.

— И въ кого только они у меня уродились!—ворчалъ онъ про себя, и при всемъ томъ не могъ не любоваться могучей, стройной фигурой сына-гиганта, который, исполняя обязанность раба, легко несъ впереди всѣхъ мраморную группу.

V.

Дѣйствительно, Діомедъ не разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ: въ кого уродились его сынки-богатыри.

Бывшій рабъ, выросшій при дворѣ римскихъ императоровъ и тамъ же получившій соотвѣтственное по тому времени обра-

зованіе, потомъ либертинусъ, отпущенникъ Ливіи Друзиллы, а теперь богатый и уважаемый гражданинъ города Помпеи, Діомедъ хорошо понималъ, что хорошее образованіе это основа всего, что это прочный базисъ, на которомъ строится впослѣдствіи все зданіе жизни. Онъ хотѣлъ, чтобъ сыновья его, оба даровитые и красивые юноши, атлеты по сложенію, прославили въ потомствѣ родъ Діомедовъ. Онъ не мечталъ видѣть въ нихъ Гракховъ, нѣтъ, времена Гракховъ давно канули въ вѣчность. Честолюбивая душа бывшаго раба не того желала. Мечты его витали около императорскаго трона, который такъ приглядѣлся ему, когда онъ былъ еще при дворѣ и тѣломъ рабовъ и рабынь откармливалъ вкусныхъ мурэнъ для стола своихъ повелителей. Онъ зналъ, что тронъ этотъ подпираютъ копья преторіанцевъ и что эти же копья могутъ опрокинуть всякій тронъ.

И онъ отправилъ своихъ сынковъ-атлетовъ въ Римъ, поближе къ трону. Но Діомедъ не предвидѣлъ одного ничтожнаго пустяка: сыновья его не обладали мѣдными лбами—одно изъ необходимыхъ условій, чтобъ стать хорошимъ солдатомъ, настоящимъ преторіанцемъ. У его сыновей были желѣзные мускулы, способныя головы, но лбы не мѣдные.

Молодые Діомеды скоро узнали Римъ. Попавъ въ растлѣвающую столичную атмосферу, они убѣдились, что Римъ давно утратилъ нравственные идеалы. Римскіе боги превратились въ простыя мраморныя куклы; ихъ хотя и не сбрасывали съ пьедесталовъ, но рядомъ съ ними и даже выше ихъ ставили другихъ идоловъ, превращая въ боговъ убійцъ, развратниковъ, олицетвореніе всѣхъ ужасовъ нравственной распущенности и пороковъ. Эти новые боги убивали или топили своихъ матерей, такихъ же постыдныхъ, какъ и они сами. Брату ничего не стоило зарѣзать своего брата, только бы сѣсть на его мѣсто. Въ припадкѣ безумія, въ порывѣ бѣшенства самовластія эти новые боги зажигаютъ со всѣхъ концовъ вѣчный городъ и любуются этимъ зрѣлищемъ. Живыхъ людей эти новые боги превращаютъ въ горящіе факелы, травятъ людей звѣрями.

Въ Римѣ все расшатано, все осквернено. Все, что только осталось въ немъ чистаго и благороднаго, все это отошло въ сторону, удалилось изъ чумной атмосферы. Краснорѣчіе заглохло, поэзія измельчала. Куда дѣвались служители слова? Ихъ нѣтъ,

одинъ только Тацитъ клеймитъ вѣчнымъ позоромъ гнусныхъ злодѣевъ, да Ювеналъ бичуетъ Римъ своею ядовитою сатирой.

Торжествуютъ наглость, насиліе и развратъ... Нѣтъ, молодые Діомеды не пойдутъ въ лагерь торжествующихъ, и не пошли.

Они стали искать своихъ идеаловъ и, кажется, нашли ихъ за городомъ, въ мрачныхъ подземельяхъ, въ катакомбахъ...

Молодые Діомеды покинули Римъ и воротились въ Помпею, не оправдавъ честолюбивыхъ надеждъ своего родителя.

— Съ кѣмъ это сегодня Маркъ Туллій и Флаккъ встрѣтили васъ, Курцій?—спросилъ старикъ младшаго сына, когда они возвращались отъ скульптора.

— Какъ съ кѣмъ, отецъ? — въ свою очередь спросилъ Курцій.

— Да съ какимъ-то босымъ старикомъ.

— А, это одинъ философъ, съ которымъ мы познакомились въ Римѣ,—неохотно отвѣчалъ Курцій.

— Философъ?—удивился старикъ.—А съ какихъ это поръ философы стали ходить босикомъ?

— Онъ стоикъ.

— Стоикъ! Я зналъ стоиковъ, но всѣ они ходили прилично.

— А Діогенъ?

— Да то былъ циникъ! Клянусь Юпитеромъ! Теперь бы цезарь не пошелъ смотрѣть на такого оборвыша.

— Ваши цезари не пошли бы, это правда,—глухо сказалъ, повертываясь со своей ношей, старшій изъ братьевъ, Квинтъ.— Но великій Александръ пошелъ бы.

— Ваши цезари!—сердито проворчалъ старикъ-отецъ.—А развѣ они не ваши?

На этотъ вопросъ ни Курцій, ни Квинтъ ничего не отвѣтили.

— А какая это у вашего босого философа палка съ крестомъ?—снова спросилъ Діомедъ.

— Просто палка-посохъ,—отвѣчалъ Квинтъ.

— А зачѣмъ крестъ?

— Чтобъ... ну, чтобъ ловчѣе опираться... не упасть...

Старикъ пожалъ плечами. Онъ уже до нѣкоторой степени примирился съ неразговорчивостью своихъ упрямыхъ сыновей. Но плебейская выходка старшаго сына не могла не скандализировать его. Видано ли это? Сынъ благороднаго Марка Арріа Діомеда, магистра пригорода Августа-Феликсъ, гдѣ его сопро-

вождаютъ ликторы, его сынъ публично тащитъ на головѣ мраморную группу, какъ презрѣнный рабъ! Старикъ видитъ, что всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на эту сцену. Онъ слышитъ шепотъ толпы на форумѣ: «Смотрите! Сынъ благороднаго Аррія Діомеда тащитъ тяжесть... Развѣ у него нѣтъ рабовъ для этого? Или онъ сына обратилъ въ рабство? Чего добраго! Вѣдь самъ же онъ былъ когда-то рабомъ божественной Ливіи Друзиллы»...

Какъ ножомъ по сердцу, рѣжутъ эти слова стараго Діомеда. Но что подѣлаешь съ строптивыми сынками! Разъ онъ пригрозилъ имъ лишеніемъ наслѣдства, такъ они отвѣчали, что, все равно, они роздали бы все рабамъ и нищимъ...

Когда они миновали уже геркуланумскія ворота и проходили мимо богатой виллы наслѣдниковъ Цицерона, разомъ поднялся такой ураганъ, что они едва могли стоять на ногахъ. Море, еще такъ недавно лазурное, превратилось въ бурную, мрачную и тяжелую, какъ растопленный свинецъ, массу. Оно такъ налетало на береговыя скалы и грохотало, словно бы титаны сталкивали и разбивали въ дребезги цѣлыя горы.

— Клянусь Нептуномъ и всѣми нереидами!—испуганно шепталъ старый Діомедъ, силясь удержать на плечахъ своихъ тогу, которую срывала буря.—Плохо теперь бѣдному Плинію, если онъ вздумалъ воротиться въ Мизенъ.

— Ахъ, мои розы! Ихъ унесло вѣтромъ... ой-ой—кричала Мальвія, цѣпляясь за отца.

Но они скоро достигли своей виллы, съ внутренней террасы которой былъ такой прекрасный видъ на море, теперь мрачное и бушующее.

Къ вечеру, однако, буря утихла, и тамъ, надъ подернутымъ вечернею дымкою моремъ и надъ вырѣзывавшимися на небѣ черными зубьями острова Питеузы *), гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ съ этого неба сыпались въ море громовыя стрѣлы, тамъ блѣдно очерчивался теперь тонкій серпъ молодой луны.

— Да хранитъ васъ ночная Силена, добрые господа,—послышался въ полумракѣ голосъ стараго раба Каниса, сторожа виллы Діомеда.

— Спасибо тебѣ за пожеланіе, добрый Канисъ,—отвѣчалъ другой голосъ, въ которомъ не трудно было распознать голосъ

*) Нынѣ Искія.

Курція.—Ты распорядился, чтобъ съ новой рабыней сестры всѣ ласково обращались?

— Распорядился, и рабынямъ, и рабамъ настрого наказалъ вашимъ именемъ.

— Хорошо, добрый Канисъ, до свиданья. Мы, вѣроятно, не скоро воротимся.

И тѣни молодыхъ Діомедовъ, закутанныхъ въ темные плащи и съ такими же фригійскими колпаками на головахъ, перейдя черезъ Віа Домиціана, скрылись за надгробными памятниками, осѣненными темными иглами стройныхъ кипарисовъ.

— Сегодня и въ душѣ у меня то же, что въ самой природѣ,— тихо и задумчиво проговорилъ Квинтъ,—утромъ, послѣ встрѣчи и разговоровъ съ Авениромъ, на душѣ у меня было такъ свѣтло и радостно, что хотѣлось обнять весь міръ, всѣ люди казались мнѣ братьями. То, что возмущало мою душу въ Римѣ и здѣсь, задернулось какъ будто дымкою, это было всепрощеніе, любовь. Но когда я увидѣлъ этого бѣднаго ребенка, это невинное существо подъ глыбою мрамора и еще больше убѣдился въ безсердечіи сестры, во мнѣ, какъ и въ морѣ, заклокотала буря! И это та милая, тихая Мальвія, которую мы когда-то такъ любили; куда дѣвались ея нѣжность, ея чистота? Откуда душа ея взяла эту жесткость и эту римскую разнузданность воображенія? Какъ настоящая гетера, она мысленно отдается всякому, кто бы ни взглянулъ на нее.

— Ахъ, братъ, не слишкомъ-ли сурово ее судишь?—возразилъ младшій братъ.—Оставь ее!

— Да я и оставилъ! Теперь у меня на душѣ этотъ тихій, благодатный вечеръ.

Вечеръ былъ дѣйствительно благодатный. Склонявшійся къ Мизенскому мысу чуть замѣтный серпъ луны не могъ отнять блеска у звѣздъ, которыя, казалось, одна за другой высыпали на темномъ небѣ. Впереди ихъ высилась еще болѣе темная масса Везувія, заслонявшаго собою Сомму.

Братья молча пробирались въ гору среди порѣдѣвшей зелени виноградниковъ и масличныхъ деревьевъ. Изъ Помпеи, огни которой издали напоминали звѣзды, упавшія съ неба, до слуха нашихъ путниковъ доносились иногда то лай собаки, то блеяніе козы.

Братья долго шли въ гору, повидимому, знакомыми тропин-

ками, протоптанными въ каменистой, вулканической почвѣ ногами козъ и овецъ. До нихъ чуть слышно доносился шумъ морского прибоя: послѣ бури море все еще тяжело дышало у береговъ, и дыханіе это слышно было издали.

— Скоро мы и у цѣли нашего странствія,—тихо проговорилъ Курцій.

— Да, вонъ уже тѣ уступы титановъ, что воевали съ богами,—отвѣчалъ другой братъ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько усилій въ гору, они очутились около едва замѣтнаго ущелья, при входѣ въ которое темнѣло что-то неясное.

— Это ты, братъ Кардо?—спросилъ шепотомъ Квинтъ.

— Я,—былъ отвѣтъ изъ ущелья.

— Миръ тебѣ.

— Миръ вамъ, братья.

— Собираются?

— Почти всѣ въ сборѣ.

Пришедшіе скрылись въ ущельѣ. Тамъ они, остановившись на минуту, вынули изъ-подъ плаща небольшой фонарикъ и, вырубивъ огня, зажгли въ немъ свѣтильню. Пламя освѣтило длинный извилистый проходъ, натуральную пещеру, которая простиралась далеко въ глубину Везувія. Чѣмъ дальше подвигались пришедшіе, тѣмъ своды пещеры раздвигались все шире и шире, и, наконецъ, за однимъ изъ выдающихся уступовъ показался свѣтъ. Взорамъ пришедшихъ открылась обширная пещера, освѣщенная двумя канделябрами. Пламя свѣтильниковъ озаряло небольшое собраніе людей, повидимому, различныхъ сословій и общественныхъ положеній. Иные были хорошо, чисто одѣты, другіе въ рубищахъ. Посреди собранія сидѣлъ тотъ старикъ, котораго утромъ видѣли вмѣстѣ съ молодыми Діомедами.

— Миръ вамъ, отцы и братья,—тихо сказали пришедшіе.

— Миръ вамъ,—отвѣчало собраніе.

Пришедшіе молча опустились на одинъ изъ плоскихъ камней, которыхъ было не мало въ пещерѣ.

VI.

— О, какъ я помню этотъ великій день моей жизни,—началъ или скорѣе продолжалъ старикъ. — Мы, іерусалимскія дѣти, играли у Кедронскаго потока. Утреннее солнце только-что выкатилось изъ-за Елеонской горы и позлащало своими кроткими, еще не палящими лучами кровлю храма Соломонова и зубчатыя стѣны святого города. Въ глубинѣ Іосафатовой долины паслись козы и овцы, отыскивая скудную травку среди могильныхъ плитъ. Вдругъ на тропѣ, идущей изъ Виѳаніи, показалось нѣсколько путниковъ. Они, видимо, спускались къ Іерусалиму. По запыленной одеждѣ ихъ видно было, что идутъ они издалека. Ближе и ближе, и посреди нихъ—Онъ. Мы тотчасъ узнали Его, мы Его уже не разъ видѣли. Да и кто бы не узналъ Его по божественному, кроткому лику!

Старикъ помолчалъ, какъ бы подавленный воспоминаніями. Мертвая тишина господствовала въ пещерѣ, слышны были только чьи-то тихіе вздохи.

— Да, это былъ Онъ!—продолжалъ старикъ съ свѣтлою и грустною улыбкой на устахъ.—Его окружали ученики, изъ которыхъ иные срывали тутъ-же, около тропы, созрѣвшіе колосья пшеницы и, перетирая ихъ въ ладоняхъ, утоляли свой голодъ. Мы, дѣти, давно любили Его: Онъ съ такою кроткою любовью всегда смотрѣлъ на насъ. Когда Онъ и ученики, миновавъ низкіе окопы Геѳсиманскаго сада, перешли черезъ Кедронъ, мы, дѣти, издали послѣдовали за ними, покинувъ свои игры. Они вошли въ городъ Овчими воротами. Тамъ уже было много народа: нищіе, больные, всѣ, обиженные судьбою и людьми. Его, видимо, ждали. Тутъ были и книжники, и фарисеи. Онъ началъ что-то говорить своимъ кроткимъ, но внятнымъ божественнымъ голосомъ. Мы, дѣти, робко приблизились къ нему: намъ хотѣлось прикоснуться хоть въ воскрилію Его одежды. Мы видѣли, что это иногда дѣлали другіе, и сами рѣшились сдѣлать то же. Повторяю, вѣдь мы такъ любили Его! Но нѣкоторые изъ Его учениковъ, замѣтивъ наше намѣреніе, отогнали насъ. Онъ это увидѣлъ и говоритъ: «Не отгоняйте отъ Меня дѣтей, пусть они приходятъ». И поглядѣлъ на насъ Своимъ кроткимъ, любящимъ взоромъ. Мы приблизились уже смѣлѣе. Я былъ впереди другихъ

дѣтей. И вдругъ я почувствовалъ Его божественную десницу на своей головѣ! И я услыхалъ Его слова: «Не отгоняйте отъ Меня дѣтей, не возбраняйте приходить ко Мнѣ: таковыхъ-бо есть царствіе Божіе!». Великій Боже! Что почувствовалъ я тогда! Казалось, какая-то божественная сила, какое-то невыразимое блаженство наполнило мою душу, все существо мое! И съ той минуты прошло уже около пятидесяти лѣтъ, а я все вижу Его, все слышу Его божественный голосъ... Да, Онъ теперь тутъ, съ нами!

Всѣ не то съ испугомъ, не то съ благоговѣйнымъ умиленіемъ стали оглядываться. Курцій судорожно сжалъ руку своего брата: рука Квинта была холодна и дрожала.

— Да, Онъ съ нами!—съ силою повторилъ старикъ.—Онъ самъ сказалъ: «Если гдѣ соберутся двое или трое во имя Мое, то Я посреди ихъ».

Старикъ задумался.

— О! Я помню эту ужасную ночь,—продолжалъ онъ, какъ бы самъ съ собою, глядя во мракъ пещеры.—Мать моя, убогая вдовица, была наемницей и имѣла пристанище въ Геѳсиманскомъ саду, сейчасъ за Кедронскимъ потокомъ, въ небольшой, сложенной изъ грубыхъ камней хижинѣ. Тамъ и я съ нею жилъ. Ночь была душная, точно передъ грозой, и мнѣ не спалось. Я вышелъ изъ хижины. Кругомъ мракъ непроглядный. Вдругъ слышу невдалекѣ чей-то глубокій-глубокій вздохъ, отъ котораго мнѣ страшно стало. Но я прислушиваюсь, и слышу— кто-то говоритъ, но словъ не разберу. Немного погодя, опять вздохъ, страшный, мучительный. Слышу слова: «Отецъ Мой! Если не можетъ сія чаша мимо итти отъ Меня, да пью отъ нея, буди воля Твоя!» О, ужасъ, ужасъ! Я узналъ Его голосъ, Его божественную рѣчь, которая заставила меня затрепетать. Это онъ молится, Онъ! И о какой это чашѣ говоритъ Онъ? Вдругъ я увидѣлъ огни за Кедрономъ. Двигалась какая-то толпа. Слышны были говоръ, угрозы. Ближе и ближе. Вижу: сюда идутъ, гдѣ я стоялъ, закрытый толстымъ стволомъ масличнаго дерева. Отъ свѣта факеловъ я начинаю различать лица приближающихся: впереди всѣхъ одинъ изъ Его учениковъ, а за нимъ народъ съ оружіемъ и дрекольемъ, а также нѣкоторые изъ архіереевъ и старцевъ городскихъ. Скоро свѣтъ отъ факеловъ упалъ и на Его божественныя черты: Онъ стоялъ и ждалъ. Боже Всемогущій! Сколько было святости и кротости въ Его лицѣ! И вотъ тотъ же самый ученикъ,

что привелъ всю эту толпу, подходитъ къ Нему и со словами «радуйся, равви!» цѣлуетъ Его. Сердце мнѣ подсказало, что поцѣлуй этотъ предательскій. А Онъ, Котораго предавали, кротко такъ говоритъ своему предателю: «Другъ мой, дѣлай то, зачѣмъ пришелъ». И тогда толпа обступила Его... Я видѣлъ, какъ вязали Его, точно преступника.

Ропотъ ужаса и негодованія пробѣжалъ по собранію. Квинтъ Діюмедъ, тяжело дыша, поднялся съ своего мѣста. Губы его судорожно дрожали.

— И Его взяли?—спросилъ онъ чуть слышно.

— Взяли, сынъ мой,—отвѣчалъ старикъ,—взяли и связали, какъ разбойника.

— И никто не защитилъ Его?—послышался глухой ропотъ въ собраніи.

— Нѣтъ, одинъ изъ учениковъ выхватилъ ножъ и отсѣкъ ухо рабу одного архіерея, тому, который особенно нагло вязалъ Спасителя... И что жъ! Тогда самъ же Спаситель говоритъ этому ученику: «Вложи ножъ въ ножны его, ибо всякъ, кто обнажаетъ ножъ, отъ ножа погибнетъ». А потомъ обратился къ народу и говоритъ: «Развѣ вы на разбойника вышли съ оружіемъ и дрекольемъ? Вѣдь Я каждый день сидѣлъ съ вами въ церкви и училъ васъ: отчего же не взяли Меня тогда?»

Всѣ молчали. Слышно было, какъ въ темномъ углу пещеры кто-то плакалъ тихо. Квинтъ посмотрѣлъ туда. Это плакала, прячась въ углу, молодая дѣвушка. Квинтъ узналъ въ ней молоденькую сестру пастуха Кардо, который сторожилъ входъ въ таинственную пещеру.

— И Его увели,—какъ бы пробудившись отъ глубокой задумчивости, заключилъ старикъ.

— И Его больше не видѣли?—спросилъ кто-то.

— Видѣли, и я видѣлъ... О! Какъ не разорвалось мое сердце, какъ глаза не померкли навѣки отъ того, что я видѣлъ!

Старикъ утеръ слезы, которыя тихо катились по его загорѣлымъ щекамъ.

— Утромъ я узналъ, что Его осудили на смерть. Я побѣжалъ черезъ Овчія врата къ дому Пилата. Вся улица была полна народа. И я опять увидѣлъ Его! Окруженный воинами, Онъ несъ тяжелый крестъ, на которомъ должны были распять Его, и Онъ былъ такъ слабъ, такъ истерзанъ, что не разъ падалъ подъ

Свою ношей. Кроткое лицо Его было все въ крови: и отъ ударовъ, которые воины наносили Ему и по лицу, и по головѣ, и отъ вѣнца изъ колючихъ терній, который возложили на Него. За Нимъ двигалась толпа, а я издали глядѣлъ на Него и плакалъ. Плакали и женщины. А онъ поглядѣлъ на нихъ и говоритъ: «Дочери іерусалимскія! Не плачьте обо Мнѣ, о себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ: приближаются дни, когда вы воскликнете: «блаженны неплодныя, блаженны утробы, которыя не родятъ, и сосцы, которые не кормятъ». И тогда вы скажете горамъ: «упадите на насъ!» и холмамъ: покройте насъ!».

— О-о!—послышалось рыданіе. Это рыдала та молоденькая дѣвушка, что сидѣла въ углу.

Курцій въ волненіи ломалъ руки. Всѣ привстали, ожидая чего-то ужаснаго.

— Толпа оттерла меня отъ Него,—продолжалъ старикъ, дѣлая послѣднія усилія.—Но я снова увидѣлъ Его уже на горѣ, на крестѣ. Вечерѣло. Въ толпѣ слышны были крики, вопли, рыданія. А я все глядѣлъ на Него издали, я видѣлъ Его лицо: Онъ былъ еще живъ. Солнце косыми лучами освѣтило это блѣдное лицо и скрылось. Наступилъ ужасающій мракъ. Толпа дрогнула, потому что дрогнула гора, на которой умиралъ Онъ, дрогнули стѣны Іерусалима. Я чувствовалъ, какъ колебалась подо мною земля, я моимъ дѣтскимъ сердцемъ понялъ, что совершилось такое страшное преступленіе на землѣ, котораго міръ не видывалъ со дня мірозданія.

Старикъ всталъ. Онъ, видимо, шатался.

— Что это?—съ ужасомъ сказалъ онъ.—Земля опять колеблется.

Дѣйствительно, чувствовалось, какъ колебались стѣны пещеры. Камни замѣтно дрожали.

— Да, вся гора дрожитъ,—говорилъ кто-то испуганно.

— Слышите грохотъ подъ землею? Что-то тамъ колышется, клокочетъ.

— Да, съ Везувіемъ совершается что-то необычайное,—замѣтилъ старшій изъ Діомедовъ.—Впрочемъ, Плиній мнѣ говорилъ какъ-то, а онъ глубоко свѣдущъ въ таинствахъ природы, онъ говорилъ, что хотя Везувій давно потухшій кратеръ, однако, подземный огонь не совсѣмъ погасъ, и скрытое пламя постоянно клокочетъ подъ каменною оболочкою, что особенно ощутительно

у Путеоли, въ горной котловинѣ, которая давно слыветъ какъ forum Vulcani.

— Это тартаръ клокочетъ,—согласились другіе.

Но колебаніе почвы и стѣнъ пещеры становилось все ощутительнѣе и ощутительнѣе. Съ потолка пещеры обрушилось нѣсколько камней, грохотъ которыхъ отдался далеко гдѣ-то въ глубинѣ.

— Уходите всѣ скорѣй отсюда!—торопливо сказалъ старый пастухъ, весь свой вѣкъ прожившій въ каменныхъ пещерахъ Везувія.—Я давно знакомъ съ этою живою горой... Она сердится, только не на насъ, бѣдняковъ, а на тѣхъ, которые всю ее застроили богатыми домами и виллами. Она хочетъ стряхнуть съ себя все это. Пятнадцать лѣтъ назадъ она такъ разбушевалась, что все опрокинула и разрушила. А они опять всю заковали ее своими домами. Она не хочетъ быть ихъ рабыней. Я ее знаю, знаю отъ отцовъ и дѣдовъ. Только овцы да козы могутъ по ней ходить, ихъ она не трогаетъ. А на людей она сердится.

Какъ бы въ подтвержденіе словъ стараго пастуха, пещера дрогнула снова, и посыпались камни.

— Уходите! Уходите!—настаивалъ пастухъ.

Всѣ торопливо двинулись къ выходу, и скоро всѣ исчезли въ темнотѣ.

- Зено, это ты?—послышалось во мракѣ.

— Я, Кардо,—отвѣчалъ другой голосъ.

— Пойдемъ пока въ мою хижину, Везувій не покоенъ.

— А Кардита гдѣ?

— Она ужъ прошла.

Голоса смолкли. Братья Діомеды, прислушивавшіеся къ нимъ, остановились.

— Ты слыхалъ, что Кардо назвалъ кого-то именемъ Зено?—спросилъ Курцій.

— Слышалъ. Это имя греческое,—отвѣчалъ братъ

— А мнѣ помнится, наша новая рабыня, молоденькая Кратилла, говорила, что ея отца зовутъ Зено, и что онъ, сдѣлавъ эту прекрасную группу умирающаго гладіатора, скрылся отъ своего господина.

— Да, и внизу группы вырѣзано: Zeno fecit. Я самъ читалъ,—замѣтилъ Квинтъ.

— Странно!—заговорилъ опять Курцій.—Въ пещерѣ, гдѣ

мы сейчасъ были, меня поразило одно лицо. Можетъ быть, и ты его замѣтилъ. Онъ сидѣлъ въ углу, недалеко отъ Кардиты. Да его нельзя не замѣтить, эта голова невольно бросается въ глаза: курчавая, она бѣла, какъ паросскій мраморъ, хоть бы одинъ темный волосокъ, а между тѣмъ длинная и пышная, какъ у Юпитера, борода—вся рыжая, золотистая. Меня поразило сходство съ нимъ Кратиллы: ужъ не онъ ли ея отецъ?

— Можетъ быть. Мы это постараемся развѣдать.

— Да, надо непремѣнно.

— Только теперь надо молчать объ этомъ, и даже Кратиллѣ ни слова, помни.

Братья воротились домой уже за полночь.

VII.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что налетѣвшимъ съ моря шкваломъ опрокинуло лодку, въ которой находился Плиній со своими спутниками. Въ первое мгновеніе можно было думать, что всѣ погибли, потому что всѣ скрылись подъ водою. Но едва предательскій бурунъ, такъ неожиданно опрокинувшій и захлестнувшій лодку, шумя и пѣнясь, покатился дальше, изъ воды стали показываться то головы утопавшихъ, то руки, отчаянно боровшіяся съ грозными стихіями.

Раньше всѣхъ обозначилась на поверхности бушевавшаго моря голова скиѳа, который, повидимому, плавалъ, какъ рыба. Замѣтивъ невдалекѣ лысую голову Плинія, мужественно державшаго на водѣ, и уцѣпившіеся за его тучную шею чьи-то пальцы съ дорогими, блестящими перстнями, скиѳъ бросился къ нимъ и ухватилъ Плинія за тогу, выше плеча, у самаго ворота. Онъ подоспѣлъ какъ разъ во время; промедли онъ нѣсколько секундъ, и старикъ пошелъ бы моментально ко дну, потому что вцѣпившіеся въ его шею и закоченѣвшіе пальцы его друга, Агриппы, непремѣнно задушили бы его. Какъ разъ въ этотъ моментъ подоспѣла на помощь другая лодка, и рыбаки помогли скиѳу втащить въ эту лодку обезсиленнаго Плинія и его друга, лишившагося чувствъ. Юный Плиній и матросы отчаянно бились съ волнами, но и имъ успѣли дать помощь. Исчезъ только одинъ кормчій. Безъ сомнѣнія, онъ не хотѣлъ пережить своего позора: онъ видѣлъ—такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось въ первую

минуту несчастія,—что по винѣ его, самаго опытнаго и самаго знаменитаго во всемъ римскомъ флотѣ кормчаго, погибъ главный начальникъ этого флота. Тѣло этого кормчаго чрезъ нѣсколько дней было выброшено моремъ на мизенскій берегъ.

Съ этого случая Плиній смотрѣлъ на молчаливаго скиѳа, какъ на своего спасителя, и далъ себѣ слово при первой возможности отправить его на родину, въ его далекую Тавроскиѳію.

Молодой Плиній въ этотъ день казался задумчивѣе и грустнѣе обыкновеннаго. Это былъ юноша, богато одаренный, мечтательный, съ серьезными, необыкновенно благородными инстинктами. Честый, искренній и великодушный, онъ всею душою увѣровалъ въ благородство, въ лучшія качества человѣческой природы и, казалось, находилъ ихъ въ тѣхъ, съ кѣмъ его сталкивала судьба. Можетъ быть, этому отчасти, а быть можетъ и въ значительной степени, способствовала его давнишняя дружба съ обоими сыновьями Діомеда. Правда, эти молодые люди были много старше его; но взросшій въ обществѣ своего великаго дяди, мальчикъ рано началъ думать, и развитіе его нравственныхъ и умственныхъ силъ далеко опережало его возрастъ. Дружба же братьевъ Діомедовъ поднимала его въ его собственныхъ глазахъ. Нравственные и религіозные вопросы, которые затрогивалъ пытливый умъ молодыхъ Діомедовъ, были и ему не чужды, а сужденія его, высказываемыя своимъ старшимъ друзьямъ съ присущею ему величайшею скромностью и искренностью, вызывали дружный и такой же искренній обмѣнъ мнѣній и съ другой стороны. Только по одному пункту и та, и другая сторона сходились какъ бы на половинномъ примиреніи. Въ душѣ юнаго Плинія было слишкомъ много поэтическаго начала: безъ иллюзій, безъ вѣры, безъ творческой фантазіи ему жизнь казалась бы засохшимъ цвѣткомъ въ пустынѣ, застывшимъ моремъ безъ его переливовъ и красокъ, природой безъ животворящаго духа, сердцемъ безъ любви и нѣжности, и когда молодые друзья его, по возвращеніи изъ Рима, окончательно разбили своихъ старыхъ боговъ, нѣжная, поэтическая душа юнаго Плинія оставалась вѣрна имъ, хотя бы какъ образамъ, созданіямъ человѣческаго творчества, живымъ олицетвореніемъ вѣчно живой, созидающей и разрушающей природы. Онъ не могъ помириться съ мыслью, чтобы это бирюзовое, подчасъ сѣдое бушующее море осталось безъ Нептуна, безъ плещущихся въ его лазури прелестныхъ пе-

реидъ, чтобы эти горы и лѣсъ лишены были присутствія рѣзвыхъ нимфъ и шаловливыхъ фавновъ, чтобы въ зелени садовъ умолкли соловьи и цикады, а Олимпъ опустѣлъ, какъ эти голыя скалы Питеузы. Онъ видѣлъ Юпитера въ грозныхъ тучахъ, какъ видѣлъ на небѣ въ группѣ звѣздъ самого Оріона и Персея, спасающаго Андромеду.

Часто посѣщая домъ Діомеда въ Помпеѣ и оставаясь тамъ иногда по нѣсколько дней, онъ давно привыкъ видѣть хорошенькую, задумчивую дѣвочку, молча, но участливо прислушивающуюся къ ихъ горячимъ сужденіямъ, подчасъ бурнымъ спорамъ. Эти тихое, прелестное созданіе была юная сестра его друзей, поэтическая, какъ ему казалось, Мальвія. Съ какою дѣтскою радостью и искренностью она всегда встрѣчала своего «мизенскаго философа» и, положивъ руку ему на плечо, тихо увлекала его въ самый дальній и тѣнистый уголокъ своего сада, гдѣ уже ожидали юную парочку братья-скептики, часто съ свертками папирусовъ или вощаными дощечками для писанья, и тогда лились нескончаемыя рѣчи о Римѣ, о Титѣ Ливіѣ, о Гораціѣ, о великихъ событіяхъ римскаго міра, а чаще всего о вопросахъ нравственныхъ. И задумчивая дѣвочка по цѣлымъ часамъ не спускала своихъ голубыхъ глазокъ съ бесѣдующихъ, а въ особенности съ своего «мизенскаго философа». Когда же темнѣло, она клала опять свою руку ему на плечо и уводила его къ морю послушать: «что говоритъ море», «какъ плещутся нереиды», «о чемъ шепчутся прибрежные камни». И долго, долго, бывало, они бродили въ темнотѣ, счастливые, отуманенные какимъ-то сладкимъ чувствомъ.

Что же удивительнаго, если они, наконецъ, полюбили другъ друга? Они это давно чувствовали въ себѣ, а потомъ сказали въ объятіяхъ и ласкахъ.

Но дѣвочка скоро стала большою, взрослою дѣвушкой, подъ южнымъ солнцемъ такъ скоро созрѣваютъ золотыя яблоки Геспериды и молоденькія дѣвочки.

Переходный возрастъ дѣвочки это роковой кризисъ въ ея жизни, такой же роковой кризисъ, какъ во всякой тяжкой болѣзни. Только счастливыя натуры переживаютъ этотъ кризисъ и не умираютъ, если не остаются навсегда съ надломленнымъ, ослабѣвшимъ, рахитическимъ организмомъ. Такъ бываетъ и въ роковомъ кризисѣ дѣвочки, шагающей черезъ порогъ дѣтства:

только исключительныя, цѣльныя натуры побѣдно переступаютъ этотъ роковой порогъ.

Мальвія оказалась не въ числѣ этихъ послѣднихъ; юный Плиній съ болью въ сердцѣ началъ замѣчать это, какъ замѣчается увяданіе весны: это увядалъ въ душѣ его взлелѣянный имъ идеалъ. Сначала и ему самому казалось, что эти весеннія, нѣжныя краски ея чистой души замѣняются болѣе яркими, болѣе и опредѣленнѣе окрашенными; и во всей внѣшности ея, въ красотѣ, казалось, наступало тоже яркое лѣто: что-то пламенное, жгучее сказывалось иногда и въ проявленіяхъ ея чувствъ, въ ея порывистыхъ ласкахъ, съ страстныхъ рѣчахъ, въ письмахъ, которыя онъ иногда получалъ отъ нея, когда почему либо долго не могъ быть въ Помпеѣ: приходи, приходи скорѣе ко мнѣ, я жду тебя, я вся въ огнѣ, я хочу повторенія твоихъ ласкъ, повторенія, повторенія! Хочу слушать съ тобой ночной шопотъ моря, твой шопотъ! Смотрѣть вмѣстѣ съ тобой на нашихъ Персея и Андромеду. Навощенныя дощечки ея и листки папируса пестрѣли пламенными эпитетами.

И онъ приходилъ на ея зовъ.

А между тѣмъ онъ видѣлъ, что въ Мальвіи еще что-то происходитъ, что-то новое, непонятное ему. Прежде она избѣгала общества мужчинъ, и шла только къ нему навстрѣчу, съ другими ей было скучно, а сколько нибудь вольное обращеніе ихъ отталкивало, оскорбляло ее. Теперь она сама искала общества, и какъ бы оно ни было пусто, она оживала, будь это общество хотя бы такихъ пошлыхъ и грязныхъ свѣтскихъ шалопаевъ, какъ Флакъ и Маркъ Туллій, или стараго, но болтливаго эпикурейца, эдилы Пансы. Живыя бесѣды Плинія съ ея братьями все меньше и меньше ее занимали, и когда не было другихъ гостей, она охотнѣе теперь болтала съ рабынями о нарядахъ или о городскихъ сплетняхъ. Онъ сталъ замѣчать, что ей нравятся лесть, поклоненіе, отъ кого бы они ни исходили. Ей скоро все стало надоѣдать, и она теперь рѣдко оставалась дома, то посѣщая подругъ, у которыхъ собирались гости, то толкаясь съ рабынями по магазинамъ съ нарядами.

Не понимая, что бы это значило, огорченный юноша старался вызвать ее на объясненія, но она стала уклоняться и отъ объясненій, и отъ него самого. Тогда онъ сталъ рѣже бывать въ

Помпеѣ; но прежнія навощенныя дощечки уже не приходили къ нему.

Однажды онъ заговорилъ о ней съ Квинтомъ, недоумѣвая, почему такъ измѣнилась его сестра. Квинтъ рѣзко отвѣчалъ, что въ ней проснулись инстинкты гетеры, мысленно отдающейся всякому, кто бы ни захотѣлъ взять ее. Этотъ отвѣтъ оскорбилъ юношу, но онъ приписалъ его вообще суровому характеру брата Мальвіи: ужъ если ему не жаль было разбить старыхъ боговъ, то развѣ онъ пощадитъ сестру

Но сегодняшняя сцена на невольничьемъ рынкѣ возмутила даже всепрощающую душу юнаго Плинія. Когда его дядя, взбѣшенный тѣмъ, что Флаккъ и Маркъ Туллій съ такимъ безсердечіемъ сорвали покрывало съ беззащитной дѣвочки-невольницы, обозвалъ ихъ нахалами, и когда они, отойдя въ сторону, продолжали наблюдать за тѣмъ, что происходило около Кратиллы, то онъ замѣтилъ, что къ нимъ приблизилась Мальвія вмѣстѣ съ отцомъ. Дѣвушка видимо обрадовалась имъ, и когда они, имѣя каждый по розѣ въ рукахъ—одинъ бѣлую, другой желтую, предложили ихъ Мальвіи, она тотчасъ же съ самою очаровательною улыбкой украсила ими свою голову. Это не могло не огорчить влюбленнаго юношу, котораго Мальвія уже давно не дарила своими улыбками. Но когда она стала горячо настаивать, чтобъ отецъ купилъ ей рабыню,—такую беззащитную дѣвочку, какъ Кратилла, юный Плиній убѣдился, что у той, которую онъ еще такъ недавно считалъ своимъ божествомъ, нѣтъ даже и человѣческаго состраданія, нѣтъ сердца!

Но онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Какъ не могъ онъ, подобно Квинту и его брату, разбить своихъ старыхъ боговъ, такъ не въ силахъ былъ онъ сокрушить въ своей душѣ и этого послѣдняго бога, свой идеалъ, свою мечту. И онъ глубоко страдалъ.

Смущенный духъ его напрасно искалъ опоры, поддержки, утѣшенія. Но кто дастъ это утѣшеніе, кто разрѣшитъ тревожившія его сомнѣнія? Люди? Но они сами безсильны и безпомощны. Боги? Но чѣмъ ихъ умилостивить? Да и не правы ли его друзья, Діомеды, что эти боги созданіе человѣческой мысли, и при томъ мысли, запуганной невѣдомыми силами природы? Не страхъ ли этого невѣдомаго, съ чѣмъ человѣкъ не въ силахъ бороться, и создалъ этихъ боговъ? Ихъ можно себѣ только представить; но взывать къ ихъ помощи это все равно, что взывать къ волнамъ

которыя сегодня чуть не потопили ихъ. Да онъ и взывалъ, онъ горячо плакалъ у подножія Венеры, обливалъ слезами ея мраморъ; но мраморъ такъ и остался мраморомъ, холоднымъ, безучастнымъ.

Кто же разрѣшитъ его сомнѣнія? Оракулъ? Но Дельфы такъ далеко. Гдѣ искать пифіи, которая влила бы въ его смущенную душу утѣшеніе?

А не обратится ли къ Сивиллѣ, къ преемницѣ той кумской Сивиллы, которая когда-то разрѣшала сомнѣнія царей и народовъ?

Эта мысль, казалось, охватила его душу. Онъ былъ продуктъ своего вѣка и своего народа и притомъ юноша, у котораго здравый разсудокъ часто позволялъ воображенію водить себя, повелѣвать собою. Все таинственное увлекало его; а здѣсь таинственное спутывалось съ вопросомъ, если не жизни и смерти, то съ вопросомъ, быть можетъ, умиротворенія его возмущенной души, съ вопросомъ могучаго чувства, чаръ котораго онъ не могъ преодолѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ это чувство въ немъ оскорблено, жизнь потеряла для него интересъ, природа—обаяніе. Онъ отправится къ Сивиллѣ, онъ не въ силахъ дальше выносить неизвѣстность.

Когда, послѣ несчастнаго приключенія на морѣ, Плиній и его свита явились домой, перепуганная старушка, сестра Плинія Старшаго и мать Младшаго, тотчасъ приказала рабамъ хорошенько растереть ихъ тѣло суконками, перемѣнить мокрую одежду на сухую и заставила всѣхъ выпить согрѣвающаго и бодрящаго напитка.

Пользуясь этимъ случаемъ, младшій Плиній объявилъ матери и дядѣ, что послѣ холодной морской ванны ему необходимо усиленное движеніе, и потому онъ намѣренъ тотчасъ же отправиться въ Кумы, говоря, что у него есть тамъ дѣло. Съ нимъ согласились, и онъ отправился въ путь.

Дорога шла по живописной мѣстности, застроенной храмами, дворцами, термами и роскошными виллами, но нашъ путникъ ни на что не обращалъ вниманія, притомъ же все это было ему знакомо съ дѣтства. Его главнымъ образомъ занималъ вопросъ: что онъ скажетъ Сивиллѣ? О чемъ будетъ спрашивать ее? Конечно, онъ долженъ узнать отъ нея свою судьбу. А такъ какъ вся судьба его теперь вмѣщалась въ предѣлахъ личнаго чувства,

то, опредѣляя его судьбу, провѣщательница откроетъ передъ нимъ таинственную завѣсу и настоящаго, для него непостижимаго, и будущаго, которое для него все поглощалось настоящимъ.

Скоро онъ миновалъ Лукринское озеро, такъ поэтически воспѣтое Гораціемъ. Теперь въ глазахъ нашего путника, погруженнаго въ мрачныя думы, оно потеряло всю свою прелесть. А вотъ вправо и Авернское озеро. Скоро, влѣво отъ озера, должна быть та узкая тропа, которая ведетъ къ таинственному гроту Сивиллы.

Вотъ она! Путникъ остановился, чтобъ перевести духъ. Начинало вечерѣть.

Онъ продолжалъ путь. Вонъ тамъ виднѣется черное отверстіе въ скалахъ. Это и есть устье страшной пещеры.

Юноша невольно упалъ на колѣни и сталъ молиться «невѣдомому богу», имени котораго никто не зналъ, но которому въ Греціи давно воздвигали храмы. Онъ не зналъ уже, кому и молиться.

VIII.

Юный Плиній вступилъ, наконецъ, въ страшную пещеру. Тамъ было темно, какъ въ могилѣ. Пришлецъ засвѣтилъ факелъ и осторожно пошелъ дальше. При свѣтѣ факела пещера казалась еще страшнѣе. Плиній слышалъ у себя надъ головою какое-то легкое вѣяніе крыльевъ. Что это? Неужели это тѣни умершихъ? Онъ вспомнилъ, какъ у Гомера говорится объ этихъ тѣняхъ, о таинственныхъ «некюіа», тихій полетъ которыхъ къ Аиду напоминаетъ вѣяніе крыльевъ нетопыря.

Вдругъ что-то коснулось, словно крыломъ, его лица и упало на плечо, на бѣлую тогу. Что-то черное, копошащееся. Онъ схватилъ его рукой. Оно запищало и укусило его за палецъ. Это была летучая мышь. Плиній отбросилъ ее отъ себя. Онъ понялъ теперь, что это были за тѣни умершихъ.

Онъ двинулся дальше. Въ это время до слуха его донесся не то дѣтскій плачъ, не то смѣхъ. Онъ прислушался: это былъ крикъ совы. Затѣмъ раздалось злобное мяуканье кошки. Иногда свѣтъ факела освѣщалъ по сторонамъ чьи-то выпуклые, круглые глаза: это зеленыя жабы глядѣли на пришельца изъ расщелинъ.

Но вотъ вдали показался красный свѣтъ, потомъ голубой, потомъ зеленый, и вдругъ зарычала собака.

— Молчи, Церберъ!—послышался старческій голосъ.

Плиній вздрогнулъ отъ этого голоса, но отступать уже было поздно. Онъ двинулся на голосъ. Скоро въ глубинѣ пещеры обозначился треножникъ, отъ котораго отдѣлялись огненные языки и исчезали во мракѣ. При свѣтѣ этихъ огненныхъ языковъ, Плиній увидѣлъ человѣческое лицо: то было лицо старухи.

Онъ понялъ, что передъ нимъ была Сивилла. Старуха, бросая въ огонь какіе-то порошки, которые ярко вспыхивали, пристально всматривалась въ лицо пришельца.

Плиній молчалъ, онъ не зналъ, къ кому относятся слова старухи.

— Она снимала для тебя съ неба солнце, луну и звѣзды, да?—спросила Сивилла.

Плиній понялъ: да, о н а сводила для него небо на землю.

— Да, снимала,—глухо отвѣчалъ онъ.

Въ глубинѣ пещеры кто-то дико захохоталъ. Плиній вздрогнулъ. Это сова захохотала, сидя на уступѣ скалы и глядя своими круглыми глазами на молодого человѣка, который готовъ былъ бѣжать отъ ужаса.

— Ты что хочешь сказать, Минерва?—обратилась Сивилла къ совѣ.

Птица защелкала своимъ крючковатымъ клювомъ.

— А! Ты говоришь о морѣ, о горахъ, о цвѣтахъ?—спросила старуха.

Птица опять защелкала.

— Она заставляла море говорить съ тобою, пѣть тебѣ любовныя пѣсни?—обратилась Сивилла къ юношѣ.

Онъ все больше и больше понималъ языкъ колдуньи.

— Да, море говорило со мною, я заслушивался его мелодій,—отвѣчалъ онъ, вспоминая свои ночныя прогулки съ Мальвіей на берегу моря.

— И когда она шла по землѣ, передъ ней распускались цвѣты, ей улыбались горы?

— Да, все улыбалось и ей, и мнѣ.

— А теперь цвѣты потеряли ароматъ, въ твоемъ сердцѣ не поютъ соловьи?

— Да,—могъ только онъ отвѣтить.

Онъ, дѣйствительно, все это чувствовалъ: вся природа стала для него нѣма, утратила свои краски, жизнь.

Невѣдомо откуда появился черный котъ, который, выгибая пушистую спину, сталъ тереться у ногъ Сивиллы. Старуха бросила въ огонь пучекъ травы, отъ которой распространился удушливый паръ.

— А! Это ты, котъ, Радаманта,—сказала старуха,—что дѣлается у васъ въ аду?

Котъ фыркнулъ, отскочилъ въ сторону и замяукалъ. Плиній, казалось, терялъ сознаніе. Стѣны пещеры раздвигались все шире и шире, какой-то туманъ окуталъ все окружающее, и въ этомъ туманѣ вырисовывались чьи-то два глаза. Надвинулось темное облако, въ которомъ сверкали молніи, съ грохотомъ падая въ море. Плиній видѣлъ это море и не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Да, онъ на берегу моря. Облако исчезло, громы смолкли, и солнце заходящими лучами золотило вершины Везувія и Соммы. Навстрѣчу ему по берегу моря двигалась какая то человѣческая фигура. То была женщина, старуха. Сѣдые волосы ея безпорядочными пасмами падали на лобъ и на виски. Слышно было, что старуха говорила сама съ собой, жаловалась на что-то

«Вѣчные боги! За что, и за какія преступленія вы отняли у меня разсудокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и счастье? Не вы ли, безсмертные владыки земли и неба, дали мнѣ красоту, которую сами же обратили въ источникъ моихъ страданій. Только тогда я и была блаженна, когда не сознавала этого безцѣннаго дара боговъ. Юная, невинная, я только тогда познала всю силу счастья, когда онъ былъ со мною. Онъ! Гдѣ онъ? Я ищу его, и не нахожу. Я обращаюсь ко всѣмъ вѣтрамъ: принесите мнѣ его милый голосъ! И я слышу только ропотъ ихъ. Развѣ забуду я, какъ мы съ нимъ ночною порой бродили по берегу моря, прислушиваясь къ его шопоту? А звѣзды, которыя глядѣли тогда на насъ съ вѣчнаго, высокаго неба? Но нашихъ ласкъ никто не видѣлъ, даже вы, великіе боги. Горе! Горе! Пришли другіе и отняли меня у него. Они говорили мнѣ о моей красотѣ. О! Будь они прокляты! Да будутъ поглощены ихъ постыдныя тѣни ужаснымъ Эребомъ! Имъ нравилось забавляться мною, а я имъ вѣрила, я оттолкнула его, и онъ отошелъ. Онъ ушелъ и унесъ съ собой мое счастье. Всю жизнь я потомъ искала его и не нахожу. О! Жестокіе боги Эреба! Ужъ слишкомъ поздно вы открыли мнѣ, что только тотъ, кто первый пробудитъ въ насъ инстинкты женщины, кто первый -

заставитъ сладостно и трепетно биться наше сердце; кто первый обнималъ насъ во мракѣ ночи, тотъ навѣки и останется въ нашемъ сердцѣ. А я оттолкнула его, несчастная! Я думала, что другіе дадутъ мнѣ больше, и пошла навстрѣчу ихъ льстивымъ рѣчамъ. Меня забавляло и тѣшило ихъ поклоненіе, а они тѣшили только свое пустое тщеславіе; они любили только себя. И вотъ всю жизнь я ищу его и не могу найти. Уже сѣдые волосы вѣнчаютъ мою безумную голову, а его все нѣтъ! О, моя первая, великая любовь!»

Юный Плиній съ ужасомъ узналъ въ этой старухѣ Мальвію!

Увидѣвъ его, старуха какъ бы опомнилась и приблизилась къ нему. На лицѣ ея мгновенно блеснула радость.

— Вѣчные боги!—воскликнула она.—Я, наконецъ, нашла его! Ты ли это, мой Плиній?

Плиній съ болью въ сердцѣ взглядывался въ ея черты. Что сдѣлало изъ нея безжалостное время!

— О, Хроносъ, губитель всего сущаго!—вырвалось у него.—Она ли это? Тотъ ли это нѣжный цвѣточекъ, который распускался въ саду Діомеда? За что вы отняли ее у меня, жестокіе боги!

— Но я опять воротилась къ тебѣ...

Снова мракъ покрылъ все окружающее. Слышался только крикъ ночной птицы...

Плиній очнулся. Онъ лежалъ у треножника, а Сивилла, нагнувшись надъ нимъ, брызгала ему чѣмъ-то въ лицо.

— Видѣлъ ее?—спросила она.

— Видѣлъ,—беззвучно отвѣчалъ юноша.

— Хотѣлъ бы ты видѣть ее такою?

— Нѣтъ, лучше пусть я ее никогда больше не увижу.

— Да ты и не увидишь ея: той, прежней, уже нѣтъ.

Плиній, дѣйствительно, почувствовалъ, какъ будто камень свалился у него съ души. Онъ приподнялся и съ удивленіемъ оглядывался кругомъ. Пещера та же, но видѣнія исчезли. Неужели это былъ сонъ? Нѣтъ, то было что-то большее, чѣмъ сонъ. Онъ одно только сознавалъ, что въ душѣ его совершился какой-то переворотъ. Зачѣмъ онъ сюда приходилъ! Узнать свою судьбу? Нѣтъ, онъ хотѣлъ узнать о Мальвіи. И онъ узналъ... Что же произошло въ его чувствахъ? Что то непостижимое и въ то же время вполнѣ опредѣленное... Онъ больше не любитъ Маль-

віи. Да, онъ не любилъ ея. Неужели же видъ отвратительной старухи, явившейся ему въ бреду, въ силу непостижимыхъ чаръ Сивиллы, неужели этотъ видъ навсегда заслонилъ для него тотъ видъ, въ которомъ еще такъ недавно было для него столько обаянія? Да, онъ и это чувствовалъ. Что жъ онъ любилъ развѣ не Мальвію? Нѣтъ, нѣтъ, онъ любилъ свою мечту. Боги тогда ослѣпили его, а теперь, подъ чарами волшебницы, онъ прозрѣлъ. Теперь Мальвія казалась ему такою, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ на невольничьемъ рынкѣ, когда моментально почувствовалъ къ ней омерзѣніе. Да, она была тогда отвратительна съ этими двумя шалопаями. когда требовала покупки юной невольницы.

«Овидіевы Метаморфозы,—невольно думалъ онъ:—тамъ, гдѣ я видѣлъ очаровательный цвѣтокъ, оказалось отвратительная жаба. Да, Мальвія жаба!»

Онъ оглядѣлся кругомъ и увидѣлъ, что изъ расщелины одной скалы на него дѣйствительно глядѣла жаба. «Это Мальвія», невольно вздрогнулъ онъ.

Когда онъ вышелъ изъ душной пещеры Сивиллы, на него пахнуло ароматомъ чуднаго вечера. Теперь у него на душѣ было легко. Въ низинахъ уже сгущались вечернія тѣни, а надъ Авернскимъ озеромъ клубился бѣловатый паръ. Морскія чайки собирались на ночлегъ, оглашая воздухъ жалобными криками.

— Благодарю васъ, вѣчные боги! Вы исцѣлили меня,—тихо проговорилъ Плиній,—я снова чувствую всю красоту природы, всю прелесть этого неба, этого моря. Я былъ слѣпъ, и вы дали мнѣ прозрѣть, вы, которыхъ я вижу теперь въ каждой былинкѣ, въ каждомъ дыханіи вѣтерка.

IX.

Домъ эдила Пансы находился на улицѣ Термъ. Это былъ одинъ изъ богатѣйшихъ домовъ Помпеи.

На улицу Термъ выходилъ главный входъ, а по сторонамъ его расположены были четыре магазина. Входъ былъ украшенъ пилястрами коринескаго ордена, а дверь створчатая, изящной бронзовой работы. По обѣ стороны вестибюля—мраморныя колонны; полъ также бѣлый, мраморный. Вправо и влѣво отъ

атріума находилось шесть комнатъ для рабовъ, для кліентовъ и просителей. Эти комнаты не имѣли оконъ и освѣщались свѣтомъ изъ атріума. Атріумъ, обширная четырехугольная комната, слѣдовала сейчасъ за вестибюлемъ. Онъ не имѣлъ ни потолка, ни крыши, а отъ яркаго солнца и отъ дождя его защищалъ веляріумъ, горизонтальная занавѣсь на кольцахъ. При входѣ въ атріумъ нога посѣтителя переступала черезъ привѣтствіе, начертанное на мраморномъ полу мозаикою: salve. Стѣны атріума Пансы покрыты были прекрасными арабесками. Посрединѣ атріума въ мозаичный полъ вдѣланъ былъ мраморный имплювіумъ, для дождевой воды—родъ домашней цистерны. Въ концѣ атріума вправо и влѣво расширялись крылья—alae, у стѣнъ которыхъ стояли изящные диваны для гостей, а равно для салюторовъ и болѣе почетныхъ кліентовъ.

Стѣна атріума, противоположная вестибюлю, отдѣляла эту залу (если можно назвать залой нѣчто въ родѣ внутренней галлереи) отъ таблинума и библіотеки съ пинакотекою. Въ таблинумѣ Пансы находились его фамильные акты, родословныя таблицы, трофеи, полученные предками, статуи и бюсты этихъ предковъ: мраморные, бронзовые и восковые, а также портреты и картины.

Это была одна половина дома Пансы, открытая для публики. Другую половину дома занимали внутренніе покои. Сюда входили мимо таблинума черезъ фауксъ, завѣшанный красивою пунцовою драпировкой. За драпировкой открывалась роскошная зала — перистиль, поддерживаемая шестью колоннами въ длину и четырьмя въ ширину. Середина перистиля, открытая, безъ потолка, представляла продолговатый четыреугольникъ съ водоемомъ, въ которомъ плавали рыбы. Между колоннами, на эстрадахъ, стояли тропическія растенія и роскошные цвѣты, а изъ нишъ смотрѣли великолѣпныя мраморныя статуи и группы. Дальше слѣдовалъ триклиніумъ съ легкими диванами, на которыхъ обыкновенно возлежали гости во время пиршествъ, женщины-же сидѣли. Еще дальше—ляраріумъ, помѣщеніе для домашнихъ боговъ, для ларъ. Бронзовые канделябры и висячія лампы, прекрасная мозаика стѣнъ, рѣзьба, позолота, все это придавало еще большее великолѣпіе жилищу эдила.

Наконецъ, крытый высокій портикъ, поддерживаемый легкими колоннами, увитыми виноградомъ, отдѣлялъ самое жилище

Пансы отъ внутренняго сада. Портикъ украшала статуя Мелеагра.

Сегодня у Пансы назначенъ былъ званый обѣдъ, и потому хозяину предстояло не мало хлопотъ. Впрочемъ, хозяйствомъ въ его домѣ завѣдывала, главнымъ образомъ, его сестра, Сервилія, вдова сенатора. Эдилу же въ этотъ день было недосужно за множествомъ дѣлъ въ городѣ и, кромѣ того, ему нужно было навѣдаться въ амфитеатръ, достаточенъ ли тамъ уходъ за вновь привезенными изъ Египта львами.

Однако, онъ воротился домой во время, къ пріему гостей.

Первыми явились неразлучные друзья, которыхъ въ насмѣшку называли «двумя Аяксами»: это уже знакомые намъ шалопаи—Флаккъ и Маркъ Туллій. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ въ вестибюлѣ и тотчасъ же провелъ въ атріумъ.

— Слава, слава нашему благородному эдилу!—воскликнулъ Туллій.—Никто такъ много не дѣлалъ благодѣяній Помпеѣ, какъ несравненный Панса, клянусь Юноной!

— Чѣмъ же я такъ угодилъ дорогому Туллію?—спросилъ хозяинъ.

— О! Клянусь Оркомъ...

— Quousque tandem abutere, Tulli, patientia deorum!—перебилъ своего друга Флаккъ извѣстною фразою Цицерона, обращенной къ Катилинѣ.—Доколѣ же будешь злоупотреблять терпѣніемъ боговъ! То ты клянешься, Юноной, то вдругъ Оркомъ.

— Ну, сорвалось, не бѣда.

— Такъ чѣмъ же я угодилъ любезному Туллію?—снова спросилъ хозяинъ.

— О! Клянусь Юпитеромъ, а эти благородные львы...

— Да, да!—вмѣшался и Флаккъ. — Эти львы, надежда Помпеи.

Въ эту минуту изъ-за пунцовой драпировки атріума показалась тучная фигура Авла Порка, извѣстнаго обжоры и циника-философа.

— О, боги!—торжественно поднялъ къ небу руки пришедшій.—Я уже слышу, пахнетъ верблюжьими пятками, о, благополучіе! О, божественныя пятки.

Туника на пришедшемъ была сильно потерта и засалена.

Самъ онъ смотрѣлъ простякомъ, веселымъ балагуромъ, но въ маленькихъ, заплывшихъ жиромъ глазахъ свѣтилось лукавство.

Онъ поздоровался съ хозяиномъ, небрежно кивнулъ молодымъ «Аяксамъ» и грузно опустился на ближайшее сидѣнье.

— Клянусь Плутономъ! Благородный Поркъ оскорбляетъ божество,—замѣтилъ Туллій,—сѣлъ задомъ къ божественной Венерѣ-Каллипигѣ.

Циникъ лѣниво оглянулся.

— А чего она тутъ вздумала раздѣваться при мнѣ,—проворчалъ онъ,—меня этимъ не соблазнишь.

— Но у нея пятки вкуснѣе верблюжьихъ, — замѣтилъ Флаккъ.

— А кто ихъ пробовалъ?—огрызнулся циникъ

Пунцовая драпировка раздвинулась, и въ атріумъ вступили новые гости. То былъ Діомедъ, съ женою, круглою, съ короткою шеей, матроной, и съ красавицей дочерью.

— О! Мои лары радуются, видя почтенную матрону и ея прекрасное отраженіе въ дочери!—привѣтствовалъ Панса новыхъ гостей.—Добро пожаловать, благородный Аррій.

Панса хлопнулъ въ ладоши. На этотъ зовъ явился рабъ.

— Доложи госпожѣ, что пожаловала почтенная матрона,— сказалъ Панса.

Рабъ пошелъ исполнить приказаніе. «Два Аякса» поспѣшили къ Мальвіи, которая кокетливо улыбалась молодымъ шалопаямъ. Она была одѣта особенно тщательно. Въ волосахъ ея сверкали дорогіе камни.

Въ это время изъ внутреннихъ покоевъ вступила въ атріумъ сама Сервилія, пожилая, высокая и худощавая матрона, а съ нею молодая дѣвушка въ бѣлой туникѣ, живописно обрисовывавшей ея стройный станъ. Это была дочь Сервиліи, Либелла. Мальвія тотчасъ поспѣшила къ ней навстрѣчу.

— Милая Либелла! Какая хорошенькая туника!—болтала Мальвія.

—Но она проще твоей,—возразила племянница Пансы.

Не замедлили явиться и новые гости: Маркъ Голконій Руфъ, его родственникъ Корнелій Руфъ и Маркъ Лукреций, декуріонъ Помпеи. За ними—молодой преторіанецъ, недавно прибывшій изъ Рима, Кней Авидій. Онъ вошелъ съ граціей фавна, собирающагося плясать на лугу.

Молодежь бросилась къ нему, какъ къ новичку—къ столичной птицѣ. Хозяйка поспѣшила представить его Ливіи и Мальвіи. Послѣдняя была польщена вниманіемъ интереснаго преторіанца и тотчасъ же забыла «Аяксовъ».

— Что новаго въ Римѣ?—спросила она столичнаго гостя.

— О, много!—шаркнулъ ножкой преторіанецъ.—Новыя прически... Теперь молодыя римлянки не взбиваютъ своихъ волосъ до высоты пирамиды Хеопса, а причесываются гладко.

Мальвія вспыхнула. Ея прическа именно претендовала сдѣлаться пирамидой, тогда какъ Либелла причесана была гладко.

— У насъ новые шлемы, — продолжалъ преторіанецъ, — очень красивая форма. Вообще много новаго. Виноватъ! Забылъ: новая танцовщица изъ Аѳинъ—Коринна... Ахъ, какъ божественно она танцуетъ! Да, еще забылъ: новые духи, anima Veneris... Ахъ, какъ пахнутъ! Клянусь Вакхомъ! Хоть я больше всего предпочитаю запахъ императорскихъ конюшенъ: для меня это ароматъ, но anima Veneris, ахъ!

— Лучше верблюжьихъ пятокъ?—отозвался изъ угла циникъ.

— Запахъ конюшни!—пожалъ плечами Флаккъ.

Между тѣмъ Голконій Руфъ, тоже недавно прибывшій изъ Рима, въ другой части атріума разсказывалъ о другихъ новостяхъ, занимавшихъ общественное вниманіе римлянъ. Голконій Руфъ принадлежалъ къ самому почетному роду въ Помпеѣ. Это былъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, стройный и гибкій, какъ юноша, съ орлинымъ носомъ и круглыми глазами, дѣйствительно напоминавшими взглядъ орла.

— Эта арка еще не открыта,—говорилъ онъ, обращаясь къ Марку Лукрецію и Діомеду.

— Это какая арка, почтенный Руфъ?—спросилъ Панса, подходя къ бесѣдовавшимъ гостямъ.

— Я говорю, дорогой другъ, объ аркѣ, которую сенатъ и народъ римскій сооружаютъ въ честь божественнаго нашего цезаря Тита,—отвѣчалъ Голконій.—Это арка Тита; но она еще не окончена, хотя мнѣ и удалось ее видѣть. Она воздвигается въ честь покорителя Іерусалима. Замѣчательный памятникъ архитектуры.

— А въ какомъ мѣстѣ Рима она воздвигается?—спросилъ Діомедъ.

— При началѣ Viae sacrae. Она состоитъ изъ восьми колоннъ разныхъ орденовъ: та идея, что Римъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ ордена, какъ и всю вселенную. Но что за барельефы на стѣнахъ и на сводѣ! На одной сторонѣ изображена гроза Іерусалима и всей строптивой Іудеи—божественный Титъ. Онъ представленъ сидящимъ на побѣдной колесницѣ, на квадригѣ. Его сопровождаютъ воины.

— Въ томъ числѣ и благородный Голконій Руфъ,—любезно вставилъ хозяинъ.

— О, клянусь Марсомъ! Благородный Панса мнѣ льститъ!— вскинулъ на него разсказчикъ орлиными глазами.—Да, я былъ тогда въ свитѣ героя-полководца.

— Виноватъ, я перебилъ,—извинился эдилъ.

— Да,—продолжалъ Руфъ,—конями побѣдителя правитъ сама Рома, а богиня Побѣды вѣнчаетъ его. На другой сторонѣ другія группы: побѣдоносныя войска, плѣнные іудеи и трофеи побѣды—скинія завѣта, величайшая святыня іудейскаго народа, а также седмисвѣщіе и другіе трофеи. Верхъ свода арки изображаетъ Тита, парящаго въ жилищѣ боговъ на могучихъ крыльяхъ орла Юпитера.

— Но, благодареніе богамъ! онъ еще не паритъ,—замѣтилъ изъ своего уединенія циникъ.

— О, да!—согласился Руфъ, — И арка будетъ открыта только post hoc, да продлятъ боги его дни.

Въ это время къ Пансѣ подошелъ одинъ изъ его домашнихъ паразитовъ, по имени Какусъ, и почтительно доложилъ, что въ триклиніумѣ все готово для пиршества.

X.

Хозяинъ пригласилъ гостей пожаловать въ триклиніумъ, и все общество направилось вслѣдъ за Сервиліей и Ливіей, которыя шли впереди. Преторіанецъ, помня, что онъ въ хорошемъ обществѣ, а не въ конюшнѣ, съ ловкостью пѣтуха у корыта съ кормомъ, предложилъ свою руку Либеллѣ, которая шла рядомъ съ Мальвіей. Послѣдняя хотя и была обижена предпочтеніемъ, оказаннымъ ея скромной подругѣ, однако, старалась не выдать себя, и когда къ ней подошли Фликкъ и Туллій съ предложеніемъ

вести ее къ столу, она, нервно смѣясь. отклонила ихъ любезность и подала свою руку цинику.

— Клянусь великой Форнацидой!—воскликнулъ толстякъ,— а это наиболѣе почитаемая мною богиня, клянусь Форнацидой! прекрасная дочь Аррія Діомеда очень находчива: она очень хорошо знаетъ, что ничто такъ не возвышаетъ красоты, какъ сосѣдство съ безобразіемъ.

— О, благородный Авлъ Поркъ!—смѣшалась Мальвія.

— Да, да!—настаивалъ циникъ.— что же можетъ быть прелестнѣе, какъ нимфа подъ ручку съ отвратительнымъ сатиромъ!

Въ триклиніумѣ гостей ожидала цѣлая фаланга рабовъ: одни держали въ рукахъ гирлянды цвѣтовъ, другіе—серебряные кувшины съ благовонною водой и бѣлыя, шитыя шелками и серебромъ полотенца. На высокихъ треножникахъ курились восточныя благоуханія, дымъ отъ которыхъ легкими струйками уносился въ четырехугольное отверстіе въ потолкѣ надъ писциной, въ которой плескались золотистыя рыбки.

На обѣденномъ столѣ, въ серединѣ, возвышалось прекрасное мраморное изображеніе Весты, окруженной домашними ларами. Статуя Вакха, увитая виноградными гроздями, стояла на особомъ пьедесталѣ.

Мальчики рабы, державшіе кувшины и полотенца, подходили къ гостямъ и помогали имъ совершать обычное омовеніе рукъ, а другіе рабы вносили изъ форнакса блюда съ закусками и кушаньями и ставили ихъ на столъ.

— Великій Вакхъ да покровительствуетъ намъ!—сказалъ хозяинъ, подходя къ изображенію этого бога пиршествъ и дѣлая въ честь его возліяніе.

Потомъ онъ началъ размѣщать гостей, а рабы украшали ихъ гирляндами.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—отстранялъ отъ себя раба съ цвѣтами циникъ.—Они будутъ мѣшать мнѣ ѣсть. Пусть богиня Флора не погнѣвается на меня я люблю наслаждаться ея дарами только послѣ пищеваренія.

Выходка циника всѣхъ разсмѣшила.

— Да будетъ амфитріономъ пира благородный Голконій Руфъ!—провозгласилъ Панса.

— Просимъ! Просимъ!—провозгласили гости.

Рабы наполнили виномъ кубокъ каждаго гостя.

— О, какія устрицы!—воскликнулъ Авлъ Поркъ, опуская устрицу за устрицей въ свой привычный ротъ.—Я узнаю ихъ, это изъ Лукринскаго озера.

— Да,—подтвердилъ Панса,—это благородный Плиній прислалъ мнѣ ихъ въ подарокъ за рѣдкаго октопода, котораго я презентовалъ ему.

— Такихъ устрицъ, клянусь Форнацидой, не ѣдалъ и Горацій,—продолжалъ циникъ,—а Флаккъ былъ знатокъ въ нихъ.

— Флаккъ?—отозвался съ другого конца стола одинъ изъ «Аяксовъ», тоже Флаккъ,—я не люблю устрицъ.

— Н-ну!—презрительно пожалъ плечами циникъ, — кому дано богами много, а иному—шишъ.

— Какое вино!—воскликнулъ Маркъ Лукрецій, осушая кубокъ,—только боги Олимпа могутъ пить такое.

— Да оно и старо, какъ Олимпъ,—засмѣялся хозяинъ,—оно помнитъ Брута.

— А я пилъ вино, которое прекрасная Клеопатра прислала въ даръ Антонію,—похвастался преторіанецъ, любезничая съ Либеллой, которая кусала губы, чтобъ не разсмѣяться ему въ лицо.

— А какъ оно попало на столъ къ благородному воину?—лукаво спросилъ циникъ.

— Не мнѣ на столъ,—развязно отвѣчалъ воинъ,—мы пили его въ конюшнѣ.

— А! Въ конюшнѣ! Гдѣ такъ хорошо пахнетъ...

— Да... Это было въ день убіенія императора Гальбы: преторіанцы разграбили императорскій погребъ и одну амфору съ виномъ принесли въ конюшню.

— Почему жъ узнали, что это вино отъ Клеопатры?

— Такъ говорили.

— Аа! Ну, такъ я же лучше скажу (и циникъ подмигнулъ Голконію Руфу),—я пилъ вино, которымъ Дидона угощала Энея.

— А кто жъ была эта Дидона?—спросилъ воинъ.

— Одна танцовщица въ Помпеѣ,—серьезно отвѣчалъ Голконій Руфъ.

— А Эней?

— Это извѣстный клоунъ въ Римѣ,—еще серьезнѣе отвѣчалъ Голконій.

— Какже я его не знаю?—удивился воинъ.

Но циникъ, повидимому, забылъ все. Онъ поднялъ голову и съ наслажденіемъ втягивалъ носомъ воздухъ.

— О, слышу! Слышу!—торжественно говорилъ онъ.—Несутъ верблюжьи пятки. Великая Форнацида!.. Пятки! Пятки!

— И соловьиные языки,—пояснилъ хозяинъ, весело улыбаясь.

— О! Соловьиные языки не для насъ!—небрежно махнулъ рукою циникъ.—Они для прекраснаго пола.

— А воину слѣдовало бы подать ослиныя уши,—шепнулъ черезъ столъ Голконій Руфъ.

— Они у него и безъ того есть,—пробурчалъ Авлъ Поркъ.

— Когда же благородный Панса покажетъ намъ на аренѣ амфитеатра своихъ великолѣпныхъ африканскихъ львовъ? —спросила хозяина дочь Діомеда, кокетливо поправляя свою пирамидальную прическу.

— При первыхъ же ристалищахъ и боѣ гладіаторовъ, прекрасная Мальвія,—отвѣчалъ эдилъ.

— А есть кого травить львами?—спросилъ преторіанецъ.

— Пока некого, нѣтъ преступниковъ, а неосужденныхъ сенатомъ законъ запрещаетъ травить.

— Варварскій законъ!—надула губки дочь Діомеда.

— Да, это Драконовскій законъ,—подтвердилъ циникъ, лукаво поглядывая на Голконія Руфа.

— А кто этотъ Драконъ?—спросилъ преторіанецъ.

— Это одинъ глупый сенаторъ,—отвѣчалъ Голконій Руфъ.

— А я радъ этому закону,—замѣтилъ циникъ,—когда я вижу, какъ левъ терзаетъ человѣка, я теряю аппетитъ, мнѣ противнымъ становится мясо.

— Но рабовъ слѣдовало бы позволить выводить на арену,—сказалъ въ свою очередь Маркъ Туллій,—рабъ моя собственность, моя вещь, что хочу, то и дѣлаю съ нею... А этотъ жестокій законъ, безнравственный, онъ посягаетъ на священныя права собственности.

— Клянусь Марсомъ! Это правда,—подтвердилъ преторіанецъ.

— Мало того,—пояснилъ Діомедъ,—законъ этотъ идетъ въ разрѣзъ съ государственными интересами. Государству важно имѣть хорошихъ воиновъ, безстрашныхъ бойцовъ, а мы не

даемъ народу хорошихъ примѣровъ, народъ отвыкаетъ отъ крови, отъ кровавыхъ битвъ. Вѣроятно, римскій сенатъ, въ которомъ засѣдаютъ выжившіе изъ ума старцы, желаетъ превратить римлянъ въ воиновъ Ганнибала послѣ Капуи: римляне такъ изнѣжатся что вмѣсто мечей возьмутъ веретена и будутъ прясть.

— Какъ Геркулесъ у Омфалы,—добавилъ циникъ, запивая виномъ верблюжьи пятки.—А все таки хорошій обѣдъ это лучшая арена для человѣка.

Но Панса началъ успокоивать своихъ гостей обѣщаніемъ, что, несмотря на безжалостный законъ о зрѣлищахъ и травляхъ людей дикими звѣрями, онъ надѣется, что благородные инстинкты гражданъ Помпеи найдутъ удовлетвореніе въ зрѣлищѣ, которое онъ имъ готовитъ; что искомые преступники будутъ подысканы; что онъ уже напалъ на слѣдъ преступленія, и преступленія очень серьезнаго; что онъ слѣдитъ, при помощи своихъ агентовъ, за цѣлою группою людей, которая издѣвается надъ всѣми божескими и человѣческими законами...

— Клянусь Вулканомъ, это люди очень опасные,—говорилъ онъ,—они куютъ такіе ковы, что удивительно, какъ еще боги терпятъ ихъ на землѣ. Они, какъ дикіе звѣри, скрываются по пещерамъ, отрицаютъ нашихъ боговъ, не посѣщаютъ нашихъ храмовъ...

— Вѣчные боги!—воскликнула жена Діомеда.—Кто же они такіе, эти изверги?

— Это послѣдователи одной іудейской секты; но ихъ сами іудеи презираютъ,—отвѣчалъ Панса.

— Какая же эта секта?

— Послѣдователей этой секты сами іудеи называютъ «богоѣдами».

— Какъ «богоѣдами?»

— Да, благородная Сервилія, «богоѣдами»: говорятъ, будто бы они своего бога употребляютъ въ пищу.

— Какъ! Развѣ же можно мраморнаго или бронзоваго бога ѣсть!—изумилась почтенная матрона.

— Да, я самъ сомнѣваюсь,—покачалъ головою эдилъ:—но такъ донесли мнѣ мои агенты.

— Клянусь Юпитеромъ!—вмѣшался въ разговоръ Голконій Руфъ.—Я знаю, о какой сектѣ говоритъ благородный эдилъ. Я кое-что узналъ объ этомъ на мѣстѣ, въ самой Іудеѣ, когда я

находился тамъ вмѣстѣ съ войсками божественнаго Тита. Мнѣ передавали тамъ очень таинственную и глубоко трогательную исторію. Это было въ царствованіе божественнаго цезаря Августа, хотя конецъ этой таинственной драмы послѣдовалъ уже при его преемникѣ. Въ концѣ царствованія Тиверія появился въ Іудеѣ удивительный Человѣкъ, или, какъ его называли, «Богочеловѣкъ». Происхожденіе Его было таинственное. Родился Онъ, говорятъ, въ бѣдной семьѣ, но семья эта по прямой линіи происходила отъ древнихъ царей іудейскихъ. Называли даже бѣдное мѣстечко, гдѣ Онъ родился, но я позабылъ это названіе. Какъ Онъ росъ, гдѣ, что воспитало Его великій умъ, этого никто не зналъ, и до тридцатилѣтняго возраста никто въ Іудеѣ не слыхалъ о Немъ. Говорили послѣ, что передъ своимъ появленіемъ Онъ долго постился въ пустынѣ, готовясь къ великому подвигу къ проповѣди новой религіи. Наконецъ, Онъ явился и съ той минуты началась его проповѣдь.

— Въ чемъ же она состояла?—спросилъ Панса.

— Да сколько мнѣ помнится, Онъ такъ объяснялъ человѣческое счастье, или, какъ онъ выражался, блаженство, и я не могу не видѣть въ Его словахъ глубочайшей философіи, Онъ говорилъ: «блаженны нищіе духомъ, имъ принадлежитъ царство небесное; блаженны плачущіе, они утѣшатся; блаженны кроткіе, они наслѣдятъ землю»...

— Удивительно!—воскликнулъ циникъ.—Это ученіе побиваетъ всю римскую философію; но я вижу въ немъ глубокія истины.

— Но это не все,—продолжалъ Голконій Руфъ.—Онъ говорилъ: «блаженны алчущіе и жаждующіе»...

— О! Нѣтъ, нѣтъ!—протестовалъ циникъ-обжора: — Съ этимъ я не согласенъ.

— Да ты дослушай, благородный Поркъ,—улыбнулся Голконій Руфъ.—Онъ говорилъ: «блаженны алчущіе и жаждующіе правды, они насытятся».

— Ну, я и за правду не хочу голодать,—возражалъ циникъ,—правда и верблюжьи пятки или устрицы изъ Лукринскаго озера, кто жъ промѣняетъ такое добро на правду! Ну, а что еще?

— Онъ говорилъ еще,—продолжалъ Голконій Руфъ:—«блаженны милостивые, они будутъ помилованы; блаженны чистые

сердцемъ, они увидятъ Бога». Но всего поразительнѣе послѣднее въ Его удивительной доктринѣ. «Блаженны, говорилъ Онъ, изгнанные за правду, имъ принадлежитъ царство на небѣ; блаженны, если васъ поносятъ и изгонятъ и будутъ говорить о васъ злыя рѣчи, лгать на васъ ради Меня, т. е. ради Его ученія, радуйтесь, говорилъ Онъ, и веселитесь: вамъ готовится великая награда на небѣ».

Циникъ даже пересталъ ѣсть.

— Удивительно!—сказалъ онъ.—Да въ Его словахъ, клянусь Форнацидой, глубочашая мудрость!

— Ну, и что жъ дальше?—спросилъ Папса и, замѣтивъ, что Голконій Руфъ совсѣмъ забылъ о своей роли амфитріона-распорядителя, мигнулъ рабамъ, чтобъ они дополнили виномъ кубки гостей.

— Дальше?—спросилъ Голконій.—Этотъ удивительный Человѣкъ творилъ непостижимыя чудеса: слѣпымъ возвращалъ зрѣніе однимъ прикосновеніемъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, воскрешалъ умершихъ, ходилъ по морю, какъ по сушѣ; Ему повиновались стихіи... Народъ видѣлъ въ немъ Бога, и это погубило Его: іерусалимскіе жрецы обвинили Его въ томъ, будто Онъ называетъ себя царемъ, и намѣстникъ цезаря, Пилатъ, боясь гнѣва императора, отдалъ его въ руки жрецовъ, а жрецы распяли Его на крестѣ, между тѣмъ какъ жизнь Его была свята и чиста, жизнь праведника.

— Бѣдный!—тихо произнесла Либелла.

— Почему же послѣдователей Его ученія іудеи называютъ «богоѣдами»? — спросилъ циникъ, видимо, заинтересованный этою исторіею.

— А потому, что накапунѣ своей смерти Онъ ужиналъ со своими учениками и, передавая имъ хлѣбъ и вино, завѣщалъ поминать Его этимъ, говоря, что это Его тѣло и Его кровь, которую Онъ проливаетъ за спасеніе всего человѣчества,—закончилъ Голконій Руфъ трогательную исторію.—Но Онъ, говорятъ, воскресъ изъ гроба и вознесся на небеса. Съ той поры число послѣдователей Его ученія ростетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше, и мнѣ говорили въ Римѣ, что въ вѣчномъ городѣ ихъ насчитываютъ уже тысячи.

— О! Такъ это тѣ, которыхъ Неронъ превращалъ въ горя-

щіе факелы,—замѣтилъ Панса,—а мы ихъ будемъ травить моими великолѣпными львами.

— Браво!—подарила его Мальвія очаровательной улыбкой.

— Браво! Браво!—откликнулись оба «Аякса».

Обѣдъ, между тѣмъ, кончился, и матроны съ дочерями удалились въ гинекейонъ.

— А теперь, дорогіе гости, я угощу васъ лицезрѣніемъ божества,—сказалъ хозяинъ, проводивъ прекрасный полъ.—Какусъ! Живо!

Не отходившій отъ него ни на шагъ паразитъ тотчасъ прошелъ въ экседру, откуда былъ ходъ наверхъ. Въ то же время въ отверстіи въ потолкѣ надъ писциной показалось что-то вродѣ розоватаго облачка, которое, опускаясь ниже, какъ бы разсѣялось, и глазамъ зрителей представилась знакомая всѣмъ миѳическая группа: на розоватомъ облачкѣ полулежала въ извѣстной позѣ Леда съ лебедемъ... Леду изображала очаровательная бѣлокурая невольница, въ видѣ божества, задрапированная только лебедемъ, такимъ же бѣлоснѣжнымъ, какъ и все тѣло юной рабыни, еще почти совсѣмъ несформировавшейся дѣвочки...

Гости, казалось, окаменѣли отъ изумленія и восторга...

— Долой лебедя! Лебедя долой! Онъ только закрываетъ!—завопилъ преторіанецъ, бросаясь впередъ, чтобъ оттащить лебедя.

Достойный воинъ былъ совсѣмъ пьянъ. Леда забыла свою роль богини и разрыдалась.

XI.

Кратилла, проводивъ свою госпожу на званый обѣдъ къ эдилу, осталась въ ея комнатѣ, чтобъ привести ее въ порядокъ. А это было необходимо. Мальвія, которой Кратилла прислуживала за ея туалетомъ, была очень недовольна своей новой рабыней: то ей казалось, что юная гречанка неумѣлыми руками мнетъ легкія складки ея новенькой туники, то косо держитъ передъ ней изящное металлическое зеркало, то не тѣ браслеты подаетъ ей, то что вообще она неловка и неповоротлива. Не разъ даже она назвала ея дохлой и часто швыряла со злости

подаваемыя ей то тѣ, то другія принадлежности туалета. Кратилла сдерживала слезы и молчала.

Теперь, когда капризной госпожи уже не было дома, юной гречанкѣ предстояло все убрать и все поставить и положить на мѣсто. Она это и дѣлала молча, неслышно скользя по комнатѣ своими маленькими ножками, обутыми въ легкія сандаліи. По временамъ она въ печальной задумчивости останавливалась передъ изящной группой умирающиго гладіатора, которая находилась теперь въ комнатѣ ея молодой, своенравной госпожи. Кратилла знала, что этотъ говорящій, страдающій мраморъ— твореніе рукъ ея отца. Это она узнала только вчера, какъ тогда же узнала и то, что отецъ ея такъ недавно еще находился въ Помпеѣ, а, быть можетъ, и теперь еще здѣсь, гдѣ-нибудь близко. Думала ли она, рѣзвясь и распѣвая въ его мастерской, въ Мемфисѣ, что скоро потеряетъ и этого милаго, дорогого ей отца, и нѣжную мать и сама сдѣлается рабыней! О, еслибъ зналъ отецъ, что она въ Помпеѣ! Онъ навѣрное явился бы къ ней, чтобъ раздѣлить ея грустную участь.

Кратилла припала головой къ холодному мрамору статуэтки и безутѣшно плакала. За слезами она не слышала и не видѣла, какъ какая-то тѣнь заслонила свѣтъ, проникавшій въ хорошенькую комнатку Мальвіи, съ крытой галлереей, выходившей на внутренній садъ виллы Діомеда и на море. А тѣнь эту сдѣлала стройная, атлетическая фигура старшаго сына Діомеда. Онъ случайно проходилъ по галлереѣ и замѣтилъ плачущую дѣвушку. Тихо подойдя къ ней, Квинтъ нѣжно положилъ руку на голову плачущей. Кратилла вздрогнула и оглянулась.

— Не бойся, бѣдное дитя,—ласково сказалъ молодой стоикъ.—Я не хотѣлъ испугать тебя, прости меня.

— О, добрый господинъ!—прошептала дѣвушка, закрывая лицо ладонями.

— Не называй меня господиномъ, милая дѣвочка, зови просто Квинтомъ,—говорилъ молодой стоикъ.—О чемъ ты плачешь, бѣдная? Можетъ быть, тебя обидѣла сестра?

Говоря это, онъ гладилъ ея золотистую головку.

— Да? Сестра была груба съ тобой?

— О, нѣтъ, добрый...—Она не договорила и еще больше расплакалась.

— О чемъ же, бѣдная?

— Мой отецъ! Мой бѣдный отецъ! Онъ былъ здѣсь, это его гладіаторъ.

— Да, да!—быстро заговорилъ Квинтъ.—Я вчера слышалъ объ этомъ. Ты увѣрена, что это его работа?

— Его! Его, добрый гос... добрый Квинтъ!—горячо сказала дѣвушка.

— Ты говоришь, что его имя Зено?

— Да, вотъ оно здѣсь и вырѣзано имъ: Zeno fecit.—И Кратилла поцѣловала дорогое ей имя.

— И это онъ работалъ въ скульптурной мастерской Руфуса?—продолжалъ спрашивать Квинтъ.

— Да, самъ Руфусъ вчера говорилъ это.

— Какъ же онъ попалъ къ нему въ мастерскую?

— Руфусъ купилъ его прямо съ корабля, здѣсь, въ Помпеѣ.

— А гдѣ жъ онъ теперь?

— Не знаю... никто не знаетъ... Четвертый день, какъ онъ скрылся изъ мастерской.

Квинтъ молчалъ и что-то обдумывалъ.

— Ты хорошо его помнишь?—спросилъ онъ потомъ.

— О, помню! Какъ мнѣ его не помнить!

— Постой, бѣдное дитя, успокойся. У него бѣлая, сѣдая голова?

— Да, бѣлая, какъ серебро, какъ паросскій мраморъ.

— А борода большая?

— Большая, какъ у Юпитера Фидія.

— Золотистая, какъ твоя головка?

— Да, точно моя коса...

Кратилла вдругъ встрепенулась. Въ глазахъ ея на минуту вспыхнула радость.

— Откуда ты это знаешь?—заговорила она быстро.—Ты видѣлъ его?.. Ахъ, великая Изида! Ты это узналъ отъ Руфуса!—печально договорила она.

— Постой, не волнуйся, бѣдная... Я самъ его, кажется, видѣлъ...

— Видѣлъ! О, боги! Гдѣ? Когда? Говори, мой господинъ!

И дѣвушка схватила его руку и припала къ ней губами... «Гдѣ? Когда? Мой добрый... Квинтъ!»

— Нѣтъ, не цѣлуй мои руки, бѣдное дитя! Я долженъ цѣловать твои чистыя, дѣтскія ручки.

И Квинтъ нѣжно прижалъ къ своимъ губамъ ея тонкіе, холодные пальчики и такъ же нѣжно поцѣловалъ въ голову.

Ни Квинтъ, ни Кратилла не замѣтили, какъ въ этотъ моментъ по галлереѣ проскользнула еще какая-то тѣнь. Это была женщина. Она на мгновенье остановилась противъ двери, ведущей въ комнату Мальвіи, увидѣла, какъ Квинтъ поцѣловалъ у гречанки руку и золотистую головку, и, прошептавъ съ затаенной злобой: «А! Такъ вотъ онъ какой! А она? О, боги!»—исчезла въ другомъ концѣ галлереи.

— Именемъ боговъ заклинаю тебя, мой господинъ. Скажи, гдѣ ты видѣлъ моего отца?—умоляла Кратилла, не выпуская руки Квинта изъ своихъ рукъ.

— Это не моя тайна, дитя, не могу тебѣ открыть ее,—отвѣчалъ Квинтъ.

— Но вѣдь я его дочь! Его тайна, моя тайна! Съ его тайной въ груди я умру, но не выдамъ.

— Я вѣрю, дитя мое; но я долженъ его спросить; я долженъ узнать еще, дѣйствительно ли онъ отецъ твой и желаетъ ли, чтобъ ты открыла его убѣжище.

— А ты его убѣжище знаешь?

— Нѣтъ, я только видѣлъ его.

— Гдѣ жъ это было и когда?

— Гдѣ, я не смѣю сказать тебѣ, бѣдное дитя; но я видѣлъ его не далѣе, какъ нынѣшней ночью.

— Такъ недавно! О, боги! Великая Изида!—прошептала дѣвушка, припадая къ рукѣ молодого стоика.—Поведи меня къ нему, о, Квинтъ!

— Не могу, дитя. Я прежде долженъ спросить его.

— А когда ты спросишь?

— Я самъ не знаю, милая Кратилла: вѣдь мнѣ неизвѣстно его убѣжище.

— Кто же знаетъ, гдѣ онъ, кто?

Квинтъ вспомнилъ, что Кардо и Кардита должны знать его убѣжище, потому что нынѣшнею ночь Зено долженъ былъ провести въ ихъ хижинѣ: онъ это слышалъ, когда съ братомъ возвращался изъ таинственной пещеры.

— Хорошо, я узнаю,—сказалъ онъ, наклоняясь и цѣлуя дѣвушку въ голову.—Только успокойся, дитя.

Онъ повернулся, чтобъ выйти, какъ тотчасъ же лицомъ къ

 (Кп. 13.)

лицу встрѣтился съ той женщиной, что за нѣсколько минутъ передъ этимъ проскользнула по галлереѣ.

— А это ты, Синистра?—сказалъ Квинтъ, видимо недовольный появленіемъ этой женщины.

— Я, господинъ... Прости... Я, кажется, помѣшала вамъ,—отвѣчала та, которую назвали Синистрой.

— Нѣтъ, ты ничему не помѣшала; а скорѣе помоги Кратиллѣ привести въ порядокъ комнату сестры. Кратилла, конечно, не знаетъ ея привычекъ.

Вошедшая была одна изъ рабынь Діомеда, пользовавшаяся особымъ расположеніемъ главы дома. Это была молодая, красивая, очень смуглая самнитянка, наперсница Мальвіи. Она была главною виновницей той крутой перемѣны въ характерѣ и въ поведеніи своей молодой госпожи, которая окончательно оттолкнула отъ Мальвіи какъ ея братьевъ, такъ и юнаго Плинія. Испорченная и развращенная съ дѣтства среди нищеты и разврата въ семьѣ своей пріемной матери, рыбачки Люпанаріи, хитрая и вкрадчивая, она, будучи куплена Діомедомъ для ухода за подроставшей Мальвіей въ качествѣ рабыни, скоро влила ядъ своей отравы и въ неиспорченную еще душу своей юной госпожи. Она овладѣла этой душой съ помощью коварства и лести, и скоро Мальвія на все стала смотрѣть глазами Синистры. Какъ Синистра не признавала никакихъ нравственныхъ обязательствъ, считая ихъ рабскими оковами, такъ и Мальвіи они скоро стали представляться такими же оковами. Но она была развитѣе своей испорченной рабыни и потому пошла по этому направленію еще дальше: честь, состраданіе, великодушіе, самоотверженіе, память сдѣланнаго ей добра, благодарность—все это стало казаться ей рабскими оковами для души свободной гражданки, гордой дочери богатаго Діомеда. Все это было результатомъ нравственнаго воздѣйствія на нее Синистры.

Въ одномъ только пунктѣ своихъ стремленій лукавая самнитянка потерпѣла полное пораженіе. Завладѣвъ душою стараго Діомеда, подобно тому, какъ прежде, еще дѣвчонкой, она, точно сирена, очаровывала всѣхъ помпейскихъ и геркуланумскихъ рыбаковъ и матросовъ, Синистра надѣялась очаровать своими прелестями и Квинта, атлетическія формы котораго напоминали ей могучаго бога моряковъ и матросовъ и не давали ей спать;

но она жестоко ошиблась. Квинтъ холодно, но мягко отклонилъ отъ себя ея заискиванья, ея ласки. Оскорби онъ ее, она бы не такъ страдала; грубость его дала бы ей въ руки оружіе, злобу, досаду... Но онъ даже не оттолкнулъ ея, онъ мягко уклонился.

Вотъ почему, когда она увидѣла Квинта нѣжно склонившимся надъ золотистой головкой Кратиллы, когда онъ съ такой отеческой лаской цѣловалъ руки этой дѣвчонки, въ Синистрѣ пробудилось страстное желаніе погубить юную гречанку. Рѣшеніе это созрѣло въ душѣ ея быстро и безповоротно, этого требовалъ ея пламенный темпераментъ самнитянки, дочери Везувія.

Проходя по галлереѣ, Синистра уловила частицу разговора Квинта съ Кратиллой. Они говорили объ отцѣ гречанки. Спрятавшись потомъ за ближайшей колонной, лукавая самнитянка подслушала и окончаніе ихъ разговора. Квинтъ обѣщалъ гречанкѣ найти ея отца. Надо выслѣдить его, это, быть можетъ, облегчитъ ей выполненіе коварнаго плана. Надо слѣдить за нею и за Квинтомъ.

— Я охотно помогу неопытной дѣвочкѣ привести въ порядокъ комнату нашей доброй госпожи, да хранятъ ее боги!—покорно отвѣчала Синистра, когда Квинтъ просилъ ее помочь Кратиллѣ.—Я и вчера, и сегодня показывала ей, какъ что дѣлать. Сегодня я не отходила отъ нея, когда она служила божественной Мальвіи при ея туалетѣ.

— Хорошо, Синистра, я буду тебѣ очень благодаренъ,—сказалъ Квинтъ, оставляя въ комнатѣ сестры и Синистру, и Кратиллу.

— Кажется, все въ порядкѣ,—сказала первая изъ нихъ, оглядывая комнату по уходѣ Квинта.

— Если что не такъ, добрая Синистра, то научи меня,—кротко сказала Кратилла.

— Нѣтъ, все на мѣстѣ, и ты теперь можешь отдохнуть, пока госпожа въ гостяхъ,—заключила самнитянка.

Кратилла вышла, съ любовью взглянувъ на группу умирающаго гладіатора.

Скоро Синистра вышла изъ комнаты Мальвіи и направилась въ садъ. Она, повидимому, искала Квинта. Постоявъ нѣсколько секундъ подъ старой дуплястой маслиной, она пришла въ домъ и оттуда увидѣла, какъ Квинтъ прошелъ черезъ віа

Домиціана и скрылся за группами темныхъ кипарисовъ, осѣнявшихъ памятники и колюмбаріи помпейскаго кладбища. Онъ, видимо, направлялся въ гору, къ Везувію. Его фригійскій красный колпакъ нѣсколько разъ мелькалъ между виноградниками и рощами на горѣ смоковничьими деревьями.

Синистра наскоро накинула, сверхъ туники, плащъ и покрывало и также вышла изъ дому. Только она пошла не вслѣдъ за Квинтомъ, а лѣвѣе, нѣсколько въ сторону. Но она, видимо, не спускала глазъ съ фригійскаго колпака, по временамъ мелькавшаго то изъ-за ствола пиніи, то изъ-за безобразныхъ колючихъ листьевъ кактусовъ и агавъ.

— Куда онъ идетъ?—невольно шептала она, теряясь въ догадкахъ.

Ей вдругъ пришла въ голову мысль, которая сразу ошеломила ее.

— А если онъ зналъ ее прежде?—шептали ея побѣлѣвшія отъ волненія губы.—Великіе боги! Непремѣнно зналъ! Вѣдь онъ же знаетъ ея отца. Онъ, конечно, и настроилъ дуру-сестру и стараго мула-отца купить этого рыжеволосаго змѣеныша. Недаромъ они такъ сладко сегодня цѣловались. А вчера! Развѣ не срамъ? Сынъ Діомеда черезъ весь городъ пронесъ этого мраморнаго раба, чтобъ только облегчить эту дѣвчонку! Клянусь фуріями, это все задумано раньше, можетъ быть, даже въ Римѣ, откуда онъ воротился такимъ недотрогой. Ну, да вотъ посмотримъ, что онъ скажетъ завтра. Завтра, клянусь Немезидами, мой праздникъ, праздникъ Немезидъ!

XII.

На другой день Мальвія проснулась очень поздно. Съ вечера она долго не спала, потому что сначала разсказывала своей наперсницѣ, Синистрѣ, о томъ, какой былъ обѣдъ у эдила, что все это дѣлалъ онъ для нея, что для нея выписалъ откуда-то изъ Скиѳіи соловьиныхъ языковъ и верблюжьихъ пятокъ и почти весь обѣдъ не отходилъ отъ нея; что всѣ мужчины наперерывъ старались ей угождать: и почтенный Голконій Руфъ, и Маркъ Лукреций; что пріѣхавшій изъ Рима преторіанецъ, любимецъ императора, просто былъ безъ ума отъ нея, а Флаккъ и Маркъ Туллій бѣсились все время, потому что она не обра-

щала на нихъ вниманія; что даже циникъ Авлъ Поркъ былъ въ восторгѣ отъ нея и назвалъ ее нимфой Эгеріей; но что Либелла была совсѣмъ-совсѣмъ нехороша и очень дурно одѣта. Потомъ, когда она кончила свой хвастливый разсказъ и улеглась въ постель, Синистра сѣла у нея въ ногахъ и таинственно повѣдала своей молоденькой госпожѣ, какъ она застала въ ея комнатѣ Квинта и эту хитрую притворщицу, тихоню, рыжую гречанку, Кратиллу; какъ она безъ всякаго стыда кидалась на шею молодому господину, и какъ самъ молодой господинъ цѣловалъ и ее, и ея руки, и даже, боги свидѣтели! снималъ съ нея сандаліи и цѣловалъ ея голыя ноги, потомъ посадилъ ее на постель, а она, Синистра, со стыда убѣжала... Что они дѣлали потомъ, она не знаетъ...

Наслушавшись этихъ разсказовъ, Мальвія уснула не скоро, но за то видѣла восхитительные сны. То видѣла она себя женой преторіанца, Кнея Авидія, и сидѣла вмѣстѣ съ нимъ въ Циркусъ-Максимусѣ, въ Римѣ, рядомъ съ ложею императора, и божественный императоръ все время любовался прекрасною Мальвіей; то видѣла она себя женой эдила Пансы и ѣла у него, великіе боги! ѣла соловьиные языки и верблюжьи пятки; то была, наконецъ, женою Голконія Руфа, а молодой Плиній, который теперь не хочетъ смотрѣть на нее, плакалъ съ отчаянія.

Когда же она, наконецъ, утромъ проснулась, то Синистра, перепуганная и блѣдная, со слезами объявила ей, что у нихъ въ домѣ несчастье: та драгоцѣнная золотая діадема съ алмазами и изумрудами и великолѣпное жемчужное ожерелье, которыя божественная императрица Ливія Друзилла пожаловала Діомеду для его будущей невѣсты и которыя хранились въ нишѣ, въ комнатѣ Мальвіи, въ потайномъ ящикѣ изъ слоновой кости, кѣмъ-то украдены! Она пояснила при этомъ, что вчера въ этой комнатѣ, кромѣ нея, Синистры, да молодого господина Квинта и молоденькой гречанки Кратиллы, никого не было!

Это извѣстіе не могло не поразить Мальвіи. Драгоцѣнная діадема и ожерелье Ливіи Друзиллы считались семейною святыней Діомедовъ. Надо было по горячимъ слѣдамъ искать пропажу, но такъ, чтобы никто въ домѣ не зналъ объ этомъ, особенно отецъ Мальвіи, для котораго святыня эта составляла гордость всей его жизни.

Кромѣ Кратиллы, некому было украсть этой драгоцѣнности.

Эта же молоденькая гречанка, при ея скромной наружности, оказывается такою лукавою притворщицею и развратною дѣвчонкой.

Мальвія тотчасъ же велѣла позвать ее. На лицѣ Кратиллы свѣтилась тихая радость, когда она вошла въ комнату своей госпожи. Ей дали надежду, что она найдетъ своего отца.

— Ты вчера была одна въ этой комнатѣ?—спросила ее Мальвія.

— Была: когда госпожа отправилась на обѣдъ къ эдилу, я оставалась въ этой комнатѣ,—отвѣчала юная рабыня, не предвидя никакой грозы.

— Что ты дѣлала?

— Убирала, госпожа, какъ мнѣ было приказано.

— А еще что дѣлала?

Кратилла молчала. По тону голоса молодой госпожи, она стала что-то подозрѣвать, и краска разомъ залила ея хорошенькія щечки.

— Кто же еще тутъ былъ?—допытывалась Мальвія.

— Молодой господинъ входилъ сюда.

— Что жъ вы тутъ дѣлали?

Смущеніе все больше и больше овладѣвало молоденькой рабыней. Она нервно теребила свою длинную бѣлую тунику, въ которой она была похожа на хорошенькую статуэтку, завернутую въ простыню.

— Ну, говори же, негодная!

— Дѣвочка вдругъ заплакала, уткнувъ личико въ складки туники.

— Я спросила господина о своемъ отцѣ, добрая госпожа,—всхлипывала она.

— Ну, хорошо... Это не мое дѣло, что у васъ тутъ было... Ты рабыня, а онъ господинъ... Но ты ничего не брала изъ этой комнаты?

— Я ничего не брала.

— Лжешь, негодная тварь! Говори!—настаивала Мальвія.

— О, госпожа, я ничего не брала.

— Ничего? А куда дѣвались діадема и ожерелье, которыя я вчера при тебѣ примѣривала, а потомъ положила вонъ въ ту нишу, въ ящикъ изъ слоновой кости, не знаешь?

— Не знаю, госпожа... О, великая Изида! Пощади меня, защити!—молилась несчастная.

— А, змѣенышъ, не защититъ тебя и великая Изида! — злымъ шопотомъ говорила разъяренная дочь Діомеда.—Подай сюда хлыстъ, Синистра! Бичъ подай скорѣй.

Бѣдная рабыня упала на колѣни. «О, боги! Отецъ мой! Мама моя! Сжальтесь, боги!»

Мальвія взмахнула бичемъ, но въ этотъ моментъ атлетическая фигура ея старшаго брата заслонила собой трепещущую дѣвочку.

— Не смѣй трогать ее, сестра!—тихо, но твердо сказалъ Квинтъ.

— Она моя раба!—дерзко отвѣчала Мальвія. — Я могу убить ее, какъ собаку! Она воровка.

— Неправда, благородная госпожа!—раздался вдругъ чей-то голосъ.—Кратилла, маленькая гречанка, невинна.

Въ дверяхъ стоялъ старый привратникъ дома Діомеда, Канисъ, служившій Діомеду еще въ Римѣ, когда тотъ былъ только либертиномъ. Изъ-за него выглядывала огромная собака, добродушно махая лохматымъ хвостомъ.

— Извини, благородная госпожа,—сказалъ старикъ, почтительно цѣлуя край туники у Мальвіи,—моя собака укажетъ вора.

Собака смѣло вошла въ комнату и ткнула мордой въ руку Квинта, потомъ быстро лизнула руку Мальвіи. Квинтъ поднялъ трепещущую Кратиллу.

— Такъ ты знаешь, кто укралъ діадему и ожерелье?—спросила Мальвія привратника.

— Я не знаю, благородная госпожа,—отвѣчалъ старикъ,— вѣчные боги не дали мнѣ этого дара: они дали мнѣ одну способность—различать добрыхъ людей и злыхъ. Но собакѣ, взамѣнъ нашей рѣчи и ума, боги дали даръ, которымъ мы не обладаемъ; мой Миносъ укажетъ тебѣ вора.

Квинтъ молча гладилъ косматую шерсть собаки.

— Пусть укажетъ,—сказала, наконецъ, Мальвія послѣ нѣкоторой борьбы.

Канисъ, обратясь къ собакѣ, торжественно сказалъ:

— Миносъ, судья и гонитель злыхъ, ты знаешь вора діадемы и ожерелья?

Собака радостно залаяла ему въ лицо, какъ бы говоря: «Мнѣ ли не знать? Ты же научилъ меня».

— Ну, говори, гдѣ же воръ?—продолжалъ старикъ.—Вотъ эта?—Онъ показалъ на Кратиллу.

Собака подошла къ плачущей дѣвушкѣ, ласково завиляла хвостомъ и ткнулась мордой въ ея колѣни, а потомъ поднялась на заднія лапы, чтобъ лизнуть ее въ лицо. Кратила съ испугомъ отстранилась.

— Это воръ, Миносъ?—спросилъ старикъ.

Собака опять радостно залаяла, какъ бы желая сказать: «Что ты, старина, морочишь ихъ даромъ? Зачѣмъ изъ меня шута дѣлаешь?»

— Такъ гдѣ же воръ? Вотъ эта?—И старикъ указалъ на Синистру.

Собака злобно зарычала, оскаливъ на перепуганную самнитянку страшные зубы.

— А! Эта? Такъ докажи.

Собака съ рычаньемъ схватила Синистру за тунику. Та взвизгнула и попятилась.

— А! Хочешь доказать, Минось? Ну, доказывай,—продолжалъ старикъ.

Песъ упрямо тащилъ свою жертву изъ комнаты на галлерею. Синистра упиралась.

— Не упирайся, иди, иди!—настаивалъ старикъ:—иди, говорятъ тебѣ, а то онъ и за лытки потащитъ тебя, иди за нимъ.

Синистра повиновалась въ суевѣрномъ страхѣ. Она повѣрила въ сверхъестественное вѣдѣніе животнаго, посвященнаго адскимъ богамъ въ образѣ Цербера. Она шла за собакой.

— Надо и намъ итти,—сказалъ Канисъ.

Странная процессія двинулась. Впереди собака, влекущая свою трепетную жертву изъ галлереи по ступенькамъ внизъ. Вслѣдъ за ними Мальвія и Квинтъ, потомъ Канисъ. Кратилла замыкала шествіе.

Спустясь въ садъ, собака повела свою жертву мимо писцины и виноградной бесѣдки, въ которой когда-то Мальвія такъ часто укрывалась отъ нескромныхъ взоровъ съ юнымъ Пливіемъ и расточала ему такія жаркія ласки и клятвы, и подвела, наконецъ, въ самомъ отдаленномъ углу, къ старому дуплястому оливковому дереву. Здѣсь она остановилась и выпустила изъ пасти

тунику Синистры. Та стояла блѣдная, съ судорожно исказившимся лицомъ. Всѣ ждали, что будетъ дальше.

— Ну, доказывай же, Миносъ! Покажи, гдѣ діадема и ожерелье,—снова обратился привратникъ къ своей собакѣ.

Миносъ сталъ на заднія лапы, вздымался на стволъ дерева и царапалъ его когтями.

— Ну, гдѣ же? Тамъ? Говори!

Собака срывалась съ дерева и радостно лаяла на старика, махая хвостомъ.

— Тутъ? На деревѣ? Или подъ деревомъ?

Недоумѣвающій песъ опять вздымался на дерево, обрывался съ него, падалъ, грызъ зубами.

— Ну, гдѣ же, каналья! Что не говоришь?—дразнилъ его старикъ.

Песъ уже неистово лаялъ въ лицо своему мучителю. Онъ видимо хотѣлъ сказать: «Ты что ломаешься, старый чортъ! Самъ хорошо знаешь, что здѣсь: самъ же мнѣ показывалъ дупло и морду мою тюкалъ туда, заставлялъ нюхать, а теперь ломаешься, старая лисица!»

Тогда Квинтъ подошелъ къ дереву и на высотѣ двухъ аршинъ отъ земли замѣтилъ дупло, въ которое могла свободно пролѣзть рука. Онъ вложилъ туда руку.

— Здѣсь!—сказалъ онъ и вытащилъ оттуда шелковый розовый платокъ, въ которомъ было что-то завязано.

Онъ осторожно развязалъ платокъ. Собака первая ткнулась туда носомъ и радостно запрыгала.

Въ платкѣ всѣ увидѣли діадему и ожерелье. Драгоцѣнныя вещи такъ и горѣли на солнцѣ. Всѣ посмотрѣли на Синистру.

— Это не я!—сказала она дерзко.—Это она спрятала, а можетъ быть, самъ старый чортъ!

Но Квинтъ осторожно развернулъ платокъ и поднесъ къ глазамъ. На платкѣ оказалась надпись, вышитая золотомъ.

— Тутъ что-то вышито,—сказалъ онъ и прочелъ вслухъ: Sinistra—amico animae, Barcae gladiatori. А! «Синистра—другу души, Баркѣ гладіатору». Прекрасно! Какой дорогой подарокъ.

Синистра упала на землю и билась въ конвульсіяхъ.

— А у нея не дуренъ вкусъ! — иронически замѣтилъ Квинтъ,—Барка гигантъ и красавецъ.

— А все же не стоитъ такого подарка,—проворчалъ Канисъ.

Мальвія стояла растерянная, глядя то на драгоцѣнности, то на платокъ съ предательскою надписью... Барка! Она сама недавно заглядывалась на этого гиганта, когда встрѣтила его на форумѣ... Такъ богатырски сложенъ! Какіе мускулы, икры! И вдругъ, Синистра, ея рабыня—ея соперница! И, быть можетъ, давно предпочтенная...

Кратилла припала къ лохматой шеѣ собаки, обнимала и цѣловала ее.

— Поняла ты теперь свою несправедливость?—обратился Квинтъ къ сестрѣ.

— Поняла и тебя,—глухо отвѣтила Мальвія.

XIII.

— Ты гдѣ это пропадалъ?—спросилъ Квинтъ своего брата, когда тотъ вернулся откуда-то часа черезъ три послѣ описаннаго выше происшествія.

— Я былъ въ Мизенѣ,—отвѣчалъ Курцій.

— У Плиніевъ?

— Да. Меня безпокоило то непостижимое явленіе, котораго мы были свидѣтелями третьяго дня въ пещерѣ на Везувіѣ, и я ѣздилъ въ Мизенъ поговорить объ этомъ съ Плиніемъ: у меня не выходило изъ головы, что это работа Вулкана. Что онъ замышляетъ!

— Вздоръ какой! Ты все еще вѣришь, кажется, бабьимъ разсказнямъ, что подъ горой сидитъ какой-то страшный старикъ-кузнецъ и колотитъ своимъ молотомъ,—съ презрѣніемъ сказалъ Квинтъ.—Пора бы тебѣ отказаться отъ этихъ бредней.

— Да дѣло не въ названіи, братъ,—кротко замѣтилъ Курцій.—Вулканъ ли тамъ куралеситъ, или Нептунъ, это все равно; но я хочу постигнуть тайну природы.

— Что жъ, постигнулъ?

— Старикъ Плиній говоритъ, что онъ самъ ожидаетъ чего-то: что-то готовится подъ землею. Онъ говоритъ, что и на форумѣ Вулкана въ послѣдне время что-то непокойно. Онъ прислушивается, изучаетъ и хочетъ поговорить еще объ этомъ съ жре-

цами Сераписа: они хранятъ какую-то тайну, у нихъ есть сношенія съ Эребомъ и подземными силами.

— Да! Они морочатъ такихъ же довѣрчивыхъ, какъ и ты,— замѣтилъ Квинтъ.

— Можетъ быть,—согласился болѣе податливый младшій братъ.—А все же мы на дняхъ всѣ отправляемся на форумъ Вулкана и къ жрецамъ Сераписа.

— Кто это всѣ?

— Плиній со своимъ другомъ Агриппой, да мы съ Плиніемъ Младшимъ.

— Кстати: отчего онъ пересталъ бывать у насъ?

—Не знаю. Вообще онъ сталъ какой-то странный: что съ нимъ, не постигаю. Да вотъ что: у меня есть порученіе отъ Плинія Старшаго.

— Какое порученіе?

— Онъ заинтересованъ судьбою нашей новой рабыни, Кратиллы. Говоритъ, что онъ обѣщалъ этой дѣвочкѣ разыскать ея родителей. Отъ имени сената и народа римскаго онъ намѣренъ разослать мандаты по всѣмъ невольничьимъ рынкамъ о розыскѣ отца и матери Кратиллы. А для этого ему необходимо знать ихъ точныя примѣты, чтобъ прописать ихъ въ мандатахъ. Все это надо узнать отъ самой Кратиллы.

— Ну, относительно отца ея,—замѣтилъ Квинтъ,—я почти увѣренъ, что мы нашли его.

— Это тамъ, въ пещерѣ Циклоповъ?

— Да. Это, безъ всякаго сомнѣнія, онъ. Но только вѣдь онъ бѣглецъ, бѣглый рабъ, значитъ, преступникъ. И потому надо, чтобъ сама власть приняла его подъ покровительство, а иначе нашъ прелестный эдилъ Кустусъ Папса не задумается бросить его въ пасть льва.

— Это правда. Его долженъ защитить самъ Плиній.

И братья тотчасъ же порѣшили призвать Кратиллу и записать отъ нея примѣты отца и матери.

Курцій взялъ со стола навощенныя дощечки и стиль, и братья вышли въ садъ. Тамъ они усѣлись недалеко отъ писцины у мраморнаго круглаго столика, поддерживаемаго тремя бронзовыми каріатидами, и велѣли одному рабу позвать къ себѣ Кратиллу.

Юная рабыня подошла робко, все еще подъ впечатлѣніемъ

недавнихъ тяжелыхъ сценъ; но, взглянувъ на молодыхъ господъ, смотрѣвшихъ на нее ласково, скоро оправилась.

— Вотъ что, милая Кратилла,—началъ Курцій и, желая ободрить дѣвушку, погладилъ ея шелковистую головку.—Ты помнишь, какъ отецъ нашъ и сестра покупали тебя на рынкѣ?

— Помню,—отвѣчала рабыня и тотчасъ же покраснѣла при воспоминаніи о томъ, какъ какіе-то нахалы сорвали съ нея покрывало въ виду всей толпы.

— А помнишь, тамъ былъ тогда одинъ патрицій, тучный такой господинъ съ матросами?

— Да... Такой добрый, ласковый.

— Это нашъ навмархъ, знаменитый Плиній. Онъ обѣщалъ тебѣ тогда постараться разыскать твоихъ родителей.

— Да, онъ былъ такъ великодушенъ, обѣщалъ.

— Такъ вотъ что, милая Кратилла: онъ долженъ знать точныя примѣты твоихъ родителей, а потому просилъ меня записать ихъ съ твоихъ словъ. Ты, конечно, хорошо помнишь ихъ?

— Великая Изида! Мнѣ ли не помнить! Отецъ такой красавецъ, настоящій Мелеагръ, только борода больше. А у мамы глаза голубые, какъ васильки, и коса такая роскошная, какъ у Юноны.

Квинтъ добродушно улыбнулся.

— Примѣты отца намъ, кажется, извѣстны, — сказалъ онъ.—Ему лѣтъ пятьдесятъ будетъ?

— Да, за пятьдесятъ, онъ самъ говорилъ,—отвѣчала Кратилла.

— Зено, уроженецъ острова Книда, жилъ въ Мемфисѣ? Да?

— Да, у него въ Мемфисѣ мастерская, онъ скульпторъ.

— И взятъ на морѣ пиратами въ прошломъ году?

Дѣвушка все подтвердила, добавивъ нѣкоторыя подробности.

— Такъ вотъ и запиши все обстоятельнѣе,—сказалъ Квинтъ брату.—Не забудь главной примѣты: бѣлая, какъ мраморъ, голова и огненная съ просѣдью борода. А мама?—спросилъ онъ Кратиллу.—Ей лѣтъ за сорокъ будетъ?

— О, нѣтъ! Она молоденькая. Она родила меня, когда ей было четырнадцать лѣтъ, а мнѣ теперь тринадцать: значитъ, ей двадцать семь лѣтъ,—торопливо говорила Кратилла.

— А имя ея?

— Аспазія... Она родилась въ Александріи, въ Канопусѣ. Волосы у нея черные, а ростомъ мы одинаковы.

— А нѣтъ ли особыхъ примѣтъ?—спросилъ Курцій, торопливо работая стилемъ.—Женскія примѣты вообще не такъ рѣзки, какъ мужскія. Ее могутъ не выдать по этимъ общимъ примѣтамъ, особенно, если она красива. Такими рабынями дорожатъ, особенно на Востокѣ. А нѣтъ ли у нея, милая дѣвочка, особой какой примѣты—на лицѣ, на шеѣ, на рукахъ или вообще на тѣлѣ? Не помнишь?

Дѣвушка потупилась въ нерѣшительности.

— Ну, что же, милая?—допрашивалъ Курцій.—Говори, не стѣсняйся.

— Да... Есть одна примѣта... Я помню ее съ дѣтства... на груди...

— Ну, догаваривай же, на груди...

— Да... въ серединѣ... между...

Дѣвушка опять остановилась. Курцій взглянулъ на брата. Тотъ пожалъ плечами.

— Ну, милая дѣвочка, не надо, если тебя это стѣсняетъ,—ласково сказалъ Квинтъ,—довольно, можетъ быть, и такъ ее отыщутъ.

— Нѣтъ!.. Вотъ! — И Кратилла, какъ бы въ порывѣ отчаянья, вся смущенная, распахнула воротъ туники, обнаживъ бѣлую дѣвственную грудь.—Вотъ... здѣсь... это розовое пятнышко и у мамы...

Дѣйствительно, посрединѣ груди, между не вполнѣ сформировавшимися сосцами, Курцій увидѣлъ розовое пятнышко въ видѣ мушки.

— Спасибо, милая, закройся, довольно,—сказалъ онъ,—это очень важная примѣта.

Кратилла, окончательно смущенная, дрожащими пальцами застегивала воротъ туники и запахивалась. Потомъ, нѣсколько успокоившись, спросила Квинта:

— Мнѣ больше говорить нечего?

— Кажется, нечего. Но ты теперь успокоилась ужъ послѣ того, что съ тобой сдѣлала Синистра?

— А что она съ ней сдѣлала?—спросилъ Курцій.

— Да она чуть ея не погубила.

И Квинтъ разсказалъ брату исторію съ діадемой и ожерельемъ.

— Боги! Какая злая гадина!—воскликнулъ Курцій, когда братъ кончилъ.—А что жъ теперь съ ней?

— Теперь она изворачивается. Она сказала отцу, а отецъ ей вѣритъ вполнѣ, что она и не думала воровать драгоцѣнности, а что она сдѣлала это будто бы изъ боязни, изъ ревности. Она испугалась, будто бы, что Кратилла, войдя ко всѣмъ въ милость и очаровавъ Мальвію, отдалитъ отъ всѣхъ ее, Синистру, и совершенно вытѣснитъ ее изъ дому. А она, будто бы, такъ привязана къ Мальвіи, что готова лучше умереть, чѣмъ потерять ея расположеніе. Вслѣдствіе этого она, будто бы, и прибѣгла къ хитрости, лишь бы только вытѣснить Кратиллу. Она потому и спрятала діадему и ожерелье, чтобъ набросить тѣнь на Кратиллу, чтобъ всѣ подумали, что она украла драгоцѣнности. А когда она такимъ образомъ избавилась бы отъ соперницы, то сама бы возвратила припрятанныя драгоцѣнности, сказавъ, что нашла ихъ въ дуплѣ маслины, куда онѣ спрятаны, будто бы, были Кратиллой. Вотъ какая махинація! Но, благодаря случайности, вся эта интрига разоблачилась: не замѣть Канисъ, какъ воровка прятала вещи въ дупло, бѣдная Кратилла была бы ею погублена.

— Да это ужасная исторія!—покачалъ головою Курцій, сочувственно глядя на Кратиллу.—Бѣдная дѣвочка!

XIV.

На другой день утромъ изъ Мизенскаго порта выплыла извѣстная уже намъ красивая лодка Плинія. Въ ней находились оба Плинія, Агриппа и оба молодые Діомеды. У руля сидѣлъ новый кормчій: это былъ скиѳъ, оказавшійся опытнымъ морякомъ. Онъ уже одѣтъ былъ въ матросское платье и казался одѣтымъ въ человѣческій костюмъ медвѣдемъ.

Утро было ясное, теплое, хотя по небу и ходили бѣлыя облачка. Юго-западный вѣтерокъ благопріятствовалъ ходу барки, надувая косой парусъ, и потому наши путники очень скоро вступили на берегъ въ Путеоли.

Они прошли прямо къ храму Сераписа. Великолѣпное зданіе это составляло продолговатый четыреугольникъ, длиною

около 135 футовъ, шириною—115. Двумя сторонами онъ какъ бы врѣзывался въ гору, служившую основаніемъ форума Вулкана. Эти стороны, равно и третья, ближайшая къ основанію горы, заняты были цѣлымъ сплошнымъ рядомъ четыреугольныхъ помѣщеній, числомъ болѣе сорока, изъ которыхъ большая часть составляла жилища жрецовъ, а также помѣщенія для жертвенныхъ приношеній и различныхъ лекарственныхъ матеріаловъ. Отдѣльныя небольшія комнатки были заняты горячими, преимущественно сѣрными ваннами—для больныхъ, стекавшихся со всѣхъ мѣстъ на поклоненіе великому цѣлителю немощныхъ—богу Серапису.

Собственный храмъ этого таинственнаго египетскаго божества возвышался въ серединѣ этого обширнаго зданія. Красивый куполъ его поддерживался шестнадцатью мраморными грандіозными колоннами коринѳскаго ордена... Самый же портикъ храма, охватывавшій его атріумъ, покоился на 42 колоннахъ, изъ которыхъ передъ каждою возвышались статуи римскихъ и египетскихъ божествъ.

Пройдя портикомъ внутрь атріума, наши путники встрѣтили жреца, который спускался внизъ по мраморнымъ ступенямъ отъ колоннъ храма. Плиній подошелъ къ жрецу.

— Служитель великаго бога!—сказалъ онъ.—Гдѣ понтифексъ храма?

— Понтифексъ максимусъ бесѣдуетъ съ божествомъ,—отвѣчалъ жрецъ.

— Доложи ему, что Плиній, навмархъ морскихъ силъ Рима, желаетъ говорить съ нимъ.

— Сейчасъ доложу, великій навмархъ.

И жрецъ вновь поднялся по ступенямъ въ центральное зданіе храма. Плиній и его спутники послѣдовали за нимъ. Среди колоннъ возвышался мраморный жертвенникъ, передняя сторона котораго украшена была символическими барельефными изображеніями: фіалъ и вокругъ его основанія извивающаяся змѣя; по сторонамъ—ибисъ, крокодилъ и цвѣты лотоса. За жертвенникомъ возвышалась колоссальная статуя Сераписа.

Пришедшіе преклонились передъ жертвенникомъ, но Діомеды сдѣлали это съ едва скрытыми улыбками. Скоро показался за статуею тотъ же жрецъ.

— Понтифексъ максимусъ проситъ великаго навмарха и его

друзей въ сакрумъ,—сказалъ жрецъ и попросилъ ихъ слѣдовать за нимъ.

Они поднялись по ступенькамъ и вошли въ дверь, задрапированную желтою широкою занавѣсью. Это былъ внутренній алтарь божества, но еще не сакрумъ. Алтарь былъ слабо освѣщенъ тремя маленькими треугольными отверстіями въ южной части голубого свода, такъ что кругомъ было почти совсѣмъ темно, и, освоившись съ этимъ полумракомъ, можно было различить впереди огромную бронзовую статую божества, вокругъ которой двигались какія-то бѣлыя фигуры, производя какой-то странный, трещащій металлическій звукъ. Это двигались жрецы, потрясая имѣвшимися у нихъ въ рукахъ систрами

Вдругъ какой-то непостижимый звукъ глухой, но звенящій, какъ говорящая мѣдь, волной прошелъ по святилищу. И въ то же мгновеніе бронзовое божество ожило: ротъ его раскрылся, въ глазахъ блеснулъ огонь, и бронза заговорила:

— Кто испытываетъ природу, тотъ испытываетъ божество! Смертный! Вступи въ сакрумъ и выслушай мои глаголы.

И бронза умолкла. Глаза божества потухли. Въ святилищѣ опять воцарился мракъ. Только на полу, на черномъ порфирѣ, горѣли свѣтлыя, круглыя пятна, точно маленькія солнца.

— Обратите ваши взоры наверхъ,—сказалъ одинъ изъ жрецовъ,—вы видите, божество посылаетъ свой свѣтъ въ трехугольныя прорѣзи, и, несмотря на это, солнце-божество отражается на порфирѣ такимъ же круглымъ, какое оно тамъ, у источника божества. Плиній! Уразумѣлъ ты волю божества

— Нѣтъ,—глухо отвѣчалъ ученый.

— Такъ уразумѣй: хотя божество будетъ вѣщать тебѣ свою волю устами смертнаго, такого же, какъ и ты самъ, однако, знай, что какъ свѣтъ божества проходитъ чрезъ эти три трехугольныя прорѣзи круглымъ, какъ самъ источникъ свѣта, такъ и глаголы божества, проходя чрезъ уста великаго понтифекса, останутся тѣми же глаголами божества, истинными и непреложными, какъ этотъ свѣтъ на порфирѣ. Уразумѣлъ?

— Уразумѣлъ,—былъ отвѣтъ.

— Переступи же во святая святыхъ.

Плиній, поддерживаемый жрецомъ, подъ тихое, гармоническое бряцанье систръ, вступилъ въ таинственный сакрумъ. Это было тоже нѣчто вродѣ небольшого алтаря, посреди котораго

стоялъ круглый мраморный столъ съ небольшимъ на немъ изображеніемъ подземнаго божества—Гекаты. Столъ былъ заваленъ свитками папирусовъ. Свитками этими наполнены были и всѣ ниши святилища египетской мудрости. За столомъ, на невысокомъ бизелліумѣ, сидѣлъ понтифексъ максимусъ храма Сераписа. Онъ былъ въ бѣлой одеждѣ. Лицо его было покрыто прозрачной пеленой, такъ что выраженія глазъ не было видно, хотя они, повидимому, были живы, какъ у юноши.

— Садись, сынъ мой,—сказалъ понтифексъ, указывая Плинію на другой бизелліумъ.

Здѣсь свѣту было достаточно, чтобъ разбирать папирусы и работать.

Плиній сѣлъ. Онъ зналъ давно о громадной учености этого стараго жреца и ждалъ его слова.

Но жрецъ хотѣлъ самъ прежде узнать, какіе вопросы волнуютъ пытливый умъ стараго, опытнаго натуралиста.

— Ты въ чемъ желаешь испытать божество, сынъ мой?—спросилъ онъ.

— Я замѣчаю въ природѣ какое-то безпокойство, — отвѣчалъ Плиній.

— Природа повинуется вѣчнымъ законамъ,—отвѣчалъ неопредѣленно жрецъ.

— Да, отецъ; но мнѣ не всѣ ея законы понятны. Я знаю римскіе законы и сообразно съ ними поступаю. Но тутъ я часто теряюсь.

— То законы человѣческіе, а это божественные,—попрежнему отвѣчалъ жрецъ неясно.

— Правда, отецъ. Вотъ я и хотѣлъ бы проникнуть въ тайну природы: что она готовитъ намъ въ скоромъ времени?—продолжалъ Плиній.

— Въ природѣ, сынъ мой, вѣчная борьба. Я понимаю, ты замѣчаешь теперь борьбу двухъ стихій, и борьбу усиленную: эта подземная борьба воды и огня

— Да, отецъ; борьба Нептуна и Вулкана изъ-за владычества подъ землею. Нептунъ врывается въ область Вулкана и мало-по-малу заливаетъ эту область. Но Вулканъ борется, онъ колеблетъ землю.

— Такъ, сынъ мой; но есть третья стихія, можетъ быть, самая могучая въ природѣ. Какъ искра рождается отъ тренія

двухъ тѣлъ, такъ и эта страшная стихія рождается въ моментъ борьбы Нептуна и Вулкана. Этому божеству люди не поклоняются еще, не зная его; но пройдутъ тысячелѣтія, и божеству этому человѣчество поклонится. Въ божествѣ этомъ великая сила: оно будетъ переносить людей черезъ океаны; безъ помощи лошадей и муловъ оно будетъ перевозить по землѣ цѣлые города съ людьми; оно будетъ носить людей въ небесныхъ пространствахъ.

— Что же это за божество?—съ удивленіемъ спросилъ Плиній.

— Это Вапоръ, сынъ мой.

— Вапоръ, являющійся отъ соприкосновенія воды и огня?

— Да, сынъ мой. Это божество уже занесено мною въ эти свитки папируса: великій Сезострисъ открылъ мнѣ его.

— Какое же отношеніе Вапоръ имѣетъ къ тому, о чемъ я теперь вопрошаю божество?—спросилъ Плиній.

— Непосредственное отношеніе, сынъ мой. Ты замѣчаешь безпокойство въ природѣ?

— Да, святой отецъ.

— Это Вапоръ волнуется подъ землей,—отвѣчалъ жрецъ.— Онъ не выноситъ тѣсныхъ оковъ земной оболочки, и чѣмъ тѣснѣе налагаемыя на него оковы, тѣмъ онъ могучѣе, тѣмъ страшнѣе. Онъ въ состояніи взорвать горы. Отъ его напора шаръ земной можетъ разлетѣться вдребезги, и безформенныя глыбы и воды могутъ унестись въ пространство на вѣки.

Въ словахъ жреца Плиній находилъ величайшую истину. Онъ самъ не разъ испытывалъ разрушительную силу пара.

— Я теперь прислушиваюсь къ подземной работѣ этого бога,—продолжалъ жрецъ,—я прислушивался къ ней и на форумѣ Вулкана, и на Везувіѣ, въ пещерѣ Циклоповъ.

— О пещерѣ Циклоповъ мнѣ вчера говорили,—вставилъ Плиній.

— Кто?—спросилъ жрецъ.

— Сынъ Аррія Діомеда, изъ Помпеи.

— Что-жъ онъ говорилъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ, ночью, тамъ слышенъ былъ необычайный подземный грохотъ; дрожали и срывались съ основанія камни.

Жрецъ быстро всталъ при послѣднихъ словахъ Плинія и, поднявъ руки къ небу, вдохновенно воскликнулъ: «О, великій Сераписъ! О, всемогущій Вапоръ! Вы отклоняете гибель отъ нашего храма! Я теперь умру спокойно... Мои знанія не обманули меня, слава, слава божеству!».

Плиній смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

Жрецъ наклонился надъ изображеніемъ Гекаты и что-то прошепталъ, потомъ снова опустился на бизелліумъ.

Плиній ждалъ, что будетъ дальше. Вдругъ какой-то невнятный, словно металлическій звукъ прошелъ подъ землею, и Плиній услышалъ позади себя голосъ:

— Смертный! Уста божества вѣщаютъ послѣднее слово: горе Помпеѣ, Геркулануму и Стабіямъ! Огненныя рѣки и адская бездна пожрутъ ихъ! Горе, горе!

Понтифексъ максимусъ всталъ и наклоненіемъ головы отпустилъ Плинія.

XV.

Выйдя изъ храма въ глубокой задумчивости, Плиній нашелъ своихъ спутниковъ подъ портиками, гдѣ они разсматривали статуи божествъ.

— Ну, другъ Плиній, что повѣдали тебѣ боги?—спросилъ Агриппа.

— Я узналъ многое, о чемъ мой слабый умъ и не догадывался,—отвѣчалъ Плиній.—Я блуждалъ во меракѣ.

— И ты увѣренъ, что сообщался съ божествомъ?

— Я въ одномъ увѣренъ, что для меня открылась частица божественныхъ тайнъ.

— И ты вышелъ изъ мрака?

— Не вышелъ; но мракъ начинаетъ разсѣиваться передъ моими очами.

— И это божество прогоняетъ отъ тебя мракъ?

— Божество... Оно есть знаніе; но я уразумѣлъ только малую, о! какую малую частицу божества! Еслибъ я уразумѣлъ всю совокупность божества, совокупность знанія, я спасъ бы міръ.

— А развѣ ему грозитъ опасность?—съ удивленіемъ спросилъ Агриппа.

— Да,—отвѣчалъ ученый древности все съ той же задумчивостью.

— Скоро?

— Скоро, хотя только для небольшой частицы видимаго міра.

— И ты не можешь отстранить этой опасности?

— Не могу... Потому что я не вмѣщаю въ себѣ всего божества, совокупности знанія. Я долженъ пополнить то, что открыло мнѣ божество: идемъ на форумъ Вулкана,—сказалъ Плиній.

Они оставили портикъ храма и стали подниматься вправо, въ гору, гдѣ находился форумъ подземнаго бога. Они поднимались медленно, потому что Плинію мѣшала его тучность, а Агриппѣ мучившая его одышка, и потому молодые люди, Плиній Младшій и братья Діодемы, далеко ихъ опередили.

— Я не хотѣлъ да и не смѣлъ спорить съ такимъ ученымъ мужемъ, какъ твой дядя,—сказалъ старшій изъ Діомедовъ, обращаясь къ юному Плинію,—но мнѣ кажется, онъ увлекается.

— Да, другъ Квинтъ,—отвѣчалъ Плиній, — но, клянусь Минервой, безъ увлеченія нѣтъ и не можетъ быть знанія, безъ увлеченія нѣтъ любви. А только любовь созидаетъ.

— Вѣрю, мой другъ; но зачѣмъ позволять себя дурачить?

— Это жрецы, ихъ систры и говорящая статуя?

— Да. Вѣдь въ глазахъ этой бронзовой статуи загорѣлся земной огонь; въ ней говорилъ человѣческій голосъ.

— Но это не для насъ, а ужъ менѣе всего для дяди: эти фокусы продѣлываютъ жрецы для простого народа, для котораго самыя высочайшія истины, не подкрѣпленныя фокусомъ или, по его мнѣнію, чудомъ, не имѣютъ никакого значенія. А что дядя узналъ въ сакрумѣ о грозящей міру опасности, то я этому не могу не вѣрить.

— Правда,—подтвердилъ и Курцій,—объ этой опасности уже предупреждалъ насъ нѣкто въ пещерѣ Циклоповъ.

— Кто этотъ нѣкто?—спросилъ юный Плиній.

— Тотъ, на голову котораго возлагало руку само божество,—таинственно отвѣчалъ Курцій.

— Само знаніе?

— Да, знаніе и Слово, Слово, которое было въ началѣ, и безъ котораго не было бы ничего того, что мы видимъ.

Юный Плиній невольно обвелъ глазами вокругъ. Вправо море уходило въ безконечность. Тамъ синѣли въ лазурной дали Прохита, Питеуза и Капреа *), словно какимъ чудомъ выдвинутыя изъ морской бездны. Лѣвѣе—роскошный берегъ Суррентума **), какъ бы идущій навстрѣчу очаровательному побережью Стабіи, Помпеи и Геркуланума, надъ которыми высились пологіе конусы Везувія и Соммы, цвѣтущіе, увѣнчанные зелеными, зонтикообразными верхушками пиній, не предвѣщающіе ничего грознаго и разрушительнаго. Къ юго-западу—мысъ Мизена, этого гиганта, трубача Энея, возвѣщающаго славу троянскаго героя позднѣйшему потомству. Волшебная картина!

И это все—созданіе того невѣдомаго божества, которое именуютъ знаніемъ, словомъ, божества, возлагавшаго руку на голову того, о которомъ такъ загадочно упомянулъ Курцій и о имени котораго загадочно умолчалъ.

Чѣмъ выше поднимались они, тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать сѣрный запахъ, который исходилъ изъ рыхлыхъ расщелинъ форума Вулкана ***).

Вотъ и форумъ—зыбкій сводъ, сѣрая котловина, подъ которою клокочутъ огненныя волны Эреба. Бѣловатый дымокъ струится то изъ той, то изъ другой расщелины и таетъ въ душномъ воздухѣ. Атмосфера насыщена парами ада. Самыя растенія кругомъ, кажется, насыщены этой отравой.

Вблизи зіяющей расщелины, на низкомъ пьедесталѣ, высятся изображенія Вулкана и Гекаты. Они закопчены и обезображены сѣрнымъ дымомъ. Около нихъ стоитъ жрецъ изъ храма Сераписа съ тяжелымъ молотомъ въ рукахъ.

— Смертные! Остановитесь!—говоритъ жрецъ.

Путники останавливаются. Жрецъ поднимаетъ молотъ и съ силой ударяетъ въ землю. Глухой стонъ отвѣчаетъ ему изъ-подъ земли.

— Великая Геката милостива: она позволяетъ смертнымъ приблизиться къ вратамъ Эреба,—говоритъ жрецъ.

---

*) Нынѣшнія Прочида, Искія и Капри.
**) Нынѣшнее Сорренто.
***) Въ настоящее время—Сольфатара (Solfatara).

Въ это время подходитъ Плиній Старшій и Агриппа. Жрецъ и при ихъ приближеніи ударяетъ въ землю молотом

— Служитель божества!—обращается къ нему Плиній,—ты давно уже находишься здѣсь стражемъ подземнаго жилища?

— Уже тридцать разъ я наблюдалъ солнцестояніе вонъ въ томъ пунктѣ неба и тридцать разъ видѣлъ, какъ отъ этого пункта небесное свѣтило возвращалось вспять, — отвѣчалъ жрецъ.

— Тридцать лѣтъ, этого достаточно для того, чтобъ вырвать у природы хоть одну изъ ея великихъ тайнъ,—замѣтилъ Плиній.

— Тайны природы?—повторилъ жрецъ.—Для служителя божества нѣтъ тайнъ.

— Такъ ты самъ божество?—съ ироніей спросилъ Агриппа.

— Я перстъ божества,—гордо отвѣчалъ жрецъ.

— Перстъ...—Агриппа еще что-то хотѣлъ сказать, но удержался, онъ видѣлъ, что его ученый другъ, Плиній, слишкомъ серьезно настроенъ.

Плиній вынулъ изъ-подъ тоги небольшой свитокъ папируса, развернулъ его и сталъ что-то просматривать и соображать.

— Ты помнишь день 5-го февраля, когда небесное свѣтило въ пятнадцатый разъ поднималось къ пункту солнцестоянія съ того дня, какъ ты здѣсь сталъ стражемъ подземнаго жилища?—спросилъ онъ жреца.

— День 5-го февраля?—переспросилъ тотъ.

— Да, въ консульство Регула и Виргинія, — пояснилъ Плиній.

— Когда солнце въ пятнадцатый разъ поднималось къ этому пункту?—снова спросилъ жрецъ.

— Да, и когда ты пятнадцатью годами стоялъ дальше отъ ладьи Харона,—добавилъ Плиній.

— Пятнадцатью годами дальше отъ ладьи Харона?—повторилъ служитель Сераписа въ задумчивости.—Я годами считаю время, а не разстоянія.

— А тутъ именно разстоянія,—настаивалъ Плиній,—тогда ты на пятнадцать лѣтъ былъ дальше, понимаешь? Дальше отъ смерти, отъ ладьи Харона.

— А, помню, помню!—воскликнулъ жрецъ.—О, великая Геката! Какъ забыть этотъ день! Это было въ 816-мъ году отъ основанія Рима *). О, какой былъ страшный день!.. Помню, Геліосъ поднимался на небо въ огненной, раскаленной колесницѣ. Море, казалось, горѣло пурпуромъ. Вершины горъ рдѣли румянцемъ утра. Природа была спокойна, улыбаясь, какъ заснувшее на груди матери дитя. Но все живое трепетало, какъ бы предчувствуя грядущее бѣдствіе. Дикая серна дрожала у моихъ ногъ. Лисицы вышли изъ своихъ норъ и жались вонъ у тѣхъ камней. Змѣи искали убѣжища вонъ у этого жертвенника. Чайки съ жалобнымъ крикомъ метались надъ скалами, покинувъ старыя гнѣзда. И вдругъ я слышу глухой, отдаленный громъ. Я ищу облако: небо безоблачно, хоть бы тучка, хоть бы малѣйшій признакъ грозы на синевѣ неба. Я вслушиваюсь, ясно различаю подземный громъ... И въ мгновенье меня что-то качнуло и какъ бы подбросило. Я въ изумленіи осматриваюсь и вижу, явственно вижу, что всколыхнулись горы, скалы вздрогнули, какъ вздрагиваетъ человѣческое тѣло въ лихорадкѣ. Великіе боги! Я вижу, земля вздувается, пухнетъ, идетъ волною, волна за волной...

— А откуда шли эти волны?—въ какомъ-то нетерпѣніи спросилъ Плиній.

— Съ той стороны, отъ Кумъ.

— А въ какомъ направленіи?

— Туда, вдоль берега... И вдругъ всколыхнулось море, точно кто колыхнулъ его изъ глубины, и море вздулось, вспухло, гигантскимъ гребнемъ пошло по направленію къ Везувію.

— Къ Везувію, точно?—въ волненіи переспросилъ Плиній.

— Къ Везувію, я это ясно видѣлъ; я взобрался на тотъ гребень, и все ясно видѣлъ; но я и слышалъ: загрохотало у самаго Везувія, и въ тотъ же моментъ я явственно различилъ, какъ надъ Стабіями, Помпеей и Геркуланумомъ поднялось облако не то дыму, не то пыли... Послѣ я узналъ, что тамъ отъ подземныхъ толчковъ рухнули храмы, зданія, стѣны: то было землетрясеніе.

— И долго продлжалось? Скоро все кончилось?

— Скорѣй, чѣмъ я успѣлъ это разсказать.

Плиній задумался. «По направленію къ Везувію... Волны

*) 63-й годъ христіанской эры.

или такъ, къ востоку», говорилъ онъ самъ съ собою: «Понтифексъ максимусъ близокъ къ истинѣ, это Вапоръ, это его работа»...

— А пламя было?—спросилъ онъ снова жреца.

— Пламени я не видѣлъ,—отвѣчалъ тотъ.

— А что происходило тогда здѣсь, на форумѣ Вулкана?—допрашивалъ Плиній.

— Здѣсь какъ будто осѣла земля, и работа скважинъ уменьшилась: я думалъ, что Вулканъ потушилъ свой горнъ; но опять его скоро раздулъ,—отвѣчалъ жрецъ.

Тогда Плиній спросилъ жреца, есть ли у него вода. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ его принести воды. Жрецъ ушелъ съ форума Вулкана, ибо здѣсь почва была горячая, и тутъ нельзя было сохранять воду.

Всѣ ждали, что намѣренъ дѣлать ученый мужъ.

— Ты хочешь испытывать природу?—спросилъ Агриппа.

— Да... Она иногда говоритъ явственно,—въ раздумьѣ отвѣчалъ Плиній.

Вскорѣ жрецъ притащилъ на своихъ плечахъ огромную глиняную амфору, до половины наполненную водой. Плиній крѣпко заколотилъ горлышко амфоры деревянной втулкой и сказалъ, обращаясь къ жрецу:

— Я приношу этотъ сосудъ на алтарь божества, которому ты служишь.

Жрецъ молчалъ въ недоумѣніи.

— А кто же мнѣ за него заплатитъ? — спросилъ онъ потомъ.

— Я, начальникъ римскаго флота, Плиній, котораго знаетъ верховный служитель Сераписа, понтифексъ максимусъ,—отвѣчалъ ученый.

Потомъ, съ помощью своего племянника и братьевъ Діомедовъ, онъ вдвинулъ амфору въ глубину горячей расщелины и засыпалъ землею и камнями.

Всѣ отошли въ сторону и ждали, что будетъ дальше.

Вскорѣ послѣдовалъ сильный взрывъ. Вверхъ полетѣли камни и осколки амфоры.

— Неужели онъ пробьетъ отверстіе въ Везувіѣ?—говорилъ Плиній самъ съ собою.—Но онъ давно потухъ, быть можетъ столѣтія, тысячелѣтія... А для Вапора необходимъ выходъ, и

онъ найдетъ его: для него нѣтъ ничего невозможнаго... Что-то будетъ? Что-то будетъ!..

Потомъ, немного помолчавъ, онъ обратился къ молодымъ Діомедамъ:

— Пусть Помпея готовится ко всему. Скажите отцу, чтобъ онъ предупредилъ власти города. Подъ покровомъ земли идетъ глухая работа и подходитъ къ концу. Пятнадцать лѣтъ назадъ я наблюдалъ здѣсь то же явленіе и не ошибся. Боги предупреждаютъ смертныхъ. Но теперь готовится что-то иное, можетъ быть, болѣе страшное. Пусть городская стража бодрствуетъ день и ночь: если бѣдствіе не застанетъ врасплохъ, то еще можно будетъ спастись. Скажите Помпеѣ, что устами Плинія говоритъ божество—Знаніе.

XVI.

Прошла недѣля. Въ пещерѣ Циклоповъ назначено было собраніе вѣрующихъ. Собранія эти всегда происходили по ночамъ.

На этотъ разъ ночь была особенно темная, какія бываютъ только на югѣ. Но тѣмъ ярче горѣли звѣзды на темномъ, безоблачномъ небѣ. Въ эту ночь, въ гору, къ пещерѣ Циклоповъ поднимались три путника. Трудно было различить въ темнотѣ ихъ фигуры.

— Ты не устала?—послышался въ темнотѣ тихій голосъ, почти шепотъ.

— Нѣтъ, я не устала,—отвѣчалъ женскій, скорѣе дѣтскій голосъ.

— Но ты такъ тяжело дышешь.

— Это ничего.

— Не лучше ли я возьму тебя на руки?

— О, добрый господинъ! Я этого не заслужила.

— Но я боюсь, что ты не дойдешь; еще далеко.

— О! Еслибъ мой отецъ былъ на краю свѣта, тамъ, гдѣ Атлантъ подпираетъ собою сводъ небесный, я и то бы дошла.

— Но тебѣ не предстоитъ итти до Атланта, ты скоро увидишь отца,—проговорилъ третій мужественный голосъ.

Еслибъ, однако, наши путники могли вглядѣться въ темноту, они увидѣли бы, какъ какія-то тѣни, словно привидѣнія,

закутанныя въ плащи, быстро прятались за камни при ихъ приближенiи.

— Клянусь Парками, вотъ не ожидалъ!—прошептала одна изъ этихъ тѣней.

— А что? Кто тебя напугалъ?

— Напугалъ! Меня самъ Оркъ съ Горгонами не испугаетъ! А развѣ ты не слыхалъ?

— Слышалъ, какая-то дѣвочка.

— Тебѣ бы все дѣвочки! Я слышалъ голоса сыновей Дiомеда.

— Что ты! Клянусь Фурiями! Что они хотятъ дѣлать съ этой дѣвочкой?

— Не въ дѣвочкѣ дѣло: а они идутъ туда.

— И съ дѣвочкой? Н-ну... А еще кажутся такими скромниками...

— Молчи, комъ грязи! Идетъ еще кто-то.

Первые, пришедшiе къ пещерѣ Циклоповъ, были дѣйствительно сыновья Дiомеда, а съ ними юная Кратилла. Они вели ее на свиданiе съ отцомъ.

Входъ въ пещеру, по обыкновенiю, сторожилъ Кардо. Послѣдовали обычныя съ обѣихъ сторонъ привѣтствiя.

— Вы сегодня раньше всѣхъ пришли,—замѣтилъ Кардо.

— Да мы и хотѣли притти до начала собранiя,—отвѣчалъ Квинтъ.—А Зено здѣсь?

— Онъ тамъ. Бѣдняга очень скучаетъ.

— О чемъ, Кардо?—спросилъ Курцiй.

— О мраморѣ соскучился: когда передъ нимъ нѣтъ глыбы мрамора и рѣзца, онъ самъ не свой. Каждую ночь онъ пробирается въ городъ, чтобъ бродить между храмовъ и если не видѣть, то хоть руками ощупывать статуи. Какъ посмотришь на него, точно сумасшедшiй. Но теперь онъ немного успокоился: старикъ Кассiй привезъ ему тихонько большую глыбу каррарскаго мрамора и рѣзцы, и онъ теперь мастеритъ чудесную штуку.

— Что же именно?—спросилъ Квинтъ.

— Крестъ, а на крестѣ Того пригвожденнаго, Которому нѣтъ имени.

— Гдѣ же отецъ?—жалобно прошептала Кратилла.—Я хочу его видѣть, хочу обнять! О, боги! Дайте мнѣ силу.

Пришедшіе молча вступили въ пещеру. Потайной фонарикъ, принесенный ими, тускло освѣщалъ мрачные переходы жилища невидимыхъ циклоповъ.

Вскорѣ изъ-за угловатыхъ уступовъ пещеры показался болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ свѣтъ фонаря. Около этого свѣта вошедшіе увидѣли бѣлоснѣжную голову, наклонившуюся надъ какою-то темной массой.

— Отецъ!—тихо вскрикнула Кратилла.

Бѣлоснѣжная голова поднялась, и сидѣвшій моментально, не то въ испугѣ, не то въ безумной радости вскочилъ на ноги.

— Кратилла! Дитя мое!

Смѣясь и плача, дочь очутилась въ объятіяхъ отца. Они вмѣстѣ плакали, обнимая другъ друга.

— О, мой отецъ! Мой милый, дорогой отецъ!

— Кратилла! Счастье мое! Кто мнѣ далъ тебя?.. Дитя мое! Это Онъ возвратилъ мнѣ тебя, Онъ!

— Кто онъ? Добрый Квинтъ? Курцій?

— Нѣтъ, Онъ, Тотъ, Котораго ты не знаешь, дитя мое, но я Его знаю: Онъ во снѣ являлся мнѣ и утѣшалъ меня... Онъ говорилъ мнѣ: иго Мое благо и бремя Мое легко есть... О, моя крошка!

— Но кто Онъ, кто?

— Я тебѣ покажу Его, ты Его увидишь.

— А мама! Бѣдная мама!

— Онъ и маму возвратитъ намъ.

Это былъ какой-то безсвязный лепетъ, прерываемый объятіями и слезами.

— Какъ же ты попала сюда, моя крошечка милая?—спросилъ Зено, съ невыразимой нѣжностью гладя золотистую головку дочери.

— Меня привели сюда добрые господа, Квинтъ и Курцій.

Братья Діомеды стояли въ сторонѣ, безмолвно любуясь трогательной сценой.

— Но гдѣ они тебя нашли?

— Ихъ отецъ купилъ меня на рынкѣ, я ихъ рабыня.

— Моя крошка рабыня! О, боги! О, Богъ Единый.

— Но они добры ко мнѣ, добры, какъ братья!

Въ этотъ моментъ глаза Кратиллы упали на темную массу, надъ которою отецъ ея сидѣлъ, когда Діомеды ввели ее въ пе-

щеру. Свѣтъ канделябра падалъ на эту массу, и изъ нея явственно выдѣлялись черты прелестнаго женскаго личика.

— Отецъ, это я? Это ты меня лѣпишь? — воскликнула юная гречанка.

— Тебя, моя крошка: я хотѣлъ воспроизвести твои милыя черты, я такъ тосковалъ по тебѣ,—говорилъ отецъ, невольно сравнивая свою неоконченную работу съ живымъ оригиналомъ.—А ты нѣсколько возмужала, моя дѣвочка.

— Да, отецъ, я выросла, мнѣ вѣдь четырнадцатый годъ уже пошелъ.

— О, да... Какъ время летитъ.

Въ это время пещера стала наполняться вновь пришедшими, и Зено съ дочерью отошли въ болѣе темный уголъ.

Вошелъ и старикъ Авениръ. Около него толпились многіе: пастухи, рыбаки, рабы.

— Онъ говорилъ въ тотъ день, когда я Его видѣлъ,—обратился старикъ къ окружающимъ его, остановясь середи пещеры,—приходите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, какъ Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и тогда найдете покой душамъ вашимъ: иго Мое и бремя Мое легко есть. Онъ зоветъ къ себѣ бѣдныхъ, угнетенныхъ, рабовъ, несчастныхъ...

Въ этотъ моментъ подъ сводами пещеры пронесся рѣзкій крикъ совы.

— Скрывайтесь! Скрывайтесь!—раздались голоса.—Насъ предали.

Въ одно мгновеніе огонь въ пещерѣ погасъ, и всѣ бросились въ глубину подземелья.

— Уходите правой продушиной, правой!—слышался чей-то голосъ въ темнотѣ.

— Держись за меня, Кратилла!

— Квинтъ! Помоги отцу Авениру.

Голоса смолкли. Слышались только глухой гулъ шаговъ, шуршанье о камни ногъ, а вскорѣ и все заглохло. Но зато слышались шаги съ другой стороны подземелья, со входной, и показался свѣтъ отъ факеловъ. Въ пещеру вбѣгали вооруженные воины.

— А! Мыши попрятались въ норы!—раздался грубый голосъ.—Но, клянусь Геркулесомъ, имъ негдѣ скрыться, не про-

талятся же они въ пропасть горы, къ циклопамъ. Ищите ихъ по всѣмъ скважинамъ.

Воины бросились вглубь пещеры. Факелы въ темнотѣ казались летающими огоньками.

— Ба-ба! Да у нихъ тутъ и свѣщники, точно въ храмѣ.

— Только потушены, видно, что сейчасъ, и свѣтильни еще не остыли.

— Ба! А это что такое? Статуя лежитъ!

— Это какая-то богиня, еще не додѣланная.

— Должно быть, Венера или Юнона.

— Что ты! Слишкомъ молода для Венеры.

— Ну, такъ Психея, а то просто нимфа, да какая хорошенькая.

— Не трогай ея, Кассій! Вонъ недавно Каска вздумалъ было—дуракъ, клянусь Меркуріемъ, дуракъ—вздумалъ было заглянуть въ глаза великой Изидѣ, такъ она дунула ему въ лицо огнемъ и всю ему рожу обожгла. Не подходите къ ней.

— Кто-жъ это ее сдѣлалъ здѣсь?

Между тѣмъ въ глубинѣ пещеры слышался шумъ, раздавались голоса, словно тамъ шла борьба.

И эти воины бросились туда, оставивъ недолѣпленное изображеніе Кратиллы. Голоса ихъ то глухо, то гулко перекрещивались въ мрачномъ лабиринтѣ циклоповъ.

— Уноси скорѣй Кратиллу!—послышался голосъ Квинта Діомеда.—Она, кажется, вывихнула ногу.

Голоса то стихали, то опять гулко отдавались подъ сводами.

— Такъ умри же, собака! — глухо прозвучалъ чей-то голосъ.

— Ай, ловите, ловите его! Онъ убилъ центуріона!

— Проклятіе! Клянусь Гарпіями!.. Кто убилъ?

— Догоняй его, Фурка! Брось въ ноги копье!

— Поднимите центуріона! Онъ еще дышетъ, удержите кровь.

— Кладите на плащъ!.. Голову поддержите!

Изъ-за неровныхъ уступовъ пещеры, при тускломъ сіяніи факеловъ, показалась печальная процессія: это помпейскіе воины несли на плащѣ своего центуріона, пораженнаго мечомъ въ самое сердце.

— Кто его убилъ?

— Кто-то плечистый, высокій, лицо котораго не могли разсмотрѣть: онъ словно провалился сквозь землю.

XVII.

Черезъ день назначены были похороны убитаго центуріона. Похороны должны были имѣть общественный, особенно торжественный характеръ. Центуріонъ былъ жертвою насилія и притомъ погибъ при исполненіи священныхъ обязанностей общественной службы. Кромѣ того, онъ принадлежалъ къ знатному роду Скавровъ и былъ сыномъ того Кастриція Скавра, великолѣпный колюмбарій котораго сохранился и понынѣ, почти насупротивъ виллы Діомеда. До настоящаго времени на базисѣ и на уступахъ этой гробницы путешественники видятъ сохранившіеся мраморные барельефы съ изображеніемъ боя гладіаторовъ и могутъ прочесть уцѣлѣвшую надпись: «Кастрицію Скавру, сыну Авла, изъ племени мененійскаго, дуумвиру, завѣдывавшему юстиціею, декуріоны отвели это мѣсто для сооруженія ему гробницы, назначили двѣ тысячи сестерцій на похороны и положили воздвигнуть ему конную статую на форумѣ». Убитаго сына его, центуріона Децiя, также было положено хоронить на общественный счетъ.

Это былъ еще очень молодой человѣкъ, но на него уже возлагались большія надежды. Онъ быстро шёлъ по службѣ и могъ надѣяться занять впослѣдствіи почетную должность отца—стать дуумвиромъ Помпеи. Мать его, вдова Кастриція Скавра, Плацидія, души не чаяла въ своемъ красавцѣ-сынѣ, а юныя помпеянки украдкой заглядывались на его статную фигуру и на симпатичныя черты лица.

Теперь, въ ожиданіи похоронъ, онъ лежалъ въ своемъ родовомъ домѣ, на via Abudantia, одѣтый въ парадное платье центуріона, съ миртовымъ вѣнкомъ въ головахъ. На блѣдное лицо его, еще не тронутое разрушеніемъ, а какъ бы уснувшее и глубоко задумчивое, падалъ колеблющійся свѣтъ канделябръ съ висячими бронзовыми свѣтильнями, и когда пламя свѣтильни колебалось отъ легкаго предразсвѣтнаго вѣтерка, и на лицо мертвеца падали легкія тѣни, то казалось, что по лицу этому сколь-

зила таинственная улыбка, а длинныя рѣсницы закрытыхъ глазъ, казалось, вздрагивали.

Около него стояла мать, убитая горемъ, и маленькая десятилѣтняя сестренка, все ожидавшая, что серьезный и задумчивый братъ ея вотъ-вотъ откроетъ глаза. Мать не плакала, слишкомъ много слезъ выплакала она за эти два дня.

Только что начало свѣтать, и похороны должны были начаться скоро, до восхода солнца. Этого требовалъ религіозный обычай. Аврора, покровительница молодости, вставая съ своего пурпурнаго ложа, должна была принять молодого центуріона прямо съ костра въ свои горячія объятія и вмѣстѣ съ дымомъ всесожженія унести его въ небесныя обители.

Рабы и рабыни оставались въ вестибюлѣ, а у входа стояли два воина изъ подчиненныхъ умершаго.

— Вотъ такъ и вижу широкія плечи проклятаго убійцы,— тихо говорилъ одинъ изъ нихъ, Фурка,—а лица такъ и не разглядѣлъ. Онъ стоялъ спиной ко мнѣ, а руку съ мечомъ занесъ вотъ такъ, черезъ правое плечо нашего бѣднаго центуріона, который схватилъ-было дѣвчонку за волосы—рыжіе, клянусь Плутономъ!—да какъ взмахнетъ, какъ перегнется весь, такъ и всадилъ ему подъ лѣвый сосокъ по самую рукоять! Я было за нимъ въ догонку, а онъ схватилъ въ охапку эту дѣвчонку да впередъ, а тамъ еще вижу дальше, бѣлая, какъ снѣгъ, голова, я пускаю ему въ затылокъ копье... Проклятіе! Кто-то выбиваетъ у меня факелъ, кругомъ мракъ, и я наскочилъ на скалу.

Звѣзды гасли одна за другою на небѣ, на востокѣ отдѣлялась отъ горизонта свѣтлая полоса, очертанія горъ становились явственнѣе. Въ это время отъ храма Весты замелькали огоньки; въ темнотѣ неясно выступили бѣлыя колонны храма; огоньки надвигались все ближе и ближе, задвигались бѣлыя фигуры, словно сошедшія съ пьедесталовъ мраморныя статуи. Послышались заунывное пѣніе и тихій протяжный плачъ флейтъ.

Это отъ храма Весты двигалась процессія жрецовъ, весталокъ и плакальщицъ. Унылый свѣтъ факеловъ боролся съ блѣднымъ утреннимъ свѣтомъ. Отъ двигавшейся массы падали, дрожа и колеблясь, неясныя тѣни, фантастическими образами перебѣгая по домамъ и портикамъ.

Процессія все ближе и ближе. Вотъ уже факелы жрецовъ и весталокъ бросаютъ красноватый свѣтъ на печальный домъ

Скавра, на блестящіе шлемы воиновъ, пришедшихъ отдать последнюю честь рано погибшему товарищу. Блѣдныя, точно мертвыя лица весталокъ, полуприкрытыя покрывалами, пасмурныя лица жрецовъ, горестный крикъ, донесшійся изъ дома,—все это такъ не гармонировало съ зарождающимся утромъ.

Раздавалось тихое, печальное пѣніе: это префики—плакальщицы начали свой мрачный гимнъ смерти. Мрачныя слова соотвѣтствовали мрачности напѣва: что-то безнадежное слышалось и въ словахъ, и въ мелодіи:

«Мы пришли проводить тебя, смертный, въ царство Плутона, въ безбрежныя области Аида. Иди! Уже ждутъ тебя мутныя волны Флегетона, мертвыя, недвижныя воды Стикса. Оставь все земное и бренное, что никогда не повторяется. Тебя ждутъ тѣни Данаидъ, камень Сизифа своимъ паденіемъ увеличитъ ужасъ твоего пути въ область, откуда никто не позвращается. Долго тѣнь твоя будетъ блуждать на берегахъ Ахерона, пока мрачный Харонъ не возьметъ тебя въ свою ладью».

Флейты, вторившія этому безнадежному гимну, раздирали душу.

Тогда жрецы и весталки вошли въ домъ, откуда донесся страшный крикъ отчаянія: то мать прощалась съ сыномъ, котораго уносили изъ родительскаго дома. Никогда-никогда не возвратиться ему въ это убѣжище любви и материнской ласки.

Скоро показалось тѣло центуріона, покрытое пурпуромъ. Лицо мертвеца увидѣло занимающуюся зарю, которая еще безсильна была побороть печальный свѣтъ факеловъ. Казалось, блѣдныя губы дрогнули, рѣсницы зашевелились... Напрасно! То была иллюзія: утренній вѣтерокъ шевелилъ, какъ бы играя, волосы мертвеца, а по блѣдному лицу перебѣгали тѣни.

Процессія строилась въ линію: шествіе открывали флейтисты и литаврщики, съ перевязанными крепомъ инструментами; они играли погребальный маршъ, подъ который когда-то хоронили Сципіона. Далеко по зарѣ разносились заунывные, торжественные звуки. Этой мелодіи флейтъ и литавръ вторилъ печальный рыдающій хоръ женскихъ голосовъ. За литаврщиками и флейтистами выступалъ отрядъ конницы и пѣхоты съ эдиломъ Пансою во главѣ. Утренній свѣтъ отражался на блестящихъ шлемахъ и вооруженіи воиновъ. Затѣмъ слѣдовала группа лицъ съ мраморными, бронзовыми и восковыми изображеніями почетныхъ

предковъ рода Скавровъ: среди нихъ, на курчавой головѣ негра-раба, великана ростомъ и силача, плавно покачивалась въ воздухѣ прелестная мраморная группа—миніатюрная копія конной статуи отца умершаго центуріона, дуумвира Кастриція Скавра. За этой группой выступали жрецы и весталки съ длинными, тонкими факелами въ рукахъ, зажженными отъ священнаго, неугасимаго огня Весты въ храмѣ этой богини.

За ними носилки съ тѣломъ центуріона. Яркимъ кровавымъ пятномъ горѣлъ пурпуръ покрывала среди общей мрачной картины. За носилками шли мать покойника и маленькая сестра Летиція. Мать, положивъ правую руку на пурпуръ, покрывавшій ноги ея мертваго сына, лѣвую прижимала къ сердцу, готовому разорваться. Она переживала всю жизнь безвременно погибшаго сына отъ его колыбели до этихъ послѣднихъ носилокъ съ пурпуромъ. Ясные глазки Летиціи съ испугомъ глядѣли на неподвижную фигуру брата, уходившаго отъ нея въ невѣдомый міръ. Родственники покойника и толпа пемпеянъ двигались сплошною стѣной за печальной процессіей.

Шествіе, миновавъ колоннады Халцидики Евмахіи, которая, во главѣ своихъ рабынь, усыпала послѣдній путь молодого центуріона цвѣтущими розами и цвѣтками кипариса, выступило на форумъ. Какъ величаво и гордо высилась, среди колоннадъ форума, конная мраморная статуя Кастриція Скавра, отца того, котораго подъ звуки печальной мелодіи, знакомой Риму еще съ похоронъ великаго Сципіона, выносили теперь на площадь, которую такъ красила чудная статуя мраморнаго всадника!

Раздирающій душу крикъ вырвался изъ груди несчастной матери, когда въ глаза ей бросилась величавая фигура ея мраморнаго мужа и отца того, котораго мертвое лицо напоминало этотъ холодный мраморъ. Евмахія, вся заплаканная, чуткимъ женскимъ сердцемъ угадала скорбь покинутой жены и матери и поспѣшила поддержать ея слабѣющія силы. Весталки, забывъ свою роль женщинъ не отъ міра сего, плакали, какъ простыя женщины.

У подножія статуи бывшаго дуумвира носилки съ тѣломъ центуріона на минуту остановились: это мертвый сынъ прощался съ тѣнью отца, холодный мраморъ котораго пережилъ его нѣкогда горячее сердце.

— Смотрите! Статуя плачетъ! Мраморъ плачетъ!—послышался чей-то испуганный женскій голосъ.

Это были капли росы, скопившіяся на мраморномъ лицѣ всадника и принятыя за слезы.

Прослѣдовавъ затѣмъ черезъ весь форумъ и миновавъ въ концѣ его храмъ Юпитера, колоссальная статуя котораго такъ безучастно смотрѣла своими мраморными неподвижными очами на проносимаго мимо мертвеца и на сопровождавшихъ его такихъ же смертныхъ, будущихъ мертвецовъ, печальная процессія повернула влѣво, въ улицу Геркуланума, которая черезъ городскія ворота вела къ помпейскому кладбищу. Проходя мимо статуи верховнаго бога, мать убитаго центуріона невольно подняла на него глаза съ выраженіемъ нѣмого упрека: она ли не молилась этому безжалостному богу! Она ли не просила за сына?

А заунывная музыка флейтъ и литавръ и вопли плакальщицъ продолжали раздирать душу.

Вотъ и городскія ворота пройдены. Молодой центуріонъ покинулъ свой родной городъ, чтобъ ужъ никогда-никогда въ него не возвращаться, а она, мать, будетъ снова проходить этими воротами, но уже одна, безъ него!

А вотъ, вправо, показался обелискъ ея мужа, богатый колумбарій славнаго дуумвира Кастриція Скавра, и рядомъ съ нимъ выглянулъ уголъ мрачнаго костра, сложеннаго изъ сухихъ пиній и увитаго гирляндами цвѣтовъ... Это его брачное ложе, осѣненное группою задумчивыхъ кипарисовъ.

Ярко блеснулъ въ утреннемъ воздухѣ пурпуръ покрывала, и всѣ взоры обратились туда: это поднимали на костеръ тѣло Деція. Факелы уже не освѣщаютъ его блѣднаго лица, бросая свой красноватый отблескъ на сосредоточенныя лица жрецовъ и весталокъ; а въ его задумчивое лицо, обращенное къ небу, смотрится уже розоватая Аврора, все болѣе и болѣе разгонявшая тѣни наступавшаго дня.

Поддерживаемая Евмахіей и одною изъ весталокъ, мать Деція поднялась на ступеньки костра, чтобъ въ послѣдній разъ взглянуть на сына. Занимавшаяся заря не придала, однако, его блѣднымъ щекамъ своихъ красокъ, только утренній вѣтерокъ шевелилъ его волосами. Мать долго и безмолвно смотрѣла на дорогія

ей черты, стараясь запомнить ихъ, унести съ собою; другая весталка подняла туда же маленькую Летицію.

Прощаніе матери и сестры было тѣмъ ужаснѣе, что въ немъ не было ничего бурнаго: онѣ молча поцѣловали мертвеца, какъ будто бы онъ сталъ для нихъ совсѣмъ чужой, и безмолвно сошли съ костра. Мать даже поправила на сынѣ складки его пурпуроваго покрывала. Тогда старшій жрецъ подалъ ей горящій факелъ, которымъ она должна была поджечь костеръ; но рука ея опустилась, какъ парализованная, и факелъ упалъ на землю. Жрецъ подалъ другой факелъ маленькой Летиціи.

— Ты, чистое дитя, должна возжечь высокоочищающій пламень богини Весты,—сказалъ онъ,—ты очистишь тѣнь брата отъ всего земного и бреннаго.

Дѣвочка приложила факелъ къ пересохшимъ игламъ пиніи, которыя съ трескомъ вспыхнули, и вскорѣ пламя охватило и стало пожирать пурпуръ покрывала.

Дѣвочка вскрикнула: она сама подожгла брата! и бросилась на шею матери.

Въ то же время раздался новый, потрясающій гимнъ плакальщицъ. Онѣ взывали къ Эолу, къ Эвру и Ноту, чтобъ они порывами своими раздули очистительное пламя:

— Пошли, о, Борей, твое суровое дыханіе, холодные вздохи Норда! Пусть дыханіе твое оживитъ пламя смерти и испепелитъ бренное тѣло, въ которомъ заключена плѣнная душа умершаго. Неситесь сюда, горячіе вздохи Австра и Афра! Изгоните плѣнницу изъ ея холодной тюрьмы, а ты, о, свѣтлая Аврора! Прими ее въ свои пламенныя объятія! Дуйте, о, вѣтра живые! Дуйте-раздувайте пламя смерти!

И пламя трещало и клокотало, разгораясь все сильнѣе и сильнѣе. Съ другой стороны востокъ алѣлъ все болѣе и болѣе, и зрителямъ казалось, какъ въ облакахъ розоватаго дыма душа центуріона подъ завыванье гимна плакальщицъ уносилась въ объятіяхъ Авроры къ безпредѣльному небу.

Скоро отъ костра и человѣка осталась только куча горячей золы. Кое-гдѣ еще тлѣли искорки, словно бы тамъ еще таились частицы жизни и шевелилось что-то неумирающее въ человѣкѣ, но мало-по-малу все покрылось сѣрымъ налетомъ золы и успокоилось.

Тогда стоявшая невдалекѣ и тихо плакавшая старая няня

умершаго, самнитянка Нонна, подошла къ оставшейся отъ костра золѣ, бережно поставила тутъ же небольшую серебряную урну и около нея маленькую золотую урночку, полную слезъ и, медленно разгребая серебряною лопаточкою золу, стала собирать дорогой пепелъ отъ сердца покойника, отъ мозга, отъ лица, рукъ, ногъ и прочихъ частей тѣла, и ссыпать въ урну.

Жрецъ между тѣмъ открылъ бронзовую дверь колумбарія Скавровъ и въ одну изъ нишей поставилъ и урну съ прахомъ покойника, и маленькую урночку со слезами, наплаканными по немъ его близкими.

Тутъ же стоялъ старый Діомедъ съ женою и дочерью. Мальвія казалась задумчивою: однимъ поклонникомъ у нея стало меньше. Братья же ея стояли на террасѣ своей виллы и издали смотрѣли на происходившее у гробницы дуумвира Кастриція Скавра.

Кто былъ убійца центуріона, это осталось тайной для Помпеи.

XVIII.

По городу, между тѣмъ, ходили разнообразные толки до фантастическихъ включительно.

Говорили, что въ страшной пещерѣ Циклоповъ, въ глубинѣ самого Везувія, происходитъ что-то непостижимое. Собираются какія-то страшилища, не то люди, не то Циклопы, и колеблятъ самое основаніе таинственной горы; что тамъ по временамъ слышатъ какой-то необычайный грохотъ, словно бы самъ Вулканъ работаетъ своими ужасными молотами. На форумѣ и въ тавернахъ разсказывали, что когда объ этихъ сборищахъ не то Циклоповъ, не то Титановъ провѣдалъ эдилъ Панса, то тайно ночью послалъ туда отрядъ воиновъ съ центуріономъ Деціемъ Скавромъ во главѣ, но когда воины проникли въ адскую пещеру, то на нихъ посыпались камни; а одинъ изъ воиновъ, Фурка, клялся будто бы всѣми Фуріями, и Горгонами, и Гарпіями, что собственными глазами видѣлъ, какъ Титанъ закололъ центуріона Деція Скавра, а когда онъ, Фурка, сталъ его мужественно преслѣдовать, то страшный Циклопъ задулъ у него факелъ, а какая-то златокудрая нимфа, которую было центуріонъ схватилъ за косы, съ хохотомъ убѣжала отъ нихъ.

Другой же воинъ разсказывалъ, что въ пещерѣ нашли бо-

гиню какую-то, глиняную, и когда Каска, пріятель Фурки, нагнулся къ ней, то она дунула на него пламенемъ и обожгла ему все лицо, такъ что онъ съ испугу теперь пьетъ безъ просыпу и постоянно молится Вакху.

Мало того, Тумулюсъ, пріятель Синистры, рабыни Діомеда, и правая рука паразита эдила Пансы, Какуса, увѣрялъ, что когда они, по приказанію эдила и центуріона, подкарауливали въ ту ночь, не пройдетъ ли кто въ пещеру Циклоповъ, то явственно различили голоса сыновей самого Діомеда, пробиравшихся въ проклятую пещеру, и съ ними была какая-то дѣвочка.

Синистра же по секрету разсказывала своимъ дружкамъ: и Тумулюсу, и гладіатору Баркѣ, что это была съ Діомедами не дѣвочка, а сама кумская Сивилла, старуха-колдунья, которая превратилась въ молоденькую гречанку и подъ именемъ рабыни Кратиллы поступила въ домъ къ Діомеду и очаровала собой обоихъ его сыновей, которые теперь въ этой вѣдьмѣ души не чаютъ; что она, эта Сивилла, желая погубить ее, Синистру, и отбить у нея такихъ красавцевъ, какъ Тумулюсъ и Барка, утащила у своей молоденькой госпожи, у Мальвіи, драгоцѣнныя діадему и ожерелье, подаренныя Діомеду самою Юноною, и такъ отвела всѣмъ глаза, что имъ казалось, будто дворовая ихъ собака человѣческимъ языкомъ обвиняла ее, Синистру, въ воровствѣ. Она же говорила своимъ пріятелямъ, Тумулюсу и Баркѣ, что въ ту ночь, когда въ пещерѣ Циклоповъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ центуріонъ Децій Скавръ, оба сына Діомеда и Кратилла куда-то пропадали, а на утро Кратилла оказалась больною, говорила, что гдѣ-то вывихнула ногу, а старый чертъ, привратникъ Канисъ, который всегда заодно съ молодыми господами и покрываетъ ихъ ночныя похожденія и вакханаліи, клялся и божился передъ Мальвіей, что ея молоденькая рабыня повредила себѣ ногу дома, когда она убирала съ вечера комнату своей госпожи и, относя соръ къ сорной ямѣ, оступилась на лѣстницѣ. Такъ говорила и сама эта лгунья и вѣдьма Сивилла-Кратилла.

Между тѣмъ по городу ходили и другіе слухи. Говорили, что въ пещерѣ Циклоповъ въ ночь убійства центуріона захвачены были какіе-то опасные люди, въ томъ числѣ и убійца центуріона, и что эдилъ Панса будто бы давно слѣдилъ за этими людьми, которые не признаютъ ни Юпитера, ни Изиды, ни Венеры, а вѣрують въ какого-то повѣшеннаго въ Іудеѣ волшебника, во-

скрешавшаго будто бы умершихъ; что люди эти будутъ осуждены на казнь и отданы на растерзаніе привезеннымъ изъ Египта львамъ, о чемъ давно хлопоталъ добрый эдилъ, желая доставить гражданамъ Помпеи прекрасное и благородное зрѣлище. Но кто именно эти захваченные и сколько ихъ, въ городѣ никто не зналъ, потому что все это пока держалось въ секретѣ, пока производилось слѣдствіе.

Разсказывали также, что по ночамъ въ Помпеѣ сталъ появляться какой-то таинственный человѣкъ, который словно лунатикъ бродитъ по форуму, въ тѣни колоннъ, и зачѣмъ-то гладитъ изображеніе боговъ и другія статуи и долго на нихъ смотритъ.

Между тѣмъ въ ночь, слѣдовавшую за похоронами убитаго неизвѣстно кѣмъ центуріона, совершилось нѣчто загадочное. Въ храмѣ Пантеонѣ, на форумѣ, недалеко отъ храма Юпитера, утромъ нашли колоссальную статую Августа разбитою вдребезги. Августъ изображенъ былъ, какъ богъ и владыка вселенной: въ рукѣ онъ держалъ шаръ земной. Теперь онъ лежалъ разметанный на куски. Земной шаръ съ осколкомъ руки откатился въ сторону. Голова расколота, лицо обезображено. Массивное тѣло его съ переломанными руками и ногами лежало ничкомъ. Народъ массами толпился около обезображеннаго и низвергнутаго цезаря, трепеща кары боговъ. Какъ эту случилось—никто не зналъ.

Но къ эдилу явился сторожъ форума и разсказалъ слѣдующее.

Ночью, когда онъ проходилъ мимо храма Юпитера, онъ услыхалъ вдругъ необычайный грохотъ какъ бы отъ паденія колонны или цѣлаго храма. Думая, не начинается ли землетрясеніе, котораго свидѣтелемъ онъ уже былъ однажды, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ отошелъ въ сторону отъ храма, на середину форума, чтобъ быть въ безопасности. Тогда онъ увидѣлъ, что отъ Пантеона удаляется человѣкъ необыкновеннаго роста и говоритъ кому-то другому, котораго не было видно, можетъ быть, одной изъ тѣней Аида: «Таковы ихъ боги, ихъ можно всѣхъ разбить, и они сами себя не въ силахъ защитить». Сторожъ бросился было за этимъ великаномъ, но вдругъ противъ храма Меркурія камни форума разступились, и земля поглотила того, кто изрекъ хулу на боговъ. Сторожъ побѣжалъ тогда къ

Пантеону и съ ужасомъ увидѣлъ, что статуя божественнаго Августа лежитъ поверженная и разбитая въ куски.

Эдилъ приказалъ скрибѣ записать показаніе сторожа и самъ отправился на форумъ. Тамъ онъ нашелъ толпу, которая при видѣ власти начала громко выражать негодованіе.

— Мы требуемъ казни виновныхъ!—кричали нѣкоторые.— Гдѣ злодѣи? Найдены ли они? Гдѣ тотъ, который зарѣзалъ центуріона? Кто разбилъ ликъ божественнаго Августа? Кто надругался надъ нашею святыней? Подайте намъ злодѣевъ! Ихъ давно ожидаетъ кровавая арена. Мы должны умилостивить боговъ! Боги давно ждутъ жертвъ искупленія. Недаромъ колеблется земля, и Вулканъ грозитъ Помпеѣ молотомъ и клещами.

Эдилъ старался успокоить расходившуюся толпу, говорилъ, что виновные въ убійствѣ центуріона находятся уже въ рукахъ правосудія, и что злодѣи, святотатственно коснувшіеся изображенія божественнаго Августа, получатъ заслуженную кару въ когтяхъ у нумидійскихъ львовъ, которые уже ждутъ своихъ жертвъ въ звѣринцахъ амфитеатра.

Онъ зашелъ потомъ въ Пантеонъ, постоялъ въ раздумьѣ передъ безобразными кусками мрамора, еще вчера изображавшаго великаго Августа въ образѣ олимпійца, и, приказавъ не прикасаться къ священнымъ останкамъ божественнаго цезаря, отправился въ амфитеатръ, гдѣ въ особыхъ казематахъ уже сидѣли подозрѣваемые въ убійствѣ центуріона и въ другихъ преступленіяхъ.

Подозрѣніе въ убійствѣ центуріона падало, главнымъ образомъ, на одну личность, никому изъ властей Помпеи неизвѣстную и, повидимому, не принадлежавшую къ мѣстнымъ обывателямъ. Это былъ уже не молодой субъектъ, лѣтъ за пятьдесятъ, съ черными выразительными глазами и очень умнымъ лицомъ. Но что особенно бросалось въ глаза, это контрастъ въ цвѣтѣ волосъ на головѣ и въ бородѣ. Голова у неизвѣстнаго была бѣла, какъ пѣна морская, а между тѣмъ въ огненнаго цвѣта длинной бородѣ сѣдина чуть-чуть пробивалась мѣстами. Онъ былъ схваченъ въ ночь убійства центуріона, въ пещерѣ Циклоповъ и отказался назвать свое имя. На туникѣ у него и на правой рукѣ оказались слѣды свѣжей крови. Это и послужило уликой къ обвиненію его въ убійствѣ Деція Скавра, хотя оружія при

немъ не было найдено. Онъ-то и сидѣлъ, въ числѣ прочихъ заключенныхъ, въ одномъ изъ казематовъ амфитеатра.

Панса предварительно формальнаго допроса рѣшилъ лично переговорить съ этимъ таинственнымъ субъектомъ, тѣмъ болѣе, что онъ поразилъ всѣхъ своею странною рѣчью и удивительною геройскою неустрашимостью.

Войдя въ казематъ, гдѣ сидѣлъ этотъ таинственный субъектъ, эдилъ засталъ его за страннымъ запятіемъ. На стѣнѣ, на которую падалъ свѣтъ изъ небольшого отверстія въ каменномъ сводѣ темницы, отверстія, въ которое подавали хлѣбъ и воду заключеннымъ, Панса увидѣлъ нѣчто вродѣ фреска, нарисованнаго углемъ, но еще не конченнаго; арестантъ, стоя на колѣняхъ, дорисовывалъ странное изображеніе, значенія котораго Панса не могъ никакъ уразумѣть. Рисунокъ былъ сдѣланъ—Панса это сразу увидѣлъ—мастерскою рукою. Онъ изображалъ небольшую гору, а на ней рядомъ три креста. Къ каждому изъ крестовъ было прибито по человѣку съ растянутыми крестообразно руками. Лица ихъ изображали страданіе. Но то лицо, которое изображено было на среднемъ крестѣ и выражало и скорбь, и умиленіе, это было удивительное лицо! Въ немъ было что-то выше человѣческаго, выше всего земного.

— Что это изображаетъ?—спросилъ пораженный удивленіемъ эдилъ.

— Искупленіе міра,—отвѣчалъ арестантъ.

— А этотъ въ серединѣ кто?

— Тотъ, котораго имени я недостоинъ произнести.

— Такъ и не произнесешь?—изумился эдилъ.

— Не произнесу,—былъ отвѣтъ.

Панса понялъ, что другого отвѣта онъ не дождется, и потому прямо приступилъ къ допросу.

— Скажи, кто ты?—спросилъ онъ мягко.

— Не знаю,—былъ отвѣтъ.

— Имя твое, по крайней мѣрѣ?

— Мнѣ имени еще не дано

— Какъ не дано? Каждый человѣкъ имѣетъ свое имя.

— Я не имѣю, я безъ имени.

— Да почему же?

— Потому что я еще не родился.

Эдилъ подумалъ-было, что этотъ человѣкъ съ ума сошелъ; но глаза его смотрѣли такъ ясно и кротко, хотя рѣшительно.

— Какъ же ты не родился, когда я тебя вижу, и ты уже успѣлъ посѣдѣть?

Эдилъ началъ выходить изъ себя. Ясно, что этотъ человѣкъ смѣется надъ нимъ.

— Кто же ты?—спросилъ онъ уже съ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Никто,—былъ отвѣтъ.

— Да что ты, несчастный! Ты издѣваешься надо мной? Вѣдь я не циклопъ Полифемъ и ты не Уллисъ, который отвѣчалъ циклопу, что онъ «никто», οὐδεὶς Клянусь Вулканомъ! Я заставлю тебя отвѣчать.

Арестантъ молчалъ. Тогда эдилъ приступилъ прямо къ дѣлу.

— Тебя взяли въ пещерѣ Циклоповъ,—сказалъ онъ.—На тебѣ найдена кровь отъ убитаго тамъ центуріона. Сознайся, ты убилъ его?

— Не я.

— Откуда же была на тебѣ кровь?

— Когда поразили центуріона, я находился близко, и на меня брызнула его кровь.

— А кто его поразилъ?

— Не знаю.

— Ты лжешь!—закричалъ эдилъ.

— Нѣтъ, наша религія запрещаетъ лгать.

— А какая твоя религія?

— Моя религія отвергаетъ вашихъ боговъ-истукановъ.

— Какіе же твои боги?

— У меня одинъ Богъ, который сотворилъ небо и землю, а изъ земли создалъ человѣка.

— Да и наши боги сдѣлали то же.

— Нѣтъ, ваши боги изъ камня, изъ бронзы и дерева, и вашихъ боговъ я самъ всю жизнь дѣлалъ...

— Ты! Дѣлалъ боговъ!

— Да, дѣлалъ и разбивалъ и могу вновь сдѣлать, но разобью, потому что они мертвые.

Панса задумался. Онъ теперь положительно былъ убѣжденъ, что кто-нибудь изъ ихъ шайки разбилъ ночью статую Августа.

— Сегодня кто-то изъ вашихъ разбилъ ночью въ Пантеонѣ

изображеніе божественнаго Августа,—сказалъ онъ, думая прочесть на лицѣ арестанта, какое впечатлѣніе произведетъ на него это извѣстіе.

— Какъ! Разбили эту прекрасную статую!—воскликнулъ съ негодованіемъ странный арестантъ.—Варвары! Скиѳы! И они не пощадили этой художественный работы! Они надругались надъ красотой!

Въ немъ, видимо, проснулся художникъ-скульпторъ. Панса смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и ничего не понималъ.

— Такъ тебѣ жаль этой статуи?—спросилъ онъ, совсѣмъ сбитый съ толку.

— О, какъ жаль!—воскликнулъ съ жаромъ удивительный арестантъ.—Вѣдь это одна изъ лучшихъ статуй Помпеи. О, варвары! Антропофаги! Не достаетъ только, чтобъ они разбили изящную статую Евмахіи или Купидона; вѣдь эта работа не уступитъ рѣзцу великаго Праксителя. А пляшущій фавнъ!.. Да это гордость Помпеи.

Эдилъ слушалъ его съ еще болѣе возрастающимъ изумленіемъ. А странный арестантъ забылъ, казалось, все: и это мрачное подземелье, и власть, которая его допрашивала и которая могла послать его прямо въ пасть нумидійскаго льва, все забылъ. Онъ ничего не видѣлъ, кромѣ носившихся въ его воображеніи образовъ искусства, дивныхъ произведеній рѣзца.

— Такъ разбили, варвары?—повторилъ онъ какъ бы въ забытьѣ.—Не достаетъ, чтобъ они опустошили Геркуланумъ. А тамъ—куда Помпеѣ до Геркуланума! Тамъ чего стоятъ однѣ конныя статуи Бальбъ, отца и сына! Что за роскошь! Какъ они посажены на коней! А Орестъ и Электра, которыхъ дивныя формы я по ночамъ руками осязалъ и плакалъ отъ восторга. А статуя Эсхина, какая драпировка! Мраморъ шевелится въ складкахъ хитона, лицо говоритъ, я слышу его неотразимую рѣчь противъ Демосѳена pro corona!

Онъ задумался, а эдилъ стоялъ, не шевелясь, боясь прервать его бредъ, его безумныя слова. Онъ надѣялся, что въ этомъ горячечномъ бреду таинственный арестантъ выдастъ себя, проговорится, обмолвится истиной, которая ускользала отъ хитраго полицейскаго цербера.

— Да, по цѣлымъ часамъ созерцалъ ихъ, осязалъ трепетными руками во мракѣ ночей,—продолжалъ говорить самъ съ

собою неустрашимый маніакъ.—А Минерва! А покоящійся Меркурій!.. И все это въ Геркуланумѣ... А я только могъ въ отчаяніи ломать руки, вспоминая о своей студіи, о томъ, что я тамъ покинулъ... И ужъ никогда я не буду держать въ рукахъ моего рѣзца! Не буду оживотворять холодный мраморъ... О, моя Кратилла, моя Аспазія, мои Галатеи!

Вдругъ раскаты грома потрясли зданіе амфитеатра. Несчастный арестантъ вздрогнулъ.

— Что это?—спросилъ онъ испуганно, замѣтивъ эдила, о которомъ совсѣмъ было забылъ.

— Это нумидійскій левъ, который растерзаетъ тебя, если ты не сознаешься во всемъ,—сказалъ Панса.—Говори, кто эта Кратилла, о которой ты сейчасъ упомянулъ.

Арестантъ молчалъ. Опять раздалось ужасное рыканье льва; ему вторили другіе.

— Слышишь? Говори, кто Кратилла?—настаивалъ Панса.—Львы ждутъ тебя. Говори, сознавайся, кто это Аспазія?

— Аспазія?.. Прекрасная подруга Перикла, гетера, — съ ироніей отвѣчалъ арестантъ, къ которму опять воротилось самообладаніе.

— Я знаю ту Аспазію, читалъ,—сердито сказалъ Панса.— А Галатея?

— Статуя Пигмаліона!—былъ отвѣтъ.

Эдилъ со всего размаха ударилъ по щекѣ арестанта и вышелъ, хлопнувъ дверью. За нимъ заскрипѣлъ желѣзный засовъ, и все стихло. Только львы потрясали ревомъ стѣны амфитеатра.

XIX.

Ни Кратилла, ни молодые Діомеды ничего не знали, гдѣ Зено и что съ нимъ.

Кратилла помнила только, что во время ночного переполоха въ пещерѣ Циклоповъ она вмѣстѣ съ отцомъ бросилась вглубь пещеры къ другому тайному выходу, но въ темнотѣ наткнулась на камень, упала и вывихнула себѣ ногу; что ее тотчасъ же поднялъ Курцій и понесъ, а сзади кто-то схватилъ ее за волосы. Тогда она услыхала за собой чей-то угрожающій голосъ: «Такъ умри же, собака!» а вслѣдъ затѣмъ послышался крикъ: «Ловите, ловите его! Онъ убилъ центуріона». Затѣмъ она ни-

чего не помнитъ. Очнулась она отъ обморока уже внѣ пещеры, на рукахъ у Курція, который молча шелъ рядомъ съ братомъ, осторожно прижимая ее къ своей

Когда ее приносли къ виллѣ Діомеда, то Квинтъ тихонько сказалъ привратнику Канису, чтобъ онъ никому не говорилъ, что Кратилла была съ ними, а сказалъ бы Мальвіи и отцу, засидѣвшимся въ гостяхъ у Голконія Руфа, а равно всѣмъ рабамъ и рабынямъ въ домѣ, что Кратилла вывихнула себѣ ногу, убирая вечеромъ комнату своей госпожи и сходя въ темнотѣ съ галлереи въ нижній ярусъ дома.

Теперь Кратилла лежала въ своей каморкѣ съ забинтованною ногой. Когда ее вечеромъ Курцій принесъ сюда, то сейчасъ оба брата осторожно вправили ей вывихнутую ступню правой ноги, наложили на нее компрессъ и забинтовали, предупредивъ ее о томъ, чтобъ она никому не говорила о посѣщеніи вмѣстѣ съ ними пещеры Циклоповъ и о томъ, что тамъ происходило, а сказала бы, что вывихнула ногу дома, оступившись въ темнотѣ на лѣстницѣ.

Она припоминала теперь свое мимолетное свиданіе съ отцомъ въ пещерѣ, его ласки, его объятія, нѣжныя слова. Гдѣ же онъ теперь? Успѣлъ ли скрыться отъ преслѣдователей? Вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не думать о своихъ спасителяхъ, о ихъ нѣжной заботливости. Никогда, никто въ жизни не производилъ на нее такого впечатлѣнія, какъ эти братья. Ни къ кому она до сихъ поръ не чувствовала такой благодарности, такого сердечнаго влеченія, какъ къ нимъ. Это были какіе-то герои, полубоги. И какъ не похожа на нихъ сестра! Холодная, безсердечная эгоистка, тщеславная и бездушная кокетка, все въ ней было ложно, неискренно, во всемъ фальшь и притворство. И Кратилла старалась думать только о ея братьяхъ. Да еслибъ она и не хотѣла о нихъ думать, то не могла: они такъ и стоятъ передъ нею, серьезные, сильные, кроткіе и ласковые. Она до сихъ поръ чувствуетъ ту сладкую истому, которая всю ее охватила, когда они съ такою нѣжною заботливостью клали ей компрессы на больную ногу и забинтовывали ее. И кто бы сталъ такъ заботиться о простой рабынѣ, о какой то несчастной, одинокой дѣвочкѣ! А они на рукахъ вынесли ее изъ страшной пещеры, когда и имъ, какъ ей, угрожала, быть можетъ, смерть, которая, дѣйствительно, и постигла тамъ кого-то.

Вотъ и теперь она лежитъ и все думаетъ о нихъ. Они же, чтобъ успокоить ее, на другой день ходили узнавать о ея отцѣ, но, къ сожалѣнію, ничего не узнали. Что же съ нимъ? Они, впрочемъ, успокоивали ее, увѣряли, что съ нимъ ничего не могло случиться. Потомъ, на слѣдующій день, рано утромъ она слышала недалеко какую-то заунывную музыку и печальное, за душу хватающее пѣніе, и братья сказали ей, что это хоронили какого-то центуріона. О, да! Она теперь вспомнила—это, вѣроятно, того, котораго кто-то убилъ въ пещерѣ Циклоповъ въ ту страшную ночь, когда она увидѣла отца и снова потеряла.

Обдумывая все это, припоминая событія послѣднихъ дней, она услышала чьи-то шаги, и сердце ея радостно забилось. Она узнала знакомые шаги. Это долженъ быть Квинтъ. Почему то ей особенно хотѣлось, чтобъ это былъ именно Квинтъ, а не Курцій. Почему, она и сама не могла дать отчета. Оба брата были къ ней одинаково ласковы; Курцій, казалось, былъ даже нѣжнѣе съ нею, чѣмъ старшій братъ; въ ужасную ночь, въ пещерѣ Циклоповъ, когда она упала и повредила себѣ ногу, ее взялъ на руки именно Курцій, а не Квинтъ, и донесъ ее, такую тяжелую, до самаго дома; Квинтъ былъ и менѣе разговорчивъ съ нею, менѣе нѣженъ. Но, при всемъ томъ, она всегда больше думала о старшемъ братѣ, чѣмъ о младшемъ. Можетъ быть, это было оттого, что старшій братъ былъ первый, который возбудилъ въ ней чувство благодарности, а потомъ и симпатіи; онъ первый, тамъ, въ мастерской скульптора Руфуса, обратилъ на себя ея взоры своимъ великодушіемъ; онъ снялъ съ ея головы непосильную ношу, тяжелый мраморъ группы умирающаго гладіатора; онъ, сынъ знатнаго Діомеда, какъ простой рабъ, пронесъ этотъ мраморъ черезъ всю Помпею, на виду всѣхъ граждань, тогда какъ тяжесть эту должна была нести она, Кратилла; онъ, старшій братъ, первый заронилъ въ ея сердце чувство, котораго она прежде не испытывала; онъ первый пробудилъ въ ребенкѣ спавшую еще женщину, хотя сама она не сознавала этого; онъ первый затронулъ въ ея душѣ такія струны, присутствія которыхъ она въ себѣ до той поры не подозрѣвала.

Передъ нею, дѣйствительно, стоялъ Квинтъ и, ласково улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

— Ты сегодня менѣе блѣдна, Кратилла,—сказалъ онъ, подходя ближе, и взялъ ее за руку.

Она и не могла быть блѣдною въ этотъ моментъ. При самомъ появленіи Квинта легкій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ. Она прильнула губами къ рукѣ молодого стоика и приподнялась на своемъ узенькомъ ложѣ.

— Не вставай, не труди больной ноги,—сказалъ Квинтъ.—я вотъ тутъ присяду.

И онъ помѣстился у ногъ дѣвушки, примостившись на краю ся узенькаго ложа.

— Теперь легче ногѣ?—спросилъ онъ.

— Да, сегодня совсѣмъ не болитъ,—отвѣчала дѣвушка, шевеля забинтованной ногой.

Квинтъ слегка приподнялъ простыню, покрывавшую ноги Кратиллы. Маленькія, совсѣмъ дѣтскія ножки выглянули изъ-подъ короткой рубашечки.

— Да, сегодня и красноты не видно,—сказалъ Квинтъ, слегка гладя ступни и правой и лѣвой ноги дѣвушки,—и жару нѣтъ.

Какое-то томительно-сладкое чувство разлилось по всему тѣлу дѣвушки. Она откинулась на подушку и закрыла глаза: ей казалось, что у нея кружится голова. Квинтъ не отнималъ руки отъ ея ногъ. Онъ о чемъ то задумался.

Отчего не онъ снесъ ее съ Везувія, не Квинтъ?—невольно подумала Кратилла и открыла глаза.

Квинтъ сидѣлъ молча, глядя куда-то въ сторону.

— А объ отцѣ все еще ничего не слышно?—спросила дѣвушка.

Молодой стоикъ какъ бы очнулся отъ забытья.

— Нѣтъ, пока ничего не узнали,—отвѣчалъ онъ. Но онъ только боялся тревожить дѣвушку, боялся испугать ее. Было очень много вѣроятнаго въ томъ, что отецъ ея былъ схваченъ въ пещерѣ Циклоповъ. Не оказывалось на лицо и пастуха Кардо, который въ ту памятную ночь сторожилъ входъ въ пещеру и онъ же подалъ сигналъ объ опасности: крикъ совы былъ этотъ условный сигналъ. Квинтъ видѣлъ сестру пастуха, Кардиту, и нашелъ ее въ слезахъ: она была увѣрена, что брата ся схватили при самомъ входѣ въ пещеру. Онъ не сомнѣвался, что и Зено, и Кардо будутъ обвинены въ убійствѣ центуріона даже безъ всякихъ уликъ. Помпейцамъ нужны были жертвы

для ихъ зрѣлищъ, и Панса не задумается отдать львамъ на растерзаніе и отца Кратиллы, и молодого красиваго пастуха.

Въ душѣ Квинта происходила жестокая борьба. Онъ долженъ былъ пожертвовать собой, чтобъ спасти невинныхъ.

Въ это самое время до слуха его и Кратиллы донеслись слова, сказанныя по близости какою-то рабынею: «Кого же взяли?» Они невольно прислушались.

— Пастуха Кардо схватили у самаго адскаго грота,— отвѣчалъ голосъ, въ которомъ узнали голосъ Синистры.—Мнѣ говорилъ Тумулюсъ.

— Такъ онъ убилъ центуріона?—продолжалъ спрашивать другой голосъ.

— Нѣтъ, не онъ: его схватили у самаго грота, когда центуріонъ былъ еще живъ. Кардо, какъ видно, былъ у нихъ часовымъ.

— Кто-жъ убилъ центуріона?

— Другой, полагаютъ.

— Кто-жъ онъ такой?

— Они и сами не знаютъ, кто онъ, а онъ упорно молчитъ, не говоритъ своего имени.

— Старый или молодой?

— Старый: голова бѣла, какъ у мраморнаго бога, и борода огненная.

При этихъ словахъ Кратилла вздрогнула и приподнялась. Лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью, зрачки глазъ расширились.

— Слышалъ?—прошептала она.—Это отецъ!.. О, великая Изида!

И Квинтъ былъ блѣденъ не менѣе ея. Для него наступила рѣшительная, роковая минута.

— Нѣтъ!—прошепталъ онъ, сжимая до боли руку Кратиллы.—Это не отецъ! Не отецъ!

Она ничего не понимала: ей казалось, что она бредитъ.

— Кто же?—спросила она беззвучно.

— Я!—прошепталъ Квинтъ, выпуская ея руку,—я убилъ центуріона!

— Ты!.. О, великая Изида!

— Да, я! Когда ты упала и вывихнула ногу, я крикнулъ Курцію, чтобъ онъ унесъ тебя, а самъ хотѣлъ защищать твоего

отца, у котораго не было оружія. Въ это мгновеніе центуріонъ настигъ васъ и схватилъ тебя за волосы... Ты невинна ни въ чемъ, бѣдная дѣвочка, и я... я убилъ центуріона!.. Въ темнотѣ,—факелъ потухъ, его выбили изъ рукъ воина,—я потерялъ твоего отца: въ это время его, вѣроятно, и схватили и приняли за убійцу... Но убилъ я, я защищалъ невинность.

— О, боги,—еще съ большимъ ужасомъ прошептала Кратилла,—ты! Спаситель мой! А отецъ... Боги!

— Я спасу его.

— Какъ? Чѣмъ?

— Я скажу, что я убилъ центуріона, я докажу это, и братъ подтвердитъ.

— Тогда... тогда что же?

— Тогда отца освободятъ, а меня...—Квинтъ остановился.

— А тебя? Говори! Тебя?

— Меня поставятъ на арену,—съ горькой улыбкой отвѣчалъ Квинтъ.

— На арену!.. Львамъ!.. На растерзаніе!.. О, нѣтъ, нѣтъ!.. Ни за что!

И дѣвушка въ отчаяніи и ужасѣ обвила руками шею Квинта.—О, нѣтъ! Нѣтъ! Я не отдамъ тебя! Я... я! О, великіе боги!

Она прижималась къ нему и вся дрожала. Въ душѣ ея вставалъ ужасный вопросъ: «Онъ или отецъ? Кто долженъ погибнуть? Отецъ или Квинтъ? Кто ей дороже?

Она все съ большимъ и большимъ ужасомъ и отчаяніемъ прижималась къ могучей груди своего спасителя, своего божества.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—шептала она.—Подожди, не говори, что ты убилъ... Не отдавай себя имъ... О, боги!

— А какже отецъ, Кардо? Они страдаютъ невинно,—говорилъ Квинтъ, тихо отстраняя отъ себя трепещущую дѣвушку.

— Развѣ ихъ теперь же отдаютъ львамъ?—съ новымъ ужасомъ спросила она.

— Нѣтъ, не теперь... Ихъ будутъ прежде судить.

— Такъ подожди... Послѣ... Я сама пойду къ отцу...

— Зачѣмъ, бѣдное дитя?

— Я хочу быть съ нимъ... Я скажу, что убила центуріона... Дай мнѣ твой мечъ!

Она соскочила съ своей кроватки. Разсыпавшіяся золотистыя косы всю ее покрыли.

— Дай мнѣ мечъ... Я пойду къ отцу,—говорила она точно въ бреду.

Квинтъ приподнялъ ее и насильно положилъ на постель.

— Успокойся, бѣдное дитя. Еще есть время,—говорилъ онъ.

— Такъ ты не скажешь?

— Пока не скажу, успокойся.

У входа показалась Мальвія. Она съ нескрываемой ироніей и злостью смотрѣла на «нѣжную сцену».

XX.

Слѣдствіе, между тѣмъ, по поводу убійства центуріона производилось энергично. Одновременно съ нимъ шли также розыски виновныхъ въ разрушеніи статуи божественнаго Августа. Арестовано было еще нѣсколько подозрительныхъ личностей.

Однако помпейское населеніе не довольствовалось этимъ: народъ жаждалъ зрѣлищъ.

Чтобы сколько нибудь успокоить умы, власти города, по совѣту эдила, рѣшили дать народу зрѣлище, хотя на первый разъ и не кровавое.

Въ одно утро жители Помпеи увидѣли на стѣнахъ домовъ и на колоннахъ форума написанное красною краскою объявленіе, которое гласило:

«Въ послѣдній день календъ іюля, въ большомъ театрѣ Скавра, дано будетъ торжественное представленіе трагедіи Эсхила «Эдипъ царь». Шесты будутъ подняты и навѣсы протянуты, а равно произведены будутъ орошенія» (sparsiones).

Около объявленій стали собираться зрители и выражали свое удовольствіе.

— О, клянусь Юпитеромъ!—воскликнулъ Тумулюсъ, когда узналъ въ чемъ дѣло,—это они хорошо придумали, давно пора; а то въ Помпеѣ безъ зрѣлищъ скучно стало.

— А это все придумалъ нашъ благородный эдилъ Панса,—вмѣшался въ разговоръ Фурка,—это мнѣ говорилъ его паразитъ Какусъ.

— А все бы лучше звѣриныя травли,—замѣтилъ гладіа-

торъ Барка.—Это что! Пустяки! Забава для дѣтей, ни капли крови не прольется... То ли дѣло нашъ братъ, гладіаторъ!

— Правда, клянусь Афродитой!—воскликнулъ толстякъ Саринусъ, сынъ Публія, у котораго была въ Помпеѣ гостиница у двѣнадцатой башни,—когда на аренѣ львы работаютъ, тогда моя торговля идетъ шибко, благодаря милостямъ Меркурія.

— Подожди, любезный Саринусъ, будутъ и львы работать,—успокоивалъ его Тумулюсъ,—благородный нашъ эдилъ уже сдѣлалъ запасъ на этотъ счетъ: пища львамъ будетъ.

— А что-жъ это за «Эдипъ царь»?—спросила продавщица цвѣтовъ.

— Это былъ одинъ такой царь, котораго народъ изгналъ изъ его города за преступленія, а боги ослѣпили его,—вмѣшался въ разговоръ площадной скриба, писавшій народу ябеды,—такъ вотъ этотъ Эдипъ и скитался вездѣ, питаясь подаяніемъ, а его водила добрая дочь, Антигона.

— Славная дѣвушка, да наградятъ ее боги!—вздохнула продавщица цвѣтовъ.—А каково то царю питаться подаяніями!

Наконецъ, насталъ и послѣдній день календъ іюля.

Въ этотъ день, съ утра, всѣ граждане Помпеи готовились къ зрѣлищу. Мальвія въ этотъ день встала раньше обыкновеннаго: ей захотѣлось какъ можно изысканнѣе одѣться, чтобъ затмить всѣхъ помпеянокъ и своимъ нарядомъ, и красотой, и привлечь къ себѣ взоры всѣхъ мужчинъ, и молодыхъ, и старыхъ. Она вышла въ уборную изъ своего узенькаго и темнаго кубикулума и велѣла Синистрѣ позвать Кратиллу, которая должна была причесать ее и одѣть.

Уборная Мальвіи выходила на галлерею, открывавшую видъ на море. Мальвія постояла нѣсколько минутъ на галлереѣ, любуясь открывавшеюся передъ ея глазами картиною: море отливало всѣми цвѣтами, но больше всего бирюзою и изумрудами; Капрея, Питеуза и Прохита казались въ утренней дымкѣ чѣмъ-то волшебнымъ; правый берегъ залива пестрѣлъ роскошными виллами до самаго Неаполиса; тамъ, на мысѣ Яйца Леды *), утопала въ зелени пальмъ и гигантскихъ алоэ великолѣпная вилла Лукулла; лѣвѣе другой мысъ съ могилою Вир-

*) Это тотъ мысокъ, на которомъ стоитъ теперь Castel dell'Ove. (Замокъ Яйца—нынѣ помѣщеніе для военныхъ арестантовъ).

гилія, скрывавшій собою Путсоли; еще лѣвѣе, по ту сторону залива Байя, ясно вырисовывался мысъ Мизена съ дворцами и виллами цезарей. При видѣ этого мыса и виллъ Мальвія нахмурила брови: она что-то вспоминала.

— Противный мальчишка!—прошептала она. — Совсѣмъ перестаяъ бывать... Хорошо, новый Икаръ! Слишкомъ высоко летаешь: какъ бы тебѣ не свалиться въ море!

Вошла Кратилла и остановилась у колонны. За это время она какъ будто возмужала и похудѣла, но стала еще прелестнѣе.

— Причеши и одѣнь меня,—сказала ей Мальвія и вошла въ уборную.

Явилась и Синистра. Мальвія стала глядѣться въ зеркало, которое передъ ней держала Синистра, взявъ его съ уборнаго столика и вытеревъ тщательно своею туникой.

— Что? Въ пыли?—спросила Мальвія.—Ты, Кратилла, совсѣмъ не убираешь,—съ неудовольствіемъ взглянула она на юную рабыню.

— Я тщательно все убрала, добрая госпожа,—тихо отвѣтила Кратилла.

Какъ разъ передъ ея глазами, на пьедесталѣ, покоилась прелестная группа умирающаго гладіатора. Сердце ея сжалось смертной тоской: ей казалось, что это умираетъ Квинтъ на аренѣ амфитеатра.

Она стала чесать госпожу. Руки ея дрожали.

— Да не очень взбивай волосы,—сказала Мальвія,—теперь въ Римѣ не носятъ высокихъ прическъ.

Ей хотѣлось, чтобъ Кратилла причесала ее такъ, какъ сама чесалась. Позади себя она видѣла въ зеркалѣ, которое держала Синистра, отраженіе изящной головки своей юной рабыни, и ей хотѣлось быть похожей на нее, столько граціи было въ этой простой прическѣ. Но гордой дочери Діомеда противно было признаться въ этомъ. Она видѣла томные, какъ бы усталые глаза Кратиллы, съ легкой тѣнью подъ ними отъ тайныхъ слезъ, и сама, взявъ со столика какой-то составъ въ стеклянной коробочкѣ, слегка подвела у себя тѣнь подъ глазами.

— Готово? Теперь подай розы... Только не мни ихъ твоими погаными лапами!

Дрожащими пальчиками Кратилла вдѣла розы въ волосы госпожи.

— Нѣтъ, не надо!.. Такъ я буду похожа на Кардиту, что пасетъ вонъ тамъ на Везувіѣ козъ,—капризничала дочь Діомеда.—На Антигонѣ нѣтъ цвѣтовъ, и я не хочу... Аграфъ съ купидономъ приколи на плечо повыше.

— Афродита! Живая Афродита!—льстиво шептала Синистра, закатывая глаза.

— Стяни немножко поясъ, дохлая!—сердилась Мальвія.

Кратилла исполнила приказаніе госпожи.

— Да, такъ лучше,—одобряла Синистра, — такимъ бюстомъ и самъ Юпитеръ залюбуется: точно у Юноны, такъ и выступаетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Слишкомъ выпукло! — не соглашалась Мальвія, невольно сравнивая свой выпуклый бюстъ съ полудѣтскимъ бюстомъ Кратиллы.—Развѣ я кормилица! Распусти поясъ.

И Кратилла должна была складками туники смягчать слишкомъ отчетливыя выпуклости своей госпожи.

— Теперь булавку со змѣей, серьги, кольца... Собирайся и ты со мною въ театръ,—говорила Мальвія убиравшей ее Кратиллѣ,— и ты, Синистра.

— О, благодареніе богамъ! — воскликнула послѣдняя:— Какое счастье!

— Да... Тамъ увидишь своего гладіатора, «друга души»,— ядовито добавила Мальвія, сдѣлавъ удареніе на словѣ «своего».

Въ глазахъ Синистры блеснули насмѣшливыя искорки: она хорошо знала, что и ея госпожа изподтишка заглядывалась на ея богатыря Барку...

— Ахъ, да!—какъ бы спохватилась Мальвія. — Эдилъ Папса говорилъ мнѣ, что бои гладіаторовъ и травлю осужденныхъ львами назначаютъ въ девятый день до календъ сентября...

Кратилла вздрогнула и уронила на мозаичный полъ драгоцѣнное кольцо съ миніатюрной камеей, изображавшей Ореста и Электру.

— Да ты, негодная тварь, разобьешь камею!—вскрикнула Мальвія.

Но камея, къ счастью, не была разбита. Кратилла стояла

блѣдная, трепещущая. Побѣлѣвшія губы ея беззвучно шептали: «Въ девятый день до календъ сентября... О, мой Квинтъ! О, мой отецъ!»,—колотилось въ ея изстрадавшемся сердцѣ.

— Теперь ступайте,—готовьтесь къ выходу со мной,—приказала Мальвія рабынямъ.

Скоро рабыни были готовы, и Мальвія вышла съ ними на перистиль. Тамъ ихъ уже ждали рабы съ носилками: одни для старика Діомеда, другія для матери Мальвіи и третьи для самой Мальвіи. День былъ жаркій, а имъ предстояло пройти весь городъ почти до воротъ Стабій, и потому они велѣли нести себя на носилкахъ. Носилки Мальвіи отличались особымъ изяществомъ. Она сидѣла въ легкомъ золоченомъ креслѣ съ инкрустаціями, на вышитой золотой подушкѣ, а полуоткрытыя розовыя съ бѣлой подкладкой и золотыми кистями занавѣски защищали ее отъ солнца.

Народъ, разряженный и радостный, толпами двигался по направленію къ театру. Только и слышно было что объ Антигонѣ и слѣпомъ Эдипѣ...

— Боги наказали его за то, что онъ женился на родной матери.

— Но вѣдь онъ не зналъ...

— А сфинксъ предупреждалъ его... Боги поступили правильно.

При выходѣ на форумъ, у тріумфальной арки, къ носилкамъ Мальвіи подошли помпейскіе франты, Флаккъ и Маркъ Туллій, и скоро къ нимъ присоединился и знакомый намъ преторіанецъ, который запахъ императорскихъ конюшенъ предпочиталъ всѣмъ ароматамъ.

Франты были въ широкополыхъ шляпахъ: отъ солнца.

— Вы уже имѣете таблетты на входъ?—спросила молодыхъ людей Мальвія, очаровательно улыбаясь и стараясь выказать бѣлизну своихъ зубовъ.

— Да, прелестная богиня,—отвѣчалъ Флаккъ и подалъ ей мѣдную продолговатую пластинку,—вотъ моя таблетта.

На пластинкѣ вытѣснено было:

Cavea I. Cuneus III. Gradus II. Oedipus rex. Aeschyli *).

---

*) Такіе театральные билеты, вырытые при раскопкахъ Помпеи, можно видѣть въ неаполитанскомъ музеѣ.

— Cavea prima, cuneus tertius, gradus secundus,—прочитала вслухъ дочь Діомеда.—Значитъ, эта кавеа и этотъ кунеусъ противъ весталокъ?

— Да, прекрасная Мальвія,—отвѣчалъ Туллій,—мы нарочно выбрали эти мѣста. Между молоденькими весталками есть прехорошенькія.

— О, клянусь Пегасомъ! — воскликнулъ преторіанецъ, глядя на Кратиллу, которая шла у носилокъ своей госпожи,—да этотъ маленькій Ганимедъ съ золотой косой годится въ весталки!.. Такая очаровательная мордочка!

Мальвія съ досады закусила губы, а Кратилла съ краскою стыда и негодованія отвернулась отъ любителя конюшенъ.

— Говорятъ, мы скоро будемъ любоваться травлею одного любителя статуй,—сказалъ Флаккъ.

— Какъ, любителя статуй?—спросила Мальвія.

— Да мнѣ эдилъ сказывалъ, что центуріона убилъ какой-то чудакъ: онъ по ночамъ ходилъ ощупывать нашихъ боговъ и богинь и знаетъ всѣ наши лучшія статуи и ихъ достоинства не хуже Праксителя или Фидія.

— Кто-жъ?—спросила Мальвія.

— Онъ говоритъ, что онъ «никто», οὖδεις, какъ отвѣчалъ Улиссъ циклопу Полифему, которому онъ горящей головешкой выкололъ его единственный глазъ.

— О, боги!—послышался чей-то стонъ.

— Посмотримъ, что онъ отвѣтитъ льву, когда тотъ спроситъ: «Ты кто?»—засмѣялась Мальвія.

— Благодареніе богамъ, вотъ, наконецъ, и театръ! О, Геліосъ! Не поражай ты насъ своими огненными стрѣлами!—воскликнулъ Туллій, глядя на солнце, которое пекло жестоко.

XXI.

Въ Помпеѣ находилось три прекрасныхъ зданія для публичныхъ зрѣлищъ: амфитеатръ, помѣщавшійся въ концѣ города, въ томъ углу, который образовался поворотомъ городскихъ стѣнъ отъ воротъ Нуцеріанскихъ къ воротамъ Сарна; Большой театръ или театръ Скавра, и Малый или Одеонъ.

Представленіе «Эдипа царя» назначено было въ Большомъ

театрѣ, который находился на возвышеніи между форумомъ Тріангуляре и улицею Стабій, рядомъ съ Одеономъ.

Большой театръ представлялъ собою зданіе весьма внушительныхъ размѣровъ. Плиній Младшій, упоминая впослѣдствіи въ своихъ сочиненіяхъ о театрѣ Скавра, говоритъ, что въ немъ могло помѣщаться до восьмидесяти тысячъ зрителей, размѣры, о которыхъ нашъ вѣкъ и понятія не имѣетъ! Только римляне способны были на такія поразительныя сооруженія!

Театръ Скавра представлялъ собою открытое сверху и обнесенное портиками зданіе, которое раздѣлялось, какъ и всѣ театры, на двѣ части: одну половину, меньшую, занимала сцена съ мѣстами для музыкантовъ у самаго помоста, и постсценіумъ, то, что у насъ называется «за кулисами». Подъ помостомъ находились механическія приспособленія, посредствомъ которыхъ производили громъ или съ помощью которыхъ выходили изъ-подъ земли тѣни, привидѣнія, адскіе духи и т. д. Боги же Олимпа спускались на сцену въ колесницахъ или на искусственныхъ облакахъ. Занавѣсъ не опускался сверху, какъ въ современныхъ театрахъ, а поднимался снизу, отъ помоста. Сцена или помостъ назывались у нихъ пульпитумъ и была сдѣлана нѣсколько наклонно къ сторонѣ зрителей.

Мѣста для зрителей шли полукругомъ, уступомъ, въ видѣ амфитеатра; ближайшій къ сценѣ полукругъ, безъ уступовъ, ровный, назывался орхестрою и предназначался для почетныхъ лицъ: для сенаторовъ, патриціевъ и т. п., которые помѣщались въ своихъ собственныхъ креслахъ съ мягкими подушками, приносимыми рабами, или на почетныхъ двумѣстныхъ сѣдалищахъ, называемыхъ «бизелліумъ»; право сидѣть на бизелліумѣ давалось годами, и это отличіе считалось очень важнымъ, какъ о томъ упомянуто на гробницѣ одного августала, въ Помпеѣ. Эти бизелліумы до сихъ поръ можно видѣть въ неаполитанскомъ музеѣ; они очень изящно украшены бронзовыми фигурами, барельефными бюстами и красивыми инкрустаціями.

За орхестрою уже начинались каменныя полукруглыя сидѣнья, уступами, амфитеатромъ. Этотъ амфитеатръ раздѣлялся проходами на нѣсколько коническихъ отдѣленій, называемыхъ кунеями. По обѣимъ же сторонамъ орхестры находились возвышенныя мѣста, ближе къ сценѣ, которыя назывались подіумами: правыя изъ нихъ назначены были для дуумвировъ,

завѣдывавшихъ представленіями, лѣвыя для весталокъ. Для женщинъ же вообще отведены были мѣста на самомъ верху амфитеатра, за низкою желѣзною рѣшеткой.

Когда Діомедъ съ женою и дочерью, въ сопровожденіи Флакка, Туллія и преторіанца, вошли въ театръ, то почти всѣ мѣста были уже заняты. Самъ Діомедъ, какъ почетное лицо, прошелъ въ орхестру, гдѣ рабы уже поставили для него кресло не далеко отъ креселъ Марка Лукреція, Корнелія Руфа и циника Авла Порка. Мальвія съ матерью и рабынями поднялись въ женское отдѣленіе, въ такъ называемое сумма кавеа, а молодые люди заняли свои мѣста въ первой кавеѣ, сейчасъ позади орхестры, во второмъ ряду, противъ подіума, на которомъ уже возсѣдало нѣсколько весталокъ. Дѣйствительно между строгими лицами старыхъ служительницъ неугасимаго огня Весты виднѣлись и юныя, миловидныя личики молоденькихъ весталокъ, скромный видъ которыхъ, потупленные глазки и дѣвственность еще болѣе возвышали ихъ красоту.

Эдилъ Папса и Голконій Руфъ явились послѣ другихъ. Они, помѣнявшись привѣтствіями съ Діомедомъ и другими знакомыми, прошли на подіумъ, гдѣ стояли статуи Нерона и Агриппины.

Шесты съ велями (занавѣсами) были подняты, и въ отверстіе,—театръ былъ безъ потолка,—виднѣлась только та часть голубого неба, до которой еще не поднялось жаркое іюльское солнце.

Заиграла музыка. На сцену вошелъ протагониста въ огромной маскѣ, съ широко раскрытымъ ртомъ. Но едва онъ сдѣлалъ жестъ рукою, чтобы заговорить, какъ вдругъ пошатнулся... Все зданіе театра, казалось, дрогнуло, и земля застонала...

— Землетрясеніе! Землетрясеніе! — послышались женскія голоса.—О, боги!

Все вскочило съ мѣстъ и бросилось къ выходамъ. Снова оглушительный ударъ подъ землею...

Началась страшная давка, крики, стоны. Все бѣжало, падало, тѣснилось въ вомиторіяхъ, скорѣе стараясь выбраться на площадь, подальше отъ дрогнувшихъ стѣнъ зданій.

Но удары больше не повторялись.

— Это Вулканъ только пошутилъ,—замѣтилъ циникъ, вы-

тирая тогою потъ, струившійся по его жирному лицу,—то-ли было пятнадцать лѣтъ назадъ.

— Однако, меня порядкомъ помяли,—едва переводя духъ, говорилъ Діомедъ, успокоенный тѣмъ, что увидѣлъ жену и дочь въ безопасности.

Дамы Діомеда отдѣлались только испугомъ, но Мальвія сердилась, что ей въ суматохѣ помяли прическу. Въ это время явилась Синистра и Кратилла, которыя отыскивали въ толпѣ носилки своихъ господъ. Теперь носилки слѣдовали за ними.

Панса, отдавая направо и налѣво приказанія, неожиданно очутился около Діомеда и окружавшей его группы.

Но вдругъ онъ остановился, видимо, пораженный чѣмъ-то. Въ это время Кратилла поправляла прическу своей молодой госпожи.

— Кто эта дѣвушка?—спросилъ Панса Діомеда, не спуская глазъ съ Кратиллы.

— Это рабыня моей дочери,—отвѣчалъ Діомедъ.

— А гдѣ ты ее пріобрѣлъ, достойный Аррій? — допрашивалъ эдилъ.

— Въ портѣ, на невольничьемъ рынкѣ.

— А давно?

— Нѣсколько недѣль назадъ.

— Одну купилъ, или съ нею кто былъ?

— Помнится, былъ тамъ еще бородатый скиѳъ, котораго купилъ нашъ славный навмархъ, благородный Плиній.

— А у этого скиѳа не сѣдая голова?

— Нѣтъ, онъ, помнится, молодой малый.

Панса продолжалъ вглядываться въ Кратиллу.

— Удивительно, удивительно!—бормоталъ онъ. — Клянусь Афродитой, это она.

— Да что это благородный эдилъ такъ заглядывается на мою рабыню?—шутя спросилъ Діомедъ.—Развѣ Купидонъ пустилъ въ тебя стрѣлой изъ ея глазокъ? Вѣдь это капризный божокъ, и насъ, стариковъ, подстрѣливаетъ.

— Нѣтъ, не то, благородный Аррій,—серьезно сказалъ эдилъ.—Отойдемъ-ка въ сторону: мнѣ нужно серьезно съ тобой поговорить.

Они отошли за колонну портика.

— Это дѣло пока секретное, другъ Аррій, — заговорилъ

Панса,—по тебѣ почтенному гражданину Помпеи, я могу довѣрить государственную тайну, которая еще не вполнѣ раскрыта слѣдствіемъ. Ты, конечно, знаешь о трагической смерти нашего достойнаго центуріона, Декія Скавра?

— О, да! Таинственная, загадочная смерть!—покачалъ головою Діомедъ.

— Вѣдь его убили въ этомъ проклятомъ гротѣ Циклоповъ, когда онъ съ командою, по моему приказанію, долженъ былъ захватить въ этомъ гротѣ скопище заговорщиковъ, за которыми я давно слѣдилъ. Такъ, представь себѣ, достойный Аррій, когда это скопище, заслышавъ приближеніе моихъ воиновъ, бросилось спасаться, вдругъ преслѣдовавшіе ихъ люди наткнулись тамъ, въ глубинѣ грота, на глиняный бюстъ, еще не конченный, но поразительно художественной работы.

— Но зачѣмъ же туда попалъ этотъ бюстъ и притомъ не конченный?—спросилъ Діомедъ.

— Въ этомъ-то и вопросъ, другъ Аррій, — отвѣчалъ Панса.—Да тутъ все вопросы, вопросъ на вопросѣ! Но представь себѣ, мой другъ, этотъ бюстъ, клянусь всѣми богами! Это бюстъ съ твоей рыжеволосой рабыни.

— Какъ! Вонъ съ той Кратиллы, что охорашиваетъ мою Мальвію?

— Съ нея, положительно съ нея! Я, вѣдь, ты знаешь самъ, не профанъ по части искусства: Фидія и Праксителя отличу отъ какого-нибудь Кодра, да и Руфуса нашего не смѣшаю съ Клитономъ. Я знаю толкъ и въ скульптурѣ, и въ живописи.

— Еще бы! Такого мецената и знатока, какъ нашъ благородный Кустусъ Панса, и въ Римѣ поискать съ фонаремъ Діогена. Ну?

— Такъ вотъ я нашелъ оригиналъ таинственнаго бюста въ твоей рабынѣ!

— Чудеса, чудеса,—качалъ головою Діомедъ.—Все таинственно!

— Да это еще не все, — продолжалъ Панса.—Въ томъ проклятомъ гротѣ Циклоповъ захватили въ ту ночь, недалеко отъ убитаго центуріона, какую-то странную неизвѣстную личность. На этомъ неизвѣстномъ оказались слѣды крови, свѣжей крови, конечно, отъ несчастнаго Декія. Но этотъ негодяй упорно отрицаетъ свою виновность.

— Кто же онъ такой?—спросилъ Діомедъ.

— Въ томъ-то и вся задача!—съ досадой произнесъ эдилъ. Не говоритъ, мерзавецъ: я, говоритъ, «никто», какъ Улиссъ. У него, слышишь ли, имени еще нѣтъ, онъ еще не родился!

— Да онъ просто дурачитъ правосудіе!—разсердился и Діомедъ.

— Нѣтъ, онъ говоритъ, что « не родился еще водою и духомъ». Это какое-то иносказаніе. Онъ, видимо, принадлежитъ къ сектѣ этихъ новенькихъ: отрицаетъ нашихъ боговъ, говоритъ, что самъ ихъ дѣлалъ изъ мрамора...

— Скульпторъ, значитъ?

— Да, тутъ, кажется, и есть кончикъ нитки, по которому я и думаю добраться до клубка, какъ Тезей съ помощью Аріадниной нити добрался до Минотавра. И надѣюсь, что твоя рыженькая рабыня будетъ моей Аріадной. Это онъ съ нея сдѣлалъ бюстъ.

— Но гдѣ? Когда?—удивился Діомедъ.—Кратилла не отлучается никуда.

— Ну, не говори этого, другъ Діомедъ, — возразилъ Панса.—Эта секта удивительная, просто поражаетъ своими тайнами! Представь себѣ, эту рыженькую косу видѣли тогда въ гротѣ Циклоповъ.

— Ну, могли и не ее видѣть, развѣ она одна рыжая въ Помпеѣ.

— Такъ-то такъ, другъ Аррій; но, клянусь Прозерпиной, еще неразгаданная тайна. Слушай: когда мои воины, спрятавшись въ темнотѣ около тропинокъ, ведущихъ къ гроту, поджидали, когда заговорщики соберутся всѣ, то они видѣли, какъ по одной тропинкѣ пробирались въ гору три тѣни, и хотя онѣ тихо между собой разговаривали, однако, воины мои разслышали голоса, и чьи бы ты думалъ, другъ Аррій?

— Не знаю... не догадываюсь, все это какія-то непостижимыя тайны,—недоумѣвалъ Діомедъ.

— Голоса твоихъ сыновей!—шопотомъ произнесъ Панса.

— Что ты, благородный эдилъ! Быть не можетъ. Впрочемъ, мои сыновья могли итти и не къ гроту, мало ли куда молодежь ходитъ по вечерамъ!

— Согласенъ, другъ Аррій; но воины слышали тогда и третій голосъ, женскій: такъ не этотъ ли Ганимедъ былъ съ ними и не его ли рыжую косу видѣли въ гротѣ? Все это вопросы.

— Чудеса, чудеса,—качалъ головою Діомедъ.

— Но въ чемъ я теперь убѣжденъ положительно,—продолжалъ эдилъ,—такъ это въ томъ, что найденный въ пещерѣ бюстъ слѣпленъ съ этой твоей Психеи и лѣпилъ его тотъ, котораго захватили въ гротѣ. Онъ скульпторъ. Я на этомъ стою. Онъ въ какомъ-то экстазѣ перечислилъ мнѣ всѣ лучшія статуи и группы Помпеи и Геркуланума и говорилъ, что онъ по ночамъ любовался ими, осязалъ ихъ, плакалъ надъ ними.

Діомедъ, казалось, что-то вспомнилъ. Онъ ударилъ себя по лбу.

— Постой, благородный Панса, — сказалъ онъ, оживляясь.—Весной какъ-то моя цикада, Мальвія, заказала скульптору Руфусу мраморную копію умирающаго гладіатора, знаешь?

— Еще бы не знать! Лучшее украшеніе дворца цезаря, и что за рѣзецъ... Ну?

— Такъ нѣсколько недѣль тому назадъ, мы съ Мальвіей и отправились къ Руфусу узнать, готовъ ли гладіаторъ. Съ нами была и эта, только что купленная рабыня. Когда мы вошли въ магазинъ скульптора и Кратилла увидѣла гладіатора, она бросилась къ нему и стала цѣловать мраморъ и плакать, говоря, что это работа ея отца, скульптора Зено. И тогда намъ Руфусъ объяснилъ, что онъ какъ-то купилъ себѣ раба для черныхъ скульптурныхъ работъ, а рабъ этотъ оказался замѣчательнымъ скульпторомъ. Онъ-то и сдѣлалъ для моей цикады прелестную копію умирающаго гладіатора и на мраморѣ вырѣзалъ свое имя: Zeno fecit. А потомъ вдругъ исчезъ, словно въ воду канулъ.

— О, теперь для меня горизонтъ нѣсколько проясняется,—сказалъ въ раздумьѣ эдилъ.—Надо ихъ свести на очную ставку, это непремѣнно. Посмотримъ... А теперь извини, другъ Аррій, я долженъ на время лишить твою прелестную дочь ея таинственной рабыни: я долженъ ее арестовать и допросить. Позволишь?

— О, прошу: это мой долгъ, долгъ гражданина и вѣрноподданнаго,—поклонился Діомедъ.

— Въ такомъ случаѣ, клянусь Аріадной, я доберусь до Минотавра,—воскликнулъ Панса.

— Прости мнѣ, прелестная Мальвія,—сказалъ онъ, подходя къ дочери Діомеда.—Я, къ сожалѣнію, долженъ лишить тебя на время твоей юной рабыни, вотъ этой (онъ указалъ на Кратиллу): она мнѣ нужна по одному дѣлу.

Кратилла вся помертвѣла, а Синистра бросила на нее злобный, торжествующій взглядъ.

— Я повинуюсь закону, благородный эдилъ!—граціозно наклонила голову Мальвія.—А жаль, что суровый Вулканъ помѣшалъ нашимъ развлеченіямъ.

— Развлеченія отъ насъ не уйдутъ, да еще какія!—любезно поклонился эдилъ.

Потомъ, подозвавъ Тумулюса и Фурку, которые стояли по близости, онъ тихо сказалъ имъ:

— Возьмите вонъ ту рыженькую рабыню Діомеда и отведите ко мнѣ въ домъ. Не допускайте ее ни съ кѣмъ говорить.

Скоро Кратиллу увели съ площади. Бѣдняжка заливалась горькими слезами.

XXII.

Въ тотъ же день къ вечеру тяжелая дверь каземата Колюмбарія Живыхъ скрипнула на ржавыхъ петляхъ, и на порогѣ показался эдилъ Панса.

Колюмбаріемъ Живыхъ назывался одинъ изъ казематовъ амфитеатра, въ которомъ обыкновенно ожидали своей участи несчастные, приговоренные къ растерзанію на аренѣ дикими звѣрями. Въ такомъ колюмбаріѣ помѣщался тотъ таинственный субъектъ, захваченный въ пещерѣ Циклоповъ, который упорно отказывался выдать свое имя.

Эдилъ вошелъ въ казематъ не одинъ. За нимъ Тумулюсъ и Фурка внесли что-то продолговатое и повидимому, тяжелое, напоминавшее человѣческую фигуру, завернутое въ черное покрывало, и, бережно, положивъ на каменный уступъ у стѣны, молча удалились.

Панса засталъ арестанта на колѣняхъ въ позѣ молящагося. При видѣ эдила, арестантъ поднялся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на то, что было закутано чернымъ покрываломъ.

— Ну, что, одумался?—спросилъ Панса.—Теперь все разскажешь?

— Мнѣ нечего разсказывать,—отвѣчалъ арестантъ.

— А если тебя уличать?

— Уличить меня не въ чемъ.

Тогда эдилъ подошелъ къ тому, что было закутано чернымъ покрываломъ, и сдернулъ покрывало.

— Смотри, что это такое... Узнаешь?—спросилъ Панса.

Это былъ бюстъ Кратиллы, найденный въ пещерѣ Циклоповъ. Арестантъ подошелъ къ нему и сталъ смотрѣть на него съ глубокимъ умиленіемъ.

— Узнаешь?—повторилъ Панса.

— Узнаю, это моя работа.

— А съ кого эти черты лѣплены?

— Съ оригинала.

— А съ кого этотъ оригиналъ?

— Онъ былъ въ моемъ сердцѣ и въ немъ останется до могилы.

— А если я покажу тебѣ этотъ оригиналъ?—сказалъ эдилъ.

Арестантъ вздрогнулъ, но молчалъ.

— Этотъ оригиналъ назвалъ мнѣ по имени убійцу центуріона,—продолжалъ Панса.

— И конечно, не меня,—слабо улыбнулся арестантъ.

— Нѣтъ, именно тебя.

— Не можетъ быть, онъ не могъ меня назвать.

Панса понялъ, что сдѣлалъ ошибочный ходъ: онъ не обдумалъ своихъ вопросовъ. Онъ старался поправить свои ходы, и снова неудачно. Онъ былъ плохой знатокъ человѣческой души.

— Желаешь ты, чтобъ оригиналъ былъ спасенъ отъ когтей львовъ?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

Кто же не пожелалъ бы спасти отъ смерти невиннаго человѣка, тѣмъ болѣе безгрѣшное дитя?—въ свою очередь спросилъ арестантъ.

— Такъ скажи, кто убійца?

— Не знаю,—былъ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ она погибнетъ,—глухо сказалъ эдилъ.

— Кто она?—съ испугомъ спросилъ арестантъ.

— Твоя дочь, Кратилла!

— О, Боже всесильный, спаси ее!

Полагая, что достаточно подготовилъ почву для раскаянія преступника и сознанія въ совершенномъ убійствѣ, эдилъ пріотворилъ дверь темницы и крикнулъ:

— Введите свидѣтельницу!

Черезъ минуту на порогѣ показалась Кратилла. Она, видимо, хотѣла броситься къ отцу на шею. но стояла, не шевелясь.

— Дитя мое! Плоть моя!—съ рыданіемъ проговорилъ несчастный.—и ты здѣсь!

Онъ рванулся къ ней и съ страстной нѣжностью обнялъ ее. Дѣвушка со стономъ прижалась къ нему:

— Отецъ мой! Отецъ!

Панса глядѣлъ на эту сцену, и у него дрогнули мускулы лица и губы. Но онъ побѣдилъ свою минутную слабость, такъ хотѣлось ему угодить своимъ гражданамъ и найти жертву, хотя бы невинную, для своихъ прекрасныхъ нумидійскихъ львовъ.

— Сознайся, что ты убилъ центуріона, и тогда дочь твоя будетъ спасена,—сказалъ онъ, приблизившись къ несчастнымъ узникамъ.

Арестантъ съ невыразимой нѣжностью взглянулъ на дочь. Онъ рѣшился.

— Да! Я убилъ его!—сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

Кратилла съ крикомъ борсилась къ нему на шею.

— Неправда! Неправда! Я убила центуріона!—хрипло прокричала несчастная, глядя прямо въ глаза эдилу.—Я зарѣзала его!

Панса въ изумленіи отступилъ.

— Когда онъ схватилъ меня за волосы, я поразила его мечемъ прямо въ сердце,—продолжала Кратилла торопливо, какъ бы боясь, чтобъ ея не остановили.

И отецъ, и эдилъ были одинаково поражены. Эта дѣвочка—убійца! Но первый скорѣе помнился.

— Нѣтъ, она, бѣдная, только желаетъ спасти меня,—сказалъ онъ, подавленный любовью и мужествомъ ребенка.

«Спасти меня», отца, эти слова какъ-то болѣзненно отозвались въ сердцѣ дѣвушки. Его ли только, отца-ли, желаетъ она спасти? А пошла ли бы она на вѣрную смерть, если бы за того не трепетала? Не ошибается ли отецъ? Не ошибается ли она сама? Кто вызвалъ въ ея душѣ рѣшеніе принять на себя убійство, отецъ или тотъ, другой? Эти вопросы, точно молнія, ворвались въ ея сознаніе. Но они не остановили ея, они еще болѣе укрѣпили ее въ ея рѣшеніи.

— Нѣтъ, не спасти тебя желаю, отецъ, а только хочу сказать правду: я убила центуріона,—твердила она, глядя на эдила пылающими рѣшимостью глазами.

Панса, повидимому, сбитъ былъ съ толку. Для его ординар-

ной, несложной солдатской души не могли быть понятны тонкіе, сложные душевные мотивы, которые преобразили ребенка въ героя. Ему и въ голову не могла притти мысль, да она и не уложилась бы въ его первобытномъ, такъ сказать, прямолинейномъ мозгу, мысль принять на себя посторонпее убійство, взвалить на себя чужую вину, да при томъ такую, которая пахнетъ ареной, собственной кровью, когтями нумидійскихъ львовъ. Ясно, что отецъ и дочь вмѣстѣ совершили это убійство.

— Но какъ же ты убила его?—спросилъ онъ какъ-то растерянно.—Откуда ты взяла мечъ?

— У меня былъ свой мечъ подъ туникой,—отвѣчала дѣвушка.

— Но зачѣмъ и какъ ты попала въ гротъ Циклоповъ?

— Я пришла туда на свиданіе съ отцомъ.

— А кто тебя привелъ туда?

— Сама пришла.

— Что же было дальше?

— Когда они, эти воины, ворвались въ гротъ, мы съ отцомъ бросились бѣжать, чтобы скрыться отъ нихъ... Въ это время кто-то сзади схватилъ меня за волосы, я не знаю, кто это былъ, центуріонъ, или другой кто, я обернулась и ударила его мечемъ въ сердце... Потомъ я слышала, что убитъ центуріонъ... Я его убила!

— Неправда! Неправда!—вскричалъ Зено, который все время, какъ его дочь говорила, стоялъ растерянный, подавленный.

И это она, его крошка, Кратилла! Это она затмила собою славу той героини его родной Греціи, той Леайны, которая, чтобъ не выдать чужой тайны, откусила себѣ языкъ!

— Неправда! Неправда!—повторялъ онъ въ изумленіи.— Я убилъ центуріона, а она невинна.

Тяжелая дверь Колумбарія Живыхъ скрипнула, пріотворилась, и на порогѣ показался Тумулюсъ.

— Ты что?—спросилъ удивленный эдилъ.

— Убійца центуріона, благородный эдилъ, — отвѣчалъ воинъ.

— Кто? Гдѣ?

— Здѣсь благородный эдилъ: требуетъ, чтобъ его впустили къ тебѣ.

Новый убійца. Эдилъ совсѣмъ сбитъ съ толку. Онъ растерянно глядѣлъ то на Тумулюса, стоявшаго въ видѣ молчаливой статуи Марса, то на Зено, еще болѣе растеряннаго, то на Кратиллу, у которой разомъ сбѣжалъ съ лица румянецъ нервнаго возбужденія.

— Введи его,—сказалъ, наконецъ, эдилъ.

Черезъ мгновеніе въ казематъ вошелъ Квинтъ, старшій сынъ Діомеда.

Эдилъ съ суевѣрнымъ страхомъ отступилъ назадъ. Ужъ не конецъ ли міра? То земля колеблется въ основаніи, то эти непостижимыя явленія... Разомъ трое убійцъ центуріона.

Взглядъ, которымъ обмѣнялись Кратилла съ Квинтомъ, невозможно передать. Ни одно божество, которому молилась въ своей жизни юная гречанка, не видѣло на себѣ подобнаго взгляда: умиленіе, безпредѣльная любовь, нѣжность и глубокое отчаяніе, вотъ что выражалъ этотъ взглядъ, этотъ молитвенный экстазъ.

— А-а!—сказалъ, наконецъ, эдилъ.—Сынъ Марка Арріа Діомеда!

— Да! Я убійца центуріона Деція Скавра! Вотъ мечъ, которымъ я поразилъ его,—сказалъ Квинтъ, подавая свой мечъ эдилу.—Они,—онъ указалъ на Зено и Кратиллу,—невинны.

XXIII.

— Эй! Почтеннѣйшій скриба! Прочитай-ка, что гласитъ эта красная надпись на стѣнѣ.

— А что дашь, благородный служитель Марса?

— Добрую кружку фалернскаго.

— Ого-го, мы и простого везувіанскаго не прочь пропустить малую толику.

— Идетъ! Читай же!

— Ну, открой заслонки твоихъ ушей, слушай.

— Я не оселъ, мои уши не завѣшаны.

— Ладно! Слушай: «Странникъ! На пути отсюда къ двѣнадцатой башнѣ, Саринусъ, сынъ Публія, содержитъ гостиницу. Здравствуй!» (Vale) *).

*) Эта надпись сохранилась на стѣнѣ въ Помпеѣ до настоящаго времени.

— Э! Да это намъ какъ разъ по пути, шествуемъ, товарищи!

— Клянусь Селеной, которая теперь смотритъ на насъ съ высокаго неба, самъ Вакхъ намъ покровительствуетъ! Идемъ къ старику Саринусу.

Это были наши старые знакомые—Тумулюсъ, Фурка и Каска, которые были сегодня свободны отъ службы и гуляли. Дорогой они увидѣли крупную надпись на стѣнѣ, освѣщенной полною луной, и не умѣя читать, обратились къ проходившему мимо уличному адвокату, скрибѣ, всѣмъ извѣстному въ Помпеѣ подъ именемъ Пера (стиль). Скриба прочелъ.

— Ну, золотое Перо, идемъ-же съ нами,—сказалъ Тумулюсъ.

— О! Клянусь Юпитеромъ! Къ алтарю Вакха я готовъ и окарачъ ползти.

Пріятели отправились къ толстяку Саринусу.

— Ну, что у васъ новаго, благородные воины?—спросилъ скриба.—Говорятъ, вы наловили хорошей дичи для нумидійскихъ львовъ.

— Да, клянусь Селеной, будетъ охота, только не на звѣрей, а на благородныхъ патриціевъ,—сказалъ Каска.

— Прикуси-ка языкъ, жареная рожа! — остановилъ его Тумулюсъ,—Изида уже поджарила тебя, такъ эдилъ Панса дожаритъ твою морду за болтовню.

— Да я что! Вся Помпея объ этомъ говоритъ,—оправдывался Каска.

— А намъ служба велитъ молчать,—настаивалъ Тумулюсъ.

— Ну-ну, полно, пріятели! Клянусь кадуцеемъ Меркурія, на форумѣ только и говору, что и сыновья славнаго Діомеда попались, да еще какъ! Въ первую ставку.

— А вотъ и храмъ Саринуса,—сказалъ Фурка.

Гостиница Саринуса была любимымъ сборищемъ помпейской черни, рыбаковъ, матросовъ и гладіаторовъ.

Когда наши пріятели вошли въ пріютъ толстяка Саринуса, то тамъ уже было не мало посѣтителей: иные сидѣли за отдѣльными столиками, пили и болтали, другіе играли въ кости. Шумъ стоялъ не малый. Другіе посѣтители помѣщались въ комнатахъ, выходившихъ въ общій вестибулумъ.

Вдругъ въ одной изъ такихъ комнатокъ послышался жен-

скій смѣхъ. Тумулюсъ насторжилъ уши: ему, кажется, знакомъ этотъ задорный смѣхъ.

— Клянусь палицей Геркулеса! Одинъ изъ львовъ будетъ моей добычей!—донесся оттуда зычный голосъ.

— Это, должно быть, тотъ, который поломаетъ кости моему господину, спесивому Квинту,—отвѣчалъ на это женскій голосъ.

Тумулюсъ при этихъ словахъ побагровѣлъ отъ злости и бросился къ комнаткѣ, откуда доносились голоса. Увидѣвъ, что тамъ, онъ такъ и застылъ на мѣстѣ. Онъ увидѣлъ Синистру на колѣняхъ у гладіатора Барки.

— А, негодная шкура! Такъ-то ты! Подъ двумя ходишь въ упряжкѣ!—зарычалъ онъ.—Вотъ я тебѣ пощупаю косы и ребра.

— Попробуй, мѣдная башка!—огрызнулся гладіаторъ, спуская съ колѣнъ свою даму.—Ты сюда вошелъ на своихъ копытахъ, а отсюда тебя выволокутъ, какъ падаль.

— А! Клянусь волосами Медузы, я вырву гриву у твоей Гарпіи!

И Тумулюсъ бросилая съ кулаками на измѣнившую ему красавицу, которая нахально смотрѣла на него, говоря: cras tibi, hodie illi *).

Но гладіаторъ заслонилъ свою даму, и противники схватились. Тумулюсъ схватилъ за горло Барку такъ сильно, что тотъ посинѣлъ и зашатался; но тотчасъ же сильнымъ ударомъ колѣнки въ животъ заставилъ воина разжать руки. Тогда они схватились руками, и оба грохнулись на полъ, давя другъ друга и извиваясь, какъ два огромныхъ червя. Скоро, однако, гладіаторъ очутился наверху, но въ этотъ моментъ Фурка, подоспѣвшій на помощь товарищу, ударомъ кулака въ високъ такъ оглушилъ его, что Барка зашатался и далъ возможность противнику вывернуться и снова вцѣпиться руками въ его шею. Фурка, между тѣмъ, продолжалъ бить гладіатора въ темя, опуская тяжелый кулакъ на курчавую голову, словно молотъ на наковальню.

Тогда вблизи послышался крикъ: «Гладіатора бьютъ!» и на валявшійся и катавшійся на полу клубокъ изъ человѣческихъ тѣлъ набросился новый боецъ, пріятель Барки, гладіаторъ Кверкусъ. Каска, не принимавшій до сихъ поръ участія въ битвѣ, бросился помогать товарищамъ и, вцѣпившись одной рукой въ

---

*) Вчера тебѣ, сегодня ему.

волосы Кверкуса, другою наносилъ ему тяжеловѣсные удары прямо въ лицо.

— Quos ego! Sed motos praestat componere fluctus! *)— раздался надъ борцами голосъ скрибы, а самъ Сарипусъ, при помощи рабовъ, окатилъ дерущихся водою изъ огромнаго водоноса.

— Quos ego!—кричалъ скриба.

Озадаченные неожиданностью, борцы выпустили другъ друга изъ смертельныхъ объятій и медленно поднимались съ полу, тяжело дыша и изрыгая проклятія.

— И все это изъ-за общаго огорода? Стыдитесь, благородные граждане!—говорилъ скриба.—Клянусь подошвой моихъ сандалій! Да въ этотъ огородъ свободно входи и оселъ, и кабанъ, и рогатый олень, на всѣхъ хватитъ мѣста... Стоитъ ли изъ-за нея драться!

— Ха-ха-ха!—засмѣялся старый рыбакъ, знавшій Синистру еще ребенкомъ.—Она такая, что одного ласкаетъ, другому мигаетъ, а третьему втрое обѣщаетъ.

Подъ общій взрывъ хохота доступная всѣмъ красавица исчезла, какъ тѣнь.

— Ура!—иронически воскликнулъ скриба:

Nunc est bibendum!
Nunc pede libero
Pulsanda tellus! **).

— Браво!—подхватилъ хозяинъ, потирая руки.—Благородный юристъ правъ! На чей счетъ ставить новую амфору блестящей влаги изъ гроздіевъ Везувія?—спросилъ хозяинъ.

— На счетъ побѣдителей... «Vae victis» ***)—воскликнулъ неугомонный скриба.

— А кто побѣдители?—спросилъ опять Сарипусъ.

— Всѣ побѣдители!

— Браво! Браво!—воскликнули обѣ стороны, и воины, и гладіаторы.—Подавай новую амфору!

*) Эта фраза изъ «Энеиды», Виргилія, когда Нептунъ, разсерженный волненіемъ моря, кричитъ вѣтрамъ: «Вотъ я васъ! Только дайте волны успокоить»... («Энеида», I, 135).

**) Извѣстный стихъ Горація: «Нынче надо пить! Нынче надо плясать свободными ногами»...

***) Историческая фраза Бренна, предводителя галловъ: «Горе побѣжденнымъ!»

Амфора тотчасъ же принесена была рабами, и кружки налиты.

— Здоровье благороднаго Тумулюса и его друзей!—воскликнулъ Барка, поднимая кружку.

— Браво!—поддержалъ гладіатора Фурка. — Здоровье доблестныхъ гладіаторовъ, Барки и Кверкуса! Урра!

Недавніе враги чокались, обнимались и пили.

— Клянусь мечомъ Марса!—воскликнулъ Барка.—Стоило ли ссориться изъ-за этой паскуды!

— Вѣрно сказано,—подтвердилъ скриба,—такія, какъ Синистра, на форумѣ за сестерцій пара.

Потомъ обратясь къ стоявшему въ позѣ Юпитера хозяину, уличный адвокатъ патетически воскликнулъ: Quousque tandem abutere, Sarine, patientia nostra!

Это знаменитое обращеніе Цицерона къ Катилинѣ знали всѣ римляне. Услышавъ его изъ устъ пьянаго скрибы, Саринусъ расхохотался.

— Чѣмъ бѣдный Саринусъ, сынъ Публія, провинился передъ новымъ Маркомъ Тулліемъ Цицерономъ?—спросилъ онъ, подходя къ столу.

— А тѣмъ, что твои рабы оставляютъ мой кубокъ сухимъ, и я испытываю муки Тантала,—отвѣчалъ скриба.

Саринусъ тотчасъ же приказалъ наполнить его кубокъ.

— А скажи, благородный мечъ Марса, ты ближе къ власти,—обратился значительно подвыпившій Барка къ Тумулюсу,—увидимъ ли мы, наконецъ, нумидійскихъ красавцевъ?

— Это львовъ-то? — спросилъ Тумулюсъ заплетающимся языкомъ.—Скоро, другъ Барка! А какихъ птичекъ мы для нихъ наловили!.. Клянусь Юноной! На такихъ и богинѣ не приходилось охотиться.

— Такъ это правда?

— Правда, другъ Барка... Патриціи... красавцы... да еще одна птичка!.. Ну, эту я бы лучше посадилъ въ золотую клѣтку, чѣмъ отдавать въ лапы такому грубіяну, какъ нумидійскій левъ.

— Ай-ай! А кто такая красавица?

— Да ужъ почище твоей шкуры, Синистры!—вдругъ обозлившись, крикнулъ Тумулюсъ и бросился съ кулаками на гладіатора.

— Стой, стой!—закричалъ скриба и, ставъ противъ ошело-

мленнаго его возгласомъ Тумулюса, продекламировалъ извѣстный стихъ Горація, которымъ онъ предостерегаетъ Римъ («Корабль») отъ новыхъ волненій:

O, navis! referent in mare te novi
Fluctus?—O, quid agis?
Fortiter occupa portum!.. *).

— Убирайся ты къ чорту съ твоими законами, ябеда! — крикнулъ на него Тумулюсъ.—Ты не въ Базиликѣ, а въ тавернѣ съ пріятелями.

— Да это не законы, а стихи Горація.

— Ну его къ чорту, твоего Горація! — говорилъ совсѣмъ пьяный Тумулюсъ.—Другъ Барка! Поцѣлуй меня... Клянусь Юпитеромъ! Она, лярва, не стоитъ, чтобъ изъ-за нея ссорились.

И недавніе враги стали обниматься.

— Такъ птичка, говоришь?—бормоталъ гладіаторъ.—Такъ я же не дамъ ее льву!

— Не давай, другъ Барка, не давай! Она... она, дѣвочка... рыженькая... лилія... А этотъ молодой Діомедъ, у! красавецъ... Аполлонъ... Онъ убилъ нашего центуріона.... ловко пронзилъ насквозь... Дуракъ Фурка видѣлъ... и промахнулся... Другъ Фурка! Ты дуракъ?.. Аполлонъ... красавецъ... а его задеретъ левъ, задеретъ...

XXIV.

О необычныхъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ въ Помпеѣ, слухъ скоро достигъ и до Мизена, разумѣется, съ варіантами, нѣсколько увеличившими таинственность того, что на самомъ дѣлѣ произошло.

Слухъ этотъ побудилъ Плинія лично отправиться въ Помпею, чтобъ тамъ, на мѣстѣ, обстоятельнѣе развѣдать о землетрясеніи, такъ неожиданно помѣшавшемъ исполненію трагедіи Эсхила «Эдипъ царь»—событіе, которымъ ученый мужъ очень интересовался и котораго ожидалъ, а равно подробнѣе узнать о несчастіи, постигшемъ семейство Діомеда въ лицѣ молодыхъ стоиковъ, къ уму и характеру которыхъ добрый старикъ давно

*) «О, корабль! Неужели тебя опять уносятъ въ море новыя волны? О, что ты дѣлаешь! Крѣпче держись въ портѣ»...

чувствовалъ невольное влеченіе. Само собою разумѣется, что юный племянникъ вызвался сопровождать дядю: извѣстіе о томъ, что друзья его заключены въ Колумбарій Живыхъ, не могло не потрясти его.

Плиній велѣлъ снарядить лодку, и они отправились. Агриппа не поѣхалъ съ ними, потому что уже нѣсколько недѣль находился въ Путеоли для пользованія чудодѣйственными ваннами при храмѣ Сераписа. Кормчимъ на лодкѣ оставался все тотъ же молчаливый великанъ скиѳъ, который уже имѣлъ собственное имя: имя это было Перунъ. Часто слыша отъ него это восклицаніе и предполагая, что это имя какого-либо скиѳскаго божества, матросы стали звать его въ шутку Перуномъ, и это миѳическое имя такъ за нимъ и осталось. Но Перунъ теперь уже былъ не совсѣмъ нѣмымъ скиѳомъ. Юный Плиній, которому молчаливый и кроткій варваръ очень полюбился, охотно занялся его образованіемъ. Онъ каждый день занимался съ нимъ по нѣскольку часовъ, наглядно объяснялъ ему по-латыни разныя обиходныя вещи, заставлялъ его заучивать самыя необходимыя латинскія слова, напр., «море», «вода», «лодка», «небо», «вѣтеръ», и т. д. Дикарь охотно усваивалъ себѣ римскія названія, и только постоянно путался въ словѣ «mare», говоря по скиѳски «море» «more».

Утро было пасмурное, когда они вышли изъ мизенскаго порта. Небо, казалось, сливалось съ моремъ, надъ которымъ нависла сѣрая пелена. Эта пелена заволокла и побережье, и причудливыя очертанія горъ, и прелестные острова Прохиту, Питеузу и Капрею. Везувій и Сомма закутались тучами, которыя особенно клубились у конца Везувія и казались чѣмъ-то живымъ, дышащимъ. Помпея также пряталась въ сѣрой мглѣ.

Плиній съ помощью нѣсколькихъ словъ и жестовъ объяснилъ Перуну, чтобъ онъ направилъ лодку не въ главную гавань Помпеи, а значительно лѣвѣе и ближе, къ небольшому каменному молу, мыскомъ выходившему въ море какъ-разъ противъ виллы Діомеда. Они подошли къ небольшой калиткѣ, ведущей въ садъ виллы, и постучали бронзовой ручкой, придѣланной къ двери калитки. На стукъ поспѣшилъ выйти привратникъ Канисъ. Не отходившій отъ него лохматый Миносъ залаялъ было, но, увидавъ юнаго Плинія, очень обрадовался ему и выразилъ эту ра-

дость энергическимъ маханьемъ своего кудлатаго, нѣсколько промоченнаго хвоста.

Кансъ узналъ почетнаго гостя и молча поклонился. По лицу старика видно было, что у него на душѣ горе; но онъ мужественно переносилъ его.

— Дома господинъ?—спросилъ Плиній старшій.

— Дома, благородный патрицій,—отвѣчалъ рабъ; но, взглянувъ въ задумчивые и грустные глаза молодого Плинія, старикъ заплакалъ, безнадежно махнувъ рукой.

Миносъ, поднявъ кверху морду, тихо и жалобно завылъ.

Рабъ провелъ гостей мимо зеленой бесѣдки и писцины подъ портикъ, гдѣ стояла статуя Минервы. Знакомыя, нѣкогда дорогія для юнаго Плинія мѣста! Теперь они потеряли для него прежнее очарованіе, въ нихъ не было уже души, иллюзіи разсѣялись, какъ дымъ...

Оттуда разными переходами и портиками они прошли прямо въ экседру, въ уютную, одну изъ лучшихъ комнатъ въ домѣ, окруженную выходившими въ нее небольшими комнатками.

Юный Плиній невольно оглянулся кругомъ. Куда же дѣвалось прежнее очарованіе? А вѣдь все то же, что было и прежде: Вотъ круглый мраморный, изъ бѣлаго паросскаго мрамора столъ, украшенный десятью головами тигровъ. Изъ пастей ихъ тихо изливаются прозрачныя струи и стекаютъ въ водоемъ фонтана. Вотъ мраморные барельефы съ изображеніемъ Вулкана, стоящаго при наковальнѣ. Вонъ статуя крылатой женщины, которая держитъ въ одной рукѣ бабочку, а въ другой факелъ. Она готовится зажечь огонь на жертвенникѣ. Вонъ голый Геркулесъ съ накинутой на плечо львиной шкурой и со своею суковатой палицей. Вотъ фавны съ факелами, вазами и тирсами. Вонъ заяцъ грызетъ яблоко... Маски фавновъ и женщинъ... Все, все знакомое! Но какъ полиняли краски всего этого!.. Въ душѣ его онѣ полиняли и остались только въ воспоминаніи, да и то не тѣ, нѣтъ! Все это былъ обманъ, самообольщеніе, иллюзіи...

Вошелъ Аррій. Какъ онъ постарѣлъ и осунулся за эти дни! Глаза потеряли блескъ, выраженіе. Бодрая фигура старика опустилась. Онъ заплакалъ, увидавъ гостей.

— Я узналъ о постигшемъ тебя несчастіи, добрый Аррій,—сказалъ Плиній, идя къ нему на встрѣчу,—и пріѣхалъ къ тебѣ посовѣтоваться, нельзя ли какъ-нибудь помочь горю.

— Боги да наградятъ тебя, великодушный мужъ; по чѣмъ помочь? Собственное сознаніе, упорное сознаніе!—съ отчаяніемъ махнулъ рукой убитый горемъ отецъ.

— Но сознаніе уменьшаетъ вину, смягчаетъ судей,—замѣтилъ Плиній.

— Да онъ и не желаетъ смягченія, онъ идетъ прямо на смерть, ищетъ смерти!

— Это порывъ молодости, сенатъ долженъ принять это во вниманіе.

— Тщетно!.. И представь о, праведные боги, оба сына заодно твердятъ: «Я убилъ центуріона!»—говоритъ Квинтъ. «Я убилъ Деція Скавра!»—говоритъ Курцій.

— Все это еще не бѣда, добрый Аррій, кромѣ сената у насъ есть цезарь; а божественный Титъ милостивъ,—успокаивалъ Плиній.

— Милостивъ, да, но только къ римлянамъ, а они перестали быть римлянами!—съ горестью произнесъ Діомедъ.

— Какъ перестали быть римлянами?—удивился Плиній.

— Мы, говорятъ, не римляне, не рабы цезаря: мы, говорятъ, рабы Того, Который на небесахъ.

Плиній задумчиво покачалъ головой. Онъ давно уже понялъ, что въ умы человѣчества заронено какое-то могучее ученіе, что это огненное ученіе, какъ огонь на форумѣ Вулкана, пробиваетъ себѣ пути вездѣ, проникаетъ въ камни, въ мраморъ, подтачиваетъ могущество Рима. Страшное, неотразимое завоеваніе міра, тѣмъ еще страшнѣе, что оно—мирное, кроткое, завоеваніе любовью, жертвою за другихъ, за всѣхъ...

— Когда жъ они примкнули къ этому ученію?—спросилъ онъ, когда эти тревожныя мысли пронеслись въ его умѣ.

— И самъ не знаю,—безпомощно отвѣчалъ старикъ,—полагаю, что еще въ Римѣ, гдѣ я надѣялся видѣть ихъ преторіанцами—опорою трона цезарей и римскихъ орловъ. Уже оттуда они воротились совсѣмъ другими, я не узнавалъ въ нихъ своихъ сыновей... Здѣсь, какъ оказывается, они нашли такихъ же, и вотъ въ одно изъ своихъ собраній, въ пещерѣ Циклоповъ, они и убили центуріона, посланнаго эдиломъ, чтобъ изловить шайку заговорщиковъ. И представь себѣ, благородный навмархъ, ты, быть можетъ, помнишь ту юную плѣнницу, которую я купилъ на рынкѣ для моей дочери...

— Да, помню, жалкая такая дѣвочка,—сказалъ Плиній.

— Оказывается, что и она была въ ту ночь въ пещерѣ Циклоповъ, и теперь утверждаетъ на слѣдствіи, что не сыновья мои, не Квинтъ убилъ центуріона, а будто она!

— Эта дѣвочка?

— Да; но она, видимо, хочетъ снять обвиненіе съ Квинта и принять на себя.

— Какой героизмъ!—невольно воскликнулъ Плиній:—Что за ученье! И она, конечно, его послѣдовательница?

— По всей видимости; да и отецъ ея тоже.

— А развѣ отецъ нашелся?—удивился Плиній.

— Да, въ той же пещерѣ Циклоповъ... И представь, вѣчные боги! что за удивительное ученіе! — воскликнулъ Діомедъ. — Этотъ отецъ юной рабыни утверждаетъ на слѣдствіи, будто онъ, одинъ онъ виновенъ въ убійствѣ Деція Скавра!

— Изумительно, изумительно! — задумчиво повторялъ Плиній.

Въ это время между колоннами портика, куда выходила дверь экседры, мелькнула знакомая юному Плинію фигура. Это была Мальвія. Она видимо узнала своего бывшаго друга «друга души»; она быстро окинула его взглядомъ; она была блѣднѣе обыкновеннаго, но такъ же кокетливо одѣта; но она не поклонилась молодому человѣку...

— Жаба... жаба! — невольно прошепталъ онъ въ душѣ, вспомнивъ отвратительное видѣніе въ пещерѣ кумской Сивиллы,—и я любилъ это недостойное существо!.. Жаба, жаба!..

— Во всякомъ случаѣ, другъ Аррій, не слѣдуетъ предаваться отчаянію, проговорилъ Плиній старшій послѣ минутнаго молчанія.—Я переговорю съ дуумвиромъ юстиціи, съ декуріонами, съ эдиломъ Пансою, а равно съ почтенными сенаторами. Я постараюсь убѣдить ихъ разсмотрѣть это дѣло не рутинно, но по существу. Надо принять во вниманіе не одинъ проступокъ, а его источникъ. Источникъ этотъ глубокъ, его не исчерпать ходячимъ закономъ. Надо взглянуть на дѣло поглубже. Возникаетъ что-то новое, и съ этимъ новымъ надо обращаться осторожно: стараго нельзя примѣнять къ новому. Мнѣ говорилъ почтенный Голконій Руфъ о нѣкоторыхъ догматахъ новаго ученія. Надъ ними нельзя не задуматься—есть въ нихъ присутствіе глубочайшей мудрости. Вотъ хоть бы на этотъ разъ: за смерть—смерть. Пра-

ведные боги!.. Да этотъ законъ, по самой своей логикѣ, заведетъ насъ въ ужасающія дебри. За смерть—смерть! Да это чудовищно. Одинъ убилъ другого; тотъ, кто убилъ, есть убійца; убійцѣ положена смерть, къ смерти его присуждаетъ сенатъ, и сенатъ является убійцей! По логикѣ -и сенату смерть! Да гдѣ жъ мы остановимся! Мнѣ Голконій Руфъ сообщилъ одинъ ихъ догматъ: кто извлекаетъ изъ ноженъ мечъ, отъ меча погибнетъ. Какая глубина!

— Да, да,—какъ бы спохватился Діомедъ,—вотъ и мой Квинтъ твердитъ то же на слѣдствіи: «Я, говоритъ, извлекъ мечъ я и долженъ погибнуть отъ меча».

— Онъ это говоритъ?—съ удивленіемъ спросилъ Плиній.

— Да, на этомъ стоитъ.

— Удивительно! Удивительно!.. Нѣтъ, это необыкновенные люди, и къ нимъ обыкновенный законъ неприложимъ, нѣтъ неприложимъ,—повторялъ Плиній.—Вотъ что, другъ Аррій,—продолжалъ онъ, воодушевляясь,—я переговорю еще съ моимъ другомъ, съ Помпоніаномъ, онъ живетъ здѣсь, въ Стабіяхъ. Это большой умъ. И какой ораторъ! Это Цицеронъ нашихъ дней. Я уговорю его защищать твоихъ сыновей въ сенатѣ. Краснорѣчіе великая сила. Что же можетъ быть сильнѣе слова человѣческаго! Не будь рѣчей Цицерона, Верресъ продолжалъ бы свои злодѣянія. Не прогреми слово Цицерона, Катилина ниспровергъ бы государство. Краснорѣчіе Цицерона карало преступленіе и спасало осужденную уже невинность. Помпоніанъ придетъ на помощь твоимъ сыновьямъ. Будемъ надѣяться. Кстати же мнѣ донесли, что Помпоніанъ вчера воротился изъ Греціи, куда ѣздилъ по порученію сената.

— О, вѣчные боги! А я было потерялъ уже всякую надежду!—съ горестью воскликнулъ Діомедъ.—Вѣдь надъ ними тяготѣетъ еще одно тяжкое подозрѣніе.

— Какое?—спросилъ Плиній.

— Вскорѣ послѣ похоронъ Деція Скавра, кто-то ночью, въ Пантеонѣ, святотатственно низвергъ съ пьедестала и разбилъ изображеніе божественнаго Августа.

— Да? Я объ этомъ не слыхалъ. Кого же подозрѣваютъ?

— Да все этихъ же непостижимыхъ людей.

— А что говорятъ по этому поводу твои сыновья?

— Они говорятъ, что, не признавая въ лицѣ цезаря боже-

ства, все-таки считаютъ варварствомъ уничтоженіе и даже искаженіе художественныхъ произведеній.

— О! Въ нихъ сказался духъ римлянъ!—съ гордостью воскликнулъ ученый римлянинъ.—Я за это уважаю и грековъ, хотя не могу не повторить съ безсмертнымъ Виргиліемъ Марономъ: «timeo danaos et dona ferentes».

Снова между колоннами портика мелькнула фигура Мальвіи въ сопровожденіи Синистры. На этотъ разъ дочь Діомеда наклоненіемъ головы издали привѣтствовала своего бывшаго друга; за то взглядъ рабыни ясно говорилъ: «уже благосклонность богини обращена на другихъ смертныхъ, но ты не изъ числа ихъ».

XXV.

Между тѣмъ разосланные Плиніемъ, отъ имени сената и народа римскаго, мандаты о розыскѣ по невольничьимъ рынкамъ отца и матери Кратиллы возымѣли свое дѣйствіе.

Слѣдъ Аспазіи, матери Кратиллы, отыскался въ Смирнѣ. Когда на невольничьемъ рынкѣ этого горда, по приказанію мѣстнаго проконсула, оглашено было сенатское повелѣніе, то въ тотъ же день явился въ преторію одинъ торговецъ невольниками, который заявилъ, что невольницу, примѣты которой были описаны въ сенатскомъ повелѣніи, онъ самъ приторговывалъ на смирнскомъ рынкѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но что его перебилъ въ цѣнѣ декуріонъ острова Патмоса, онъ же и начальникъ тамошнихъ мѣстъ заключенія. Этотъ декуріонъ и увезъ невольницу съ собою.

Какъ разъ въ это время въ Смирнѣ находился Помпоніанъ, другъ Плинія, который, по порученію сената, ревизовалъ мѣста заключенія въ Эфесѣ, Антіохіи и Смирнѣ, гдѣ съ особенной силой распространялось новое вѣроученіе и гдѣ тюрьмы, особенно въ Коринфѣ, были переполнены послѣдователями этого новаго ученія. Такъ какъ Помпоніанъ изъ Смирны долженъ былъ отправиться на Патмосъ, гдѣ также была устроена тюрьма для этого рода преступниковъ и гдѣ заключенъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и популярныхъ проповѣдниковъ новаго ученія, то смирнскій проконсулъ и сообщилъ Помпоніану полученное имъ отъ работорговца свѣдѣніе о разыскиваемой, по повелѣнію сената, неизвѣстной невольницѣ.

На другой день Помпоніанъ дѣйствительно и отплылъ къ острову Патмосу при благопріятномъ вѣтрѣ. Прибывъ на Патмосъ, Помпоніанъ стороной навелъ справки о разыскиваемой невольницѣ и узналъ, что такая именно была привезена нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на островъ, но гдѣ она теперь находится, у декуріона ли, или отправлена куда въ другое мѣсто, никто не могъ сказать. Всего вѣроятнѣе, что она уже не на Патмосѣ, потому что островъ этотъ очень маленькій, и ее бы непремѣнно видѣли, какъ видятъ прочихъ рабовъ и рабынь декуріона, но ее давно нигдѣ не видать. Когда же она увезена съ острова и куда, опять-таки никто не зналъ.

Тогда Помпоніанъ обратился къ самому декуріону. Его звали Кай Геллій. Это былъ мужчина лѣтъ шестидесяти, съ совершенно лысою, лоснящеюся какъ стекло, головой, плотный, съ узенькими глазками, чувственнымъ ртомъ и жирнымъ подбородкомъ. Объявивъ ему о порученіи, возложенномъ на него сенатомъ, Помпоніанъ объяснилъ, что, въ силу другого приказа правительства, онъ обязанъ разыскать одну невольницу, которая, по полученнымъ имъ въ Смирнѣ свѣдѣніямъ, куплена имъ, декуріономъ, и, вѣроятно, находится у него. Къ этому Помпоніанъ присовокупилъ, что такъ какъ розыскиваемая рабыня составляетъ по закону собственность ея владѣльца, то декуріонъ, отдавая ее, по требованію сената, получитъ за нее слѣдующую ему покупную плату.

Требованіе Помпоніана, видимо, смутило декуріона. Ему, очевидно, не хотѣлось разстаться съ красивой рабыней. Но повелѣніе сената ставило его въ невозможность удержать за собою добычу, и Кай Геллій долженъ былъ повиноваться.

Нѣсколько путаясь въ словахъ, декуріонъ объявилъ, что плѣнница—гречанка, которую зовутъ Аспазіей, дѣйствительно куплена имъ въ Смирнѣ; но что съ самаго прибытія въ его домъ она стала оказывать ему неповиновеніе, отказывалась отъ поручаемыхъ ей работъ, грубила и т. д. Сначала онъ, какъ ея законный господинъ и повелитель, прибѣгалъ къ угрозамъ; но и это не помогло. Тогда онъ сталъ подвергать ее легкимъ наказаніямъ, но и тутъ она выказала всю строптивость своего характера, и онъ, наконецъ, вынужденъ былъ подвергнуть ее заточенію вмѣстѣ съ другими преступниками.

Помпоніанъ выслушалъ декуріона молча, а потомъ спросилъ

про одного изъ заключенныхъ въ темницѣ острова Патмоса, котораго считаютъ очень опаснымъ проповѣдникомъ новаго ученія, не признающаго ни олимпійскихъ божествъ, ни римскихъ законовъ.

— Благородный Помпоніанъ разумѣетъ, вѣроятно, того старика, который называетъ себя рабомъ божіимъ Іоанномъ?—отвѣчалъ декуріонъ.—Онъ давно заключенъ на Патмосѣ, еще по повелѣнію прежнихъ императоровъ, и я наблюдаю за нимъ очень тщательно. Впрочемъ, благородный Помпоніанъ самъ видитъ, куда же уйти съ нашего острова? Это небольшой камень, выступившій изъ пучины морской, голая скала, на которой и скрыться негдѣ. А кругомъ безбрежное море, неизмѣримое царство великаго Нептуна. Какъ же уйти отсюда старику? Да онъ же притомъ необыкновенно кротокъ и добръ: почти всю свою пищу отдаетъ другимъ заключеннымъ. Я удивляюсь даже, чѣмъ онъ и живетъ, а между тѣмъ онъ бодръ. Въ послѣднее время онъ все что-то пишетъ: для этого онъ выпросилъ у меня нѣсколько свитковъ папируса. Въ инструкціи у меня не сказано, чтобы заключеннымъ не дозволять писать, и я не запрещаю ему этого, тѣмъ болѣе, что безъ моего вѣдома онъ никуда не можетъ послать своихъ писаній. Что онъ пишетъ, я не знаю, потому что не понимаю его родного языка: онъ вѣдь іудей, хотя хорошо говоритъ и по-римски, и по-гречески, и увѣряетъ, что знаніе всѣхъ языковъ дано будто бы ему какимъ-то духомъ, который сошелъ съ неба въ видѣ огненныхъ языковъ, мнѣ кажется, что старикъ этотъ нѣсколько помѣшанъ въ разсудкѣ.

Помпоніанъ спросилъ у декуріона списокъ заключенныхъ и тщательно просмотрѣлъ его. Затѣмъ онъ, въ сопровожденіи Кайя Геллія, отправился лично обозрѣвать казематы. Все оказалось, повидимому, въ исправности, и Помпоніанъ, отпустивъ декуріона, остался въ тюрьмѣ, чтобы поговорить съ нѣкоторыми заключенными, которые, онъ это зналъ по опыту, стѣснялись бы говорить вполнѣ откровенно въ присутствіи самого Кайя Геллія. Онъ оставилъ при себѣ только писца. Тутъ же находился и сторожъ съ ключами отъ казематовъ.

Помпоніанъ велѣлъ вести себя къ каземату, въ которомъ находилась Аспазія. Онъ нашелъ ее въ небольшой землянкѣ, узенькое съ желѣзною рѣшеткою окошечко которой выходило на море. При входѣ Помпоніана узница испуганно поднялась съ колѣнъ,

сна, видимо, молилась, и положила на себѣ крестное знаменіе. Это была еще молодая, очень красивая женщина съ правильными классическими чертами лица. Какъ на античныхъ статуяхъ, у нея былъ низенькій лобъ и прямой, почти безъ перегиба между бровями, носъ.

— Здравствуй, добрая женщина! — сказалъ Помпоніанъ входя.—Я вхожу къ тебѣ съ вѣстью о свободѣ: ты болѣе не раба Кайя Геллія.

Аспазія, казалось, ничего не понимала. Она стояла растерянно, но уже не испуганная: честное лицо вошедшаго къ ней старика, доброе выраженіе кроткихъ глазъ и ласковый голосъ сразу побѣдили робость узницы.

— По волѣ сената и народа римскаго, ты, Аспазія, жена скульптора Зено, сейчасъ же выходишь изъ твоей темницы и, быть можетъ, скоро соединишься съ мужемъ и съ дочерью,—сказалъ Помпоніанъ, желая ободрить узницу.

При упоминаніи о мужѣ и дочери мгновенная радость освѣтила лицо Аспазіи.

— Гдѣ же они, благородный римлянинъ?—порывисто спросила она.

— Я теперь не могу сказать тебѣ этого, но надѣйся, боги возвратятъ тебѣ, что было у тебя отнято по волѣ злого рока,—отвѣчалъ Помпоніанъ.

— Но ваши боги не мои боги,—тихо сказала гречанка,—и они не возвратятъ мнѣ того, что не въ ихъ власти.

— Ты этого не можешь знать, смертная: все свершится такъ, какъ предназначили безсмертные боги, а ихъ воля невѣдома смертнымъ... Готовься же въ путь и ничего не бойся! Тебя охраняетъ всевидящее око сената и народа римскаго.

И Помпоніанъ оставилъ потрясенную до глубины души Аспазію.

Отъ нея онъ велѣлъ провести себя къ іудею Іоанну, который значился въ спискѣ подъ нумеромъ первымъ.

Помпоніанъ нашелъ этого узника въ круглой угловой башнѣ, о гранитный фундаментъ которой съ шумомъ ударяло море. Въ узкое, длинное окошко, которое служило въ то же время и бойницею, видна была безконечная морская даль. Съ прибоемъ моря сливались крики чаекъ.

Узникъ сидѣлъ на грубо обтесанной каменной плитѣ, покры-

той козьею шкурой, и что-то писалъ на разложенной у него на колѣняхъ узкой полосѣ папируса. Это былъ старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ съ прекрасными, глубокими задумчивыми черными глазами и такимъ кроткимъ выраженіемъ лица, о которомъ можно было сказать, что это олицетвореніе благости и всепрощенія.

Помпоніанъ остановился смущенный, точно передъ какимъ видѣніемъ, чувствуя, что не можетъ произнести слова.

— Миръ тебѣ,—тихо сказалъ узникъ, вставъ съ камня.— Кто ты и откуда пришелъ?

— Я римлянинъ, — отвѣчалъ Помпоніанъ какъ-то робко, словно бы тотъ, передъ кѣмъ онъ стоялъ, былъ его судья.—Я здѣсь по повелѣнію сената и народа римскаго.

— Мнѣ жаль тебя, римлянинъ,—съ грустью сказалъ узникъ.

Помпоніанъ не зналъ, что отвѣчать. Онъ самъ не понималъ, что съ нимъ; чувствовалъ только, что потерялъ все свое самообладаніе.

— Мнѣ жаль тебя,—повторилъ узникъ. — Скоро придетъ часъ, когда горы упадутъ на васъ, и огненныя рѣки затопятъ васъ. Ужели мало дано вамъ власти на землѣ, не вся ли вселенная у ногъ вашихъ? А вы разоряете послѣднее гнѣздо птицы, отнимаете у горлицы ея птенцовъ... Мало вамъ Карѳагена и Египта, мало вамъ Пергама и Пальмиры! Всѣ моря несутъ вамъ дань, всѣ народы трепещутъ отъ вашего имени, а вамъ и этого мало!.. Бѣдные вы, бѣдные!

Въ глубокомъ смущеніи стоялъ Помпоніанъ передъ этимъ непостижимымъ узникомъ и чувствовалъ, что онъ правъ: въ первый разъ римлянинъ почувствовалъ, что не все то добро, что совершилъ Римъ, что не въ силѣ вѣчная правда.

— Жаль мнѣ тебя, римлянинъ,—въ третій разъ повторилъ узникъ.—Но ты мнѣ не сказалъ, зачѣмъ ты пришелъ въ мое узилище.

Только теперь Помпоніанъ могъ нѣсколько осилить свое смущеніе, чтобъ отвѣчать.

— По повелѣнію сената и народа римскаго и по приказу навмарха римскаго флота Плинія...

— Навмарха Плинія? — перебилъ его узникъ. — А ты знаешь его?

— Да, онъ мой другъ и начальникъ,—отвѣчалъ Помпоніанъ.

— Я тоже знаю Плинія,—сказалъ узникъ,—онъ былъ здѣсь у меня. Когда, послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ, римскія войска возвращались въ Италію, буря занесла корабль, на которомъ находился Плиній, къ острову Патмосу. Тогда я видѣлъ Плинія и говорилъ съ нимъ. Ему многое дано отъ Бога, не одинъ талантъ данъ ему, и онъ не зарылъ его въ землю. Богъ открылъ ему нѣкоторыя тайны бытія, что скрылъ отъ многихъ премудрыхъ и сильныхъ; но онъ часто избираетъ даже безумное міра, дабы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избираетъ, дабы посрамить сильное, и незнатное и уничтоженное, ничего не значущее избираетъ, дабы разрушить значущее. Когда Плиній былъ здѣсь, островъ Патмосъ и другіе острова Архипелага постигло землетрясеніе: то Творецъ міра поколебалъ основы земли, дабы показать гнѣвъ свой за раззореніе святого града. Плиній объяснялъ это таинственными силами природы, которыя онъ не всѣ можетъ постигнуть. Но какъ смертному постигнуть непостижимое, если самъ духъ, носящійся во вселенной, не вдунетъ въ душу смертнаго уразумѣнія непостижимаго? Скажи же Плинію, когда увидишь его: я, Іоаннъ, рабъ Бога живого, слышалъ это дуновеніе духа вселенной. Повѣдай Плинію мои слова: скоро наступитъ часъ, когда горы упадутъ на головы безумныхъ и гордыхъ и огненныя рѣки затопятъ ихъ!

Помпоніанъ чувствовалъ, что въ словахъ говорившаго звучитъ глубокая вѣра во что-то для него непостижимое; но, какъ язычникъ, онъ не могъ отрѣшиться отъ тѣхъ понятій, которыя всосалъ съ молокомъ матери. Въ томъ, о чемъ ему говорилъ теперь узникъ, онъ видѣлъ только непостижимыя для него проявленія гнѣва Вулкана, но уже это вѣрованіе мало удовлетворяло его умъ, особенно послѣ частыхъ бесѣдъ съ Плиніемъ о таинственныхъ силахъ природы, которыя такъ поглощали пытливый духъ римскаго ученаго. Гдѣ же было какому-нибудь Каію Геллію, декуріону, понять своего узника, говорившаго такъ загадочно!

Помпоніанъ, сознавая въ глубинѣ души, что не можетъ поддерживать разговора въ томъ направленіи, какое далъ ему узникъ, и что самъ не въ состояніи постигнуть его міровоззрѣнія, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и спросилъ старика, не нужно ли ему чего; но и тутъ получилъ загадочный отвѣтъ.

— Чего же еще нужно ворону, у котораго есть гнѣздо, хотя

и чужое, когда Тому, безъ Котораго ничего бы не было, что есть, негдѣ было голову преклонить?—отвѣчалъ старикъ.

Тогда Помпоніанъ снова спросилъ, доволенъ ли онъ своими стражами и начальникомъ темницы и не жестоко ли съ нимъ обращаются, и опять-таки получилъ странный отвѣтъ:

— Какого же обращенія ждать тѣмъ, которые сами шли на то, чтобы ихъ камнями побивали!

Въ глубокомъ раздумьѣ Помпоніанъ вышелъ изъ темничной башни и, сдѣлавъ необходимыя распоряженія въ силу даннаго ему сенатомъ повелѣнія, на другой же день отплылъ въ Помпею.

Съ нимъ на кораблѣ была и Аспазія, мать Кратиллы.

XXVI.

Простившись съ Діомедомъ и пожелавъ ему мужественно переносить испытаніе, насланное на его семью неисповѣдимою волею боговъ, оба Плинія вышли къ морю тою же дорогою, какою и вошли въ жилище Діомеда.

Взглянувъ на бесѣдку, обвитую виноградною зеленью, Плиній Младшій что-то вспомнилъ, и краска залила его смуглыя щеки, это была краска стыда и негодованія. Онъ невольно сравнивалъ себя съ молодыми Діомедами, и чувство презрѣнія къ самому себѣ острою болью шевельнулось въ его душѣ. Въ тѣхъ онъ видѣлъ героевъ, мужественныхъ борцовъ за что-то, для него даже непостижимое. Цѣною жизни они покупали себѣ право служить чему-то великому, во что они вѣрили... А самъ онъ? Жалкая жертва постыднаго увлеченія! Но увлеченіе прошло, отъ него осталась только горечь, какой-то смутный осадокъ въ душѣ. А гдѣ же дѣло, гдѣ достойный человѣка подвигъ? И юношѣ страстно захотѣлось совершить великій подвигъ. Но какой? Гдѣ его искать? Въ чемъ? Мысли въ немъ путались, скрещивались, и онъ не находилъ выхода. Онъ въ это время готовъ былъ на самый безумный поступокъ, готовъ былъ погубить себя, отдать себя въ жертву этому невѣдомому дѣлу. Юноша, въ порывѣ увлеченія, не подозрѣвалъ, что его ждетъ другой подвигъ, болѣе славный, чѣмъ тотъ, за который должны погибнуть его друзья. Онъ не подозрѣвалъ, что ожидавшій его подвигъ ведетъ къ безсмертію: въ то время, когда отъ друзей его, отъ героевъ дня, не

останется и горсти золы, ихъ временную славу переживутъ его будущія дѣла, его безсмертныя творенія. И когда отъ Діомедовъ и ихъ подвиговъ сохранится только безобразная груда камней, полуразрушенныя колонны, разбитые мраморы да отпечатки тѣлъ въ застывшей лавѣ, когда будущія поколѣнія, посѣщая вырытыя изъ пепла Везувія развалины виллы Діомеда, только тутъ узнаютъ о томъ, что существовалъ когда-то такой Діомедъ, и грустно покачаютъ головой при видѣ въ неаполитанскомъ музеѣ отпечатка въ застывшей лавѣ полной дѣвственной груди Мальвіи, оставившей въ душѣ его только горечь и чувство презрѣнія, его имя, имя Плинія Младшаго, и отпечатки въ дѣлахъ его и твореніяхъ его великаго ума переживутъ столѣтія и тысячелѣтія, пока стоитъ эта земля и надъ нею свѣтитъ солнце.

Небо прояснилось, когда они вышли къ морю, и въ сизой дымкѣ дали такъ прелестно вырѣзывались очертанія Капреи, Питеузы и Прохиты, а Везувій весь сверкалъ зеленью виноградниковъ, облитою дождемъ, и казался спокойнымъ, какъ вѣчность, какъ эта небесная синева.

Скиѳъ Перунъ и четыре матроса ждали ихъ въ лодкѣ. Плиній велѣлъ плыть къ Стабіямъ, гдѣ у Помпоніана была вилла, террасою и портикомъ выходившая къ морю. Они достигли Стабій скоро.

Помпоніанъ съ террасы увидѣлъ приставшую къ небольшому молу лодку съ адмиральскимъ значкомъ и поспѣшилъ навстрѣчу къ своему вельможному другу. Они обнялись.

— Благопріятствовали ли боги твоему далекому путешествію?—спросилъ Плиній, вглядываясь въ обвѣтрившееся и загорѣлое лицо Помпоніана.

— Вполнѣ, благородный другъ,—отвѣчалъ этотъ послѣдній,—сначала отъ Смирны и Патмоса богъ Эолъ посылалъ мнѣ въ помощь Нота и Эвра до самой Сциллы и Харибды, а оттуда подулъ на мой корабль жаркій Аферъ и до самыхъ Стабій надувалъ мои паруса. А какъ тебя боги миловали?

— Парки милостивы и ко мнѣ,—отвѣчалъ Плиній,—правда, старшая изъ нихъ что-то иногда слишкомъ туго натягиваетъ нить моей жизни... туго прядетъ... какъ бы не оборвала...

— А что?—обезпокоился Помпоніанъ.

— Да все одышка мучитъ, слишкомъ ужъ я тученъ.

— О, это ничего: переполняешь желудокъ знаніями, участью...

— И устрицами изъ Лукринскаго озера да фалернскимъ,— улыбнулся ученый.

— А что твой Титъ Ливій, юный философъ?—обратился Помпоніанъ къ Младшему Плинію.

— О! Юноша заводитъ теперь знакомство обширное: Манееонъ, Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій, вотъ его друзья,—отвѣчалъ Плиній Старшій за племянника.

Юноша же угрюмо молчалъ. Его преслѣдовала мысль о геройскихъ подвигахъ, о самопожертвованіи во имя какого-то великаго дѣла. Молодые Діомеды не выходили у него изъ головы. Давно ли онъ бесѣдовалъ съ ними, спорилъ? А теперь они герои: онъ же ничтожество, котораго не удостоиваетъ вниманіемъ даже такая презрѣнная и пустая дѣвчонка, какъ Мальвія...

— А я тебѣ привезъ отъ іудея Іоанна, что заточенъ на островѣ Патмосѣ, — сказалъ Помпоніанъ Плинію Старшему, когда они взошли на террасу,—и привѣтъ, и предостереженіе.

— Да? Онъ еще здравствуетъ?

— Вполнѣ бодрый старикъ... Но какой мрачный взглядъ на жизнь, на будущее!

— Это великій умъ,—сказалъ въ раздумьѣ Плиній,—такіе умы совершаютъ перевороты въ вѣрованіяхъ человѣчества, я уже вижу начало измѣненія міра: въ этихъ людяхъ несокрушимая сила, которая совершаетъ побѣды, творитъ чудеса... Я много съ нимъ говорилъ, когда, во время слѣдованія нашего флота изъ Сиріи съ побѣдоносными войсками божественнаго Тита къ Италіи, буря прибила мой корабль къ Патмосу. Этотъ старикъ прозрѣваетъ будущее, и многое уже сбывается, на что онъ намекалъ своимъ образнымъ, иносказательнымъ языкомъ.

— Признаюсь, благородный другъ,—сказалъ Помпоніанъ,— я былъ подавленъ его рѣчью: мнѣ казалось, что образы моихъ боговъ, величавые лики Олимпа блѣднѣютъ передъ его непостижимымъ Богомъ. Я не могъ говорить съ нимъ, точно онъ былъ моимъ судьей, а я подсудимымъ, виновнымъ въ прародительскомъ грѣхѣ.

— Такъ что онъ велѣлъ передать мнѣ?—спросилъ Плиній.

— Онъ велѣлъ сказать тебѣ: скоро наступитъ часъ, когда горы упадутъ на васъ, и огненныя рѣки затопятъ васъ.

Плиній съ непонятнымъ волненіемъ поглядѣлъ на разстилавшееся передъ нимъ море. Послѣ небольшого дождя и тумана оно сверкало теперь, какъ растопленная бирюзовая масса съ золотомъ, изумрудами и серебромъ. Острова такъ спокойно, величаво выходили изъ этого таинственнаго моря... И Плинію представилось, что они готовы погрузиться въ бирюзовую бездну, а Везувій, который, казалось, улыбался своею роскошною зеленью, вдругъ превратится въ гигантскій огненный горнъ и изрыгнетъ изъ себя огненныя рѣчи. Вѣдь не даромъ же Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что эти горы когда-то клокотали растопленной лавой и затопили огненными рѣками всѣ окрестности до самаго Неаполиса. А таинственныя слова главнаго жреца, верховнаго понтифекса храма Сераписа? А это движеніе подземныхъ волнъ отъ Кумъ и форума Вулкана къ Везувію?

— Да,—сказалъ онъ послѣ небольшого разумья, — умъ этого старца на Патмосѣ—непостижимый умъ, не отъ міра сего. И я провижу то же, что онъ провидитъ, но только я иду тутъ ощупью, хватаюсь, какъ утопающій за соломенку, за жалкіе факты, за скудныя знанія.

— А кстати,—прервалъ его размышленія Помпоніанъ,—я исполнилъ и одно изъ твоихъ приказаній, не касавшееся меня лично и возложеннаго на меня сенатомъ порученія.

— Какое приказаніе?—спросилъ Плиній, какъ бы очнувшись.

— Я нашелъ и привезъ плѣнницу гречанку, которая, по твоему мандату, разыскивалась по всѣмъ невольничьимъ рынкамъ Средиземнаго моря.

— Какъ! Это Аспазію, жену скульптора Зено и мать Кратиллы?

— Не знаю послѣднихъ, другъ: ни Зено, ни Кратиллы; но это та Аспазія, которую ты искалъ. Она сама мнѣ говорила, что мужъ ея грекъ Зено, скульпторъ изъ Мемфиса, уроженецъ острова Книда, а дочь тринадцатилѣтняя Кратилла.

— Но гдѣ ты ее нашелъ?

— На островѣ Патмосѣ, въ темницѣ.

— На Патмосѣ? Въ темницѣ?

— Да. Ее въ Смирнѣ на рынкѣ купилъ декуріонъ Патмоса, а такъ какъ она, я догадываюсь изъ ея умолчаній, не хотѣла

раздѣлять ложа своего господина, то онъ и заключилъ ее въ темницу.

— Какой негодяй!—воскликнулъ Плиній.—А кто тамъ декуріономъ теперь?

— Кай Геллій. Я дѣлаю сенату представленіе объ удаленіи его отъ должности,—сказалъ Помпоніанъ,—я нашелъ у него и упущенія по службѣ.

Мысли Плинія обратились теперь къ другому предмету. Отысканная мать Кратиллы напомнила ему о той страшной драмѣ, которая разразилась надъ семействомъ Діомеда и въ которой не послѣднюю роль играютъ мужъ и дочь Аспазіи, ничего о нихъ не знавшей.

Плиній разсказалъ Помпоніану о томъ, что случилось на-дняхъ въ Помпеѣ. Помпоніанъ, давно отбывшій въ Грецію и въ Малую Азію, ничего этого не зналъ.

— Только Аспазіи не слѣдуетъ пока говорить, что ея мужъ и дочь находятся въ колюмбаріѣ Живыхъ, это убьетъ ее, бѣдную,—сказалъ Помпоніанъ.

— Само собою разумѣется, она до поры до времени ничего этого не должна знать,—согласился Плиній.

Затѣмъ Плиній сообщилъ своему другу мысль о защитѣ передъ судомъ несчастныхъ жертвъ.

— Жестоко было бы отдать ихъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ; а между тѣмъ всѣ они, геройски стоя другъ за друга, упорно настаиваютъ на томъ, что всѣ они, и оба сына Діомеда, и Зено, и его дочь, виновны въ убіеніи центуріона. Это чудовищно, но въ то же время это мужество, достойное лучшихъ временъ римской республики; что Муцій Сцевола передъ этой дѣвочкой, Кратиллой... Что Брутъ передъ сыновьями Діомеда!

Острымъ ножемъ рѣзали эти слова сердце юнаго Плинія. А самъ онъ что за ничтожество! Онъ прислонился къ колоннѣ террассы и угрюмо смотрѣлъ на разстилавшееся передъ нимъ море... И зачѣмъ онъ не былъ съ ними? Зачѣмъ не раздѣляетъ ихъ завидной участи? И злоба закипѣла въ его сердцѣ противъ Мальвіи: она была его Омфалой; она заставляла его прясть у ея ногъ, когда его должны были ожидать подвиги... «Жаба! Жаба!»

Кружившіяся у берега чайки жалобнымъ крикомъ еще болѣе надрывали его душу.

Нѣтъ, онъ не долженъ безучастно относиться къ судьбѣ своихъ друзей-героевъ. Онъ долженъ дѣйствовать, онъ долженъ раздѣлить ихъ участь. Но какъ?

Ахъ, эти чайки, это постылое море!..

Но что ему дѣлать? Боги! Научите. Но эти боги такъ же бездушны, какъ эти прибрежные камни, о которыхъ съ пѣною разбивается море. Они отвернулись отъ этихъ боговъ, а онъ? Онъ еще вѣритъ въ Нептуна, трезубца котораго никто не видалъ...

И ихъ ожидаетъ геройская смерть на аренѣ.. Вся Помпея, Геркуланумъ, Стабія, Нола, Неаполисъ, Путеоли, вся Кампанья будетъ глядѣть на нихъ, гордиться ими, трепетать за нихъ, рукоплескать имъ; а онъ ничтожество! Онъ будетъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, въ первой кавеѣ, и смотрѣть, какъ умираютъ его друзья, его руководители.

Нѣтъ, онъ бросится къ нимъ на арену, онъ рядомъ съ ними пойдетъ на страшныхъ нумидійскихъ львовъ, и небо задрожитъ отъ рукоплесканій всего амфитеатра!.. И она будетъ видѣть это... Она! Бездушная жаба...

Юноша стоялъ и не замѣчалъ, какъ по щекамъ его текли слезы. Онъ смутно слышалъ равномѣрные удары прибрежныхъ волнъ о камни, жалобные крики чаекъ и чью-то тихую, заунывную пѣсню. То пѣлъ скиѳъ, сидя на камнѣ и опустивъ голову на руки: онъ вспомнилъ, вѣроятно, свою далекую, за синими морями, да за высокими горами, родину.

XXVII.

День суда, наконецъ, былъ назначенъ.

Съ утра на форумѣ было необыкновенное движеніе. Народъ, продавцы, адвокаты, патриціи, сенаторы, все двигалось или стояло группами, говорило, спорило, доказывало, отрицало. У всѣхъ на устахъ были имена Діомедовъ, юной Кратиллы, скульптора Зено. Часто слышались имена Помпоніана, Плинія, эдила Пансы. Иные говорили о предстоящихъ бояхъ гладіаторовъ, о нумидійскихъ львахъ. Предлагались и принимались пари то за осужденіе Діомедовъ и Кратиллы, то за оправданіе. Кто держалъ пари за торжество на аренѣ Барки, кто Кверкуса, кто за другихъ гладіаторовъ. Группы особенно тѣснились то во-

кругъ конной статуи дуумвира Кастриція Скавра, отца убитаго центуріона, то у перистиля Базилики, изъ-за колоннъ которой, на высокомъ пьедесталѣ, виднѣлась статуя Ѳемиды съ повязкой на глазахъ и съ вѣсами въ одной рукѣ, а въ другой съ мечомъ. Мраморная голова ея была украшена лавровымъ вѣнкомъ, а на вѣсахъ лежалъ букетъ изъ свѣжихъ розъ и темнаго кипариса, положенный туда Плацидіею, матерью центуріона, эмблема цвѣтущей молодости и молчаливой, какъ кипарисъ, смерти!

Наконецъ, къ Базиликѣ пришла группа жрецовъ. Они поднялись на ступени перистиля и, вступивъ въ храмъ правосудія, остановились передъ изображеніемъ богини праваго суда. Все послѣдовало за жрецами. Говоръ и шумъ затихли. Тишина нарушалась только однообразнымъ прибоемъ морскихъ волнъ о береговые камни, да крикомъ чаекъ.

Въ этой тишинѣ вдругъ раздался протяжный торжественный ходъ жрецовъ. Они пѣли молитвенный гимнъ Ѳемидѣ:

Ѳемида всесильная,
Богиня великая,
Премудрая, правая!
Предъ взоромъ божественнымъ,
Сокрытымъ для смертнаго
Покровомъ таинственнымъ,
Равны одинаково
Въ твоемъ правосудіи
Цари и владыки,
Богатые, нищіе,
Рабы и невольники;
И старость, и молодость,
Краса, безобразіе—
Все никнетъ предъ властію
Твоею божественной:
Вѣсы правосудія
Для всѣхъ одинаковы,
И мечъ твой карающій
Разитъ лишь преступника,
А праваго милуетъ.
О, матерь премудрая!
Внемли же моленіямъ
Тебѣ предстоящихъ,
Просвѣти судящихъ
Свѣтомъ правосудія,
Да мечъ твой карающій
Не разитъ невиннаго,
А разитъ преступника!
Слава всемогущей, слава!
Слава прозорливой, слава!

— Слава Өемидѣ, слава!—загремѣла вся Базилика.

— Слава, богинѣ, слава!—откликнулся форумъ.

— Слава Единому Богу, слава!—раздался чей-то глухой голосъ, отъ котораго многіе вздрогнули.

По окончаніи гимна жрецы удалились, и власти, и публика стали занимать мѣста. Пройдя черезъ открытый атріумъ храма, окруженный двадцатью-восемью іоническими колоннами, на которыя солнце бросало косвенные лучи, какъ бы для того, чтобъ отражать ихъ на слѣпой богинѣ, дуумвиры и сенаторы взошли на назначенное для судей возвышеніе и заняли каждый свое мѣсто. Декуріоны Авлъ Церій и Маркъ Церриній помѣстились на почетныхъ бизелліумахъ, и такъ какъ Маркъ Церриній былъ старикъ низенькаго роста, а бизелліумъ довольно высокъ, то служитель храма поставилъ у бизелліума довольно высокое подножіе, съ помощью котораго важный старикъ и взобрался на свое богатое сѣдалище. Весталки помѣстились около декуріоновъ. Тутъ же былъ и эдилъ Панса.

Остальная публика размѣстилась противъ судебнаго трибунала. Болѣе видныя мѣста заняты были Маркомъ Голконіемъ Руфомъ, Маркомъ Лукреціемъ, Корнеліемъ Руфомъ и циникомъ Авломъ Поркомъ. Далѣе виднѣлись сестра эдила Пансы, ея дочь Либелла, молодые шалопаи-сибариты Флаккъ и другъ его Маркъ Туллій, а равно и щеголь преторіанецъ Кней Авидій. У одной изъ колоннъ можно было видѣть старика Діомеда, сидѣвшаго съ глубоко опущенною головой, и его красавицу дочь, Мальвію, лицо которой было завѣшено легкимъ покрываломъ. Матери подсудимыхъ не видно было среди публики.

Немного погодя, пришелъ Плиній съ Помпоніаномъ и племянникомъ. Имъ указали на почетныя мѣста среди публики, но Помпоніанъ не сѣлъ въ ожиданіи привода подсудимыхъ.

Базилика была переполнена. Вся Помпея, казалось, собралась присутствовать при процессѣ, обѣщавшемъ такъ много интереснаго. Нѣкоторые явились и изъ Геркуланума, изъ Стабіи и изъ Неаполиса. Процессъ былъ необыкновенный, въ немъ замѣшаны были какіе-то новые люди, которые не признавали боговъ. Притомъ имя Діомеда, популярное во всей счастливой Кампаніи, возбуждало общій интересъ. Всѣмъ хотѣлось видѣть этихъ новыхъ людей, въ числѣ которыхъ называли сыновей Діомеда, молодыхъ красавцевъ атлетическаго сложенія.

Въ числѣ зрителей можно было замѣтить и гигантовъ— Барку, Кверкуса и другихъ гладіаторовъ, которымъ скоро предстояла отличная работа: или побѣдить со славою и получить щедрую награду и пальмовый вѣнокъ, или со славою пасть. Мертвымъ не стыдно! И смерть на постели, и споліаріумъ *) всѣхъ равняютъ.

Толстякъ Саринусъ, сынъ Публія, поглядывая издали на весталокъ, тихонько потиралъ руки отъ восторга: послѣ процесса сколько въ его гостиницѣ перебываютъ посѣтителей, сколько амфоръ вина будетъ опорожнено!

— Ведутъ! Ведутъ!—прошелъ шопотъ въ заднихъ рядахъ публики, наполнявшей перистиль Базилики.

Послышалось звяканье желѣза, и толпа въ перистилѣ разступилась. По гранитнымъ ступенямъ поднимался Квинтъ Діомедъ. Руки его продѣты были въ желѣзныя наручни, прикрѣпленные къ цѣпи, обвивавшей его стройный могучій станъ. По бокамъ его шли съ копьями на перевѣсъ Тумулюсъ и Фурка. Лицо молодого Діомеда было спокойно-строгое, но блѣдное. Глаза, казалось, не хотѣли видѣть то, что имъ открывалось въ судилищѣ, и смотрѣли въ пространство. Отъ поясницы его тянулась цѣпь дальше до наручней, въ которые закованы были руки его брата и которыя тоже прикрѣплялись къ цѣпи, обхватывавшей его станъ. За нимъ на такой же цѣпи, на ея продолженіи, слѣдовалъ окованный ею и въ наручняхъ Зено, серебристая голова котораго такъ ярко обрисовывалась среди колоннъ перистиля. Цѣпь и наручни не пощадили и юной Кратиллы. Она слѣдовала за отцомъ. Маленькія ручки ея беззащитно глядѣли изъ широкихъ, ржавыхъ желѣзныхъ браслетъ, обвивавшихъ ея пухленькія кисти. Стройный станъ ея также обвивала цѣпь. При видѣ ея дѣтскаго личика вся толпа ахнула, точно вздохнула тяжелымъ, подавленнымъ вздохомъ. За нею слѣдомъ неуклюже выступалъ низенькій, коренастый и съ кучею черныхъ волосъ на головѣ Кардо, за которымъ шла, на свободѣ, плачущая сестра его, стройная и смуглая красавица Кардита. Шествіе замыкали стражи съ копьями: Каска съ слѣдами обжога на лицѣ и другіе.

Подсудимыхъ ввели въ середину атріума.

Діомедъ испуганно поднялъ голову при звукѣ цѣпей, какъ бы

---

*) Мѣсто, куда уносили съ арены амфитеатра убитыхъ въ бою гладіаторовъ или растерзанныхъ дикими звѣрями.

проснувшись отъ забытья, и глаза его остановились на лицѣ старшаго сына, потомъ перенеслись на младшаго. Губы его подернулись судорогой. Сыновья не глядѣли на него. Они, казалось, видѣли передъ собою только мраморный истуканъ правосудія съ повязкой на глазахъ и лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Замѣтно было, какъ подъ легкимъ покрываломъ поблѣднѣло лицо Мальвіи, и она поднесла платокъ къ глазамъ. Младшій Плиній, видимо, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Къ арестантамъ подошелъ центуріонъ, замѣнившій убитаго Деція Скавра, и проведя ихъ черезъ атріумъ, поставилъ такъ, что лица ихъ видны были и съ судейской трибуны, и со стороны публики.

Какъ странно, неестественно было видѣть на цѣпи Кратиллу!

Помпоніанъ, что-то говорившій Діомеду, отошелъ отъ него и направился къ арестантамъ. Онъ нѣсколько секундъ тихо говорилъ что-то Квинту, но тотъ молча качалъ головой. Тогда Помпоніанъ приблизился къ Кратиллѣ, осторожно поправилъ наручни на ея нѣжныхъ ручкахъ, передвинулъ цѣпь, неловко давившую ея хрупкій станъ, и тоже что-то сказалъ ей. Но она, съ любовью взглянувъ на отца и на Квинта, грустно улыбнулась и, какъ и Квинтъ, покачала своей золотистой головкой.

Одна молоденькая весталка, глядя на нее, утирала слезы.

Помпоніанъ отошелъ. Тогда съ трибуны раздался голосъ. Этотъ глухой голосъ принадлежалъ Попидію Цельсину, дуумвиру юстиціи.

— Квинтъ и Курцій, сыновья Марка Аррія Діомеда, магистра пригорода Августъ-Феликсъ, и рабъ книдянинъ, скульпторъ изъ Мемфиса, Зено, и дочь книдянина Зено, Кратилла! Васъ, въ силу вашего собственнаго сознанія, обвиняютъ законы Рима и всей вселенной, urbis et orbis, въ убіеніи, въ ночь на пятое число нонъ іюля, въ гротѣ циклоповъ, центуріона города Помпеи, благороднаго Деція Скавра, сына дуумвира Кастриція Скавра, сына Авла при исполненіи имъ возложеннаго на него декуріонами и эдиломъ города Помпеи важнаго государственнаго порученія. И всѣ же вы, въ томъ числѣ пастухъ Кардо, сынъ Галла, обвиняетесь въ противозаконной принадлежности къ тайной сектѣ, отвергающей божества, которыми созданы и управляются міръ и вся вселенная, къ сектѣ, кощунствующей надъ священными изображеніями боговъ и цезарей, не признающей вла-

стей, попирающей законы. И за то законъ присуждаетъ всѣхъ васъ къ смертной казни чрезъ растерзаніе, на аренѣ амфитеатра, дикими звѣрями!

Ропотъ удовольствія, смѣшаннаго съ ужасомъ, волною прошелъ по всей Базиликѣ и перенесся на самый форумъ, откуда послышались возгласы: «слава Ѳемидѣ! Слава жрецу, дуумвиру Попидію Цельсину!»

Старикъ Діомедъ упалъ головой на руки. Мальвія рыдала. Курцій рванулся было къ отцу, но, почувствовавъ, что онъ прикованъ къ цѣпи вмѣстѣ съ прочими, безпомощно опустилъ голову. Кратилла тоже потянулась было обнять отца, но желѣзныя паручни не позволили ей этого сдѣлать.

— О, великіе боги!—послышался стонъ молоденькой весталки.

— Почтенные отца декуріоны, дуумвиры, сенаторы! Прошу слова!—раздался звучный голосъ Помпоніана.

— Говори, достойный Помпоніанъ, — отвѣчалъ Попидій Цельсинъ, наклоняя сѣдую голову.

XXVIII.

Помпоніанъ выступилъ впередъ. Проходя мимо изображенія Ѳемиды, онъ склонился передъ нимъ, какъ бы моля о помощи, и потомъ взошелъ на небольшое возвышеніе въ видѣ жертвенника, съ бронзовыми рострами на углахъ. Окинувъ взоромъ все собраніе и поклонившись въ сторону трибуны, онъ началъ взволнованнымъ голосомъ:

— Patres conscripti и вы, граждане Помпеи! Передъ вами стоятъ осужденные, которыхъ Ѳемида устами жреца своего приговариваетъ къ лютой казни, къ растерзанію дикими звѣрями. Одни изъ нихъ обвиняются въ силу только личнаго сознанія въ убіеніи центуріона Деція Скавра. Я повторяю: они обвиняются единственно только въ силу личнаго сознанія. Слѣдствіемъ фактъ убійства именно ими или кѣмъ-либо изъ нихъ не подтверждается. Опираясь на факты, добытые самымъ тщательнымъ образомъ, слѣдствіе можетъ сказать только: мы не знаемъ, кто убійца. Одинъ, и то единственный свидѣтель показываетъ, что при тусклом свѣтѣ факела онъ увидѣлъ, какъ кто-то, замѣтьте: кто-то, лица котораго онъ не видѣлъ, а замѣтилъ только широкія плечи

и затылокъ, какъ этотъ кто-то поразилъ центуріона и скрылся во мракѣ, потому что кто-то другой, опять кто-то! выбилъ изъ его рукъ факелъ. Раньше этого два свидѣтеля слышали, какъ кто-то во мракѣ пещеры кому-то крикнулъ: «Уноси скорѣй Кратиллу, она, кажется, вывихнула ногу»! И вслѣдъ затѣмъ въ шумѣ голосовъ послышался чей-то голосъ: «Такъ умирай же, собака»! Вотъ всѣ свидѣтельскія показанія о самомъ фактѣ убіенія: «Кто-то крикнулъ», «кто-то поразилъ», «послышался чей-то голосъ» вотъ все, что даетъ намъ слѣдствіе. Кто поразилъ центуріона, остается неизвѣстнымъ. Идемъ далѣе по этому лабиринту, въ которомъ ни слѣдствіе, ни я не видимъ ни проблеска свѣта, ни спасительной нитки Аріадны. Одинъ свидѣтель, воинъ центуріона Фурка, на первоначальномъ дознаніи показывалъ и клялся всѣми Фуріями, Горгонами и Гарпіями, что онъ видѣлъ, какъ «Титанъ закололъ» центуріона, и когда онъ, свидѣтель, сталъ преслѣдовать его, то Титанъ будто бы задулъ у него факелъ, а какая-то златокудрая нимфа, которую центуріонъ было схватилъ за волосы, съ хохотомъ убѣжала отъ него.

Въ толпѣ зрителей послышался сдержанный смѣхъ. Фурка, который стоялъ со своимъ блестящимъ копьемъ въ видѣ теламона около арестантовъ, стыдливо потупился.

— Итакъ,—продолжалъ Помпоніанъ, голосъ котораго крѣпчалъ все болѣе и болѣе,—до сихъ поръ мы знаемъ только, что кто-то крикнулъ, кто-то поразилъ, кто-то убѣжалъ, а съ другой стороны мы видимъ даже не человѣка, убійцу центуріона, а Титана, которые давно уже перестали показываться смертнымъ и удостоили только почтеннаго Фурку милостивымъ лицезрѣніемъ.

Дружный смѣхъ публики сопровождалъ слова оратора. Даже плакавшая дотолѣ молоденькая весталка улыбнулась. А Тумулюсъ, косо посмотрѣвъ на Фурку, процѣдилъ сквозь зубы: «дуракъ! Ужъ лучше бы молчалъ».

— Единственный, добытый слѣдствіемъ, фактъ, фактъ, повидимому, подавляющій своей тяжестью, это кровь на плащѣ и на шеѣ подсудимаго Зено, котораго схватили тогда въ гротѣ циклоповъ. Но, во-первыхъ, при Зено не нашли никакихъ слѣдовъ оружія. Мало того, никакого окровавленнаго оружія не нашли тогда во всей пещерѣ, какъ ни тщательны были розыски. Предполагали, что Зено бросилъ оружіе, какъ только поразилъ центуріона или когда его схватили. Во-вторыхъ, Зено отрицалъ

сначала свою причастность въ убіеніи центуріона. На слѣдствіи онъ показалъ только, что когда онъ убѣгалъ отъ преслѣдованія воиновъ въ гротѣ циклоповъ, то слышалъ какъ у него за спиною кто-то, опять кто-то! крикнулъ: «Такъ умри же, собака», и почувствовалъ, что въ тотъ моментъ на него брызнуло что-то горячее, оказавшееся потомъ кровью, и какъ мы знаемъ теперь, кровью центуріона. Если же впослѣдствіи Зено утверждалъ и теперь утверждаетъ, что онъ, единственно онъ, а не кто иной, убилъ центуріона, то объ этомъ странномъ оборотѣ дѣла я скажу въ свое время.

Ораторъ остановился, чтобъ перейти къ самымъ поразительнымъ перепитіямъ слѣдственнаго процесса.

— Зено въ страшномъ Колумбаріѣ смерти, который со свойственною людямъ жестокостью называютъ Колумбаріемъ живыхъ, то есть, заживо погребенныхъ, предназначенныхъ на растерзаніе львами,—продолжалъ Помпоніанъ съ видимымъ содраганіемъ.—Онъ послѣдовательно и логически отрицаетъ свое участіе въ убійствѣ. Вдругъ стражи вносятъ въ Колумбарій нѣчто похожее на человѣческое тѣло и кладутъ. Это что-то, похожее на мертвое или только находящееся въ обморокѣ человѣческое тѣло, завернуто чернымъ покрываломъ. Зено въ изумленіи, ужъ не дочь ли его? Онъ потерялъ ее въ гротѣ циклоповъ. Ужъ не убита ли она? «А если тебя уличатъ въ убійствѣ?» спрашиваетъ его слѣдователь. «Кто?» Тогда слѣдователь сдергиваетъ покрывало съ этого чего-то, и Зено видитъ слѣпленную имъ въ гротѣ циклоповъ статую своей дочери. «Узнаешь?» спрашиваютъ его. «Узнаю, моя работа». «А гдѣ оригиналъ?» «Не знаю». «А если я покажу его тебѣ?» Онъ назвалъ по имени убійцу центуріона: «убійца—это ты!» Зено отвѣчалъ, что этого быть не можетъ. «Такъ скажи, кто убійца?» «Не знаю». Тогда ему, отцу, говорятъ: «Пусть же она погибнетъ!» «Кто она?» «Твоя дочь—Кратилла!» Вѣчные боги! Какой отецъ не затрепеталъ бы при этихъ словахъ!

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Это безчеловѣчно!—пронесся шопотъ негодованія среди весталокъ.

Краска стыда и злобы покрыла щеки эдила Пансы.

А Помпоніанъ продолжалъ: — Тогда слѣдователь приказываетъ стражамъ ввести кого-то въ Колумбарій смерти. Входитъ

Кратилла, вотъ этотъ прелестный, невинный ребенокъ, что вы видите на цѣпи!

Слышится ропотъ сожалѣнія. Многіе привстаютъ, чтобъ лучше разсмотрѣть то маленькое, очаровательное существо, на которое указалъ ораторъ.

— Она входитъ въ Колумбарій!—продолжалъ Помпоніанъ почти шопотомъ (Базилика, казалось, замерла, слушая его). «Дитя мое! И ты здѣсь, здѣсь! Въ области смерти»! А издали доносится глухое рычаніе львовъ, онъ, ея отецъ, слышитъ это. Ему говорятъ, что признаніемъ онъ спасетъ дочь... Спасетъ свое дитя отъ когтей нумидійскихъ львовъ!.. Спасетъ этого невиннаго ребенка! «Да, я убилъ центуріона!» говоритъ онъ. «Пусть меня терзаютъ страшные когти, но пусть не тронутъ ея чистаго, дѣвственнаго дѣтскаго тѣльца!» «Неправда, отецъ,—говоритъ она, это дитя,—я убила центуріона»! Она думаетъ этимъ спасти отца, она, эта слабая хрупкая крошка! Какъ повязка не спадаетъ съ очей богини, чтобы видѣть это дивное существо!—съ силою страсти воскликнулъ Помпоніанъ.—Ѳемида! Великая богиня! Взгляни на нее! Освѣти ее твоимъ божественнымъ взоромъ! (Помпоніанъ протянулъ руки къ изображенію богини правосудія).

— О! На богинѣ повязка шевелится! Она хочетъ взглянуть!—съ ужасомъ проговорилъ чей-то женскій голосъ.

Нѣтъ, мраморное божество оставалось попрежнему холоднымъ, неподвижнымъ. Но эффектъ обращенія къ статуѣ былъ поразителенъ. Многіе все еще ждали, что вотъ-вотъ мраморные члены богини дрогнутъ, повязка спадетъ съ ея глазъ, она заговоритъ...

Нѣтъ, мертво кругомъ, напрасно всѣ ждутъ... Слышно только усиленное дыханіе взволнованныхъ, испуганныхъ, да слышенъ прибой моря...

Помпоніанъ опустилъ руки.

— Божество не слышитъ насъ, оно мраморное! —сказалъ онъ, наконецъ.—Итакъ, двое заявляютъ, что они убили центуріона. Но вотъ является третій!.. Вамъ извѣстно, что Кратилла была рабыней у Діомедовъ. Морскіе пираты разлучили ее съ отцомъ и съ матерью, и она привезена была въ Помпею, гдѣ благородный Аррій Діомедъ и купилъ ее для своей дочери. Въ семьѣ Діомедовъ несчастная случайно узнала, что отецъ, тоже проданный въ Помпеѣ въ рабство. скрывается въ гротѣ цикло-

повъ. Объ этомъ говорятъ ей сыновья Діомеда, въ сердцахъ которыхъ невинность и горе юной рабыни возбудили состраданіе. Она умоляетъ ихъ свести ее къ отцу. Они великодушно исполняютъ ея просьбу. Но въ гротѣ циклоповъ ихъ ожидала засада, подосланная благороднымъ эдиломъ Пансою. Здѣсь разыгрывается та кровавая сцена, о которой вы уже слышали: кто-то убилъ центуріона Деція Скавра. Старшій сынъ Аррія Діомеда, мужественный Квинтъ, вдругъ узнаетъ отъ своего отца, что Кратилла арестована и посажена въ Колумбарій живыхъ. Арестована она была по слѣдующему поводу. Послѣ неудавшагося, по случаю землетрясенія, представленія въ театрѣ Скавра «Эдипа царя», когда зрители, въ томъ числѣ и семейство Діомеда, вмѣстѣ съ рабами и рабынями, выбѣжали на форумъ Тріангуляра, благородный эдилъ увидѣлъ тамъ Кратиллу, и его поразило необычайное сходство ея съ тою глиняною статуею, которая найдена была въ гротѣ циклоповъ въ ночь убійства центуріона. Онъ узналъ, что оригиналомъ для этой статуи служила юная рабыня Діомеда. Это и была Кратилла. Имѣя въ виду, что Зено упорно отрицалъ свою виновность въ убіеніи центуріона, благородный эдилъ надѣялся вынудить у него сознаніе съ помощью очной ставки съ дочерью. Въ виду этого онъ и приказалъ арестовать Кратиллу и отправилъ ее въ Колумбарій. Тогда-то мужественный Квинтъ отважился на великодушный подвигъ. Онъ является въ Колумбарій и говоритъ слѣдователю: «Я убійца центуріона Децiя Скавра; вотъ мечъ, которымъ я поразилъ его, защищая невинное дитя отъ насилія; судите меня, а Зено и его дочь неповинны въ этомъ убійствѣ».

Ропотъ одобренія пронесся волною по собранію. На него смотрѣли, какъ на героя, на Атланта, взвалившаго на плечи міровую тяжесть. Женщины любовались мужественной красотой и атлетическимъ сложеніемъ героя. Старикъ Діомедъ и Мальвія плакали. Юный Плиній съ такою силой сжималъ руки, что пальцы хрустѣли. Хорошенькая весталка призывала въ душѣ на героя благословеніе боговъ.

— Итакъ,—продолжалъ ораторъ,—вы видите, что уже трое признали себя, скорѣе, мужественно назвали себя убійцами центуріона. Они знали, что взводя на себя это преступленіе, они шли на вѣрную смерть. Въ то время, когда они выдавали себя за убійцъ, они слышали, какъ за ихъ стѣнами, тамъ же, въ амфи-

театрѣ, страшно рычали ужасные нумидійскіе львы, ихъ палачи! И въ это время является четвертый, который говоритъ, что онъ одинъ убилъ центуріона! Онъ стоитъ теперь передъ вами, въ цѣпяхъ. Вонъ онъ, это младшій сынъ благороднаго Діомеда. Что же это? Безуміе? Что побуждало всѣхъ ихъ искать смерти за другихъ. За другихъ! Вотъ, гдѣ объясненіе всему.

— Вамъ,—продолжалъ Помпоніанъ, глубоко передохнувъ,—можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что въ Іудеѣ, не болѣе сорока—пятидесяти лѣтъ тому назадъ, явился кто-то, называвшій Себя Сыномъ Божіимъ. И дѣйствительно, въ немъ было все божественное. Онъ исцѣлялъ больныхъ, Онъ воскрешалъ умершихъ! Кротость и доброта Его были неисчерпаемы, милосердіе—безъ конца Онъ никого не обвинилъ во всю свою жизнь, даже истинно преступныхъ. Онъ проповѣдывалъ только любовь къ ближнимъ, ко всему человѣчеству. Онъ говорилъ, что истинная любовь та, когда изъ любви къ другимъ умираютъ за другихъ для ихъ блага. Въ истинахъ, которыя Онъ проповѣдывалъ, океанъ божественной премудрости. Вся Іудея пошла за Нимъ, какъ за своимъ царемъ, а Онъ одно повторялъ, что пришелъ умереть для спасенія всего человѣчества, умереть за другихъ, за всѣхъ, чтобы всѣхъ спасти. Тогда нашлись злые люди, которые позавидовали Его славѣ, Его могуществу и обвинили Его въ томъ, будто Онъ не признаетъ нашего божественнаго цезаря, а Себя считаетъ царемъ іудейскимъ. Римскій намѣстникъ въ Іудеѣ, Пилатъ Понтіусъ, боясь гнѣва цезаря, отдалъ Его на судъ обвинителей, и Его распяли на крестѣ. Но ученіе Его не умерло съ Нимъ на крестѣ: Его послѣдователи пронесли это ученіе по всему міру. Ученіе это—страдать и умирать за другихъ. Благородные граждане! Что же можетъ быть выше этого ученія, божественнѣе! Вспомните нашего безсмертнаго героя, Муція Сцеволу, въ лагерѣ Порсены: онъ пошелъ умереть за другихъ, за весь Римъ! Вспомните другого героя, Курція: для спасенія Рима онъ бросился въ разверзшуюся пропасть, и земля поглотила его! Благородные граждане! Передъ вами стоятъ эти безстрашные Курціи и Муціи, готовые ринуться въ пасти львовъ. Вглядитесь въ ихъ черты, это герои древняго Рима: они жаждутъ умереть другъ за друга, юная, нѣжная Кратилла за отца, онъ за дочь, новый Курцій за брата, Квинтъ за всѣхъ. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они послѣдователи новаго ученія. Да, они настолько послѣдователи его, что хотятъ

умереть для спасенія другихъ. Вотъ ихъ вина. Но они не отреклись отъ вѣры предковъ, отъ нашей вѣры. Для того, чтобъ стать членомъ новой вѣры, нужно исполнить обрядъ крещенія водою и духомъ, обрядъ омовенія и очищенія себя отъ старыхъ вѣрованій. Но они не крещены; они всѣ еще наши, наши дѣти, наши братья. Умереть за другихъ, это ли вина, это ли преступленіе! Сами хотятъ умереть...

— Ну, и пусть умрутъ!—глухо раздался по собранію чей-то голосъ.—Намъ же будетъ веселѣе на аренѣ сражаться.

Это говорилъ Барка гладіаторъ. Нѣкоторые голоса изъ толпы поддержали его: «Пусть умрутъ».

Эти возгласы безсмысленной жестокости взорвали оратора.

— Что же ты молчишь, великая богиня!—патетически обратился онъ къ изображенію Ѳемиды.—Сорви съ глазъ повязку, взгляни на новыхъ героевъ! Освѣти божественнымъ свѣтомъ твоихъ очей это невинное дитя, столь же чистое и непорочное, какъ само божество. Нѣтъ, ты ничего не слышишь, ничего не видишь, ты слѣпа! Пусть слѣпа Фортуна, она разсыпаетъ свои блага чаще всего недостойнымъ. Ея колесо мчится въ пространствѣ безъ цѣли, безъ смысла. Но ты! Ты не должна быть слѣпою. Это жрецы твои завязали тебѣ глаза, чтобъ ты не видѣла, что они творятъ.

— Это хула на божество! — раздался голосъ дуумвира юстиціи.

— Смерть имъ! Смерть!—застонала разъяренная толпа.

— На арену ихъ!.. Мы давно не видимъ зрѣлищъ!

Въ это время сквозь толпу пробирался какой-то старикъ. Въ рукахъ его былъ длинный посохъ съ крестомъ у рукоятки. Онъ быстро подошелъ къ статуѣ Ѳемиды.

— Вотъ ваши боги!—воскликнулъ онъ, ударивъ посохомъ прямо въ грудь богини.

Изображеніе Ѳемиды вдругъ зашаталось на пьедесталѣ и опрокинулось навзничь, разбившись на куски.

Ужасъ охватилъ собраніе...

Повергнувшій съ пьедестала изображеніе Ѳемиды былъ Авениръ, тотъ старикъ, на дѣтской головкѣ котораго покоилась когда-то рука Спасителя.

XXIX.

Наконецъ, давно ожидаемыя объявленія появились на видныхъ мѣстахъ Помпеи.

«По случаю предстоящаго торжества праздника Вулкана, въ девятый день до календъ сентября, въ амфитеатрѣ будетъ дано всенародное зрѣлище: бои гладіаторовъ подъ руководствомъ славнаго ланисты Аквило; послѣ нихъ—звѣриныя травли: противъ нумидійскихъ львовъ будутъ поставлены два государственныхъ преступника; во все продолженіе зрѣлища будутъ разливаемы благоуханія, и будутъ разбиты веляріи».

Праздная толпа тѣснилась около объявленій, читая и перечитывая ихъ и изъявляя свою радость.

— Старикъ Аквило ставитъ своихъ гладіаторовъ: эти не ударятъ въ грязь лицомъ,—говорилъ знакомый уже намъ толстякъ Саринусъ, сынъ Публія, содержатель гостиницы у двѣнадцатой городской башни.

— А кто изъ гладіаторовъ будетъ сражаться?—спросилъ его скриба, тоже нашъ знакомый площадной адвокатъ, прозванный Иеромъ.

— Они всѣ у меня на радостяхъ гуляли: Барка, Урсусъ, Аперъ...

— А Кверкусъ и Мурена будутъ сражаться?

— Какъ же! И Парвусъ, и Оріонъ, и Суторъ.

— Какъ жаль бѣднаго Квинта! Клянусь Флорой! Такого красавца еще не видѣла Помпея!—говорила продавщица цвѣтовъ.

— Самъ виноватъ,—отозвался трактирщикъ,—клянусь Вакхомъ! Такихъ мнѣ не жаль. Связался съ этими новенькими, что вынесли свою вѣру изъ Іудеи; а что въ нихъ толку! Вина не пьютъ, постятся...

— А боговъ нашихъ разрушаютъ, что хуже всего,—отозвалась цвѣточница.

— Да, кто бы подумалъ? Тогда, вонъ, вдребезги разбили изображеніе божественнаго Августа въ Пантеонѣ,—замѣтилъ скриба.—А еще сторожъ говорилъ, что тотъ, кто совершилъ это святотатство, сквозь землю провалился. А оказалось, на вотъ! Онъ и нашу матушку Ѳемиду раскокалъ, какъ пустую амфору.

— А развѣ это онъ же, этотъ старикъ съ крестомъ?

— Онъ самый, тогда же и сознался... А, клянусь Ѳемидой,

какъ сухожильный Помпоніанъ говорилъ тогда! Ну, сущій Маркъ Туллій...

— Который это? Что пари держитъ за Мурену?—спросилъ трактирщикъ.

Скриба неудержимо залился какимъ-то фальцетомъ.

— Клянусь Минервой! — сказалъ онъ, захлебываясь отъ смѣха.—Эти трактирщики самый необразованный народъ! Принять шалопая Марка Туллія за великаго Цицерона! О!

— Да кто васъ знаетъ!—обидѣлся трактирщикъ, толстякъ Саринусъ.—Можетъ, и твой Цицеронъ, какъ и ты самъ, ходилъ въ разодранной тогѣ и стоптанныхъ сандаліяхъ

— Ахъ, ты, простота!—презрительно сказалъ скриба, помахивая своими лохмотьями.—Я циникъ, зачѣмъ мнѣ дорогія одежды? Я философъ...

— Философъ дырявый!

— Да, дырявый, а все же философъ и юристъ... А то на! Стоптанныя сандаліи у великаго Марка Туллія... Да ты знаешь виллу Цицерона, что за Геркуланумскими воротами, почти рядомъ съ виллой Діомеда?

— Знаю, богатая вилла, клянусь Ганимедомъ!

— То-то же! Она моего Цицерона! А другая вилла у него въ Путеоляхъ! А то на! Стоптанныя сандаліи у Цицерона? Да за это невѣжество, за это неуваженіе къ отечественной славѣ ты, Саринусъ, сынъ Публія, обязанъ поставить мнѣ, gratia, амфору фалернскаго!

— Ну! Ну! Будетъ съ тебя и кружки кислаго везувіанскаго.

— О чемъ вы тутъ спорите, достойные граждане?—раздался позади пискливый голосъ.

— А! Почтенный паразитъ, паразитъ благороднаго эдила. Какусъ! Здравствуй!—воскликнулъ скриба.

— Здравствуй, помпейскій Діогенъ! А отчего ты не съ фонаремъ?

— Разбилъ, больше мнѣ его не нужно.

— Что такъ, почтенное Перо?

— Нашелъ человѣка, нечего искать его съ фонаремъ при свѣтѣ Геліоса.

— Въ самомъ дѣлѣ нашелъ?

— Нашелъ и благословляю Фортуну... Ахъ, вотъ кому бы

нуженъ фонарь, это Фортунѣ; а то, слѣпая, не знаетъ, кому давать.

— Тебѣ бы, надо полагать?—лукаво спросилъ Саринусъ.

— Не мнѣ, а вотъ благородному Какусу, лучшему паразиту изъ паразитовъ.

— За что ему?—удивлялся трактирщикъ.

— Онъ и есть тотъ человѣкъ, котораго я нашелъ днемъ съ фонаремъ,—отвѣчалъ скриба.

Паразитъ самодовольно улыбнулся.

— А знаешь что, золотое Перо?—сказалъ онъ.—Пойдемъ къ этому почтенному толстяку, въ его храмъ, у двѣнадцатой башни, и пусть онъ будетъ нашимъ Ганимедомъ.

— Отлично сказано! — воскликнулъ Саринусъ. — Фалернскаго или хіосскаго?

— Хіосскаго,—наклонилъ голову паразитъ.

— Отлично сказано, Какусъ! Клянусь Аполлономъ и музами, къ тебѣ относится стихъ Флакка къ Меценату:

Maecenas, atavis edite regibus!..

— Это нашего Флакка, который неравнодушенъ къ племянницѣ благороднаго эдила, къ Либеллѣ?—спросилъ Саринусъ.

— О, невѣжество! Нашъ Флаккъ!—воскликнулъ патетически скриба.—Нашъ Флаккъ умѣетъ только любовныя записочки писать; а то великій Горацій Флаккъ, который сказалъ о себѣ:

Exegi monumentum aere perennius!

— Самъ себѣ поставилъ монументъ?—спросилъ Саринусъ.

— Да,—отвѣчалъ скриба, лукаво косясь на паразита.

— Изъ какого же матеріала? Что прочнѣе мѣди?—удивился трактирщикъ.

— Твой лобъ!—отвѣчалъ скриба.

— Клянусь богами! Онъ всегда остритъ на мой счетъ,—безобидно разсмѣялся трактирщикъ.

— А оттого, что ты лучшій гражданинъ Помпеи!.. У тебя всегда есть напитокъ боговъ,—отвѣчалъ скриба, хлопая толстяка по животу.—Идемъ же къ тебѣ, будь нашимъ Ганимедомъ, и да прядутъ парки твою нить долго, долго, пока существуетъ на свѣтѣ вино!

И всѣ трое направились къ двѣнадцатой башнѣ.

Скриба былъ въ духѣ. Онъ сыпалъ остротами и цитатами изъ поэтовъ римскихъ и ораторовъ. Въ молодости онъ получилъ

прекрасное образованіе въ Римѣ у лучшихъ ораторовъ и подавалъ большія надежды. Риторы, учившіе его краснорѣчію, не иначе называли молодого Коракса, какъ «нашъ будущій Цицеронъ». Но, какъ часто бываетъ съ талантливыми натурами, недовольными окружающею средой, Кораксъ началъ запивать: до этого довела его, главнымъ образомъ, несчастная любовь. Кораксъ глубоко привязался къ одной римской дѣвушкѣ, которая и ему отвѣчала взаимностью; но скоро блестящій преторіанецъ, съ животными инстинктами, богатый Прискусъ перебилъ скромнаго Коракса, дѣвушка увлеклась преторіанцемъ. Кораксъ бросилъ Римъ и перебрался въ Помпею.

Съ горя онъ началъ пить и скоро сдѣлался уличнымъ адвокатомъ, скрибой.

Онъ продолжалъ дорогою болтать и сыпать цитатами.

— Ну, Ганимедъ, смотри же, хіосскаго,—приставалъ онъ къ Саринусу.—Я его давно не пивалъ, послѣ Рима... Эхъ!—Онъ махнулъ рукой.—А сегодня я залью свое горе: благородный Какусъ заставляетъ меня воскликнуть съ безсмертнымъ Персіемъ:

Nunc, Macrine, diem numera meliore lapillo!

— И я его отмѣчу, какъ велитъ безсмертный Персій!

— Это тотъ Персей, что отрубилъ голову Медузѣ?—спросилъ любознательный трактирщикъ.

— Тотъ самый,—отвѣтилъ скриба.

— Этотъ Персей съ отрубленной головой Медузы есть у Марка Голконія Руфа,—продолжалъ Саринусъ: — прекрасная группа. А кто же былъ Макринусъ?

— Это былъ мужъ злой Медузы, которая постоянно его грызла.

— Точно моя супруга... Вотъ бы мнѣ этого Персея!—пробормоталъ Саринусъ.

Скоро они достигли гостиницы у двѣнадцатой башни. Тамъ уже было не мало гостей: гладіаторы Барка, Кверкусъ, Парвусъ, Оріонъ, Урсусъ, Аперъ, Мурена и Суторъ пировали за отдѣльнымъ столомъ. Имъ прислуживала, помыкая рабами, почтенная супруга Саринуса, прекрасная Тонитра, вполнѣ оправдывавшая свое названіе *): коротенькая, круглая, почти без-

*) «Tonitrum» значитъ «громъ».

волосая, съ усами умирающаго гладіатора надъ верхнею губою, только съ черными, она гремѣла на рабовъ, точно Jupiter Tonnans.

— Ты все шляешься, дармоѣдъ!—загремѣла она на мужа.— А я тутъ съ ногъ сбилась!.. Клянусь Юпитеромъ, я несчастная женщина.

— Но я привелъ гостей, дорогая Тонитра!—бормоталъ несчастный Саринусъ.—Благородный Какусъ, паразитъ нашего славнаго эдила, велитъ подать хіосскаго: а ты знаешь, оно оплатится хорошо.

— А, почтенный риторъ!—воскликнулъ гладіаторъ Суторъ, увидѣвъ скрибу.

Суторъ былъ невысокаго роста гладіаторъ, но плечистый и мускулистый: мускулы его рукъ и ногъ, когда онъ дрался на аренѣ голый, лишь съ «поясомъ стыдливости», напоминали собой сплетшіеся канаты. Онъ былъ тоже, какъ и скриба Кораксъ, изъ неудачниковъ. Онъ былъ когда-то юнымъ преторіанцемъ, но, пойманный въ игрѣ товарищами на фальшивыхъ костяхъ, былъ изгнанъ изъ среды преторіанцевъ, промотался и поступилъ въ гладіаторы къ извѣстному ланистѣ Аквило, получившему гладіаторское воспитаніе въ Капуѣ, гдѣ обучалось гладіаторскому искусству въ одно время до 40.000 бестіаріевъ или гладіаторовъ *).

— Ты что жъ, помпейскій Демосѳенъ, не сразился тогда со старымъ Эсхиномъ изъ Стабій, когда онъ защищалъ въ Базиликѣ эту рыженькую сильфиду?—сказалъ онъ, подходя къ скрибѣ и трепля его по плечу.

— Не хотѣлъ, братъ Суторъ, — отвѣчалъ скриба,—жаль было дѣвочки.

— А какъ бы весело было смотрѣть, когда бы нумидійскій четвероногій Суторъ съ гривою трощилъ это хорошенькое, хрупкое тѣльце.

— Опомнись, звѣрь, тебѣ бы все кровь, да кровь!

— Нѣтъ, сознайся, пріятель, — подсмѣивался Суторъ:— опустилъ щитъ передъ Помпоніаномъ? Струсилъ передъ львомъ, помпейскій заяцъ!

— Замолчи, несчастный! — патетически воскликнулъ скриба.—Ne sutor supra crepidam! (Сапожникъ! Не разсу-

*) Объ этомъ упоминаетъ Цицеронъ.

ждай о томъ, что выше сапога *). А ты скажи лучше, съ кѣмъ ты состязаешься на аренѣ?

— Еще не знаю, какъ рѣшитъ нашъ свирѣпый ланиста,— отвѣчалъ Суторъ,—а мнѣ хотѣлось бы отправить въ сполiарiумъ вонъ того кабана.

— Апера, что съ клыками?

— Нѣтъ!.. Вотъ нашелъ!.. Это невинная свинья... А вонъ того, съ женскими бедрами.

— Это Барку съ торсомъ Аѳины?

— Его самого.

— За что же такая немилость къ плебею?

— А за то, что красавицу Синистру отбилъ у меня.

— А-ха-ха-ха! — разсмѣялся скриба. — Развѣ можно отбить у кого городской колодезь, куда каждый помпеецъ лѣзетъ со своимъ ведромъ!

— А все же я хотѣлъ бы отправить его на берега Ахерона! Клянусь весломъ и лодкой Харона! Онъ этого стоитъ.

— О чемъ вы спорите тутъ, Перо и Мечъ?—спросилъ паразитъ Какусъ, подходя къ Кораксу и Сутору.

— О томъ, любезнѣйшiй Какусъ,—отвѣчалъ Кораксъ,—кто раньше, послѣ арены, услышитъ грохотъ падающаго камня Сизифа, Суторъ или Барка.

— А что?—не понялъ иносказанiя паразитъ.

— А вотъ Суторъ хочетъ отправить Барку съ арены прямо въ область Аида.

— А если онъ тебя?—обратился паразитъ къ Сутору.

— Эхъ!—махнулъ тотъ рукой.—Помнишь,—обратился онъ къ Кораксу,—что говоритъ Горацiй другу своему Левконою:

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
Finem Di dederint, Leuconoe, nec babylonios
Tentaris numeros!.. **).

И Суторъ грустно засмѣялся:—Будемъ пить!—сказалъ онъ, садясь за столъ.

---

*) Это игра словъ. Извѣстно, что Апеллесъ, поправившiй на своей картинѣ башмакъ по указанiю сапожника, на замѣчанiе того же критика—поправить бедро на рисункѣ, отвѣчалъ: «Ne sutor supra crepidam!»

**) Т. е.: «Не пытайся узнать—да и не стоитъ—какой мнѣ, какой тебѣ конецъ пошлютъ боги, Левконой. Не допрашивай и вавилонскiя числа» (каббалистическiя). Horat. L. I, 12.

XXX.

На другой день въ гладіаторской школѣ бывшаго эдила Авла Свеція Церія происходило распредѣленіе ролей къ предстоящимъ боямъ па аренѣ амфитеатра въ честь Вулкана.

Этой школой завѣдывалъ старый гладіаторъ, теперь уже не выступавшій на арену, извѣстный всей Помпеѣ Аквило. Старику было уже далеко за семьдесятъ, но для своихъ лѣтъ онъ казался еще бодрымъ. Это былъ худощавый старикъ съ бѣлыми, какъ морская пѣна, волосами на головѣ и черными густыми бровями. На лицѣ его и па тѣлѣ сохранился не одинъ рубецъ отъ старыхъ ранъ, полученныхъ когда-то па аренахъ Капуи и Рима. Въ Капуѣ этотъ ланиста и получилъ свое гладіаторское воспитаніе, гдѣ еще живы были традиціи временъ Спартака, а нѣкоторые особенно ловкіе гладіаторскіе удары такъ и назывались «ударами Спартака». Широкія скулы, сильно развитыя челюсти и плоскій затылокъ достаточно говорили о звѣриныхъ качествахъ опытнаго ланисты.

Гладіаторы Авла Церія были собраны въ саду, примыкавшемъ къ дому бывшаго эдила и обнесенномъ каменною стѣной. Посреди сада находилось нѣчто вродѣ арены, небольшая площадка, усыпанная пескомъ.

Ученики стараго ланисты весело между собой болтали, хвастаясь другъ передъ другомъ, кто желѣзными мускулами, кто крѣпостью ногъ, кто быстротою движеній.

— Ну-ну, не хвастайся, Кверкусъ, твои мускулы, я вижу, нѣсколько подряблѣли, — ворчалъ старый ланиста, ощупывая руки и голыя икры своего ученика,—ты перестаешь быть дубомъ (кверкусъ—quercus—дубъ).

— Это отъ любви къ прекрасной Синистрѣ,—съ насмѣшкой замѣтилъ тонкій и гибкій, какъ вьюнъ, Мурена.

Барка и Суторъ презрительно пожали плечами.

— Съ какимъ же оружіемъ ты меня выпустишь на арену?—спросилъ ланисту Кверкусъ.

— Тебя? Съ эллинскимъ цестомъ,—отвѣчалъ ланиста.

— Клянусь Геркулесомъ!—вскричалъ обиженный гладіаторъ.—Я не греческій илотъ, чтобъ мнѣ на аренѣ махать дубиной.

— А Геркулесъ чѣмъ же побивалъ львовъ, какъ не дубин-

кой?—замѣтилъ хладнокровно ланиста. — Ты же самъ клянешься Геркулесомъ. Да и самъ великій Спартакъ говаривалъ бывало: «Дубинка—вѣрнѣе меча».

Кверкусъ долженъ былъ повиноваться такому авторитету.

— А ты будешь ретіаріемъ, вьюнъ!—ударилъ ланиста по плечу Мурену, который, обвивъ своими гибкими членами неповоротливаго Урсуса, силился опрокинуть его на песокъ.

Урсусъ, рыча, какъ настоящій медвѣдь, грохнулся на земь. Мурена поднялся, весь красный, но веселый.

— Да,—повторилъ ланиста, трепля его по плечу,—ты будешь ретіаріемъ: съ трезубцемъ Нептуна и съ сѣтью Нереидъ ты выступишь противъ меча и щита. Ты гибокъ и увертливъ.

— А кто противъ меня?—спросилъ Мурена.

— Карбоніусъ изъ школы эдила Пансы.

— О! Тому бычачьему лбу не сдобровать!—воскликнулъ Мурена.— Старая Парка ужъ надорвала его толстую нитку.

— Не хвались, вьюнъ! Боги этого не любятъ,—проворчалъ старый ланиста.

— А я давно намѣтилъ себѣ Оріона,—сказалъ Урсусъ, подходя къ ланистѣ,—мы съ нимъ ужъ условились въ гостяхъ у толстяка Саринуса.

— А въ чемъ ваше условіе?—спросилъ старый ученикъ изъ школы Спартака.

— А вотъ въ чемъ: если онъ меня убьетъ, то поступаетъ сюда, на мое мѣсто; а то, говоритъ, у Пансы дурно кормятъ, да и ланиста у нихъ просто выскочка изъ Рима.

Косвенная лесть, видимо, понравилась старому гладіатору изъ Капуи.

— Куда Риму до Капуи!—сказалъ онъ.—Только изъ Капуи и выходятъ настоящіе бестіаріи. Я когда-то въ молодости, въ присутствіи божественнаго цезаря Калигулы, имѣлъ дѣло со львомъ: я его угостилъ ударомъ Спартака, прямо въ глазъ, а когда онъ заметался, я ему всадилъ мечъ въ сердце. Вотъ слѣды его когтей.

И старый ланиста показалъ на лѣвой икрѣ шрамъ отъ глубокой раны.

— Ну, Урсусъ, а если ты его отправишь въ споліаріумъ?— заинтересовались товарищи оригинальнымъ условіемъ гладіато-

ровъ.—Тогда что жъ?—спросилъ лукаво Суторъ.—Ты на его мѣсто поступишь въ школу эдила Пансы?

— Нѣтъ,—добродушно возразилъ простоватый Урсусъ,— какъ только его зацѣпятъ крючкомъ, чтобъ тащить въ споліаріумъ, я беру себѣ его великолѣпный щитъ, который подарила ему одна матрона, ахъ, что за щитъ! Легкій, прочный, а на немъ изображенъ Гекторъ, прощающійся съ Андромахой, что за щитъ!

— А ты мнѣ не сказалъ, кто же мой противникъ?—спросилъ ланисту Кверкусъ.

— Выбирай любого,—отвѣтилъ старый профессоръ рѣзни.

— Такъ я помѣряюсь отвагой и силой съ Аперомъ,—сказалъ Кверкусъ.—Надо же отплатить ему за старое: онъ мнѣ самой подлой, самой бабьей уверткой пропоролъ ляжку у самаго скромнаго мѣста, такъ что мнѣ стыдно передъ женщинами, спрашиваютъ, что это...

Добродушное признаніе Кверкуса встрѣчено было дружнымъ хохотомъ.

— Ну, а вы какъ, дѣтки?—обратился ланиста къ Баркѣ и Сутору.

— Да какъ?—отвѣчалъ уклончиво послѣдній.—Для насъ нѣтъ противниковъ у Пансы.

— Какъ нѣтъ, а Парвусъ, а Мета?

— Все это мелочь, не твои ученики: намъ съ ними стыдно тягаться.

Ланиста опять былъ польщенъ.

— Какъ же, дѣтки? Не изъ Рима же и не изъ Капуи выписывать вамъ равныхъ борцевъ,—развелъ руками старый Аквило.—Да и не успѣемъ.

— Ну, такъ мы другъ съ другомъ, я съ Баркой,—сказалъ Суторъ.

— Какъ же такъ? Клянусь Гермесомъ, изъ своего же улья да медъ таскать.

— Нѣтъ, старый наставникъ, не такъ,—успокаивалъ старика бывшій преторіанецъ,—мы хотимъ показать Помпеѣ да и всей Кампаньи, какіе у тебя ученики, пусть знаютъ, каковы гладіаторы, воспитанные славнымъ Аквило въ традиціяхъ великаго Спартака.

Старикъ совсѣмъ растаялъ отъ довольно грубой лести.

— Вотъ ловушка, клянусь Гермесомъ!—почесалъ старикъ

свой плоскій затылокъ.—А если который изъ васъ, того, въ споліаріумъ попадетъ?

— Тогда ужъ у него никогда зубы не будутъ болѣть! — злобно разсмѣялся Барка, намекая на то, что Суторъ иногда жаловался на зубную боль.

— Н-пу! Кто-то боится впередъ за свой лѣвый бокъ,—отвѣчалъ Суторъ, играя словами, потому что «лѣвый бокъ», «лѣвая сторона»—sinistra—намекала на легкомысленную рабыню Діомеда, къ которой Барка былъ неравнодушенъ.

— Хорошо, я согласенъ. Только чтобъ не осрамить памяти великаго Спартака! — торжественно произнесъ старый ланиста.—А то тѣнь его и въ элизіумѣ содрогнется.

— Не содрогнется,—успокоилъ его Суторъ.

Затѣмъ ланиста сталъ въ позу оратора.

— А теперь слушайте стараго гладіатора,—сказалъ онъ, поднявъ руку.—Вы уже достаточно знаете отъ меня, что требуется отъ истиннаго гладіатора. Клянусь Гермесомъ, сковавшимъ первый мечъ! Въ борьбѣ на аренѣ не всегда беретъ перевѣсъ сила: побѣдителемъ всегда остается хладнокровіе. Это мать гладіаторскаго искусства. При хладнокровіи глаза гладіатора все видятъ, ничего не пропустятъ, а это очень важно. Но у этой матери, у хладнокровія, должны быть достойныя дѣти: терпѣніе, ловкость и увертка. Слушай, Вьюнъ (онъ обратился къ Муренѣ), и вы всѣ слушайте: ты не нападай на врага, а только вызывай его, дразни ожиданіемъ удара; но самъ терпи и жди. Пусть онъ ждетъ удара, волнуется, утомляется... Ты доведи его до изступленія, до ярости, до слѣпоты; ты истоми его измором; пусть онъ, доведенный тобою до бѣшенства, бросается на тебя. И клянусь тѣнью Спартака! Онъ погибнетъ: онъ ослѣпнетъ отъ желанія поразить тебя, а ты хладнокровно выискивай дорогу къ его сердцу, ты все увертывайся: увертываться легче, чѣмъ нападать. Я такъ и льва поразилъ: онъ на меня кинулся, а не я на него: я его только ждалъ. Сдѣлай противника смѣшнымъ для зрителей: всякій промахъ смѣшонъ и всякій промахъ придаетъ ему ярость и отнимаетъ ловкость. Разъ засмѣялись зрители, онъ погибъ. Когда выйдешь на арену, забудь, гдѣ ты, не думай о публикѣ, а слѣди за движеніями противника: твой первый ударъ поразитъ и его, и публику, неожиданность возвышаетъ цѣну всему; кто подавалъ надежды и обманулъ на волосъ, теряетъ

все; кто не обѣщалъ многаго и ошеломилъ неожиданностью, выигрываетъ все. Да ударъ направляй вѣрнѣе, въ этомъ половина удачи: цестомъ поражай високъ или правую руку, мечъ вонзай въ ребра, ближе къ сердцу.

— А ты знаешь, какъ скиѳы ловятъ дикихъ лошадей въ степи?—вдругъ неожиданно обратился ланиста къ Муренѣ.

— Нѣтъ, не видалъ,—улыбнулся тотъ, — я не былъ въ Скиѳіи.

— А вотъ какъ... Это говорилъ намъ старый, очень старый гладіаторъ въ Капуѣ, который былъ родомъ скиѳъ. Его вывезли изъ Скиѳіи римскіе воины, которые отвозили Овидія въ изгнаніе.

— А кто этотъ Овидій?—спросили гладіаторы.

— Поэтъ былъ такой, еще при цезарѣ Августѣ,—отвѣчалъ ланиста, самъ плохой знатокъ въ исторіи литературы.

— Да что имъ говорить объ Овидіѣ!—замѣтилъ Суторъ.— Все равно ничего не поймутъ. Говори лучше, какъ скиѳы ловятъ дикихъ лошадей.

— Да!—спохватился ланиста.—Скиѳъ беретъ длинную волосяную веревку съ петлей на концѣ и такъ ловко бросаетъ издали эту петлю, что она сразу обхватываетъ шею намѣченнаго имъ коня, и тогда дикое животное во власти скиѳа. Такъ и ты бросай свою сѣть,—обратился онъ къ Муренѣ.

— Клянусь Вулканомъ!—воскликнулъ Мурена.—Я такъ захлестну моей сѣтью этого быка, Карбоніуса, какъ ни одинъ скиѳъ не захлестывалъ дикаго коня.

— Не хвались, Вьюнъ, не серди боговъ,—останавливалъ его ланиста,—боги очень ревнивы къ славѣ смертныхъ, они не простятъ тебѣ похвальбы.

XXXI.

Наконецъ, насталъ давно ожидаемый день праздника Вулкана.

Но онъ наступалъ медленно. Утренній свѣтъ, казалось, боролся съ туманомъ, клубившимся надъ моремъ и застилавшимъ Везувій до самой вершины.

Но вотъ, первые лучи пронизали въ одномъ мѣстѣ завѣсу, и туманъ, какъ бы испугавшись, сталъ рѣдѣть и таять въ воздухѣ.

Вершина Везувія освѣтилась улыбкой: это была ясная, тихая улыбка, что-то успокаивающее. И зелень виноградниковъ и пиній получала новыя, ласкающія краски.

Только замѣчалось что-то странное. Помпоніанъ, выйдя на террасу, увидѣлъ, что море какъ бы тяжело дышало изъ глубины. А между тѣмъ въ воздухѣ было тихо, такъ тихо, какъ это бываетъ иногда тихою, сонною ночью. Отчего же море вздымалось? Развѣ это доходило сюда дыханіе далекаго океана, оттуда, изъ-за столбовъ Геркулеса? И крикъ чаекъ былъ какой-то безпокойный.

Но воздухъ былъ до того прозраченъ, что Помпоніану казалось, будто Питеуза и Прохита приблизились къ нему; правѣе отъ сверкавшаго подъ первыми лучами солнца Неаполиса явственно отдѣлялась роскошная вилла Лукулла съ гигантскими алоэ и пальмами.

Помпоніанъ повернулъ лицо къ Помпеѣ и остановился, какъ очарованный. Городъ Вулкана весь, казалось, трепеталъ отъ счастья, отъ счастья полноты жизни. Онъ просыпался для радостнаго дня, для наслажденій. Массивныя его стѣны, увѣнчанныя башнями; ослѣпительный мраморъ колоннъ и портиковъ, то тамъ, то сямъ выдѣлявшіяся на общемъ фонѣ очертанія статуй, тріумфальныя арки форума, исполинская статуя Юпитера, какъ бы благосклонно принимавшая привѣтствіе солнца, все это было до того прекрасно, что античная душа Помпоніана, казалось, таяла отъ умиленія.

Шумъ пробуждавшагося города заставилъ его, однако, вспомнить, что должно было совершиться въ этотъ чудный день, подъ этимъ голубымъ, ласкающимъ небомъ. Онъ вспомнилъ, что ожидало въ этотъ день его несчастнаго кліента, мужественнаго Квинта. Защитительная рѣчь Помпоніана не спасла бѣднаго сына Діомеда: народъ жаждалъ крови.

А между тѣмъ тотъ, о комъ онъ думалъ, спалъ крѣпкимъ сномъ молодости, плотно завернувшись въ свою длинную тогу. Онъ видѣлъ себя не въ Колумбаріѣ живыхъ, а въ Римѣ, на форумѣ, передъ самымъ Капитоліемъ. Священнымъ всходомъ, clivus sacer, спускалась къ форуму процессія съ первосвященниками и весталками. Процессія все ближе и ближе. Отъ весталокъ отдѣляется одна, вся закутанная, такая стройная, нѣжная, и подходитъ къ нему. Это Кратилла...

Его разбудило рычаніе львовъ. Сегодня они что-то особенно безпокойны. Ихъ уже второй день не кормятъ, чтобы они были свирѣпѣе...

Квинтъ вспомнилъ, что онъ долженъ былъ служить имъ пищею. Онъ оглянулся. Его товарищъ по заключенію, старикъ Авениръ, стоялъ на колѣняхъ передъ стѣною, на которой углемъ нарисованы были три креста, съ пригвожденными па нихъ человѣческими тѣлами, и молился. Это былъ трогательный рисунокъ, сдѣланный рукою Зено.

Старикъ услыхалъ, что молодой человѣкъ проснулся, и подошелъ къ нему. Львы продолжали такъ страшно рычать, что, казалось, стѣны амфитеатра дрожали.

Старикъ положилъ руку на голову Квинта, который, приподнявшись съ своего жесткаго ложа, молча сидѣлъ на землѣ, припоминая свой сонъ.

— Мужайся, сынъ мой,—сказалъ кротко Авениръ, — мы приближаемся къ вратамъ вѣчной жизни, вѣчнаго упокоенія, насъ ждутъ неземныя радости... О! Сколько блаженства въ сознаніи, что я скоро увижу Того, Чья рука когда-то покоилась на моей дѣтской головѣ... И ты скоро Его увидишь.

Между тѣмъ извнѣ уже доносились шумъ и говоръ толпы и неясные возгласы. Такъ какъ зрѣлища въ Помпеѣ начинались очень рано, почти вскорѣ послѣ восхода солнца, то народъ уже толпами стремился къ амфитеатру, чтобъ занять болѣе удобныя мѣста.

Рыбаки, погонщики муловъ, каменьщики, пастухи и прочій плебсъ пробирался, чрезъ всѣ сорокъ воротъ, называвшихся вомиторіями, наверхъ, позади верхней кавеи (summa cavea). На самую вышку подпимались женщины, которыхъ желѣзная рѣшетка отдѣляла отъ прочей публики. Верхняя кавеа, для мужчинъ, имѣла восемнадцать рядовъ или уступовъ; а средняя, media cavea, предназначенная для торгующаго сословія, воиновъ, учителей и учащихся, была о двѣнадцати уступахъ. Нижняя, ближайшая къ аренѣ, предназначалась для властей, жрецовъ, весталокъ и почетныхъ гражданъ.

Когда представители богатой молодежи: Флаккъ, Маркъ Туллій и преторіанецъ Кней Авидій вступили на одинъ изъ уступовъ нижней кавеи, амфитеатръ почти былъ уже полонъ.

— Видишь наверху, въ женской кавеѣ, прелестную золоти-

стую голову?—обратился Маркъ Туллій къ Кнею Авидію. — Клянусь Афродитой, это Кратилла, которую защищалъ старый Помпоніанъ.

— О, клянусь Марсомъ! У старика недуренъ вкусъ!—прищелкнулъ языкомъ преторіанецъ.

— Да, жаль было бы эту хорошенькую Психею видѣть въ когтяхъ у невѣжественнаго льва,—замѣтилъ Флаккъ.—А та рядомъ съ ней, кто?.. Очень красивая женщина.

— Это ея мать; ее разыскалъ гдѣ-то, по приказу этой ученой бабы, Плинія, его другъ, старый Помпоніанъ.

— Нашъ эдилъ съ ногъ сбился,—засмѣялся преторіанецъ,— угодить хочетъ, чтобы попасть въ декуріоны.

— А жаль все-таки этого Квинта: хоть онъ бука и гордецъ сталъ, а все же мы когда-то были съ нимъ дружны, пока онъ не попалъ въ Римъ и не заразился этой новой вѣрой,—сказалъ Флаккъ, ища кого-то глазами.

— Да, и Мальвію жаль,—добавилъ Туллій,—она ужъ не та вострушка теперь, не стрѣляетъ глазками, какъ Купидонъ стрѣлами, во всякаго мужчину.

— Н-ну! Я замѣтилъ, что такіе стрѣлки никогда не выходятъ замужъ,—замѣтилъ преторіанецъ,—съ ними нашъ братъ любитъ позабавиться; а брать такого стрѣлка въ жены, это заранѣе жди себѣ оленьихъ роговъ.

— А! Вонъ и Курцій явился... Смотрите, какой онъ блѣдный, какъ лихорадочно горятъ его глаза!—скороговоркою прошепталъ Флаккъ.

— Да, пріятное ожиданіе, клянусь богами,—замѣтилъ Туллій,—ждать и видѣть, какъ африканское чудовище растерзаетъ любимаго брата, это ужасно!

— Квинтъ можетъ и побѣдить врага,—замѣтилъ въ свою очередь преторіанецъ,—въ Римѣ онъ учился фехтовальному искусству у лучшаго ланисты.

— Но чѣмъ ему сражаться со львомъ?—спросилъ Туллій.

— У него будетъ мечъ.

— Какой? Откуда?

— Мнѣ эдилъ сказывалъ, что, изъ уваженія къ просьбѣ отца, Квинту позволяютъ выйти на арену съ мечомъ.

— О, плохое утѣшеніе!—замѣтилъ Флаккъ.—Для льва достаточно одного прыжка, чтобъ мечъ оказался безполезнымъ.

Въ прошломъ году здѣсь былъ такой случай: на арену выступилъ Атлантъ, гладіаторъ изъ галловъ, слава римскихъ гладіаторовъ; у него было копье; онъ мужественно ждалъ льва; но едва левъ былъ выпущенъ изъ-за рѣшетки, какъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и прилегъ къ аренѣ точно кошка, собирающаяся броситься на воробья; не успѣлъ Атлантъ глазомъ мигнуть, какъ чудовище, сдѣлавъ страшный скачокъ, въ одинъ мигъ сорвало черепъ у своего противника.

Курцій, поднявшись на двѣнадцатый уступъ нижней кавеи и не глядя ни на кого, точно вокругъ него была пустыня, опустивъ глаза, помѣстился какъ разъ противъ желѣзной рѣшетки, изъ-за которой левъ долженъ былъ выйти на арену. Когда тога его нѣсколько распахнулась, изъ-за нея выглянула блестящая рукоятка меча.

— А, вонъ и Голконій Руфъ съ Маркомъ Лукреціемъ!—замѣтилъ Флаккъ.

Вошедшіе заняли почетныя мѣста, ближе къ сценѣ и къ парапету.

— Весталки!—шепнулъ преторіанецъ.

— А! Клянусь Афродитой! Между ними я не вижу той хорошенькой!—громко сказалъ Туллій.

Одна старая весталка оглянулась на этотъ возгласъ. Строгое лицо ея говорило: «нахалъ!»

— Она, вѣрно, не любитъ кровавыхъ зрѣлищъ,—пояснилъ Флаккъ,—я ее зналъ дѣвочкой.

— А кто она?—спросилъ преторіанецъ.

— Люцинда, дочь сенатора Вара; ея женихъ въ прошломъ году погибъ въ лазурномъ гротѣ Сиренъ, что на Капреѣ,—отвѣчалъ Флаккъ.—Она и пошла въ весталки.

Публика въ верхнихъ кавеяхъ начала уже выражать нетерпѣніе, какъ вдругъ раздалась торжественная музыка.

— Идутъ! Идутъ гладіаторы!—пронесся рокотъ по амфитеатру.

Показалось шествіе. Жрецы меча и крови выходили на арену попарно, сообразно распредѣленію ихъ кровавыхъ ролей, и медленно двигались эллипсоидомъ, вдоль всего парапета, такъ, чтобы зрители могли разсмотрѣть ихъ вооруженіе, наружность и боевыя «статьи», сложеніе, мускулы, стройность или эластичность движеній. Зрители должны были заранѣе предугадывать,

кто будетъ побѣдителемъ въ кровавой игрѣ и кому отдать свои симпатіи, за кого держать пари и кого въ умѣ своемъ приговорить къ смерти.

— Клянусь Геркулесомъ! — воскликнулъ преторіанецъ.— Это хоть бы и въ Римѣ, какіе молодцы! Это кто смотритъ такимъ Ахилломъ въ шлемѣ со звѣздой?

— Это Барка, любимецъ нашихъ матронъ. — отвѣчалъ Флаккъ.

— Неудивительно: какія «статьи»!

— Жеребячьи,—усмѣхнулся Туллій.

Женская кавеа жужжала, какъ пчелиный улей. У матронъ и у дѣвушекъ разгорались щеки, блестѣли глаза.

— Кто это съ такимъ блестящимъ щитомъ?—спросила сестра Голконія Руфа, старая дѣва, все еще ожидавшая Гименея.

— Это Оріонъ,—сказала ей на ухо сестра эдила, мать хорошенькой Либеллы, сидѣвшей рядомъ съ матерью, — этотъ щитъ ему подарила Лавинія, супруга Авла Порка.

— Это циника-то?.. Не удивляюсь... Отъ такого мужа...

Тотъ, о комъ говорили дамы, поднялъ глаза къ женской кавеѣ и встрѣтился со взглядомъ Лавиніи, которая вспыхнула и потупилась.

— А онъ въ нее послалъ стрѣлу Купидона,—шепнула старая дѣва,—безстыдница! Хоть бы ужъ не при всѣхъ...

— Ахъ, мама! Какой молоденькій!—воскликнула Либелла и вся покраснѣла.—О, боги!

— Этотъ юноша Мурена, дитя мое,—отвѣчала мать.—Авлъ Церій очень дорожитъ этимъ молодымъ гладіаторомъ: онъ весь какъ ртуть, ловокъ, увертливъ и ускользаетъ отъ противника, какъ вьюнъ; старый ланиста Аквило и называетъ его «вьюномъ».

— А чѣмъ же онъ будетъ сражаться, мама?

— Видишь, у него трезубецъ и сѣть?

— Да; а зачѣмъ сѣть?

— Чтобъ запутывать противника и разить трезубцемъ.

— Но вѣдь его противникъ съ мечомъ... Боги! Какой страшный мечъ!

— А кто Гекторомъ у Ахиллеса—Барки?—спросилъ преторіанецъ.—Такой коренастый.

— Это твой единокопюшникъ преторіанецъ, — отвѣчалъ Флаккъ.

— Не можетъ быть!

— Это вѣрно. Онъ изъ дома Манліевъ, но лишенъ былъ патриціанской чести и выступилъ на арену подъ псевдонимомъ Сутора.

И Суторъ, и Барка по временамъ бросали взгляды наверхъ, въ женское отдѣленіе. Они искали Синистру. Она выглянула изъ-за спины Лавиніи, жены циника, встрѣтилась со взглядомъ Барки и незамѣтно разжала ладонь; тамъ что-то блеснуло. Барка догадался, что это былъ заколдованный талисманъ, данный Синистрѣ кумскою Сивиллою, талисманъ неуязвимости въ бою: стоило на него взглянуть хоть издали, и мечъ противника потеряетъ всякую силу.

Но отъ Сутора не ускользнулъ этотъ нѣмой обмѣнъ взглядовъ Синистры и Барки. Злоба Сутора не знала границъ: онъ жаждалъ крови.

XXXII.

Эдилъ Панса и бывшій эдилъ Авлъ Церій зорко слѣдили за проходившими по аренѣ гладіаторами. Когда весь кругъ былъ обойденъ послѣдними, они остановились въ рядъ лицомъ къ дуумвирамъ и декуріонамъ.

Панса подалъ знакъ, и затрубилъ рогъ. Тогда отъ ряда гладіаторовъ отдѣлились два Геркулеса съ цестами. Они были совсѣмъ нагіе, и только широкіе пояса прикрывали среднюю часть торсовъ. Выйдя на середину арены, они поклонились дуумвирамъ и весталкамъ и остановились, опершись на свои гигантскія палицы, утолщенныя на концахъ. Они совершенно напоминали собой Геркулеса, точно двѣ статуи этого полубога.

Это были Кверкусъ отъ Авла Церія и Аперъ отъ Пансы. Оба они были одного роста и, казалось, одинаково мускулисты, только ноги у Апера были менѣе мясисты, и онъ казался подвижнѣе Кверкуса. Зато волосистая грудь послѣдняго дѣлала его болѣе страшнымъ.

— Этотъ волосатый человѣкъ ужасенъ,—сказала сестра Пансы.

— Но боги! Какъ онъ прекрасенъ своею мощью, плечами,—

прошептала старая дѣва, закатывая подъ лобъ свои тусклые зрачки.

Эдиторъ боя подалъ знакъ. Противники разошлись и потомъ тотчасъ же начали сходиться, зорко наблюдая другъ за другомъ. Но вдругъ Кверкусъ сдѣлалъ скачекъ. Еще мгновенье, и его цестъ упалъ бы на курчавую голову противника, какъ молотъ на наковальню; но Аперъ быстро уклонился отъ удара, и когда Кверкусъ, увлекаемый тяжестью цеста и инерціею своего напряженнаго впередъ тѣла, подался вслѣдъ за размахомъ цеста, Аперъ такъ ударилъ его по лѣвому плечу, что тотъ упалъ на одно колѣно.

— Ловкій ударъ!—прошепталъ Флаккъ.

Но въ одно мгновеніе Кверкусъ поднялся и пустилъ цестомъ въ грудь противника. Аперъ зашатался, отступилъ назадъ и едва удержался на ногахъ. Но едва противникъ его нагнулся за своимъ цестомъ, какъ его поразилъ страшный ударъ въ спину. Кверкусъ упалъ ничкомъ.

— О, боги! Онъ убитъ!—испуганно вскрикнула Либелла.

Толпа апплодировала.—Аперъ! Аперъ!

— Проклятіе!—скрежеталъ зубами старый ланиста, Аквило, перевѣсившись черезъ парапетъ и пожирая борцовъ глазами.— Клянусь богами! Онъ опозорилъ мою сѣдую голову, поторопился.

Но старый ланиста ошибся.

— Онъ опять на ногахъ, смотрите!.. Онъ наступаетъ!—воскликнулъ Флаккъ.

Оба противника подняли цесты надъ головами и начали сближаться. Они, видимо, шли на смерть, ни одинъ черепъ не можетъ выдержать отвѣснаго удара цестомъ.

— О, боги! Какъ прекрасенъ Кверкусъ!—задыхалась старая дѣва.

Противники остановились, какъ вкопанные. Они слѣдили другъ за другомъ. Они уже перестали быть людьми. Но вотъ они оба разставили ноги для болѣе крѣпкаго устоя. Верхній корпусъ каждаго подался нѣсколько впередъ.

— Клянусь Геркулесомъ! Кверкусъ хитритъ!—тихо проговорилъ Флаккъ.—Я знаю его ударъ. Десять сестерцій за Кверкуса...

Оба цеста сверкнули въ воздухѣ, послышался ударъ дерева

объ дерево, и цестъ Апера выпалъ изъ его рукъ. Но едва онъ нагнулся, чтобъ схватить его, какъ цестъ противника моментально поразилъ его въ затылокъ. Черепъ Апера глухо треснулъ.

— Черепъ треснулъ! Онъ убитъ! Клянусь богами, конченъ!

— Упалъ, какъ зарѣзанный волъ! Habet! Habet *)!

— Habet!—крикнулъ эдилъ глухимъ голосомъ.

Онъ еще надѣялся, что его любимецъ, Аперъ, оправится. Ноги гладіатора конвульсивно вздрагивали, и руки рыли песокъ арены, уже окрашенный кровью, хлынувшею изъ ушей несчастнаго борца.

— Унесите его,—сказалъ Панса,—онъ оправится, сдайте его врачу.

Служители подняли массивное тѣло.

— Онъ мертвъ, благородный эдилъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

Тѣло унесли. Амфитеатръ замеръ на мгновеніе. Кровавый бой еще не ожесточилъ зрителей, не довелъ еще до жажды крови и крови: казалось, мало было первой жертвы; совѣсть еще не залита кровью.

Кверкусъ отошелъ отъ окровавленнаго мѣста съ видомъ собаки, которую палкой отогнали отъ лакомаго куска.

— Ударъ Спартака!—шепнулъ ему черезъ парапетъ старый ланиста.—Ты не осрамилъ моихъ сѣдинъ.

Кверкусъ молча прошелъ въ триклиній, гдѣ побѣдителей ожидало угощеніе.

— Ты проигралъ пари,—сказалъ небрежно Флаккъ Туллію.

— Клянусь Горгонами!—тихо проговорилъ послѣдній.—Кто бы могъ подумать, что Аперъ будетъ побѣжденъ! Проклятіе! Туда ему и дорога!

— Утѣшься, другъ,—успокаивалъ его пріятель,—я угощу тебя такими устрицами и такими муренами, какихъ и у Лукулла не было.

По знаку эдитора снова заиграла музыка. Публика вся превратилась въ зрѣніе.

— Теперь кто?—спросилъ преторіанецъ.

— Карбоніусъ отъ Авла Церія и Мурена отъ Куста

*) «Довольно! Довольно!» — этимъ крикомъ останавливали бой гладіаторовъ.

Пансы,—отвѣчалъ Флаккъ, отмѣчая что-то золотымъ тонкимъ стилемъ на навощенной дощечкѣ.—Ты за кого?

— Дай мнѣ вглядѣться въ нихъ, оцѣнить статьи борцовъ.

Отъ группы гладіаторовъ отдѣлились Карбоніусъ и Мурена, которые въ тактъ подъ музыку выступили на середину арены и молча поклонились дуумвирамъ и весталкамъ.

Противники разошлись въ разныя стороны и, медленно поворачиваясь кругообразно, давали возможность зрителямъ разсмотрѣть свое сложеніе, мускулистость и эластичность движеній.

Мурена былъ высокъ, тонокъ и гибокъ. При малѣйшемъ движеніи каждый мускулъ его стройнаго голаго тѣла говорилъ о подвижности и силѣ. Карбоніусъ, одного съ нимъ роста, но плечистый, съ мускулами, которые напоминали мускулы гранитныхъ теламоновъ *) въ храмѣ Юпитера, скорѣе готовъ бы былъ идти въ отцы стройному Муренѣ, чѣмъ въ противники.

Борцы отступили другъ отъ друга на значительное разстояніе и остановились. Карбоніусъ обнажилъ громадный мечъ и рукояткою его ударилъ по щиту, который издалъ глухой звукъ. Мурена подобралъ длинную сѣтку, которая была перекинута черезъ лѣвое плечо. Изъ сѣтки образовалось нѣчто вродѣ петли аркана скиѳовъ. Онъ расправилъ петлю концомъ трезубца. При каждомъ движеніи тѣла борцовъ лоснились, какъ полированный гранитъ, отъ покрывавшей ихъ мази.

Съ верхней женской кавеи лихорадочно слѣдили за борцами двѣ пары женскихъ глазъ: прелестные глаза молодой дѣвушки и глаза старухи подъ нависшими сѣдыми бровями.

— Боги! — прошептала дѣвушка. — Да развѣ же могутъ устоять противъ меча эти тонкія иглы трезубца!

— Такъ угодно богамъ,—сердито посмотрѣла на нее старуха.

Противники начали осторожно сходиться, зорко слѣдя другъ за другомъ. Карбоніусъ держалъ мечъ на головѣ, прикрывая щитомъ лицо и голову. Онъ хорошо зналъ употребленіе опасной сѣтки; она сразу могла опутать его голову или руку съ мечомъ. Онъ бросилъ взглядъ къ тому мѣсту женской кавеи, гдѣ сидѣла

*) «Теламоны» — тѣ же «каріатиды», только мужчины, а «каріатиды» — женщины.

страшная старуха, и торжествующе улыбнулся, будучи вполнѣ увѣренъ въ побѣдѣ. Въ это мгновеніе въ воздухѣ взвилась сѣтка и опутала собою щитъ Карбоніуса. Послѣдній сдѣлалъ прыжокъ, и не уклонись Мурена въ сторону, остріе меча противника вонзилось бы ему въ грудь. Но Мурена, пользуясь промахомъ противника, съ такой силой и ловкостью потянулъ свою сѣть, что рука Карбоніуса, державшая щитъ, разогнулась, щитъ соскользнулъ съ руки и былъ унесенъ вмѣстѣ съ сѣтью. Карбоніусъ вскрикнулъ отъ злобы.

— Мурена! Мурена! — послышались одобрительные возгласы.

— О, боги!—поднявъ глаза къ голубому небу, которое глядѣло на арену изъ-за велярія, прошептала дѣвушка, сидѣвшая недалеко отъ страшной старухи.

— Пятнадцать сестерцій за Мурену,—воскликнулъ Флаккъ.

— Столько же за Карбоніуса,—отвѣчалъ преторіанецъ.

И было за что. Щитъ, запутавшійся въ сѣткѣ Мурены, отнималъ у него возможность дѣйствовать этимъ опаснымъ оружіемъ, а на одинъ трезубецъ плоха была надежда противъ огромнаго меча. Мурена сталъ убѣгать, на бѣгу выпутывая щитъ изъ сѣти. Карбоніусъ гнался за нимъ, настигая все болѣе и болѣе и держа мечъ наготовѣ.

При поворотѣ Карбоніусъ настигъ противника. Едва Мурена повернулся и успѣлъ отбросить далеко освобожденный изъ сѣтки щитъ, какъ мечъ противника поразилъ его въ лѣвую ляжку; кровь обагрила арену.

Въ верхней кавеѣ послышался слабый крикъ женщины: «О, боги!..»

Но Мурена не упалъ. Съ ловкостью раненаго тигра онъ отскочилъ вбокъ, быстро собралъ сѣтку, и когда торжествующій противникъ при крикахъ разгоряченной толпы: «Карбоніусъ! Карбоніусъ!» шелъ съ окровавленнымъ мечемъ прямо на врага, думая нанести послѣдній ударъ прямо въ грудь, Мурена бросилъ сѣть въ лицо врага. Ловко брошенная, она сразу опутала голову и правую руку Карбоніуса.

— О, тѣнь Спартака!—радостно прошепталъ старый ланиста.—Петля скиоа сдѣлала свое дѣло!

Карбоніусъ метался въ сѣткѣ, стараясь мечомъ разрѣзать

се; но Мурена кружился около него, какъ вихрь, все болѣе и болѣе опутывая сѣтью барахтавшагося противника.

Въ верхнихъ рядахъ послышался смѣхъ.

— Мурена поймалъ акулу! Браво, Мурена!

Смѣхъ въ подобныхъ случаяхъ—проявленіе рокового для гладіатора настроенія публики. Гладіаторъ, оказавшійся смѣшнымъ на аренѣ, не будетъ пощаженъ зрителями, ему ужъ не ждать снисхожденія.

Мурена, между тѣмъ, сталъ наносить запутавшемуся противнику ударъ за ударомъ, и хотя тонкія иглы трезубца не могли сразу поразить на смерть, однако, поражаемый ударами трезубца, Карбоніусъ упалъ.

Амфитеатръ разразился рукоплесканіями по адресу молодого борца.

— Мурена! Мурена!

Мурена наступилъ ногою на упавшаго врага и сталъ обводить глазами амфитеатръ. Онъ ждалъ, чѣмъ рѣшитъ общій голосъ, какой будетъ приговоръ публики—щадить ли поверженнаго борца или добить окончательно. Несчастный Карбоніусъ также поднялъ голову, онъ ждалъ состраданія, пощады. Жалобный взоръ его молилъ о милосердіи.

— Habet!—проговорилъ дуумвиръ состязаній.

— Non habet!—заревѣла озвѣрѣвшая толпа.—Non habet!

Мурена обвелъ глазами амфитеатръ. Со всѣхъ сторонъ онъ увидѣлъ одно и то же: зрители привстали съ мѣстъ и, вытянувъ внизъ, по направленію къ упавшему и попираемому ногою гладіатору правыя руки съ торчащимъ книзу большимъ пальцемъ, требовали смерти. Даже женскія руки тянулись книзу съ этимъ ужаснымъ жестомъ. Это былъ смертный приговоръ *). Торчавшіе книзу пальцы ясно выражали кровавую волю народа: торчавшій книзу большой палецъ, это символъ вонзаемаго въ тѣло меча.

Мурена исполнилъ волю народа. Онъ вонзилъ три иглы тридента въ правый високъ поверженнаго противника. Смерть была мгновенна, и только по ногамъ умирающаго и по обагреннымъ кровью икрамъ прошла конвульсивная дрожь.

---

*) Это былъ общеримскій обычай: если зрители не желали щадить жизнь побѣжденнаго гладіатора, то дѣлали именно этотъ жестъ—рука съ опущеннымъ книзу большимъ пальцемъ.

Страшный крикъ неизвѣстной женщины огласилъ верхній ярусъ амфитеатра.

— О, мой сынъ! Мой сынъ, безжалостные боги!

Это былъ вопль страшной старухи: убитый гладіаторъ былъ ея единственный сынъ.

XXXIII.

— Боги сегодня не милостивы къ нашему эдилу,—замѣтилъ Флаккъ, когда крючекъ зацѣпилъ мертвое тѣло Карбоніуса, чтобъ оттащить его въ споліаріумъ,—второго изъ его гладіаторовъ принимаетъ въ свои волны мутный Стиксъ.

— Зато къ тебѣ милостивы боги,—ехидно замѣтилъ Маркъ Туллій,—ты за одинъ день разбогатѣлъ.

— Чтобъ угощать моихъ друзей лучшими устрицами и лучшимъ хіосскимъ,—снисходительно улыбнулся Флаккъ.

Солнце, между тѣмъ, поднялось уже высоко и въ отверстіе, не закрытое веляріемъ, бросало на сѣверные уступы амфитеатра и на арену золотистый свѣтъ, отчего кровь Карбоніуса, не впитываемая влажнымъ пескомъ арены, сверкала, какъ разорванные и брошенные куски пурпура. Съ сѣвера глядѣла въ это отверстіе и вершина Везувія: онъ былъ ясенъ и спокоенъ, какъ вѣчность; его виноградники, казалось, улыбались чудному лѣтнему дню.

Въ амфитеатрѣ становилось душно. Разгоряченная жестокимъ зрѣлищемъ и видомъ крови публика дышала тяжело. Говоръ былъ страстный, возбужденный.

— Sparsiones!—кивнулъ головой дуумвиръ эдилу Пансѣ.

«Спарсіонесъ»—это означало, что надо было распорядиться орошеніемъ амфитеатра освѣжающими благовоніями. Эдиторъ подалъ знакъ служителямъ.

Въ это время послышалось какъ бы изъ-подъ земли рычаніе льва. Его подхватили другіе, и воздухъ задрожалъ отъ ужаснаго концерта.

— Вѣчные боги! Какъ это страшно!—вздрогнула юная Либелла.

— Они соскучились ждать, — замѣтила сестра Голконія Руфа.

— Нѣтъ, дорогая Фульгенція, это они ревутъ съ голоду,—

сказала сестра Пансы.—Братъ уже второй день не велитъ давать имъ корму, чтобъ они стали кровожаднѣе.

Снова раздались торжественные звуки музыки.

— Кому теперь?—спросилъ Кней Авидій.

— Оріону и Урсусу по росписанію, — отвѣчалъ Флаккъ, взглянувъ на свою навощенную дощечку.

— Урсусъ отъ кого?

— Отъ Авла Церія, это тотъ, что съ блестящимъ щитомъ.

— Клянусь Юпитеромъ! У него настоящій щитъ Ахилла, который сковалъ для него Гефестъ,—замѣтилъ Маркъ Туллій.

— А ты развѣ видѣлъ этотъ щитъ?—спросилъ удивленный преторіанецъ.

Маркъ Туллій весело разсмѣялся.

— Клянусь Аполлономъ!—сказалъ онъ, дружески трепля по плечу преторіанца.—Вы, служители Марса, мало, я вижу, знакомы съ Музами.

— Я императорскія конюшни предпочитаю всякимъ музамъ,—гордо отвѣчалъ преторіанецъ.

— Вижу, вижу, благородный Кней Авидій: у васъ въ конюшняхъ, вѣроятно, не очень популяренъ слѣпой пѣвецъ «гнѣва Ахиллеса, Пелеева сына».

— А кто былъ этотъ слѣпой пѣвецъ?

— Гляди, гляди! Они скоро начнутъ.

Новые борцы обошли арену и остановились противъ duумвировъ. Оріонъ поднялъ глаза къ женской кавеѣ.

— Видишь, онъ ищетъ глазами Лавинію,—шепнула сестра Пансы сестрѣ Голконія Руфа.

— Нашелъ! Нашелъ!—прошипѣла старая дѣва.—Она слегка наклонила голову.

— И поблѣднѣла даже,—замѣтила сестра Пансы.

Интересъ боя возрасталъ все болѣе и болѣе. Публика, казалось, пьянѣла съ каждой новой жертвой. Инстинктъ жестокости просыпался въ каждомъ, вѣдь и помпейцы были тѣ же римляне, служители желѣза и крови. Кто-то теперь падетъ? Чья очередь? Этого ли съ широкой колесомъ грудью и медвѣжьими лапами или того, мускулистаго и плотнаго, съ орлинымъ носомъ и съ блестящимъ щитомъ?

Противники начали сходиться. Движенія ихъ были осторожны, оба, видимо, изучали другъ друга. Вотъ они на разстоя-

нія удара. Оріонъ нерѣшительно ождалъ перваго нападенія, инстинктивно чувствуя, что, помимо тысячи глазъ, на него съ тревогой глядятъ еще особо два женскихъ глаза, столь ему знакомые. Выжидалъ удара и Урсусъ: онъ помнилъ наставленіе стараго ланисты.

Оріонъ не вынесъ устремленныхъ на него глазъ Лавиніи и сдѣлалъ прыжокъ въ сторону противника. Но мечъ его ударился о массивный щитъ Урсуса и скользнулъ вкось. Урсусъ немного отступилъ.

— И этотъ изъ школы Спартака,—прошепталъ Флаккъ,—онъ дразнитъ противника.

Оріонъ снова нападаетъ. Въ это время мечи противниковъ скрестились, лязгнула сталь, и Урсусъ упалъ на одно колѣно.

— Въ голову! Въ голову!—не вытерпѣлъ кто-то въ рядахъ воиновъ, въ третьей кавеѣ.

Оріонъ занесъ мечъ надъ головой врага, но снова сталь ударилась въ щитъ и отскочила. Отскочилъ и самъ Оріонъ: мечъ Урсуса пропоролъ ему лѣвую руку выше локтя.

— Пятнадцать сестерцій за Урсуса!—вскричалъ Флаккъ.—Кто идетъ?

И Маркъ Туллій, и Кней Авидій молчали.

— Оріонъ! Держи щитъ выше, онъ мѣтитъ въ лицо!—крикнули съ верхняго яруса.

Панса поднялъ глаза, онъ узналъ голосъ Каски.

— Оріонъ горячится... Ахъ, какой ударъ!.. Но Урсусъ отразилъ его!.. Боги! Какъ это прекрасно!—словно въ забытьи бормоталъ Флаккъ.

Кровь лила изъ раны Оріона, но онъ продолжалъ наступать на противника. Сталь обоихъ визжала, скрещиваясь съ сталью, то ударялась о щиты. Уже блестящій щитъ Оріона былъ забрызганъ кровью. Кровь Оріона окрасила и песокъ арены. Но эта кровь и погубила его противника: Урсусъ, защищаясь и нападая, наступилъ ногою на кровь, поскользнулся и упалъ.

Амфитеатръ дрогнулъ сверху до низу.

Падая навзничь, Урсусъ открылъ противнику грудь, и мечъ Оріона моментально вонзился пониже лѣваго сосца противника по самую рукоятку. Урсусъ распластался, раскинувъ руки накрестъ. Тускнѣющіе глаза его еще успѣли увидѣть голубое небо,

вершину Везувія и пролетѣвшаго надъ отверстіемъ амфитеатра бѣлаго голубя.

— Habet!—сказалъ эдиторъ.

Толпа молчала, она была довольна кровавой развязкой. Старый ланиста рвалъ на себѣ волосы. Прекрасный щитъ Оріона, по условію, не достался бѣдному Урсусу, котораго, по знаку Пансы, служители поволокли въ споліаріумъ. Тѣло его оставляло за собою кровавый слѣдъ на пескѣ.

— Перемѣнить песокъ, выровнять арену, — распорядился эдилъ.

— Спарсіонесъ!—пробормоталъ старикъ-дуумвиръ, изнемогая отъ жары и усталости.

На арену выступила четвертая, послѣдняя пара борцовъ. Это были Барка и Суторъ.

Оба эти гладіатора были любимцами помпейской публики. На сторонѣ Барки были всѣ женскія сердца: его ростъ, статность, красота Аполлона и мускулистость Геркулеса привлекали взоры всей женской галлереи; всѣ талисманы красавицъ и некрасавицъ помпеянокъ были тайно направлены на него, ради его спасенія и ради его побѣды. Знакомая намъ Синистра также не спускала съ него огненныхъ глазъ, хотя милосердное сердце ея открывалось при случаѣ и для другихъ мужчинъ Помпеи, Геркуланума и Стабій; Барка бросилъ на нее мимолетный взглядъ и сталъ въ позу Мелеагра на охотѣ.

Мужчины больше любили Сутора за его остроуміе и мужество. Арена не разъ обагрялась кровью его противниковъ, а въ метаніи диска онъ былъ непобѣдимъ.

Выступивъ впередъ, оба гладіатора по обычаю поклонились дуумвирамъ и весталкамъ. При этомъ Суторъ, взглянувъ на императорское мѣсто, гдѣ стояла статуя Тита съ державнымъ шаромъ въ рукѣ, опустился на одно колѣно и громко воскликнулъ:

— Ave, caesar!

Потомъ, показавъ рукою на стоявшаго рядомъ съ нимъ и озадаченнаго этою выходкою Барку, присовокупилъ:

— Sed moriturus te non salutat *)!

---

*) Обыкновенно въ Римѣ, когда гладіаторы выступали на арену для борьбы со львами и тиграми, т. е. когда шли на вѣрную смерть, то припадали на одно колѣно передъ императорскою ложей и возглашали: «ave, caesar! morituri te salutant!»—«Да здравствуетъ цезарь! идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя!»

Этой неожиданной выходкой онъ давалъ понять публикѣ, что самъ онъ привѣтствуетъ изображеніе императора, но что тотъ, кто долженъ погибнуть отъ его, Сутора, руки,—этотъ Барка не привѣтствуетъ цезаря.

Амфитеатръ, мужская половина, разразился аплодисментами. Самъ старикъ дуумвиръ, Попидій Цельсинъ, разсмѣялся и закашлялся старческимъ кашлемъ.

— Преторіанскій выкидышъ!—со злобой проворчалъ растерявшійся красавецъ.

Противники отошли на середину арены. На головахъ ихъ ярко блестѣли шлемы, все же остальное тѣло, исключая повязокъ на торсахъ, было обнажено. Гладіаторы стали въ позицію, причемъ Барка, боясь нанесенія ранъ въ лицо, для спасенія своей красоты, опустилъ забрало.

– Нарцисъ!—разсмѣялся Суторъ.—Заранѣе прячь лицо отъ стыда!

Взбѣшенный насмѣшками, Барка сталъ наступать. Суторъ стоялъ неподвижно и ждалъ.

— Какъ эластичны его движенія... Боги! Что за мускулы!—шептала въ упоеніи Фульгенція.

— Не знаю, за кого держать пари!—волновался Флаккъ.—Клянусь Мегерой! Оба противника равны.

— И одной школы,—пояснилъ Маркъ Туллій.—О! Какой ударъ!.. Онъ способенъ былъ быка уложить на мѣстѣ, но Барка устоялъ.

— Но онъ шатается... Ударъ, видимо, ошеломилъ его.

— Клянусь Марсомъ! Они достойные противники,—волновался преторіанецъ.

Весь амфитеатръ замеръ. Каждому изъ зрителей казалось, что это на него нападаютъ, что онъ отражаетъ удары. Видъ борьбы бросалъ зрителя то въ жаръ, то въ холодъ. Такихъ энергическихъ борцовъ давно не видѣли.

— Голову! Голову береги, Суторъ!—совсѣмъ забывъ, гдѣ онъ, крикнулъ сверху Фурка.

Мечъ Барки соскользнулъ по шлему противника, и Суторъ, отшатнувшись въ сторону, поразилъ Барку въ плечи. Красавецъ вскрикнулъ отъ ярости и, сдѣлавъ прыжокъ впередъ мимо противника, нанесъ Сутору ударъ въ спину. Изъ зіяющей раны брызнула фонтаномъ кровь.

— Боги! Прямо въ лицо!.. Браво, Суторъ!

— Забрало хрустнуло... Баркѣ не устоять... Barca! Tabescas! (слабѣешь, изнемогаешь, Барка! *)

— Смотрите! Смотрите!.. О, Юпитеръ! Они отстранили щиты... Что это?

Задыхаясь и дрожа весь, на аренѣ появился самъ ланиста, старый Аквило.

— Не нарушать правилъ боя!.. Дѣти, дѣти мои!—кричалъ онъ, протягивая руки.

Оба меча нашли, чего искали, и оба противника упали навзничь, раскинувъ руки со щитами. Мечъ Сутора торчалъ въ груди Барки; рукоятка меча Барки, облитая кровью, дрожала въ трепетавшей груди Сутора.

— Ave, caesar! — лепеталъ послѣдній коснѣющимъ языкомъ.—Morituri... morituri... te salutant...

Старый ланиста упалъ передъ трупами на колѣни и плакалъ.

— Дѣти мои! Дѣти! Вы поддержали мою честь... вы не оскорбили тѣни великаго Спартака... вы—гордость Помпеи...

— Очистить арену отъ труповъ и освѣжить песокъ!—хладнокровно распорядился Панса.

— «Спарсіонесъ»... О, боги!—чуть слышно лепеталъ дряхлый дуумвиръ Попидій Цельсинъ.

Гдѣ-то наверху слышались женскія истерическія рыданія.

XXXIV.

Теперь очередь была за львами и ихъ жертвами.

Квинтъ и Авениръ слышали изъ своего Колумбарія разныя перипетіи борьбы на аренѣ. То доносились до нихъ звуки музыки, то врывались глухой волной плески аплодисментовъ и возгласы торжествующей, обезумѣвшей толпы. Но ни Авениръ, ни Квинтъ не падали духомъ. Первый, казалось, радовался тому, что слышалъ. Этотъ глухой гулъ голосовъ и гулкіе аплодисменты заставляли его выше поднимать сѣдую голову, а добрые, кроткіе глаза его свѣтились юношескимъ огнемъ. Онъ только крѣпче прижималъ къ своей груди изображеніе креста.

— Слышишь? Слышишь, сынъ мой, какъ мы близко отъ

*) Эта надпись доселѣ показывается на стѣнѣ парапета въ помпейскомъ амфитеатрѣ...

Него? Это Онъ зоветъ насъ: придите ко Мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и Я успокою васъ... Иго Мое благо, и бремя мое легко есть,—въ глубокомъ умиленіи бормоталъ онъ, прислушиваясь къ тому, что происходило на аренѣ.

Квинтъ мужественно переносилъ свое положеніе. Онъ зналъ, что его ждетъ; но онъ самъ шелъ на это. Его воодушевляла мысль умереть за идею, за тѣхъ, которые въ ослѣпленіи невѣдѣнія будутъ рукоплескать его смерти. Смиреніе и безстрашіе старика затрогивали въ его душѣ глубокія чувства, гордыя чувства римлянина, покорившаго весь міръ. Пусть его, какъ того римлянина-героя, поглотитъ пропасть небытія; но онъ будетъ жить, какъ живетъ тотъ. Камня на камнѣ не останется отъ этого амфитеатра, гордый Римъ сравняется съ лугами Кампаньи, а онъ, его идея будутъ жить. Мраморъ вывѣтрится и разсыпется въ песокъ, боги обратятся въ щебень для мостовыхъ, мусоръ отъ алтарей ихъ размететъ вѣтеръ, бронзу ихъ ликовъ съѣстъ ржавчина, и надъ всѣмъ этимъ разрушеніемъ будетъ носиться его, созидающая новые міры, идея.

Лицо его было полно мужественной красоты. Рука его случайно коснулась меча, висѣвшаго при бедрѣ подъ тогой, и въ немъ моментально проснулся гордый римлянинъ. О! Онъ еще помѣряется съ этимъ нумидійскимъ чудовищемъ. Циркусъ-Максимусъ, что подъ Палантинскимъ холмомъ въ виду дворцовъ цезарей, еще не забылъ его, Квинта Діомеда. Онъ еще чувствуетъ на своей головѣ лавровый вѣнокъ, возложенный на него при крикахъ всего Рима. Онъ видитъ у ногъ своихъ страшнаго ѳессалійскаго быка и трупы четырехъ гладіаторовъ, пропоротыхъ его могучими рогами: но эти рога и дикая свирѣпость не спасли его отъ меча Квинта Діомеда. Вотъ онъ, этотъ мечъ, поразившій ѳессалійскаго тура и жалкаго центуріона. Ему еще предстоитъ кровавая работа.

Въ это время заскрипѣла ржавая дверь Колумбарія, и въ дверяхъ блеснули мѣдныя каски воиновъ и ихъ копья.

— Авениръ-іудей! Арена готова для тебя, иди!—провозгласилъ старшій изъ воиновъ.

Старикъ радостно встрепенулся. Восторженно упавъ на колѣни, онъ поднялъ руки къ небу.

— О, Господь! О, какая радость, какое блаженство! Ты первымъ призываешь меня къ Себѣ!—говорилъ онъ, захлебываясь

радостными слезами.—Иду къ Тебѣ, иду! Ты опять положишь мнѣ руку на голову, какъ тогда, давно, давно, у Овчихъ воротъ.

Онъ торопливо подошелъ къ Квинту и обнялъ его.

— Сынъ мой! Не говорю тебѣ: прощай, а до скораго, радостнаго свиданья,—говорилъ онъ, обнимая и цѣлуя молодого товарища по заключенію.—Мы сегодня же увидимся.

— Гдѣ?—спросилъ дрогнувшимъ голосомъ Квинтъ.

— Тамъ, у Него... Онъ говорилъ, что у Его Отца обителей много...

— Иди же, тебя ждетъ голодный товарищъ! — напомнилъ воинъ.

— Иду, иду... О, какая радость!—И онъ въ послѣднiй разъ обнялъ Квинта.

— Чему радуется этотъ безумный старикъ?—спросилъ одинъ изъ воиновъ, поспѣшая за торопливыми шагами Авенира.

— Онъ думаетъ, что его ждетъ тамъ любовница,—насмѣшливо отвѣчалъ другой.

Скоро передъ Авениромъ открылась узкая дверь, и онъ увидѣлъ себя на аренѣ. Онъ ни на кого не глядѣлъ. Онъ только видѣлъ надъ собою голубое небо, глядѣвшее на него изъ-за велярiя, и ясную, спокойную вершину Везувiя съ зеленѣющими виноградниками. Вся мысль его, вся восторженная душа была тамъ, высоко, за этою темною лазурью неба.

— Льва, льва скорѣй!—послышался нетерпѣливый ропотъ толпы.

Авениръ обвелъ глазами амфитеатръ и кротко улыбнулся.

— Льва! Льва!—ревѣла возбужденная чернь.

Авениръ поднялъ руки къ высокому небу.

— Владыка неба и земли!—сказалъ онъ громко.—Прости имъ—они не вѣдаютъ, что творятъ.

— О! Онъ насмѣхается надъ нами! Смерть ему!—кричали со всѣхъ ступеней.

— Посмотри наверхъ,—сказалъ Флаккъ своему другу,—эта хорошенькая гречанка плачетъ.

— Кратилла?

— Да... Что за очаровательное личико! Клянусь богами. мнѣ жаль ее.

— Льва! Льва!—не унималась толпа.

Левъ, повидимому, упрямился или боялся и не выходилъ изъ своего заточенія, хотя дверь его клѣтки была открыта.

Но вотъ показалась громадная, косматая голова, и чудовище съ радостнымъ ревомъ выскочило на арену. Онъ почуялъ мнимую свободу. На него пахнуло зноемъ африканскихъ степей, ему видѣлись гигантскія пальмы его родной Нумидіи, онъ видѣлъ себя въ глубинѣ Африки, слышалъ тяжелые шаги гиппопотама въ нильскихъ камышахъ...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько гигантскихъ прыжковъ. Грива на немъ встала... Но вдругъ онъ остановился и потянулъ въ себя воздухъ... Что-то смутило его... Воздухъ былъ слишкомъ тяжелъ. Широкая грудь чудовища бурно вздымалась, и отъ горячаго дыханія его, словно отъ вѣтра, разлетался песокъ на аренѣ. Казалось, что ожидавшая его жертва не существовала для него. Онъ опять потянулъ въ себя воздухъ и скорѣе застоналъ, чѣмъ заревѣлъ. Весь амфитеатръ застылъ отъ изумленія. Голодное чудовище не бросалось на кормъ.

Левъ смотрѣлъ испуганно, что-то непонятное никому тревожило его. Онъ оглядѣлъ арену и бросился бѣжать, какъ бы ища выхода. Но выхода не было. Онъ кидался на парапетъ, обрывался и падалъ. Онъ снова поднялъ морду къ небу и какъ-то жалобно завылъ. Словно прибитая собака, онъ съ опущеннымъ хвостомъ снова сталъ бѣгать по аренѣ, взметая песокъ метелкообразнымъ хвостомъ и горячимъ дыханіемъ.

Какъ бы уставъ отъ безполезнаго бѣга, онъ бросился въ свою клѣтку и забился тамъ въ самый темный уголъ.

Ропотъ удивленія и негодованія прошелъ по собранію. Панса смотрѣлъ растерянно. Одинъ Авениръ стоялъ спокойно, какъ-то даже печально, молитвенно поднявъ глаза къ небу.

— Что это за левъ!—отчетливо послышался чей-то голосъ.— Это испуганная корова!

— Да, это не левъ, клянусь Юпитеромъ!

— Нашъ эдилъ купилъ прирученную кошку! Это позоръ для Помпеи!

— Насъ обманули! Долой эдила Пансу! Pereat! Pereat!

Панса поблѣднѣлъ. Мускулы лица его дрогнули.

— Выпустить другого льва!—крикнулъ онъ служителямъ.— Нубійца на арену, того, что въ третьей клѣткѣ, нубійца!

Отворилась другая рѣшетчатая дверь. Легкимъ прыжкомъ

кошки огромный левъ нубіецъ сразу очутился на аренѣ. Онъ былъ не въ клѣткѣ, а на свободѣ. Онъ пытливо озирался кругомъ. Казалось, что онъ боялся стоявшаго посреди арены безващитнаго человѣка. Хвостъ его висѣлъ, испуганно поджатый, а не колотился по бокамъ. И это новое чудовище втягивало въ себя воздухъ и тяжело бурно дышало. Потомъ, какъ бы преслѣдуемый кѣмъ, нубіецъ пустился вдоль арены, бросился на парапетъ, сорвался, снова ударился бѣжать, обѣжалъ всю арену и какъ-то безпомощно остановился, ища глазами выхода. Изъ груди его вырвалось продолжительное, жалобное рычаніе, точно подавленный плачъ.

Амфитеатръ ждетъ, трепетно ждетъ. Прелестное личико Кратиллы и испуганно, и благоговѣйно обращено къ небу.

Всѣ ждутъ, переглядываются, пожимаютъ плечами... Но и этотъ левъ спрятался въ клѣтку.

— Клянусь богами! Этотъ старикъ чародѣй!—послышался чей-то голосъ сверху.

— Да! Онъ заколдовалъ львовъ! Смерть ему!

— Смерть! Смерть!—подхватили тысячи голосовъ.

Амфитеатръ стоналъ. Это была буря, и волны, прорвавшія плотину, уже нечѣмъ было остановить.

— Онъ разбивалъ нашихъ боговъ! Смерть ему!

— Онъ разбилъ изображеніе божественнаго Августа! Онъ ниспровергъ и разбилъ нашу милостивую Ѳемиду! Топоръ ему! Топоръ ликтора!

Панса, смущенный и блѣдный, подошелъ къ дуумвирамъ. За ревомъ толпы не слышно было, что онъ говорилъ имъ, но Попидій Цельсинъ наклонилъ голову, а безкровныя губы его что-то прошептали: вѣроятно, «спарсіонесъ», потому что, дѣйствительно, дышать было нечѣмъ, и воздухъ, казалось, давилъ физически.

— Спарсіонесъ!—крикнулъ Панса служителямъ.

Затѣмъ эдилъ подозвалъ къ себѣ новаго центуріона, замѣнившаго собою Деція Скавра, и отдалъ какое-то приказаніе.

Вскорѣ изъ боковой двери вышелъ на арену атлетъ, нагой отъ шеи до пояса, съ краснымъ кроваваго цвѣта короткимъ передникомъ. На плечѣ у него покоился толстый пукъ палокъ, а изъ

середины ихъ торчалъ и сверкалъ бѣлою сталью огромный топоръ.

Увидѣвъ его, Авениръ радостно поднялъ руки къ небу.

— О, благодарю тебя, Владыка неба и земли!—громко воскликнулъ онъ.—Ты милостиво сподобилъ меня смерти великаго апостола Павла!

И старикъ, сложивъ руки, опустился на колѣни. Онъ наклонилъ голову и ждалъ. Кратилла и ея мать закрыли лицо руками.

Амфитеатръ замеръ въ ожиданіи новаго зрѣлища.

— Клянусь богами!—проговорилъ кто-то.—Этого не заколдуешь!

Ликторъ, вынувъ топоръ изъ пука палокъ и бросивъ послѣдніе на арену, сталъ въ позу, поднявъ топоръ надъ головою. Затѣмъ онъ обвелъ глазами амфитеатръ, какъ бы приглашая всѣхъ полюбоваться его искусствомъ, и остановилъ свой взоръ на эдилѣ.

Папса махнулъ рукой. Топоръ сверкнулъ въ воздухѣ, что-то глухо хрястнуло, и сѣдая голова мученика стукнулась о песокъ арены. Нѣсколько мгновеній обезглавленное туловище, конвульсивно вздрагивая, простояло и какъ бы припало къ своей головѣ, обливъ ея серебристыя сѣдины алою кровью.

Амфитеатръ, казалось, вздохнулъ полною, облегченною грудью. Наверху, упавъ головою на плечо матери, громко рыдала Кратилла.

— Спарсіонесъ!—въ третій или въ четвертый разъ беззвучно повторилъ старый дуумвиръ, требуя орошенія амфитеатра благовонными жидкостями.

Дѣйствительно, воздухъ былъ невыносимо душенъ, словно передъ грозою. Онъ давилъ и волновалъ, это испытывали на себѣ даже львы, привыкшіе къ африканскому зною. Но небо и Везувій были ясны и спокойны, какъ никогда...

Приближался уже «седьмой часъ», по римскому времяисчисленію, по нашему—первый пополудни...

XXXV.

Квинтъ, оставшись одинъ въ Колумбаріѣ Живыхъ, долго прислушивался, не донесется ли какой-либо звукъ изъ амфитеатра. Но все было тихо. Даже музыки не слышно было.

Онъ все ждалъ—ни звука. Но вотъ послышалось странное, неестественное рычаніе льва, что-то протяжное и жалобное. Но ни криковъ, ни рукоплесканій.

Онъ опять ждетъ. Опять жалобный стонъ льва, и снова все тихо.

Совершилось? Но отчего жъ не слышно дикой радости, бурныхъ аплодисментовъ.

Мертвая тишина. Онъ снова ждетъ.

И вдругъ до него доносится буря голосовъ. Но это не радость, не дикое торжество. Это, кажется, буря негодованія. Крики, глухой стукъ о каменный помостъ.

Что случилось? Развѣ святой старикъ опять что-нибудь сдѣлалъ, что вызвало негодованіе собранія? Но что же левъ? Развѣ не растерзалъ его? Отчего онъ такъ протяжно, совсѣмъ, повидимому, не злобно рычалъ или вылъ?

Снова ревъ льва. Но это, кажется, голосъ другого льва.

Квинтъ жилъ теперь только этими звуками. Смутно проносились передъ нимъ какіе-то обрывки прошлаго, какіе-то безформенные образы, жизнь въ Римѣ, мрачныя катакомбы... Пещера циклоповъ... Кратилла, это какой-то свѣтлый лучъ въ его жизни... Что-то она, бѣдное дитя?..

А вотъ скорбное лицо отца, убитаго горемъ, задавленнаго... Матери онъ не видѣлъ съ того рокового момента, какъ попалъ сюда... Говорятъ, совсѣмъ убита бѣдная женщина... Мальвія... она плакала тогда, въ Базиликѣ... Но Курцій, бѣдный братъ!.. Онъ поклялся раздѣлить его участь.

О! Какая буря голосовъ, грозныхъ, угрожающихъ! Кому это? Кто вызвалъ этотъ взрывъ негодованія? Конечно, онъ, бѣдный старикъ. Но буря стихла... Совершилось?..

Опять милый образъ Кратиллы, свѣтлый лучъ, погасшій лучъ?.. Нѣтъ, онъ никогда не погаснетъ и, если за могилой есть жизнь, иная жизнь, жизнь духа, и тамъ милый образъ освѣтитъ собою мрачную область Аида...

Снова дверь скрипнула ржавыми петлями, снова блестящіе шлемы и копья...

— Квинтъ, сынъ благороднаго Діомеда, тебя ждетъ арена. а можетъ быть и слава!..

— Вѣчные боги! Пошлите ему побѣду.

Это говорили пришедшіе за нимъ воины. Они стали раздѣ-

вать его, сняли тогу, тунику. Потомъ натерли все тѣло масломъ и подвязали поясъ. Квинтъ самъ привѣсилъ къ боку свой мечъ.

— Мужайся, благородный сынъ Діомеда! Мы будемъ желать тебѣ побѣды.

— И боги пошлютъ ему ее, клянусь Беллоной!—сказалъ добрый воинъ.

Квинтъ обнялъ ихъ, какъ братьевъ.

Они вышли изъ Колумбарія и прошли крытымъ проходомъ до арены. Проходя мимо споліаріума, Квинтъ почувствовалъ тяжелый запахъ свѣжей крови.

Передъ нимъ открылась арена. Онъ вступилъ на нее спокойно, съ гордымъ величіемъ. Опять въ немъ проснулся римлянинъ. Онъ чувствовалъ, что на него устремлены десятки тысячъ глазъ, какъ тогда, тамъ, когда Циркусъ Максимусъ вмѣщалъ въ себѣ весь Римъ, а бѣшеный ѳессалійскій быкъ подбрасывалъ рогами свои жертвы, какъ клоки сѣна.

Амфитеатръ замеръ, любуясь красотою мужественнаго тѣла. Это была дивная статуя, твореніе величайшаго скульптора — природы. Квинтъ самъ сознавалъ силу своего обаянія, и это сознаніе въ рѣшительный моментъ сдѣлало его полубогомъ.

Онъ увѣреннымъ, блестящимъ взглядомъ оглянулъ всѣ ярусы амфитеатра. Онъ увидѣлъ Кратиллу, брата, сколько любви свѣтилось въ ихъ глазахъ и сколько затаенной муки!.. Для нихъ, для этихъ любящихъ, онъ долженъ побѣдить!.. Яркая краска разлилась по его прекрасному лицу, краска непоколебимаго мужества.

— Вѣчные боги! Какъ онъ прекрасенъ! — прошептала въ умиленіи Фульгенція.

— Онъ само божество!—повторила въ душѣ юная Либелла.

Квинтъ ждалъ своего врага. Въ рукѣ его сверкалъ мечъ.

— Я готовъ,—гордо сказалъ онъ, обращаясь къ эдилу.

Панса подалъ знакъ, и раздалась боевая музыка, подъ звуки которой Титъ шелъ на штурмъ стѣнъ Іерусалима.

— Выпустить на арену самаго большого льва, Югурту!— крикнулъ Панса, давая музыкантамъ знакъ умолкнуть.

Въ амфитеатрѣ воцарилась мертвая тишина. Слышно было даже сдержанное, трепетное дыханіе многихъ.

Изъ роковой двери вышло страшное чудовище, и раздалось

его громкое рычанье. Квинтъ сдѣлалъ шагъ впередъ, желая привлечь вниманіе звѣря. Левъ замѣтилъ его, весь подобрался, намѣреваясь, повидимому, сдѣлать прыжокъ на свою жертву.

Но въ этотъ моментъ въ рядахъ амфитеатра произошло какое-то движеніе, мелькнуло что-то бѣлое, послышался испуганный крикъ, и это бѣлое, словно птица на крыльяхъ, перелетѣло черезъ парапетъ, перескочило черезъ всю арену и съ крикомъ бросилось на льва... Чудовище испуганно попятилось назадъ... Передъ нимъ, разметавъ бѣлыя руки, лежала навзничь Кратилла... Она была безъ чувствъ... Къ ней бросился Квинтъ... Амфитеатръ дрогнулъ отъ подземнаго удара...

— О, боги! Небесный огонь!.. Везувій! Везувій!—послышались отчаянные крики въ верхнихъ рядахъ.

— Землетрясеніе... Изверженіе пламени! О, боги!

Женщины въ ужасѣ поднимали руки по направленію къ Везувію. Взоры всего амфитеатра обратились къ сѣверу, и всѣ, казалось, оцѣпенѣли въ невыразимомъ ужасѣ. Вершина Везувія разверзлась при ужасающихъ подземныхъ ударахъ и выбросила изъ себя необычайный столбъ креваваго дыма, который, выбѣгая изъ невидимаго жерла въ видѣ исполинскаго чернаго ствола, разбивался въ высотѣ на гигантскія вѣтви съ прорѣзывавшими ихъ чудовищной величины молніями. Подземный грохотъ усиливался—дрогнула вся земля, пошатнулись стѣны амфитеатра, и небо, казалось, падало на землю... За подземнымъ грохотомъ послѣдовалъ каменный дождь съ огнемъ и горячимъ пепломъ... Горящій пепелъ прожигалъ уже полотно веляріума... Огненные потоки заливали уже виноградники по склону горы...

Люди все забыли, арену, львовъ, Квинта, распростертое на аренѣ безчувственное тѣло прелестной дѣвушки, всѣ бросились къ широкимъ выходамъ, ища спасенія. Зрители верхнихъ уступовъ, стремясь внизъ, къ вомиторіямъ, толкали другъ друга, спотыкались, падали. Упавшихъ безжалостно давили ногами, стремясь скорѣе перескочить черезъ препятствія, и сами падали, а по нимъ ступали другіе, давили до смерти, ничего не видя, ничего не сознавая. Страшный подземный грохотъ невидимыхъ адскихъ силъ дополнялся воплями бѣгущихъ и давимыхъ людей, криками о помощи, проклятіями, воззваніями къ богамъ, къ небу, къ безжалостному Орку, изрыгавшему огненныя рѣки. Всѣ вомиторіи запружены живыми и мертвыми тѣлами, запру-

жены ближайшія улицы, форумъ Боаріумъ... Но оставшимся въ живыхъ, гдѣ искать спасенія отъ этого пламеннаго дождя, отъ горячаго пепла, засыпавшаго улицы, площади, дома, храмы!..

И къ довершенію всего, къ довершенію отчаянія и ужаса почти моментально наступила ночь, темная, съ просвѣтомъ лишь гремящихъ молній, ужасающая ночь среди бѣлаго дня!..

Куда бѣжать?..

XXXVI.

Квинтъ, поднявъ безчувственное тѣло Кратиллы, сталъ искать выхода. Въ это время онъ увидѣлъ около себя брата и Аспазію. Они прибѣжали на арену, имъ уже не страшны были львы. Ужаснаго Югурты уже не было на аренѣ, онъ исчезъ куда-то. Слышенъ былъ только отчаянный ревъ заключенныхъ въ клѣтки.

Квинтъ съ своею легкою ношей направился по тому крытому проходу, который изъ Колумбарія Живыхъ привелъ его на арену. Братъ и Аспазія слѣдовали за нимъ.

Кратилла открыла глаза.

— Гдѣ я? Что со мною?—слабо прошептала она.

— Ты со мною, милое дитя, на рукахъ у Квинта,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, нѣжно прижимая къ груди молодую дѣвушку.

— И я съ тобой, дитя мое: твоя мама,—дрожа и цѣлуя головку дочери, проговорила Аспазія.

Дверь въ Колумбарій Живыхъ оказалась настежь, стражи и воины въ ужасѣ покинули свои мѣста и разбѣжались.

Войдя въ свою темницу и наскоро одѣвшись, Квинтъ далъ Кратиллѣ напиться изъ глиняной амфоры, въ которой ставилась вода для заключенныхъ. Дѣвушка окончательно пришла въ себя и оправилась. Она была на ногахъ.

— Боже! Мы опять въ темницѣ! — съ испугомъ сказала она, озираясь кругомъ.

— Нѣтъ, милое дитя, мы сейчасъ выйдемъ отсюда,—отвѣчалъ Квинтъ.

— А гдѣ же левъ? О, Боже! Онъ не тронулъ тебя?

— Нѣтъ, мы спасены: за насъ заступились громы небесные. А гдѣ же Авениръ?

Всѣ молчали. Тяжело было смущать того, кто самъ только сейчасъ, да и то небесными силами, спасся отъ вѣрной смерти.

— Его растерзали львы?

— Нѣтъ, львы не посмѣли коснуться святого мужа,—отвѣчалъ печально Курцій.—Ликторъ отсѣкъ ему голову топоромъ.

— Бѣдный! Онъ такъ жаждалъ этого.

Бѣглецы уже были внѣ стѣнъ амфитеатра. Они вышли изъ него тою узенькою, никому неизвѣстною дверью, черезъ которую проводили въ темницу приговоренныхъ къ растерзанію дикими звѣрями. И эта дверь стояла настежь, ея стражъ тоже спасался бѣгствомъ.

— Что это? Уже ночь?—удивилась Кратилла, когда они очутились въ узкой уличкѣ, у самой городской стѣны.

— Нѣтъ, милая Кратилла, теперь только что перешло за полдень; но это Богъ наслалъ свой гнѣвъ на землю за невинную смерть праведника,—отвѣчалъ Квинтъ.

— Боже! Какіе громы! Какія молніи!

Они продолжали итти вдоль городской стѣны по направленію къ морю. Сквозь раскаты подземнаго грома то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, по городу, слышны были смѣшанные голоса и одинокіе вопли. Пепелъ съ шумомъ спускался изъ облаковъ на землю, застилая собою все вокругъ. Нашимъ бѣглецамъ приходилось уже пробираться ощупью, держась другъ за друга, чтобъ не растеряться во мракѣ среди бѣлаго дня.

— Вѣчные боги! Гдѣ же вашъ день?—взывалъ кто-то по близости, потерявшись въ темнотѣ.

Бѣглецы достигли воротъ Стабій и повернули направо, идя почти ощупью и натыкаясь на невидимыхъ людей, повидимому, спѣшившихъ укрыться внѣ городскихъ стѣнъ, такъ какъ въ городѣ отъ подземныхъ толчковъ дрожали зданія и колонны храмовъ и портиковъ.

Вдругъ гдѣ-то поблизости ночной мракъ огласился ревомъ льва.

— Это Югурта, я узнаю его голосъ,—съ испугомъ прошептала Аспазія.

— Онъ теперь не страшенъ, — успокаивалъ женщинъ Квинтъ,—онъ бѣжалъ съ арены, какъ и мы, и, растерянный, ищетъ спасенія.

Они проходили мимо Одеона и театра Скавра. Подземные удары прекратились, но мракъ былъ еще сильнѣе, потому что на время погасли молніи, вылетавшія изъ жерла Везувія. Слышно было только, какъ густой пепелъ, спускаясь тучами изъ нависшихъ надъ городомъ облаковъ, съ шумомъ падалъ на каменный помостъ театра сквозь открытый перистиль.

— Это, кажется, огонекъ въ мастерской скульптора Руфуса,—замѣтилъ Курцій.

— Боже! Тамъ долженъ быть отецъ!—воскликнула Кратилла.—Возьмемъ его съ собой.

Двери мастерской были открыты. Они вошли туда. При слабомъ свѣтѣ висячей лампады видны были только бѣлыя группы статуй и мраморные боги. Но въ мастерской и въ магазинѣ—ни души, точно все вымерло.

— Отецъ! Милый отецъ!—раздавался голосъ Кратиллы. Но мраморные боги молчали, пустота безмолвствовала. Слышенъ былъ только шумъ падающаго въ отверстіе атріума пепла, словно однообразный шумъ дождя безъ вѣтра. Дѣвушкѣ стало страшно.

— Его нѣтъ здѣсь,—шептала она.

Они пошли дальше и скоро повернули по направленію къ форуму. Но едва они поровнялись съ храмомъ Эскулапа, жрецы котораго съ факелами въ рукахъ стояли на колѣняхъ, воздѣвая руки и факелы къ изображенію этого бога, стоявшаго въ нишѣ атріума, какъ раздался страшный подземный ударъ. Колонны перистиля и стѣны храма дрогнули, статуя Эскулапа зашаталась, наклонилась впередъ, и въ тотъ же моментъ вся мраморная масса божества грохнулась, поразивъ въ голову ближайшаго жреца. Раздался крикъ ужаса.

— О, боги! Гдѣ же справедливость? Нашего бога повергли въ прахъ!

Это взывали къ другимъ богамъ растерявшіеся жрецы низвергнутаго подземнымъ ударомъ бога.

— Манетонъ убитъ своимъ богомъ. Черепъ его раздавленъ мраморомъ! О, Юпитеръ! Это твои громы... Великій Вулканъ! Пощади смертныхъ!—вопили обезумѣвшіе отъ страха жрецы.

Въ тотъ же моментъ изъ мрачныхъ тучъ, которыя прорѣзали вырвавшіяся изъ жерла Везувія молніи, вмѣстѣ съ пепломъ по-

сыпались на землю камни, словно громадныя градины, производившія страшный трескъ.

— О, Боже! Съ неба падаютъ камни!—въ ужасѣ проговорила Аспазія.

— Въ храмъ! Скорѣе въ храмъ, скрывайтесь подъ портики!—говорилъ Квинтъ, увлекая за собой Кратиллу.

Статуя Эскулапа лежала на мозаичномъ полу, разбитая надвое. Его эмблема, змѣя, также разбита; голова ея валялась около трупа жреца, вокругъ котораго метались и стонали его товарищи. Юная Гигія, прелестное изображеніе которой вмѣстѣ съ фіаломъ и змѣею стояло рядомъ съ изображеніемъ отца, теперь поверженнаго, казалось, оплакивала гибель своего отца-бога вмѣстѣ съ его растерявшимися служителями.

— Подъ каменнымъ дождемъ намъ дальше итти нельзя,—сказалъ Квинтъ, обращаясь къ брату.—Попробуй, подъ защитою портиковъ храма, дойти до мастерской Руфуса; въ его жилищѣ ты найдешь подушки; захвати сюда четыре подушки; мы прикроемъ ими головы, и, быть можетъ, намъ удастся дойти до дому.

— Сейчасъ... Домъ скульптора здѣсь рядомъ, — сказалъ Курцій, скрываясь во мракѣ, освѣщаемомъ отъ времени до времени багровыми молніями страшной горы.

Аспазія и Кратилла упали на колѣни. Онѣ молились. Каменный дождь, то утихая, то усиливаясь, стучалъ о стѣны, колонны и портики. То тамъ, то здѣсь слышались крики и вопли.

— Дальше, дальше отъ статуи Гигіи, милая Кратилла!—говорилъ испуганно Квинтъ.—Она также можетъ упасть.

— О, вѣчные боги! О, Юпитеръ! За что же такая кара!—стонали жрецы, стоя около своего разбитаго божества, жалкіе, безпомощные.

Скоро воротился Курцій, нагруженный подушками. Потъ съ него лилъ градомъ. Воздухъ отъ падающаго горячаго пепла казался раскаленнымъ.

Бѣглецы вышли изъ храма Эскулапа, прикрывая головы подушками; но они старались больше итти подъ защитою портиковъ, потому что за храмомъ Эскулапа тотчасъ же слѣдовали портики храма Изиды. Между тѣмъ каменный дождь на время

прекратился, молніи Везувія тоже, казалось, погасли, зато мракъ усилился еще болѣе. Это была безпросвѣтная ночь.

— О, какая ужасная ночь!—невольно вырвалось у матери Кратиллы.

— Нѣтъ, благородная Аспазія,—сказалъ Квинтъ,—это не ночь, а день; судя по времени, до вечера еще очень далеко.

Они подвигались впередъ быстро, насколько позволялъ пепелъ, котораго нападало уже столько, что въ немъ нога вязла. Въ темнотѣ слышны были шаги и голоса другихъ бѣгущихъ.

— О, вѣчные боги! — гдѣ-то вблизи раздавался слабый старческій стонъ.—Пощадите мои сѣдины, боги Орка!.. Я безпомощенъ... слабый старикъ, брошенный рабами.

— Это голосъ Цельсина! — сказалъ Квинтъ, прислушиваясь.—Надо какъ-нибудь помочь старику.

Они поспѣшили по направленію стоновъ и во мракѣ наткнулись на оставленныя среди улицы крытыя носилки. Въ нихъ стоналъ брошенный рабами дряхлый дуумвиръ.

— Благородный дуумвиръ,—сказалъ Квинтъ, нагибаясь къ носилкамъ,—мы донесемъ тебя до твоего дома, онъ же близко... Бери, братъ, съ того конца, поднимай.

— О, великодушные граждане!—простоналъ старикъ.—Боги наградятъ васъ за милосердіе къ безпомощному старику... Кто вы?

— Мы такіе же смертные, какъ и ты,—отвѣчалъ уклончиво Квинтъ.

— О, вѣчные боги!—вскричалъ старикъ.—Я узнаю голосъ мужественнаго сына Аррія Діомеда? Ты ли это, Квинтъ, котораго я присудилъ къ растерзанію? Ты ли?

— Да, мы оба съ братомъ здѣсь.

— О, великодушные юноши! Боги пощадили васъ... Позоръ на мою сѣдую голову...

Скоро достигли дома дуумвира и внесли старика въ атріумъ. Старая матрона съ плачемъ бросилась къ Квинту, обнимая его колѣни.

Братья, вырвавшись изъ объятій благодарной старухи, поспѣшили къ своимъ. Въ темнотѣ кой-гдѣ мелькали факелы, жалкое подобіе свѣта при абсолютномъ мракѣ! Это такіе же бѣглецы, какъ и наши, искали спасенія. Но гдѣ спасеніе, гдѣ бзопасность въ этомъ аду кромѣшномъ? Дома и храмы не спасали, они дро-

жали отъ подземныхъ толчковъ и готовы были рухнуть, а открытыя мѣста засыпали горячій пепелъ и каменный дождь. Къ довершенію всѣхъ ужасовъ Везувій сталъ выбрасывать изъ себя кипящую воду, смѣшанную съ пепломъ, и шипящіе, смрадные ручьи ея уже бѣжали вдоль нѣкоторыхъ улицъ, заливая низменныя мѣста и подвалы.

Когда, наконецъ, наши бѣглецы достигли главнаго форума, форумъ Цивиле, вдругъ яркій свѣтъ озарилъ все окружающее: форумъ съ его колоннами и портиками храмовъ, конную статую дуумвира Кастриція Скавра, гигантское изображеніе Юпитера на ступеняхъ его храма и блѣдныя, посинѣлыя лица несчастныхъ обитателей города, не знавшихъ, гдѣ искать спасенія, и во мракѣ метавшихся по форуму и среди его колоннъ съ воплями ужаса и отчаянія. Въ перистилѣ своей Хальцидики около своей мраморной статуи стояла трепещущая Евмахія, вся въ бѣломъ: это были двѣ мраморныя статуи...

Наши бѣглецы, озадаченные этимъ ужаснымъ свѣтомъ среди еще болѣе ужасающаго мрака, обратили взоры къ сѣверу. Это роковая гора выбросила изъ себя ужасный свѣтъ: гигантскій снопъ багроваго огня съ синими и зелеными клубами выбросилъ къ небу массу раскаленныхъ камней, освѣтивъ окрестности и бурное море ужасающимъ своею зловѣщею яркостью свѣтомъ, а по ложбинамъ роковой горы медленно опускались внизъ огненныя гигантскія змѣи, дымясь и шипя словно живыя чудовища... это медленно катилась внизъ съ вершины горы огненная лава, зловѣще извиваясь въ углубленіяхъ, точно огненныя змѣи на исполинской головѣ Медузы.

Земля дрогнула, опрокидывая съ грохотомъ колонны, портики храмовъ и статуи ихъ боговъ.

Квинтъ увидѣлъ, какъ упала Евмахія рядомъ съ своею статуей. Затѣмъ снова настапъ прежній ужасающій мракъ.

Бѣглецовъ настигла смерть страшнѣе той, какая ожидала ихъ на аренѣ амфитеатра.

XXXVII.

Въ этотъ роковой для Помпеи день оба Плинія находились въ Мизенѣ. Они знали, что день этотъ, посвященный празднику Вулкана, надъ страшной областью котораго расположенъ былъ

этотъ прелестный и счастливый городъ, назначенъ былъ для кроваваго зрѣлища, и что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ предстоявшей кровавой драмѣ будетъ старшій сынъ Діомеда. Подобныя зрѣлища всегда возмущали ученаго римлянина, а тутъ они должны были удесятирить свою возмутительность трагической смертью такого симпатичнаго юноши, какъ Квинтъ. Младшій же Плиній, чувствуя, это онъ неспособенъ будетъ на тотъ безумный подвигъ, на который онъ, какъ ему казалось въ минуты душевнаго порыва, готовъ былъ рѣшиться, чтобъ или геройски умереть вмѣстѣ съ другомъ, или цѣною своей гибели доставить ему побѣду и жизнь, не могъ уже отважиться присутствовать при кровавомъ дѣлѣ въ качествѣ простого зрителя и тѣмъ безполезно, безцѣльно терзать свою душу, и потому тоже остался въ Мизенѣ, а чтобъ забыться, не думать о томъ, что въ этотъ день должно совершиться въ Помпеѣ, усердно занялся своими любимыми писателями—Геродотомъ, Манетономъ, Діодоромъ Сицилійскимъ и Титомъ Ливіемъ, языкъ котораго и своеобразный слогъ вмѣстѣ съ его провинціальными, «patavinitates» очень занимали юнаго ученаго.

Старикъ Плиній тоже занимался въ своемъ таблинумѣ. Утро въ этотъ день было роскошное, какъ мы сказали выше, хотя въ атмосферѣ чувствовалось что-то душное, давящее, удручающее. Посидѣвъ у берега моря, гдѣ его любимецъ, скиѳъ Перунъ, усердно возился около адмиральскаго катера, гдѣ онъ былъ кормчимъ, навмархъ замѣтилъ, какъ и Помпоніанъ у себя въ Стабіяхъ, что-то странное и непонятное въ поведеніи моря. Оно мѣстами, по близости берега, какъ будто вздувалось, точно пухло, а потомъ, точно испуганное, безпорядочно убѣгало отъ берега. Казалось, что какая-то могучая сила встряхивала его изъ невидимой глубины. Все это казалось непонятнымъ римскому натуралисту, и онъ съ скептической улыбкой говорилъ себѣ, глядя на неразгаданные капризы моря:

— Еслибъ я былъ наивнѣе нѣсколько и не зналъ кой-чего изъ того, что я знаю, то я бы подумалъ, что это шалости Нереидъ, которыхъ распустилъ старикъ Нептунъ... Нѣтъ, это что-то другое... Я готовъ думать, что это капризы таинственнаго Вапора, о которомъ мнѣ говорилъ верховный жрецъ храма Сераписа.

И ученый мужъ поглядѣлъ по направленію къ Путеоли, гдѣ виднѣлись сѣрыя окраины кратера форума Вулкана, съ котораго кое-гдѣ поднимались и таяли въ воздухѣ бѣлыя струйки сѣрнистаго дыма.

— Нѣтъ, тамъ все покойно.

Онъ перенесъ взоры дальше, туда, къ Помпеѣ. Онъ въ послѣднее время часто думалъ о Везувіѣ, онъ чего-то ждалъ отъ него. Онъ вспоминалъ свидѣтельство Діодора Сицилійскаго о томъ, что когда-то, въ незапамятныя времена, Везувій извергалъ пламя. А послѣ Діодора прошло уже сто лѣтъ до Плинія. Плиній самъ очень хорошо зналъ, что вся Помпея, весь Геркуланумъ и Стабіи, всѣ ихъ площади и улицы замощены тою же лавою... А потомъ этотъ удивительный іудей Іоаннъ что на осторовѣ Патмосѣ... Онъ прямо велѣлъ передать Плинію: «Горы упадутъ на васъ и огненныя рѣки затопятъ васъ»...

Онъ посмотрѣлъ на роковую гору. Но никогда еще, кажется, Везувій не вставалъ надъ Помпеей такимъ яснымъ и спокойнымъ, какъ вѣчность.

Но ученый римлянинъ не могъ, однако, отогнать отъ себя какое-то смутное безпокойство. Что-то чуялось въ атмосферѣ, тяжелое, угнетающее.

Воротясь съ берега моря, Плиній взялъ холодную ванну и, позавтракавъ устрицами и рыбой изъ Лукринскаго озера, съ возліяніемъ, въ честь Бахуса, добраго кубка хіосскаго, полный козій мѣхъ котораго привезъ ему Помпоніанъ прямо съ острова Хіоса, засѣлъ въ своемъ любимомъ таблинумѣ. Полулежа на мягкомъ бизелліумѣ, обложенный подушками, онъ просматривалъ свитки папирусовъ съ своими замѣтками, записывая тонкимъ каламомъ нѣкоторыя новыя наблюденія, какъ вдругъ занавѣсъ таблинума осторожно раздвинула чья-то рука, и послышался голосъ:

— Братъ, ты не видѣлъ, что это тамъ дѣлается надъ Помпеей?

Это была сестра Плинія, вдова, которая жила у него послѣ смерти мужа, завѣдывая хозяйствомъ стараго холостяка, брата, горячо заботившагося о воспитаніи ея обожаемаго сына, Плинія младшаго. Это была женщина старая, тучная, какъ и ея братъ, съ

добрыми карими глазами и характернымъ профилемъ римской матроны.

— А что, сестра?—съ нахлынувшимъ разомъ смутнымъ безпокойствомъ спросилъ ученый натуралистъ.—Я самъ ожидалъ сегодня чего-то.

— Я уже не знаю, что и сказать: надъ Везувіемъ или надъ Соммой, не разберешь, поднимается облако такой огромной величины и такого необычайнаго вида, что я и сказать не умѣю. А откуда бы, при такомъ ясномъ небѣ и такой тихой погодѣ, взяться этому облаку, это вѣдаютъ только вѣчные боги.

Плиній торопливо всталъ и вышелъ изъ таблинума. Накинувъ съ помощью раба на плечи легкую тунику, онъ отправился на ближайшее возвышенное мѣсто, съ котораго удобнѣе было бы наблюдать чудесное и непонятное явленіе. За нимъ поспѣшилъ и его юный племянникъ.

Въ величайшемъ изумленіи они остановились и глядѣли. Тамъ происходило что-то загадочное. Сначала они не могли различить, изъ Везувія ли выходило это ужасное, чудовищное облако, или изъ Соммы; но скоро обозначилось, что это творится что-то необычайное съ Везувіемъ. Чудовищное облако походило на гигантскую пинію: изъ вершины горы выходилъ, словно живой, необычайно быстро растущій страшной толщины черный стволъ, который, поднимаясь выше, откидывалъ отъ себя въ разныя стороны такія же исполинскія вѣтви.

— Вапоръ, непостижимый Вапоръ... это его работа,—бормоталъ, пораженный страшнымъ видѣніемъ, ученый римлянинъ.

Ужасное облако постоянно мѣняло цвѣта: то въ немъ преобладали бѣлыя краски, то черноватыя, то пятнистыя, а въ самомъ стволѣ, какими-то брызжущими огненными снопами, сверкали молніи.

— Надо ѣхать... надо ближе видѣть это дивное явленіе природы,—понятною любознательностью волновался ученый.—Вели сейчасъ Перуну изготовить легонькую четырехвесельную лодку, — сказалъ онъ племяннику.—Я ѣду туда.

— Но, дядя, не опасно ли это?—спрашивалъ юноша.

— Безъ опасности ничто не достигается, а тѣмъ болѣе великое... Моя жизнь на исходѣ, а боги еще не являли мнѣ ничего подобнаго... Я ѣду!

Юноша долженъ былъ повиноваться.

Черезъ нѣсколько минутъ Плиній уже плылъ къ Помпеѣ. Его же племянникъ остался въ Мизенѣ. Трудно и даже невозможно объяснить, что заставило юношу остаться дома тогда, когда въ виду его творилось что то такое необычайное, что нельзя было не поддаться искушенію, особенно въ его годы, разсмотрѣть это странное явленіе природы поближе. Естественный ли страхъ предъ грознымъ призракомъ бушевавшихъ стихій, или боязнь быть невольнымъ свидѣтелемъ и безучастнымъ, презрѣннымъ зрителемъ кровавой борьбы Квинта съ дикимъ чудовищемъ, борьбы и, конечно, неминуемой ужасной смерти или, наконецъ, нежеланіе встрѣчи, можетъ быть, нечаянной съ Мальвіей, къ которой юноша чувствовалъ теперь глубокое отвращеніе, отвращеніе человѣка, котораго первую, самую чистую иллюзію его жизни такъ недостойно разбили, рѣшить этого мы не беремся. Но случайно или не случайно, а вышло такъ, что непостижимое Провидѣніе какъ будто хотѣло сохранить его для міра, какъ нѣчто выдающееся въ безцвѣтной людской ординарности, сохранить будущую знаменитость и живого свидѣтеля той роковой смерти, какая постигла его великаго наставника какъ будто бы за то именно, что онъ хотѣлъ похитить у грозной природы ея страшныя тайны. Впослѣдствіи онъ самъ писалъ Тациту, просившему его о сообщеніи подробностей относительно смерти его знаменитаго дяди для передачи потомству, что когда будто бы дядя предложилъ ему на выборъ ѣхать съ нимъ или остаться дома, то онъ отвѣчалъ, что охотнѣе займется дѣломъ: «случилось такъ — пояснялъ онъ—что дядя самъ задалъ мнѣ написать что-то».

Плиній отплылъ изъ Мизена съ нѣсколькими матросами, съ прислуживавшими ему постоянно старымъ рабомъ Нумою и писцомъ. Кормчимъ былъ, по обыкновенію, его скиѳъ Перупъ, души не чаявшій въ своемъ добромъ навмархѣ.

Видѣніе, представлявшееся взорамъ Плинія, становилось все грознѣе и грознѣе. Онъ слѣдилъ за нимъ лихорадочно и съ лихорадочною поспѣшностью, но съ полнымъ спокойствіемъ духа, диктовалъ писцу описаніе тѣхъ необычайныхъ метаморфозъ, какія представляло собою страшное, наблюдаемое имъ зрѣлище. Непроницаемая туча, прорѣзываемая молніями и снопами искръ,

уже закутала собою Помпею и Геркуланумъ. Сѣрый пепелъ тучами носился надъ моремъ и засыпалъ ладью Плинія. Пепелъ скоро смѣшался съ кусками пемзы и камнями. Приходилось защищать головы отъ этого каменнаго града. Море страшно бушевало, вздымалось, какъ живое чудовище, и, казалось, убѣгало отъ берега. Оно словно уходило отъ Помпеи.

Вознамѣрившись ѣхать къ Діомеду, Плиній вдругъ увидѣлъ, что этого сдѣлать уже нельзя. Море отодвинулось отъ стѣнъ Помпеи, и пристать было негдѣ, да притомъ надъ несчастнымъ городомъ царила уже безпросвѣтная ночь, когда за Питеузой еще горѣло яркое солнце.

Плинія охватило раздумье: не воротиться ли, пока еще можно, изъ этого ада? Но какъ же не узнать, что тамъ дѣлается, что будетъ, наконецъ, дальше, до чего дойдетъ природа въ своей непонятной ярости, на что еще способны эти, точно сорвавшіяся съ основъ вселенной, ужасныя стихіи!

— Счастье благопріятствуетъ отвагѣ... За насъ Фортуна!.. Вези меня къ Помпоніану!—крикнулъ онъ кормчему.

А въ ту сторону, къ Стабіямъ, виденъ былъ хотя слабый просвѣтъ, что-то похожее на мерцаніе дня среди ужасающаго мрака Помпеи и Геркуланума. При этомъ слабомъ мерцаніи чего-то похожаго на сумрачный день, сквозь тучи падающаго съ неба пепла, видно было, что населеніе Стабій, объятое паникой, безпорядочными массами стремилось къ морю, спасая изъ пожитковъ что можно, что цѣннѣе и легче, что первое попалось подъ руку, и снося все это на берегъ, у котораго безпомощно колотились въ волнахъ бушующаго моря суда и рыбацкія лодки. Казалось, само море обезумѣло отъ паники; не смотря на то, что вѣтеръ былъ не береговой, а морской, море гнало сѣдые буруны отъ берега, не давая возможности судамъ приблизиться къ сушѣ, а вѣтеръ гналъ эти буруны обратно. Казалось, природа забыла свои вѣчные законы, законы тяготѣнія и правильнаго движенія, и металась, какъ безумная...

— Природа! Гдѣ же твои законы!.. О, вѣчные боги!—доносился съ берега до слуха Плинія отчаянный голосъ.

Плиній узналъ голосъ своего друга Помпоніана. Онъ велѣлъ кормчему править на этотъ голосъ, слабый маякъ, сигналъ, вы-

рвавшійся изъ глубины души человѣка, потерявшаго вѣру въ вѣчные законы природ!

Но море такъ трепало суда, колотившіяся на его обезумѣвшихъ волнахъ недалеко отъ берега, что даже такому опытному кормчему, какъ понтійскій скиѳъ, трудно было провести между ними, не разбивъ въ дребезги, легкій катеръ римскаго навмарха.

Но онъ провелъ таки. Съ большимъ трудомъ удалось матросамъ вынести на берегъ своего навмарха, который въ полумракѣ не то дня, не то ночи едва могъ различить высокую фигуру своего трепещущаго друга.

— О, боги!—бросился къ нему въ объятія Помпоніанъ.—Ты ли это, великодушный другъ? Какъ отважился ты искушать боговъ въ ихъ праведномъ гнѣвѣ и рѣшился переплыть черезъ бѣшеныя волны Флегетона въ этотъ мрачный Оркъ? О, какое доказательство дружбы!

— Amicus Pomponianus, sed magis amica scientia,—весело отвѣчалъ Плиній перифразомъ извѣстнаго изреченія древности, обнимая растерявшагося оратора.—Я хочу ближе видѣть, что это творитъ разбушевавшаяся природа.

— О, другъ! Природа сорвалась съ петель: надъ нею не властны ни Вулканъ, ни Нептунъ... О, вѣчные боги! Что съ вами?

— Это старики шалятъ послѣ долгой спячки,—шутливо отвѣчалъ Плиній, желая видимо безпечностью вселить мужество въ растерявшагося друга.

— Нѣтъ! Это сбываются роковыя слова того іудея Іоанна, что на островѣ Патмосѣ: «Горы упадутъ на васъ и огненныя рѣки затопятъ васъ!»—говорилъ Помпоніанъ точно во снѣ,—Вонъ!..

Онъ не кончилъ, онъ только поднялъ руку и въ невыразимомъ ужасѣ показалъ на Везувій. Вопли огласили весь берегъ, по которому метались люди. Даже Плиній въ ужасѣ попятился назадъ... Непроницаемый мракъ мгновенно превратился въ ослѣпляющій свѣтъ...

Они увидѣли: Везувій выбросилъ изъ себя невѣроятную массу огня, гигантскій снопъ пламени, въ которомъ, среди багроваго огненнаго моря, клубились такія-же огненныя волны синяго и зеленаго цвѣта. Пламя это освѣтило разомъ и бурное море,

и далекую Питеузу, а по самой горѣ катились внизъ, дымясь багровымъ дымомъ, огненныя рѣки, извиваясь, какъ гигантскія змѣи... Потрясающій грохотъ раздался подъ землей, которая точно запрыгала, опрокидывая колонны и портики зданій... Затѣмъ опять наступилъ безпросвѣтный мракъ...

Это былъ тотъ моментъ, когда Квинтъ и другіе бѣглецы, достигнувъ форума, были свидѣтелями этого ужасающаго явленія и видѣли, какъ вмѣстѣ съ своей статуей упала, вѣроятно мертвая, жрица и строительница Хальцидики, Евмахія.

XXXVIII.

Плиній, однако, скоро оправился отъ своего смущенія. Онъ болѣе другихъ зналъ силы природы.

— Ну, теперь пока миновала гроза,—сказалъ онъ, когда снова наступили мракъ и относительная тишина.

— Какъ миновала?—удивился Помпоніанъ.—А эта тьма кромѣшная?

— Она разсѣется вмѣстѣ съ пепломъ и дымомъ.

— А тѣ ползучіе огни на горѣ, эти багровые ручьи?

— Это, просто, горятъ хижины, съ испуга брошенныя поселянами; догорятъ и потухнутъ... Главное то, что сердитый узникъ вырвался изъ заточенія и теперь онъ уже безопасенъ.

— Какой узникъ?—съ удивленіемъ спросилъ Помпоніанъ.

— Вапоръ.

Помпоніанъ еще больше удивился. Самъ потрясенный почти до потери сознанія, онъ готовъ былъ думать, что и Плиній находится въ такомъ же столбнякѣ.

— Боги! Что онъ говоритъ!—испуганно прошепталъ онъ.—Какой узникъ Вапоръ, говоришь ты, другъ Плиній?

— Просто Вапоръ.

— Это паръ? Простое римское слово?

— Да, простое римское слово: vapor, vaporis, vapori.

Плиній говорилъ это, повидимому, шутливо. Помпоніанъ это чувствовалъ, слышалъ, хотя не могъ въ темнотѣ разсмотрѣть выраженіе лица своего ученаго друга; факелы же, безпорядочно мелькавшіе то тамъ, то сямъ по берегу, еще болѣе усиливали общій мракъ тамъ, гдѣ свѣтъ факеловъ не могъ побороть его. Помпоніанъ не зналъ, что и подумать.

— Къ чему же тутъ паръ и къ чему «узникъ»?—спросилъ онъ.

— Видишь ли, другъ мой,—серьезно заговорилъ ученый,—этотъ страшный взрывъ и это пламя произошли отъ неравной борьбы двухъ стихій, воды и огня. Вода изъ царства Плутона, говоря языкомъ нашихъ наслѣдственныхъ вѣрованій, проникая съ моря и съ атмосферы, во время дождей, въ область Вулкана, въ область вѣчнаго подземнаго огня, вступаетъ въ борьбу съ враждебною ей стихіею, съ огнемъ; но она не можетъ побѣдить своего врага; онъ слишкомъ могуществень; его нельзя залить, какъ мы заливаемъ его на слабомъ пожарѣ или у себя на очагѣ; для этого нуженъ цѣлый океанъ; а океанъ не можетъ весь, разомъ, проникнуть въ царство Вулкана, слишкомъ прочна гранитная и желѣзная кровля его кузницы, и плотно притворены врата его владѣній. Остаются для Нептуна только щели, скважины въ прочной кузницѣ Вулкана. Въ эти-то щели и просачивается вода изъ царства Нептуна, и начинается борьба. Но тамъ, гдѣ огонь сильнѣе и обильнѣе воды, онъ превращаетъ послѣднюю въ Вапоръ. Это-то новое божество, рожденное отъ отца Огня и матери Воды, страшное, всемогущее божество. Оно чувствуетъ себя узникомъ въ царствѣ Вулкана, и чѣмъ уже, тѣснѣе его темница, тѣмъ ужаснѣе ярость этого божества, стремящагося на свободу, въ пространство вселенной. Понимаешь, мой другъ?

— Понимаю,—отвѣчалъ Помпоніанъ, съ боязнью поглядывая на ручьи лавы, огненными змѣями медленно сползавшіе все ниже и ниже съ роковой горы.

— Этотъ взрывъ, что напугалъ всѣхъ, и тотъ огненный фонтанъ, что взлетѣлъ къ небу,—продолжалъ Плиній,—это и былъ моментъ освобожденія бога Вапора. Теперь онъ не страшенъ, онъ милостиво разлился въ пространствѣ вселенной.

— Такъ ты полагаешь, что болѣе страшнаго взрыва уже нельзя ожидать?—спросилъ Помпоніанъ.

— Полагаю, что да.

— О, вѣчные боги! Какъ отрадно это слышать.

— А чтобъ окончательно успокоить тебя, мой другъ, я, знаешь, что попрошу у тебя?

— А что? Я готовъ все сдѣлать для тебя, ты это знаешь.

— Знаю. Такъ вотъ что: этотъ проклятый зловонный пепелъ, что до сихъ поръ вылетаетъ изъ кузницы старика Гефеста и

забивается въ носъ и въ уши, даже за тунику проникаетъ къ самому тѣлу, такъ надоѣлъ мнѣ, что я попрошу у тебя ванны.

— Съ удовольствіемъ, благородный другъ.

— А потомъ ты угостишь меня ужиномъ, я такъ проголодался.

— Отлично, клянусь богами.

— И мы съ тобою, другъ, сдѣлаемъ возліяніе новому богу.

— Это Вапору-то, что такъ напугалъ насъ?

— Да, именно богу Вапору, сыну бога Огня и богини Воды.

Предложеніе это въ значительной степени успокоило Помпоніана. Значитъ, не такъ велика опасность, если такой знатокъ природы и ея силъ, какъ Плиній, говоритъ о страшномъ явленіи такъ спокойно и увѣренно.

Рабы принесли, между тѣмъ, горящіе факелы съ виллы Помпоніана, и друзья вмѣстѣ съ своей свитой отправились въ городъ, напуганное населеніе котораго съ трепетомъ ожидало новыхъ бѣдъ, возлагая всѣ свои надежды на стоявшія въ морѣ суда съ мигавшими и качавшимися во мракѣ огоньками. Но какъ попасть на суда? Море такъ бурно, а въ темнотѣ оно казалось еще страшнѣе.

Подвигаясь при свѣтѣ факеловъ къ виллѣ Помпоніана, друзья увидѣли идущую къ нимъ навстрѣчу странную фигуру. Она едва передвигала ноги и жалобно стонала. На головѣ ея виднѣлось что-то бѣлое, безформенное.

— О, мое дитя! О, моя Аспазія!—услышалъ Помпоніанъ знакомый голосъ.

— Это ты, Зено?—окликнулъ онъ.

— О, всемогущій Боже! Это ты, благородный защитникъ нашъ?

— Я, добрый Зено! Что съ тобой?

Зено, это былъ нашъ скульпторъ, видимо, шатался. На лицѣ его видны были слѣды крови. То, что они видѣли у него на головѣ, бѣлое, безформенное, была большая подушка, которою онъ защищалъ голову отъ падавшей съ воздуха золы и кусковъ пемзы.

— Гдѣ мое дитя? Гдѣ моя жена, которыхъ ты, великодушный ораторъ, спасъ отъ смерти?—были первыя слова, которыя онъ произнесъ, узнавъ въ темнотѣ Помпоніана и Плинія.

— А что съ ними? Я не видѣлъ ихъ,—отвѣчалъ Помпоніанъ.

— О, Господи!—говорилъ, часто останавливаясь отъ усталости, Зено.—Я искалъ ихъ по всей Помпеѣ... Я зналъ, что они пошли въ амфитеатръ на это ужасное зрѣлище... Я оттоваривалъ ихъ... Самъ я не могъ итти съ ними, я былъ подъ стражей за мое прежнее бѣгство отъ своего господина, скульптора Руфуса... Они пошли... Кратилла, какъ безумная, все твердила, что она спасетъ отъ льва своего благодѣтеля, Квинта... Бѣдное дитя!.. Потомъ, когда начались эти ужасы, земля трепетала, стѣны домовъ трещали и падали, когда среди дня наступила эта страшная ночь, и стражи мои разбѣжались, я также ушелъ изъ-подъ стражи, чтобъ найти и спасти мое дитя и жену. Я побѣжалъ къ амфитеатру... Тамъ было пусто... Мракъ, ночь. Одни львы ревутъ безпомощно въ клѣткахъ. Я ощупью добрался до споліаріума, не найду ли тамъ ихъ труповъ... Вдругъ Везувій выбросилъ изъ себя огненный столбъ, и при свѣтѣ этого адскаго огня я увидѣлъ шесть труповъ. Одинъ изъ нихъ обезглавленъ, въ немъ я узналъ святого мужа... Это былъ Авениръ, великій праведникъ.

— Такъ его обезглавили?—съ ужасомъ спросилъ Помпоніанъ.

— Обезглавили.

— А другіе пять труповъ?—спросилъ Плиній.

— То были гладіаторы.

— А Квинтъ, сынъ Діомеда?

— Его тамъ не было,—отвѣчалъ Зено.

— Такъ онъ, можетъ быть, остался въ темницѣ?

— Нѣтъ, и темница отперта, я ощупью и въ Колумбаріи пробирался, никого тамъ нѣтъ.

— Такъ, вѣроятно, онъ дома, у отца.

— О!—Зено заплакалъ.—Я бѣгалъ и туда... Видите кровь на лицѣ? Это отъ каменнаго дождя... голову пробило до крови. И тамъ, у Аррія Діомеда, о нихъ ничего не знаютъ... ни сыновей его нѣтъ, ни моихъ жены и дочери. Я ищу ихъ... Они, должно быть, погибли.

— Но гдѣ же можетъ быть Квинтъ? — спросилъ Помпоніанъ.—Его трупъ тоже долженъ бы находиться въ споліаріумѣ.

— Нѣтъ его тамъ,—беззвучно повторялъ Зено,—нѣтъ, нѣтъ, и моихъ нѣтъ.

— Впрочемъ, Квинта могъ растерзать левъ,—замѣтилъ Помпоніанъ.—О, вѣчные боги!.. Но должны бы остаться кости!

— Кости!—съ горькой усмѣшкой сказалъ Плиній.—Кости или на аренѣ, или въ клѣткѣ льва.

— Но гдѣ Курцій, Аспазія, Кратилла?—спрашивалъ Помпоніанъ.

— О, Боже великій!—всплеснулъ руками Зено.—Они погибли... Когда страшныя молніи озаряли улицы Помпеи, я видѣлъ трупы, засыпанные пепломъ и камнями... но это были не они. Они также гдѣ-нибудь лежатъ мертвые, присыпанные пепломъ. О, Боже! Для того ли я ихъ нашелъ, чтобы опять и навсегда лишиться!

Онъ былъ безутѣшенъ. Съ трудомъ уговорили его зайти къ Помпоніану хоть на часъ отдохнуть, собраться съ силами.

XXXIX.

Везувій между тѣмъ продолжалъ свое разрушительное дѣло.

Мы оставили Квинта и его спутниковъ въ форумѣ, когда ужасный свѣтъ, которымъ роковая гора озарила Помпею, Геркуланумъ и Стабіи, вдругъ почти моментально замѣнился еще болѣе ужасающимъ мракомъ. Кругомъ, вблизи и вдали, крики испуга и отчаянія возобновились съ новою силой.

— О, безжалостные боги! Я не знаю, куда итти, мы потеряли путь,—послышался въ темнотѣ чей-то отчаянный голосъ.

Квинтъ съ трудомъ узналъ голосъ Марка Туллія.

— Намъ надо выбраться къ морю. Но гдѣ Порта Марина?—Это былъ голосъ Флакка.

— Она должна быть влѣво.

— Но я натыкаюсь на колонны, я ничего не вижу, я падаю.

— Опять молніи! О, Юпитеръ! Ты спасаешь насъ своимъ божественнымъ огнемъ. Я вижу, вонъ храмъ Венеры, вонъ Базилика. Идемъ туда.

— О, какія молніи! Скорѣй, скорѣй, пока видно.

Молніи были, дѣйствительно, страшныя, поразительныя, яркость которыхъ еще болѣе увеличивала мракъ внизу и надъ городомъ. Огни этихъ молній были до того разнообразны и причудливы, до того не похожи на обыкновенные огни земли и небесныхъ свѣтилъ, что наводили собою еще большій ужасъ на того, кто имѣлъ несчастіе ихъ видѣть. То казались они лазурными, свѣтящимися во мракѣ почи волнами моря, невѣдомою си-

лою выброшенными изъ нѣдръ горы, то ярко голубого цвѣта, то багровыми, какъ зарево пожара, то сверкали ослѣпительнымъ пурпуромъ. При свѣтѣ ихъ, облака дыма, вылетавшаго изъ жерла горы, принимали формы чего-то живого и еще болѣе ужаснаго. То молніи вдругъ мгновенно потухали, и тогда горячій дождь лилъ съ неба цѣлыми потоками, а подъ землей были слышны глухой гулъ и клокотанье вмѣстѣ съ воемъ и свистомъ подземной бури: это пары и газы искали выхода изъ своего невидимаго заточенія и колебали землю. Слышенъ былъ грохотъ падающихъ колоннъ, портиковъ и статуй вмѣстѣ съ человѣческими воплями и стенаніями.

Когда Флаккъ и Туллій достигли воротъ—Порта Марина, они при блескѣ молніи увидѣли стоявшаго подъ защитою крытаго пролета часового. Молнія освѣтила его мѣдный шлемъ и мужественное лицо. То былъ Тумулюсъ.

— О, Тумулюсъ! И ты не бѣжишь изъ этого ада?—воскликнулъ Туллій.

— Я не получилъ приказа оставить свой постъ,—отвѣчалъ воинъ.

— О, какіе теперь приказы, когда сами боги отвернулись отъ насъ!—вскричалъ Флаккъ.

— Я римскій воинъ: я умру на своемъ посту!

Толпа бѣгущихъ увлекла за собою молодыхъ друзей.

Городъ пустѣлъ. На улицахъ и на форумахъ рѣже и рѣже мелькали блѣдныя, испуганныя тѣни. Молніи, отъ времени до времени прорѣзывавшія мракъ, освѣщали то упавшія колонны и статуи, то трупы людей, полузасыпанные пепломъ или придавленные капителью полуразрушеннаго храма. Грохотъ и колебанія земли повторялись чаще и чаще. Скрываться въ домахъ и храмахъ было такъ же опасно, какъ и на открытыхъ мѣстахъ подъ горячимъ или каменнымъ дождемъ. Внѣ городскихъ стѣнъ, у моря, дальше отъ ужасной горы, и тамъ не было спасенія: горячій пепелъ достигалъ и туда, камни падали и на берегъ, и въ море, а подчасъ несчастныхъ обливала горячая вода, выбрасываемая адской горой. Тамъ большинство искало спасенія, были вопли, стенанія и проклятія.

— О, вѣчные боги! Гдѣ же вы?—ломалъ въ отчаяніи руки Саринусъ, видя, какъ разваливались стѣны его гостиницы и разбивались одна о другую амфоры съ виномъ.

— Боговъ нѣтъ! Остались только Фурія и Гарпіи!—рвала на себѣ волосы Тонитра, мужественная супруга Саринуса.—О! Проклятіе! А мы ожидали отъ этого дня столько благополучія.

Роковая гора не только выбрасывала изъ себя пламя и горячіе потоки воды, смѣшанной съ пепломъ, но отрывала отъ своего жерла и бросала на недосягаемую высоту осколки и цѣлыя глыбы скалъ, которыя потомъ съ ужасающей силой падали на землю, на дома и храмы, часто разбиваясь на множество осколковъ, которые метали искры, зажигавшія все, что могло воспламеняться.

Діомедъ, который оставался дома вмѣстѣ съ женою и дочерью, когда на аренѣ амфитеатра начались бои гладіаторовъ, ожидая рокового извѣстія о сынѣ, при началѣ изверженія вышелъ на террасу, открывавшую видъ на Везувій, и съ ужасомъ увидѣлъ, что творится въ природѣ что-то неисповѣдимое. Убитый горемъ, онъ приписалъ это страшное явленіе гнѣву боговъ, гнѣву на его сына, на новое ученіе, принесшее столько зла его родному городу, и эта суевѣрная мысль еще болѣе терзала его измученную душу. Но любовь къ сыну превозмогла и страхъ гнѣва боговъ, и тотъ ужасъ, который холодилъ его кровь при видѣ страшной картины изверженія: онъ хотѣлъ поскорѣе узнать, что съ Квинтомъ. Въ душѣ его еще теплилась, подобно искрѣ, слабая надежда, что сынъ его, такой мужественный и вооруженный мечомъ, можетъ и остаться побѣдителемъ.

Несмотря на то, что за первыми огненными явленіями гнѣва боговъ наступилъ мракъ, Діомедъ рѣшился итти отыскивать сыновей или, по крайней мѣрѣ, узнать объ участи старшаго. Онъ велѣлъ Канису зажечь фонарь, и они вмѣстѣ отправились къ городскимъ воротамъ. За ними пошелъ и Минось, вѣрный песъ дома Діомеда. Едва они поровнялись съ часовымъ, стоявшимъ въ правомъ крытомъ пролетѣ воротъ—Порта Геркуланеа, какъ столкнулись съ Синистрой, которая, рыдая и падая въ темнотѣ, искала спасенія внѣ стѣнъ несчастнаго города, на виллѣ у своихъ господъ. Сначала она даже не понимала ничего, когда съ ней заговорили.

— Ты оттуда?—спросилъ ее Діомедъ, останавливаясь подъ защитою пролета.

— О! Господинъ! Я была тамъ,—отвѣчала рабыня, дико озираясь.

— Что жъ онъ? Гдѣ? Что съ нимъ?

— О, господинъ! Милостивый господинъ! Онъ убитъ, убитъ!..

— О, боги, жестокіе адскіе боги!—схватился за сердце несчастный старикъ.—Мой сынъ, мой дорогой Квинтъ убитъ!

Рабыня теперь только поняла, о комъ ее спрашивали. Она припала губами къ ногѣ своего господина.

— О, прости, прости меня, благородный Діомедъ!—воскликнула она.—Я не то сказала... Онъ, молодой нашъ господинъ, былъ живъ.

— Былъ, говоришь, несчастная? А теперь?.. О, боги!

— Онъ былъ живъ, когда началось это... О, господинъ! Его не тронулъ левъ.

— Не тронулъ!.. Кто же убитъ?

— О, господинъ, прости твою рабыню... Я съ ума схожу отъ страха... я бѣжала... я задыхалась отъ пепла... Тамъ камни падаютъ съ неба...

— Кто же убитъ, несчастная!

— Гладіаторъ... Барка... Суторъ...

Въ эту минуту въ пролетѣ воротъ показалось новое лицо. И на этомъ лицѣ былъ написанъ ужасъ. Діомедъ тотчасъ же узналъ въ немъ преторіанца Кнея Авидія.

— А! Благородный Кней? Ты оттуда?—спросилъ онъ.

— Оттуда, благородный Аррій, изъ амфитеатра,—отвѣчалъ, едва переводя духъ, молодой преторіанецъ.

— А что мой сынъ, Квинтъ? Ты видѣлъ его?

— Видѣлъ... Онъ мужественно шелъ на льва... но левъ его не тронулъ...

— О, милосердные боги!.. Гдѣ же онъ?

— Я видѣлъ его еще на аренѣ, когда началось это... О, боги! Какъ только я еще живъ...

— А потомъ?

— Не знаю... Да, помню... Онъ, кажется, нагнулся къ этой гречанкѣ, Кратиллѣ, чтобъ поднять ее...

— Къ Кратиллѣ? Чтобъ поднять? Откуда?

— Она выбѣжала на арену, когда левъ... О, боги! Какой ударъ! Какія молніи!

Ударъ подземный заставилъ дрогнуть ворота, подъ которыми они стояли, и сосѣднія стѣны. Молніи освѣтили зловѣщимъ свѣтомъ кратеръ горы и тотчасъ же потухли.

— Когда левъ что?—спрашивалъ Діомедъ.—О, боги! Опять ударъ... Ну?

— Левъ вышелъ... шелъ къ Квинту... нѣтъ, Квинтъ шелъ на льва... Въ это время на аренѣ появилась эта Кратилла и упала мертвая...

— Мертвая? А Квинтъ?

— Квинтъ нагнулся къ ней и тутъ сейчасъ началось это...

Шипящій потокъ быстро мчался съ горы, распространяя удушливый сѣрный запахъ. Онъ несся прямо къ воротамъ, мимо мавзолея Кастриція Скавра. Потокъ виденъ былъ издали по вспыхивавшимъ въ немъ и горѣвшимъ фосфорическимъ свѣтомъ огонькамъ.

— Благородный господинъ! Надо спасаться!—воскликнулъ старый Канисъ.

— А, сынъ мой? Оба сына? Что съ ними?

— Мы съ Миносомъ пойдемъ отыскивать ихъ,—сказалъ вѣрный рабъ.—Умный песъ чутьемъ укажетъ мнѣ дорогу.

Діомедъ самъ чувствовалъ, что было бы безумно ему, едва стоящему на ногахъ, пускаться въ этотъ адъ кромѣшный. Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— О, вѣчные боги! За что такая кара? Чѣмъ мы заслужили гнѣвъ Немезидъ?

Кней Авидій старался увлечь старика назадъ.

— Пойдемъ, благородный мужъ, я доведу тебя до твоего дома, тутъ недалеко... Тамъ мы подождемъ возвращенія твоихъ сыновей.

«Возвращенія!» Это слово цѣлительнымъ бальзамомъ упало на измученную душу старика. Онъ согласился, чтобъ его отвели домой. «Возвращеніе сыновей... Какая милость боговъ! Его дѣти еще могутъ возвратиться къ нему».

Порывомъ вѣтра разорвало тучи, и они увидѣли надъ жерломъ Везувія какія-то багровыя фигуры чудовищъ, которыя, казалось, сталкивались и боролись на воздухѣ, преслѣдуя другъ друга, и то исчезали, то вновь появлялись... Діомеду казалось, что это титаны борются съ богами, но за кого? За какихъ другихъ боговъ, или за смертныхъ?

Приближаясь къ своему дому вмѣстѣ съ Кнеемъ Авидіемъ и Синистрою, осыпаемый пепломъ, Діомедъ услыхалъ отчаянные вопли дочери, которая звала его. Пепелъ уже засыпалъ от-

крытыя части ихъ дома, а удушливый запахъ проникалъ всюду. Мать Мальвіи, потрясенная событіями послѣднихъ дней, а теперь доведенная до крайняго ужаса грознымъ явленіемъ бушевавшихъ стихій, судорожно металась на тигровой шкурѣ своего ложа.

Между тѣмъ, временами вмѣстѣ съ пепломъ падалъ изъ невидимыхъ тучъ горячій дождь, о крышу дома стучали камни, а молніи ослѣпляли глаза. Надо было искать болѣе безопаснаго убѣжища. Такимъ убѣжищемъ оказались просторные подвалы, цѣлая подземная галлерея, уставленная по стѣнамъ амфорами съ виномъ.

— Что Квинтъ? Гдѣ мой сынъ?—были первыя слова, которыя произнесла Ливія, придя понемногу въ чувство и увидавъ мужа.

— Успокойся, боги сохранили его намъ,—отвѣчалъ Діомедъ.—Вотъ свидѣтель его чудеснаго спасенія,—указалъ онъ на Кнея Авидія.

Преторіанецъ подтвердилъ слова старика.

— О, милосердные боги! — заплакала Ливія. — Мой сынъ! Мое дитя!

Но медлить было нельзя. Жилище Діомеда стояло ближе всѣхъ къ Везувію, и потоки лавы и горячей воды съ пепломъ прежде, чѣмъ залить Помпею, должны были пройти чрезъ загородное жилище Діомеда. Рѣшили тотчасъ же перебраться въ подвальное помѣщеніе. Туда были перенесены лампы и зажжены, потому что мракъ господствовалъ вездѣ, и наверху, и внизу, и только багровыя и синія молніи временами озаряли эту безпросвѣтную ночь, ночь среди дня. Въ это помѣщеніе, при помощи рабынь, перевели Ливію, и мать съ дочерью, окруженныя рабынями, нѣсколько успокоились.

Между тѣмъ вездѣ кругомъ дѣло разрушенія шло съ ужасающей быстротой. Сосѣднія жилища уже заливала горящая лава. Изгнанныя изъ своихъ домовъ, несчастныя жертвы террора природы бѣжали къ морю, чтобы спасаться отъ огня на судахъ и лодкахъ. Но стоны и вопли неслись и оттуда: иныя суда, вслѣдствіе бурнаго волненія моря, не могли приблизиться къ берегу, а другія ужъ были переполнены спасавшимися отъ вѣрной гибели.

Діомедъ, нѣсколько успокоенный насчетъ участи сыновей,

просилъ молодого преторіанца помочь ему взять изъ верхняго отдѣленія дома нѣкоторыя сокровища и деньги; но едва они успѣли захватить кое-что, какъ со стороны моря, въ числѣ многихъ голосовъ и воплей, они услышали, какъ имъ показалось, голосъ Квинта и лай собаки, съ которою Канисъ пошелъ отыскивать своихъ молодыхъ господъ. Захвативъ ключъ отъ калитки сада, ведущей къ морю, они поспѣшили туда.

Но въ этотъ моментъ случилось что-то такое страшное, что дѣйствительно могло навести на мысль о послѣднемъ днѣ земли, о послѣднемъ ея моментѣ.

При оглушающемъ подземномъ гулѣ, при свистящемъ шипѣніи подземныхъ газовъ, море и весь берегъ съ Везувіемъ такъ дрогнули, что, казалось, столкнулись въ яростной борьбѣ за то, на чьей сторонѣ должны быть разрушеніе и смерть. Море поднялось на необычайную высоту и залило собой не только ближайшій берегъ съ толпившимися на немъ бѣглецами изъ несчастнаго города, но и садъ Діомеда, захлестнувъ волнами его самого и молодого преторіанца. Послѣдовалъ крикъ сотенъ утопавшихъ людей, такой крикъ, какой не поддается никакому описанію. Въ то же время Везувій весь освѣтился багровымъ племенемъ. Нѣсколько огненныхъ сноповъ, посреди которыхъ вылеталъ и шипѣлъ средній исполинскій красный, какъ пурпуръ, снопъ, отбросили отъ себя массы горящихъ камней, гигантскихъ кусковъ пламенѣющей сѣры, а отъ краевъ кратера полились рѣки огненной лавы, которая текла, дымясь и шипя, къ несчастному городу, осужденному неисповѣдимымъ рокомъ на неслыханную гибель. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ была недавно пещера циклоповъ, гора распалась надвое, точно открылась огненная пасть исполинскаго чудовища, и изъ этой пасти ринулось внизъ цѣлое море огня, цѣлое море расплавленной лавы, которая залила собою весь низъ горы, ея подножіе и съ ужасающимъ шипѣніемъ столкнулась— буквально столкнулась съ моремъ: море, казалось, силилось залить это другое огненное море, и они встрѣтились на пространствѣ, занимаемомъ Геркуланумомъ и сѣверною частью Помпеи. Домъ Діомеда стоялъ какъ разъ на пути этой ужасной встрѣчи моря и огня.

Діомедъ и Кней Авидій уже испустили духъ подъ тяжестью морской воды, смѣшанной съ пепломъ Везувія и мелкими камнями, у самой калитки сада. Въ тотъ же моментъ горы воды,

напирая дальше, ворвались волнами въ подвалъ, гдѣ скрывалось семейство Діомеда. Несчастныя жертвы террора природы, Ливія, Мальвія и пятнадцать рабынь, бросились было къ верхнему выходу, но въ то же мгновеніе деревянная дверь подъ напоромъ тяжелой горящей лавы, уже успѣвшей добѣжать до самаго моря, упала внутрь, и лава ринулась въ подвалъ. Несчастныя жертвы успѣли только прижаться къ стѣнѣ, какъ моментально были залиты клокотавшей лавой, которая, наполнивъ собою весь подвалъ, съ шумомъ и свистомъ потекла дальше и похоронила въ своей раскаленной могилѣ уже бездыханные трупы Діомеда съ ключемъ и деньгами и Кнея Авидія съ драгоцѣнною, спасенною имъ вазою.

Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было жилище Діомеда, продолжалъ катиться къ морю огненный потокъ, шипя и какъ бы злобясь на это самое море, которое отходило все дальше и дальше, уступая мѣсто болѣе сильному противнику.

Уже черезъ семнадцать вѣковъ было отрыто изъ-подъ остывшей лавы жилище Діомеда и тамъ найдено, уже превратившееся въ эту самую лаву, все семейство нѣкогда счастливаго и богатаго Аррія, исключая его сыновей. Одна грудь Мальвіи, полная, дѣвственная грудь, отчетливо отпечаталась въ лавѣ, и до сихъ поръ этотъ отпечатокъ античной груди показываютъ посѣтителямъ въ неаполитанскомъ музеѣ.

XL.

Канисъ, разставшись съ своимъ господиномъ, пошелъ мужественно по Геркуланумской улицѣ, которая должна была вывести его на форумъ. Со всѣхъ сторонъ ему слышались отчаянные вопли: жена, въ темнотѣ или въ толпѣ бѣгущихъ разлученная съ мужемъ, напрасно взывала къ богамъ о помощи; дѣти жалобнымъ крикомъ призывали потерянныхъ родителей. Испуганный ревъ животныхъ дополнялъ собою ужасный концертъ.

Прикрывъ голову толстымъ войлочнымъ колпакомъ и капюшономъ плаща, Канисъ стойко боролся съ обсыпавшимъ его пепломъ, но камни давали себя чувствовать, и когда гора выбрасывала этотъ каменный дождь, и онъ достигалъ улицъ Помпеи, Канисъ на время прятался или подъ какой-либо навѣсъ, или въ брошенный домъ. Чаще и чаще попадались ему навстрѣчу или

пересѣкали путь бѣглецы, освѣщая себѣ путь факелами, которые часто гасли отъ падавшаго съ неба горячаго дождя съ пепломъ. При свѣтѣ факеловъ и молній онъ видѣлъ посинѣлыя, мертвенныя лица. Говору не слышно было, слышны были только стоны и мольбы. Иногда настигали его шипящіе газами горячіе потоки, и тогда онъ взбирался на ступени зданій или портиковъ. Вѣрный Миносъ, слѣдуя за нимъ, часто взвизгивалъ, попадая то подъ каменный дождь, то въ кипящій ручей.

Приближаясь къ Венереуму, около дома Каія Саллюстія, Канисъ, къ удивленію, услыхалъ чей-то веселый голосъ, по всѣмъ соображеніямъ — человѣка совсѣмъ пьянаго, не сознающаго всѣхъ ужасовъ того, что вокругъ происходило.

— Ну, вѣчные боги! Будетъ вамъ дурачиться!—говорилъ пьяный голосъ.—Вы думаете, я вамъ вѣрю? А наплевать мнѣ на васъ, вотъ что!.. Я пьянъ... Горацій сказалъ:

Nunc est bibendum! Nunc pede libero
Pulsanda tellus!..

— Тьфу! Откуда это пепелъ?.. Вонъ и молніи... Это Юпитеришка, старый дуракъ, ломается... Фу, какая молнія!.. Наплевать... Я одного Вакха почитаю, вотъ такъ богъ!

Канисъ узналъ голосъ пьянаго скрибы и въ ужасѣ остановился. Пьяница шелъ куда-то сильно пошатываясь, а противъ него, едва потухла молнія, въ темнотѣ сверкнули фосфорическимъ огнемъ два страшныхъ глаза. Слѣдовавшая затѣмъ молнія освѣтила какое-то чудовище съ гривою, которое, сдѣлавъ прыжокъ къ пьяному, моментально повалило его на мостовую.

— Ахъ, ты, подлая тварь! Ты лѣзешь со мной цѣловаться,—бормоталъ пьяный.—Прочь!.. Quousque tandem... О! О! Боги!

Чудовищный левъ, Югурта, не тронувшій на аренѣ ни Квинта, ни Кратиллы, теперь, мучимый голодомъ, несмотря на всѣ ужасы природы, терзалъ несчастнаго пьяницу.

— О, боги! О! О!—слышалось предсмертное хрипѣнье пожираемаго звѣремъ человѣка подъ непрерывные раскаты грома.

Канисъ, къ которому съ испугомъ жалась собака, повернулъ въ сторону.

Подходя къ гостиницѣ, которая называлась «Taverna Fortunata», недалеко отъ дома Полибія, онъ замѣтилъ что Миносъ

какъ-то заволновался, началъ нюхать воздухъ, лизнулъ руку своего хозяина и быстро побѣжалъ впередъ. Вскорѣ Канисъ услыхалъ радостный лай вѣрнаго пса и поспѣшилъ по направленію голоса собаки. При свѣтѣ фонаря онъ различилъ четыре фигуры, приближавшіяся къ нему, и свою собаку, которая прыгала около нихъ и радостно лаяла. Головы неизвѣстныхъ были покрыты подушками.

— Кто съ тобой, вѣрный Минось? — спрашивалъ собаку знакомый голосъ.

Канисъ узналъ голосъ Квинта.

— О, великіе боги! Онъ живъ, онъ спасенъ!—радостно воскликнулъ вѣрный рабъ.

Онъ бросился цѣловать одежду своихъ господъ.

— Вѣчные боги! Они пощадили моихъ добрыхъ господъ,— бормоталъ онъ.—О, что за день, что за ужасы! А вотъ и наша маленькая Кратилла!..

Квинтъ и Курцій обнимали старика. Кратилла прижалась къ нему, словно къ отцу родному.

— Что отецъ, мать, сестра?—спрашивалъ Квинтъ.

— Они оплакивали тебя, добрый господинъ... Но теперь, о, боги!.. Что это!..

Въ этотъ моментъ произошла та страшная катастрофа, о которой было сказано въ предыдущей главѣ. Океанъ вступилъ было въ борьбу съ Везувіемъ, но послѣдній, выпустивъ изъ своей внутренности, черезъ развершуюся пещеру циклоповъ, огненную рѣку, побѣдилъ его и отбросилъ отъ медленно погребаемаго имъ несчастнаго города. Вулканъ побѣдилъ Нептуна...

Бѣглецы оцѣпенѣли при видѣ страшнаго явленія. Ничего подобнаго они еще не видѣли, несмотря на всѣ ужасы предшествовавшихъ часовъ.

— Это въ нашей сторонѣ,—сказалъ Курцій, глядя въ лицо брата, озаренное багровымъ свѣтомъ сбѣгавшей съ горы огненной рѣки, и отражавшее на себѣ весь ужасъ картины...

— Да... Это отъ пещеры циклоповъ,—автоматически отвѣчалъ старшій братъ.

— Но боги не допустятъ до насъ этого огненнаго Флегетона,—успокоивалъ ихъ старый рабъ, самъ уже извѣрившійся въ милосердіе боговъ Гадеса.

— А эти крики съ моря, о, Боже правый!

— Море вздымается горой... Смотри! Смотри, какъ гибнутъ корабли, какъ ихъ поглощаетъ морская бездна.

— Но море зальетъ этотъ огненный Флегетонъ, великій Нептунъ не допуститъ торжества Вулкана,—говорилъ старый Канисъ, хорошо знакомый съ исторіею своихъ боговъ.—Нашъ прекрасный городъ посвященъ великому богу морей, а не свирѣпому, огненному богу Гадеса.

— Вопли людскіе смолкли,—трепетно замѣтила Кратилла, прижимаясь къ матери.

— Я боюсь, дитя мое, что несчастныхъ поглотило море,—отвѣчала Аспазія, лаская трепещущую дочь.

Они пошли по направленію къ воротамъ Геркуланума.

Въ воздухѣ стало какъ-будто тише. Дождь пепла и камней прекратился. Подземные удары не повторялись. Везувій, казалось, усталъ колебать землю и выбрасывать изъ себя молніи и громы, а, быть можетъ, это было временное затишье, болѣе страшное, чѣмъ то, что уже произошло.

Бѣглецы благополучно достигли воротъ Геркуланумскихъ, гдѣ уже начинался пригородъ Августъ-Феликсъ, юрисдикція магистра Аррія Діомеда. Въ воротахъ стоялъ тотъ же часовой, словно статуя, и живое олицетвореніе желѣзнаго Рима: этотъ слуга долга не получилъ приказа оставить свой постъ и теперь стоялъ прямо, мужественно ожидая смерти. Въ темнотѣ, при слабомъ мерцаніи фонаря, блеснулъ его мѣдный шлемъ да изъ-подъ шлема глядѣло блѣдное лицо, блѣдное, но исполненное непоколебимой твердости.

— Несчастный, спасайся, пока есть время, — сказалъ Квинтъ.

—Я не могу оставить свой постъ,—отвѣчалъ воинъ:—я не получилъ приказа... Сейчасъ проскакалъ мимо меня самъ благородный эдилъ, но онъ ничего не сказалъ, и я долженъ стоять.

— О, Римъ, Римъ! Скоро придетъ и твой конецъ,—мрачно проговорилъ сынъ Діомеда.

Пройдя нѣсколько шаговъ, бѣглецы наткнулись на трупъ лошади. Прекрасное животное было еще съ признаками жизни. Однимъ изъ упавшихъ изъ грозной тучи камней перешибло крупъ благороднаго коня. Квинтъ узналъ въ немъ любимую верховую лошадь эдила Пансы. Животное силилось поднять голову, которая тотчасъ же и падала на мостовую.

— Гдѣ же самъ эдилъ?—невольно спрашивалъ Квинтъ.

Но все, что происходило кругомъ, было такъ необычайно, что спутывало всякія представленія о добрѣ и злѣ, о жизни и смерти: не все ли равно? Вѣдь погибаетъ вся вселенная. Это насталъ тотъ «страшный судъ», о которомъ говорилъ Авениръ, тотъ послѣдній моментъ, когда погаснетъ солнце и луна ночью не дастъ своего свѣта и звѣзды спадутъ съ неба, какъ осенніе листья съ дерева... Солнце уже давно померкло, кругомъ ужасная, безпросвѣтная ночь... Oceana nox!

Вдругъ снова подземные удары потрясли воздухъ. Послышался грохотъ падающихъ зданій, портиковъ, крики еще не добитыхъ людей. Изъ горы опять вылетѣло страшное пламя съ горячимъ пепломъ и свистящими въ воздухѣ камнями. Ударомъ камня разбило и потушило фонарь въ рукѣ раба Діомедовъ.

— О, жестокіе боги! Вы еще не насытились!—вскричалъ старый Канисъ.—Сюда, сюда за мной... Тутъ вправо просторная экседра, скроемся въ ней.

Всѣ бросились за рабомъ. При блескѣ молніи онъ увидалъ темное отверстіе съ портикомъ. Это была знакомая имъ экседра, еще не разрушенная. Они поспѣшили въ нее, прижимаясь другъ къ другу. Камни стучали о прочную гранитную покрышку, не разрушая ея. Насталъ опять мракъ.

— Вѣчные боги! Кто со мной погибаетъ?—послышался изъ глубины экседры чей-то слабый голосъ, скорѣе стонъ умирающаго.—Кто вы?

— Такіе же смертные, какъ и ты, — беззвучно отвѣчалъ Квинтъ.

— Я узнаю голосъ сына Діомеда... О, благородный Квинтъ! Прости меня умирающаго... Я Панса, эдилъ Помпеи,—продолжалъ голосъ невидимаго существа.

— Благородный эдилъ,—сказалъ Квинтъ голосомъ, въ которомъ звучала жалость.—Мы сейчасъ видѣли твоего умирающаго коня.

— Бѣдный конь... Онъ убитъ и я съ нимъ... У меня все погибло... домъ разрушенъ и засыпанъ пепломъ и камнями.... Подъ развалинами его погребены моя сестра и милая Либелла... рабы и воины погибли и разбѣжались... О, Квинтъ!

Въ глубинѣ экседры послышался чей-то могучій вздохъ съ горячимъ, какъ изъ жерла печи, дыханіемъ.

— Кто еще тамъ?—испуганно спросила Кратилла.

Тамъ, въ темной глубинѣ, откуда неслось чье-то горячее дыханіе, зеленымъ фосфорическимъ свѣтомъ блеснули два страшныхъ глаза. Послѣдовалъ ударъ грома, и молнія, освѣтивъ глубь экседры, показала, кто тамъ: тамъ, забившись въ самую глубь, прятался отъ ужасовъ природы страшный левъ, Югурта; какъ робкая собаченка, онъ жался къ стѣнѣ, косматая грива его была вся въ крови. Его, повидимому, не пугали теперь люди; что-то болѣе страшное и могучее, чѣмъ люди, поразило всю его энергію; эти двуногіе, когда онъ былъ у нихъ плѣнникомъ, кормили его... Теперь онъ не былъ голоденъ: сейчасъ онъ удовлетворилъ свой двухдневный голодъ однимъ изъ этихъ двуногихъ и теперь испытывалъ только—страхъ того, что гдѣ-то гремѣло, сверкало и бросало въ него каменья... Ничего подобнаго онъ не испытывалъ въ пустыняхъ родной Нубіи... Онъ, казалось, отъ людей ждалъ защиты противъ этого непонятнаго, страшнаго... Все спуталось, законы природы потеряли и смыслъ, и разумность.

— О, Боже!—съ ужасомъ прошептала Кратилла.

Панса лежалъ съ переломленными ногами и стоналъ. При блескѣ молніи онъ закрылъ глаза. Кратилла не выдержала этого зрѣлища и залилась слезами.

Скоро каменный дождь пересталъ, и бѣглецы торопились воспользоваться временнымъ затишьемъ, чтобъ успѣть дойти до своей виллы. Братья рѣшились взять съ собой изувѣченнаго эдила, все еще надѣясь спасти его. Но едва хотѣли положить его на разостланый плащъ раба, какъ больной жалобно застоналъ

— Мы хотимъ тебя снести въ нашъ домъ, благородный эдилъ, тутъ не далеко,—сказалъ Квинтъ.

— О!—слабо простоналъ умирающій.—Оставьте меня умереть, благородные юноши. Меня поразили боги. Вулканъ... тѣни Гадеса... врата Орка разверзлись...

Онъ потерялъ сознаніе.

Когда бѣглецы достигли, наконецъ, того мѣста, гдѣ еще за нѣсколько часовъ стояла во всей красѣ роскошная вилла Діомеда, они нашли тамъ только длинное, темное возвышеніе, тянувшееся отъ того мѣста, гдѣ была пещера циклоповъ, до самаго моря, которое далеко отошло отъ вновь образовавшагося берега.

Роскошной виллы не было и слѣда. Только кое-гдѣ вдоль возвышенія вспыхивали и потухали синіе огоньки. Это все еще вспыхивала горячей сѣрой остывшая лава, похоронившая виллу Діомеда и ея обитателей.

Пораженные невыразимымъ ужасомъ, бѣглецы стояли и плакали. Миносъ жалобно вылъ

XLI.

Чуть-чуть забрежжило утро, первое утро послѣ гибели Помпеи, Геркулапума и Стабіи, этихъ драгоцѣнныхъ перловъ античнаго Рима съ богатѣйшими сокровищами искусствъ, произведеній геніальныхъ мастеровъ рѣзца и кисти; но свѣтъ этого утра былъ тусклый и печальный, исходившій откуда-то извнѣ и не освѣщавшій собою погребенныхъ подъ лавою и сѣрымъ пепломъ прекрасныхъ городовъ. Надъ ними все еще стояла ночь, и только молніи Везувія да струи горящей лавы, медленно сползавшія внизъ съ ужасной горы, прорѣзывали отъ времени до времени эту безпросвѣтную тьму.

Какъ измѣнилось все! Море далеко отодвинулось отъ погибшихъ городовъ. Цѣлые холмы пепла укрывали печальный берегъ, усѣянный кусками пемзы и камней, изъ-подъ которыхъ то тамъ, то сямъ виднѣлись полузасыпанные пепломъ трупы людей и животныхъ. Въ морѣ недвижно стояли корабли, уцѣлѣвшіе отъ гибели въ тотъ моментъ, когда море, вздымаясь отъ подземныхъ ударовъ, вмѣстѣ съ поднятіемъ берега, хлынуло было къ подножію Везувія и поглотило тысячи жертвъ.

Наши бѣглецы безмолвно шли по берегу, ища пристанища. Ужасный день и еще болѣе ужасная ночь измѣнили и ихъ такъ, какъ вся окрестная природа измѣнила лицо свое. Лица ихъ были блѣдныя, потемнѣвшія, словно бы присыпанныя пепломъ Везувія. Усталость и изнеможеніе видны были въ каждомъ ихъ движеніи, медленномъ, неровномъ. Кратилла съ поблѣднѣвшимъ, осунувшимся личикомъ и потускнѣвшими отъ слезъ и безсонницы глазами опиралась на руку Квинта. Старый рабъ поддерживалъ Аспазію. На лицѣ Курція написано было глубокое уныніе.

Бѣглецы, теперь бездомные скитальцы, думали найти убѣжище у Помпоніана, и потому направлялись къ Стабіямъ. Но,

поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла вилла Помпоніана, террасою выходившая къ морю, они не узнавали знакомыхъ имъ мѣстъ. Веселенькое, смѣющееся обиталище оратора было засыпано пепломъ и камнями, и только верхнія части бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ перистиля выглядывали изъ сѣрой массы пепла и камней, словно тѣни, выходившія изъ могилъ. Измѣнившійся до неузнаваемости берегъ, усыпанный пепломъ, былъ пустыненъ и мраченъ. Надъ моремъ жалобно кричали чайки, потерявшія свои гнѣзда.

Противъ бывшей виллы Помпоніана, недалеко отъ берега моря, бѣглецы замѣтили какую-то безформенную массу, присыпанную пепломъ Везувія. Квинту показалось, что подъ грудами пепла онъ различаетъ человѣческія фигуры. Да, это были люди.

— Можетъ быть, они еще живы,—сказалъ онъ: — нельзя ли имъ помочь?

Они приблизились. Тучное тѣло большого, крупнаго мужчины лежало навзничь. Пепелъ, казалось, пощадилъ немного эту жертву Вулкана: лицо его было мало засыпано, такъ что можно было узнать черты мертвеца.

— Боже! Это Плиній, великодушный Плиній, нашъ избавитель!—вскричала Кратилла.

Да, это былъ великій Плиній, Плиній Старшій, гордость и слава античнаго міра. Лицо его не было искажено предсмертными муками. Онъ казался болѣе спящимъ, чѣмъ мертвымъ *).

У ногъ его былъ другой трупъ, болѣе засыпанный пепломъ. Онъ, казалось, сидѣлъ, уткнувшись курчавою головою въ колѣни. Онъ имѣлъ гигантскіе члены. Въ мертвомъ гигантѣ не трудно было узнать скиѳа, который одинъ не покинулъ своего благодѣтеля, когда всѣ другіе его бросили, ища спасенія отъ неминуемой смерти.

Въ то время, когда бездомные скитальцы (въ нѣсколько часовъ террора природы наслѣдники богатаго Діомеда превратились въ бездомныхъ скитальцевъ!) стояли надъ трупами Плинія

*) Плиній Младшій въ знаменитомъ письмѣ къ историку Тациту о смерти своего великаго дяди говоритъ: «Когда снова возсіялъ свѣтъ, тѣло его найдено было въ цѣлости, безъ малѣйшаго искаженія. Одежда его не была повреждена, и онъ болѣе казался спящимъ, нежели мертвымъ» (Lib. I, ep. VI, 16).

и его вѣрнаго скиѳа, не зная, что предпринять, куда итти, гдѣ искать убѣжища, они увидѣли, что со стороны Суррентума (нынѣ Сорренто), къ тому мѣсту, гдѣ они стояли, приближалось судно. Скоро отъ судна отдѣлилась лодка и направилась къ берегу. Когда пріѣхавшіе въ лодкѣ вышли на берегъ, Квинтъ тотчасъ же узналъ между ними Помпоніана.

— О, великодушный мужъ!—воскликнулъ сынъ Діомеда, подходя къ нему.—Провидѣнію угодно вторично послать тебя на спасеніе несчастныхъ.

— Квинтъ! Достойный юноша! Ты ли это?—изумился и обрадовался Помпоніанъ.

Въ тотъ же моментъ Кратилла съ крикомъ радости бросилась впередъ и очутилась въ объятіяхъ отца. Зено оказался вмѣстѣ съ Помпоніаномъ. Эту ужасную ночь онъ провелъ въ обществѣ Помпоніана и Плинія, а передъ утромъ, послѣ одного изъ ужаснѣйшихъ изверженій страшной горы, когда уже нельзя было оставаться въ Стабіяхъ, и когда они, подъ тучами пепла, спѣшили на судно, чтобъ успѣть отплыть къ Суррентуму, куда не достигали горячая зола и падавшіе изъ огненныхъ тучъ камни, какъ Плиній упалъ на землю и моментально испустилъ духъ. Тучный и давно страдавшій одышкой, онъ задохся отъ удушливыхъ газовъ и сѣрнаго запаха, которыми переполнена была атмосфера.

Теперь они приплыли изъ Суррентума, чтобы взять тѣло Плинія и его вѣрнаго скиѳа, пользуясь тѣмъ, что терроръ природы какъ будто притихъ на время.

Но не успѣли они и подойти къ распростертымъ на землѣ мертвецамъ, какъ моментально снова дрогнула земля отъ подземныхъ толчковъ, Везувій освѣтился ужаснѣйшимъ пламенемъ, море заклокотало, какъ въ котлѣ, и въ воздухѣ засвистѣли камни среди новыхъ, страшнѣйшихъ тучъ горячаго пепла. Море опять отступало. Надо было успѣть воротиться на судно, пока еще была возможность, и Плиній опять остался одинокимъ на берегу, охраняемый мертвымъ скиѳомъ.

Пепелъ, куски пемзы и камни продолжали падать въ море и на судно, которое, подъ горячимъ дыханіемъ вѣтра, дувшаго отъ Везувія, подъ всѣми парусами неслось къ Суррентуму. Непроницаемый мракъ снова окуталъ и землю, и море, и только кратеръ Везувія, изрыгавшій огненные снопы и молніи, слу-

жилъ тѣмъ страшнымъ компасомъ, по которому ревностный кормчій Помпоніана могъ направлять судно къ скаламъ прелестнаго Суррентума, гдѣ у Помпоніана тоже была своя небольшая вилла.

— О, вѣчные боги!—съ горестью восклицалъ другъ Плинія.—Когда же минуетъ гнѣвъ вашъ, когда умолкнутъ ваши громы?

Всѣ молчали, подавленные, уничтоженные тѣмъ, что происходило вокругъ. А воспоминанія? Что перенесено въ эти немногіе часы! А память тѣхъ, которые погибли! Неподвижно, застывшіе отъ ужаса и горя, всѣ смотрѣли назадъ, на огненный конусъ горы, которая съ новой силой продолжала разрушать и заметать пепломъ и камнями то, что еще уцѣлѣло въ несчастныхъ, обреченныхъ на вѣчную гибель городахъ, еще недавно обиталищахъ веселья, счастья, любви и всѣхъ земныхъ радостей.

— А что отецъ?—спросилъ вдругъ Помпоніанъ Квинта.

— Увы! Его уже нѣтъ между живыми, — тихо отвѣчалъ сынъ Діомеда.

— Какъ!.. Что ты, несчастный!.. О, немилосердные боги!.. Онъ погибъ?.. А мать? А сестра?

— Увы! Тамъ, гдѣ они были, гдѣ стояло наше прекрасное жилище, тамъ теперь высокій, длинный холмъ изъ застывшей лавы, и только тамъ и тутъ вспыхивающіе синіе огоньки свидѣтельствуютъ, что тутъ недавно была жизнь, было счастье... На наше земное счастье упали горы и затопили огненныя рѣки...

Помпоніанъ вспомнилъ послѣднія слова, это были слова іудея Іоанна на Патмосѣ.

Прошелъ и этотъ ужасный день, прошла и еще такая же ужасная ночь.

Везувій усталъ, наконецъ! Пепелъ его, разносимый вѣтромъ, долеталъ до Африки, осаживался на развалинахъ Кароагена, на вершинахъ пальмъ Нумидіи, покрывалъ сѣрымъ налетомъ пирамиды и сфинксы Египта, опускался на берега Сиріи, Палестины и Пергама, затемняя собою свѣтъ солнца.

Но и Везувій усталъ!

На третій день показалось солнце; но оно уже не увидѣло ни мраморныхъ портиковъ, ни изящныхъ колоннъ, ни статуй боговъ и богинь и ихъ храмовъ, ни красныхъ башенъ и стѣнъ

погибшихъ городовъ. Видны были только груды пепла и камней да изрѣдка синій дымокъ застывавшихъ потоковъ лавы.

Одиноко плыло судно отъ Суррентума къ погребенному заживо городу. Это Помпоніанъ и бездомные скитальцы ѣхали за тѣломъ Плинія Старшаго и вѣрнаго скиѳа, уроженца далекой Тавроскиѳіи. Угрюмая молчаливость царствовала на берегахъ Стабій и Помпеи, гдѣ еще недавно жизнь била и клокотала кипучимъ ручьемъ. Только чайки жалобнымъ крикомъ напоминали о жизни.

Тѣло Плинія перевезли въ Мизенъ, гдѣ его встрѣтили рыдающіе сестра, племянникъ и старый другъ.

Какъ провели ужасные дни и ночи сестра Плинія, племянникъ и Агриппа, когда Вулканъ пожиралъ любимыхъ дѣтей своихъ—Помпею, Геркуланумъ и Стабіи, можно видѣть изъ письма (второго) Плинія Младшаго къ Тациту.

Вотъ этотъ драгоцѣнный голосъ современника, лично видѣвшаго Помпею и когда-то любившаго со всѣмъ пыломъ первой страсти прекрасную, но легкомысленную дочь Діомеда:

«Ты говоришь, что письмо, въ которомъ я, по твоему желанію, описалъ смерть моего дяди, возбудило въ тебѣ охоту узнать бѣдствія и опасности, которымъ подвергался я самъ, оставаясь въ Мизенѣ, какъ я сказалъ въ заключеніи. Хотя, при одномъ воспоминаніи объ этомъ времени, ужасъ объемлетъ мою душу, но я начинаю.

«По отбытіи дяди, я продолжалъ занятія, для которыхъ остался дома. Потомъ выкупался въ банѣ, поужиналъ и заснулъ сномъ безпокойнымъ и прерывистымъ. Уже за нѣсколько дней чувствовали порывы землетрясенія, но какъ въ Кампаніи подобныя явленія не рѣдкость, то оно насъ и не испугало. Въ эту ночь оно усилилось до такой степени, что казалось, будто все не только поколебалось, но и ниспровергло́сь. Мать вбѣжала въ мою комнату въ то самое время, когда я вставалъ, чтобъ разбудить ее. Мы сѣли на тѣсномъ дворѣ, отдѣляющемъ домъ отъ моря.

«Не знаю, какъ назвать это: твердостью или безпечностью восемнадцатилѣтняго юноши: я потребовалъ Тита Ливія, читалъ его, какъ бы посреди совершенной безопасности, и продолжалъ начатыя мною выписки. Другъ моего дяди (это Агриппа), недавно прибывшій изъ Испаніи для свиданія съ

нимъ, нашелъ меня и мать мою сидящихъ спокойно, а меня съ книгою въ рукахъ; онъ упрекнулъ ее въ равнодушіи, а меня въ безпечности, но я не сводилъ глазъ съ книги. Наступилъ первый часъ утра (семь часовъ пополуночи), а свѣтъ дня едва показывался, слабый и тусклый. Стѣны вокругъ насъ были разстроены частыми потрясеніями, и опасно было оставаться въ этомъ тѣсномъ мѣстѣ, хотя оно и было открыто. Мы рѣшились выйти изъ города. Испуганный народъ бѣжалъ съ нами, и какъ въ страхѣ нерѣдко случается, что мы предпочитаемъ чужое мнѣніе собственному, за нами послѣдовала толпа, тѣсня и гоня насъ.

«Вышедши изъ города, мы остановились: тамъ ожидали насъ новыя чудеса, новые ужасы. Повозки, взятыя нами съ собою, раскатывались по ровному полю во всѣ стороны, и мы тщетно старались остановить ихъ, подкладывая каменья. Море, казалось, пожрало само себя и было какъ бы отодвинуто землетрясеніемъ. Достовѣрно то, что берегъ расширился и многія морскія животныя остались на сушѣ. Съ другой стороны, ужасная черная туча, раздираемая извилистыми огнями, извергала изъ нѣдръ своихъ длинныя огненныя струи, подобныя молніямъ, но гораздо ихъ больше.

«Тогда другъ, прибывшій изъ Испаніи, сталъ уговаривать насъ сильнѣе и убѣдительнѣе. «Если твой братъ и дядя твой», сказалъ онъ намъ, «живъ еще, то, конечно, желаетъ, чтобы вы спаслись; если погибъ, то желалъ, чтобъ вы его пережили. Что жъ вы медлите бѣгствомъ?» Мы отвѣчали, что не будемъ помышлять о своей безопасности, доколѣ не узнаемъ, что сдѣлалось съ его другомъ. Не медля долѣе, онъ удалился, ища спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Вскорѣ потомъ туча спустилась на землю и покрыла море. Она облекла и скрыла отъ глазъ нашихъ Капрею и загородила мысъ Мизенскій. Мать моя просила, заклинала, требовала, чтобъ я спасался, какъ только возможно. «Ты молодъ», говорила она, «тебѣ не трудно бѣжать; я же, престарѣлая, дряхлая, умру спокойно, зная, что не была виною твоей погибели». Я объявилъ ей, что не хочу спасаться безъ нея, взялъ ее за руку и принудилъ прибавить шагу. Она неохотно мнѣ повиновалась, утверждая, что задерживаетъ меня. Пепелъ началъ сыпаться на насъ, но еще въ маломъ количествѣ. Обратясь назадъ, я увидѣлъ за нами густой дымъ: онъ, подобно потоку, стлался по землѣ и преслѣдовалъ насъ. «Отой-

демъ въ сторону», сказалъ я матери, «пока еще видно; въ темнотѣ, толпа бѣгущихъ насъ задавитъ». Лишь только мы присѣли, потемнѣло, не такъ, какъ въ мрачную, облачную ночь, а какъ въ комнатѣ, гдѣ погашены всѣ свѣчи. Слышны были только стенанія женщинъ, плачъ дѣтей, вопли мужчинъ; одинъ звалъ отца, другой сына, иной жену; узнавали другъ друга только по голосу. Одинъ страшился за себя, другой за своихъ. Нѣкоторые, боясь смерти, звали ее же на помощь. Здѣсь поднимали руки къ небу; тамъ вопили, что нѣтъ уже боговъ и что наступила послѣдняя ночь существованія вселенной. Многіе къ истиннымъ опасностямъ присовокупляли вѣсти ложныя и вымышленныя: говорили, что такое-то зданіе въ Мизенѣ обрушилось, такое-то горитъ. Эти ложные слухи принимаемы были за истину.

«Забрезжилось, но не отъ солнца, а отъ зарева угрожавшаго намъ огня, который, однако, не приближался. Мракъ наступилъ снова, и пепельный дождь посыпался сильнѣе и гуще прежняго. Мы должны были вставать и стряхивать съ себя пепелъ: въ противномъ случаѣ, онъ покрылъ и задушилъ бы насъ. Могу похвалиться, что среди сихъ грозныхъ и опасныхъ явленій, я не произнесъ ни жалобы, ни робкаго слова: меня поддерживала горестная и утѣшительная мысль, что со мною гибнетъ вселенная. Наконецъ, мгла мало-по-малу разсѣялась, какъ дымъ или облака. Вскорѣ мы вновь увидѣли свѣтъ дневной, но онъ былъ блѣденъ и тусклъ, будто при затменіи солнца. Все казалось измѣнившимся предъ нашими трепещущими глазами: груды пепла, подобно густому снѣгу, покрывали землю.

«Мы воротились въ Мизены. Расположились, кто какъ могъ и провели ночь между страхомъ и надеждою, но страхъ былъ сильнѣе. Землетрясеніе продолжалось. Испуганные люди усугубляли ужасъ свой и ближнихъ своихъ грозными предвѣщаніями. Мы перенесли уже много бѣдствій и опасались еще новыхъ, но не думали удаляться до полученія извѣстій о дядѣ.

«Прочти это описаніе, но не вноси его въ свои творенія: оно исторіи недостойно. Вини самого себя и свое любопытство, если найдешь, что оно не стоило письма. Прости!» (Lib. II, VI, 20).

Слѣдуетъ ли пояснять, что Квинтъ Діомедъ болѣе уже не разлучался съ Кратиллой?

Курцій же, затаивъ въ душѣ роковое чувство къ этой дѣвушкѣ, ушелъ въ Римъ и похоронилъ себя въ катакомбахъ, но не навсегда: онъ былъ первою жертвою, которую растерзалъ нумидійскій левъ въ новомъ Колизеѣ.

Конецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 14.

ТѢНИ МИНУВШАГО

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ДЕРЖАВНАЯ СВАХА. ЛЮБОВЬ СПАСЛА.
ПОИГРАЛИ СЪ ОГНЕМЪ. ОНЪ ИДЕТЪ.
СИЛА ВѢРЫ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

1341В Кн. 14.

ТѢНИ МИНУВШАГО.

Историческіе разсказы.

ДЕРЖАВНАЯ СВАХА.

Историческая быль 1783.

I. Монтекки и Капулетти.

— Я съ крайнимъ огорченіемъ узнала, ваше величество, что съ нынѣшняго года я лишаюсь счастія жить подъ одною кровлею съ моею государыней!

— Это почему же, княгиня?

— Я слышала, ваше величество, что въ Зимнемъ Дворцѣ очищаются комнаты только для Анны Никитишны, а для меня помѣщенія во дворцѣ уже не будетъ.

— Да, точно, милая княгиня! Такъ рѣшилъ совѣтъ въ виду пріумноженія императорской фамиліи. Перемѣны эти вызваны, какъ вамъ извѣстно, рожденіемъ великой княжны Екатерины Павловны. Анна же Никитишна остается при мнѣ, какъ ближайшая статсъ-дама.

— Но и я имѣю счастье быть статсъ-дамой вашего величества.

— Точно, милая княгиня, я рада имѣть васъ въ числѣ моихъ статсъ-дамъ; но на васъ лежатъ обязанности выше и почетнѣе простой статсъ-дамы: вы—директоръ академіи наукъ и рос-

сійской академіи предсѣдатель. Какъ же Аннѣ Никитишнѣ равняться съ вами?

— Мнѣ кажется, государыня, что близость вашего величества выше и почетнѣе всякихъ титуловъ.

— Vous me cajolez, madame la princesse *).

— Oh, non, votre majesté! Tout le monde vous cajole **)...

— О! Только не шведскій король! Онъ грозится не только васъ, княгиня, но и меня самое выгнать изъ моего Зимняго Дворца.

— Какъ, государыня! Ужели онъ позволилъ себѣ такую дерзость?

— Да, милая княгиня: отъѣзжая отъ Стокгольма къ войску въ Финляндію, онъ сказалъ своимъ дамамъ, что дастъ имъ завтракъ въ моемъ Петергофѣ. Мало того, онъ не только намъ, живымъ, грозитъ, но и мертвымъ: онъ хочетъ сдѣлать десантъ на Красной Горкѣ, выжечь Кронштадтъ, итти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I-го ***)!

— Но такъ можетъ говорить только безумецъ! Опрокинуть монументъ Великаго Петра! Это неслыханная дерзость! И я увѣрена, что ваше величество накажете безумца за такія слова.

— И накажу! Я сама выйду съ моею гвардіею къ нему навстрѣчу къ Осиповой Рощѣ ****).

— И повѣсишь его, матушка, на первой осинѣ...

— Ахъ, это ты, повѣса! Оттого и другихъ собираешься вѣшать.

— За тебя, матушка государыня, отца родного повѣшу.

Разговоръ этотъ происходилъ ровно сто лѣтъ назадъ, лѣтомъ 1788 года, на балконѣ императорскаго дворца въ Царскомъ Селѣ.

Бесѣда шла сначала между императрицею Екатериною Алексѣевною и знаменитою княгинею Екатериною Романовною Дашковою, директоромъ академіи наукъ и предсѣдателемъ россійской академіи: эти двѣ почетныя должности занимала тогда, къ уди-

---

*) Вы мнѣ льстите, княгиня.

**) О, нѣтъ, ваше величество! Весь свѣтъ льститъ вамъ...

***) Все это—подлинныя слова Густава III-го при объявленіи имъ, въ 1788 году, войны Россіи.

****) «Дневникъ» Храповицкаго, 97.

вленію всей Европы, женщина! Извѣстно, что, несмотря на предоставленіе ей такого высокаго поста, императрица не долюбливала этой женщины. На то она имѣла не мало уважительныхъ причинъ. Княгиня Дашкова, при всемъ своемъ умѣ и блестящемъ образованіи, отличалась необыкновеннымъ самомнѣніемъ и высокомѣріемъ, соединенными притомъ съ навязчивостью. Болѣе всего отдалило отъ нея императрицу то, что Дашкова, пользуясь обширнымъ знакомствомъ съ свѣтилами европейскаго ума и учености, находясь въ дружбѣ, какъ ей казалось, съ такими царями европейской мысли, какъ Вольтеръ и Дидро, хвасталась, будто бы, какъ передавали императрицѣ, что она возвела ее на престолъ, и что Екатерина не оцѣнила ея услугъ, лишивъ своей дружбы и интимности. Можетъ быть, на Дашкову и клеветали завистники и завистницы; но, во всякомъ случаѣ, отношенія обѣихъ высокихъ женщинъ были натянутыя, и Екатерина охотнѣе дѣлилась своею интимностью съ статсъ-дамою Анною Никитишною Нарышкиною или даже просто съ Марьею Савишной Перекусихиной, чѣмъ съ директоромъ академіи наукъ въ юбкѣ и чепчикѣ. Дашкова не могла не видѣть этого и потому нерѣдко припоминала слова, сказанныя ей покойнымъ императоромъ Петромъ III-мъ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, а молоденькая Дашкова, тогда еще княгиня Воронцова, была любимой наперсницей его супруги, будущей императрицы Екатерины II-й: «Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами (намекъ на свою супругу), которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку». Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что помогая вмѣстѣ съ прочими Екатеринѣ Алексѣевнѣ совершить великій государственный переворотъ, княгиня Дашкова десять разъ рисковала жизнью ради своего кумира, къ которому она обращалась съ такими восторженными словами:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,—
И, награждая всѣмъ,—тобой насъ наградила.

И вдругъ послѣ всего этого, холодность, отчужденіе. Во время знаменитаго путешествія въ новопріобрѣтенный Крымъ, императрица говоритъ Храповицкому:

— Княгиня Дашкова хочетъ, чтобъ къ ней писали, а она, ѣздя по Москвѣ, предъ всѣми моими письмами хвастается.

— Съ Дашковою хорошо быть подалѣе,—говоритъ она въ другомъ мѣстѣ *).

Надъ Дашковой, наконецъ, просто издѣваются: въ драматической пословицѣ «За мухой съ обухомъ», принадлежащей перу самой императрицы, Дашкова осмѣивается въ лицѣ сварливой бабы Пострѣловой **).

И вдругъ теперь у нея отбираютъ аппартаменты въ Зимнемъ Дворцѣ, которые она все время занимала въ качествѣ статсъ-дамы, и отдаютъ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. Въ «Дневникѣ» Храповицкаго объ этомъ такъ записано подъ 19-мъ мая 1788 года: «Выведенъ (изъ Зимняго Дворца) совѣтъ, чтобы очистить комнаты Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, но такъ расположено, чтобы не было комнатъ для княгини Дашковой. *«Съ одною хочу проводить время, а съ другою нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли»* (слова императрицы курсивомъ) ***).

— Дашкова съ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (мужемъ этой Анны Никитишны) въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла,—сострила императрица:—ссора за пять саженъ земли ****).

Нашъ настоящій разсказъ и застаетъ княгиню Дашкову въ разговорѣ съ императрицею о щекотливомъ для первой вопросѣ, о благовидномъ удаленіи ея изъ Зимняго Дворца. На этомъ разговорѣ и застаетъ ихъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ императрицы и личный, самый преданный изъ ея старыхъ друзей, попросту «повѣса Левушка» или «шпынь». Дашкова и съ нимъ находилась въ ссорѣ по поводу того, что въ издававшемся тогда при академіи подъ ея редакціею журналѣ Фонвизинъ, знаменитый авторъ «Недоросля», позволилъ себѣ

*) «Дневникъ» Храповицкаго, 33, 66.

**) Лонгиновъ. «Драматическія сочиненія Екатерины II», 23.

***) «Дневникъ» Храповицкаго, 83.

****) Этотъ и послѣдующіе разговоры императрицы — ея подлинныя историческія изреченія.

весьма злую шутку насчетъ Нарышкина: очень прозрачно намекая на него, Фонвизинъ писалъ, что въ старину шуты и шпыни придворные были просто шутами, а теперь эти же шуты, ничего не дѣлая, занимаютъ очень высокія должности при дворѣ.

Понятно, что едва Нарышкинъ появился на балконѣ, какъ Дашкова тотчасъ же откланялась императрицѣ и удалилась. Нарышкинъ сдѣлалъ неуловимую гримасу.

— Ты все тотъ же повѣса,—улыбнулась государыня.

— Тотъ же, матушка царица, и потому желалъ бы на первой осинѣ повѣсить твоего супостата! Шутка ли! За эти дни, государыня, ты успѣла даже съ лица спасть.

— Какъ не спасть, мой другъ! Столько заботъ, такая альтерація, и за всѣмъ надо самой присмотрѣть. Думается мнѣ: буде дѣло пойдетъ на негоціацію, то, можетъ быть, онъ, Густавъ, захочетъ, чтобы я признала его самодержавнымъ королемъ. Вчера всю ночь не выходило изъ головы, что онъ можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ, ибо надобно сообразоваться съ его безуміемъ, чтобы предузнать его намѣренія.

— Ахъ, государыня матушка! И не съ такими супостатами приходилось тебѣ имѣть дѣло, и всѣхъ-то ты превозмогла: не ему чета былъ Фридрихъ II.

— Да тотъ, Левушка, былъ уменъ, а этотъ дуракъ!—проговорила императрица, ударивъ рукою по бумагамъ, лежавшимъ противъ нея на столѣ,—и вотъ мнѣ пришло обдумывать и дурачества его, дабы на всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ.

— И разобьетъ, матушка, всенепремѣнно.

— Вотъ и императоръ Іосифъ пишетъ мнѣ, что хотя много видалъ дураковъ, но не знавалъ такого, который бы другихъ считалъ себя глупѣе.

— Оно такъ именно, матушка, и бываетъ, дуракъ всѣхъ считаетъ глупыми, а только себя умнѣйшимъ.

— Такъ-то такъ, мой другъ, а онъ, все-таки, хитритъ: мнѣ пишутъ изъ Стокгольма, что онъ, Густавъ, обвиняетъ меня въ томъ, будто бы я возмущаю противъ него его подданныхъ, и за то, что я въ своей нотѣ сдѣлала, яко бы, различіе между королемъ и націей, приказываетъ моему резиденту, графу Разумовскому, выѣхать изъ Стокгольма въ восемь дней, а мнѣ хочетъ писать уже изъ Финляндіи, куда и выѣхалъ къ войску.

— И отлично! Пусть идетъ разбивать себѣ лобъ,—махнулъ

рукою Нарышкинъ.—А у насъ, матушка, на плечахъ теперь болѣе серьезная негоціація.

— Какая же?—улыбнулась императрица, впередъ догадываясь, что ея испытанный другъ, Левушка, для того, чтобы нѣсколько отвлечь ее отъ государственныхъ заботъ и треволненій, навѣрное задумалъ какую-нибудь шалость.

— Да какъ же, государыня,—серьезно отвѣчалъ Нарышкинъ,—у насъ подъ бокомъ разгорается жестокая война между Монтекки и Капулетти.

— Это между Дашковой и твоимъ братомъ изъ-за клочка земли?

— Точно, государыня, между ними; но только теперь на сцену выступаютъ Ромео и Джульетта.

— Это кто же?—какъ бы машинально спросила императрица.

— Да вотъ что, матушка: братъ мой выписалъ изъ Голландіи пару превосходныхъ свиней—борова и свинью. Такъ этотъ боровъ, которому братъ и далъ кличку Ромео, чувствуя холодность къ своей подругѣ, сталъ махаться со свинкою, принадлежею княгинѣ Дашковой, и для свиданія съ ней пробирается въ садъ Дашковой, гдѣ иногда и даютъ сюрпризомъ вокальные дуэты эти новые Ромео и Юлія. А дачи ихъ, сама знаешь, матушка, по сосѣдству, садъ къ саду. Ну, и быть бѣдѣ. Уже разъ княгиня прислала брату словесную ноту, чтобы держалъ борова взаперти. А этотъ голландецъ, матушка, любитъ свободу, не то, что у насъ; Ромео не выноситъ хлѣва и визжитъ, точно его рѣжутъ. Ну, братъ и не велитъ его запирать, а онъ сейчасъ же и къ Джульеттѣ *).

Но Нарышкину не удалось развлечь императрицу. Въ дверяхъ показался графъ Безбородко съ бумагами въ рукахъ.

— Съ манифестомъ?—спросила государыня, отвѣчая на низкій поклонъ графа.

— Съ манифестомъ, ваше величество,—отвѣчалъ пришедшій, подавая папку съ бумагой.

Императрица взяла папку, развернула ее, внимательно про-

---

*) Исторія ссоры между княгинею Дашковою и оберъ-шенкомъ Нарышкинымъ изъ-за свиней также не выдумана нами; она сохранилась въ оффиціальной перепискѣ того времени.

чла манифестъ, объявлявшій войну Швеціи, и три раза набожно перекрестившись, твердою рукою подписала его.

— Быть по сему!—какъ бы про себя сказала она.—На начинающаго Богъ.

II. Тайное свиданіе.

Дачи двухъ враждовавшихъ при дворѣ Екатерины II-й высокопоставленныхъ особъ, статсъ-дамы княгини Дашковой и оберъшенка Александра Нарышкина, дѣйствительно находились бокъ-о-бокъ, около Царскаго Села, собственно въ Софіевкѣ. Онѣ раздѣлялись довольно высокимъ заборомъ, который, кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ густо окаймляли кусты бузины и сирени.

Въ ночь, слѣдовавшую за подписаніемъ манифеста о войнѣ съ Швеціею, 30-го іюня 1788 года, въ Царскомъ Селѣ и на дачахъ вельможъ, ютившихся около царской лѣтней резиденціи, было необыкновенно тихо. Императрица вслѣдъ за подписаніемъ манифеста тотчасъ уѣхала въ Петербургъ, чтобы отслужить молебенъ въ Петропавловскомъ соборѣ, а за нею послѣдовалъ въ городъ весь дворъ и всѣ вельможи, жившіе по своимъ дачамъ въ Царскомъ и въ его окрестностяхъ. Все стремилось въ Петербургъ потому еще болѣе, что послѣ молебна наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ долженъ былъ отправляться въ Финляндію съ кирасирскимъ имени его высочества полкомъ.

Тревожное состояніе Двора немедленно передалось всему населенію Петербурга и его окрестностей, особенно, когда стало извѣстно, какія дерзкія требованія предъявлялъ шведскій король: онъ требовалъ, чтобы Россія возвратила ему Финляндію, чтобы недавно завоеванный Крымскій полуостровъ отданъ былъ опять султану и т. д.; напоминалъ даже Пугачова, на что императрица, читая его высокомѣрную ноту, съ улыбкой замѣтила приближеннымъ:

— Il cite son confrère Pouhaschoff.

Какъ бы то ни было, но въ ночь на 1-е іюля 1788 года Царское и сосѣднія дачи замѣтно опустѣли. А извѣстно, что когда хозяевъ нѣтъ дома, то мыши свободно по столамъ разгуливаютъ, а когда господъ нѣтъ дома, то прислуга господствуетъ.

Такъ было и теперь. Несмотря на непримиримую вражду сосѣднихъ дачъ—Дашковой и Нарышкиныхъ, вмѣстѣ съ императрицею уѣхавшихъ въ городъ, въ ночь на 1-е іюля замѣтны были

дружескія, хотя тайныя, сношенія между этими враждующими дачами. Такъ какъ лѣтнія петербургскія ночи очень прозрачны, то и видно было, какъ около 12-ти часовъ ночи къ бузиновымъ и сиреневымъ кустамъ, раздѣлявшимъ вмѣстѣ съ заборомъ обѣ дачи, съ той и другой стороны прокрадывались двѣ человѣческія фигуры: отъ Нарышкиныхъ мужская, отъ Дашковой женская. Скоро мужская фигура непонятно какимъ чудомъ очутилась по эту сторону забора, подъ сиреневымъ кустомъ, росшимъ въ саду Дашковой. Подъ этимъ же развѣсистымъ кустомъ мелькало уже и женское платье.

— Здравствуй, Пашенька,—послышался мужской шопотъ.

— Здравствуйте. Егорушка,—робко отвѣчалъ шопотъ женскій.

Послѣдовавшія затѣмъ нѣсколько мгновеній абсолютной тишины подъ сиреневымъ кустомъ даютъ поводъ подозрѣвать, что Егорушка и Пашенька цѣловались. Ну, и пускай ихъ!

— А я сегодня ужъ третій разъ прихожу сюда, а тебя все не было,—прошепталъ мужской голосъ.

— Боялась я, Егорушка,—отвѣчалъ женскій.

— Чего же, Паша, вить, господа всѣ въ городѣ.

На это не послѣдовало никакого отвѣта, только въ царскосельскомъ паркѣ послышались задорныя пощелкиванья соловья.

— А, Паша, чего жъ ты опасалась?—повторилъ мужской голосъ.

— Эхъ, Егорушка! Мнѣ бы и вовсе не слѣдъ ходить сюда.

— Отчего же? Развѣ ты меня не любишь?

— Нѣтъ, Егоръ Петровичъ, вы сами знаете, что я люблю васъ; только моя барыня никогда не согласится отдать меня за васъ замужъ. Сами знаете, что моя княгиня на вашего барина и на барыню адомъ дышетъ. А сегодня воротилась изъ дворца, какъ полоумная какая, и вашихъ господъ на чемъ-свѣтъ лаяла: досталось и барынѣ, а особливо Льву Александрычу! и наушникъ-то онъ государынинъ, и шпынь, и передатчикъ. Опосля, когда я ей волосы причесывала къ выѣзду, стала плакать: говоритъ, будто ваши господа и съ государыней ее нарочно поссорили, что государыня не хочетъ ее и въ Зимнемъ Дворцѣ около себя видѣть, и наши комнаты во дворцѣ подъ вашу барыню отдаетъ. Сами теперь посудите, Егоръ Петровичъ, какъ я сунусь къ ней послѣ этого съ моимъ дѣломъ? Ежели-бъ вы были не На-

рышкиныхъ господъ, тогда другое дѣло: княгиня меня не то что любятъ, а просто балуютъ; я у нихъ хожу, сами видите, какъ куколка, всегда разряженная и ни въ чемъ мнѣ запрету нѣтъ. А тутъ, что и говорить! Я, кажись, готова руки на себя наложить, зачѣмъ я васъ полюбила!

Послышались тихія всхлипыванья; а соловей все раздражительнѣе и раздражительнѣе заливался въ ночной тишинѣ.

— Паша! Милая! Не плачь только!—утѣшалъ мужской голосъ.—Я все сдѣлаю, чтобы намъ повѣнчаться. Потерпи только малость. Вить, ты не перестарокъ какой, тебѣ только семнадцатый годъ пошелъ.

— Ахъ, Егоръ Перовичъ, я и пять лѣтъ готова терпѣть, только бы вы были моимъ суженымъ.

— И буду, Паша, я на все пойду. Я ужъ думалъ объ этомъ и, кажись, надумалъ.

— Что жъ вы надумали?

— А вотъ что: тебя знаетъ Марья Савишна?

— Еще бы! Во дворцѣ жила, какъ ей меня не знать? Всякій разъ при встрѣчѣ «аленькимъ цвѣточкомъ» меня называетъ. Меня и государыня знаютъ: разъ какъ-то княгиня посылали меня съ однимъ узоромъ къ Марьѣ Савишнѣ, и вдругъ къ ней сама государыня! Я, знамо, низехонько поклонилась и къ сторонкѣ, а они замѣтили меня, да и говорятъ такъ милостиво: «а, Марья Савишна, у тебя гостья, да еще какая! Самому директору академіи пудритъ голову». Это княгинѣ-то. А Марья Савишна и говоритъ: «точно, государыня, это «аленькій цвѣточекъ». Я такъ и сгорѣла вся.

— Ну, вотъ видишь Паша, такъ мы черезъ Марью Савишну: она сколько ужъ дворскихъ дѣвушекъ повыдала замужъ! И насъ благословитъ, до самой государыни наше дѣло доведетъ.

Вдругъ въ ночной тишинѣ послышался стукъ приближающейся кареты, и скоро затѣмъ она остановилась у дачи княгини Дашковой.

— Ахъ, матушки! Это наша карета,—послышался испуганный женскій шопотъ подъ кустомъ сирени,—княгиня, знать, не ночуетъ въ городѣ... Прощайте, Егорушка!

И въ кустахъ прошуршало женское платье.

III. Пропавшіе слѣды и подозрительный платокъ.

На другой день княгиня Дашкова проснулась по обыкновенію очень рано и отправилась на веранду, выходившую въ садъ. Веранда обставлена была зеленью и цвѣтами, до которыхъ княгиня была большая охотница. Утро было прелестное, и хотя Екатерина Романовна послѣ вчерашнихъ объясненій съ государыней находилась въ мрачномъ настроеніи духа, однако, и на нее оживляюще подѣйствовала эта чарующая тишина лѣтняго утра, и позолоченная солнцемъ зелень, и голубое небо, напоминавшее ей одно незабвенное утро въ волшебномъ Сорренто. Въ самомъ дѣлѣ, неужели она, княгиня Дашкова, которая пользуется дружбою величайшихъ геніевъ Европы, свѣтилъ ума и науки, можетъ завидовать какой-нибудь Нарышкиной, никому неизвѣстной? Что она? Придворная свѣтская дама, просто баба, и больше ничего. Не княгинѣ Дашковой, директору академіи наукъ и предсѣдателю россійской академіи, завидовать предпочтенію какой-нибудь статсъ-дамы: подобная зависть это холопское чувство. «Ближе къ самой... Что жъ! Камердинеръ Захаръ еще ближе, журитъ ее каждый день: такъ и Захаркѣ завидовать?.. А Марья Савишна еще ближе... Нѣтъ, я не хочу быть холопкой!».

Эти соображенія окончательно ее утѣшили, и она весело взглянула на Пашу, свою хорошенькую камеръ-юнгферу, когда та въ своемъ свѣтленькомъ платьицѣ вынесла на веранду кофе для княгини.

— Какая ты сегодня, Паша, авантажная,—ласково кинула княгиня,—точно за ночь похорошѣла.

Дѣвушка вспыхнула и стала еще миловиднѣе въ своемъ молодомъ смущеніи.

— Ужъ не влюблена ли? А? Ишь, плутовка!

— А развѣ отъ эстаго, ваше сіятельство, хорошѣютъ?—съ наивной стыдливостью спросила дѣвушка.

— Какъ же! Когда дѣвушка полюбитъ, она сразу хорошѣетъ: недаромъ древніе говорили, что влюбленной сама богиня любви даетъ взаймы частицу своей красоты.

Но вдругъ вниманіе княгини было привлечено чѣмъ-то въ саду, подъ верандою.

— Что это? Мои цвѣты помяты? Грядки изрыты?

Княгиня быстро спустилась съ веранды. Если бы она въ эту

минуту взглянула на Пашу, то увидѣла бы, что розовыя щеки дѣвушки покрылись смертной блѣдностью. Она одна знала, какъ и по чьей винѣ это произошло. Зная притомъ, какъ княгиня любила цвѣты и эти грядки и клумбы, которыя она сажала собственными руками, Паша не сомнѣвалась, что виновниковъ этого безпорядка въ саду неминуемо ждетъ Сибирь. Въ то время помѣщики имѣли право не только брить лбы своимъ крѣпостнымъ, но собственною властью и ссылать въ Сибирь на поселеніе. Паша съ трудомъ удержалась на ногахъ, схватившись за перилы веранды.

Навстрѣчу княгинѣ шелъ старый садовникъ. Сѣдая голова его тряслась отъ волненія.

— Видишь это?—съ недоумѣніемъ и со строгостью въ голосѣ спросила Екатерина Романовна.

— Вижу-съ, матушка ваше сіятельство, — съ покорностью судьбѣ отвѣчалъ старикъ.

— Кто жъ это надѣлалъ? Неужели свиньи?

— Полагать надоть, ваше сіятельство, что свиньи-съ.

— Но откуда? Какъ? У меня свиней нѣтъ. Значитъ, садъ былъ отпертъ?

— Запертъ былъ-съ, ваше сіятельство, и ключъ у меня на гайтанѣ-съ.

— Такъ какъ же? Откуда? Отъ Нарышкиныхъ? Но какъ же черезъ заборъ? Тутъ и собака не перескочитъ; а какъ же свиньи перелѣзутъ?

— И ума не приложу, матушка.

— Развѣ есть дыра въ заборѣ?

— Искалъ, ваше сіятельство: нигдѣ и щелиночки нѣтути.

— А слѣды есть?

— Такъ точно, есть, ваше сіятельство.

— А куда ведутъ?

— Вонъ въ тѣ сиреневые кусты и тамъ пропадаютъ: точно проклятыя твари съ неба свалились, прости, Господи!

Собралась дворня. Начали шарить по всѣмъ закоулкамъ, въ саду, по аллеямъ, по кустамъ. Освидѣтельствовали заборъ, прилегающій къ саду Нарышкиныхъ: всѣ доски цѣлы, ни малѣйшаго отверстія. А между тѣмъ слѣды свиныхъ ногъ явственны и, дѣйствительно, пропадаютъ въ сиреневыхъ кустахъ.

— А вотъ я барскую ширинку нашелъ!—раздался вдругъ изъ самой гущины кустовъ голосъ поваренка Илюшки.

— Какую ширинку? Давай сюда!

Поваренокъ вылѣзъ изъ кустовъ. Въ рукахъ у него былъ батистовый платокъ.

Показали платокъ княгинѣ. На лицѣ ея выразилось глубокое изумленіе. Платокъ былъ надушенъ модными духами, платокъ тонкій, барскій, и княгиня даже отшатнулась: на платкѣ вензель и гербъ Нарышкиныхъ! А самый вензель Льва Нарышкина, Левушки, знаменитаго оберъ-шталмейстера и любимца императрицы, однимъ словомъ, «шпыня»!

Княгиня обвела всѣхъ недоумѣвающимъ взоромъ. Какъ! Неужели этотъ старый сатиръ былъ у нея въ саду? Но зачѣмъ? Развѣ шпіонилъ?

Но откуда свиные слѣды? Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ на ночь обращался въ сатира съ козлиными ногами? Вѣдь, слѣдовъ козлиныхъ не отличишь отъ свиныхъ слѣдовъ. Дашкова готова была вѣрить существованію сатировъ.

Потомъ она подозрительно взглянула на Пашу... «За ночь похорошѣла... Неужели это Левъ паушникъ? Не можетъ быть! А впрочемъ»...

Она что-то сообразила и унесла платокъ на веранду.

— По ниточкѣ доберусь и до клубочка,—думала она, садясь къ столу, на которомъ стоялъ простывшій кофе.

IV. «Императрица—Захара боится!»

Между тѣмъ, тотъ, кого Іосифъ II и Екатерина II называли то «дуракомъ», то «донъ-Кихотомъ», «l'emule du héros de la Manche» *), то «Горе-Богатыремъ Касиметовичемъ» и другими презрительными прозвищами, причинялъ всѣмъ громадное безпокойство. Императрица по этому поводу то и дѣло жаловалась Храповицкому, что у нея «отъ заботъ дѣлается алтерація» **).

Да и было отчего быть «альтераціи». Дни стояли жаркіе, а о жизни на дачѣ, въ Царскомъ Селѣ и думать было нечего. Съ объявленіемъ манифеста о войнѣ, 30-го іюня, императрица переѣхала въ городъ. На плечахъ двѣ войны разомъ—шведская и турецкая. Въ тотъ же день, 30-го іюня, получается извѣстіе, что шведскій флотъ, приближаясь къ Ревелю, успѣлъ захватить

*) Муломъ героя Ламанчи.

**) Храповицкій. «Дневникъ», 95

два нашихъ фрегата—«Гектора» и «Ярославца». Дурной знакъ! Хотя на молебствіи въ Петропавловскомъ соборѣ императрица и была утѣшена «очень великимъ многолюдствомъ» молящихся и выразилась предъ приближенными, что «въ Петербургѣ шведовъ замечутъ каменьями съ мостовой» (шапками закидаемъ), однако, тотчасъ же велѣла изготовить указы «о вольномъ наборѣ людей въ Петербургѣ» и о «наборѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ новгородскихъ и тверскихъ», наконецъ,—«о вольномъ наборѣ изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства». Мало того, изъ содержавшихся въ крихрехтѣ (подъ военнымъ судомъ) отъ полевыхъ полковъ приказала простить около ста человѣкъ для укомплектованія командъ, а изъ «арестантовъ по морской службѣ» велѣла простить болѣе полутораста человѣкъ, чтобъ только было кого послать на корабли. Волнуясь, она не знала, чѣмъ угодить солдатикамъ: такъ, 7-го іюля она на свои собственныя деньги купила сто быковъ, заплативъ 2,006 р. и послала въ подарокъ солдатикамъ—пусть кушаютъ на здоровье! А когда черезъ нѣсколько дней Храповицкій поднесъ ей «дешевые антики», до которыхъ императрица была охотница и постоянно покупала, она отрѣзала Храповицкому:

— Не надо... Я лучше куплю быка, чтобъ послать солдатамъ.

9-го іюля выступила въ походъ гвардія. Императрица пожаловала по рублю на каждаго и подарила 150 быковъ. Она особенно опасалась, чтобъ чрезъ Нейшлотъ шведы не овладѣли Ладожскимъ озеромъ и не отрѣзали совсѣмъ Петербурга.

— Правду сказать,—съ неудовольствіемъ воскликнула при этомъ императрица,—Петръ Первый близко сдѣлалъ столицу.

— Онъ ее основалъ, ваше величество, прежде взятія Выборга,—возражали ей,—слѣдовательно, государь надѣялся на себя.

Императрицу безпокоила также участь нашего посла въ Стокгольмѣ, графа Разумовскаго, и она успокоилась только тогда, когда узнала, что онъ, возвращаясь въ Россію моремъ, пересѣлъ на купеческое судно съ шведской казенной яхты, которая была «очень дурна и опасна».

— Король хотѣлъ его утопить!—съ негодованіемъ замѣтила государыня.

Равнымъ образомъ она опасалась и за жизнь барона Ноль-

кена, посла короля шведскаго при дворѣ Екатерины, который съ открытіемъ военныхъ дѣйствій долженъ былъ возвратиться въ Стокгольмъ.

— Король золъ на меня и на Нолькена,—выразилась при этомъ императрица,—и на обѣихъ *) насъ солгалъ въ своемъ сенатѣ. Нолькену онъ голову отрубитъ, но мнѣ не можетъ!

Въ это тревожное для Екатерины время придворный увеселитель ея или «шутъ», «шпынь», какъ назвалъ его Фонвизинъ, Левушка Нарышкинъ изъ кожи лѣзъ, чтобы какимъ-нибудь дурачествомъ развлечь свою повелительницу.

Когда получено было извѣстіе о первомъ удачномъ морскомъ сраженіи со шведами и о взятіи въ плѣнъ адмираломъ Грейгомъ 70-ти пушечнаго корабля «Prince Gustave» подъ вице-адмиральскимъ флагомъ вмѣстѣ съ адмираломъ графомъ Вахтмейстеромъ и его экипажемъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ явился первымъ поздравить императрицу съ побѣдой.

— Поздравьте и насъ, матушка государыня,—прибавилъ онъ съ шутовскою серьезностью.

— Съ чѣмъ же, мой другъ?

— Съ первою выигранною нами баталіею, только не на морѣ, а на сушѣ.

— Кто же одержалъ побѣду и надъ кѣмъ?

— Мы, Монтекки, нанесли первое пораженіе своимъ врагамъ, дому Капулетти.

— А! Догадываюсь,—улыбнулась государыня. — Княгинѣ Дашковой?

— Такъ точно, государыня. Вообрази, матушка, что она теперь обо мнѣ плещетъ?

— А что?—спросила императрица.—Ты же самъ, я думаю, напроказилъ?

— Нѣтъ, матушка, не проказилъ я; а она, эта Пострѣлова, распускаетъ подъ рукой слухъ, будто бы я махаюсь, съ кѣмъ бы вы, матушка, думали?

— Съ самою княгинею?

— Нѣтъ, съ ея горничною, съ Пашею.

— Ахъ, это та хорошенькая ея камеристочка, которая, какъ говоритъ Марья Савишна, пудритъ голову самому директору

*) Императрица такъ и сказала: обѣихъ, а не обоихъ. По ея грамматикѣ—женскій родъ предпочтенъ мужскому.

академіи наукъ? Что жъ, Левушка, у тебя губа не дура, хотя ты и старше ея больше чѣмъ на сорокъ лѣтъ. Но это ничего, въ любви разница лѣтъ не имѣетъ значенія: вонъ шестнадцатилѣтняя Мотренька Кочубей любила же семидесятилѣтняго Мазепу, да еще какъ любила *)!

— Точно, государыня, года тутъ не значутъ ровно ничего; но дѣло въ томъ, что княгиня Дашкова нашла у себя въ саду платокъ съ моимъ вензелемъ и гербомъ и убѣждена, что Ромео-то—я, что я лазилъ ночью къ ея Джульеттѣ—къ Пашкѣ и обронилъ тамъ платокъ.

— Такъ какъ же, въ самомъ дѣлѣ, твой платокъ попалъ къ ней въ садъ?—спросила императрица, заинтересованная этимъ случаемъ.

— Да тутъ, матушка, цѣлый романъ и очень сложный,—отвѣчалъ Нарышкинъ.—Въ ночь на 1-е іюля, когда вы, государыня, по подписаніи манифеста о войнѣ съ Горе-Богатыремъ Касиметовичемъ изволили переѣхать въ городъ, въ эту ночь, къ утру, въ садъ Дашковой забрались свиньи моего брата и, со свойственной имъ любознательностью, перерыли своими учеными пятачками нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ у господина директора академіи наукъ. Княгиня замѣтила это поутру и подняла цѣлую баталію: какъ могли попасть къ ней въ садъ любознательные четвероногіе ботаники, когда садъ ея точно укрѣпленія Свеаборга? Искали, искали, нигдѣ нѣтъ мѣста для пролаза свиней, а слѣды свинскихъ ногъ явственны. Не съ неба же свиньи валятся. И вдругъ въ сиреневыхъ кустахъ, гдѣ кончались слѣды свинскихъ ногъ, находятъ мой платокъ, да еще надушонный! Ясно, что я былъ въ саду на свиданьѣ съ Пашкой и я же, на зло княгинѣ, приводилъ съ собою свиней. Какова промеморія, матушка!

Императрица, дѣйствительно, недоумѣвала и вопросительно глядѣла на Нарышкина.

— Какъ же это такъ? Что тутъ за мистерія?—спросила она.

— Воистину мистерія, матушка,—загадочно отвѣчалъ старый шутникъ.—Помните, государыня, вамъ надняхъ подали списокъ купленныхъ для Эрмитажа французскихъ книгъ, и вы очень смѣялись, увидя книжицу—«Lucine sine concubitu, lettre dans

*) Императрица ошибалась: Мазепѣ тогда было 79 лѣтъ.

laquelle il est demontré, qu'une femme peut enfanter sans commerce de l'homme» *), и сказали: «c'est le rayon du soleil **), а въ древнія времена отговоркою служилъ Марсъ, Юпитеръ и прочіе боги, да и всѣ Юпитеровы превращенія—все это была удачная отговорка для погрѣшившихъ дѣвокъ». Такъ и тутъ, государыня: княгиня Дашкова убѣждена, что я, подобно Юпитеру, превращался въ голландскаго борова, чтобы видѣться съ ея Пашкой, и во время свиданья потерялъ свой платокъ: оттого и свинскіе слѣды остались въ саду.

Государыня невольно разсмѣялась.

— Правда, я говорила это,—сказала она,—а что же тутъ на самомъ дѣлѣ было? Все это твои штуки!

— Нѣтъ, государыня: я тутъ неповиненъ, какъ младенецъ.

— Такъ что же? Шведскій король, что ли, интригуетъ?

— Нѣтъ матушка, это дѣло моего Егорки.

— Какой же еще тамъ Егорка?

— А лакей у меня такой былъ, малый ловкій, способный и очень нравился брату моему, Александру. Когда я взялъ къ себѣ въ камердинеры отъ графа Сегюра француза Анри, я Егорку и подарилъ брату, а въ приданое ему далъ свои старые камзолы, чулки, башмаки и носовые платки. Онъ же любитъ одѣваться щеголемъ. Вотъ ему-то и приглянулась Паша.

— Такъ вотъ кто Ромео?—улыбулась Екатерина:—Твой Егорка?

— Точно, государыня,—отвѣчалъ Нарышкинъ,—все же это лучше, чѣмъ голландскій боровъ. Егорка и очутился въ роли Юпитера и Ромео. Онъ мнѣ во всемъ чистосердечно сознался: люблю, говоритъ, Пашу, и жить безъ нея не могу. Въ ночь на 1-е іюля онъ и забрался въ садъ къ Дашковой для свиданья съ своею Джульеттой. А такъ какъ въ ту ночь въ Зимнемъ Дворцѣ не нашлось мѣста для княгини Дашковой, то она, въ страшной злобѣ на Анну Никитишну, и воротилась почевать къ себѣ на дачу, въ Царское. Влюбленные не ожидали ея, но когда заслышали стукъ кареты и увидѣли, что барыня воротилась, съ испугу разбѣжались въ разныя стороны, и тутъ-то Егорка въ торопяхъ обронилъ надушенный платокъ, махая которымъ, прель-

---

*) Дѣвица Люцина, или записки, въ которыхъ доказывается, что женщина можетъ имѣть дѣтей и безъ содѣйствія мужчины.

**) Это солнечный лучъ.

щалъ свою Джульетту. Когда утромъ сдѣлалась суматоха, то платокъ и нашли въ кустахъ. Егорка же въ торопяхъ сдѣлалъ и другую оплошность. Чтобы видѣться по ночамъ съ своею возлюбленной, онъ искусно вынулъ изъ забора, отдѣляющаго садъ Дашковой отъ братнина сада, двѣ доски, а потомъ, убѣгая домой, при видѣ кареты, съ испугу позабылъ заложить брешь въ заборѣ, свиньи почью и забрались къ Дашковой въ садъ. Егорка къ утру спохватился, да было уже поздно: свиньи порядкомъ изрыли садъ, хотя онъ и выгналъ ихъ оттуда, когда всѣ еще спали, и успѣлъ опять ловко заложить брешь въ заборѣ. Вотъ, государыня, вся эта сложная исторія, исповѣдуюсь вамъ, какъ на духу.

Императрица задумалась. Проказы Нарышкина, повидимому, мало отвлекли ея мысли отъ обычныхъ заботъ, хотя она сама любила повторять русскую пословицу: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ—дѣло отъ этого только выиграетъ».

— Но какъ же, Левъ Александровичъ,—спросила она серьезно,—вѣдь, героиня твоего романа можетъ пострадать: княгиня Дашкова не любитъ шутить.

— Я объ этомъ и осмѣлился доложить вашему величеству,—отвѣчалъ серьезно и Нарышкинъ.—Мы всѣ, ваши подданные, привыкли считать васъ, всемилостивѣйшая государыня, своею матерью. Матушка!

Нарышкинъ упалъ на колѣни и благоговѣйно прикоснулся губами къ краю одежды государыни.

— Матушка! Ты, какъ солнце съ небеси, взираешь на правыя и неправыя, и свѣтъ твоей правды, какъ свѣтъ божьяго солнца, отражается и въ великомъ океанѣ подвластной тебѣ россійской имперіи и въ скромномъ ручейкѣ! Матушка! Великая и правдивая!

Императрица силилась остановить его

— Полно, Левъ Александровичъ,—сказала она со слезами на глазахъ,—ты совсѣмъ захвалишь меня, полно, мой другъ.

— Нѣтъ, великая царица!—продолжалъ Нарышкинъ.—Твое царственное сердце вмѣщаетъ въ себѣ заботы обо всѣхъ насъ: въ эти тревожные дни ты у себя отнимала лучшій кусокъ, чтобы послать его твоимъ солдатикамъ-героямъ; ты какъ мать оплакивала болѣзнь Грейга, твоего вѣрнаго слуги; ты одна за

всѣхъ, и для тебя всѣ равны, всѣ твои дѣти, и свѣтлѣйшій князь Таврическій, и эта бѣдная дѣвушка Паша. Будь же ей матерью, прими подъ свой покровъ! Правъ авторъ «Фелицы», обращаясь къ тебѣ:

Еще-же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

За дверью послышался чей-то сердитый кашель.

— Ай-ай, Левушка!—встрепенулась императрица,—Захаръ сердится... Достанется мнѣ отъ него сегодня, я тамъ нечаянно весь столъ залила чернилами... Ну, будетъ мнѣ за это...

— Великая! Великая! — въ умиленіи повторилъ Нарышкинъ.—Императрица Захара боится.

V. Прерванныя воспоминанія

Въ пасмурныя октябрьскія сумерки того же 1788 года княгиня Екатерина Романовна Дашкова сидѣла одна въ своемъ кабинетѣ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ. Чувствуя себя обиженной при дворѣ, она и на осень осталась на дачѣ.

Княгиня сидѣла у письменнаго стола, заваленнаго бумагами и книгами, и освѣщеннаго нѣсколькими канделябрами съ огромными восковыми свѣчами. Она была одна.

Противъ нея, освѣщенныя яркимъ огнемъ свѣчей, горѣли на стѣнѣ двѣ золотыя рамы, и съ полотна, окаймленнаго этими рамами, глядѣли на нее два женскихъ лица. Одно изъ нихъ— молодое, свѣжее, прекрасное, полное юношеской энергіи и дѣвственной граціи. Свѣтлое платье, облекавшее собою стройную фигуру молодой женщины, придавало всей картинѣ видъ только что распустившейся бѣлой розы. Съ другого полотна глядѣло на нее, повидимому, то же лицо, но значительно старѣе, серьезнѣе и вдумчивѣе. Чѣмъ особенно поражало это второе лицо, такъ это тѣмъ, что оно, какъ будто, принадлежало мужчинѣ: вся фигура, въ черномъ, мало того, въ мужскомъ камзолѣ съ манжетами и со звѣздой на выпуклой женской груди. И то, и другое лицо, и юное и пожилое, принадлежало княгинѣ Дашковой, той, которая теперь сидѣла противъ нихъ и съ грустной

задумчивостью на нихъ глядѣла. Это были ея портреты—одинъ, когда она была еще графиней Воронцовой и ей только что исполнилось семнадцать лѣтъ, другой—когда ей было уже за сорокъ и она титуловалась княгинею Дашковой, директоромъ академіи наукъ и предсѣдателемъ россійской академіи.

Глядя теперь на оба свои изображенія, она мысленно, съ грустью и горечью, переживала всю свою, полную глубокихъ впечатлѣній и жестокихъ разочарованій, жизнь.

Ей въ эти осеннія сумерки невольно припомнился теперь тотъ вечеръ, когда она въ первый разъ познакомилась съ той, которая наноситъ ей теперь такія невыносимыя оскорбленія. Это было около тридцати лѣтъ назадъ, въ домѣ ея дяди, графа Михаила Илларіоновича Воронцова, у котораго она воспитывалась, оставшись сиротою. Та, которая теперь рѣжетъ на части ея сердце, была тогда еще великою княгинею, цесаревною. Впродолженіи всего этого памятнаго вечера цесаревна обращалась только къ ней; разговоръ цесаревны восхищалъ ее, побѣждалъ неотразимо: обширныя познанія, возвышенныя чувства цесаревны, все это казалось юной энтузіасткѣ выше всего, о чемъ могло мечтать самое пламенное воображеніе.

О! Какъ она помнитъ этотъ вечеръ! Сколько юныхъ грезъ и надеждъ онъ возбудилъ въ ней! Какъ беззавѣтно она повѣрила тогда въ вѣчность дружбы, въ неизмѣнную до гроба симпатію душъ и какъ пламенно отдалась она тогда этой святой вѣрѣ! И что же! Все это было только сонъ... А возвышенныя чувства той, которая всецѣло плѣнила ея юную, неопытную душу, были только слова, слова, слова! Мѣдь звенящая, а не сердце, фразы безъ души...

Да, она помнитъ этотъ вечеръ. Прощаясь тогда съ хозяевами, цесаревна нечаянно уронила вѣеръ. Юная, очарованная ею до обожанія графиня, вонъ та, наивная рожица которой теперь смотритъ на нее съ перваго полотна, поспѣшила поднять вѣеръ и подала цесаревнѣ съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ вѣрующіе приближаются къ святынѣ; но она, не принимая вѣера, поцѣловала юную энтузіастку и просила сохранить эту бездѣлушку, какъ память о первомъ вечерѣ, проведенномъ ими вмѣстѣ... «Надѣюсь, что этотъ вечеръ положитъ начало дружбѣ, которая кончится только съ жизнью друзей»,—закончила она.

«Съ жизнью друзей»... О, какую глубокую, обидную иронію создала сама жизнь изъ этихъ словъ!

Та юная, улыбающаяся, которая смотритъ теперь на нее съ перваго полотна, завѣщала было положить этотъ вѣеръ съ собою въ гробъ; но эта другая, пожилая, со звѣздою на груди, та, которая задумчиво глядитъ со второго полотна, не сдѣлаетъ уже этого, нѣтъ, не сдѣлаетъ...

— Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами, которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку,—снова вспоминаетъ она теперь слова, сказанныя ей тогда же супругомъ ся кумира, пророческія слова!

Княгиня откидывается въ креслѣ и съ грустной задумчивостью глядитъ на юное личико, выходящее, какъ живое, съ перваго полотна.

— Бѣдное дитя! — шепчутъ ея губы съ любовью. — Ты искренно вѣрила, когда писала къ своему кумиру:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,
И, награждая всѣмъ, тобой насъ наградила.

— Да, ты вѣрила, бѣдная, невинная дѣвочка.

Княгиня, какъ бы, что-то мгновенно вспомнила и отворила одинъ изъ ящиковъ стола, за которымъ сидѣла. Вскорѣ она вынула оттуда листъ почтовой бумаги, кругомъ исписанный и пожелтѣвшій отъ времени.

— Ровно тридцать лѣтъ, какъ это писано, и какъ полиняло написанное, какъ все полиняло! Помнишь это?—обратилась княгиня къ юному лицу, глядѣвшему на нее съ перваго полотна.—Это она писала тебѣ по поводу того твоего четверостишія, помнишь? Хочешь, я прочту тебѣ его, это полинявшее письмо? Слушай.

«Какіе стихи! Какая проза! И это въ семнадцать лѣтъ! Я васъ прошу, скажу болѣе, я васъ умоляю не пренебрегать такимъ рѣдкимъ дарованіемъ. Я могу показаться судьею не вполнѣ безпристрастнымъ, потому что въ этомъ случаѣ я сама стала предметомъ очаровательнаго произведенія, благодаря вашему

обо мнѣ черезчуръ лестному мнѣнію. Можетъ быть, вы меня обвините въ тщеславіи, но позвольте мнѣ сказать, что я не знаю, читала ли я когда-нибудь такое превосходное, поэтическое четверостишіе. Оно для меня не менѣе дорого и какъ доказательство вашей дружбы, потому что мой умъ и сердце вполнѣ преданы вамъ. Я только прошу васъ продолжать любить меня и вѣрить, что моя къ вамъ горячая дружба никогда не будетъ слабѣе вашей. Я заранѣе съ наслажденіемъ думаю о томъ днѣ будущей недѣли, который вы обѣщали мнѣ посвятить, и надѣюсь, кромѣ того, что это удовольствіе будетъ повторяться еще чаще, когда дни будутъ короче. Посылаю вамъ книгу, о которой я говорила: займитесь побольше ею... Расположеніе, которое вы мнѣ выказываете, право, трогаетъ мое сердце; а вы, которая такъ хорошо знаете его способность чувствовать: можете понять, сколько оно вамъ благодарно. Ваша Екатерина».

— Помнишь это, дурочка? А я-то помню?

Она бережно сложила пожелтѣвшій листъ и долго на него глядѣла.

— Осенній листъ, осенній листъ, оторванный отъ дерева, оторванный отъ сердца и унесенный вѣтромъ въ рѣку забвенія.

Княгиня опять задумалась. Этотъ хмурый осенній вечеръ напомнилъ ей другой вечеръ, ясный, лѣтній, и другую ночь—на-левую ночь, безумную ночь!.. Это была ночь на 28-е іюня 1762 года...

У нея сидитъ Панинъ, Никита Ивановичъ. Идетъ тихая бесѣда о новомъ императорѣ Петрѣ III-мъ, о новыхъ порядкахъ, о тревожныхъ слухахъ, о томъ, что императоръ намѣренъ заключить въ монастырь свою супругу, Екатерину Алексѣевну... Вдругъ является Григорій Орловъ. «Пассекъ арестованъ!..» Пораженная этимъ извѣстіемъ, юная княгиня, накинувъ на плечи длинный мужской плащъ и надвинувъ на глаза широкополую мужскую шляпу, спѣшитъ предупредить объ этомъ друзей императрицы...

Какъ она помнитъ эту страшную, безумную ночь!.. Передъ ней эта громадная фигура Орлова, онъ въ нерѣшимости... «Нѣтъ!—говоритъ ему юная княгиня.—Тотчасъ скачите въ Петергофъ, будите императрицу, и пусть лучше вы привезете ее сюда хоть въ обморокѣ, лучше, чѣмъ видѣть ее въ монастырѣ или вмѣстѣ съ нами, на эшафотѣ!»...

И эта безумная ночь прошла... Княгиня припоминает теперь, как ее утром проносили на руках въ Зимній Дворецъ черезъ головы народа и войскъ, окружавшихъ дворецъ... Платье ея изорвали, волосы растрепали... И вотъ она въ объятіяхъ у своего кумира... «Слава Богу! Слава Богу!» Только и могли выговорить взволнованныя женщины.

А эта другая палевая, безумная ночь, когда во главѣ пятнадцатитысячнаго войска двѣ молоденькія женщины, одна вотъ эта юная, что смотритъ со стѣны изъ золотой рамы, другая уже съ андреевской лентой черезъ плечо, ласковая и грозная, слѣдовали въ Петергофъ рядомъ на сѣрыхъ коняхъ драгоцѣнной крови. Та женщина, что съ андреевской лентой, ѣдетъ отнимать послѣднюю тѣнь власти у мужа-императора, а эта, юная—у своего государя и крестнаго отца.

— Дитя мое, не забывайте...—Нѣтъ, она забыла тогда, и только теперь вспомнила, когда изъ апельсина высосали весь сокъ.—Поздно!

Она взглянула на другое лицо, на лицо пожилой женщины, выступавшее изъ темнаго полотна за золотой рамой. Ей показалось, что на этомъ лицѣ мелькнула насмѣшливая улыбка. И ей вспомнилась такая же насмѣшливая, хотя снисходительная улыбка Вольтера, который, сидя въ своемъ глубокомъ креслѣ, слушалъ, какъ она разсказывала ему о двухъ палевыхъ петербургскихъ ночахъ 1762 года. Какъ онъ хорошо все предвидѣлъ!..

Вдругъ на дворѣ послышались какіе-то голоса, шумъ, говоръ. Княгиня прислушалась. Вѣтеръ завывалъ въ трубѣ и шумъ на дворѣ усиливался.

— Гони ихъ! Бей, не жалѣй!—слышались голоса.

— Что такое? Что случилось?—Княгиня поднялась и поспѣшила къ окну, но на дворѣ и въ саду господствовалъ мракъ и въ этомъ мракѣ метались какія-то неопредѣленныя тѣни.

Вдругъ послышался глухой ударъ и визгъ. «Бей ихъ, проклятыхъ!».

Княгиня сразу опомнилась. Это опять забрались въ садъ свиньи ея сосѣдей, ея злѣйшихъ враговъ, отравившихъ послѣдніе годы ея жизни. Въ ней закипѣла злоба, злоба за все, за прошлое, настоящее, за тѣ безумныя палевыя ночи, за холодность, за отчужденіе, за потерю вѣры, за все, о чемъ она съ такою горечью думала въ этотъ пасмурный осенній день и весь

этотъ хмурый вечеръ, о чемъ безмолвно говорили ей эти портреты, вонъ то пожелтѣвшее, какъ осенній листъ письмо и тогдашняя улыбка Вольтера... Эти Нарышкины!

Она быстро выбѣжала на веранду. Тамъ она увидѣла Пашу, которая стояла, прижавшись къ колоннѣ, освѣщенная огнями люстръ изъ кабинета, и дрожала.

— Опять свиньи!—гнѣвно вскричала княгиня:—Бейте ихъ! Не выпускайте живыми!

— Не выпустимъ, ваше сіятельство,—послышался голосъ дворни,—мы ихъ загонимъ въ конюшню.

И четвероногій Ромео съ такою же Джульеттою очутились въ конюшнѣ.

Воспоминанія княгини были прерваны.

VI. Невинныя жертвы придворныхъ интригъ.

На слѣдующій день послѣ описаннаго выше происшествія на дачѣ княгини Дашковой, 28-го октября, государынѣ нѣсколько нездоровилось, и она тихонько прохаживалась по Эрмитажу, подходя по временамъ къ окнамъ и задумчиво глядя на суетливое движеніе по Невѣ судовъ, гонокъ и раскрашенныхъ яликовъ.

Почему-то и ей вчерашній хмурый вечеръ напоминалъ, какъ княгинѣ Дашковой, чудесныя палевыя ночи конца іюня 1762 года. Какъ давно это было! Уже 27-й годъ пошелъ послѣ этихъ памятныхъ палевыхъ ночей. Молоды онѣ тогда были, не то, что теперь: княгинѣ Дашковой всего было только девятнадцать лѣтъ, а ей самой, императрицѣ — тридцать три. Ну, что жъ это были за годы! А теперь скоро седьмой десятокъ пойдетъ, скоро «стукнетъ» шестьдесятъ!

— Охъ, стучатъ, стучатъ годы... Время—богъ крылатый, стучится своими крыльями во всѣ окна и двери дворца, въ сердце стучится...

Сколько передумано, перечувствовано, пережито за эти годы, сколько передѣлано! Бури и ураганы проходили по душѣ и по сердцу, а оно все бьется такъ же, какъ билось когда-то давно, давно, когда она, еще дѣвочкою-принцессой, вотъ такъ же смотрѣла изъ оконъ жалкаго родного дворца въ Штетинѣ на свою родную рѣку. Что она тогда была? Только дочь губерна-

тора прусской Помераніи! А теперь? Теперь это сердце отражаетъ въ себѣ біеніе сердецъ многомилліонной страны, милліоны сердецъ!

— О, палевыя ночи! Палевыя ночи!

А послѣ палевыхъ ночей, бури и ураганы: войны съ Турціей, ураганы пугачовщины, раздѣлъ Польши, Крымъ...

— Должно быть, Марья Савишна не позоветъ меня сегодня къ волосочесанію, знаетъ, что мнѣ неможется. А она строга на этотъ счетъ: нечего, говоритъ, тебѣ, матушка, бродить простоволосою, непригоже, словно русалка—ты не дѣвка...

— Правда, правда, Марья Савишна, я не дѣвка, да и не жена я...

Императрица перекинула косу черезъ плечо и стала разбирать ее пальцами...

— Волосъ дологъ да умъ коротокъ... Такъ ли, полно? Ужъ не короче ли умъ у тѣхъ, у кого и волосъ коротокъ, хоть бы у моего Густавиньки, королька шведскаго? Коротенекъ умокъ, коротенекъ... А вотъ мой волосъ дологъ, а я и стараго Фрица вокругъ этого волоска обвела, и не замѣтилъ... И шапкою Мономаха этотъ свой волосокъ прикрыла, можетъ, оттого она и не сѣдѣетъ...

Она снова подошла къ окну. При видѣ Невы съ ея безцвѣтною водой, ей вспомнились другія воды, голубыя, бирюзовыя, которымъ конца не видать. Ей припомнилась прошлогодняя торжественная поѣздка въ Крымъ, этотъ волшебный край съ волшебными берегами и безбрежнымъ моремъ...

— Ахъ, палевыя ночи, палевыя ночи! Все это вы мнѣ дали, волшебныя, безумныя ночи!.. Эллада, Херсонесъ, Митридатъ-Великій, Венеція, Генуя и вы, намѣстники Аллаха и его пророка, все это я у васъ отняла, я, у которой волосъ дологъ... А можетъ поживемъ еще и—

Въ плескахъ внидемъ въ храмъ Софіи»...

Въ перспективѣ, въ амфиладѣ комнатъ показалась кругленькая фигура человѣчка съ косичкою. Онъ быстро семенилъ ножками, обутыми въ башмаки, и, видимо, запыхался отъ торопливости. Императрица тотчасъ же узнала въ этой фигурѣ своего личнаго секретаря, переписчика и посыльнаго, Александра Васильевича Храповицкаго, который всегда удивлялъ ее своею

проворностью, несмотря на брюшко и почтенную усталость. Онъ вѣчно былъ у государыни «на побѣгушкахъ», и она говорила ему, шутя, что должна платить ему за истоптанные на побѣгушкахъ башмаки. Онъ поспѣшалъ съ бумагами.

— Здравствуй, Александръ Васильевичъ! — ласково сказала императрица.—Что, запыхался?

— Запыхался, ваше величество, къ Александру Матвѣичу за бумагами бѣгалъ,—отвѣчалъ Храповицкій, низко кланяясь и отирая красныя щеки фуляромъ.

— Потѣешь и теперь?

— Потѣю, ваше величество.

— Много бѣгаешь.

— Стараюсь, ваше величество, изъ рабскаго усердія.

— Не говори такъ,—серьезно замѣтила государыня,—я не люблю этого слова: мои слуги не рабы, а друзья.

— Слушаю, ваше величество, виноватъ, обмолвился по старинѣ.

— То-то же... Я это слово давно велѣла выкинуть изъ моего словаря... А чтобы не потѣть, надобно для облегченія употреблять холодную ванну; но съ лѣтами сіе пройдетъ: я сама сперва много потѣла *). Что тамъ у тебя?

— Прошеніе сухопутнаго кадетскаго корпуса учителя Schall, государыня.

— А о чемъ его прошеніе?

— Жалуется, государыня, на графа Ангальта и на кадетовъ.

— По какому поводу?

— Да пишетъ, государыня, въ своей челобитной, что когда онъ проходитъ по улицѣ, то кадеты нарокомъ, въ насмѣшку надъ нимъ, кричатъ изъ окна: «господинъ шаль».

Государыня невольно разсмѣялась.—Господинъ шаль! Въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно: вотъ экивокъ!» **).

Въ перспективѣ комнатъ показался Нарышкинъ, Левъ Александровичъ. Онъ также шелъ торопливо и что-то оживленно жестикулировалъ.

— Матушка! Какое злодѣяніе!—патетически проговорилъ онъ.

---

*) «Дневникъ» Храповицкаго. 91.
**) «Дневникъ» Храповицкаго, 180.

Императрица по лицу его тотчасъ догадалась, что онъ опять выдумалъ какія-нибудь проказы, чтобы развлечь и насмѣшить ее.

— Что случилось?—спросила она съ улыбкой.

— Убійство, матушка, да какое убійство! Неслыханное!

— Надѣюсь, что неслыханное, потому что ты самъ его сочинилъ.

— Не сочинилъ, государыня, видитъ Аллахъ, не сочинилъ: своими собственными глазами кровь видѣлъ и трупы несчастныхъ жертвъ адскаго злодѣянія; и ночью еще самъ слышалъ ихъ ужасные крики и предсмертные стоны.

— Да въ чемъ же дѣло? Не играй трагедіи.

— Не играю, матушка. Слушай. Поѣхалъ я вчера вечеромъ въ Царское, къ брату, поохотиться. Поохотились въ паркѣ, убили нѣсколько зайцевъ и въ сумерки воротились на дачу небольшой компаніей. Напились чаю, сѣли ужинать. Вдругъ слышимъ въ саду какой-то шумъ и гвалтъ, голоса все сильнѣй и сильнѣй, крики, возгласы: «бей ихъ, бей!». Мы ужъ думали, не шведскій ли король врасплохъ напалъ на Царское, чтобы потомъ взять Петербургъ и опрокинуть статую, что ты, государыня, воздвигла въ память въ Бозѣ почивающаго императора Петра I, какъ Густавъ III и грозился учинить сіе. Выбѣгаемъ мы всѣ изъ дому, вооружились наскоро, чтобы встрѣтить непріятеля и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Коли слышимъ, баталія идетъ въ саду у милой сосѣдушки, у княгини Дашковой...

— Я такъ и знала,—махнула рукой государыня.

— Слушай, матушка, что дальше. Оттуда раздаются отчаянные вопли и крики. Оказывается, что тамъ настоящая Варѳоломеевская ночь! Идетъ убійство гугенотовъ, виноватъ! голландскихъ свиней, борова и свинки моего брата! Самъ король Карлъ IX стрѣляетъ изъ окна въ своихъ подданныхъ, то бишь: княгиня Дашкова съ балкона стрѣляетъ изъ пушки въ Ромео и Джульетту... И несчастныя жертвы любознательности пали подъ топорами убійцъ...

— И тебѣ, Левушка, не стыдно такой вздоръ сочинять?—остановила его императрица.

— Не вздоръ, государыня матушка! Вотъ и графъ Яковъ Александровичъ подтвердитъ это.

Послѣднія слова Нарышкина относились къ входившему въ

это время съ докладомъ къ государынѣ главнокомандующему санктпетербургской губерніи, графу Якову Александровичу Брюсу.

Графъ Брюсъ дѣйствительно явился къ императрицѣ съ утреннимъ рапортомъ. Государыня встрѣтила его по обыкновенію ласково.

— Имѣю счастье доложить вашему императорскому величеству, что по ввѣренной моему командованію губерніи все обстоитъ благополучно,—шаблонно отрапортовалъ Брюсъ.

Императрица съ улыбкой взглянула на Нарышкина и на Храповицкаго, какъ бы желая сказать послѣднему, переминавшемуся съ ноги на ногу: «вѣдь, вотъ же чего приплелъ намъ повѣса Левушка».

— При этомъ считаю доложить вашему величеству,—продолжалъ графъ Брюсъ,—что вчера въ ночь, въ Царскомъ Селѣ имѣлъ мѣсто случай у ея сіятельства, княгини Екатерины Романовны Дашковой, у нея на дворѣ...

— Какъ! Свиньи?—перебила его государыня.

— Такъ точно, ваше величество, свиньи: боровъ и супоросая...

— Что, матушка государыня, вѣдь я же докладывалъ,—съ комическимъ поклономъ вмѣшался Нарышкинъ.

— Вижу, твоя правда... Такъ и убила княгиня?—обратилась Екатерина къ Брюсу.

— Такъ точно, ваше величество, сегодня же исправникъ видѣлъ побитыхъ свиней,—отвѣчалъ Брюсъ.

Государыня не могла удержаться отъ смѣху.

— Вотъ исторія! Правду говоритъ Левъ Александровичъ, настоящая Варѳоломеевская ночь... Вотъ вамъ и Монтекки и Капулетти!—смѣялась императрица.—Только ужъ вы, графъ, скорѣе велите кончать дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства *).

— Слушаю, ваше величество,—поклонился Брюсъ,—сегодня же исправникъ произведетъ слѣдствіе.

— Только я не желаю, — поясняла императрица,—чтобъ

---

*) У Храповицкаго такъ и записано: «Дашкова побила Нарышкиныхъ свиней; смѣясь (государыня) сему происшествію, приказано скорѣе кончить дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства» («Дневникъ», 183).

слѣдствіе производилось, якобы, «по высочайшему повелѣнію»: я тутъ въ сторонѣ.

— Понимаю, ваше величество.

— Хорошо, графъ. А то сами согласитесь, писцы въ судѣ надпишутъ, какъ обыкновенно, на оболочкѣ слѣдствія: «дѣло о зарубленіи свиней», и вдругъ, «по высочайшему повелѣнію», неприлично.

— Дѣйствительно, ваше величество, — снова поклонился Брюсъ, — мало ли свиней убиваютъ и крадутъ другъ у друга крестьяне, однако, не доводится же объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія. Я и здѣсь, государыня, потому только счелъ за долгъ довести до свѣдѣнія вашего величества о семъ пустомъ случаѣ, что въ ономъ замѣшаны такія высокопоставленныя особы, какъ ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна и его высокопревосходительство Александръ Александровичъ.

— Правда, правда,—подтвердила императрица.

Она нечаянно обернулась и стала прислушиваться. Въ нишѣ одного изъ оконъ Эрмитажа, гдѣ стояла клѣтка съ ученымъ попугаемъ, что-то подозрительно возился Нарышкинъ, и слышно было, какъ онъ тихо произносилъ: «княгиня Дашкова убійца», «княгиня Дашкова убійца», а попугай очень явственно повторялъ за нимъ эти слова.

— Левъ Александровичъ!—погрозила императрица. — Вы опять за новыя проказы?

— За старыя, матушка государыня: что жъ намъ, старымъ дуракамъ, дѣлать, когда ты за всѣхъ насъ и думаешь, и дѣлаешь? Ну, говори, попка: да здравствуетъ Екатерина Великая, мать отечества!

— Левушка повѣса! Левушка шпынь!—явственно проговорилъ попугай.

— Что, нарвался?—улыбнулась императрица.

— Ахъ, мать моя!—послышался вдругъ возгласъ.—Тутъ кругомъ мужчины, а она нечесанная! Ахъ, срамница! А еще государыня!

Всѣ оглянулись: въ трагической позѣ стояла Марья Савишна и держала въ рукахъ пудръ-манто.

«Богоподобная царевна
Киргизкайсацкія орды!»

Императрица, Нарышкинъ и Храповицкій невольно разсмѣялись: это попугай передразнивалъ Державина, его голосъ, его интонація!

VII. Исправникъ на сценѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого княгиня Дашкова сидѣла въ своемъ кабинетѣ за корректурами какого-то сочиненія, печатавшагося подъ ея наблюденіемъ въ типографіи академіи наукъ, когда вдругъ явилась Паша и робко доложила:

— Ваше сіятельство! Господинъ Панаевъ проситъ позволенія видѣть васъ по дѣлу.

— Какой Панаевъ и по какому дѣлу?—съ неудовольствіемъ спросила княгиня.

— Господинъ земскій исправникъ, ваше сіятельство.

— А по какому дѣлу?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

Паша очень хорошо знала, зачѣмъ явился исправникъ, но только не смѣла сказать этого своей госпожѣ. Княгиня сама догадывалась, въ чемъ дѣло, и, принявъ въ умѣ извѣстное рѣшеніе, согласилась допустить къ себѣ блюстителя земскихъ порядковъ.

— Проси въ пріемную,—сказала она.

— Они тамъ ждутъ-съ,—доложила Паша.

— Хорошо, пусть обождетъ.

Паша вышла. Княгиня, доставъ изъ стоявшаго на письменномъ столѣ перламутроваго ящичка кавалерственную звѣзду и пришпиливъ ее къ груди, встала и неторопливо направилась въ пріемную. Тамъ ее ждалъ исправникъ въ полной формѣ. При входѣ княгини, исправникъ почтительно поклонился, прикладывая треуголку къ сердцу.

— Извините, ваше сіятельство, что я осмѣлился безпокоить васъ,—началъ Панаевъ,—но я исполняю приказъ его сіятельства, господина главнокомандующаго санктпетербургской губерніи, графа Якова Александровича Брюса.

— Въ чемъ же дѣло?—спросила княгиня.

— По предписанію его сіятельства, господина главнокомандующаго, вслѣдствіе жалобы его высокопревосходительства, ея императорскаго величества оберъ-шенка, сенатора, дѣйствительнаго камергера и кавалера Александра Александровича Нарыш-

кина повѣреннаго служителя, я производилъ подъ рукою дознаніе о зарубленіи принадлежавшихъ его высокопревосходительству голландскихъ борова и свиньи...

— Ну, и что же?—нетерпѣливо перебила его княгиня.

— По дознанію, ваше сіятельство, обнаруживается,—продолжалъ исправникъ тѣмъ же дѣловымъ тономъ,—якобы вышереченные боровъ и свинья, по приказанію вашего сіятельства, яко усмотрѣнные на потравѣ, людьми вашего сіятельства были загнаны въ конюшню и убиты топорами.

— Да, я, дѣйствительно, приказала ихъ убить,—съ досадой подтвердила княгиня,—эти животныя постоянно портили мнѣ садъ, разрывали цвѣточныя грядки и клумбы, мяли цвѣты, наконецъ, просто разстраивали мое здоровье, отравляли мнѣ жизнь! Я сего и впредь не потерплю, и пусть знаетъ г. Нарышкинъ, что если впредь будутъ заходить ко мнѣ на дворъ или въ садъ, свиньи ли, коровы ли, что я таковыхъ прикажу немедленно убивать и отсылать въ гошпиталь для бѣдныхъ. Скажите это Нарышкину!

— Но позвольте доложить вашему сіятельству, что такого закона нѣтъ, чтобы убивать чужой скотъ,—переминался исправникъ.

— Я не знаю, господинъ исправникъ, есть ли такой законъ или нѣтъ,—возвышала голосъ Дашкова,—но я не потерплю, чтобы люди ли, скоты ли самовольно врывались въ мои владѣнія, слышите! Я этого не потерплю!

— Какъ угодно вашему сіятельству, — клапялся исправникъ:—но, по долгу службы и совѣсти, я пріемлю смѣлость доложить вамъ о семъ.

— Хорошо, это ваше дѣло, вашъ долгъ; но и я знаю свои права.

— Точно такъ, ваше сіятельство; но позвольте доложить, что, по учиненной судомъ оцѣнкѣ, оные голландскіе боровъ и свинья должны быть оплачены въ суммѣ восьмидесяти рублей.

— Какъ! — вскипѣла княгиня.—Восемьдесятъ рублей за двѣ свиньи! Да слыханы ли подобныя цѣны!

— Не могу знать, ваше сіятельство,—оправдывался исправникъ,—но таковая оцѣнка произведена, согласно показанію его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина повѣреннаго служителя.

— А мои потравленные цвѣты?—спросила Дашкова.

— Цвѣты, ваше сіятельство?..—исправникъ замялся.—Что принадлежитъ, ваше сіятельство, — продолжалъ онъ перѣшительно,—что принадлежитъ до показаній садовниковъ вашего сіятельства, якобы означенными голландскимъ боровомъ и свиньею потравлены посаженные въ шести горшкахъ разные цвѣты, стоющіе якобы шесть рублей, то сія потрава не только въ то время чрезъ постороннихъ людей не засвидѣтельствована, но и когда я самъ былъ для слѣдствія тогда же на мѣстѣ, то ни въ саду, ни въ ранжереяхъ никакой потравы я не нашелъ.

Дашкова быстро подошла къ сонеткѣ и нетерпѣливо позвонила. Немедленно на звонъ явилась Паша, которая, кажется, подслушивала за дверью. Она была очень смущена.

— Позвать сюда садовника Михея!—сказала княгиня, не глядя на дѣвушку.

Черезъ минуту явился старикъ Михей, который ждалъ на крыльцѣ. Онъ униженно поклонился.

— Вотъ исправникъ говоритъ,—обратилась къ нему княгиня,—будто бы у насъ Нарышкина свиньи не учинили никакой потравы?

— Какъ не учинили, ваше сіятельство! Шесть горшковъ попортили,—отвѣчалъ старикъ испуганно.

— Да ты, старина, говоришь не то,—перебилъ его исправникъ.

— Какъ не то, баринъ? Ты этого не видалъ, а сами ихъ сіятельство изволили видѣть,—оправдывался старикъ,—шесть горшковъ, да грядки порыли.

— А когда это было, старина?—допытывался исправникъ.

— На самую на другую ночь послѣ Петры-Павла. Въ то утрсѣ еще платокъ нарышкинскій подняли.

— То-то же, это 30-го іюня было; а кто это видѣлъ?

— Ихъ сіятельство сами видѣли, да и вся челядь наша.

— А посторонніе понятые видѣли?

— Посторонніе, точно, не видѣли, да имъ и дѣла до того никакого нѣтъ, баринъ.

— То-то же, что есть дѣло, старина. А вы свиней тогда поймали?

— Нѣтъ, не пымали, ушли проклятыя.

— Значитъ, и взыскивать не съ кого.

— Какъ, баринъ не съ кого?

— Безъ свидѣтелей и безъ поличнаго взыскивать нельзя, таковъ законъ. А когда вы убили свиней, тогда онѣ учинили потраву?—спросилъ исправникъ.

— Не успѣли, проклятыя, мы ихъ живой рукой ухлопали.

Старикъ даже оживился, откуда и смѣлость взялась! Между тѣмъ, Дашкова уже спокойно ходила по комнатѣ, не обращая вниманія ни на исправника, ни на садовника. Ей надоѣла эта глупая исторія, въ которую ее невольно впутали, благодаря проискамъ ея враговъ.

— Вы больше ничего не имѣете мнѣ сказать?—обратилась она затѣмъ къ исправнику.

— Я все доложилъ вашему сіятельству,—былъ отвѣтъ.

— Хорошо. Доложите же графу Брюсу, что отъ меня слышали, а Нарышкину скажите, что я впредь прикажу убивать его скотъ, если онъ будетъ врываться ко мнѣ, а мясо убитыхъ животныхъ велю отсылать въ гошпиталь.

— Слушаю-съ. Только дѣло сіе предварительно надлежитъ до разсмотрѣнія Софійскаго нижняго земскаго суда, по подсудности,—отвѣчалъ исправникъ.

— Хорошо. Можешь и ты итти,—кинула Дашкова садовнику.

— Имѣю честь откланяться вашему сіятельству,—поклонился исправникъ.

И оба они съ садовникомъ удалились.

VIII. «Ну, будетъ гонка всемилостивѣйшей государынѣ».

24-го ноября, день тезоименитства императрицы. Въ этотъ день обыкновенно, до оффиціальнаго и торжественнаго волосочесанія, государыня принимала поздравленія самыхъ близкихъ ей людей и въ томъ числѣ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича, изъ которыхъ первому было одиннадцать лѣтъ, а послѣднему шелъ только десятый. Державная бабушка очень любила своихъ прелестныхъ внучковъ и всегда рада была ихъ увидѣть. На этотъ разъ дѣти хотѣли порадовать бабушку чѣмъ-нибудь особеннымъ и потому просили своего наставника Николая Ивановича Салтыкова помочь имъ разучить комическую оперу «Горе-Богатырь Касп-

метовичъ», сочиненную самою Екатериною въ осмѣяніе попытки Густава III овладѣть Петербургомъ *). Салтыковъ исполнилъ желаніе великихъ князей.

Въ ту минуту, когда знаменитый Захаръ только что подалъ императрицѣ кофе и, во уваженіе единственно ея тезоименитства, противъ обыкновенія, не ворчалъ на нее за что-нибудь, въ кабинетъ вошли прелестный мальчикъ въ рыцарскомъ костюмѣ и миловидная дѣвочка въ одѣяніи сказочной царевны.

Маленькій рыцарь, изображая собою богатыря Громкобоя, запѣлъ арію:

«Геройствомъ надуваясь».

Императрица не выдержала и тотчасъ же бросилась цѣловать прелестнаго рыцаря. Это былъ великій князь Александръ Павловичъ.

Тогда выступила маленькая царевна и пропѣла изъ роли Локметы:

«Куда захочешь поѣзжай,
Лишь о полъ лба не разбивай,
И токомъ слезъ изъ глазъ своихъ
Ты не мочи коровъ моихъ».

Въ Локметѣ, конечно, императрица узнала Константина Павловича и также осыпала его поцѣлуями.

Въ свою очередь и Громкобой запѣлъ свою арію—обращеніе къ спутникамъ:

«Не надо денегъ брать въ походъ,
Съ чужой земли сберемъ доходъ:
Куда вѣдь рыцарь ни приходитъ,
Вездѣ готовое находитъ,—
Потребна смѣлость лишь одна!»

Но маленькіе актеры не унимались. Взявшись за руки, они пропѣли заключительный дуэтъ:

«Пословица сбылась:
Синица поднялась,

*) Лонгиновъ. «Драмат. сочиненія импер. Екатерины», 21, 22.

Вспорхнула, полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла.
А шуму надѣлала довольно» *).

Государыня даже заплакала отъ умиленія. Да и Захаръ, стоя у дверей съ салфеткою подъ мышкой, тоже утиралъ слезы.

— А знаешь, баба, что мы всего чаще поемъ?—весело заговорилъ Константинъ Павловичъ, ласкаясь къ бабушкѣ.—Мы съ Сашей постоянно поемъ:

«Геройствомъ надуваясь»...

— Только намъ папа не велитъ этого пѣть про Густава,—перебилъ брата Александръ Павловичъ.

— Какъ не велитъ?—удивилась императрица.

— А какъ же, милая баба: папа говоритъ, что Густавъ все же король, помазанникъ,—серьезно отвѣчалъ будущій побѣдитель Наполеона.

— Но, вѣдь, это шутка, дѣти,—успокоивала ихъ бабушка.

— А мы все таки, баба, поемъ «Геройствомъ надуваясь»,—поспѣшилъ прибавить Константинъ,—только не про Густава, а про княгиню Дашкову.

— Какъ про Дашкову?—засмѣялась бабушка.

— Да какъ же, баба! Папа сказывалъ намъ, что княгиня Дашкова, «геройствомъ надуваясь», сама побила свиней у Нарышкиныхъ: она, говоритъ папа, храбрѣе Густава III-го.

— Ахъ, дѣти, дѣти!—покачала головой императрица.—При васъ ни о чемъ нельзя говорить: вы точно обезьяны, все перейметe.

Едва великіе князья, одаренные лакомствами и осыпаемые поцѣлуями бабушки-императрицы, удалились, какъ въ кабинетъ съ сіяющимъ лицомъ вошелъ Нарышкинъ Левъ.

— Матушка государыня! Великая и преславная! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!—торжественно проговорилъ онъ, становясь на одно колѣно и цѣлуя руку государыни.

---

*) «При выходѣ къ туалету, оборотясь ко мнѣ, изволила сказывать, что великіе князья поютъ всю оперу «Горе-Богатыря». Храповицкій «Дневникъ», 250.

— Спасибо, мой другъ. А это что у тебя?—спросила императрица, замѣтивъ въ лѣвой рукѣ Нарышкина какую-то бумагу.

— Это, государыня, торжество правосудія,—загадочно отвѣчалъ Левушка.

— Надѣюсь, Левъ Александровичъ, въ моемъ государствѣ это не рѣдкость?—серьезно замѣтила государыня.

— Ахъ, матушка, да торжество торжеству рознь! Это такое торжество, что я и сказать не умѣю.

И Нарышкинъ подалъ императрицѣ принесенную имъ бумагу. Екатерина развернула ее.

— А, это копія съ какого-то отношенія,—сказала она въ недоумѣніи.

— А ты прочти, матушка,—улыбался Левушка:—c'est une quelque chose ravissante *)!

Императрица начала читать:

«Сообщеніе Софійскаго нижняго земскаго суда въ управу благочинія столичнаго и губернскаго города святого Петра, отъ 17-го ноября 1788 года. Сего ноября съ 3-го въ ономъ судѣ производилось слѣдственное дѣло о зарубленіи минувшаго октября 28-го числа на дачѣ ея сіятельства, двора ея императорскаго величества штатсъ-дамы, академіи наукъ директора, императорской россійской академіи президента и кавалера, княгини Екатерины Романовны Дашковой, принадлежавшихъ его высокопревосходительству, ея императорскаго величества оберъшенку, сенатору дѣйствительному камергеру и кавалеру Александру Александровичу Нарышкину голландскихъ борова и свиньи...

Императрица не могла удержаться отъ смѣха.

— Ну, Левушка, это точно ты сочинялъ.

— А ты, матушка, читай дальше,—настаивалъ Нарышкинъ.

...«Борова и свиньи (продолжала императрица), о чемъ судомъ на мѣстѣ и освидѣтельствовано, и 16-го числа по протчему опредѣлено: какъ изъ онаго дѣла явствуетъ, ея сіятельство княгиня Е. Р. Дашкова зашедшихъ на дачу ея, принадлежавшихъ его высокопревосходительству А. А. Нарышкину двухъ свиней, усмотрѣнныхъ яко бы на потравѣ, приказала людямъ своимъ, загнавъ въ конюшню, убить, которыя и убиты были то.

*) Это что-то восхитительное.

порами; то на основаніи о управ. губерн. учрежд. 243-й ст., въ удовлетвореніе обиженнаго, по силѣ улож. 1-й гл. 208, 209 и 210 ст., за тѣ убитыя свиньи взыскать съ ея сіятельства кн. Е. Р. Дашковой противъ учиненной оцѣнки 80 рублей и, по взысканіи, отдать его высокопревосходительства А. А. Нарышкина служителю съ роспискою. А что принадлежитъ до показаній садовниковъ, яко бы означенными свиньями на дачѣ ея сіятельства потравленные посаженные въ шести горшкахъ разные цвѣты, стоющіе 6-ти рублей, то сія потрава не только въ то время чрезъ постороннихъ людей не засвидѣтельствована, но и когда былъ для слѣдствія на мѣстѣ г. земскій исправникъ Панаевъ и по свидѣтельству его въ саду и ранжереяхъ никакой потравы не оказалось. По отзыву жъ ея сіятельства, учиненному г. испранику въ бою свиней незнаніемъ закона и что впредь зашедшихъ коровъ и свиней такожъ убить прикажетъ...

— Однако!—замѣтила императрица.—Да она такъ, пожалуй, и людей зашедшихъ убивать станетъ.

— Да, матушка, вотъ бы ее противъ шведа послать, много бы надѣлала!—замѣтилъ, съ своей стороны, Нарышкинъ.

— Ужъ и точно. А что дальше?

...«коровъ и свиней тако-жъ убить прикажетъ и отошлетъ въ гошпиталь, то въ предупрежденіе и отвращеніе таковаго предпріятаго, законамъ противнаго намѣренія, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою изволила воздержаться и незнаніемъ закона не отзывалась, въ чемъ ея сіятельство обязать подпискою *).

— Правду ты сказалъ, мой другъ: c'est une quelque chose ravissante **),—заключила императрица, свертывая курьезную бумагу,—надо ее показать Александру Матвѣичу.

Но дальнѣйшему разговору помѣшала Марья Савишна. Подобно Захару, и она частенько мылила голову своей повелительницѣ. Она явилась въ дверяхъ кабинета мрачная и трагическая, какъ леди Макбетъ.

— Ну, будетъ гонка всемилостивѣйшей государынѣ!—ехидно ухмыльнулся Нарышкинъ вошедшей.

---

*) Это документъ историческій, и онъ напечатанъ г. Барсуковымъ въ указателѣ къ «Дневнику» Храповицкаго, 472—473.

**) Это что-то восхитительное.

— Чудно мнѣ, матушка,—сказала она укоризненно,—хоша ты и государыня, а вести себя не умѣешь. Забыла, что ли, какой день?

— Нѣтъ, Марья Савишна, помню,—оправдывалась императрица,—Екатерининъ день.

— То-то, Катерининъ! Твое кизоименитство...

— Не кизоименитство, Марья Савишна, а тезоименитство,—перебилъ ее Нарышкинъ, желая подразнить.

— Безъ тебя знаю!—огрызнулась на него любимая камеръ-юнгфера императрицы.—Еще и у обѣдни не была, не молилась, а ужъ тутъ пѣсни распѣваютъ ряженые: гдѣ бы ангела своего порадовать, а она съ внучками бѣса тѣшитъ, срамница!

— Прости, милая Марья Савишна, это ненарокомъ случилось,—винилась императрица.

— То-то же... А то вонъ и Захаръ-дуракъ теперь тамъ въ носъ себѣ козла запущаетъ:

«Еройствомъ надуваясь»...

Громкій смѣхъ императрицы и Нарышкина былъ отвѣтомъ на ворчанье Марьи Савишны.

IX. Расплакавшіяся женщины.

Какъ-то вскорѣ послѣ Екатеринина дня императрица зашла къ Марьѣ Савишнѣ, помѣщеніе которой находилось недалеко отъ опочивальни государыни, и встрѣтила тамъ Пашу. Императрица хорошо знала ее, потому что, когда княгиня Дашкова жила въ Зимнемъ Дворцѣ, хорошенькая камеристка послѣдней иногда попадалась на глаза государыни и была ею замѣчена. Екатерина видѣла ее не разъ и у Марьи Савишны.

На этотъ разъ зоркіе глаза императрицы не могли не замѣтить, что дѣвушка очень измѣнилась: яркій румянецъ ея щекъ смѣнился блѣдностью, и вся она нѣсколько поблекла; мало того, государыня ясно видѣла, что живые глазки Паши были заплаканы и догадалась, что дѣвушка что-то разсказывала Марьѣ Савишнѣ и плакала.

— Что съ тобой, Паша?—милостиво обратилась къ ней государыня.—У тебя какое-нибудь горе?

Изъ глазъ дѣвушки брызнули слезы, и она не могла проговорить ни слова.

— Какъ же, матушка государыня, не горе?—отвѣчала за нее Марья Савишна.—У дѣвки жениха сослали, какъ же тутъ не плакать?

— Кто сослалъ и за что?—спросила императрица.

— Баринъ евоный, матушка, Нарышкинъ Александръ Александрычъ.

— За что же?

— Да все, матушка, за тѣхъ проклятыхъ галанскихъ свиней.

— И тутъ свиньи!—невольно улыбнулась императрица.—Чѣмъ же онъ, Пашинъ женихъ, тутъ виноватъ? Развѣ онъ зарубилъ свиней?

— Нѣту, матушка, а только по его оплошкѣ все это случилось. Состоялъ онъ, матушка государыня, камардиномъ у Александра Александрыча, а тотъ энтихъ галанскихъ свиней любилъ что родныхъ дѣтей. И случись Егоркѣ, это камардинъ-то евоный, а ейный, Пашинъ, женихъ, такъ случись Егору спѣшка повидаться для чего-то съ Пашей, онъ и пролѣзъ къ ея барынѣ, къ княгинѣ Дашковой, въ садъ, да чтобы пролѣзть-то туда, онъ возьми да и вынь изъ забора двѣ доски. Только это онъ, матушка государыня, пролѣзъ къ Пашѣ, какъ вслѣдъ за нимъ въ дыру-то и свиньи проклятыя возьми да и шмыгни. На бѣду замѣть ихъ поваренокъ княгининъ, да и ну кричать. Сбѣжались садовники, дворня, выбѣжала сама княгиня, ну съ сердцовъ и велѣла свиней зарубить. Съ того все и пошло: Егорку сослали въ деревню, а дѣвка осталась безъ жениха.

— Ну, этому горю еще можно помочь,—замѣтила императрица и улыбнулась: она видѣла теперь передъ собой несчастную Джульетту, а Ромео-Егорка представился ей пасущимъ гусей въ деревнѣ.

— А княгиня знаетъ, что ты любишь Егора?—спросила она потомъ дѣвушку.

— Нѣтъ, матушка, княгиня не знаетъ,—снова отвѣчала за Пашу Марья Савишна,—да дѣвка и заикнуться не посмѣетъ.

— А женихъ хорошій малый?—опять спросила государыня.

— Парень хорошій, матушка, не пьющій, смирный и изъ себя видный, богатырь: я знавала его, когда онъ служилъ еще у Льва Александрыча.

— Такъ это гайдутъ Егорка?.. Я и сама его помню, въ плечахъ косая сажень.

— Онъ самый, матушка государыня, Егорка.

— Ну, такъ я скажу Нарышкину, чтобъ онъ простилъ его.

— Ахъ, матушка государыня!—бросилась цѣловать у государыни руки Марья Савишна.—Святая ты передъ Господомъ! И въ писаніи сказано: блажени милостивіи... Къ бѣднымъ-то ты милостива, матушка!

— Ну, полно, Маша, захвалишь ты меня до смерти,—съ чувствомъ сказала императрица.

— Охъ, матушка-царица! Какъ и не хвалить тебя! Словъ не станетъ.

— Ну, будетъ, будетъ!

— Цѣлуй у государыни ножки, дѣвка, цѣлуй!—обратилась Марья Савишна къ Пашѣ.

Дѣвушка бросилась къ ногамъ императрицы.

— Хорошо, хорошо!—съ улыбкой отступала Екатерина отъ ползавшей по полу дѣвушки.—Такъ я же и свахой твоей буду у княгини.

Дѣвушка вся затрепетала отъ неожиданнаго счастья и снова разрыдалась.

— Молись! Молись на свою государыню, дѣвушка!—расплакалась и Марья Савишна.

Заплакала и державная сваха: всѣ три женщины плакали счастливыми слезами.

— Ба-ба-ба, и я расплачусь: О-о-о!

Это Левушка «шпынь» всѣхъ обдалъ холодною водой: онъ стоялъ въ дверяхъ и показывалъ видъ, что плачетъ.

Державная сваха хорошо выполнила свою роль.

Весною, вскорѣ послѣ Пасхи, на самую «красную горку», состоялась свадьба Егора и Паши. Левъ Александровичъ Нарышкинъ былъ посаженымъ отцомъ у Егора, а Марья Савишна посаженной матерью у Паши. Императрица прислала невѣстѣ дорогую брошку.

ЛЮБОВЬ СПАСЛА

Историческій разсказъ.

I. «Императрица-поденщица».

Весна 1793 года выдалась очень ранняя и теплая, и императрица Екатерина Алексѣевна переѣхала изъ Зимняго дворца въ Царское Село въ первой половинѣ мая.

Это были тревожные и трудные годы продолжительнаго и громкаго царствованія Семирамиды Сѣвера, какъ величалъ ее ловкій и плутоватый льстецъ Вольтеръ въ своихъ письмахъ. На плечахъ у нея войны съ Турціей, со Швеціей, раздѣлъ Польши, а столпы государства, на которые она могла опираться, падаютъ одинъ за другимъ: нѣтъ Потемкина, Панинымъ, Грейга, Вяземскаго.

Давно ли Храповицкій записывалъ въ своемъ «Дневникѣ» подъ 11-мъ октября памятнаго года: «въ обѣдъ пріѣхалъ курьеръ, что 1-го октября князю Потемкину опять хуже. Слезы». Подъ 12-мъ: «курьеръ къ пяти часамъ пополудни, что Потемкинъ повезенъ изъ Яссъ и, не переѣхавъ сорока верстъ, умеръ на дорогѣ ,5-го октября, прежде полудня... Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пускали кровь, въ 10 часовъ легли въ постель». Подъ 13-мъ: «проснулись въ огорченіи и слезахъ. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться». Подъ 16-мъ: «продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: «какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить! Все будетъ не то. Кто могъ подумать, что его переживутъ Чер-

нышевъ и другіе старики? Да и всѣ теперь, какъ улитки, станутъ высовывать головы». Я отрѣзалъ тѣмъ, что все это ниже ея величества. Такъ! Да я стара...» *).

Да, старость незамѣтно подкралась. А кто поддержитъ? Зубовъ? Гдѣ ему! Онъ еще мальчикъ... И подъ 17-мъ числомъ Храповицкій записываетъ: «Дуралеюшка Зубовъ удивился, услыша отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, что секретари ея величества докладываютъ по входящимъ бумагамъ...**).

«Дуралеюшка!»—вотъ замѣна Потемкину.

Все напоминаетъ о старости. Подъ 25-мъ октября слѣдующаго года неизмѣнный Храповицкій отмѣчаетъ: «Милостиво разговаривая о домѣ Убри, гдѣ я живу, сказывать изволила, что въ 1766 году (шутка ли! болѣе четверти столѣтія назадъ...) на масляной были въ немъ у Пассека Петра Богдановича, знаетъ столовую съ пятью окошками, и тогда Строгановъ проѣхалъ въ маскарадномъ платьѣ, и кучеръ былъ одѣтъ арлекиномъ. Съ удовольствіемъ повторили: «какъ все это еще помнится! ***).

А тутъ ужасныя событія во Франціи. Шагъ за шагомъ слѣдующій за императрицею въ ея домашней жизни Храповицкій 31-го января 1793 г. отмѣчаетъ въ «Дневникѣ»: «по утру дошло къ ея величеству извѣстіе, que le malheureux Louis XVI fut decapité le 10 (22) janvier 1793 ****). Наложенъ трауръ на шесть недѣль». И тутъ же дѣлаетъ глупѣйшее замѣчаніе: «стеченіе чиселъ: 10-го генваря 1775 года въ Москвѣ казненъ Пугачевъ»... Король Людовикъ XVI и Пугачевъ! А далѣе: «ея величество слегла въ постель—и больна, и печальна» *****).

Около половины марта въ Петербургъ прибылъ графъ д'Артуа, братъ обезглавленнаго короля, впослѣдствіи король Карлъ X. Его приняли съ подобающими почестями. А подъ 11-мъ апрѣля у Храповицкаго отмѣчено: «золотая шпага со вделанным солитеромъ въ 10,000 рублей и съ надписью на чашкѣ: «avec Dieu pour le roi» ******)—положена была на гробницѣ свя-

*) Дневникъ Храповицкаго. Н. Барсуковъ. Стр. 377—378.
**) Тамъ же, стр. 378.
***) Дневникъ Храповицкаго, стр. 413.
****) Что несчастный Людовикъ XVI обезглавленъ 10 (22) января 1793 г.
*****) Тамъ же, стр. 420.
******) Съ Богомъ за короля.

того Александра Невскаго. Митрополитъ, отслужа молобенъ, окропилъ ее святою водою, а Зубовъ съ прочими подарками отвезъ къ графу д'Артуа» *).

Въ апрѣлѣ будущій король французовъ выѣхалъ въ Англію, но англичане не позволили ему даже пристать къ берегамъ негостепріимнаго острова... «Симъ поступкомъ очень недовольны здѣсь»,—замѣчаетъ по этому поводу Храповицкій.

Вотъ въ какіе дни и при какихъ обстоятельствахъ начинается наше повѣствованіе.

Солнце стояло уже высоко надъ зеленѣющимъ молодою листвою царскосельскимъ паркомъ и жгло, точно лѣтомъ, а императрица все еще работала въ своемъ кабинетѣ. По временамъ она отодвигала отъ себя бумаги и задумчиво глядѣла въ окно, выходившее въ паркъ.

Въ дверяхъ кабинета показался Захаръ съ полотенцемъ въ рукахъ. Онъ былъ мраченъ. Императрица замѣтила это и невольно улыбнулась. Она догадалась, что любимый камердинеръ ея за что-нибудь сердится на нее. Не проходило, впрочемъ, дня, чтобы онъ не ворчалъ на свою повелительницу.

— Что, Захарушка?—спросила императрица, желая скрыть улыбку.

Захаръ молча подошелъ къ рабочему столу императрицы и провелъ пальцемъ по краю гладкой его поверхности, не обтянутой сукномъ, потомъ еще провелъ, точно выдѣлывая узоры, и нагнулся къ столу.

— Хоть указы пиши,—проворчалъ онъ.

— Ты, что, Захарушка?—переспросила императрица, показывая видъ, что не замѣчаетъ его выходки.

— Указы, говорю, пиши на столѣ, только безъ пера и чернилъ,—огрызнулся Захаръ.

— Да въ чемъ дѣло-то, Захаръ Константиновичъ? — нарочно дразнила государыня своего вѣрнаго слугу.

Захаръ, показавъ государынѣ палецъ, которымъ водилъ по столу, съ добродушнымъ азартомъ проговорилъ скороговоркой:

— Тебѣ, государыня, ничего, а мнѣ отъ Марьи Савишны достается: пыль, говоритъ, у государыни въ кабинетѣ никогда не стираешь, хоть узоры рисуй и указы пиши на небели... А когда ее стирать, когда ты ни свѣтъ, ни заря подымаешься!

*) Тамъ же, стр. 424, 425, 429.

— Нельзя, Захарушка, не вставать рано, дѣла много, — добродушно отвѣчала государыня.

— Дѣла много!—накинулся на нее Захаръ.—Да что ты у насъ, каторжная, что ли? И на каторгѣ меньше работаютъ. А то на! Императрица всероссійская, а хуже поденщицы хребетъ-отъ гнетъ надъ бумагами. Мало у тебя совѣтниковъ дармоѣдовъ: гдѣ бы ихъ заставить поработать да жиру поубавить, а она сама надрывается. А за все отвѣчай Захаръ.

Въ это время въ дверяхъ кабинета показалось новое лицо. Это былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, съ полными розовыми щеками и розовыми губами сердечкомъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и тщательно напудренными и зачесанными съ высокаго лба волосами съ завитою косицей. Въ рукахъ у него была папка съ бумагами.

— А! Это ты, Александръ Васильевичъ!—ласково сказала государыня.—Здравствуй!

— Здравія желаю вашему величеству,—былъ отвѣтъ съ низкимъ поклономъ.

— Разобралъ московскую почту

— Разобралъ, государыня.

— А что новаго?

— Князь Прозоровскій, ваше величество, доноситъ о розыскѣ по дѣлу мартинистовъ...

По лицу императрицы скользнула неуловимая тѣнь.

— Что же?—спросила она.

— Разобраны, государыня, бумаги Новикова, князя Николая Трубецкаго, Лопухина и Тургенева.

— И что же?

— Новаго, государыня, ничего не открыто.

— Я такъ и знала,—задумчиво проговорила императрица,—покойный князь Григорій Александровичъ былъ правъ,—какъ бы про себя добавила она.

Потомъ, отодвинувъ одинъ изъ ящиковъ стола, государыня достала оттуда вчетверо сложенный листъ бумаги и развернула его.

— Ты, кажется, этого не знаешь,—сказала она Храповицкому (это и былъ самъ Храповицкій, знаменитый авторъ «Дневника»):—да, не знаешь,—повторила она, глядя въ бумагу.— Когда въ позапрошломъ году я назначила князя Прозоровскаго

московскимъ главнокомандующимъ, князь Потемкинъ писалъ мнѣ: «ваше императорское величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старинную пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ, только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью имени вашего величества въ потомствѣ *). Я думаю теперь, не слишкомъ ли строго я поступила съ Новиковымъ, заключивъ его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Храповицкій молчалъ, глубоко смущенный. Онъ слыхалъ отъ Попова, бывшаго секретаря князя Потемкина, что и его имя значится въ спискѣ масоновъ **).

— Впрочемъ,—какъ бы опомнившись, заговорила императрица,—Новиковъ умнѣе ихъ всѣхъ, а потому и опаснѣе, а для тѣхъ, для Трубецкаго съ товарищами, достаточно и ссылки въ деревню ***). А ты слыхалъ,—весело добавила государыня,—какой въ Москвѣ былъ разговоръ у крестьянина князя Трубецкаго съ казеннымъ крестьяниномъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, государыня.

— А вотъ: казенный крестьянинъ спрашиваетъ крестьянина князя Трубецкаго: «зачѣмъ вашего барина сослали?» «За то,—отвѣчаетъ,—сказываютъ, что искалъ другого Бога».—На это казенный: «такъ онъ виноватъ, на что лучше русскаго Бога!» Не правда ли, какъ хороша cette naïveté ****).

— И точно, ваше величество,—согласился Храповицкій,—sancta simplicitas! *****).

Подписавъ нѣсколько бумагъ, государыня встала и, подавая ихъ своему секретарю, шутливо сунула ими въ выпятившійся животъ осчастливленнаго этимъ царедворца, прибавивъ:

— Je vous tuerai avec un morceau de papier! ******)

---

*) Словарь Бантышъ-Каменскаго, II, 46—58.

**) «Поповъ мнѣ божился, что по дѣлу Новикова я только въ одномъ реестрѣ прежнихъ массоновъ упомянутъ» (Дневникъ Храповицкаго, стр. 430).

***) «Державинъ мнѣ сказалъ, что при немъ ея величество меня и Ал. Ив. Васильева называла мартинистами, и что Новиковъ сочтенъ умнымъ и опаснымъ человѣкомъ» (тамъ же, стр. 430).

****) «Это наивность». Дневникъ Храповицкаго, стр. 411

*****) Святая простота.

******) Дневникъ Храповицкаго, стр. 401: «Ея величество изволила шутить и, толкнувъ меня въ брюхо бумагами, сказала: «je vous tuerai avec un morceau de papier! (я васъ убью клочкомъ бумаги)».—Такъ, ничто же сумняся, и записалъ.

— О, ваше величество!—отвѣшивая глубокій поклонъ, отвѣчалъ Храповицкій.—Не только ничтожнымъ клочкомъ бумаги, но единымъ словомъ, единымъ мановеніемъ руки ваше величество можете убить человѣка и возвести на вершину счастія...

Государыня, какъ бы желая размять усталые отъ долгаго сидѣнья за бумагами члены, подошла къ окну, выходившему въ паркъ.

— Какъ хорошо на дворѣ!—сказала она, открывая окно.—Пойти прогуляться по парку, а то сегодня Захаръ задалъ ужъ мнѣ порядочную головомойку.

— За что, государыня?—почтительно улыбнулся Храповицкій.

— За то, что рано встаю и работаю, не даю ему пыль стереть въ кабинетѣ: говоритъ, что я не императрица, а какая-то поденщица...

— И точно, ваше величество, Захаръ Константиновичъ правъ: онъ говоритъ это изъ глубокой преданности къ вашему величеству, — подтвердилъ Храповицкій,—непосильны труды ваши, государыня.

— Труды-то велики, правда,—возразила императрица,—но Богъ даетъ силы мнѣ трудиться... А можно ли, управляя Россіею, быть государемъ не трудолюбивымъ и не дѣятельнымъ *).

Храповицкій поклонился, ожидая отпуска.

— Да, правъ, правъ Захаръ,—снова улыбнулась императрица,—не государыня я, а поденщица... А все Богъ помогаетъ, русскій Богъ: на что лучше русскаго Бога!—заключила она словами казеннаго крестьянина и наклоненіемъ головы отпустила Храповицкаго.

II. Бѣлые павлины.

Едва Храповицкій откланялся императрицѣ, какъ въ кабинетѣ показался еще одинъ посѣтитель. Это былъ молодой человѣкъ, почти юноша, невысокаго роста, но широкоплечій и мускулистый, съ прекрасными черными глазами, въ которыхъ было что-то женственное.

*) Дневникъ Храповицкаго, стр. 392—393.

При входѣ его, лицо государыни, за минуту передъ тѣмъ задумчивое и озабоченное, разомъ прояснилось.

— А! Это ты, Платонъ! Что это у тебя?—спросила государыня.

— Записка Мильотія о Venus de Medicis,—отвѣчалъ пришедшій и почтительно поцѣловалъ у государыни руку.

— Эта та Venus, что въ гротѣ Лѣтняго сада? — спросила императрица.

— Да, государыня: ее поставилъ тамъ еще императоръ Петръ Первый.

— Что жъ онъ пишетъ?

— Говоритъ, что не въ бережи находится, и худыя руки къ ней придѣланы. Онъ совѣтуетъ взять ее оттуда.

— Знаю, — возразила императрица,—мнѣ и Храповицкій то же сказалъ... Только я что-то тутъ подозрѣваю.

— Что же, государыня?

— J'ai l'avis de bonne part, que Milioty est le confident et l'espion secret du duc d'Orleans *),—тихо сказала императрица.—Я и Храповицкому сказала, чтобы Венеру не трогать. Пусть стоитъ тамъ, гдѣ ее Петръ Первый поставилъ. Да, кстати,—прибавила государыня, подходя къ камину.

Она взяла съ камина футляръ и, поставивъ на столъ, открыла. Тамъ оказалось шесть крупныхъ камей, рѣзанныхъ на камнѣ.

— Это мнѣ вчера поднесъ Храповицкій за 510 рублей,—сказала государыня.

— А гдѣ онъ пріобрѣлъ ихъ? — спросилъ Зубовъ (это былъ онъ).

— У того же Мильотія.

Зубовъ сталъ разсматривать камеи.

— Я ихъ уже видѣлъ разъ, государыня,—сказалъ онъ.

— Гдѣ видѣлъ?

— Мильоти продавалъ мнѣ ихъ, и вотъ объ этомъ камнѣ говорилъ, что это рѣдкостный антикъ et comme une chose sainte **). А я въ этой камеѣ тотчасъ же узналъ Gelon, roi

---

*) Я имѣю основаніе думать что Миліотти довѣренный и тайный шпіонъ герцога Орлеанскаго.

**) Священная вещь.

de Siracuse *), что былъ вдѣланъ въ porte-montre de Mirabeau **).

Императрица задумалась. Она вспомнила, что Храповицкій говорилъ ей о какомъ-то курьерѣ, тоже итальянцѣ, соотечественникѣ того же подозрительнаго Миліоти, и о кучерѣ или извозчикѣ, который служилъ прежде, у кого? она не могла припомнить.

— Ахъ, да, вспомнила,—сказала она, разсматривая камею съ изображеніемъ сиракузскаго царя Гелона,—онъ служилъ у prince de Ligne, а курьера я сама знаю: это Чинати, курьеръ Храповицкаго изъ кабинета по должности секретарской.

— Чинати? Это у котораго хорошенькая дочка?—спросилъ Зубовъ.

Императрица взглянула на него испытующимъ взоромъ, и онъ сильно покраснѣлъ.

— А ты гдѣ ее видѣлъ?

— У Марьи Савишны,—отвѣчалъ юный царедворецъ въ глубокомъ замѣшательствѣ.

Онъ смѣшался не отъ этого вопроса, вопросъ былъ естественный: императрицу интересовало все, что касалось ея юнаго любимца, о которомъ она говорила, что «il est d'une humeur égale et trés aimable ***), а сердце предоброе и благородное», что «Зубовы всѣ люди добросердечные, mais la perle de la famille, selon moi, c'est Platon ****). Онъ смутился отъ взгляда государыни, потому что въ этотъ моментъ вспомнилъ, что нѣсколько дней тому назадъ, когда у графа д'Артуа былъ прощальный вечеръ и ужинъ, на которомъ присутствовалъ и Зубовъ, онъ замѣтилъ совершенно нечаянно, когда садился въ карету, что за нимъ подсматриваетъ переодѣтый Захаръ и, конечно, не изъ собственнаго любопытства: онъ понялъ, что за нимъ слѣдятъ. И дѣйствительно, у Храповицкаго подъ 14-мъ апрѣля записано: «Нѣсколько времени недовольны прогулками Зубова. Были о томъ рѣчи съ Зотовымъ (Захаромъ), и сегодня именно ему приказано было примѣтить, не поѣдетъ ли онъ куда

---

*) Гелона, царя Сиракузскаго.
**) Въ крышку часовъ Мирабо.
***) У него любезный и ровный характеръ.
****) Но перлъ фамиліи, по моему, это Платонъ.

послѣ ужина прощальнаго отъ графа д'Артуа. Зотовъ ѣздилъ самъ смотрѣть. Зубовъ пріѣхалъ прямо домой» *).

— Такъ, я подозрѣваю,—продолжала императрица, играя камеей Гелона,—не заводитъ ли здѣсь этотъ Миліоти якобинскаго клуба; а камеи и археологія это ширмы.

— Очень можетъ быть,—согласился Зубовъ.

— Боюсь, какъ бы этотъ сиракузскій царь Гелонъ,—продолжая играть камеей, заключила императрица,—не попалъ въ руки Степана Ивановича Шешковскаго: онъ большой знатокъ всякихъ камей.

Зубовъ понялъ, что императрица придаетъ серьезное значеніе археологическимъ подходамъ подозрительнаго Миліоти. Шешковскій, оберъ-секретарь тайной экспедиціи, была личность, наводившая на всѣхъ ужасъ. Имѣть дѣло съ любезнымъ Степаномъ Ивановичемъ, значило, по меньшей мѣрѣ, познакомиться съ кнутомъ. Не даромъ Потемкинъ, при встрѣчѣ съ нимъ, спросилъ, смѣясь: «Что, Степанъ Ивановичъ, кнутобойничаешь?»—«Помаленьку, ваша свѣтлость, помаленьку»,—отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ, потирая руки.

Но въ это время вниманіе императрицы было отвлечено отъ камеи чѣмъ-то другимъ. Она взглянула изъ окна въ паркъ и улыбнулась.

— Посмотри,—сказала она, подзывая къ окну Зубова,—ты видишь этихъ павлиновъ?

— Въ первый разъ, государыня, вижу бѣлыхъ павлиновъ,—отвѣчалъ Зубовъ, любуясь красивыми птицами,—откуда они?

— Мнѣ подарилъ ихъ сегодня одинъ богатый мужикъ, Никита Ѳедоровъ. Но что это проказникъ Левушка продѣлываетъ съ ними?

Вопросъ этотъ былъ вызванъ слѣдующею сценой. Оберъ-шталмейстеръ императрицы, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, котораго она дружески называла «Левушкой», «шпынемъ» и «проказникомъ» и о которомъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что «никто не заставлялъ ея такъ смѣяться, какъ Нарышкинъ, отличавшійся необыкновеннымъ комическимъ талантомъ» **)—присѣдалъ передъ павлиномъ и, снимая и надѣвал

*) Дневникъ Храповицкаго, стр. 425.
**) Записки Екатерины, 117.

шляпу, повидимому, дразнилъ красивую птицу. Павлинъ, видимо, сердился и распустилъ свой великолѣпный хвостъ, которымъ, казалось, хотѣлъ защитить свою робкую самку.

Нарышкинъ замѣтилъ въ окнѣ императрицу и сдѣлалъ ей глубокій реверансъ.

Императрица знакомъ позвала его въ комнаты.

— Ты что тамъ дурачился?—съ улыбкой спросила государыня вошедшаго къ ней оберъ-шталмейстера.

— Я не дурачился, всемилостивѣйшая государыня, — скромно отвѣчалъ Нарышкинъ, почтительно цѣлуя руку императрицы,—я бесѣдовалъ съ Романовичемъ и съ Романовной, государыня.

— Съ какими это еще Романовичами и Романовнами? — удивилась императрица.

— Съ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ, пѣвцомъ «Фелицы», а нынѣ тещиной подметкой...

Екатерина улыбнулась. Она вспомнила, что недавно при Нарышкинѣ и при Храповицкомъ выразилась о Державинѣ послѣ его доклада, что онъ ходитъ съ такими просьбами, какими бабы разжалобили тещу и жену его *).

— Ну, и что жъ?—спросила она.

— Онъ, государыня, распустилъ хвостъ и говоритъ: меня сама матушка царица «обѣлила», и теперь j'ai un coeur de roche и не боюсь тещи...

Императрица погрозила Левушкѣ пальцемъ. Она любила его дурачества, подъ которыми всегда прятались серьезные намеки. Государыня недовольна была навязчивостью и безтактностью Державина, и недавно, въ присутствіи Нарышкина и Храповицкаго, по поводу надоѣдливой просьбы одной барыни, велѣла сказать ей: j'ai un coeur de roche **), и спросить Державина, не знакома ли ему? Теща его всѣхъ просительницъ знаетъ ***).

Екатерина и потому любила шутки своего оберъ-шталмейстера, что онъ своими дурачествами, за которыми скрывалась глубочайшая преданность къ ней Нарышкина, развлекалъ ее и

---

*) Дневникъ Храповицкаго, стр. 389.
**) У меня сердце какъ скала.
***) Тамъ же, стр. 395.

давалъ ей возможность отдохнуть душой послѣ утомительныхъ государственныхъ занятій.

— Такъ это ты бѣлаго павлина принялъ за Державина?— спросила она, любуясь изъ окна красивой парочкой.

— Такъ точно, государыня; а было бы обиднѣе, если бы я ворону въ павлиньихъ перьяхъ принялъ за пѣвца Фелицы,— былъ отвѣтъ.

— А Романовна кто же?

— Это одна убійца, государыня.

— Убійца!—изумилась Екатерина.

— Да, матушка, убійца, безжалостная убійца, убійца борова голландскаго и свиньи...

Екатерина невольно разсмѣялась. Она догадалась, на кого направленъ этотъ колкій намекъ. Въ то время въ Петербургѣ много надѣлала шуму тяжба оберъ-шенка и сенатора Александра Александровича Нарышкина, брата Левушки, съ княгинею Дашковою, «двора ея величества статсъ-дамою, академіи наукъ директоромъ, императорской россійской академіи президентомъ, и кавалеромъ», знаменитою Екатериною Романовною, по приказанію которой были убиты принадлежавшіе Нарышкину боровъ и свинья, зашедшіе на дачу княгини Дашковой.

— Понимаю, понимаю, Левушка,—серьезно сказала государыня;—такъ ты все еще на нее сердишься за «Капоника», за «шпыня»?

Это былъ тоже историческій намекъ, очень знаменательный въ исторіи русской журналистики.

— Нѣтъ, матушка, я не сержусь на ворону въ павлиньихъ перьяхъ, которая по лѣсу летала и каркала, будто она троны раздаетъ,—отвѣчалъ Нарышкинъ не менѣе серьезнымъ историческимъ намекомъ.—А вотъ ты, государыня, сдѣлала большой промахъ.

— Въ чемъ, Левушка?

— А въ томъ, матушка, что сочинила провербу—«За мухой съ обухомъ» (извѣстное шуточное сочиненіе Екатерины, въ которомъ изображена княгиня Дашкова).

— Почему же?

— А потому, матушка, что надо было сочинить другую провербу—«За свиньей съ обухомъ»...

— Матушка! Иди чесаться!—раздался вдругъ голосъ сзади.

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стояла Марья Савишна Перекусихина, ближайшая и довѣренная камеръ-юнгфера императрицы.

III. Влюбленная парочка.

Надъ царскосельскимъ паркомъ стоитъ прелестная майская, палевая ночь. Блѣдныя звѣзды робко мигаютъ на небѣ, на которомъ блѣднорозовая заря борется съ палевыми, робкими сумерками. Въ паркѣ царитъ ночная тишина, и только издали откуда-то доносится равномѣрное выкрикиванье безсоннаго коростеля.

Въ одной изъ глухихъ аллей парка бѣлѣется женское платье. Стройная фигура молодой дѣвушки тихо двигается по аллеѣ. Въ рукахъ у дѣвушки желтый, пышно распустившійся одуванчикъ. Она бережно отрываетъ одинъ лепестокъ цвѣтка за другимъ и что-то тихо шепчетъ.

Что же иное можетъ шептать молоденькая дѣвушка, обрывая лепестки цвѣтка, кромѣ того, что внушаютъ ей неизмѣнные, божественные законы природы? Это не она сама, не дѣвушка, а всемогущая творческая природа вмѣстѣ съ этою палевою ночью и блѣдными звѣздами нашептываютъ ей: «любитъ—не любитъ; любитъ—не любитъ?» Это шепчетъ въ ней міровая гармонія, міровая любовь, которая создала и эти палевыя ночи, и эти блѣдныя звѣзды, и всю вселенную.

Съ этою блѣдною палевою ночью гармонируетъ и типъ молодой дѣвушки. Это типъ не сѣверный. Что-то есть въ немъ такое, что говоритъ о жаркомъ югѣ, о пламенномъ южномъ солнцѣ, о странахъ и горизонтахъ, не знающихъ блѣдныхъ палевыхъ ночей. Хотя она блондинка, но въ черныхъ глазахъ ея отражается знойное небо юга.

— Не любитъ,—грустно прошептала она, обрывая послѣдній лепестокъ цвѣтка.

Она остановилась и стала искать чего-то глазами. Въ лицѣ ея, немножко продолговатомъ, и въ формѣ губъ было что-то совсѣмъ дѣтское, хотя она смотрѣла совсѣмъ взрослой дѣвушкой, и стройный съ округленными плечами бюстъ ея былъ гармонично развитъ. Это былъ бюстъ Психеи, когда молодая грудь ея еще не трепетала блаженствомъ отъ прикосновенія крылатаго бога.

Дѣвушка скоро нашла то, чего искала. Впереди ея, у самой дорожки, стройно высилась надъ юною травкой желтая головка одуванчика. Дѣвушка нагнулась и сорвала цвѣтокъ.

Руки ея опять стали осторожно обрывать лепестокъ по лепестку.

— Любитъ—не любитъ? Любитъ—не любитъ...

Она такъ погрузилась въ это серьезное занятіе, что и не замѣтила, какъ сзади тихо подошелъ къ ней немолодыхъ уже лѣтъ мужчина, плотный и сильный брюнетъ, съ черными вьющимися на вискахъ и на затылкѣ волосами. Лицо его несомнѣнно обнаруживало южное происхожденіе, происхожденіе отъ расы, которой солнце, природа и исторія выковали характерный, невырождающійся типъ. Въ пришедшемъ было что-то цыгановатое, мягкое и врадчивое. Онъ и подкрадывался къ задумавшейся дѣвушкѣ съ ухватками кошки, подстерегающей зазѣвавшагося воробья.

— Любитъ—не любитъ? Любитъ не...

— Любитъ!—раздался тихій, вкрадчивый и страстный голосъ надъ ухомъ дѣвушки.

Она вся вздрогнула и уронила изъ рукъ полуоборванный цвѣтокъ.

— Ахъ, это вы, синьоръ Витторе!—прошептала она, вся вспыхнувъ.

— Я, mia cara... А вы не ждали меня?—вкрадчиво спросилъ пришедшій, цѣлуя руку дѣвушки.

— Я думала, что вы не придете,—отвѣчала она.

— Виноватъ, моя красавица; но меня задержали все по поводу моихъ камей: ими такъ интересуются всѣ ваши вельможи... Что же мы, однако, здѣсь стоимъ?—продолжалъ пришедшій.—Насъ могутъ увидѣть, тѣмъ болѣе, что вы, моя миньона, въ бѣломъ платьѣ, это неосторожно... Знайте впередъ, мое сокровище, что на свиданіи, по ночамъ надо ходить въ чемъ-нибудь темномъ, сѣренькомъ.

И, взявъ дѣвушку подъ руку, онъ повелъ ее вглубь аллеи. Онъ чувствовалъ, что дѣвушка дрожала.

— А вы вся дрожите,—замѣтилъ онъ.—Вамъ холодно?

— Нѣтъ, ночь теплая,—чуть прошептала дѣвушка.

— Или вы все еще боитесь меня?

— Нѣтъ, я васъ не боюсь: если бы боялась, то не вышла бы къ вамъ... А я всего боюсь.

Они завернули въ глухую аллею и сѣли на скамейкѣ, скрывавшейся въ молодой зелени густыхъ бузиновыхъ кустовъ.

— А знаете, милая Кира, можетъ быть, это наше послѣднее свиданіе,—взявъ холодную, нѣжную руку дѣвушки, тихо произнесъ тотъ, кого она назвала синьоромъ Витторе.

Дѣвушка замѣтно поблѣднѣла при этихъ словахъ, и прекрасные глаза ея расширились...

— Какъ послѣднее?—испуганно прошептала она.

— Да, боюсь, какъ бы не вышло такъ, — отвѣчалъ тотъ глухо.

— Что же случилось? Что вы задумали, Витторе?—еще съ большей боязнью спросила дѣвушка.

— Можетъ быть, мнѣ придется бѣжать...

— Бѣжать!—съ ужасомъ повторила дѣвушка.

— Да, милая Кира, или попасть въ тайную экспедицію, къ Шешковскому въ руки.

— Боже мой! За что же?

— Я ни въ чемъ не провинился, милая Кира; но меня, кажется, въ чемъ-то подозрѣваютъ... А у васъ, вы знаете, mia cara, достаточно малѣйшаго подозрѣнія, чтобы на вѣки сгинуть въ Шлиссельбургской крѣпости...

— Господи! Въ чемъ же васъ подозрѣваютъ?—ломала руки дѣвушка.

— Этого-то я и не знаю, дорогая Кира, и только на васъ моя и надежда.

— На меня, Витторе?—изумилась дѣвушка.

— Да, моя дорогая, и вы одна можете спасти меня,—отвѣчалъ пришедшій, какъ бы въ отчаяніи опуская голову.

— Но, ради Бога! Какъ и чѣмъ? Говорите, не мучьте меня!—волновалась дѣвушка.

— Слушайте,—сказалъ Витторе, понизивъ голосъ и ближе придвигаясь къ дѣвушкѣ. — Мнѣ передавали по секрету, что Храповицкій, секретарь императрицы и докладчикъ, тайно отъ всѣхъ ведетъ дневникъ. Каждый день онъ записываетъ все, что бываетъ при дворѣ и, въ особенности, во внутренихъ покояхъ государыни. Онъ заноситъ въ свой дневникъ каждое ея слово, ея именныя распоряженія, даже ея частные разговоры, шутки, ка-

ламбуры, словомъ, все. Вѣдь, вашъ батюшка состоитъ гофъ-курьеромъ при Храповицкомъ?

— Да, онъ кабинетскій гофъ-курьеръ,—отвѣчала дѣвушка.

— И часто у него бываетъ?

— Каждый день почти неотлучно.

— А вы, дорогая Кира, бываете въ его аппартаментахъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Онъ холостой мужчина.

— Но, вѣдь, вы же знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ его домашнихъ?

— Да, его экономка бываетъ у насъ, а съ ея дочерью Катей я дружна почти съ дѣтства.

Синьоръ Витторе, видимо, обрадовался.

— Ахъ, Кира, Кира моя! Cara mia! — прошепталъ онъ, сжимая руки дѣвушки.—Ты и твоя Катя, вы однѣ можете спасти меня.

— Но какъ, милый Витторе?—недоумѣвала дѣвушка.

— А вотъ какъ, дорогая миньона: не можетъ ли милая Катя достать мнѣ дневникъ Храповицкаго хоть на одинъ часъ?

— Но зачѣмъ онъ вамъ, Витторе?

— Прочитать только то, что тамъ обо мнѣ написано, только, моя радость!

— Но какъ же его достать, Витторе, когда Александръ Васильевичъ всегда запираетъ его въ свой письменный столъ?

— Нѣтъ, моя дорогая, не всегда запираетъ. Мнѣ навѣрное передавали, что онъ по ночамъ пьетъ и ложится спать всегда сильно отуманенный Бахусомъ—per bacco *)! Часто, поэтому, дневникъ его остается въ кабинетѣ на столѣ до утра. Въ это-то время Катя, ставъ пораньше, когда Храповицкій еще валяется въ спальнѣ, и можетъ тихонько взять дневникъ и принести къ тебѣ, а ты мнѣ.

— Но Александръ Васильевичъ за это время проснется и схватится дневника,—возразила дѣвушка.—Что тогда съ нами будетъ?

— Правда, правда, моя умница! Ну, мы тогда поступимъ иначе.

— Какъ же?—спросила Кира, которая горячо приняла къ

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Бантышъ-Каменскій (Словарь, III, стр. 507).

сердцу опасное предложеніе вкрадчиваго итальянца, лишь бы только спасти его, свою любовь, свое счастье.

— Катя писать умѣетъ?

— Конечно. Мы съ нею вмѣстѣ учились.

— Такъ пусть она спишетъ то мѣсто изъ дневника, гдѣ говорится обо мнѣ.

— А если не говорится?—спросила Кира.

— Навѣрное говорится; мнѣ даже говорилъ объ этомъ вашъ батюшка. Онъ самъ разъ утромъ видѣлъ въ кабинетѣ Храповицкаго на столѣ дневникъ и прочелъ одно мѣсто, гдѣ говорится: «докладывалъ по запискѣ Мильотія», о чемъ, вашъ батюшка не разобралъ, потому что дальше было написано по-французски; но ясно, что говорилось о Венерѣ Медичисовъ, что въ гротѣ Лѣтняго сада, что статуя рѣдкая, да только въ небреженіи находится, и руки къ ней приставлены худыя. Это я, дѣйствительно, писалъ въ своей запискѣ. А что дальше написано тамъ по-французски, то изъ этого всенепремѣнно явствуетъ, что то написано для конфиденту, по тайности.

— Но вѣдь Катя, Витторе, не знаетъ по-французски,—замѣтила Кира, видимо разочарованная и опечаленная этимъ несчастіемъ.

— Ничего, моя радость!—успокаивалъ ее собесѣдникъ.—Непонятныя слова пусть она только скопируетъ, срисуетъ, и ужъ я пойму все, мнѣ не привыкать.

Дѣвушка молчала, обдумывая все ей сказанное.

— Такъ будетъ это, моя Кира, будетъ? Ты спасешь меня?—страстнымъ шопотомъ допрашивалъ итальянецъ.

— Да, да, мой Витторе! Мой возлюбленный! Что бы ни было, я все сдѣлаю!—порывисто шептала дѣвушка, пряча свою пылающую головку на груди своего демона.

А ночь стояла все та же блѣдная, палевая, тихая, и только вдали коростель выбивалъ свою однообразную пѣснь любви...

IV. «Россія дороже всѣхъ боговъ Олимпа».

Тихая палевая ночь не долго, однако, прикрывала своимъ прозрачнымъ покровомъ влюбленную парочку. Сѣверныя майскія ночи очень предательскія, не то, что южныя, черныя, непроницаемыя, какъ тайны влюбленныхъ. И наша парочка дол-

жна была скоро разойтись, потому что сѣверовосточный край горизонта алѣлъ и алѣлъ съ каждою минутою.

Дѣвушка возвращалась домой торопливо, лихорадочно, и, казалось, вся рдѣла отъ счастья. Ей сдавалось, что если бы кто встрѣтилъ ее теперь, освѣщаемую утренней зарей, сіяющую внутреннимъ блаженствомъ, то непремѣнно замѣтилъ бы э т о-т о, что тамъ было, замѣтилъ бы на ея пересохшихъ и какъ бы припухшихъ губкахъ, на ея пламенѣющихъ щекахъ, на лбу, на волосахъ, на всемъ ея существѣ...

— Онъ любитъ, онъ любитъ!—неслышно шептали теперь ея горячія губки, и ей казалось, что эта розовая полоса зари, которая глядѣла на нее изъ-за деревьевъ парка, тоже шептала: «онъ любитъ, любитъ!»

Ей становилось стыдно этой розовой зари... «Она видѣла, какъ я его цѣловала, я, я!..»

А онъ удалялся, потупивъ въ раздумьѣ голову, повидимому, сердитый и усталый.

— Она достанетъ, непремѣнно достанетъ, per Bacco!— шептали его невидимыя подъ густыми усами губы.

Кто же былъ онъ? Читатель, конечно, догадался, что это былъ итальянецъ Миліоти, о которомъ императрица говорила съ Храповицкимъ и Зубовымъ, знатокъ классическихъ древностей и обладатель дорогихъ камей. Въ немъ было, дѣйствительно, что-то таинственное. Онъ уже нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ, былъ вхожъ ко всей знати, какъ знатокъ и цѣнитель всякихъ антиковъ, говорилъ, помимо родного языка, языка Данта и Петрарки, на языкѣ Вольтера и Дидро, зналъ по-польски и почти чисто объяснялся по-русски. Многіе видѣли въ немъ авантюриста, которыми въ тотъ странный вѣкъ, когда бѣглые ссыльные, какъ Морицъ Беніовскій, дѣлались королями Мадагаскара, а бѣглый донской хорунжій, Емелька Пугачевъ, оспаривалъ императорскую корону у Семирамиды Сѣвера, въ этотъ странный вѣкъ авантюристами была запружена вся Европа.

Дѣвушка же, которую этотъ таинственный антикварій называлъ Кирою, и которая, повидимому, любила его первою, чистою, какъ грезы ребенка, и такою же, какъ первыя грезы молодости, пламенною любовью, была единственная дочь Чинати, о которомъ тоже упоминала императрица и который былъ у Хра-

новицкаго кабинетскимъ курьеромъ по секретарской части, слѣдовательно, лицомъ придворнымъ. Онъ уже давно состоялъ на русской службѣ, пріѣхавъ въ Россію съ отцомъ еще въ дѣтствѣ и былъ отличаемъ при дворѣ, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ и толковыхъ исполнителей приказаній, исходившихъ свыше.

Меліоти часто бывалъ у этого Чипати, какъ у своего соотечественника, и тамъ онъ познакомился съ молоденькою и прелестною Кирою.

Подобно тому, какъ юная Дездемона, слушая трепетной душой повѣствованія Отелло о его дивныхъ и трагическихъ похожденіяхъ, пламенно полюбила своимъ дѣтскимъ сердцемъ смуглаго какъ голенище мавра, такъ и молоденькая Кира сначала заслушивалась до умиленія, до слезъ поэтическихъ разсказовъ таинственнаго Витторе Миліоти о чудной странѣ, омываемой голубыми морями и накрытой, какъ дивнымъ шатромъ, темносинимъ небомъ, о родинѣ ея отца, о ея природѣ и людяхъ, о пышныхъ дворцахъ «царицы морей» и «вѣчнаго города», о горахъ, извергающихъ съ вершинъ своихъ пламя, о лаврахъ и миртахъ, зеленѣющихъ круглый годъ, объ апельсинахъ, зрѣющихъ зимой подъ знойнымъ солнцемъ, и о величественныхъ пальмахъ,—полюбила его, наконецъ, со всѣмъ пламенемъ только-что распустившагося, подобно розѣ подъ весеннимъ солнцемъ, молодого, отзывчиваго, какъ Эолова арфа, прекраснаго сердца, хотя онъ былъ втрое ея старше.

На другой день послѣ свиданья влюбленныхъ въ паркѣ по той же аллеѣ проходила императрица. Это была ея утренняя прогулка въ промежуткѣ двухъ докладовъ, секретарскаго и сенатскаго.

Государыня шла въ глубокой задумчивости. Для нея, повидимому, не существовало ни этой свѣжей, только-что распускающейся зелени, ни этихъ скромныхъ подснѣжниковъ, глядѣвшихъ на нее изъ гущины сочной весенней травки, ни этого голубого неба. Казалось, она къ чему-то прислушивалась, но не къ тому, что вокругъ нея, внѣ, а къ чему-то въ ней самой, въ ея сердцѣ, въ ея памяти.

Задумчиво остановилась она около статуи Аполлона Бельведерскаго и, казалось, что-то припоминала.

Да, она припоминала что-то очень далекое, и такое дорогое

и такое горькое. Молодость припоминала она при видѣ этой статуи. Она тогда не была еще Семирамидой Сѣвера. Она не раздавала тогда еще троновъ, царственныхъ порфиръ и вѣнцовъ. Но тогда она могла давать что-то болѣе дорогое, любящее, не изверившееся сердце. А теперь это царственное сердце извѣрилось въ людяхъ, и соловьи, какъ прежде, не запоютъ уже въ этомъ сердцѣ: они умолкли въ немъ, какъ умолкаетъ все глубокой осенью.

Она вспомнила одинъ случай изъ того дорогого прошлаго... И Левушка тутъ былъ тогда, Левушка, уже старикъ теперь, хотя такой же повѣса, какъ и тогда. И онъ, тотъ юноша, такъ напоминавшій собою Аполлона... А теперь она отнимаетъ у него полцарства, все отнимаетъ, что тогда дало ея молодое, не извѣрившееся сердце...

— Такъ быть должно!—тихо прошептали ея сурово сжатыя губы.—Слава и могущество Россіи прежде всего!

Она невольно вздрогнула... За зеленью, что была позади статуи, она увидѣла Нарышкина—Левушку, о которомъ сейчасъ невольно вспомнила...

— Левушка! Это ты!—невольно вырвалось у государыни.

По щекамъ Нарышкина текли слезы...

Глубоко преданный Екатеринѣ почти съ дѣтства, другъ ея молодыхъ лѣтъ, когда она была еще великой княгиней, другъ самоотверженный и безкорыстный, онъ, казалось, жилъ ея жизнью, ея счастьемъ, ея славою. Онъ и старѣлся вмѣстѣ съ нею.

Когда она, такая задумчивая и грустная, одиноко шла по аллеѣ, Левушка издали, невидимо, наблюдалъ за нею. Онъ не могъ не видѣть, какъ безжалостные годы отражались на ея лицѣ, вырѣзывая морщинку за морщинкой на этомъ мраморномъ челѣ, вплетая сѣдыя паутины въ ея роскошную косу. Онъ своимъ преданнымъ сердцемъ понималъ, о чемъ она такъ глубоко задумалась. Онъ вмѣстѣ съ нею переживалъ и ея, и свою жизнь, хотя въ его жизни, праздной и веселой, не было столько заботъ, царственныхъ заботъ, тревогъ, огорченій и разочарованій. Онъ тихо шепталъ, слѣдя издали за нею: «матушка! матушка!»

Когда она остановилась у статуи Аполлона, онъ вспомнилъ то же, что она вспомнила, свою и ея молодость вспомнилъ и того друга своей молодости, у кого отнимаютъ теперь царство...

И у него, вѣчно беззаботнаго повѣсы, у него, проказника до гробовой доски, невольно потекли изъ глазъ слезы...

— Другъ мой! Ты плачешь?—невольно вырвалось у императрицы.

Нарышкинъ упалъ передъ ней на колѣни и, цѣлуя край ея платья, беззвучно плакалъ.

— О чемъ ты?—спрашивала государыня, глубоко тронутая небывалою сценою.

Нарышкинъ молчалъ и плакалъ. Это встревожило государыню.

— Левъ Александровичъ! Я тебѣ приказываю сказать, о чемъ ты плачешь? Встань!—повелительно, но ласково сказала императрица.

Нарышкинъ выпрямился.

— Повинуюсь именному указу вашего императорскаго величества!—сказалъ онъ торжественно, хотя слезы продолжали крупными каплями катиться по его полнымъ щекамъ.

— О чемъ это?—еще милостивѣе спросила государыня.

— О тебѣ матушка!—былъ отвѣтъ.

— Обо мнѣ?—удивилась императрица.

— И вотъ о немъ!—указалъ онъ на статую Аполлона.—Ахъ, какъ это давно было!

Императрица поняла его, потому что привыкла угадывать даже мысли своего стараго друга.

— И мнѣ жаль его, другъ мой, — грустно сказала она.

— Пощади его, государыня, хотя ради его божественнаго прошлаго,—тихо, едва слышно произнесъ Нарышкинъ.

— Божественнаго? Да, оно было божественно,—загадочно сказала императрица,—но боги Олимпа теперь стали простыми орнаментами для смертныхъ.

— Такъ, твоя правда, государыня.

— Чего же ты просишь?

— Только пощады для него, государыня.

— Я пощажу его лично, другъ мой; но знай, что Россія, ея слава и могущество дороже для меня всѣхъ боговъ Олимпа, дороже моего сердца, дороже моего личнаго счастья! Что совершается, должно совершиться. Я думала войти въ Польшу къ готовой конфедераціи, но, вмѣсто того, войска мои дошли до Варшавы, и конфедерацію открыли за спиной арміи. Они сами не

сдержали слова, и теперь беру я Украину взамѣнъ моихъ убытковъ и потери людей... Теперь Кречетниковъ доноситъ, что во всѣхъ земляхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, всѣ охотно мнѣ присягаютъ. Гарнизонъ Каменца-Подольскаго тоже присягнулъ мнѣ добровольно *).

Въ это время по аллеѣ быстро приближался Храповицкій. Онъ былъ красенъ и торопливо вытиралъ фуляромъ сильно вспотѣвшій лобъ.

Увидѣвъ его, императрица спросила:

— Что, Александръ Васильевичъ, потѣешь?

Это былъ почти всегдашній вопросъ Екатерины при встрѣчахъ съ своимъ потливымъ секретаремъ, о чемъ онъ съ неизмѣнной добросовѣстностью и записывалъ въ своемъ «Дневникѣ».

— Преужасно потѣю, ваше величество!—съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Храповицкій.

— Такъ купайся чаще. Что это у тебя?

— Abraxas, ваше величество, что вы изволили приказать купить у Мильотія.

— На себя купилъ?

— На себя, государыня.

— А покажи.

Храповицкій подалъ пріобрѣтенные имъ абраксасы.

Императрица внимательно разсматривала ихъ и показала Нарышкину.

— Хочу послать ихъ, для счастія, какъ талисманъ, къ воюющимъ братьямъ короля французскаго,—пояснила государыня.

— Что же эти головки изображаютъ, матушка? — спросилъ Нарышкинъ.

— Одна, in taglio—celle d'Aurélie, mère d'Auguste, а эта—celle de Mécène. Спасибо, Александръ Васильевичъ!—милостиво поблагодарила Храповицкаго императрица **).

Изъ-за поворота аллеи показалась знакомая уже намъ парочка бѣлыхъ павлиновъ.

— А! Вотъ и Гаврило Романовичъ съ княгинею Дашковою!—съ прежней беззаботностью воскликнулъ Нарышкинъ, увидѣвъ красивую парочку.

---

*) Дневникъ Храповицкаго, стр. 422, 424—425.
**) Дневникъ Храповицкаго, стр. 413—414

— Кстати,—обратилась императрица къ Храповицкому,— надо же отблагодарить Никиту Өедорова за павлиновъ. Какъ ты думаешь: можно дать ему серебряную кружку?

— Отчего же, ваше величество! Можно, я думаю,—отвѣчалъ Храповицкій.

— Но вѣдь я даю кружки за другія дѣла,—возразила Екатерина.

— Что же, государыня, тѣ кружки бываютъ съ надписью, за что пожалованы; а Никита Өедоровъ мужикъ богатый, и деньгами подарить его неловко,—отвѣчалъ докладчикъ.

— Хорошо. Такъ приготовь для него кружку во сто пятьдесятъ рублей.

— Слушаю, ваше величество.

V. Кабинетскій шпіонъ.

Прошло нѣсколько недѣль.

Въ кабинетѣ императрицы идетъ докладъ по дѣламъ тайной экспедиціи. Докладываетъ новый генералъ-прокуроръ, Александръ Николаевичъ Самойловъ, смѣнившій престарѣлаго князя Вяземскаго, котораго съ торжествомъ похоронили въ лаврѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Самойловъ—родной племянникъ покойнаго князя Потемкина по матери. Это бывшій боевой генералъ, который 6-го декабря 1788 года первымъ ворвался въ неприступныя твердыни Очакова.

При докладѣ присутствуетъ одинъ только Платонъ Александровичъ Зубовъ.

— Кто производилъ обыскъ?—спросила императрица, когда Самойловъ удобнѣе раскладывалъ внесенныя въ кабинетъ бумаги.

— Самъ Степанъ Ивановичъ, государыня.—отвѣчалъ Самойловъ.

— Шешковскій въ этомъ дѣлѣ мастеръ, — замѣтила Екатерина, взглянувъ на Зубова.

— Въ квартирѣ производилъ обыскъ или въ другихъ мѣстахъ?—спросилъ этотъ послѣдній, видя на себѣ пристальный взглядъ государыни.

Зубовъ зналъ, что императрица особенно заботилась, чтобы

онъ вникалъ въ государственныя дѣла, и потому требовала, чтобы при докладахъ онъ возможно внимательнѣе слѣдилъ за всѣмъ, не былъ безучастнымъ зрителемъ и не изображалъ изъ себя олицетвореніе разсѣянности и скуки, какъ предмѣстникъ его графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

— Всюду, гдѣ признавалось необходимымъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Самойловъ на вопросъ Зубова,—и въ квартирѣ, и внѣ квартиры.

— Что же найдено особенно подозрительнаго?—спросила Екатерина.

— Наибольшую подозрительность, ваше величество, возбудили выписки изъ какого-то дневника,—отвѣчалъ докладчикъ.—Сначала арестованный запирался, упорно отрицалъ значеніе выписокъ; но когда я пригрозилъ ему пристрастіемъ, то онъ сознался, что это выписки изъ дневника Александра Васильевича Храповицкаго.

— Храповицкаго!—изумилась императрица и даже привстала.—Моего личнаго секретаря?

— Такъ точно, ваше величество,—отвѣчалъ Самойловъ.

— Такъ Храповицкій ведетъ дневникъ?

— Судя по выпискамъ, государыня, да

— Значитъ, тайно отъ всѣхъ?

— По всѣмъ вѣроятіямъ, а иначе кто-нибудь зналъ бы объ этомъ. Ясно, что онъ таится.

— А если таится, значитъ, считаетъ дѣло преступнымъ.

Императрица въ волненіи встала и подошла къ Самойлову.

— Покажи мнѣ эти выписки,—сказала она.

Самойловъ подалъ нѣсколько листковъ исписанной бумаги, въ осьмушку, мѣстами пропитанныхъ для чего-то масломъ. Императрица стала разсматривать бумаги.

— А чья это рука? Не самого арестанта?—спросила она.

— Нѣтъ, государыня, его руку я знаю,—отвѣчалъ генералъ-прокуроръ.

— Чья же, если не его?

— Еще не дознано, ваше величество.

— Не говоритъ?

— Упорно уклоняется отъ отвѣта на сей вопросный пунктъ.

— Значитъ, у него есть сообщники?

— Надо такъ полагать, государыня.

Екатерина съ брезгливостью, но съ любопытствомъ стала разбирать рукопись.

— Кажется, женская рука,—замѣтила она.

— Cherchez la femme *),—вставилъ Зубовъ.

— Именно, cherchez la femme! И мы ее найдемъ!—настойчиво сказала императрица, разсматривая листки.—Начинается двадцатымъ числомъ, но какого мѣсяца и года, не видно... «Докладывалъ по запискѣ Мильотія, о Venus de Medicis,—съ трудомъ разбирала она,—Venus de Medicis, находящейся въ гротѣ Лѣтняго сада, что статуя рѣдкая, но не въ бережи, и худыя руки къ ней придѣланы»...

Екатерина остановилась, пораженная изумленіемъ.

— Да, дѣйствительно,—сказала она, глядя на Зубова,—на дняхъ Храповицкій, именно, объ этомъ мнѣ докладывалъ, это вѣрно.

— И при мнѣ объ этомъ была рѣчь,—добавилъ Зубовъ.

— Посмотримъ, что дальше,—продолжала государыня разбирать рукопись,—«Отозвались (это, по всей вѣроятности, я, «отозвались»—вѣжливо, почтительно, а не «отозвалась»)—отозвались qu'on a l'avis de bonne part, que Miliottý est le confident et l'espion secret du duc d'Orleans»... Такъ вотъ оно, откуда вѣтромъ повѣяло, вотъ для чего понадобились эти выписки. А французскія слова и нарѣчія списаны, видимо, чрезъ промасляную бумагу, карандашемъ, просто срисованы. Надо полагать, что прекрасная сообщница не знаетъ французскаго языка и копировала слова безсознательно: вѣроятно, подучена болѣе умнымъ, прибѣгнуть къ маслу умно!

Императрица глядѣла на присутствовавшихъ гнѣвными, блестящими глазами. Тѣ молчали.

— Посмотримъ, что дальше... «Венеру не трогать (читала она); пусть стоитъ тамъ, гдѣ Петръ Первый поставилъ». И сіе съ подлиннымъ вѣрно: я такъ и сказала—не трогать. Двадцать перваго, второго, третьяго и четвертаго Александръ Васильевичъ, какъ видно, ничего не изволили записать, но зато разразились двадцать пятаго... Почитаемъ, это настоящій романъ... «Милостиво разговаривая о домѣ Убри, гдѣ я живу, сказывать изволили (опять почтительно—замѣтили въ скобкахъ—«изво-

*) Ищите женщину.

лили»), что въ 1766 г. на масляной была въ немъ у Пассека Петра Богдановича (и то правда—была и сказывала ему); знаетъ столовую съ пятью окошками (знаю и помню), и тогда Строгоновъ проѣхалъ въ маскарадномъ платьѣ и кучеръ былъ одѣтъ арлекиномъ». Правда, правда. «Съ удовольствіемъ повторили, какъ все это помнится!» Да, точно, повторяла съ удовольствіемъ. Это было тогда, когда ты, Платонъ Александровичъ, еще не родился,—съ улыбкой обратилась императрица къ Зубову,—ты родился въ 67-мъ году, такъ?

— Такъ точно, государыня,—отвѣчалъ Зубовъ, краснѣя.

— Вонъ какая я старуха!—не безъ волненія произнесла государыня.

Она нѣсколько разъ прошлась по кабинету въ глубокой задумчивости. Ни Самойловъ, ни Зубовъ не осмѣлились прервать ея молчанія. Казалось, она забыла и присутствовавшихъ, и интересовавшія ее выписки.

Наконецъ, она остановилась, какъ бы опомнившись.

— Полюбопытствуемъ, что дальше,—сказала она, поднося выписки къ глазамъ.—Двадцать восьмое. «Передъ обѣдомъ отъ ея величества присланъ ко мнѣ Поповъ, чтобы я у Мильоти купилъ на себя aЬraxas и Поповъ не зналъ, что такое aЬraxas». Бѣдный Васенька не знаетъ, что такое aЬraxas,—улыбнулась государыня,—вѣрно ученъ на мѣдныя деньги, а теперь, благодаря уму своему и свѣтлѣйшему, ворочаетъ милліонами... Такъ, такъ, все это вѣрно, и съ абраксасами вѣрно: Александръ Васильевичъ не лжетъ на меня, это хорошо. А вотъ и двадцать девятое. «По утру (читаетъ государыня) я подалъ абраксасы, которыя для счастія, какъ талисманы, хотѣли послать къ воюющимъ братьямъ короля французскаго, но не хороши и не показались (правда, правда). Однако же полюбились двѣ большія головы, in taglio, celle d'Aurélie, mère d'Auquste et celle de Mécène. Ихъ купили, всѣмъ хвастали, а меня благодарили». И то не ложь: хвастала и благодарила. Все это очень, очень любопытно. А что дальше? Четвертое число: «Поднесъ шесть крупныхъ рѣзныхъ камей за пятьсотъ десять рублей. Очень были довольны и мнѣ сказали, что цесаревичъ очень полюбилъ и хвалитъ старшую принцессу (это невѣсту-то свою, принцессу

Баденъ-Дурлахъ); но женихъ застѣнчивъ и къ ней не подходитъ (да, молодо, робѣетъ, улыбнулась государыня,—и теперь продолжаетъ робѣть мой любимый внучекъ, Саша, хоть, и мужемъ ужъ сталъ, скромникъ; зато княжна Лизочка не-промахъ). Она очень ловка и развязна: elle est nubile à treize ans». Правда, правда, совсѣмъ ребенокъ: шутка—тринадцать лѣтъ, и ужъ женщина, жена!—говорила какъ бы сама съ собой императрица.—Да оно и лучше, для здоровья лучше, природу насиловать вредно, особенно, когда дѣвочка уже сформировалась и развилась... Ну, я заботилась, сейчасъ видно, что бабушка, а скоро и прабабушкою буду.

Государыня съ доброю улыбкою посмотрѣла на Зубова, а потомъ на Самойлова. Тѣ почтительно молчали.

— А! Вотъ скоро и конецъ,—сказала она, посмотрѣла на листки.—Пятое: «Было со мною изъясненіе (читалось дальше). Въ камеяхъ вчерашнихъ Зубовъ узналъ (это объ тебѣ,—улыбнулась Екатерина Зубову),—узналъ Gelon, roi de Syracuse, что былъ обдѣланъ porte-montre de Mirabeau, который Мильоти выдавалъ ему за рѣдкость et comme une chose sainte. Подозрѣніе на Мильоти. Не заводитъ ли здѣсь якобинскаго клуба? Я сказалъ, что зналъ отъ Чинати. Два раза начинали о семъ говорить и приказали мнѣ, чтобы Чинати замѣчалъ, но послѣ того позванъ былъ Самойловъ (это объ тебѣ ужъ,—и то вѣрно), и онъ, вышедъ отъ ся величества, просилъ меня, чтобы его познакомить съ Чинатіемъ, моимъ курьеромъ, изъ кабинета по должности секретарской».

Государыня взглянула на генералъ-прокурора.

— Точно, государыня, я просилъ объ этомъ Александра Васильевича,—подтвердилъ Самойловъ.

— Все это вѣрю,—согласилась Екатерина.—Посмотримъ, чѣмъ кончаются выписки. Шестое: «Донесъ, что послалъ своего Чинатія къ Самойлову. Такъ я велѣла (это мои слова), чтобы онъ поговорилъ и съ извозчикомъ, который былъ у принца de-Ligne и теперь живетъ у Мильоти. Тутъ надобно только примѣчать, и когда начнутся шалости, то велѣть ему выѣхать изъ Россіи».

— Все,—заключила императрица,—шалости начались... А не знала я, что мой Александръ Васильевичъ шпіонитъ за мной...

Вотъ оно что... Не ладно, шпіонъ въ моемъ кабинетѣ... Надо съ нимъ покончить... Кабинетскій шпіонъ-съ.

IV. «Сошлю его прямо... въ сенатъ!»

Императрица передала выписки изъ «Дневника» Храповицкаго генералъ-прокурору и сѣла на прежнее мѣсто. Мраморное лицо ея какъ бы застыло.

— Я слушаю,—сказала она, помолчавъ.

Самойловъ, положивъ къ прочимъ бумагамъ выписки и, помѣстившись противъ государыни, началъ свой докладъ.

— Какъ справедливо изволилъ замѣтить его превосходительство, Платонъ Александровичъ «cherchez la femme»,—началъ генералъ-прокуроръ,—я и самъ прежде всего остановился на этой мысли. Прежде всего я задался вопросомъ: откуда, отъ кого могъ узнать онъ, что Александръ Васильевичъ ведетъ дневникъ, когда ни ваше величество, и никто изъ насъ даже не подозрѣвали ничего подобнаго. Онъ могъ узнать это только отъ самаго близкаго къ Александру Васильевичу человѣка, отъ его домашнихъ.

— А Чинати по землячеству и по дружбѣ не могъ ему сказать объ этомъ?—спросила императрица.

— На этой мысли и я останавливался, государыня,—согласился генералъ-прокуроръ.—Первымъ дѣломъ я и взялъ Чинатія къ допросу. Онъ сознался, не отрицаетъ, что Мильоти бывалъ у него часто; о дневникѣ Александра Васильевича онъ не зналъ, а только догадывался, потому что видѣлъ у него въ кабинетѣ, всего разъ какъ-то, какъ Александръ Васильевичъ вписывалъ что-то въ книгу, переплетенную въ красный сафьянъ съ золотыми узорами по краямъ и на корешкѣ и съ золотымъ обрѣзомъ, и предположилъ, что это дневникъ. Но онъ никому объ этомъ не говорилъ, развѣ что проговорился нечаянно Мильотію, когда тотъ однажды сказалъ ему, что слышалъ нерѣдко передаваемыя отъ придворныхъ особъ, словесно, мудрыя и острыя изреченія вашего величества и выразилъ сожалѣніе, что жаль-де, если эти драгоцѣнные перлы реченій великой монархини пропадутъ безслѣдно, не бывъ никѣмъ записаны, и что будто бы Чинатій на сіе возразилъ: «кажется-де, что Александръ Васильевичъ иныя мудрыя изреченія записываетъ въ своемъ дневникѣ». Изъ сего показанія, само собою, истекало, во-первыхъ, что Александръ Васильевичъ

вичъ, дѣйствительно, ведетъ дневникъ, что и подтверждаютъ прочитанныя вашимъ величествомъ выписки.

— Конечно,—подтвердила государыня,—это ясно, какъ свѣтъ.

— Во-вторыхъ, — продолжалъ генералъ-прокуроръ, — что о семъ дневникѣ зналъ, кромѣ Чипатія, и Мильоти. Остановившись на сихъ данныхъ, я долженъ былъ искать третье лицо, сообщницу сего дѣла...

— Съ этого и слѣдовало начать,—возразила Екатерина.

— Прежде всего,—продолжалъ Самойловъ,—я остановился на дочери Чипатія, на дѣвицѣ Кирѣ.

— А ее Кирою зовутъ?—спросила государыня, взглянувъ на Зубова.

— Кирою, ваше величество,—отвѣчалъ Самойловъ.

— Какое романтическое имя,—замѣтила государыня.—Продолжай, я слушаю.

— На допросѣ Кира показала, что знала о существованіи дневника; но отъ кого она узнала о семъ, отвѣчать на сіе упорно отказалась.

— Понятно,—замѣтилъ Зубовъ,—щадитъ отца, какъ любящая дочь.

Екатерина перенесла свой спокойный взглядъ на Зубова, но ничего не сказала.

— Тогда,—продолжалъ генералъ-прокуроръ,—я обратилъ вниманіе на почеркъ выписокъ. Оказалось, что у Киры почеркъ совсѣмъ другой. Ясно, что не она дѣлала сіи выписки. Засимъ я обратился къ домашнимъ Александра Васильевича, къ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли свободный доступъ въ кабинетъ Александра Васильевича. И здѣсь я нашелъ соучастницу онаго Мильотія. Это—молоденькая дочка экономки Храповицкаго, дѣвица Екатерина. Сначала я свѣрилъ почеркъ ея руки съ почеркомъ на сихъ выпискахъ, оказался одинъ и тотъ же. А затѣмъ оная дѣвица Екатерина и сама созналась, что сдѣлала эти выписки изъ дневника Александра Васильевича, но для чего и для кого, на сіе отвѣчать отказалась.

— Но для какой цѣли нужны были Мильотію эти выписки?—спросила императрица.

— Въ показаніяхъ насчетъ сего предмета, ваше величество, Мильоти, видимо, изворачивается.

— Что же онъ говоритъ?

— Говоритъ пустое, государыня: будто бы онъ ищетъ у насъ придворныхъ казнокрадовъ, и все это, якобы, для пользы вашего величества.

— Какихъ казнокрадовъ?—удивилась императрица.

— Мильоти, ваше величество, говоритъ, будто бы подозрѣвалъ, не обманываетъ ли васъ Александръ Васильевичъ, докладывая вашему величеству, что купилъ у него аѣraxas и рѣзные камни, положимъ, за пятьсотъ рублей, а ему-де, Мильотію, выплатилъ всего сто и тому подобное.

— Да, это видно, что плутъ изворачивается, — замѣтила государыня.

— Ну, и чтожъ,—спросилъ, въ свою очередь, Зубовъ,—что онъ узналъ изъ выписокъ? Обманываетъ Храповицкій государыню или нѣтъ?

— Нѣтъ, говоритъ, что цѣна за рѣзные камни, 510 рублей, показана правильно.

— Значитъ, Александръ Васильевичъ меня не обкрадываетъ?—улыбнулась Екатерина.

Генералъ-прокуроръ молча поклонился. Государыня задумалась.

— Ясно, этотъ плутъ имѣетъ какія-то другія цѣли. Но какія?—задалась она вопросомъ.

— Я полагаю, ваше величество, что у него цѣли политическія,—отвѣчалъ Самойловъ на этотъ вопросъ.—Вы сами изволили высказать подозрѣніе, не шпіонъ ли онъ герцога Орлеанскаго Людовика.

— Очень можетъ быть. Дюкъ Орлеанскій опытенъ въ интригахъ, да и на «колесницѣ вольности» умѣетъ разъѣзжать и l'égalité проповѣдывать... Mais l'égalité est un monstre qui veut être roi *),—съ негодованіемъ сказала Екатерина.—Тутъ, конечно, не послѣднюю роль играетъ и польская интрига, и Мильоти—ихъ орудіе. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ дневника Храповицкаго онъ надѣялся вывѣдать и наши политическія намѣренія, и наше мнѣніе о немъ самомъ, о плутѣ: не догадываемся ли мы о его политическихъ шашняхъ. А эта дѣвчонка просто завлечена имъ; можетъ быть, даже онъ влюбилъ ее въ себя, дѣвочка и готова за

---

*) Но равенство—чудовище для того, кто хочетъ быть королемъ.

него итти на плаху... Охъ, уже эта любовь! И не дѣвочкамъ кружитъ головы, и у старцевъ отнимаетъ разсудокъ. А какова у него рожа, у этого плута?—спросила государыня.

— Онъ видный мужчина, ваше величество, хотя и втрое старше и Екатерины, и Киры,—отвѣчалъ генералъ-прокуроръ.

— О, наша сестра на года не смотритъ,—улыбнулась государыня,—я сама съ двѣнадцати лѣтъ влюблялась въ стариковъ, а юношей презирала. Конечно, ты этихъ дѣвчонокъ оставилъ на свободѣ?

— Кира, ваше величество, на свободѣ,—отвѣчалъ Самойловъ,—но Екатерина и ея мать содержатся при тайной экспедиціи. Можетъ быть, отъ нихъ что-либо и узнаемъ еще.

— Только ты не вели Шешковскому трогать ихъ,—приказала императрица, — онъ радъ кнутобойничать... Я этого не люблю, подъ пыткой человѣкъ теряетъ разсудокъ и нивѣсть чего наговоритъ и на себя, и на другихъ... Пусть помнитъ Шешковскій.

— Слушаю, ваше величество.

— А извозчикъ, что служилъ у принца de Ligne?

— И онъ въ тайной, ваше величество. Его касательство въ этомъ дѣлѣ ограничивается простымъ знакомствомъ съ Чинатіемъ, а съ Милюти онъ даже незнакомъ.

— А Чинати?

— И Чинати, ваше величество, только ступенька той лѣсенки, которая привела къ открытію дверей въ кабинетъ Храповицкаго и дала плуту возможность выкрасть, при помощи глупой дѣвочки, то, въ чемъ онъ надѣялся найти государственную тайну.

— Я такъ и думала,—согласилась государыня,—я Чинатія лично знаю: онъ такой же вѣрный и честный человѣкъ, какъ и Храповицкій. А что плутъ Мильоти подозрѣваетъ его яко бы въ утайкѣ казенныхъ денегъ и во взяткахъ, то я руку свою дамъ на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ.

— Въ такомъ смыслѣ, ваше величество, прикажете доложить и сенату?—спросилъ генералъ-прокуроръ.

— Такъ и доложи,—былъ отвѣтъ.

Потомъ государыня, обращаясь къ Зубову, который перелистывалъ выписки изъ дневникаХраповицкаго, съ улыбкой замѣтила:

— А! Каковъ Александръ Васильевичъ! Я не знала, что онъ мой Тацитъ, а, быть можетъ, и Овидій. Ужъ эти мнѣ сочинители! Вездѣ свой носъ суютъ. Тамъ Державинъ, говорятъ, строчитъ свои воспоминанія и всѣхъ за шиворотъ тащитъ въ храмъ Кліо, а тутъ и Храповицкій каждое мое словечко суетъ въ ридикюль этой же бабы сплетницы, которую называютъ исторіею. Бѣда съ сочинителями на государственной службѣ!

— А самъ Храповицкій знаетъ что-либо объ этомъ казусѣ съ его тайнымъ дневникомъ?—спросила императрица Самойлова.

— Нѣтъ, ваше величество, онъ ничего не знаетъ.

— И не догадывается?

— И не догадывается, государыня.

— А чѣмъ же вы объяснили ему арестъ его экономки и ея дочери?

— Мнимымъ, яко бы, оговоромъ Мильотія, будто бы экономка въ бытность Мильотія у Храповицкаго для продажи абраксасовъ похитила у него одинъ абраксасъ.

— Очень хорошо,—одобрила государыня.—Такъ ты вотъ что, Александръ Николаевичъ, не докладывай этого дѣла сенату. Пусть никто не знаетъ нашей тайны и тайны Храповицкаго. Только ужъ послѣ этой исторіи я удалю отъ себя домашняго шпіона. Хоть онъ и честный человѣкъ и, можетъ быть, прославляетъ меня въ своемъ дневникѣ всякими ласкательствами, только лучше подальше отъ сочинителя. За вѣрную службу и за проворное бѣганье я обязана дать ему на башмаки: я пожалую его чиномъ тайнаго совѣтника за тайный дневникъ и сошлю его прямо... въ сенатъ!

VII. Двѣ пріятельницы.

Въ царскосельскомъ паркѣ, въ знакомой уже намъ боковой аллеѣ и на знакомой скамейкѣ, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ Кира имѣла ночью свиданіе съ своимъ возлюбленнымъ Витторе, мы снова видимъ ту же хорошенькую Киру.

Но какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ! Теперь не палевая ночь, а яркое лѣтнее утро. Зелень лѣса и кустовъ бузины, обрамляющихъ скамейку, въ полной красѣ. Изъ пышной травы выглядываютъ не одни скромные подснѣжники, а всѣ роды и скром-

ныхъ, и нескромныхъ цвѣтовъ, какими только можетъ похвастаться передъ гордымъ югомъ не менѣе гордый своею флорою петербургскій сѣверъ.

Но зато лучшій, самый нѣжный цвѣтокъ этой флоры, хорошенькая Кира, кажется такимъ поблекшимъ, завядшимъ. Она сидитъ глубоко печальная. Прелестные глаза ея заплаканы, даже припухли отъ слезъ. Она плакала все это время о немъ, о томъ, съ кѣмъ провела здѣсь когда-то нѣсколько блаженныхъ минутъ, нѣсколько такихъ мгновеній счастья, которыя не вытравляются изъ памяти даже годами, долгими годами, хотя бы это были счастливые годы, а при несчастьѣ, какъ извѣстно,—

Nessun maggior dolore, che ricordarsi
Tempo felice...

И Кира вспоминала эти блаженныя, незабываемыя минуты. И это было такъ недавно и въ то же время такъ давно! Здѣсь, на пескѣ, у скамейки, еще сохранились, кажется, слѣды его ногъ, а его самого нѣтъ! Мало того, онъ находится въ тяжкомъ заточеніи. Ей чудится, что взволнованной душой она еще слышитъ его ласкающій шопотъ: «моя Кира! Mia cara!» и уже теперь больше никогда не услышитъ его, никогда!

Горе ея увеличилось еще и оттого, что она не знала, въ чемъ его обвиняютъ. Неужели все это надѣлали выписки изъ дневника Храповицкаго, которыя сдѣлала, по его и по ея просьбѣ, Катя? Что же въ тѣхъ выпискахъ преступнаго? Вѣдь, Кира читала ихъ, прочла прежде, чѣмъ отдать своему бѣдному Виктору. Неужели же только за это онъ погибаетъ? Но, вѣдь, Катю и ея мать освободили изъ тайной, а виноватѣе всѣхъ была Катя, она сдѣлала эти несчастныя выписки. Неужели же онъ, ея Викторъ, въ самомъ дѣлѣ, шпіонъ герцога Орлеанскаго, какъ подозрѣваетъ его государыня? Нѣтъ, ея благородный Витторе не можетъ быть шпіономъ, если даже онъ и служитъ герцогу. Онъ такой же посолъ своего государя, какъ и всѣ послы, и всѣ они хитрятъ, лукавятъ, притворяются въ пользу своихъ государей. Чѣмъ же благороднѣе его тѣ, которые занимаются, по повелѣнію своихъ государей, «перлюстраціею?» Сама государыня прочитываетъ «перлюстрованныя» письма иностранныхъ пословъ и агентовъ. Этой ей говорилъ отецъ. Какой же преступникъ ея Викторъ? Онъ только вѣрный слуга своего государя.

— Кира! Милая Кира!

Это восклицаніе принадлежало дѣвушкѣ, быстро приближавшейся въ эту минуту къ Кирѣ. Пришедшая была выше Киры, плотнѣе и мужественнѣе. Смуглое, круглое лицо ея съ сѣрыми глазами обрамляли черные вьющіеся волосы. Жизнь и энергія молодости сказывались въ каждомъ ея граціозномъ движеніи.

Кира со слезами бросилась на шею пришедшей.

— Катя! Катя! Прости меня,—съ плачемъ бормотала она.

— Полно, дурочка, не плачь! Нечего мнѣ и прощать тебя, не въ чемъ,—весело отвѣчала пришедшая.

— Да, вѣдь, ты за меня, душечка, высидѣла въ тайной.

— Эка невидаль! Меня не сѣкли и не пытали.—А вотъ теперь я опять на волѣ, вольный казакъ!

И пришедшая расцѣловала свою пріятельницу и усадила на скамью.

— Вотъ она, какая я! Въ тайной была!—весело разсмѣялась она.

— Разскажи же, душечка, все, что съ тобою тамъ было. За что тебя взяли?

— Да все за эти бумажки, что я тебѣ тогда передала. Признаться, Кирушка, я сначала очень струсила. Кто не слыхалъ изъ насъ, что дѣлаетъ въ тайной этотъ Шешковскій! Ну, думаю, смерть моя пришла. Взяли насъ съ матушкой и разсадили по разнымъ казематамъ. Шешковскій и Самойловъ сначала узнали мою руку. Ты, спрашиваютъ, это писала? Думаю себѣ, какъ ни запирайся, узнаютъ. Велѣли мнѣ что-то написать, чтобы узнать мой почеркъ. Ну, какъ его скроешь? Все равно доберутся. Я и написала. Поглядѣли, сличили, одна рука. Ты писала? Я. Изъ своей головы? Нѣтъ, говорю, у Александра Васильевича изъ книги списала. А какая книга? Красная, говорю. А большая? Большая. Много тамъ написано? Много. А почему ты узнала, что у Александра Васильевича есть такая книга? Видѣла, говорю, у него на столѣ. А для чего ты-то списала? Просили, говорю. Кто просилъ? Миліоти, говорю, итальянецъ; а объ тебѣ ни слова...

— Душечка моя!—бросилась къ ней Кира.

— Ну, сказала это. А они, почему ты, именно, это списывала, не другое? А потому, говорю, что онъ такъ просилъ: списать ему, именно, то, что объ немъ говорится, о какихъ-то кам-

пяхъ. И ты это, говорятъ, и передала ему? И передала. А когда? Когда онъ заходилъ къ Александру Васильевичу. Ну, говорятъ, надо ихъ поставить на очную ставку. Тутъ я опять струхнула, не знала, что такое очная ставка. Привели его. Спрашиваютъ: отъ кого ты получилъ эти выписки? Молчитъ, словно воды въ ротъ набралъ. Опять: говори, а то силой заставимъ. Не скажу, говоритъ.

— Милый! Бѣдный!—прошептала Кира, и слезы опять заструились изъ ея глазъ.

— Тогда они ко мнѣ: ты передала ему выписки? Я, говорю. Онъ такъ глянулъ на меня большими своими глазами и, казалось, усмѣхнулся. Ну, что?—говорятъ они ему. Коли она ужъ созналась,—отвѣчаетъ онъ, такъ и мнѣ, говоритъ, таиться нечего. Ну, и развели насъ опять по разнымъ казематамъ.

— А что, милая, онъ очень измѣнился, похудѣлъ?—спросила Кира.

— Нѣтъ, ни капельки,—отвѣчала ея подруга,—только сердитый такой.

— Ну, а потомъ что было?

— Потомъ ничего. Сижу себѣ, вспоминаю волюшку, ну, и подчасъ всплакну. Особливо боялась я пытокъ, все ихъ ждала. Бывало, несутъ мнѣ ѣсть, а я ужъ и думаю: настали мои послѣдніе часочки. Шешковскаго боялась я. Да еще страшно было думать объ эшафотѣ...

— Ахъ, бѣдная, бѣдная!

— Вовсе не бѣдная! А теперь совсѣмъ веселая.

— Какъ же тебя отпустили?

— И сказать смѣшно! Приходитъ это вчера Степанъ Ивановичъ Шешковскій-то, а я ужъ и съ бѣлымъ свѣтомъ прощаюсь. «Здравствуй, говоритъ, дочурочка моя Катя!» Такъ и сказалъ «дочурочка Катя». Ты, говоритъ, была умница, не запиралась; за это, говоритъ, всемилостивѣйшая государыня и оказываетъ тебѣ матернее прощеніе. Только, говоритъ, впередъ ничего такого не дѣлай, а то ужъ тогда худо будетъ. Тебя, говоритъ, злой человѣкъ подвелъ.

— Это объ немъ?

— Знамо, объ немъ. А потомъ и говоритъ: только, смотри, обѣщайся и клянись Всемогущимъ Богомъ, что ты никому и никогда, а особливо Александру Васильевичу не скажешь, за

что тебя брали въ тайную, объ выпискахъ и объ дневникѣ никому не говори. А скажи, что тебя и мать твою брали по поклепу: что тотъ-де злодѣй, Милюти, всклепалъ на васъ, будто бы вы украли у него драгоцѣнный какой-то камень, когда онъ съ своими камнями приходилъ къ Александру Васильевичу. Только это-де и говори. А потомъ, душечка Кира, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: молись теперь каждый день за здравіе всемилостивѣйшей государыни, а я тебя, дочечка моя, въ головку поцѣлую. Да такъ-таки подошелъ ко мнѣ, взялъ меня руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ, словно отецъ. Кто у меня, говоритъ, въ тайной побывалъ, знаетъ, какой я добрый, всѣмъ словно отецъ родной. Иного, говоритъ, и жаль, да что дѣлать? Все это, говоритъ, мои дѣтки, которые несчастненькіе.

— Такъ и отпустилъ?

— Такъ и отпустилъ, милая.

— А съ нимъ что?

— Съ нимъ, не знаю. Какъ увели его послѣ очной ставки, такъ я его больше не видала.

Кира опять заплакала. Пріятельница старалась утѣшить ее, но все напрасно.

— Нѣтъ, я должна что-нибудь сдѣлать!—сказала Кира рѣшительно.

— Ахъ, душечка, что же ты сдѣлаешь?

— Я и сама теперь не знаю... Подумаю, рѣшусь на что-нибудь! Лучше съ нимъ на плаху, чѣмъ эдакую муку терпѣть... Все равно, я безъ него не жилица на этомъ свѣтѣ, такъ ужъ лучше одинъ конецъ!

— А какой же конецъ, милая?

— А не все ли равно! Скажу, что я съ нимъ заодно, меня и возьмутъ... Такъ-то я хоть увижу его, на очную ставку сведутъ вмѣстѣ, все же легче.

— Ахъ, Кира, Кира! Бѣдная моя! Пожалѣй себя.

— Чего мнѣ себя жалѣть? Для того? Для чего? Его не будетъ, и меня не будетъ.

Недалеко послышались чьи-то голоса, и дѣвушки поспѣшили удалиться.

VIII. Эпилогъ.

Утромъ 1-го сентября 1793 года къ московской заставѣ, что за Лиговкой, подкатилъ дорожный крытый тарантасъ, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей.

Въ тарантасѣ сидѣли среднихъ лѣтъ смуглый мужчина и молоденькая бѣлокурая дѣвушка. Хотя прелестные глазки послѣдней были заплаканы, но все ея молодое личико свѣтилось счастьемъ.

Шлагбаумъ былъ опущенъ, и тарантасъ остановился.

— Кто ѣдетъ?—окликнулъ заставный сторожъ.

Смуглый мужчина, вынувъ изъ дорожной сумки подорожную, молча подалъ ее заставному. Тотъ почтительно подалъ ее подошедшему офицеру.

Офицеръ развернулъ подорожную и мгновенно вытянулся.

— По высочайшему повелѣнію... Виктору Миліотію... съ женою Кирою,—скороговоркою какъ бы про себя, бормоталъ офицеръ и побѣжалъ въ караулку.

Черезъ минуту онъ выбѣжалъ оттуда и подалъ бумагу проѣзжающему.

— Подвысь!—скомандовалъ онъ.

Шлагбаумъ поднялся, и тарантасъ скоро скрылся въ пыли.

Вечеромъ того же дня въ Зимнемъ дворцѣ происходилъ такой разговоръ (это было передъ сномъ):

— Ну, что, Марья Савишна, паренекъ-то нашъ?

— Спокоенъ, матушка, сидѣлъ это у меня, только ужъ безъ Александръ Васильевича.

— А все знаетъ про Киру-то?

— Все знаетъ, матушка: говоритъ, черномазаго-то этого любовь этой дѣвчонки спасла.

— Правда, все любовь... Богъ внушаетъ человѣку это чувство, божественное оно!

— Именно, божественное... Спокойной ночи, матушка! Дай, я перекрещу тебя моею вѣрною, рабскою рукою... Храни тебя, Богородица!

Въ тотъ же день въ «Дневникѣ» Храповицкаго записано:

« 1. Къ почи изъ Таврическаго переѣхали въ Зимній дворецъ».

Затѣмъ слѣдуетъ:

« 2. Торжество мира. Я пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы, оконча тѣмъ службу при дворѣ».

« 3. Благодарилъ ея величество въ ея кабинетѣ и поднесъ, на прощанье, три рѣзные камня, бывъ принятъ благосклонно»

« 5. Приносилъ благодарность ихъ императорскимъ высочествамъ».

« 7. Въ сенатѣ мнѣ сказанъ чинъ, и я приведенъ къ присягѣ».

Этимъ кончается знаменитый «Дневникъ» Храповицкаго, сослужившій службу любящимъ сердцамъ.

ПОИГРАЛИ СЪ ОГНЕМЪ

Историческая быль изъ жизни Державина.

I. Медвѣдь въ присутствіи.

На Ѳоминой недѣлѣ утромъ, въ 1785 году, въ Петрозаводскѣ, изъ воротъ губернаторскаго дома вышелъ какой-то господинъ въ форменномъ камзолѣ, съ портфелемъ подъ мышкою, и направился къ зданію присутственныхъ мѣстъ, а за нимъ лѣнивою, развалистою походкою шелъ молоденькій, но очень крупный медвѣженокъ, поминутно останавливаясь, чтобы обнюхать заборъ или тумбу или зацѣпить лапою попавшійся ему на пути камень и швырнуть его въ сторону.

— Не балуй, Миша! Иди скорѣй,—замѣчалъ ему господинъ въ камзолѣ.—Вить мы идемъ къ должности; а то въ журналъ занесутъ, что поздно пришли.

Медвѣженокъ осмысленно глядѣлъ на говорившаго и прибавлялъ шагу.

Выбѣгавшія изъ воротъ собаки, завидѣвъ косолапаго звѣря, съ визгомъ и лаемъ прятались по дворамъ, но Мишка не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Все это сволочь,—казалось, говорили его умные, добродушные глазки,—не посмѣютъ тронуть.

Но когда одинъ смѣлый песъ, ощетинясь и скаля зубы, подбѣжалъ было сзади, чтобы тяпнуть его за хвостъ или за лытки, то обернувшійся Мишукъ такъ ловко смазалъ его лапой по

мордѣ, что песъ съ визгомъ бросился въ ближайшую подворотню и долго не переставалъ лаять.

— Ишь, генералъ какой!—улыбнулся господинъ въ камзолѣ.—Сейчасъ и по сусаламъ.

Скоро они дошли до зданія присутственныхъ мѣстъ. У воротъ, у караулки, стоялъ бутошникъ съ алебардой и съ улыбкой смотрѣлъ на переваливпагося съ ноги на ногу Мишку, котораго всѣ въ городѣ знали и называли то «губернаторскимъ сынкомъ», то «державинскимъ племянникомъ».

Губернаторомъ въ Петрозаводскѣ въ то время былъ поэтъ Гаврило Романовичъ Державинъ.

Державинскій Мишка давно былъ пріятелемъ съ бутошникомъ и часто игралъ его алебардой, а иногда они боролись.

— Али и ево, ваше благородіе, въ земскій судъ?—спросилъ бутошникъ господина въ камзолѣ, дѣлая ему честь алебардой.

— Къ должности идетъ, развѣ не видишь?—отвѣчалъ камзолъ.—Тоже вить служака.

— Оно точно. Приказный знатный выйдетъ,—скалилъ зубы бутошникъ, подмигивая Мишкѣ.

— Идемъ, Миша.

Камзолъ сталъ подниматься по лѣстницѣ; но Мишукъ остановился въ нерѣшительности. Онъ забылъ, зачѣмъ шелъ.

— Что жъ ты сталъ, дуракъ?—обратился къ нему камзолъ.

Медвѣдь, не слушая его, подошелъ къ бутошнику и поднялся на заднія лапы.

— Что, Мишутка, али въ бутошники захотѣлъ?—смѣялся блюститель общественнаго спокойствія.—Ну на, возьми лебарду-та.

И онъ подалъ Мишкѣ свой маршальскій жезлъ. Медвѣдь взялъ алебарду передними лапами и стоялъ, словно солдатъ на часахъ.

— Знатный бутарь! Чѣмъ не молодецъ?

Увидавъ въ окна эту картину, молодые канцеляристы повыбѣжали изъ присутственныхъ мѣстъ и обступили Мишку.

— Ай да бутошникъ! Только штановъ недостаетъ.

— Какой бутошникъ! Совсѣмъ генералъ,—смѣялись канцеляристы.

— Ну, Миша, маршируй: разъ-два, разъ-два!

— Полно, Мишка, дурачиться! Эй! За мной!—кричалъ съ крыльца камзолъ.—Пора въ присутствіе.

Но Мишка не слушалъ его: онъ весь поглощенъ былъ новой ролью.

— Отыми у него алебарду!—обратился камзолъ къ бутошнику.

Тотъ хотѣлъ было взять алебарду, но Мишка не отдавалъ.

— Полно, Миша, отдай. Побаловалъ, и буде.

Миша сопѣлъ, ворчалъ и крѣпко держалъ свою новую игрушку. Пришлось выдернуть ее у него изъ лапъ обманомъ. Мишка обидѣлся и полѣзъ къ бутошнику драться. Они сцѣпились и стали бороться. Миша сопѣлъ и ловко подбиралъ подъ себя соперника. Канцеляристы хохотали до слезъ.

— Ай, да Миша! Такъ ево, такъ ево!

— Гни его въ бараній рогъ!

Но коварный человѣкъ перехитрилъ добродушнаго звѣря. Миша честно боролся, начистоту; но бутошникъ сподличалъ, ловко подставилъ Мишѣ ногу, и тотъ какъ снопъ повалился на землю при общемъ хохотѣ.

Мишукъ обозлился не на шутку и полѣзъ уже серьезно драться. Бутошникъ бѣжалъ. Мишка хотѣлъ за нимъ, но господинъ въ камзолѣ закричалъ:

— Цыцъ, Мишка! Иди, меду дамъ.

Это было магическое слово. Лакомка до меду, Мишукъ тотчасъ же смягчился и вопросительно посмотрѣлъ на кричавшаго.

— Слышишь, Миша? Иди сюда, меду дамъ.

Миша забылъ обиду и, ставъ опять на четвереньки, началъ грузно взбираться на крыльцо.

— Новый канцеляристъ, милостивцы, идетъ! — смѣялись приказные, толпясь около медвѣдя.

— Какой канцеляристъ? Подымай выше—секретарь.

— Нѣтъ, это новый засѣдатель.

— Не засѣдатель, а предсѣдатель, самъ Тутолминъ.

— Ревизоръ изъ Питера. Вотъ гонку-то задастъ!

Господинъ въ камзолѣ, шедшій впереди всѣхъ, подойдя къ дверямъ присутствія, широко распахнулъ обѣ половинки и торжественно провозгласилъ:

— Господа присутствующіе! Его превосходительство господинъ Михайло Ивановичъ Медвѣдевъ изволилъ пожаловать! Вмѣсто Тутолмина присланъ. Прошу встать.

Въ присутственной камерѣ задвигались кресла, и всѣ засѣдатели встали съ своихъ мѣстъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство! Милости просимъ!—говорилъ господинъ въ камзолѣ, оборачиваясь назадъ и видя, что Мишка недовѣрчиво остановился въ дверяхъ и съ наивностью молодого прирученнаго звѣря разсматривалъ незнакомую комнату и присутствующихъ.

— А чтобъ его! Вотъ напугалъ!

— Ха-ха-ха! И выдумалъ же!—смѣялись засѣдатели.

— Вмѣсто Тутолмина! Ха-ха-ха!

Не смѣялся только одинъ лысый и краснощекій, съ крысиной косичкой на затылкѣ.

Мишка стоялъ въ нерѣшительности.

— Ну, иди же, Миша, меду дамъ,—прельщалъ его пришедшій съ нимъ вмѣстѣ.

Медъ подѣйствовалъ. Медвѣдь вошелъ въ камеру и сталъ обнюхивать большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и украшенный большимъ зерцаломъ съ золочеными гранями и рамами и съ золоченымъ наверху двуглавымъ орломъ.

— Сюда, сюда, Миша, вотъ тутъ медъ,—манилъ его господинъ въ камзолѣ.

Это былъ Молчинъ, засѣдатель верхняго земскаго суда, свой человѣкъ у Державина, большой балагуръ и весельчакъ, забавлявшій пѣвца «Фелицы» разными выходками.

— Иди же, Мишка, за столъ, на предсѣдательское мѣсто,—манилъ онъ косматаго гостя.

Наученный въ домѣ Державина кушать за столомъ, съ салфеткой на шеѣ, молодой звѣрь смѣло подошелъ къ предсѣдательскимъ кресламъ.

— Тутъ, тутъ садись.

Мишка взгромоздился на кресла и, обводя недоумѣвающими глазами камеру и присутствующихъ, положилъ переднія лапы на сукно въ ожиданіи, чтобъ его подвязали салфеткой.

Молчинъ велѣлъ сторожу подать тряпку и обвязалъ ею шею гостя. Присутствующіе хохотали.

— Бумаги подложите его превосходительству, перо дайте,— командовалъ Молчинъ.

— Прикажете сенатской бумаги? — почтительно спрашивалъ юный канцеляристъ, удерживаясь, чтобъ не расхохотаться.

— Нѣтъ, царской.

Подали бумагу. Медвѣдь сидѣлъ смирно и ждалъ меду.

— Господинъ секретарь!—командовалъ Молчинъ.—Поднесите его превосходительству журналъ послѣдняго засѣданія, пусть изволитъ утвердить...

— Собственнымъ лапоприкладствомъ,—пояснилъ кто-то.

Общій хохотъ. Между тѣмъ гость сидѣлъ уже не совсѣмъ покойно: меду что-то долго не несутъ.

Но въ это время секретарь почтительно подалъ ему гусиное перо. Мишка взялъ перо, понюхалъ и сталъ грызть.

— Ну, точь-въ-точь Гаврило Романовичъ,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ,—онъ когда задумывается, сочиняя стихи, тоже грызетъ перо.

Мишка быстро изгрызъ перо и бросилъ его на полъ.

— Ничего, онъ и безъ пера лапу приложитъ.

— Намажьте лапу чернилами.

Юный канцеляристъ исполнилъ это быстро, и на лежащемъ передъ Мишкой бѣломъ листѣ бумаги тотчасъ отпечаталась медвѣжья лапа.

— Приложилъ руку, скрѣпилъ.

Но меду не давали, и медвѣдь началъ ерзать на креслѣ. Ему еще подали перо, онъ его схватилъ и швырнулъ на полъ.

— Сердится, подлецъ,—засмѣялся Молчинъ,—меду ждетъ.

Услыхавъ слово «медъ», косматый лакомка снова успокоился и терпѣливо ждалъ, поглядывая на дверь.

— А не отвертишься, надо послать за медомъ: иначе онъ намъ тутъ бѣды надѣлаетъ,—сказалъ Молчинъ,—либо сукно изорветъ, либо, чего добраго, разобьетъ зерцало... Эй, Ѳедя!— обратился онъ къ юному канцеляристу.—Сбѣгай, душенька, въ лавочку, да живой рукой, возьми на грошъ сотоваго меду въ черепокъ какой-нибудь.

— Отъ ваксы, ваше благородіе,—вмѣшался сторожъ.

— Хоть отъ ваксы, ему, поганцу, все равно, было бы лишь сладко,—засмѣялся Молчинъ.

Өедя опрометью побѣжалъ исполнять пріятное порученіе начальства.

Черезъ нѣсколько минутъ медъ былъ принесенъ, и Мишка, почуявъ медовый запахъ и увидѣвъ черепокъ, радостно засопѣлъ.

Черепокъ поставили на столъ, на бумагу, и медвѣдь очень ловко вылизалъ все, что было въ черепкѣ, не исключая и остатковъ ваксы. Облизнувшись въ послѣдній разъ, онъ обвелъ всѣхъ своимъ добродушнымъ взглядомъ, какъ бы ожидая еще чего-то.

— Что, поганецъ, нравится?

— Губа-то у него не дура...

— И ваксой не брезгуетъ,—шутили зрители дарового зрѣлища.

— Еще проситъ, вонъ какъ умильно поглядываетъ.

— Какъ бы не такъ! Пора поганцу и честь знать,—порѣшилъ Молчинъ.—Вѣдь глупъ-то какъ! Точно Тутолминъ.

Но Миша, повидимому, не принималъ на свой счетъ этихъ обидныхъ замѣчаній. Онъ продолжалъ сидѣть въ выжидательной позѣ. Но, видя, что ему ничего не даютъ, онъ началъ сердито сопѣть и, понюхавъ пустой черепокъ, съ сердцемъ бросилъ его на полъ. Затѣмъ онъ скомкалъ лежавшій передъ нимъ листъ бумаги и тоже бросилъ.

— Ого! Господинъ предсѣдатель рветъ и мечетъ,—шутили присутствующіе.

— Того и гляди, всѣхъ подъ судъ отдастъ.

Но тутъ косматый гость окончательно обозлился. Мухи, привлеченныя запахомъ меду, стали кружиться около него и садились къ нему на носъ, который былъ немножко въ меду. Миша сердито сгонялъ ихъ съ своего носа лапою, но одна муха оказалась такою назойливою, что, сколько онъ ни отгонялъ ее, она продолжала садиться ему на носъ. Миша рѣшилъ убить ее. Въ порывѣ справедливаго негодованія, онъ такъ размахнулся и такъ сильно хватилъ себя лапою по носу, что отъ боли заревѣлъ и сталъ когтями теребить сукно, которымъ покрытъ былъ присутственный столъ.

Какъ ни хохоталъ весь земскій судъ, глядя на продѣлки лѣсного предсѣдателя, однако, нельзя было не видѣть, что опасность угрожаетъ всему столу и самому зерцалу. Надо было поскорѣй вывести обозлившагося звѣря изъ присутствія, шутка

заходила ужъ слишкомъ далеко. Но какъ его вывести? Не иначе какъ обманомъ, потому что дорогой гость все еще ждалъ меду.

Но Молчинъ хорошо зналъ привычки и слабыя стороны Державинскаго питомца.

— Миша!—неожиданно закричалъ онъ, — Платошка пришелъ твой медъ ѣсть.

«Платошка»—это былъ козелъ, жившій у Державина на конюшнѣ, непримиримый врагъ Мишки. Лишь только они встрѣчались на дворѣ особенно около конюшенъ, то постоянно дрались, и коварный козелъ всегда побѣждалъ простоватаго Мишку своимъ проворствомъ и неожиданными нападеніями.

Есть цѣлая легенда по поводу названія Державинымъ своего козла «Платошкою». Но было бы не совсѣмъ скромно разоблачать эту легенду, такъ какъ въ такомъ названіи козла таится желаніе Державина нанести обиду одному довольно видному лицу, къ которому за что-то не благоволилъ пѣвецъ «Фелицы».

— Платошка, Платошка идетъ!

Услыхавъ имя своего врага, Мишукъ окончательно растерялся. Онъ торопливо слѣзъ съ своего предсѣдательскаго кресла и всталъ на заднія лапы, намѣреваясь дать жестокій отпоръ своему непримиримому врагу. Но врагъ не приходилъ.

— Тамъ Платошка, тамъ, за дверью, медъ ѣстъ,—поддразнивалъ Молчинъ довѣрчиваго звѣря.

Мишка пошелъ грозно къ выходу. Всѣ канцеляристы, столпившіеся у дверей, быстро разсѣялись.

— Возьми Платошку! Отними у него медъ, тамъ цѣлая корчага меду.

Обманутый звѣрь вышелъ за дверь, которую за нимъ тотчасъ же и захлопнули.

— Ну, насилу выпроводили дорогого гостя, — засмѣялся Молчинъ.

— Что жъ онъ теперь будетъ дѣлать? А если начнетъ ломиться въ дверь?—спросили его.

— Нѣтъ, теперь онъ пойдетъ искать Платошку, онъ теперь зараженъ, и до тѣхъ поръ не успокоится, пока козелъ не дастъ ему порядочнаго тумака.

II. За обѣдомъ у Державина.

Разсказанное въ предыдущей главѣ—не наше измышленіе, а историческій фактъ: онъ увѣковѣченъ самимъ Державинымъ въ его «Запискахъ».

Во время совершенія продѣлки съ медвѣдемъ Державинъ находился въ Петрозаводскѣ. Извѣстно, что пѣвецъ «Фелицы» отличался необыкновенною сварливостью и неуживчивостью: онъ постоянно, всю жизнь, или сердился на кого-либо, или ссорился. Когда, во время Пугачева, онъ командированъ былъ на Волгу для наблюденій за дѣйствіями самозванца, онъ такую бурю поднялъ противъ саратовскаго коменданта Бошняка, что шумъ отъ этой бури дошелъ до слуха Екатерины, и задорному поэту присланъ былъ высочайшій нагоняй. Послѣ, въ Петербургѣ, онъ постоянно ссорился съ своими начальниками и сослуживцами—съ княземъ Вяземскимъ, съ Завадовскимъ. Чтобы сбыть съ рукъ безпокойнаго пѣвца «Фелицы», «Фелица» послала его въ Петрозаводскъ губернаторомъ; но и тамъ онъ тотчасъ же поссорился съ своимъ начальникомъ, олонецкимъ и архангельскимъ генералъ-губернаторомъ или намѣстникомъ Тутолминымъ, и съ его двоюроднымъ братомъ, тоже Тутолминымъ, предсѣдателемъ олонецкаго верхняго земскаго суда, гдѣ и разыгралась комедія съ медвѣдемъ.

Вотъ какъ самъ Державинъ говоритъ объ этомъ въ своихъ «Запискахъ». Объясняя свои размолвки съ Тутолминымъ якобы придирчивостью послѣдняго и пристрастіемъ, а не своей неуживчивостью, онъ въ подтвержденіе говоритъ, какъ Тутолминъ придирался къ нему по одному дѣлу. «Сіе было одно смѣшное дѣло о медвѣдѣ. Надобно его описать основательнѣе, дабы представить живѣе всю глупость и мерзость пристрастія. По отъѣздѣ въ отпускъ намѣстника (генералъ-поручика Тутолмина), скоро и братъ его двоюродный, полковникъ Николай Тутолминъ, бывшій предсѣдателемъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, отпущенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца. На Ѳоминой недѣли, того суда засѣдатель Молчинъ шелъ въ свое мѣсто мимо губернаторскаго дома поутру; къ нему присталъ или онъ изъ шутки заманилъ съ собою жившаго въ домѣ губернатора (т. е. у Державина) у ассесора Аврина медвѣженка, который былъ весьма ручонъ и за всякимъ ходилъ, кто только его приласкивалъ. Приведши

его въ судъ, отворилъ двери и сказалъ прочимъ своимъ сочленамъ шутя: «вотъ вамъ, братцы, новый засѣдатель, Михайла Иванычъ Медвѣдевъ». Посмѣялись и тотчасъ выгнали вонъ безъ всякаго послѣдствія. Молчинъ, вышедши изъ присутствія въ обыкновенный часъ, зашелъ къ губернатору обѣдать, пересказалъ ему за смѣшную новость сіе глупое происшествіе. Губернаторъ, посмѣявшись, сказалъ, что дурно такъ шутить въ присутственныхъ мѣстахъ, и что ежели до него дойдетъ формою, то ему сильный сдѣлаетъ напрягай» *).

Впослѣдствіи оказалось, что «напрягай» этотъ получилъ не только шутникъ Молчинъ, но и самъ губернаторъ, Гаврило Романовичъ Державинъ.

Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Что выходкѣ съ медвѣдемъ Гаврило Романовичъ не былъ непричастенъ, это косвеннымъ образомъ изобличается нижеслѣдующею сценою, бывшею въ домѣ пѣвца «Фелицы» какъ разъ накапунѣ дебюта Мишеньки въ верхнемъ земскомъ судѣ въ роли председателя.

У Державина обѣдали самые близкіе къ нему по службѣ подчиненные — ассесоръ губернскаго правленія Аверинъ, экзекуторъ Еминъ и секретарь Грибовскій. На почетномъ мѣстѣ возсѣдала знаменитая теща поэта Матрена Даниловна Бастидонова, знаменитая тѣмъ, что она выкормила своимъ молокомъ великаго князя Павла Петровича, а еще болѣе знаменитая остротами на ея счетъ Екатерины II, тщательно записанными Храповицкимъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, у него записано: «Сказали мнѣ (т. е. императрица сказала) послѣ доклада Державина, что «онъ ходитъ съ такими просьбами, какими бабы разжалобили тещу и жену его. Я промолчалъ» **). Въ другомъ мѣстѣ у него записано: «Говорено мнѣ (тоже императрицею) еще о Державинѣ... что Державинъ принимаетъ всѣ прошенія о деньгахъ—готовъ принять на милліонъ... Это работа его тещи. Она — самая негодница и доходила до кнута, но такъ оставлена за то только, что была кормилицей великаго князя.— говорено съ жаромъ» ***). Еще въ одномъ мѣстѣ отмѣчено: «Разбирая почту, на просьбу Елмановой велѣли ей сказать: j'ai

*) Записки Державина, изд. Бартенева, стр. 255—256.
**) Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 389.
***) Тамъ же, стр. 392.

un coeur de roche, и спросить Державина, не знакома ли ему? Теща его всѣхъ просительницъ знаетъ» *).

Такъ вотъ эта-то самая «теща» и возсѣдала во главѣ за скромнымъ обѣдомъ пѣвца «Фелицы». Вся фигура ея дѣйствительно напоминала кормилицу «съ добрымъ молокомъ», хотя она и облечена была не въ сарафанъ и не въ кокошникъ, а въ фижмы и роброны во вкусѣ модницъ временъ Людовика XVI, словно бы она была не въ Петрозаводскѣ, а въ Тріанонѣ. Въ сѣрыхъ, плутовскихъ глазахъ ея горѣлъ тотъ огонекъ, который изобличалъ въ ней дѣйствительно такую кормилицу, какая, еслибъ имѣла побольше власти, чѣмъ власть губернаторской тещи, могла бы, не задумавшись, скомандовать цѣлому гвардейскому полку: «налѣво кругомъ, маршъ прямо въ Сибирь!», еслибъ полкъ этотъ сдѣлалъ хотя бы малѣйшую ошибку на смотру. Но и въ ея теперешнемъ положеніи она чувствовала себя принадлежащею къ тѣмъ «властителямъ и судіямъ», къ которымъ оду она внушила своему зятьку-поэту: у нея подъ башмакомъ былъ не только этотъ поэтъ, какъ поэтъ, но и какъ губернаторъ, да и вся Олонецкая губернія чувствовала надъ собой подошву властительнаго башмака «губернаторской тещи». Глядя на ея сѣдыя, напудренныя по модѣ космы-гривы, Державинъ невольно декламировалъ въ душѣ:

Съ бѣлыми Борей власами
. . . .
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой,
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ,
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.

Она была сущій борей. Кровь въ жилахъ застывала у поэта, когда «теща» была почему-либо недовольна имъ, и тогда трепетала вся губернія.

Но теперь она была милостива къ народу: она чувствовала, что, за отсутствіемъ генералъ губернатора, она фактически правитъ всею губерніей и потому улыбалась, глядя, какъ около нея стояла на заднихъ лапкахъ «Рѣзвила», хорошенькая болонка,

*) Тамъ же, стр. 395.

ожидая подачки со стола своей властительницы и просительно махая хвостомъ.

Рядомъ съ «тещей», по правую руку, сидѣла ея дочка, Катишь, жена Державина, молоденькая, яркоглазая, съ большими синеватыми бѣлками, брюнеточка — типъ севильянки, потому что отецъ ея, don Bastidont, пріѣхавшій изъ Голштиніи въ качествѣ камердинера великаго князя Петра Ѳедоровича, былъ родомъ португалецъ. Недоставало только черной мантильи на плечахъ и головѣ очаровательной «Плѣниры», чтобы воображеніе тотчасъ же перенесло васъ въ Андалузію, въ Севилью, прямо на alameda del duque, гдѣ по ночамъ гармонично шуршатъ черными шелковыми платьями и тихо щелкаютъ вѣерами прелестныя черныя женщины.

Къ этой-то «Плѣнирѣ», когда она была невѣстою поэта, Державинъ написалъ извѣстное посланіе:

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ,
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину провидитъ взоръ твой скромный.
Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того, кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя!

Съ нею рядомъ сидѣлъ высокій, стройный юноша, лѣтъ девятнадцати, съ мягкимъ взоромъ голубыхъ глазъ и необыкновенно нѣжными, какъ у женщины, руками. Это былъ Грибовскій, украинецъ, называвшій Державина своимъ «милостивцемъ», юноша очень образованный, прекрасно говорившій по-французски и щеголявшій чистотою парижскаго «прононса», хотя и не осилившій «прононса» русскаго, какъ подобаетъ истому хохлу. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, этотъ щеголеватый хохликъ быстро пошелъ въ гору, попалъ въ статсъ-секретари и оставилъ послѣ себя очень интересныя «Записки», изданныя лѣтъ двадцать тому назадъ.

По лѣвую руку «тещи» сидѣлъ уже знакомый намъ шутникъ Молчинъ, засѣдатель верхняго земскаго суда, пепельнаго цвѣта господинъ среднихъ лѣтъ, съ веселыми сѣрыми глазами и задорно очерченными губами, съ вздернутымъ носомъ. Рядомъ съ нимъ, ассесоръ Аверинъ, брюнетъ, съ синимъ, гладко выбри-

тымъ подбородкомъ и черными глазами. Далѣе возсѣдалъ массивный экзекуторъ Еминъ, постное лицо, типа непьющихъ протодьяконовъ.

Въ противоположной головѣ стола помѣщался самъ Гаврило Романовичъ, дубоватая наружность котораго, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстна каждому читателю.

Но это не вся картина семейнаго обѣда Державина.

По правую руку поэта стоялъ, въ видѣ рынды, его четвероногій камеръ-пажъ, виновникъ веселаго засѣданія въ верхнемъ земскомъ судѣ, Мишенька Медвѣдевъ. Комичнѣе его фигуры нельзя было ничего себѣ представить. Онъ стоялъ на заднихъ лапахъ, а въ переднихъ держалъ огромную деревянную крашеную миску. На плечѣ у него висѣла салфетка, какъ у настоящаго лакея. Онъ стоялъ неподвижно, серьезно, какъ ни тяжело и ни скучно было для него это стоянье во все время, пока продолжался обѣдъ. Но Миша зналъ, что стоянье щедро вознаградитъ его за трудъ и скуку. Подававшій и принимавшій блюда и тарелки лакей обязанъ былъ, проходя мимо скромнаго четвероногаго Лепорелло, сливать и сваливать въ его мису всѣ остатки кушаньевъ, недохлебанные супы, щи и борщи, обглоданныя кости, обрѣзки огурцовъ, обрѣзки хлѣба, недоѣденный салатъ, корки апельсиновъ и лимоновъ и вообще все, что обыкновенно выбрасывается въ лохань. Это и былъ обѣдъ для Миши, такой кавардакъ, который для косматаго гастронома былъ, конечно, пріятнѣе, чѣмъ для пресыщеннаго Лукулла его роскошные обѣды съ муренами, откормленными человѣческимъ мясомъ, съ соловьиными языками и верблюжьими пятками.

Стоя на своемъ почетномъ посту, Миша завистливыми, но добродушными глазами сопровождалъ каждый кусокъ, который проносили отъ тарелки ко рту его повелитель и прочіе сотрапезующіе, и сдержанно, но радостно посапывалъ, когда замѣчалъ, что кто-либо не доѣдалъ своей порціи и оставлялъ на тарелкѣ. Зато онъ съ видимою досадою и презрѣніемъ смотрѣлъ на «Рѣзвилу», которая, по его медвѣжьему мнѣнію, не умѣла даже скрыть своей холуйской подлости и, виляя возмутительно хвостомъ, получала со стола подачки и тотчасъ же нахально ихъ проглатывала. Не будь этой егозы, все это попадало бы

въ объемистую мису благовоспитаннаго Миши; но, онъ долженъ былъ покоряться горькой необходимости.

— Что, Миша, завидки берутъ?—дразнилъ его несносный Молчинъ, показывая глазами на то, какъ противная Рѣзвилка глотала самый лакомый кусочекъ рябчика, брошенный ей «Плѣнирою».

Миша только сопѣлъ и еще крѣпче сжималъ лапами свою драгоцѣнную мису.

— Ничего, Миша, не печалься,—успокаивалъ его Державинъ, трепля по косматому плечу,—вотъ тебѣ за благонравіе и терпѣніе.

И онъ бросилъ ему въ мису корку чернаго хлѣба и необглоданное крылышко рябчика.

— А уменъ поганецъ Мишка,—замѣтилъ Молчинъ,—все понимаетъ.

— И вправду уменъ, не глупѣе Тутолмина,—подъ носъ проворчалъ Державинъ.

— Котораго?—ехидно спросила «теща».

Державинъ не ожидалъ этого вопроса и не нашелся сразу, что отвѣчать.

— Конечно, его превосходительство разумѣетъ нашего сокола верхнеземскаго, Николу Тутолмина, — отвѣчалъ за него Молчинъ.

— Разумѣется, его,—подтвердилъ Державинъ.

— Ну! И тотъ недалече ушелъ,—процѣдила «теща».—А туда еще!

— Вѣроятно,—отвѣчалъ на ея замѣчаніе Грибовскій, ласково скользнувъ своими красивыми глазами по ея мужественному лику,—вѣроятно, что Гаврило Романовичъ разумѣлъ никого иного, какъ нашего намѣстника, когда въ одной знаменитой одѣ воскликнулъ:

> На пышныхъ карточныхъ престолахъ
> Сидятъ мишурные цари...

— Точно, братецъ, ты немножко угадалъ,—перебилъ его Державинъ — тутъ разумѣются вообще намѣстники, которые всѣ почти, хотя зависѣли отъ мановенія императрицы, но чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ, при открытіи губерній,

народныхъ депутатовъ и выборныхъ судей *). Такого дурака игралъ и нашъ Тутолминъ.

Въ это время жена его, которая вмѣсто того, чтобы кушать, изволила заниматься подъ столомъ ножнымъ электричествомъ съ юнымъ Грибовскимъ, нѣжно придавливая своимъ маленькимъ башмачкомъ лакированный сапогъ молодого человѣка, сдала лакею свою тарелку съ нетронутымъ еще рябчикомъ. Лакей быстро пронесъ тарелку мимо медвѣдя, стараясь скрыть отъ него лакомый кусъ, чтобъ самому съѣсть на кухнѣ; но Миша самъ зорко слѣдилъ за этой добычей и чуть было не выронилъ изъ лапъ всю миску, когда лакей быстро прошелъ мимо него. Это замѣтилъ Молчинъ.

— Что, братъ Миша, мимо носа пронесли рябчика?—засмѣялся онъ.—Вотъ тебѣ и шишъ!

Всѣ засмѣялись. Подъ общій шумокъ Грибовскій такъ придавилъ своимъ сапогомъ ножку сосѣдки, что она невольно вскрикнула и вся вспыхнула.

— Ты что, Катишь?—спросилъ ее мужъ.

— Да вонъ Адріанъ Моисеевичъ чуть не разбилъ мой любимый стаканъ,—ловко солгала она.

— А я ужъ думалъ, что тебя скорпіонъ укусилъ,—улыбнулся пѣвецъ «Фелицы».

Обѣдъ кончился, и всѣ встали изъ-за стола, чтобъ покойнѣе разсѣсться на низкихъ турецкихъ диванахъ, стоявшихъ вдоль внутреннихъ стѣнъ залы. Лакей внесъ на подносѣ кофе.

Теперь начинался Мишкинъ обѣдъ. Хорошо выдрессированный Авериным, Миша, не дожидаясь особаго разрѣшенія, самъ поставилъ свою миску на столъ и ждалъ, чтобъ ему подали его кресло и завязали на груди салфетку, чего онъ самъ не умѣлъ дѣлать. Для него имѣлось особое, старое вольтеровское кресло съ широкимъ, низкимъ сидѣньемъ. Лакей приставилъ къ столу это кресло и подвязалъ своего косматаго барина салфеткой.

Но Миша помнилъ коварство лакея: онъ не могъ простить ему рябчика. Едва Филька обвязалъ его салфеткой, какъ Миша такъ хватилъ его лапой по спинѣ, что тотъ чуть не растянулся.

— Ахъ ты, косолапый чортъ!—невольно выругался онъ.

Всѣ засмѣялись. Но больше всѣхъ хохоталъ Молчинъ.

*) «Русскій Архивъ», Бартенева. 1868, стр. 419.

— Вотъ тебѣ, Филя, рябчикъ! Ловко царапнулъ Мишукъ!

— Чтобъ онъ подавился, чортъ этакій! — не вытерпѣлъ лакей.

Но Миша ни на кого уже не обращалъ вниманія. Онъ усердно уписывалъ свой великолѣпный обѣдъ, придерживая миску лапами, и только искоса поглядывалъ иногда на противную Рѣзвилку, которая подличала теперь передъ молодой барыней, стоя на заднихъ лапкахъ и выпрашивая себѣ кусочекъ сахару.

— Ну, настоящій Николка Тутолминъ, когда онъ, сидя на предсѣдательскомъ креслѣ, журналы подписываетъ,—не вытерпѣлъ Молчинъ, глядя, какъ Миша работалъ надъ миской.

— Что жъ!—улыбнулся Державинъ.—Посади его на мѣсто Тутолмина, такъ не хуже его будетъ къ журналамъ лапу прикладывать, не понимая написаннаго и не читая.

Эта фраза губернатора и подала Молчину мысль устроить на другой день ту шутку, свидѣтелемъ которой былъ весь верхній земскій судъ, и за которую ожидалъ его «сильный напрягай».

III. Въ бурю на Бѣломъ морѣ.

— А оглянитесь-ка назадъ, Адріанъ Моисеевичъ.

— А что?

— Да развѣ не видите, что тамъ дѣлается?

— Вижу, туча встаетъ, такъ, кажется, и пухнетъ, вздымается.

— Да, какъ бы буря не застигла насъ: видите, какъ потемнѣло море.

— Да, точно свинцовое стало, и рябь какая-то пошла.

Такъ вполголоса разговаривали между собой Еминъ и Грибовскій. Они сидѣли въ шестивесельной морской лодкѣ, которая въ полдень отчалила отъ Сумскаго посада, что лежитъ у Онежской губы Бѣлаго моря, и плыла по направленію къ устью рѣчки Кеми, къ маленькому селенію этого же имени.

Былъ конецъ августа 1785 года, время, когда на Бѣломъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ особенно свирѣпствуютъ бури. Въ лодкѣ было шесть гребцовъ и кормчій, старый поморъ. Они также стали поглядывать на облако, которое подымалось надъ

южнымъ горизонтомъ и дѣйствительно, какъ выразился Грибовскій, словно бы распухало и чернѣло, какъ злокачественный веред.

Быть бурѣ!

На днѣ лодки, прикрывшись плащемъ, кто-то спалъ.

— Какъ ты думаешь, дѣдушка,—обратился Грибовскій къ старому помору,—насъ не застигнетъ буря?

— А какъ знать, родимый,—отвѣчалъ старикъ, присматриваясь къ облаку и цвѣту моря,—все отъ Бога.

— Да какъ же! Развѣ не видно?

— Оно точно, баринъ, по нашему, по человѣческому, надо бы быть бурькѣ, а по-божьему, можетъ, и не будетъ: дунетъ Господь, и пронесетъ.

Но небо и море становились все болѣе и болѣе зловѣщими. Какія-то птицы, словно испуганныя грознымъ видомъ окружающей природы, быстро неслись на западъ, по направленію къ землѣ.

— Ишь, умная тварь божья, чуетъ, что дѣло не ладно, такъ скорѣй къ берегу,—какъ бы самъ съ собою разговаривалъ старикъ,—ну-ну, робятки, налягъ-ко на весла, мочи глыбче.

Это къ гребцамъ. Гребцы поналегли, глубоко мочатъ весла, чуть не ломаютъ.

Вдали что-то глухо грохнуло и прокатилось. Грибовскій, блѣдный, испуганно посмотрѣлъ на Емина, на кормщика, на гребцовъ.

— Громъ,—тихо прошептали его блѣдныя губы.

Еминъ и кормщикъ перекрестились.

— Заговорилъ Господь, что-то скажетъ?—произнесъ послѣдній, оглядывая горизонтъ и небо.

Прогремѣло еще. Снова грохнуло и прокатилось. Фигура, лежавшая на днѣ лодки подъ плащомъ, привстала и съ удивленіемъ поглядѣла кругомъ. Это былъ Державинъ.

— Что это? Гроза, кажется, собирается?—спросилъ онъ.

— Гроза, ваше превосходительство,—смущенно отвѣчалъ Грибовскій.

Державинъ всталъ и началъ всматриваться въ море и въ грозно надвигавшуюся тучу, которая закрыла собою солнце. Лицо поэта отражало не то тревогу, не то радость и вдохновеніе.

— А давно началось?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ только...

Но въ этотъ моемнтъ огненная змѣйка съ неба ринулась въ море, казалось, у самой лодки, и моментально затѣмъ грянулъ такой страшный ударъ, что Еминъ и Грибовскій съ крикомъ испуга пригнулись...

— Святъ-святъ-святъ!—прошептали чьи-то уста.

— Начинается,—какимъ-то страннымъ голосомъ проговорилъ Державинъ.

И дѣйствительно, начиналось. Откуда-то налетѣлъ шквалъ. Вѣтеръ, казалось, вырвался изъ невидимой пасти невѣдомаго морского чудовища и со свистомъ сталъ хлестать въ лодку разомъ побѣлѣвшими волнами. Снова огненная змѣя прорѣзала тучи, а за нею послѣдовалъ такой рѣзкій ударъ, словно ударъ кнута по небу и по морю.

— Какой кнутъ!.. Это Онъ, въ пространствѣ безконечный, стегнулъ кнутомъ по вселенной,—съ восторженнымъ трепетомъ проговорилъ пѣвецъ «Бога», забывшій въ этотъ торжественный моментъ о всѣхъ «Фелицахъ» въ мірѣ.

Съ каждымъ моментомъ буря грохотала все болѣе и болѣе. Къ оглушительнымъ ударамъ грома присоединился дикій ревъ волнъ, которыя какою-то невидимою, словно внутреннею силою поднимались все выше и выше и изъ волнъ превращались въ настоящія горы съ бѣлыми гребнями, словно бы это были снѣговыя горы. Молнія то-и-дѣло падала въ море, и казалось иногда, что море горитъ и клокочетъ, разбрасывая съ бѣлыхъ вершинъ гигантскихъ волнъ фосфорическія искры.

Старый поморъ мужественно выдерживалъ напоръ бури, твердою рукою направляя жалкую лодку то вверхъ, на отвѣсную водяную гору, то внизъ съ этой волнующейся горы, и въ послѣднемъ случаѣ находящимся въ лодкѣ казалось, что они падаютъ въ пропасть, чтобъ навсегда остаться погребенными въ холодной пучинѣ.

Грибовскій, котораго гребцы привязали канатомъ къ сидѣнью, чтобъ онъ не вывалился въ море, нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ, но ударъ холодной волны въ лицо заставлялъ его приходить въ себя и вспоминать, что онъ еще живъ; но это было нѣчто среднее между сознаніемъ и бредомъ, между дѣйствительностью и смутнымъ представленіемъ, что это уже не жизнь, а загробныя видѣнія...

«О! Какія ужасныя видѣнія за гробомъ:..»

Могучій организмъ Емина также не выдерживалъ ударовъ волнъ и бросанья лодки съ горы въ бездну: онъ стоналъ, чувствуя, что только придерживающій его поперекъ тѣла канатъ удерживаетъ его на поверхности моря и не позволяетъ ему ринуться въ бушующую, темную пропасть, освѣщаемую иногда молніями.

— Держись крѣпче, ребятушки!—слышался голосъ стараго помора, заглушаемый ревомъ бури и ударами грома.—Отливай воду, а то захлебнемся.

— Весло вырвало! Аахъ!

Державинъ, подъ вліяніемъ первой поэтической восторженности, сначала чувствовалъ въ себѣ гордую силу борьбы со стихіями...

— Чѣмъ они выше меня, эти бѣдные поморы?—шепталъ ему восторженный голосъ торжествующаго духа.

Ему даже хотѣлось крикнуть кормчему, подобно Цезарю передъ битвой при Фарсалѣ:

— Ты везешь Державина и его славу!

Но онъ не крикнулъ. Вмѣсто величаваго образа Цезаря, ему хотѣлось бы лучше видѣть въ этотъ моментъ кроткій образъ Того, Который по водамъ ходилъ.

— Господи! Простри руку, утопаю...

И его одолѣла душевная мука, видъ неминуемой смерти. Онъ сталъ смутно догадываться, что это не сознательная борьба духа со стихіями, а какой-то бредъ воображенія, ибо голова его кружилась, и пучина морская, казалось, манила его къ себѣ...

— Упаду, упаду!.. Погружусь на вѣки,—колотилось въ его душѣ смутное сознаніе, и онъ видѣлъ образъ своей «Плѣниры», летающій надъ бушующимъ моремъ.

— Я брежу... я съ ума схожу,—молніей проносилось въ его умѣ, и онъ не чувствовалъ, какъ два гребца обвязали его канатомъ.

Ему слышались голоса въ ревѣ бури, и эти могучіе голоса внятно гремѣли съ ударами грома:

О, Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный!

О! Разверзшееся отъ молніи небо озарило страшную картину: лодка неслась прямо на острые сѣрые камни, которые отхлынувшая волна обнажила на моментъ и закрыла другою волною...

Онъ только тутъ окончательно пришелъ въ себя: онъ понялъ, что сейчасъ, вотъ въ этотъ самый моментъ, лодка разобьется въ дребезги объ эти каменные зубья, и все будетъ кончено.

— О, Господи!—вырвался стонъ изъ его груди.—Тебѣ все возможно!

Въ этотъ моментъ громадныя волны подхватили лодку, какъ щепку, и перебросили черезъ каменную гряду, торчавшую изъ воды...

— Вынесла Богородушка!—почти простоналъ старый поморъ.—Молись, робятки!

— Въ заводь перекинуло, братцы, — раздался радостный голосъ.

— Вывезло! Крестись, ребята!—кричали гребцы.

Лодку тихо покачивало въ заводи, а за каменистой грядой попрежнему бушевало море. Вблизи виднѣлись очертанія берега, темныя ели, мигалъ гдѣ-то огонекъ.

— Шапку унесло, братцы, эхъ-ма! — слышится чей-то голосъ.

— И мою шляпу дѣдушка водяной слопалъ.

— Три весла сорвало, эххъ!

Державинъ понялъ, что они спасены.

— Молись, батюшка баринъ!—раздался надъ нимъ чей-то голосъ.—Богъ тебя помиловалъ.

Онъ оглянулся. Надъ нимъ стоялъ старый поморъ. Голова его была обнажена, и съ сѣдыхъ волосъ и бороды струилась морская вода.

— Гдѣ мы?—спросилъ Державинъ, приходя въ себя.

— У берега, батюшка, у острова, заводь тутъ есть махонька, тихая заводь.

— А до Кеми далеко?

— Да мы супротивъ самой Кеми, ваша милость,—отвѣчалъ кормщикъ—завтрѣя утречкомъ, Богъ дастъ, и въ Кеми будемъ.

— А теперь ты что думаешь дѣлать?

— Перепочуемъ здѣсятко и переждемъ гнѣвъ Божій.

— Хорошо... Обогрѣться бы надо.

Въ это время, пошатываясь точно пьяный, подошелъ Эминъ.

— Ну, ваше превосходительство, и не чаяли живы быть,— сказалъ онъ,—и кто могъ ожидать!

— Да, правда... А что Адріанъ?

— Еле живъ, бѣдный... Сомлѣлъ, говорятъ ребята

— Такъ рому ему сейчасъ надо дать, возьми тамъ въ погребцѣ.

Гребцы отвязали безчувственное тѣло юнаго секретаря, и Эминъ почти насильно влилъ ему въ ротъ нѣсколько глотковъ живительнаго спирту.

Юноша нескоро пришелъ въ себя.

— Гдѣ мы? Что съ нами?—спросилъ онъ, опомнившись немного.

— У берега. Чудомъ спаслись,—отвѣчалъ Эминъ. — Ну, страсти!

Подошелъ и Державинъ. Онъ весь дрожалъ.

— Дай и мнѣ рому. Я зубъ на зубъ не попаду.

— На гребки, робятки, — скомандовалъ кормщикъ,—на огонекъ.

Влѣво, у берега, мигалъ огонекъ, котораго не успѣлъ залить дождь.

— Должно, рыбаки, у ихъ, у огонька, и отогрѣемся и обсохнемъ. Валяй, соколики!

— На трехъ-ту веслахъ не дюже уваляешь.

— А ты, Микитка, языкомъ греби: у тя языкъ-отъ дюже долгъ,—смѣялись гребцы.

Лодка скоро пристала къ берегу, въ небольшомъ углубленіи, гдѣ стояла привязанная къ причалу еще одна такая же шестивеселка. Выше, на берегу, виднѣлся шалашъ, покрытый древесными листьями и травой; а около него горѣлъ костеръ, освѣщая фантастическимъ свѣтомъ двигавшіеся вокругъ него человѣческіе фигуры и силуэты.

— Эй! Что за люди?—послышалось отъ костра, и къ берегу бросилось нѣсколько человѣкъ.

— Страннички, хрестьянскія души,—отвѣчалъ изъ лодки кормчій.

— А хто такіе будете?

— Өедулъ сумской,—былъ отвѣтъ.

— А! Дѣдъ Өедулъ, семерыхъ надулъ,—засмѣялись съ берега,—что, старый, въ эку бурю по морю толчешься. Али въ Соловки норовишь?

— Не въ Соловки, а въ Кемь, большихъ господъ везу.

— Ишь ты, господъ! Али въ морѣ этой рыбины наловилъ, у дѣдушкѣ водяного отнялъ?

— А вы, робята, не балуй!—строго возразилъ старый поморъ.—Я привезъ самово губернахтера, царско око.

— Ха-ха-ха! Ишь шутникъ какой!—смѣялись на берегу.—Царско око! Вотъ сказалъ

— Царско око! Ха-ха-ха! Може, и носъ царской привезъ.

— Ишь ты... Думалъ дядя Өедулъ, что и насъ надулъ: какъ бы не такъ! Ишь ты, царско око!

— Выколоть ты царско око наровишь, что ли?

— Али царско око возятъ въ такихъ лодчонкахъ? Царско око, поди, въ золотыхъ корабляхъ возить должно; а то на! Въ душегубку царско око засадилъ.

Державинъ понялъ, что находившіеся на берегу никакъ не хотѣли допустить, чтобы губернаторъ, царско око, могъ ѣздить по морю въ простой рыбачьей лодчонкѣ. Да и самъ онъ сознавалъ, что не въ такой бы обстановкѣ долженъ былъ являться представитель лица блестящей царицы Сѣвера, этой новой Семирамиды, имя которой гремѣло во вселенной, проносимое по міру такими свѣтилами ума, какъ Вольтеръ, Дидро, Д'Аламберъ, не въ такой жалкой оправѣ долженъ бы былъ блеснуть на сѣверѣ дорогой брилліантъ изъ державной короны могущественной повелительницы русскаго народа. Да что было дѣлать! Таково было тогда положеніе русскаго Сѣвера: ни путей сообщенія, ни почтовыхъ домовъ, ни почтовыхъ дорогъ, ничего не было. Отправляясь открывать новый городъ. (Державинъ ѣхалъ открывать городъ Кемь), губернаторъ долженъ былъ колесить сотни верстъ то верхомъ на лошади, то на собакахъ, да и то гуськомъ, съ своею свитою и провожатыми, переправляться черезъ рѣки и озера въ жалкихъ рыбацкихъ лодчонкахъ, вязнуть въ болотахъ и тундрахъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ «Запискахъ», даже голодать въ безлюдной сѣверной пустынѣ и рисковать утонуть среди разъяренныхъ морскихъ стихій.

Онъ со стыдомъ сознавалъ, что потѣшавшіеся надъ дядею

Ѳедуломъ кемляне правы: развѣ въ такомъ жалкомъ видѣ должно являться народу «царское око»!

Скоро приставшіе къ берегу путники при помощи гребцовъ выбрались изъ лодки. За ними несли ихъ промоченный багажъ—сундуки, укладки.

Тутъ только кемляне увидали, что дядя Ѳедулъ привезъ какихъ-то «господъ», и перестали смѣяться.

— Здравствуйте, добрые люди,—обратился къ нимъ Державинъ, подходя къ кучкѣ мужиковъ.

Послѣ всего, что онъ перенесъ на морѣ, онъ радъ былъ увидѣть всякое человѣческое лицо.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе,—отвѣчали кемляне, снимая шапки.

— Вы здѣсь для рыбной ловли?—спросилъ Державинъ.

— Нѣ, сударь, мы здѣсь съ батюшкой, сѣнцо убирали.

Державинъ и его маленькая свита направились къ костру. У костра сидѣлъ старичекъ съ заплетенной косичкой. Державинъ догадался, что это священникъ, и, снимая фуражку, подошелъ къ нему съ поклономъ.

— Благословите, батюшка, — сказалъ онъ, — имѣю честь представиться: олонецкій губернаторъ Державинъ.

Священникъ вскочилъ и остановился въ нѣмомъ изумленіи. Онъ узналъ пѣвца «Фелицы», потому что, живя раньше въ Петербургѣ, тоже священникомъ, еще до своей ссылки въ Кемь, онъ не разъ видывалъ Державина и лично, и на портретахъ, которые выставлены были въ окнахъ книжныхъ магазиновъ Петербурга.

— Ваше превосходительство! — бормоталъ онъ, поспѣшно снимая шапку,—Гаврило Романовичъ!

— Да развѣ вы меня знаете, государь мой? — удивился Державинъ.

— Кто же васъ на святой Руси не знаетъ, ваше превосходительство,—оживленно и радостно заговорилъ священникъ,—да вся Россія, полагаю, знаетъ пѣвца «Фелицы», во всѣ концы вселенныя изыде вѣщаніе...

Державинъ былъ, видимо, польщенъ. Въ такой глуши, на необитаемомъ островѣ, точно среди дикарей Океаніи, и его имя знаютъ!

Окружающіе ихъ мужики разомъ обнажили головы и смо-

трѣли теперь на пріѣхавшихъ, какъ на свалившихся съ неба царскихъ посланниковъ: передъ ними, судя по тону и обращенію батюшки, въ самомъ дѣлѣ стояло «царско око».

— Ишь ты, притча... И въ самъ-дѣль, царско око!

Священникъ засуетился, забѣгалъ.

— Ахъ, Царица Небесная! Какъ же мнѣ примать высокихъ гостей, пословъ царицы земной! Ахъ Господи!..

— Не безпокойтесь, батюшка — успокаивалъ его Державинъ.

— Ахъ, какъ же мнѣ не безпокоиться! Да обсушить васъ, пригрѣть... Ахъ, Боже мой!.. Да пожалуйте въ мой убогій шатеръ, переодѣньтесь... Ахъ, Царица небесная! Вотъ не ждалъ, ни умомъ, ниже помышленіемъ, и въ такую-то бурю!.. Хляби морскія разверзлися... Да какъ же такъ, Господи Боже мой!

Гребцы между тѣмъ, съ Еминымъ во главѣ, втащили въ шалашъ большой кованый сундукъ Державина и другой—Грибовскаго и Емина и отперли ихъ, чтобъ достать сухое платье и бѣлье.

— Ну, что, птенецъ, пришелъ въ себя?—ласково спросилъ Державинъ своего секретаря, который стоялъ у костра, сушился и грѣлся.

— Да, ваше превосходительство, отхожу, — отвѣчалъ юноша,—ромъ меня оживилъ.

— Выпей еще да переодѣнься.

А батюшка продолжалъ метаться, какъ угорѣлый.

— Ахъ, Царица небесная! Такіе высокіе гости... Ребята!—кричалъ онъ къ опѣшившимъ мужикамъ.—Вали больше дровъ въ костеръ, вали цѣлую гору Ѳаворъ, наваливай! Жги весь островъ! Ишь, какая превысочайшая честь! ..Иллюминацію устроить надо для высокихъ гостей, для посланца ея императорскаго величества, а кольми паче для сладковѣщательнаго пѣвца «Фелицы»... Эка честь, Господи! Вотъ не чаялъ, не гадалъ!.. И гдѣ же? Въ ссылкѣ, на Бѣлѣ-морѣ, аки Даніилъ Заточникъ. Да благословенъ будетъ тотъ день и часъ, когда меня сюда послали за мое окаянство: вѣдь, безъ сего я не дожилъ бы до счастья лицезрѣть у себя славнаго и преславнаго Державина, пѣвца «Фелицы» и вельможи ея императорскаго величества. Вали, ребята! Это мы чествуемъ и великую государыню, и великаго мужа піиту... Вы сами не

знаете, на кого вы нынѣ взираете, на солнце россійскаго Парнаса взираете!

Державинъ началъ догадываться, что батюшка немножко подъ хмѣлькомъ. Оставивъ его суетиться около костра, онъ вмѣстѣ съ Грибовскимъ ушелъ въ шалашъ, чтобы переодѣться. Между тѣмъ костеръ, заваленный вновь принесеннымъ хворостомъ, еловыми шишками и всякимъ валежникомъ, разгорѣлся такъ, что заревомъ его, какъ заревомъ пожара, освѣщался не только берегъ острова и лугъ, но и тихая заводь морская, и самое море, надъ которымъ буря уже улеглась, но которое продолжало еще волноваться, оставленною ему ураганомъ, зыбью. Небо очистилось, и на темной синевѣ его ярко вырѣзался золотой серпъ молодого мѣсяца.

IV. На необитаемомъ островѣ.

Когда Державинъ, Эминъ и Грибовскій вышли изъ шалаша переодѣтые, то увидѣли, что хлопоты суетившагося батюшки оказались не напрасными. По одну сторону ярко пылавшаго костра разложено было сухое, свѣжее сѣно, на которое высокіе гости могли бы сѣсть, а къ огню приставленъ былъ котелокъ, въ которомъ варилась уха изъ пойманной кемлянами, до начала бури, рыбы. Тутъ же, около костра, начиналъ закипать пузатый самоваръ, почти единственное сокровище, привезенное батюшкой въ ссылку и напоминавшее ему блаженныя времена жизни его въ Петербургѣ, на Большой Мѣщанской. Батюшка усердно хлопоталъ и около котелка, и около самовара.

Ѳедуловы гребцы, между тѣмъ, подъ руководствомъ Эмина, развѣсили противъ костра, для просушки, промокшее платье путешественниковъ и другія вещи, сдѣлавъ для этого козлы изъ кольевъ и веселъ.

Кемляне по другую сторону костра варили себѣ кашу и уху въ своемъ собственномъ котелкѣ и тихонько вели разговоры то о недавней бури, то о пріѣхавшихъ господахъ. Костеръ былъ такъ великъ, что за огнемъ ихъ не видно было, и только слышался ихъ разговоръ съ пріѣзжими гребцами.

— Какъ же вы, дуровы головы, подъ саму бурю повезли господъ?—спрашивалъ кто-то.

— Да было ведро, какъ мы выѣхали изъ Сумскаго,—былъ отвѣтъ.

— Ведро!.. А этого не видишь?

— Чево видѣть-то?

— А мѣсяцъ?

— Что-жъ мѣсяцъ! Кады мы выѣзжали, мѣсяца не видать-ста было: солнышко во все окно глядѣло-ста.

— Во все окно! А вчера вечоръ, небось, не видалъ мѣсяца? Повылазило тебѣ?

— Не повылазило-ста... Знамо, вечоръ видалъ.

— А видалъ, каки рога-то у мѣсяца?

— А каки?

— Вонъ, мотри, каки тупые рога: мѣсяцъ словно бы лежитъ.

— Ну, чтожъ! И пущай-ста ево лежитъ.

— Тото-то пущай, дурова голова! А еще поморъ называешься... Али не знаешь закону?

— Какова такова закону-ста?

— А насчетъ то-ись мѣсяца. Въ законѣ сказано: мѣсяцъ лежитъ—поморъ стоитъ, мѣсяцъ стоитъ—поморъ лежитъ. Вонъ каку законъ-атъ загадку загапулъ: што коли ежели молодой мѣсяцъ лежитъ, вонъ какъ нонѣ лежитъ бокомъ, быть бурѣ, стоять помору на ногахъ—работа, стало быть, будетъ яму на морѣ. А коли-ежели молодой мѣсяцъ стоитъ на небѣ, прямо, и рога у него остры, тады на морѣ ни-ни! Не ворухнется,—и поморъ лежи себѣ, да спи. Вотъ онъ каковъ законъ-отъ прописанъ насчетъ молодова мѣсяца...

— Гдѣ это вы, святой отецъ, сухого сѣна добыли послѣ дождя?—спросилъ онъ.

Подойдя къ костру, Державинъ пріятно изумился.

— А стожокъ малую толику разметали для вашего превосходительства,—отвѣчалъ онъ, суетясь попрежнему,—въ середкѣ-то и оказалось сухое сѣнцо.

— Спасибо, спасибо, пастырь добрый,—улыбнулся Державинъ, опускаясь на сѣно.

— Пастырь добрый, ваше превосходительство, по словеси Распятаго за ны, долженъ душу свою полагать за овцы.

— Такъ, такъ, истину говорите... Это вы насъ, кажется, батюшка, чаемъ хотите угостить?

— Чайкомъ, ваше превосходительство, и ушицею; чѣмъ богаты... Рыбка у насъ свѣженькая, при морѣ живемъ... Ужъ єжели апостолы угощали Спасителя нашею рыбкою, то и мы пойдемъ по стопамъ апостольскимъ: рыбку же предложимъ въ снѣдь высокимъ гостямъ.

— Отлично! Я же проголодался... Ну-ка, господинъ экзекуторъ,—обратился Державинъ къ Емину,—распорядись-ка принести сюда нашу укладочку: тамъ и чай есть, и стаканы, да и ямайскій не забудь захватить.

— Слушаю-съ, все будетъ исполнено

— Это преотмѣнно, ваше превосходительство, что у васъ стаканы есть,—замѣтилъ батюшка,—а то у меня одна всего чайная чашка, да и ложки деревянныя, не по чину.

— Не безпокойтесь, батюшка, у насъ и ложки есть.

— А куда, ваше превосходительство, путь изволите держать?—спросилъ батюшка, отставляя котелокъ отъ огня.—Къ святымъ Зосимѣ и Савватію?

— Нѣтъ, я не въ Соловки, хотя послѣ, можетъ быть, и съѣзжу поклониться мощамъ преподобныхъ угодниковъ соловецкихъ. А теперь я въ Кемь.

— Въ Кемь?—удивился батюшка.—Въ нашу пустыню?

— Да... По высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію я долженъ открыть тамъ новый городъ.

— Открыть городъ! — Батюшка даже привскочилъ.—Да тамъ, ваше превосходительство, ничего нѣтъ: что же тамъ открывать?

— Какъ ничего нѣтъ?—удивился Державинъ.

— Да ничего, ваше превосходительство, такъ-таки ровно ничего.

— Но церковь есть?

— Церковца имѣется, но токмо бѣдненькая, деревянная, не лучше простой крестьянской избы.

— А присутственныя мѣста?

— Никакихъ присутственныхъ мѣстъ у насъ нѣтъ, ваше превосходительство: есть одинъ токмо кабакъ.

— Кто же тамъ у васъ начальство?

— Одинъ сельскій староста да десятскій. вотъ и все наше начальство.

— А воинская команда?

Батюшка вмѣсто отвѣта только разсмѣялся.

— Чему вы смѣетесь?—все болѣе и болѣе изумлялся Державинъ.

— Простите, ваше превосходительство! Какъ тутъ не смѣяться? Вы изволили спрашивать о воинской командѣ: да у насъ воинскихъ-то людей всего одинъ Потапычъ на деревянной ногѣ... Ногу-то ему оторвало еще подъ Очаковомъ, на глазахъ у Миниха... Вотъ какова у насъ воинская команда.

Державинъ задумался, и въ душѣ его шевельнулось досадное, обидное чувство. Это Тутолминъ съ умысломъ, на позоръ и въ насмѣшку, послалъ его «открывать городъ», тамъ, гдѣ ничего нѣтъ: ни властей, ни команды, ни даже сельской расправы... Это злая издѣвка надъ губернаторомъ, надъ его саномъ, надъ нимъ лично, надъ Державинымъ... Все это, конечно, за медвѣдя... наушники, безъ сомнѣнія, донесли ему больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ...

Хорошо же! Онъ откроетъ городъ, городъ безъ властей, безъ городничаго, безъ земскаго суда, безъ казначейства, безъ острога, безъ команды, и донесетъ обо всемъ сенату и императрицѣ... Онъ исполнитъ возложенное на него порученіе... *).

И для этой комедіи онъ долженъ былъ перенести такой ужасный путь, эту страшную бурю, когда онъ былъ на волосъ отъ смерти!

Между тѣмъ Еминъ и Грибовскій вынули изъ вмѣстительной укладки все необходимое для сервированія импровизированнаго на воздухѣ ужина: достали скатерть, салфетки, тарелки, ножи, вилки и даже серебрянную суповую ложку. На рѣзной, изящной работы ложкѣ, которою долженъ былъ кушать самъ Державинъ, было вычеканено: «Плѣнителю—Плѣнира». Въ надписи этой прелестная Катишь подражала той надписи, которая выкована была на монументѣ Петра I: «Петру Первому—Екатерина Вторая». И выдумка эта восхитила Гаврилу Романовича!

Послѣ этого Еминъ принесъ объемистую флягу, заключенную въ плетенку, и доставъ двѣ серебряныя чарки, по знаку Державина, позвалъ изъ-за костра своихъ требовъ и рабочихъ кемляпъ, убиравшихъ у батюшки сѣно.

Когда всѣ собрались, Державинъ всталъ, наполнилъ водкою

---

*) Это было дѣйствительно такъ, и Державинъ говоритъ объ этомъ въ своихъ «Запискахъ», равно какъ и о бурѣ на морѣ.

обѣ чарки и, передавъ одну изъ нихъ въ руки батюшки, торжественно произнесъ:

— Пью за драгоцѣнное здравіе ея императорскаго величества, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны! Да огласится сей необитаемый островъ и сіе безбрежное море восторженными кликами ея вѣрноподданныхъ, урра!

— Урра!—подхватили батюшка, Еминъ и Грибовскій.

— Урра!—загремѣли гребцы и кемляне, носомъ почуявшіе, что и имъ сейчасъ поднесутъ по чапурушечкѣ.

И имъ, дѣйствительно, поднесли. Тогда всѣ усѣлись за ужинъ: господа—по сю сторону костра, народъ—по ту сторону.

Больше всѣхъ торжествовалъ неугомонный батюшка. Онъ не могъ ѣсть спокойно, постоянно обжигался горячей ухой, вскакивалъ, разводилъ руками и болталъ неумолкаемо.

— Ахъ, Царица небесная! Да видано ли такое царское торжество на семъ необитаемомъ островѣ, на отоцѣ моря студенаго!.. Не видано и не слыхано: око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣческое не взыдоша, истинно такъ. И кто жъ на семъ островѣ! Самъ сладкоглаголивый златоустъ россійскаго Парнаса и сановникъ ея императорскаго величества, Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Всѣ невольно улыбались, слушая эту неумолкаемую болтовню.

— Такъ вы говорите, батюшка, что были прежде священникомъ въ Петербургѣ?—прервалъ его болтливую рѣчь Державинъ.

— Былъ-съ, точно былъ, ваше превосходительство, только оказался недостойнымъ пастыремъ.

— Чѣмъ же?

— Неистовствомъ языка своего, и за то изгнанъ на сей пустынный Патмосъ, аки Агарь.

— Какъ? На этотъ островъ?

— Нѣтъ, тутъ на семъ Патмосѣ, у меня токмо сѣнокосъ, а священнодѣйствую я въ Кеми.

— И вы одинъ тамъ священникомъ?

— Одинъ-съ, да и то много, одного даже много.

Державинъ задумался. Разомъ стало тихо, такъ что отчетливо слышенъ былъ прибой моря.

— Вотъ что, батюшка,—сказалъ Державинъ,—завтра вы должны ѣхать со мною въ Кемь.

— Сочту за счастіе сопровождать особу вашего превосходительства.

— Мы съ вами,—продолжалъ Державинъ,—должны открыть въ Кеми городъ: вы отслужите обѣдню и затѣмъ благодарственный, или какой тамъ по церковному уставу полагается, молебенъ, а потомъ вы донесете рапортомъ святѣйшему синоду о послѣдовавшемъ открытіи города, а я—правительствующему сенату и государынѣ императрицѣ.

Послѣ ужина всѣ отправились на покой. Господа, купно съ батюшкой, улеглись на сухомъ сѣнѣ въ шалашѣ, вповалку, а кемляне и гребцы—у костра, который продолжалъ освѣщать пустынный берегъ, лѣсъ и понемногу засыпавшее море.

Уснули и люди послѣ испытанныхъ треволненій и послѣ вкуснаго ужина.

Не спалъ одинъ лишь Державинъ. Онъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами и многое передумалъ изъ своей жизни. Въ дверь шалаша виднѣлась западная окраина темнаго неба, на которомъ ровнымъ слабымъ свѣтомъ мигали звѣзды, словно чьи-то далекіе глаза, сторожившіе спящую землю и темное, успокоившееся море.

Вотъ покатилась звѣздочка и сгасла въ пространствѣ... Другая, третья... Какъ много ихъ падаетъ: Сколько невѣдомой жизни въ этихъ невѣдомыхъ, далекихъ пространствахъ!..

«Да, Онъ — пространствомъ безконечный, живый въ движеньи вещества», самъ собою повторялся въ душѣ Державина памятный стихъ.

А прошлое!.. Такъ и носятся образы и видѣнія передъ открытыми глазами...

Вотъ онъ гонится по слѣдамъ Пугачева; онъ, молодой гвардейскій офицеръ... По дорогѣ, по селамъ, вездѣ висятъ трупы или валяются въ полѣ: все это жертвы народнаго волненія, поднятаго таинственною личностью... Хищныя птицы стаями кружатся надъ трупами и каркаютъ такъ зловѣще, такъ страшно...

Но что это шумитъ такъ? Да это море шумитъ... Нѣтъ, море тихо, совсѣмъ уснуло, и этотъ шумъ моря отдается у него въ душѣ, въ встревоженномъ мозгу. Не можетъ онъ отбиться отъ этого шума, и въ головѣ его самъ собою слагается стихъ:

Судно по морю носимо,
Рѣетъ между черныхъ волнъ...
Бѣлы горы идутъ мимо...

Да, это были дѣйствительно бѣлыя горы, эти грозные черные валы съ бѣлыми, точно снѣговыми вершинами...

Бѣлы горы идутъ мимо...
Въ шумѣ ихъ—надеждъ я полнъ...

«Нѣтъ, тогда я уже терялъ всякую надежду... Но терялъ ли? Нѣтъ, нѣтъ! Она жила во мнѣ, тлѣла какъ искра въ этомъ хаосѣ бури... Да, такъ, это вѣрно... Надо припомнить весь стихъ:

Судно по морю носимо,
Рѣетъ между черныхъ волнъ,
Бѣлы горы идутъ мимо,—
Въ шумѣ ихъ—надеждъ я полнъ.

«Да, надо запомнить, чтобъ утромъ записать.

— О! Спасите! Спасите!—стонетъ во снѣ юный Грибовскій.

— Бѣдный мальчикъ! Во снѣ мерещится ему буря.

Снова тихо. Но сонъ все нейдетъ. Снова оставляя по небу свѣтящуюся полосу, падаетъ куда-то звѣздочка, за ней другая... Куда же имъ падать, какъ не въ море?

«Въ морѣ, вѣрно, утонулъ и мой сонъ...

«А что-то моя бѣдная Катишь? Скучаетъ по мнѣ?..

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра...

«Что это мнѣ вспомнился водопадъ Кивачъ? Да, помню его; но тамъ не такъ страшно, какъ въ бурю на морѣ... Эти сверкающія молніи, этотъ грохотъ волнъ и перуновъ!.. Но чья-то рука отводитъ отъ меня эти перуны, гаситъ молніи надъ моей головой и перебрасываетъ лодку въ тихую заводь, великая, невѣдомая сила!..

Онъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами и сквозь темное отверстіе шалаша смотрѣть на усѣянное звѣздами небо, а въ мозгу самъ собою слагается стихъ:

Кто изъ тучъ бѣгущій пламень
Гаситъ надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челнъ заводитъ мой?..

V. Александръ Македонскій въ курятной клѣткѣ.

Въ тотъ самый день, когда Державинъ рисковалъ погибнуть въ волнахъ Бѣлаго моря, въ Петербургѣ, при дворѣ, объ немъ много говорили, и вотъ главнымъ образомъ по какому случаю.

Императрица въ это время находилась еще въ Царскомъ Селѣ, потому что осень въ 1785 году выдалась отличная, и дворъ не хотѣлъ рано переѣзжать въ Зимній дворецъ.

Послѣ обычныхъ утреннихъ занятій, государыня вышла въ садъ, чтобы сдѣлать свою передобѣденную прогулку. Ее сопровождала, по обыкновенію, только любимая собаченка Муфти. День былъ тихій, теплый. Деревья сада уже начинали мѣстами желтѣть и краснѣть, что придавало темной зелени парка особую прелесть. Высоко въ воздухѣ раздавались, особенно звонко въ этотъ день, крики перелетныхъ птицъ. Императрица невольно подняла голову и простояла нѣсколько минутъ, наблюдая, какъ двѣ длинныя нити, сходившіяся подъ острымъ угломъ, медленно тянулись по небу, отсвѣчивая иногда на солнцѣ, словно гигантскія серебряныя нити. Это летѣла стая дикихъ гусей, вытянувшаяся въ двѣ подъ острымъ угломъ линіи.

Собачка также остановилась и съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣла то въ глаза государыни, то на стройно двигавшихся въ небесной лазури пернатыхъ странниковъ.

— Что, Муфти? — улыбнулась ей императрица.—Высоко летятъ гуси?

Собачка залаяла, желая этимъ выразить протестъ всѣмъ птицамъ.

— Не боятся онѣ твоего безсильнаго лаю,—продолжала она дразнить собачку.

Собачка еще задорнѣе залаяла.

— Лай, не лай, а онѣ умнѣе тебя,—продолжала Екатерина,—вонъ ты всегда только изъ рукъ ждешь подачки, сама не умѣешь найти себѣ корма, а онѣ, птички, вонъ какія умницы: откуда-нибудь изъ Архангельска, изъ Кеми, съ Бѣлаго моря летятъ на зиму въ теплые края.

Собачка перестала лаять и, казалось, понимала, что ей говорили. Гуси между тѣмъ отлетали все далѣе и далѣе. Скоро они стали казаться нитями тонкой паутины, которой въ эту теплую осень такъ много плавало въ сухомъ ясномъ воздухѣ.

Серебристыя нити все тоньше, тоньше...

— Въ Турцію летятъ, въ Анатолію, за Черное море, а можетъ быть и въ Африку,—проговорила императрица въ раздумьѣ.—Когда-то я и моя держава выростетъ до того, что въ одной половинѣ ея, въ сѣверной, перелетныя птицы будутъ проводить лѣто, а въ другой, южной, зиму?.. Авось съ божьей помощью доживу до этого счастья.

Тонкія бѣлыя нити, наконецъ, вышли изъ луча зрѣнія и потонули въ безконечномъ пространствѣ.

Она шла далѣе въ глубокой задумчивости.

Въ воздухѣ, высоко надъ ея головою, снова прозвенѣли какіе то голоса, да такъ звонко, радостно. Она опять подняла голову. Тамъ, въ далекой синевѣ, извивались и переливали серебромъ новыя нити. Это летѣла журавлиная стая.

— И они туда же, въ мои будущія владѣнія... Но не слишкомъ ли я загадываю?—проговорила она сама съ собой.

Собачка, бѣжавшая впереди, услыхавъ голосъ своей госпожи, остановилась и вопросительно поглядѣла на нее. Но, видя, что на ея безмолвный вопросъ не отвѣчаютъ, опять залаяла.

— Глупая! Вѣдь ты не поймешь меня,—улыбнулась она,—да и многіе ли меня понимаютъ? Одинъ Григорій Александровичъ развѣ, да и то не всегда.

Вдругъ изъ одного павильона, мимо котораго она проходила, раздался звонкій дѣтскій хохотъ: словно жемчугъ сыпали на серебряное блюдо, такъ очарователенъ былъ этотъ дѣтскій смѣхъ. Императрица невольно и съ любовью усмѣхнулась: она узнала этотъ чарующій дѣтскій смѣхъ.

Подойдя тихонько къ павильону, она увидѣла сцену, которая невольно привлекла ея вниманіе.

Въ павильонѣ она увидѣла своихъ внучатъ: великаго князя Александра Павловича, которому было уже восемь лѣтъ, и шестилѣтняго Константина Павловича. Они хлопотали около длиннаго стола, на которомъ разложены были ихъ учебники, тетрадки для письма и бѣлая бумага для рисованья. У стола стояли два высокихъ кресла, одно противъ другого, съ высоко нало-

женными на нихъ подушками. На подушкахъ терпѣливо возсѣдали: на одномъ креслѣ—небольшая собачка Кадо, любимая левретка великаго князя Александра Павловича, съ какимъ-то широкимъ, вычурнымъ ожерельемъ изъ цвѣтной бумаги на шеѣ; на подушкахъ другого кресла сидѣлъ большой бѣлый котъ великаго князя Константина Павловича—Жмурка, большой охотникъ до соловьевъ; на шеѣ у Жмурки тоже было бумажное ожерелье, но только не такое богатое, какъ у Кадо. Притомъ же Жмурка не сидѣлъ спокойно и все хотѣлъ сорвать съ себя ожерелье, за что Константинъ Павловичъ билъ его пальцемъ по носу, приговаривая:

— Сиди смирно, господинъ засѣдатель.

Поодаль отъ великихъ князей, на диванѣ, сидѣлъ ихъ воспитатель, князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, и читалъ какую-то книгу, изрѣдка поглядывая на своихъ воспитанниковъ и добродушно улыбаясь.

— Ну,—сказалъ Александръ Павловичъ, — теперь пускай они подписываютъ журналъ... Пусть прежде подпишетъ твой засѣдатель, онъ младшій по чину.

— Нѣтъ, онъ старшій,—возразилъ Константинъ.

— Ну, что ты знаешь!—не соглашался Александръ.—Вѣдь предсѣдатель старше засѣдателя, а мой Кадо—предсѣдатель.

— Нѣтъ!—не соглашался въ свою очередь Константинъ.—Я хочу, чтобъ мой Жмурка былъ старшій, онъ и годами старше Кадо. Николай Ивановичъ!—обратился маленькій спорщикъ къ своему наставнику.—Кто старше, засѣдатель или предсѣдатель?

— Конечно, предсѣдатель,—отвѣчалъ Салтыковъ, не поднимая глазъ отъ книги.

— Ну что! Я тебѣ говорилъ,—увѣренно подтверждалъ свои слова Александръ,—пускай же Жмурка, то есть, засѣдатель, подпишетъ журналъ... Мокай ему лапку въ чернила.

— Ну вотъ еще,—капризничалъ Константинъ,—зачѣмъ же онъ прежде? Пускай твой прежде.

— Нѣтъ, этого нельзя,—наставительно доказывалъ старшій братъ,—мой вѣдь старше твоего чиномъ.

— Ну, и пускай старшій подписываетъ.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь!—горячился Александръ.—Вѣдь баба всѣхъ старше въ Россіи? Да?

— Да, баба всѣхъ старше, — соглашался маленькій спорщикъ.

— То-то! А она вѣдь всегда подписываетъ указы и манифесты послѣ всѣхъ.

Слушая дѣтскую болтовню изъ-за своей засады, изъ-за куста сирени, императрица едва удерживалась, чтобъ не засмѣяться.

— Николай Ивановичъ!—обратился Александръ къ Салтыкову.—Вѣдь баба всѣхъ старше чиномъ?

— Всѣхъ старше, ваше высочество,—былъ отвѣтъ.

— Вѣдь она, Николай Ивановичъ, старше всѣхъ на свѣтѣ, и королей, и императоровъ, да? Vous savez, она одна въ свѣтѣ царица, а цари, vous savez, старше императоровъ, потому что наша бабушка разомъ и императрица, и еще царица. Savez-vous? Вонъ австрійскій императоръ—онъ только императоръ и король, а баба старше его; онъ къ бабѣ пріѣзжалъ въ гости, pour faire la cour ou des felicitations, а баба къ нему не ѣздила... Вонъ и нашъ папа, который тоже будетъ императоромъ и царемъ, и онъ слушается бабы и не смѣетъ ее огорчить... Такъ баба поэтому и старше всѣхъ королей и императоровъ, и шаховъ и султановъ, да, старше?

Глаза у мальчика горѣли, щечки пылали румянцемъ. Онъ былъ весь оживленіе, и бабушка съ восторженной любовью глядѣла на него, какъ только могутъ глядѣть бабушки на своихъ внучатъ.

Салтыковъ поднялъ глаза отъ книги и серьезно сказалъ.

— Такъ, ваше высочество, нельзя утверждать: бабушка ваша, наша всемилостивѣйшая государыня, дѣйствительно величайшая монархиня въ мірѣ. Недаромъ величаютъ ее Семирамидой Сѣвера. Но она достигла сего первенства своими личными великими качествами, своею мудростію и славными дѣяніями. Что же касается старшинства по чину, какъ вы изволите выражаться, то, по государственнымъ правамъ, ваша бабушка, какъ императрица всероссійская, и Іосифъ австрійскій, какъ императорское и апостолическое величество, стоятъ, можно сказать, въ одинаковомъ рангѣ. Умомъ же своимъ и славою ваша бабушка затмила всѣхъ владыкъ міра.

— Ты мнѣ льстишь, Николай Ивановичъ,—раздался вдругъ голосъ императрицы, и она выступила изъ-за куста сирени.

Послѣдовало всеобщее замѣшательство. Великіе князья съ

радостными криками бросились къ бабушкѣ. У Салтыкова выпала изъ рукъ книга и стукнулась объ полъ павильона. Муфти и Кадо съ неистовою радостью залаяли, и послѣдній, забывъ свое предсѣдательское достоинство, соскочилъ съ подушекъ и бросился на встрѣчу. Засѣдатель Жмурка мгновенно взлетѣлъ на самый верхъ одной изъ колоннъ павильона и оттуда дико мяукалъ и фыркалъ на собакъ.

— Ахъ, баба, какъ ты насъ испугала,—лепеталъ юный Александръ, цѣлуя руки бабушки.

— А я такъ вовсе не испугался, я зналъ, что это бабушка,— медленно возражалъ мѣшковатый братъ его, — что жъ тутъ бояться?

— Конечно, мой другъ,—трепала его по пухлой, розовой щечкѣ бабушка.

— Да я и не боюсь, а такъ,—оправдывался Александръ.

Салтыковъ дѣлалъ медленный, низкій поклонъ.

— Здравствуй, князь,—ласково кивала ему императрица, подавая руку для поцѣлуя,—какъ ты меня тутъ превознесъ,— улыбалась она.

— Я, ваше величество, говорилъ только одну правду, — оправдывался князь,—весь свѣтъ это говоритъ.

— Такъ весь свѣтъ—льстецъ: tout le monde me cajole!— засмѣялась она.

— Что это вы тутъ дѣлали, дѣти?—обратилась она къ внукамъ.—У васъ тутъ, кажется, были и засѣдатели, и предсѣдатели?

— Да, баба, мы судили Тутолмина,—отвѣчалъ Александръ.

— За что же? Ба-ба! Вонъ, я вижу, вашъ предсѣдатель кувыркается съ Муфти...

— Ахъ, противный! Кадо!.. Кадо! Venez içi! Развѣ можно въ мундирѣ и въ орденахъ валяться по землѣ!—горячился Александръ.

— А мой засѣдатель вонъ куда забрался,—указывалъ Константинъ на своего кота, все еще сидѣвшаго на карнизѣ колонны,—иди сюда! Жмурка! Жмурка!

Котъ спрыгнулъ съ колонны и сталъ тереться у ногъ императрицы.

— Такъ за что же вы судили Тутолмина?—спросила она.

— За Державина, баба,—отвѣчали юные князья разомъ.

— За что жъ такъ?

— Да какъ же, милая баба! Тутолминъ, папа говоритъ, притѣсняетъ Державина.

— Это вамъ папа говорилъ?—серьезно спросила Екатерина.

— Нѣтъ, милая баба,—отвѣчалъ Александръ,—папа съ мамой говорили, а мы слышали.

— Что же папа говорилъ мамѣ? — снова спросила императрица.

— Папа говорилъ мамѣ, что получилъ письмо отъ своей кормилицы, а кормилица ему пишетъ, что тамъ у нихъ, гдѣ они живутъ, одинъ человѣкъ привелъ въ судъ медвѣдя, посадилъ его въ кресло и сказалъ засѣдателямъ: вотъ вашъ предсѣдатель— Михайло Ивановичъ Медвѣдевъ. И ему намазали чернилами лапу, и онъ къ журналу руку прикладывалъ...

— Лапу,—поправилъ его младшій братъ.

— Ну? И что же?

— Папа очень смѣялся, баба.

— А при чемъ же тутъ Державинъ и Тутолминъ?—сдерживая улыбку, допрашивала императрица.

— Тутолминъ, баба милая, разсердился на Державина, и говоритъ, что это Державинъ нарочно посадилъ медвѣдя на его мѣсто; смѣется, говоритъ, надъ нимъ. А это не онъ, не Державинъ.

— Кто же? — продолжала спрашивать Екатерина, чтобы еще полюбоваться, какъ прелестный мальчикъ съ горячностью оправдывалъ Державина.

— Какой-то человѣкъ, баба, я не знаю,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Засѣдатель, папа говоритъ, — подсказалъ Константинъ.

— Да, баба, засѣдатель... А Тутолминъ разсердился на Державина и послалъ его открывать какой-то городъ, гдѣ никого нѣтъ.

— Какъ никого?—удивилась императрица.

— Папа говоритъ, никого... Это Тутолминъ, чтобъ посмѣяться надъ Державинымъ... Вотъ мы его и судили, баба милая... Кадо! Опять валяться, негодный!

— А Тутолмина мы посадили въ крѣпость,—апатично пояснилъ Константинъ, возясь на полу съ Жмуркой.

— Мы, баба, — поторопился перебить его Александръ,— приказали Степану Ивановичу Шешковскому хорошенько допросить Тутолмина въ крѣпости... Такъ Тутолминъ, такой дерзкій, все клюетъ Степана Ивановича.

И оба юные шалуны весело, звонко расхохотались, вспомнивъ, какъ ихъ государственный преступникъ, посаженный въ крѣпость, клюетъ грознаго Шешковскаго. Екатерина не выдержала и сама разсмѣялась.

— Вотъ обезьяны! Что большіе, то и они,—замѣтила она Салтыкову.

Тотъ съ улыбкой поклонился.

— Кто же у васъ Тутолминъ, а кто Шешковскій?—смѣясь, спросила императрица.

— Тутолминъ, баба,—пѣтухъ, тотъ папинъ пѣтухъ, красный, что всѣхъ куръ бьетъ: его папа назвалъ Александромъ Македонскимъ и орденъ ему на шею повѣсилъ.

— Какой орденъ?—удивилась Екатерина.

— Мамину подвязку старую, орденъ Подвязки.

Императрица опять разсмѣялась: ее занимала невинная дѣтская болтовня. Съ ними она отдыхала душой послѣ царственныхъ трудовъ, въ которыхъ такъ много горькаго, обиднаго отнимающаго послѣднюю вѣру въ людей...

— А кто-же у васъ Шешковскій?—спросила она послѣ минутнаго раздумья, чтобы отогнать отъ себя тяжелыя думы.

— А папинъ волкодавъ—Тамерланъ... Вотъ ка́къ мы посадили Тутолмина въ крѣпость...

— Въ курятную клѣтку,—пояснилъ Константинъ, продолжая играть съ Жмуркой.

— Не перебивай!—разсердился Александръ.—Какъ посадили, баба, Тутолмина въ крѣпость и говоримъ Шешковскому: Степанъ Ивановичъ! Пиль! Возьми его, допроси съ пристрастіемъ...

Екатерина украдкой глянула на Салтыкова. У того лицо ничего не выражало, одно лишь спокойное вниманіе.

— Eh bien, chèr Alexandre! Такъ съ пристрастіемъ?— спросила бабушка.

— Съ пристрастіемъ, баба.

— А отъ кого вы это слово слышали?

— Отъ папы. Онъ всегда говоритъ, когда Жмурка поймаетъ

мышенка: а ну, говоритъ, Степанъ Ивановичъ, допроси ее съ пристрастіемъ.

На лицѣ императрицы показалось какъ бы облачко тѣни, но едва она глянула въ ясные, невинные глаза своего любимаго внучка, облачко мгновенно исчезло.

— Такъ вотъ, баба,—продолжалъ тотъ весело,—Шешковскій какъ кинется къ клѣткѣ, ахъ, да! къ крѣпости, а Тутолминъ какъ клюнетъ его въ носъ, такъ Степанъ Ивановичъ такъ и завизжалъ!

— А вонъ и Степанъ Ивановичъ!—вдругъ радостно закричалъ мальчикъ и стремглавъ бросился къ огромному сѣрому псу, который шелъ по аллеѣ.

За нимъ побѣжалъ и Константинъ. Императрица съ любовью поглядѣла имъ вслѣдъ и вздохнула.

— Эти дѣти,—задумчиво сказала она,—единственное мое утѣшеніе... Гордость моя—во внукахъ... Александръ, я увѣрена, будетъ славнымъ государемъ и другомъ человѣчества... Но этотъ, младшій, Костенька, c'est un cadet de la maison; il faut qu'il cherche fortune.

— И онъ ее найдетъ, свою фортуну,—поклонился Салтыковъ.

— И ты думаешь?—спросила Императрица.

— Я увѣренъ, государыня.

— Да, правда,—съ улыбкой замѣтила императрица:—у него есть свое наслѣдство—Греція. Мы ее воскресимъ... Константинъ, мальчикъ хорошій: онъ черезъ тридцать лѣтъ изъ Севастополя проѣдетъ въ Царьградъ... Мы теперь рога у Турціи ломаемъ, а тогда они ужє будутъ сломлены, и для него будетъ легче *).

---

*) Приводимыя, какъ здѣсь, такъ и выше, слова Екатерины о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ—подлинныя, историческія слова императрицы, записанныя Храповицкимъ (Дневникъ, стр. 276 и 312). Что слова эти не были сказаны въ шутку, и что Екатерина II серьезно загадывала о возстановленіи Греціи и о завоеваніи Константинополя, какъ «наслѣдства» для Константина Павловича, объ этомъ буквально записано съ ея рѣчей въ томъ же дневникѣ Храповицкаго. Такъ въ одномъ мѣстѣ у него записано: «Въ сундукѣ отыскалъ для себя и читалъ секретный проектъ князя Потемкина-Таврическаго, чтобъ, воспользуясь персидскими неустройствами, занять Баку и Дербентъ, и, присоединя Гилянъ, назвать Албаніею, для будущаго наслѣдія великаго князя Константина Павловича» (стр. 44). Въ другомъ мѣстѣ отмѣчено: «Говорено (государынею) о колодцѣ въ церкви и о случившемся при освященіи образа Константина

Уходя изъ павильона и прощаясь съ Салтыковымъ, который спѣшилъ къ своимъ шалунамъ питомцамъ, Екатерина сказала:

— Однако, велю изслѣдовать эту исторію съ медвѣдемъ председателемъ: или это умная шутка, или очень глупый доносъ этого дурака Тутолмина... Недаромъ дѣти засадили его въ курятную клѣтку.

А изъ-за сирени слышались дѣтскіе голоса:

— Баба! Баба! Пойдемъ, мы тебѣ покажемъ Александра Македонскаго въ курятникѣ...

VI. Доигрались.

Осеннее солнце клонилось къ закату. Лучи его, пронизывая продолговатое облако, играли по краямъ его яркимъ пурпуромъ, словно бы тамъ, за этимъ облакомъ, пылалъ своими раскаленными шлаками исполинскій воздушный горнъ. Пурпуръ этотъ лился и на вершины темныхъ сосенъ, недвижно стоявшихъ вдоль западнаго берега Онежскаго озера, и, пробиваясь сквозь узкія прогалины, образуемыя пирамидальными силуэтами со-

---

и Елены, великому князю Константину Павловичу принадлежащемъ. Не замѣчая примѣтъ, многое бросается въ глаза. NB. Греческая монархія» (стр. 84). Однажды, говоря о возможности разгрома Турціи, Екатерина сказала Храповицкому: «пусть турки пойдутъ, куда хотятъ. Греки могутъ составить монархію для Константина Павловича; и чего Европѣ опасаться? Ибо лучше имѣть въ сосѣдствѣ христіанскую державу, нежели варваровъ; да она и не будетъ страшна, раздѣлясь на части. Откроется коммерція при портѣ Византійскомъ, гдѣ неудобно уже быть столицѣ». Примолвилъ я (это уже Храповицкій), что и Казанское царство составляетъ теперь спокойное намѣстничество. Все сіе говорено съ твердостію духа и съ видомъ удовольствія» (стр. 89). Каково! Турцію приравнивали уже Казани... чтобъ и султаны потомъ кричали у насъ по дворамъ: «Халатъ! Халатъ!»—Однажды, говоря о Сегюрѣ, императрица сказала: «Онъ и St. Priest, сидящій съ андреевскимъ орденомъ въ королевскомъ совѣтѣ, суть нашей стороны: они увѣрены, что Турцію (sic) подѣлить можно и дать куски Англіи и Франціи и Гишпаніи, а остатка довольно для в. к. Константина Павловича, pour un cadet de la maison. Зачѣмъ не быть обѣимъ отраслямъ въ такой связи, какъ дворы бурбонскіе, т. е. Франція и Гишпанія?» (стр. 247). Наконецъ самъ Храповицкій, разговаривая съ графомъ Безбородко, который выражалъ опасеніе, что если назначить Суворова воевать съ Турціею, то онъ только загадками будетъ наполнять свои донесенія,—разсказалъ графу, для смѣха, разговоръ съ нимъ Попова, который радовался, что французы готовы поджечь турокъ, а Суворовъ и Мордвиновъ спятъ и видятъ, чтобы войти съ флотомъ въ Царьградъ; турки тотчасъ убѣгутъ; тамъ останется до трехсотъ тысячъ грековъ—и вотъ наслѣдство в. к. Константину Павловичу (стр. 416). Вотъ какія надежды возлагали на этого un cadet de la maison...

сенъ и елей, золотилъ и багрилъ самую поверхность озера. Лиственный лѣсъ, который мѣстами оттѣнялъ собою темныя массы ельника и сосны, носилъ уже на себѣ слѣды того, что осень начинала налагать на него свою безжалостную руку: зелень этого лѣса рѣдѣла, мѣстами же сверкала красными, словно щеки чахоточнаго, бликами увядающихъ листьевъ, и изъ этой порѣдѣвшей и пожелтѣвшей зелени явственно выступали черными комьями опустѣлыя сорочьи и грачевыя гнѣзда.

Было тихо. Озеро стояло неподвижно и только небольшая рябь длинною полосою, все болѣе и болѣе расширяясь и сглаживаясь, тянулась за большою красивою лодкою, которая тихо и плавно скользила по гладкой поверхности озера. Лодка шла на веслахъ. Въ ней сидѣло нѣсколько мужчинъ и двѣ дамы. Видно было, что небольшое общество это каталось, потому что изъ лодки часто слышались веселые возгласы и взрывы смѣха, а когда эти взрывы умолкали, то по водѣ раздавалось тихое бряцанье гитары и мягкій мужской голосъ напѣвалъ русскую заунывную пѣсню:

Высоко звѣзда восхо-о-дила,
Выше лѣсу, выше темнова,
Выше садику зеленова...

На этомъ мѣстѣ пѣсня обрывалась, и дальнѣйшее содержаніе ея, казалось, выговаривала одна лишь гитара: содержаніе это должно было быть грустное.

— Что же она выше не поднимается, звѣзда-то твоя?—со смѣхомъ спросилъ чей-то веселый голосъ.—Стала надъ садикомъ да и стоитъ.

Гитара продолжала что-то тихо выговаривать.

— Вонъ ты и на Катерину Яковлевну тоску навелъ своимъ завываньемъ,—продолжалъ тотъ же веселый голосъ,—о чемъ задумались, ваше превосходительство? Все, чаю, объ Гаврилѣ Романовичѣ?

— Еще бы ей не думать!—отвѣчалъ сильный женскій голосъ.—Угнали мужа въ эту поганую тундру, и ни слуху, ни духу объ немъ.

— Да, оно точно.

— А все это со злости угнали-то его.

— Все конечно со злости: догадался вить дуракъ Туполминъ...

— Какъ? Туполминъ?

— Вѣстимо, матушка, Туполминъ: вить онъ тупъ, какъ бревно, а все-таки догадался, что мы не спроста на его мѣсто Мишука сажали: такимъ же умнымъ предсѣдателемъ оказался.

— Да Мишка умнѣе его,—настаивалъ женскій голосъ.

— Еще бы! На-дняхъ у него Шишковъ попросилъ взаймы денегъ подъ вексель, такъ знаете, что онъ отвѣчалъ?

— А что? Глупость какую-нибудь?

— Нѣтъ, необыкновенно умно отвѣчалъ.

— Какъ же! И ты не шутишь?

— Не шучу... Такъ умно и Сократъ не отвѣтилъ бы. Онъ сказалъ Шишкову: эка, говоритъ, дурака нашелъ! Поди, говоритъ, поищи кого глупѣе, да и то не сыщешь.

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, сущій Сократъ!

— Ха-ха! Да ты самъ это сочинилъ?

— Ей-богу же нѣтъ! Гдѣ мнѣ сочинять! Я не Гаврило Романовичъ.

— А слыхали, что самъ-то набольшій говоритъ?—послышался голосъ того, который пѣлъ подъ аккомпаниментъ гитары.

— Кто? Намѣстникъ-то нашъ? Двоюродный братъ дурака?

— Ну! Выдумалъ же! Двоюродный братъ дурака!

— А какъ же? Все же это лучше, чѣмъ родной братъ дурака!

— И то правда.

— Такъ что-жъ онъ говоритъ?

— Смѣется себѣ, говоритъ: я нарокомъ-де послалъ Державина въ тундру! Пускай де умникъ открываетъ городъ, въ которомъ ничего кромѣ волковъ да медвѣдей нѣтъ: поневолѣ, де, городничимъ медвѣдя посадитъ.

— А я бы и посадила!—сердито вновь заговорилъ сильный женскій голосъ.—Городничимъ бы медвѣдя сдѣлала, а лису—стряпчимъ.

— А волка жъ куда?

— Волка судьей.

— А засѣдателями кого?

— Нашего брата зайцами замѣстить можно.

Лодка двигалась вдоль берега по направленію къ Петроза-

водску. На берегу, у самой пристани, собралось довольно зрителей, чтобы посмотрѣть на возвращеніе катавшихся въ лодкѣ. Съ берега уже можно было различать не только фигуры, но и лица катающихся: вотъ олимпійское лицо «губернаторской тещи», Матрены Даниловны Бастидоновой; вонъ хорошенькое личико Катишь Державиной съ пунцовыми лентами на шляпѣ; а вонъ подвижное лицо болтуна Молчина и меланхолическое лицо Аверина, который продолжалъ жужжать на гитарѣ и тихо напѣвать:

Выше лѣсу, выше темнова,
Выше садику зеленова...

— А посмотрите, сколько народу собралось на берегу,—замѣтилъ Молчинъ,—это пришли на насъ глазѣть... А! Да и пріятель твой тамъ, по тебѣ соскучился.—Это къ Аверину.

— Какой пріятель?—спросилъ послѣдній, переставъ перебирать струны гитары.

— А Мишка! Смотри-ка.

Молодой медвѣдь дѣйствительно бродилъ по берегу, неуклюже ступая передними лапами и какъ бы осажаясь на заднія отъ тяжести своего широкаго крупа. За нимъ издали наблюдали ребятишки и повидимому дразнили, не смѣя приблизиться къ юному, но опасному сверстнику.

— А ну, Аверушка, хвати-ка на послѣдяхъ, что-нибудь веселенькое, забористое: развесели матушку губернаторшу, вонъ онѣ изволили носикъ-то повѣсить,—болталъ Молчинъ.

Губернаторша дѣйствительно смотрѣла задумчивою и невеселою; но о комъ она думала, за кѣмъ неслась ея мысль, за своимъ ли Гаврилою Романовичемъ или за кѣмъ инымъ, это оставалось ея сердечною тайною.

— Не вѣшайте, матушка командерша, вашъ хорошенькій носикъ,—продолжалъ Молчинъ;—скоро взойдетъ наша звѣзда, звѣзда россійскаго Парнаса, и взойдетъ—

Выше лѣсу, выше темнова,
Выше садику зеленова...

— Не такъ ли, матушка-мать царей?—обратился онъ къ знаменитой «тещѣ», къ «матери царей», намекая послѣдними

словами на то, что она молокомъ своихъ могучихъ грудей кормила наслѣдника престола,—не такъ ли, мать царей?

— Такъ, такъ, сорока ты этакая,—улыбнулась Матрена Даниловна,—заладила сорока про Якова.

— Нѣтъ, матушка, я не про Якова, а про повѣшенный носикъ ихъ превосходительства.

Катишь улыбнулась и, задумчиво глядя вдаль, отвѣчала Молчину:

— Ахъ, какъ бы я желала быть такою, какъ вы, беззаботною!

— Я беззаботный! Что вы, государыня моя! Да я день и ночь забочусь, какъ бы развлечь васъ, да не умѣю: не дано ни единаго таланту, ниже лепты вдовицы.

Берегъ между тѣмъ, казалось, шелъ навстрѣчу: все яснѣе и яснѣе очерчивались фигуры и лица, стоявшія на берегу.

— Видите, матушка государыня моя, съ какими почестями насъ встрѣчаютъ,—указалъ Молчинъ на небольшой взводъ солдатъ съ ружьями, выстроенный на берегу.

— Да, вижу,—отвѣчала Матрена Даниловна,—чтобы оно значило?

— Салютъ хотятъ отдать губернаторской тещѣ и супругѣ губернатора... Ба-ба!—толкнулъ онъ Аверина.—Смотри, Мишка узналъ тебя, такъ въ воду и претъ.

— Не меня узналъ, а тебя,—отвѣчалъ Аверинъ,—ты обѣщалъ ему привезти меду, а онъ этого не забываетъ.

Миша, дѣйствительно, узналъ своихъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ приближенія лодки. У него были своекорыстныя ожиданія: когда компанія садилась въ лодку, чтобъ ѣхать кататься, и когда Мишка вообразилъ, что и его возьмутъ въ лодку, то Молчинъ, чтобъ утѣшить глупаго звѣря, обѣщалъ привезти ему меду. Вотъ меду-то и ждалъ косолапый лакомка.

Между тѣмъ солнце, все ниже и ниже спускаясь къ горизонту, выбилось изъ-за заслонявшаго его облака и багровымъ пламенемъ загорѣлось на вершинахъ близкихъ и далекихъ горъ, озолотило верхушки лѣса и бросило на озеро тѣни, такія колоссальныя тѣни отъ стоявшихъ на берегу зрителей, что фигуры ихъ какъ бы вытянулись, выросли до объемовъ людей великановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что это не обычное собраніе на берегу случайныхъ зрителей, но что какое-то особое, должно

быть, событіе привлекло сюда массу народа, и всѣ повидимому нетерпѣливо ждали причала лодки съ нашими катающимися.

— Экая прорва народу!—замѣтилъ Молчинъ, — должно быть, ожидаютъ, что мы самого Нептуна поймали и веземъ на поклонъ къ блистательному Туполмину... Ба! Да и самъ полицмейстеръ тутъ, вонъ оно что!

— Ужъ не воротился ли Гаврило Романовичъ?—встрепенулась Катишь.

— Дай-то Богъ!—вздохнула въ свою очередь ея массивная мамаша.

— Ура!—обрадовался Молчинъ.—А ну, Аверушка, грянь на радостяхъ! Пущай заговоритъ твоя цѣвница;

Громъ побѣды раздава
Веселися Тимоѳей *)!

Послѣднія слова онъ произнесъ тише, потому что лодка подходила уже къ деревяннымъ мосткамъ и одинъ изъ гребцовъ протягивалъ къ нимъ багоръ. На мосткахъ стоялъ уже и медвѣдь и усердно нюхалъ воздухъ, не пахнетъ ли медомъ.

Лодка, наконецъ, пристала. Молчинъ первый выпрыгнулъ на мостки.

— Здравствуй, Михаилъ Ивановичъ!—весело сказалъ онъ, протягивая къ лодкѣ руки, чтобы принять массивное тѣло Матрены Даниловны.

— Охъ, ты утопишь меня!—волновалась «теща».

— Помилуйте! Не смѣю-съ... Да отстань ты, Мишка! Еще столкнешь въ воду.

Медвѣдь, дѣйствительно, не отходилъ отъ него, все обнюхивалъ его карманы и радостно, нетерпѣливо ворчалъ.

Аверинъ помогъ высадиться Екатеринѣ Яковлевнѣ.

Но едва всѣ они сошли съ мостковъ, какъ къ нимъ подошелъ полицмейстеръ, а съ нимъ еще какой-то незнакомый господинъ.

Отдавъ честь дамамъ, полицмейстеръ обратился къ Молчину и торжественно произнесъ:

— По указу ея императорскаго величества, вы, господинъ засѣдатель Молчинъ, имѣете немедленно отправляться въ Петербургъ подъ стражею.

---

*) Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ—олонецкій и архангельскій генералъ-губернаторъ.

Слова эти, какъ громомъ, поразили всѣхъ присутствовавшихъ. Молчинъ растерянно глянулъ, какъ бы не понимая того, что сказалъ полицмейстеръ. Одинъ медвѣдь не выражалъ никакого удивленія и лѣзъ къ Молчину, толкая его мордой.

— Да убирайся ты къ чорту!—крикнулъ послѣдній, отпихивая отъ себя сапогомъ косматаго лакомку.

Мишка обидѣлся и всталъ на заднія лапы, чтобъ драться. Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— За что же?—спросилъ Молчинъ,—по какому дѣлу?

— Въ инструкціи ничего не сказано,—отвѣчалъ незнакомый господинъ,—мнѣ предписывается только представить васъ въ Тайную экспедицію.

«Въ Тайную экспедицію!..» Молчинъ чувствовалъ, что у него ноги подкашиваются... «Доигрались!»...

VII. У Шешковскаго въ Тайной.

Державинъ, разсказывая въ своихъ «Запискахъ» эту исторію съ медвѣдемъ-предсѣдателемъ, надѣлавшую столько шуму, говоритъ, что сначала въ городѣ всѣ надъ ней смѣялись, и никто не думалъ, чтобъ изъ нея вышло какое-нибудь «дѣло». Шутка—какъ шутка, простое дурачество чиновниковъ въ отсутствіе своего начальника.

Но въ то время чиновникамъ шутить не полагалось. Тузы могли шутить, и шутили зло, жестоко, а иногда и невинно, какъ шутилъ нерѣдко знаменитый любимецъ Екатерины «Левушка» или «шпынь» оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, вмѣсто котораго въ придворной конюшенной конторѣ много лѣтъ возлежалъ на золоченомъ предсѣдательскомъ креслѣ его старый котъ «Мурлыка», и никто не смѣлъ его тронуть.

Но простые чиновники—это другое дѣло. Такъ вышло и тутъ съ исторіей Мишеньки въ олонецкомъ верхнемъ земскомъ судѣ.

«Прошелъ мѣсяцъ или болѣе,—говоритъ Державинъ,—ничего слышно не было. Но напослѣдокъ дошли до меня слухи изъ Петербурга, что нѣкто Шишковъ, засѣдатель того же суда, въ угожденіе намѣстника, довелъ ему исторію сію съ разными нелѣпыми прикрасами, а именно, будто медвѣженокъ, по моему приказанію, въ насмѣшку предсѣдателя Тутолмина (худо грамотѣ знающаго), приведенъ былъ нарочно Молчинымъ въ судъ,

гдѣ и посаженъ на предсѣдательскія кресла, и секретарь подносилъ ему для скрѣпы листъ бѣлой бумаги, къ коему намазавъ лапу медвѣженка чернилами прикладывали, и будто какъ прочіе чины стали на сіе негодовать, приказывая сторожу медвѣженка выгнать, то Молчинъ кричалъ: «Не трогайте! Медвѣженокъ губернаторскій». И по этому случаю генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, показывая сенаторамъ донесеніе Тутолмина о медвѣдѣ, говорилъ: «вотъ, милостивцы, смотрите, что нашъ умница стихотворецъ дѣлаетъ—дѣлаетъ медвѣдей предсѣдателями!» *).

Затѣмъ, какъ мы видѣли, Тутолминъ командировалъ Державина открывать городъ Кемь.

Безъ него увезли Молчина.

. . . .

Молчинъ въ Петербургѣ. Мы его находимъ въ арестантской камерѣ Тайной экспедиціи, рядомъ съ канцеляріей этого страшнаго мѣста.

За нѣсколько дней Молчинъ успѣлъ сильно похудѣть и осунуться. Куда дѣвалась его неистощимая веселость, блескъ глазъ, живость движеній! Онъ смотрѣлъ совсѣмъ убитымъ человѣкомъ. Убивала его главнымъ образомъ неизвѣстность, за что его взяли: хоть бы зналъ онъ, все было бы легче, но ему никто ничего не говорилъ. Офицеръ, который арестовалъ его въ Петрозаводскѣ и привезъ въ Петербургъ, всю дорогу былъ нѣмъ, какъ рыба. На всѣ вопросы Молчина онъ неохотно и лаконически отвѣчалъ: «не велѣно говорить», или «разговаривать не велѣно».

Но какое-же преступленіе совершилъ онъ? Въ чемъ его обвиняютъ? Онъ припомнилъ всю свою жизнь, которая была еще такъ несложна, все, что случилось ему говорить такого, за что онъ могъ бы отвѣчать, даже прослѣдилъ мысли свои за нѣсколько лѣтъ, и не могъ припомнить ничего преступнаго. А это мало что преступное, это что-то ужасное, о чемъ боятся даже говорить.

Ясно, что его везли по доносу. Но кто донесъ? Что послужило поводомъ къ доносу? Онъ напрасно ломалъ голову надъ этими вопросами, которые терзали его, и страдалъ невыносимо.

Онъ видѣлъ лишь, что вся жизнь его, только что начинавшаяся, его молодость, его надежды, все разбито чьею-то безжа-

*) Записки Державина, изд. Бартенева, стр. 255—257.

лостной рукой. Впереди мракъ, страданія, можетъ быть, казнь. А за что? Въ то страшное и, главное, въ то глупое время достаточно было самаго нелѣпаго обвиненія, обвиненія въ колдовствѣ, въ томъ, что человѣкъ верхомъ на бѣсѣ ѣздилъ или заставлялъ чертей изъ песку веревки вить (были и такія обвиненія!), въ томъ, наконецъ, что какому-нибудь пропойцѣ «бысть гласъ съ небеси», а гласъ этотъ выдуманъ имъ въ кабакѣ, и обвиняемаго влекли въ Тайную экспедицію.

На дворѣ стучалъ дождь въ желѣзную крышу, лилъ ручьями изъ сточныхъ трубъ, струился крупными каплями по сѣрой шинели часового за окномъ, когда Молчинъ, сидя въ своей мрачной камерѣ, думалъ о своей загубленной жизни. За стѣной канцеляристы шуршали бумагами и беззаботно перекидывались неподходящими къ этому ужасному мѣсту словами, то о цѣнѣ капусты на рынкѣ, то о дровахъ, то о видѣнныхъ ими въ балаганѣ комедіантахъ, наряженныхъ пѣтухами... Какъ это не похоже на языкъ Тайной экспедиціи!.. Иногда они смѣялись,—и этотъ смѣхъ пугалъ Молчина и острой болью отзывался въ его ноющемъ сердцѣ.

«Вонъ они еще могутъ смѣяться беззаботнымъ смѣхомъ»...

«А ты развѣ не охотникъ былъ смѣяться, да еще надъ другими!» подсказывала ему память, и сердце его ныло, ныло...

Потомъ канцеляристы заговорили о дѣлахъ.

— А ты, Гриша, приготовилъ на завтра очередное дѣло?—спрашивалъ хриплый голосъ.

— Успѣю!—отвѣчалъ, должно быть, Гриша,—дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.

«Не медвѣдь»... Молчинъ вспомнилъ своего Мишу, и сердце его еще болѣе сжалось: тогда было такъ легко на душѣ, беззаботно, весело! Тогда онъ былъ на свободѣ... Ему даже Мишу жаль стало: на прощанье онъ такъ грубо толкнулъ его ногой... А какъ онъ былъ смѣшонъ на предсѣдательскомъ креслѣ, съ тряпкой на шеѣ... Но ему и въ голову не могло придти, что этотъ самый Миша и пустая проказа надъ нимъ въ судѣ и довели его до Тайной экспедиціи.

— А прочти-ка, Гриша, реестръ севоднишнимъ очереднымъ дѣламъ,—снова произнесъ хриплый голосъ,—всѣ ли ты внесъ?

— Всѣ, Кузьма Захарычъ,—былъ отвѣтъ, — какія далъ Степанъ Ивановичъ, тѣ и внесъ.

— А ну, пробѣги.

— Да вотъ: дѣло объ изблеваніи пономаремъ церкви Самсонія Ильею Пахомовымъ хулы на нѣкую высокую персону.

— Ладно, помню: еще на паперти передъ народомъ изблевалъ оныя непристойныя слова.

— Да, онъ былъ выпивши.

— Чтожъ! Помни себя и во хмѣлю... Ну, а дальше?

— Дальше дѣло о впусканіи женкою Олонецкаго погоста Ориною Зыбиною въ чрево женки Афимьи Перфильевой чертей и о присылкѣ оныхъ чертей въ сушеномъ видѣ въ Тайную экспедицію.

— Такъ... А черти гдѣ? При дѣлѣ?

— При дѣлѣ: въ шкапу, въ склянкѣ *).

— Ладно... А еще?

— Еще дѣло по доношенію олонецкаго и архангельскаго намѣстника, генералъ-поручика Тутолмина, о посаженіи на предсѣдательскія кресла въ олонецкомъ верхнемъ земскомъ судѣ медвѣдя засѣдателемъ онаго суда Молчинымъ.

«Мое дѣло!»—дрогнуло въ сердцѣ у нашего арестанта:—«такъ вотъ за что я погибаю»...

— Шутникъ, должно быть, этотъ Молчинъ,—послышался хриплый голосъ канцеляриста.

— Что-жь, Кузьма Захарычъ, отъ скуки нашъ братъ канцеляристъ чего не сдѣлаетъ!

— Оно-то такъ, да зерцало тамъ было.

— Что-жь зерцало! Вить вонъ когда съ зерцала орла снять, либо платкомъ его накрыть, тогда и присутствіе не въ присутствіе: можно въ присутствіи всякое слово сказать, и пѣсни пѣть.

— Мало ли чего! А онъ зерцало не закрылъ, поди, когда медвѣдя ввелъ въ присутствіе.

— Эка бѣда, Кузьма Захарычъ: а у насъ-то въ сенатѣ, канцеляристы въ зерцало мышь посадили, а она прогрызла зерцало, да одному сенатору въ рукавъ забѣжала.

---

*) Такія дѣла дѣйствительно нерѣдки въ практикѣ судовъ прошлаго вѣка. Одно дѣло о чертяхъ, пускаемыхъ колдунами и колдуньями на вѣтеръ въ видѣ мухъ или червячковъ, занесено даже въ полное собраніе законовъ (т. XIX, № 13427)... «когда отпущенные на вѣтеръ для порчи червячки въ кого войдутъ, то у того всю внутренность и сердце чрезвычайно грызутъ и ростутъ величиною большаго рода въ мыша, другіе же въ таракана»... Каковы бациллы-черти!..

— Что-жь въ томъ хорошаго. А этого вонъ медвѣдя заставляли лапой скрѣпу дѣлать подъ журналомъ... На поди!

Молодой голосъ разразился смѣхомъ.

— Ахъ! Вотъ бы посмотрѣть, какъ Мишка сопѣлъ, прикладывая лапу, ха-ха-ха!

— Ну, будетъ тебѣ гоготать!—строго замѣтилъ хриплый голосъ.—Скоро Степанъ Ивановичъ придетъ...

«Шешковскій» промелькнуло въ умѣ Молчина, и, казалось, кровь застыла въ его жилахъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ страшномъ имени.

— Ахъ, да!—вдругъ спохватился хриплый голосъ.—Я и забылъ было... Степанъ Ивановичъ приказалъ дѣло Молчина поставить на первую очередь...

«Мое! На первую очередь...»

— Не забудь же Молчина.

— Ладно, не забуду.

— То-то. А то его скоро привезутъ изъ каземата.

— Ужъ привезли, ваше благородіе, — отозвался голосъ, должно быть, сторожа.

— Привезли?

— Такъ точно... Онъ тутъ.

— А кто принялъ?

— Архипъ Исаичъ, ваше благородіе.

Послѣ этого голоса смолкли.

«Стѣсняются при мнѣ говорить»...

Скоро Молчинъ услыхалъ, какъ въ канцеляріи задвигались стулья, и зашаркали ноги канцеляристовъ. Кто-то, повидимому, вошелъ изъ лицъ начальствующихъ. Потомъ опять все смолкло. Гдѣ-то стукнула дверь, и опять тихо. Слышно было только, какъ дождь стучалъ о желѣзную крышу. На дворѣ закричалъ пѣтухъ...

«И тутъ есть куры, въ этакомъ-то страшномъ мѣстѣ», подумалъ нашъ арестантъ почти-что съ облегченіемъ въ душѣ.

Пѣтухъ опять прокричалъ.

«Вѣрно къ перемѣнѣ погоды... А для меня теперь все равно»...

Гдѣ-то снова отворилась дверь. Кого-то позвали. И снова все тихо. Кто-то вошелъ въ канцелярію.

— Дѣло Молчина, — послышался знакомый хриплый голосъ,—все подшито?

— Все-съ, Кузьма Захарычъ.

Зашуршали бумаги... «Это мое дѣло»... Снова отворилась и затворилась дверь. Послышался тихій сдержанный смѣхъ.

— Вотъ потѣха! Медвѣдь въ креслахъ...

Опять отворилась дверь. Кто-то прошелъ черезъ канцелярію. За дверью камеры, въ которой сидѣлъ Молчинъ, что-то звякнуло. Кажется, что звякнуло ружье. Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь, блеснули два штыка, и на порогѣ показалось бритое, красное, одутловатое лицо и блеснули пуговицы камзола.

— Господинъ Молчинъ! Пожалуйте въ присутствіе,—сказало красное лицо хриплымъ голосомъ.

Молчинъ вздрогнулъ и торопливо всталъ. Штыки раздвинулись и скрылись за дверью. Молчинъ перекрестился и, словно по горячимъ угольямъ, пошелъ вслѣдъ за краснымъ лицомъ въ камзолѣ. Передъ ними отворилась еще одна дверь, и они очутились въ большой свѣтлой комнатѣ, въ которой за длиннымъ столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ съ перьями въ рукахъ. Они съ любопытствомъ глядѣли на Молчина. Иные, какъ смутно показалось ему, улыбались, но старались не обнаруживать этого

За этой комнатой была слѣдующая, въ которую и направилось красное лицо въ камзолѣ.

— Идите за мной,—тихо сказало оно.

Молчинъ вошелъ. Сначала онъ, казалось, никого и ничего не видѣлъ. Блеснули въ глаза только золоченыя ребра зерцала и на немъ золоченый орелъ, растопырившій крылья.

Но вотъ за зерцаломъ и лицо, полное, бѣлое. Но лицо какъ будто скрылось, остались одни глаза: кромѣ этихъ глазъ, Молчинъ уже ничего не видѣлъ. Глаза смотрѣли на него, смотрѣли они, казалось, въ самую душу.

Молчинъ догадался, что это былъ великій исповѣдникъ славнаго царствованія Екатерины, Степанъ Ивановичъ Шешковскій.

— Ты кто?—отрывисто спросилъ Шешковскій.

— Я—Молчинъ, засѣдатель олонецкаго верхняго земскаго суда,—отвѣчалъ подсудимый заикаясь.

— Ты ввелъ медвѣдя въ присутствіе того суда?—послѣдовалъ второй вопросъ.

— Я, ваше превосходительство.

— Разскажи съ полной откровенностью, ничего не утаивая, какъ было это дѣло, и не теряй надежды на матернее ея императорскаго величества милосердіе... Помни, съ полной откровенностью.

Шешковскій говорилъ тихо, но каждое слово его точно гвоздемъ забилось въ душу. Молчинъ отвѣтилъ съ дрожью въ голосѣ:

— Это было на Ѳоминой недѣлѣ... Я ушелъ утромъ, въ положенный часъ, къ должности... У воротъ губернаторскаго дома повстрѣчался медвѣдь, молоденькій еще, а какъ онъ весьма ручной, то и увязался за мной.

— А не ты его позвалъ нарочно?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я только его погладилъ, какъ онъ ручной и за всѣми ходитъ.

— А чей это медвѣдь, Державина?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, медвѣженка этого воспиталъ Аверинъ, нашъ же засѣдатель, большой охотникъ до звѣрей и до всякой птицы. А какъ Аверинъ живетъ у губернатора, то и медвѣженокъ слылъ подъ именемъ губернаторскаго.

— Хорошо. Дальше.

— Я и пошелъ, а медвѣженокъ за мной. Я на лѣстницу суда, и онъ за мной... Тутъ точно, такъ какъ его въ городѣ всѣ знаютъ и члены земскаго суда, то я шутки ради отворивъ дверь въ присутствіе, точно сказалъ для смѣху: господа! вотъ вамъ новый засѣдатель, Михаилъ Ивановичъ Медвѣдевъ, и точно, каюсь, оный медвѣженокъ какъ будучи весьма ручной, вошелъ за мной въ присутствіе.

— И посаженъ былъ на предсѣдательское мѣсто?

— Такъ точно, ваше превосходительство... потому больше, что присутствіе еще не начиналось, и зерцало было еще завѣшано.

— Дѣйствительно завѣщано?

— Завѣщано, ваше превосходительство.

— Ну, и сидѣлъ медвѣдь?

— Сидѣлъ-съ... потому что онъ пріученъ къ этому Авеинымъ.

— И что-жъ онъ дѣлалъ?

— Перо изгрызъ, ваше превосходительство... Ему для

шутки дали перо, якобы для подписки бумагъ, и онъ его изгрызъ и бросилъ.

— А журналъ ему подносили?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, ему положили просто листъ бѣлой бумаги.

— И лапу чернилами мазали?

— Точно, мазали для шутки.

— А еще что?

— Принесли ему въ черепкѣ меду, какъ онъ медъ очень любитъ... Полизалъ онъ этого меду, его и выгнали... А тогда уже открыли присутствіе.

Шешковскій задумался. Хотя онъ былъ большой мастеръ исповѣдывать попавшихся ему въ лапы и вытягивать изъ души самыя сокровенныя тайны, однако, и онъ не могъ тутъ ничего выпытать. Онъ сразу понялъ, что это пустая, раздутая сплетня! Притомъ же, судя по словамъ своего начальника, онъ догадывался, что Тутолмину просто хотѣлось утопить Державина; а начальникъ этотъ былъ—князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ. Отъ него онъ зналъ, что императрица благоволитъ къ Державину, какъ къ поэту, хотя и подсмѣивается надъ нимъ, какъ государственнымъ человѣкомъ. Шешковскому не было неизвѣстно такъ же и то, что великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, забавляясь своими дѣтскими играми, уже раньше разыграли комедію суда надъ Державинымъ и Молчинымъ. До него дошло и то, что маленькіе шалуны приравняли его, Степана Ивановича, къ своему волкодаву, а своего задорнаго пѣтуха назвали Тутолминымъ.

«Волкодавъ... Какой я волкодавъ?» невольно протестовалъ онъ въ умѣ этому опредѣленію и старался быть мягче:—«посадили для того, чтобъ всю подноготную выпытывалъ, поневолѣ станешь волкодавомъ»...

Вспомнилъ онъ и то, что ему сказалъ князь Вяземскій:

«Или это, говоритъ, умная шутка надъ дуракомъ, или глупый доносъ дурака»...

— А священное имя ея императорскаго величества было произносимо во время комедіи съ медвѣдемъ?—спросилъ онъ послѣ размышленія.

Молчинъ не отвѣчалъ. Онъ, повидимому, не понялъ вопроса.

— Я спрашиваю,—повторилъ Шешковскій,—когда подно-

сили медвѣдю бумагу для подписи якобы, не говорилъ никто такъ, что-де по указу ея императорскаго величества слушали и повелѣли, никто этого не говорилъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ, наконецъ Молчинъ,—этого никто не говорилъ.

Шешковскій сталъ перелистывать лежавшее передъ нимъ дѣло. Пѣтухъ продолжалъ выкрикивать на перемѣну погоды. Шешковскій поднялъ голову отъ дѣла и взглянулъ въ глаза Молчину.

— Такъ ты говоришь, что медвѣдь не Державинскій?— снова спросилъ онъ.

— Не Державинскій,—былъ отвѣтъ.

—А Державинъ зналъ объ этой комедіи съ медвѣдемъ?

— Зналъ-съ... Я ему самъ послѣ разсказалъ, для шутки.

— Послѣ, говоришь? А раньше онъ не зналъ, что готовится эта комедія?

— Нѣтъ, ваше пшевосходительство, и я раньше не зналъ, что такъ случится: медвѣженокъ увязался за мной, оттого и вышло это несчастіе.

— А Державинъ не одобрялъ этой выходки?

— Не одобрялъ, ваше превосходительство... Онъ сказалъ мнѣ, что дурно такъ шутить въ присуственныхъ мѣстахъ, и что если, говоритъ, до меня дойдетъ о томъ формою, то я тебѣ, говоритъ, сдѣлаю сильный напрягай.

Шешковскій опять сталъ перелистывать дѣло. На одной страницѣ онъ остановился и отчеркнулъ что-то на полѣ краснымъ карандашемъ.

— Такъ ты все сказалъ?—былъ новый вопросъ.

— Кажется все, ваше превосходительство.

— Подумай, припомни.

— Я не знаю... Развѣ то, что медвѣдь не хотѣлъ выходить изъ присутствія, еще ждалъ меду, такъ я обманулъ его: сказалъ, что Платошка идетъ ѣсть медъ.

— Какой Платошка? — удивился Шешковскій, потому что въ дѣлѣ не было этото Платошки.

— А козелъ, ваше превосходительство, котораго дразнятъ Платошкой, и медвѣдь его не любитъ, все дерется съ нимъ... А какъ я сказалъ, что Платошка идетъ медъ ѣсть, онъ и вышелъ изъ присутствія, чтобъ идтить драться съ козломъ.

Чуть замѣтная улыбка скользнула по глазамъ Шешковскаго, и въ то же мгновеніе исчезла какъ искра.

— Нѣтъ,—началъ онъ снова,—я не объ этомъ... А не надѣвали-ли чего на медвѣдя въ присутствіи? Ордена какого-нибудь?

— Тряпку, точно, надѣвали, а ордена, нѣтъ, — отвѣчалъ Молчинъ, видимо, уставшимъ голосомъ.

— Зачѣмъ тряпку?—былъ вопросъ.

— Вмѣсто салфетки, ваше превосходительство: медвѣженка пріучили ѣсть всегда съ салфеткой... Ужъ онъ это и зналъ: какъ подвяжутъ ему салфетку, онъ и сидитъ смирно, ждетъ, знаетъ, что тотчасъ ему ѣсть дадутъ.

— Хорошо... А не была вся эта комедія разыграна какъ бы въ осмѣяніе святости суда?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, это была только шутка ради шутки надъ медвѣдемъ.

— Такъ ты утверждаешься на томъ, что здѣсь показалъ?

— Утверждаюсь.

— И готовъ подтвердить присягою?

— Готовъ, ваше превосходительство.

— Хорошо. Можешь итти

VIII. Екатерина II и Марья Савишна Перекусихина.

Стояло морозное декабрьское утро. Петербургъ только-что начиналъ просыпаться. Надъ домами, съ побѣлѣвшими отъ морознаго инея крышами, курчавыми струйками поднимался къ небу бѣлый дымокъ, мѣстами розоватый отъ загорѣвшейся на востокѣ багряной зари. Надъ Зимнимъ дворцомъ и надъ Эрмитажемъ изъ множества трубъ также поднимались къ морозному небу кудрявыя облака дыма.

Просыпался и Зимній дворецъ.

Если бы стоявшій на набережной Невы, противъ дворца, полицейскій, смотрѣвшій, какъ черезъ рѣку съ Петербургской стороны по утоптанной дорожкѣ пробирались по льду пѣшходы, если бы онъ повернулся спиною къ Невѣ и взглянулъ на окна Зимняго дворца, то въ одномъ изъ нихъ онъ увидѣлъ-бы бѣлое, полное, съ высокимъ и чистымъ, словно мраморъ, лбомъ, женское лицо, столь извѣстное всему свѣту.

Это была императрица, которая вставала чуть-ли не раньше всѣхъ во всемъ своемъ громадномъ дворцѣ. Въ бѣломъ чепцѣ и широкомъ бѣломъ пеньюарѣ, она стояла задумчиво у окна и издали казалась мраморной статуей,—такъ неподвижны были всѣ черты ея спокойнаго лица и вся ея величественная фигура.

Екатерина смотрѣла на Неву, окованную льдомъ и покрытую бѣлымъ снѣгомъ, на высившіяся за рѣкою сѣрыя, угрюмыя стѣны крѣпости съ убѣгающею въ небо гигантскою иглою Петропавловскаго собора, на маленькія черныя точки двигавшихся по льду пѣшеходовъ, и мысли ея витали то въ прошломъ, то по тѣмъ далекимъ окраинамъ ея необъятнаго царства, которыя она сама успѣла посѣтить или которыя только носились въ ея воображеніи, далекія, недоступныя, какъ-бы міры иной планеты...

Едва уловимый слухомъ шорохъ заставилъ ее обернуться.

— А! Это ты, Марья Савишна,—сказала она пожилой, съ полнымъ, добродушнымъ лицомъ женщинѣ, которая хотя осторожно, но тяжело ступала по мягкому ковру, улыбаясь тою ласковою улыбкою, съ какою матери ловятъ взглядъ проснувшагося любимаго ребенка.

— Я, матушка государыня,—отвѣчала вошедшая, сверкая сѣрыми, лукавыми глазами, которымъ она старалась придать выраженіе простоты.

— Что такъ рано вскочила?—улыбнулась императрица.

— А сама, матушка, ни свѣтъ, ни заря, кажись, раньше трубочистовъ,—отшутилась пришедшая.

— Какъ же быть-то, Савишна, надо такъ...

— И то правда, государыня: ты царица, мать всѣмъ, а мать поневолѣ рано встанетъ, чтобъ подумать, чѣмъ накормить своихъ дѣтокъ!.. А у тебя, матушка, вонъ ихъ сколько, дѣтокъ то! Сколько мильоновъ!—разсуждала Савишна.

— Да, дѣтками Богъ не обидѣлъ,—снова улыбнулась императрица.

— И точно, матушка... Гдѣ тутъ съ этакой оравой спать! Вонъ самъ-отъ Господь Богъ, и вовсе не спитъ; все за своимъ твореніемъ смотритъ.

Императрицѣ, видимо, понравилось это сравненіе; но она возразила:

— Что ты, Савишна, къ Господу Богу меня приравниваешь?

— А какъ-же, государыня!—въ свою очередь возразила Марья Савишна:—Онъ, Батюшка, Богъ на небеси; а ты Богъ на земли: оттого и говорятъ—Царь небесный...

— Правда, правда... А кажется, сегодня лютый морозъ,—перемѣнила разговоръ Екатерина.

— Лютенекъ, матушка... А вечоръ я позамѣшкалась у себя, да и не поспѣла на ночь проститься съ тобой, государыня.

— Ничего, Савишна, я занята была.

— А меня, признаюсь, матушка, стихотворецъ тотъ задержалъ.

— Державинъ?—спросила Екатерина.

— Онъ, государыня.

— А безъ тещеньки былъ?—улыбнулась государыня.

— Безъ тещеньки, матушка... Объ Соловецкомъ монастырѣ разсказывалъ, какъ его тамъ бурею на морѣ носило,—такія страсти.

— Это кого же носило, монастырь?

— Нѣту, государыня, ево, Гаврилу Романыча.

— А про медвѣдя ничего не говорилъ?—лукаво спросила государыня.

— Говорилъ и про медвѣдя... кается, сердечный: и на глаза, говоритъ, матушкѣ всемилостивѣйшей государынѣ показаться стыдно... Да не онъ, матушка, это сдѣлалъ...

— Знаю, знаю.

Марья Савишна добродушно засмѣялась.

— Это ты надъ медвѣдемъ?—спросила Екатерина.

— Нѣту, матушка, сама надъ собой,—продолжала смѣяться любимая ея камеръ-юнгфера.

— Что такъ?

— Да что, матушка! Вы теперь не знаете, какъ и зовутъ меня.

— Это почему?

— Да потому, матушка, что до сей поры я была Марья Савишна Перекусихина, государыни камеръ-юнгфра, а нонѣ мнѣ другой чинъ пожаловали.

— Кто-жъ это тебя пожаловалъ?—интересовалась государыня.

— Боги, матушка, сами боги, — съ таинственной и комической важностью продолжала старая Савишна.

— Вотъ какъ! Сами боги,—улыбнулась императрица.—Въ какомъ же ты теперь чинѣ?

— Я, матушка, теперь Свисталка, вотъ кто я!

— Какая Свисталка?—удивилась Екатерина.

— А какъ же, матушка! Встарину вонъ, слышь, были такія дѣвки, что въ храмѣ своей богини огонь поддерживали, и дѣвокъ этихъ называли свисталками.

Въ свою очередь, пришлось смѣяться императрицѣ.

— Ты, вѣрно, хочешь сказать—Весталками, а не «Свисталками».

— Точно-точно, матушка, Свисталками.

— Кто-жъ это тебя въ Весталки пожаловалъ?—спросила Екатерина съ какою-то загадочною улыбкой.

— А все онъ же, матушка, Гаврила Романычъ.

— По какому же случаю?

— А оду мнѣ принесъ... Ахъ, какой онъ чудной, — снова разсмѣялась Марья Савишна,—тебя, матушка, онъ разжаловалъ въ киргизскую царевну, Филицу что-ли...

— Фелица,—поправила Екатерина.

— Ну, все равно, матушка, Филица, киргизская, слышь, царевна, когда ты давно царица, а меня пожаловалъ въ дѣвки Свисталки, когда я скоро бабушкой буду... Вотъ чудакъ!

— Такъ оду, говоришь, посвятилъ тебѣ?—спросила императрица.

— Оду, матушка государыня.

— А почему онъ назвалъ тебя Весталкой?

— Потому, говоритъ, что я будто-бы поддерживаю въ храмѣ своей богини—Весною, кажись, называется...

— Вестою, должно быть,—снова поправила Екатерина.

— Точно Вестою, матушка... Такъ будто я, дѣвка Свисталка, поддерживаю въ твоемъ храмѣ, матушка, неугасаемый огонь, огонь твоего священнаго спокойствія и здравія... У него это тамъ такъ хорошо, такъ хорошо объ тебѣ, государыня, сказано, что я не вытерпѣла, разрюмилась отъ радости... И точно: ты моя богиня, это Гаврило Романычъ вѣрно написалъ.

Императрица, казалось, задумалась о чемъ-то, а Марья Савишна продолжала хвалить оду:

— Ужъ такъ-то хорошо все это у него написано, что я и сказать не могу: и какъ-то ты, великая богиня, весь свѣтъ со-

бою счастливишь, и какъ-то побѣды надъ нехристями и надъ агарянами совершаешь, и какъ тебя всѣ подданные благословляютъ... Онъ-то читаетъ, матушка, глазищи такіе страшные сдѣлалъ, а я-то, дура, слезами заливаюсь, радуючись, что сподобилъ меня Господь служить тебѣ, быть твоею вѣрною собакою... Ужъ и наплакалась же я!

Императрица задумчиво прошлась по комнатѣ и остановилась у стола.

— Что-жъ, онъ оставилъ у тебя эту оду?—спросила она.

— Оставилъ, матушка, а я ее, помолясь, за образа положила, тамъ гдѣ лежитъ у меня «Сонъ Богородицы»... И паренекъ очень хвалилъ оду.

— Кто? Александръ Петровичъ?

— Онъ, государыня, паренекъ.

— А онъ былъ у тебя?

— Былъ, матушка: послѣ Державина съ Александръ Васильевичемъ заходили посидѣть.

— Съ Храповицкимъ?

— Съ Храповицкимъ, матушка.

— Они хорошо дѣлаютъ, что навѣщаютъ тебя: худу не научишь,—сказала императрица *).

— Они всегда, матушка, ко мнѣ заходятъ,—отвѣчала Савишна.—Такъ я имъ показывала оду, очень, очень хвалили... И о Державинѣ говорили, и о медвѣдѣ: говорятъ, что тутъ больше всего Тутолминъ намутилъ, завидуетъ, что Державина, слышь, государыня отличаетъ.

— Я всѣхъ отличаю, кто того заслуживаетъ,—серьезно сказала государыня.

— То-то и я, матушка, то же говорила,—подтвердила Савишна;—за Богомъ молитва, а за нашею государынею служба не пропадаетъ.

— Правда; но и глупость не остается ненаказанною,—улыбнулась императрица.

На что намекала императрица, Марья Савишна не знала, и потому взоръ ея выразилъ недоумѣніе.

---

*) У Храповицкаго записано:—«При волосочесаніи хвалили (т. е. императрица) за исправность и что всегда сижу у Марьи Савишны» (Дневникъ Храповицкаго, стр. 294).

— Глупость я награждаю, — пояснила Екатерина, — но только вмѣсто чиновъ и орденовъ дурацкими колпаками.

— И по дѣламъ, матушка,—согласилась Марья Савишна.

— Я и Тутолмина наградила,—продолжала императрица.

— Чѣмъ, матушка?

— А дурацкимъ колпакомъ... Онъ вздумалъ тамъ, у себя на намѣстничествѣ, свои законы сочинять, помимо моихъ. Державинъ возьми да и не послушайся его указовъ, говоритъ: я повинуюсь только законамъ, утвержденнымъ верховною властію. Дуракъ и взбеленись, съ жалобой на Державина въ сенатъ! Сенатъ мнѣ докладываетъ. Вижу, новый Солонъ въ Петрозаводскѣ проявился.

— Какой, матушка, Салонъ?—спросила Марья Савишна, изображая на своемъ плутовскомъ лицѣ самую невинную мину, какъ будто-бы она ничего не понимаетъ и никогда не слыхала о Солонѣ, а можетъ статься, и въ самомъ дѣлѣ не слыхала.

— Солонъ, а не Салонъ,—поправила ее императрица съ снисходительной улыбкой, — а еще Свисталка, а Солона не знаетъ.

— Не знаю, матушка государыня, и слыхать не слыхала.

— А законодатель такой былъ въ древности,—сказала Екатерина, перекладывая на письменномъ столѣ на другое мѣсто рукопись, на которой крупно, рукою Храповицкаго, было написано: «Обманщикъ».—Такъ вотъ Тутолминъ этотъ и позавидовалъ лаврамъ Солона, сталъ издавать въ Петрозаводскѣ свои законы. Вотъ я этому Солону вмѣсто лавроваго вѣнка и надѣла дурацкій колпакъ.

— То-то я видала, матушка государыня, какъ онъ отъ тебя намедни выходилъ изъ кабинета красный, словно вареный ракъ.

— Да, порядочно таки попотѣлъ онъ тогда, и на колѣняхъ стоялъ, прося прощенія, и плакалъ какъ баба... Ну, я и простила, пропѣвъ ему изъ комедіи:

Мы не виноваты,
Что были глуповаты... *)

---

*) Императрица иногда въ шутку повторяла этотъ куплетъ (Дневникъ Храповицкаго, стр. 69).

— Точно, точно, государыня, именно не виноваты: вить глупость — даръ Божій.

— Даръ-то, даръ, да и даромъ-то этимъ злоупотреблять, Савишна, не приходится.

— Оно такъ, матушка, да что подѣлаешь съ нею, съ глупостью-то! Вотъ и я этимъ даромъ взачастую злоупотребляю.

— Какъ?

— По глупости, государыня: глупешенька я, матушка,— скорчивъ простоватую рожу, вздохнула продувная Савишна.

— Ну, Савишна, не ври!—погрозила ей пальцемъ Екатерина.—Ты баба умная, охъ, умна! Хоть и необразованная.

— Какое, матушка, наше образованіе! На мѣдныя деньги училась и нынѣ въ писаномъ спотыкаюсь, точно по кочкамъ хожу.

— Ничего! Хоть и на мѣдныя училась, а за поясъ заткнешь тѣхъ, что и на золото учены.

Въ это время за дверною портьерой послышался кашель.

— А! Знать, пора одѣваться,—замѣтила императрица,— Захаръ кашляетъ.

— Ну ужъ! Ехида! — махнула рукой Савишна.

— За что ты его?—улыбнулась Екатерина.

— Знаю я его! Преехидный...

— Что ты?

— Да что! Ревнуетъ старый воркунъ.

— Кого?—спросила Екатерина.

— Да насъ, матушка... Ужъ я его знаю! Какъ только мы останемся вдвоемъ съ вами, такъ ужъ онъ и ревнуетъ, и кашляетъ, что пора-де тебѣ, матушка, итти къ волосочесанію.

— И то пора, Савишна, а то Захаръ Константиновичъ совсѣмъ разсердится и намылитъ мнѣ голову.

— Ну ужъ!—махнула рукой Савишна,—пойду дѣвокъ покличу.

— Постой, Савишна: я и забыла.

— Что прикажешь, государыня?

— Принеси мнѣ свою оду, къ Свисталкѣ...

— Слушаю-съ, государыня.

IX. Державинъ на аудіенціи.—Ну, банька!

Въ кабинетъ императрицы, которая сидѣла за рабочимъ столомъ и писала, вошелъ на-цыпочкахъ Храповицкій. Полное, красное лицо его лоснилось, и онъ осторожно прикладывалъ красный фуляръ къ высокому лбу, отъ котораго зачесаны были назадъ волнистые, съ буклями за висками и заплетенные сзади въ косу, волосы. Онъ былъ по обыкновенію съ портфелемъ.

— Что, все потѣешь? — отвѣтила императрица вопросомъ на низкій поклонъ своего личнаго секретаря и переписчика.

— Потѣю, ваше величество,—отвѣчалъ Храповицкій, еще ниже клапяясь, видя въ вопросѣ государыни расположеніе ея къ себѣ.

Дѣйствительно, Екатерина, когда была въ духѣ, всегда при встрѣчѣ съ Храповицкимъ спрашивала, потѣетъ ли онъ, и всегда получала утвердительный отвѣтъ.

— И въ декабрѣ потѣешь?

— И въ декабрѣ потѣю, ваше величество.

— Ну это все я виновата,—вскидывая глаза отъ письма, замѣтила государыня,—все тебя гоняю.

— Я радъ служить вашему величеству.

— Знаю, знаю, ты усерденъ... А принесъ «Ѳеодула съ дѣтьми»? *)

— Принесъ, государыня.

— Переписалъ?

— Переписалъ, государыня.

И Храповицкій, вынувъ изъ портфеля тетрадь, подалъ Екатеринѣ. Она стала ее перелистывать.

— Спасибо... Чистенько переписалъ.

Храповицкій поклонился.

— Ахъ, да!—заговорила императрица, останавливаясь на одной страницѣ.—Мнѣ этотъ куплетъ не нравится:

Собралися красны дѣвки
Вечериночку сидѣть,

---

*) «Ѳедулъ съ дѣтьми»—комическая опера, сочиненіе Екатерины II. Приводимые ниже стихи также принадлежатъ императрицѣ.

Межъ собой имѣть издѣвки,
Молодцовъ тамъ поглядѣть,
Какъ сошлись онѣ всѣ вмѣстѣ,
Тутъ совѣтъ стали держать,
Чтобъ имъ пѣсенъ пѣть довольно
И не мало бы плясать...

— Нѣтъ, нехорошо... Надо-бы передѣлать. Только теперь некогда, дѣла много.

И императрица, положивъ «Өеодула съ дѣтьми» рядомъ съ «Обманщикомъ», придвинула къ себѣ другія бумаги.

— А въ пріемной есть ожидающіе моей аудіенціи?—спросила она.

— Есть, ваше величество,—отвѣчалъ Храповицкій.

— Кто такіе?

— Олонецкій губернаторъ Державинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ.

- Мамонову развѣ назначена аудіенція?

— Нѣтъ, ваше величество: онъ явился собственно узнать о здоровьѣ князя Григорія Александровича Потемкина, не получено-ли писемъ изъ Крыма.

— Я знаю, этотъ мальчикъ очень любитъ князя, и это дѣлаетъ ему честь: хорошій паренекъ, умненькій.

— И россійскую словесность, ваше величество, очень любитъ; преизрядные стихи сочиняетъ.

— Да? Я этого не знала.

— Преизрядные, государыня, онъ мнѣ читалъ.

— Очень рада за него, хорошій паренекъ.

Она нѣсколько задумалась, машинально перебрала нѣсколько бумагъ и встала.

— Пусть войдетъ Державинъ,—сказала она, подходя къ окну и глядя, какъ зимнее солнце сверкало на снѣжной поверхности Невы.

Храповицкій вышелъ и вскорѣ воротился въ сопровожденіи Державина. Поэтъ вошелъ робко, смущенно и низко кланяясь.

— Здравствуй, Гаврило Романовичъ,—ласково сказала императрица,—я съ удовольствіемъ прочла донесеніе объ открытіи тобою города Кеми въ столь отдаленныхъ странахъ гиперборейскихъ.

Державинъ поклонился.

— Я довольна и твоею службою въ Олонецкой губерніи,— продолжала императрица,—довольна, не смотря на твои пререканія съ генералъ-губернаторомъ...

— Я только тщился оберегать отъ посягательствъ священные законы вашего императорскаго величества...

— Знаю, знаю и благодарю.

Императрица протянула руку. Державинъ подошелъ и сталъ на одно колѣно, чтобъ поцѣловать одну изъ могущественнѣйшихъ во вселенной женскихъ ручекъ. Екатерина продолжала:

— Въ знакъ моего благоволенія я даю тебѣ другую губернію, лучшую...

Державинъ наклонилъ голову и ждалъ. Императрица съ улыбкой взглянула на Храповицкаго. Тотъ понялъ эту улыбку...

Державинъ съ жаромъ поцѣловалъ царственные пальцы... Но въ этотъ моментъ онъ услыхалъ:

— Въ которой нѣтъ медвѣдей...

Гаврило Романовичъ покраснѣлъ до корней волосъ и всталъ, не смѣя поднять глазъ

Аудіенція кончилась... «Ну, банька!»...

А что сталось съ веселымъ Молчинымъ? Что сдѣлалъ съ нимъ страшный Шешковскій?

Первый разъ въ жизни добрѣйшій Степанъ Ивановичъ не выдержалъ своей роли.

— Ну, что этотъ медвѣдятникъ?—спросилъ его князь Вяземскій послѣ допроса Молчина.

— Да что, ваше сіятельство,—угрюмо отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ,—пустое дѣло, не стоило рукъ марать.

— Какъ пустое?—удивился генералъ-прокуроръ, тоже первый разъ въ жизни слыша, чтобы добрѣйшій Степанъ Ивановичъ безъ помощи кнута и Сибири обошелся.

— Пустое-съ, — еще болѣе угрюмо отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ:—я вонъ, говорятъ, волкодавъ, такъ я волковъ и давлю... А мышей я не трогаю.

Въ голосѣ его звучала обида: за его же усердіе да надъ нимъ же смѣются...

— Ну братъ Степанушка, маху ты далъ, маху,—покачалъ головою Вяземскій.

Степанушка только рукой махнулъ...

Молчина въ Тайной экспедиціи пальцемъ не тронули. Но онъ воротился въ Петрозаводскъ совсѣмъ сѣдой... Поиграли съ огнемъ!

Зато Мишу посадили на цѣпь: онъ уже началъ не только задирать собакъ, но давить телятъ и коровъ, а своего недруга Платошку растерзалъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, въ конюшнѣ.

Аверинъ продолжалъ играть на гитарѣ и пѣть:

Высоко звѣзда восходила...

Но пѣсни своей никогда не кончалъ.

ОНЪ ИДЕТЪ!

I. Дурныя вѣсти.

Сто лѣтъ назадъ, во время присоединенія Крыма къ Россіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Севастополь, у одной изъ великолѣпныхъ бухтъ его стояла небольшая татарская деревенька, называвшаяся Ахтеяромъ.

По господствовавшей тогда слабости ко всему классическому, великая Семирамида Сѣвера, какъ называли панигеристы императрицу Екатерину II, приказала переименовать Ахтеяръ въ Севастополь, предполагая, вслѣдствіе плохихъ познаній въ классической археологіи и исторіи, что древній эллинскій Севастополь находился именно на этомъ мѣстѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ Колхидѣ.

Въ маѣ 1787 года, какъ извѣстно, Екатерина совершила свое знаменитое путешествіе въ новопріобрѣтенную Тавриду и посѣтила Севастополь. Это было удивительное путешествіе! Русскую императрицу сопровождали австрійскій императоръ Іосифъ II подъ именемъ графа Фалькенштейна, графъ Сегюръ, французскій посолъ, принцъ де-Линь и громадная свита высшихъ сановниковъ. Въ поѣздѣ было около пятнадцати однѣхъ придворныхъ каретъ и до полутораста другихъ экипажей. Подъ этотъ кортежъ на всѣхъ станціяхъ требовались цѣлые табуны лошадей.

Въ день въѣзда этого баснословнаго кортежа въ Севастополь и начинается нашъ разсказъ.

Это было 22 мая 1787 года.

Прелестное весеннее утро. Солнце, выкатившееся изъ-за горныхъ зеленыхъ высотъ, образующихъ великолѣпную Байдарскую долину, позолотило базальтовыя ребра мыса Фіолента, лежащаго на нѣсколько верстъ къ югу отъ Севастополя, и брызнуло золотыми лучами на мачты и разноцвѣтные флаги стоящихъ въ севастопольской бухтѣ кораблей.

У самаго мыса Фіолента, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Георгіевскій монастырь, утреннее солнце позолотило и небольшой шалашъ, жилище стараго садовника и его молодого работника, которые съ кирками въ рукахъ возились съ ранняго утра въ находящемся тутъ огородѣ и небольшомъ виноградномъ саду, принадлежащемъ одному греческому виноторговцу въ Севастополѣ.

Это же утреннее солнце обдавало своими теплыми лучами и стройную фигуру молодой дѣвушки, торопливыми шагами приближавшейся къ саду со стороны Севастополя. Одѣта она была въ простое крестьянское платье, но очень чисто и изящно. Широкіе рукава ея бѣлой миткалевой сорочки и воротъ были вышиты красными и синими узорами. Голубая ситцевая юбка подпоясана широкимъ краснымъ поясомъ, длинные концы котораго очень красиво падали вдоль ея стройнаго стана. Искрасна рыжіе, какъ червонное золото, волосы ея были заплетены въ двѣ косы, тяжелыми жгутами спускавшіяся далеко ниже пояса.

— Дѣдушка! Родненькій!—закричала она издали, увидавъ старика.

Отъ быстрой ходьбы она вся раскраснѣлась и запыхалась. Черные большіе глаза подъ такими же черными бровями горѣли не то испугомъ, не то лихорадочнымъ возбужденіемъ.

— Дѣдушка!

Старикъ, весь сѣдой, но бодрый, опершись на кирку и защитивъ одною рукою глаза отъ солнца, съ недоумѣніемъ глядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Дѣдушка! Родненькій! Гдѣ Петра?—торопливо спрашивала пришедшая.

— Что ты, дѣвка? И не здороваешься съ дѣдомъ?—въ свою очередь, спросилъ старикъ.

— Здравствуй, родной, гдѣ Петра?

— Вотъ наладила сорока про Якова! Что онъ тебѣ?

— Да надо! Охъ, Господи!

— Да что попритчилось тебѣ?

Въ это время изъ-за берегового уступа, отъ моря, показался молодой парень въ одѣяніи крымскаго татарина и въ мерлущатой сивой шапкѣ на черныхъ, какъ вороново крыло, курчавыхъ волосахъ.

— Ахъ, Петруша!—бросилась къ нему дѣвушка.

— Здравствуй, Дуня!—радостно поторопился къ ней навстрѣчу парень.—Что такъ рано?

— Ахъ, Петрушенька!

Дѣвушка такъ и повисла на шеѣ у того, кого она называла Петрушенькой. Слезы градомъ хлынули изъ ея хорошенькихъ глазокъ.

— Что съ тобой, Дуня!—испугался тотъ.

— Ахъ! Скорѣй хоронись! Бѣги, бѣги, мой суженый!

Все лицо молодого парня перекрылось блѣдностью. Онъ нѣжно отстранилъ отъ своей груди дѣвушку и съ боязнью взглянулъ ей въ лицо.

— Дунюшка! Что случилось?

— Ахъ, хоронись! Хоронись! Сейчасъ пріѣдутъ, я обогнала ихъ...

II. Захватъ рекрута.

Какъ разъ въ это время къ саду, обнесенному невысокой каменной оградой безъ цемента, подъѣхала телѣга. На ней, кромѣ ямщика и двухъ солдатъ съ ружьями, сидѣлъ какой-то гладко выбритый человѣчекъ, повидимому, старый подъячій изъ земскаго суда, съ форменной сѣдой косичкой на затылкѣ, въ форменномъ кафтанѣ и трехуголкѣ.

Солдаты соскочили съ телѣги и, звеня желѣзными кандалами, вдѣланными въ деревянную тяжелую колодку, которую они съ трудомъ тащили, быстро вошли въ садъ и направились къ тому мѣсту, гдѣ, словно окаменѣлые, стояли парень и молодая дѣвушка. Къ нимъ торопливо приближался и испуганный старикъ-садовникъ.

— По указу ея императорскаго величества, куйте его!—издали закричалъ подъячій, вынимая изъ-за обшлага бумагу.

Парень бросился было бѣжать внизъ къ морю, къ крутому обрыву.

— Стой! Стрѣлять буду!—крикнулъ одинъ изъ солдатъ.

Парень оглянулся. Солдатъ, дѣйствительно, цѣлился въ него.

— Матушки! Петра!—вырвался отчаянный крикъ изъ груди дѣвушки, и она схватилась рукой за стволъ ружья.

— Прочь, дѣвка!—отбивался отъ нея солдатъ.—Не трошь! Устрѣлю.

— Стрѣляй! Стрѣляй меня,—молила дѣвушка.

Но парень въ одно мгновенье очутился около нея и протянулъ руки.

— Вотъ я... Куйте меня!

— Али онъ разбойникъ, братцы?—взмолился старикъ садовникъ.—За что его?

— Велѣно, служба,—былъ отвѣтъ.

Подошелъ и подъячій.

— По указу ея императорскаго величества,—повторилъ онъ заученную фразу,—забейте его въ колодку.

Дѣвушка бросилась къ подъячему и повалилась ему въ ноги.

— Кормилецъ! Родной!.. За что ево?

— Въ некрута велѣно взять милая,—смягчился тотъ при видѣ отчаянія молодой дѣвушки.

Дѣвушка продолжала валяться у него въ ногахъ.

— Встань, красавица! — силился приподнять ее старый подъячій.

— За что-жъ ковать?—молила дѣвушка.

— Законъ, законъ таковъ, голубка.

— Да онъ не разбойникъ!

— Законъ, воля ея императорскаго величества... А вы легче, ребята!—обратился подъячій къ солдатамъ, которые набивали колодку на ноги безмолвно стоящаго новобранца.

Дѣвушка поднялась съ земли и бросилась къ своему возлюбленному.

— Петрушенька! Охъ! На кого ты меня...

— Что она, сестра ему будетъ?—обратился подъячій къ старику садовнику.

— Нѣтъ, ваша милость,—отвѣчалъ тотъ упавшимъ голосомъ.—Они помолвлены у меня.

— Женихъ и невѣста?

— Кубыть такъ... заручились. А вонъ поди-жъ ты!

— Да онъ тебѣ кто?

— Чужакъ, сирота, въ наймахъ, стало быть.

— А дѣвка?

— Мнучка, стало быть, моя будетъ.

— Жаль, жаль,—участливо покачалъ головой старый подъячій.—А нельзя, ничего не подѣлаешь, старина: бумага такая пришла, неукоснительно-де сдать въ некрута. Онъ, слышь, Петръ-то Лобода, бѣжалъ отъ помѣщика, а помѣщикъ и провѣдалъ о мѣстѣ его укрывательства, ну, и велитъ зачесть его въ некрута неукоснительно.

Малаго между тѣмъ заковали и повели къ телѣгѣ, поддерживая тяжелую колодку. Онъ казался совершенно убитымъ.

Скоро телѣга двинулась къ городу. За телѣгой шла дѣвушка и неутѣшно плакала.

III. Думы Фелицы.—Захаръ сердится.

Въ то время, когда у мыса Фіолента происходила описанная выше сцена, въ Севастополѣ, во временномъ дворцѣ, въ которомъ имѣла ночлегъ императрица, только что начали просыпаться ближайшіе къ ней царедворцы и придворная прислуга.

Сама императрица встала раньше всѣхъ и, наскоро накинувъ на себя широкій легкій капотъ, безъ помощи прислуги сама приготовила себѣ на спирту небольшую чашку чернаго кофе и вошла съ нею въ сосѣднюю комнату, въ рабочій кабинетъ, выходившій окнами на бухту и на море. На столѣ лежали въ порядкѣ бумаги и на отдѣльномъ листѣ начало какого-то стихотворенія.

Императрица подошла къ столу и взяла тотъ листъ.

Хвала тебѣ, достойный князь Тавриды!
Россія оцѣнитъ тебя должна...

Она не кончила, положила листъ на столъ и въ задумчивости подошла къ окну. Передъ нею открылась величественная панорама моря, бухты и сѣверныхъ обрывистыхъ береговъ. Въ бухтѣ величаво красовались новые корабли. Тихій утренній вѣтерокъ полоскалъ въ воздухѣ русскіе и австрійско-римскіе флаги.

Но Екатерина, казалось, не видѣла ничего этого. На лицѣ ея покоилась торжественная задумчивость.

И неудивительно! Она сама сознавала въ себѣ теперь Семирамиду не только Сѣвера, но и Юга.

— Что сказалъ бы теперь старикъ Вольтеръ? — невольно шепчутъ ея губы.—«C'est moi qui salue la Grande Semiramis du Nord et du Midi...» Oh, mon philosophe!.. «La reine Falestrice alla cajoler Aléxandre le Grand, mais Aléxandre serait venu vous faire la cour *)»... Да, да, Александру Великому льстила царица Фалестриса, а мнѣ льстятъ цари, императоры, этотъ Іосифъ Второй, императоръ римскій и германскій, преемникъ Цезарей, и этотъ Станиславъ Понятовскій, король польскій, преемникъ Стефана Баторія, Іоанна Собѣсскаго, ma créature... Онъ такъ растерялся, прощаясь со мной послѣ свиданія подъ Каневымъ, что забылъ свою шляпу, и когда я напомнила ему объ этомъ, онъ отвѣчалъ: «я не забылъ, ваше величество, что когда-то вы подарили мнѣ шляпу дороже этой» это корону Польши и Литвы; но одну уже отняла я у него.

Съ тою же задумчивостью императрица прошлась нѣсколько разъ по кабинету и подошла къ другимъ окнамъ, выходившимъ на востокъ. Вдали, изъ туманной дымки выступалъ массивъ Чатырдага.

— Царь-гора... Такихъ я сроду не видывала, истинно царь-гора... И вотъ я пришла къ ней, какъ Магометъ когда-то подходилъ къ той горѣ, что не слушалась его... А Чатырдагъ послушался меня: онъ перешелъ въ мое подданство, и я пришла къ нему, какъ къ моему подданному. А когда-то, говорятъ, видѣлъ онъ и Одиссея, прибитаго моремъ къ берегу лестригоновъ, и злополучную дочь Агамемнона, царя царей, Ифигенію, и ея несчастнаго брата Ореста, преслѣдуемаго фуріями-немезидами... Царство Митридата! Оно стало теперь моей губерніей... О! встали бы вы теперь изъ гробовъ, Августы, Цезари, Адріаны и Траяны и посмотрѣли бы на м о е царство!

Она гордо подняла голову и улыбнулась.

— Да, да, правъ былъ Мардефельдъ... Помню, когда я была еще великою княжною и не смѣла мечтать о русской коронѣ, онъ

*) «Я поклоняюсь Великой Семирамидѣ Сѣвера и Юга». О, мой философъ! «Царица Фалестриса отправилась на поклонъ къ Александру Великому, но самъ Александръ преклонился бы передъ вами.

на одномъ придворномъ балѣ тихо шепнулъ мнѣ: «vous regnerez, ou je ne suis qu'un sot» *), а я на это тихонько отвѣчала: «j'accepte l'augure»... **). Да, и вотъ я царствую уже двадцать-пять лѣтъ... Какъ быстро время прошло! Какъ быстро проходитъ жизнь и всего быстрѣе для царей: время, вотъ кто владыка надъ царями, и оно безжалостно, оно не милостивѣе царей... Цари милуютъ, а оно никогда! Но и оно меня милуетъ: оно не вплело въ мою вдовью косу ни одного сѣдого волоска...

— Вдовью!—она горько улыбнулась.

Мысль моментально перенесла ее въ далекій, маленькій Штетинъ, гдѣ родилась она, гдѣ маленькими ножками бѣгала по мрачнымъ заламъ отцовскаго дома... Она была только дочь губернатора Прусской Помераніи... Жалкая родина! Жалкое море! А вотъ бирюзовое море, не чета жалкому Финскому заливу... «О, царь и первый русскій императоръ Петръ Алексѣевичъ! Какъ бы ты позавидовалъ мнѣ, если бъ увидалъ мои корабли вотъ въ этой бухтѣ, въ этомъ морѣ, откуда рукой подать до Константинополя...».

Она подошла къ столу, но видимо не могла заниматься дѣлами. Одна мысль гнала другую; въ душѣ ея видѣнія прошлаго и настоящаго мѣнялись какъ въ калейдоскопѣ.

— «Оставимъ мудрецамъ доказывать, что земля вертится вокругъ солнца... Наше солнце вкругъ насъ ходитъ и грѣетъ, и освѣщаетъ насъ...» О, льстивый, умный попикъ! Надо его приподнять поближе къ солнцу

Она опять задумалась.

— Сколько пережито! Какія терніи перейдены на пути, и въ корону вплетены одни лавры, только лавры!.. Степанъ Черногорскій, Пугачевъ, Тараканова, всѣ мои враги, гдѣ вы теперь? Гдѣ прахъ вашъ? Одинъ Беніовскій, говорятъ, сталъ королемъ Мадагаскара... Безумецъ! Онъ хотѣлъ помѣряться со мной... Что-жъ! Король Мадагаскара и Фелица!

За дверью послышалось чье-то сердитое ворчанье.

— Ну, достанется мнѣ, — улыбнулась императрица.—Захаръ опять за что-то на меня разгнѣвался.

Она отворила дверь. По срединѣ опочивальни, съ полотенцемъ на плечѣ, стоялъ знаменитый камердинеръ Екатерины, из-

*) Вы будете царствовать, или я глупецъ.
**) Я принимаю предсказаніе.

вѣстный всему придворному міру Захаръ, а для искателей у императрицы, у всѣхъ сановниковъ, «милостивецъ Захаръ Константиновичъ» Зотовъ: въ немъ заискивали вельможи, фрейлины, статсъ-дамы, министры, посланники, забывая, что онъ просто камердинеръ. Захаръ стоялъ мрачный, какъ туча, и даже не повернулъ головы, когда императрица показалась въ дверяхъ опочивальни.

— Здравствуйте, Захаръ Константиновичъ! Съ добрымъ утромъ!—ласково, даже заискивающе заговорила Екатерина, силясь скрыть предательскую улыбку.

— Здравія желаемъ, матушка государыня,—угрюмо отвѣчалъ Захаръ.

— Ты, кажется, чѣмъ-то разстроенъ?—съ притворной участливостью спросила императрица.

Захаръ Константиновичъ сдѣлался еще мрачнѣе.

— Увольте меня, государыня, ежели я вамъ не угоденъ,—съ комической горечью сказалъ онъ.

— Уволить!—удивилась императрица.—За что же?

— Я вамъ не угоденъ сталъ,—былъ сухой отвѣтъ.

— Да чѣмъ же, Захарушка? Чѣмъ я провинилась передъ тобой?—спрашивала Екатерина.

Захаръ молчалъ, укоризненно глядя на почной столикъ императрицы, на которомъ стоялъ кофейникъ, спиртовая лампочка, и всѣ принадлежности для приготовленія кофе.

— Чѣмъ же?—повторила императрица.

— А это что?—указалъ онъ на приборъ.

— Это я, Захарушка, кофе себѣ варила, для скорости,—оправдывалась государыня.

— А развѣ у русской царицы слугъ нѣтъ?—мрачно и торжественно спросилъ обиженный камердинеръ.

— Да я, Захарушка, не хотѣла никого безпокоить,—продолжала оправдываться императрица,—думаю, всѣ съ дороги устали.

— Устали! А русская царица и устали не должна знать?

— Не должна, Захарушка.

— Ну, такъ увольте меня!

— Помилуй, голубчикъ Захаръ Константиновичъ! На кого жъ ты меня покинешь?

— Найдутся подлипалы... Ишь что выдумала! Допрежь сего никто, кромѣ Захара Константиновича, не смѣлъ варить ей кофе,

а теперь, на поди! Сама! Не любъ, вѣрно, сталъ Захаръ Константиновичъ! Другого нашла...

Императрица не вытерпѣла и расхохоталась.

— Да, вамъ смѣшно,—нѣсколько смягченнымъ голосомъ заговорилъ обиженный,—а мнѣ не до смѣху... А это еще что?—онъ трагически указалъ на осколки дорогой фарфоровой чашки, валявшіеся на полу у постели.

— Виновата, Захарушка, прости! Это я нечаянно, ночью: пришелъ мнѣ въ голову одинъ стишокъ въ похвалу Крыму и князю Григорію Александровичу, я и хотѣла записать, да какъ потянулась за свѣчей и задѣла чашечку... Ну, прости великодушно!—смиренно винилась императрица.

— Эхъ!—махнулъ рукой суровый камердинеръ.—На тебя не напасешься посуды... Вонъ въ Кеивѣ разбила, въ Херсони разбила...

Екатеринѣ нравилось такое обращеніе съ нею прислуги. Она любила, когда съ нею говорили на «ты»: «матушка», «государыня», «ты» и то, и это... Требовалось это невольно, по чувству самовластія, какъ бы въ противовѣсъ той приторной, пересоленной лести, не всегда, конечно, умѣстной и всегда не искренней, которая неразлучна съ придворнымъ рутиннымъ этикетомъ...

— Ба-ба-ба! Кажется, голову мылятъ всемилостивѣйшей государынѣ... Ай да Захаръ Константиновичъ! Такъ ее! Пуши! Пуши!

Въ дверяхъ стоялъ неисправимый «шпынь», Левушка, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, вѣрный слуга и испытанный другъ Екатерины.

IV. Екатерина II, Левушка и хохоль-графъ.

Императрица пошла на встрѣчу Нарышкину и ласково съ нимъ поздоровалась. За то Захаръ, который началъ было уже смягчаться, опять принялъ недовольную мину, когда Левъ Александровичъ обратился къ нему съ улыбкой.

— Однако, Захаръ Константиновичъ, ты въ струнѣ держишь нашу матушку государыню.

— Въ струнѣ!—огрызнулся Захаръ.—Васъ, сударь, некому въ струнѣ-то держать.

— Правда, правда, совсѣмъ отъ рукъ отбился,—согласилась Екатерина,—все волочится за графомъ Фалькенштейномъ.

— Гдѣ, матушка, за нимъ угоняться!—засмѣялся Нарышкинъ.—Ужъ и теперь, ни свѣтъ, ни заря, а они съ графомъ Ангальтомъ роются въ развалинахъ Корсуня, отыскиваютъ стрѣлу Анастасія.

— Какого Анастасія?—удивилась императрица.

— А какъ же, матушка! Помните, когда вашъ предокъ, великій князь, равноапостольный Владиміръ бралъ этотъ городъ Корсунь приступомъ и не могъ взять, то изъ города нѣкій грекъ Анастасій пустилъ въ лагерь великаго князя стрѣлу, а на стрѣлѣ цыдулочка, въ коей было сказано, что Корсунь только тогда можно взять изморомъ, когда отъ города отведена будетъ вода, проведенная въ него изъ дальняго источника, и указалъ его мѣсто.

— Помню, помню,—вспомнила Екатерина,—такъ ищутъ эту стрѣлу, говоришь?

— Ищутъ, матушка

— Для чего?

— Чтобъ пустить ее въ Варшаву, въ замокъ королевскій, дабы показать Станиславу Августу, гдѣ онъ потерялъ свою голову и шапку.

Екатерина молча погрозила ему пальцемъ.

Въ кабинетъ въ это время входилъ лѣтъ сорока мужчина съ портфелемъ подъ мышкой. Войдя тихой, неслышной походкой, онъ низко, не особенно ловко поклонился.

— Графъ изъ бурсы,—чуть слышно шепнулъ Нарышкинъ.

— А, графъ Александръ Андреевичъ!—съ ласковой улыбкой встрѣтила его императрица.

Это былъ новопожалованный графъ Безбородко. Онъ снова поклонился.

— Что у тебя?—спросила Екатерина.

— Нѣкоторые проекты къ 28-му іюня, ваше величество,—отвѣчалъ Безбородко.

— А что 28-го іюня?—снова спросила императрица.

— Ай-ай-ай, матушка государыня!—покачалъ головою Нарышкинъ.—Старѣться мы начинаемъ, матушка.

— Какъ старѣться?—удивилась Екатерина.

— А какъ же-съ, государыня! 28-го іюня мы праздпуемъ двадцатипятилѣтіе нашего царствованія, забыли?

— Ахъ, Левушка! Вотъ ты и пристыдилъ меня,—улыбнулась государыня.—А въ самомъ дѣлѣ, графъ, что намъ готовить къ 28-му іюня?—обратилась она къ Безбородкѣ.

— Тутъ, ваше величество, все изложено,—отвѣчалъ этотъ послѣдній, кладя па столъ бумаги.

— Спасибо, графъ,—наклонила голову императрица.—Хорошо, что, отдыхая теперь, съ свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями можно прилежнѣе работать въ ермитажѣ. Я все вижу и слышу, хотя не бѣгаю какъ императоръ Іосифъ II. Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія, но, будучи строгъ противъ самаго себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства, не знаетъ русской пословицы: мѣшать дѣло съ бездѣльемъ... Двухъ бунтовъ самъ онъ былъ причиною. Тяжелъ въ разговорахъ. Prince de Ligne, cachant sous la frivolité le philosophe le plus profond et ayant le coup d'oeil juste, его перевертываетъ *).

— Вѣрно, государыня,—подтвердилъ Нарышкинъ,—и оттого онъ теперь и ищетъ стрѣлу Анастасія.

Безбородко поглядѣлъ на него вопросительно.

— Ахъ, да, графъ,—обратился къ нему Нарышкинъ:—не забудьте, чтобъ къ двадцатипятилѣтнему юбилею нашего славнаго царствованія готовы были къ императорскому столу и хохлацкія галушки, и вареники, и сало.

— Все будетъ готово, ваше высокопревосходительство, — шутливо, съ малороссійскимъ акцентомъ отвѣчалъ хохолъ графъ.

— Ну, что, графъ, какъ тебѣ нравятся новопріобрѣтенныя нами владѣнія?—спросила императрица, перелистывая поданныя ей докладчикомъ бумаги.

— Это новые алмазы въ коронѣ вашего величества,—съ поклономъ отвѣчалъ хохолъ царедворецъ.

— Именно алмазы!—съ жаромъ подтвердила Екатерина.—Пріобрѣтеніе сіе важно. Предки дорого бы заплатили за это. Но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ,

---

*) Весь этотъ монологъ Екатерины—не измышленіе автора, а буквально выписанъ изъ «Дневника» А. В. Храповицкаго (изд. Н. Барсукова, 1874, стр. 35—36). Оттуда же взяты и послѣдующіе ея разговоры.

«Принцъ де Линь, скрывая, подъ легкомысліемъ, умъ глубокаго философа и правильный взглядъ»,

Петромъ Первымъ выбритыхъ. Александръ Матвѣевичъ (Дмитріевъ-Мамоновъ, на то время фаворитъ императрицы) молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ.

При имени Дмитріева-Мамонова въ глазахъ Нарышкина блеснулъ лукавый огонекъ, но онъ его тотчасъ же потушилъ, спрятавъ глаза подъ рѣсницы и украдкой взглянувъ на Безбородку, глаза котораго, всегда плутоватые, теперь выражали холодное безпристрастіе. Между тѣмъ оба царедворца очень хорошо знали, что въ неодобреніи или въ недостаточномъ восхищеніи со стороны молодого временщика новозавоеванными Потемкинымъ областями скрыта зависть къ этому послѣднему бездарнаго любимца Екатерины. Но ни Нарышкинъ, ни Безбородко ничего не сказали.

— Графъ Фалькенштейнъ видитъ другими глазами,—продолжала императрица.—А Фицъ-Гербертъ (англійскій посланникъ въ Петербургѣ) слѣдуетъ англійскимъ правиламъ, которыя довели Великобританію до нынѣшняго ея худого состоянія.

— За то графъ Сегюръ, кажется, ходитъ на одномъ котурнѣ,—загадочно замѣтилъ Нарышкинъ.

— Нѣтъ, Левушка,—возразила Екатерина,—графъ Сегюръ понимаетъ, сколько сильна Россія; но его министерство, обманутое своими емисерами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. Сегюръ, кромѣ здѣшняго двора, нигдѣ министромъ быть не хочетъ, а между тѣмъ...

Императрица не кончила: въ кабинетъ входило новое лицо.

V. Перлюстрація.

— Готово?—спросила императрица входящаго.

— Все готово-съ, ваше величество,—съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ вошедшій.

— Есть что-нибудь?—спросили снова.

— Есть, ваше величество.

Вошедшій былъ красенъ, какъ послѣ бани. Лицо его свѣтилось, и онъ торопливо вытиралъ выступавшій на лбу потъ, нервно комкая фуляръ.

— Что, потѣешь?—спросила императрица, съ улыбкой взглянувъ на Нарышкина.

— Безпрестанно-съ потѣю, ваше величество,—отвѣчалъ вошедшій.

— И я также.

— И не удивительно, матушка, — замѣтилъ Нарышкинъ, вертя между пальцами табакерку;—ты ему баню задаешь каждый день, а тебѣ—Захаръ.

— Правда, правда,—согласилась Екатерина.

Вошедшій былъ знаменитый авторъ своего «Дневника», Александръ Васильевичъ Храповицкій, личный секретарь императрицы, переписчикъ ея стиховъ, комедій, шутокъ, и постоянно находившійся у нея на побѣгушкахъ. Оттого онъ и «потѣлъ» постоянно, и оттого всякій разъ, когда онъ входилъ къ Екатеринѣ, она непремѣнно спрашивала его: «потѣешь?» и постоянно получала въ отвѣтъ: «потѣю-съ». Оттого и весь «Дневникъ» его такъ и пестритъ этимъ, далеко не придворнымъ глаголомъ. Но главное занятіе Храповицкаго при Екатеринѣ было «Перлюстрація», секретное вскрытіе чужихъ писемъ, особенно писемъ и депешъ иностранныхъ пословъ къ своимъ дворамъ и семействамъ или друзьямъ, а равно всей придворной переписки.

Съ перлюстраціоннымъ докладомъ и теперь явился Храповицкій.

— Ну, давай, давай, посмотримъ,—протянула къ папкѣ Храповицкаго свою пухленькую руку Екатерина.

Храповицкій подалъ, продолжая отдуваться и теребить фуляръ, между тѣмъ какъ Екатерина бѣгло пробѣгала поданныя ей бумаги.

— А! Письмо польскаго короля къ графу Сегюру, благодаритъ за любезность, жалуется на неразговорчивость и угрюмость князя Григорія Александровича... Онъ, Станиславъ Августъ, правъ: во время моего свиданія съ королемъ подъ Каневымъ, я была, какъ на иголкахъ: князь Потемкинъ не говорилъ ни слова и точно дулся, и принуждена была я говорить безпрестанно, у меня языкъ засохъ. Я почти разсердилась, когда король просилъ меня еще остаться, онъ торговался сначала на три дня, потомъ на два, а потомъ хоть для обѣда на другой день.

— Ахъ, государыня,—лукаво замѣтилъ Нарышкинъ:—вѣдь онъ хотѣлъ показать, что если глупому сыну и не въ прокъ пошло «матернее» наслѣдство (на словѣ «матернее» онъ сдѣлалъ удареніе), что если онъ и потерялъ камзолъ, штаны и жилетъ...

Императрица невольно засмѣялась.

— Это ты Литву камзоломъ называешь?

— Литву, государыня.

— А штаны Галиція съ Краковомъ.

— Такъ точно, матушка.

— Ну, понимаю: жилетъ это Познань.

— Истинно такъ, матушка государыня,—продолжалъ Нарышкинъ все въ томъ же лукаво-шутовскомъ тонѣ,—вотъ онъ и хотѣлъ показать, что хоть онъ и безъ штановъ, а все же король.

— Какъ король Мадагаскара?—улыбнулась Екатерина.

— Это баронъ Морицъ Анадаръ Беніовскій? Нѣтъ, этотъ государыня, въ модныхъ французскихъ штанишкахъ, кюлотахъ.

— Нѣтъ, я говорю о его предмѣстникѣ, о Радамѣ, тотъ безъ штановъ ходилъ, а въ треуголкѣ.

— Да, да, матушка,—согласился Нарышкинъ,—я говорю о Станиславѣ Августѣ: хоть онъ и похожъ теперь на Радаму, однако на головѣ у него еще осталась золотая шапка, что ты, матушка, ему подарила. Онъ и хотѣлъ доказать тебѣ, что еще можетъ угостить тебя обѣдомъ, въ благодарность за твою шапку.

Императрица перелистывала уже другія письма.

— Ба! Вотъ новость!—удивилась она.—Графиня Сегюръ пишетъ мужу, что де-Калонія уже смѣненъ. Все это assemblée des notables надѣлала. Да, не всякому сіе удается: мы могли сдѣлать собраніе депутатовъ.

Никто при этомъ не замѣтилъ, какъ при послѣднихъ словахъ лукавый огонекъ вспыхнулъ въ хитрыхъ глазахъ графа Безбородка: онъ лучше другихъ зналъ, удалось ли «собраніе депутатовъ» и чего стоило расхлебать эту конституціонную затѣю, которою была пущена пыль въ глаза по адресу Вольтера и всей Европы.

— Ты это перескажи моему Матвѣичу,—не замѣчая ничего, продолжала Екатерина, обращаясь къ Храповицкому,—а онъ, pour se donner le ton *), перескажетъ князю Барятинскому.

— Слушаю, ваше величество,—поклонился Храповицкій.

Подъ «моимъ Матвѣичемъ» Екатерина разумѣла своего фаворита Дмитріева-Мамонова, а князь Барятинскій былъ ея гофмаршаломъ, которымъ она не всегда была довольна, и потому

*) Придать себѣ вѣсъ.

иногда говорила по его адресу: «не купи села, купи приказчика» *).

— А! Вотъ это сюрпризъ,—замѣтила императрица, остановившись на одной бумагѣ,—въ секретной депешѣ изъ Берлина сообщаютъ, что кронъ-принцъ Фридрихъ Вильгельмъ, которому теперь уже семнадцать лѣтъ, побранился съ приставленнымъ къ нему графомъ Брилемъ, и король арестовалъ сына. Впрочемъ, сіе не послужитъ къ его исправленію: car il est d'un caractére violent et fougeux **), таковъ былъ дѣдъ, таковъ и отецъ.

— Какова яблонька, таково и яблочко,—вставилъ Нарышкинъ.

Послѣ перлюстраціоннаго доклада Храповицкій подалъ императрицѣ другія бумаги.

— Это это?—спросила она.

— Черновой журналъ путешествія вашего величества, — отвѣчалъ докладчикъ.

Императрица стала просматривать его.

— А, это надо вычеркнуть,—замѣтила она, глянувъ на Безбородку,—тутъ говорится, помните о томъ, какъ въ одномъ мѣстѣ, на Днѣпрѣ, прижало къ берегу галеру «Днѣпръ»: не вышло бы пустыхъ разглашеній и толковъ.

— Что Днѣпръ прижалъ своего тезку «Днѣпра»?—улыбнулся неунывающій Левушка.

— Да, Левушка, каламбуръ.

— Бываетъ, матушка, что и тезка тезку прижимаетъ.

— Довольно!—откинулась въ креслѣ императрица.—На сей разъ будетъ... Надо показать моимъ гостямъ наше пріобрѣтеніе. Князь Григорій Александровичъ... ахъ, да!—обратилась она къ Храповицкому, — что не видать ни Матвѣича, ни князя Потемкина?

— Его свѣтлость распоряжается украшеніемъ галеры для катанья вашего величества съ августѣйшимъ гостемъ и послами,—отвѣчалъ Храповицкій.

— Да, да, князь хочетъ насъ потѣшить... Да оно и кстати: какое здѣсь благораствореніе воздуха, какой климатъ! Жаль, что не тутъ построенъ Петербургъ... Проѣзжая всѣ сіи мѣста, воображаются времена Владиміра Перваго, въ кои много было оби-

*) «Дневникъ» Храповицкаго, 91.
**) Потому что у него горячій и норовистый характеръ.

тателей въ здѣшнихъ странахъ... Теперь нѣтъ ужъ татаръ, да и турки не тѣ *).

— Какъ нѣтъ, матушка, татаръ? — лукаво спросилъ Левушка.—А ханъ Шагинъ-Гирей?

— О! Его глупость и тиранство извѣстны давно,—улыбнулась императрица,—онъ и шашлыка приготовить не сумѣетъ... Однако, господа, мнѣ пора одѣваться къ выходу.

И императрица милостивымъ наклоненіемъ головы отпустила своихъ приближенныхъ.

VI. На яхтѣ.

Черезъ часъ, изъ севастопольской бухты выходила императорская яхта, красиво убранная разноцвѣтными флагами.

На яхтѣ, подъ роскошнымъ балдахиномъ, драпированнымъ краснымъ сукномъ, горностаями и золотыми кистями и осѣненнымъ двуглавымъ орломъ, на возвышеніи, вродѣ трона, возсѣдала императрица рядомъ съ своимъ августѣйшимъ гостемъ, Іосифомъ II-мъ, императоромъ германскимъ и римскимъ, прикрывшимся скромнымъ инкогнито графа Фалькенштейна. Ихъ окружало блестящее общество сановниковъ, пословъ, министровъ, придворныхъ. Были тутъ и принцъ де-Линь, и графы Сегюръ и Фицъ-Гербертъ, и «великолѣпный князь Тавриды» Потемкинъ, и графъ Безбородко, и Дмитріевъ-Мамоновъ, и Левъ Нарышкинъ, и Храповицкій и много другихъ.

Императрица была необыкновенно оживлена. Тихое, чудное весеннее утро способствовало всеобщему оживленію. Играла музыка, когда яхта выходила изъ бухты. Новые корабли, построенные Потемкинымъ въ Херсонѣ и прибывшіе въ Севастополь, пушечными выстрѣлами салютовали императорской яхтѣ. Между ними особенно красовался новенькій 80-ти пушечный корабль «Іосифъ II». Онъ невольно бросался въ глаза, и австрійскій императоръ не могъ не обратить на него вниманія. Онъ въ изысканныхъ выраженіяхъ благодарилъ Екатерину за эту любезность. Императрица указала на Потемкина, который сидѣлъ не далеко, повидимому, холодный и ко всему равнодушный.

*) Всѣ приведенные въ послѣднихъ главахъ разговоры императрицы—подлинныя, документальныя слова Екатерины, записанныя Храповицкимъ («Дневникъ», стр. 33—34).

— C'est prince qui... Cela est galat.

Потемкинъ молча поклонился и императрицѣ и Іосифу II-му.

— Видите, графъ, эти развалины на берегу,—обратилась Екатерина къ послѣднему,—отсюда свѣточь христіанской религіи заблисталъ на всю русскую землю.

— Какимъ образомъ, ваше величество?—спросилъ Іосифъ.

— Это развалины бывшаго греческаго города Херсонеса-таврическаго или Корсуня, — отвѣчала императрица, — и въ этомъ городѣ великій князь кіевскій, Владиміръ I, мой равноапостольный предокъ, принялъ святое крещеніе.

Нѣсколько дальше берегъ представлялъ необыкновенное зрѣлище. Это Потемкинъ устроилъ своимъ высокимъ гостямъ оригинальный сюрпризъ: отборные наѣздники донскаго казачьято полка производили джигитовку, показывая необыкновенную, изумительную ловкость. Всѣ были поражены.

— Oh, c'est ravissant! C'est incroyable! *)—невольно воскликнулъ принцъ де-Линь.

— 'S ist wunderbar! **)—обмолвился Іосифъ по-нѣмецки.

— Oui, messieurs, cela fait naitre de réflections ***),—улыбнулась императрица.

Теперь съ яхты особенно хорошо видны были развалины Херсонеса. Полуразрушенныя стѣны изъ громадныхъ плитъ, сѣрыя мрачныя, полуобвалившіяся башни и бѣлѣвшіеся изъ-за стѣнъ скелеты мраморныхъ колоннъ, карнизы и капители храмовъ, все это отдавало глубочайшей, эллинской древностью. Надъ развалинами и около яхты съ жалобнымъ крикомъ вились морскія чайки.

— Ахъ, какъ онѣ кричатъ!—замѣтила Екатерина.

— Онѣ привѣтствуютъ ваше величество, онѣ радуются!—нашелся галантный французъ, принцъ де-Линь.

— Нѣтъ, принцъ, чайки плачутъ,—поправилъ его Нарышкинъ съ его повидимому невинной, но лукавой улыбкой.

— Почему-же?—спросила Екатерина, ожидая новой выходки отъ своего «шпыня» Левушки.

— Онѣ жалуются вашему величеству на князя Григорія Александровича,—отвѣчалъ «шпынь».

---

*) О, это восхитительно, невѣроятно.

**) Это великолѣпно.

***) Да, господа, это наводитъ на размышленія.

— Вотъ какъ! За что же?

— Да князь, государыня, разоряетъ ихъ гнѣзда.

— Какая же князю въ нихъ надобность?

— А какъ же, государыня: чайки въ развалинахъ Херсонеса кладутъ свои яйца, а князь Григорій Александровичъ велитъ разбирать эти стѣны и башни для постройки Севастополя, какъ когда-то халифы Египта обдирали пирамиды и ихъ облицовку для мощенія улицъ въ Каирѣ,—отвѣчалъ Нарышкинъ съ миной шута.

— Вотъ какъ!—уронила Екатерина.

Обвиненіе было злое, хотя шуточное, и Потемкинъ понялъ его.

— Я чайкамъ оставилъ нетронутымъ весь мысъ Фіолентъ,—сказалъ онъ небрежно, — господинъ оберъ-шталмейстеръ можетъ набрать тамъ для своего стола полную шляпу яицъ этихъ чаекъ, конечно, въ свободное отъ служебныхъ занятій время.

«Свободное отъ служебныхъ занятій время»—это была тоже очень злая фраза, потому что милѣйшій оберъ-шталмейстеръ ровно ничего не дѣлалъ, а только всю жизнь шутилъ, всѣхъ «шпынялъ» и, нечего грѣха таить, занимался городскими и въ особенности придворными сплетнями.

Но императрица не замѣтила этого обмѣна злыхъ остротъ своихъ любимцевъ, потому что занята была разговоромъ съ неумолкаемымъ говоруномъ, принцемъ де-Линь. Ея вниманіе отъ перестрѣлки вельможъ отвлекалъ также разсѣянный видъ Дмитріева-Мамонова, на котораго она иногда бросала тревожный взглядъ.

— C'est une oppression de poitrine, n'est ce pas? *)—тихо спросила она.

— Oui, madame,—былъ отвѣтъ

Но это было не «стѣсненіе въ груди», а зависть къ Потемкину, который, видимо, былъ героемъ всѣхъ этихъ торжествъ.

Скоро яхта обогнула Херсонесскій мысъ, и на голубомъ фонѣ моря и неба вырѣзался гигантскій мысъ Фіолентъ. Вдали видна была исполинская маковка Чатырдага.

---

*) Это стѣсненіе въ груди, не правда ли?

— Какъ это прекрасно!—невольно воскликнулъ императоръ Іосифъ.

— Да,—подтвердила Екатерина,—я ничего величественнѣе не видала.

— Какъ, государыня?—вмѣшался въ разговоръ неугомонный Левушка,—а наша Охта? Она величественнѣе.

— Развѣ для тебя,—улыбнулась императрица.

За мысомъ Фіолентомъ показался углубленный берегъ, надъ которымъ амфитеатромъ поднимались сѣрыя базальтовыя скалы.

— Вонъ, ваше величество, остатки храма Діаны,—указалъ Потемкинъ на бѣлѣвшіеся на берегу обломки колоннъ.

— Какой Діаны?—спросила Екатерина.

— Діаны таврической, государыня, гдѣ жрицею была Ифигенія, несчастная дочь Агамемнона.

— Неужели? Какъ это интересно!

— Но, государыня,—замѣтилъ Іосифъ, — ученые не согласны въ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ: одни помѣщаютъ его на Аюдагѣ, другіе на мысѣ Айэ-Бурунъ.

— А сколько мнѣ помнится,—съ своей стороны замѣтилъ принцъ де-Линь,—французскіе ученые утверждаютъ, что храмъ Діаны или Ифигеніи находился на самомъ выдающемся въ море пунктѣ этого берега, такъ, помнится.

– Какой же это пунктъ?—спросила Екатерина Потемкина.

— Херсонесскій мысъ государыня,—отвѣчалъ тотъ,—но это не правдоподобно.

— Почему же?

— Тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ развалинъ, а здѣсь, вонъ онѣ.

— Да, да, это вѣроятнѣе.

Но такъ какъ Іосифъ II былъ начитаннѣе всей этой компаніи и серьезнѣе всѣхъ былъ знакомъ съ классиками, то онъ и рѣшилъ споръ.

— Страбонъ говоритъ,—сказалъ онъ медленно, какъ бы припоминая давно прочитанное, — что на мысѣ, называемомъ Парѳеніонъ, то есть, мысъ Дѣвы, находился храмъ, посвященный божественной Дѣвѣ, ясно, что Діанѣ, и что мысъ этотъ отстоялъ отъ города Херсонеса во ста греческихъ стадіяхъ.

— Это всего правдоподобнѣе,—подтвердилъ и Потемкинъ.

— Почему же?—спросила императрица.

— Потому, государыня, что если вѣрить Страбону, а его познаніямъ нельзя не вѣрить, и если вѣрить его ста стадіямъ, то несомнѣнно, что Херсонесскій мысъ будетъ слишкомъ близко отъ Херсонеса, далеко меньше ста стадій, а мысъ Айя-Бурунъ, ужъ даже слишкомъ далеко. А отъ мыса Фіолента какъ разъ будетъ сто стадій.

— Браво! Браво!—воскликнулъ принцъ де-Линь. — Какъ вы должны быть счастливы, ваше величество, что вамъ принадлежитъ такое славное историческое мѣсто. О! Если бъ оно было мое.

— Оно и есть ваше, принцъ,—улыбнулась Екатерина.

— Какъ, государыня? И Діана моя, и Ифигенія моя?

— Ваши, принцъ! Я вамъ жалую эти мѣста.

И императрица величественнымъ жестомъ обвела береговую полосу земли у спорнаго мѣста.

— Отнынѣ все это ваше, дорогой принцъ де-Линь.

Но тутъ послѣдовало что-то необычайное.

VII. У Ифигеніи въ Тавридѣ.

Едва Екатерина произнесла послѣднія слова, какъ принцъ де-Линь быстро всталъ съ своего мѣста, такъ же быстро подошелъ къ борту яхты, вскочилъ на край борта и бросился въ море.

На яхтѣ раздались крики испуга. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Боже мой! Что это такое?—воскликнула императрица въ волненіи.

— Принцъ де-Линь бросился въ море!

— Что съ нимъ? Съ ума сошелъ?

Но принцъ вынырнулъ изъ воды и, мужественно разсѣкая волны руками, поплылъ къ берегу *).

— Шлюпку за нимъ скорѣе! Шлюпку!—волновалась Екатерина.

---

*) И этотъ фактъ—не измышленіе автора этого разсказа. Онъ записанъ французскимъ путешественникомъ, графомъ де-Лагардомъ со словъ генерала Шаплица, друга принца де-Линя, въ книгѣ: «Voyage de Moscou à Vienne, par le comte de-Lagarde. Paris. 1824».

— Ничего, матушка, онъ и въ водѣ не тонетъ,—успокаивалъ се Нарышкинъ,—ужъ больно легокъ.

— Замолчишь ли ты, пустомеля!—разсердилась императрица.

— Что-жъ, матушка, правду говорю: легонекъ.

Шлюпку между тѣмъ спустили на воду, и она поспѣшила за отважнымъ пловцомъ.

— Другую шлюпку надо! — приказывала императрица,— онъ простудится въ мокромъ платьѣ... Александръ Васильевичъ!—обратилась она къ Храповицкому,—прикажи сейчасъ же достать изъ моего гардероба сухое бѣлье, ватный мой капотъ, туфли и весь мой костюмъ, все равно: самъ напросился на маскарадъ.

— Сейчасъ, ваше величество! — заметался Храповицкій, утирая, по обыкновенію, потное лицо.

— И тутъ потѣешь?

— По неволѣ вспотѣешь, ваше величество.

Туалетъ скоро былъ принесенъ. Во вторую, спущенную на воду шлюпку сѣли Храповицкій и Нарышкинъ и поплыли къ берегу.

Между тѣмъ принцъ де-Линь благополучно достигъ берега и, взобравшись на обломокъ колонны, закричалъ:

— Я вступаю во владѣніе пожалованными мнѣ россійскою императрицею землями. Ура! Да здравствуетъ ваше величество!

— Ура! Виватъ!—загремѣло на яхтѣ.

Случай этотъ необыкновенно всѣхъ оживилъ. Толкамъ и остроумнымъ замѣчаніямъ не было конца. Всѣ посылали разныя пожеланія отважному пловцу.

— Сегодня же заготовь указъ въ сенатъ о пожалованіи земель принцу де-Линю,—серьезно сказала императрица графу Безбородкѣ.

— Будетъ исполнено, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ.

Между тѣмъ и обѣ шлюпки достигли берега. Нарышкинъ обратился къ принцу съ такою рѣчью:

— Всемилостивѣйшая наша государыня въ матернемъ попеченіи о вашемъ здравіи, принцъ, и въ похвалу отмѣннаго мужества вашего, жалуетъ васъ особою милостью, знаки коей—капотъ, чепчикъ, сорочку, кальсоны, чулки, подвязки и туфли—при

семъ препровождая, повелѣваетъ: возложить ихъ на себя и носить по установленію.

Принцъ де-Линь торжественно сталъ на одно колѣно и съ знакомъ величайшаго благоговѣнія принялъ пожалованный ему женскій костюмъ.

— А гдѣ же я переодѣнусь?—спросилъ онъ.—Вѣдь здѣсь, на виду, нельзя.

— Думаю, что нельзя,—отвѣчалъ Нарышкинъ,—тѣмъ болѣе, что вы теперь дама.

— А вонъ наверху хижина, не то шалашъ,—указалъ Храповицкій на знакомый уже намъ шалашъ стараго садовника.

— Отлично!—одобрилъ принцъ.

Взявъ съ собою двухъ матросовъ, принцъ де-Линь, Нарышкинъ и Храповицкій стали взбираться на скалистый берегъ, къ саду и шалашу садовника. Подъемъ былъ очень крутъ, но они все-таки достигли цѣли.

Съ яхты доносился оживленный говоръ. Чайки продолжали свою вѣчную пѣсню, кружась въ воздухѣ и садясь на острые карнизы скалъ и мыса Фіолента.

Но среди крика чаекъ и гармоническаго шума прибоя морскихъ валовъ у берега слышался чей-то человѣческій плачъ. По мѣрѣ приближенія къ шалашу плачъ этотъ становился явственнѣе: теперь уже можно было ясно слышать, что это былъ женскій плачъ и что плакали въ шалашѣ.

Въ это время навстрѣчу высокимъ гостямъ вышелъ знакомый намъ старикъ садовникъ. Увидавъ господъ, онъ низко поклонился.

— Здравствуй, дѣдушка! — привѣтствовалъ его Нарышкинъ.—Ты здѣшній будешь?

— Тутошный, кормилецъ баринъ.

— А кто это плачетъ въ шалашѣ?

— Внучка моя, Дунюшка, милостивецъ.

— Объ чемъ же это она?

— Объ женихѣ, кормилецъ, жениха сйнова сичасъ въ желѣза заковали.

— За что, старина?

— Ни про-што, родимый, въ некрута взяли.

Узнавъ въ чемъ дѣло, принцъ де-Линь заволновался.

— Какое варварство! Quelle cruauté! Я буду просить импе-

ратрицу, чтобъ его освободили, да я, наконецъ, самъ могу освободить его: онъ мой подданный! Мнѣ лично пожалована эта земля и все что на ней и въ ней—я государь этихъ мѣстъ!

Храповицкій сказалъ старику, чтобъ вызвалъ изъ шалаша свою внучку, потому что «этому барину нужно переодѣться».

— Это великій вельможа,—пояснилъ онъ,—онъ почетный гость нашей всемилостивѣйшей государыни.

Старикъ окликнулъ внучку, которая, услыхавъ вблизи незнакомые голоса, перестала плакать.

— Подь сюда, Дуня, — сказалъ онъ, заглядывая въ шалашъ,—сюда пришли большіе, добрые господа.

Дѣвушка показалась въ дверяхъ своего бѣднаго помѣщенія. Прекрасные глаза ея были заплаканы, но выраженіе горя сдѣлало ея симпатичное личико еще прелестнѣе.

— Quelle beauté Quel charme distingué! *)—невольно вырвалось восклицаніе у принца де-Линь.

— Да, это сама Діана,—то же по-французски сказалъ Нарышкинъ,—а это ея храмъ (онъ указалъ на шалашъ).—Какая жестокость боговъ! Какъ тебя зовутъ, душенька?—спросилъ онъ.

— Авдотьей,—тихо отвѣчала дѣвушка.

— Такъ твоего жениха взяли въ рекруты?

— Взяли...—И дѣвушка закрыла лицо руками.

Принцъ де-Линь закипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и жалостью къ бѣдной дѣвочкѣ.

— Я не потерплю этого! Я возвращу ей жениха!

Онъ забылъ, что былъ очень комиченъ въ мокромъ платьѣ, съ котораго еще текла вода. Искусно завитые волосы его теперь падали на спину и на плечи мокрыми прядями. Дорогія манжеты превратились въ тряпки.

— Вамъ поскорѣй надо переодѣться, принцъ, а то вы простудитесь,—напомнилъ ему Храповицкій.

— Ахъ, да, да! Я сейчасъ.

Онъ вошелъ въ шалашъ, а матросъ принесъ ему туда костюмъ для переодѣванія.

Нарышкинъ и Храповицкій утѣшали дѣвушку.

— Не плачь, душенька, тебѣ сегодня же воротятъ жениха.

---

*) Какая прелесть. Какая утонченная красота.

Старикъ повалился въ ноги господамъ. Дѣвушка также кланялась въ землю.

— Встаньте, встаньте! Государыня милостива, она все сдѣлаетъ.

VIII. Счастливый конецъ.

Обѣ шлюпки черезъ нѣсколько минутъ отчалили отъ берега и поплыли къ императорской яхтѣ.

Въ одной шлюпкѣ сидѣли: принцъ де-Линь въ капотѣ императрицы, въ чепчикѣ и въ туфляхъ; онъ былъ очень комиченъ; рядомъ съ нимъ сидѣла Дуня—ни жива, ни мертва; тутъ же находились Нарышкинъ и Храповицкій. Въ другой шлюпкѣ помѣщался старикъ-дѣдъ съ матросами.

Скоро шлюпки пристали къ яхтѣ, и пловцы вступили на ея палубу. Впереди шелъ принцъ де-Линь въ ночномъ чепцѣ и капотѣ императрицы, ведя съ собою рядомъ Дуню. Нарышкинъ велъ съ собою старика дѣда, а Храповицкій замыкалъ шествіе. Всѣ глядѣли на нихъ съ удивленіемъ.

Подойдя къ возвышенію, на которомъ сидѣла Екатерина, принцъ де-Линь опустился на одно колѣно.

— Вассалъ вашего императорскаго величества, владѣлецъ храма Діаны и окрестныхъ съ нимъ земель имѣетъ честь принести присягу своему могущественному сюзерену,—торжественно произнесъ онъ.

— Радостно принимаю присягу моего вассала,—съ напускной торжественностью произнесла императрица. — А кто сія дѣвица?

— Это жрица богини Діаны, Ифигенія, злополучная дочь царя Агамемнона.

— Чего она отъ меня желаетъ?

— Она умоляетъ о дарованіи свободы своему брату Оресту.

— А кто его лишилъ свободы? Какія немезиды?

— Твои чиновники, всемилостивѣйшая государыня: они забили его въ колодку и повезли въ Севастополь сдавать въ рекруты.

Императрица разсмѣялась.

— Орестъ, сынъ царя Агамемнона, въ рекрутскомъ присутствіи! Это очень забавно... Я дарую ему свободу.

— Да здравствуетъ мудрая Екатерина! — воскликнулъ принцъ.

— Да здравствуетъ милостивая Семирамида Сѣвера и Юга!—въ свою очередь воскликнулъ Нарышкинъ, и оба поцѣловали руку императрицы.

— Въ чемъ же дѣло?—обратилась послѣдняя, по-русски уже, къ Нарышкину, съ участіемъ глядя на молодую дѣвушку.— У вашей Ифигеніи очень симпатичное личико.

Нарышкинъ разсказалъ. Услыхавъ, что рѣчь идетъ о внучкѣ и ея женихѣ, старый дѣдъ упалъ на колѣни и распростерся земно какъ передъ иконой. Дѣвушка заплакала и также упала на колѣни, не говоря ни слова.

— При ней его заковали въ цѣпи,—пояснилъ Нарышкинъ,— Орестъ, сынъ царя царей, у тебя, матушка, въ колодкѣ! Что сказалъ бы Омиръ!

— Я этого не допущу,—сказала императрица.—Князь Григорій Александровичъ,—обратилась она къ Потемкину,—прикажи немедленно возвратить жениха этой дѣвушкѣ.

— Будетъ исполнено, государыня,—поклонился Потемкинъ.

Императрица встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ къ тому мѣсту, гдѣ въ застывшей позѣ стояла на колѣняхъ Дуня, закрывъ лицо руками, а старикъ продолжалъ лежать, не поднимая сѣдой головы отъ палубы. Встали и всѣ высокіе гости и царедворцы.

Екатерина, объяснивъ по-французски императору Іосифу и иностраннымъ министрамъ смыслъ того, что передъ ними происходило, сказала, обращаясь къ Дунѣ и ея дѣду.

— Встаньте!

Нарышкинъ и Храповицкій поспѣшили ихъ приподнять.

— Въ память моего здѣсь пребыванія,—продолжала Екатерина,—я дарую свободу твоему жениху: тебѣ, добрая дѣвушка, я возвращаю будущаго мужа, а твоему дѣду честнаго работника.

Вечеромъ, когда солнце опустилось въ море, и только послѣдніе лучи его еще не сгасли на голой макушкѣ Чатырдага, на вершинѣ мыса Фіолента виднѣлись двѣ человѣческія фигуры, высокая фигура старика съ сѣдыми волосами и стройная фигура дѣвушки.

Не тѣни ли это Агамемнона и Инфигеніи, пришедшихъ искать своего несчастнаго сына и брата, Ореста?

А это не его ли тѣнь приближается отъ развалинъ Херсонеса.

— Онъ идетъ! Онъ идетъ!—послышался голосъ Дуни, и она бросилась навстрѣчу двигавшейся отъ развалинъ Херсонеса тѣни.

Но то не былъ Орестъ.

СИЛА ВѢРЫ.

1667—1709.

I. Два путника.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1667 года, къ Густынскому монастырю, что на Удаѣ, подъ Прилуками, манджосовско-борщенскимъ шляхомъ пробирались два путника съ котомками за плечами.

Это были молодые люди, по одеждѣ напоминавшіе монастырскихъ послушниковъ. Черные длиннополые кафтаны, напоминавшіе подрясники, подпоясаны были широкими шелковыми поясами, у одного краснымъ, а у другого синимъ. За поясомъ у перваго торчала ручка пистолета, и сбоку болталась сабля довольно внушительныхъ размѣровъ. На головахъ у путниковъ— у перваго сивая барашковая шапка, у другого соломенный «бриль», украинская широкополая шляпа.

Поднявшись въ гору, ближе къ Борщнѣ, путники остановились, чтобы передохнуть въ тѣни старой, развѣсистой вербы, росшей у дороги.

Видъ на долину Удая съ этого мѣста былъ великолѣпный. Сѣверную даль замыкали темные лѣса Замостья, тянувшіеся до самаго Заѣзда, богатыхъ маетностей прилуцкаго полковника Горленка. Вся низина, орошаемая вьющимся, какъ сѣрая змѣя, Удаемъ, пышно блистала на солнцѣ то яркою зеленью поем-

ныхъ луговъ, то группами роскошныхъ вербъ, то стройными рядами пирамидальныхъ тополей. Внизу, подъ горою, отступя къ лугамъ, высились къ небу стройныя колокольни и башни монастыря, обнесеннаго бѣлою каменною оградою съ прорѣзями бойницъ, отражавшихся въ зеркалѣ водъ тихаго Удая. По лугамъ разбросанными группами паслись монастырскія стада.

— Какая благодать это мѣсто, тихое пристанище!—сказалъ одинъ изъ путниковъ, черноволосый юноша съ большими сѣрыми глазами, задумчивыми и кроткими, какъ у дѣвушки.— Вотъ бы гдѣ постричься!

— Эхъ, Данило, Данило! Стыдись это говорить!—возразилъ другой путникъ, плечистый бѣлокурый молодой человѣкъ, вооруженный пистолетомъ и саблею.—Ты не Юраско Хмельниченко. Да и тотъ, сказываютъ, бѣжалъ съ Малборгу и чернечій клобукъ подъ лавку бросилъ.

— Говорятъ, бѣжалъ. Ахъ, я не забуду никогда, какъ онъ въ санѣ архимандрита, служилъ однажды всенощную въ Софійскомъ соборѣ. Это было, почитай, наканунѣ того дня, какъ его и митрополита Іосифа Тукальскаго ляхи въ Малборгъ заточили. Я былъ тогда еще хлопчикомъ по двѣнадцатому году. Помню и никогда не забуду этой всенощной. У Юрія, говорятъ, когда онъ гетмановалъ послѣ отца, была невѣста. А когда Юраско и Тетеря были разбиты Ромодановскимъ и Сомкомъ Якимомъ да Васютою Залотаренкомъ подъ Переясловомъ, то по Украинѣ прошла чутка, что Юраско палъ въ битвѣ. Чутка сія дошла и до его невѣсты. Почитая его давно въ неживыхъ, она часто служила панихиды по душѣ на брани убіеннаго Юрія. И вотъ единожды прилучилось ей быть въ Кіевѣ съ своею матерью. Утромъ она отправила панихиду по убіенномъ Юріи, а вечеромъ пришла въ Софійскій соборъ къ всенощной. На этотъ самый разъ и служилъ всенощную архимандритъ Юрій-Гедеонъ. Слышитъ оная дѣвица знакомый голосъ, а лица не видитъ, изъ алтаря голосъ слышится. И вдругъ онъ выходитъ изъ алтаря съ кадиломъ... «Слава святѣй, единосущнѣй»... Она смотритъ, узнаетъ его и, аки подрѣзанный косою колосъ, падаетъ безъ чувствъ. Своими очами я видѣлъ, какъ выносили изъ храма бѣдную отроковицу.

— Какъ же она не знала, что Хмельниченко живъ остался и въ черицы постригся?—спросилъ бѣлокурый товарищъ говорившаго.

— Не мудрено, многіе ли знали это? Да и нынѣ, правда ли то, что онъ бѣжалъ изъ Малбора, или то слухъ токмо, молва народная?

— И то правда. Вонъ и нынѣ прошли вѣсти съ Запорожья, якобы тамошняя голота, козаки пропоицы утопили стольника Лодыжинскаго, посла его царскаго величества.

— Слышалъ и я это,—сказалъ черноволосый путникъ.— Горе нашей бѣдной матери Украинѣ, ежели и его царское величество на насъ прогнѣвается. Вонъ съ того боку Днѣпра шарпаютъ ее татары съ Галгою-солтаномъ да съ богоотступникомъ Дорошенкомъ, да и по сей сторонѣ одна бѣда. Какъ же тутъ оставаться на мірѣ при такой шатости людской? Единое спасеніе стѣны монастырскія, къ примѣру, вотъ хотя сіи.

И юноша указалъ на стѣны и башни Густынскаго монастыря.

— Не дѣло ты говоришь, братъ Данило,—возразилъ товарищъ,—теперь-то и нужны нашей матери Украйнѣ наши руки и головы, а съ помощью его царскаго величества она и вороговъ всѣхъ своихъ подъ пяты потопчетъ.

Черноволосый не отвѣчалъ. Они оба помолчали, прислушиваясь, какъ кто-то подъ горою пѣлъ:

Ишли ляхи на три шляхи,
А козаки на четыре...

— А! Да и въ горлѣ же пересохло,—сказалъ первый путникъ.

— Да вотъ недалече Боршна, тамъ попросимъ добрыхъ людей,—отвѣчалъ второй путникъ.

— Молочка бы холодненькаго, ахъ! Отъ утробы матернія возлюбихъ азъ млеко, только не такъ, какъ ты, братъ Данило,— улыбнулся первый,—ты думаешь токмо словесное млеко, а я, братъ, возлюбихъ млеко отъ кравъ доенное.

— Такъ пойдемъ дальше.

— Потецемъ, брате Даниіле!

Они встали, закинули котомки за плечи и пошли по направленію къ Боршнѣ, по временамъ поглядывая на красовавшуюся влѣво, въ низинѣ Удая, уединенную Густынь.

Приближаясь къ Боршнѣ, молодые путники уже издали замѣтили обгорѣлые и разрушенные дома и хатки.

— Вѣрно пожежа была тутъ, — сказалъ первый путникъ, указывая на слѣды пожара.—Вонъ сколько хатъ выгорѣло.

— Да, это орда попустошила,—замѣтилъ его товарищъ.

— Какая орда?

— Крымская, что прошлою осенью съ проклятымъ Дорошенкомъ приходила.

Онъ остановился и оглянулся назадъ.

— Да вонъ и Манджосовка пошарпана ими, и Дѣдовцы,—сказалъ онъ.

— Н-ну! Да и чешутся же у меня руки на эту крымскую саранчу!—энергически проговорилъ первый.

Они вошли въ село. Кругомъ, дѣйствительно, видны были слѣды разрушенія и пожара. Многіе дома такъ и оставались полуобгорѣлые. Другіе кое-какъ пообстроились за зиму да за весну. Печальное то было время для Украйны, когда враждовавшіе изъ-за первенства гетманы Дорошенко и Брюховецкій раздирали бѣдную страну на части.

— Да тутъ, братъ, и воды, чаю, не добьешься, не то, что молока,—сказалъ первый путникъ, качая головой.

— Пожалуй, что такъ: придется, значитъ, до монастыря потерпѣть.

Увидѣвъ, однако, одну обстроенную и чисто выбѣленную хатку, путники подошли къ окну и постучались.

— Благословеніе дому сему и живущимъ въ немъ!—проговорилъ первый путникъ.

— Кто тамъ?—послышался изъ избы слабый старческій голосъ.

— Богомольцы изъ Кіева, — отвѣчалъ все тотъ же путникъ,—пустите до хаты.

— Коли добрые люди, входите,—былъ отвѣтъ изъ избы.

Путники вошли въ незапертую калитку, а потомъ, черезъ крылечко, въ хатку. Хатка была просторная, чистая. Въ переднемъ углу висѣлъ старинный образъ Богородицы, писанный на доскѣ и украшенный шитымъ полотенцемъ. Передъ образомъ вмѣсто лампадки висѣлъ бумажный голубокъ.

Путники помолились на образокъ.

— Съ святымъ днемъ, съ субботою,—проговорили путники.

— Спасибо на добромъ словѣ, и васъ со святою субботою,—отвѣчалъ тотъ же старческій голосъ.

Путники осмотрѣлись. У задней стѣны, на досчатомъ примостѣ, покрытомъ кошмою, лежала ветхая, сѣдая старушка.

— Здоровеньки были, бабусю сердце!—привѣтствовалъ ее первый путникъ.

— Спасибо! Пошли вамъ Богъ здоровьячко,—слабо проговорила старушка.

— Недужаете, бабусю сердце?

— Недужаю, дѣтки. Садитесь, гости будете.

Путники усѣлись на лавку около стола, застланнаго скатертью.

— Такъ изъ Кіева, говорите, дѣтки?—освѣдомилась старушка.

— Изъ Кіева, сердце бабусю.

— А куда Богъ несетъ, дѣтки?

— Въ Густынь, сердце бабусю, Богу молиться.

— Доброе дѣло, дѣтки.

— Только сильно притомились мы, сердце бабусю,—началъ первый путникъ, крякнувъ въ кулакъ.—Съ утра ничего во рту не было, да и въ горлѣ отъ жары пересохло: кажется, если бы молочка глечичекъ найти у доброй людины, то такъ бы у печерскихъ угодниковъ на колѣняхъ той доброй людинѣ здоровья на сто лѣтъ вымолили.

— Ахъ, дѣтки мои, соколята! — жалобно сказала старушка.—Если бы Богъ не обезножилъ меня, я бы сама слазила въ погребицу и принесла бы вамъ глечичокъ молочка; да вотъ горе, всѣ мои дѣтки въ полѣ съ утра, а я вотъ тутъ мертвою колодою лежу.

— Да мы, бабусю сердце, и сами слазимъ хоть въ пекло за молокомъ, только дай намъ наказъ да скажи, гдѣ у васъ та погребица.

— А въ сѣнцахъ, дѣтки, въ подпольѣ: туда лѣсенка ведетъ.

Бѣлокурый путникъ не заставилъ себя долго просить. Онъ всталъ и поспѣшно вышелъ въ сѣни. Остались въ хатѣ только старуха и второй путникъ, черноволосый.

— Что это, бабусю, ваше село такъ попалено?—спросилъ послѣдній.

— Богъ наказалъ насъ, орду прошлою осенью напустилъ на нашъ край. А до Кіева поганые не доходили, сынку?

— Богъ миловалъ, бабусю.

Въ это время вошелъ въ хату первый путникъ, торжественно неся въ рукахъ глечикъ съ молокомъ.

— Вотъ оно, бабусенько сердце! — развязно проговорилъ онъ.—А гдѣ у васъ тутъ ложки да миса?

— А вонъ тамъ, сынку, у куточку на полочкѣ.

Тотъ проворно метнулся у куточокъ, нашелъ миску и ложки и радостно объявилъ:

— Да тутъ, бабусю ягодко, и хлѣбецъ святой есть.

— Да есть же и хлѣбецъ святой, сынашу: не все орда побрала.

И расторопный гость началъ распоряжаться, какъ дома. Все поставилъ на столъ, накропилъ хлѣба, налилъ полную миску молока, перекрестился и усѣлся за столъ.

— Ну, отче Даниле прошу до столу.

Тотъ тоже перекрестился, поклонился старушкѣ и сѣлъ.

— На здоровьячко, дѣтки, — сказала старушка, любуясь, какъ молодцы уплетали хлѣбъ и огромными деревянными ложками хлебали молоко.

— Ай да млеко! Такого молока и самъ панъ гетманъ, поди, не ѣдалъ. Ну, ужъ и млеко! Такого, братъ, словеснаго млека ни въ какомъ писанiи не найдешь. Куда наше кiевское молоко, вода водой! А это ужъ и млеко же!

II. Талисманъ.

Наконецъ, молоко было порѣшено дочиста, путники встали изъ-за стола, помолились и поблагодарили добрую хозяйку.

— А теперь, бабусю рыбко, разскажите намъ, что у васъ съ ногами попритчилось?—обратился первый путникъ къ хозяйкѣ.

— Да какъ сказать тебѣ, сынку, должно полагать, это мнѣ наврочено,—отвѣчала старушка.—Мочила я это ленъ въ рѣчкѣ, холодный-таки былъ день, а на ту бѣду, смотрю, идетъ цыганъ, да и говоритъ: вотъ какая, говоритъ, старая бабуся, а ленъ мочитъ. Съ того его слова и начало ломить мнѣ ноги, не встану тобѣ! Такъ, видно, и въ домовину положутъ безногую.

— Такъ, такъ, бабусю ясочко, это точно, что цыганъ наурочилъ,—сказалъ первый путникъ, глубокомысленно качая го-

ловой.—А у меня противъ такихъ уроковъ слово есть. Я вамъ, бабцю голубко, помогу съ божіей ласки.

— Коли съ божіей, то помоги, сыночку, — обрадовалась старушка.

— Отъ печорскихъ угодниковъ то слово, бабцю ягодко, и по молитвѣ угодниковъ оно отъ всего помогаетъ. За ваше добро, бабцю, я вамъ добромъ и отслужу.

Второй путникъ глядѣлъ на него въ недоумѣніи, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вотъ что, братъ Данило,—обратился къ нему его разбитной товарищъ,—ты человѣкъ книжный, письменный, усердно преподобному Нестору книжному, сирѣчь лѣтописцу, молился въ пещерахъ, когда мы въ путь собирались, и самъ ты до письма охочъ. Вѣрно я говорю?

Тотъ смотрѣлъ на него и все-таки ничего не понималъ.

— Есть у тебя въ котомкѣ атраментъ, сирѣчь чернило?—продолжалъ первый.

— Есть, а что?

— А трость писательская, сирѣчь перо, есть?

— Есть и перо; да на что тебѣ?

— И папирцу кусочекъ есть?—не обращая вниманія на удивленіе товарища, допрашивалъ первый, стоя среди избы.—Есть бумага?

— И бумага есть,—былъ отвѣтъ..

— Такъ развязывай котомку и подавай мнѣ и атраментъ, и перо, и папиръ.

Товарищъ молча повиновался. Первый путникъ, серьезно перекрестился передъ образомъ, сѣлъ за столъ, взялъ небольшой кусокъ бумаги и сталъ что-то писать на немъ. Кончивъ писаніе, онъ подалъ листокъ товарищу.

— Святая, великая истина!—сказалъ этотъ послѣдній, прочитавъ написанное.

— Аще скажу горѣ — двигнися, помнишь? — спросилъ первый.

— Помню; только не нашимъ устамъ изрекать слово сіе,—отвѣчалъ вопрошаемый.

— На то есть уста младенцевъ,—загадочно проговорилъ первый.

Потомъ, тщательно свернувъ бумажку, такъ что она величи-

ною стала не болѣе квадратнаго полувершка, онъ спросилъ старушку.

— А нѣтъ-ли, бабцю рыбко, у васъ небольшого мякенькаго шкуратка?

— Должно быть, есть: вонъ поищи въ той скринькѣ, что подъ лавкой,—отвѣчала старушка.—Мой Оверко недавно шилъ черевички для моей внучки Приси, то тамъ, можетъ, и найдутся обрѣзки.

Разбитной путникъ полѣзъ подъ лавку, вынулъ оттуда небольшой деревянный сундучокъ и поднялъ крышку.

— А! Да тутъ и шкураточки есть, и шило, и дратва,—воскликнулъ онъ.—Omnia mecum!

Онъ взялъ небольшой кусокъ юхты, тщательно обрѣзалъ его сапожнымъ ножомъ и при помощи шила и дратвы сшилъ мѣшочекъ величиною въ размѣрѣ свернутой имъ бумажки съ таинственнымъ писаніемъ. Вложивъ въ этотъ мѣшочекъ бумажку, онъ зашилъ и послѣднее отверстіе. Затѣмъ, подойдя къ образу, онъ перекрестился и положилъ мѣшочекъ на полочку, поддерживавшую образъ. Старушка, глядя на все это, тоже набожно крестилась.

— А есть на тебѣ, бабцю, крестъ?—спросилъ загадочный гость.

— Какъ же, дитятко безъ креста-то жить? Я не басурманка,—отвѣчала старушка.

— Такъ дайте его, голубко, мнѣ: я и его положу къ образу Богородицы, нехай святится.

Старушка повиновалась. Крестъ былъ поданъ гостю и положенъ къ образу.

— Теперь посидимъ немного, пусть оно святится

Посидѣли, помолчали.

— А какъ же, бабусю, когда приходили сюда татары и погромили васъ, какъ же монастырь-то, развѣ они его не добыли?—спросилъ второй путникъ-скромникъ, какъ въ умѣ прозвала его старушка.

— Нѣтъ, дитятко, добывать-то они его добывали, да Богородица помиловала,—отвѣчала она.

— Не взяли, значитъ, силой?

— Не взяли, дитятко; да говорили наши, что и Дорошенко, что съ татарами приходилъ, не велѣлъ трогать святой обители.

— А вы какъ же спаслись, бабцю?—спросилъ первый путникъ.

— Мы всѣ, сынку, по камышамъ попрятались; а которыхъ нашли поганцы, всѣхъ въ полонъ погнали.

Еще помолчали. Въ оконца хатки заглядывало солнце, которое уже начало спускаться къ закату, и жаръ, повидимому, началъ спадать.

— Ну, теперь оно освятилось,—сказалъ первый путникъ, вставъ и подходя къ образу.

Онъ взялъ оттуда старушкинъ крестъ и мѣшочекъ съ писаніемъ, перекрестился и поцѣловалъ то и другое. Затѣмъ онъ прикрѣпилъ дратвою мѣшочекъ къ гайтану, на которомъ висѣлъ крестъ.

— Ну, теперь, бабцю голубко, крестись,—сказалъ онъ.

Старушка съ глубокою набожностью перекрестилась. Гость-цѣлитель подалъ ей крестъ.

— Надѣнь же теперь это на шею и носи съ мольбою,—сказалъ онъ.—Да только помни, бабцю, никогда не мочи водой святой ладонки. Слышишь?

— Слышу, сынку. Помогай тебѣ, Боже, во всемъ добромъ!—съ чувствомъ сказала старушка.

— Ну, а теперь намъ пора въ путь. Спасибо за хлѣбъ, за соль, за ласку. Счастливо оставаться!

— Счасти и вамъ, Боже, дѣтки!—со слезами сказала старушка.—Будете возвращаться изъ монастыря, не минайте нашего двора.

— Спасибо, бабусю, не пройдемъ мимо.

И таинственные путники вышли изъ хаты.

III. «И приступль къ нему искуситель»...

Прошло нѣсколько недѣль.

Тихій, теплый августовскій вечеръ. Потухающая заря золотитъ кресты Густынскаго монастыря и таинственнымъ полусвѣтомъ отражается на развѣсистыхъ вербахъ, подъ которыми красиво бѣлѣютъ хатки знакомаго уже намъ села Боршны, живописно расположившагося на крутомъ полугорьѣ, подъ которымъ

змѣйкою извивается Удай въ своихъ зеленыхъ, поросшихъ камышами и осокою берегахъ.

Отъ монастыря къ Борщнѣ поднимаются знакомые намъ путники. Какъ бы привѣтствуя ихъ возвращеніе изъ тихой обители въ полный соблазна и земныхъ радостей міръ, навстрѣчу имъ неслась прелестная мелодія украинской пѣсни, великолѣпно исполняемой стройнымъ хоромъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Хоръ пѣлъ:

Ой, не шуми, луже, дибровою дуже,
Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужимъ краю.

— Слышишь, въ Борщнѣ «улица»,—сказалъ первый, бѣлокурый путникъ, сверкнувъ живыми голубыми глазами.

— Да, забыли, вѣрно, погромъ,—задумчиво отвѣчалъ другой путникъ, тотъ, котораго старушка прозвала «скромникомъ».

— Да на что его помнить? Сказано, не пецытеся объ утріи, а то что еще прошлое вспоминать да впередъ загадывать!—возразилъ первый.—Ихъ дѣло молодое.

Они вошли въ самое село и шли знакомою уже улицею, которая выходила на выгонъ. Съ этого мѣста и пѣсня неслась. Видны были группы молодежи, парни и дѣвушки.

— Вонъ и знакомая хата,—замѣтилъ «скромникъ».

— Ба-ба! Да и наша бабуся на призбѣ сидитъ!—обрадовался его веселый товарищъ. Вотъ такъ чудо! Выздоровѣла бабусенька. Ай да мы!

И старушка ихъ узнала. Она быстро, точно молодуха, вскочила съ заваленки и торопливо пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Добрый вечеръ, дѣточки!—заговорила она радостно.— Вотъ привелъ же Господь опять васъ увидать, а я уже и не чаяла, думала сама итти въ монастырь искать васъ. А вотъ Богородица сама васъ привела, дѣтки мои, голубчики сизые! Видите, я опять на ногахъ: отъ святыхъ мощей какъ рукой сняло, и я, стара, подскакую.

Потомъ, какъ бы испугавшись порыва радости, она бережно достала изъ-за пазухи крестъ съ мѣшочкомъ и набожно поцѣловала и то, и другое.

— Идите же къ намъ, дѣточки!—продолжала она скороговоркою.—Вонъ и старый мой, дѣдусь сивенькій, и молодицы, и

внучечка моя Прися. Милости просимъ до господы, дорогіе гости.

Они пошли рядомъ со старушкой. Навстрѣчу имъ шелъ высокій старикъ съ огромными сѣдыми усами, двумя жгутами спадавшими до самой груди, и съ такимъ же сивымъ чубомъ, закинутымъ за ухо.

— Это жъ мои спасители, человѣче!—торопливо говорила живая старушка.—Только жъ не знаю, какъ васъ звать-величать: скажите жъ, будь ваша ласка, кто вы и батьки ваши?

— Да, да, скажите, будь ваша ласка,—говорилъ и старикъ, ласково глядя на молодыхъ людей,—кого намъ благодарить?

— Такъ, такъ, человѣче! Проси, проси ихъ: за кого мы должны Богу молиться, въ церкви за здравіе часточку вынимать,—щебетала старушка.

— Меня, бабусю, дразнятъ Грицькомъ, а по-уличному Шарпай,—смѣясь, отвѣчалъ веселый путникъ.

— Такъ Гриць, Григорій, а по батюшкѣ какъ?—допытывалась старушка.

— А батька моего звали Семеномъ Шарпаемъ.

— Такъ Григорій Семеновичъ,—сказалъ старикъ,—такъ и будемъ величать.

— А этого нюню зовутъ Данилкою Савченкомъ, а по-уличному дразнятъ Тупутупу,—также со смѣхомъ сказалъ веселый путникъ, указывая на своего товарища,—настоящая красная дѣвушка, скромница панночка, а по-моему, просто нюня!

«Нюня» тоже разсмѣялся.

— Ну, идите же, дѣтки, въ хату, милости просимъ!—не умолкала старушка.—А я вамъ сейчасъ яешеньку приготовлю. Присю, сердце! Бѣги сюда!—крикнула она свою внучку.

На зовъ ея приблизилась молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, вся головка которой убрана была яркими цвѣтами, а въ черной косѣ вплетены были яркія ленты. Это была загорѣлая смуглянка съ прекрасными черными глазами и немножко вздернутымъ носикомъ. Отъ нея, казалось, пылало здоровьемъ и молодою свѣжестью.

Приблизившись къ гостямъ, она низко поклонилась. Молодой повѣса Грицько весело сверкнулъ своими плутовскими глазами, увидавъ такую красавицу. «Нюня» же стыдливо потупился.

— Бѣги, доню, скорѣй, возьми въ коморѣ яичекъ да маслица, да живой рукой!—сказала старушка хорошенькой внучкѣ.—А

вы, молодички, заразъ же состряпайте яечницу, да чтобъ добрая была, хорошая!—обратилась она къ своимъ невѣсткамъ.

Всѣ поторопились исполнить ея приказанie, а Прися даже съ прискокомъ побѣжала въ комору, такъ что даже мониста и дукачи на шеѣ зазвенѣли.

— А теперь жалуйте въ хату, гости дорогie, отдохните съ дорожки,—суетилась старушка.—А тѣмъ часомъ яечница будетъ готова.

Всѣ пошли въ хату. Величавый старикъ съ богатырскими усами, до того времени молчавшiй, спросилъ:

— Куда жъ вы теперь путь держите, Григорiй Семеновичъ, и вы, Данило Савичъ?

— Теперь мы идемъ въ Кiевъ, человѣче добрый,—отвѣчалъ Григорiй Семеновичъ.

— Въ Кiевъ, далеконько-таки. А можно узнать, за какимъ дѣломъ?

— Учиться, дѣдушка, въ коллегiю.

— Учиться? Доброе дѣло. А чему васъ тамъ учатъ?

— Многому, дѣдушка: въ «фарѣ» мы учились письму и языкамъ, въ «инфимѣ» обучались синтаксимѣ, катихизису, риторикѣ, всего не перечтешь.

— Такъ, такъ! Святому письму, значитъ, чтобъ попами быть?

— Кому какъ, дѣдушка: не возбраняется и въ Запорожье тягу дать.

— Въ Запорожье! Вотъ это люблю!—обрадовался старикъ.—У меня и посейчасъ тамъ два сына сокола, у, какie козарлюги!

Старушка, накрывавшая на столъ, при послѣднихъ словахъ тяжело вздохнула.

— Ахъ, сыны мои соколята, сыны мои!—какъ бы про себя проговорила она горестно.—Сколько ужъ лѣтъ не видимъ ихъ, соколиковъ.

— Орлы сыны мои!—воодушевился старикъ.—Осенью такого чосу задали татарамъ, что будутъ помнить Борщпу.

Въ это время хорошенькая Прися внесла въ избу шипящую въ маслѣ на сковородѣ яичницу и поставила на столъ.

— Ай-да дивчина!—весело сказалъ неугомонный Грицько.—Не успѣли мы и котомокъ снять, а она ужъ и съ яечницей.

— Должно быть, на улицу душа загорѣлась,—ласково замѣтила старушка.

— Загорѣлась, бабусенько,—вскинувъ глазами на гостей, потупилась дѣвушка.

— За это люблю!—засмѣялся Грицько.—А насъ, дивчино, зачѣмъ не зовешь на улицу?

Дѣвушка вспыхнула, но тотчасъ же оправилась.

— Можетъ вамъ на нашей улицѣ будетъ скучно,—сказала она, не поднимая глазъ.

— Отчего же скучно, Прися?—не отставалъ Шарпай.

— У насъ деревенская улица, а вы городянскіе,—отвѣчала дѣвушка.

— Ничего, намъ не будетъ скучно съ такими хорошими дивчинами.

Яичница скоро была уничтожена, и гости, вставъ изъ-за стола и помолившись, благодарили своихъ гостепріимныхъ и хлѣбосольныхъ хозяевъ.

— Что жь, дѣтки, пойдите на улицу, повеселитесь у насъ,—сказала старушка,—а то вамъ въ Кіевѣ, поди, и погулять не доведется.

— Какая ужъ тамъ гульня, бабусю сердце, когда за риторику засадятъ,—засмѣялся Шарпай.—А то и лоза по спинѣ погуляетъ. Идемъ, отче Даніиле.

— Иди, Грицю, одинъ, я не пойду,—отозвался молодой Тупутупу.

— Вотъ тебѣ на! Да ты что!—вскинулся на него товарищъ.—Развѣ ужъ постригся въ монахи, что ли, или такъ дурь на себя напустилъ? Идемъ!

— Да идите ужъ и вы, Данило Савичъ,—уговаривалъ его старикъ хозяинъ.

— Иди, дитятко, — совѣтовала и старушка, — зови его, Присю, вонъ онъ какой несмѣлый,—сказала она внучкѣ.

— Пойдемте со мною, Данило Савичъ,—ласково проговорила Прися.

Тупутупу поднялъ глаза и встрѣтился съ глазами дѣвушки: въ нихъ было столько дѣтской невинности и искренности, что онъ сразу почувствовалъ влеченіе къ этой милой дѣвочкѣ, точно къ родной сестренкѣ.

— Хорошо, съ вами, Прися, я иду,—сказалъ онъ.

— И давно бы пора,—проговорила старушка.

— И приступилъ къ нему искуситель во образѣ Приси, — какъ бы про себя пробормоталъ Шарпай, насмѣшливо глядя на товарища.

— Идите же, дѣтки, гуляйте,—провожала ихъ старушка.

Всѣ трое вышли изъ хаты. Впереди хорошенькая Прися.

IV. Украинская «улица».

На дворѣ было уже совсѣмъ темно, когда наша молодежь выступила на воздухъ изъ душной хаты. Звѣзды горѣли ярко, и только тѣ созвѣздія, которыя свѣтились на восточной половинѣ небеснаго свода, все болѣе и болѣе блѣднѣли по мѣрѣ того, какъ изъ-за густыхъ старыхъ вербъ ближайшей левады медленно выплывалъ золотой шаръ луны. Съ выгона неслись тѣ же гармоничныя мелодіи украинской пѣсни, которою заливалась молодая «улица». Особенно выдавался одинъ свѣжій женскій голосъ...

«А я молоденька да не нагулялась».

— Вотъ такъ голосъ! Ну и голосокъ!—съ восторгомъ замѣтилъ молодой Шарпай, идя рядомъ съ Присею.

— Это поетъ такъ хорошо Катря Яструбенкова,—замѣтила дѣвушка.

— Золотое горло!—продолжалъ хвалить молодой бурсакъ.

— Она у насъ первая, всегда передъ ведетъ,—пояснила Прися.

— Ну, такъ она и будетъ моя дивчина на нынѣшнюю «улицу»,—сказалъ Шарпай весело.

— Оно и кстати, — замѣтила Прися,—теперь у нея нѣтъ своего парубка: ея Опанасъ ушелъ недавно на Запорожье, а другихъ парубковъ она гонитъ отъ себя.

— А меня не прогонитъ?—спросилъ Шарпай лукавымъ голосомъ.

— Нѣтъ, вы хорошій парубокъ,—серьезно отвѣчала Прися.

Скоро они подошли къ гулявшей молодежи. Ихъ замѣтили.

— А! Смотрите, Прися вышла на «улицу», — раздались голоса.

— Присю! Присю! Ходи сюда скорѣй! — кричали подружки.—А мы ужъ думали, что ты сегодня совсѣмъ не выйдешь.

— А! Да она и новыхъ парубковъ привела съ собой!—Ай да тихоня!

— Кто такіе? Кто, Присю?—тихо спрашивали подружки.

— Паничи изъ Кіева, у насъ ночуютъ,—такъ же тихо отвѣчала Прися.

Шарпай сейчасъ же самъ отрекомендовался всей «улицѣ».

— Живеньки-здоровеньки, панове парубоцьтво и вы, дивчаточка! Съ «улицею!» Съ доброю гулянкою, съ веселою спѣванкою! А я—Грицъ, тотъ Грицъ, про котораго поютъ:

Ой, не ходи, Грицю, да на вечерници,
Бо на вечорницахъ дивки чаривницы!

— А я чаровницъ не боюся, а съ Катрею чернявою да повеселюся!

— Ха-ха-ха!—заволновалась «улица».—Вотъ такъ значный парубокъ!

— Ужъ и Катря ему сподобалась, слышишь, Катре?

— А это у насъ черница, красная дѣвица!—указалъ Грицъ на стоявшаго въ сторонѣ своего скромнаго товарища. — На «улицу» идетъ, «со святыми упокой поетъ».

Снова общій хохотъ. И всѣ окружили весельчака.

— А гдѣ же Катря?.. Подавайте мнѣ Катрю!—не унимался Грицъ.

— А ось я!—выступила впередъ высокая, статная дѣвушка, въ симпатичномъ голосѣ которой такъ хороши были грудныя ноты.

Грицъ, отчаянный бурсакъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ, невольно попятился назадъ.

— Да какая же она красавица! — тихо проговорилъ онъ, пораженный неожиданностью.

Дѣвушка была, дѣйствительно, хороша. Освѣщенная только что выглянувшею изъ-за темныхъ вербъ луною, она казалась и стройнѣе всѣхъ, и красивѣе. На миловидномъ, нѣсколько продолговатомъ личикѣ болѣе всего выдавались ея глаза: казалось, они были слишкомъ велики для такого личика: но въ этомъ-то и

была вся ихъ чарующая прелесть. Это были чудные дѣтскіе глаза, принадлежавшіе взрослой дѣвушкѣ.

При послѣднемъ восклицаніи кіевскаго бурсака, смѣлая дѣвушка невольно потупилась, но Грицько скоро оправился.

— Не диво, что у тебя такой голосъ,—сказалъ онъ, любуясь красавицей.—Не диво, что у тебя и парубника нѣтъ: ты настоящая чаровница, тебя и боятся. А я тебя не испугаюсь, я и кіевскихъ вѣдьмъ не боюсь.

— Ай да казакъ!—раздались одобрительные голоса.

— Казакъ, только чубъ не такъ! Эхъ! Ударить бы подковками. Хлопцы!—крикнулъ Грицько.—Есть у васъ музыка?

— Есть! Есть!—отвѣчали и парни, и дѣвушки.

— Такъ ушкварьте что-нибудь веселенькое, чтобъ и вербы заплясали!

Въ отвѣтъ на это, какъ бы по уговору, разомъ завизжала скрипка, загудѣлъ бубенъ, и запищала деревянная «сопилочка».

Не успѣла опомниться красавица Катря, какъ отчаянный бурсакъ уже вертѣлъ ее мощною рукою и выбивалъ отчаянные «выкрутасы» не знавшими устали ногами.

— Вотъ такъ парочка! Ай да Грицько! Ай да Катря.

Вслѣдъ за ними понеслись и другія пары. При лунномъ свѣтѣ это было что-то фантастическое.

— А отчего вы не танцуете?—спросила Прися своего кавалера, молодого Тупутупу.

— Я не люблю танцовать, Прися, — отвѣчалъ этотъ послѣдній.

— Такъ вамъ у насъ скучно, должно быть?

И дѣвушкѣ почему-то вдругъ такъ стало жаль молодого бурсака, что она готова была заплакать. Ей представилось, что онъ тоскуетъ, что онъ на чужбинѣ, далеко отъ родного Кіева, что онъ такой одинокій. Почему-то ей тутъ же вспомнился ея отецъ, тоже на чужбинѣ, далеко-далеко «За Порогами», и такой же одинокій. И ей такъ и захотѣлось прильнуть къ этому бѣдненькому паничу, какъ къ родному брату, и сказать ему: «Милый, милый! Не надо скучать»...

Только юность способна на такіе чистые порывы, и этотъ невинный порывъ хорошенькой дѣвочки разрѣшился тѣмъ, что она быстро вынула изъ своихъ волосъ нѣсколько васильковъ, украшавшихъ ея черную головку.

— А вотъ я вамъ волошковъ дамъ па бриль, спимите,—сказала она, протягивая руку къ шляпѣ молодого человѣка.

Тотъ повиновался и снялъ шляпу.

— Вотъ вамъ, паничу,—ласково сказала дѣвушка.

— Спасибо, милая Прися.

Утомленная танцами, остальная молодежь перестала кружиться. Музыка замолкла.

— А теперь, Катрусю, заводи, — сказалъ Грицъ, тяжело дыша и любуясь своею дѣвушкою.

— Якои-жь вамъ?—спросила Катря, поправляя цвѣты на головѣ.

— А той, что вы ужъ пѣли раньше:

«Ой, не шуми, луже, дибровою дуже».

— Эта пѣсня какъ разъ для насъ съ Данилою! «Не завдавай сердцу жалю, бо я въ чужомъ краю»!..

Дѣвушка начала низкими грудными нотами. Ее поддержали другіе голоса, и женскіе, и мужскіе. Пѣсня все росла и росла; мелодія ея, задушевная, какъ плачъ, какъ тихое отчаяніе, глубоко хватала за сердце.

Застѣнчивый бурсакъ, что стоялъ нѣсколько въ сторонѣ съ молоденькою Присею, любилъ пѣніе. Въ хорѣ кіевской коллегіи его голосъ высоко цѣнился: это былъ теноръ необыкновенно симпатичный. И молодой Тупутупу присоединилъ свой чудный голосъ къ стройному хору «улицы»: онъ запѣлъ тоже.

Содержаніе пѣсни вполнѣ соотвѣтствовало прекрасной мелодіи, выражавшей его: это была пѣсня казака на чужбинѣ.

Тупутупу пѣлъ съ такимъ воодушевленіемъ, молодой, свѣжій и сильный голосъ его такъ хваталъ за сердце, что стоявшая около него Прися не выдержала и заплакала. Молодой пѣвецъ замѣтилъ это.

— Ты о чемъ это, Прися, дивчинка?—тихо спросилъ онъ, пагибаясь къ дѣвушкѣ.

— Мнѣ тату жаль,—отвѣчала она, всхлипывая,—онъ тоже въ чужомъ краю, за Порогами... И васъ мнѣ жаль... вы тоже...

Пѣсня, между тѣмъ, оборвалась. Да и пора уже была «улицѣ» расходиться. Нѣкоторые изъ молодежи удалились раньше, по обычаю, парочками. Стали расходиться и другіе, тоже парочками: каждый парубокъ, въ силу вѣкового обычая, долженъ былъ

проводить свою «дивчину», и, непремѣнно, провести съ нею ночь, «спать» съ нею: это обязательно.

Грицъ, не простившись даже съ своимъ пріятелемъ, пошелъ провожать свою подругу-Катрю.

V. Ночь въ клунѣ.

Молодой Тупутупу остался на выгонѣ одинъ со своею спутницею. Онъ зналъ священные обычаи своей родины, онъ выросъ въ нихъ и воспитался. Онъ зналъ, что обязанъ проводить дѣвушку домой и провести съ нею ночь, какъ если бы она была подругою его жизни. Онъ долженъ былъ «спать» съ этою дѣвушкой. Нарушить обычай, освященный вѣками, онъ не могъ. Это значило бы публично оскорбить дѣвушку, опозорить, бросить ее, какъ отверженную, съ которой ни одинъ молодой человѣкъ не хочетъ знаться. Тупутупу это зналъ и не желалъ бы ни за что огорчить дѣвушку, родные которой такъ радушно приняли его и довѣрили ему свою молоденькую внучку. Онъ долженъ «спать» съ нею.

Хорошъ этотъ обычай или не хорошъ, это другой вопросъ. Но онъ всегда существовалъ на Украинѣ и существуетъ до настоящаго времени, какъ въ Испаніи—обычай «los novios»: это то, что на Украинѣ называется «жениханьемъ». Онъ или она женихаются съ такою-то или съ такимъ-то.

Во время «жениханья» они узнаютъ другъ друга—умъ, характеръ, привычки, хорошія или дурныя стороны. Потомъ, узнавши другъ друга, они и соединяются законнымъ бракомъ. Могутъ и разойтись, и это не портитъ репутаціи дѣвушки, потому что объ этомъ знаютъ и родные ея, и знакомые.

Не пойти съ дѣвушкою «спать» это все равно, что въ порядочномъ обществѣ публично пригласилъ дѣвушку на балѣ на такую-то кадриль или на мазурку и отказаться отъ нея. Это публичная обида.

Тупутупу такимъ образомъ долженъ былъ итти «спать» съ Присею.

— Пойдемъ же и мы домой,—сказала она все еще съ заплаканными глазами.

И они пошли. Молодой бурсакъ былъ очень смущенъ и молчалъ. Скоро они очутились на дворѣ знакомаго дома. Въ хатѣ

уже не было огня; значитъ, старики уже спали. Ночь была тихая, лунная и теплая, даже душная.

— Въ сѣняхъ теперь душно будетъ спать,—тихо сказала дѣвушка,—мы пойдемъ лучше въ клуню.

Тупутупу молчалъ, остановившись у крылечка, ведущаго въ хату.

— Вы подождите здѣсь,—продолжала тихо Прися,—а я пойду, принесу рядно и подушку.

Сказавъ это, она исчезла въ сѣнцахъ. Тупутупу стоялъ и ждалъ. Черезъ минуту дѣвушка появилась опять на крылечкѣ, держа въ рукахъ подушку и простыню и еще что-то.

— Я и юбку захватила,—пояснила дѣвушка,—если къ утру будетъ холодно, мы юбкою укроемся.

На Украинѣ «юбка» означаетъ совсѣмъ не то, что въ Великой Россіи: это длинное женское верхнее одѣяніе, вродѣ кафтана или пальто, непремѣнно суконное и большею частью изъ бѣлаго сукна.

— Пойдемте же,—шепнула дѣвушка и весело прибавила:—а дѣдушка такъ хропятъ, что на Запорожьѣ слышно.

Они пошли въ глубь двора, гдѣ стояла «клуня». Это былъ новый просторный овинъ, недавно, послѣ татарскаго погрома, покрытый свѣжею соломою. Въ овинъ и вошла наша юная парочка.

— Ахъ, какъ тутъ хорошо будетъ спать на свѣжемъ сѣнѣ,—весело говорила дѣвушка,—тутъ и мухъ никогда не бываетъ.

Въ клунѣ было свѣтло, потому что въ широкія ворота ея во всѣ глаза глядѣла полная луна.

Прися съ привычною ловкостью взяла нѣсколько охапокъ свѣжаго душистаго сѣна, ровно разложила его по землѣ, еще бросила охапку, чтобы было мягче, выровняла, покрыла простыней и въ изголовье положила подушку.

— А! Да и ловко же намостила! — весело сказала она, пробуя лечь на импровизированную постель.

Потомъ вскочила на ноги, бережно сняла съ головы повязку съ цвѣтами, положила ее къ сторонѣ, раза три набожно перекрестилась и легка на постель, оставивъ на подушкѣ мѣсто и для головы своего парубка.

— Ахъ, какъ ловко! — снова сказала она, весело потягиваясь.—Вотъ хорошо будетъ спать! Ну, а вы, паничу? Можетъ

ты привыкли, чтобы вамъ наймиты или наймички чоботы снимали?

И она весело разсмѣялась. Невольно разсмѣялся и юный парубокъ.

— Нѣтъ! Я сейчасъ.

Онъ снялъ свою шляпу, тоже отложилъ ее въ сторону, перекрестился, прочиталъ обычную молитву и легъ рядомъ съ дѣвушкой.

— У! Какой же вы грузный, паничу!—смѣялась она.—Я чуть не свалилась съ подушки. Ну, такъ я же буду держаться за васъ.

И она обвила его шею правою рукой и ближе придвинулась къ нему.

— Вамъ ловко?—спросила она.

— Ловко, милая,—тихо отвѣчалъ онъ и сталъ тихо гладить рукою ея черную головку.

Она казалась ему младшею сестренкою, совсѣмъ ребенокъ, хоть и ему самому было всего семнадцать лѣтъ.

— А у васъ мама есть?—спросила дѣвушка и тоже погладила его голову.—А вы добрый, у васъ мягкіе волосы. Такъ есть мама?

— Есть, милая.

— А тато?

— Батько въ Кіевѣ.

— А кто онъ?

— Сотникъ Макаровской сотни, а теперь состоитъ ктиторомъ Кирилловскаго монастыря, въ Кіевѣ.

— А! Такъ вы большіе паны, а мы просто казачьяго роду.

— Да и мы казачьяго.

— Все-же! Сотники паны. А чему васъ учатъ въ Кіевѣ?

— Многому, милая Прися.

И онъ началъ разсказывать о своемъ ученьи, о жизни въ бурсѣ. Дѣвушка еще ближе придвинулась къ нему и жадно слушала. Онъ долго говорилъ, совсѣмъ забывъ, кто его слушаетъ.

Юный Тупутупу говорилъ о своемъ прошломъ и о своихъ мечтахъ насчетъ будущаго, о прелестяхъ отреченія отъ міра, для вѣчной любви къ источнику этой божественной любви... Онъ все позабылъ, забылъ даже, гдѣ онъ, что съ нимъ...

Вдругъ онъ очнулся какъ отъ сна! Чья-то рука обвилась

вокругъ его шеи, чье-то ровное, тихое дыханіе на его плечѣ, у самаго лица: на его плечѣ сномъ невинности спала дѣвушка; теперь мѣсяцъ, пробравшись въ клуню, молочнымъ свѣтомъ обдавалъ и прелестное личико спящей дѣвушки, и ея растрепавшуюся пышную косу, и что-то шепчущія, полураскрытыя розовыя губки. Она была дивно хороша.

Будущій святитель долго глядѣлъ на это кроткое, дѣвственно-невинное личико и набожно, трижды, свободною лѣвою рукою. перекрестилъ прелестную, покоившуюся у него на плечѣ головку.

— Богъ да хранитъ тебя, чистое, непорочное дитя,—тихо прошепталъ онъ и закрылъ глаза, чтобы и самому заснуть.

Когда онъ, на зарѣ, проснулся, дѣвушки уже не было около него. Только цвѣты, съ вечера украшавшіе ея прелестную головку, всѣ лежали на свободной половинѣ подушки.

VI. Отпѣваніе живого мертвеца.

Прошелъ годъ.

Въ Кіевѣ, въ главной церкви Кирилловскаго монастыря, идетъ божественная литургія. Служеніе отправляетъ самъ настоятель, игуменъ Мелетій, въ мірѣ по фамиліи Дзикъ. Служба очень торжественная, потому что въ этотъ день престольный праздникъ монастыря. Всѣ свѣчи въ паникадилахъ зажжены, и безчисленные ихъ огоньки ярко отражаются на блестящемъ золотѣ и серебрѣ дорогихъ окладовъ мѣстныхъ иконъ.

Нѣсколько казацкихъ полковниковъ правобережной Украины и самъ тогобочный гетманъ Дорошенко почтили службу своимъ присутствіемъ.

Дорошенко, задумавъ утопить соперника своего гетмана лѣвобережной Украины, Брюховецкаго, и сдѣлаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, этою весною, 1668 г., очень усердно посѣщаетъ православное служеніе, желая показать народу, что хотя онъ, правобережный гетманъ, и ставленникъ католическаго короля и католической Рѣчи Посполитой, однако, все-таки, остается вѣрнымъ сыномъ православной церкви.

Стоя вмѣстѣ съ полковниками на почетномъ мѣстѣ, нѣ-

сколько возвышенномъ и огороженномъ деревянною, позолоченою рѣшоткою, гетманъ задумчиво гладилъ свой длинный, сильно посеребренный сѣдиною усъ, и мысли его, казалось, далеко были отъ того, что передъ нимъ совершалось.

А совершалось нѣчто, выходившее изъ ряда обыкновеннаго церковнаго служенія.

Монастырскіе колокола звонили какимъ-то страннымъ, не веселымъ звономъ. Такъ звонятъ только по покойникѣ. Но кого же хоронятъ? Гдѣ этотъ невидимый покойникъ?

— Бабусю, а, бабусю!—шепчетъ молоденькая дѣвушка, стоящая у лѣваго клироса, рядомъ съ сѣдою старушкою.—Кажется, кого-то отпѣвать будутъ.

— Не знаю, дитятко, должно быть, отпѣвать,—тихо отвѣчаетъ старушка, и обѣ начинаютъ усердно креститься.

Но какъ онѣ, повидимому, ни усердно молятся, дѣвушка, однако, кладетъ на себя кресты разсѣянно, часто, какъ бы, украдкой, оглядывается, посматриваетъ по сторонамъ и, видимо, кого-то ищетъ или ожидаетъ. Красивая головка ея, перевязанная голубою лентою украшена живыми цвѣтами, а въ черную густую косу вплетены яркія разноцвѣтныя «стежки». Она, видимо, рада празднику, рада, что видитъ такую массу народа и нарядныхъ «пановъ», и ее все удивляетъ. Ничего подобнаго она прежде не видѣла ни у себя въ Боршнѣ, ни въ церквахъ Густынскаго монастыря, ни даже въ своемъ городѣ, въ Прилукахъ.

А колокола все звонятъ, да какъ-то страшно, въ перебой, съ какимъ-то разладомъ въ голосѣ, точно съ плачемъ. Да развѣ и можетъ быть иной звонъ на похоронахъ! Это печальный, горькій звонъ.

Но кто же покойникъ? Гдѣ онъ? Многіе, вмѣстѣ съ дѣвушкой въ лентахъ, тоже начинаютъ оглядываться, тѣмъ болѣе, что въ погребальный или въ «покойницкій» перезвонъ разомъ, волной, ворвались человѣческіе голоса—пѣніе, да такое глубоко-поэтическое и горькое, что, казалось, всѣ вздрогнули и стали прислушиваться. Даже задумчивый Дорошенко пересталъ гладить свой посивѣвшій отъ думъ и коварства длинный усъ и сталъ вслушиваться въ загадочное пѣніе, которое неслось откуда-то извнѣ въ раскрытыя настежь церковныя двери и окна.

Скоро можно было разслышать слова гимна. Превосходный

хоръ пѣвчихъ Кирилловскаго монастыря не пѣлъ, а буквально рыдалъ и голосомъ, и словами.

Дорошенко понялъ, какимъ святымъ гимномъ оглашается воздухъ: «житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!»

«Тихое пристанище... да, тихое — невольно думалось гетману, — и я когда-то притеку къ сему тихому пристанищу, и надо мной будутъ тоже пѣть... А гдѣ найду это пристанище, въ полѣ-ли, подъ вражьими ударами, въ московскомъ-ли плѣненіи?»..

Онъ дрогнулъ и оглянулся, оглянулись всѣ. Сзади стоявшіе какъ-то колыхнулись: должно быть, вносятъ покойника.

А пѣвчіе, идя за покойникомъ, казалось, исходили слезами: «житейское мооре!»...

Толпы молящихся еще раздвинулись. Вотъ покойникъ!

У Дорошенка какъ-то изумленно дрогнули вѣки его красивыхъ сѣрыхъ глазъ. Дѣвушка въ лентахъ поднялась на цыпочки, и даже роозвыя губы ея дрогнули.

Вотъ покойникъ! Но что-же это? Нѣтъ ни гроба, ни крышки, и покойника не несутъ, а ведутъ подъ руки! Какъ! Мертвеца ведутъ? Или это живого отпѣваютъ? Зачѣмъ же это?

— Мати Божа, якъ страшно!—невольно, въ ужасѣ, прошептала дѣвушка въ лентахъ.

А хоръ пѣвчихъ, уже въ церкви, прорыдалъ послѣднимъ рыданіемъ: «возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!»

Отпѣваемаго ведутъ подъ руки, и онъ весь покрытъ не бѣлымъ, а чернымъ саваномъ съ бѣлыми крестами и бѣлымъ костякомъ—memento mori... Всѣ со страхомъ разступаются.

За отпѣваемымъ, во главѣ хора, идетъ кто-то знакомый. Дѣвушка въ лентахъ узнаетъ его, хоть онъ теперь и не похожъ и себя, весь заплаканный, даже глаза распухли отъ слезъ. Это тотъ веселый Грицъ, тотъ кіевскій бурсакъ, который въ Борщнѣ, на улицѣ, танцовалъ съ хорошенькою Катрею и пѣлъ въ хорѣ парубковъ:

Ой, не шуми, луже, дибровою луже!

Зачѣмъ онъ тутъ? Объ чемъ онъ такъ плачетъ, надрывается?

Отпѣваемаго подводятъ къ амвону, и вдругъ съ головы его

падаетъ саванъ, а подъ нимъ другой, бѣлый саванъ, настоящій, и изъ савана выглянуло молодое, прекрасное лицо юноши, хотя въ лицѣ этомъ ни кровинки!

По церкви волной пронесся глухой стонъ изумленія и испуга.

— Бабусю!—раздался вдругъ чей-то крикъ.

Всѣ оглянулись. Глянулъ даже Дорошенко. Глянулъ и тотъ, юноша въ саванѣ.

Дѣвушка въ лентахъ, это она крикнула съ испуга, стояла вся пунцовая съ полными слезъ глазами.

Она узнала этого юношу въ саванѣ, онъ узналъ ее, и блѣдное безъ кровинки лицо его перекрылось волнами прилившей къ щекамъ и ко всему лицу крови.

Дѣвушка вспомнила ночь въ «клунѣ», вспомнила, какъ онъ ласково гладилъ ея голову, какъ она уснула у него на плечѣ, и слезы градомъ полились изъ ея хорошенькихъ, за минуту веселыхъ глазъ.

Увидѣвъ ее плачущую и узнавъ въ ней борщенскую хорошенькую Присю, а рядомъ съ нею ту бабусю, которую онъ въ прошломъ году нечаянно вылечилъ, веселый товарищъ юноши въ саванѣ, теперь распухшій отъ слезъ, вновь залился горькими слезами

VII. Юноша въ саванѣ.

— Откуда притекъ еси въ обитель сію?—вдругъ раздался голосъ среди гробового молчанія.

Дорошенко дрогнулъ онъ неожиданности и глянулъ туда, откуда раздался голосъ. Предъ юношей въ саванѣ стоялъ высокій сѣдобородый инокъ въ клобукѣ и въ черныхъ ризахъ, какъ на похоронахъ. Дорошенко узналъ его, это игуменъ Мелетій.

— Откуда притекъ еси?

— Изъ міра,—тихо, но внятно отвѣчалъ юноша въ саванѣ

— Почто притекъ еси?—продолжалъ игуменъ дрогнувшими отъ жалости губами.

— Хощу пріять ангельскій чинъ,—прошептали губы изъ-за савана, закрывавшаго курчавую голову юноши и часть лица.

— Ооо-хъ! — пронесся по церкви какъ-бы стонъ умирающаго.

Кто такъ страшно стонетъ? Это въ сторонѣ, у лѣваго кли-

роса, стоитъ женщина, уже не молодая, а ее поддерживаетъ благообразный старикъ, съ сѣдыми усами и сѣдымъ казацкимъ чубомъ. По лицу его и по усамъ катятся слезы.

— Кто это, пане Василю?—тихо спросилъ Дорошенко стоявшаго около него полковника.

— Это отецъ и мать постригаемаго, пане гетмане.—почтительно отвѣчалъ полковникъ.

— А что они за люди? Какого стану?

— Стану шляхетнаго, пане гетмане: онъ—казацкій сотникъ Макаровской сотни, Савва Тупутупу, а здѣсь онъ ктиторомъ.

— Бѣдная!—слышатся соболѣзнованія женщинъ, — Боже! Какъ убивается!

— Еще бы! Такой молоденькій: ему всего семнадцать лѣтъ.

— Не нужды-ли ради мірскія притекъ еси къ намъ?—продолжаются допытыванья у амвона.

— Ни, отче.

— Не страха-ли ради?

— Ни, отче.

— Не корысти-ли ради?

— Ни, отче.

— Не принужденіемъ-ли?

— Ни, отче.

— Не отчаянія-ли ради?

— Ни-ни, отче!

Вся церковь рыдаетъ, но это рыданіе тихое, плачъ безнадежности.

Но теперь начинается жестокій, безжалостный допросъ, какого и въ судѣ не бываетъ.

— Отрицаешься-ли отца и матери?

— Ей, отче, Господу споспѣшествующу.

— О-о, Владычица! — раздался хриплый удушающій крикъ.—Отца-матери отрикаеться!

Старикъ Савва, съ искаженнымъ жалостью лицомъ, съ трясущеюся нижнею челюстью, дрожащими руками насильно закрываетъ ротъ задыхающейся отъ горя матери.

— Отрицаешися-ли всѣхъ сродниковъ твоихъ?

— Ей, отче, Господу споспѣшествующу.

— Отрицаешься-ли друзей и всѣхъ знаемыхъ твоихъ?

— Ей, отче, отрицаюсь.

— Данило!—глухо прошепталъ плачущій Грицъ:—А наше побратимство?

Игуменъ строго глянулъ на него изъ-подъ нависшихъ сѣрыхъ бровей. По лицу Дорошенки скользнула не уловимая улыбка и спряталась въ серьезныхъ глазахъ.

Съ амвона сходитъ монахъ съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ, прикрытомъ «воздухами», лежатъ большія ножницы. Монахъ подходитъ къ игумену и низко-низко кланяется. Отецъ Мелетій протягиваетъ руку и беретъ ножницы.

Что-то рѣзко звякнуло о каменный помостъ церкви. Многіе вздрогнули, крестятся. Что это? Это ножницы упали на полъ.

— Подаждь ми ножницы сіи!—строго возглашаетъ отецъ игуменъ.

Юноша въ саванѣ нагибается, поднимаетъ съ полу ножницы и съ глубокимъ поклономъ подаетъ ихъ отцу игумену.

Ножницы опять звякаютъ объ полъ. Опять тотъ-же возгласъ:

— Подаждь ми ножницы сіи!

Юноша въ саванѣ опять нагибается и съ поклономъ подаетъ ножницы.

И этого мало. Ножницы опять брошены на полъ.

— Подаждь ми ножницы сіи!

Какъ подкошенный цвѣтокъ, падаетъ на полъ дѣвушка въ лентахъ. Юноша въ саванѣ зашатался и, поднимая въ третій разъ ножницы, уронилъ ихъ. Но онъ тотчасъ-же поднялъ ихъ и еще съ болѣе глубокимъ поклономъ подалъ игумену.

Общее движеніе. Это выносятъ изъ церкви упавшую безъ чувствъ мать постригаемаго и дѣвушку въ лентахъ.

— Ну, баня пакибытія! — процѣдилъ сквозь усы Дорошенко.—Что твои турецкія ядра!

— Смиренію учитъ, пане гетмане,—пояснилъ полковникъ.

— Истинно ангельскій чинъ! Не легко онъ достается.

Слышно, какъ скрипятъ ножницы, отрѣзая прядь волосъ на головѣ юноши въ саванѣ. Постригли!

VIII. Плѣнникъ Мазепа.

Прошло семь лѣтъ. Наступилъ 1675-й годъ.

Мы опять въ Густынскомъ монастырѣ. Раннимъ весеннимъ утромъ къ монастырскимъ воротамъ подъѣхала небольшая группа всадниковъ. По одеждѣ сразу было замѣтно, что группа всадниковъ составляла небольшой запорожскій отрядъ.

У самыхъ воротъ всадники осадили лошадей. На встрѣчу имъ вышелъ молодой служка-привратникъ и съ любопытствомъ осматривалъ запорожскихъ молодцовъ въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ съ красными, синими и зелеными верхами, въ широчайшихъ зеленыхъ и синихъ шароварахъ, убранныхъ въ красные и желтые козловые сапоги съ высокими подборами и при полномъ походномъ вооруженіи.

— Пугу! Пугу! Пугу!—прокричалъ «пугачемъ»-филиномъ одинъ изъ запорожцевъ.

— Пугу! Пугу! — радостно отвѣтилъ молодой привратникъ.—Кого Богъ посылаетъ?

— Козаки съ Лугу!—былъ отвѣтъ.—Отворяй пошире ворота! Отъ самого пана кошевого, отъ Сирка посланцы.

Привратникъ растворилъ обѣ половинки воротъ. Отрядъ въѣхалъ въ монастырскую ограду.

Начальникъ отряда, молодой человѣкъ, бѣлокурый, съ огромными усами, соскочивъ съ лошади, крикнулъ привратнику:

— Эй, хлопче, выводи хорошенько коня.

— Заразъ, пане отамане!—отвѣчалъ привратникъ.

— А какъ пройти въ келію отца Димитрія проповѣдника?—спросилъ тотъ, кого назвали атаманомъ.

— Первая дверь направо, пане отамане! Вонъ та.—Онъ указалъ рукою.

— Пойдемте, Иванъ Степановичъ,—позвалъ тотъ, котораго называли атаманомъ.

Иванъ Степановичъ, уже не молодой мужчина, но необыкновенно живой, съ сѣрыми выразительными глазами, въ богатомъ одѣяніи, но безъ оружія. Ласковые глаза его, казалось, проникали насквозь того, съ кѣмъ онъ говорилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то подкупали къ нему довѣріе.

Они вошли въ показанную дверь и постучались.

*

— Съ Божіимъ благословеніемъ вниди,—послышалось изъ келіи.

Они вошли въ свѣтлую, просторную келью. У широкаго и высокаго аналоя, заваленнаго книгами, стоялъ невысокій, но стройный монахъ и что-то писалъ. При входѣ гостей онъ положилъ перо и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на вошедшихъ.

— Не узнаешь?—съ улыбкой спросилъ тотъ, кого звали атаманомъ.—Эхъ, Данило, Данило!.. Эхъ, ты, Данько.

Краска мгновенно залила блѣдное, молодое и красивое лицо монаха.

— Грицъ! Гриша... Григорій Семеновичъ!—несвязно, но радостно бормоталъ онъ.—Ты ли это, друже?

— Я, братъ Данько!—весело отвѣчалъ пришедшій.

— Я давно уже не Даніилъ, но Дмитрій,—слабо протестовалъ монахъ.

— Для меня ты всегда Данилка, хоть ты будь митрополитомъ!—не уступалъ пришедшій.—Ну, братуха, поцѣлуемся!

Монахъ нерѣшительно отступилъ назадъ, бормоча: «Мнѣ нельзя, брате».

— Да я-жь не баба и не дѣвка! Что ты, братъ?—смѣялся пришедшій.—Вѣдь, я не Прися, помнишь въ Борщнѣ? Да ты и ее ни разу не поцѣловалъ, эхъ, нюня!

Они, все-таки, поцѣловались.

Читатель, конечно, узналъ въ молодомъ веселомъ запорожцѣ бывшаго веселаго кіевскаго бурсака. Не смотря на свою молодость, Грицько Шарпай былъ уже на Запорожьѣ замѣтнымъ лицомъ, и «товариство» одного изъ запорожскихъ куреней давно избрало его своимъ куреннымъ «отаманомъ» и очень было довольно его распорядительностью и беззавѣтною храбростью. Его любилъ и самъ кошевой Сирко.

— А это—Иванъ Степановичъ Мазепа, бывшій генеральный писарь у тогобочнаго гетмана Дорошенько, а теперь мой полоняникъ,—представилъ своему другу Шарпай прибывшаго съ нимъ незнакомца.

Отецъ Димитрій выразилъ удовольствіе, что принимаетъ у себя дорогого гостя и что радъ съ нимъ познакомиться, а Мазепа отвѣтилъ что онъ уже имѣлъ честь видѣть отца Димитрія.

— Извините, я что-то не помню,—недоумѣвающе сказалъ этотъ послѣдній.

— Да, вы не можете помнить, святой отецъ,—любезно замѣтилъ Мазепа,—вы, я думаю, тогда никого и ничего не видѣли: въ первый разъ я увидѣлъ васъ въ Кіевѣ, когда васъ постригали. Этому уже семь лѣтъ, если я не ошибаюсь. А потомъ такъ много слышалъ о вашей замѣчательной элоквенціи. Васъ почитаютъ за самаго краснорѣчиваго оратора и духовнаго витію во всей Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Отецъ Димитрій скромно потупился и просилъ гостей садиться.

— Я находился тогда въ свитѣ пана гетмана, когда вы принимали ангельскій чинъ,—пояснилъ Мазепа.

— А! Это тогда, — засмѣялся Шарпай, — когда онъ отрекался отъ меня, какъ отъ сатаны, а я, какъ дуракъ, ревѣлъ.

Отецъ Димитрій скромно улыбнулся, а Мазепа не безъ лукавства добавилъ:

— Еще тогда одна прекрасная дѣвица, пораженная суровостью обряда постриженія, упала въ обморокъ.

— Это хорошенькая Прися-то? Какъ-же помню,—перебилъ его Шарпай.—только не суровость эта ее поразила, а нѣчто другое.—И онъ коварно посмотрѣлъ на своего друга.

— Что-же, именно, ежели спросить позволительно? — со скрытымъ ехидствомъ спросилъ Мазепа.

— Бѣсъ Фармагѣй, а по нашему, по бурсацки, Венусовъ Амуръ,—засмѣялся Шарпай.

Желая перемѣнить разговоръ, отецъ Димитрій спросилъ Мазепу,—А почему-же мой другъ именуетъ вашу милость своимъ полоняникомъ?

— Да я и воистину нахожусь въ плѣну у пана отамана и у славнаго войска запорожскаго низового,—отвѣчалъ Мазепа.—Сего року, раннею весной, я былъ отправленъ посланцемъ отъ своего гетмана Дорошенко съ письмами къ великому визирю, а также къ хану крымскому и его мурзамъ. Дорошенко посылалъ со мною также, въ подарокъ великому визирю, хану и мурзамъ, пятнадцать полонянокъ.

— Это нашихъ-то дивчатъ!—перебилъ его Шарпай.—Ну, не стану мѣшать,—спохватился онъ.

— Со мною было около десятка татаръ для охраны,—продолжалъ Мазепа.—Но едва мы прибыли къ Ингулу, какъ вдругъ

наткнулись на отрядъ запорожцевъ съ кошовымъ, паномъ Иваномъ Сиркомъ, и куреннымъ, паномъ Григоріемъ...

— Это со мною-то,—пояснилъ Шарпай.

— Тутъ они меня и поймали, — пояснилъ Мазепа.

— А онъ-было на утекъ, — продолжалъ Шарпай: — я за нимъ, кричу: «Стой! Стрѣлять буду!» Панъ писарь, яко человѣкъ благоразумный, остановился, и я съ честью обыскалъ его и отобралъ письма. А тамъ, смотрю, мое товариство уже расправилось съ татарами: всѣхъ до-ноги порубили! Я къ полонянкамъ, совсѣмъ дѣтвора! Дѣвочки: а межъ ними ужъ и не дѣвочка одна. Знаешь, братъ Данило, кто?—спросилъ онъ лукаво отца Димитрія.

— Не знаю, друже,—былъ отвѣтъ.

— Прися! Та хорошенькая борщенская русалочка, которая такъ убивалась за тобой и которую ты, нюня человѣче, даже не поцѣловалъ, хоть и спалъ съ нею въ клупѣ всю ночь.

Румянецъ смущенія разлился по блѣднымъ щекамъ отца Димитрія.

— Ахъ, друже, тебѣ-бы все смѣшки! — укоризненно сказалъ онъ.

— Ей-же Богу! Слово гонору, не смѣшки!—оправдывался Шарпай.

— Панъ отаманъ, отче святый, не шутитъ,—серьезно сказалъ Мазепа,—борщенская дѣвица Евфросинія, подлинно, была въ числѣ пятнадцати полонянокъ, которыхъ Дорошенко посылалъ въ подарокъ въ Крымъ. Ее нынѣшней-же весной взяли около Борисполя татары, когда она съ другими «прочанами» шла въ Кіевъ, «на прощу», на богомолье, а Дорошенко купилъ ее у нихъ. Въ Запорожьѣ она нашла своего отца, и онъ вмѣстѣ съ нами привезъ ее сюда въ Борщну.

— А теперь-же, ваша милость, куда путь держите?—спросилъ его отецъ Димитрій.

— Теперь панъ Григорій везетъ меня къ его ясновельможности, къ пану гетману Самойловичу, — отвѣчалъ интересный плѣнникъ.

— Такъ вы очень кстати прибыли сюда,—сказалъ на это отецъ Димитрій,—мы съ часу на часъ ожидаемъ къ себѣ высокихъ гостей.

— Кого-же?—разомъ, не безъ изумленія и тревоги, спросили и Шарпай, и Мазепа.

— Нашу скромную обитель желаютъ посѣтить и его ясновельможность панъ гетманъ Іоаннъ Самуйловичъ и его высокопреосвященство, высокопреосвященный Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородскій, и монастырь уже приготовился къ принятію таковой высокой четы,—съ оффиціальнымъ смиреніемъ проговорилъ отецъ Димитрій.

Шарпай, видимо, обрадовался этому извѣстію, а Мазепа какъ-будто смутился нѣсколько, но затѣмъ скоро оправился.

— Optime!—сказалъ первый,—мнѣ дальше, scilicet не волочиться!

Какъ разъ въ это время вошелъ служка и съ низкимъ поклономъ доложилъ, что «пригналъ» вѣстовой, и что высокіе гости сейчасъ будутъ.

Надо было итти встрѣчать свѣтскаго главу Украины и ея богомольца, велерѣчиваго ритора и адаманта православія, Лазаря Барановича, автора знаменитой «Трубы».

IX. Онъ узналъ ее.

Гетманскій поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ каретъ. Карета Самойловича была украшена богатымъ кіевскимъ гербомъ и гербомъ войска запорожскаго низового. Карета была массивная, вызолоченная, изящной вѣнской работы, и подъ нее запряжено было восемь лошадей цугомъ: отъ козелъ шла пара бѣлыхъ, какъ снѣгъ, аргамаковъ, потомъ пара вороныхъ, черныхъ, какъ вороново крыло, затѣмъ опять пара бѣлыхъ и, наконецъ, подъ форейторомъ пара вороныхъ выѣздныхъ.

Гетманъ сидѣлъ въ своей каретѣ вмѣстѣ съ Лазаремъ Барановичемъ.

По бокамъ кареты ѣхали гайдуки въ богатомъ одѣяніи.

Въ другихъ каретахъ и колясках помѣщалась свита гетмана: генеральный судья, генеральный писарь, полковники и прочая старшина.

У Лазаря Барановича своя свита—приближенное духовенство и пѣвчіе.

Кухня гетмана и походная дорогая посуда слѣдовали позади обоза подъ охраною отряда казаковъ.

Торжественный звонъ всѣхъ монастырскихъ колоколовъ встрѣтилъ приближеніе къ обители высокихъ гостей. Навстрѣчу имъ иноки и настоятель вышли въ полномъ облаченіи и низкими поклонами провожали вступленіе ихъ въ главную церковь.

Гетманъ, видимо, былъ доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ и, въ особенности, подѣйствовалъ на расположеніе его духа маленькій сюрпризъ, приготовленный ему монастыремъ. Выходя, послѣ молебствія, изъ церкви, онъ поднялъ глаза и на лѣвой стѣнѣ къ выходу увидѣлъ свой портретъ во весь ростъ. Это ему польстило. Онъ остановился и сказалъ сопровождавшей его свитѣ:

— О, какимъ лыцаремъ меня намалевали!

— Однако, ваша ясновельможность, маляръ не скривдилъ,—замѣтилъ Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій.

— Нѣтъ, нѣтъ,—подтвердилъ и Дмитрашко-Райча, полковникъ переяславскій;—какъ у око влѣпилъ: чуть-чуть не заговоритъ панъ гетманъ.

— А еслибъ заговорилъ,—улыбнулся Самойловичъ,—то непремѣнно сказалъ-бы: «брешешь, брешешь, пане полковнику, бо я тутъ молодымъ намалеванъ, а я вже—старый собака».

Приближенные засмѣялись и всѣ вышли изъ церкви въ отличномъ расположеніи духа *).

Послѣ небольшого отдыха, гетманъ принималъ запорожскаго посланца, куренного Григорія Шарпая и его плѣнника Ивапа Мазепу.

— Попался-таки, Иванъ Степановичъ,—улыбнулся гетманъ.

— Пану Мазенѣ это не первинка,—лукаво замѣтилъ Дмитрашко.

— Правда!—засмѣялся Самойловичъ.—И все съ бабами да съ дивчатами.

Шутка гетмана всѣмъ понравилась, особенно, когда онъ пояснилъ: разъ панъ Мазепа попался съ панею Фальбовскою, а теперь съ дивчатами-полонянками. И это Ивану Степановичу на руку, на его колеса вода льется.

Окружающіе выразили недоумѣніе.

— А какъ-же, панове,—продолжалъ гетманъ свою шутку,—

---

*) Портретъ этотъ до сихъ поръ сохранился на стѣнѣ главной церкви Густынскаго монастыря. Мы видѣли его вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, 1883 г., при посѣщеніи Густыня. *Авт.*

еслибъ онъ не попался тогда съ панею Фальбовскою, то, можетъ, и доселѣ оставался-бы пахолкомъ при дворѣ польскихъ королей. А вонъ, теперь его милость, панъ Мазепа—генеральный писарь тогобочнаго гетмана, пана Дорошенко. А ежели онъ теперь вновь попался съ этою, какъ ее?..

— Прися изъ Боршны, ваша ясновельможность, — поклонился Григорій Шарпай и сверкнулъ своими плутовскими глазами.

Самойловичъ это замѣтилъ и продолжалъ свою шутку:

— Да, Прися изъ Боршны... Такъ, вотъ, попавшись съ Присею изъ Боршны, отчего его милости, пану Мазепѣ, не надѣяться впослѣдствіи вмѣсто этой самой Приси схватить гетманскую булаву.

Эта самодовольная шутка гетмана-поповича очень понравилась его свитѣ, и окружавшіе Самойловича разсмѣялись. Но кто-бы изъ нихъ, да и самъ Самойловичъ могъ подумать въ эту минуту, что гетманская шутка окажется пророческою, и что этотъ самый плѣнникъ Мазепа въ скоромъ времени выхватитъ гетманскую булаву изъ рукъ Самойловича и его самого утопитъ. да не въ Удаѣ и не въ Днѣпрѣ, а въ Енисеѣ?..

Перейдя, затѣмъ, къ дѣлу, Самойловичъ просилъ Мазепу ближе познакомить его съ положеніемъ дѣлъ въ тогобочной Украинѣ, сообщить о дѣйствіяхъ и замыслахъ Дорошенка, о томъ, подоспѣлъ-ли султанъ съ своимъ войскомъ на выручку Дорошенка, осажденнаго русскими войсками въ Чигиринѣ, и скоро-ли могутъ татары притти къ нему на помощь.

Мазепа нѣсколько подумалъ. Онъ былъ человѣкъ очень сообразительный и по ходу послѣднихъ дѣлъ видѣлъ, что дѣло Дорошенка будетъ проиграно. Онъ понялъ, что теперь выгоднѣе продать Дорошенка и купить Самойловича. Онъ такъ и сдѣлалъ, Дорошенка продалъ, а Самойловича купилъ: онъ все искренно разсказалъ гетману.

— Спасибо, Иванъ Степановичъ, — сказалъ этотъ послѣдній,—за это я тебя выручу. Бумаги и письма, которыя ты везъ къ великому визирю и къ хану съ плѣнными дивчатами, ты повезешь теперь въ Москву, въ малороссійскій приказъ, да только безъ дивчатъ и безъ Приси (какъ-бы въ скобкахъ прибавилъ гетманъ съ улыбкой), и вручишь боярину Матвѣеву съ моею отпискою. Матвѣеву ты разскажи все чистосердечно, какъ говорилъ

теперь мнѣ при панахъ полковникахъ. При нихъ я даю тебѣ слово: ты останешься въ цѣлости, и всѣ маетности твои останутся за тобою. Я пошлю съ тобою надежнаго и знающаго человѣка: онъ тебя и въ Москву проводитъ, и назадъ привезетъ. Только ты, пане Мазепо, откровенно все разскажи въ малороссійскомъ приказѣ, что намъ здѣсь говорилъ и о Дорошенковыхъ замыслахъ, и о ханѣ, и про Сирку, и иное все: никакого дѣла, хотя и малаго, не утаи.

Гетманъ всталъ, давая тѣмъ понять, что аудіенція кончилась. Мазепа низко поклонился.

— Помни, ваша милость,—съ улыбкой добавилъ Самойловичъ,—ничего не утаи! Даже про Присю изъ Боршны не забудь сказать.

Мазепа вторично поклонился.

— А панъ Григорій теперь до коша?—обратился гетманъ къ Шарпаю.

— До своего куриня, ваша ясновельможность,—отвѣчалъ этотъ послѣдній.—Токмо отдохну здѣсь денекъ-другой у своего стараго товарища.

— У кого?—спросилъ Самойловичъ.

— У отца Димитрія.

— А! Кстати: завтра его преосвященство намѣренъ посвятить отца Димитрія въ санъ іеромонаха. Отецъ Димитрій святой жизни инокъ и огромной учености, онъ далеко пойдетъ,—сказалъ гетманъ въ заключеніе.

На другой день, въ престольный праздникъ, преосвященнымъ Лазаремъ Барановичемъ отецъ Димитрій былъ съ самою торжественною обстановкою посвященъ въ іеромонахи. Соборная церковь монастыря была полна народа, который пришелъ на праздникъ изъ окрестныхъ мѣстностей, изъ Прилукъ, изъ Манджосовки, Боршны, Дѣдовецъ.

Послѣ посвященія молодой іеромонахъ говорилъ проповѣдь. Это было блестящее ораторское слово, которое когда-либо выливалось у него изъ души. Онъ говорилъ на текстъ: «чти отца твоего и матерь». Въ лицѣ «заплаканной матери» онъ изобразилъ Украину, раздираемую ея сынами въ смертельной враждѣ между «тогобочною» и сегобочною» ея половинами. Онъ говорилъ о томъ, какъ плодородныя нивы ея обагряются братскою, а для нея—«матери»—сыновнею кровью; какъ эти ея-же сыны уво-

дятъ въ полонъ и продаютъ въ неволю своихъ-же сестеръ-дѣвушекъ...

Молодой ораторъ былъ прекрасенъ въ своемъ воодушевленіи. Блѣдное, худое лицо его дышало кротостью, но въ словахъ его было столько силы, въ голосѣ столько убѣдительности и энергіи, что другъ его, Григорій Шарпай, восторженно слушавшій его, его, котораго онъ называлъ «нюней», теперь невольно твердилъ въ душѣ: «Ахъ, какая сила погребена въ этомъ черномъ саванѣ! Что это былъ-бы за кошевой, если-бы только онъ постригся не въ монахи, а въ запорожцы! Ахъ, Данько, Данько! За что ты погубилъ себя, за что измѣнилъ казачеству?»

Глубокое впечатлѣніе произвели на слушателей слова, когда молодой іеромонахъ, говоря образами и иносказаніями, сравнилъ нашестія на Украину ордъ со стаями «хищныхъ вороновъ»; но,—прибавилъ онъ,—«се грядетъ година, и не вѣсте ни дня, ни часа, въ онь-же, шумя могучими крилами, прилетитъ орелъ со полунощи и распудитъ стаи хижихъ врановъ»...

Женщины плакали, когда онъ заговорилъ о крымской и турецкой неволѣ, «бѣдныхъ невольникахъ», о ихъ страданіяхъ, о горести матерей, дѣти которыхъ томятся въ неволѣ, а дочери, еще горестнѣе, ради «роскоши турецкой, ради лакомства несчастнаго» совсѣмъ забываютъ матерь-Украину

Услыхавъ всхлипыванья женщинъ, онъ невольно глянулъ по направленію къ «бабинцу». Глаза его встрѣтились съ другими глазами. То были глаза дѣвушки, прекрасные глаза, полные восторженнаго умиленія и слезъ, хорошихъ, благородныхъ слезъ.

Онъ узналъ ее, какъ и она его давно узнала, и плакала, вспоминая тотъ блаженный вечеръ и ту блаженную «ночь въ клунѣ», когда она, обхвативъ рукою его шею, слушала его тихую рѣчь объ отреченіи отъ міра, о вѣчной божественной любви, слушала, почти не понимая его, и уснула у него на плечѣ сномъ невиннаго младенца.

«Такъ вотъ онъ кто! Онъ—святой. На него и панъ-гетманъ смотритъ какъ на святого»...

X. «Гдѣ овцы—тамъ и пастырь».

Прошло тридцать пять лѣтъ. Наступилъ и уже приходилъ къ концу памятный для Россіи и, въ особенности, для Украины

1709-й годъ. Мазепа, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ плѣнникомъ въ Густынскомъ монастырѣ, оставивъ по себѣ кровавую и проклинаемую во всѣхъ церквахъ память, медленно умиралъ въ турецкихъ предѣлахъ.

Перенесемся далеко отъ Украины на сѣверъ, въ городъ Ростовъ.

Мы въ кельѣ у святителя Димитрія, митрополита ростовскаго. Просторная, хотя скромная келья святителя завалена массами книгъ, старинныхъ рукописей и разными архивными дѣлами. Передъ богатой кіотой, со множествомъ образовъ въ драгоцѣнныхъ окладахъ изъ золота и серебра, горитъ неугасимая лампада. Надъ письменнымъ столомъ-аналоемъ виситъ писанная масляными красками картина. На ней изображены пожилые мужчина и женщина. Мужчина въ казацкомъ одѣяніи, въ купташѣ малороссійскаго сотника; женщина въ костюмѣ пожилой украинки. Имъ кланяется въ ноги прекрасный юноша въ длиннополомъ одѣяніи кіевскаго бурсака половины XVII-го вѣка. Пожилого мужчину этого мы видѣли, сорокъ одинъ годъ назадъ, въ Кіевѣ, въ соборѣ Кирилловскаго монастыря: онъ поддерживалъ тамъ вотъ эту пожилую, тогда рыдавшую женщину, и самъ горько плакалъ. Юношу же этого, тогда же, въ 1668-мъ году, мы видѣли въ той же церкви въ саванѣ, передъ игуменомъ, который спрашивалъ этого прекраснаго юношу въ саванѣ: «Отрицаешися ли, чадо, отца и матери?».

Вонъ теперь, гдѣ этотъ бывшій юноша въ саванѣ: онъ, въ видѣ болѣзненнаго, изможденнаго старца, сидитъ въ глубокомъ креслѣ и что-то шепчетъ безкровными устами. Это и есть святитель Димитрій.

Вотъ, что сдѣлали время и неусыпные труды изъ прекраснаго юноши! Это только тѣнь человѣка: впалые глаза, впалая грудь, трясущіяся руки, все говоритъ о близкомъ разрушеніи этого духовнаго свѣтила Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи.

Онъ подымаетъ свои потухшіе глаза, и они съ умиленіемъ и грустью останавливаются на дорогой ему картинѣ: тамъ портреты его отца, матери и его, нѣкогда полнаго жизни юноши, у котораго впереди безконечная жизнь. А теперь эта жизнь пройдена, и ничего отъ нея не осталось, кромѣ этой груды книгъ, имъ написанныхъ. Это—«Четьи Минеи». Это—его дѣти, его мечты, наполнившія и поглотившія всю его жизнь. Умретъ онъ,

зароютъ его, истлѣетъ онъ въ землѣ, а эти книги, дѣти его, останутся...

— О, мои дѣтки, мои дѣтки! Мои горести и тихія радости!— съ грустью прошепталъ святитель, тихо качая головою.—Скоро разстанусь я съ вами.

Потомъ онъ опять впалъ въ тихую задумчивость. Опять пронеслись передъ нимъ его дѣтство, его молодость, вся его жизнь.

Вотъ онъ, мальчикомъ, стоитъ въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ у всенощной. Служеніе совершаетъ бывшій гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Юрій Хмельницкій, а потомъ Георгій Гедеонъ архимандритъ. И стоитъ въ той же церкви прекрасная отроковица, вся блѣдная и трепещущая. Потомъ ее, бездыханную, уносятъ изъ храма. Она бывшая невѣста этого архимандрита-гетмана.

Но вотъ онъ и юноша. Съ другомъ своимъ, веселымъ Грицькомъ, они идутъ въ Густынь молиться. Какъ прельстила его потомъ эта тихая обитель! Какъ сладко ему молилось въ ней!

А тамъ этотъ вечеръ въ Боршнѣ, эта ночная «улица» съ пѣніемъ незабвенной пѣсни:

Ой, не шуми, луже, дибравою дуже,
Не завдавай сердцу жалю, бо я въ чужимъ краю...

Эта чистая отроковица Прися, ночь въ клунѣ, цвѣты, вокругъ его головы разсыпанные...

А тамъ саванъ, ангельское одѣяніе...

Гдѣ-то теперь другъ его юности, тотъ веселый Грицько Щарпай? Говорятъ, вмѣстѣ съ запорожцами, Мазепою и съ королемъ Карломъ, послѣ полтавскаго боя, ушелъ за турецкій рубежъ.

— О, Мазепо, Мазепо!—прошепталъ святитель, и ему пришли на умъ вирши, присланныя ему другомъ его, митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, блюстителемъ патріаршаго престола:

Изми мя, Боже!—вопіетъ Россія,—
Отъ ядовита и лукава змія,
Его-же ждаша адскія заклепы—
Бывша вожда Ивашка Мазепы!

— Погибе память его съ шумомъ и анаѳематствованіе прія... Всѣ погибли: и гордый Дорошенко въ московскомъ плѣненіи

скончa животъ свой, и оный Самойловичъ, коего пышное изображеніе и по сейчасъ величаво возносится на стѣпахъ храма Густынской святой обители, и лукавый Мазепа со клевретами своими... О, жизнь человѣческая!

Святитель встаетъ и нетвердыми шагами подходитъ къ аналою-столу. На немъ лежитъ раскрытая рукопись: это его почеркъ, его сочиненіе. Глядя на раскрытую страницу, онъ задумывается.

— И сіе писаніе тѣшило духъ мой: во славу Господа писалъ, о рожденіи Спасителя міра, какъ ангелъ возвѣщаетъ пастырямъ о рожденіи Царя царей. А они, невѣгласи, не повѣрили, одинъ и говоритъ ангелу:

Чаю, тебе, государь, къ князямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ. Што ты заблудилъ?
Или не вслухалъ?—вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ!

Читая это, святитель грустно улыбается.

— Да, нищимъ пастухамъ не въ обычай принимать такихъ пословъ, они говорятъ ангелу:

Государь, надобно-же што-нибудь нести ему на поклонъ,
Штобъ не велѣлъ, какъ нашъ князь, выпроводить въ шею вонъ *).

Святитель закашлялся и не могъ дальше читать. Его давно уже мучитъ удушье, потому что для него, рожденнаго и выросшаго подъ благодатнымъ небомъ Украины, слишкомъ суровъ климатъ русскаго сѣвера. На родинѣ, можетъ быть, онъ бы еще потянулъ. Но на родину ему уже не возвратиться, далеко она, тамъ, за милымъ Днѣпромъ...

— Здѣ покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣки,—часто говорилъ онъ съ полною покорностью волѣ Божіей,—гдѣ паства моя, тамо и душа моя, гдѣ овцы, тамо и пастырь.

XI. Онъ все вспомнилъ.

Въ келью вошелъ любимый послушникъ святителя, входившій къ нему безъ зова во всякіе часы дня и ночи. Онъ не разлучался съ нимъ болѣе тридцати лѣтъ, съ самой Густыни.

*) «Лѣтописи русск. литер.», Тихонравова и «Исторія въ жизнеоп.», Костомарова, вып. V, 533—534.

— Ты что, Іона?—спросилъ святитель.

— Да вотъ, владыко святый, ты все недугуешь, кашляешь все больше и больше,—отвѣчалъ Іона, намѣреваясь, повидимому, сообщить что-то особенное.

— Да, кашляю, сынъ мой: на то Божья воля, предѣлъ, его же не прейдеши.

— А кто тебѣ сказалъ, когда твой предѣлъ! — возразилъ Іона.—Житіе наше, сказано, семьдесятъ лѣтъ, аще въ силахъ—восемьдесятъ, болѣе же того—трудъ и болѣзнь. А тебѣ еще и шестидесяти нѣтъ.

— Что дѣлать, сынъ мой?

— Ко Господу съ молитвою прибѣгать.

— И прибѣгаю по силамъ моимъ.

— И къ угодникамъ, особливо же печерскимъ... Владыко святый!—торжественно продолжалъ Іона.—Тебѣ печерскіе угодники благодать прислали,—сказалъ онъ таинственно.

— Какую благодать прислали?—удивился святитель.—И съ кѣмъ?

— Слушай, владыко святый! — еще таинственнѣе продолжалъ старецъ Іона.—Пришла сюда изъ Кіева старица нѣкая, пришла поклониться тебѣ и попросить твоего благословенія. Сегодня, когда ты литургисалъ, оная старица видѣла тебя, видѣла и недугъ твой тяжкій, какъ ты, за литургіею, кашлялъ въ алтарѣ, у престола Божія. Такъ оная старица и проситъ допустить ее къ тебѣ, святителю: она принесла съ собою изъ Кіева, отъ печерскихъ угодниковъ, мощи всеисцѣляющія.

— Кто же далъ ихъ этой старицѣ?—усомнился святитель.

— Этими мощами, владыко, сказываетъ она, благословила ее при смерти бабка этой старицы,—отвѣчалъ Іона.

— А бабка гдѣ взяла ихъ?

— Объ этомъ я, владыко святой, не спрашивалъ. Только она, старица-то, всемогущимъ Богомъ заклинается, что имѣемыя у нея мощи всѣмъ болящимъ подаютъ исцѣленіе. Владыко святый! Дозволь оной старицѣ предстать предъ тобою,—умолялъ Іона.

Святитель задумался: откуда могли быть святыя мощи у простой старицы? Но въ то же время въ головѣ его тѣснились другія мысли: «не отъ сильныхъ міра... да вонъ и ангелъ Божій не сильнымъ міра, не царямъ и владыкамъ земнымъ возвѣстилъ

рожденіе Спасителя міра, а нищимъ пастухамъ... не увѣси бо, человѣче, пути Его неисповѣдимые»...

Кашель опять сталъ душить его.

Іона упалъ на колѣни.—Владыко святый!—молилъ онъ со слезами.—Пожалѣй насъ, сиротъ твоихъ, коли себя не жалѣешь! Поиспытай силу оныхъ мощей: по вѣрѣ все дается.

— Да, воистину,—съ трудомъ проговорилъ святитель,—вся испытующе, добрая держите... в с я, а не токмо добрая...

— Такъ, такъ, владыко святый, все испытать надо,—настаивалъ Іона.

— Хорошо,—согласился, наконецъ, святитель,—позови ее съ Божіимъ благословеніемъ.

Іона съ радостью поторопился исполнить приказаніе владыки.

— Воистину, не отъ мудрыхъ и не отъ сильныхъ міра... изъ устъ младенцевъ... мудрость человѣческая, безуміе предъ Господомъ...

Опять приступы кашля. А за окнами кельи осенній вѣтеръ такъ и гнетъ оголенныя непогодью деревья да воронъ каркаетъ. Непривѣтливо кругомъ, печально все.

Мысль больного, естественно, переносится далеко отсюда—на родину. Тамъ, можетъ быть, и солнышко еще грѣетъ...

Въ раскрытой двери кельи темная фигура заслонила свѣтъ, проходившій въ келью изъ сосѣдняго пріемнаго покоя. То была женщина въ черномъ, старица.

Торопливо сдѣлавъ широкое крестное знаменіе, старица поклонилась до земли. Святитель пошелъ ей навстрѣчу.

— Встань, дочь моя,—ласково сказалъ владыка.

Старица приподнялась на колѣни. Это была старушка лѣтъ подъ шестьдесятъ съ добрыми, но грустными черными глазами, еще не потерявшими блеска. Когда святитель благословилъ ее, она припала къ ногамъ его и съ плачемъ цѣловала ихъ.

— Встань, дочь моя, не подобаетъ,—растроганно сказалъ святитель.

Немножко оправившись, старица встала.

— Ты откудова, дочь моя?—спросилъ святитель

— Изъ Кіева, владыко святый.

— Въ Кіевѣ и постриженье приняла?

— Въ Кіевѣ, владыко святый.

— А давно?

— Лѣтъ около тридцати пяти тому назадъ.

— А имя твое?

— Старица Евлалія.

— А мірское имя?

— Приськoю звали, владыко святый.

— Евфросинія, сирѣчь.

Святитель задумался. Мірское имя старицы напомнило было ему что-то очень давнее какое-то свѣтлое воспоминаніе, но что, онъ не могъ припомнить... Что-нибудь изъ дѣтства, изъ ранней молодости. И образъ его школьнаго друга при этомъ промелькнулъ въ умѣ. Но онъ теперь за рубежемъ, въ турецкой землѣ, съ Мазепою...

Святитель какъ бы опомнился. Онъ глянулъ въ глаза старицы: эти кроткіе, съ молитвеннымъ умиленіемъ глядѣвшіе на него глаза опять-было напомнили ему что-то очень-очень давнее, какой-то вечеръ, какое-то пѣніе, давно, давно знакомую мелодію...

Ой, не шуми, луже...

Это за окномъ кельи осенній вѣтеръ шумитъ... А что-то напомнили глаза: но что?..

— Старецъ Іона докладывалъ мнѣ,—заговорилъ святитель, силясь отогнать отъ себя какія-то неясныя, далекія воспоминанія:—сказывалъ, что ты, дочь моя, имѣешь святыя мощи, частицы святыхъ мощей?

— Имѣю, владыко святый,—отвѣчала старица

— А какого угодника Божія?

— Сего я не знаю, владыко святый.

— А какъ они тебѣ достались?

— Бабка моя, владыко святый, умираючи, благословила меня сими мощами.

— А отъ кого она ихъ получила? Не знаешь, дочь моя?

— Бабка сказывала, что дали ей эти мощи странники изъ Кіева.

— И мощи эти чудотворны? Исцѣляютъ болящихъ?

— Исцѣляютъ, владыко святый, и бабку мою исцѣлили, безъ ногъ была, и всѣхъ исцѣляли, кто носилъ ихъ на себѣ, и меня отъ

падучей болѣзни исцѣлили: я въ церкви бывало замертво падала, а теперь Богъ миловалъ.

Святитель снова задумался... Такъ и толпятся въ душу картины далекаго прошлаго...

— Съ тобою эти мощи?—спросилъ онъ.

— Со мною, владыко святый.—И старица достала изъ-за пазухи чистенькій шелковый платочекъ и вынула тщательно завернутый въ него маленькій кожаный пакетикъ.

Подавъ пакетикъ, она опять поклонилась въ ноги митрополиту.

— Хорошо, дочь моя, я испытаю сіе,—сказалъ святитель.— Встань.

Старица встала. Митрополитъ снова благословилъ ее и отпустилъ.

— Съ миромъ... Поживи у меня, а старецъ Іона позаботится о тебѣ.

Съ каждымъ днемъ, однако, святитель чувствовалъ себя все хуже и хуже. Приступы удушья повторялись все чаще. Погода, какъ на зло, бушевала и день и ночь, что, конечно, не могло не дѣйствовать губительно на истощенный организмъ больного.

Особенно тяжела была для больного ночь на 27-е ноября. Онъ долго стоялъ на молитвѣ колѣнопреклоненный. Прижавъ руки къ больной груди, которая мучительно ныла, святитель ощупалъ что-то подъ подрясникомъ и вспомнилъ, что это былъ тотъ кожаный пакетикъ, который на-дняхъ передала ему старица Евлалія. Онъ всталъ, вскрылъ его ножницами съ одного боку и вынулъ оттуда не большую, свернутую квадратикомъ и пожелтѣвшую отъ времени бумажку. Святитель развернулъ ее. На бумажкѣ знакомымъ ему съ дѣтства почеркомъ было написано:

«И рекоша апостоли Господеви: приложи намъ вѣру. Рече же Господь: аще бысте имѣли вѣру яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодичинѣ сей: восторгнися и всадися въ море: и послушала бы васъ» (Евангеліе отъ Луки, гл. XVII, 6).

Точно свѣтъ осіялъ святителя! Онъ все вспомнилъ, всю свою жизнь! Это написалъ другъ его дѣтства, когда они, еще будучи студентами кіевской духовной коллегіи, въ 1667 году, во время

лѣтнихъ вакацій, первый разъ шли изъ Кіева въ Густынь на богомолье... Эта больная, безногая старушка въ Боршнѣ... Другъ его обѣщаетъ исцѣлить ее этими святыми словами, и пишетъ ихъ, а онъ, святитель, прочитавъ эти святыя слова, говоритъ: «великая, святая истина! Аще речеши горѣ: двигнися»... И больная исцѣлилася, потому что въ ней была вѣра... Все, все вспомнилъ святитель, и тотъ вечеръ, и ту ночь... И эта старица— Евлалія, Евфросинія, Прися...

Онъ упалъ на колѣни. Приступъ удушья опять давилъ его...

— О, маловѣрье!—ударялъ онъ себя въ больную грудь.— Ты усумнился, и Господь не послалъ тебѣ исцѣленія, а они вѣрили, якоже младенцы, и вѣра исцѣляла ихъ... О, маловѣре!

На утро старецъ Іона нашелъ святителя уснувшимъ на вѣки. Онъ скончался на молитвѣ, припавъ святою головою къ холодному полу кельи, наполненной его нетлѣнными сокровищами— книгами.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Державная сваха 1

Любовь спасла 41

Поиграли съ огнемъ 79

Онъ идетъ 143

Сила вѣры 169

BINDING LIST JUN 15 1950

PG 3467 M8 1914 kn.11-14
Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY